

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІV.

1902.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	8
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	4
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв.	11
IV. Комиссія по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній	12
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	22
VI. Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	24
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	31
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	39
IX Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	47
Открытіе училищъ	48
М. Г. Понруженко. Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа	1
Л. В. Исерианицъ. Армянскіе источники о смутномъ времени	36
Я. А. Автамоновъ. Символика растений	46
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ	102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Л. Ногодинъ. Забѣтки о методѣ этнографіи	131
А. Ф. Эрманъ. <i>В. Н. Модестовъ</i> . Введеніе въ римскую исторію. Часть первая. С.-Пб. 1902	159
Э. Р. фонъ-Штернъ. <i>М. Мандсъ</i> . Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Дюдора. Одесса 1901.	198
С. А. Алексѣевъ. <i>Т. Липпс</i> . Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго <i>Н. О. Лоскало</i> . С.-Пб. 1902	218
Ф. Ф. Соколовъ. <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Volumen IV. 1885. Edidit B. Latschew.</i> Petropoli 1901.	225
Н. А. Шликиниъ. Заявка на отвѣтъ г. Перетца	231
— Книжныя новости	235

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>М. Фосмеръ</i> и <i>Л. Шоръ</i> . Физиологія для начинающихъ	1
<i>М. Мензбиръ</i> . Начальный курсъ зоологіи	4
<i>Т. Уромовъ</i> . Первоначальныя понятія о теплотѣ съ прикѣрами изъ области техники	5

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХХІV.

1902.
НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (7-го іюня 1902 года). *О передачу состоящихъ въ виднѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ обществъ попеченія о народномъ образованіи въ виднѣніе министерства народного просвѣщенія.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 7-й день іюня 1902 года, Высочайше соизволилъ на передачу состоящихъ въ виднѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ обществъ попеченія о народномъ образованіи въ виднѣніе министерства народного просвѣщенія.
(Собр. узак. и расп. прав., 20-го сентября 1902 г., № 92, ст. 1034).

2. (20-го іюля 1902 года). *Объ утвержденіи особаго нагруднаго знака въ ознаменованіе успешнаго окончанія градуснаго измѣренія на Шницбергенѣ.*

Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи наукъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ объ утвержденіи особаго нагруднаго знака, по прилагаемому рисунку, въ ознаменованіе успешнаго окончанія градуснаго измѣренія на Шницбергенѣ, какъ предпріятія, составляющаго одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ науку, съ разрѣшеніемъ носить его всѣмъ лицамъ, участіе коихъ въ работахъ комиссіи по названному градусному измѣренію и въ снаряженной ею экспедиціи на о. Шницбергенъ будетъ удостовѣрено журналами засѣданій комиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 20-й день іюля 1902 года, Высочайше одобрилъ рисунокъ особаго нагруднаго знака въ ознаменованіе успѣшнаго окончанія градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ.

Описаніе знака.

Нагрудный знакъ въ ознаменованіе успѣшнаго окончанія градуснаго измѣренія Шпицбергена составляетъ серебряный лавровый вѣнокъ, на верху котораго изображенъ вензель Государя Императора Николая II, а внизу годы, въ которые производилось градусное измѣреніе Шпицбергена (1899—1901). Внутри вѣнка голубою эмалью изображено море, на которомъ бѣлою эмалью произведено очертаніе острововъ Шпицбергена. На бѣлой эмали золотыми точками изображены пункты градуснаго измѣренія. На голубой эмали бѣлая надпись „Град. изм.“.

(Тамъ же, 11-го октября 1902 г., № 98, ст. 1125).

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(10-го сентября 1902 г., № 79). *Назначаются:* заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ревельской гимназіи Императора Николая I, статскій совѣтникъ *Хойнацкій* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Кусовъ*—директорами гимназій: *Хойнацкій*—Аренбургской, съ 1-го августа, а *Кусовъ*—Псковской, съ 15-го іюля; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Острогской гимназіи, статскій совѣтникъ *Автократовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи; инспекторъ Киевской частной четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Вальхеръ*—директоромъ Киевской частной шестиклассной прогимназіи; отставной полковникъ гвардіи *Вонлярскій*—вновь почетнымъ попечителемъ Новгородской гимназіи на три года.

Перемѣщаются: директоръ Аренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Буковицкій*—директоромъ Ревельской гимназіи Императора Николая I, съ 1-го августа; директоръ народныхъ училищъ Пензен-

ской губерніи, статскій совѣтникъ *Георіевскій*—директоромъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, согласно прошенію.

По департаменту народнаго просвѣщенія. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, дѣлопроизводитель VII класса *Тронинъ*—съ 21-го іюля 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, дѣлопроизводитель VII класса *Александровскій*—съ 14-го іюня 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VIII класса *Никофоровъ*—съ 11-го апрѣля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*, дѣлопроизводитель VIII класса *Помазанскій*—съ 11-го апрѣля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя *Азимовъ*—съ 14-го мая 1902 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, помощникъ дѣлопроизводителя *Терентьевъ*—съ 30-го іюня 1902 г., по степени кандидата богословія.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторъ народныхъ училищъ 1-го района Архангельской губерніи *Ивановскій*—съ 1-го іюля 1901 г.; преподаватели С.-Петербургскихъ: 3-й гимназій, *Солнцева*—съ 27-го мая 1902 г., училища при реформатскихъ церквахъ, *Барбеса*—съ 4-го іюня 1902 г. и 1-го реальнаго училища, *Массальскій*—съ 23-го іюня 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: преподаватели С.-Петербургскихъ: училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, *Смирновъ*—съ 12-го іюня 1902 г. и 1-го реальнаго училища, *Князевъ*—съ 20-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели С.-Петербургскихъ: гимназій: 5-й, *Лесилъе*—съ 20-го декабря 1901 г., 10-й (сверхштатный), *Зеленинъ*—съ 18-го августа 1901 г., частной К. Мая, *Введенскій*—съ 20-го августа 1901 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, *Куандэ*—съ 29-го марта 1900 г., Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища *Кавунъ*—съ 10-го октября 1900 г.; руководители практическихъ работъ при слесарной мастерской Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища *Семинъ*—съ 15-го августа 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Олонекской гимназій *Лядинскій*—съ 21-го января 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: бывший преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназій, нынѣ въ отставкѣ *Шеновалытниковъ*—

съ 1-го августа 1901 г.; врачя: Нарвской гимназіи, *Зитель*—съ 10-го октября 1900 г., Торонедской женской прогимназіи, *Гиртбертъ*—съ 14-го октября 1895 г., Крестецкаго городского училища, *Гермезъ*—съ 4-го апрѣля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Великоустюгскаго: *Ильинскій* и *Ляубовъ*, оба—съ 1-го іюля 1901 г. и Торонедскаго, *Лещинскій*—съ 1-го іюля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: лаборантъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Эйхвальдъ*—съ 3-го марта 1901 г.; почетные смотрители городскихъ училищъ: Вологодскаго *Штумпфъ*—съ 13-го февраля 1902 г., Сольвычегодскаго, *Смирновъ*—съ 25-го апрѣля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Яренскаго (завѣдывающій), *Поповъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Сольвычегодскаго, *Куликовъ*—съ 1-го октября 1899 г., Яренскаго, *Лоцановъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Исторбургской 1-й гимназіи *Екатерининскій*—съ 10-го апрѣля 1902 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: учитель Выборгской женской гимназіи *Цѣпковъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: письмоводители: С.-Петербургской первой гимназіи, *Мошкинъ*—съ 15-го мая 1902 г., Архангельскаго имени Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища *Терентьевъ*—съ 15-го марта 1902 г.

Унасрждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: ассистентъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Труницкій*—съ 20-го апрѣля 1900 г. и лаборантъ того же института *Гольдбергъ*—съ 28-го октября 1900 г., оба по степени доктора медицины; преподаватели гимназій: С.-Петербургской 6-й, *Ауровъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюля 1898 г., С.-Петербургской 3-й, коллежскій секретарь *Ушаковъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюня 1898 г., Нарвской, *Гильбертъ*—съ 24-го декабря 1897 г., Олонедской: *Глушковъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и *Астановъ*—съ 11-го декабря 1897 г., С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища: *Гобаръ*—съ 1-го сентября 1897 г. и (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Ребиндеръ*—съ 1-го августа 1897 г.; титулярнаго советника: бывшій врачъ Кадниковскаго городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Фишеръ*—съ 1-го января 1883 г., по степени лѣкаря; сверхштатный лаборантъ технологическаго института Императора Николая I *Спераинскій*—съ 7-го марта 1902 г.; коллежскаго секретаря: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Курбановъ*—съ 15-го февраля 1902 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; учителя город-

скихъ училищъ: С.-Петербургскаго Свято-Троицкаго, *Галанинъ* и Нарскосельскаго, *Лазаревъ*, оба—съ 1-го августа 1897 г., Опочецкаго, *Федотовъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Кадниковскаго, *Чинаревъ*—съ 1-го января 1897 г., Крестецкаго, *Шукинъ*—съ 15-го октября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища *Чошинъ*—съ 1-го августа 1898 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Тейчъ*—съ 19-го апрѣля 1902 г., *Лавшинъ*—съ 14-го марта 1902 г., *Виноградовъ*—съ 20-го апрѣля 1901 г., *Петровъ*—съ 19-го апрѣля 1902 г. и *Фростъ*—съ 18-го ноября 1901 г.; помощникъ учителя Сольвычегодскаго городского училища *Бодановъ*—съ 27-го августа 1894 г.

Переименовывается въ *губернскіе секретари* почетный смотритель Торопецкаго городского училища, подпоручикъ арміи въ отставкѣ *Любовскій*.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники* почетный членъ попечительнаго совѣта Комиссаровскаго технического училища *Губонинъ*—съ 17-го января 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари* учитель Троице-Сергіевскаго городского, Московской губерніи, училища *Никитинъ*—съ 29-го сентября 1901 г.

По Одесскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ коллежскаго секретаря, со старшинствомъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Аккерманской прогимназіи *Марченко*—съ 28-го января 1898 г.

По Кіевскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, со старшинствомъ, сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи, приват-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира *Михайленко*—съ 10-го декабря 1897 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учитель Темиръ-Ханъ-Шуринаго реальнаго училища *Густяковъ*—со 2-го января 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель-завѣдывающій Александрійскимъ станичнымъ двухкласснымъ училищемъ *Дудисъ*—съ 27-го ноября 1880 г. и письмоводитель Владикавказской мужской гимназіи *Рудановскій*—съ 24-го января 1902 г.

(20-го сентября 1902 года, № 82). По Николаевской главной обсерваторіи. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ секре-

тарей въ *титулярные советники*, со старшинствомъ, сверхштатный астрономъ обсерваторіи *Педашенко*—съ 18-го сентября 1898 г.

По Николаевской главной физической обсерваторіи. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ: физики обсерваторіи: титулярный совѣтникъ *Семеновъ*—съ 1-го мая 1901 г. и коллежскій секретарь *Мальченко*—съ 1-го октября 1901 г.

По Императорскому российскому историческому музею въ Москвѣ имени Императора Александра III. *Производится* за выслугу лѣтъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, со старшинствомъ, помощникъ бібліотекаря музея *Кожевниковъ*—съ 28-го іюля 1899 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ, сверхштатный преподаватель С.-Петербургской гимназіи Гуревича *Устряловъ*—съ 1-го сентября 1898 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, со старшинствомъ: помощники классныхъ наставниковъ: Одесской 5-ой гимназіи, *Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1900 г. и Павлоградской гимназіи, *Крайниковъ*—съ 1-го іюля 1902 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, надзиратель Симферопольской татарской учительской школы *Зубковскій*—съ 8-го декабря 1886 г.

По Виленскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, преподаватель Гродненской гимназіи *Никиль*—съ 24-го декабря 1897 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, учитель приготовительнаго класса Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Дмитріевъ*—съ 10-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*, учитель Закавказской учительской семинаріи *Эфендіевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, бывший письмоводитель Екатеринодарской городской мужской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ *Гунало*—съ 12-го августа 1886 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ, преподаватель Ставропольской гимназіи *Жирицкій*—съ 1-го августа 1897 г.

По Рязкому учебному округу. *Производится* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Гароженской сельской народной школы *Дундуръ*—съ 3-го января 1880 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской мужской гимназій *Мингалевъ* — съ 4-го іюля 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, преподаватель Ташкентскаго реального училища *Квакъ* — съ 16-го іюня 1896 г.; *коллежскаго секретаря*, смотритель-учитель Фортъ-Александровскаго однокласснаго училища *Гребенщиковъ* — съ 15-го апрѣля 1896 г.

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, лѣкарь *Васильевъ*, съ утвержденіемъ его, согласно избранію, на три года, почетнымъ попечителемъ Тюменскаго Александровскаго реального училища.

Назначаются: инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи, статскій совѣтникъ *Гаевъ*—директоромъ Ровненской учительской семинаріи, съ 1-го сентября; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Рейнъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ оперативной хирургіи и топографической анатоміи.

Утверждается, титулярный совѣтникъ *Александровъ*—почетнымъ попечителемъ Вятскаго средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища, согласно избранію, на три года.

Умершій исключается изъ списковъ, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ермиштедтъ*, съ 21-го августа.

(20-го сентября 1902 года, № 83). *Назначается* экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ русской словесности, статскій совѣтникъ *Сokolovъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ русскаго языка и русской литературы.

(27-го сентября 1902 года, № 84). *Назначается* инспекторъ Бакинскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Непадокевичъ*—директоромъ Дербентскаго реального училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зборилъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, инспекторъ училищъ гор. Варшавы, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гесевскій*, со 2-го сентября.

По Императорской публичной библиотекѣ. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, со старшинствомъ, младшій помощникъ библиотекаря *Саккетти*—съ 14-го мая 1902 г.

По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, консультантъ и почетный профессоръ института, докторъ медицины *Окуевъ*—съ 24-го апрѣля 1902 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: сверхштатный ассистентъ института, докторъ медицины *Китарскій*—съ 26-го іюня 1902 г. и бухгалтеръ того же института *Кононовичъ*—съ 20-го августа 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, сверхштатный ассистентъ института, лѣкарь *Завържговскій*—съ 5-го октября 1900 г.

По Киевскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, врачъ при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ и состоящей при немъ гимназіи *Салойловичъ*—съ 25-го апрѣля 1885 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*, врачъ коллегии Павла Галагана *Верещинъ*—съ 11-го мая 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, учитель Киевскаго двухкласснаго городского училища *Вертинорокъ*—съ 11-го февраля 1872 г.

(30-го сентября 1902 года, № 85). *Назначаются*: приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ минералогіи и геогнозін, титулярный совѣтникъ *Линишевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по палеонтологіи, съ 1-го іюля; причисленный къ министерству, инженеръ-технологъ титулярный совѣтникъ *Карташевъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по прикладной механикѣ, съ 1-го августа.

Увольняются, отъ службы: директоръ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сербуловъ*, за выслугою срока; согласно прошенію, по болѣзни, профессоръ Рижскаго политехническаго института, статскій совѣтникъ *Бекъ*, съ 1-го января 1899 г.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

За участіе въ экспедиціи по градусному измѣренію на островахъ Шпицбергена въ 1899—1901 годахъ. *Производится*, за отличіе, изъ статскихъ въ действительные статскіе совѣтники, помощникъ директора Николаевской главной физической обсерваторіи Эдуардъ Штеллинтъ.

Наужждаются орденами: св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени—завѣдывающій отдѣленіемъ Николаевской главной физической обсерваторіи по изданію ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго бюллетеня о состояніи погоды, надворный совѣтникъ Александръ Шенрокъ.

Св. Анны 2-й степени: адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Сергій Костинскій; завѣдывающій отдѣленіемъ предупрежденій о метеояхъ Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи, надворный совѣтникъ Артуръ Гейеръ.

Св. Анны 3-й степени: сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій секретарь Алексѣй Педашенко; неимѣющие чина: окончившіе курсъ въ Императорскихъ университетахъ съ дипломомъ первой степени: хранитель астрономической обсерваторіи и состоящей при ней вычислительной Императорскаго С.-Петербургскаго университета Викторъ Алматовъ и состоявшій прикомандированнымъ для научныхъ занятій къ обсерваторіи Императорскаго Юрьевского университета Юсифъ Сикора.

Св. Станислава 2-й степени, сверхштатный адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, окончившій курсъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени, неимѣющій чина Александръ Васильевъ.

Св. Станислава 3-й степени: ученый секретарь той же обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Александръ Кондратьевъ; сверхштатный астрономъ той же обсерваторіи, окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени, неимѣющій чина Борисъ Остащенко-Кудряевъ.

IV. КОМИССІЯ ПО ПРЕОБРАЗОВАНІЮ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ интересахъ выясненія недостатковъ нынѣшней высшей школы и изысканія способовъ къ ихъ устраненію, бывший министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ Ванновскій, циркулярно просилъ попечителей подлежащихъ учебныхъ округовъ предложить совѣтамъ университетовъ и соответствующимъ совѣту учрежденій другихъ высшихъ учебныхъ заведеній высказать свои соображенія относительно желательныхъ измѣненій въ уставахъ и штатахъ, а также сообщить мотивированныя заключенія по нѣкоторымъ опредѣленнымъ вопросамъ, касающимся устройства высшей школы.

Съ осени минувшаго года стали поступать въ министерство ожидавшіеся отзывы, и для разсмотрѣнія послѣднихъ, а равно и включенія ихъ въ общій сводъ, была организована при министерствѣ особая комиссія, которая нынѣ закончила печатаніе своей работы.

Вслѣдствіе сего въ настоящее время для обсужденія вопроса о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія образована, съ Высочайшаго соизволенія, особая, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ, тайнаго совѣтника Зенгера, комиссія съ участіемъ представителей высшихъ учебныхъ заведеній вѣдства, по выбору совѣтовъ университетовъ и соответствующихъ совѣту учреждений, а равно и представителей министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія.

30-го сентября, въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія, состоялось первое засѣданіе учрежденной съ Высочайшаго соизволенія комиссіи по вопросу о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника Г. Э. Зенгера, при участіи товарища министра С. М. Лукьянова, временно исполняющаго обязанности товарища министра И. К. Ренара и членовъ: вице-президента Императорской академіи наукъ П. В. Никитина, предсѣдателя ученаго комитета Н. Я. Соicina, директора департамента народнаго просвѣщенія В. А. Рахманова, управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ Н. И. Тавилдарова, членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Будиловича

и В. В. Латышева, профессоры университетовъ: С.-Петербургскаго—С. Ф. Платонова, Д. П. Коновалова и А. И. Введенскаго; Московскаго—Д. Н. Зернова и А. С. Алексѣева; Казанскаго—Н. Θ. Высоцкаго и Г. Θ. Дормидонтова; Кіевскаго—Ю. А. Кулаковскаго и князя Е. Н. Трубецкаго; Харьковскаго—Л. Л. Гиршмана; Новороссійскаго—А. Н. Деревицкаго и Е. И. Щепкина; Юрьевскаго—П. П. Граве и П. П. Пусторослова и Варшавскаго—В. П. Амалицкаго; профессоры ветеринарныхъ институты: Харьковскаго—А. П. Остапенко и казанскаго—Г. П. Кириллова; профессоры высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній: Московскаго технического училища—Я. Я. Никитенскаго и В. И. Гриневецкаго, Петербургскаго технологическаго института—А. Д. Гатцука, Харьковскаго—В. А. Гемиліана и А. В. Гречанинова, Новоалександрійскаго института—А. И. Скворцова, Рижскаго политехникума—Э. В. Бергмана и Г. Г. Шварца и профессора Демидовскаго лицея В. Г. Щеглова; представителей отъ министерства финансовъ—члена совѣта министра финансовъ В. Л. Кирпичева, декана Петербургскаго политехническаго института А. С. Посникова и вице-директора департамента государственнаго казначейства С. Θ. Вебера, министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—директора Московскаго сельско-хозяйственнаго института К. А. Рачинскаго, военнаго министерства—профессора военно-медицинской академіи Г. Е. Рейна, министерства юстиціи—директора межеваго института В. В. Струве, министерства путей сообщенія—директора институты инженеровъ путей сообщенія Л. Θ. Николаи, министерства внутреннихъ дѣлъ—профессора Демидовскаго лицея П. Я. Гурлинда, вѣдомства учреждений Императрицы Маріи—директора Александровскаго лицея А. П. Саломона и вѣдомства православнаго исповѣданія—Д. Н. Соловьева, при дѣлопроизводителяхъ А. А. Камчатовѣ и А. П. Таллантовѣ.

Для ознакомленія членовъ комисіи съ матеріаломъ, подлежащимъ обсужденію, имъ были препровождены министерствомъ, въ свое время, экземпляры сводовъ мнѣній совѣтовъ университетовъ и соответствующихъ имъ учреждений въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по вопросамъ относительно желательныхъ измѣненій въ устройствѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Мнѣнія эти составлялись высшими учебными заведеніями по слѣдующимъ предложеннымъ министерствомъ въ 1901 году вопросамъ: а) для университетовъ:

1) Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію

правительства и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ избираемый профессорскою коллегіею?

2) Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ въ домства факультетовъ, правленія и совѣта?

3) Не слѣдуетъ ли отмѣнить особую плату въ пользу отдѣльных преподавателей?

4) Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университетскими занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами?

5) Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно ли допускать занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы съ званіемъ и обязанностями профессора? Въ связи съ этимъ, желательно ли сохранить ст. 467 общаго устава университетовъ (Св. зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), или она требуетъ измѣненія и въ какомъ смыслѣ?

6) Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и постоянствомъ преподаванія отдѣльных преподавателей?

7) Не нужны ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны занимать эти помощники и въ какихъ отношеніяхъ паходиться какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету?

8) Какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ кафедръ? Не слѣдуетъ ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлять ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

9) Какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

10) Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія?

11) Не слѣдуетъ ли возстановить курсовые экзамены съ допуще-

ніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

12) Нужно ли предоставлять служебныя права оканчивающимъ университетскій курсъ?

13) Нужно ли сохранить государственные экзамены, и если нужно, то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ?

14) Какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

15) Не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? Если слѣдуетъ, то какія и на какихъ условіяхъ? Не признаются ли полезными курсовыя старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей?

16) Не слѣдуетъ ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?

17) Не слѣдуетъ ли, независимо отъ сего, ввести особый студенческій (товарищескій) судъ спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть: организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству?

18) Какія измѣненія желательно внести въ постановку университетской инспекціи?

и б) для высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній:

1) Какія измѣненія желательны въ устройствѣ управленія учебнымъ заведеніемъ и въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между отдѣльными его органами?

2) Какія измѣненія желательны въ служебномъ положеніи педагогическаго и административнаго персонала учебнаго заведенія?

3) Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ и преподавателей, при которомъ они, не обременяя себя посторонними учебному заведенію занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы ученымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами?

4) Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ и преподавателей до указаннаго размѣра, возможно ли допускать занятіе ими другихъ должностей или службу по вольному найму внѣ учебнаго

заведенія? Если возможно, то какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы съ званіемъ и обязанностями профессора и преподавателя?

5) Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль профессорской коллегіи надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ?

6) Какія мѣры должны быть приняты для правильнаго и усилѣннаго приготовленія молодыхъ людей къ преподавательской дѣятельности и профессорскому званію?

7) Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровеньъ теоретическаго и практическаго ихъ обученія?

8) Возможно ли и при какихъ условіяхъ допускать экстерновъ къ экзамену для полученія диплома объ окончаніи курса учебнаго заведенія?

9) Нужно ли предоставлять служебныя права окончившимъ курсъ учебнаго заведенія и получившимъ дипломъ на соответственное званіе?

10) Нужно ли сохранить нынѣ дѣйствующій порядокъ испытаній въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ для полученія диплома?

11) Какія мѣры желательны для сближенія профессоръ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

12) Не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? Если слѣдуетъ, то какія и на какихъ условіяхъ? Не признаются ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, преподавателями и администраціей учебнаго заведенія?

13) Не слѣдуетъ ли ввести особый профессорскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ? Если слѣдуетъ, то какую придать ему организацію?

14) Не слѣдуетъ ли также ввести особый студенческій (товарищескій) судъ спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть: организація этого суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ администраціи учебнаго заведенія?

15) Какія измѣненія желательно внести въ постановку инспекціи учебнаго заведенія?

Предлагая первую группу вопросовъ на обсужденіе совѣтовъ университетовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій разрѣшилъ совѣтамъ представлять мнѣнія и

по другимъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе. Совѣты нѣкоторыхъ университетовъ и профессора воспользовались этимъ разрѣшеніемъ и представили свои соображенія по слѣдующимъ дополнительнымъ вопросамъ:

I. Желанія, относящіяся къ центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія. II. Вопросъ объ университетской автономіи. III. Обь отношеніяхъ университета къ попечителю учебнаго округа. IV. Обь учрежденіи въ университетѣ новыхъ должностей. V. Устройство преподаванія. VI. Спеціальныя средства университетовъ. VII. Желанія и нужды отдѣльныхъ университетовъ. VIII. Профессора. 1. Ученныя степени. 2. Замѣщеніе профессорскихъ каедръ. 3. Раздѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ. 4. Сроки службы. Пенсіи. 5. Добавочное вознагражденіе. Вопросы о содержаніи университетскихъ чиновниковъ. IX. Студенты. 1. Приемъ въ университетъ. 2. О студенческой формѣ. 3. О платѣ за ученіе. 4. О продолжительности университетскаго курса. 5. О правовомъ положеніи студентовъ. 6. О допущеніи въ университетъ женщинъ.

Открывая засѣданіе комиссіи, г. управляющій министерствомъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

„Мн. гг. Настоящая комиссія созвана съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 18-го мая текущаго года. Необходимость совмѣстнаго обсужденія вопроса о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія представителями этихъ послѣднихъ, а также самого министерства и другихъ вѣдомствъ, воплѣтъ выяснилась, когда стала производиться сводка заключеній, представленныхъ въ министерство по всѣмъ пунктамъ, перечисленнымъ въ циркулярномъ предложеніи генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго, отъ 29-го апрѣля 1901 года. Объединенные въ извлеченіяхъ матеріалы эти сообщены гг. членамъ комиссіи. Въ основаніе программы ея занятій и предполагается положить обсужденіе вопросовъ пунктовъ, сопоставленныхъ въ упомянутомъ циркулярѣ, причемъ, однако, могли бы быть допущены измѣненія въ формулировкѣ означенныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, желательно установить систематическую ихъ группировку, а сверхъ того — присоединить къ нимъ нѣкоторыя новыя. Такимъ образомъ, министерство народнаго просвѣщенія не вноситъ на разсмотрѣніе какихъ-либо определенныхъ проектовъ новыхъ уставовъ и новыхъ штатовъ для отдѣльныхъ категорій высшихъ учебныхъ заведеній, въ видахъ послѣдовательнаго обсужденія каждаго параграфа того или другаго проекта, а обращается въ комиссію съ просьбой

высказаться по тѣмъ основнымъ вопросамъ, та или другая постановка которыхъ естественно и должна опредѣлять редакцію подлежащихъ затѣмъ проектированію уставовъ. Чѣмъ опредѣленнѣе будутъ принципиальные выводы, къ которымъ придетъ коммиссія, чѣмъ стройнѣе они будутъ укладываться въ законченную систему, тѣмъ проще, конечно, окажется ихъ дальнѣйшая детальная разработка. Тѣ первоначальные очерки проектовъ уставовъ для университетовъ и специальныхъ заведеній, какіе получились бы этимъ путемъ, поступили бы, согласно закону, въ ученый комитетъ и совѣтъ министра, послѣ чего были бы запрошены отзывы вѣдомствъ о редактированныхъ въ подробностяхъ предположеніяхъ министерства, предварительно внесенія имъ соотвѣтственныхъ представленій въ государственный совѣтъ.

„Высочайшій рескриптъ 10-го іюня сего года отвѣсь къ числу важнѣйшихъ обязанностей министерства задачу разработать проекты преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, съ высоты Престола признавая настоятельность законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поставить высшія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія въ условія, соотвѣтствующія величію культурнаго назначенія Россіи и осложнившимся потребностямъ ея общественнаго развитія. Тѣмъ самымъ признано также, что нынѣшній строй высшихъ учебныхъ заведеній нашего вѣдомства не представляется удовлетворительнымъ. Къ этому выводу министерство приходило постепенно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и, наконецъ, генераль-адъютантъ Н. С. Ваиновскій принялъ на себя починъ официальныхъ распоряженій, которыя бы привели ко всестороннему освѣщенію вопроса свѣдущими людьми. Его дѣло мы и призваны продолжать.

„Министерство, впрочемъ, далеко отъ мысли, что исцѣленіе всѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ наша высшая школа, можетъ быть достигнуто путемъ регламентаціи. Не отъ буквы уставовъ зависитъ плодотворная дѣятельность учреждений. Примѣненіе всякаго закона выпадаетъ на долю живыхъ людей, и только при соотвѣтствіи оживляющаго ихъ духа требованіямъ закона эти послѣднія являются цѣлесообразными. Но отсюда же и слѣдуетъ, что всякія новыя законодательныя предположенія должны считаться со взглядами и настроеніемъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, на которыхъ государство возлагаетъ непосредственное выполненіе закона. Опытъ послѣднихъ 18 лѣтъ показалъ, что университетскій уставъ 1884 года во многомъ существенномъ не согласуется съ убѣжденіями тѣхъ самыхъ акаде-

мическихъ органовъ, которымъ поручено практическое проведеніе этого устава. Послѣдствія такого разлада повели, съ одной стороны, къ цѣлому ряду фактическихъ отступленій отъ закона,—отступленій, допущенныхъ отчасти даже весьма скоро послѣ изданія устава, съ другой же стороны, къ тому, что, подчиняясь указаніямъ устава, которымъ они не могли сочувствовать какъ по теоретическимъ соображеніямъ, такъ и въ силу своихъ ежедневныхъ наблюденій надъ ходомъ жизни въ университетахъ, совѣты, факультетскія собранія и вообще члены профессорскихъ корпорацій не сознавали себя отвѣтственными за всѣ тѣ неудовлетворительные результаты или тяжкія явленія академической практики, въ которыхъ усматривали связь съ особенностями устава. Неудивительно поэтому, что со стороны университетскихъ совѣтовъ получались на запросъ министерства во многомъ сходные между собою отвѣты относительно нежелательности сохраненія и на будущее время въ силѣ нѣкоторыхъ изъ положеній устава 1884 года, дѣйствующихъ донинѣ. А такъ какъ основной характеръ установленнаго для университетовъ управленія и веденія учебнаго дѣла свойственъ и уставамъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, то и послѣднія отозвались въ своихъ отвѣтахъ на циркулярный запросъ генераль-адъютанта П. С. Валловскаго въ смыслѣ желательности видоизмѣненія существующихъ порядковъ.

„Независимо отъ сказаннаго; единодушно засвидѣтельствовано высшими учебными заведеніями, что бюджеты ихъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ. И въ самомъ дѣлѣ, штатныя суммы, отпускаемыя на учебно-вспомогательныя установленія, на личный составъ и на хозяйственныя нужды высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, представляются явно недостаточными. Одна изъ задачъ комиссіи и будетъ состоять въ выясненіи тѣхъ штатныхъ нормъ, достиженіе которыхъ только и позволитъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ не встрѣчаться, при выполненіи своего назначенія, съ непреоборимыми матеріальными затрудненіями.

„За всѣмъ тѣмъ нельзя скрывать отъ себя, что и при возможно правильномъ разрѣшеніи организационныхъ и бюджетныхъ вопросовъ, касающихся высшихъ учебныхъ заведеній, останутся незатронутыми серьезныя факторы, вліяющіе на успѣшность дѣятельности и на благополучіе расадишковъ научнаго образованія въ Россіи. Многія важныя причины, осложняющія нормальное теченіе академической жизни, коренятся въ явленіяхъ, не поддающихся воздѣйствію вышей школы. Эта послѣдняя, соприкасаясь съ обществомъ, имѣетъ дѣло со слу-

шателями, переживающими, въ бытность свою студентами, разнообразныя внѣшкольныя вліянія и получившими свою подготовку въ средней школѣ, которая, въ свою очередь, паходится у насъ въ переходномъ состояніи. Только по отношенію къ вопросу о томъ, какія образовательныя требованія должны предъявляться университетами и высшими специальными заведеніями къ молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ студенты, комиссія и могла бы высказать соображенія, направленныя къ обезпеченію надлежащаго состава лицъ, опредѣляемыхъ въ слушатели высшей школы. Этотъ вопросъ я и просилъ бы комиссію присовокупить къ тѣмъ, по поводу которыхъ высказались совѣты высшихъ учебныхъ заведеній, на основаніи циркуляра отъ 29-го апрѣля 1901 года.

„Къ числу новыхъ вопросовъ, которые я имѣю честь предложить на обсужденіе комиссіи, принадлежитъ и слѣдующій: въ какой мѣрѣ университеты, наряду со своей основной задачей теоретической подготовки слушателей къ научной дѣятельности, могутъ преслѣдовать и другую цѣль, а именно—содѣйствовать практическому подготовленію молодыхъ людей къ преподавательской дѣятельности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по предметамъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ? Вопросъ о подготовленіи къ дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ представляется, какъ извѣстно, въ настоящее время насущнымъ для правильной постановки учебнаго дѣла въ нашей средней школѣ. Взгляды на предпочтительность той или другой системы подготовленія учителей весьма различны и всѣ они высказывались неоднократно въ совѣщаніяхъ, устраивавшихся при министерствѣ. Довольно распространено мнѣніе, что необходимы особыя педагогическія институты; предлагается также организація педагогическихъ курсовъ, будь ли то централизованныхъ или помѣстныхъ въ различныхъ учебныхъ округахъ; существуетъ, наконецъ, воззрѣніе, по которому достаточно учрежденія кафедры педагогики въ университетѣ съ одновременнымъ установленіемъ на соответственныхъ факультетахъ семинарскихъ занятій по дидактикѣ отдѣльныхъ дисциплинъ и по разбору учебниковъ, а также съ привлеченіемъ студентовъ, желающихъ избрать педагогическое поприще, къ обязательному слушанію лекцій по гигиенѣ и по нѣкоторымъ специальнымъ отраслямъ психологіи. Среди представителей этого послѣдняго мнѣнія нѣкоторые полагаютъ, однако, что рядъ основныхъ курсовъ на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ могъ бы излагаться въ такой формѣ, благодаря которой соблюдался бы всегда интересы практическаго

приложенія данныхъ чтеній къ преподаванію въ средней школѣ. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, демонстрированіе относимыхъ къ класснымъ опытовъ по физикѣ, по системѣ, имѣющей въ виду также нужды среднихъ учебныхъ заведеній, далѣе — приспособленное къ тѣмъ же нуждамъ средней школы комментированіе древнихъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, и т. п. Справивается, слѣдовательно, въ какой степени университеты могли бы придти на помощь государству въ данномъ отношеніи, безъ нарушенія существенныхъ условій успѣшнаго достиженія ихъ прямой цѣли. Отзывъ коммисіи по этому вопросу представляется весьма желательнымъ.

„Изъ числа не поименованныхъ въ циркулярѣ, отъ 29-го апрѣля 1901 г., вопросовъ нѣкоторые разсмотрѣны, однако, въ полученныхъ министерствомъ отвѣтахъ, благодаря тому, что означенный циркуляръ предоставлялъ совѣтамъ высказаться по всѣмъ вопросамъ, которымъ, въ интересахъ дѣла, они придаютъ значеніе. Было бы, думается мнѣ, цѣлесообразнымъ выдѣлить такіе вопросы въ особія новыя рубрики. Такъ, напримѣръ, желательно поставить самостоятельно разсмотрѣнію вопросовъ объ увеличеніи числа научныхъ кафедръ и объ организаціи учебнаго дѣла въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ отношеніемъ къ послѣдней категоріи всего, что касается предѣловъ обязательности извѣстной послѣдовательности въ слушаніи тѣхъ или другихъ курсовъ студентами, а также предѣловъ обязательности испытаній по тѣмъ или другимъ предметамъ въ каждомъ данномъ году. Не предѣльная, однако, во всѣхъ подробностяхъ программы занятій коммисіи, покорнѣйше прошу г.г. членовъ, желающихъ возбудить новые вопросы, заявить о томъ къ ближайшему засѣданію коммисіи, дабы послѣдняя могла составить окончательный ихъ перечень и сгруппировать ихъ по извѣстнымъ отдѣламъ. Съ своей стороны добавлю еще только въ данномъ отношеніи, что давно уже ждетъ пересмотра вопросъ о научныхъ степеняхъ.

„Я глубоко убѣжденъ, что мы сумѣемъ отнестись безстрастно къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которымъ будутъ посвящены наши засѣданія. Нашой задачей является спокойное взвѣшиваніе доводовъ, представляемыхъ въ пользу той или другой постановки дѣла, а не преднамѣренное проведеніе готовыхъ взглядовъ. Безошибочныхъ и чудодѣйственныхъ способовъ устраненія всѣхъ печальныхъ сторонъ нашей академической жизни никто изъ насъ, конечно, не знаетъ. Тѣмъ болѣе важно приступить къ дѣлу съ искренней готовностью вывести поученіе изъ обмѣна мыслей представителей различныхъ взглядовъ. Уповаю на то, что мы постараемся выполнить Высочайше возложенную на насъ

задачу съ постояннымъ сознаниемъ своей отвѣтственности передъ Русскимъ Государемъ, русскою наукою и русскимъ обществомъ, а также съ постояннымъ и горячимъ стремленіемъ принести истинную пользу русской учащейся молодежи.

„Привѣтствуя собравшихся здѣсь представителей высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гг. представителей другихъ вѣдомствъ и приглашенныхъ министерствомъ лицъ, имѣю честь объявить открытіе комиссіи состоявшимся“.

Затѣмъ г. управляющій министерствомъ предложилъ установить порядокъ обсуждения намѣченныхъ вопросовъ пунктовъ. Послѣ общаго мнѣнія по этому предмету, комиссія признала необходимымъ приступить къ установленію перечня вопросовъ пунктовъ и группировкѣ ихъ по отдѣламъ въ слѣдующемъ ближайшемъ засѣданіи, которое назначено на 2-е октября.

У. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (14-го сентября 1902 года, за № 25219). *Циркулярное предположеніе министерства попечителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ ремонтныхъ и строительныхъ работъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе мѣсяца канцелярною времени.*

Въ теченіе послѣдняго времени на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія неоднократно поступали ходатайства объ отсрочкѣ начала учебныхъ занятій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ виду невозможности приступить къ занятіямъ по случаю производящихся въ училищныхъ помѣщеніяхъ ремонтныхъ и строительныхъ работъ. Разрѣшая, въ силу необходимости, таковыя ходатайства, министерство не можетъ однако не принять при этомъ во вниманіе, что вызываемое отсрочкою начала учебныхъ занятій сокращеніе учебнаго времени, иногда на мѣсяцъ и болѣе, должно неблагоприятно отражаться на ходѣ учебнаго дѣла.

Вслѣдствіе сего я имѣю въ виду, что во многихъ случаяхъ задержка ремонтныхъ и строительныхъ работъ объясняется позднимъ началомъ ихъ или медленностью производства, считаю необходимымъ покорнѣе просить ваше превосходительство предложить начальникамъ подвѣдомственныхъ вамъ среднихъ учебныхъ заведеній прини-

мать всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы ремонтныя и строительныя работы въ учебныхъ заведеніяхъ начинались и производились, въ течение лѣтняго вакаціоннаго времени, съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ могли быть окончены къ началу учебныхъ занятій, на необходимость чего уже было обращено вниманіе мѣстныхъ начальствъ въ циркулярномъ предложеніи министерства отъ 12 декабря 1878 г. за № 13156.

2. (20-го сентября 1902 года, за № 25985). *Циркулярное предложеніе министерства начальствамъ учебныхъ округовъ по вопросу объ устройствѣ дачъ для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Почетитель Виленскаго учебнаго округа донесъ, что имъ приняты мѣры къ устройству, на первое время, двухъ колоній-дачъ, именно въ гор. Бобруйскѣ для учениковъ мѣстной прогимназіи и при станціи Подбродьѣ, С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, для учениковъ Виленской 1-й гимназіи. Главнѣйшія основанія устройства этихъ колоній-дачъ, выраженные въ утвержденныхъ почетелемъ округа уставахъ, заключаются въ слѣдующемъ. Въ колоніяхъ-дачахъ помѣщаются за небольшую плату, подъ наблюдениемъ и руководствомъ одного изъ преподавателей или помощниковъ классныхъ наставниковъ, дѣти несостоятельныхъ родителей или такихъ, которые, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ провести лѣто съ дѣтьми на дачѣ. Колоніи имѣютъ цѣлью доставить ученикамъ не только отдыхъ на чистомъ воздухѣ, но и такія занятія, которыя, не обременяя дѣтей, должны содѣйствовать ихъ развитію въ физическомъ, умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ. Сообразно съ сими занятіями учениковъ-колонистовъ должны составлять доступныя имъ отрасли хозяйства, напримѣръ, садоводство, огородничество и другія, а также ручной трудъ. Въ числѣ полезныхъ развлеченій должны имѣть мѣсто подвижныя игры, катаніе на лодкахъ, хоровое пѣніе, музыка, танцы и т. под.

Идея устройства подобныхъ школьныхъ дачъ признается министерствомъ заслуживающей не только живѣйшаго сочувствія, но и полнаго вниманія, вслѣдствіе чего представляется желательнымъ, чтобы она получила возможно широкое осуществленіе во всѣхъ учебныхъ округахъ.

Посему, препровождая къ вашему превосходительству, въ коніяхъ, положенія объ упомянутыхъ колоніяхъ-дачахъ въ гор. Бобруйскѣ и

ст. Подбродѣ, изъ коихъ первая представляетъ типъ учрежденія съ приходщими, а вторая—съ постоянно живущими въ колоніи-дачѣ воспитанниками, имѣю честь покорнѣйше просить васъ представить въ министерство ваши соображенія по вопросу объ устройствѣ школьныхъ колоній-дачъ во вѣренномъ вамъ учебномъ округѣ и, въ частности, о томъ, какая организація этихъ колоній-дачъ была бы, по мнѣнію вашему, наиболѣе цѣлесообразной по мѣстнымъ условіямъ. Отзывъ вашъ по настоящему дѣлу желателенъ имѣть, по возможности, въ непродолжительномъ времени и во всякомъ случаѣ не позже 1-го декабря сего года, дабы министерство могло, по обсужденіи мнѣній всѣхъ г.г. попечителей учебныхъ округовъ, преподать общія руководственныя указанія по настоящему предмету уже къ началу лѣтнихъ каникулъ будущаго 1903 года.

VI. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (9-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта А. С. Пушкина при Керенскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.* (На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Керенскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія, имени поэта А. С. Пушкина, на счетъ процентовъ съ капитала *сто сорокъ* рублей, собраннаго по подпискѣ между жителями г. Керенска и его уѣзда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, или на другія его нужды.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту

училища, коему предоставляется право лишать стипендіата стипендіи въ случаѣ его малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Керенскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

2. (10-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени протоіерея Николая Евфиміевича Соловьева при Маріинской женской гимназій въ Гельсингфорсѣ.*

(На основаіи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаіи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Маріинской женской гимназій въ Гельсингфорсѣ учреждается стипендія имени протоіерея Николая Евфиміевича Соловьева, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью врачомъ спеціалистомъ общины св. Георгія, статскимъ совѣтникомъ Александромъ Николаевичемъ Соловьевымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4⁰/₀ ренты, за №№ 2374 и 0391, всего на сумму тысяча пятьсотъ руб., составляетъ неотъемлемую собственность Гельсингфорской Маріинской женской гимназій и хранится въ совѣщательномъ комитетѣ по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта Гельсингфорской Маріинской женской гимназій, на износъ платы за ученіе избранными стипендіатки, а могущіе образоваться остатки выдаются стипендіаткѣ на покупку учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендія назначается бѣднѣйшей воспитанницѣ означенной гимназій, изъ дочерей гражданъ городовъ Вильманстранда и Гельсингфорса, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту Гельсингфорской Маринской женской гимназіи, коему принадлежитъ право лишать стипендіи стипендіатку, въ случаѣ ея малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Если стипендіатка выйдетъ изъ гимназіи, по какимъ-либо причинамъ, до окончанія полнаго курса, то уплаченныя за ея обученіе деньги возврату не подлежатъ.

§ 7. Стипендіаткѣ, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ Гельсингфорской Маринской женской гимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться, въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія, на будущее время размѣра стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (11-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершихъ Александра Андреевича и Александры Борисовны Петровыхъ при Владимірскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при Владимірскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершихъ Александра Андреевича и Александры Борисовны Петровыхъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ *шестьсотъ* руб., пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Александромъ Александровичемъ Петровымъ, въ память покойныхъ его родителей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго обора по закону 20-го мая 1885 года,

употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, а остатки на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій или на его другія необходимыя потребности.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ Владимірскаго городского училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, коему принадлежитъ право лишать стипендіата стипендіи, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, при чемъ стипендія передается другому болѣе достойному ученику.

§ 6. Могущіе образоваться вслѣдствіе временнаго незамѣненія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ сему капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Владимірскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, съ тѣмъ же назначеніемъ.

4. (26-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго Сергія Алексѣевича Вязова при Арзамасскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Арзамасскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго Сергія Алексѣевича Вязова, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто пятьдесятъ пять рублей, пожертвованнаго арзамасскимъ купцомъ Алексѣемъ Сергіевичемъ Вязовымъ, въ память покойнаго его сына.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата,

при чемъ если съ теченіемъ времени плата за ученіе будетъ увеличена на столько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется погустить по его усмотрѣнію или прекратить выдачу стипендіи до тѣхъ поръ, пока капиталъ пополнится въ достаточной степени, или дополнять недостающую сумму изъ спеціальныхъ средствъ училища, или же, наконецъ, предложить стипендіату дополнить эту сумму самому.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ означеннаго училища, принадлежащихъ къ Арзамасскому городскому сословію, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту Арзамасскаго городского училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки, присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія училища въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ распоряженіе послѣдняго, на тѣхъ же основаніяхъ.

5. (27-го іюля 1902 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени кандидата правъ Николая Александровича Кропачева при Пермской женской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при Пермской женской прогимназіи учреждаются три стипендіи, имени кандидата правъ Николая Александровича Кропачева на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ Александромъ Павловичемъ Кропачевымъ, въ ознаменованіе исполнившагося 3-го апрѣля 1901 года 50-лѣтія со дня рожденія его сына.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ 3¹/₂% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ означенной прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются избраннымъ стипендіаткамъ на взносъ платы за ученіе или на покупку имъ учебныхъ книгъ, платья и т. п.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ бѣднѣйшихъ ученицъ прогимназій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ стипендіи выдаются или нополугодно, или за одинъ разъ, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта прогимназій.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется пожизненно жертвователю, а затѣмъ его сыну и внуку, по смерти же ихъ—попечительному совѣту прогимназій и производится ежегодно послѣ лѣтнихъ каникулъ.

§ 6. Одиѣ и тѣ же ученицы могутъ пользоваться этими стипендіями и нѣсколько лѣтъ сряду, до окончанія курса въ прогимназій.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Пермской женской прогимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе въ гор. Перми упомянутый выше стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ собственность сего послѣдняго.

§ 10. Въ случаѣ же закрытія Пермской женской прогимназій или того учебнаго заведенія, въ которое она можетъ быть современнымъ преобразована, названный стипендіальный капиталъ имѣетъ быть переданъ, согласно указанію попечительнаго совѣта прогимназій, въ собственность одного изъ среднихъ мужскихъ или женскихъ учебныхъ заведешій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящихся въ городѣ Перми, для употребленія процентовъ съ него согласно сему положенію.

6. (12-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи подъ наименованіемъ: „Стипендія воспитанницъ Саратовской женской гимназій министерства народнаго просвѣщенія выпуска 1902 года“ при означенной гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Саратовской женской гимназій министер-

ства народнаго просвѣщенія учреждается стипендія подъ наименованіемъ: „Стипендія воспитанницъ Саратовской женской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія выпуска 1902 года“, на счетъ процентовъ съ капитала въ *девять тысячъ сто* рублей, собраннаго съ этою цѣлью бывшими воспитанницами названной гимназіи и ихъ ближайшими родственниками.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ свидѣтельства 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означенной гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки, на приобрѣтеніе для нея учебныхъ книгъ и пособій и на удовлетвореніе другихъ ея нуждъ.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, и пользуется стипендіею во все время своего пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію начальницы гимназіи Э. К. Ульрихъ, въ случаѣ же оставленія ею означенной должности, право это переходитъ къ почетному совѣту.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

7. (15-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Петра Федоровича Александрова при Переславской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждается при Переславской женской прогимназіи стипендія имени потомственнаго почетнаго гражданина Петра Федоровича Александрова, на счетъ процентовъ съ капитала въ 200 рублей, изъ которыхъ 167 руб. пожертвованы для этой цѣли Переславской городской думою и 33 руб. членами попечительнаго совѣта означенной прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшей ученицѣ изъ Переславскаго уѣзда, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіатки изъ представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ Переславской женской прогимназій кандидатокъ, предоставляется почетному совѣту прогимназій, коему принадлежитъ право лишать стипендіатку стипендіи въ случаѣ ея малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія, по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 6. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ сему послѣднему для увеличенія числа стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія прогимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

ВІІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

І. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Hildebrand, J. B. Cours élémentaire de langue française. Seconde partie. 2-me édition. St.-Petersbourg. 1895. Pages 176. Prix 70 cop.“

— „Григоревскій, М. Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. По Коху и Коги. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1902. Стр. 136. Цѣна 65 коп.“

— „Энойко, Николай. Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Изданіе 5-ое. Одесса. 1902. Стр. III+231+II+IX+3 карты. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „Исаиловъ, Г. А. Повая исторія. (Курсъ систематическій). С.-Пб. 1902. Стр. VIII+243. Цѣна 80 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Каръевъ, Н. Учебная книга новой исторіи. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+348+VII табл.+XX [картъ. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (для старшихъ классовъ мужскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи карты распространенія представительныхъ учреждений и крѣпостничества были опущены).

— „Малышева, Н. С. Учебникъ географіи въ 3 частяхъ. I. Краткія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи. II. Западная Европа. III. Восточно-европейскія страны. С.-Пб. 1902. Стр. 3+180+2. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій).

— „Мензбургъ, М. А. Начальный курсъ зоологій. Часть II: безпозвоночныя. М. 1902. Стр. VII+174. Цѣна 1 р.“

— „Неру, К., и Н. Делякруа. Курсъ французскаго языка по натуральному методу. Варшава. 1901. Стр. XXIV+150. Цѣна 1 р.“

— „Оппенгеймеръ, К. Основанія органической химіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Нв. Нв. Иванова. С.-Пб. 1902. Стр. II+159. Цѣна 60 коп.“

— „Раевскій, Н. Краткій учебникъ географіи. Часть III. Западная Европа. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1902. Стр. 100. Цѣна 65 коп.“

— „Шамландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. Приготовительный курсъ. 4-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“ (для перваго класса женскихъ гимназій и прогимназій).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Мижуевъ, П. Г'. La France Moderne. Повѣсти и рассказы современныхъ французскихъ писателей. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Пб. 1902. Стр. 120+34. Цѣна 80 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „*Сильвергельмъ, А.* Таблицы для перевода русскихъ мѣръ и вѣса въ метрическіе и обратно, а также для сравненія цѣнъ между ними. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“ (также и для низшихъ учебныхъ заведеній, къ употребленію при рѣшеніи соотвѣтствующихъ арифметическихъ задачъ,—но съ тѣмъ, чтобы цѣна таблицъ въ первомъ изданіи не превышала 20-ти коп., а въ послѣдствіи была, по возможности, еще понижена).

— „*Umrub, Kornelius, und Karl Wilhelm.* Deutsches Lesebuch für evangelische Elementarschulen in Russland. I Teil. 3 Auflage. Verlag von P. Janzen (Gnadenfeld) und J. Letkemann (Halbstadt). 1902. Стр. 92. Цѣна въ перепл. 40 коп.“ (для школъ нѣмецкихъ поселенъ-собственниковъ, бывшихъ колонистовъ, лютеранскаго и меннонитскаго вѣрсноуѣданія).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арсеньева, С. Д.* Разказы изъ русской исторіи. С.-Иб. 1902. Стр. II+207+IV. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Балобанова, Е.* Библиотечное дѣло. Изданіе 2-е. С.-Иб. 1902. Стр. 38. Цѣна 40 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бальзакъ, Оноре.* Темное дѣло. Переводъ съ французскаго. Подъ ред. и съ примѣчаніями *А. Травескаго.* Изданіе А. Ильина. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Иб. 1902. Стр. 280. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. Карпушкинъ родникъ. Изданіе Т-ва П. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Верещанинъ, Ю.* Руководство къ чтенію избранныхъ произведеній всемірной литературы. Изданіе В. В. Думнова. С.-Иб. и М. 1902. Часть I. Стр. IV+263. Цѣна 1 р. 25 коп.—Часть II. Стр. 2+290+2. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Додэ, А.* Маленькій человекъ. Переводъ съ французскаго *А. Р.* Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 303. Цѣна 1 р.“ (для среднихъ и высшихъ классовъ).

— „Дружиницъ, Н. П. Новое сельское общество. Рассказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне трехъ грамотныхъ деревень. 2-е изданіе съ значительными перемѣнами и дополненіями журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.. «Учительская бібліотека». М. 1900. Стр. 159. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Жуковский, В. А. Сочиненія. Въ 2-хъ томахъ. Подъ ред. А. Д. Алферова. Изданіе Т-ва П. Д. Сытина. М. 1902. Томъ I. Стр. LX+624.—Томъ II. Стр. 620. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., на веленовой бумагѣ 7 р.“ (также и въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, а веленовыя экземпляры, сверхъ того, и для раздачи учащимся въ видѣ награды).

— „Журналъ опытной агрономіи. Редакторъ-издатель П. Коссовичъ. С.-Пб. Цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой 6 руб.“ (также и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотека, впродъ до измѣненія характера журнала).

— „Кацъ, Р. 1) Обь утомленіи глаза. 3-е изданіе, вновь перераб. и дополн., П. П. Мазурецъ. С.-Пб. 1902. Стр. 80. Цѣна 50 коп.—2) Очерки по гігіенѣ дѣтскаго глаза. Изданіе П. П. Мазурецъ. С.-Пб. 1902. Выпускъ I. О косоглазій у дѣтей. Стр. 34. Цѣна 25 коп.—Выпускъ II. Нужны ли дѣтямъ очки? Стр. 24. Цѣна 25 коп.—Выпускъ III. „Сонные глаза“ у дѣтей. Стр. 19. Цѣна 15 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Коваленскій, Михаилъ. Русская исторія. Руководство и пособіе. Изданіе П. П. Шамина. М. 1902. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Конъ, Ф. Бактеріи. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Г. А. Надсона. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1902. Стр. V+105. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „Конъ, Ф. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники..

Переводъ подъ редакціей *С. И. Коржинскаго* и *Г. Н. Танфильева*. Изданіе *А. Ф. Девриена*. С.-Пб. 1901. Томъ I. Стр. VIII+434. Цѣна 3 р. 50 коп.—Томъ II. Стр. VII+517. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста, а также и для выдачи учащимся въ двухъ старшихъ классахъ въ награду).

— „*Крепелинъ, Карлъ*. Въ зеленомъ саду. Бесѣды о жизни растений и животныхъ сада. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями для русскаго изданія *С. А. Порцкій*. (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 297. Цѣна 1 р., въ накѣ 1 р. 25 к.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ библіотеки городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лавровъ, А. И.* 1) Въ дали вѣковъ. Историческая повѣсть. С.-Пб. 1900. Стр. 192. Цѣна 50 коп.—2) Небесаи побѣжденные. Историческая повѣсть. С.-Пб. 1901. Стр. 191. Цѣна 50 коп. (Объ—изданія *П. П. Сойкина*).“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лавровъ, Н. И.,* и *Н. П. Нечаевъ*. Курсъ химіи. Изданіе *В. Думнова*. М. 1893. Стр. IX+274+I таблица. Цѣна 1 р. 50 к.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается химія).

— „*Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Вып. I. Въ полѣ и въ лѣсу. Изданіе *М. и С. Сабашниковыхъ*. М. 1902. Стр. 47. Цѣна 40 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Выпускъ II. Прудъ и рѣка. По *А. Бѣклей* и др. Изданіе *М. и С. Сабашниковыхъ*. М. 1902. Стр. 40. Цѣна 40 к.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ цѣна ея была понижена).

— „*Макарова, С. М.* Разсказъ монетъ. Историческая хроника. Изданіе *Т-ва М. О. Вольфъ*. С.-Пб. и М. 1901. Стр. IV+234. Цѣна не обозначена.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Макаровъ, Н. П.* 1) Теорія тѣней. Изданіе 2-е, вновь переработ., *И. П. Перевозникова*. С.-Пб. 1900. Стр. IX+164.—2) Чертежи къ „Теорія тѣней“. 25 листовъ. Цѣна за обѣ части 2 р.“

— „*Мальцевъ, А. П.* Основанія педагогикн. Изданіе 3-е, испр. и дополи. Варшава. 1901. Стр. 234. Цѣна 90 коп., въ перепл. 1 р. 15 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Міръ въ каплѣ воды.* Изданіе П. П. Софкина. (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ ред. В. В. Битнера). С.-Пб. 1901. Стр. 46+III. Цѣна. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Мушкетовъ, И. В.* Геологическая карта Закаспійской области. С.-Пб. 1900. Масштабъ въ англ. дюймѣ 30 верстъ.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Невидимые враги и друзья.* Изданіе П. П. Софкина. (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ ред. В. В. Битнера). С.-Пб. 1901. Стр. 56. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Нечасвъ, А. П.* Мой горный музей. (Библіотека журнала „Игрушечка“. Томъ II). С.-Пб. 1901. Стр. 312.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Новиковъ, А.* Школа рисованія. Изданіе В. С. Гербача. С.-Пб. 1900. Тетрадь 1. Стр. 15. Цѣна 30 коп.—Тетрадь 2. Стр. 15. Цѣна 30 коп.—Тетрадь 3. Стр. 23. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Новиковъ, А.* Краткое наставленіе къ „Школѣ рисованія“. Изданіе В. С. Гербача. С.-Пб. 1900. Стр. 15. Цѣна 30 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Олькотъ, Луиза.* Маленькія женщины или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека) С.-Пб. 1900. Стр. IV+250. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Смирновскій, П.* Исторія русской литературы XIX вѣка. Вы-

пускъ III. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина.“ С.-Пб. 1900. Стр. IV+203. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Tanneri, P.* Первые шаги древне-греческой науки. Переводъ *Н. Н. Полюновой, С. И. Церетели, Э. Л. Радлова и Г. Ф. Церетели* съ предисловіемъ *А. И. Введенскаго*. С.-Пб. 1902. Стр. XII+330+119. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Tegn, Mark.* Жанна д'Аркъ. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред. и съ примѣчаніями *А. Травескаго*. Изданіе *А. Ильина*. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Пб. 1902. Стр. 450. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Уэльсъ*. Юмористическіе рассказы и маленькія новеллы. Переводъ *К. К. Толстого*. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. С.-Пб. 1899. Стр. 487. Цѣна 1 р.“ (для старшихъ классовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Филитисъ, Н.* Подвижныя школьныя игры. Изданіе 2-е, *Е. В. Лавровой и Н. А. Попова*. С.-Пб. 1901. Стр. IV+112. Цѣна 40 коп.“ (также и въ учительскія и ученическія библіотеки шшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Альбовъ, А.* Этимологія русскаго языка. Руководство преимущественно для учащихся польскаго происхожденія. Варшава. 1902. Стр. 131+III. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 70 коп.“ (для младшихъ классовъ, въ особенности тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ большинство учащихся польскаго происхожденія).

— „*Сальниковъ, А. Н.* Руководство къ отечественной исторіи. Изданіе *П. П. Сойкина*. С.-Пб. 1902. Стр. 144+III. Цѣна 40 коп.“ (для III класса гимназій и реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги былъ принятъ во вниманіе отзывъ о ней ученаго комитета).

б) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Struve, N.* Geschichte der deutschen Litteratur. Odessa. 1902. Стр. XII+358+VI. Цѣна 1 р. 40 коп.“ (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи, буде таковое понадобится,

было обращено надлежащее вниманіе на корректурную исправность книги).

— „*Фостеръ, М., и Л. Шоръ. Физиологія для начинающихъ. Переводъ Д. Д. Бекарюкова. (Библіотека для самообразования. XXIV). М. 1902. Стр. XIX+330. Цѣна 1 р. 50 к.*“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ книги приняты были къ руководству замѣчалія ученаго комитета).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „*Лирическія стихотворенія Квинта Горация Флакка. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1902. Стр. 5+214+IV. Цѣна 1 р. 25 коп.*“—признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія ея въ бібліотеки означенныхъ заведеній, какъ фундаментальныя, такъ и ученическія.

— Книгу: „*Ярошевская, М. Т. Бесѣды и рассказы о природѣ. Часть II. Весна. М. 1902. Стр. 341. Цѣна 1 р. 30 коп.*“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданіе: „*Левие, Л. Картины, изображающія житейскую обстановку челоука, учебное пособіе для нагляднаго обученія новымъ языкамъ: 1. Семья въ гостиной. 2. Семья въ столовой. 3. Дѣтская спальня. 4. Помѣщичья усадьба. Цѣна каждой картины 2 р.*“—допустить къ приобрѣтенію, въ качествѣ класснаго учебнаго пособія, тѣми учебными заведеніями министерства, въ которыхъ начальное обученіе французскому языку будетъ вестись по учебнику Неру и Делакруа (Варшава. 1901).

— Брошюру: „*М. Ѳ. Кузнецовъ. О школьномъ преподаваніи исторіи. (Методическія замѣтки и наблюденія). Вильна 1901. Стр. 20.*“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ и въ учительскія бібліотеки иныхъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „*Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссіи. Томъ II. Кишиневъ. 1902. Стр. VIII+496. Цѣна 3 р.*“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— „*Юный Читатель. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 24*

книжки въ годъ. Редакторъ-издат. ж.-вр. *А. Остроумская-Малкина*. Изд.: ж.-вр. *Козакевичъ-Стефановская*. Редакт.: *Э. Пилевова*. Подписная цѣна 2 р. 50 к. въ годъ съ доставкой и поресылкой. Безъ доставки 2 р.—допустить какъ за текущій 1902-й, такъ и—по предварительной подпискѣ—за предстоящій 1903-й годъ, въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: *„В. И. Голиковъ. Методика естествовѣдѣнія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. XII+568. Цѣна 1 р. 80 коп.“*—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ, а также и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: *„М. Олещицкій. Краткій курсъ педагогики. Выпускъ II: Теорія обученія. 3-е изданіе. Кіевъ. 1902. Стр. VI+155. Цѣна 60 коп.“*—допустить *условно* въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи эта книга была вновь переработана и исправлена, какъ по содержанию, такъ и, въ особенности, по изложенію.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— *„Глазунова, А., и В. Газина. Задачи и планы для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. 1-й курсъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 15 коп.—2-й курсъ. 4-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“*

— *„Доне, Фридрихъ. Сборникъ методически распределенныхъ арифметическихъ задачъ. Часть I. Изданіе 3-е, предѣл., Меллина и Ко. Рига. 1902. Стр. 112. Цѣна въ перепл. 36 коп.“* (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Лене*. Картины, изображающія [житейскую обстановку человека]. 1. Семья въ гостиной. 2. Семья въ столовой. 3. Дѣтская спальня. 4. Помѣщичья усадьба. 5. Улица большого города. 6. Базаръ въ небольшомъ городѣ. 7. Вокзалъ и рѣчная пристань. 8. Внутренній видъ магазина. Изданіе по порученію департамента торговли и мануфактуръ. Кіевъ. 1901. Цѣна за 8 картинъ (разм. 118×80 центим.) 12 руб., цѣна отдѣльной картины 2 руб.“

— „*Мюльманъ, Р.* Сборникъ [арифметическихъ задачъ и примѣровъ]. Часть I. Счетъ до 100. Дѣйствія до 20. Изданіе К. I'. Зихмана. Рига. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Паульсонъ, I.* Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Новое, значительно испр. изданіе, В. В. Думнова. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+336. Цѣна 45 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Поливановъ, Левъ.* 1) Первая Пчелка. Книга для класснаго чтенія. Изданіе 11-е. М. 1899. Стр. XIII+385. Цѣна 50 коп. — 2) Вторая Пчелка. Изданіе 3-е, испр. М. 1893. Стр. XX + 537. Цѣна 1 р.“

— „*Поповъ, Д.* Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. III годъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1891. Стр. 192. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ и сельскихъ училищъ).

— „*Расовскій, Н.* Краткая ботаника (для городскихъ училищъ). 4-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 96. Цѣна 50 коп.“

— „*Страховъ, М. А.* Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣчаніями. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1901. Стр. II+142. Цѣна 70 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Тарасенко, С.* Стѣпная таблица для обученія письму. (1-я ступень обученія) и для чистописанія. Изданіе 2-е. Томашовъ. 1902. 91 таблица+предисловіе (1 стр.). Цѣна 2 р.“

— „*Улитскій, К. Д.* Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 124-е. С.-Пб. 1902. Стр. 112. Цѣна 25 коп.—Годъ 2-ой. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 107-е. С.-Пб. 1902. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

— „*Яичковъ, Дмитрій.* Курсъ 1-го года обученія церковному пѣнію. Тифлисъ. 1900. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Глазунова, А., и Е. Разина.* Методическія указанія къ «Задачамъ и планамъ для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей». Изданіе 4-е. С.-Пб. 1899. Стр. П+55. Цѣна 40 коп.“

— „*Золотаревъ, Л. А.* 1) Гигіена супружеской жизни. М. 1901. Стр. 182. Цѣна 80 коп.—2) Что говоритъ наука о половой потребности. Изданіе 4-е, дополн. М. 1900. Стр. 66. Цѣна 30 коп.“

— „*Качіони, С. А.* Въ дѣбряхъ Крыма. М. 1902. Стр. 609. Цѣна 2 р.“ (также и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лебедевъ, А. И.* Дѣтская и народная литература. Выпускъ I-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста. 2-е, знач. дополн. изданіе. Пинжній-Новгородъ. 1902. Стр. 105. Цѣна 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бажановъ, В. Б.* Правоучительныя повѣсти для дѣтей. Изданіе 15-ое, II. Л. Тузова. С.-Пб. 1903. Стр. 108 + I. Цѣна 25 коп.“

— „*Бобровъ, Павелъ.* Законъ Божій. Изложеніе православно-христіанскаго ученія. Изданіе 2-е испр. и дополн. Саратовъ. 1899. Стр. 105. Цѣна 25 коп.“

— „*Гермогенъ, Епископъ* (Константинъ Доброправинъ). Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Изданіе 11-ое, II. Л. Тузова. С.-Пб. 1902. Стр. 120. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Круловъ, А. В.* Далекое Рождество. Изданіе М. В. Ключина. М. 1898. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „*Ланге, Георгій.* Сто животныхъ. Опытъ краткой зоологін. По датскому учебнику А. Федерсена. Изданіе К. Тихомирова. М. 1902. Стр. П+100. Цѣна 50 коп.“

— „*Хвольсонъ, А. В.* Царство малютокъ. 2-е изданіе, Т-ва М. О.

Вольфъ. С.-Пб. 1902. Стр. IV+216. Цѣна въ перепл. 3 р.“ (также и въ ученичскія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Ярославская, К. Л. (кн. Е. В. Львова). Общедоступное чтеніе во время говѣнія. Изданіе 5-е, П. Л. Тузова. С.-Пб. 1902. Стр. 88. Цѣна 15 коп.“

г) въ ученичскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Альбомъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Гоголя. Изданіе А. Н. Голяшкіна. Вып. 1-й. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. М. 1874. 6 рисунковъ. Цѣна 4 р.—Вып. 2-ой. Страшная мѣсть. 11 рисунковъ. М. 1874. Цѣна 6 р.—Вып. 3-й. Сорочинская ярмарка. М. 1876. 8 рисунковъ. Цѣна 5 р.—Вып. 4-й. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. М. 1876. 7 рисунковъ. Цѣна 5 р.“

— „I. Бичеръ-Стоу. Хижина для Тома. Съ англійскаго Е. Б. П. Освобожденіе черныхъ рабовъ. Очеркъ И. Горбунова-Посадова. (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1902. Стр. 457. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и въ ученичскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Глиновъ, Н. П. Батюшка въ селѣ. Вятка. 1899. Стр. 60+Ш. Цѣна 5 коп.“

— „Лукавозъ, Н. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Изданіе 2-е, перепр., В. Д. Карчагина. М. 1900. Стр. 147. Цѣна 40 коп.“

— „Верта, Жюль. Вторая родина. Изданіе П. П. Солякина. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. Стр. 269. Цѣна 1 р.“

— „Гоюль, Н. В. 1) Набранныя сочиненія. Томъ I. Стр. 338.—Томъ II. Стр. 342.—Томъ III. Стр. 250. Цѣна за 3 тома 1 р. 50 коп.—2) Сорочинская ярмарка. Стр. 28. Цѣна 7 коп.—3) Тарастъ Бульба. Стр. 119. Цѣна 18 коп.—4) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Стр. 15. Цѣна 5 коп.—5) Страшная мѣсть. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—6) Пропавшая грамота. Стр. 11. Цѣна 5 коп.—7) Женитьба. Стр. IV+(89—141). Цѣна 10 коп.—8) Ревнзоръ. Стр. 83. Цѣна

12 коп.—9) Майская ночь, или Утопленница. Стр. 31. Цѣна 7 коп. (Всѣ—изданія Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1902).“

— „Жилиты, Е. и И. Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 19-я). М. 1902. Стр. 116. Цѣна 25 к.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Жуковский, В. А. Иллюстрированная дешевая бібліотека. Подъ ред. А. Д. Алферова. Изданіе Т—ва П. Д. Сытина. М. 1902. 1) Сказка о царѣ Берендеѣ. Овсяный кисель. Деревенскій сторожъ въ полночь. Стр. 32. Цѣна 3 к.— 2) Война мышей и лягушекъ. Котъ въ сапогахъ. Стр. 31. Цѣна 3 к.— 3) Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Стр. 48. Цѣна 5 коп.— 4) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Стр. 63. Цѣна 6 к.—5) Камозень. Стр. 46. Цѣна 5 к.— 6) Рустемъ и Зорабъ. Стр. 180. Цѣна 15 к.—7) Наль и Дамалити. Стр. 112. Цѣна 10 к.—8) Ундина. Стр. 141. Цѣна 12 к.—9) Орлеанская дѣва. Стр. 192. Цѣна 15 коп.—10) Спящая царевна. Стр. 31. Цѣна 3 к.—11) Баллады. Стр. 111. Цѣна 10 к.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Засодимскій, П. Сара Гальборхъ. Повѣсть. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. С.-Пб. 1900. Стр. 102. Цѣна 75 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Зубрилингъ, А. А. Какъ живетъ растение и чѣмъ нужно удобрять землю. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 28-я). М. 1902. Стр. 63. Цѣна 4 к.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Козлова, В. Е. Поющій камень. Кавказская легенда. Изданіе М. В. Ключкина. М. 1902. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Красницкій, А. И. Отъ океана къ океану. Путешествіе маіора Серпа Ницго поперекъ Чернаго материка. Изданіе П. П. Сойкина. (Бібліотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб, 1901. Стр. 232.“ (для городскихъ училищъ, а также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Красницкій, А. Н.* По чужимъ волнамъ. Первое путешествіе русскихъ вокругъ свѣта. Изданіе П. П. Софкина. (Библиотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. Стр. IV+240. Цѣна 1 р. 25 к.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Меньшиковъ, А. Н.* Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ. Изданіе 2-е, испр. и дополн. Вятка. 1902. Стр. VI+85+4. Цѣна 25 коп.“

— „*Писменный, Н. Н.* Общепонятныя бесѣды объ устройствѣ и жизни человѣческаго тѣла. Бесѣда 3-я. О дыханіи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Составленный кружкомъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга. Географическій матеріалъ редактированъ *Н. Н. Михайловымъ*. Изданіе городской комиссіи по народному образованію. С.-Пб. 1902. Стр. 140+13 картъ. Цѣна 75 коп.“ (также въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Раевскій, В.* Ботаническія экскурсіи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. XXIII+208+II+14 листовъ съ рисунками. Цѣна 2 р. въ папкѣ.“ (также въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „1) *Россійскій Императорскій Домъ (Альбомъ)*. Издавъ В. А. Березовскій. С.-Пб. 1902. Цѣна 75 коп.—2) То же въ видѣ таблицы. Цѣна 1 р. (при требованіи учебными заведеніями въ болѣе значительномъ количествѣ экземпляровъ—уценка до 20%).“ (также и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а первое—альбомъ—и для выдачи ученикамъ въ награду).

— „*Святая Пина, просвѣтительница Грузин.* Историческій очеркъ. Изданіе М. В. Ключина (Добрыя Души. № 31). М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Смиренномудренскій, А. С.* Лѣсъ и безлѣсье. Чтеніе для школъ и народа. Саратовъ. 1902. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Типы народовъ.* Выпускъ 2-й. Малайцы. (По картинѣ Лемана). Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Казань. 1901. Цѣна 35 коп.“

— „*Тресне, Г. Г., и В. Н. Спасскій.* Краткое руководство къ уходу за комнатными растеніями и устройству цвѣтниковъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 190+II. Цѣна 1 р. 25 к. въ папкѣ.“ (также и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

Д) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Александровъ, А. П.* Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи, Императоръ Александръ II. Изданіе 6-е Казанскаго общества трезвости. Казань. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій).

— „*Бильскій, Л. Н. С.* Никитинъ. Изданіе Т-ва Н. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 19. Цѣна 15 коп.“

— „*Данилевскій, Г. П.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе 8-е, посмертное, А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1901. Цѣна 15 р.“

— „*Ивановъ, И.* Деньщикъ Лаврушка. Историческій рассказъ. Изданіе М. В. Клюкина (Историческая библіотека. № 4). М. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 к.“

— „*Крулювъ, Александръ.* Вѣчевой городъ. (Шутевыя наброски). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 160. Цѣна 50 коп.“

— „Музыкальная хрестоматія. Пособіе для первонач. обученія пѣнію на 1, 2 и 3 голоса. Собрано кружкомъ учителей думскихъ училищъ г. Москвы. М. 1902. Стр. 44. Цѣна 35 коп.“

— „*Парскій.* Севастополь и памятники его обороны. Одесса. 1902. Стр. III + 216 + LVI. Цѣна 3 р.“ (также и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Потанино, И. Н.* Повѣсти и рассказы. Томъ II. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1895. Стр. 320. — Томъ IV. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 335. — Томъ VI. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 333. — Томъ VIII. С.-Пб. 1894. Стр. 343. — Томъ IX. С.-Пб. 1896. Стр. 317. (Томъ VI—изданія А. Ф. Маркса, остальные Ф. Павленкова). Цѣна каждому тому 1 р.“

— „*Р-скій, Ѡ.* Туча съ запада. Историческая повѣсть. Изданіе П. П. Сойкина (Дешевая библіотека Русскаго Паломника). С.-Пб. 1900. Стр. 144. Цѣна 25 коп.“

— „*Ханардъ, Р.* Копи царя Соломона. Изданіе П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]), С.-Пб. 1901. Стр. 192. Цѣна 50 коп., въ перекл. 75 коп.“

— „*Цельтовъ, И.* Грамотей. Сборникъ рассказовъ для начинающихъ взрослыхъ чтецовъ. № 1. С.-Пб. 1902. Стр. 30.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:**а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:**

— „Гречушкинъ, С. И. Миръ Божій. Первая послѣ буквара книга для чтенія. М. 1902. Стр. II+160. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Григоревскій, М. Сокращенная русская грамматика. Этимология и синтаксисъ. С.-Пб. 1902. Стр. IV+88+II. Цѣна 45 коп.“ (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Раевскій, Н. Краткая зоологія (для городскихъ училищъ). 4-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 126. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Циркляръ, Г. М. Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу. 9-е изданіе, Л. Фишера. Лодзь. 1901. Стр. 77. Цѣна въ перепл. 25 коп.“ (для тѣхъ низшихъ училищъ, гдѣ преподается нѣмецкій языкъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Власовъ, В. Пособіе къ наглядному изученію географіи. Изданіе М. Залшупина. С.-Пб. 1902. XVI таблицъ. Цѣна 1 р. 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналь: „Юный Читатель“ — допустить *условно*, въ видѣ опыта, за 1902 и 1903 годы, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, съ тѣмъ, чтобы ре-

дашею журнала были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „*Лесбодва*, *А. И.* Церковно-историческія повѣствованія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). Изданіе 2-е, *И. Л. Тузова*. С.-Пб. 1903. Стр. 344. Цѣна 2 р.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *Н. Н. Письменнаго* подъ заглавіемъ: „Общепонятныя бесѣды объ устройствѣ и жизни человѣческаго тѣла. Бесѣда третья. О дыханіи. Съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Москва 1902 г. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

— Книгу *И. Бюкольца*: „Аналитическая химія. Руководство для практическихъ занятій. Часть I. Качественный анализъ. С.-Петербургъ 1901 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.“—одобрить для среднихъ химико-техническихъ училищъ въ качествѣ пособия при практическихъ занятіяхъ учащихся по качественному химическому анализу.

— Книгу *Н. И. Макарова*: „Теорія тѣней. Руководство для учащихся. Изданіе 2-ое, вновь переработанное. С.-Петербургъ 1900 г. Цѣна 2 рубля.“—допустить въ средніи и низшія техническія училища.

— Книгу *Прангъ*: „Элементарный курсъ преподаванія искусства въ начальныхъ школахъ. Руководство для учащихся. Годъ первый. Полный переводъ съ американскаго изданія *З. И. Зенковичъ*, подъ редакціей *А. Н. Смирнова*. Изданіе журнала «Вѣстникъ учителей рисованія». С.-Петербургъ 1902 г. Цѣна 1 руб. 70 коп.“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ промышленныхъ училищъ всѣхъ типовъ.

— „Журналъ опытной агрономіи“ за 1900 и 1901 гг.—рекомендовать для бібліотекъ среднихъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданное *А. Н. Смирновымъ* сочинение профессора *Э. Гердтле* „Геометрическій орнаментъ. Собрание узоровъ для начальнаго черченія. С.-Петербургъ 1898 г. Цѣна 3 руб. 75 коп.“—допустить въ библиотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ Ровенскомъ уѣздѣ, Волинской губерніи, въ августѣ сего года открыты начальныя училища—Селищское двухклассное сельское при 80 учащихся и Костопольское одноклассное народное, при 42 учащихся, и 18 того же августа Глинское одноклассное начальное училище преобразовано въ двухклассное сельское при 160 учащихся.

— 25-го минувшаго августа состоялось преобразование Кунгурской женской прогимназіи въ гимназію.

— Въ текущемъ учебномъ году состоялось открытіе Луганской женской прогимназіи, въ составѣ четырехъ первыхъ классовъ и приготовительнаго, при 207 учащихся.

— 7-го минувшаго сентября состоялось открытіе въ гор. Поти, Кутаисской губерніи, женской прогимназіи, при 60 учащихся.

— 8-го минувшаго сентября открыто въ гор. Ковиѣ, Виленской губерніи, 3-хъ классное городское училище по положенію 31-го мая 1872 года.

— Состоялось открытіе въ гор. Карсѣ женской прогимназіи, при 87 учащихся.

— 17-го августа сего года состоялось открытіе Верхотурской женской прогимназіи, при 42 учащихся.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОГО НАРОДА.

Болгарское возрождение должно быть признано одной из любопытнейших страниц не только в истории славянских народов, но и вообще народов Европы. Для болгаръ съ падениемъ въ 1393 году ихъ царства наступилъ въ высшей степени тяжкій и мрачный періодъ жизни; полное порабощеніе отняло у нихъ всякую возможность не только возстановить свою самостоятельность и независимость, но даже какимъ-либо болѣе или менѣе крупнымъ движеніемъ напомнить о своемъ существованіи Европѣ, которая, не разъ выдвигая на очередь вопросъ объ ослабленіи могущества турокъ и время отъ времени нанося довольно значительный ущербъ этому могуществу, — какъ бы забывала о Болгаріи, оставляя ее безответной жертвой турецкой мести, такъ какъ турки за каждую потерю въ своихъ владѣніяхъ старались вознаградить себя усиленными наборами съ болгаръ, а потому еще ужасиле ихъ пригнѣсли.

Неизмѣнно продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подобное положеніе было причиной того, что къ XVIII вѣку болгарскій народъ дошелъ до такой степени упадка, что о немъ многіе ученые (даже начала XIX вѣка) имѣли очень слабыя, подчасъ поразительныя по своей неточности свѣдѣнія ¹⁾.

---

¹⁾ Указанія о такого рода свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Добровскимъ, Кошитаромъ, Шафарикомъ и проч., см. у Пыпина и Снаговича (Ист. слав. лит. изд. 2) т. 1 стр. 104.—Очень яркое описаніе положенія болгаръ подъ турецкимъ игомъ (особенно въ XVIII в.) дано М. С. Дриновымъ въ ст. „Отцы Паисій, истовото време, неговата история и ученицини му“, Перподическ. Списание (Вранля), год. I, кн. I.—Подробнаго изложенія событій жизни болгаръ подъ властью турокъ еще нѣтъ. Въ болгарской литературѣ появляются кое-какія работы, но онѣ чаще затрогиваютъ

При такихъ условіяхъ болгары, потерявшіе всякое подобіе гражданской жизни, не могли и надѣяться на сверженіе чужеземнаго ига, хотя бы она и стали съ оружіемъ въ рукахъ бороться за свою жизнь, за свое человѣческое достоинство; врагъ по-прежнему былъ очень силенъ, и для борьбы съ нимъ нужна была поддержка болѣе могущественныхъ государствъ, а между тѣмъ для государствъ этихъ съ именами „болгарингъ“, „Болгарія“ не соединялось никакого конкретнаго представленія, да и сами болгары въ значительной степени въ теченіе этого періода утратили сознаніе своей народности, сохранивъ очень мало воспоминаній о прошломъ.

Вслѣдствіе этого для болгаръ и явилась настоятельная необходимость возсоздать изъ самихъ себя такую этнографическую единицу, которая была бы признана наравнѣ съ другими членами европейской семьи имѣющею законное право на свободную, самостоятельную жизнь. Сознаніе необходимости такого рода работы проявилось у болгаръ въ концѣ XVIII вѣка и выразилось въ трудахъ, посвященныхъ изображенію былой свободной жизни болгарскаго народа времени самостоятельнаго государственнаго существованія, а также на-

---

болѣе новое время; этотъ недостатокъ болгарскими учеными предположено устранять въ задуманномъ болгарскимъ правительствомъ изданіи, которое будетъ посвящено всестороннему описанію Болгаріи *передъ освобожденіемъ*. Желательно, чтобы при этомъ было обращено вниманіе на различнаго рода приписки о данихъ періодѣ болгарской исторіи—во многихъ рукописяхъ,—напр. въ рукописяхъ бібліотеки болгарскаго синода (ср. мою рецензію на кн. *Сиространова* въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1901 г. май), Рыльскаго монастыря, гдѣ напр. въ рукоп. № 16 (XV в.—прологъ) мнѣ пришлось читать любопытную записку о событіяхъ 1805 года, когда турки олустили цѣлую область около города Дубницы. Отмѣчу еще любопытную для даннаго періода болгарской исторіи рукопись народной бібліотеки (въ Софіи)—№ 89, гдѣ между прочимъ находится относящаяся къ 1821 году статья „*Поетствованіе за страданіе Болгаріи ѿ аварана*“; въ этой статьѣ перечисляются очень многіе и весьма характерные случаи турецкихъ пгизаній—съ указаніемъ болгарскихъ городовъ и селъ, а также отмѣчены имена лицъ, пострадавшихъ во время звѣрствъ турецкихъ. На послѣдней страницѣ рукописи находятся „*стихове пѣнитически*“, которые привожу:

„ѡ прѣе мати милостива,
Иже еси бога истиннаго родица,—
Оумоди сына твоего и бога
За пемощна болгарскаго рода,
Не остави их' оу погибсаи до конца,
Да не бѣдутъ клани къ агница,
Но избави их' ѿ аваранское ига,
Да восхвалять ния твоє благо“.

правленных къ предоставленію болгарамъ возможности пріобрѣтать различнаго рода знанія, необходимыя для уясненія своего положенія среди другихъ народовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и для изысканія средствъ къ тому, чтобы народы эти, ознакомившись съ названіями „болгаринъ“ и „Болгарія“, перестали считать ихъ лишь одними отвлеченными именами.

Самое пробужденіе такого рода сознанія среди болгаръ должно быть понимаемо, какъ явленіе чисто національное; оно не подсказано со стороны, возникновенію его почти никто помимо болгаръ не способствовалъ; его создала сила духа болгарскаго народа, который какъ бы проснулся при ознакомленіи съ первыми же подобнаго рода трудами и сразу далъ цѣлый рядъ дѣятелей, готовыхъ съ энергіей и любовью вести начатую работу, не теряясь при встрѣчѣ съ различными препятствіями. Полное изученіе фактовъ, рисующихъ пробудившееся такимъ образомъ сознаніе, и будетъ исторіей болгарскаго возрожденія, именно и любознательнаго по своему народному характеру, но появляться исторія эта можетъ лишь съ опубликованіемъ и приведеніемъ въ извѣстность большаго количества матеріаловъ, которые несомнѣнно послужатъ также для гораздо болѣе детальнаго освѣщенія и тѣхъ моментовъ болгарскаго возрожденія, которымъ посвящены настоящіе краткіе очерки ¹⁾).

I.

Переводы Новаго Завѣта на болгарскій языкъ и ихъ изданія.

Пробудившееся у болгаръ сознаніе необходимости дать больше средствъ для народнаго просвѣщенія, для распространенія въ массѣ религіозныхъ истинъ и догматовъ, не могло не выдвинуть на одно изъ первыхъ мѣстъ вопросъ о переводѣ Евангелія на доступный для народа языкъ. Этимъ обстоятельствомъ должно объяснить по моему мнѣнію довольно значительное число появившихся въ періодъ съ XVII вѣка и распространившихся въ теченіе всего XVIII и начала XIX вѣка писанныхъ „новоболгарскимъ“ языкомъ весьма разнообразнаго содержанія сборниковъ; такіе сборники, извѣстные, напримѣръ, подъ

---

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ были въ извлеченіи читаны въ Историко-филологическомъ обществѣ при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

общимъ именемъ „дамаскиновъ“¹⁾), заключали въ собѣ часто очень большіе отрывки вообще изъ библейскихъ текстовъ, а въ частности изъ Евангелія; къ числу такихъ можно напр. отнести сборникъ (XVII в.) изъ собранія В. И. Григоровича (библіотека Новороссійск. унив.) № 38 (64), въ которомъ между прочимъ заключаются слова на недѣльное Евангеліе въ теченіе цѣлаго года, нѣсколько сборниковъ бібліотеки болгарскаго синода (въ Софіи), напр. №№ 14, 39 (по описанію Сиространона 130, 131) и др.

Последній изъ названныхъ мной сборниковъ долженъ быть отнесенъ къ числу такихъ, изъ которыхъ читатель могъ познакомиться съ особенно значительными отрывками евангельскихъ текстовъ, приводимыхъ впрочемъ часто съ сокращеніями. Для характеристики этого рода евангельскихъ отрывковъ я изъ названнаго сборника бібліотеки болгарск. синода (№ 39) и приведу слѣдующій отрывокъ: „Имаше тамъ након книжници да гѣдаха и мислаха на срца та ги лошоко помышаніи и двмаха за Хрта: какока и този дѣто хоратвха такъ—изи храни двми: кон може да прости чѣкоу согрѣшеніе то токомо единъ Гіх: аан този чакъ развма Гіх, че мислаатъ зао на срце-то ги и рече ѳахъ зацѣ мислате такъ—озн лѣкаво на срце то що в подовро да рече даан да рече прости да ти са грѣховеѣте, нан да рече да стани де ги земн одрачѣ да ги наѣ“... Это мѣсто (оно находится въ Ев. Марка 2, 6 и далѣе) въ сборникѣ заключается какъ матеріалъ для толкованія въ словѣ по вторую недѣлю ность (съ л. 127а), по отдѣлено отъ толкованія и потому могло быть всегда прочтано и самостоятельно. Такого рода тексты евангельскіе, не имѣющіе ничего общаго съ текстами печатными²⁾, и служили несомнѣнно очень долгое время болгарскому народу для ознакомленія съ Новымъ Завѣтомъ на родномъ языкѣ; быть можетъ, благодаря именно этимъ отрывкамъ изъ Евангелія подобныя сборники, время появленія которыхъ (конечно, переводъ съ греческаго яз.) не всегда извѣстно,—и переписывались въ различныхъ отдаленныхъ мѣстахъ Болгаріи (сб. № 39 переписанъ въ „село Пирдопъ“ въ 1840 г.) весьма охотно и усердно, какъ весьма назидательный матеріалъ для чтенія.—Весьма возможно однако, что съ началомъ просвѣтительнаго движенія въ Болгаріи въ періодъ ея пора-

¹⁾ О такихъ сборникахъ различнаго типа см. *Даврова*—„Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени „Дамаскины“ въ юго-слав. письменности“ (Одесса 1899), (напр. стр. 39).

²⁾ Они совершенно пещожи и съ текстами, находящимися въ павѣстномъ трудѣ *епископа вратчанскаго Софронія*—„*Кириакодроміонъ сиречь недѣльникъ*“ (первое изд. 1806 г.).

божественнаго состоянія въ различныхъ крупныхъ монастыряхъ для нуждъ отдѣльныхъ группъ населенія изготовлялись и полные переводы евангельскаго текста; этого рода предположеніе вполне допустимо въ виду факта существованія такого перевода въ одной рукописи (XVIII вѣка), принадлежащей бібліотекѣ Немецкаго монастыря въ Молдавіи. Переводъ этотъ, какъ можно судить по образцамъ, которые даны открывшимъ эту рукопись А. И. Яцимирскимъ, отличается выдающимися достоинствами произведенія, назначеннаго для чтенія народа; въ немъ встрѣчаются чисто болгарскія народныя слова и выраженія; при полномъ отсутствіи зависимости отъ церковнаго перевода текстъ этотъ поражаетъ необыкновенно точной, иногда фонетической передачей звуковъ народнаго говора и послѣдовательностью въ правописаніи ¹⁾. Такія достоинства этого перевода могли сдѣлать его вполне пригоднымъ для обращенія въ народную болгарскую массу, но указаній на то, чтобы онъ получалъ болѣе или менѣе широкое распространеніе,—въ памятникахъ отмѣченнаго періода нѣтъ, да повидимому и не было; этому мѣшали, конечно, тѣ неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ протекала жизнь болгаръ, не имѣвшихъ возможности свободно заботиться о сохраненіи своего литературнаго достоянія, а потому въ началѣ XIX вѣка, когда всюду въ Европѣ выдвинутъ былъ на очередь вопросъ объ изданіяхъ для различныхъ народовъ уже существующихъ или вновь изготовленныхъ переводовъ евангельскихъ текстовъ, никто не зналъ, что для болгаръ былъ когда либо сдѣланъ подобный переводъ на народный ихъ языкъ, а между тѣмъ было не разъ выражаемо желаніе узнать это, что видно, напримѣръ, изъ отчетовъ „Россійскаго библейскаго общества.“ ²⁾ Общество это, открытое въ 1813 г. „единственно для изданія книгъ Ветхаго и Новаго Завета на языкахъ *иностранныхъ*“, не могло упустить изъ своего вѣдѣнія вопросъ объ изданіи Евангелія для болгаръ, судьбой которыхъ въ то время довольно сильно

¹⁾ Рукопись, заключающая этотъ переводъ, описана А. И. Яцимирскимъ въ „Древностяхъ слав. ком. моск. арх. общ.“ т. II, 2 стр. 17, 21; выдержки изъ текста и весьма интересныя глоссы даны г. Яцимирскимъ въ весьма любопытной и важной статьѣ его „Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературѣ“ (см. „Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ т. IV, стр. 147).—Какимъ-либо данъ для опредѣленія вѣрности появленія этого перевода въ рукописи нѣтъ, но мнѣ кажется, что его слѣдуетъ отнести къ XVIII вѣку.

²⁾ Пользуясь издававшимся аккуратно „Отчетами комитета Россійскаго библейскаго общества“, а также статьями А. Н. Пятниа въ Вѣстникѣ Европы за 1868 г.: „Русское библейское общество“.

интересовались въ виду ихъ переселеній въ значительномъ числѣ семействъ къ намъ въ Россію. Дѣйствительно, уже въ пятомъ отчетѣ общества (за 1817 г.) мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Митрополитъ Гавриилъ, экзархъ кишиневскій и хотинскій, вице-президентъ бессарабскаго отдѣленія Россійскаго библейскаго общества, писалъ сюда, что болгары, единовѣрный и сосѣдственный намъ народъ, крайнюю имѣють нужду въ слушаніи глаголювъ живота на природномъ языкѣ; ибо на славянскомъ не понимаютъ“. Поэтому митрополитъ Гавриилъ и обѣщаль „*узнать*, находится ли на семь языкѣ готовый переводъ книгъ священнаго писанія, и буде таковаго нѣтъ, то прислать способнаго къ тому переводчика“. Очевидно однако, что митрополиту Гавриилу ничего не удалось сдѣлать по данному вопросу: о существованіи ново-болгарскаго перевода онъ не получилъ никакихъ свѣдѣній, а способнаго переводчика не могъ отыскать,—такъ какъ въ „Отчетѣ“ за 1819 годъ (прибавленія къ нему) въ письмахъ агента британскаго библейскаго общества *Пинкертона*,—ревностнаго распространителя библейскаго дѣла и энергичнаго сотрудника русскаго общества, которое не разъ давало ему командировки въ различныя мѣста,—мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „Булгарскій языкъ, пишетъ Пинкертокъ язь Константинополя, есть одинъ язь славянскихъ діалектовъ, для котораго мы донынѣ не могли еще ничего сдѣлать по желанію нашему. Я представилъ и сей предметъ во всемъ его пространствѣ патріарху ¹⁾. Онъ не только согласился охотно на предложенія мои, но далъ мнѣ къ архіепископу булгарскому, живущему въ Терновѣ, письмо, въ которомъ просить его выбрать одного или двухъ человекъ, способныхъ къ производству сего дѣла, и назначилъ самъ одного архимандрита, по имени Θεοδοσία, въ Быстрицкомъ монастырѣ, близъ Букареста, какъ наиболѣе способнѣйшаго для того“... Найденный такимъ образомъ переводчикъ,—архим. Θεοδοσίη,—занялся этимъ дѣломъ съ особой ревностью, и комитетъ общества въ своемъ отчетѣ за 1820 годъ могъ сообщить, „что переводъ уже оконченъ“, а потому онъ намѣревался „уचितно надлежанція сношенія съ начальствующимъ духовенствомъ болгарскаго народа для доставленія оному сей божественной книги на природномъ для него языкѣ“, въ отчетѣ же за 1821 годъ ²⁾ мы читаемъ, что въ

¹⁾ Тогда патріархомъ былъ Грягорій, пострадавшій въ Константинополѣ въ началѣ греческаго востанія.

²⁾ Стр. 41.

числѣ другихъ оконченныхъ переводовъ обществомъ *принятъ изъ напечатанію и болгарскій*, который былъ посланъ на просмотръ въ Кишиневъ и найдены для болгаръ понятнымъ, а „по сличеніи съ подлиннымъ текстомъ съ онымъ во всемъ согласнымъ“, а потому, какъ говоритъ И. А. Чистовичъ ¹⁾, и былъ изданъ въ 1823 году комитетомъ русскаго библейскаго общества (лишь Ев. отъ Матвея). Судьба этого труда архим. Θεοδοσία очень темна; экземпляровъ названнаго перевода нѣтъ ни въ одной библиотекѣ, и мы можемъ о немъ судить лишь на основаніи весьма скудныхъ, дошедшихъ до насъ свѣдѣній. П. А. Чистовичъ ²⁾ говоритъ, что еще въ то время, когда архим. Θεοδοσίи приступилъ къ своей работѣ,—многіе „болгарскіе уроженцы“ писали въ комитетъ общества, что архим. Θεοδοсіи едва-ли въ состояніи выполнить удовлетворительно столь важный трудъ; спустя же годъ послѣ времени, къ которому относится выходъ изъ свѣтъ перевода архим. Θεοδοσία, т. е. въ 1824 году, П. Беровичъ въ послѣсловіи къ своему „Буковарю“ ³⁾ называетъ этотъ переводъ очень плохимъ. Такого рода отзывы *притроднылъ* болгаръ о трудѣ Θεοδοσία, несогласные съ мнѣніемъ, вѣроятно, менѣе компетентныхъ лицъ, просматривавшихъ его въ Кишиневѣ, но даютъ возможности признать качества этого перевода высокими. Эта-ли негодность перевода, или признаніе опаснымъ содѣйствовать распространенію Евангелія на народномъ языкѣ должно быть признано причиною, но, очевидно, переводъ архим. Θεοδοσία почему-то былъ изъятъ изъ обращенія и, быть можетъ, уничтоженъ ⁴⁾, такъ какъ о его распространеніи свѣдѣній нѣтъ никакихъ.

¹⁾ „Исторія перевода библии на русскій яз.“ Изд. 2, Сиб. 1899, стр. 46, 47.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ О немъ см. Очеркъ II.

⁴⁾ Ср. *Пречекъ*, *Ист. болгаръ* (пер. Бруна и Палаузова, Од. 1878), стр. 689. Весьма любопытнымъ, но довольно загадочнымъ является указаніе А. Теодорова (Български книгописецъ, София 1893), который подл. № 304 отмѣчаетъ слѣд.: „*Завѣтъ новый, Спасителя нашего Господа Исуса Христа. Въ Лондонъ, 1828*“, а въ поясненіи говоритъ, что это есть болгарскій переводъ Евангелія, исполненный Θεοδοсіемъ и изданный *англійскимъ* библейскимъ обществомъ. Изданіе это, по словамъ г. Теодорова, было отослано въ Петербургъ, гдѣ *िल्никомъ было уничтожено*. Было-ли это самостоятельное изданіе, или въ этомъ нужно видѣть смѣшеніе съ изданіемъ петербургскимъ, и не знаю.—Въ Россіи болгарскій переводъ былъ бы въ обращеніи у болгарскихъ поселенцевъ въ Бессарабіи, а отъ нихъ наше правительство въ теченіи всей первой половины XIX вѣка весьма старательно устранило все, что могло бы способствовать единенію съ нихъ „задунайскими“, какъ тогда у насъ говорили, единоплемениками. Нѣсколько примѣровъ подобнаго пощенія о болгарскихъ колонистахъ въ Россіи мной указано въ статьѣ „Материалы за исторіята по възрждането на блг-

Послѣ столь безрезультатныхъ хлопотъ о предоставленіи болгарамъ Евангелія на народномъ языкѣ Россійское библейское общество, ставшее съ 1824 года клониться къ упадку ¹⁾, больше уже не выражало никакого желанія исполнить столь важное дѣло. Но мысль объ изготвленіи и изданіи такого болгарскаго перевода Евангелія не заглохла; сознаніе важности ея глубоко захватило какъ самихъ болгаръ, такъ и поборниковъ возрожденія ихъ, какъ одного изъ тѣхъ обиженныхъ судьбою народовъ, которые находили полное сочувствіе во многихъ лучшихъ представителяхъ все болѣе крѣпнущаго тогда въ Европѣ движенія на пользу распространенія библейскаго дѣла, а потому ей сравнительно довольно скоро и суждено было осуществиться.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX в. американскіе и англійскіе миссіонеры—въ качествѣ агентовъ Британскаго и иностраннаго библейскаго общества (British and Foreign Bible Society), увлеченные возросшимъ интересомъ Европы къ судьбѣмъ заявлявшихъ право на свободную жизнь грековъ,—особенно часто стали совершать поѣздки по Балканскому полуострову съ цѣлью предоставленія грекамъ возможности получить въ свое распоряженіе болѣе новый и болѣе совершенный, чѣмъ употреблялся раньше, переводъ Библіи на греческій языкъ. Энергичнымъ помощникомъ въ исполненіи этого дѣла для указанныхъ миссіонеровъ явился извѣстный Терновскій архіепископъ, епископъ Болгарія — Иларіонъ, на котораго, какъ на чловѣка способнаго запылится приготвленіемъ такого перевода, было указано тогдашнимъ патріархомъ Григоріемъ V ²⁾. Этотъ архіеп. Иларіонъ, взявшись энергично за изготвленіе греческаго перевода св. Писанія, въ перепискѣ съ однимъ изъ агентовъ названнаго общества въ Турціи—Ливсомъ (H. D. Leeves), а также въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ по данному дѣлу, вообще обнаружилъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ распространенія Библіи

горския народъ" (Пловдивъ 1900 г.). Вызывается сомнѣніе въ выходѣ въ свѣтъ въ казаніи русск. биб. общества перевода арх. Феодосія и повѣстіемъ П. Кошенина, который въ „Библиографич. листахъ“ за 1825 г. (стр. 598) говоритъ, что онъ слышалъ о приготвленіи арх. Феодосіемъ перев. Евангелія. И. И. Срезневскій говоритъ, что до 1828 года не было издано болгарскихъ перев. Евангелія („Книгопечатаніе въ Болгаріи“ въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1846 г. сент. отд. 5, стр. 10).

¹⁾ Общество закрыто было въ началѣ 1826 года; объ его существованіи больше упоминаемо, чѣмъ на дѣлѣ—см. указанныя выше статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1868 годъ.

²⁾ Ср. объ этомъ—*Δοκίμιον εκκλησιαστικῆς ιστορίας—ὀπίο Α. Διομήδος Κοριακῶν* (Αθήναι 1872), стр. 305, 306.

ны живых народных языкахъ, о чемъ и свидѣлствуютъ ставшія нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстными какъ письма Иларіона и Ливса, такъ и доносенія послѣдняго въ центральное управление Библейскаго общества въ Лондонѣ ¹⁾. Кроме того, изъ тѣхъ же доносеній Ливса, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Иларіономъ, мы должны заключать, что этотъ іерархъ далеко не былъ такъ сильно ослѣпленъ греческимъ патріотизмомъ, какъ многіе современные ему духовные, подвизавшіеся въ то время въ Болгаріи, и не питалъ обычной тогда для греческаго духовенства ненависти ко всему болгарскому, но напротивъ былъ единственнымъ іерархомъ, допускавшимъ во всей своей обширной епархіи совершеніе церковныхъ службъ и преподаваніе въ школахъ на старославянскомъ языкѣ въ то время, когда всюду для этихъ надобностей былъ въ Болгаріи употребляемъ исключительно греческій языкъ. Такого рода убѣжденіи, взгляды Иларіона, а также его отношеніе къ дѣлу просвѣщенія болгаръ и дали агентамъ британскаго общества вообще, а въ частности Ливсу, надежду, что въ лицѣ Иларіона они имѣютъ расположеннаго помощника въ дѣлѣ изготавленія перевода Евангелія на живой болгарскій языкъ. Дѣйствительно, въ 1827 году, когда Библейское общество признало изготавленный по его порученію рекомендованными адрианопольскимъ архіепископомъ двумя священниками переводъ Евангелія неудачнымъ,—

¹⁾ Весьма цѣнные документы эти приводятся цѣлкомъ или въ измѣненіяхъ въ очень интересной статьѣ Л. Винера (Harvard University): „America's Share in the Regeneration of Bulgaria“; воспользовавшись данными здѣсь матеріалами, болгарскій проф. Из. Д. Шишмановъ напечаталъ весьма интересную работу „Ролята на Америка въ болгарското образование“, привождая большіе и обстоятельные отрывки и выдержки изъ указанныхъ документовъ; отдѣльнымъ оттискомъ этой работы г. Шишманова, вышедшей въ Софіи въ 1898, я здѣсь и пользуюсь. — Причисленіе названнаго Иларіона къ числу павѣстныхъ своимъ предвѣтательствомъ надъ болгарами фанариотскихъ іерарховъ и обвиненіе его, которое высказывалось до самаго послѣдняго времени,—въ уничтоженіи громаднаго количества болгарскихъ рукописей (см. напр. у М. С. Дринова, „Исторически прегледъ на българската църква отъ само-то и начало и до днесъ“, Вѣна 1869, стр. 149) — должны теперь считаться несостоятельными и несправедливыми тѣмъ болѣе, что и нѣкоторые изъ современниковъ и очевидцевъ его дѣятельности отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ, который „былъ, хотя не болгаринъ, но много нескъ объ образованіи и просвѣщеніи болгаръ“. См. объ этомъ у В. Априлова, „Денница ново-болгарскаго образованія“ (ч. I, Одесса 1841), стр. 98 и его же — „Дополненіе“ къ этой книгѣ (С.-Петербургъ 1842), стр. 17 и др. Пречекъ (Ист. болгаръ, стр. 664), передавалъ о фактѣ сожженія Иларіономъ рукописей, замѣчаетъ, что „этотъ случай, извращенный на разные лады, побуждаетъ историка къ большой осторожности“.

агенты его обратились къ Пларіону, *который и взялся за дѣло перевода Евангелія на болгарскій языкъ* ¹⁾. Но скоро стало извѣстнымъ, что въ Бухарестѣ уже начато печатаніе перевода Евангелія на болгарскій языкъ, а потому рѣшено было подождать выхода этого изданія и новаго перевода не дѣлать.

Дѣйствительно, въ 1828 году Салуновъ выпустилъ въ свѣтъ переводъ Евангелія, который такимъ образомъ и является первымъ напечатаннымъ и выпущеннымъ въ обращеніе переводомъ Евангелія на болгарскій языкъ. Трудъ Салунова ²⁾ имѣеть слѣдующее заглавіе: „Новый Заветъ, сирѣчь четыре Евангелія на четырехъ Евангелиста, переведены отъ Еллинскіа на болгарскіа языкъ, ково са оупотреблява сега въ Болгаріата. Който съ благословеніето на сегашнаго Митрополита на сичка та оугровлахія Господина Господина Григоріа. При пресвѣтлага и премыслагоу Кназа Григоріа Гика Воевода наче да са печати в нодирь дохожданието на Армїата на пол-силнота Имперіе на сичката Россїа прїе приличното окончаніе. Презъ осердіетw на едногоw переводителите, а съ спомоществованіето, и харчѣта на едноплемянците благочестивы хрїстіаны. Въ Букурецъ въ сѣтата Митрополїа

¹⁾ Впрочемъ не сообщаетъ никакихъ подробностей объ этомъ впервые дѣлающемся извѣстномъ фактѣ подготовленія перевода—священниками по указанію адрианопольск. архіепа., а также и о трудахъ Пларіона въ этомъ дѣлѣ; проф. Шиндмановъ также не извѣстенъ имена указанныхъ священниковъ; онъ не знаетъ и того, самъ-ли Пларіонъ переводилъ Евангеліе или кто-либо дѣлалъ это по его порученію.—О заботахъ Пларіона относительно перевода Священнаго Писанія на болгарскій языкъ и объ его попыткахъ подготовленныхъ для этого дѣла людей—свидѣтельствуеть приводимый Априловымъ отрывокъ письма Пларіона. См. *Априлова*, „Дополненіе“... стр. 17.

²⁾ *Петръ Салуновъ* (болгаринъ изъ Трѣвны) эмигрировалъ въ Бухарестъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими болгарами (преимущественно купцами) не забывалъ положеніи своего родного народа, но не мѣлъ силъ стараясь содѣйствовать его просвѣщенію. (О бухарестскихъ купцахъ-болгарахъ см. у Пречка, *Ист. болгаръ*, пер. Вруна и Нахуазова, стр. 687). Они заботились объ изданіи книгъ для народа и объ устройствѣ національныхъ школъ. Кромѣ изданія перевода Евангелія, съ именемъ Салунова вышло еще нѣсколько болгарскихъ книгъ; такъ въ 1844 году онъ перевелъ „*Исторїа-та на Славяно-болгарскїа народъ изъ исторїа-та на Раича...*“; подъ его, кажется, редакціей одно время въ Бухарестѣ выходило періодическое изданіе „*Просвѣщеніе*“; нѣкоторыя книги въ Бухарестѣ вышли съ указаніемъ, что онѣ напечатаны *въ типографїи П. Салунова*, который иногда называется „*канцеляристомъ*“ (Заглавія такихъ книгъ см. у Теодорова, *Български книгописъ* подъ № 651, 805, 1107.). — О П. Салуновѣ, какъ о чловѣкѣ въ высшей степени преданномъ дѣлу просвѣщенія болгаръ, и объ его заботахъ по устройству школъ на родинѣ—см. у *Априлова*, „*Дснница*“, стр. 44. 111—113.

въ лѣто ЯШКИ іулліа Мѣсеца. (Гипографъ Матеей Бабановъ.) (Словарѣдитель Славъ Канювъ Калоферцыцъ¹⁾). Послѣ заглавія слѣдуетъ предисловіе²⁾, изъ котораго мы узнаемъ имена участниковъ этого труда.

„Любезный читатель, говоритъ Петръ Сапуновъ, подписавшій предисловіе, предлагаю тебѣ плодъ многолѣтнихъ трудовъ моихъ и покойнаго отца Серафима Искрзахаренина, — это Новый Завѣтъ, переведенный на «славеноболгарскій» языкъ; наслаждайся чтеніемъ его на природномъ своемъ языкѣ. Эти богодухновенныя слова значительно исправятъ жизнь нашу и будутъ содѣйствовать тому, что мы станемъ мудры, милостивы, воздержны и проникнемся любовью другъ къ другу. Видя, что народъ нашъ въ теченіе столькихъ вѣковъ пребываетъ во тьмѣ и не знаетъ Священнаго Писанія, мы, насколько нашимъ силамъ поможемъ Богъ, перевели его, чтобы хоть какъ-нибудь помочь народу нашему. На первый разъ мы издаемъ четыре Евангелія, но, если изданіе это будетъ благопріятно встрѣчено, скоро появятся и дѣянія апостольскія съ апокалипсисомъ³⁾. вмѣстѣ съ Евангеліемъ дѣянія и апокалипсисъ не напечатаны въ виду недостатка средствъ; вслѣдствіе этого Сапуновъ проситъ всѣхъ сочувствующихъ предпринятому имъ дѣлу, чтобы они способствовали скорѣйшей распродажѣ возможно большаго числа экземпляровъ. „Будьте, говорятъ онъ, подражателями его пресвященства господина Григорія, митрополита угрволахійскаго, который не только отпечаталъ переводъ Евангелія бесплатно (тѣснѣніе-то подари), но оказалъ и денежное вспомошествованіе (грошовою вспомошествованіе сторн); за это ему вся Болгарія обязана благодарностью... Если бы не было столь значительной его помощи, не было бы возможности издать и Евангеліе. А по отпечатаніи дѣяній апостольскихъ, заключаетъ Сапуновъ, имена всѣхъ, кто окажетъ вспомошествованіе, будутъ названы — въ вѣчный помятъ“³⁾).

¹⁾ Книга издана въ форматѣ 4°, въ началѣ ея идутъ четыре нумерованныя страницы; изъ нихъ первая занята приведеннымъ заглавіемъ, оборотъ этой страницы оставленъ чистымъ, а 3 и 4 — заняты предисловіемъ. Страницы текста книги перенумерованы славянскими буквами; всего ихъ въ книгѣ 220 (ѣѣ). Изд. это у Теодорова (л. с.) отмѣчено подъ № 303; заглавіе здѣсь приведено не вполнѣ точно.

²⁾ Во время путешествія по Болгаріи я видѣлъ нѣсколько экземпляровъ изд. Сапунова, но всѣ они были безъ предисловія. Приобрѣсти полный экземпляръ его мнѣ удалось не безъ труда. — Предисловіе подписано: „Переводитель Пётръ Сапуновъ — Траяновъ“.

³⁾ Упоминаемый здѣсь, какъ сотрудникъ Сапунова, о. Серафимъ „Искрзахаренинъ“ (т. е. изъ Эски-Загры), кажется, больше ничѣмъ не извѣстенъ; но крайній мѣст.

Но, несмотря на столь убѣдительное приглашеніе, изданіе Сапунова, которое не могло, конечно, не быть встрѣчено болгарамъ съ радостью, особаго распространенія не получило. Этому помѣшали событія 1828 года, когда вспыхнула новая война русскихъ съ турками и наши войска подъ начальствомъ фельдмаршала Витгенштейна, занимая постепенно различные пункты Турціи, отвлекали вниманіе жителей отъ всѣхъ вопросовъ жизни, такъ какъ помыслы ихъ были направлены лишь къ давно уже ожидаемому улучшенію въ ихъ положеніи. Болгары, думая, что настать желанный день освобожденія, хотѣли воспользоваться русской оккупаціей для революціи; возникло внутреннее движеніе, которое сильно захватило народную массу; понятно поэтому, что всѣ были тогда очень далеки отъ мысли о книгахъ и ихъ распространеніи. Но всѣ эти движенія и упованія болгаръ остались безъ особыхъ результатовъ, а положеніе ихъ почти не измѣнилось къ лучшему ¹⁾. На очередь снова были выдвинуты вопросы, интересовавшіе болгаръ до войны, а потому выдвинулся и вопросъ объ изданіи Сапуновымъ Евангеліи. Британское Библейское общество, встрѣтившее съ радостью появленіе болгарскаго перевода Евангелія, желало, чтобы переводъ этотъ былъ возможно широко распространенъ; въ виду этого одному изъ агентовъ было предложено войти въ переговоры съ Сапуновымъ о пріобрѣтеніи у него оставшихся непроданными экземпляровъ изданія. Агентъ этотъ прежде выполненія данного ему порученія взялъ одинъ экземпляръ и отправился съ нимъ въ Терново къ архіепископу Иларіону, чтобы узнать его мнѣніе относительно доступности этого перевода пониманію простого народа. Иларіонъ въ Терновѣ не оказался, но одинъ изъ чиновниковъ его канцеляріи (протосингелъ) увѣрилъ агента, что переводъ Сапунова правиленъ, а языкъ его вполне доступенъ и всюду въ Болгаріи можетъ быть понятъ простымъ народомъ. Для Библейскаго общества такая характеристика имѣла громадное значеніе, такъ какъ оно прежде всего заботилось о томъ, чтобы переводъ былъ исполненъ

ми не удалось отыскать его писемъ ни на одной изъ поданныхъ до 1828 г. болгарскихъ книгъ. Оказавшій трудъ Сапунова покровительство Григорій, митрополитъ угрешаѣвскій, вѣроятно, тотъ самый, который извѣстенъ, какъ переводчикъ словъ Іоанна Златоустаго на румынскій языкъ (ср. у Годубинскаго, — *Исторія православно-п.-болгарск., сербск. и румынской*, М. 1871, стр. 362).

¹⁾ О войнѣ 1828 года и объ ея результатахъ, см. у С. Н. Палаузова — *Румынскій господарства Валахія и Молдавія*. (С.-Пб. 1859), стр. 193 слѣд. и у Ирека, *Ист. Болгаръ*, стр. 679 и слѣд.

настоящим народнымъ языкомъ, а не представлялъ бы набора словъ, не то старо-славянскихъ, не то болгарскихъ, какъ, напримѣръ, отвергнутый передъ тѣмъ переводъ, предложенный обществу Фотиновымъ. Мнѣніе, высказанное въ Терновѣ о трудѣ Сапунова, было подкрѣплено и въ другихъ мѣстахъ Болгаріи, такъ какъ переводъ этотъ всюду былъ понимаемъ; въ виду этого въ 1834 году въ центральномъ управленіи общества въ Лондонѣ отъ агентовъ его изъ Болгаріи о трудѣ Сапунова были получены благоприятные отзывы и, быть можетъ, его переводъ былъ бы съ исправленіями изданъ Библейскимъ обществомъ, а это было бы не лишнимъ, такъ какъ экземпляры изданія Сапунова понемногу расходились, что видно изъ того, что въ 1833 году оно въ Бухарестѣ же вышло вторымъ изданіемъ¹⁾. Но въ это время стало извѣстнымъ, что въ Болгаріи приступлено къ выполнению новаго перевода, появленія котораго тѣмъ сильнѣе можно было желать, что онъ задуманъ былъ архіеп. Иларіономъ, лично выбравшимъ для этого переводчика. Участіе въ этомъ дѣлѣ Иларіона для Библейскаго общества имѣло громадное значеніе, такъ какъ оно уже въ теченіе многихъ лѣтъ привыкло цѣнить его мнѣніе въ вопросѣ о болгарскомъ переводѣ Евангелія. Въ виду этого планы относительно труда Сапунова были оставлены безъ выполненія²⁾. Переводчикъ, избранный Иларіономъ, былъ Неофитъ Рыльскій.

Отецъ Неофитъ, носившій по монастырю, въ которомъ онъ былъ іеромонахомъ, имя Рыльского, — прозванъ современниками своими патриархомъ болгарской литературы за оказанныя ей услуги. Подготовка и труды Неофита были такого рода, что выборъ его для важнаго дѣла—перевода Евангелія на болгарскій языкъ—долженъ быть признанъ вполне основательнымъ. Онъ серьезно изучилъ греческій (древній и новыи) и церковно-славянскій языки и вмѣстѣ съ этимъ прекрасно владѣлъ языками русскимъ и сербскимъ; его долгія занятія изученіемъ болгарскаго языка—для составленія грамматики и лексикона—должны были давать полную надежду, что онъ съ бѣльшимъ, чѣмъ кто либо иной изъ тогдашнихъ болгаръ, успѣхомъ переведеть

¹⁾ Теодоромъ (I. с.) отмѣчается это изданіе со словъ Пречка (Кингоупсъ № 198). Второго изданія перевода Сапунова мнѣ издѣти не пришлось.

²⁾ Ср. названію уже выше статью г. Нишманова. Указаніе на то, что Фотиновъ предлагалъ Библейскому обществу переводъ Евангелія, дѣлается извѣстнымъ впервые изъ донесеній агентовъ общества. Этотъ фактъ свидѣлствуетъ о дѣятельности Фотина за 10 лѣтъ до выхода его „Любословія“ (Смирна, 1845).

Евангеліе на болгарскій языкъ ¹⁾. Эти достоинства Неофита и выдвинули его въ глазахъ упомянутаго выше Иларіона, который тѣмъ болѣе могъ признать его пригоднымъ для работы надъ переводомъ, что возложенныя передъ тѣмъ по его же, Иларіона, указанію обязанности руководителя училищемъ въ Габровѣ выполнялись Неофитомъ прекрасно ²⁾ съ любовію и знаніемъ дѣла, которое въ виду своей новизны требовало отъ него не мало труда и времени. Но это, однако, не мѣшало его работѣ надъ переводомъ Евангелія, который и былъ исполненъ въ большей своей части именно въ періодъ его службы въ Габровѣ, такъ какъ уже въ 1840 году вышло полное изданіе этого труда; заглавіе его таково: „Новый заветъ Господа Нашего Иисуса Христа сега новопреведенный ѿ славенскаго на болгарскій языкъ отъ Неофита іеромонаха П. П. Рыльца и съ

¹⁾ Іер. Неофитъ (въ мѣрѣ Николай) родился въ 1793 году въ Македоніи („село Банско, Радожко“); онъ рано поселился въ Рыльскій обители, гдѣ сталъ очень усердно заниматься изученіемъ языковъ, св. исторіи, катехизиса и проч. Своими трудами онъ обратилъ на себя вниманіе современниковъ, и его избрали учителемъ, когда рѣшено было группой болгарскихъ патриотовъ (Априловъ, Палаузовъ и др.) открыть въ Габровѣ болгарское училище. Неофитъ былъ посланъ въ Бухарестъ, чтобы тамъ попрактиковаться въ безъ-данкастерской методѣ и составить необходимыя книги. Во время своего пребыванія въ Бухарестѣ (онъ тамъ былъ 1½ года) Неофитъ подготовилъ рядъ руководствъ (болгарскія и греческая грамматика, катехизисъ и 66 взаимно-учительныхъ таблицъ), которыя старался усовершенствовать и во время своего учительства въ Габровской школѣ (открыта 2-го января 1835 года). Проработавъ въ Габровѣ 2½ года и устроивъ еще школу въ Копривштицѣ, Неофитъ возвратился въ Рыльскій монастырь въ 1841 году; здѣсь онъ также занимался школьнымъ дѣломъ и работалъ надъ своимъ излюбленнымъ трудомъ — болгарскомъ лексиконѣ. Былъ игуменомъ своего монастыря и уморъ 4-го января 1881 года.—Общій очеркъ жизни и трудовъ этого замѣчательнаго дѣятеля на пользу возрожденія болгарскаго народа, см. въ книгѣ—„Откъслекъ отъ исторіята на Рыльскій манастиръ“ (София 1895) стр. 86 и др.; д-ръ К. Пречекъ о лексиконѣ Неофита говоритъ въ ст. „Словарствъ на о. Неофита Рыльскаго“, Периодическо списаніе (Сръдецъ 1882 г., кн. II).—О различныхъ трудахъ Неофита (грамматикахъ и др.) мнѣ придется говорить въ дальнѣйшихъ очеркахъ.—Въ библиотекѣ Рыльскаго монастыря мнѣ пришлось между прочимъ рукописями видѣть исполненный Неофитомъ переводъ басенъ Эзопа: „Къза фригійскаго вѣкъ лицама — басни съ житіемъ. Преведенася на славянскій языкъ для омыта и забави Неофитомъ“. Наданъ переводъ этотъ не былъ.

²⁾ Объ отношеніяхъ Иларіона къ дѣлу устройства габровскаго училища и объ участи его въ выборѣ Неофита учителемъ въ это училище — см. въ книгѣ „Габровско-то училище и неговъ-тъ нѣрвы поначетсли“ (Цариградъ 1866), стр. 11 и слѣд. Здѣсь же и о дѣятельности Неофита въ качествѣ учителя.—Объ этомъ см. еще у В. Априлова, Деицица ново-болгарскаго образованія, ч. I (Одесса 1841), стр. 23 и др.

придѣжаніемъ прегледанъ и одобренъ въ превъсвщеннѣйшаго и премудраго Митрополита Терновскаго Г. Г. Иларіона. Въ Смирнѣ въ типографіи А. Даміанова и содрѣжства 1840^а (516 стр. 8°).—Средства для печати дало Британское же библейское общество ¹⁾ чрезъ тѣхъ же ведущихъ все время переговоры о переводѣ, агентовъ своихъ, которые (главнымъ образомъ Elias Riggs) выбрали и типографію для исполненія этого изданія. Но всей Болгаріи въ то время не было ни одной типографіи, которая имѣла бы *славянскій* шрифтъ; въ виду этого на средства того же общества при типографіи грека Даміанова въ Смирнѣ былъ устроенъ спеціальнѣй болгарскій отдѣлъ, здѣсь-то и было исполнено печатаніе просмотрѣннаго Иларіономъ труда Неофита ²⁾. Неизвѣстно, какъ это изданіе расходилось среди публики, для которой былъ назначенъ переводъ, но высшими духовными властями оно встрѣчено было не особенно привѣтливо, такъ какъ вселенскій патріархъ приказалъ его уничтожить; этимъ и объясняется, почему сохранилось такъ мало экземпляровъ его ³⁾.

¹⁾ Априловъ (Деница, стр. 25) говоритъ, что средства на изданіе даны американскимъ обществомъ; въ этомъ дѣлѣ принимали участіе члены американскаго отдѣла британскаго общества, которому принадлежить и идея, и исполненіе изданія. Въ отчетѣ этого общества за 1840 г. (The thirty-sixth report of the British and Foreign Bible Society M. D. CCCXI. London) сказано: „Your committee have much pleasure in stating, that the printing of the Bulgarian New Testament has lately been completed at Smyrna by which measure another of the provinces of Eastern Europe has been furnished with the scriptures in the vernacular tongue“. (Ср. Москвитинъ за 1842 г., № 5, стр. 149;—рец. на труды Априлова).

²⁾ Винеръ, сообщая свѣдѣнія объ устройствѣ болгарскаго отдѣла при типографіи Даміанова, говоритъ, что трудъ Неофита здѣсь печатался еще въ 1838, 1839 гг. по частямъ и лишь въ 1840 году былъ выпущенъ цѣлкомъ. Экземпляровъ изданій частей этого труда (1838 и 1839 гг.) не извѣстно (ихъ не отмѣчаютъ ни Иречекъ, ни Теодоровъ въ своихъ бібліографіяхъ). Проф. И. Шишмановъ, допуская возможность открытій при типографіи Даміанова болгарскаго отдѣла, вполне основательно доказываетъ, что это не дастъ еще основаній считать названный „отдѣлъ болгарскій“ при заводѣнн Даміанова *первой* по времени болгарской типографіей. Таковой по прежнему нужно признавать типографію, открытую въ 1838 г. въ Солунѣ архимандритомъ Теодосіемъ (о ней см. ст. М. С. Дринова—Шерлод. Симеоне XXXI, XXXIV). Банко къ дѣлу печатанія перевода Неофита стоялъ агентъ библейскаго общества въ Смирнѣ Вейляминъ Баркеръ (Априловъ, Дополненіе, стр. 21). Иларіонъ умеръ 2-го февраля 1838 г.; значитъ, полнаго изданія труда Неофита онъ не видѣлъ.

³⁾ Указаніе о такомъ отношеніи патріарха къ труду Неофита дѣлаетъ К. Иречекъ (Книгопись, № 199), Теодоровъ (I. c.) № 300 его повторяетъ. М. Соловьевъ (Москвитинъ, за 1842 г., № 5, стр. 149) говоритъ: „Переводъ о. Неофита надѣлалъ

Но такое отношеніе патріарха къ первому изданію труда Неофита не отразилось на его дальнѣйшей судьбѣ, и трудъ этотъ сталъ выходить новыми изданіями; такъ въ 1850 появилось 2 изд. (Въ Смирнѣ же и въ той же типографіи Даміанова, число страницъ то же), въ 1853 году—3 изд., въ 1857 г.—4-е, а въ 1859 г.—уже 6-е (всѣ въ Букарестѣ, кромѣ 3 изд.,—напечатаны въ типографіи Юсифа Романова)¹⁾. При подготовленіи новыхъ изданій, очевидно, текстъ перевода Неофита не оставался безъ пересмотра и безъ нѣкоторой редакторской работы; объ этомъ, напримѣръ, можетъ свидѣтельствовать та разница въ чтеніи „къ Римлянамъ посланія св. ап. Павла“, которая замѣчается въ первомъ и шестомъ изданіи; въ первомъ изданіи посланіе это оканчивается 24 стихомъ 16 главы, какъ обыкновенно оканчивается оно по принятому у насъ тексту и по многимъ древнимъ спискамъ, въ шестомъ же изданіи послѣ 24 стиха—находятся еще три стиха, которые въ первомъ изданіи, какъ въ нашемъ текстѣ и во многихъ древнихъ спискахъ, заключаютъ собою 14 главу этого посланія; такое перенесеніе трехъ стиховъ этихъ изъ 14 главы на конецъ 16—находится въ Вульгатѣ и въ новыхъ греческихъ изданіяхъ²⁾.

много шуму; царь-градскій синодъ запретилъ чтеніе его къ крайнему сожалѣнію болгаръ, которые съ большою жадностью перечитывали Евангелію на своемъ языкѣ“.

¹⁾ Ирочекъ отмѣчаетъ только первыя 3 изданія, Теодоровъ указываетъ 5 изданій, но, повидному, у него одно изданіе пропущено илѣ отмѣчено не точно, такъ какъ въ моемъ распоряженіи находится экземпляръ съ тѣми датами, которыми онъ характеризуетъ изд. 5, но на выходящемъ листѣ этого изданія прямо сказано: „изданіе шестое“; кромѣ этого изданія, я пользуюсь еще экземпляромъ изд. *первое* (1810 г.), нѣмѣ очень рѣдкаго. На послѣдней страницѣ (516) изд. 1840 г. сказано: „Конецъ и Бою слава“, а на послѣдней страницѣ (424) *шестого* изданія: — „Край и Бою слава“ и кромѣ того: „Корректоръ А. П. Гранитскій. Словослатель Данилъ Хр. Поповъ“. Первое изд. напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ, а шестое—гражданскимъ.—Неофитомъ переведены, кромѣ четырехъ Евангелій, еще посланіе и апокалипсисъ А. П. Гранитскій, названный, какъ корректоръ 6 изданія перевода Неофита, извѣстенъ въ болгарской литературѣ нѣкоторыми трудами; ему принадлежатъ изданіе нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ (онѣ отмѣчены у Теодорова подл. №№ 199 и слѣд.).

²⁾ А. Нваловъ, *Руководство къ истолкованелькому чтенію книгъ Новаго Завета, II—Посланія св. ап. Павла*.—Кіевъ 1873, стр. 127.—Любопытно бы было для изслѣдованія подобнаго рода перемѣнъ въ текстѣ перевода Неофита въ различныхъ изданіяхъ рассмотреть рукописи его; изъ нихъ мнѣ въ Рильскомъ монастырѣ пришлось видѣть лишь рукопись апокалипсиса; для указанія различія чтеній текста отмѣчу: 16 гл. ст. 2—въ рукописи: „И отиде тѣмъ зломъ и лютомъ“,—въ первомъ изд.—въ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія изданія двухъ переводовъ Новаго Завѣта на народный болгарскій языкъ; оба перевода эти были исполнены природными болгарами, пожалуй лучшими выразителями все болѣе и болѣе охватывавшаго болгарскій народъ въ началѣ XIX вѣка просвѣтительнаго движенія. Появленіе этихъ переводовъ у народа, который, не имѣя самостоятельной жизни, не отличался особой подготовкой для литературной дѣятельности, свидѣтельствуеъ о глубокомъ пониманіи выдающимися его представителями тѣхъ путей, по которымъ должно было идти болгарамъ къ полному пробужденію національнаго самосознанія и нравственнаго возрожденія. И Сапуновъ, и Неофитъ, исполнивъ свои переводы, оказали этимъ громадную услугу своему народу въ дѣлѣ возрожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создали литературные труды, значеніе которыхъ было очень велико, такъ какъ ими они показали, что языкъ почти всеми забытаго „болгарскаго народа“ вполне пригоденъ и для передачи евангельскихъ истинъ. Обоиъ переводчикамъ выполнение ихъ работы давалось, конечно, не безъ усилій; не мало имъ пришлось, само собою разумѣется, потрудиться надъ подборомъ подходящихъ выраженій и оборотовъ при передачѣ евангельскаго текста на *свои* языкъ, который для того былъ совершенно не приспособленъ: имъ нужно было подыскивать болгарскія слова, соотвѣтствующія смыслу оригинала, а это было не всегда легко. Для характеристики зарождавшейся тогда въ Болгаріи литературной дѣятельности процессъ такого рода работы долженъ быть признанъ весьма интереснымъ, а потому я, не задаваясь цѣлью подвергнуть подробному анализу оба перевода, сдѣлаю о нихъ нѣсколько замѣчаній.

Сапуновъ свой переводъ дѣлалъ съ *греческаго языка*; объ этомъ онъ самъ говоритъ въ заглавіи своего изданія, это видно и изъ случаевъ, когда онъ переводилъ и такія указанія мѣста, которыя въ самыхъ древнихъ церковно-славянскихъ текстахъ уже употребляются, какъ собственныя имена; напримѣръ, Матѳ. 21, 1—*καὶ ἦλθεν πρὸς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν*—и дохода камъ планината маслинница, Матѳ. 24, 3—*καθήμενου δὲ αὐτοῦ ἐπὶ τοῦ ὄρους τῶν ἐλαιῶν*—като сѣдѣше той на планината маслинница; также Марка 11, 1 и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ текстѣ всегда—„гора Елеонская“, что удер-

„омиде“—*быде*, а въ шестомъ изд.—*и быде рана гла и люта*“. Греческое „ἐγένετο ἔλαος“ ближе передается послѣднимъ чтеніемъ.—Это и указываетъ на то, что первоначальный текстъ перевода не оставался безъ измѣненій при новыхъ изданіяхъ.

жалъ въ своей работѣ и Исофитъ. Но такого рода независимая отъ церковно-славянскаго текста передача отдѣльныхъ словъ въ переводѣ Салунова не свидѣтельствуетъ еще о томъ, что онъ совершенно не пользовался при своей работѣ текстомъ церковно-славянскимъ; на это указываютъ нѣкоторые совпаденія въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ; напримѣръ, Матѳ. 4; 4,5 въ переводѣ Салунова своимъ построениемъ напоминаютъ текстъ церковно-славянскій: писано ъ, не туку за хлѣба жихъ ни надѣ челоукиа: но за такоа дѣла коато излазка изъ оустата Кѣни. Тогихъ гѣ поѣ дѣлакоа еа сѣма гради и го тѣри на право чрковно. Здѣсь Салуновъ употребилъ рядъ болгарскихъ словъ вмѣсто находящихся въ церковно-славянскомъ текстѣ (дума — вм. глаголь, коато излазка—вм. исходящемъ), но впечатлѣніе подражанія отъ этого, по моему мнѣнію, не устранивается; такое же впечатлѣніе получается и при чтеніи Матѳ. 5, 44: „Любете враговете ваши: благословете коите ва калнатъ: добро стрѣвите на коите ва мразатъ: и са можете за коите ви стрѣватъ напасть, и ва изгонватъ“, гдѣ также удержаны общая структура оборота всего стиха съ замѣной словъ церковно-славянскаго текста болгарскими. Кромѣ этого, у Салунова удержаны въ значительномъ количествѣ отдѣльныя слова церковно-славянскаго текста, которыя, однако, большей частью сопровождаются у него подстрочными поясненіями. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Матѳ. гл.	2,2 —волси ¹⁾	—поясноно—	авѣзочетци
	5,18—черта	— —	—билешка
	5,22—рака	— —	—мужикъ
	5,46—мытарыте	— —	—гюмрюкѣйте ²⁾
	6,1 (и др.)—внимайте	— —	—земете въ оумъ (ср. Луки 20,46)
	8,5 —сотныкъ	— —	—на сто глава
	13,55—тектонова сынъ	— —	—драводѣльныа
	25,24—жестокъ	— —	—твардъ
	25,36—посатихте	— —	—наглѣдахте
Луки	15,13—блудно	— —	—кѣрварно

¹⁾ Въ той же главѣ Матѳ. ст. 7,16—волхвте у Салунова безъ поясненій.

²⁾ Имя въ болгарскомъ яз. употребляется слово гюмрюкъ въ знач. мытарница; послѣднее слово (мытарница) у Салунова безъ поясненій, Матѳ. 9, 9.

18,3	—шести ¹⁾	—	—	—штѣши
18,10	—взыщи	—	—	—нагѣри
19,23	—съ лихвата	—	—	—съ файдата
19,43	—острогъ	—	—	—хондекъ
21,24	—плъшени	—	—	—поробъни.
22,35	—безъ влагалища	—	—	—безъ кисин
23,38	—шмены	—	—	—слова.

Во многихъ случаяхъ эти и другія слова церковно-славянскаго текста удержаны Сапуновымъ безъ поясненій; напимѣрь,—митары (Мато. 9, 10, Марка 2, 15 и др.), слово книжникъ оставлено въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ оно встрѣчается въ церковно-славянскомъ текстѣ, безъ поясненій употреблено и слово сотникъ (Марка 15, 39, Лук. 7, 2); слово книсонный также сохршено (Мато. 22, 19; Марка 12, 14—книсонъ); согласно съ церковно-славянскимъ текстомъ у Сапунова сохршены названія нѣкоторыхъ растений, напимѣрь, Мато. 23, 23 — коларъ, матеа, квалитъ.

Такого рода работа не должна быть поставлена въ укоръ Сапунову, благодаря труду котораго болгары получили настолько доступный пониманію переводъ Евангелія, что даже Неофитъ, значительно лучше подготовленный, чѣмъ всѣ его современники, пользовался имъ при своемъ переводѣ, который онъ исполнялъ „въ славенскаго“. Это легко можно видѣть изъ слѣдующихъ, даже немногихъ сопоставленій:

Сапуновъ:

Матѣ. 4; 6: И-мѣ дѣмаше аго ои сѣмъ Бжій, фарлисе долъ зашто писано е: чи на ачѣлы те си ше заповѣда за тебѣ да та на-затъ, и на рацѣ ше та земать...

ib. 4; 8, 9—Паки го поѣ дяволъ на планина висока тварде, я показа мѣ сичките царства на свѣта и славата тахна. И дѣмаше мѣ: тешъ сичките ше ти дамъ, ако паднешъ да ми са поклонишь...

Неофитъ:

ib. И говореше му, ако си сыгъ Божии фарлисе долъ зашто то е писано: че на Ангелы те си ше заповѣда за тебе, и на рѣце те си ше те посятъ...

Паки го взе дяволъ-а и воскачи го на една планина много висока и показа му сички те царства на свѣта и слава-та тѣхна. И рече мѣ: тѣя сички те ше ти дамъ, ако паднешъ да ми са поклонишь...

¹⁾ Употреблено въ выраженіи, которое совершенно совпадаетъ съ церковно-славянскимъ текстомъ: шести мене ѿ солерника мосто.

Матѣ. 7; 7, 8, 9—Просте, и ше ви са даде: тарсете и ше намѣрите: чюкайте и ше ви са отвори. Защото секиѣ конто проси прѣма, и конто тарси намира, и конто чюка ше мѣ са Швори. Или кои е Ш васъ человекъ, Ш когшто ако поиска сѣтъ мѣ хлѣбъ, камакъ ли ше мѣ подаде; или ако поиска рыба, замя ли ше мѣ даде

Просте и ше ви се даде: тарсете ¹⁾ и ше намѣрите: чюкайте и ше ви се Швори. Защото секои, конто проси прѣма, и конто тарси нахожда и конто чюка ше да-мѣ се Швори. Или кой человекъ е Ш васъ Ш когшто ака ²⁾ поиска сѣтъ мѣ хлѣбъ камень ли ше мѣ даде. Или ако поиска рыба змя ли ше мѣ даде...

Подобнаго рода примѣры (ихъ можно отмѣтить значительное количество)—нельзя считать случайными. Почти дословное сходство въ передачѣ двумя переводчиками одного и того же мѣста, переводимаго съ различныхъ языковъ оригинала, можетъ быть лишь тѣмъ объяснимо, что Неофитъ призналъ передачу Салунова вполне соответствующей основной цѣли и задачѣ труда—дать доступное изложение на народномъ болгарскомъ языкѣ Новаго Завѣта. Преслѣдуя вообще эту задачу, Неофитъ старался въ свой переводъ внести возможно большее количество чисто народныхъ болгарскихъ словъ, оставляя въ немъ лишь тѣ изъ выраженій и оборотовъ своего оригинала (т. е. текста церковно-слав.), которые могли быть понятны болгарамъ; для достиженія этого онъ употреблялъ напр. много турецкихъ и др. иностранныхъ словъ, не подыскивая для нихъ настоящихъ болгарскихъ лишь потому, что слова эти пользовались широкимъ употребленіемъ въ народѣ и были вполне доступны его пониманію, напр. гюмрѣкчійница—Матѣ, 9, 9; пазаръ Матѣ. 11, 16; вардоше майка Луки 2, 51; сарафи, файда Матѣ. 25, 27; гемія (напр. Матѣ. 4, 21) и мн. др. Трудъ іеромонаха Неофита, какъ говорить одинъ изъ современниковъ его выхода въ свѣтъ ³⁾, въ подвой мѣрѣ вознагражденъ благодарностью всѣхъ болгаръ; не въ меньшей степени, конечно, заслужилъ того же и Салуновъ со своимъ сотрудникомъ—о. Серафимомъ. Думаемъ, что и нынѣшніе болгары не могутъ иначе относиться къ этимъ почтеннымъ дѣятелямъ далекой эпохи начала болгарскаго возрожденія.

¹⁾ Въ 6 изд.—тарсете.

²⁾ Ibid. нато.

³⁾ В. *Анриловъ*. Дневника ново-болгарск. образованія ч. I (Одесса 1841), стр. 25.

II.

Первоначальные школьные руководства.

Положение школьного дѣла въ Болгаріи въ періодъ ея подчиненнаго туркамъ существованія не было, да и не могло быть мало мальски удовлетворительнымъ; едва-ли можно предположить, чтобы, начиная съ конца XIV вѣка, въ ней свободно возникали даже какія-либо такія школы при монастыряхъ, которыя давали бы болгарскому юношеству хоть нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія, кромѣ, вѣроятно, самыхъ примитивныхъ и то клонившихся къ обученію языку, какъ орудію для пониманія Св. Писанія, которое, однако, до начала XVIII вѣка все-таки въ народѣ было распространено въ славянскомъ переводѣ ¹⁾. Съ начала же XVIII вѣка, когда вообще вслѣдствіе все болѣе возрастающаго вліянія фанаріотовъ положеніе болгаръ стало значительно ухудшаться, школы болгарскія утратили и этотъ признакъ *славянскихъ* школъ, такъ какъ славянскій языкъ по стариннымъ греческаго духовенства всюду сталъ замѣняться греческимъ. Съ этого времени единственные разсадники скуднаго образованія, — такъ называемые „*келіи и метосы*“, — стали мѣстомъ, въ которомъ греческіе учителя-священники занимались обученіемъ болгарскихъ юношей исключительно греческому языку. Часословъ, псалтырь и апостолъ — вотъ тѣ книги, штудированіе которыхъ, по мнѣнію тогдашнихъ наставниковъ, было исключительнымъ источникомъ мудрости; въ виду этого при такого рода обученіи не могло быть и рѣчи о какомъ-либо развитіи болгарскихъ дѣтей и юношей. „Эллинизация“ ихъ велась сознательно, принимала настолько широкіе размѣры и была такъ успѣшна, что къ началу XVIII вѣка почти всюду болгары стали окончательно утрачивать сознаніе того, что они *не греки*. Среди

¹⁾ О приемахъ, господствовавшихъ среди южныхъ славянъ въ періодъ распространенія власти турокъ на Балканскомъ полуостровѣ для обученія дѣтей грамотѣ — свѣдѣнія можно почерпнуть изъ книги „*Константинова философія и грамматика о письменехъ*“ (преимущественно главы 18 и 19). Весьма возможно, что подъ руководствомъ и по шафвленіямъ такихъ учителей, какъ Константинъ, у котораго уже были видны даже „первыя проблески звуковаго метода“ (ср. у Ягича, *Разсужденія старинныя о церковно-слав. яз.*, стр. 215) — среди болгаръ и сербовъ со временемъ и выработалась бы удобная и легкая система обученія; но этому, конечно, не могли способствовать тяжкія условія жизни того времени.

населеніи, въ массѣ установилось представленіе, что кто не говоритъ *по-гречески* или, по крайней мѣрѣ, не умѣетъ рѣчь свою украшать *греческими* (иногда очень напыщенными) фразами,—тотъ не принадлежитъ къ числу образованныхъ людей; бывали случаи, когда природный болгаринъ на вопросъ о его національности—отвѣчалъ, что онъ *грекъ*, иногда даже при этомъ и выражалъ обиду, если былъ называемъ болгаршиномъ. Система безотчетнаго долбленія матеріала, который очень мало могъ давать для ума, была единственной и господствующей; ни единого луча свѣта она не проводила въ жизнь обездоленныхъ болгаръ, не давала ни малѣйшей возможности имъ сосредоточить свои мысли на себѣ самихъ, не помогала—да и не хотѣла помогать пробужденію въ нихъ сознанія, что болгары—особый народъ, имѣющій права на лучшую человѣческую жизнь¹⁾.

Съ появленіемъ первыхъ проблесковъ народнаго самосознанія у болгаръ прежде всего должно было возникнуть желаніе видоизмѣнить характеръ назначенныхъ для болгарскихъ дѣтей школъ. Необходимо было всѣмъ дѣятелямъ, ставшимъ во главѣ свидѣтельствовавшаго о пробужденіи этого сознанія движенія, позаботиться, во-первыхъ, объ устройствѣ школъ, въ которыхъ преподаваніе вполнѣ бы на *болгарскомъ* языкѣ, а во-вторыхъ—приложить старанія къ тому, чтобы въ народную массу были пушены учебныя книги на *болгарскомъ* же языкѣ. Отъ появленія такихъ книгъ, а также ихъ распространенія и зависѣло дѣло устройства и упорядоченія школъ въ національномъ духѣ,

¹⁾ Весьма любопытное описаніе способа преподаванія въ предназначенной для болгаръ греческой школѣ даетъ П. Р. Славейковъ (*Гобровско-то училище и новостъ нрвы поличители*, Цариградъ 1886 г.): „Учелнякъ-тъ отпашо въ училището съ една *панакидя*, или буква дъсчидя, на която учитель-тъ написваше азбука-та и като изучвашо единъ урокъ остръгваше го и написваше му другъ. При пѣманѣсто на книги това си продължавашо у пѣнокъ така и прѣзъ всичко-то врѣме на ученіето имъ. И понеже по този начинъ ученякъ-тъ, като изучвашо единъ урокъ въ остръгваніето му отъ *панакидя-та* трѣбаше да го забрави за туй учитель-тъ ги припуждавахъ да учатъ всякой единъ урокъ пауетъ, отъ това и часословы-тъ, който съставяхо порпоачадно-то ученіе, о получилихъ названіе-то *Науемича*. Писмо не ся ни прѣдаване освѣтъ до всякой ученикъ за себе си подражаваше почеркъ-тъ на печатны-тъ книги, или ржконись-тъ на учителя си. Аритметика, освѣтъ численно-то значеніе на буквы-тъ друго пицо исто учахъ не то употребявахъ“ (стр. 2—3). „Эксплициация“ болгаръ въ данный періодъ очень рельефно описала М. С. Дримова въ указанной уже въ первомъ очеркѣ статьѣ о Паласіи (Чер. Слѣс. IV, 4); очеркъ состоянія болгарскаго просвѣщенія въ это время см. еще у *Иречка*, Ист. болгаръ (переводъ Бруна и Палаузова, Одесса 1878) стр. 655 и др. Очень цѣпныя указанія Априлова въ „Денницѣ“ (напр., стр. 71).

такъ какъ отсутствіе учебниковъ на болгарскомъ языкѣ должно было для забитой массы вообще, а въ частности для учителей различныхъ захолустныхъ болгарскихъ школъ, т. е. преимущественно священниковъ служить явнымъ подтвержденіемъ необходимости преподаванія на языкѣ греческомъ и по греческимъ книгамъ; пока болгары не увидѣли книги на родномъ языкѣ, до тѣхъ поръ они и должны были мириться съ своимъ печальнымъ положеніемъ. Но первая же изъ болгарскихъ книгъ, назначенныхъ для широкаго обращенія въ народъ, должна была произвести вполне благоприятный переворотъ въ пользу пробужденія національнаго чувства, такъ какъ именно такимъ книгамъ предстояло всюду по Болгаріи понести свѣтъ знанія, совершенно отличнаго отъ того, которое долѣе распространялось. Въ виду этого подобнаго рода книги и заслуживаютъ не малаго вниманія въ исторіи болгарскаго возрожденія.

Первой назначенной для этой цѣли книгой была—„Букварь съ различны повченія собранія отъ Петра Х. Беронича за болгарски-тъ оучилища. Напечата са съсъ помощь-тъ П. Антонова Иоанновича. Въ годъ 1824“¹⁾. Авторъ этой книги докторъ *Петръ Беронъ* или *Бероничъ* (или Беронъ) былъ чисто болгарскаго происхожденія и родился въ Котлѣ (Казанлыкѣ) въ 1795 году; пройдя „курсъ обученія“ въ одной изъ „келій“ своего роднаго города, онъ въ 1817 году отправился совершенствоваться въ греческой премудрости въ Букарестъ, а потомъ переехалъ въ Брашовъ (Kronstadt въ Трансильваніи), гдѣ въ качествѣ домашняго учителя обучалъ сына тамошняго купца (изъ болгарскихъ эмигрантовъ) *Антони Иоанновича*. Эти педагогическіе труды вполне ясно должны были обнаружить въ глазахъ Берона всѣ недостатки практиковавшагося тогда для болгарскихъ дѣтей способа обученія, отрицательныя качества котораго онъ могъ хорошо и самъ на себѣ испытать во время своего дѣтства. Въ виду этого онъ рѣшился взяться за изготовленіе учебной книги для болгарскихъ дѣтей. Такой книгой и была названный букварь²⁾.

¹⁾ Отмѣченъ подъ № 31 у Теодорова, который указываетъ, что онъ напечатанъ „въ Брашевѣ“; на выходномъ листѣ моего экземпляра мѣсто печати не названо.

²⁾ Въ 1826 году Беронъ перѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ занимался медициной; получивъ право практики, онъ вернулся (въ 1832 г.) въ Валахію и сталъ заниматься медицинскою практикою. Послѣ пріобрѣтенія довольно значительныхъ средствъ, перѣхалъ въ Парижъ, откуда постоянно помогалъ учрежденію на своей родинѣ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ одинъ изъ своихъ вѣздовъ на родину онъ 21 марта 1871 года былъ убитъ.—Некрологъ П. Берона (Берономъ им. Беронича онъ сталъ

Букварь начинается предисловіемъ (стр. 2—11), въ которомъ Беронъ, указавъ на необходимость облегчить положеніе учащихся дѣтей путемъ изданія подходящихъ книгъ, предлагаетъ для руководства учителямъ рядъ теоретическихъ замѣчаній. Замѣчанія эти преимущественно состоятъ въ изъясненіи вѣдѣнія взаимнаго обученія по системѣ „Bell-Lankaster“.—Самый фактъ близкаго ознакомленія Берона съ теоріями Беля и Ланкастера свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ задачѣ составленія учебнаго руководства; взаимообученіе по указаннымъ теоріямъ стало распространяться лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX в. еще далеко не всюду проникло въ достаточной степени ¹⁾. Беронъ, несомнѣнно, тщательно изучалъ современную педагогическую литературу, если остался именно на этой системѣ. При этомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что Беронъ для начала обученія грамотѣ рекомендуетъ уже чтеніе азбуки по звуковому методу; онъ говоритъ (стр. 5): „Въ Петербургска-та Академіа шпредѣлиха до дѣмамы слова-то—А, Бе, Ве, Ге, Де и пр.: за да сричамы леснѣ: но менѣ ми са вижда чи по леснѣ ще сричамы ако ги назова-вамы—А, Бъ, Вь, Гъ, Дъ и пр.“.—Какъ источникъ для подбора матеріала, подлежащаго чтенію учениковъ, Беронъ въ своемъ предисловіи называетъ только „Дарварьовъ Еклогарь“. „Еклогарь“ этотъ есть одно изъ произведеній подвизавшагося на пользу школъ Молдаво-Валахін—Дарвара; онъ заботился о распространеніи среди своихъ соотечественниковъ роднаго языка и для облегченія этого составилъ азбуку и грамматику съ примѣрами, а также съ греческаго перевелъ молитвы и отрывки изъ священнои исторіи. Беронъ, живя въ Брашевѣ, не могъ не познакомиться съ этими трудами и, конечно, заинтересовался ими, такъ какъ ихъ авторъ обладалъ широкимъ

знаменоваться послѣ поѣздкѣ въ Мюнхенъ) см. въ „Периодич. Счис.“ (Браца) 1871 годъ 1, кн. 4, а также у Теодорова—Българска литература (Пловдивъ 1896), стр. 162, 163; отдѣльные указанія о немъ находятся у Априлова въ „Денникъ“ и въ дополненіи къ ней, а также у Веселина—„О зародитѣ новой болгарской инт.“ (М. 1838), стр. 2—3.—Възглагоди попеченію Антона Іоанновича, кромѣ букваря Берона, былъ еще на болгарскомъ языкѣ изданъ переводъ соч. Габлера (отпечатано у Теодорова (книгопеч.) подъ № 180).

¹⁾ Въ русской учебной литературѣ первое обстоятельное сочиненіе, посвященное изложенію теорій Беля и Ланкастера, вышло въ 1819 г. (С.-Пб.); это было изданное Н. Гречемъ „Руководство ко взаимному обученію“. Оно составлено по соч. Габлера.

образованіемъ и могъ явиться полезнымъ руководителемъ въ дѣлѣ, назначенномъ на пользу возрожденія болгарской школы¹⁾.

Послѣ предисловія Беронъ (стр. 12—27) даетъ азбуку и рядъ свѣдѣній грамматическаго характера: слоговыя сочетанія приведены въ большомъ количествѣ; въ отдѣлѣ „именъ“ даны формы единственнаго и множественнаго чиселъ им. пад. словъ въ родѣ—оухо, море, магаро, баба и др., по измѣненіи по падежамъ глѣтъ. Имена прилагательныя отмѣчены по тремъ родамъ (хубавъ, хубава, хубаво и др.) также безъ измѣненій по падежамъ. Послѣ такого краткаго перечня глагольныхъ формъ приводится маленькій списокъ подъ заглавіемъ: — „Предлози съ други рѣчи собрани“, гдѣ указаны между прочимъ такіе примѣры—*чита*—зачитамъ, *залива*—заливамъ, *разбива*—разбивамъ и т. п. Въ отдѣлѣ производныхъ указаны: Руссія—Руссиянецъ, Петербургъ—Петербургчанинъ, Цариградъ—Царигражданинъ, Болгарія—Болгарецъ, София—Софиянецъ, Тарново—Тарновчанинъ и др. Приведа списокъ (около 25) примѣровъ словъ сложныхъ („собрани“) въ родѣ—*равно и аностолъ*—равно-аностолъ; *око и болестъ*—окоболь, Беронъ даетъ рядъ молитвъ, которые по его мнѣнію необходимо знать всякому ребенку; здѣсь (стр. 27—36) мы находимъ: „Царю Побесный“, „Символъ вѣры“, утреннія и вечернія молитвы, молитвы предъ ученіемъ и пр. Закончивъ этимъ отдѣлъ второй своего букваря, Беронъ переходитъ къ отдѣлу (3-му) „добрыхъ совѣтовъ“. Въ числѣ этихъ совѣтовъ мы находимъ совѣты нравственнаго характера на различные случаи жизни: напр.—*акъ възлажишъ одинъ патъ, не та вѣрвать вторыи патъ*, „щото не щешъ до ти стрѣвать дръги-ти нито ты да го стрѣвашъ на дръги—тъ“, „*малкъ хортѣвая мноу гсышай, заради това имашъ една оуста и двѣ оуши*“ и др.²⁾ Въ отдѣлѣ (IV) подъ заглавіемъ „*умни мѣтъти*“ приводится рядъ изреченій Фалеса, Аристиппа, Сократа, Платона, Аристотеля и др.; особой системы въ выборѣ этихъ изреченій не замѣтно; но несомнѣнно, что авторъ все-таки хотѣлъ побольше дать такихъ, въ которыхъ былъ бы на первомъ планѣ смыслъ нравственный, а потому почти всѣ приведенныя изреченія, конечно, могли

¹⁾ Дарваръ писалъ также и на греческомъ языкѣ. Съ этого языка въ 1837 г. на болгарскій языкъ было переведено „Краткое толкованіе на божественныя храмы“ (въ Будишъ градѣ). Ср. у Теодорова № 225. Ср. Анрилова, Девница, стр. 143.

²⁾ Нѣкоторые изъ приведенныхъ Берономъ „добрыхъ совѣтовъ“ мы приходимъ слышать въ Болгаріи, какъ пословицы; напримѣръ—„Всакій обича конто мѣ прилича“, „Който днесь е-болгарецъ, оутрѣ можн да е сѣбнець“ и др.

быть доступны читателямъ. Но преимуществу та же нравственно-поучительная цѣль имѣлась авторомъ въ виду и при составленіи отдѣловъ V и VI, въ которые вошли различныя общезвѣстныя и съ глубокой древности распространенныя басни (*теменли*) и рассказы (*различни исторіи*), о содержаніи которыхъ понятіе могутъ дать даже одни заглавія; напримѣръ: „Който са трѣди не бива сиромашъ“, „Дреха-та не прави човѣка“, „Смѣтъ знай всакій гдѣ го боли“, „Естествена икона“ (извѣстный рассказъ о Зевкисѣ), „Добра совѣсть“ („Перікатъ като оумираше, рече на пріятелитѣ свои: радѣвамъ са чинякого не прожальяхъ през живот-ать си“), „Честь на по-старитѣ“ (о почтеніи къ старшимъ у спартацевъ), „Судлище Аріонагъ“, „Совѣсть-та с сѣдникъ човѣкъ? (преданіе объ открытіи убійцъ Ивика) и подобныя.

Отдѣлъ VII озаглавленъ „фисически сказанія“; здѣсь Беронъ далъ описанія цѣлаго ряда животныхъ, растеній и проч.; напримѣръ, приведены свѣдѣнія о соли (ея добываніе), о кофе, о табакѣ; рассказано о нравахъ обезьянъ, слоновъ, носороговъ, китовъ, дельфиновъ¹⁾; весьма полезныя свѣдѣнія сообщены о пчелахъ (уходъ за ними). Заключается этотъ отдѣлъ двумя рассказами: 1) „Човѣкъ“ и 2) „Заповѣдшии-гѣ явленіа“; въ первомъ изъ нихъ сообщаются самыя элементарныя указанія гигиены (необходимость соблюдать чистоту тѣла, польза водержанія въ чѣдѣ и проч.), а во второмъ—говорится (очень кратко) объ облакахъ, звѣздахъ и проч.

Заканчивается букварь отдѣломъ, который названъ—„аріометика“ (стр. 133—141); здѣсь нѣтъ никакихъ правилъ, а даны лишь примѣры (четырехъ дѣйствій), и ими рекомендуется пользоваться учителю при обученіи дѣтей; примѣры эти таковы: 1800 безъ 900, 8 по 8, 16 на 4 (дѣленіе) и т. п.

Таково въ общемъ содержаніе этой первой учебной болгарской книги; для тогдашнихъ учениковъ и учителей болгарскихъ школъ содержаніе это должно было явиться совершенною новинкой: въ немъ всѣ желающіе могли имѣть довольно разнообразный матеріалъ для чтенія на родномъ языкѣ; пользуясь имъ, болгаринъ могъ молиться, понимать молитвенныя слова, а кромѣ того, изъ него почерпалось не-

¹⁾ Въ концѣ къ букварю приложены рисунки этихъ животныхъ—на двухъ таблицахъ; по находящимся на второй изъ нихъ изображеніямъ кита и дельфина—букварь со времени своего выхода получилъ названіе—„*рибелъ букваръ*“. Этими именами работу Верона и нынѣ еще въ Болгаріи называютъ нѣкоторые старики.

мало нравственныхъ идей и знаній о такихъ природныхъ явленіяхъ, о которыхъ болгаринъ какой либо отдаленной деревушки раньше могъ имѣть представленіе лишь по различнымъ народнымъ преданіямъ. Слѣдовательно, мы должны признать несомнѣннымъ, что польза, которую своимъ соотечественникамъ принесъ Беронъ этимъ букваремъ, была значительна; къ сожалѣнію, тогдашнія условія жизни Болгаріи не могли быть вполне благоприятными для его широкаго распространенія, что видно изъ того, что *второе* изданіе его вышло лишь въ 1841 году ¹⁾. Беронъ, издавъ свой букварь, ясно показалъ свои способности трудиться на поприщѣ педагогической литературы, но, къ сожалѣнію, онъ больше подобныхъ трудовъ не издавалъ ²⁾.

Послѣ выхода въ свѣтъ букваря Берона въ теченіе 11 лѣтъ литература болгарская не приобрѣла ни одного руководства ³⁾, которое могло бы служить на пользу просвѣщенія учащагося юношества.

Значительное оживленіе въ дѣлѣ изданія школьныхъ руководствъ, наступившее въ 1835 году, объясняется открытіемъ училища въ Габровѣ; училище это, о которомъ мы уже упоминали не разъ выше, сразу стало центромъ распространенія просвѣщенія между болгарами. Прилично обставленное съ первыхъ шаговъ своего существованія, оно заинтересовало и вдохновило многихъ болгаръ, которые готовы были трудиться на пользу своего народа. Благодаря возникновенію

¹⁾ Напечатано оно (въ Букурештѣ въ типографіи та на Захарія Карнакеки и смна его) безъ имени Берона; печать значительно опрятнѣе, чѣмъ въ первомъ. Какъ были во второмъ изданіи исполнены рисунки, и сказать не могу, такъ какъ ихъ нѣтъ при моемъ экземплярѣ. До 1862 года было еще 3 изданія этого букваря (у Теодорова (книгопосл.) № 31). К. Венедикъ (Древніе и нынѣшніе болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ т. I, 1829 г. Москва, стр. 16) объ этомъ букварѣ Берона говоритъ: „И не видалъ ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить съ достоинствомъ сей книжки, весьма поучительной; изложеніе статей ни исно, слога пріятный“... Такой отзывъ можно признать справедливымъ, если принять во вниманіе, что, напримѣръ, буквари для русскихъ школъ даже значительно позже были бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ букварь Берона (напримѣръ, въ находящемся въ моемъ распоряженіи букварѣ (изд. 1861 г. въ С.Пб.) нѣтъ ни слова о животномъ царствѣ или о какихъ либо явленіяхъ природы).

²⁾ Соціальніа по этому поводу высказывались и современниками Берона, отъ котораго они ожидали многихъ полезныхъ трудовъ. Ср. Денища Аврѣлова, стр. 54.

³⁾ Только въ 1826 году В. Неновичъ издалъ— „Букварь за деца-то на славено-болгарска-тъя народъ“ (въ Будиши), но книга эта не имѣла успѣха и не могла его имѣть, такъ какъ Неновичъ по отзывамъ лицъ, его знавшихъ, былъ „премалохой филологъ“, взявшійся за учительство лишь вслѣдствіе несчастливой торговли. Ср. у Венедикъ, О зародкѣ новой болгарск. лит. (М. 1838) стр. 6.

этого училища, явились, наприѣръ, труды іеромонаха Неофита ¹⁾, немало сдѣлавшаго для развитія школьнаго дѣла въ Болгаріи. Въ августѣ 1834 года онъ окончилъ, а въ 1835 году выпустилъ въ свѣтъ свою работу: „*Болгарска грамматика*“, въ заглавіи которой сказано, что она „перво сочинена“ и „на свѣтъ издана отъ любородныя те предстоатели за болгарското просвѣщеніе Г. братѣ Мустаковы“ ²⁾— „Въ Крагьовицѣ“.—Изъ предисловія ясно видно, что грамматику свою Неофитъ предназначалъ для употребленія въ только что народившейся тогда болгарской школѣ; предпринимая съ этой цѣлью свой трудъ, Неофитъ смотрѣлъ на него лишь какъ на первый опытъ, такъ какъ до него въ Болгаріи никакихъ руководствъ по грамматикѣ не существовало.

За предисловіемъ (върѣше посвященіемъ Мустаковымъ) слѣдуетъ „*филологическо предвѣдомленіе за славенноболгарска-та граматика*“. Принявъ въ основаніе положеніе, что никто не можегъ отрицать, что болгарскій языкъ „е проистекалъ като отъ некой неоскъдныя источникъ отъ Славенскіатъ, тако не може ни да противорѣчи, зацо отъ него требва да прине и своето исправленіе, и да се допояня бо свои те недостаткѣ“ (стр. 4), Неофитъ въ „предвѣдомленіи“ своемъ очень обширно развиваетъ его. Всѣ разсужденія о недостаткахъ болгарскаго языка (главнымъ образомъ лексикальнаго характера) весьма любопытны, такъ какъ сдѣланы на основаніи непосредственныхъ наблюденій автора надъ живой рѣчью; констатированіе ихъ было полезнымъ для читателей и представляетъ немалый интересъ, равно какъ и предложенныя имъ соображенія о свойствахъ церковно-славянскаго языка, такъ какъ соображенія эти, основанныя на трудѣ Калайдовича (Іоанигъ ексархъ болгарскій), являлись, конечно, совершенной новинкой въ только что народившейся болгарской литературѣ. Но при такомъ своемъ значеніи филологическое разсужденіе Неофита должно быть признано совершенно непригоднымъ для начальной школы, гдѣ оно не могло быть понимаемо, а потому его педагогическое значеніе заключается не въ предлагаемомъ фактическомъ матеріалѣ, а во многихъ общихъ замѣчаніяхъ, такъ сказать патріотическаго содержанія, о богатствѣ и старинѣ болгарскаго языка, а также о его пригодности для выраженія различныхъ даже самыхъ сложныхъ мыслей. Такого рода замѣчанія,

¹⁾ См. Очеркъ I.

²⁾ О Мустаковѣхъ и ихъ жертвахъ на пѣд. различн. болгарскихъ книгъ см. у Априлова, „Денница“.

конечно, на болгарское учащееся юношество влияли очень благотворно и несомненно не мало способствовали развитію въ нихъ идеи самознания, которое, какъ то понимали дѣятели подобные Неофиту, должно было быть однимъ изъ главныхъ двигателей пробужденія болгарскаго народа.

Собственно болгарская грамматика у Неофита (стр. 73 и слѣд.) дѣлится на двѣ части: 1)—*этимологія или художественное* и 2)—„за краткія те правила на правописаніе-то, дека се написавать големи обьемы“ (стр. 158 и др.). Въ первой изъ нихъ послѣ опредѣленія понятій частей рѣчи (по указаніямъ греческой грамматики) даются образцы склоненій и спряженій болгарскихъ, при чемъ на каждый образецъ приводятся многіе примѣры, во второй указаны случаи, когда должны быть употребляемы прописныя буквы. Въ концѣ книги (стр. 204—211) помѣщенъ списокъ, въ который вошли „*речи турски и нѣколко гречески, кои то са во употребленіе на сегашино то време въ сичка та Болгарія, истолкуваны по возможности съ равнозначныя славянски или русскиски*“. Списокъ этотъ, составленный Неофитомъ въ цѣляхъ очищенія роднаго языка, несомнѣнно долженъ былъ имѣть не малое значеніе въ отношеніи практическомъ, и также и въ отношеніи укрупненія въ болгарсахъ взгляды на свой языкъ, какъ на такой, который далеко не такъ бѣденъ, чтобы не обойтись безъ чуждыхъ элементовъ¹⁾.—Въ общемъ грамматика о. Неофита была явленіемъ отраднымъ, но значеніе ея главнымъ образомъ было въ филологическихъ разсужденіяхъ (предувѣдомленіе, примѣчанія на стр. 163 и др.) и въ подборѣ образцовъ; это въ ней цѣнили и современники Неофита, приветствуя ее, какъ трудъ, имѣющій не малое значеніе въ дѣлѣ пробужденія у болгаръ²⁾ признанія за своимъ языкомъ пригод-

¹⁾ Русскихъ словъ въ этотъ списокъ внесено довольно много; укажу нѣкоторые изъ нихъ: *пѣмъ*—кожа волова выдѣланная; *ферманъ*—шпальенное царское повелѣніе; *черпѣа*—столярный инструментъ; *мурѣа*—школа образцовъ и т. п.

²⁾ Ср. *Вемелна*. О зародитѣ новой болгарской лит., стр. 30 и слѣд., *Априлова*. Дополненіе къ „Девнищѣ“, стр. 24, „Москвитинищѣ“ 1842 г. № 3, стр. 148 (ст. Соловьева). Венелинъ, который былъ тогда единственнымъ серьезнымъ знаткомъ болгарскаго языка, говорилъ въ одномъ письмѣ (къ Априлову): „грамматика о. Неофита—трудъ достойный всякой похвалы... Введеніе мнѣ особенно понравилось“. (См. *Сборникъ за народни умотворенія... и пр.* кн. I, стр. 188). Кромѣ изданія 1835 г., другія изданія грамматики Неофита, кажется, не было.—Въ 1835 же году о. Неофитъ издалъ еще—„*Краткое и ясное иложение за раздѣленіе то, начертаніе то, именованіе то и произношеніе то на писмена то и правила за сричаніе то, просодія-та и слога-та и за право-то чтеніе на греческіа мязкъ*“ (*Въ Българѣа*

пости служить для выраженія на немъ мыслей. Такое же значенію имѣеть и вышедшая одновременно съ трудомъ о. Неофита работа— „Грамматика славено-болгарска, сочинена отъ Христати П. Дулчанина въ славено-славенско то отъ Сицовъ училище учителя“. Въ Будимъ Градь 1835. — Въ краткомъ предисловіи („къ единороднымъ момъ болгаромъ“) авторъ (на двухъ всего страницкахъ) объясняетъ появленіе своего труда тѣмъ, что безъ грамматики—„никое спешаніе на нашій языкъ не може да быде и слѣдовательно просвѣщеніе“. Въ цѣляхъ просвѣщенія онъ желаетъ распространенія изученія грамматики родного языка, какъ средства, могущаго способствовать развитію въ болгаряхъ сознанія пригодности стоять въ одной линіи съ другими народами. Самая грамматика состоитъ, какъ и у о. Неофита, изъ образцовъ склоненій и спряженій съ указаніемъ примѣровъ словъ, которыя измѣняются по указаннымъ образцамъ. — Сравнительно съ трудомъ о. Неофита эта грамматика отличается краткостью изложенія, а потому она и могла быть для начальныхъ школъ доступнѣе; благодаря этому, изданія ея повторялись; такъ, въ 1845 году она вышла вторымъ значительно пополненнымъ изданіемъ ¹⁾. Въ одинъ годъ съ грамматикою Христати Дулчанинъ издалъ и „Разговорникъ греко-болгарскій за оныя, кои желаютъ греческій языкъ, да се научатъ при кого-то и една кратка болгарска історія приложасе“ (Въ Белградъ 1835).

„Греки, говоритъ Дулчанинъ въ предисловіи къ этому своему „разговорнику“, имѣютъ большія книжныя сокровища, а сиротливая Болгарія пребываетъ въ темнотѣ непросвѣщенія“. Въ виду этого онъ считаетъ необходимымъ, чтобы каждый болгаринъ хорошо владѣлъ греческимъ языкомъ, при помощи котораго онъ можетъ читать много хорошихъ книгъ того народа, который изъ всѣхъ болѣе образованныхъ къ нему ближе другихъ. „Кто же, продолжаетъ онъ, въ достаточной степени изучитъ этотъ полезный языкъ, тотъ пусть не губить

1835). Издавалъ эту книжку, Неофитъ, какъ видно изъ предисловія, имѣлъ въ виду сдѣлать болѣе легкимъ и доступнымъ для болгарскаго юношества—наученіе греческому языку потому, что на этомъ языкѣ было уже достаточно количество такихъ книгъ, изъ которыхъ „болгаринъ можетъ многому хорошему научиться“. Эту мысль Неофитъ высказываетъ съ горькимъ сожалѣніемъ относительно бѣдности болгарской литературы, но вмѣстѣ съ этимъ убѣжденъ, что чтеніе хорошихъ греческихъ книгъ обогатитъ болгаръ полезными знаніями и поможетъ развитію собственной литературы. Самое положеніе содержитъ рядъ элементарныхъ правилъ главнымъ образомъ фонетическихъ.

¹⁾ См. у Теодорова (книгописецъ) № 250.

своего болгарскаго происхожденія и не стремится называться грекомъ, какъ поступаютъ нѣкоторые... Греки не славятъ болгаръ...“ Въ „разговорникѣ“ помѣщено свыше 4000 греческихъ словъ съ переводомъ на болгарскій языкъ; слова эти всѣ изъ области разговорной рѣчи; при ихъ помощи могутъ быть понимаемы лишь несложныя греческія фразы. Съ цѣлью укрѣпленія въ сознаніи болгаръ, что они не хуже другихъ народовъ, и приведена Дучаниномъ въ концѣ книги „краткая болгарская исторія“. Въ этой исторіи, по словамъ его, всякій можетъ видѣть, какъ въ зеркалѣ, насколько нѣкогда высоко стояла Болгарія, которая была свободна, составляла славное царство и имѣла сильныхъ и всему свѣту страшныхъ царей; выходъ же изъ постигнувшей ее бѣды рабства — авторъ видитъ въ одномъ просвѣщеніи, которому въ значительной степени и должно способствовать изученіе болгарскаго языка: „попече сичка-ти слава быва отъ учене-то, а учене-то тамо павети, гдѣ-то се предава на свой языкъ...“¹⁾

Къ 1835 же году, кромѣ указанныхъ уже руководствъ, относится и появленіе первой на болгарскомъ языкѣ *школьной энциклопедіи для учащихся*: „*Славеноболгарское дѣтководство за малки тѣ дѣца...*“ Собрано отъ различныхъ писателей, и сочинено на шесть частей, за шесть оученичій чины: первымъ переведено отъ эллиногреческаго діалекта, на славеноболгарскіи и издано: отъ *Неофита архимандрита Хиландарца*, родомъ же Котланца; и *Эммануила Вискідовича*, эллиногре-

¹⁾ Приведенная Дучаниномъ въ „разговорникѣ“ „сокращенная болгарская исторія“ источникомъ своимъ имѣетъ исторію Нанси, съ которой Дучанинъ былъ лично хорошо знакомъ, такъ какъ ему же принадлежитъ и изданіе ея подъ заглавіемъ „Царственникъ или исторія болгарская, кон то учи отъ гдѣ са Болгаре призошли“... и проч. (У Будиму 1844). Въ первые годы болгарскаго возрожденія вообще смотрѣли на знаніе греческаго языка, какъ на весьма необходимое средство для успѣшнаго хода болгарскаго просвѣщенія; это, впрочемъ, имѣлъ въ виду и К. Г. Фотиновъ при наданіи своего труда — „*Болгарскіи разговорникъ, за оныя, конъ обычавъ да се навикнуванъ да зоворавъ гречески*“ (Смурна, 1845), въ которомъ помимо перевода съ греческаго на болгарскій различныхъ фразъ, оборотовъ и отдѣльных словъ, далъ еще по-гречески и по-болгарски рядъ болѣе употребительныхъ словъ. Обнаруженное въ трудахъ о. Неофита, Дучанина и Фотинова *грекофильство* не должно ставить отъзвѣдъ дѣтямъ болгарскаго возрожденія въ уморъ; сами по себѣ греки могли быть несимпатичны болгарамъ, но языкъ ихъ былъ почти единственнымъ доступнымъ для болгаръ средствомъ въ цѣлихъ близкаго и тѣснаго общенія съ европейскою цивилизаціей. О грекофильствѣ Фотинова см. ст. *Шимшилова*, К. Фотиновъ, неговятъ животъ и неговата дѣйность (Сборникъ за народни умовъ. Кн. XI, стр. 647).

ческаго епископскаго оучяльца оучителя“. (Въ Крагуевцѣ 1835) ¹⁾. Содержаніе этихъ частей слѣдующее: 1) *Букварь* (элементарныя свѣдѣнія для обучающихся чтенію вмѣстѣ съ первоначальными молитвами). 2) *Разныя правоученія* (басни, повѣсти, назидательные рассказы и изреченія) ²⁾, 3) Грамматика, 4) Ариметика, 5) Географія и 6) Родъ писемовника (образцы различныхъ бумагъ и писемъ).—Весьма важнымъ нужно признать изданіе въ этой энциклопедіи отдѣла 5, который полностью носилъ такое заглавіе: „*Краткое политическое землекопаніе за обученіе на болгарското младенчество*“, такъ какъ здѣсь, кромѣ свѣдѣній по общей географіи, находится описаніе Болгаріи; описаніе это занимаетъ всего 12 стр. (14—26), но по своему содержанию оно должно было имѣть большое значеніе, такъ какъ знакомило болгаръ съ прошлымъ и настоящимъ земель, ими заселенныхъ. Говоря о болгаряхъ, авторъ явно съ намѣреніемъ дѣлаетъ ихъ характеристику, какъ народа въ сравненіи съ другими невѣжественнаго вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія ³⁾, но думаетъ, что они, въ случаѣ пробужденія въ нихъ къ тому желанія, при своихъ способностяхъ—легко выйдутъ изъ этого положенія. Въ описаніи городовъ (напримѣръ, Тернова) довольно много мѣста отведено для ознакомленія съ прошлымъ ихъ, а также съ остатками былого величія. Въ описаніи Россіи съ особой рельефностью отмѣчены ея могущество и величина („*Царство Россія—е наипространно:—защо 25 крата е повелико отъ*

¹⁾ Архимандритъ *Неофитъ Петровъ Хилендарскій* (Бозвея) одинъ изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ болгарской независимости вообще, а въ частности церковной, содѣйствовалъ пробужденію болгаръ какъ литературными трудами, такъ и личной пропагандой въ пародѣ (особенно послѣ адрианополяскаго мира), что и позволило за собой его заточеніе († въ 1849 г.). Кромѣ названной энциклопедіи, ему принадлежить еще свыше 25 другихъ (большей частью незданныхъ еще) сочиненій. Указанія о значеніи дѣятельности Неофита Хилендарскаго см. „*Народническо Списание*“ (Срѣдецъ 1882) кн. 3, ст. Стоянова. Обстоятельныя свѣдѣнія о Неофитѣ Хилендарскомъ даны проф. Шишмановымъ въ прекрасной статьѣ—„*Единъ испознавъ трудъ на Неофита Бозвея*“. (Сборникъ на народни умотворенія... Княга XVIII).

²⁾ Особое вниманіе среди этихъ статей обращаетъ на себя статья: „*Ко отечества*“ (стр. 12), въ которой горячо указывается на обязанность каждаго человѣка „дѣлать все для блага своего отечества и даже спокойно и съ радостью умереть для освобожденія его, если оно еъ бѣдѣ. Авторомъ, конечно, имѣлась въ виду Болгарія, но имя ея не названо.—Весьма обстоятельно разработана и отдѣлъ—„*Полза отъ наукити*“, гдѣ собрано много изреченій для доказательства необходимости ученія.

³⁾ Стр. 15: „*Неученіето ги прави совѣтъ дивн, невѣжн и послѣваени отъ другитѣ искусни и ученни Еуропески народи...*“.

европейска Турция“). Описывая Турцию ¹⁾, авторъ говоритъ, что климатъ въ ней очень хорошъ, но однако въ нее—*„чумата пакъ вхожда, което произскажда—отъ владѣтелското невнимание...“*.

Всѣ указанныя выше руководства были первыми ²⁾ для болгаръ книгами, которыя показали имъ вполнѣ наглядно, что ихъ языкъ можетъ быть пригоденъ для нуждъ школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились источникамъ, изъ котораго они имѣли полную возможность почерпнуть знанія, необходимыя на первыхъ порахъ для расширенія своего умственного кругозора. Познакомившись по этимъ книгамъ съ главнѣйшими молитвами, узнавъ изъ нихъ много раньше незнакомаго изъ области исторіи и географіи своей родины, ни одинъ болгаринъ не могъ остаться чуждымъ тому нравственному подъему, который вызывался положенными

¹⁾ В. Д. Стоиловъ въ указанной выше статьѣ—*„Ист. мат. по нововъзрожденнето на бълг. народъ“* (Порнод. Синс. 1882, 3) говоритъ, что къ этому описанію Турціи въ энциклопедіи была приложена и карта Турціи, и замѣчаетъ, что „тази карта първа на бълг. езикъ издадена за нашото отечество“ (стр. 153).—Экземпляра энциклопедіи съ указанной картой миѣ видѣти не удалось.

²⁾ Изъ позднѣйшихъ подобныхъ изданій назову: „Христовѣна или благоправіе... преведена отъ Р. Дотоича“ (въ Будимѣ 1837); „Първѣчка болгарска граматика.“—Написана *Иванчо Андреевъ* (Букурещъ 1844) (въ концѣ любопытный „словарникъ“, въ которомъ отмѣчены многія греческія и турецкія выраженія съ переводомъ на болгарскій языкъ), „Ученія за дѣца-та“, перевелъ съ греческаго *А. Николитъ* (Цариградъ, 1850),—родъ энциклопедіи, въ которой трактуется о различныхъ явленіяхъ природы, разсказываются эпизоды изъ исторіи и проч.; „Малка энциклопедія или первоначалныя познанія за дѣца-то“ (пер. съ франц. Цариградъ 1854); изданія *С. И. Радуллова*,—„Нравоученіе за дѣца-то“ (переводъ, Одесса 1853), здѣсь говорится о нравственныхъ обязанностяхъ; „Българскій букваръ“ (Одесса 1859), а, кромѣ того, еще цѣлый рядъ руководствъ, уже непосредственно составленныхъ подъ мнѣніемъ многихъ русскихъ книгъ (напр. *Утинскаго*), какъ-то: „Другаръ за дѣцата“—нареденъ отъ *Павла Каланджи* (Одесса 1863); авторъ пользовался „Дѣтскимъ міромъ“ и проч. Кромѣ книгъ, наамеченныхъ распространять знаніе, такъ сказать, фактически характера, въ болгарской литературѣ рано появились и книги теоретическаго характера, цѣль которыхъ заключалась въ разъясненіи пользы ученія или въ которыхъ давались различныя совѣты руководителѣмъ юношества. Изъ этихъ книгъ назову напримѣръ. 1) „*Приемельски советни на родители-те*“ (Смирна 1842); въ этой книжкѣ имѣются между прочимъ отдѣлы: „за трудолюбіе-то, порядокъ и за чистота на дѣцата“, „какъ да учатъ законатъ Божій“, „законъ на дѣцата да говорятъ правда та и да бѣдять честныя человекы“ и др. и 2) „*Нещо за безграмотни те человекы*“ (Смирна 1843); книжка эта въ видѣ разсказа изъ жизни трактуетъ о пользѣ изученія грамоты. Среди болгаръ книги подобнаго характера имѣли несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ изданія ихъ повторялись. (Объ изданіяхъ названныхъ книгъ см. у Теодорова [Книгописъ] МЛБ 652, 948).

въ основаніе этихъ книгъ любовью къ болгарскому народу и вѣрой въ его силы и способности. Все это пробуждало въ болгаряхъ желаніе учиться дальше съ цѣлью служить своей родинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовило къ такому ученію. Появленіе цѣлаго ряда различныхъ научныхъ руководствъ, а также вообще литературныхъ произведеній на болгарскомъ языкѣ въ теченіе пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ въ значительной степени обязано этимъ *первымъ* на болгарскомъ языкѣ книгамъ учебнаго характера, а потому за ними должно быть признано немалое значеніе въ исторіи пробужденія болгарскаго народа къ новой жизни.

М. Попруженно.

АРМЯНСКІЕ ИСТОЧНИКИ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ ¹⁾.

Посвящается профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета
Сергѣю Федоровичу Платонову.

Нижеслѣдующія извѣстія, относящіяся къ эпохѣ смутнаго времени русской исторіи, извлечены нами изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, изъ сочиненія на армянскомъ языкѣ о. Августина Баджеци, проѣзжавшаго черезъ Московію въ 1609 году, и, во-вторыхъ, изъ армянской „Лѣтописи Каменца“ (т.-е. Каменецъ-Подольска). Прежде чѣмъ предложить эти извѣстія, въ русскомъ переводѣ, вниманію лицъ, занимающихся исторіей Россіи, мы сочли нужнымъ предпослать соотвѣтствующія *Prolegomena* къ каждому изъ нашихъ источниковъ.

I.

Августинъ Баджеци.

а) *Prolegomena*.

§ 1. Біографическія свѣдѣнія объ Августинѣ Баджеци немногочисленны; мы ихъ почерпнемъ изъ его же сочиненія (о заглавіи котораго будетъ сказано ниже, § 8). Нѣкоторыя свѣдѣнія мы находимъ также въ припискѣ фра Антоніо Назароса („изъ ордена проновѣдниковъ“), сдѣланной имъ въ концѣ рукописи, содержащей сочиненіе

---

¹⁾ Въ основѣ настоящей статьи лежитъ сообщеніе, читанное 18-го мая 1902 г. въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Августина Баджеци, во время своего пребывания въ Парижѣ въ 1674 году (см. § 7) ¹⁾.

§ 2. Армянинъ по происхожденію, католикъ по вѣроисповѣданію, Августинъ [Баджеци ²⁾], впоследствии сдѣлавшійся (какъ сообщаетъ фра Антоніо Назарось) нахичеванскимъ архіепископомъ, родился въ селеніи Апаранерь, въ области Ерджакъ провинціи Сюникъ (по древней географіи Арменіи)—тѣ предѣлахъ нынѣшней Елисаветпольской губерніи, откуда былъ родомъ и вышеупомянутый фра Антоніо Назарось (§ 1). Онъ былъ еще юношею, когда ему пришлось испытать всѣ ужасы нашествія на Арменію Шахъ-Аббаса, завершившагося насильственнымъ переселеніемъ армянъ въ Персію (1604 — 1605 гг.). На этомъ переселеніи, яркими красками описанномъ однимъ изъ современниковъ событія, Аракеломъ Тавриазскимъ ³⁾, довольно подробно останавливается и Августинъ.

Этотъ эпизодъ былъ очень важнымъ моментомъ въ его жизни. Получивъ возможность возвратиться изъ Персіи на родину, вмѣстѣ съ другими жителями Ерджакской области, онъ засталъ дома картину полного разоренія. Отлично понимая, что среди господствующаго безначалія не можетъ быть никакой гарантіи личности, оставшись къ тому же совершенно одинокимъ, Августинъ рѣшилъ покинуть злополучную родину и отправиться въ Франкіястанъ, т.-е. въ

¹⁾ Объ Августинѣ Баджеци см. также у о. Алишана—*Sisakan* (на арм. языкѣ). Венеція, 1893 г., in 4°, стр. 394—395.

²⁾ Академикъ Броссо замѣчаетъ, что самъ Августинъ не даетъ себѣ прозванія *Баджеци*, которое намъ извѣстно изъ Назароса (собс. Баджеци). Въ заглавіи сочиненія Августина оно является, какъ говоритъ Броссо, „une sorte de glose, ajoutée par l'auteur du sommaire latine (той рукописи парижской Национальной библіотеки, въ которой заключается и сочиненіе Августина), qui tendrait à faire croire que le village d'Avaganer faisait partie du canton de Badj". (*Journal Asiatique*, 1837 [III-е Série, T. III], p. 210). Тѣмъ не менѣе, надо замѣтить, что прозваніе Баджеци давалъ себѣ и Августинъ, какъ это можно видѣть изъ его собственной записки или свидѣтельства, приводимаго у о. Алишана (о. с., p. 325); мы, именно, читаемъ: по армянскл.—„я, фра Огостиниосъ Баджеци“ и по итальянски—„Fra Agostin Bagezzi“. Форма *Bagezzi* соответствуетъ арм. „Баджеци“, а армянскл *Баджеци* представляеть передѣлку „Баджеци“ съ (вульгарнымъ) окончаніемъ -ецъ (им. -яецъ).

³⁾ См. о немъ у К. П. Патканова—*Библиографическій очеркъ армянской исторической литературы*. С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 50. Французскій переводъ труда Аракеда Тавриазскаго сдѣланъ академикомъ Броссо и изданъ въ его *Collection d'historiens arméniens* (St.-Petersbourg, 1874, Tome I).

Европу. „Въ это время,—читаемъ мы у Августина,—персидскій царь (шахъ) сидѣлъ подь Нахичеваномъ; я услышалъ, что въ персидскомъ лагерѣ находится какой-то франкскій (т.-е. европейскій) посоль.... Я отправился въ персидскій лагерь, нашелъ посла и пошелъ къ нему; я увидѣлъ, что это добрый христіанинъ. Я у него остался три года“. Надо думать, что Августинъ поступилъ въ услуженіе къ послу, быть можетъ въ качествѣ посредника (или переводчика) между нимъ и персіянами. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что Августинъ пользовался благосклонностью посла. По крайней мѣрѣ, ему, при содѣйствіи посла, удалось освободить „отъ рукъ невѣрныхъ“ много плѣнныхъ, и вообще посоль не оставлялъ его своими милостями. Въ свитѣ посла Августинъ оставался цѣлыхъ три года, пока посоль получилъ отъ шаха разрѣшеніе возвратиться на родину. Вместе съ посломъ направился въ Европу и Августинъ. Насколько можно судить по тому обстоятельству, что конечнымъ пунктомъ въ путешествіи посла является Мадридъ, надо думать, что въ неизвѣстномъ „эльчи“¹⁾ мы должны видѣть именно испанскаго посла. Умеръ Августинъ въ 1653 году.

§ 3. Путь посла, котораго сопровождалъ Августинъ, лежалъ черезъ Россію. Какъ можно заключить изъ показаній Августина, время его проѣзда черезъ Россію падаетъ на 1609 годъ. Годъ этотъ, какъ извѣстно, въ исторіи Россіи относится къ эпохѣ смутнаго времени, и мы, такимъ образомъ, въ автобіографіи Августина (какъ можно было бы озаглавить его сочиненіе) имѣемъ показанія и наблюденія совершенно посторонняго, безпристрастнаго лица, случайно проѣзжавшаго черезъ московскую страну. Это обстоятельство, уже само по себѣ, дѣлаетъ интересными тѣ немногія строки, которыя отведены въ сочиненіи нашего автора пребыванію въ предѣлахъ московскаго государства.

§ 4. Характеристику Августина, какъ писателя, составляютъ: безискусственность, искренность и простота его изложенія. Эта характеристика Августина какъ писателя вполне совпадаетъ съ характеристикой Августина, какъ человека, которую дѣлаетъ фра Антоніо Назаросъ (§ 7). Автобіографическое сочиненіе Августина написано языкомъ, который принято называть „средне-армянскимъ“²⁾;

¹⁾ Августинъ для понятія „посоль“ употребляетъ турецкое слово elci.

²⁾ О „средне-армянскомъ“ см. въ предисловіи къ нашимъ *Этюдамъ по армян-*

при этомъ, надо отмѣтить, что въ немъ мы встрѣчаемъ известное количество турецкихъ словъ; замѣтно также влияние и обыденнаго языка того времени ¹⁾).

§ 5. Интересъ небольшого отрывка изъ Августина Баджеци, имѣющаго отношеніе къ эпохѣ смуты, увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что мы въ немъ—на ряду съ другимъ отрывкомъ изъ „Лѣтописи“ каменецкихъ армянь (см. ниже)—впервые имѣемъ документъ на одномъ изъ восточныхъ языковъ, дающій матеріалъ по извѣстному періоду русской исторіи ²⁾. Документъ этотъ, насколько мы знаемъ, *остаётся неизвѣстнымъ русскимъ историкамъ*, хотя онъ дважды былъ изданъ въ подлинникѣ, существуетъ во французскомъ переводѣ и въ пересказѣ на русский языкъ (§ 6). Въ виду этого мы сочли лишнимъ представить *полный* переводъ даннаго отрывка, тѣмъ болѣе, что переводъ, сдѣланный академикомъ Brosset, не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ. (Срв. что говорить

ской діалектологіи, ч. II (Москва, 1901 г.), стр. III и слѣд. (подробнѣе въ приложеніи къ печати нашей рѣчи [Средне-армянскій языкъ и его значеніе въ исторіи армянскаго языка] передъ докторскимъ диспутомъ).

¹⁾ Въ началѣ XIX вѣка, когда изученіе армянскаго языка сосредоточено было исключительно на языкѣ древне-армянской письменности, особенности такого языка, какимъ писалъ Августинъ, не могли не возбудить особаго вниманія. Броссе, овладѣвшій текстомъ Августина при помощи армянскаго монаха Карапета („сependant il nous est resté des doutes pour plusieurs mots et pour un ou deux passages“), говорить слѣдующее: „Quant au style c'est un patois local, très curieux à observer pour celui, qui voudrait apprécier les altérations de la langue. Les règles de l'étymologie n'y sont pour la plus part comptées pour rien, ce qui donne lieu à des grandes difficultés, et même... à de fortes méprises. Les mots défigurés, mutilés en mille manières, les locutions et les termes entièrement étrangers aux habitudes de l'arménien littéral [Броссе разумѣетъ древне-армянскій литературный языкъ] abondent dans ce recit“. (*Journal Asiatique*, 1837, p. 211).

²⁾ Указывая на историческое значеніе автобіографіи Августина, академикъ Brosset говорить: „Deux grands événements historiques sont consignés dans le recit du frère Augustin, à savoir: l'invasion de l'Arménie par les Ottomans et les Persans (срв. § 2), au commencement du XVIIe siècle, et les révolutions intérieures de la Moscovic, à la même époque“. (*Journal Asiatique*, 1837, p. 212).

Къ тому мѣсту въ разсказѣ Августина, которое касается Россіи, Brosset даетъ пространное примѣчаніе (о. с., pp. 230—232), источниками котораго являются *Histoire de Russie par Levesque* (4 éd., 1822, t. III, pp. 221—365) и *Mémoires du règne de Pierre-le-Grand par Nestlésuranoï* (nouv. éd., Amsterdam, 1740, pp. 172, 185); онъ также ссылается и на Margeret и Карамзина.

проф. К. Паткановъ—*Библиографическій очеркъ исторической армянской литературы*. С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 52)¹⁾.

§ 6. Въ 1837 г. извѣстный впоследствии армянецъ и грузинецъ М. Brosset, которому мы, между прочимъ, обязаны двумя объемистыми томами *Collection d'historiens arméniens* (С.-Пб., 1874 и 1876 гг.)—издалъ въ *Journal Asiatique* (III-е série, Т. III. Mars, pp. 209—245, Mai, pp. 401—421) французскій переводъ Августина и Назароса, снабдивъ его предварительными примѣчаніями и очеркомъ состоянія Арменіи въ XVII в. (*Itinéraire du très-révérend frère Augustin Badjétsi, évêque arménien de Nakhidchéran, de l'ordre des Frères-Prêcheurs à travers l'Europe, etc.*). (Относительно достоинства самого перевода, сдѣланнаго прямо съ рукописи парижской Bibliothèque Nationale, мы уже говорили выше, § 5). Въ 1880 г. проф. К. П. Паткановъ въ своемъ *Библиографическомъ очеркѣ армянской исторической литературы*. С.-Пб., 1880 (*Труды 3-го международнаго съезда ориенталистовъ*. С.-Пб., 1880, т. I) приводитъ нѣкоторые свѣдѣнія о неизданномъ (въ то время) сочиненіи Августина, при чемъ особенно останавливается на изложеніи отрывка, имѣющаго отношеніе къ русской исторіи (стр. 51—52); въ 1884 году онъ издаетъ впервые самый текстъ Августина (и Назароса) въ изданіи „*Фрагменты по армянской письменности*“²⁾ и въ предисловіи (на русскомъ языкѣ) почти дословно повторить уже упомянутое изложеніе (мѣстами переводъ) этого отрывка. Наконецъ, въ 1899 году, въ армянскомъ историко-филологическомъ журналѣ *Banasēr* (Philologus), выходящемъ въ Парижѣ, вторично былъ изданъ текстъ Августина редакторомъ изданія г. К. Басмаджяномъ (I, вып. 3, стр. 218 и слѣд.). При этомъ издателю осталось неизвѣстнымъ существованіе editionis principis, сдѣланнаго профессоромъ К. Паткановымъ въ 1884 году.

§ 7. Какъ петербургское, такъ и парижское изданія Августина Баджеца были сдѣланы по единственной (доселѣ извѣстной) рукописи

¹⁾ Несмотря на нѣкоторыя пропуски, неточности и ошибки, допущенныя въ переводѣ Броссе (нѣкоторые изъ нихъ указаны будутъ нами далѣе, въ примѣчаніяхъ),—мы, гдѣ не мѣсто, должны признать за петербургскимъ академикомъ большую заслугу уже въ самой попыткѣ представить переводъ *средне-армянскаго* текста. (Срв. выше § 4 съ подстрочными примѣчаніями).

²⁾ Это изданіе носитъ армянское заглавіе: *Nšarkh matenagruthean Hayocn... i lois ĩas Kh. P.* (С.-Петербургъ, 1884). [Транскрипція армянскихъ словъ въ данной работѣ та же, которой мы держались въ нашихъ *Этюдахъ по армянской диалектологии*; см. ч. I, стр. XXIV и ч. II, стр. XII].

1617 г., хранящейся въ парижской Bibliothèque Nationale ¹⁾. Эта рукопись, насколько можно судить на основаніи ея латинскаго заглавія и того, что говорить Антоніо Назаросъ, написана самимъ Августиниомъ ²⁾.

Сопоставляя между собою изданія проф. Патканова (петербургское) и г. Басмаджяна (парижское), мы должны замѣтить, что изданіе г. Басмаджяна является болѣе близкимъ къ рукописному, такъ какъ у Патканова мы имѣемъ принадлежащую ему разстановку знаковь цѣпиканія, нерѣдко исправленное правописаніе (примѣнительно къ общелитературному языку), а также, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, измѣненіе подлинника въ отдѣльныхъ словахъ. Напротивъ, г. Басмаджянъ сохранилъ въ точности и интерпункцію и орфографію рукописи.

§ 8. Заглавіе сочиненія Августина читается въ изданіи проф. Патканова такъ: „Августина Баджеци путешествіе въ Европу“. У г-на Басмаджяна мы находимъ слѣдующее заглавіе—„Исторія фра Августина“. Оба заглавія, повидимому, составлены самими издателями, такъ какъ въ рукописи послѣ обычнаго славословія въ честь Троицы, читаемъ такъ: „Слѣдующее (собс. это) жизнь фра (т. е. frater) Августина священника. Внимайте!“ ³⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія объ этой рукописи даетъ Броссе въ notice préliminaire своей статьи. Болѣе подробно описываетъ рукопись К. Басмаджянъ въ журналѣ *Banaser* I, вып. 3, стр. 256 и слѣд.

²⁾ Латинское заглавіе Броссе приводитъ въ слѣдующемъ французскомъ переводѣ: „Itinéraire du très-révérend frère Augustin Badjétsi, évêque arménien de Nakhidchévan, de l'ordre des Frères-Prêcheurs, à travers l'Europe; écrit en langue arménienne, de sa propre main, ainsi que l'a reconnu et attesté le révérend frère Antoine Najari (sic!), son parent et son neveu (nepos), Aracounétsi, envoyé du roi de Perse au roi très-chrétien...“ Относительно Антоніо Назароса (въ лат. заглавіи: Najari) замѣтить, что онъ, прибывъ въ началѣ 1647 г. въ Паризъ, какъ уполномоченный отъ шаха Персія къ французскому королю Людовіку XIV-му, посетилъ также Bibliothèque Royale (выпѣ: Nationale), гдѣ и „нашелъ — какъ читаемъ у него — эту книгу, т. е. рукопись, покойнаго о. Августина Баджидца, надчечванскаго архіепископа“ (петерб. изданіе, стр. 24—„Banaser“ I, вып. 3, стр. 235). Эти строки находятся въ разсказѣ фра Антоніо Назароса („лектора богословія, назъ ордена проповѣдниковъ“), который въ упомянутой парижской рукописи слѣдуетъ за автобіографіей Августина. Намъ кажется, что мы можемъ приведенныя слова Назароса понимать именно въ томъ смыслѣ, что рукопись писана рукою самого Августина. (Такого же мнѣнія держится и о. Аляпкинъ, *Sisakan*, стр. 397). Броссе сомнѣвается въ томъ, что рукопись писана Августиниомъ, но врядъ ли есть основаніе для подобнаго сомнѣнія.

³⁾ Эта начальная фраза опущена въ изданіи Патканова. Что касается славословія въ честь Троицы, то оно опущено обоими издателями, но сохранено въ переводѣ Броссе („Gloire au Père...“ до словъ „pêcheur indigne et sans mérite“).

в) Извлеченіе изъ Апостина Баджеци ¹⁾.

[Изъ Дамурхаби, на Каспійскомъ морѣ, мы сѣли на корабль и направились въ Астрахань . . .]. Мы прибыли въ городъ Тарь ²⁾, крѣпость московскаго царя, построенную изъ дерева, въ землѣ, называемой теперь страной Кумуковъ ³⁾; (крѣпость эта) очень сильная: ея ночью и днемъ охраняютъ вонны изъ-за страха передъ неприятелями. Здѣсь мы нашли другой корабль, (принадлежащій) христіанину; сѣли (на него) и достигли города Астрахани, принадлежащаго московскому царю (и находящагося) въ землѣ татарской. Царь московскій и вся страна его исповѣдуетъ ромейскую ⁴⁾ вѣру. Астрахань весьма крѣпкій городъ; она (собственно) состоитъ изъ двухъ городовъ: одного—деревяннаго, другого—каменнаго и известковаго ⁵⁾. . . . Этотъ городъ расположенъ среди рѣки, называемой Эдилъ ⁶⁾; городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою; ширина рѣки 10 „мхонъ“ ⁷⁾; рѣка очень велика; по ней плаваютъ ⁸⁾ очень большіе корабли; эта рѣка доходитъ до города Москвы ⁹⁾—столицы царя. Начальникъ этого города не разрѣшалъ, чтобы носолъ одинъ отправился по обычному пути въ Москву, такъ какъ бояре ¹⁰⁾ московскаго царя велѣли убить своего царя, а другой ложный царь подошелъ съ большимъ коннымъ войскомъ къ Москвѣ, съ цѣлю осады, (заявляя), что я, именно, (настоящій) царь; меня хотѣли убить; (но) я убѣждалъ; теперь царство принадлежитъ мнѣ;

¹⁾ Данное извлеченіе мы приводимъ почти въ дословномъ переводѣ, сохраняя стиль подлинника; лишь мѣстами, въ круглыхъ скобахъ ( ), мы сдѣлали добавленія, требуемыя или смысломъ текста или условиями передачи на русскій языкъ. Въ при-
ныхъ скобахъ [ ] заключено сокращенное содержаніе предшествующихъ ближайшихъ
обстоятельствъ разсказа. Точки (. . .) указываютъ на выпущенныя нами мѣста, не
представляющія ближайшаго интереса. Абзацы принадлежатъ цамъ.

²⁾ Имя Тарки (южнѣ Петровска).

³⁾ Въ подлинникѣ: Էմուքստан.

⁴⁾ Т. е. греческую.

⁵⁾ Въ подлинникѣ: Գաճ՛ «изъ извести, известковый» отъ Գաճ՛ «известъ» (персид-
ское слово). Броссе: „construit en chaux“.

⁶⁾ Татарское названіе рѣки Волги.

⁷⁾ Армянское названіе известной мѣры длины; обыкновенно переводить „миля“. Слово Էթոն—замысловатое греч. փակ. (См. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, I, p. 306, модъ № 274).

⁸⁾ Въ подлинникѣ: րաբառայոյ.

⁹⁾ По армянски—Մոսկոս.

¹⁰⁾ По армянски—իշխանի (собс. „владѣтеля, князя“).

ложно, что говорить (обо мнѣ); я (настоящій) царь, я не уморю. Городъ Астрахань подчинился этому лже-царю; вотъ по этой-то причинѣ послу не разрѣшали отправляться по обычной дорогѣ; (лежащю по ней) города были покорны московскимъ боярамъ. Наконецъ, намъ разрѣшили отправиться по пустыннымъ мѣстамъ, предоставивъ послу 50 воиновъ. Каждый изъ насъ взялъ по двѣ лошади: на одну мы павьючили провіантъ, на другую сѣли сами; помнили Господа и пустились въ путь по этой пустынной дорогѣ. Ыхали мы цѣлый мѣсяцъ, не видя селеній; наконецъ, достигли населеннаго мѣста. Въ этой степи мы видѣли очень большую рѣку; (въ этой мѣстности) изобилие рыбы, много плодовъ, много травъ; (эта) страна очень лѣсиста ¹⁾. Только одинъ недостатокъ имѣеть (эта страна): очень много (здѣсь) комаровъ; отъ нихъ много лошадей пало. Когда мы останавливались, каждый (изъ насъ) уставлялъ для себя шатеръ, внутри (котораго) и укрывался. Когда мы достигли населеннаго мѣста, возблагодарили Господа (за то), что (Онъ), Господь Богъ, довелъ насъ изъ безводныхъ мѣстъ пути до селеній; всѣ эти селенія были во власти ложнаго царя. По пути къ Москвѣ мы видѣли много городовъ и укрѣпленій: всѣ они были подвластны этому лже-царю. Мы достигли (наконецъ) города, называемаго Калугою ²⁾. Посоль остановился здѣсь ³⁾. Мой монахъ о. Матвѣй, о. Петръ и фра Николай остались наблюдать за домою посла; мы же отправляясь къ лже-царю, находившемуся отъ этого города на разстояніи 3-хъ дней пути ⁴⁾.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *очень обильная* (bareli, ви. barelich?) *деревьями страна*. Броссе все это мѣсто переводитъ такъ: „Il y a quantité de fruits, beaucoup d'herbes et d'arbres; c'est une terre pleine de biens“; Паткановъ также („*вообще край благодатный*“). Но мы не находимъ возможности отдѣлать отъ сарбкн (instr. pl. „деревьями“) дальнѣйшихъ словъ: yist bareli ašyagh („очень плодильный край“), такъ какъ само по себѣ instr. pl. сарбкн оставалось бы необъяснимымъ синтаксически. Вышеприведенное пониманіе даннаго мѣста проф. Паткановымъ тѣмъ болѣе возбуждаетъ наше удивленіе, что въ изданномъ имъ армянскомъ текстѣ сарбкн, будучи отдѣлено знакомъ преніяванія отъ предыдущаго, отнесено имъ къ послѣдующему (yist bareli ašyagh).

²⁾ Въ подлинникѣ названіе этого города читается—Kaloğa.

³⁾ Въ подлинникѣ: *расположился тамъ своей домъ*.

⁴⁾ Данное мѣсто у Броссе переведено вѣрно: „à quatre jours de marche“. Ошибка возникла вслѣдствіе того, что Броссе прочелъ въ рукописи вѣсто третьей буквы армянскаго алфавита („gim“), служащей для обозначенія цифры „3“, четвертую („da“), служащую для обозначенія цифры „4“. Символіе легко объясняется сходствомъ начертанія обѣихъ буквъ.

Мы прибыли къ лже-царю; онъ со многимъ коннымъ войскомъ окружилъ большой городъ Москву. Мы (самого) города не видѣли; видѣвшіе намъ рассказали, что это очень хорошій городъ большихъ размѣровъ (и что) въ немъ есть колоколь, (при посредствѣ) котораго призываютъ въ церковь, приводимый въ движеніе сотнею людей. Царь принялъ очень хорошо посла и далъ соизволеніе ѣхать въ Польшу.

Мы возвратились назадъ въ Калугу, гдѣ нашли ¹⁾ фря Николая (уже) скончавшимся. Захватили (съ собою) домашнее имущество ²⁾ посла (и) отправились въ Польшу. Милостью Божьей мы достигли (благополучно) Польши; польскій царь оказалъ послу хорошей приемъ...

[Армянскій текстъ въ изданіи К. Патканова, стр. 9—11; въ изданіи К. Басмаджяна—*Banaser*, т. I, вып. 3, стр. 225—226; соотвѣтствующія части въ переводъ Brosset—въ *Journal Asiatique*, 1837, Т. III, pp. 229—234].

II.

Армянская „Лѣтопись Каменца“.

а) *Prolegomena.*

§ 1. Поселеніе армянъ въ Каменецъ ³⁾, главнымъ городъ Подолія, относится ко второй половинѣ XI вѣка. Поселившись здѣсь, они получили отъ польскихъ королей извѣстныя привилегіи, наиримѣръ

¹⁾ Въ подлинникѣ: *уендѣли*.

²⁾ Въ подлинникѣ: *домъ* (Броссе: „nous allâmes, avec la maison de l'ambassadeur, dans le Leh“).

³⁾ Въ русской литературѣ объ армянахъ Польши и юго-западной Руси отыщется слѣдующія работы: проф. Н. А. Липиниченко—*Общественная роль армянъ въ прошломъ юго-западной Руси*. Киевъ, 1895 (Оттискъ изъ IX кн. „Чтеній въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца“), его же—*Черты изъ исторіи сословія въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV в.* Москва, 1894, стр. 219—230. (Эти страницы переведены на армянскій языкъ Хр. Кучукъ-Иоаннесовымъ и вышли отдѣльнымъ изданіемъ—Москва, 1894). Здѣсь приведена подробная литература по исторіи а) члѣ Польши и юго-западнаго края. Отыщется также о поѣздкѣ въ юго-западный край для изученія прошлаго мѣстныхъ армянъ, совершеной по порученію Императорскаго московскаго археологическаго общества Хр. Кучукъ-Иоаннесовымъ; см. (пока) *Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ юго-западный край и Крымъ*. (Древности. Труды Импер. моск. археологич. общества. Т. XVII, стр. и слѣд.). Нѣкоторые статьи на рускомъ языкѣ, появившіеся раньше, мы оставляемъ въ сторонѣ.—Главная работа по польскимъ армянамъ принадлежитъ проф. Громницкому (*Orniene w Polsce; ich historia, prawa i przywileje*. Warszawa, 1889).

право имѣть собственный судъ. („Акты“ этого суда хранятся нынѣ въ Центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ ¹⁾).

§ 2. „Лѣтопись“ каменецкихъ армякъ, изъ которой мы приводимъ отрывокъ, велась нѣсколькими духовными лицами, членами одной и той же семьи. Начата „Лѣтопись“ священникомъ о. Іоанномъ и доведена до 1610 г., когда онъ скончался, имѣя отъ роду 84 года. „Лѣтопись“ продолжалъ далѣе его сынъ, о. Григорій, которымъ, вѣроятно, были занесены и событія, случившіяся въ перѣдъ 1605—1610 гг. (слѣдовательно, и то, которое мы приводимъ ниже въ русскомъ переводѣ). Эта „Лѣтопись“ издана въ Венеціи, въ 1896 г., о. Алишаномъ, по рукописи бібліотеки Венеціанскихъ Мхитаристовъ (въ изданіи, оваглавленномъ—*Каменецъ. Лѣтописи армякъ Польши и Румыни*, на армянскомъ языкѣ). Рукопись не имѣетъ начала и, такимъ образомъ, заглавіе „Лѣтопись“ дано самимъ о. Алишаномъ.

„Лѣтопись“ о. Іоанномъ велась съ 1560 г., а вообще она (насколько сохранялась рукопись) начинается съ 1430 г. (слѣдовательно, до этого года для о. Іоанна послужила источникомъ кака-то другая лѣтопись). Содержаніе „Лѣтописи“ обнаруживаетъ сильное вліяніе мѣстныхъ, польскихъ источниковъ.

§ 3. Языкъ, которымъ написана армянская „Лѣтопись“ Каменца, представляетъ одинъ изъ видовъ средне-армянскаго языка, съ присущими ему особенностями (вулгаризмы и пр.); срв. сказанное выше въ Prolegomena къ Августину Баджеци, § 4.

Въ этомъ языкѣ „Лѣтописи“ особенно отмѣтимъ вліяніе польскаго языка, сказавшееся въ лексикѣ; въ армянскомъ текстѣ мы встрѣчаемъ отдѣльныя польскія слова: *car*, *kniaz*, *starosta*, которыя лишь транскрибированы армянскими буквами.

в) Извлеченіе изъ „Лѣтописи“ ²⁾.

1605—6. Нѣкій Димитрій ³⁾ юноша объявился въ московской землѣ и былъ онъ сыномъ князя Ивана, московскаго царя. Когда умеръ князь Иванъ, отецъ Димитрія, этотъ Димитрій остался сир-

¹⁾ Разсмотрѣніемъ этихъ Актовъ занимался, по порученію Императорскаго московскаго археологическаго общества, его дѣйств. членъ Хр. Кучукъ-Іоаннесовъ. См. *Древности восточныя. Труды восточной комисіи Императорскаго московскаго археологич. общества*. Т. II, вып. 1-й, стр. 124 (отдѣлъ протоколовъ).

²⁾ Высшее въ скобы принадлежитъ намъ.

³⁾ Въ подлинникѣ польская форма *Dmitr*. Ср. Prolegomena. § 3.

тою въ дѣтскомъ возрастѣ. Затѣмъ московская страна осталась безъ царя. Послѣ колебанія избрали своимъ царемъ одного изъ бояръ—Бориса Гадоновича (Годунова). Когда онъ сталъ ¹⁾ царемъ, желалъ убить Димитрія, чтобы самому править полновластно. Знатные бояре укрыли (Димитрія) въ монастырь, въ которомъ было 700 иноковъ. Отсюда желалъ (Годуновъ) взять (Димитрія) и убить. Когда иноки узнали злой замыселъ Бориса, удалили поспѣшно (Димитрія) изъ монастыря (и отправили) сюда въ польскую страну. И когда беззаконный Борисъ узналъ объ этомъ, приказалъ захватить иноковъ и казнилъ ихъ въ количествѣ 700. Этотъ Димитрій пришелъ къ стопамъ ²⁾ короля Зигмунта (Сигизмунда) и этотъ принялъ его съ любовью (т. е. милостиво) и одарилъ его подарками. И Димитрій нашелъ нѣкоего великаго князя (іѣхан), который былъ львовскимъ старостою, по имени Миншекъ; (Димитрій) умолялъ его оказать ему въ это смутное время помощь, дабы онъ смогъ возвратитъ себѣ отцовскую власть. По сей причинѣ (Миншекъ) сталъ ему какъ бы отцомъ и сдѣлалъ его какъ бы пріемнымъ сыномъ, и... ³⁾.

[Армянскій текстъ въ изданіи о. Аlishana—*Каменецъ и пр.*, стр. 65—66].

.1. Мисрианцъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *сцль*.

²⁾ Удерживаемъ въ переводѣ выраженію подлинника.

³⁾ Конца данной записи недостаетъ въ рукописи.

СИМВОЛИКА РАСТЕНИЙ ВЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Начало народнои символикѣ восходить къ очень древнему періоду творчества,—когда человѣкъ какъ бы не отдѣлялъ себя отъ всего остальнаго міра, считая всю природу одушевленной: явленія своей жизни онъ переносилъ на явленія природы и вѣрплъ въ ихъ воздѣйствіе другъ на друга. Чувство, являющееся важнымъ факторомъ въ этой первобытнои жизни, заставляло народную мысль сравнивать предметъ, возбуждающій извѣстныя эмоціи, съ другимъ предметомъ, схожимъ съ первымъ въ какомъ-нибудь отношеніи. Отсюда такія выраженія, какъ „золотой ты мой“ и многія другія. Что чувство, дѣйствительно, принуждаетъ къ сравненію, подтверждается самимъ народомъ; вотъ пѣсня, въ которой дѣвица говоритъ о своемъ миломъ:

Я не знаю, къ чему дружка прилѣптъ.
Красоты въ лицѣ не можно оцѣнить;
Его личико—бѣлый снѣгъ,
Щечки—аленько-лазоревый цвѣтокъ (С., IV, т. № 35).

То же мы имѣемъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ пѣсенъ (С., IV т., № 31—33 и др.)¹⁾. Чувство не можетъ быть описано; но оно требуетъ выраженія, и человѣкъ долженъ былъ найти для этого способъ; путь сравненія оказался наиболѣе удобнымъ для этой цѣли; указаніе на предметъ, возбуждающій чувство, хоть сколько-нибудь похожее на

---

¹⁾ При указаніи пѣсенъ въ этой работѣ имѣются въ виду сборники: „Великорусскія народныя пѣсли“, изданія проф. А. И. Соболевскаго, т. т. I—V и „Великорусскія народныя пѣсли“, обрѣданы, обмѣчаны и т. п.“ П. В. Шейна—т. I, вып. 1 и 2.

испытываемое въ данное время, давало возможность другому чело-вѣку болѣе или менѣе представить себѣ внутреннее состояніе чувствующаго.

Вѣра въ одушевленіе природы позволяла народу сопоставлять самыя разнообразныя предметы, какъ явленія одного порядка; а сравненіе, движимое чувствомъ, находило еще и другіе общіе признаки, на основаніи которыхъ проводилась полная аналогія между этими предметами или ихъ представленіями. И это, естественно, вело къ замѣнѣ одного представленія—внѣшняго или внутренняго—другимъ, непремѣнно внѣшнимъ, такъ какъ народъ всегда стремится облечь мысль въ конкретныя образы; взаимное отношеніе этихъ представлений постоянно сознавалось чело-вѣкомъ,—они какъ бы сливались въ одну общую, органически связанную картину. Понимая, такимъ образомъ, символъ, какъ такое внѣшнее представленіе, которое замѣняетъ другое, связанное съ нимъ общностью одного или нѣсколькихъ признаковъ, мы не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ Костомарова: онъ разумѣетъ символъ, какъ „образное выраженіе нравственныхъ идей посредствомъ нѣкоторыхъ предметовъ физической природы, причемъ этимъ предметамъ придается болѣе или менѣе опредѣленное духовное свойство“ ¹⁾. Но развѣ народъ символизировать одиѣ только нравственныя идеи? Вѣдь, самъ Костомаровъ нѣсколько ниже говоритъ, на-примѣръ: „Береза—также женскій символъ; она особенно означаетъ замуженную женщину“... ²⁾ Говоря о дубѣ, онъ замѣчаетъ: „въ нѣбесахъ онъ постоянно означаетъ мужчину, преимущественно молодца“ ³⁾. Значитъ, не только нравственныя идеи символизировались народомъ, и опредѣленіе Костомарова, очевидно, не точно. Если мы примемъ во вниманіе ту роль, какую играетъ вообще чувство при образованіи символовъ въ народномъ творествѣ, то будемъ въ состояніи догадаться, какъ произошла его ошибка: „нравственныя идеи“ неотдѣлимы отъ чувства.

Символизация, само собой разумѣется, свойственна не только народному творчеству: символы встрѣчаются на каждомъ шагѣ и въ обыденной жизни; только мы такъ привыкли къ нимъ, что не всегда отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ. Достаточно указать нѣкоторые изъ

¹⁾ *Костомаровъ*, Историческое значеніе русско-русскаго народнаго нѣсеннаго творчества; Вестъа 1872 г., IV кн., стр. 20.

²⁾ Тамъ же, кн. VIII, стр. 25.

³⁾ Тамъ же, кн. VIII, стр. 33.

нихъ: крестъ—символь христіанства; гербъ—извѣстнаго происхожденія; буквы—символы звуковъ и т. п. Символомъ, конечно, можетъ быть и цѣлая картина. Такимъ образомъ, символизация встрѣчается въ весьма разнообразныхъ областяхъ. Разница только та, что въ однихъ случаяхъ она опирается на дѣйствительно существующія психическія свойства человѣка (символика естественная, къ которой относится и народная, вытекающая изъ всего первобытнаго міросозерцанія), а въ другихъ — она бываетъ искусственной, слѣдствіемъ чего является условность ея и понятность только посвященнымъ (таковы буквы современныхъ алфавитовъ). Но всегда при символизации мы видимъ одинъ и тотъ же психическій процессъ, и въ немъ главную роль играетъ, разумѣется, связь, соединяющая оба представленія. Эта связь между двумя образами—символомъ и символизируемымъ—можетъ быть весьма различна, въ зависимости отъ тѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ дѣлается заключеніе о сходствѣ данныхъ явленій; одинъ и тотъ же образъ можетъ, поэтому, стоять параллельно съ нѣсколькими совершенно разными картинами; напримѣръ, калина въ пѣсняхъ, взятая съ признаками характеризующими ея внѣшній видъ, связывается въ народномъ сознаніи съ картинами свѣтлыми, веселыми и, напротивъ,—съ печальными, если принимать во вниманіе горечь ея плодовъ. Съ другой стороны, нѣсколько различныхъ по существу образовъ могутъ соединяться однимъ общимъ признакомъ и, въ силу этого, соответствовать одному и тому же представленію: такъ, ломать, рвать какое-нибудь растеніе (калину, черемуху и др.) значить брать замужъ, свататься, любить. Ниже, при разборѣ отдѣльныхъ образовъ, мы еще будемъ имѣть дѣло съ подобными случаями.

Восходя къ періоду первобытной вѣры человѣка въ одухотворенность природы, символика необходимо должна была отразиться на созданіи нѣкоторыхъ мифовъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ продукты болѣе простаго психическаго процесса, символы должны были предшествовать мифическимъ представленіямъ, для которыхъ требуется уже значительное развитіе народной мысли: природа перестаетъ быть живой, но наполняется въ сознаніи человѣка сверхъестественными существами—демонами, одаренными человѣческими свойствами, но со стихійной силой. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, мы постараемся, гдѣ возможно, хоть въ общихъ чертахъ, выяснитъ ихъ вліяніе на мѣны и обычаи, связанные съ тѣми или другими вѣрованіями и взглядами народа.

Наряду съ параллельными картинами, намъ нерѣдко придется имѣть дѣло съ разнаго рода сравненіями, изъ которыхъ многія очень близко подходятъ къ этимъ параллельнымъ картинамъ-символамъ. Народъ какъ бы начинаеть отличать себя отъ остальнаго міра и его явленій: возникаетъ мало-по-малу критическое отношеніе къ природѣ, начинается простѣйшій самоанализъ, и мысль человѣка возвращается къ первоначальному психическому акту, лежащему въ основѣ процесса, породившаго символы,—къ акту сравненія. Народъ смотритъ уже на параллели, только какъ на особый видъ сравненій, вслѣдствіе чего онѣ начинаютъ принимать новыя формы. Въ самомъ дѣлѣ, сравненія положительно-отрицательныя представляютъ собою не что иное, какъ символы, при которыхъ прибавлено какъ бы разъясненіе, что ихъ нельзя понимать буквально—слѣдствіе зародившагося критическаго отношенія человѣка къ себѣ и природѣ; примѣровъ разныхъ сравненій приводить здѣсь нѣтъ надобности, но нельзя не отмѣтить одного положительно-отрицательнаго сравненія, облеченнаго въ несомнѣнно обыкновенную діалогическую форму:

Кто, кто у насъ ягодка, кто, кто у насъ вишенка?

Ягодка—Аринушка, вишенка—Левововна.

„Сестрицы подруженьки, что я вамъ за ягодка,

Что я вамъ за вишенка?

Ягодка въ чистомъ ногѣ, вишенка въ зеленомъ саду!“ (С., IV, 112).

Что же касается отрицательнаго сравненія, то оно есть сокращенное положительно-отрицательное, въ которомъ отпала положительная часть. Дѣйствительно, только подразумѣвая положительное сравненіе, мы можемъ поставить отрицаніе: иначе какъ отрицать то, чего вовсе не высказывалось и не подразумѣвалось! ¹⁾ Относительно положительнаго сравненія мы должны замѣтить, что будемъ пользоваться имъ въ нашей работѣ только тогда, когда наряду съ нимъ намъ встрѣтятся картины, уже явно носящія символическій характеръ.

Приступая къ разбору символики растеній, мы должны принимать самыя серіозныя предосторожности, чтобы не приписать народному творчеству того, чего нѣтъ въ дѣйствительности. И, главнымъ образомъ, при указаніи связи между представленіями, намъ необходимо хорошенько выяснитъ, что это за представленія, и установить, на основаніи какихъ именно признаковъ приводятся они въ связь народомъ:

¹⁾ Отрицаніе предполагаетъ положеніе, по словамъ Потебни („О связи представленій“).

намъ нужно опредѣлить, какое именно растеніе имѣется въ виду и на какія его качества народъ обращаетъ вниманіе въ данномъ случаѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, придется указать эти признаки и въ томъ образѣ, символомъ котораго является рассматриваемое растеніе.

Деревья и кустарники.

Калина ¹⁾ въ народныхъ произведеніяхъ очень часто сопоставляется съ дѣвушкой:

Хвалилась калина,
За рѣвою сток:
„Нято меня не срубить“...
Хвалилась Александра,
У батюшки сидя:
„Нято меня не возьметъ“... (Ш., 2071).

Повидавъ любимую дѣвушку, молодецъ сидитъ „у мялой во садочку“ калину:

„Расти, расти, калиничка—
Въ гору—не патайся!
Живи, милая ты дома,
Живи, не печалься“ (Ш. 757).

Вышедшую замужъ дѣвушку спрашиваютъ въ пѣснѣ:

„Съ кѣмъ ягоды рвала,
Калину локала?“ (Ш., 2121).

По свадебнымъ пѣснямъ конь жениха ломаетъ въ зеленомъ саду „свѣты лазоревыя и калину со малиной“... (Ш., 1837). „Ломать“, „заламывать“—это образъ, повторяющійся, какъ мы увидимъ ниже, и при многихъ другихъ растеніяхъ.

Въ связи съ калиной нужно указать, разумѣется, и на „калино-

¹⁾ Пѣсни, которыя имѣлись въ виду, при разборѣ образовъ, касающихся калины, а также и малины: *Шеймъ*, №№ 309, 321, 358, 364, 373—375, 410, 411, 428, 435, 450, 451, 458, 465, 472, 492, 555, 561, 584, 589, 610, 726, 737, 757, 764, 784, 820, 852, 900, 1079, 1147, 1153, 1182, 1183, 1206, 1238, 1241, 1247, 1279, 1367, 1517, 1763, 1818, 1837, 2071, 2122, 2282, 2321, 2438; *Соболевскій*: т. I, №№ 52, 65, 92, 96, 103, 123; II—6, 8, 48, 82, 113, 141, 150, 221, 262—264, 322, 323, 326, 365, 366, 504; III—19—21, 222, 256, 432; IV—388 и др.; V—45, 46, 438, 516, 555 и другія.

вые мосты“, которые такъ часто упоминаются въ нашихъ ꙗзвѣхъ: дѣвушка гонитъ свою овечку за рѣчку, „за калиновъ частый мостикъ“, и тутъ происходитъ свиданіе влюбленныхъ (С., II, 48). По калиновому мостику дѣвица ходитъ къ милому:

„Калинь мостикъ мостила;
И ко милому ходила“ (III., 1153).

Но счастье не всегда улыбается влюбленнымъ; оно порѣдко идетъ рука объ руку съ горемъ: „калинъ мостикъ обломился“, и „милый потонулъ“; а дѣвица заклиняетъ рѣчку вернуть ей ея друга (III., 737). Стораніе калиноваго моста сонаставляется съ концомъ дѣвичьей свободы и сватовствомъ старика (С., IV, 385).

Гораздо чаще калина упоминается вмѣстѣ съ малиной, но и въ этомъ случаѣ картины остаются почти тѣ же. Цѣлый рядъ хороновыхъ и плясовыхъ ꙗзвѣвъ имѣетъ пригѣвъ— „калина моя, малина моя!“— съ тѣми или другими его видоизмѣненіями. Указывать всѣ или хоть нѣкоторыя ꙗзвѣвы съ такимъ пригѣвомъ ꙗзвѣ надобности, такъ какъ иногда пригѣвъ не имѣетъ ничего общаго съ самымъ содержаніемъ ꙗзвѣвы. — Вода заливаегъ калину-малину — кончается дѣвичество, и начинается жизнь замужемъ „на чужой сторонункѣ“, „во лихой семьѣ“ (С., III, 19 — 21):

Калинушку съ малинушкой водой залило,—
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала (III., 852).

Тотъ же мотивъ повторяется во многихъ другихъ ꙗзвѣхъ, но съ нѣсколько иной символической картиной:

Не въ пору во времачко калина зрѣла;
На ту пору-времачко мати меня родила.
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала (С., III, 22).

Или:

Калинушка съ малиною
Равешенько расцвѣла,—
На ту пору матушка
Меня замужъ отдала (III., 1238).

Осыпавшаяся калина—покинутая милымъ дѣвушка:

Не созрѣвши, калинушка осыпалась,
Осыпалась, пересыпалась...
Передъ молодецъ красна дѣвица состарилась,
Состарилась, перестарѣлась... (С., II, 82).

Иногда въ пѣсняхъ встрѣчается и одна малина; подобно калинѣ ее сажаютъ подъ окномъ горящей дѣвушки:

Рости, рости, моя малпнушка,
Рости, рости, да ты не шатайся!
Да живи, живи, моя сударушка,
Живи, живи, да ты не печалься! (С., V, 516).

Ниже мы увидимъ, что не только дѣвичье состояніе сопоставляется съ калиной и малиной; но все же это наиболѣе частый случай, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ калинѣ; ея образъ, очевидно, подъ влияніемъ своей прочной ассоціаціи съ представленіемъ дѣвчества, сохранился не только въ пѣсняхъ: мы его находимъ и въ одномъ свадебномъ обычаѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Калинки“. Вотъ какъ описываетъ Даль въ своемъ „Словарѣ“ этотъ обычай: „Калинку ломать (!), свадебный обычай: на столѣ у молодыхъ окорокъ и штофъ вина, заткнутый пучкомъ калины съ алой лентой; молодыхъ поднимаютъ и идетъ потчиваніе, обходятъ по домамъ родителей невѣсты, родичей, поѣзжанъ, а воротясь, дружка рушитъ окорокъ и, *расципнавъ калину*, разноситъ вино“. А въ одной пѣснѣ дѣвушка прямо говорить:

Минувалась моя дѣвья красота
Какъ со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой скороднюю (С., II, 113).

Нѣсколько въ иномъ видѣ происходитъ, по Шейну, „Калинка“ въ Оренбургской губерніи: здѣсь на другой день послѣ вѣнча къ молодымъ снова являются гости и узнаютъ, „какъ живы-здоровы“ новобрачные; происходитъ „честный судъ“ надъ дѣвственностью молодой, и, если оказывается, что она непорочна, ея родителей чествуютъ, при чемъ угощаютъ „малиновою настойкой“; въ противномъ же случаѣ, подаютъ „простое вино“ въ дырявыхъ рюмкахъ ¹⁾. Въ Курской губерніи рубашку молодой, какъ свидѣтельница ея дѣвственности, называютъ „калинной“ ²⁾. Этотъ обычай еще разъ подтверждаетъ, что, дѣйствительно, образъ калины соединялся въ сознаніи народа съ представленіемъ дѣвственности. Отсюда понятно, что и самая пирушка была названа „калинкой“, — это какъ бы трюзна надъ утраченной съ замужествомъ дѣвственностью: на свадьбѣ какъ бы хоро-

¹⁾ Шейнъ, Велпкорусь, стр. 754.

²⁾ Тамъ же, стр. 630.

нить калину, по словам Потебни ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ калина замѣняется цвѣткомъ, воткнутымъ въ „курникъ“: при подтвержденіи цѣломудренности неврѣсты, „цвѣтокъ съ курника ловко шибають ножомъ“ ²⁾).

Въ цѣломъ рядѣ другихъ пѣсней съ калиной сопоставляется молодая женщина:

Кликали калину
Во нить голосочковъ:
Первый же голосъ —
Да свекровь кличетъ и т. д. (III, 450).

Въ другой пѣснѣ поется:

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то домъ свекровь и т. д. (III., 2122).

Или еще въ одномъ мѣстѣ:

А у лузи соловейко
Да калинку клюеть,
А лютей свекорко
Да невѣстку журить... (III., 1183).

Мы уже не находимъ здѣсь на ряду съ калиной малины; онѣ даже противопоставляются въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ одна другой; житье у свекра сравнивается съ житьемъ въ родномъ домѣ:

Ой съла всрона
На калиновомъ кустѣ.
Ой горько мнѣ, горько
Калинницу клевати.
—„Ой куда мнѣ худо
У свекорки жити“....
Ой, сладко мнѣ, сладко
Малинницу клевати.
Ой сладко мнѣ, сладко,
У батюшки жити (III., 1182).

Или:

Росла въ саду ягода, все калина со малиной:
Не быть той калинушки сопроти ягоды малины.
Не быть чужому батюшкѣ сопроти своего родимова (III., 1818).

¹⁾ Потебня: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной повѣстѣ“.

²⁾ Шейнъ, стр. 714, 2 стб.

Горечь калины сопоставляется и съ другими невзгодами замужней жлзны:

„Какова горька да калинка, —
 Таково мнѣ, молоденькѣ,
 Со старымъ-то мужемъ жити“.
 „Какова сладка маланка,—
 Таково мнѣ, молоденькѣ,
 Со младымъ мужемъ жити“ (С., II, 368).

Разлука съ любимымъ человѣкомъ тоже сравнивается съ горечью калины:

Какова горька да калина,—
 Таково разставанье съ милымъ... (С., II, 369).

На калинѣ сидятъ кукушка и печально кукуетъ:

Не вора ли тебѣ, залетная, перестати?
 Молодушка молодая не полно-ль тебѣ тужить—плавать? (С., V, 45).

Калинникъ бываетъ иногда мѣстомъ преступленія: сюда бросаетъ убійца князь Романъ тѣло своей жены (С., I, 92). Калиновые мосты тоже дѣлаются свидѣтелями сцены убійства (С., I, 96). Жена, видя, что мужъ хочетъ ее убить, проситъ не губить ее въ „дыкой степи“, а— „подъ мостикомъ подѣ калиновымъ“ (С., I, 103).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ пѣсняхъ мы видимъ, что представленіе калины связывается съ представленіемъ женщины, но есть случаи, какъ будто противорѣчащіе этому:

Въ лѣсѣ калина
 Красна хороша.
 Краше того Иванъ молодецъ (III., 1517).

Но еще по одной этой пѣснѣ нельзя сдѣлать никакого заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, тутъ можетъ быть простое сравненіе, котораго одного еще недостаточно, чтобы заключать о символическомъ значеніи; а во-вторыхъ, это—пѣсня свадебная, и въ ней подѣ калиной легко можетъ разумѣться невѣста, съ которой сравнивается женихъ. Посовсѣмъ обычнымъ является слѣдующее мѣсто въ одной пѣснѣ:

Какъ влюбилася калина
 Къ сладкой ягодѣ малинѣ.
 Собиралась сестрица
 Ко родному братцу въ гости (С., III, 222).

Интересна также пѣсня, въ которой молодая женщина говорить о своемъ старомъ, нелюбимомъ мужѣ:

Еще я ль, молодешенька, не любивала,
Еще въ дѣсь за малиною не хаживала,
Я стара мужа малиною не кармивала (С., V, 438).

Такое же начало мы находимъ въ пѣснѣ, повѣствующей объ удрученіи мужа женой совмѣстно съ любовникомъ (III., 900).—Таковы въ краткихъ чертахъ тѣ образы, которые связываются съ калиной-малиной.

Подъ именемъ калины народъ разумѣтъ *Viburnum Opulus* ¹⁾. Но и *Viburnum Lantana* въ польскихъ областяхъ называется калиной, а въ Малороссіи „черной калиной“; называютъ ее также „гордовиной“. Въ великорусскихъ пѣсняхъ постоянно упоминается „красная“ (III., 1517), „жаркая“ (С., III, 432), „червоная“ (С., V, 555) калина; ея цвѣтъ сближается съ огнемъ: „огонь горитъ калиновый, дымокъ валитъ малиновый“, т. е. освѣщенный пламенемъ костра (С., I, 123). Можетъ быть, самое названіе калины происходитъ отъ тѣхъ представлений, которыя связывались съ огнемъ: калить, раскалить, — въ одной пѣснѣ „калина“ значить раскаленіе (С., I, 65 стр. 112). Очевидно, это—калина *Viburnum Opulus*, у которой спѣлые плоды имѣютъ красный цвѣтъ. У *Viburnum Lantana* они бывають красными, пока еще не созрѣли, а потомъ становятся черными: этого народъ не могъ бы не отмѣтить, но крайней мѣрѣ, въ одной пѣснѣ. Но почему же представленіе калины стало ассоціироваться съ представленіемъ дѣвушки? Потребия совершенно справедливо указываетъ, что къ этому повело сходство признаковъ: красавица, дѣвица красная и красная калина, очевидно, имѣютъ, но меньшей мѣрѣ, одинъ общій признакъ, который отразился и въ самомъ языкѣ. Если мы примемъ во вниманіе еще и то, что дерево представлялось народу существомъ живымъ и что калина имѣетъ бѣлые цвѣты, а бѣлизна, какъ отмѣчаютъ нерѣдко пѣсни, является и качествомъ дѣвушки („ростомъ невеличка, бѣла, круглоличка“—С., IV, 767, 770),—то мы легко поймемъ, какъ могла возникнуть въ народномъ сознаніи связь между представленіемъ дѣвушки и представленіемъ калины. Отсюда уже потомъ произошло расширеніе символческаго значенія: оно распростра-

¹⁾ При опредѣленіи растений, имѣлись въ виду слѣдующія пособія: *Линнековъ; Ботаническій словарь; Гобманъ; Ботаническій атласъ по системѣ де Кандоля Э. Понселя; Для ботаническихъ экскурсій и Словарь Далъ.*

нилось какъ на разныя проявленія дѣвичьей жизни, такъ и вообще на женщину. Но участь женщины была далеко не завидная, и калина стала связываться иногда и съ печальными сторонами женской жизни; этому, конечно, способствовало свойство ея плодовъ—горечь, которую народъ неоднократно отмѣчаетъ въ пѣсняхъ. Горе, горькая доля, „горькая“ дѣвушка, въ смыслѣ несчастная (Ш., 2020 и др.), и горькая калина, и такъ уже обозначававшая женщину, должны были вступить въ народномъ сознаніи въ прочную связь. А тутъ еще рядомъ сладость малины; каждый знаетъ, что калина любитъ ютиться въ сырыхъ заросляхъ по берегамъ рѣкъ и ключей, гдѣ во множествѣ растутъ и малина (*Rubus Idaeus*), вмѣющаяся съ ней много общаго въ окраскѣ плодовъ и цвѣта. Вмѣстѣ онѣ появляются и въ садахъ, да и самыя ихъ названія, различающіяся только однимъ звукомъ, не могли не оказать вліянія на ихъ соединеніе вмѣстѣ. Но сладость ягодъ малины не допустила ея сдѣлаться печальнымъ образомъ, подобно калинѣ.

Черная смородина ¹⁾ (*Ribes nigrum*) очень часто встрѣчается вмѣстѣ съ калиной и малиной, и эта совѣстность дѣлаетъ ея значеніе неяснымъ и сбивчивымъ. Приведенный выше отрывокъ пѣсни объ утратѣ дѣвичьей красоты „со калиной, со малиною, со черной ягодой смородиною“ повѣствуетъ дальше о неудачномъ замужествѣ (С., II, 113). Въ другой пѣснѣ дѣвушки идутъ въ лѣсъ за этими тремя ягодами:

Всѣ дѣвушки наобралися...
 Одна дѣвушка не набралася,
 Одна красная не наѣлася—
 Подъ сырымъ дубомъ все проплакала:

она жалуется на свою тяжелую жизнь у мачехи (С., II, 8). Въ подблюдныхъ пѣсняхъ черная смородина тоже встрѣчается рядомъ съ калиной и малиной (Ш., 1079). Въ одной изъ нихъ есть интересное замѣчаніе:

Нагъ, нагъ перстень,
 У калину, у малину,
 У черную смородину.
 Смородина не ягода,
 Смерить (смердить) сытъ, не баръ сытъ... (Ш., 1078).

И въ связи со смородиной мы встрѣчаемъ уже знакомый образъ „за-

¹⁾ Ш. 609, 720, 740, 851, 1078, 1079, 1602, 1763, 1807, 1837; С. — I. 90, 92, 280; II, 6. 8. 37; III, 113; V, 99 и др.

ламыванья“ растенія: за дѣвушку сватается „чужой чуженникъ“ (Ш., 1602). Въ другой пѣснѣ мы видимъ картину печали молодой на чужбинѣ:

На жениховымъ дворѣ
И черна смородушка:
Наметать лебедушки
И влюють смородушку,
Одна лебедушка
Не влюеть смородушки;
Пала лебедушка
Въ тоску, вручинушку... (Ш., 1807).

Гораздо яснѣе выступаетъ значеніе черной смородины въ другихъ пѣсняхъ: „вызрѣла цѣрная ягода смородина“, и молодая женщина „вызнала всю правду свекрову“ (Ш., 609).

Изъ куста, изъ смородинки рѣчка протекла,
На ту пору меня матушка горькую родила.
Не собравшись съ умомъ разумомъ, замужь отдала (Ш., 851)...

Довольно часто смородина является въ пѣсняхъ именемъ рѣки: въ эту рѣку мужъ бросаетъ трупъ убитой имъ жены (С., I, 90). II, кажется, тутъ названіе рѣки не является случайнымъ; по крайней мѣрѣ, въ одномъ вариантѣ мы находимъ нѣсколько иную картину:

Овъ жену терять, овъ тѣло терзатъ,
Во смородину бросатъ, во калинникъ (С, I, 92).

При переправѣ черезъ „черную рѣчку Смородинку“ погибаетъ молодецъ вслѣдствіе своей „похвалыбы молодецкой“ (С., I, 280). „У рѣчки у Смородинки“, „у Грязи у Черныя“ помѣщается въ былинѣ Соловей-разбойникъ. Словомъ, упоминаніе рѣки Смородины, въ большинствѣ случаевъ, связывается съ какой-нибудь мрачной картиной. Значеніе смородины особенно ясно раскрывается одной пѣсней, гдѣ прямо говорится:

.....„мое сердечко все изныло,
Что чернѣ-то оно ягоды смороды“ (С., V, 99).

Интересно сопоставить это выраженіе горя съ другими сходными образами:

„Ахъ, и такъ во мнѣ сердечушко, и такъ оно все изныло;
Почернѣло мое сердечушко чернѣй черной грязи“... (С., V, 100).

Или еще:

„Погляди мое ретиво сердце:
Не бѣнѣе черного бархата!“ (Ш., 789).

Приведенныя мѣста позволяютъ намъ указать на вѣроятный ходъ народной мысли при возникновеніи символическаго значенія смородины. Легко замѣтить, что представленія печали, горя, несчастья и т. п. тѣсно связаны для человѣка съ представленіемъ чернаго цвѣта. Узнавъ о связи съ молодежь своей дочери, родители снимаютъ съ нея „платье цвѣтное“, „надѣваютъ на красну дѣвицу платье черное“ (С., II, 97). Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ Святославъ видитъ вѣщій сонъ: его одѣваютъ „черною палоломою на кровати тясовѣ“. Интересно сопоставить одѣваніе въ темное съ такимъ мѣстомъ въ пѣснѣ: „Я кручиною одѣнусь, печаль въ головы кладу“ (С., V, 390). Современный трауръ явленіе аналогичное тому, что мы видимъ въ пѣсняхъ. Трудно сказать, когда эта ассоціація возникла въ народномъ сознаніи; но несомнѣнно, что она существуетъ. Отсюда понятно, что черныи цвѣтъ плодовъ смородины поставилъ ее въ параллель съ картинами, вообще говоря, печальными. Даль въ „Словарѣ“ указываетъ на происхожденіе самаго названія смородины отъ „смородъ“, смрадъ,—отъ ея „удушливаго запаха“: и дѣйствительно, запахъ смородины (черной) является для нея столь же отличительнымъ признакомъ, какъ и окраска плодовъ. Причина совмѣстности черной смородины съ калиной и малиной—та же, какую мы указывали для объясненія близости малины къ калинѣ: очень часто эти три кустарника въ дикомъ состояніи встрѣчаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Нѣкоторая пеленость символики смородины, можетъ быть, противорѣчитъ ихъ сладости; подобное явленіе мы отмѣчали и при калинѣ, но тамъ было наоборотъ: горечь ягодъ не соответствовала вѣщности растенія и его плодовъ. — Красную смородину мы встрѣтили только одинъ разъ; молодежь опасается, что скорору и сверору не пустятъ ее—

За калиной, за малиною ходить,
 Какъ за красною смородиною,
 Что за черной за черемухой.
 Мнѣ не можно ужъ тебя, другъ, повядать...
 Что люблю, тебѣ разсказывать (С., II, 57).

Черемуха ¹⁾ является въ ряду упомянутыхъ уже растеній съ тѣми же главными чертами, о которыхъ намъ пришлось не мало го-

¹⁾ III.—109, 817, 819, 2001; С.—II, 57, 432; IV, 509—511, 800, 801; V, 656—658 и др.

ворить выше. Черемуху выкапывают в лесу и пересаживают к себе в сад—ухаживают за дѣвушкой:

Не сорвѣши зеленую,
Нельзя заломать,—
Не узнавши красную дѣву,
Нельзя замузъ взять (III., 409).

Раннее цвѣтеніе и затопленіе водой—тоже известная картина:

Во саду черемшника рано расцвѣла,
Зелена кужлявая водой пошла,
На ту пору времечко матушка мня родила...
Не собравши съ разумомъ замузъ мня отдала.

Возвратившись на родину в образѣ птицы на четвертый годъ, она садится на черемшнику и жалобно поетъ (III., 849). В другой пѣснѣ рисуется картина неудачнаго замужества:

....похъ грушнвоѣ, похъ черемшнвоѣ,
Сидитъ старыѣ съ молодой, какъ со ягодою (С., II, 432).

Нѣсколько особнякомъ стоятъ пѣсни, содержаніе которыхъ сводится къ слѣдующему:

Ой, черемушка, частенькій кустокъ!
На черемушкѣ бѣленькій цвѣтокъ;
Далеко въ полѣ бѣлѣтся,
Бѣлѣтся, зеленѣется (С., IV, 509).

Подобное начало встрѣчается во всѣхъ рассматриваемыхъ пѣсняхъ (III., 2004; С., IV, 510, 511); только бѣлый, естественный цвѣтъ черемухи иногда замѣняется „аленькимъ цвѣточкомъ“, который „алѣется, голубѣется“. Далѣе идетъ рассказъ о прїѣздѣ къ молодой женѣ или дѣвицѣ молодца на ворономъ конѣ; молодецъ проситъ ее оказать ему какую-нибудь услугу: раскрыть ворота, поднять упавшую шляпу..., но она отказывается: онъ ее забылъ, и она не можетъ простить ему тѣхъ страданій, которыя терпѣла въ разлукѣ. Приведемъ еще одну пѣсню, характеризующую значеніе черемухи гораздо лучше, чѣмъ всѣ предыдущія:

Садилъ чернецъ черемушку, садилъ, поливалъ.
Рости, моя черемушка, тонка, высокая,
Цвѣти, моя черемушка, какъ бѣла зира,
Вызрѣвай, моя черемушка, какъ черная гризъ.
Кормилъ-ноилъ сударушку, прочелъ за себя,
Досталася любезная мному, не лигъ... (С., V, 658).

Хотя всего этого слишкомъ мало для рѣшительнаго вывода о значеніи черемухи, но все же можно указать, напримѣръ, то, что съ ней во всѣхъ приведенныхъ пѣсняхъ связана мысль о страданіи. И не мудрено: черный цвѣтъ и вяжущее свойство плодовъ черемухи не могли не повліять на характеръ ея значенія. Бѣлый цвѣтъ черемухи облизилъ ея образъ съ представленіемъ женщины. Черемуха (*Rubus Radus*) встрѣчается въ пѣсняхъ подъ названіями „черемухи“, „черемы“, „черемшники“. Въ словарь Анненкова „черемухой“ и „черемшой“ называется *Allium Ursinum*—сорть лука; но, конечно, по смыслу пѣсенъ, народъ не его имѣетъ въ виду.

Груша ¹⁾ встрѣчается въ пѣсняхъ довольно часто. Здѣсь мы опять видимъ, что картины изъ жизни дерева, большей частью, сопоставляются съ картинами изъ жизни женщины: нѣмъна мужа горестно поражаетъ молодую:

На несчастной здѣсь сторонкѣ
И травоньки не растутъ...
...Въ саду грушица завяла (Ш., 793).

„Середь лѣса, лѣса темнаго, подъ грушею спать ложилася, грушевымъ листомъ прикрылася“ дочь, поссорившаяся съ матерью (Ш., 845). Невеленая груша ставится въ параллель съ невеселой молодой женщиной, которой не позволяютъ никого любить (С., II, 549). Груша стоять не зелена, не цвѣтеть „лазорено“—дѣвушка груститъ, покинутая навсегда своимъ возлюбленнымъ (С., IV, 28). Груша расплаталась—дѣвица расплакалась, умоляя отца отложить свадьбу (Ш., 1527). Подъ грушей вопреки волѣ родителей происходитъ свиданіе съ милымъ (Ш., 2059). Здѣсь же молодецъ обманываетъ дѣвушку (С., II, 180); тутъ совершается ея паденіе (С., II, 110). Сирота невѣста, не имѣющая ни отца, ни матери, ставится въ связь съ грушей безъ верхушки:

Много-много у грушицы,
Много вѣтвей, много навѣтей.
Только нѣтъ у грушицы,
Нѣтъ самая вершиночка... (Ш., 2446).

Дѣвушка обращается въ одной пѣснѣ къ грушѣ съ такими словами:

¹⁾ Ш.—446, 793, 821, 831, 845, 1244, 1272, 1527, 1628, 1643, 1693, 1781, 1917, 1927, 2059, 2119, 2158, 2344, 2446, 2467; С.—1, 116, 138, 248, 276, 370; II, 110, 164, 165, 166, 180, 549; III. 371; IV, 25—28, 35 и др.

Не шуми ты, груша зеленая,
 Не шуми ты надо мной!
 Ежели будешь ты шумѣть,
 Засушу, груша, тебя;
 А не будешь ты шумѣть,
 Снаряжу, грушу, тебя... (Ш., 1917).

„Подъ зеленою грушею“ находятъ себѣ „вѣчный покой“ убитая мужемъ женщина (С., I, 116). Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ поется о превращеніи дѣвушки въ грушу-яблоню:

Раскинусь я яблонью,
 Яблонью кудрявою,
 Грушею зеленою (С., II, 164).

Какъ видно изъ этого и другихъ мѣстъ, въ народномъ представленіи груша и яблоня стояли очень близко, такъ что и намъ нужно разсматривать ихъ вмѣстѣ; однако, прежде чѣмъ приступить къ выясненію значенія яблони, нужно указать тѣ случаи, гдѣ груша отстываетъ отъ обычныхъ картинокъ, связанныхъ съ нею. Въ одномъ причитаніи невѣста такъ обращается къ брату:

Братецъ, красно мое солнушко;
 Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
 Братецъ, яблонька кудрявая,
 Братецъ, грушица зеленая! (Ш. 1628, стр. 486).

Въ другой пѣснѣ она опять называетъ его „зеленой грушицей“ и хочетъ вручить ему дѣвичью „волю“ (Ш., 1643). Эта „воля“, или „красота“, обыкновенно вручается разнымъ деревьямъ и, въ томъ числѣ, также грушѣ:

Я спесу да мою красоту
 Да во теплымъ-то стороны,
 Положу ее на яблоньку садовую
 И на грушицу зеленую (Ш., 1693).

Сестра находить своего брата убитымъ „подъ игрушею подѣ кудрявою“ (С., I, 370). Ниже, въ связи съ яблоней, мы еще вернемся къ вопросу о значеніи груши.

Яблоня ¹⁾ встрѣчается въ картинахъ болѣе разнообразныхъ, чѣмъ

¹⁾ Ш.—146, 532, 734, 847, 850, 851, 852, 854, 880, 890, 897, 912, 1217, 1230, 1254, 1351, 1354, 1371, 1384, 1527, 1628, 1693, 1694, 1843—1845, 1901, 2032, 2037, 2083, 2064, 2093, 2158, 2185, 2274, 2275, 2293, 2344, 2433, 2519; С.—I, 7, 8, 131, 249, 254, 282; II, 92, 106, 164, 165, 280, 634; III, 20 и др., 587; IV, 529,

груша. Невѣста предлагаетъ матери посмотреть въ окно:

Не яблоня-то стоитъ кудрявая,
Не яблочки-то съ нея вьются,—
А стоитъ-то ваше дитя милое,
Горючи-то слезы у ней вьются (Ш., 2032).

Дѣвица жалуется на преждевременное просватаніе:

Не дали грунтъ вырости,
Не дали яблонѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку взрѣвати (Ш., 2275).

Обвиваніе „красоты“ вокругъ яблони сулитъ невѣстѣ счастье:

Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хороше,
Развеселое, богатое (счастливое) (Ш., 2185).

Подъ яблоней, какъ и подъ грушей, происходятъ свиданія (С., II, 106). Сохнетъ яблоня—дѣвица тужить (С., II, 289) и, подъ вліяніемъ своей тоски, превращается въ грушу или яблоню, изъ которой дѣлаютъ „гусли звонкія“ (Ш., 854). Молодая женщина тоже является въ образѣ этого дерева (Ш., 2082):

Сладка яблоня въ саду молада жена:
Отросточки у яблоньки—малы дѣтуньки (С., III, 587).

Итакъ, яблоня является женой и матерью (Ш., 1384), но она же сопоставляется и съ отцомъ:

Распятахась грушица,
Передъ яблонцой стоючи,—
Расплакалась дѣвица
Передъ батюшкой стоючи (Ш., 1527).

„Чужой чуженець“ тоже иногда является яблоней:

Что стоитъ у насъ за темный лѣсъ,
И во томъ лѣсу во темныхъ
Что стоитъ за яблоня?
То стоять, да люди добрыя,
То стоять, да чужой чуженець... (Ш., 2293).

Несчастливая женщина возвращается кукушкой въ садъ родителей и садится на яблоню (С., III, 21). Лишенная верхушки яблоня—вдова безъ мужа (Ш., 2433). Словомъ, всѣ члены семьи и даже ихъ раз-

личныя состоянія сопоставляются съ яблоней. — Яблоко — тоже нерѣдкій образъ въ пѣсняхъ:

Отправляла мати бѣдна
Я роженнаго-то дитатка,
Да налившатаго яблужка... (III., 2519).

Подобный же случай можно указать и въ известной пословицѣ— „яблочко отъ яблоньки не далеко откатывается“. Яблоки обозначаютъ также жениха и невѣсту:

Здѣсь катались два яблочка...
Что первое яблочко—
Иванъ Петровичъ,
А второе что и яблочко—
Авдотья Ивановна (III., 2037).

Особенно часто яблоко упоминается тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о любви и бракѣ: молодецъ предлагаетъ дѣвушкѣ сладкихъ яблокъ (III., 734),— она „яблочка вкусила, свою честность погубила“ (С., IV, 529). Въ числѣ подарковъ жениха нерѣдко упоминаются яблоки (III., 1354). Рвать яблоки—любить, ходить на свиданіе (III., 1254). Не совсѣмъ понятна слѣдующая пѣсня: жена повѣсила мужа на яблонѣ и, одумавшись, хотѣла вернуть его къ жизни, но было поздно: мужъ „домой нейдетъ“:

— „Али ты сладкихъ яблокъ накушамся?“ (III., 839).

Въ вариантѣ—жена мужа зарѣзала, и опять повторяются тѣ же слова:

„Сладкихъ яблочекъ
Призакушамся“... (С., I, 131).

Повидному, въ этихъ словахъ заключается сарказмъ надъ мужемъ: вмѣсто любви, которая сопоставляется со вкусомъ яблокъ, ему суждена смерть отъ руки жены.

Образованіе символики груши и яблони произошло тѣмъ же путемъ, какимъ образовались символы другихъ, уже разсмотрѣнныхъ растений. Весной всѣ усыпанные слегка розоватыми или совсѣмъ бѣлыми цвѣтами, эти деревья должны были производить на человѣка впечатлѣніе чего-то чистаго, дѣвственнаго, и въ силу этого стали обозначать первоначально, повидному, именно дѣвушку; недаромъ бѣлизна лица связывается съ цѣломудренностью и доброй славой-дѣвушки:

И отъ жару, и отъ морозу
Б'бло личико беретла (Ш., 734).

Въ зависимости отъ другихъ своихъ качествъ груша и яблоня получили свой особый характеръ: груша болѣе грустный, а яблоня болѣе веселый; это, конечно, только общій тонъ ихъ значенія. Груша (*Pirus communis*), равно какъ и яблоня (*Pirus Malus*) иногда, согласно п'бсиямъ, растутъ въ л'всахъ. Въ средней и южной Россіи встрѣчается, какъ извѣстно, дикая груша—„колючее мелколистное дерево съ небольшими терпкими плодами; одни систематики рассматриваютъ ее, какъ одичавшее, другіе же считаютъ ее коренною формою, отъ которой произошли многочисленные возд'лываемые сорта“ ¹⁾. Колючки и терпкіе на вкусъ плоды ²⁾ не могли возбуждать свѣтлыхъ представлений, почему груша, какъ символъ, получила грустный отт'внень. Что касается яблони, то видно, что она производила на народъ свѣтлое впечатл'внїе: яблонька—„кудрявая“, яблонька—„славное дерево“ (Ш., 889); ея плоды постоянно отм'вчаются словомъ „сладкіе“. Какъ мы видѣли, ея символика отличается большимъ разнообразіемъ картинъ: она сопоставлялась съ д'ввушкой и женщиной, а ея „отросточки“ и „яблочки“ обозначали д'тей—сыновей и дочерей, что и повело, думается, къ двойственности ея значенія—ея образъ сталъ связываться и съ представленіемъ мужчины, и съ представленіемъ женщины.

Яблоко, какъ образъ любви, извѣстно не только у насъ, въ нашихъ п'бсїяхъ. Въ Греціи, по словамъ Геза, „плодъ, посвященный Афродит'б, употреблявшійся во всевозможныхъ любовныхъ играхъ д'ввушекъ и служившій свадебнымъ подаркомъ, былъ не что иное какъ золотистое ароматное кнѣжное яблоко“. „Солонъ издалъ законъ, что нев'бста во время свадьбы, передъ вступленіемъ въ брачный покой, должна съ'бсть кидонское яблоко“ ³⁾. У сербовъ „принято, чтобы тотъ, кто ищетъ руки д'ввушки, посылалъ къ ней черезъ свата яблоко...; если д'ввушка приметъ яблоко—это служить знакомъ ея согласія, въ противномъ случа'б женихъ долженъ искать себ'б другой нев'бсты“ ⁴⁾. Все это какъ нельзя лучше гармонируетъ съ т'вмъ, что даютъ наши п'бснїи. Обозначая, между прочимъ, д'ввушку, яблоко

¹⁾ Гобманъ. Ботаническій атласъ.

²⁾ Вязущее свойство отм'вчается старыми л'бчебниками: *Флоринскій*, Русскіе простонар. травники и лечебники, стр. 44.

³⁾ Гезъ. Культурныя растенія и домашнїи животныя... Стр. 128—129.

⁴⁾ Аванасьевъ, Поэт. возвр. слав. на припр., т. II, стр. 317. *Мандельштамъ*. Онынъ объясненія обычаевъ, стр. 31—32.

легко могло быть поставлено въ параллель съ чувствомъ, которое питаетъ къ ней молодецъ: вѣдь, нерѣдко любимую женщину называютъ „любовью“, „любушкой“, „азнобой“; ассоціаціи любви и яблокъ могла въ значительной степени способствовать сладость этихъ плодовъ, неоднократно отмѣчаемая пѣснями. Въ заключеніе упомянемъ еще объ одной пѣснѣ:

Яблони мои садовая, кора золотая!
Мимо шла Варварушка, кору колунала,
Кору колунала, золото снимала.

Это золото идетъ для вышиванья подарковъ роднымъ будущаго мужа и ему самому (III., 2064). Эти золотыя яблони и тѣ „теплыя страны“, куда невѣста хочетъ снести свою „волю-красоту“, какъ самую дорогую для нея вещь,—нужно, какъ кажется, поставить въ связь съ нѣкоторыми вѣрованіями народа. „Простолюдины“ по словамъ Афанасьева, до сихъ поръ убѣждены, что гдѣ-то далеко (на востокѣ) есть страна вѣчнаго лѣта, насажденная садами изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ и оглашаемая пѣснями райскихъ птицъ, въ которой рѣки текутъ млекою и медомъ, серебромъ и золотомъ¹⁾. Это уже вводитъ насъ въ область мифическихъ и религіозныхъ вѣрованій народа.

Рябина²⁾ тоже сопоставляется съ женщиной—дѣвушкой или замушкой, и тоже, за рѣдкими исключеніями, связывается съ мыслью о страданіи; тутъ опять предъ нами уже знакомые образы. Заламывать рябину—желать любви (С., II, 349), но, кромѣ того, и брать замужь:

Не вырѣвшей рябинушки
Нельзя заломать;
Не выросшей дѣвушки
Нельзя замужь взять (С., II, 353).

Вода подмываетъ рябину—дѣвушку противъ ея желанія выдають замужь (III., 847). Отмѣтимъ картину разсѣченія рябины на части:

Стояла рябинушка на городѣ.
Сѣкли рябинушку на четверо.
Сдѣлали рябиновы гуслицы...

¹⁾ Афанасьева, тамъ же, стр. 294.

²⁾ III.—333, 339, 456, 513, 514, 569, 628, 720, 780, 847, 1153, 1169, 1211 С.—I, 79, 80, 81; II, 349, 353, 365—367, 503; III, 38, 139, 533; IV, 42, 43, 619, 634 и др.

„Что же ты, дѣвица, невесело сидишь?
 Что же ты, красная, невесело глядишь?
 Я же тебя не насилу взамужь брать“... (С, III, 583).

Подобный же мотивъ о рябинѣ встрѣчается и еще въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ (С., IV, 634). Тяжелая жизнь молодой на чужой сторонѣ изображается слѣдующимъ образомъ:

Протекла рѣка слезовая,
 Вокло той рѣкѣ же гѣсочикъ,
 Усѣ гѣсочекъ усѣ рябина,
 Усѣ пташки, усѣ кукушки;
 Ены день и ночь усѣ кукують,
 А меня, молодю, усѣ прослезуютъ... (III., 1169).

Замѣчательнъ въ этой пѣснѣ подборъ печальныхъ образовъ: рябиновый гѣсъ и кукушки около рѣки слезъ. Непогода, постигшая рябину, ставится въ параллель съ горемъ, поразившимъ женщину:

Ой у полѣ, ой у полѣ рябина стояла.
 Буень вѣтеръ, буень вѣтеръ рябину шатаетъ;
 Дробень дождякъ, дробень дождякъ рябинушку мочить;
 Красно солнце, красно солнце рябинушку сушить (С., IV, 42).

Въ рябину превращаетъ злая свекровь целюбимую сноху, жизнь которой продолжается и въ деревѣ; изъ него течетъ кровь, оно говорить по-человѣчески и плачетъ:

Безъ вѣтру рябина зашаталася,
 Безъ дождю рябина мокра стала,
 Безъ вихрю рябина къ землѣ клонится.

Отростки рябины—„малы дѣтушки“ (С., I, 79, 80). Несчастливая доля женщины въ семьѣ мужа изображается скуднымъ урожаемъ ягодъ на рябинѣ:

А рябина, рябина да не сильно вродила—
 А съ кисти—по горсти, съ другой—по пригоршнѣ.
 А молодка, молодеда да ще молодая!
 Ой, что жь ты, молодка, да не пегела ходишь? (С., II, 503).

Таковы образы, связанные въ народныхъ пѣсняхъ съ рябиной, подь которой, конечно, нужно разумѣть рябину-дерево—*Sorbus Aucuparia* (или *Pirus Aucuparia Gaertn.*): вѣдь, рябиной называется еще трава *Tanacetum vulgare*—пижма обыкновенная, употреблявшаяся изъ

лавна въ народной медицинѣ ¹⁾). Образъ рябины вызываетъ въ народѣ образъ печальной женщины на основаніи тѣхъ же свойствъ, которыя мы видѣли и въ другихъ женскихъ символахъ: бѣлые цвѣты и красные плоды давали для этого полную возможность. А горьковато-кислый вкусъ послѣднихъ заставилъ мысль направиться на „горькія“ явленія жизни. Кислота и горечь ягодъ, отмѣчаемая народной медициной ²⁾, сопоставляются въ пѣсняхъ съ безрадостной жизнью:

Какова кисла рябина,—
Таково житье за старыкъ (С., II, 366).

Ты надкушай, мой радость,
Горькой ягоды рябины:
Каково кушать рябина,—
Таково житье за младыкъ (С., II, 367).

Грустный тонъ съ значенія поддерживается, вѣроятно, и существованіемъ особаго вида рябины—„плакучей“—„формы со свѣшивающимися внизъ вѣтвями“ ³⁾. Что она была замѣчена народомъ, хотя въ пѣсняхъ нѣтъ названія „плакучая“, доказывается, во-первыхъ, разведеніемъ этого вида рябины въ садахъ, а во-вторыхъ—упоминаніемъ въ одной изъ приведенныхъ пѣсень о томъ, что „безъ вихру рябина къ землѣ клонится“. Интересна для насъ еще одна пѣсня:

Вдоль по Рябинкѣ, вдоль да по Дунаю,
Свѣзка да бѣла, вдоль по тихому,
Въ терему ли дѣвушка слезно плачетъ... (С., IV, 619).

Это мѣсто совершенно аналогично съ тѣми, на которыя мы указывали при разборѣ черной смородины: тамъ—рѣка Смородина; здѣсь—Рябинка. Что касается до двойного названія—и Дунай и Рябинка, то лужно замѣтить, что въ произведеніяхъ народа „Дунай“, кромѣ собственнаго имени извѣстной рѣки, часто означаетъ рѣку вообще ⁴⁾. То обстоятельство, что рѣки получаютъ имена отъ растений, не представляетъ ничего особеннаго. Можно привести цѣлый рядъ случаевъ, когда названія растеній становятся собственными именами мѣстностей и даже людей ⁵⁾. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ мы находимъ упоминаніе про „рѣчку тинову, рябинову“ (III., 339); иногда она называется иѣ-

¹⁾ *Флоринскій*, стр. 11.

²⁾ *Флоринскій*, стр. 17.

³⁾ *Губкина*, Ботан. атл.

⁴⁾ *Аванасьева*, Пост. возвр. слав., т. II.

⁵⁾ *Гель* стр. 113 и 362, прим. 51; *Мандельштамъ*, стр. 42.

сколько иначе— „рѣка тиновата, рѣка ребяновата“ (III., 513). Нельзя навѣрно сказать, отъ „рябины“ произведены эти прилагательныя, или отъ „ряби“. Но думается, что и самое названіе рябины образовалось въ связи съ представленіемъ ряби. И въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ нашего народа мы встрѣчаемъ рябину¹⁾; ниже, въ связи съ другими растеніями, мы еще коснемся этого вопроса.

*Вишня*²⁾ сопоставляется, подобно калинѣ, преимущественно съ дѣвушкой (С., IV, 112); но дѣвственность здѣсь не играетъ роли. Осуждая дѣвушку за ея легкомысленное поведеніе, ей ставятъ въ вину, что она

Семь ночей дома не сынала,
Въ осмую ночь не почевала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладкое вишенъе щипала (С., II, 95).

Цѣлый рядъ пѣсень изображаетъ молодца подѣ видомъ сокола, который летаетъ по вишенью: онъ не только любитъ дѣвушку, но и сватается за нее (III., 1654, 2168). Соколъ клюетъ вишни — молодецъ ухаживать:

Журилась галушка въ саду;
„Кто у меня въ саду побывалъ?
Кто мои вишни поклевалъ?...
Пролетать ясный соколъ:
„Не журишь, галушка!
И у тебя въ саду побывалъ,
Твои вишни поклевалъ“... (III., 2069).

Невѣста на дѣвичникѣ, обращалась къ родителямъ, такъ причитаетъ:

... Что за садъ стоить, что за вишенъе?
Въ саду-то ли во вишенъѣ
Не бѣля-то ли лебедь возгарянула,
Не я-то ли, горюха горькая,
Предъ подружками восплакнула? (III., 2148).

Вблизи сада и вишенъя происходятъ свиданія влюбленныхъ:

Мимо саду, мимо саду,
Мимо вишенія,

¹⁾ Шейнъ, стр. 780, 1 стб.; *Авантюръ*, стр. 388; 392 и др.; *Мандельштамъ*, стр. 259—260.

²⁾ III.—305, 1654, 2069, 2118, 2150, 2168, 2181, 2315; С.—II, 47, 95, 96, 273, 634; III, 319 и им. др.

Ходилъ гулялъ молодячекъ
Со дѣвицею (С., III, 319).

Символика вишни (*Prunus Avium*, *cerasus* и др.) образовалась совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и другихъ разсмотрѣнныхъ растений: бѣлые цвѣты и, особенно, красные плоды вели къ ассоціаціи вишни и „бѣлолицки“ „красной дѣвицы“:

Охъ, да какъ на улицѣ дѣва,
Охъ, да разыгралася молодая,
Охъ, да будто вишенька налитая (С., IV, 634).

Красный цвѣтъ и сладость плодовъ вели къ связи вишни со „сладостнымъ“ чувствомъ любви; ничто въ этомъ деревѣ не давало повода къ мрачнымъ представленіямъ и, потому, символика вишни не касается грустныхъ мотивовъ: ея сфера молодость, веселье, любовь, счастье.

*Теренъ*¹⁾, или терношникъ (*Prunus Spinosa*), встрѣтился намъ всего въ двухъ пѣсняхъ съ чрезвычайно неяснымъ содержаніемъ. Повидимому, въ обѣихъ дѣло идетъ о разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ:

Теренъ, теренъ зеленой,
Не расстался бъ я съ тобой!
Тамъ ѣхала коляска;
Въ коляскѣ дѣвица.
Сколько дѣвка ѣхала,
Столько дѣвка плакала... (С., IV, 44).

Вторая пѣсня (С., IV, 45) представляетъ вариантъ приведенной; укажемъ еще выраженію „тернистый путь“, въ значеніи путь тяжелый и горестный, что вполне гармонируетъ съ качествами растенія: это — обильно устѣянный колючками кустарникъ съ черновато-синими плодами, величиною съ небольшую вишню, и при томъ теркими на вкусъ.

*Роза*²⁾ въ большинствѣ пѣсенъ, въ которыхъ она встрѣчается (а встрѣчается она сравнительно рѣдко), называется „алой“; ея цвѣты или „розовы“, или „алы-розовы“. Этимъ подчеркиваніемъ народъ указываетъ на отличительный признакъ, привлекшій къ себѣ его вниманіе. Намъ уже не разъ приходилось указывать, что красный цвѣтъ ассоціируется съ дѣвичествомъ и любовью, а потому, и алая роза — символъ любви: огонь и красный цвѣтъ, какъ мы упоминали, тѣсно свя-

¹⁾ С.—IV, 44, 45.

²⁾ III.—362, 432, 678, 519, 831, 1216, 1572, 1924, 2410; С.—III, 271; IV, 174, 581, 605, 762.

зываются въ народномъ представленіи; а чувство любви издавна ассоцировалось съ представленіемъ огня, на что указываютъ такія выраженія, какъ нылъ, жаръ, огонь любви; горячее чувство любви; огонь и жаръ сунать—„сушить“ и любовь. По словамъ Дала, „алый“ говорить болѣе о предметахъ и о цвѣтѣ пріятномъ, почему и милаго друга зовутъ „аленькимъ дружкой“; изъ чего образовалось пріятливое „алуша“—дружокъ. Значить, красный цвѣтъ, особенно цвѣтъ цвѣтоты, служить символомъ какъ любви, такъ и ея объекта. Роза, въ качествѣ символа, издавна извѣстна у разныхъ народовъ ¹⁾. Въ нашихъ пѣсняхъ ея значеніе выдержано довольно устойчиво. Въ одномъ величаныи жениху мы видимъ, напрямѣръ, слѣдующее:

Сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ.
 Овъ цвѣтку, цвѣтку двуется,
 Красотѣ своей любуется:
 Сколько ты, цвѣточекъ, нѣженъ и хорошъ,
 А я, молодець, холостъ не женать (III., 1572).

Между тѣмъ молодець, по замѣчанію собирателя пѣсенъ, „долженъ взадъ и впередъ ходить по избѣ, и въ то время, какъ дѣвцы поютъ: „сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ“, женихъ срываетъ съ плечъ своей невѣсты платокъ и начинаетъ ею и собою любоваться“. Роза, „роза-цвѣтъ“ употребляется въ пѣсняхъ, какъ ласкательное. „Ты, Наташа, роза-цвѣтъ“, поется, напрямѣръ, о любимой дѣвушкѣ (С., IV, 581). Въ одной изъ пѣсенъ мы встрѣчаемся съ „Рожей“, какъ собственнымъ дѣвичьимъ именемъ. Ее любитъ молодець, за котораго не хотятъ ее выдать:

„Спитался Иванки на красную Рожу.
 Рожушки не отдали, Иванки отказали“ (III., 1246).

Мать посылаетъ дѣвушку въ садъ — „розу алую ципать“, что она исполнять съ неохотой: она какъ бы разстается со своей веселой дѣвичьей жизнью—къ ней приходитъ ея милый („молодчякъ молодой“) и приноситъ „съ руки перстень золотой“ (III., 482). Ломать „алы-розовы цвѣты“—видѣться съ милой и пользоваться ея взаимностью:

Приломали алы-розовы цвѣты.
 Приломали розовы цвѣты...
 Шель я, видѣть много пташекъ на кусту:
 Съ куста на кустъ перелетывали.

¹⁾ Гельм. стр. 133 и 134.

Одна пташка ничего не говорить,
 А другая цѣлованье завела;
 Цѣловались-миловались съ дружкой часъ (С., IV, 606).

Вотъ, почти все, что намъ даютъ пѣсни относительно розы; скудость матеріала, конечно, происходитъ не потому, что роза перестала дѣйствовать на воображеніе народа. Совсе нѣтъ! Въ пѣсняхъ Южной Россіи она встрѣчается гораздо чаще, такъ какъ тамъ, въ болѣе теплой полосѣ, роза не требуетъ за собой такого ухода, какъ въ Великороссіи, и народъ всегда ее имѣетъ передъ глазами. Суровыя климатическія условія сѣверныхъ губерній неблагоприятны для ея культуры, а жители, всецѣло занятые вопросомъ о пропитаніи, не могутъ удѣлять времени для заботы о ней: другой климатъ—другія условія жизни—другіе образы въ творчествѣ.

Шипица ¹⁾, шиповникъ (*Rosa canina*), упоминается въ пѣсняхъ еще рѣже, чѣмъ роза: намъ она встрѣтилась всего въ двухъ-трехъ пѣсняхъ. Онѣ содержатъ разсказъ о намѣреніяхъ дѣвушки, въ случаѣ выхода замужъ за старика,—она собирается устроить ему тяжелую жизнь:

Носталью ностелю,
 Въ три рядочка киричу,
 Въ четверту шипицу,
 Въ пятый рядиць крапиву,
 Шипиочючка колюча,
 Крапивушка жалюча (III., 404).

Въ другой пѣснѣ она собирается повѣсить мужа

На осинушку на горькую,
 На шипицу на колючую (III., 888).

Народъ не только въ пѣсняхъ упоминаетъ о колючкахъ шиповника; въ одной изъ загадокъ онъ такъ изображается: „Древо латынско, лапы богатырски, когти дьявольски“. Самое названіе—шипица—уже указываетъ на отличительный признакъ, обратившій на себя вниманіе народа: онъ-то, разумѣется, и долженъ былъ отразиться на характерѣ ассоціацій. Рѣдкое упоминаніе шиповника въ пѣсняхъ объясняется тѣмъ, что у народа было передъ глазами нѣсколько растений, близка къ своимъ свойствамъ къ шипицѣ и при томъ встрѣчающихся гораздо чаще; таковы репей и крапива, какъ указываетъ самъ народъ:

¹⁾ III.—404, 888, 1154 и друг.

крапиву онъ ставитъ въ пѣснѣ рядомъ съ шиповникомъ, а репей вмѣстѣ съ нимъ служитъ отвѣтомъ на вышеприведенную загадку. Къ нимъ мы еще вернемся ниже.

Береза ¹⁾ является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ образовъ; она сопоставляется, преимущественно, съ женщиной, въ періодѣ ея перехода отъ дѣвничества къ замужеству. Береза дѣвица-невѣста, за которую сватается дубъ-женихъ:

На горѣ дубчикъ пошумливаетъ,
Бѣлую березу поколыхиваетъ:
„Бѣлая береза, наклонись ко мнѣ!“
— „Рада-бъ я, дубчикъ, наклонулася,
Сѣрыя корни въ землю вросли“ (Ш., 1978).

Береза шатается, наклоняясь къ землѣ, и на ней „кокуетъ кокушечка“ — „тужить, плачеть дѣвица“ о своемъ горѣ (Ш., 1224). Этотъ образъ, какъ известно, очень распространенъ въ народныхъ пѣсняхъ; наклоненіе всѣхъ вообще деревьевъ къ землѣ, а въ томъ числѣ и березы, выражаетъ печаль, тоску, горе и т. п. (С., I, 343, С., II, 465). Въ одномъ свадебномъ причтаніи мы находимъ другую картину; се-стра говоритъ невѣстѣ:

„Ты снеси свою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево!“ (Ш. 1782).

Обвиваніе „воли-красоты“ вокругъ березы сулитъ „житье ровное“:

Если ты обвилась красота,
Вкругъ березоньки-то бѣлыя,—
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье долголѣзное (Ш., 2185).

Интересна одна пѣсня, вводящая насъ въ кругъ народныхъ суевѣрій: дѣвушки идутъ за вѣнками для свадебной бани; подходятъ къ первой березѣ—

„Перва бѣла березонька
Со корня посыкала,
Со вершины позябала“....

¹⁾ Ш.—614, 627, 628, 810, 904, 910, 1199, 1202—1204, 1224, 1238, 1266, 1340, 1351, 1384, 1389, 1408, 1409, 1435, 1455, 1530, 1782, 1786, 1821, 1823, 1832, 1978, 2116, 2185, 2293, 2524; С.—I. 343, 420—422, 429, 430; II, 347, 348, 350, 384, 464, 465, 531, 533 и др.; Ш. 36, 106; IV, 157—161; V, 257 и мн. др.

Къ другой подходятъ—„сидитъ горька кукушочка“....

„Пришли красныя дѣвицы
Ко третьей бѣлой березонькѣ:
Прутья витыя шелковыя“ (Ш., 1530).

Только тутъ онѣ ломаютъ вѣтви—здѣсь нѣтъ злобѣщихъ предзнаменованій; вода для бани берется съ подобными же предосторожностями. Изъ этой пѣсни, кажется, ясно видно, что символика сохраняетъ свой характеръ и въ народныхъ суевѣрiяхъ.—Побѣги дерева сопоставляются съ дѣтьми, а самое дерево—съ родителями: невѣста словами пѣсни говоритъ своей матери:

Ты постой, береза, безъ верха,
Поживи матушка безъ меня (Ш., 1821).

Та же параллель съ березой прилагается и къ отцу:

Повѣзла Гапуля со двора,
Сломла березеньку съ верха.
„Стой, моя береза, безъ верха,
Живи, мой батюшка, безъ меня“.... (Ш., 2116)

Въ другой пѣснѣ дѣвушка прямо объясняетъ:

Ужъ какъ бѣлая березонька—
Это мой родинный батюшка (Ш., 1384).

При входѣ жениха въ избу, невѣста причитаетъ между прочимъ:

Не верба-ли въ избу клонится,
Не береза-ли Богу молится?...
Молится, да кокланяется
Ужо тогъ, да чужой чужесецъ... (Ш., 2293).

Подъ бѣлой березой находятъ себѣ могилу несчастная женщина, убитая мужемъ (Ш., 904); здѣсь умираетъ воинъ, и здѣсь же его оплакиваетъ любящая его дѣвушка (С., I, 420). Надъ умершимъ воиномъ вырастаетъ бѣлая береза, и его мать кукушкой прилетаетъ и горюетъ на ней (С., I. 430).

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что первоначально береза сопоставлялась преимущественно съ женщиной, а потомъ уже стала противополagаться и мужчинѣ, подобно тому, какъ это произошло и съ яблоней. Справедливость этого предположенія подтверждается, съ одной стороны, рѣдкимъ употребленiемъ березы въ качествѣ мужского и частымъ въ качествѣ женскаго символа; а съ

другой—тѣмъ признакомъ этого дерева, на который опирается ассоціація представленій березы и женщины. Береза чуть ли не постоянно называется „бѣлой“, но этимъ признакомъ народъ, какъ мы знаемъ, перѣдко характеризуетъ и женщину. Въ одной изъ пѣсенъ мы находимъ даже прямое указаніе на то, что сопоставленіе шло именно такимъ путемъ; невѣста обращается къ своимъ роднымъ:

Посмотрите-ка, родные,
 На мое лицо бѣлое.—
 Какъ берѣстечка бѣлое,
 За тоска на пемь написана (Ш., 1408).

Въ характерѣ значенія березы нужно отмѣтить нѣкоторую двойственность: иногда она—символь равнаго житія для женщины, но иногда связывается и съ образами печали и слезъ. Объясненіе этому мы находимъ (кромѣ разныхъ положеній, въ которыя ставитъ народъ березу) въ существованіи разныхъ видовъ этого дерева. Подъ березой, какъ видно изъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, разумѣется *Betula alba*: она „тонка, бѣла, высока“ (С., I, 421); среди этого вида встрѣчаются отдѣльные индивидуумы, съ повислыми вѣтвями—плакучая береза, которая и послужила, какъ можно думать, для народа реальнымъ основаніемъ къ тому, чтобы отмѣтить наклоненіе березъ къ землѣ въ знакъ печали. Какъ дерево, близко стоящее къ народной жизни и къ народнымъ нуждамъ, береза является и объектомъ нѣсколькихъ загадокъ. „Есть древо“, гласитъ одна изъ нихъ: „крикъ унимаешь, свѣтъ наставляешь, больныхъ исцѣляешь“; деготь, лучина, береста и проч.—все это предметы первой необходимости. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ, въ качествѣ поэтическаго образа, березовую лучину: проводится параллель между ея горѣніемъ и горькимъ чувствомъ женщины, одинокой въ домѣ свекрови:

Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, моя лучинушка, не ясно горшишь?...
 —Лютая свекровушка въ печку дала.
 Меня, горькую лучинушку, всее залила (С., II, 557).

Въ связи со значеніемъ березы, какъ кажется, нужно поставить и то, что она, „какъ отвѣтъ свяхѣ, означала согласіе“, между тѣмъ какъ „сосна, ель, дубъ — отказъ“ (Даль): береза, вѣдь, въ большинствѣ пѣсенъ является образомъ невѣсты и замужней.

Любопытны обычаи, связанные съ березой; они приурочиваются къ празднованію Семика и Троицына дня. Здѣсь не мѣсто входить въ

разсмотрѣніе этихъ празднествъ, но для насъ необходимо установить тотъ фактъ, что эти обряды не только не противорѣчатъ основному значенію березы, но напротивъ—воплотѣ ему соотвѣтствуютъ и тѣмъ подтверждаютъ наше мнѣніе о связи символовъ съ обычаями. „Завиваніе“ и „снаряженіе“ березки является чисто женскимъ, дѣвичьимъ праздникомъ; парни большею частью не присутствуютъ. Все „дѣлается втихомолку, безъ всякаго шума и пѣсенъ, въ особенности же дѣвушки скрываютъ завитую березу отъ крестьянскихъ парней, которые зорко поглядываютъ за ними, и стоитъ имъ только увидать завитую березку, какъ они ее срубаютъ и уносятъ къ себѣ“¹⁾. Интересно и то восклицаніе, которымъ сопровождается бросаніе березки въ воду: „тони семикъ, тони сердитыхъ мужей!“ Здѣсь же собиратель нѣсколько туманно замѣчаетъ: „мужскому полу та же березка бываетъ противна: если кто-нибудь немного наскандальничалъ въ семикѣ, то семикъ предастъ несчастнаго уже въ руки березкѣ. А чаще всего попадаетъ ей въ руки женскій полъ въ замужествѣ“²⁾. Все это не можетъ выяснитъ, разумѣется, значенія праздника³⁾—для этого нужно особое изслѣдованіе,—но все же ясно, что тутъ идетъ дѣло о женской долѣ. Какъ-то само собою навязывается сопоставленіе завиванія березки со врученіемъ ей, согласно пѣснямъ, дѣвичьей „красоты“: въ послѣднемъ случаѣ обвиваніе „красоты“ вокругъ березки—предзнаменованіе равнаго, долгодѣянаго житія, а въ первомъ—сохраненіе завитыхъ вѣтвей березы свѣжими—предзнаменованіе въ хорошую для завившей сторону. Кромѣ того, также въ Семикѣ и Троицу происходятъ гаданія при помощи вѣтвей—этихъ символовъ дѣвственности. Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ, что эти празднества связывались съ судьбой женщины, съ вопросомъ объ ея будущей жизни: здѣсь рѣшался какой-то своеобразный „женскій вопросъ“.

*Ель и сосна*⁴⁾ стоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ; даже больше—онѣ почти что отождествляются одна съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ изображается дѣвушка не имѣющая отца:

¹⁾ *Шейнъ*, стр. 314.

²⁾ Тамъ же, стр. 315 (запись крестьянина).

³⁾ Объяснитъ его пытаются, между прочимъ, *Лавинская* (II. возр. II т. 321—322 стр.) и *Мандельштамъ* (стр. 213—214).

⁴⁾ *Ш.*—454, 639, 1690, 1697, 1878, 1920, 1942, 1953, 1981, 2019, 232; *С.*—1, 216, 218, 219 и др., 274, 275, 317, 310, 377, 378, 421, 462; II, 41, 103, 109, 315, 502, 589; III, 46, 110, 220 и др.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
 Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?...
 Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки,
 Только вѣтъ одной макушечки (Ш., 1942).

Подобная же картина изображаетъ дѣвушку, у которой нѣтъ матерн (Ш., 1953). Здѣсь ель-сосна сопоставляется съ дѣвушкой; это подтверждается и другими пѣснями:

Состоитъ дѣвечко тонко вѣсоко,
 Стоитъ сосенка подсопелая,
 Сидитъ дѣвушка сговоренная (Ш., 2320).

Въ образѣ сосны представляеть народъ и молодую женщину:

Сосенка, сосенушка зелененькая!
 Чего ты, сосенушка, не зеленая?...
 Молодка, молодушка молоденькая!
 Чего ты, молодушка, не веселая? (С., II, 589).

Елку мы встрѣчаемъ въ свадебныхъ обычаяхъ: дѣвушки вносятъ ее, украсивъ лентами, въ ту комнату, гдѣ сидитъ невѣста, и послѣдняя обращается къ ней съ причитаньями, въ которыхъ очень рѣдко упоминается самая елка: мы видѣли тутъ яблоню, грушу, рябину, березу; но только въ одной пѣснѣ — елку; на нее опускается дѣвичья „воля“, когда дѣвушка выходитъ замужъ:

Она сѣла-то на елочку
 И на елочку на зеленую (Ш., 1697).

Между тѣмъ въ другихъ пѣсняхъ невѣста кладетъ свою „коронку“, изображающую „волю-красоту“ противъ елки, а сама говоритъ:

И спешу я мою красоту
 Да во теплыя-то стороны,
 Положу ее на яблочку садовую
 И на грушечку зеленую (Ш., 1693).

Иногда, обращаясь къ елкѣ, невѣста называетъ ее своей „волей“; по этому поводу собиратель пѣсенъ вскользь замѣчаетъ: „олицетвореніе воли въ коронкѣ, а за послѣднее время также и въ елкѣ“¹⁾. Все это указываетъ на какое-то смѣшеніе представленій, особенно если принять во вниманіе другія пѣсни и нѣкоторые взгляды народа на ель-сосну. На ней сидитъ „пташка вольная—горе-горькая сидитъ

¹⁾ Шейнъ, стр. 520, 2 выноска.

кокушка“; она съ жалобными причитаніями смотритъ подь дерево, а тамъ лежитъ убитый „дѣтнушка“, и проситъ оиъ, чтобы „елннушка“ закрыла его своими вѣтвями (С., I, 378). Въ другой пѣснѣ, такого же почти содержанія, ель описывается мрачными красками:

Тутъ стояло несчастное древо,
Тонкое, высокое, по прозванію матушка елина;
Съ корешку древо не парядно,
Со середи древо свилсвито,
Со вершинушки древо кудревато (С., I, 377).

„Подь елкой, подь ветелкой стоятъ хижинка нова“, и тамъ живетъ „горькая вдова“ (С., I, 340). Ель служитъ матеріаломъ для послѣдняго жилища человѣку:

Роятъ, роятъ моголаушку,
Елинушку тешуть,
Молодому полковничку
Домонну строятъ (С., I, 424).

Что же касается до сосны, то она тоже очень часто является въ самыхъ мрачныхъ картинахъ. Къ ней, напримѣръ, привязывается донской казакъ „шишкарочку“ и сжигаетъ вмѣстѣ съ сосной (С., I, 216, 217 и др.). Мрачное значеніе ели и сосны подтверждается еще одной очень характерной пѣсней; дѣвушка говоритъ о своихъ заботахъ о будущемъ мужѣ-старикѣ:

И я старому пирогу песнеку:
Еще корочка еловая,
А начиночка сосновая,
А помазочка смоленая (С., II, 315).

Любопытно замѣчаніе, встрѣченное нами въ одномъ лечебникѣ: „Сосна есть древо естественомъ сухотно и черви его не ядятъ, якоже иныхъ дровъ. Стѣнь отъ того древа вредительна есть тѣлу человѣческому“¹⁾. Эта замѣтка вполне совпадаетъ съ тѣмъ печальнымъ значеніемъ, которое приходится признать за сосной на основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ. Но какъ же примирить тогда съ этимъ появленіе елки въ свадебныхъ обрядахъ? Очевидно, въ нихъ ель взята вмѣсто другого дерева—березы, яблони и т. д., являющихся женскими образами. На это указываетъ приведенная уже пѣсня (III., 1693), гдѣ невѣста обращается къ елкѣ, какъ къ яблонѣ; а кромѣ того — и

¹⁾ Флорискій, стр. 116.

сообщенія этнографовъ относительно времени свадебъ: онѣ справляются, большею частью, зимой ¹⁾. Поэтому, понятно, что ель, какъ едлинственное зеленое въ это время дерево, кромѣ сосны, у которой хвоя все же темнѣе, замѣняетъ собою какое-нибудь лиственное дерево ²⁾. Но если это такъ, если для ели и сосны остается только печальное значеніе, то спрашивается, какъ оно могло образоваться. Отвѣтить на это довольно трудно, такъ какъ пѣсни не даютъ намъ почти никакого разъясненія на этотъ счетъ. Впрочемъ, въ двухъ пѣсняхъ можно видѣть намекъ на то, что особенно поразило народъ въ ели-соснѣ. Въ одной изъ нихъ предлагается загадка: „Да что цвѣтеть да безъ цвѣта“? И такъ отгадывается: „Цвѣтеть сосна безъ алаго цвѣту“ (С., I, 462). Въ другой пѣснѣ спрашивается:

Что же ты, сосенка,
Не зелена стоишь,
Но лазерево цвѣтешь (С., II, 502).

Въ одномъ мѣстѣ, однако, цвѣтъ сосны отмѣчается согласно съ дѣйствительностью: зеленая сосенка, желтый цвѣтъ! (III., 1936). Но этотъ цвѣтъ такъ непохожъ на обычные для растений, ярко-окрашенные цвѣты, да и самая хвоя, съ ея сѣровато-зеленой окраской, очевидно, останавливала на себѣ вниманіе народа. Вѣроятно, и иглы, составляющія хвою, не остались безъ вліянія на характеръ образа; въ одной пѣснѣ „звенью“ на вопросъ, почему онъ не спрятался подъ елку, даетъ такой отвѣтъ:

Какъ на слѣхъ иголки, —
Боюсь: уколюсь (III., 349).

Все это общіе для сосны (*Pinus silvestris*) и ели (*Picea vulgaris*) признаки, заставившіе ихъ почти что отождествиться въ произведеніяхъ народнаго творчества, почему онѣ и получили одинаковое значеніе. На его характеръ, конечно, кромѣ приведенныхъ причинъ, главнымъ образомъ, вліяло положеніе сосны и ели среди прочихъ явленій природы. Почти не намѣняя ни лѣтомъ, ни зимой своего вида, обѣ онѣ должны были производить на народъ странное впечатлѣніе, что и отразилось въ народныхъ пословицахъ—„зимой и лѣтомъ однимъ цвѣтомъ“ и др. Но смѣненіе въ свадебныхъ обрядахъ съ другими де-

¹⁾ Шейнъ, стр. 508.

²⁾ Къ этому же выводу приходятъ и Костомаровъ, *Бесѣды* 1872 г., VIII, стр. 70.

ревьями немного смягчило ихъ печальное значеніе. Поговорка „вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“, конечно, никогда не имѣла реальнаго значенія; никогда, разумѣется, не происходило вѣнчанія вокругъ ели, какъ таковой; но она могла замѣнять другое дерево. Есть указанія, что иногда „обручались — кругъ ракитова куста вѣнчались“. Кроме того, Аванасьевъ приводитъ и еще доказательство существованія вѣнчанія вокругъ деревьевъ, именно — вокругъ завѣтныхъ дубовъ среди нашихъ раскольниковъ ¹⁾. Вѣнчаніе же вокругъ ели, кажется, является въ поговоркѣ не больше, какъ насмѣшкой надъ остатками язычества.

Осина ²⁾ (*Populus tremula*) близко примыкаетъ къ соснѣ и ели по характеру своего значенія. Чаще всего она встрѣчается въ пѣсняхъ, содержаніемъ которыхъ служить несчастная жизнь замужней женщины:

„Какова горька осина?
Таково житье со старымъ“ (Ш., 410).

Горькая жизнь замужемъ за разбойникомъ изображается такъ:

Заросла моя полосонька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ... (С., I, 212).

Жена повѣсила своего старика-мужа —

На осинушку на горькую,
На шипицу на колючую,
На крапивицу жегучую (Ш., 888).

Шипица и крапива упоминаются тутъ, конечно, для того только, чтобы подчеркнуть мрачное значеніе осины: ни на шиповникѣ, ни на крапивѣ повѣсить нельзя, и это чисто символическій образъ. Этотъ мотивъ о повѣшеніи мужа женой повторяется въ многихъ пѣсняхъ (С., II, 53, 120 и др.). Подобно тому, какъ мы видѣли, что обвиненіе дѣвчьею „красоты“ вокругъ яблони предвѣщаетъ хорошее, богатое житье; а обвиненіе вокругъ березы — ровное и долгодѣнее; такъ обвиненіе вокругъ осины предсказываетъ тяжелую жизнь замужемъ:

¹⁾ *Аванасьевъ*, т. II, стр. 321—325.

²⁾ Ш.—410, 888, 1206, 1384, 1735, 2185; С.—I, 198, 205, 212; II, 53, 120, 185, 327, 328 и др.; III, 36; IV, 225, 331 и друг.

Если ты обнялась, красота,
 Вкругъ осинушки-то горькія, —
 Мнѣ житье-то будетъ горькос,
 Мнѣ замужье, красной дѣвицѣ,
 Не хорошее, печальное (Ш., 2185).

Горюющая дѣвушка тоже сопоставляется съ осинкой; сравнивая отца съ березой, а мать съ яблоней, невѣста себя называетъ горькой осинкой:

Ужь какъ осина-то горькая —
 Это я бѣдна-горькая (Ш., 1384).

Въ разлукѣ съ другомъ дѣвушка тоскуетъ и слышать, какъ шумятъ въ лѣсу осиновые листья:

Шумятъ-гремятъ листочки, осиновы говорятъ;
 Бѣлая моя березонька, приклонясь къ землѣ, стоять (С., III, 36).

Шумъ листьевъ вообще, а не только осиновыхъ, ассоціируется въ представленіи народа съ тоской, печалью. Въ одной пѣснѣ мы находимъ обращеніе тоскующей дѣвушки къ листьямъ:

Безъ вѣтру листы шумятъ.
 Не шумите вы листочки
 Въ моеѣ зеленоѣ саду (Ш., 687).

Отчего же шумъ листьевъ связывался у народа съ тягостнымъ душевнымъ состояніемъ? Шумъ лѣса и деревьевъ обуславливается неспокойнымъ состояніемъ воздуха — вѣтромъ, и это волненіе въ природѣ человѣкъ какъ бы отождествлялъ со своимъ внутреннимъ неспокойнымъ состояніемъ, отсюда такія олицетворенія, какъ „вьюга злится, вьюга плачетъ“. Боги бури, грозы и т. д. являлись гораздо позднѣе, а сначала сама природа и ея явленія были живыми: она сама гнѣвалась, печалилась и веселилась. Если шумъ деревьевъ вообще былъ явленіемъ злобѣющимъ, то тѣмъ болѣе шумъ осиновыхъ листьевъ. Это, вѣдь, шумъ „горькаго“ дерева и при томъ шумъ особенный. Въ одной пѣснѣ осиновымъ листомъ называется тоскующій по дѣвицѣ молодець:

Сохнеть по дѣвушкѣ дружечекъ,
 Тоненькій осиновый листочекъ... (С., II, 185).

Осина вездѣ соединяется съ горемъ; полъ ней разстается молодець со своею возлюбленною:

Совыкались мы съ тобою подъ бѣлой березою;
 Разставались мы съ тобою подъ горькой осинной.
 Осинушка горька, горька, разлука горче... (С., IV, 225).

Эта послѣдняя строка какъ бы указываетъ на путь, которымъ шло образование символа. Горечь осины подчеркивается пародомъ, и она-то могла лечь въ основаніе ея печальнаго значенія. Но тутъ возникаетъ вопросъ, что значить „горькая осина“ — горькая на вкусъ или печальная, горестная и т. п. Ея корой натирають съ разными обрядами десны отъ зубной боли ¹⁾, такъ что ея горечь можетъ быть извѣстна и можетъ противопоставляться сладости „березовицы“. Но возможно, что „горькая“ вовсе не указываетъ на вкусовое ощущеніе, и тогда это нисколько не объясняетъ происхожденія символа. Въ пѣсняхъ осина называется также и „безсчастной“:

Срубленная наша кроватушка
 Изъ безсчастнаго изъ дерева —
 Изъ горькой изъ осины (С., IV, 334).

Здѣсь „горькая“ и „безсчастливая“ являются какъ будто синонимами; но навѣрно установить значеніе слова „горькая“ въ приложеніи къ осинѣ врядъ ли возможно.

Но и другія свойства осины должны были повліять на установленіе за ней печальнаго значенія. Ея отличительнымъ, бросающимся въ глаза свойствомъ является постоянное трепетаніе листьевъ, сопровождаемое вслѣдствіе твердости листы очень замѣтнымъ шумомъ, замѣтнымъ особенно въ тихую погоду, когда листья на другихъ деревьяхъ висятъ почти неподвижно. Что объясняется просто особымъ устройствомъ черешковъ, то народу казалось загадочнымъ: для него становилось очевиднымъ, что въ осинѣ есть что-то злое: „одно проклятое дерево безъ вѣтра шумитъ“, говоритъ народъ, отмѣчая тѣмъ поразившее его явленіе. Даль указываетъ, что въ народѣ, кромѣ того, говорятъ, будто на осинѣ кровь подъ корою, такъ какъ кора подъ кожницей красновата; это тоже могло повліять на характеръ ея значенія. Что касается до мифовъ, въ которыхъ является осина ²⁾, то нужно отмѣтить, что всѣ они, вообще говоря, носятъ тотъ же характеръ, которымъ отличается и символика этого „безсчастнаго“ дерева: оно въ силу своихъ свойствъ тѣсно связано съ мрачными картинами.

¹⁾ Даль, Словарь.

²⁾ Аванасьевъ, т. II, 305—308.

Ольха ¹⁾ (*Alnus*) встрѣтилась намъ всего въ двухъ-трехъ пѣсняхъ. Одна повѣствуетъ о соколѣ:

На родимую сторонку ясный соколъ прилеталъ;
Онъ на ольху молодую тихо, жалостно присѣлъ,
Онъ головушку повѣсилъ, хвостъ печально распустилъ.
Что жъ ты, соколъ мой, не веселъ, призадумался—спдишь?

И онъ отвѣчаетъ, что любилъ „соколяху“, но ее отбилъ „соколъ черноперый“ (С., V, 693). Другая пѣсня принадлежитъ къ разряду похоронныхъ; это плачь дочери на могилѣ матери:

Вы не вѣйте, вѣйте, витерочки!
Вы не рвите, витерочки,
Со ольшѣиушки вертѣиушокъ,
Со березыньки лясточниковъ! (Ш., 2524).

Этими двумя пѣснями исчерпывается весь извѣстный намъ матеріалъ, касающійся ольхи.

Ива ²⁾ какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обыденной жизни называется разными именами: верба, ракита, ветла и талъ — наиболѣе частыя изъ нихъ. Это и не удивительно, если принять во вниманіе, что ива (*Salix*) и въ наукѣ подраздѣляется на много видовъ: ива „чрезвычайно затруднительный родъ, именно вслѣдствіе часто встрѣчающихся помѣсей“ ³⁾. Разсматривая образы, связанные съ ивой, мы тотчасъ замѣтимъ въ нихъ характеръ нѣкоторую сбивчивость. Подъ ракитой нерѣдко происходитъ свиданія влюбленныхъ (Ш. 539):

И раскину бѣлъ шатерь...
...При рошцѣ зеленой,
При ракитовомъ кусту... (С., I, 316)

Но тутъ же дѣвушка вспоминаетъ былое счастье: она „плачетъ, какъ рѣка лететь, обнимаючи часть ракитовъ кустъ“:

„Ахъ ты, батюшка, нашъ ракитовъ кустъ,
Подъ тобою-ли, подъ кустикомъ,
Было попятю, погуляно,
Со милымъ дружокомъ посижено“... (Ш., 713).

¹⁾ Ш.—2524; С.—V, 693.

²⁾ Ш.—320, 517, 538, 539, 681, 713, 782, 844, 1158, 1187, 1250, 1515, 1682, 1918, 2036, 2266, 2276, 2293, 2488; С.—I, 82, 83, 88, 103, 106, 316, 340, 356, 358, 359 и др.; II, 37—40, 115, 114, 394, 554; III, 90—92, 385 и друг.

³⁾ Э. Пестель, Для ботаническихъ экскурсій.

Въ несомнѣнно печальномъ значеніи ива является въ одномъ свадебномъ причитаніи; невѣста рассказываетъ свои мрачныя мысли.

Оборвалась, молодехонька,
Во ту-ли рѣчку быстрюю;
Какъ хваталась я, ималась,
За кусты тѣ, за таловые,
За осоку и рѣзучую;
И обрѣзало у молодехоньки
Обѣ руки бѣлыя...

Затѣмъ сама же она и разъясняетъ смыслъ всей картины:

Не въ рѣкѣ я закуталася,
А купалася, молодехонька,
Въ своихъ лишь горячихъ слезахъ;
И хваталась я, ималась,
За свое-то горе горькое;
Не осокой мнѣ обрѣзало,
А обрѣзало у молодехоньки
Нечаялю лютою, великою (Ш., 2276).

Печальная женщина, горящая въ чуждой ей семьѣ ея мужа, сопоставляется съ вербой, которую вѣтеръ гнетъ къ землѣ:

Въ чистомъ полѣ вербу вѣтромъ раздуваетъ,
Вѣтромъ раздуваетъ, въ сырой землѣ приклоняетъ,
Что наша невѣстка, что, наша голубка,
Не весело ходишь, не снѣло ступаешь? (Ш., 554).

Когда невѣсту благословляютъ къ вѣнцу, она причитаетъ:

Не верба-то во полѣ качается,
Не зеленая къ землѣ склоняется, —
То красна дѣвица благословляется (Ш., 2488).

Женщина, несчастная въ замужествѣ за старикомъ, превращается въ иву:

...сама я, молода,
Скинуса вербою.
Скинуса вербою
Надъ быстрой рѣкою.

Эту вербу срубаютъ проѣзжіе кушцы и дѣлаютъ изъ нея „звонки гусли“, которыя должны своими звуками рассказать,

„Какъ я дѣвица плакала,
За стараго идучи“... (Ш. 1187).

Среди поля пшеницы растеть верба, и опять — картина несчастнаго замужества:

Въ чистомъ полѣ лровая пшеница,
Во пшенишкѣ ракитовый кустикъ,
На кустикъ соловей пташка свистеть...
Меня младу, постылый мужъ влечеть (С., III, 90).

Передъ свадьбой невѣста сажаетъ въ саду родителей вербу:

Сложю, сложю, дѣвушен, вербушки сучекъ,
Насажу я вербочку въ зеленомъ саду;
„Рости, рости, вербочка, аршинъ безъ вершка,
Живи, живи, батюшко, весь вѣкъ безъ меня“ (III., 2266).

Подъ ракитовымъ кустомъ лежатъ трупъ убитой мужемъ жены (С., I, 103); подъ нимъ же снятъ вѣчнымъ сномъ добрый молодець:

Что постелюшка подъ молодецъ камышъ-трава,
Изголовьце подъ добрымъ—часть ракитовъ кустъ,
Одѣяльцо на молодѣй—темная ночь,
Что темная ночь холодная, осенила (С., I, 358).

Въ одной пѣснѣ, которая уже упоминалась при разсмотрѣннхъ березы, молодець-женихъ сопоставляется съ вербой (III., 2293). „Подъ елкой, подъ ветелкой“, какъ тоже уже говорилось, живеть „горькая вдова“ (С., I, 340). Надъ могилами молодца и дѣвнцы, погибшихъ отъ яда, вырастають золотая верба и кипарисъ: верба—надъ молодецмъ, а кипарисъ надъ дѣвнцей (С., I; 84). Образъ золотой вербы имѣеть свое реальное основаніе; это—разновидность „бѣлой ивы“ (*Salix alba*), разновидность съ золотисто-желтыми вѣтвями, извѣстная въ ботаникѣ подъ названіемъ *Salix alba* var. *vitellina*—„золотая верба“; потомъ въ народѣ могло развиться—изъ чисто реальнаго представленія—представленіе „воображаемое“—образъ вербы изъ золота. Ракитовъ кустъ является въ одной пѣснѣ мѣстомъ рожденія горя:

Зародился горе отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитова (С., I, 441).

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, ива является въ связи съ печальными картинами. Пѣсни ничего не даютъ для объясненія того, какимъ путемъ образовалось ея значеніе. Правда, неоднократно упоминается склонявшаяся къ землѣ или водѣ верба, какъ будто указывающая на то, что народъ обратилъ вниманіе на суще-

ствование особаго вида ивы—на „иву плакучую“ (*Salix babylonica*), которую и теперь нерѣдко сажаютъ на могилахъ, но этого одного еще мало, чтобы всѣ виды ивы получили печальное значеніе. Очевидно, для этого были другія неизвѣстныя для насъ причины. — Теперь намъ остается еще, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, коснуться вѣчанія вокругъ ракитова куста. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ одной пѣснѣ есть мѣсто, которое какъ будто намекаетъ на этотъ обрядъ. Принимая подарки, присланные женихомъ, невѣста, между прочимъ, прічитаетъ:

Когда принуждали меня родители,
 Мнѣ какъ да не хотѣлося,
 За ракитовъ кустъ хвататися.
 Мнѣ со вамъ, да родим, знатися (III., 1682).

Здѣсь какъ будто отождествляются двѣ картины: выходъ замужъ и хватаніе за кустъ. Оно такъ и есть, но это не имѣетъ никакого отношенія къ вѣчанію вокругъ ракиты; здѣсь хвататися за иву значить то же, что и въ приведенной выше пѣснѣ, гдѣ талъ являлся образомъ горы: бракъ—горе для дѣвушки; ее отдаютъ и берутъ замужъ помимо ея желанія. Вѣчаніе же вокругъ ракиты обусловлено, какъ кажется, близостью ея къ рѣкѣ или, вообще, къ водѣ, которая играетъ важную роль въ свадебныхъ обрядахъ. Но дѣтониса, въ древности на Руси нерѣдко умыкали невѣстъ „у воды“, а повже еще сохранялся обычай возить невѣсту „къ водѣ;“ несомнѣнно, что вода играла въ вѣчаніи какую-то роль и при томъ не маловажную. Но вмѣстѣ съ тѣмъ играли роль и деревья; по крайней мѣрѣ, дубъ и теперь еще имѣетъ значеніе или, вѣрнѣе, остатки прежняго значенія при совершеніи вѣчанія ¹⁾. Дубъ легко могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняться какимъ-нибудь деревомъ и особенно ивой, которая растетъ почти вездѣ, гдѣ есть вода. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы уже видѣли, какъ народъ замѣнилъ яблоню и грушу елкой, которая при этомъ потеряла свое значеніе и стала символомъ этихъ деревьевъ, принявъ, разумѣется, и свойственное имъ значеніе. То же случилось и здѣсь: вѣчаніе вокругъ дуба замѣнилось вѣчаніемъ вокругъ ракиты, которая потомъ и стала являться въ пѣсняхъ мѣстомъ свиданій и веселія молодежи; первоначальное значеніе подъ влияніемъ обряда стало блѣднѣть, и получилась нѣкоторая сбивчивость въ символикѣ.

¹⁾ *Мандельштамъ*, стр. 210—211.

Кипарисъ *) встрѣчается въ пѣсняхъ довольно рѣдко; на могилѣ дѣвушки, какъ упоминалось, вырастаетъ кипарисъ. Впрочемъ, по одному варианту этой пѣсни онъ вырастаетъ надъ молодымъ, а надъ ней—золотая верба (С., I, 83). Въ одной пѣснѣ мы видимъ прямое сопоставленіе кипариса и дѣвушки:

„Дерево, дерево, кипарисно!
Гдѣ ты росло, гдѣ было?“...
— „Дѣвица красная, Марія!
Гдѣ ты росла, гдѣ ты нѣжилася?“ (Ш., 2371).

Кипарисъ безъ листьевъ ставится въ параллель съ несчастной дѣвушкой:

Кипарисному дереву Богъ листу не далъ,
А мнѣ красной дѣвушки Богъ счастья не далъ (Ш., 848).

То же обозначаетъ и шумъ листьевъ на „купарезѣ“ деревѣ (Ш., 850):

Ишла, ишла, дѣвушка гѣсомъ, по гѣсу,
Нашла, пашла красная кипарисъ дерево.
На этомъ на дереву листики шумить:
Шумять, шумять листики, пошумливають (С., III, 33).

Въ одной пѣснѣ кипарисъ — мать молодца, которому предстоитъ отправиться въ походъ: „Кипарисъ дерево въ саду—родна матушка“ (С., III, 587). Орелъ вѣетъ на этомъ деревѣ гнѣздо и выводитъ птенцовъ; кипарисъ стоитъ на „окіинъ-морѣ;“ поднимается буря, подмываетъ „кипарисово кореньце“ и потопляетъ „орляно тепло гнѣздушко“ и „малыхъ его дѣтушекъ;“ самъ орелъ разбивается о „бѣль горючъ камень“ (С., I, 486). Встрѣчается кипарисъ и еще въ нѣсколькихъ пѣсняхъ: въ одной упоминается о дверяхъ кипарисовыхъ, а въ другой, повидимому, онъ изображаетъ свадебную повозку:

Щотихоньку, бояры, съ горы спускайтеся,
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева!
Въ кипарисѣ деревцѣ было три угодица... (Ш., 1817).

Кипарисъ (*Cupressus sempervirens*) явился въ нашихъ пѣсняхъ, какъ кажется, по аналогіи съ другими деревьями. У насъ въ Великороссіи онъ былъ, очевидно, знакомъ народу только по имени; въ самомъ дѣлѣ, его названіе, чуждое русскимъ, подверглось многимъ измѣненіямъ:

*) Ш.,—848, 850, 1522, 1771, 1817, 1831, 2371; С.—I, 83, 84, 486; Ш., 33, 587 и друг.

„дерево купарисно“ (Ш., 2371), „кипарисно“ (Ш., 1817), „типарисъ дерево“ (Ш., 1771), „дерево купарисовое“ (Ш., 1834), „купа-резъ древо“ (Ш., 850) и т. п.—все это передѣлки его названія. Интересно, что народъ особенно подчеркиваетъ, что это—дерево, будто боится спутать съ другими растеніями. Все это указываетъ, что названіе кипариса занесено къ намъ извнѣ¹⁾.

*Лавръ*²⁾ (*Laugus nobilis*) тоже встрѣчается въ немногихъ пѣсняхъ и, подобно кипарису, является деревомъ чуждымъ русскому народу. Въ одной пѣснѣ лавровый листъ оказывается на травѣ, а не на деревѣ:

Сорву съ травоньки листочекъ,
Я лавровый, дорогой,
Я начну письмо писать... (С., V, 740).

Въ другой пѣснѣ, кромѣ того, листъ называется „разлавровымъ“, точно народъ указываетъ какое-то его качество, а не принадлежность извѣстному растенію (С., V, 96). Повидимому, народъ зналъ лавръ только по имени, не связывая съ нимъ никакого опредѣленнаго представленія; вѣрнѣе даже, что народъ зналъ не лавръ, а лавровые листья, такъ какъ, большею частью, именно они являются въ пѣсняхъ и рѣдко самыя деревья. Образы, связанные съ лавромъ, почти тѣ же, что мы видѣли и раньше. Шумъ листьевъ и увяданіе лавра сопоставляются съ тоской дѣвушки:

Всѣ дрвы въ саду шумятъ,
Лавровы листики
Всѣ поблекши висятъ (С., III, 348).

Дѣвушка въ разлукѣ съ милымъ обращается къ голубю и предлагаетъ ему:

Сядемъ вмѣстѣ съ тобой подь кустокъ,
Подь лавровый зелененькій листокъ,
Будемъ вмѣстѣ горе горевать... (С., II, 287).

Молодецъ, собираясь жениться, хочетъ выстроить теремъ и посадить „дрявъ лавровыхъ“ (Ш., 735).

*Липа*³⁾, хотя и является очень распространеннымъ деревомъ, однако въ пѣсняхъ встрѣчается почему-то очень рѣдко. По этимъ не-

¹⁾ Въ Греціи съ кипарисомъ была связана мифъ; см. *Мандельштамъ*, стр. 51.

²⁾ Ш.—687, 735; С.—II, 287; III, 348; IV, 45, 541; V, 96, 97, 662, 740 и др.

³⁾ С.—I, 9, 247; II, 319—321; V, 211 и друг.

многимъ случаямъ нельзя почти установить ея значенія. Въ одномъ, напримѣръ, мѣстѣ она сопоставляется какъ будто съ мужчиной:

Какъ ни бѣлая березонька
Со мной свивалась;
Какъ въ пятнадцать лѣтъ дѣвица
Со молодымъ свивалась (С., V, 211).

Другія пѣсни даютъ еще меньше. Подъ липой, въ шатрѣ дѣвушка задумывается надъ вопросомъ, кому достанется ея дѣвичій вѣнокъ (С., II, 320). Подъ липой же молодецъ поетъ о томъ, какъ у „Макарья на ярмонкѣ“ была убита дѣвушка, дочь „Софронова вупца“ (С., I, 247). Плаха въ одной пѣснѣ называется „липовой“: на ней погибаетъ молодецъ, и закалывается любившая его королева (С., I, 9). Наконецъ, слѣдуетъ указать, какъ рисуется народу образъ горя (С., I, 446).

Въ лалтинезки горе пообулося.
Въ рогознички горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычкиной подиосялось (С., I, 441).

Ограбивъ молодца, „голюшки кабацкіе“ обули ему „лапотники липовы“,

Рогожку одѣли липову...
...На головушку одѣли колпачокъ липовый (С., I, 439).

Вотъ, въ сущности, все, что намъ даютъ пѣсни касательно липы.

Дубъ *) встрѣчался уже выше въ нѣсколькихъ мѣстахъ; онъ являлся мужскимъ образомъ: береза изображала въ одной пѣснѣ дѣвушку-пѣвѣсту, а дубъ — молодца-жениха (III., 1978). Это значеніе дуба довольно послѣдовательно проведено во многихъ пѣсняхъ. Тоска молодца сопоставляется съ зимней непогодой, „вызнобившей“ корни дуба:

Зима вьетъ и мятеть...
...У сыра дуба кореньице повызнобило;
У мена, молодца, сердце повысушило... (С., IV, 295).

Качаніе дуба—болѣзнь молодца:

Какъ во полюшкѣ дубъ шатается,
Какъ мой милый перебогается (III., 445).

*) III.,—362, 364, 445, 473, 474, 430, 853, 1138, 1172, 1192, 1711, 1746, 1776, 1864, 1925, 1978, 1985, 2082, 2282, 2310, 2391, 2416; С.—I, 492—495; III, 140; IV, 95, 96, 295, 626 п м. др.,

Отметимъ еще слѣдующую параллель между двумя картинами:

Сосенка, сосенушка,
Зеленая, кудрявая!
Какъ тебѣ не стошвится,
Во сыромъ бору стоячи,
На сырой дубѣ гляючи?

Молодая молодушка!
Какъ тебѣ не взгрустнется,
За худымъ мужемъ живучи,
На хорошаго гляючи? (С., III, 140).

Въ одномъ поздравленіи „волочобниковъ“ хозяйну дома говорится:

Дай тебѣ Богъ сколько въ пагѣ дубковъ,
Столько тебѣ сынковъ (III., 1122).

Всѣ эти гѣсии ясно проводятъ параллель между дубомъ и женщиной; но есть и такія, въ которыхъ онъ сопоставляется съ женщиной. Дѣвушка-сирота—лишенный верхушки дубъ:

Много, много, у сыраго дуба,
Много листьевъ, много подлетьевъ,
Только вѣту у сыраго дуба,
Золотой его вершиночки.

Много, много, у Анны души
Много сродства и прѣтелей,
Только вѣту у Анны души,
Что кормильца, родна батюшки (III., 1711).

Иногда въ подобныхъ же картинахъ верхушка дуба изображаетъ не только отца, но вмѣстѣ съ нимъ и мать (III., 1864). Нѣсколько отдалѣнно отъ другихъ гѣсонъ стоитъ слѣдующая картина:

Близъ дороженьки зеленый дубъ стоитъ;
Близъ дубочка васильковы цвѣты,—
Кругъ дѣвушки удалы молодой (III., 362).

Тутъ дубъ какъ будто сопоставляется съ дѣвушкой; но возможно, что это мѣсто нужно поставить въ связь съ той ролью, какую игралъ дубъ въ обрядѣ вѣнчанія: вѣдь, здѣсь говорится о томъ, „кому дѣвица достанется.“

Первоначально, какъ намъ представляется, дубъ (*Quercus*) былъ именно мужскимъ образомъ; упоченіе за нимъ такого значенія находится, конечно, въ зависимости отъ его свойствъ, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ его крѣпость, хорошо извѣстная народу:

„Держись за дубокъ: дубокъ въ землю глубокъ“, говоритъ пословица, оправдывая тѣмъ наименованіе дуба „могучимъ“. Поэтому, онъ болѣе всѣхъ другихъ деревьевъ былъ годенъ для изображенія мужчины, и уже только позже въ нѣкоторыхъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ онъ сталъ обозначать женщину. Помимо рассмотрѣнныхъ пѣсней, есть цѣлый рядъ другихъ, въ которыхъ дубъ является въ особенной обстановкѣ: на немъ сидятъ два голубя и разговариваютъ, при чемъ въ величальныхъ пѣсняхъ ихъ разговоръ является восхваленіемъ молодца, которому поется величаніе:

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Межъ собою разговариваютъ;
„Кто-жь у насъ молодчикъ молодой?
Кто-жь у насъ удалая голова?“ (Ш., 1925).

Пѣсни подобнаго содержанія встрѣчаются довольно часто. Иногда голуби сидятъ не на одномъ деревѣ:

Какъ на горочкѣ дубчики стоятъ,
Какъ на дубчикѣхъ голубчики сидятъ (С., IV, 95).

Но чаще все-же встрѣчается одинъ дубъ. Костомаровъ сближаетъ его съ мировымъ деревомъ арийской мифологіи ¹⁾. Интересно, что есть нѣсколько пѣсней, по содержанію близкихъ къ только что приведенной, въ которыхъ вмѣсто дуба упоминается часовня:

На часовенѣ два голубя сидятъ,
Между собой разговариваютъ,
Добра молодца выхваляютъ (С., IV, 96).

Голуби, сидящіе на часовнѣ, нерѣдко встрѣчаются и въ пѣсняхъ, значительно отступающихъ по сюжетамъ отъ этихъ (С., IV, 623—626). Если принять во вниманіе, что за дубомъ до сихъ поръ остается какое-то религиозное значеніе, то возможно предположить въ этихъ пѣсняхъ замѣну дуба часовней въ болѣе поздній, христіанскій періодъ жизни народа. Невольно напрашивается сопоставленіе съ этими пѣснями еще одной пѣсни, любопытной по своему содержанію:

На долянущей сирѣ дубъ стоитъ,
На дубу сидитъ самъ сизой орель,
Въ когтяхъ ѣнъ держитъ черна ворона,—

¹⁾ О мировомъ дубѣ—*Аванасъевъ*, II т. 294 стр. и гл. XIX и *Костомаровъ*, Бесѣда 1872 г., VIII кн., стр. 36.

Да черна ворона да свою недруга,
Ешь пустигъ же руду по сыру дубу.
Ужь вы возвейтеса, вѣтры буйныи,
Вы и выбивайте да сизова ворона,
Сизова ворона да свою недруга,
Свою недруга, да братца рѣднова (III., 1172).

Всѣ эти пѣсни, несомнѣнно, вводятъ насъ въ область религиозныхъ воззрѣній индо-европейскихъ народовъ. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на этихъ вопросахъ, скажемъ только, что эти вѣрованія нисколько не противорѣчатъ символическому значенію дуба. Дѣйствительно, мы видѣли, что онъ символизируетъ собою мужчину по сходству съ нимъ въ силѣ, отождествляемой съ крѣпостью „могучаго“ дуба. Слѣдовательно, выражая символическое значеніе дуба въ болѣе общемъ видѣ, мы можемъ сказать, что онъ является символомъ силы и могущества ¹⁾. Но и то, что создало весь міръ, должно было отличаться могуществомъ. Отсюда—міровое дерево-дубъ. Относительно голубей замѣтимъ, что они издавна были священными птицами и даже въ христіанствѣ сохранили свою связь съ религіей. Гейль указываетъ на почитаніе голуби въ разныхъ мѣстахъ въ древности и, между прочимъ, упоминаетъ, что „въ арійскихъ городахъ голубь былъ посвященъ божеству женскаго рода, олицетворявшему извѣстныя силы природы, чтимому подъ разными именами и называемому у грековъ Афродитой ²⁾. Въ русскихъ пѣсняхъ голуби нерѣдко являются символами любви и привязанности. Какъ образъ любви, безъ которой немислимо существованіе міра, голубь долженъ былъ тоже занять мѣсто въ картинѣ, изображавшей „первую причину“: могущество и любовь создаютъ весь міръ, все существующее. Теперь становятся понятны обряды вѣчанія вокругъ дуба—съ нимъ было соединено представленіе о верховномъ существѣ, поддержка котораго необходима для всякаго новаго брачнаго союза, какъ источника новой жизни. Въ нашихъ пѣсняхъ дубъ тоже имѣетъ отношеніе къ любви и браку. Онъ является свидѣтелемъ любви:

Какъ мы прежде съ тобой, мы любилси,
Подъ сырымъ дубомъ спородилиси (III., 796).

Звать „къ дубову столу“—все равно, что звать на свадебный пиръ, на свадьбу (III., 1746); дрова, которыми топятъ баню для невесты,

¹⁾ Латинское *robur* = 1) крѣпость, 2) дубовое и твердое дерево и 3) сила, крѣпость...

²⁾ Гейль, стр. 192.

называются въ пѣсняхъ дубовыми: „Спасибо... на дубовыхъ дровнахъ“, благодарить невѣста отца (III., 2391).

Вязъ (*Ulmus*) встрѣтился намъ всего только въ одной пѣснѣ и то рядомъ съ дубомъ:

Подъ дубомъ, подъ дубомъ, подъ дубиномъ,
Подъ вязомъ, подъ вязомъ, подъ вязиномъ,
Растеть вустъ ракитовъ зеленешенькъ,
Подъ кустиковъ молодець молодешенькъ.

Онъ дожидается дѣвицы, которая и приходитъ къ нему ночью: ей мѣшала уйти изъ дому ея родные (С., IV, 370).

Кедръ (*Pinus Combra*) мы находимъ тоже всего въ одной пѣснѣ, гдѣ онъ является мужскимъ образомъ. Объ этой пѣснѣ мы уже говорили выше: отправляясь въ походъ, молодець жалѣеть, что долженъ покинуть свой садъ:

Что кедрово древо въ саду—родный батюшка (С., III, 587).

Замѣтимъ вообще, что для обозначенія мужчинъ гораздо меньше образцовъ, чѣмъ для обозначенія женщинъ. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что дубъ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшій взгляду народа на мужчину, вытѣснилъ всѣ остальные образы.

Крушина упоминается очень рѣдко; въ одной пѣснѣ, кромѣ того, трудно опредѣлить, дерево ли разумѣется, или просто „крушина“ сказано вмѣсто „вручина“, что, повидимому, подтверждается послѣдующими стихами:

Ой, матушка, крушина,
Государыня, печаль!
Но крушина сокрушила,—
Сокрушила дѣвку дѣтина... (С., IV, 653).

Въ другой пѣснѣ крушина является уже несомнѣнно деревомъ:

Стояли три древа, зелены, кудравы:
Первое-то древо—зелена береза,
Другое-то древо—сухая крушина,
А третье-то древо—горькая осина.
На бѣлой березѣ соловейко свистеть,
На сухой крушинѣ кукушка кукуеть,
На горькой осинѣ горюшко горюеть (С., V, 544).

Конецъ пѣсни содержитъ рассказъ о разлукѣ молодца съ дѣвушкой. Такимъ образомъ, крушина помѣщается народомъ между березой и осинной; на ней кукуеть кукушка; самое ея названіе, очевидно, сло-

жилось подъ вліяніемъ понятія „крушить, сокрушать“: вѣдь, одинъ изъ видовъ крушины—крушина ломкая (*Rhamnus frangula*)—отличается хрупкостью своей древесины; плоды ея имѣють черный цвѣтъ.

Орѣшина ¹⁾ (*Corylus Avellana*) тоже принадлежитъ къ числу тѣхъ растений, для которыхъ пѣсни даютъ скудный матеріалъ, вслѣдствіе чего трудно установить ихъ значеніе. Орѣхи, вмѣстѣ съ яблоками, упоминаются въ числѣ свадебныхъ подарковъ (III., 1354). На орѣшникѣ качается молодець:

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
А на той орѣшникѣ
Колыбель повѣшена;
Въ той колыбели
Качался болгарскій сыгъ.

Онъ проситъ товарищей „взмахнуть“ его повыше, „чтобъ видно было далече“. И затѣмъ идетъ картина завиванія дѣвушкой вѣнка (III., 1907). Одна пѣсня начинается обращеніемъ къ орѣхамъ:

Свѣтъ мой орѣшки щелканцы!
Вы рано цвѣли, а поздно выросли,
А я, молода, догадлива была:
Плпички взяла въ посидѣлки пошла.

Но дѣло не спорится—„ни шьется, ни придется“: ея горькая доля за старикомъ мужемъ не выходитъ у нея изъ головы, и она рѣшается на убійство (III., 613). Орѣхи имѣють здѣсь, повидимому, связь съ представленіемъ радости, счастья, любви; но они „рано цвѣли“ и „поздно выросли“: раннее цвѣтеніе—образъ печальный для всякаго дерева; а позднее выростаніе орѣховъ—приходъ любви и счастья тогда, когда онѣ уже невозможны. Но съ другой стороны, въ нѣсколькихъ пѣсняхъ орѣшникъ является и въ довольно необычной картинѣ. Всѣ три пѣсни, которыя мы имѣемъ въ виду (III., 891, 893, 894), почти одинаковы по содержанію:

Во гѣсу было въ орѣшникѣ,—
Тутъ стоялъ, стоялъ вороной конь,—
Трое сутокъ не кормленный былъ,
Недѣлюшку не поенъ стоялъ... (III., 894).

Затѣмъ идетъ рассказъ объ убіеніи мужа женою; конецъ въ разныхъ

¹⁾ III.—613, 891, 893, 894, 1071, 1351, 1907 и др.

пѣсняхъ поется различно. При ближайшемъ разсмотрѣніи, легко замѣтить, что здѣсь народъ отмѣчаетъ не опредѣленную породу деревьевъ, а совокупность ихъ: дѣйствительно, тутъ является и „ельничекъ“, и „березничекъ“, и „орѣшничекъ“ (Ш., 891), и все это объединяется общимъ понятіемъ „лѣса“; значить, всѣ эти образы по своему значенію непосредственно зависятъ отъ символики своего родового понятія—лѣса. Къ этому вопросу мы вернемся еще нѣсколько ниже. Что же касается до пути, какимъ шла мысль, создавая значеніе орѣшины и ея плодовъ, то пѣсни на это не даютъ намъ никакихъ указаній; а потому, мы можемъ высказать только предположеніе, что оно образовалось по аналогіи съ яблоней, на что какъ будто намекаетъ совмѣстность орѣховъ и яблокъ въ числѣ свадебныхъ подарковъ. Сверхъ того, обряды, связанные съ орѣшиной, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень напоминаютъ обычай, связанный съ яблоней: напримѣръ, по словамъ Аванасьева, „въ Шварцвальдѣ посланный звать на свадьбу несетъ орѣховую вѣтку“¹⁾; а мы уже указывали выше, что, дѣлая предложеніе, женихъ посылаетъ невѣстѣ яблоко. Да и вообще орѣхи не вызывали у народа мрачныхъ образовъ: въ загадкахъ народъ неоднократно называетъ орѣхи сладкими: „Стоять высоко, висить далеко, кругомъ гладко, въ середкѣ сладко“ и др.²⁾ Очень возможно, что въ силу этой сладости плодовъ орѣшина и получила, сходно со „сладкими“ яблоками, свѣтлое значеніе.

*Виноградъ*³⁾ въ большинствѣ случаевъ связывается со свѣтлыми картинками. Въ колыдкахъ встрѣчаются припѣвы: „виноградѣ красно-зеленое мое“, „виноградѣ красно-зеленое мое“ (Ш., 1030 и 1031) и т. п. Эти припѣвы выражаютъ, повидимому, пожеланіе хозяевамъ благосостоянія и счастья. Что виноградъ, дѣйствительно, имѣетъ такое значеніе, ясно видно изъ пѣсни, которую иногда поютъ на сговорѣ: сваха пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты и такъ расхваливаетъ свою сторону:

„Какъ наша сторонунка,
Она 'вжюмъ усажена,
Виноградомъ обгорожена“ и т. д. (Ш., 2072).

Сваха, очевидно, хотеть сказать, что на ея сторонѣ царитъ богат-

¹⁾ Аванасьева, т. II, стр. 319.

²⁾ Дале. Пословицы, стр. 1063.

³⁾ Ш.— 729, 740, 741, 1030, 1031, 1036, 1200, 1244, 1768, 1769, 1897, 1901, 1928, 1998, 2072, 2190, 2370, 2410, 2430; С.—II, 3, 47, 92, 160, 223; III, 17, 95, 113, 375, 376; IV, 308, 309, 528, 529 и друг.

ство, счастье и веселье. Наибольше частая картина — это срывание винограда; дѣвушка ломаетъ виноградъ и бросаетъ своему милому:

Щиплетъ и ломаетъ зелень виноградъ,
Клсточки бросаетъ ко мнѣ на кровать.

Молодецъ говоритъ, что хочетъ взять ее за себя замужъ, а она отвѣчаетъ, что воли не ея — „воли батюшкова“ (С., III, 375). Въ другой пѣснѣ молодецъ ломаетъ виноградъ:

Щиплетъ-ломаетъ зелень виноградъ,
Коренья бросаетъ дѣвкамъ въ хороводъ.
„Дѣвки, дѣвушки, любите меня!“ (С., II, 223).

Въ знакъ своей любви къ дѣвицѣ молодецъ —

На серебряножь подноситъ
Виноградъ ей подвесъ (III., 1926).

Вкушеніе винограда ставится народомъ въ связь съ удовлетвореніемъ любви:

Мы пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, во зеленый садъ гулять,
Заломаемъ, заломаемъ мы зелень виноградъ!
Ахъ, аблочко я съѣла, позадумалася;
Виноградду и поѣла, тутъ разсудокъ потеряла...

Кончается пѣсня упреками младшей сестры и отчаяньемъ старшей, принесшей „отцу матери безчестье“ (С., II, 92). Вѣтка виноградная служитъ знакомъ для влюбленныхъ:

А какъ вынѣ мой милой...
...На окошечко смотрѣтъ,
На окошкѣ есть примѣтка —
Винограду виситъ вѣтка (С., IV, 528).

Иногда виноградъ сопоставляется съ молодцемъ (женихомъ):

Катился виноградъ да по загородью,
Дружка ведетъ молодого князя да по застолю (III., 1769).

Въ одной пѣснѣ молодого прямо называютъ виноградомъ, а молодую — ягодою:

Виноградъ разцвѣтаетъ,
А ягода, а ягода поспѣваетъ.
Виноградъ — (имя мужа) сударь,
Виноградъ — (отчество его);
А ягода — свѣтъ (отчество жены) душа (III., 2430).

Встрѣчается въ пѣсняхъ, хотя и рѣдко, и ягода-изюминка:

Сладка ягода изюминка
По тарелочкѣ катается,
Точно сахаръ разсыпается.
Ты, душа ли красна дѣвица,
На кого, душа, надѣешься?.. (С., IV, 308)

Только въ одной пѣснѣ виноградъ соединяется съ грустной картиной, да и то къ этому принуждаетъ общая для всѣхъ деревьевъ картина, изображающая слезы:

Виноградка, сладка ягода!
Ты не стой-ка надъ быстрой рѣкой,
Надъ быстрой рѣкой, надъ рѣчелькой,
Це роин-ка свое листице...
Въ этой рѣкѣ листья топятся,
У меня ли слезы катятся... (С., II, 3).

Паденіе листьевъ съ винограда въ рѣку означаетъ, слѣдовательно, слезы; но самъ виноградъ является строго выдержаннымъ свѣтлымъ символомъ. Это и вполнѣ естественно; какъ въ послѣдней, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсняхъ народъ отмѣчаетъ сладость винограда. Да и, вообще говоря, ни настоящій виноградъ (*Vitis vinifera*), который, несомнѣнно, имѣется въ виду въ большинствѣ пѣсней, ни шпалерный виноградъ (*Ampelopsis quinquefolia*, или *hederacea*), который, можетъ быть, подразумѣвается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не обладаютъ такими рѣзко замѣтными признаками, которые могли бы по забыванью ассоціаціи вызвать мрачныя представленія, а главное, конечно, что народъ обратилъ вниманіе на его свѣтлыя стороны.

Черносливъ ¹⁾ упоминается въ немногихъ пѣсняхъ и то вмѣстѣ съ изюмомъ-виноградомъ. Народъ подъ именемъ чернослива разумѣетъ, какъ кажется, и дерево (*Prunus domestica*), и плодъ этого дерева. Едва ли не въ одномъ только мѣстѣ онъ встрѣчается вполнѣ самостоятельно; вышенаведенныя слова свахи имѣютъ слѣдующій вариантъ:

„Какъ чужая сторонунка—
Она садомъ усажена,
Черносливомъ усыпана“ (III., 2450).

По смыслу пѣсни видно, что здѣсь черносливъ употребляется въ

¹⁾ III.—740, 741, 2450; С. III, 113.

томъ же значеніи, въ какомъ и виноградъ. Въ остальныхъ случаяхъ они стоятъ вмѣстѣ. Дѣвушка жалуется, что ея садъ заросъ полянью:

Завяла, злодѣйка,
Въ саду мѣстечко—
Мѣсто доброе,
Хлѣбородное.
На этомъ на мѣстѣ
Черносливъ растеть...
...Виноградъ цвѣтегъ,
Изкомъ-ягода... (Ш., 740).

На этомъ мѣстѣ въ саду растеть всегда виноградъ, черносливъ и проч.—здѣсь бывало всегда счастье и веселье; а теперь все заросло полянью—горе постигло дѣвушку: милый измѣнилъ.

Кленъ ²⁾ (*Acer platanoides*) чаце всего встрѣчается, какъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланы тѣ или другія вещи. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ упоминается кленовая стрѣла, которой молодецъ „наказываетъ“:

„Ты убей, убей, кленовац стрѣла,
Что сиза орла на Волгѣ на рѣкѣ,
Сѣру утицу во тешнымъ гнѣздѣ,
Красву дѣвицу въ высококъ терему!“ (С., V, 337).

Въ другой пѣснѣ женщина на предложеніе кузнецовъ подарить ей замокъ съ ключомъ, отвѣчаетъ, что ей ихъ не надо:

А мнѣ надо, а мнѣ надо—
Мнѣ кленовую стрѣлу.
Убить-сгубить, убить-сгубить
Во снѣ постылаго мужа (Ш., 543).

Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ упоминается кленовая перекладина висѣлицы (Ш., 878 и С., I, 11). Изъ клена дѣлаются гуселки для грустной пѣсни:

Охъ, я пойду, молоденька, въ кленовую рощу,
И высѣку, молоденька, кленинку тоненьку,
Я издѣлаю изъ кленинки звончатыя гусли,
Заиграю, молоденька, сама жалобнишко (С., IV, 560).

„Съ горя, со тоски“ и деть молодая въ темный лѣсъ:

Сорву, млада, кленовъ листь,
Навишу я грамоту
Къ родимому батюшкѣ (С., V, 199).

²⁾ Ш.—543, 878, 1845, 1940, 2271; С.—I, 11, 12; IV, 560; V, 199, 336, 337 и др.

Часть ССОХХХХIV (1902, № 11), стр. 2.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ связь клена съ печальными картинками, но есть двѣ пѣсни, гдѣ рисуются картины совсѣмъ иного характера. Въ одной пѣснѣ дѣвушка, а въ другой—молодецъ качаются на клену въ „колыбели“; дѣвица проситъ подружекъ качнуть ее повыше, чтобы она видѣла молодца: „что онъ тамъ дѣлаетъ?“ Молодецъ о томъ же проситъ товарищей (Ш., 1846 и 1940).

Лворъ (*Acer pseudoplatanus*), такъ часто встрѣчающійся въ южно-русской лирикѣ и такой яркій тамъ по своему значенію, совсѣмъ не упоминается въ извѣстныхъ намъ великорусскихъ пѣсняхъ. Только въ одномъ мѣстѣ мы находимъ о немъ упоминаніе и то лишь—въ видѣ простого созвучія въ шуточной прибауткѣ дружка:

Поварь-лворъ,
Перемѣнай-ко
Вѣста сахарныя! (Ш., 2326 и стр. 707, 1 стб.).

Этимъ исчерпывается весь тотъ рядъ деревьевъ и кустарниковъ, который мы находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ растениямъ травянистымъ, намъ необходимо затронуть одинъ не мало важный вопросъ: почему мы при многихъ разсмотрѣнныхъ растеніяхъ находимъ картины, повторяющіяся съ большою послѣдовательностью и съ постояннымъ сохраненіемъ одного и того же значенія, независимо отъ частнаго, такъ сказать, индивидуальнаго смысла каждаго отдѣльнаго дерева или кустарника? Почему, напримеръ, паденіе листьевъ и наклоненіе вѣтвей какого бы то ни было дерева сопоставляются со слезами и горемъ? Пѣсни сами даютъ на это отвѣтъ: въ качествѣ символа нерѣдко оказывается *дерево вообще* ¹⁾, и понятно, что тѣ картины, которыя народъ создастъ по отношенію къ нему, могутъ быть перенесены и на всякое другое дерево, безъ различія породы. Что это дѣйствительно такъ, легко убѣдиться, разсмотрѣвъ болѣе частые случаи употребленія дерева вообще въ качествѣ символа. Вотъ пѣсня, въ которой рубка дерева сопоставляется съ выдачей замужъ; дочь обращается къ отцу:

Не сляки древо кудреватое!
Кудряво дерево никуда не влонится.
Осударыня да все рѣдная матушка!
Не отдай дочку замужъ, куды ей не хотца (Ш., 1077).

Паденіе листьевъ въ рѣку—слезы:

Ты не стой древо надъ рѣкой,

¹⁾ Ш.—1077. 1355, 1391, 1512, 1521, 1509; С.—I, 295 и друг.

Не рони-ка листьє на воду,
 Ты не плачь, не плачь, Поликсенушка...
 Ты стой древо надъ рѣкой,
 Ты рони листьє на воду.
 Ты расплачься Поликсенушка... (Ш., 1512).

Эти образы паденія листьевъ, вмѣстѣ съ повислыми вѣтвями нѣкоторыхъ породъ, и послужили основаніемъ для образованія представленія плачущаго дерева, которое уже потомъ получило названіе „плакучаго“. Съ теченіемъ времени дерево вообще стало, повидимому, замѣняться какимъ-нибудь опредѣленнымъ видомъ, такъ какъ это давало возможность точнѣе изобразить то или другое явленіе: для явленій изъ жизни женщины были женскіе символы; изъ жизни мужчины—мужскіе; были символы веселья и горя, печали и радости. Можетъ быть, поэтому дерево вообще и встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ какая-нибудь опредѣленная порода деревьевъ.

Лѣсъ ¹⁾ является родовымъ понятіемъ по отношенію къ такимъ видовымъ, какъ напримѣръ,—дубрава, ельничъ, осинникъ и т. п., въ которыхъ указывается, изъ какихъ деревьевъ по преимуществу состоитъ данная лѣсная заросль. При этомъ сознается и отношеніе между родовымъ и видовымъ понятіемъ: часто къ „дубравѣ“, „ельничку“, „орѣшничку“ и т. п. прибавляется слово лѣсъ: „изъ лѣса-дубравы“ и проч. Нѣсколько разъ встрѣчается въ пѣсняхъ роца: шумъ ея сопоставляется съ печалью молодой, проводящей ночь за прилѣжкой:

Зеленая роца во всю ночь шумѣла,
 А я, молоденька, всю ночьку не спала (С., IV, 53).

Народное воображеніе соединяетъ съ представленіемъ лѣса печальныя картины: тутъ находится могила убитой мужемъ жены; дѣти, уличая отца въ преступленіи, говорить:

Наша матушка во сыромъ бору,
 Во сыромъ бору подъ бѣлою березою (Ш., 904).

Подобныя картины очень распространены въ пѣсняхъ. Уже одно упоминаніе лѣса въ большинствѣ случаевъ указываетъ на общій невесе-

¹⁾ Ш.—364, 687, 785, 786, 810, 842—845, 853, 855, 904, 905, 1238, 1255, 1264, 1266, 1271, 1280, 1340, 1361, 1371, 1385, 1528, 1644, 1645; С.—I, 64, 108, 199, 339, 340, 350; Ш, 50—58, 137, 138; IV, 53 и мн. др.

мый тонъ. Несчастная въ замужествѣ женщина восклицаетъ, на-
примѣръ:

Дуброва моя зеленая!
По тебѣ, моя дубровушка,
Добрыя птицы разлетались...

Осталась одна „горемычная кукушечка“: она оплакиваетъ свое „за-
мужьяще несчастливое“ (Ш., 1264). Изъ-за темнаго лѣса поднима-
ются черныя тучи:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садіку зеленого
Выходила туча грозная...

А дальше описывается разставаніе матери съ дочерью, которая
остаётся въ „сыромъ дремучемъ лѣсу“ думать свою невеселую думу
(Ш., 843). Здѣсь вся пѣсня такъ проникнута символизмомъ, что не
сразу и поймешь, что сырой боръ—„чужа дальняя сторона“. Значеніе
лѣса волюнѣ ясно обнаруживается въ толкованіи, которое невѣста
даетъ своему сыну:

Что горы-то крутые—
Мое горе-кручинушка,
Что рѣки-то быстрыя—
Мои горячія слезы;
Что лѣса-то темные—
Чужа дальняя сторона;
Что звѣри-то лютые—
Чужіи люди пезнамые (Ш., 1361).

Если нѣкогда въ представленіи народа природа являлась живой и
разумной, то неудивительно, что женщина обращается къ лѣсу съ
просьбой:

„Ужъ ты лѣсъ ты мой, лѣсокъ,
Лѣсокъ частенькій, лѣсокъ темневъкій!
Подымай-ко ты, лѣсокъ, свое вѣтвейко,
Пропусти меня въ гости къ батюшкѣ“ (Ш., 1280).

Замѣчательнъ здѣсь ласковый тонъ, которымъ говоритъ женщина съ
лѣсомъ; это и понятно: онъ живой и одушевленный—его не слѣдуетъ
раздражать; напротивъ, его нужно упраснивать, умилюстивлять и
даже молиться ему. И дѣйствительно, народъ молился лѣсамъ; от-
звукъ этого времени и этихъ воззрѣній слышится въ одномъ сѣтова-
ніи невѣсты на ея горькую долю:

Видно я молилася, горюта бѣдная,

Что я людям-то темнымъ

Да тому-то Богу, кой не милуетъ... (III, 1645, стр. 496).

Лѣсъ и суровый богъ, который „не милуетъ“, ставятся пѣсней рядомъ; образъ этого божества получилъ, очевидно, свой мрачный характеръ отъ своей близости къ лѣсу, съ которымъ постоянно соединялась мысль о чемъ-то темномъ и страшномъ: лѣса неоднократно называются въ народныхъ произведеніяхъ „темными“, „дремучими“, въ нихъ царятъ всевозможныя опасности отъ злыхъ людей и „лютыхъ вѣтрѣй“. Чувство, которое испытываетъ всякій, заблудившись въ лѣсу такъ непріятно, что въ пѣсняхъ вывести изъ лѣсу все равно, что выручить изъ бѣды; въ одномъ причтаніи невѣста говоритъ:

Благословенъцо великое,
 Меня спасеть и помиловать,
 Изъ силъ моря повысестъ,
 Изъ темна лѣса повыведетъ (III, 1385).

Такимъ образомъ, лѣсъ совершенно естественно сдѣлался символомъ печали и горя вообще и въ частности — печали на чужой сторонѣ, которая иногда и сама изображается, какъ темный боръ; а затѣмъ и все грустное и мрачное находило себѣ образъ въ той или другой картинѣ лѣса. Сообразно съ этимъ его значеніемъ и его отдѣльныя виды, какъ „ельничекъ“, „орѣшникъ“, „калинникъ“ и пр., получаютъ свое назначеніе.

Я. Антамоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭТЮДЫ О КАРЛѢ ВЕЛИКОМЪ ¹⁾.

Идеализация матеріальнаго и матеріализация идеальнаго — вотъ странная характерная особенность средних вѣковъ. Наиболѣе рѣзкое выраженіе эта особенность нашла себѣ, какъ извѣстно, въ средневѣковыхъ представленіяхъ о церкви - государствѣ и о государствѣ - церкви. Казалось бы, что оба эти представленія противорѣчатъ другъ другу, даже болѣе—взаимно исключаютъ другъ друга, а между тѣмъ они не только уживались рядомъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, но иногда и фактически соединялись вмѣстѣ.

Наиболѣе характерные моменты—въ видѣ ли рѣзкихъ столкновений обонхъ принциповъ, или въ видѣ непонятнаго на первый взглядъ ихъ соединенія — всегда возбуждали къ себѣ особый интересъ, такъ какъ анализъ крайностей болѣе удобенъ и легокъ, чѣмъ выясненіе расплывчатыхъ и туманныхъ промежуточныхъ моментовъ.

Однимъ изъ такихъ типичныхъ и важныхъ моментовъ и считалась всегда эпоха Карла Великаго, когда церковь и государство вступили въ особенно любопытныя взаимоотношенія, не настолько ясныя и опредѣленныя, чтобъ не дать возможности къ массѣ гипотезъ и теорій, но и не настолько неясныя и неопредѣленныя, чтобъ запутать изслѣдователей и заставить ихъ признать неразрѣшимость вопроса.

Германскій король, возсоздатель Римской имперіи (создатель „*Imperium*“), коронуется *папой*—эти три элемента дали матеріаль для безконечнаго множества комбинацій, при чемъ чаще всего въ изложеніи перевѣшивалъ одинъ какой-либо изъ этихъ элементовъ, нерѣдко подъ вліяніемъ національныхъ симпатій, религиозныхъ убѣжденій, научныхъ

---

¹⁾ „Этюды“ возникли въ связи съ занятіями въ семинаріи (осень 1901 г.) проф. П. Г. Виноградова.

привычекъ или стремленія къ новаторству и вящей оригинальности. — Съ другой стороны, при анализѣ не расчленяли, насколько возможно, отдѣльныхъ вопросовъ, а обыкновенно смѣшивали ихъ воедино, и съ особой любовью, на примѣръ, останавливались на томъ центральномъ какъ бы моментѣ, когда всѣ эти три элемента фактически пришли въ тѣснѣйшее соприкосновеніе — на коронаціи. Карлъ Великій и событіе 800 г. — понятія нераздѣлимые: съ точки зрѣнія 800 г. разсматривается вся предыдущая дѣятельность Карла, Карлъ-король ступенчается или, вѣрнѣе, всегда сливается съ Карломъ-императоромъ, поучительныя черты предыдущаго „*regnum*“ исчезаютъ предъ послѣдующимъ „*imperium*“, и неразъ поэтому вспоминается совѣтъ Амедея Тьерри — смотрѣть не съ высотъ Капитолія, а изъ каждаго маленькаго городка Галліи.

Другой особенностью исторіографіи даннаго вопроса является характерное отсутствіе единодушія, хотя бы въ оцѣнкѣ крупнѣйшихъ явленій; множественность, разнородность и противоположность взглядовъ и оцѣнокъ одинаково царятъ и относительно капитальнѣйшихъ явленій и относительно мельчайшихъ деталей.

Всѣ эти наблюденія показываютъ, что исторія этого времени находится еще „*im Werden*“, и что рѣшенію вопроса должна предшествовать еще детальная подготовка, детальнѣй, кропотливый пересмотръ не только матеріала, но и отношенія къ этому матеріалу, отношенія, которое нерѣдко грѣшило и крайней традиціонностью и крайней субъективностью.

Но и въ самомъ матеріалѣ по этой эпохѣ есть тоже своего рода особенность: матеріалъ этотъ сравнительно обилителенъ, но онъ — обрывоченъ: онъ весь состоитъ изъ массы отдѣльныхъ, разрозненныхъ фактовъ, болѣе же или менѣе крупнаго комплекса фактовъ мы, какъ будто, не находимъ; въ цѣломъ, матеріалъ очень внушительенъ, но стоитъ только заняться изученіемъ какого-либо отдѣльнаго вопроса, какъ эта кажущаяся цѣлость и компактность сейчасъ же исчезаютъ, и изслѣдователь остается лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ извѣстій, которыя даютъ только *отрывки* фактовъ. Нѣтъ, какъ будто, ни одного крупнаго конкретнаго фактическаго примѣра, вокругъ котораго можно было сгруппировать рядъ остальныхъ извѣстій, исходя изъ тщательнаго изученія котораго можно было получить опредѣленные данныя для изученія и оцѣнки другихъ, сходныхъ или современныхъ явленій.

Этой отрывочностью и несистематичностью самого матеріала, быть

можетъ, и объясняется одна особенность въ общей оцѣнкѣ дѣятельности Карла: одни изслѣдователи, какъ, напр., Гизо ¹⁾ или Гизебрехтъ ²⁾, не видятъ никакой послѣдовательности и систематичности въ дѣйствіяхъ Карла, другіе, какъ, напримѣръ, Ранке, во всемъ видятъ „крайнюю послѣдовательность“ ³⁾, третьи, какъ, напр., Гаукъ, находятъ ее „только въ извѣстныхъ случаяхъ“ ⁴⁾.

Но крайняя отрывочность матеріала повліяла не только на общую оцѣнку дѣятельности Карла, но и вообще на самую разработку всей эпохи. Матеріалъ оказывался слишкомъ глубокимъ, безкостнымъ, такъ сказать, слишкомъ легко поддающимся самой разнообразной и даже противоположной интерпретаціи. Въ результатъ и гипотетическіе и конкретные факты получали какъ бы одинаковое право на существованіе, такъ какъ ихъ дѣйствительной цѣнности, за отсутствіемъ объективной мѣрки, одинаково нельзя было проверить.

Первымъ шагомъ для успѣшной дальнѣйшей работы должно быть поэтому нахожденіе какъ можно большаго количества *крупныхъ конкретныхъ* фактовъ, могущихъ дать твердый базисъ и для общихъ заключеній и для микроанализа.

Данная статья и представляетъ изъ себя попытку указать, разобратъ и объяснить одинъ изъ такихъ конкретныхъ фактовъ, который и можетъ послужить, какъ мнѣ кажется, исходнымъ пунктомъ для болѣе точнаго опредѣленія и менѣе произвольной оцѣнки цѣлаго ряда явленій эпохи Карла.

I.

Опросъ 810—811 г.

Въ 810—811 г. Карлъ устраиваетъ своеобразный опросъ по поводу обряда крещенія. Обращается онъ къ высшему духовенству, и оно немедленно отвѣчаетъ. Но Карлъ остается недоволенъ отвѣтами, такъ какъ самый центральный, по его мнѣнію, пунктъ, а именно обрядъ отреченія отъ дьявола, затронутъ слишкомъ мало, слишкомъ экстенсивно. Отреченіе же отъ дьявола Карлъ потому считаетъ самымъ существеннымъ пунктомъ, что это отреченіе въ его глазахъ имѣетъ рѣшающее значеніе не только для дальнѣйшей личной и внутренней, духовно-

¹⁾ Guizot. „Cours de l'histoire moderne“. 20-e leçon, passim.

²⁾ Giesebrecht. „Kaiserzeit“, I. pp. 126 sq.

³⁾ Ranke, Weltgesch. V. 2 p. 214... alles war bei Karl... Folgerichtigkeit.

⁴⁾ Hauck. „Kirchengesch. Deutschlands“. II, p. 306, ср. еще pp. 248, 249.

нравственной жизни отречающагося, но и для его гражданской жизни. Вслѣдствіе отреченія отъ дьявола человѣкъ обязуется быть не только добрымъ христіаниномъ, но и исправнымъ и послушнымъ подданнымъ, такъ какъ всякое отклоненіе отъ нормы, всякое непослушаніе или сопротивленіе властямъ, Богомъ установленнымъ, есть уже клятвопреступленіе, есть капитуляція дьяволу, возвращеніе подъ его власть. Крещеніе такимъ образомъ, въ глазахъ Карла, кромѣ религіознаго значенія имѣетъ еще капитальное *политическое* значеніе.

Ясно на первый взглядъ, какое громадное значеніе можетъ имѣть установленіе и затѣмъ разработка подобнаго капитальнаго факта: болѣе яркое освѣщеніе получаютъ не только столь непонятныя на первый взглядъ часто повторяющіяся „клятвы“, не только такой крупный фактъ, какъ обязательное крещеніе покоренныхъ, но и вообще Опросъ 810—811 г. и критика отвѣтовъ Карломъ указываютъ на тѣснѣйшую связь религіозныхъ и политическихъ идей, что, въ свою очередь, объясняетъ многое, о чемъ при другой постановкѣ можно было только догадываться. — Къ тому же фактъ этотъ не производный, а первичный, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ лѣтописной или иной какой-либо передачей, а съ *собственными* словами и мыслями самого Карла, мыслями, притомъ, выраженными имъ въ *концѣ* его жизни, т. е. являющимися для Карла, такъ сказать, послѣдними, рѣшающими словами.

О значеніи подобнаго конкретнаго факта, мнѣ кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній, и все остальное зависитъ только отъ осмысленности и постепенности въ объясненіи, отъ сдержки предъ увлеченіемъ необоснованными выводами и предъ стремленіемъ изъ одного факта объяснить не болѣе не менѣе какъ все.

Опросъ 810—811 г. въ обычной исторіографіи.

Опросу 810 — 811 г. не повезло въ научной литературѣ: многія детальныя работы, отмѣчающія великое множество болѣе мелкихъ и менѣе важныхъ фактовъ, совершенно не упоминаютъ о немъ; другія, правда, говорятъ объ Опросѣ (хотя и очень кратко), но нигдѣ нѣтъ указанія на основную его мысль, а, стало быть, остается невыясненнымъ и все его значеніе.

Историки средневѣковой латинской литературы, Вэръ ¹⁾ и его

¹⁾ Bähr, „Gesch. der Römischen Litteratur“ III Supplem.-Band. 1810 pp. 334, 360, 361.

послѣдователь и противникъ Эбертъ ¹⁾, только вскользь перечисляютъ отвѣты архіепископовъ, не находя въ нихъ, разумѣется, никакого литературнаго значенія. Зато странно встрѣтить такую же невнимательность и у церковныхъ историковъ. Гефеле въ небольшомъ примѣчаніи указываетъ только на фактъ разности отвѣтовъ, при чемъ, кстати сказать, почему-то приурочиваетъ Опрось къ 800 г. ²⁾, Гауэ же упоминаетъ объ отвѣтахъ только для подкрѣпленія своей мысли о „преклоненіи предъ всѣмъ римскимъ“, въ данномъ случаѣ предъ „римскимъ“ обрядомъ крещенія ³⁾.

Особое положеніе занимаютъ Вернеръ и Данъ. Вернеръ, любитель авторизованныхъ переводовъ въ цѣлую страничку, переводитъ одинъ изъ епископскихъ отвѣтовъ ⁴⁾, при чемъ весь Опрось приводитъ въ тѣсную связь съ однимъ изъ писемъ Алкуина, гдѣ также вкратцѣ говорится объ обрядѣ крещенія ⁵⁾. Выходитъ, какъ-будто Алкуинъ вмѣстѣ и одновременно писалъ съ остальными „епископами“ ⁶⁾, что въ виду смерти Алкуина въ 804 г., очевидно, невозможно. Даже и тогда, если допустить, чего самъ Вернеръ нигдѣ не оговариваетъ, что онъ примыкаетъ къ датировкѣ Гефеле (т. е. 800 г.), связь и одновременность письма Алкуина съ другими отвѣтами по поводу крещенія подлечь большому сомнѣнію, такъ какъ упомянутое его письмо, во-первыхъ, относится къ 798 г., а, во-вторыхъ, написано по *собственной* инициативѣ, для поученія монаховъ Готія ⁷⁾.—Очень близко къ Вернеру подходитъ Данъ. Перечисливъ дошедшіе до насъ отвѣты, Данъ указываетъ, между прочимъ, что весь этотъ вопросъ доказываетъ „трогательное попеченіе старца-государя о церкви“, его неустанныя и неуспѣшныя заботы и т. п. ⁸⁾, т. е. Данъ наряду съ другими ви-

¹⁾ Ebert, „Gesch. der Litteratur des M.-A.“ II (1880). p. 73.

²⁾ Hefele, „Conciliengesch.“ III (1877) p. 760 N. 2. Als Carl d. Gr. im J. 800 die gallischen Bischöfe fragte: „Was ist Scrutinium“, erfolgten verschiedene Antworten.

³⁾ Hauck, „Kirchengesch. Deutschlands“ II (1890) p. 107.

⁴⁾ Werner, „Alcuin und sein Jahrhundert“. 1881 pp. 231—233 (письмо еп. Jesse Амьенскаго); относительно этого „отвѣта“ см. н. стр. 129.

⁵⁾ Werner, p. 230. „Über die Bedeutung und den Zweck der Taufceremonie liegen aus der Zeit Karls des Grossen mehrere durch ihn veranlasste Schriften von Magnus, Theodulf... Jesse von Amiens, Leidrad und Amalarius vor; Alcuin giebt eine kurzgefasste Erklärung derselben“...

⁶⁾ Отвѣчал только архіепископы см. н. стр. 120, пр. 4.

⁷⁾ Письмо у Jaffé VI, ep. 93. Дубликатъ этого письма Jaffé VI, ep. 261. Самъ Вернеръ pp. 230, 231 даетъ, правда неточный, переводъ ep. 93.

⁸⁾ Dahn, „Urhgesch. der germ. und roman. Völker“ III, p. 1155... rührend ist

дять въ этомъ исключительно церковный вопросъ. Связь Опроста Карла съ письмомъ Алкуина для Дана является „несомнѣнной“ (хотя причина и „необъяснима“) ¹⁾, но онъ, по крайней, мѣрѣ не впадаетъ въ грубую ошибку Вернера, ясно сознаетъ хронологическую разность между письмомъ Алкуина и Опросомъ.

Мюльбахеръ въ своей популярно написанной Исторіи ²⁾, получающей, впрочемъ, особый интересъ вслѣдствіе авторитетности автора по изданію документовъ этой эпохи, только констатируетъ фактъ опроса, не входя ни въ какія детали, но такъ же, какъ и Дагъ, склоненъ видѣть въ этомъ особую предилекцію Карла къ чисто церковнымъ вопросамъ ³⁾.

Дважды, наконецъ, упоминаетъ Кеттереръ объ этомъ Опросѣ ⁴⁾, но и въ этомъ краткомъ экскурсѣ цѣликомъ проявляются характерныя отрицательныя особенности его книги ⁵⁾—болѣе чѣмъ поверхностное знакомство съ источниками ⁶⁾ и необъяснимыя противо-

es, wie der greise Herrscher... sich nie genugthut in der Erfüllung seiner Pflicht zumal gegen die Kirche...

¹⁾ Дагъ р. 1155 N. 1. Der Zusammenhang mit den Fragen bei Alkuin... ist klar: aber aus welchem Anlass griff Karl (vor 804) zurück? Кстати, указавъ Дана „Jaffé IV, р. 401“ цѣлкомъ, нужно читать—IV pp. 389, 390.

²⁾ Mühlbacher, „Deutsche Gesch. unter den Karolingern“ 1896.

³⁾ Mühlbacher, р. 227.

⁴⁾ Ketterer, „Karl d. Gr. und die Kirche“ (1898) pp. 237, 240—241.

⁵⁾ Несмотря на эти особенности, книга Кеттерера, какъ „новѣйшее“ явленіе, цитируется довольно охотно. Напримѣръ, Lindner „Weltgesch.“ I, (1900), указывающій съ большимъ выборомъ только надежнѣйшія пособія, въ числѣ ихъ помѣщаетъ (I, р. 462) и книгу Кеттерера, которая, къ слову, отразилась и на его изложеніи.

⁶⁾ Типична для Кеттерера, напримѣръ, стр. 89 его книги. Кромѣ ряда невѣрныхъ цитатъ („Car. Aquisgr. 802“ вмѣсто „Car. miss. gen. 802, „Car. miss. 806“ вмѣсто „Car. a missis ad comit. directa 801—813), тутъ находится еще слѣдующая любопытная тирада, разборъ которой можетъ показать и неумѣстную, для исследователя, пылкость фантазіи Кеттерера, и недонустимое незнакомство съ текстуальнымъ содержаніемъ привлекаемаго памятника. „In herrlichen Worten, in denen wir einen scheidenden Missionär im Kreise seiner Neubekehrten, denn einen ruhmgekrönten Kaiser zu vernehmen meinen, liess er, vermutlich auf dem Märzfelde zu Aachen i. J. 802, als die Blüthe der fränkischen Priesterschaft sich versammelt hatte, alle ermahnen... Идется въ виду „Ammonitio missi cuiusd.“ (Boretius I. pp. 239, 240).—Подробности въ передачѣ Кеттерера отчасти вымышленны, отчасти противорѣчатъ другъ другу, отчасти противорѣчатъ тексту. Годъ (802), приводимый Кеттереромъ, хотя и слабо, но все же можетъ быть объясненъ тѣмъ соображеніемъ, что въ одной рукописи (Cod. Paris. 4613 fol. 91) эта Аммон. находится непосредственно послѣ „Car. miss. 802“. (Самъ Кеттереръ, впрочемъ, не указываетъ мотивовъ своей точной датировки). Зато невозможно, чтобы дѣло происходило на „Мартовскомъ полѣ“, да

рѣчя ¹⁾, непонятный дуализмъ въ передачѣ и оцѣнкѣ одного и того же факта.—Въ первомъ случаѣ Кеттереръ говоритъ только про работы двухъ архіепископовъ, Амалярія и Лейдрата, при чемъ высказываетъ предположеніе, что онѣ были пересланы Карлу „для цензурованія“, ибо Карль „вообще цензуровалъ всѣ духовные продукты сво-

еще „въ Ахенѣ“. Говоритъ *missa*. т. е. рѣчь держится въ провинціи, на „*placitum*“ *missa*, въ его „*missaticum*“. Въ Ахенѣ, на Собраніи „увѣщевалъ“ бы самъ Карль.—Непонятно, особенно для „Мартовскаго поля“, опредѣленіе аудиторіи: какъ—„цвѣтъ духовенства“. Разъ говорить уже про „Мартовское поле“, то нужно знать, что тамъ было не одно духовенство.—Но при знакомствѣ съ текстомъ и содержаніемъ этой „*Ammonitio*“ нельзя и думать объ аудиторіи изъ *духовныхъ* лицъ. Дѣйствительно, вся первая часть этой *Ammonitio* есть краткое изложеніе и перечисленіе основныхъ догматовъ вѣры: *Ammonemus vos imprimis, ut credatis in unum Deum omnipotentem Patrem et Filium et Spiritum sanctum. Nunc est unus deus et verus... Credite filium Dei pro salute mundi hominem factum, natum de Spiritu sancto et virgine Maria. Credite quod pro salute nostra mortem passus est.* etc. Вторая же часть состоитъ изъ цѣлаго ряда прописей относительно обязанностей каждаго христіанина: *Diligite Deum omnipotentem... Diligite proximos vestros sicut vos ipsos... Peregrinos suscipite in domos vestras... Dimittite vobis invicem debita vestra... etc.*—Наврядъ ли возможно допустить, чтобы такъ „увѣщевалъ“ *духовенство*, да еще „цвѣтъ духовенства“, вѣрнѣе уже риторическое сравненіе Кеттерера, что это было (не только „похоже было“) — „eine Rede zu *Neubekehrten*“.

Болѣе чѣмъ странное отношеніе Кеттерера къ матеріалу иллюстрируютъ и слѣдующіе случаи. На стр. 95 Кеттереръ, напрямѣръ, пространно разсуждаетъ о томъ, что Карлу „казалось“ (? „*schien ihm*“), и въ подтвержденіе приводитъ выписку изъ—Нарингскаго своода 825 г.! (иногда схожее р. 133); или (р. 128) на ряду съ мѣстами изъ писемъ Аякунна о совнаніи Карломъ всей важности повсемѣстной государственной охраны христіанства приводится фактъ—895 г.! То же см. р. 135 и т. д.

¹⁾ Противорѣчіе лежитъ уже въ основаніи всей книги Кеттерера, такъ какъ она распадается на двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга части, гдѣ съ одинаковымъ успѣхомъ трактуется п „*die Allgewalt*“ папы (особ. pp. 75 sq.) и *die Allgewalt* Карла (особ. pp. 177 sq.). Удобной такой схоластически-двусторонняя обработка одной и той же темы оказалась только тамъ, гдѣ Кеттереру не нужно было реанимировать своихъ наблюденій; въ противномъ же случаѣ ему пришлось прибѣгнуть къ массѣ компромиссовъ, къ ряду „*aber*“, „*dennoch*“, „*natürlich*“, которыми наполнены страницы его книги. — Непобѣдимымъ же слѣдствіемъ всѣхъ этихъ плохо скомпилированныхъ и плохо скрытыхъ компромиссовъ является масса странныхъ, бьющихъ въ глаза противорѣчій въ словахъ и выводахъ самого же Кеттерера. Достаточно отмѣтить нѣсколько случаевъ. Припертый, подобно гетевскому *Zauberlehrling*, къ стѣнѣ силой собственноручно питая, Кеттереръ признаетъ, наконецъ, въ Карлѣ „*папу*“ (р. 116: *Karl war sozusagen Papst geworden; послѣдующее — „aber ohne den rechtmässigen Papst zu verdrängen“*—не подтверждено ни одной смысломъ), хотя онъ все время и подчеркивалъ неослабѣвавшій авторитетъ папы въ франкскихъ земляхъ, а ранѣе убѣдительно доказывалъ невозможность сосуществованія ни двухъ папъ, ни двухъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ непременно явится „узурпаторомъ“ (pp. 6, 7).—Или,

его времени" ¹⁾. Такимъ образомъ Кеттереръ какъ будто не знаетъ о множественности отвѣтовъ, а, главное, совершенно игнорируетъ ясное, документально намъ извѣстное *новеллнне црлюму ряду архіепископовъ прислать ему объясненіе обряда крещенія*.—Зато въ другомъ мѣстѣ, всего черезъ нѣсколько страницъ, Кеттереръ говоритъ уже совсѣмъ другое: Карлъ де посылаетъ всѣмъ (?) архіепископамъ своего государства извѣстные вопросы объ обрядѣ крещенія, *црлюый рядъ отвѣтовъ* дошелъ до насъ ²⁾. Отвѣтъ Лейдрата возбудилъ критику Карла, такъ какъ онъ „мало коснулся самаго существеннаго пункта“, какаго—Кеттереръ не указываетъ ³⁾.

Такимъ образомъ Кеттереръ какъ бы очень близко подходитъ къ самому интересному моменту, къ вопросу о наиболѣе существенномъ пунктѣ всего Опроста, хотя въ силу какихъ-то непонятныхъ, на первый взглядъ, соображеній и не указываетъ, *въ чемъ* этотъ „существенный пунктъ“ заключался. Но дѣло объясняется довольно просто: Кеттереръ, по своему обыкновенію, и въ данномъ случаѣ пишетъ не на основаніи собственныхъ изысканій, а слѣдуя пособіямъ, въ данномъ случаѣ—Симсону.

У Симсона, кромѣ исчерпывающаго перечисленія относящагося къ опросту матеріала ⁴⁾, мы находимъ *буквально* то же самое, что и у Кеттерера, при чемъ послѣдній, *выписывая* изъ Симсона ⁵⁾, только

напримѣръ, защищая любимое свое положеніе о суверенитетѣ духовной власти надъ свѣтской, Кеттереръ приводитъ въ подтвержденіе мѣсто изъ *англійскихъ писемъ* Алкуина (р. 132; впрочемъ, самъ Кеттереръ не указываетъ, что это *англійское* письмо), несмотря на то, что онъ самъ *не разъ* (рр. 131, 178) указываетъ на великую разницу во взглядахъ, проводимыхъ Алкуиномъ въ его англійскихъ письмахъ или же письмахъ франкскихъ.

¹⁾ Ketterer, p. 237, „der Kaiser übte Zensur über alle geistigen Produkte seiner Zeit.

²⁾ Ketterer, p. 240: *Bekannt* ist ferner, wie Karl den Erzbischöfen seines *gesammten* Reiches eine Reihe bestimmter Fragen vorlegte. Es sind davon *mehrere* Schriftstücke auf uns gekommen, mit denen die Bischöfe *dem Wunsche* des Kaisers nachkamen.

³⁾ Ketterer, p. 241.

⁴⁾ Simson, „Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl d. Gr.“ II pp. 494—497.

⁵⁾ Что это действительно *выписываніе*, доказываютъ слѣдующія сопоставленія, гдѣ только *отступленія* Кеттерера отъ текста Симсона будутъ подчеркнуты.

Simson, II, p. 497: Leidrad erntete zwar auch seine Anerkennung, war ihm aber zu wenig auf den wichtigsten Punkt — *die Absage des Teufels und der Teufelwerke* — eingegangen, so dass dieser sich veranlasst fand dem Kaiser noch ein besonderes Werkchen hierüber zu übersenden.

счелъ себя въ правѣ выпустить второстепенное якобы (оно у Симсона находится *in parentheses*) объясненіе Симсона, въ чемъ состоятъ этотъ „наиболѣе существенный пунктъ“.

Впрочемъ, я Симсонъ, несмотря на самую кропотливую точность въ сводкѣ всего относящагося къ Опросу матеріала, все же не понималъ глубокаго значенія вопроса Карла и весь Опросъ ставилъ въ тѣснѣйшую связь съ церковно-реформаторскими дѣйствіями Карла ¹⁾.

Вотъ всѣ упоминанія въ литературѣ объ Опросѣ 810 — 811 г. Никто не счелъ пужнымъ остановиться на этомъ фактѣ, несмотря на то, что документально онъ обставленъ много лучше, чѣмъ всѣ остальные факты. Всѣ изслѣдователи скользяли по вопросу, сочли его слишкомъ специальнымъ, узко-обрядовымъ разъясненіемъ. Никто не понималъ ни центра тяжести, ни, стало быть, и органической его связи съ общими воззрѣніями Карла и его эпохи. Никто, наконецъ, не указалъ полностью *всего* матеріала, относящагося къ этому вопросу, такъ какъ никто не отмѣтилъ тѣсной связи между опросомъ Карла и двумя „капитуляріями“, относящимися какъ разъ къ этому времени ²⁾.

Ketterer pp. 240, 241: *Leidrad von Lyon erntete zwar auch die Anerkennung seines hohen Herrn, aber bezeichnend ist für die ganze Stellung des letzteren dass der Bischof zu wenig auf den wichtigsten Punkt der ganzen Frage eingegangen war, weshalb dieser veranlasst wurde, noch ein eigenes Werkchen hierfür an den Hof zu übersenden.*

Характерна и слѣдующая выписка: Simson I, p. 121: *Mit Unrecht würde man fragen, was für Karl nur Mittel, was Zweck war, ob ihm das Christenthum nur ein Werkzeug sein sollte zur Durchführung der Eroberung, oder umgekehrt. Weder das eine noch das andere wäre zutreffend, sondern Karl erstrebte beides, die Eroberung und die Bekehrung, als gleich hohe Ziele seiner Politik; das eine bedingte das andere, eines ohne das andere zu vollführen war gar nicht möglich.*

Ketterer p. 220: *Mit Unrecht würde man darum fragen, was für Karl bei seinen langen, mit unsäglichen Opfern verbundenen Eroberungskriegen nur Mittel, was ihm Zweck war, ob ihm das Christenthum nur Werkzeug sein sollte zur Durchführung der Unterwerfung oder umgekehrt. Weder das eine noch das andere wäre zutreffend; denn Karl erstrebte beides, die Eroberung und Bekehrung waren gleich hohe Ziele seiner Politik wie seiner innersten religiösen Überzeugung. Das eine bedingte aber auch notwendig das andere.*

Дискрепанція текста Кеттерера, какъ видно, не содержитъ въ себѣ ничего существеннаго. Любопытно также, что въ обоихъ случаяхъ есть ссылки на нѣсколько другихъ изслѣдователей, но нѣтъ ссылки на Симсона.

¹⁾ Simson II, p. 494.

²⁾ Правда, у Simson'a II p. 494 N. 6 есть указаніе на оба „капитулярія“, и также на то, что они преслѣдуютъ ту же мысль, что Опросъ Карла. Но, во-первыхъ,

Матеріалъ, относящійся къ Опросу 810 — 811 г. Два „капитулярія“.

Прежде всего до насъ дошли два совершенно одинаковыя посланія Карла ¹⁾ къ архіепископамъ Одильберту Миланскому и Амалярію Трирскому, гдѣ онъ имъ повелѣваетъ изложить то, что они и ихъ суфраганы думаютъ о крещеніи, и „какъ они по этому поводу поучаютъ народъ“ ²⁾. Посланіе содержитъ цѣлый рядъ вопросовъ, точно обозначенныхъ темъ, на которые Карлъ требуетъ отвѣта ³⁾. — Но, кромѣ того, мы косвеннымъ образомъ можемъ заключить, что подобныя же посланія были отправлены и слѣдующимъ лицамъ: архіепископамъ Лейдраду Лионскому ⁴⁾ и Магну Санскому ⁵⁾, патриарху Максенцію Аквилейскому ⁶⁾.

Отъѣтовъ сохранилось нѣсколько: Одильберта ⁷⁾, Амалярія ⁸⁾, Лейдрада ⁹⁾, Магна ¹⁰⁾ и Максенція ¹¹⁾.

не указана непосредственная связь между этими „капитуляріями“ и Опросомъ, а вторыхъ, основной мыслью и „капитуляріемъ“ и Опроса лѣтвѣрно считается улучшеніе духовно-нравственнаго состоянія одного только клира.

¹⁾ Jaffé IV, pp. 31, 32 (pp. 401—403).

²⁾ Qualiter tu et suffraganei tui doceatis et instruatis sacerdote. Dei et plebem vobis commissam de baptismi sacramento. Jaffé IV, pp. 401, 403.

³⁾ Cur primo infans catecuminus efficitur, vel quid sit catecuminus. Deinde per ordinem omnia, quae aguntur. De scrutinio.... de symbolo... de credulitate.... de abrenunciacione satane.... cur insufflatur vel cur exorzizatur и т. д. Jaffé IV, pp. 401—403.

⁴⁾ Видно изъ отменна Лейдрада (Jaffé IV, p. 410), гдѣ онъ, упоминая о повелѣніи Карла, буквально повторяетъ все вступленіе посланія Карла, какъ мы его находимъ въ дошедшихъ до насъ двухъ экземплярахъ.

⁵⁾ Однимъ изъ суфрагановъ Магна, извѣстный епископъ-поэтъ Теодульфъ, отвѣчая на предложеніе Магна написать объясненіе къ обряду крещенія, пишетъ: (Jaffé IV, p. 413) *praesepisti mihi... ut quibusdam quaestionibus de ordine baptismi a domino.... Carolo tibi transmissis breviter et cito responderem....*

⁶⁾ Максенцій въ своемъ отвѣтѣ (Рex „Thesaur. anecdot.“ II, 2 col. 8) тоже повторяетъ фразы изъ посланія Карла.

⁷⁾ Неполно у Jaffé IV, pp. 403 — 406; болѣе полно у Mabillon „Vetera Anallecta“ ed. 1723 г. pp. 77 sq.

⁸⁾ Jaffé IV, pp. 406—409. Въ этомъ отвѣтѣ упоминаютъ еще Петра, аббата Нонантулы, въ письмѣ къ Амалярію (Jaffé IV, p. 423) и самъ Амалярій въ отвѣтномъ письмѣ Петру (Jaffé IV, p. 425).

⁹⁾ Jaffé IV, pp. 410, 411—неполно. Полностью Mabillon „Vet. Anal.“ pp. 78—84.

¹⁰⁾ Jaffé IV, pp. 414—415; только одно вступленіе.

¹¹⁾ Рex „Thesaur. anecdot.“ II, 2 coll. 8 sq.

Вотъ обычный перечень матеріала, который мы съ наибольшей полнотью находимъ у Симсона и съ меньшей полнотью и у другихъ изслѣдователей. Кромѣ того упоминается большею частью еще отдѣльное небольшое сочиненіе Лейдрата объ отреченіи отъ дьявола ¹⁾, письмо Карла съ похвалой Амалярію, и, очень неудачно, какъ мы видѣли ²⁾, письмо (вѣрнѣе, два тождественныхъ письма) Алкуина, наконецъ, тоже неудачно ³⁾, окружное посланіе епископа Jesse къ священникамъ своей епархіи.

Всѣ эти источники не подверглись достаточному анализу, ихъ не расчленили во времени, не объяснили однородности или разнородности ихъ причины. Невыясненнымъ поэтому осталось, почему Карлъ хвалитъ одного Амалярія и порицаетъ одного Лейдрата, такъ что послѣдній пишетъ еще спеціальное сочиненіе объ отреченіи. — Причина невыясненности вопроса та, что изслѣдователи не привлекли въ видѣ дополнительнаго матеріала двухъ „капитуляріевъ“ того же времени. При привлеченіи ихъ оказывается, что вопросы Карла и отвѣты архіепископовъ происходили далеко не такъ просто, что все это дѣло не окончилось однократнымъ опросомъ и однократными же отвѣтами, что Карлъ придавъ этому вопросу капитальное принципиальное значеніе и занимался имъ въ теченіе долгаго времени.

Но прежде, чѣмъ представить всѣ перипетіи вопроса объ обрядѣ крещенія, необходимо доказать тѣсную связь между Опросомъ и упомянутыми выше двумя „капитуляріями“.

Прежде всего нужно отмѣтить, что „капитуляріи“ эти вовсе не капитуляріи ⁴⁾ въ обычномъ смыслѣ, а конспекты самого Карла для предстоящей рѣчи или для постановки ряда вопросовъ собраніямся ⁵⁾.

¹⁾ См. ниже, стр. 125.

²⁾ См. выше, стр. 106, 107.

³⁾ См. ниже, стр. 129.

⁴⁾ Невѣрно поэтому употребленіе термина „capitulaire“ у Фюстель-де Куланжа. VI р. 463 N. 1, р. 533 N. 2.

⁵⁾ „Conspicuum“ называетъ ихъ Бореніи (I, pp. 161, 162), „Notizen“—Hauck II, р. 198.

Въ спеціальной работѣ Зеллера (Seeliger, „Die Kapitularien der Karolinger“ 1893), написанной для коррективрованія Боренія, въ большомъ отдѣлѣ относительно „Capitula quasi causa memorie scripta“ (pp. 59 sq.) не упомянуто объ интересую-

Два „канитулярія“.

Въ виду чрезвычайной важности этихъ обоихъ Конспектовъ для Опроста 810—811 г. ихъ приходится разобрать нѣсколько детальнѣе, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ.—Нельзя, напримѣръ, удовлетвориться общимъ замѣчаніемъ Боредія, что оба Конспекта настолько схожи и по содержанію и даже по формѣ, что „не могутъ относиться къ одному и тому же placitum“¹⁾. Сходство по формѣ, по выраженіямъ, не такъ ужъ велико и безусловно, какъ предполагаетъ Боредій. Въ обоихъ Конспектахъ, дѣйствительно, находится рядъ почти буквально схожихъ мѣстъ, но какъ разъ эти мѣста и показываютъ существенную разницу между обими Конспектами. Разницу эту можно кратко формулировать такъ: оба Конспекта написаны для разныхъ аудиторій, что достаточно ясно отразилось не только въ тонѣ²⁾, но и въ ихъ содержаніи. Конспектъ I имѣетъ явную обще-государственную окраску, Конспектъ II составленъ спеціально для обращенія къ духовенству³⁾, и въ виду этого цѣлый рядъ „буквально схожихъ“ мѣстъ получаютъ

щихъ насъ двухъ конспектахъ. Только въ концѣ всей работы, въ резюме (р. 86), Зеллгеръ неожиданно упоминаетъ о нихъ, давая имъ вполне вѣрное (по крайней мѣрѣ относительно втораго конспекта) опредѣленіе — „nur Dispositionen für eine Eröffnungsrede“.

¹⁾ Bor. I, p. 162.

²⁾ Конспектъ I (Boretius I, № 71) короче и сдержаннѣе Конспекта II, который по своей изобличительной силѣ, по рѣзкости тона, не имѣетъ себѣ равныхъ. Быть можетъ, въ виду той-то особенности Конси. II и цитируется такъ охотно въ популярныя сочиненія, напр., Martin „Histoire de France“ II, p. 361, Laviisse et Rambaud I p. 325. Ranka, „Deutsche Gesch.“ I p. 8 etc. Hefele (III, p. 759) цитируетъ невѣрно, на память.

³⁾ Конси. II, (Bor. I, pp. 162, 163).

с. 3: Quaerendum est in primis ecclesiasticis, id est episcopis et abbatibus... с. 4: Interrogare volumus ipsos ecclesiasticos.... с. 5: Iterum inquirendum ab eis., с. 6: Inquirendum etiam si illo (духовное лицо) seculum dimissum habeat... с. 7: Iterum inquirendum, quomodo seculum reliquisset... с. 8: О духовныхъ лицахъ, эксплуатирующихъ религіозное чувство прихожанъ. с. 9: Miramur unde accidisset, ut is qui se confitetur seculum reliquisset... с. 10: Спросить духовныхъ, что значить отреченіе отъ дьявола. с. 11: In quo canonum... constitutum est... с. 12: Важно не количество, а качество духовныхъ лицъ. с. 13: Qua regula monachi virissent.... с. 14: De sanctimonialium conversatione.

совершенно новую окраску ¹⁾ и даже иное значение ²⁾. Но различіе обоихъ Конспектовъ простирается и еще далѣе. Конспектъ I, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, вообще не можетъ считаться „конспектомъ“, т. е. конспектомъ рѣчи, такъ какъ онъ слишкомъ несистематиченъ и слишкомъ разнороденъ. Начинается онъ съ помѣтки относительно устройства собранія, именно раздѣленія его на три камеры ³⁾, кончается же прямымъ обращеніемъ къ духовенству ⁴⁾, между тѣмъ, какъ средняя часть не содержитъ ни ожидаемыхъ нами (по концу) замѣтокъ для рѣчи къ духовенству, ни возможныхъ (по началу)

¹⁾ Борейшъ обьязаетъ, наирямѣрь, Консп. I, с. 5 и Консп. II, с. 2, гдѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится, что духовныя лица не должны „*secularibus negotiis se ingerere*“. Но, несмотря на буквальное сходство этого пассажа, ясно выдѣляется и вся разница. Въ Консп. I, общаго характера, говорится, что духовныя власти (епископы, аббаты) не должны вѣшиваться въ свѣтскія дѣла, въ дѣла и распоряженія графовъ (*interrogandi sunt, in quibus rebus vel locis ecclesiastici laicis aut laici ecclesiasticis ministerium suum impediunt... discutiendum est... in quantum se episcopus aut abbas rebus secularibus debeat inserere vel in quantum comes vel alter laicus in ecclesiastica negotia*); въ Консп. II, специально относящемся только къ духовенству, рѣчь идетъ о томъ, чтобы духовныя лица (епископы, аббаты, монахи) не вѣшивались въ мірскія дѣла (*quaerendum est... ecclesiasticis, id est episcopis et abbatibus, ut illi nobis patefaciant de conversatione sua, qualiter vivere debeant, ... ut scire possimus, in quantum cuilibet ecclesiastico, id est episcopo vel abbate seu monacho, secularibus negotiis se ingerere...*).

Объясненію Консп. I, с. 3 и Консп. с. 5 тоже неудачно, хотя въ обоихъ случаяхъ и говорится про замѣчающееся въ послѣднее время стремленіе округлять свои владѣнія, анекдировать всѣми правдами и неправдами чужое имѣніе. Разница и тутъ ясна. Консп. I говоритъ вообще про сутяжничество, про любовь къ тяжбамъ и не всегда справедливому процессированію; Консп. II прежде всего говоритъ про чисто-спеціальныя способы обогащенія—про эксплуатацію глупости, страха, про злоупотребленія духовнымъ, церковнымъ авторитетомъ (*qui cotidie possessiones suas augere quolibet modo, qualibet arte non cessat, suadendo de coelestis regni beatitudine, comminando de aeterno supplicio inferni, et sub nomine Dei aut cuiuslibet sancti tam divitem quam pauperem, qui simpliciores natura sunt et minus docti atque cautiveniuntur, sic rebus suis expoliant...*).

²⁾ Напр., Консп. I, с. 2, съ общегосударственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія полноты государственной защиты, порицаетъ нерадивое отношеніе церковныхъ магнатовъ къ ратному дѣлу, специально къ поставкѣ военныхъ контингентовъ; специальный же Консп. II, с. 8 порицаетъ тѣхъ же магнатовъ за излишнее увлеченіе этими дѣломъ, несогласное на съ каноническими правилами, на съ ихъ саюмъ.

³⁾ Консп. I с. 1: *In primis separare volumus episcopos, abbates et comites nostros et singulariter illos alloqui.*

⁴⁾ с. 13: *Ista conservetis sicut vobis decet et in vobis confido, piissimi pontifices... Bene valete in Domino.*

замѣтокъ для рѣчи къ какой-либо изъ двухъ другихъ камеръ, а вся состоитъ изъ замѣтокъ, относящихся ко всемъ вообще „людямъ“, безъ всякаго отбѣнка богатыхъ или бѣдныхъ, властныхъ или подвластныхъ, духовныхъ или свѣтскихъ ¹⁾. Отрывочность мыслей, смѣсь общихъ вопросовъ и указаній съ частными ²⁾, быстрая смѣна обращенія то къ опредѣленнымъ лицамъ, то ко всемъ „людямъ“ вообще,— вотъ характерное отличіе этого предполагаемаго „конспекта“, по которому нельзя вообще сказать рѣчи, нельзя было особенно Карлу, любившему даже при самыхъ патетическихъ и рѣзкихъ мѣстахъ (какъ мы это видимъ изъ Консп. II) пользоваться обстоятельно и точно составленнымъ конспектомъ ³⁾, имѣвшему спеціально для литературной обработки своихъ мыслей особыхъ „*pueri*“ ⁴⁾.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ Конспектъ II. Это — конспектъ страстной, пересыпанной сарказмами, но логической и однородной рѣчи, рассчитанной притомъ, какъ мы видѣли, на совершенно опредѣленную аудиторію, на слушателей исключительно духовнаго сословія.

Таково довольно замѣтное различіе обонхъ Конспектовъ. Но въ виду этого различія нельзя оставить безъ вниманія и ихъ *сродства*,

¹⁾ с. 3: Unde illae frequentissimae causationes, in quibus unus alteri (общее: „одинъ человѣкъ у другого“) quaerit, quicquid *parem sinit* („близкій“) viderit possidentem.

с. 4: De eo quod *quilibet* alterius hominem ad se fugientem suscipit. с. 6: Quid sit quod *iniquisque christianus* in baptismo loquitur. с. 7: то же подлежащее. с. 8: Quod *ille* („тотъ“, т.-е. всякій) in Deum non credit, qui praescepta eius impune se contempnere putat. с. 9: Quod *nobis* („намъ всѣмъ“) despiciendum, utrum vere christiani sumus.

²⁾ сс. 2, 5 обращены къ графамъ и епископамъ (аббатамъ), сс. 10 — 12 трактуютъ о жизни епископовъ, канониковъ, монаховъ.

³⁾ Вотъ еще два конспекта Карла. — Бор. I № 40 (pp. 114 sq.), невѣрно названный „*Cap. miss. 803*“. Бореній называлъ его такъ изъ-за общаго его заглавія „*De causis admonendis*“, полагая, что это есть приказъ Карла миссамъ съ точными указаніемъ пунктовъ, относительно которыхъ они, миссы, должны „увищевать“. Но кромѣ другихъ весьма вѣскихъ соображеній (см. Seeliger, Op. с. pp. 69, 70; тамъ же и указанія Вайца), противъ этого, по моему мнѣнію, говоритъ уже с. 27: „*De prudentia et constantia missorum nostrorum*“, что, очевидно, не можетъ служить темой „увищаній“ миссы, за то даетъ превосходную тему самому Карлу при увищаніи миссовъ.—Бор. I № 50 (pp. 138, 139) „*Capitula cum primis conferenda*“ единогласно признается конспектомъ рѣчи Карла.

⁴⁾ Алекунъ Карлу (Jaffé VI p. 459): *Vestra... auctoritas palatinos erudiat pueros, ut elegantissime proferant, quicquid vestri sensus lucidissima dictaverit eloquentia.*

которое, однако, нужно искать не въ „буквально сходныхъ“ выраженіяхъ, а въ общности матеріала, тѣхъ мыслей, которыя одинаково лежатъ въ основаніи *обоихъ* Конспектовъ. Сходство это настолько велико, что его можно объяснить только *одновременностью* *обоихъ* Конспектовъ, при чемъ приходится допустить, что Конспектъ I, общаго характера, *предшествовалъ* Конспекту II, специальному. Дѣйствительно, связь *обоихъ* Конспектовъ является связью общаго положенія, съ частной, относящейся къ этому общему положенію, иллюстраціей, связью общей темы съ специальной разработкой *части* этой общей темы. Поэтому, если нельзя согласиться съ мнѣніемъ Борція и Зеллгера ¹⁾ относительно равносильности *обоихъ* памятниковъ въ качествѣ „конспектовъ *рѣчей*“, то нельзя также примкнуть къ предположенію Гаука ²⁾, что Конспектъ II предшествовалъ I.

Общее резюме, стало быть, таково: „конспектъ“ I не есть конспектъ рѣчи, а рядъ памятныхъ записокъ, изъ которыхъ почему-то ³⁾ не было выработано соответственной общей рѣчи, обращенной ко *всѣмъ* подданнымъ Карла, а только отдѣлана та часть, которая специально относится къ духовенству (= Конспектъ II). Но оба Конспекта одновременно, и притомъ Конспектъ II безусловно относится къ 811 г., какъ это видно изъ упоминанія троекратнаго трехдневнаго поста „въ прошломъ году“ ⁴⁾, который, какъ мы безошибочно можемъ опредѣлять по другому источнику, былъ назначенъ въ 810 г. ⁵⁾

Конспекты и Опрое.

Какова же связь этихъ Конспектовъ съ Опроеомъ 810—811 г.?

Въ *обоихъ* Конспектахъ говорится и про значеніе крещенія и про значеніе отреченія отъ дьявола, которое для Карла, какъ мы уви-

¹⁾ См. выше, стр. 112.

²⁾ *Наиск*, II, pp. 198, 199. Гаукъ передаетъ довольно полно нѣкоторыя мѣста *обоихъ* Конспектовъ („Notizen“), но не мотивируетъ, почему онъ считаетъ Конспектъ II составленнымъ раньше I Конспекта.

³⁾ Можетъ быть, вслѣдствіе серьезной болѣзни Карла. См. ниже, стр. 120.

⁴⁾ Конспектъ II, с. 1 (Vor. I p. 162) *Primo commemorandum est, quod anno praeterito tria tridua ieiunia fecimus...*

⁵⁾ Письмо архіеп. Рикгульфа къ епископу Эгнону (Jaffé IV, pp. 392, 393), въ которомъ онъ его извѣщаетъ о назначеніи Карломъ троекратнаго трехдневнаго поста. Датировка Яффэ (810 г.) на основаніи календарныхъ соображеній, безусловно вѣрна, на что указываетъ и Борціи (I, p. 249): *non immerito Jaffé hanc epistolam anno 810 tribuit... quo anno etiam 5. Idus Decembris incidit in secundam feriam, ut in epistola legitur.*

димъ ниже, является самымъ важнымъ и центральнымъ пунктомъ всего обряда крещенія.

Но и въ данномъ вопросѣ можно уловить довольно замѣтную разницу между извѣстіями обоихъ Конспектовъ. Въ чрезвычайно краткой замѣткѣ Конспекта I Карль намѣревается спросить: какое значеніе имѣютъ для *христианина вообще* обряды крещенія и отреченія (отъ дьявола) ¹⁾. Въ Конспектѣ II Карль какъ бы считаетъ вопросъ о значеніи крещенія для *всѣхъ христіанъ уже выиспаннымъ* до нѣкоторой степени, и съ одной стороны хочетъ его только углубить, точнѣе опредѣлить значеніе *отреченія*, а съ другой стороны примѣнить общій выводъ специально къ духовенству ²⁾. Во всякомъ случаѣ достаточно ясно чувствуется, что Карль относительно обряда отреченія въ связи съ обрядомъ крещенія составилъ себѣ уже вполне опредѣленное представленіе при составленіи Конспекта II, что онъ стоитъ на твердой почвѣ, что онъ какимъ-то образомъ успѣлъ информироваться по этому вопросу.

Стоитъ ли эта информация въ какой-либо связи съ интересующимъ насъ Опросомъ,—вопросъ этотъ, несмотря на всю его анріорную вѣроятность, приходится оставить открытымъ до нахождения болѣе убѣдительныхъ доказательствъ ³⁾.

Важно пока отмѣтить, что оба Конспекта находятся въ тѣсной

¹⁾ Консп. I, с. 6. (Bor. I, p. 161). Quid sit, quod unusquisque christianus in baptismo loquitur, vel quibus abrenunciat.

C. 7. Quae sectando vel neglegendo ipsam suam renunciationem vel abrenunciationem irritam faciat.

²⁾ Консп. II, с. 9. (Bor. I, p. 163). Quid unusquisque Christo in baptismo promittat vel quibus causis abrenunciat; ut, *quamvis unicuique christiano considerandum sit* (итакъ, вопросъ считается уже выиспаннымъ), *specialiter tamen ab ecclesiasticis inquirendum, qui laicis ipsius promissionis et abrenunciationis in sua vita exemplum praebere debent. Hic diligentissime considerandum est et acutissime distinguendum* (см. объясненіе на стр. 123, прим. 1), *quae sectando vel neglegendo unusquisque nostrum ipsam suam promissionem et abrenunciationem vel conservet vel irritam faciat; et quis sit ille Satanas sive adversarius, cuius opera vel pompas in baptismo renunciavimus. Hic autem conspiciendum est, ne perversa unusquisque faciendo illum quislibet nostrum sequatur, cui iamdudum in baptismo renunciavimus.*

Употребившее здѣсь „opera vel pompae“ — выраженіе техническое, котораго нѣтъ въ Консп. I, но которое зато встрѣчается и въ посланіяхъ Карла къ архиепископамъ (de abrenunciatione satanae et omnibus operibus eius atque pompis (Jaffé IV, p. 402, 403) и во всѣхъ отвѣтахъ.

³⁾ См. на стр. 126, 127.

связи съ основной мыслью Карла, лежащей въ основѣ всего Опроса 810—11 г., именно, что отреченіе отъ дьявола имѣетъ не только религиозное, но и политическое, гражданское значеніе, въ виду чего обрядъ отреченія и выдвигается на первый планъ и въ обояхъ Конспектахъ и при Опросѣ. Мысль эта дѣлкомъ принадлежитъ самому Карлу, она его *оригинальная* ¹⁾ мысль, притомъ она совершенно опредѣленно фиксируется (Конспектомъ II) 811 годомъ.

Хронологія и перипетія Опроса.

Приведемъ теперь нѣкоторыя соображенія для опредѣленія хронологія Опроса.

Наиболѣе важнымъ является то обстоятельство, что Карлъ въ своихъ письмахъ къ архіепископамъ ²⁾, передавая о своемъ желаніи узнать отъ нихъ объясненіе обряда крещенія, присовокупляетъ, что онъ желалъ бы лично побесѣдовать съ адресатомъ, но что въ этомъ ему препятствуетъ *болѣзнь* ³⁾.

Является, такимъ образомъ, вопросъ: когда Карлъ Великій, пользовавшійся вообще въ теченіе всей своей жизни такимъ завиднымъ здоровьемъ ⁴⁾, хворалъ настолько сильно, чтобъ не надѣяться на скорое

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. въ стр. 111.

³⁾ Письмо Карла архіеп. Одильберту. *Scipius tecum, immo et cum ceteris collegis tuis, familiare colloquium de utilitate Dei necclesiae habere voluissimus, si absque molestia corporali id efficere potuisset.* Jaffé IV, p. 401; то же и въ дубликатѣ къ архіеп. Амаларію, p. 402.

⁴⁾ Einhard „Vita Karoli“ с. 22 говорятъ о его „*validudo progreга*“ въ теченіе всей его жизни, кромѣ послѣднихъ четырехъ лѣтъ.—Нѣмецкіе критики и въ этомъ безобидномъ и во всякомъ случаѣ вѣрномъ замѣчаніи Эйнгарда подозреваютъ цитату изъ Светонія (Suet. „Claud.“ с. 31 — *valetudine... reperprogreга usus est*). Нужно вообще замѣтить, что „выписываніе“ изъ Светонія, якобы въ ущербъ исторической вѣрности, стало обычнымъ укоромъ Эйнгарду. Критики, особенно нѣмецкіе, доходили до явственности въ текстуальномъ сличеніи обояхъ биографовъ, и иногда серьезные ихъ замѣчанія могутъ вызвать только улыбку. Напримѣръ, къ повѣстію Эйнгарда (с. 23) „*exercebatur assidue equitando*“ приводится въ параллель (!?)—„*peritissimus equitandi*“ (Suet. „Tit.“ с. 3), къ Einh. с. 25: „*erat eloquentiae copiosus*“—Suet. „Aug.“ с. 84 „*eloquentiam... laboriosissime exercuit*“, къ Einh. с. 33: „*testamentum facere instituit*“—Suet. „Aug.“ с. 101: „*testamentum... factum ab eo*.“ Какъ видно, Эйнгардъ говоритъ тутъ о самыхъ обычныхъ вещахъ самымъ обычнымъ образомъ, такъ что ятъ *нричины* искать рабскаго подражанія, да еще *неудачно* приводить мѣста „первоисточника“.

Никто не станеть отрицать, что чтеніе Светонія оказало сильное вліяніе на Эйг-

выздоровление ¹⁾, и поэтому принужденъ былъ отказать себѣ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ конференція съ епископами.

Отвѣтъ мы находимъ у Эйнгарда: „последніе 4 года своей жизни“, т. е. значить приблизительно съ 810 г., „Карлъ хворалъ частыми, сильными приступами лихорадки“ ²⁾. Но въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ можно выдѣлить еще два особо острыхъ періода болѣзни Карла ³⁾. Одинъ изъ нихъ относится къ 813 г., когда Карлъ вслѣдствіе *болѣзни* и старости дѣлаетъ своего сына, Людовика, соправителемъ ⁴⁾. Другой относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, либо къ концу 810 г., либо къ самому началу 811 г., такъ какъ въ тѣсной связи съ этимъ усиленіемъ болѣзни Карла стоитъ, по моему мнѣнію, составленіе извѣстнаго духовнаго завѣщанія ⁵⁾. Можно даже полагать, что кромѣ обычной лихорадки Карлъ въ это время (т. е. начало 811 г.) страдалъ еще сильнымъ ушибомъ вслѣдствіе паденія съ лошади ⁶⁾ при возвращеніи съ дат-

гарда, но это было въ его *полюу* (кромѣ Ebert II, pp. 95, 96. Jaffé IV, p. 501, съ этимъ осторожно соглашается и Wattenbach I, p. 185, 186), выгодно повліяло на архитектовку Біографіи, на внѣшнюю ея форму, но не на содержаніе, не на *достоверность извѣстій*.

Нельзя поэтому въ достаточной мѣрѣ подчеркивать тѣ мѣста, гдѣ Эйнгардъ, заимствуя у Свентонія форму рѣшительно, *расходится въ содержаніи*, Einh. с. 22—Suet. „Tiber.“ с. 68; Einh. с. 23—Suet. „Aug.“ с. 82; Einh. 24—Suet. „Aug.“ с. 73.

¹⁾ А между прочимъ, Карлъ всегда сильно надѣялся на свою здоровую натуру и никогда не относился серьезно къ болѣзнямъ. Einh. V. K. с. 22.

²⁾ Einh. V. K. с. 22: *validitudine prospera, praeter quod antequam decederet per quatuor annos srobto febribus corripiebatur.*

³⁾ Кромѣ, конечно, лихорадки съ летальными исходами для Карла. Einh. V. K. с. 30.

⁴⁾ Einh. V. K. с. 30: *cum iam et morbo et senectute premeretur... Hludoicum... consortem sibi totius regni et imperialis nominis heredem constituit.*

⁵⁾ Духовное завѣщаніе Карла (Einh. V. K. 33) кромѣ обозначенія года не имѣетъ, какъ навѣстно, болѣе точной даты, — мѣсяца или дня. Вслѣдствіе этого въ литературѣ появился цѣлый рядъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ: за болѣе позднее время (июль по октябрю) стоитъ Зиккель, за болѣе раннее время (начало 811 г.) — Мюльбахеръ. Симсонъ сперва примыкалъ (Jahrb. d. Fränk. Reiches unter Ludwig d. Frommen I, p. 15 N. 4.) къ первому мнѣнію, но впоследствии отказался отъ него (Jahrbüch. unter Karl d. Gr. II, pp. 450, 451.) и всталъ въ защиту предположенія Мюльбахера. — Лицо для меня самымъ рѣшающимъ моментомъ при датировкѣ является подвигъ Базельскаго епископа Гейто подъ завѣщаніемъ (Einh. V. K. с. 33). Гейто въ томъ же 811 г., и притомъ въ самомъ началѣ года (какъ видно изъ Авв. Einh., гдѣ его отъѣздъ стоитъ на *первомъ* мѣстѣ, впереди всѣхъ остальныхъ повѣстій этого года) уѣхалъ, какъ извѣстно, послать въ Константинополь.

⁶⁾ Фактъ пространно передаетъ Einh. V. K. с. 32, при чемъ авторъ считаетъ его однимъ изъ „*prodigia*“, возмущившихъ о близкой (?) кончинѣ Карла.

скаго похода въ концѣ сентября или началѣ ноября 810 г. ¹⁾, причемъ ушибъ этотъ былъ настолько силенъ, что Карлъ до конца своей жизни остался хромымъ ²⁾.

Вотъ объ этомъ именно тяжеломъ и затяжномъ періодѣ своей болѣзни и пишетъ Карлъ въ своихъ посланіяхъ къ архіепископамъ.— Посланія эти были отправлены Карломъ, вѣроятно, до ³⁾ его громовой рѣчи къ епископамъ въ 811 г. (= Конспектъ II), такъ какъ отъ всякаго собранія Карлъ по случаю своей болѣзни долженъ былъ отказаться, что и гармонируетъ съ тѣмъ, что у насъ нѣтъ никакихъ извѣстій ни о приватномъ собраніи у Карла, ни о „*placitum*“ въ началѣ 811 г.— Такъ устанавливается съ нѣкоторой вѣроятностью дата посланій Карла къ архіепископамъ, т. е. самый конецъ 810 г. или самое начало 811 г.

Какова же дата отвѣтовъ архіепископовъ? Вопросъ этой чрезвычайно сложенъ и запутанъ, и неудовлетворительное и слышомъ поспѣшное рѣшеніе его было, быть можетъ, главной причиной неразгаданности Опроста 810—11 г.

Прежде всего приходится обратить вниманіе на тотъ важный фактъ, что два участника Опроста, именно Лейдрадъ и Теодульфъ ⁴⁾, присутствуютъ въ Ахенѣ, въ началѣ 811 г., при составленіи и подписи духовнаго завѣщанія Карла ⁵⁾. Является такимъ образомъ во-

¹⁾ Хронологическія соображенія у Simson II, p. 437.

²⁾ Einh. V. K. c. 22: *ad extremum etiam uno pede claudicaret.*

³⁾ Другія, болѣе фактическія соображенія см. ниже, стр. 125 и слѣд.

Зато посланія Карла посланы были послѣ Конспекта I, такъ какъ посланія эти какъ разъ реализуютъ его мысль, высказанную имъ въ концѣ Консп. I. (Vor. I, p. 162) c. 13: *in vobis confido, piissimi pontifices, et in quantum investigare possum vobis mittere seu scribere non dubito*, т. е. „послать за вами или написать вамъ“. Первое, за болѣзнию Карла, оказалось неисполнимымъ, осталось второе (*vobis scribere*), что мы и пѣшемъ въ видѣ посланій Карла къ архіепископамъ о крещеніи.

Такъ, приблизительно, и устанавливается дата (810 г.) Конспекта I.

⁴⁾ Что касается Теодульфа, то его участіе въ Опростѣ нуждается въ нѣкоторой оговоркѣ. Теодульфъ — епископъ, Карлъ же послалъ свои вопросныя посланія только архіепископамъ (Посланія Карла, Jaffé IV, pp. 401, 402: *Nosse volumus, qualiter tu et suffraganei tui doceatis et instruatis...*). Соображая съ этимъ, сохранившимся отвѣтъ Теодульфа былъ имъ отправленъ не Карлу, а своему архіепископу, Магну Савскому, который ему предложилъ написать разсужденіе на тему о крещеніи (Отвѣтъ Теодульфа Магну, Jaffé IV, p. 413: *Praecipisti... mihi... ut quibusdam quaestionibus de ordine baptismi, a domino..... imperatore Carolo tibi transmissis breviter et cito responderem*).

⁵⁾ См. подписи у Einh. V. K. c. 33. Подписываетъ также и Jesse Амьенскій,

прось: послали ли они свои отвѣты до этого пріѣзда въ Ахенъ, или же они ихъ захватили съ собой, или же, наконецъ, отвѣты были ими посланы впоследствии?

По цѣлому ряду вѣскихъ соображеній, какъ мы увидимъ, приходится признать, что отвѣты къ этому времени не были еще ни отправлены, ни даже написаны.

Соображенія эти слѣдующія.—Въ отвѣтѣ Лейдрата, а также въ отвѣтѣ Теодульфа ¹⁾, и только въ изъ отвѣтахъ встрѣчаются особенности, рѣзко отличающія ихъ отвѣты отъ всѣхъ прочихъ отвѣтовъ, притомъ особенности, объяснимыя только изъ пребываніемъ при дворѣ Карла до составленія этихъ отвѣтовъ. Именно, обоимъ ясно то, чего не поняли всѣ остальные корреспонденты: обоимъ извѣстны главная цѣль ²⁾ и главная мысль ³⁾ Карла, его оригинальное толко-

но въ Опросѣ, по крайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ матеріаламъ, онъ не участвуетъ. См. ниже, стр. 129.

¹⁾ Но, повторяю, отвѣтъ не Карлу, а архиепископу Магну.

²⁾ Отвѣтъ Теодульфа Магну (полностью Migne „Patrol.“ CV.) coll. 223, 224: *Quaestiones interea istae, ut ego te nusse certus sum, a regali necessitudine non sunt factae necessitate discendi, sed studio docendi*; [ср. отвѣтъ Лейдрата—Jaffé IV, p. 410—*illi scientiam nostram offerimus, qui magis solet docere quam reprehendere... ut magis quisque ex ea erudiat, quam confundatur*]; nec ut ipse his absolutus de nescitis valeat imbuti, sed ut alii *de somno seditiosi torporis* (поправка Jaffé. IV, p. 414; Минъ пишетъ „desidiosi“) ad rerum absolvendarum utilitatem valeant excitari. *Quippe cui hoc semper familiare est, ut exercent praesules ad sanctarum scripturarum indagacionem, et sanam sobriamque doctrinam, omnem clerum ad disciplinam, philosophos ad rerum divinarum humanarumque cognitionem, monachos ad religionem, omnes generaliter ad sanctitatem, primates ad consilium, iudices ad iustitiam, milites ad armorum experientiam, praelatos ad humilitatem, subditos ad obedienciam, omnes generaliter ad prudentiam....etc..* Итакъ, Теодульфъ знаетъ, что Опросъ предпринятъ для *позученія*, и не только знаетъ это, но даже *уверенъ* въ этомъ.

Во-вторыхъ, несмотря на всю краткость отвѣта Магну, онъ пишетъ длинное разсужденіе объ обычныхъ реформаціонныхъ и дидактическихъ приемахъ Карла, такое длинное и восторженное („*ille virorum optimus*“ и т. п.), какое человѣкъ плещетъ обыкновенно послѣ личнаго свиданія съ выдающеюся личностью, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

³⁾ Отвѣтъ Лейдрата (неполно у Jaffé IV, pp. 410, 411; полностью у Mabillon „Vet. Anal.“, над. 1723 г., pp. 78—84, по которому я и цитирую). Глава III. Тема (согласно съ вопросомъ Карла): De abrenunciacione Satanae, vel quae sint opera eius et pomae. (Mab., p. 80).

„Abrenunciandum est non solum vocibus, sed etiam moribus; non tantum sono linguae, sed et actu vitae“. Дато, опредѣленіе „opera diaboli“: ritus profanus... homicidium, furtum, rapina, fraus, periurium, adulterium, inimicitiae, irae, rixae, dis-

ваніе значенія отреченія отъ дьявола. Свѣдѣнія эти они могли получить только въ Ахенѣ у самого Карла, т. е., въ данномъ случаѣ, во время ихъ присутствія при написаніи завѣщанія. Этими же самымъ фактомъ объясняется и *неполнота* и *приблизительность* ихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Карла, преслѣдуемыхъ имъ при Опросѣ: Карлъ, очевидно, въ это время былъ и сильно боленъ и вообще расположенъ болѣе думать о смерти, чѣмъ о государственныхъ дѣлахъ, и только мимоходомъ коснулся вопросовъ, недавно присланныхъ имъ для разрѣшенія. Вотъ почему Лейдрадъ и Теодульфъ *приближались* къ вѣрному рѣшенію вопросовъ Карла, но все же *не тыщили* ихъ окончательно.

Возможно сдѣлать и еще одно наблюдение: ни Лейдрадъ, ни Теодульфъ, не въ примѣръ прочимъ лицамъ, подписавшимъ завѣщаніе ¹⁾, не остались въ Ахенѣ. Отъѣздъ Лейдрада, во всякомъ случаѣ, — фактъ, такъ какъ свой отвѣтъ о крещеніи онъ *переслалъ* Карлу ²⁾, а также получилъ отъ него *письменную* благодарность за исполненное порученіе ³⁾. Причина отъѣзда Лейдрада легко объясняется не-

sensiones ....etc.—цѣлымъ рядъ проступковъ и преступленій.—Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе „*roturpe diaboli*“ и, между прочимъ, „*ad ambitionem saeculi insana superbia, ubi est fumus inflatus, ut homo positus in aliqua potestate, hominem se esse non agnoscat, cum de homine iudicat*“ (та же мысль и у Теодульфа: „*de somno seditiosi torporis*“, см. прим. предыд.). И у Лейдрада и у Теодульфа упоминаніе о несправедливости властей вслѣдствіе ихъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ и о своемъ положеніи можетъ быть реминисценціей разговоровъ съ Карломъ, такъ какъ послѣдній обратился какъ разъ въ этомъ 811 г. (см. Simson II, p. 470 N. 5.) серьезное вниманіе на это печальное явленіе, издавъ „*Cap de iustitiis faciendis*“.

¹⁾ Напримѣръ, цѣлымъ рядъ графовъ остались, повидямому, въ Ахенѣ, такъ какъ мы ихъ встрѣчаемъ уполномоченными Карла при заключеніи мира съ датчанами весной 811 г. Графы — Вада, Бурхгардъ, Унрукъ, Уодо, Мегингардъ. Ср. Einh. V. K. с. 33 и Ann. Lauriss., Ann. Einh., Ann. Maxim., Regino Chron. ad. a. 811.

²⁾ Отвѣтъ Лейдрада въ формѣ письма. Mabill. „*Vet. Aual.*“, pp. 78 sq. (Jaffé IV, pp. 410 sq.). Амалярій тоже *пересылаетъ* свой отвѣтъ. (Jaffé IV, pp. 406 sq.). Письмо Амалярія къ аббату Петру (Jaffé IV, p. 425): *scedas... missas ad dominum Karolus... a nostra parvitate de scrutinio et baptismo*. Письмо Карла съ благодарностью Амалярію за трудъ (Jaffé IV, pp. 409, 410). Карлъ пишетъ: „*Scripta nobis tua sanctitate directa*“.

³⁾ Лейдрадъ въ своемъ *Трактатѣ* (см. ниже) пишетъ (Jaffé IV, pp. 412). *Vos autem, consueta bonitate auditis responsionibus nostris..... iuxta benignitatem vestram, qua cunctos mortales auteitis, tamquam vobis placitas laudare dignati estis*. Выраженіе „*auditis*“ не должно насъ смущать; оно, напротивъ, показываетъ, что Лейдрадъ получилъ совершенно такое же (не дошедшее до насъ) *благодарствен-*

обходимостью посовѣтоваться со своими епископами, какъ это и было предписано Карломъ ¹⁾, относительно отвѣта о значеніи крещенія.

Что же касается Теодульфа, то и его отвѣздъ изъ Ахена стоитъ въ связи съ Опросомъ и съ предстоящимъ по этому поводу собесѣдованіемъ у архіепископа Магна. Магнъ, пересылая Теодульфу копию съ пришедшихъ къ нему вопросовъ Карла, просилъ его написать отвѣты „какъ можно скорѣе и короче“ ²⁾. Въ отвѣтномъ письмѣ Теодульфъ и высказываетъ опасеніе, что вслѣдствіе этихъ двухъ условій его письмо, пожалуй, не будетъ соответствовать ожиданіямъ Магна, такъ какъ съ одной стороны трудно изложить вкратцѣ столь сложную тему, а съ другой—онъ не успѣлъ въ достаточной мѣрѣ справиться съ литературой вопроса, такъ какъ „нѣкоторыя дѣла“, какъ онъ таинственно пишетъ, помѣшали ему въ этомъ; онъ написалъ поэтому все „наскоро“, то, что ему „кстати припомнилось“ ³⁾. Какія же это были „дѣла“, которыя заставили епископа нерадиво отнестись къ повелѣнію своего архіепископа, тѣмъ болѣе, что за этимъ повелѣніемъ стоялъ безусловный авторитетъ повелѣнія Карла ⁴⁾, и почему такое таинственное упоминаніе о какихъ-то „дѣлахъ“, такое недостаточное и непочтительное даже извиненіе? Очень вѣроятно, что эти „дѣла“ и являются какъ разъ сибшнимъ отвѣздомъ къ умирающему другу своему, Карлу, „дѣла“, о которыхъ Теодульфъ не хочетъ распространяться въ официальной, дѣловой бумагѣ.—Но и пребываніе въ Ахенѣ должно было быть кратковременнымъ, такъ какъ въ иномъ случаѣ нельзя бы было извиниться „невозможностью не-

---

ное письмо отъ Карла, какъ и Амазарій. Карлъ вѣдъ иномъ Амазарію (Jaffé IV, p. 410)... laudes et gratias tibi referimus; maxime quia, cum ipsam *perlegere* in presencia nostra facissemus...

¹⁾ См. выше, стр. 111.

²⁾ „Breviter et cito“ см. выше, стр. 120, прим. 1.

³⁾ Jaffé IV, p. 411. *Quaerquam... mihi spatiosius tractandi et patrum volumina revolventi, quibusdam occupationibus praepeditibus, facultas nulla suppeteret..... (tamen) de singulis, quae mihi occurrere potuerunt, celeri cursu scripsi...*

⁴⁾ Какъ разъ Теодульфъ не могъ, ссылаясь на свою близость къ Карлу, свысока отнестись къ своимъ обязанностямъ и къ повелѣнію Карла, такъ какъ онъ лучше другихъ могъ знать неуловимую объективность Карла при нарушеніи кѣмъ бы то ни было предписанія государя или при превышеніи кѣмъ-либо своей власти. Вѣдъ нелицеприятное сужденіе Карла особенно ярко выразилось въ известномъ проносеѣ (документы у Jaffé IV, ерр. 180—184) Теодульфа съ Алкуиномъ, гдѣ Карлъ, увидѣвъ ослушаніе и превышеніе власти со стороны Алкуина, не пощадилъ даже этого самаго близкаго друга своего и учителя.

решотра относящейся къ вопросу литературы": въѣдъ въ Ахенѣ въ то время была богатѣйшая библіотека на Западѣ, и, оставаясь Теодульфъ тамъ долгое время, онъ бы могъ сдѣлать всѣ надлежащія справки. Могъ онъ эти справки, наконецъ, сдѣлать и у себя дома, такъ какъ трудно предположить, чтобъ у одного изъ самыхъ видныхъ ¹⁾ членовъ Карловской „Академіи“ не было достаточной спеціальной библіотеки. Но самъ Теодульфъ заявляетъ, что онъ не сдѣлалъ надлежащихъ справокъ: очевидно, онъ и въ Ахенѣ пробылъ не долго и у себя дома не имѣлъ достаточно времени, такъ какъ онъ массу времени потратилъ на переѣзды въ Ахенъ и обратно, работа же должна была быть „спѣшно“ ²⁾ сдана.

Такъ объясняются пребываніемъ въ Ахенѣ нѣкоторыя отличительныя особенности работъ Лейдрата и Теодульфа, а кромѣ того опредѣляется и время послыки нѣкоторыхъ отвѣтовъ началомъ 811 г., непосредственно послѣ составленія Карломъ завѣщанія.

Противъ нѣкоторой особой освѣдомленности Лейдрата можно, какъ будто, привести тотъ вѣскій фактъ, что какъ разъ отвѣтомъ Лейдрата, какъ это указывается въ литературѣ, Карлъ остался особенно „недоволенъ“ ³⁾, такъ что Лейдратъ принужденъ былъ даже писать вторично ⁴⁾, между тѣмъ, какъ отвѣтъ Амаларія, напримѣръ, удостоился благодарности Карла. Фактъ этотъ, если бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ таковъ, былъ бы наиболѣе вѣскимъ и категорическимъ опроверженіемъ всего выше сказаннаго. Но на самомъ дѣлѣ мы тутъ имѣемъ дѣло опять-таки съ однимъ изъ ошибочныхъ и традиціонныхъ взглядовъ, результатомъ недостаточной детальной разработки относящихся сюда матеріаловъ. Прежде всего можно достаточно ясно установить, что Карлъ похвалилъ не одного только Амаларія, но какъ разъ и Лейдрата ⁵⁾ (и, вѣроятно, и всѣхъ остальныхъ архіепископовъ, приславшихъ отвѣты), а, кромѣ того, похвала эта касалась вовсе не сущности дѣла, т.-е. *вѣрности* отвѣта, а только православности пониманія обряда крещенія и скорости исполненія предписанія Карла ⁶⁾. Во-вторыхъ же, критика Карла, его „недовольство“, каса-

¹⁾ Rbert II, pp. 72 sq., Hauck II, p. 156.

²⁾ См. выше, стр. 120, пр. 4.

³⁾ Simson II, p. 497 и за нимъ Ketterer, p. 241.

⁴⁾ Трактатъ объ отреченіи, см. ниже.

⁵⁾ См. выше, стр. 122, прим. 3.

⁶⁾ Искъзательное письмо Карла Амаларію (Jaffé IV, p. 409). „tibi laudes et

сались не одного только отвѣта Лейдрада ¹⁾, а *всѣмъ* отвѣтовъ вообще, какъ мы сейчасъ увидимъ. Чтобы подойти къ этому послѣднему вопросу, приходится сперва рассмотреть, почему якобы одному Лейдраду пришлось прислать еще *вторую* работу—Трактатъ объ отреченіи отъ дьявола ²⁾.

При болѣе внимательномъ разборѣ мы опять-таки видимъ, что Трактатъ Лейдрада вовсе *не единственная вторичная* работа: такой же вторичной работой является также отвѣтъ архіепископа Магна.

Объ эти работы (Трактатъ Лейдрада и отвѣтъ Магна) потому приходится выдѣлить изъ всѣхъ остальныхъ обработокъ темъ о крещеніи, что въ обѣихъ, и *только въ нихъ* однихъ, есть совершенно опредѣленные указанія на какое-то *собраніе*, происходившее у Карла ³⁾, въ которомъ онъ, „поучая“ собравшихся къ нему епископовъ, указалъ имъ на всю узость ихъ пониманія обряда крещенія ⁴⁾ и де-

gracias reformimus... quia... catholicam... (eam) invenimus... et.. quod nobis oboediens fuisti et nostris iussionibus accelerare curasti...

¹⁾ Притомъ нужно сдѣлать важную оговорку: специальное пожеланіе Карла Лейдрадомъ (но совсѣмъ понятное уже потому, что онъ одинъ изъ всѣхъ архіепископовъ *приблизился* къ желательному Карломъ толкованію, см. выше, стр. 121) нагдѣ документально не засвидѣтельствовано, это—просто *догадка* изслѣдователей, стремившихся такимъ образомъ объяснить вторичную работу Лейдрада, его Трактатъ.

²⁾ Часть Трактата и цитирую по новѣйшему изданію Jaffé IV, pp. 131 sq., оставшее, не напечатанное у Яффе, по Mabillon „*Vet. Anal.*“ (ed. 1723), pp. 85 sq.

³⁾ Самъ Карлъ, высказывая Амаларію похвалу, указываетъ на какое-то собраніе въ ближайшемъ будущемъ: ...*volumus, ut interim quod ad nostrum veneris conloquimur, ita expectes.* Jaffé IV, p. 409.

⁴⁾ Отвѣтъ Магна (Jaffé IV, p. 415): „*immensae clementiae vestrae referimus laudes, eo quod nos de somno [„зосннз“—выраженіе Карла, быть можетъ, см. стр. 121, примѣч. 3] stultitiae vel insipientiae excitare dignati fuistis... Gratias namque omnipotenti Deo et vobis, iude nos et plurimi alii eruditiores et meliores esse debemus et sumus.*—Тирадѣ этой предшествуетъ фраза, гдѣ говорится о какихъ-то „epistola“ и „ammonitio“, при чемъ текстъ настолько неясенъ, что „ammonitio“ и „epistola“ какъ-бы одновременно и соединены другъ съ другомъ. Но въдѣ „epistola“, т. е. повелѣніе Карла архіепископамъ написать толкованіе о значеніи обрядовъ при крещеніи, дошла до насъ, и мы въ ней не видимъ никакой „ammonitio“ въ видѣ „изгнѣченія отъ глухости и невѣжества“. Къ тому же самъ Магнъ говоритъ, что Карлъ этой ammonitio умудрилъ и нравственно возвысилъ „многихъ“, т. е., что она была, очевидно, произнесена въ какомъ-то *собраніи*.—Совсѣмъ ясны зато многочисленные указанія въ Трактатѣ Лейдрада. Jaffé IV, p. 412: *Nec negastis... quominus iudicaretis... non tam imperiali quam paterna ammonitione... vestra benignissima ammonitio... vestra sapientissima ammonitio... ea, quae per vos cognovimus non legitime a nobis fuisse responsa prius... quae in prioribus responsionibus nostris minus fuisse*

тельно поучать ихъ относительно грандіозной важности факта отреченія отъ дьявола ¹⁾).

Какое же это было собраніе? По цѣлому ряду реминисценцій, особенно въ Трактатѣ Лейдрата, съ увѣренностью можно сказать, что упоминаемое собраніе было то, на которомъ Карлъ сказалъ свою рѣзкую обличительно-увѣщательную рѣчь, конспектъ которой дошелъ до насъ въ видѣ Конспекта II, какъ мы его условились называть.

Дѣйствительно, въ Трактатѣ Лейдрата мы встрѣчаемъ не только отдѣльныя, характерныя выраженія Карла, употребленныя имъ въ Конспектѣ II ²⁾, но и почти цѣликомъ всѣ главныя его мысли ³⁾,

---

per vos cognovimus... Jaffé IV. p. 413... quae in prioribus minus fuerunt... vestra nos clementia et paterna sollicitudine ammonente, cognovimus minus fuisse in prioribus illis responsionibus.

¹⁾ См. ниже, декабрьскую княжку.

²⁾ Наибольше любимымъ и характернымъ выраженіемъ Карла въ Конспектѣ II является необычное опредѣленіе смысла духовныхъ, какъ лицъ, „отказавшихся отъ міра“ (обыкновенно Карлъ опредѣляетъ такъ только монаховъ, см., напримѣръ, *Sar. miss. gen.* c. 17, *Vol. I*, p. 94).

c. 4: quid sit... seculum relinquere... c. si ille seculum demissum habeat, qui... c. 6... quomodo seculum reliquisset qui... c. 8: is qui se confitetur seculum reliquisse.

Это необычное опредѣленіе мы встрѣчаемъ и въ Трактатѣ Лейдрата въ видѣ „renunciare mundo“. (*Mabill.* p. 85). Ср. особымъ слѣдующія мѣста. *Трактатъ*... non autem renunciat mundo, qui terrenis facultatibus ex dilectatione subcumbit. Quicumque ergo volunt esse discipuli Christi, prae amore illius omnia quae in mundo sunt, etiamsi habeant, fastidiunt; ut sint habentes tanquam non habentes... даже: ut ea quae habent, non habeant amore possidendi, sed necessitate vivendi. *Конспектъ II*, c. 5: Inquirendum est, si ille seculum dimissum habeat, qui cotidie possessiones suas augere quolibet modo, qualibet arte non cessat... c. 6: Iterum inquirendum, quomodo seculum reliquisset, qui cupiditate ductus propter adipiscendas res... homines ad periuria et falsa testimonia praecio conducit...

³⁾ *Трактатъ* (*Mabill.* p. 86). Radix omnium malorum cupiditas. См. также предыдущее примѣчаніе. Противъ „cupiditas“ направлены и §§ 5, 6, 7, 11 Конспекта II. Трактатъ (*Jaffé IV*, p. 412) per cupiditates scandala mundi crebescunt et crescunt quotidie. *Конспектъ II*, c. 5. „Inquirendum, si ille seculum dimissum habeat, qui cotidie possessiones suas... augere... non cessat“... граба (expoliare) всѣхъ безъ разбора „ac per hoc perosque ad flagitia et scelera propter inopiam... perpetranda compellunt, ut quasi necessario furta et atrocina exercent“. С. 6... cupiditate ductus... homines ad periuria et falsa testimonia... conducit. Сюда же относятся еще слѣдующія мѣста Трактата (*Jaffé IV*, p. 412)... quod... est pessimum, inter doctores et auditores (пастырь и паства) odia se interserunt, inimicitiae concitantur, detractationes agitantur. Даже Лейдратъ говоритъ (*Mabill.*, p. 87) еще энергичнѣе: „nihil attendimus... nisi ut invicem mordeamus et comedamus. *Конспектъ II*. с. 15.

приведенныя только Лейдрадомъ въ систему, въ общую зависимость отъ одного центрального и исходнаго пункта, отъ той первопривчины, что люди (не исключая и духовныхъ) недостаточно отказались отъ дьявола, забыли свое отреченіе отъ него. Встрѣчается, наконецъ, у Лейдрада и та, важная для Карла, мысль, что въ виду грозящихъ бѣдствій (изъ-за которыхъ въ 810 г. уже были назначены общіе посты) необходимо исправиться, измѣнить образъ жизни, считать бѣдствія испытаніями, посланными Богомъ за грѣховную жизнь ¹⁾.— Когда же было это памятное собраніе, на которомъ Карлъ сказалъ свою превосходную „*ammonitio*“ (=Конспектъ II)? Тутъ мы должны ограничиться тѣмъ указаніемъ, что оно во всякомъ случаѣ происходило въ 811 г. ²⁾ и, быть можетъ, идентично съ тѣмъ „*placitum generale*“, который упоминается въ лѣтописяхъ ³⁾. Для болѣе точной датировки у насъ нѣтъ данныхъ, да установленіе года для нашихъ цѣлей и достаточно.

Теперь мы можемъ прослѣдить уже всѣ перипетіи Опроса. На исходѣ 810 г. Карлъ посылаетъ цѣлому ряду архіепископовъ вопросы объ обрядѣ крещенія и повелѣваетъ имъ высказаться вмѣстѣ съ ихъ суфраганами. Архіепископы рассылаютъ копии своимъ епископамъ-суфраганамъ и сливаютъ, новидному, полученные отвѣты въ одно общее изложеніе ⁴⁾, которое и пересылаютъ Карлу (уже въ

и говорить объ „ограбленіи“ и принудительномъ лишеніи наслѣдства (*sic rebus suis exproliant et legitimos heredes... exheredant*), такъ что вслѣдствіе этого увеличиваются преступленія (см. цитату выше).

¹⁾ Конспектъ II, с. 1. *anno praeterito tria triduana ieiunia fecimus, Deum orando ut ille nobis dignaretur ostendere, in quibus conversatio nostra coram illo emendari debuisset quod nunc facere desideramus.*

C. 11... *aliter nobis in multis rebus faciendum est quam usque modo fecissemus, multa de usu et consuetudine nostra auferenda et non minus multa quae actenus non fecimus facienda.*

Трактатъ. (Mabill., p. 87) *Propter ista (vitia) comminatur nobis Deus iustus, fortis et patiens... Propter ista adterimur, proterimur et affligamur flagellis tempestalibus... bellis, captivitatibus, pestilentibus, fame, aegritudine. Propter ista incommoditas aerum, siccitas... etc. (всѣ бѣдствія схожія съ бѣдствіями, бывшими дѣйствительно въ 810 г. см. ниже, гл. III).*

Dante: terroros... divinae cominationis intonant super nos (т. е. „разразилась уже надъ нами“).

²⁾ Такъ какъ Конспектъ II совершенно точно приурочивается къ 811 г. см. выше, стр. 116.

³⁾ *Ann. Einb. Ann. Maxim. ad a. 811.*

⁴⁾ Заключение работы Теодульфа, пересланной имъ Маггу (*Migne CV, col. 240*)

811 г., послѣ составленія Карломъ завѣщанія). Карлъ письменно благодарить ихъ за скорое и ревностное исполненіе своей воли и въ то же время указываетъ, что онъ скоро ихъ призоветъ къ себѣ на „собраніе“. Въ состоявшемся затѣмъ собраніи въ Ахенѣ Карлъ держитъ громовую рѣчь, обличающую всю суетность, грѣховность и даже преступность жизни духовенства, даетъ добрые и спасительные совѣты, какъ исправиться и, между прочимъ, тщательно разбираетъ¹⁾ недостатки ихъ работъ о значеніи обряда крещенія, указывая на ихъ недостаточное вниманіе къ самому главному и важному обряду—отреченію отъ дьявола. Послѣ этой „animitio“ нѣсколько архіепископовъ, на этотъ разъ, быть можетъ, добровольно, посылаютъ Карлу новыя работы съ особымъ, въ желательномъ Карлу духѣ, освѣщеніемъ и толкованіемъ обряда отреченія.

Такова въ *приблизительныхъ* чертахъ *внѣшняя* исторія Опроста 810—811 г.²⁾ Весь центръ тяжести, конечно, лежитъ не въ этой внѣшней исторіи, не въ установленіи точнаго порядка движенія относящихся сюда бумагъ, а въ его внутреннемъ значеніи, въ установленіи главной цѣли Карла, преслѣдуемой имъ и въ двухъ его Конспектахъ и во всемъ Опростѣ, въ установленіи *политическаго* значенія

„Esse, vir venerabilis, quid prudenter iussisti, humiliter implevi, deprecans saucitatem vestram, ut cum de his interrogationibus altiores responsiones inveneritis (т. е. отъ другихъ епископовъ), illis adhibitis, istas non rejiciatis...“

Невѣрно поэтому замѣчаніе Симсона (Simson II, p. 497): Erzbischof Magnus hatte dem Bischof Theodulf ...angewiesen, ihm die Schrift über die Taufe auszuarbeiten.... Магнъ и не думалъ воспользоваться для себя работой Теодульфа, ибо къ нему должны были быть присланы (согласно съ повелѣніемъ Карла, см. выше, стр. 111) подобныя же работы *всѣмъ* епископовъ его округа.

¹⁾ Намекъ на этотъ разборъ есть уже въ Конспектѣ II, с. 9: Нис („при этомъ“) *diligentissime considerandum est et acutissime distinguendum, quae sectando vel neglegendo unusquisque nostrum ipsam suam promissionem vel abrenunciationem vel conseret vel irritam faciat; et qui sit ille Satanas...* Подробности относительно самого разбора см. ниже.

Подобный разборъ отъѣтовъ былъ, очевидно, обмѣненъ, такъ какъ Амаларій его приводитъ (Jaffé IV, p. 407): „in omnibus his, quae diximus, parati sumus a vestris inclitis doctoribus corrigi et emendari“.

²⁾ Въ виду всѣхъ выше приводившихся датовыхъ соображеній, не считая возможнымъ прикинуть ни къ точнымъ датировкамъ Симсона (Simson II, pp. 494 sq. — 812 г.) и Мюльбахера („Deutsche Gesch.“, p. 227, 811 — 812 г.), ни къ неопредѣленной датировкѣ Яффэ (Jaffé IV, pp. 401 sq. — 809—812 гг.).—Вѣрный годъ даетъ только Буэ (Bouquet „Recueil“ V, Index chronologicus, p. LXXXII).

обрядя крещенія. Внѣшняя исторія — только обстановка, и при разборѣ ея главной дѣлю было показать *сложность и олителительность* ¹⁾ процесса Опроста въ противовѣсъ тому традиционному генерализующему представленію, которое до сихъ поръ высказывалось въ незначительной литературѣ по Опросу 810—811 г.

Эпюлогъ и прологъ Опроста.

Въ непосредственной связи съ Опросомъ 810—811 г. стоитъ, по-видимому, и письмо Jesse Амьенскаго „О крещеніи“ ²⁾. По оному является не отвѣтомъ Карлу, а окружнымъ посланіемъ къ священникамъ Амьенской епархіи для поученія и наставленія наиболѣе „слабыхъ“, неразвитыхъ и непонятливыхъ ³⁾.—Кромѣ того, приходится отмѣтить, что Jesse пишетъ „свѣтнню“ ⁴⁾, а также, что онъ особенно тщательно касается отреченія отъ дьявола ⁵⁾, — два важныхъ факта, позволяющихъ видѣть въ этомъ посланіи тѣсную связь съ уже *оконченными* Опросомъ Карла, въ результатѣ котораго явилось, по-видимому, предписаніе епископамъ блюсти за точнымъ пониманіемъ и истолкованіемъ обрядовъ крещенія и особенно отреченія. Окружное посланіе Jesse является, такимъ образомъ, уже не частью Опроста, а эпюлогомъ, результатомъ его, практическимъ примѣненіемъ положеній, выясненныхъ Карломъ епископамъ.

То же значеніе имѣеть и одинъ изъ канитуляріевъ 813 г., гдѣ Карлъ еще разъ, хотя и въ болѣе общихъ чертахъ, проводитъ излюбленную имъ теперь мысль о неослабномъ надзорѣ за *правильностью* крещенія ⁶⁾.—Къ этому же времени принадлежитъ и увѣщаніе мисса властей и жителей своего „missaticum“ твердо держатся разъ

¹⁾ Хотя въ общемъ *текстъ* Опроста былъ чрезвычайно быстрый: Лейдрадъ, напр., въ своемъ Трактатѣ, написанномъ уже послѣ „ammonitio“ 811 г., говоритъ о первоначальныхъ посланіяхъ Карла къ архіепископамъ, что они изеланы „*нирегъ*“ (Jaffé IV, p. 411).

²⁾ „Epistola de baptismo“ Migne CV. coll. 781 sq.

³⁾ Ib. col. 782, для тѣхъ, кто *minores sunt ingenii* и т. и.

⁴⁾ Ibid.: „*breviter vobis in quantum temporum adfuit spatium*“...

⁵⁾ Coll. 788 sq. De abrenuntiatione diaboli et pompis eius.

⁶⁾ Cap. в canon. excerpta (813). (Bor I, p. 173), c. 1: De baptismo, ut unusquisque archiepiscopus suos suffraganeos diligenter ac studiose admonere studeat, ut unusquisque suos presbyteros puriter investigare non neglegat, baptismatis sacramentum *qualiter* agat, et hoc eos studiose doceat ut *ordinabiliter* fiat.

Канитулярій этотъ даетъ результаты пяти реформаціонныхъ соборовъ 813 г. — Данный § соответствуетъ канонамъ: Арльскаго собора § 3, Майнскаго § 3, Реймскаго § 7. См. Hefele III, p. 766.

высказаннаго отреченія отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его, и не впасть въ грѣхъ клятвopеступленія ¹⁾.

Но намъ извѣстны не только эти послѣдствія Опроса, мы имѣемъ также его прологъ—письмо Карла къ епископу Гарибальду, гдѣ Карль, особенно отгвняя значеніе крещенія, точно предписываетъ минимальныя требованія относительно познаній и пониманія каждаго вновь крещаемаго ²⁾. Въ слѣдствіе этого письма Гарибальдъ посылаетъ очень энергичное посланіе священникамъ своей епархіи ³⁾, имѣя въ виду, очевидно, какъ и еп. Jesse, наиболѣе неразвитыхъ ⁴⁾. Послалъ ли Карль такое же предписаніе и всѣмъ остальнымъ епископамъ—неизвѣстно, важно только, что письмо къ Гарибальду, показывающее возбужденіе интереса Карла къ обряду крещенія, относится ко времени до 810 г. ⁵⁾ и послано не только до Опроса, но и до наброска Конспекта I, такъ какъ въ письмѣ нѣтъ еще указаній на центральный пунктъ—на отреченіе.

Вообще у Карла уже давно была мысль, вѣрнѣе догадка, о государственномъ значеніи акта крещенія ⁶⁾, заставившая его обратить серьезное вниманіе на этотъ обрядъ, но вплоть до Опроса мысль эта не получила ясной и опредѣленной формулировки.

Д. Егоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Missi cuiusdam ammonitio* (Bor I, p. 239): „Quod Deo promisistis in baptismo, recordamini; abrenunciastis diabolo per operibus eius; nolite ad eam (?) reverti quibus abrenunciastis, sed permanete in Dei voluntate sicut promisistis... Какъ видно, эти слова, предписанныя миссу Карломъ (вся „ammonitio“ потому называется „ammonitio domni Caroli“), чрезвычайно напоминаютъ с. 9 Конспекта II (сх. в. стр. 117, прим. 3), составленнаго Карломъ, и могли быть сказаны только въ 811 г. (годъ Конспекта II) или непосредственно послѣ него.

Получается, такимъ образомъ, нѣкоторая поправка не неопредѣленной датировкѣ Борейя, ставящаго „Ammonitio“ между 801—812 г. (Bor. I, p. 238). — Совершенно повѣрна датировка Кеттерера—802 г., см. выше, стр. 107, прим. 6.

²⁾ Jaffé IV, pp. 388 sq.

³⁾ Jaffé IV, pp. 389 sq. Гарибальдъ все время упрекать священниковъ за ихъ „pigritia“ и „negligentia“.

⁴⁾ По крайней мѣрѣ, Гарибальдъ считаетъ необходимымъ объяснить выраженіе „oratio dominica“, прибавляя „id est: Pater noster, qui est in coelis“. (Jaffé IV, p. 390).

⁵⁾ Письмо къ Гарибальду Jaffé IV, p. 388 вѣрно датировать: 802—810.

810 г.—годъ смерти Гарибальда Ann. Lob. n. 810: Gerhaldus Leodicensium episcopus obiit. Въ виду этого непонятно, почему Борейя (I, p. 241) относитъ это письмо къ 803—811 г.

⁶⁾ Уже въ Cap. miss. gen. 802, с. 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Замѣтки о методѣ этнографіи.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузинныхъ. Выпускъ I. 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. СПб. 1901 г. Ц. 2 р.

Въ началѣ одной изъ своихъ работъ Бастіанъ дѣлаетъ чрезвычайно вѣрное замѣчаніе о томъ, что, „занятые едва насажденной отраслью знанія, которая на глазахъ нашего поколѣнія разрослась пышнымъ цвѣтомъ, мы работаемъ въ еще неразслѣдованной области, загроможденной необработаннымъ матеріаломъ, бредемъ въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ довольно тамъ и сямъ проложить просѣки, чтобы выяснитъ руководящія принципы жизни“¹⁾. Нельзя не согласиться съ нѣмецкимъ ученымъ, что мы, этнографы, бродимъ въ лѣсу, но, чтобы основные принципы рисовались намъ ясно уже и теперь, въ этомъ я позволю себѣ сильно усумниться: напротивъ, мнѣ думается, что и здѣсь не оберешься субъективизма, поспѣшныхъ заключеній, предвзятыхъ мнѣній.

Но, вообще говоря, въ современной этнографіи можно, кажется, замѣтить два основныя направленія. Одно изъ нихъ изучаетъ законы человѣческаго развитія; по выраженію Крауса, ученика Бастіана, „основнымъ принципомъ современнаго, научнаго народовѣдѣнія является развитіе названной такъ А. Бастіаномъ единой народной мысли (des einheitlichen Völkergedankens) на землѣ вообще и въ географиче-

---

¹⁾ А. Bastian. Controversen in der Ethnologie. Berlin 1893, стр. 1.

скихъ провинціяхъ въ частности" ¹⁾). Съ этой точки зрѣнія все человѣчество представляется одной массой, живущей по одинаковымъ законамъ чувства и мысли и происходящей отъ однихъ предковъ; отдѣльныя единицы человѣчества въ видѣ народовъ, культуръ и т. п. не существуютъ для нея. Такъ, изучая „науку о религіи“, Тиле ²⁾ доказываетъ, что вездѣ на земномъ шарѣ совершался тождественный процессъ религіознаго развитія икъ: вслѣдъ за низшими естественными религіями (the lowest nature-religions), характеризующимися образованіемъ мифовъ, наступаетъ эпоха ихъ модификаціи и систематизаціи (the highest nature-religions), а потомъ является реформаторъ, на спеху выдвигаются этическія требованія, и религія изъ естественной превращается въ этическую. Подобнымъ образомъ изучаются политическія учрежденія, эволюція собственности, исторія брака и т. п. Для эволюциониста прошлое человѣчества имѣетъ интересъ лишь постольку, поскольку въ немъ находятъ себѣ примѣненіе законы, управляющіе жизнью людей и теперь. Поэтому онъ спокойно ставитъ рядомъ факты, относящіеся къ жизни хотя бы Египта или Ассиріи, черпнутые, напр., у Геродота или даже изъ какихъ-нибудь клинообразныхъ надписей, съ фактами, о которыхъ сообщаютъ путешественники, побывшіе то или другое „дикое“ племя. Цивилизаціи Ассиріи, Вавилона, древняго Ирана, древней Греціи и т. д. мертвыя; онѣ были созданы игрой извѣстныхъ законовъ; отнумѣли свои вѣкъ и, когда развалились отъ дряхлости или были поглощены и смяты приливами элементами, уступили свое мѣсто новымъ культурамъ, которыя развились по тѣмъ же законамъ. „Le roi est mort! Vive le roi!“ Двѣ политики, не связанныя никакой внутренней связью, но сходныя одна съ другою только благодаря сходству мировыхъ законовъ человѣческаго развитія. Такъ, если и нашей цивилизаціи грозитъ теперь „желтая опасность“, какъ писалъ покойный Владиміръ Соловьевъ, то китайцы, сѣвъ на развалинахъ нашей культуры, можетъ статься, сызнова начнутъ тотъ путь, какой прошла Европа, начнутъ съ той стадіи развитія, на какомъ застанетъ ихъ новая эпоха ихъ исторіи. Безплодно и безуспѣшно смѣняютъ культуры одна другую, точно какія-то планеты, вращающіяся въ своихъ сферахъ и возвращающіяся

¹⁾ Allgemeine Methodik der Volkskunde. Kritischer Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie т. IV, вып. III, стр. 24.

²⁾ C. P. Tiele. Elements of the Science of religion. Part. I, Morphological. London, 1897.

черезъ извѣстный промѣстоутокъ на то же мѣсто. А что сказать о многихъ племенахъ, самыя имена которыхъ сомнительны, но которыя тоже жили, волювались, вели войны, мыслили и молились, о какихъ-нибудь маннеяхъ, хититахъ, сумеро-аккадйцахъ. Недавно наша Академія Наукъ напечатала отрывокъ, написанный на какомъ-то неизвѣстномъ *литературномъ* языкѣ.

Такова, если не ошибуюсь, въ общихъ чертахъ теорія эволюціонистовъ. Если въ теоретическомъ изложеніи своей точки зрѣнія она не ставитъ вопроса такъ рѣзко, какъ я его изложилъ, то на практикѣ дѣло сводится именно къ этому: независимость культуръ или, вѣрнѣе, отдѣльныхъ вѣтвей ея (въ родѣ религій, собственности, нравственности и т. п.) постоянно оказывается почвой для научныхъ построений эволюціонистовъ. „Умерли старыя цивилизаціи, а новыя развиваются по тѣмъ же законамъ“, говоритъ эта школа. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ ей другая: „онѣ живы въ своемъ потомствѣ, потому что нѣтъ новой мысли, новой добычи культуры, которая не разошлась бы далеко и широко“. Египетъ и культура какихъ-нибудь исседоновъ, о которыхъ обронилъ нѣсколько словъ Геродотъ, живы въ томъ завѣщаніи, какое она оставили человѣчеству. Если доселѣ въ Америкѣ открываются города величійною съ Нью-Йоркъ, представители довольно высокой „совершенно неизвѣстной намъ исчезнувшей цивилизаціи“¹⁾; если въ самой Вавилоніи, исторія которой извѣстна ученому міру почти за 4 тысячелѣтія до Р. Х., раскрываются историческіе горизонты, отодвигающіе начало ея политическаго существованія за 6—7 тысячелѣтъ до начала нашей эры²⁾, то можно ли говорить о „первобытной“ культурѣ нынѣшнихъ дикарей?

Какъ извѣстно, въ недавнее время одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ сдѣлалъ попытку доказать, что родной человѣчества служила Австралія, населеніе которой сохранило такія особенности въ своемъ культурномъ обиходѣ, какія наблюдаются или, вѣрнѣе, какія хотятъ видѣть у палеолитическихъ обитателей Европы. Мы говоримъ объ интересной статьѣ Шутенсака³⁾, который собралъ много матеріала, указывающаго на культурную близость этихъ населеній. Метательныя палки и бумеранги являются общимъ достояніемъ австралійцевъ и па-

¹⁾ Археологическія Извѣстія и Замѣтки. Москва. 1897 (т. V, стр. 294—295).

²⁾ Тамъ же, стр. 328—329.

³⁾ O. Schoetensack. Die Bedeutung Australiens für die Herausbildung des Menschlichen aus einer niederen Form. Zeitschrift für Ethnologie. 1901, т. 33, стр. 126—154.

леолитовъ, которымъ, съ другой стороны, остались невѣдомы лукъ и стрѣлы, шлифовка камня и горшечное производство. Австралийцы живутъ въ такихъ климатическихъ условіяхъ, окружены такими без-опасными для человѣка животными (въ родѣ кенгуру), что здѣсь людямъ не приходилось особенно упорно бороться за свое существование. Поэтому-то именно въ Австраліи, по мнѣнію Шутенсака, изъ какого-нибудь вида приматовъ и долженъ былъ развиться *Homosapiens*. Однако, обративъ противъ этого ученаго его же оружіе, развѣ мы не можемъ сказать, что именно эти условія и содѣйствовали тому, что австралийцы удовольствовались бумерангомъ и другими метательными снарядами, оставшись равнодушными къ другимъ заноснымъ товарамъ, луку, стрѣлѣ и пр. Между тѣмъ самый бумерангъ представляетъ такое чудо техники, что ужасно рискованно говорить о его „первобытности“; конечно, человѣчество пришло къ его устройству не теоретическимъ, а чисто экспериментальнымъ путемъ, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ уже палеолитическому населенію Западной Европы, это культурное приобрѣтеніе ранней эпохи развитія человѣчества, но все же не первобытныхъ людей, а населенія, имѣвшаго уже обширныя международныя сношенія. Въ этихъ послѣднихъ мы, кажется, не знаемъ ни одного племени въ мірѣ ¹⁾, а разѣ это такъ и разѣ настоящая культура человѣчества съ городами, письменами и т. п. восходитъ ужъ за много тысячелѣтій до начала нашей эры, становится крайне трудно ставить законы какой бы то ни было эволюціи: религіозной, этической или эволюціи въ области матеріальной культуры. Дѣйствительно, если арена дѣятельности этихъ законовъ сводится къ извѣстной культурной почвѣ, то эта послѣдняя становится все сложнѣе по мѣрѣ того, какъ развиваются культурные центры: Европа внесла въ Америку коня, отчего развитіе пастушеской жизни сѣверо-американскихъ номадовъ приняло новый оборотъ; Штейнепъ принесъ бразилійскимъ индѣйцамъ желѣзные топоры; персы оказали существенное вліяніе на развитіе догматической стороны іу-

---

¹⁾ „Когда Генрихъ Гудсонъ посѣтилъ впервые Нью-Йоркскій заливъ, торговля сношенія племени, жившихъ по его берегу, простиралась уже до Тихаго океана.“ *Brinton, Races and Peoples*. New-York. 1890, стр. 75. Бринтонъ, который началъ международныя сношенія отодвигать также къ незапамятнымъ временамъ, ссылается на недоступную мнѣ статью сэра Даниеля Вильсона „*Trade and Commerce in the Stone Age*“ (*Trans. of the Royal Soc. Canada*. 1889) и на свою книгу: „*Essays of an Americanist*“ (Philadelphia 1890), стр. 188.

действия ¹⁾ и т. д. Замѣчательная близость мнѣювъ, древнѣйшей каменной скульптуры, символовъ и обычаевъ, соединяющихъ Старый и Новый Свѣтъ, давно уже обратила на себя вниманіе ученаго міра ²⁾. Думается, что съ этимъ важнымъ фактомъ нельзя не считаться тому, кто будетъ говорить о развитіи единой человѣческой мысли въ разныхъ мѣстахъ земли, ибо среда, въ которой находятъ себѣ примѣненіе законы человѣческаго развитія, становится все сложнѣе по мѣрѣ развитія международныхъ культурныхъ связей, а такъ какъ современные дикари съ ихъ темнымъ прошлымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ съ явными слѣдами культурной зависимости отъ другихъ народовъ Старога и Новаго Свѣта, явленіе въ высшей степени сложное, то начинать исторію человѣческой культуры съ изученія дикарей и даже просто-на-просто возсоздавать „первобытную культуру“ на основаніи ихъ бытія мнѣ представляется дѣломъ не вполнѣ научнымъ. Едва-ли не единственнымъ пока выходомъ изъ этого почти безнадежнаго состоянія нашихъ знаній объ исконномъ прошломъ человечества является изученіе „психическихъ расъ“, „соціальныхъ типовъ“ и т. п., какъ ихъ называютъ представители этой антропологической школы—Демолень, Ланужъ, Кшивицкій и др. Правда, и у нихъ мы находимъ, повидимому, не мало преувеличеній: рискованно сопоставлять безъ обиняковъ кочевой бытъ сроднеазиатскихъ номадовъ съ пастушескимъ бытомъ современныхъ французовъ, какъ это дѣлаетъ хотя бы Демолень ³⁾, трудно предсказывать будущее человечества по распредѣленію блондиновъ среди населенія, какъ это дѣлаютъ поклонники длинноголовыхъ арийцевъ Ланужъ, Аммонъ и др.; но зато какъ много обѣщаетъ открытѣ въ будущемъ пути, выясняющій зависимость человѣка отъ среды и сводящій исторію міра къ борьбѣ психическихъ расъ, путь, избранный Превилемъ (*Les sociétés africaines. Leurs origines, leur évolution, leur avenir. Paris 1897*), Демоленомъ, Масономъ (*Influence of environment upon human Industries. Annual Report of Smithsonian Inst. 1895*), Кшивицкимъ, авторомъ

¹⁾ *Krik Slave. Ueber den Einfluss des Parsismus auf das Judentum. Haarlem 1898.*

²⁾ Изъ обширной литературы назову книги графа де-Шареня „*Le folklore dans les deux mondes*“, Paris 1894, графа Гобле-Д'Альвицка „*La migration des symboles*“, Paris 1891, и статью Чарльса Пау, „*Observations on Cup-shaped and other Lapidarian Sculpture in the old World and in America*“ (*Contributions to North-American Ethnology* т. V. 1882).

³⁾ *Desmolinus. Les Français d'aujourd'hui. Les Types sociaux du Midi et du Centre.*

недавно вышедшей превосходной книги о „психическихъ расахъ“¹⁾, и др. Самъ Бастіанъ, основатель ученія о „географическихъ провинціяхъ“, считаетъ, что культурные народы болѣе или менѣе значительно или даже почти цѣлкомъ свергли съ себя узы естественныхъ условій, и что раздѣлять ихъ по расамъ, „которыя становятся явными только во время хода культурнаго воспитанія“ (die im Gange kultureller Züchtung erst zur Markierung gelangen), рискованно и даже бесполезно²⁾. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія надо относиться съ крайней осторожностью къ законамъ эволюціонистовъ. Далѣе, мы должны считаться съ существованіемъ „психіатрическихъ“ типовъ развитія (такowymi Кшивицкій остроумно признаетъ людоедовъ тамъ, гдѣ людоедство не вытекаетъ изъ физической необходимости, или Оржа³⁾ считаетъ потомство европейцевъ, поселившихся въ тропическихъ странахъ); наконецъ, какъ бы ни былъ тѣсно связанъ отдѣльный человекъ со средой, изъ которой онъ вышелъ, тѣмъ не менѣе индивидуальность выдающейся личности, легко наследуясь его потомствомъ, становится въ малокультурной средѣ источникомъ возникновенія новаго племени, отмѣченнаго извѣстными особенностями духовнаго строя. Это явленіе достаточно выяснено на многихъ примѣрахъ (см. у Кшивицкаго на стр. 40—61), и съ нимъ опять-таки надо считаться антропологамъ.

Однимъ словомъ, современная наука въ смыслѣ методологическомъ далеко шагнула впередъ сравнительно со старыми воззрѣніями на культурныя переживанія, на значеніе жизни дикарей для восстановленія первыхъ стадій развитія человѣческой цивилизаціи. Конечно, и до сихъ поръ при изученіи археологій ные ученые охотно пользуются тѣмъ методомъ, къ какому прибѣгнулъ Леббокъ, т.-е. исходя изъ того убѣжденія, что дикари—представители дѣтства человѣчества, прямо-таки дополняютъ скудные показанія археологическихъ находокъ каменнаго вѣка разсказами старинныхъ и современныхъ путешественниковъ, побывавшихъ у дикарей,—однако врядъ ли это дѣлается теперь просто не въ силу традиціи (см., напримѣръ, введеніе

¹⁾ *J. Krzywicki. Systematyczny Kurs Antropologii. Rasy psychiczne. Warszawa. 1902.*

²⁾ *A. Bastian. Die Völkerkunde und der Völkerverkehr unter seiner Rückwirkung auf die Volksgeschichte. Berlin. 1900. стр. 36—37.*

³⁾ *D-r I. Orjas. La Pathologie des Races humaines. Paris 1886, цитировано у Brinton'a. Races and Peoples. стр. 279.*

Гернесса къ его „Urgeschichte des Menschen“), а цѣпи рутинна, какъ извѣстно, и въ наукѣ сбрасываются не скоро и не легко.

Во всякомъ случаѣ, тому, кто въ наше время захочетъ написать „Этнографію“, имѣющую дѣйствительное научное значеніе, придется много подумать надъ методомъ ея, чтобы не повторять всѣмъ извѣстныхъ и всѣмъ наскучившихъ „истинъ“, въ истинности которыхъ наука уже давно усомнилась. Къ сожалѣнію, первый упрекъ, который приходится сдѣлать труду, заглавіе котораго выписано выше, заключается именно въ недостаточности его методологической стороны. Однако, прежде чѣмъ приступать къ его разбору, мнѣ хотѣлось бы указать на тяжелое положеніе рецензента, разсматривающаго „по-смертное“ изданіе. Здѣсь нѣтъ возможности услышать живой голосъ возраженія, указаніе на то, что мысль автора понята критикомъ не вѣрно, изъ устъ самого автора; наконецъ, нельзя убѣдить писателя и столковаться съ нимъ. Все это налагаетъ на критика обязанность относиться особенно осторожно къ своимъ словамъ; за то въ такой работѣ есть и своя хорошая сторона: *de mortuis aut bene, aut nihil*, и всякій полемическій задоръ въ сужденіяхъ о нихъ ложится тѣнью только на самаго нападающаго. Эти строки я пишу съ цѣлью оправдаться передъ памятью покойнаго ученаго, книгу котораго я хочу разобрать. Къ такому разбору, довольно детальному, меня побуждаютъ приступать два обстоятельства: 1) въ нашей антературѣ трудно указать что-нибудь цѣльное по антропологін, кромѣ извѣстнаго двухтомнаго труда покойнаго же Петри и вотъ теперь книги Харузина, а 2) издателя послѣдней обѣщаютъ еще три выпуска „Этнографін“, посвященные семьѣ и роду, собственности и первобытному государству, наконецъ, вѣрованіямъ. Такъ какъ, по всей вѣроятности, весь трудъ Харузина построенъ по одинаковому плану, а мои замѣтка сводится главнымъ образомъ къ разбору этого плана, то многое, что мнѣ придется сказать о первомъ выпускѣ, будетъ, можетъ быть, примѣлнимо и ко второму, и къ третьему, и къ четвертому.

Книга Н. Харузина, какъ мнѣ хочется сказать теперь же, трудъ очень почтенный; авторъ его черпалъ факты этнографическіе не только изъ вторыхъ рукъ, но и прямо изъ источниковъ; у него замѣтно стремленіе ввести въ свой обзоръ этнографическихъ явленій и данныя русскія; наконецъ, изложеніе матеріала сдѣлано общедоступно и, вѣроятно, общепитересно. Хромаетъ, по моему, часть методологическая, и именно вслѣдствіе этого я бы не предсказалъ „Этнографін“ Харузина прочнаго положенія въ наукѣ. Мнѣ кажется, что за ней

останется только значеніе сборника *отдѣльныхъ фактовъ*, расположенныхъ въ *искусственно систематическомъ* порядкѣ; факты въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно любопытны, но „органическій путь“, постепенность въ развитіи цивилизаціи и неясенъ, и памѣтенъ, какъ невольно думается, случайными вѣхами. Какое значеніе имѣеть хотя бы такое культурное переживаніе, какъ употребленіе у великороссовъ Костромской и другихъ сѣверныхъ губерній двухколесной телеги съ вертлящейся осью (колышки) для исторіи экипажа? Значить ли это, что здѣсь передъ нами остатокъ старины, черезъ которую прошла вездѣ исторія орудія колеснаго передвиженія, или это переживаніе прошлаго специально славянскаго или индо-германскаго племени, или еще что-нибудь? Изъ труда Харузина этого не видно: колышка — просто курьезъ, который имѣеть аналогію и у дикарей. Развивается ли человѣческая культура, поднимаясь со ступеньки на ступеньку самостоятельно, или только при помощи взаимнаго вліянія племенъ—этого я не могъ разрѣшить собѣ послѣ самаго внимательнаго пересмотра фактовъ, собранныхъ въ ошеломляющемъ количествѣ у Харузина.

Если культура развивается „органически“, постепенно — самостоятельно, то нужно предположить слѣдующее. Обозначимъ первую стадію культурнаго развитія въ какой-нибудь специальной области буквой *a*, а послѣднюю, съ которой считается этнографія, буквой *n*. Тогда, при предположеніи „органическаго“ развитія культуры, единой для всего человѣчества (иначе нельзя было бы сопоставлять факты русскіе, японскіе съ мексиканскими и т. п.), нужно думать, что одно племя развилось отъ *a* до *b* и на этомъ остановилось, другое отъ *a* до *c*, но третье, вслѣдствіе накопленія знаній и вліянія специальной среды, прошло черезъ нѣкѣя стадіи развитія: именно, отъ *a* оно шагнуло не къ *b*, не къ *c*, а положимъ къ *m*; тогда какъ четвертое племя, сохранивъ въ видѣ культурныхъ переживаній стадіи *c* или *m*, благодаря своимъ международнымъ сношеніямъ, прямо перешло отъ стадіи *n* къ *l* и потомъ опять возстановило хотя бы стадію *d* или *e*; наконецъ, могутъ быть и такіе случаи, когда развитіе шло отъ *a* къ *b*, а отъ него къ *b*₁, *b*₂ и т. д. Всѣ эти теоретическія положенія постоянно подтверждаются практикой. Ясно, что при такихъ условіяхъ созданіе „органическаго“ пути культурнаго развитія, по которому прошло человѣчество, и который велъ будто бы со ступени *a* на ступень *b* и т. д., имѣеть чисто метафизическій характеръ; человѣчество—понятіе совершенно отвлеченное; исторія можетъ счи-

таться только съ отдѣльными группами людей, объединенныхъ родственными или другими интересами, племенными или національными, или промысловыми и т. д. Каждая изъ этихъ большихъ или меньшихъ группъ вырабатываетъ свои особенности, прилагивается по своему къ средѣ (или, продолжая тотъ же анализъ, можетъ проходить черезъ культурныя стадія *abdeur* или *gmh*, или *crt* и т. д.). Такимъ образомъ, для того чтобы „органический“ путь культурнаго развитія человечества свести къ схемѣ *abcdef... uvw*, нужно брать произвольно факты изъ разныхъ культуръ (*abdeur*, *gmh*, *crt* и т. д.); другими словами, къ заранѣе придуманной *ad hoc* схемѣ нужно только подбирать подходящія данныя. Врядъ ли это научно, а для изученія отдѣльныхъ культуръ такой способъ изслѣдованія, я думаю, прямо-таки вреденъ: вмѣсто того, чтобы въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ изучить причинную связь явленій, на сцену выступаютъ „законы“, познаніемъ которыхъ никто не имѣетъ права отговариваться, притягиваются въ качествѣ свидѣтелей „культурныя переживанія“, объясненія въ угоду той или другой схемѣ, и случаи вводятся въ рамки банальной исторіи „органическаго“ пути.

Вся книга Н. Харузина грѣшитъ, какъ мнѣ кажется, именно такимъ пониманіемъ задачи этнографіи. Оставивъ въ сторонѣ первыя двѣ главы (стр. 1—23), посвященныя разсмотрѣнію вопроса, что такое этнографія, и что такое этнологія, и „историческому обзору накопленія этнографическихъ матеріаловъ“, перейду прямо къ 3-ей главѣ, трактующей о методѣ этнографіи. Охарактеризовавъ перемѣну взгляда на дикарей, послѣдовавшую въ концѣ XVIII вѣка, Харузинъ выставляетъ (стр. 25) слѣдующее положеніе: „взглядъ, что между тѣмъ бытомъ, представителями котораго являются дикари, и тою ступенью развитія, на которую поднялись европейскія народности, нѣтъ hiatus'a, что цивилизація могла развиться лишь постепенно, путемъ органическимъ,—становится все болѣе и болѣе неоспоримымъ“. Здѣсь, мнѣ кажется, много неяснаго: какъ можно говорить о бытѣ дикарей, которые живутъ такими различными бытами, что такое дикари и объ *одной* ли цивилизаціи говоритъ авторъ. Никто, разумѣется, не можетъ спорить, что цивилизаціи не вырастаютъ въ одну ночь, подобно грибамъ (какъ выразился одинъ англійскій ученый о религіи Зороастра); ясно само собой, что у всякой культуры есть свое прошлое, но гдѣ его искать, въ умершихъ ли цивилизаціяхъ востока и юга, или у зулусовъ и бороро: это врядъ ли такъ неоспоримо. Зато факты этнографіи позволяютъ намъ думать, что есть племена съ болѣе

практической смѣткой, чѣмъ ихъ сосѣди, или съ болѣе художественными задатками: такимъ образомъ, изъ того, что у какихъ-нибудь эскимосовъ или бушменовъ простѣйшіе типы вооруженія, еще нельзя дѣлать тотъ выводъ, будто эти типы и были родоначальниками болѣе усовершенствованныхъ видовъ.

Затѣмъ Харузинъ переходитъ къ обоснованію теоріи культурныхъ переживаній и даетъ нѣсколько примѣровъ ихъ: французская молодежь собирается для пѣсенъ и плясокъ къ менгирамъ, близъ которыхъ нѣкогда совершались языческія жертвоприношенія; сходное значеніе сохранили наши городища. Съ покойниками во многихъ мѣстахъ Россіи зарываютъ въ землю монету и бутылку водки: первая пойдетъ на уплату за перевозъ черезъ огненную рѣку, вторая пригодится покойнику, чтобы подкрѣпиться во время долгаго пути. „Это—пережитокъ всеобщаго вѣрованія о томъ, что покойнику нужны земныя вещи и послѣ смерти, господствовавшаго прежде и среди высшихъ слоевъ, но сохранившагося теперь лишь среди крестьянства“ (стр. 31). Наконецъ свадебные обряды со своею симуляціей похищенія невѣсты представляютъ еще одинъ образчикъ культурныхъ переживаній. Въ сѣверныхъ губерніяхъ скотъ выгоняютъ на улицу 23-го апрѣля, но затѣмъ овечьи загоняютъ въ хлѣва: это смутное воспоминаніе объ обычаѣ начинать пастьбу скота съ Юрьева дня, практикующемся въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ его разрѣшаютъ климатическія условія.

Приглядимся поближе къ этимъ примѣрамъ. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, посвященной книгѣ Н. Реньо объ индо-германской мифологіи и напечатанной въ „Живой Старинѣ“ за 1895 годъ, я указывалъ на то, что очень многія изъ нашихъ суевѣрій (гаданіе передъ приборомъ, смотрѣніе въ стаканъ и т. п.) заимствованы изъ оккультной литературы и имѣютъ близкую связь съ покровантіей и другими видами магии. Современемъ я все болѣе убѣждался въ томъ, какое вліяніе на мистическое настроеніе человѣка, даже современнаго, развитога и образованнаго человѣка, оказываютъ всевозможныя воззрѣнія и предписанія, созданія какими бы то ни было оккультизмомъ и достигающія до его свѣдѣнія какими бы то ни было способомъ, устнымъ или письменнымъ. Стоитъ одному фантасту или невзрачному, обладающему болѣзненнымъ воображеніемъ, испытать на себѣ то или другое оккультное средство, увидѣть чудо и т. п., и у него, навѣрное, найдутся послѣдователи и подражатели. Все это банальныя истины, которыя бросаются намъ въ глаза на каждомъ шагѣ, чуть не въ каждомъ номерѣ газеты, но странное дѣло: этно-

графы почему-то забывают ихъ въ своихъ розыскахъ культурныхъ переживаній.

„За исключеніемъ развѣ суевѣрія“, говоритъ Гобле-д'Альвіелла въ цитированномъ трудѣ, „на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе заразительнаго, чѣмъ символъ... Даже теперь не мало туристовъ возвращается изъ Неаполя съ коралловымъ рогомъ, повѣшеннымъ сообразно съ поломъ путешественника на браслетѣ или часовой цѣпочкѣ. Неужели они дѣйствительно хотятъ предохранить себя отъ дѣйствія злого глаза, пользуясь этимъ итальянскимъ переживаніемъ стараго халдейскаго символа? Для многихъ изъ нихъ это, конечно, не болѣе какъ мѣстный курьезъ, бездѣлушка, воспоминаніе о путешествіи, но нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе въ глубинѣ души поддаются неаполитанскому суевѣрію. «Повредить это не повредить, а вдругъ поможетъ», отвѣтали бы они вамъ, подобно нѣкоторымъ игрокамъ, которые ставятъ на свой фетишъ“.

Возвратимся къ примѣрамъ Харузина, довольно банальнымъ и потому особенно заслуживающимъ разсмотрѣнія. Дѣвушки бросаютъ въ Троицынъ день свои вѣнки противъ городищъ, говоритъ онъ, потому, что такъ дѣлали старикн. Возможно, что дѣйствительно это имѣетъ отношеніе къ языческому значенію городищъ, но возможно и то, что уже у стариковъ не было яснаго представленія о первоначальномъ назначеніи городищъ или хотя бы меншировъ; они возбуждали только суевѣрное чувство, подобно разрушеннымъ замкамъ, нежилымъ постройкамъ, кладбищамъ. Мнѣ кажется, что этотъ примѣръ нельзя безъ дальнихъ словъ считать культурнымъ переживаніемъ. Рѣшительнѣе я сталъ бы утверждать относительно другого примѣра, приведеннаго П. Харузинымъ. Переправа черезъ огненную рѣку, которая предстоитъ каждому умершему, едва ли не отголосокъ иранскихъ вѣрованій, какъ и вообще значительная часть славянскихъ представленій о загробномъ мірѣ. Ученіе объ этомъ послѣднемъ, о судѣ, который предстоитъ каждой душѣ ¹⁾, и о всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ и послѣ него послѣднемъ судѣ было разработано со всеми подробностями въ авестійской и пехлевійской литературахъ. Поэтому обширный и готовый запасъ эсхатологическихъ вѣрованій являлся

¹⁾ Объ этомъ судѣ см., напр., у *Abel Hovelacque, L'Avesta, Zoroastre et le Mazdéisme. Paris 1880, стр. 362—361*, а также въ пехлевійской книгѣ „*Dinā-i Mainog-i Kbirad*“, гл. II, § 111—198. (The sacred Books of the East т. XXIV 1885, стр. 16—26). Подобное представленіе о загробномъ судѣ сложилось уже въ Авестѣ (см. *Vendidad. XIX, 28—34; Yašt. XXII, 1—36*).

черезъ посредство торговецъ и къ намъ. Здѣсь не мѣсто толковать объ иранскомъ вліяніи на культуру славянъ. Я укажу только на связь представленій объ огненной рѣкѣ съ ученіемъ парсиама о концѣ міра. Уже въ одной изъ упомянутыхъ книгъ Авесты, изложеніе которой дано въ пехлевійской книгѣ Dinkard ¹⁾ (кн. IX, гл. 32, § 25), шла рѣчь объ огненной рѣкѣ, которая разольется передъ очищеніемъ всего міра по землѣ; она поглотитъ всѣхъ людей, но праведнымъ отъ этого не будетъ худо, только злые станутъ мучиться въ этой рѣкѣ, состоящей изъ расплавленныхъ металловъ. Пространно разсказывается объ этомъ эпизодѣ всемірной священной исторіи въ эсхатологической книгѣ парсизма Бундехешъ ²⁾ (гл. 30, § 19—20): „И всѣ люди войдутъ въ огнениую рѣку (изъ расплавленныхъ металловъ) и очистятся въ ней; тому, кто былъ праведникомъ, при этомъ будетъ такъ пріятно, точно онъ бродитъ въ тепломъ молокѣ; но злой будетъ испытывать такое же мученіе, какъ если бы онъ при жизни здѣсь, на землѣ, былъ погруженъ въ расплавленный металлъ“. Отцы церкви въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ парсизма указываютъ также на глубокую древность этихъ представленій объ огненной рѣкѣ, черезъ которую проходитъ всѣ покойники, приписывая ихъ созданіе какому-то пророку Гистаспу, въ которомъ Вивдишманъ склоненъ видѣть Дарія Гистаспа ³⁾.

Это отступленіе я сдѣлалъ съ цѣлью показать, что не всѣ примѣры культурныхъ переживаній подобраны Харузинимъ удачно: заносные элементы никакъ не могутъ войти въ ихъ число. Что касается символическихъ свадебныхъ обрядовъ, изображающихъ будто бы похищеніе невесты, то послѣ изслѣдованій Вестермарка, сильно подорвавшихъ кредитъ прежнихъ теорій происхожденія брака, мнѣ кажется, надо бы говорить объ этомъ осторожнѣе. Лучше было бы исключить и этотъ примѣръ.

Нѣкоторую неясность мы находимъ въ воззрѣніяхъ автора разсматриваемой книги на продукты народнаго творчества: Н. Харузинъ видитъ въ нихъ переживаніе древнихъ религіозныхъ и бытовыхъ воззрѣній народовъ, что до извѣстной степени справедливо,

¹⁾ The Sacred Books of the East, т. XXXVII. 1892, стр. 260.

²⁾ The Sacred Books of the East, т. V. 1880, стр. 126. Ср. *Fr. Spiegel. Eranische Alterthumskunde*, т. II. (1873), стр. 162.

³⁾ Ср. *Fr. Windischmann. Zoroastrische Studien*, Berlin 1863, стр. 259.

но только до известной ¹⁾). Вряд ли правильно сдѣлать такое обобщение: „то, что въ настоящее время является лишь занимательнымъ для народа разсказомъ, прежде составляло дѣйствительныя представленія ихъ (эстовъ, о космологическихъ сказаніяхъ которыхъ говоритъ Харузинъ) о происхожденіи міра“. Знакомство съ эстонской поэмой Kalewi-poes, которая въ переводѣ Лове снабжена такимъ подробнымъ комментариемъ, а также съ родственными сказаніями финновъ, латышей и литовцевъ привело меня совсѣмъ къ обратному заключенію: здѣсь очень много, во-первыхъ, заносныхъ элементовъ, вряд ли имѣвшихъ когда-либо значеніе „догматовъ“, а, во-вторыхъ, сказокъ, вѣроятно, иногда не принимавшихся въ серьезъ. Кому бы изъ финновъ пришло въ голову вѣрить о происхожденіи свиньи и поросятъ изъ еврейки съ ея потомствомъ, или кто бы изъ латышей отнесся съ религіозной вѣрой къ сказкѣ о комарѣ, пробовавшемъ вкусъ различныхъ животныхъ и т. п. Повторю, есть и глубоко-древнія космологическія сказанія, составлявшія иѣкогда дѣйствительныя народныя вѣрованія, но добраться до нихъ не легко. Между тѣмъ книга Харузина—лекція, предназначенная для студентовъ, слѣдовательно, для среды, не подготовленной предварительными занятіями къ критической оцѣнкѣ словъ профессора въ этой специальной области: здѣсь не трудно видѣть то, чтобы вселить въ сознаніе слушателей научныя воззрѣнія на этнографію, привести ихъ совсѣмъ не научнымъ стремленіямъ воссоздавать бытъ народа по случайнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ любой сказкѣ или пѣснѣ. Что на практикѣ это случается порѣдку, въ этомъ, я думаю, согласится со мною всякій преподаватель не только высшей, но и средней школы. Это обстоятельство и заставило меня остановиться съ такой подробностью на той главѣ книги Харузина, гдѣ авторъ разсматриваетъ явленіе культурныхъ переживаній. Я миновалъ многое, съ чѣмъ бы не могъ согласиться: вся эта глава, думается мнѣ, способна въ молодомъ умѣ возбудить интересъ къ окружающей жизни, но она не уберезетъ его отъ субъективизма и не внушитъ ему критическаго отношенія къ своимъ обобщеніямъ. Харузинъ слишкомъ мало считается съ фактомъ заимствованія обычаевъ и вѣрованій, слишкомъ субъективно судить о дикаряхъ. Вслѣдствіе этого его опредѣленіе этнографіи, какъ науки, данное на стр. 37, также не грѣшитъ излишней точностью. „Этнографія является на-

¹⁾ Такъ, много особенностей стараго русскаго быта по сказкамъ отмѣтилъ проф. Владиміровъ въ своемъ „Введеніи въ изученіе русской словесности“.

укой“, „говорить онъ: „которая, изучая бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать законы, согласно которымъ шло развитіе человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры“.

Но, во-первыхъ, „изучая бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ“ (опять неясно: что такое *племя*, и что такое *народъ*), никогда не придешь къ восстановленію законовъ общаго развитія, какъ на эту задачу смотреть Харузинъ: для него вѣдь только *сравненіе* бытовъ можетъ привести къ желанной цѣли. Опредѣленіе же его, въ сущности говоря, имѣетъ въ виду совсѣмъ другое: выясненіе законовъ, по которымъ совершается внутреннее, независимое развитіе „отдѣльныхъ племенъ и народовъ“, есть своего рода философія исторіи каждой группы въ отдѣльности, безъ сравненія съ другой. Во-вторыхъ, если этнографія ставить своимъ долгомъ изученіе „развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры“, то гдѣ же кончается ея задача, другими словами: гдѣ кончаются *низшія* и начинаются *высшія* ступени. Non liquet.

Кажется, я вѣрно передамъ взглядъ Харузина на этнографію, если скажу, что только при отрицаніи исключительныхъ, „національных“ особенностей она можетъ строить схемы развитія культуры, видя у разныхъ народовъ развитіе одной и той же *Völkergedanke*, пользуясь терминомъ Бастіана.

Послѣ опредѣленія науки этнографія Харузинъ переходитъ къ системамъ, съ которыми она наиболѣе тѣсно связана, указываетъ на антропологию, археологию, сравнительное языковѣдѣніе, исторію и географию. И здѣсь, къ сожалѣнію, очень много неясностей и неточностей. Такъ, авторъ, говоря объ антропологии, вкратцѣ излагаетъ ея исторію и постепенное ограниченіе содержанія: сначала она поставила себѣ слишкомъ широкія задачи, задумавъ „представить науку о человѣкѣ, его развитія и ходъ его культуры“, но потомъ превратилась, главнымъ образомъ, въ естественно-историческую науку; „этнографія же является наукой преимущественно общественной“. Въ этомъ и заключается, по мнѣнію Харузина, ея главное отличіе отъ антропологии. Въ чемъ состоитъ тѣсная связь двухъ наукъ, о чемъ было сказано нѣсколькими строками выше, Харузинъ объясняетъ дальше: антропология, отдавшись изученію физическаго типа человѣка, раскрываетъ миграціи племенъ, ихъ вліяніе другъ на друга, и вслѣдствіе этого „объясняетъ этнографу причины многихъ культурныхъ вліяній, понять которыя онъ, безъ помощи выводовъ антропологии, не въ состояніи“. Однако, позволю себѣ возразить, антропология констати-

тируетъ тотъ фактъ, что уже древнѣйшіе человѣческіе черепа, указывая на существованіе расовыхъ помѣсей, не представляютъ единообразія, что антропология оказывается въ силахъ намѣчать пути и самое присутствіе миграцій только съ помощью этнографіи, такъ что въ этомъ случаѣ не послѣдняя наука пользуется услугами первой, а наоборотъ. Въ подтвержденіе своей мысли, сошлось на этнографію Африки, гдѣ именно по распространенію извѣстныхъ этнографическихъ фактовъ дѣлаются попытки къ антропологической классификаціи расъ. (См. напр. книгу Л. Фробениуса, *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*. Berlin 1898).

Очень большое довѣріе Харузингъ оказываетъ сравнительному языкознанію. По его мнѣнію, лингвистическая археология, хотя наука молодая, уже успѣла дать блестящіе результаты; она блестящимъ образомъ освѣщаетъ общественный и религиозный строй народности и т. д. Увы! положеніе вещей далеко не такое утѣшительное: представители сравнительнаго языкознанія иной разъ прямо съ отчаяніемъ отказываются отъ попытокъ возстановлять картину древняго быта по лексическимъ даннымъ и прибѣгаютъ за содѣйствіемъ именно къ этнографіи и археологіи. Стоитъ просмотрѣть хотя бы „*Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde*“ Л. Шрадера, чтобы увидѣть, какіе случайные выводы онъ дѣлаетъ изъ сличенія языковъ, и какую надежность приобрѣтаютъ они, когда у него въ рукахъ оказываются еще данныя, добытыя ными путями.

Обрисовавъ значеніе вспомогательныхъ наукъ для этнографіи, Харузингъ переходитъ къ классификаціи этнографическихъ явленій и разъясняетъ понятія матеріальной и духовной культуры, а потомъ указываетъ, на какіе отдѣлы надо дѣлать факты матеріальной культуры: на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ то, что человѣку особенно необходимо, пищу и одежду, далѣе крытое помѣщеніе и способы передвиженія. „Излишекъ, получаемый за удовлетвореніемъ нуждъ первой необходимости, позволяетъ человѣку обращать его для удовлетворенія другихъ своихъ потребностей и вкусовъ, а состояніе довольства даетъ ему возможность въ большей степени заботиться о себѣ: появляются украшения и предметы роскоши, развивается обиходъ съ сосѣдями и т. д. Изученіе развитія этихъ сторонъ дѣятельности человѣка составляетъ третью часть матеріальной этнографіи“ (стр. 42). Ничего не имѣя противъ того, въ какомъ порядкѣ изучать этнографическія явленія, потому что, въ сущности говоря, всѣ пренія по этому поводу сводятся къ простой игрѣ словъ, я хотѣлъ бы только засту-

питься за украшенія и междуплеменный обмѣнъ. Изъ словъ автора выходитъ какъ будто такъ, что эти послѣдніе по древности уступаютъ другимъ элементамъ культуры. Въ дѣйствительности, повидимому, мы этого не находимъ: украшеніе своего тѣла стоитъ въ связи не съ состояніемъ довольства, а съ половой жизнью по преимуществу мужчины, который въ извѣстное время старается украсить себя перьями или бѣлыми раковинами, какъ въ ту же пору птицы и др. животныя принимаютъ самыя яркіе цвѣты. Что касается обмѣна, *bellum omnium contra omnes* едва ли не основной законъ первобытной жизни такъ же, какъ вытекающій отсюда наслѣственный, а потомъ и добровольный обмѣнъ лучшимъ, что есть у сосѣдей.

Переходимъ къ IV главѣ (классификаціи челоуѣчества и этнографическихъ явленій). Здѣсь у Харузина были хорошіе источники, такъ какъ историческому обзору антропологическихъ теорій отведено подобающее мѣсто и Ранке въ его „Человѣкъ“ и въ другихъ общихъ трудахъ этого рода. Однако, и въ этой главѣ находитъ себѣ выраженіе нѣкоторая шаткость основныхъ воззрѣній автора. „Несмотря на цѣлую литературу, посвященную защитѣ какъ полигенизма, такъ и моногенизма, этотъ вопросъ не рѣшенъ наукой, за отсутствіемъ достаточнаго количества научныхъ данныхъ. Для этнографіи то или другое рѣшеніе его не имѣетъ, конечно, важнаго значенія“ (стр. 48). Я совершенно недоумѣваю, какъ могъ мыслящій этнографъ написать эту фразу. Вопросъ объ единомъ или не единомъ происхожденіи челоуѣческаго рода имѣетъ для этнографіи *первостепенное* значеніе, ибо только въ первомъ случаѣ можно толковать объ *единомъ* развитіи челоуѣчества, объ эволюціи единой *Völkergedanke*; только въ этомъ случаѣ мы можемъ говорить о развитіи того или другого, какъ это вѣрно замѣтилъ Тиле по отношенію къ религіи.

Разсмотрѣвъ различныя попытки классификаціи людей, Харузинъ замѣчаетъ, что, пользуясь той или другой изъ этихъ системъ, „этнографія преслѣдуетъ, прежде всего, практическую цѣль—облегчить обзоръ матеріаловъ для построенія по даннымъ послѣдняго выводовъ. Какъ уже указано выше, можно а priori ожидать, что среди родственныхъ народностей, равно какъ и живущихъ среди одинаковыхъ географическихъ условій, мы въ правѣ ожидать и большаго сходства въ обычаяхъ и обрядахъ, въ матеріальной культурѣ и въ вѣрованіяхъ“ (стр. 51). Здѣсь передъ нами та же невыясненность основныхъ началъ науки, накую мы констатировали выше. Во-первыхъ, какъ шатка будутъ выводы этнографіи, если она, руководясь той или другой

временной классификацией народовъ, будетъ съ полнымъ довѣріемъ къ ней подбирать по ея шаблону свой матеріалъ; а, во-вторыхъ, какъ можно ставить на одну доску родственность народовъ (при томъ поставленную современной антропологіей, какъ это видно хотя бы изъ обзора Харузина, на такую зыбкую почву) съ ихъ образованіемъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ географическихъ условій: вѣдь это далеко не одно и то же.

За признакъ общности происхожденія Харузинъ принимаетъ общій языкъ. Онъ совершенно вѣрно указываетъ, что „воспріятіе народомъ чуждаго языка лишь завершаетъ культурный ассимиляціонный процессъ“ (стр. 52) и затѣмъ очень удачно смысляется, напримѣръ, на Россію, которая въ этомъ отношеніи даетъ богатый и разнообразный матеріалъ. Далѣе авторъ переходитъ къ дѣленію народовъ на культурные и дикіе, на болѣе или менѣе цивилизованныя, и разсматриваетъ одну за другой различныя искусственныя схемы. Наибольшее вниманіе онъ посвящаетъ извѣстной классификаціи народовъ на основаніи способа добыванія ими себѣ пищи. Дѣленіе ихъ на охотничьи, рыболовческія, скотоводческія и осѣдло-земледѣльческія его не удовлетворяетъ, хотя г. Харузинъ и согласенъ съ тѣмъ, что оно прекрасно опредѣляетъ форму экономическаго быта народа. „Но жизнь даже на низшихъ ступеняхъ развитія крайне сложна. Уже на низшихъ ступеняхъ культуры мы видимъ рядъ факторовъ, которые должны вызвать институты, своимъ происхожденіемъ вовсе не обязанные экономическимъ условіямъ. Наконецъ, уже на низшихъ ступеняхъ развитія мы встрѣчаемся съ зачатками религіозныхъ представленій. Могущественное вліяніе ихъ, какъ фактора въ образованіи нормъ, едва ли кто-нибудь рѣшится отрицать. Вотъ почему допускать происхожденіе всѣхъ нормъ, знаменующихъ прогрессъ племени, изъ однихъ экономическихъ условій, значить неизбежно впасть въ односторонность; этимъ путемъ никогда не дойти до вѣрнаго представленія о законахъ общественной, религіозной и нравственной эволюціи“ (стр. 63). Къ этому сводятся въ основѣ возраженія Харузина противъ недавно возродившейся въ модифицированномъ видѣ старой схемы дѣленія племенъ на охотничьи, скотоводческія и земледѣльческія. Какъ извѣстно, противъ этой схемы въ ея прежней формѣ, которая предполагала, что изъ одного экономическаго быта путемъ эволюціи непременно вытекаетъ другой, высшій, было сдѣлано много весьма существенныхъ возраженій; она была признана устарѣлой и замѣнена новѣйшей экономической школой въ этнографіи, изъ представителей которой

автору разсматриваемой книги известны Гроссе и Гильдебрандтъ, иной схемой дѣленія народности на бродячія (*Sammel-Völker* по классификаціи Фирбанкта), охотничьи, рыболовецкія, скотоводческія и земледѣльческія.

Если мы вдуваемся въ возраженія г. Харузина противъ принципа означеннаго дѣленія, мнѣ кажется, мы должны будемъ придти къ заключенію, что излагаемая имъ теорія не воплотилъ имъ выяснена. Онъ цитируетъ вводныя положенія какъ Гроссе, такъ и Гильдебрандта и, повидимому, не воплотилъ замѣчаетъ, какъ осторожно и умѣренно они говорятъ о взаимоотношеніи этихъ „культурныхъ ступеней“. Такъ, Гроссе указываетъ на то, что „вопросъ о большей или меньшей первобытности какого-нибудь народа равнозначущъ съ вопросомъ о большей или меньшей высотѣ его культурнаго уровня. Есть ли средство установить съ извѣстной точностью относительную высоту цивилизаціи? То, что принято называть культурой, является уже въ своихъ простѣйшихъ формахъ безспорно сложной величиной, составленной изъ безчисленныхъ факторовъ, которые въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, предварительно не поддаются опредѣленію. Такимъ образомъ, сравненіе культурныхъ формъ въ ихъ совокупности едва ли можетъ привести изслѣдователя къ желанной цѣли. Съ другой стороны, задачу легко было бы разрѣшить, если бы удалось отыскать одинъ культурный факторъ, по таковой, который, во-первыхъ, былъ бы доступенъ для объективнаго и точнаго опредѣленія, а во-вторыхъ, имѣлъ бы такое значеніе, что могъ бы служить характерной чертой цѣлой культурной формы“. Въ томъ же духѣ Гроссе продолжаетъ развивать свою мысль и ниже, ни мало не отрицая сложности и разнообразія явленій самой „первобытной“ жизни. Харузинъ, который самъ приводитъ эту цитату изъ „Формъ семейнаго и хозяйственнаго быта“ Гроссе, возражаетъ ему, какъ мы уже видѣли, что жизнь уже на низшихъ ступеняхъ развитія сложна, что уже здѣсь встрѣчаются зачатки религіи и искусства и т. п. Гроссе все это и самъ не только допускаетъ, но и подчеркиваетъ, такъ что возраженія Харузина сами собой падаютъ. Совершенно въ томъ же родѣ основныя положенія Гильдебрандта: „въ классификаціи по экономическо-культурнымъ ступенямъ лежитъ косвенно и классификація по ступенямъ развитія, или, если можно такъ выразиться, опредѣленіе роста явленій. Каждая болѣе высокая экономическая культурная ступень есть всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе позняя, болѣе зрѣлая ступень развитія“. Какъ вѣрно указано Кшивицимъ въ его

послѣднемъ трудѣ, художественныя, религіозныя и т. п. наклонности, представляющія индивидуальныя особенности лица и потомъ племена, безразличны въ смыслѣ борьбы за существованіе; онѣ не содѣйствуютъ, но и не мѣшаютъ переживанію сильнѣйшаго, такъ что на всѣхъ культурно-экономическихъ ступеняхъ могутъ находить себѣ представителей. Но, несомнѣнно, культура тѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе орудіе, которымъ человѣкъ борется за свое существованіе, другими словами, чѣмъ легче и постояннѣе онъ можетъ добывать себѣ пищу. Поэтому, въ системахъ экономистовъ нѣтъ никакого противорѣчія тому, что думалъ выставить противъ нихъ Харузинъ, но у нихъ есть одно великое преимущество передъ другими схемами, преимущество, которое едва ли не ускользнуло отъ вниманія нашего изслѣдователя: именно отрицаніе той эволюціи, которую насильно навязываютъ явленіемъ нѣкоторые ученые. Самъ Харузинъ замѣчаетъ: „сказать съ достовѣрностью, какая изъ двухъ стадій, скотоводческой или земледѣльческой быть, древнѣе—затруднительно“ (стр. 59). Совершенно вѣрно, отвѣтили бы ему экономисты: но мы и не думаемъ категорически утверждать, что одинъ изъ нихъ древнѣе; наша схема нужна намъ только для того, чтобы удобнѣе въ рамкахъ ея расположить явленія не только экономическаго, но и духовнаго быта. Намъ никогда въ голову не приходило, сказали бы они дальше, что противъ насъ можно выставить слѣдующее возраженіе г. Харузина: „представители такъ называемой экономической теоріи несомнѣнно вдаются также въ крайность, стремясь объяснить появленіе если не всѣхъ, то большинства институтовъ первобытнаго права и религій, равно и развитіе матеріальной культуры, изъ экономическихъ условій, и ошибаются, полагая, что, чѣмъ ниже экономической уровеньъ племенъ, тѣмъ и встрѣчающіеся у него институты первобытнѣе“ (стр. 62). Ни Гроссе, написавшій цѣлую книгу о происхожденіи искусства, ни Гильдебрандтъ этого никогда не говорили: очень сложное пониманіе родственныхъ отношеній наблюдается уже при самыхъ примитивныхъ формахъ экономическаго быта, но, съ другой стороны, кажется, нельзя ничего возразить противъ положенія, что институты собственности находятся въ тѣснѣйшей связи со способами добычи пропитанія. Самъ г. Харузинъ признаетъ это, хотя и здѣсь выраженія его своей туманностью и неопредѣленностью обличаютъ недостаточно вдумчивое отношеніе къ разбираемой теоріи. „Не признавая за экономическими условіями характера единственнаго фактора въ исторіи развитія человѣчества (какъ не признаютъ его, прибавлю отъ себя, ни Гроссе, ни Гильдебрандтъ,

ни Бюхеръ, ни Фиркадтъ, ни Испивидкій и др.) и не считая удачной классификацію расъ по типамъ хозяйственнаго быта, слѣдуетъ, однако, отгнѣить, что многія явленія жизни народностей могутъ быть объяснены и съ достаточной точностью освѣщены только изъ экономическихъ условій, среди которыхъ живутъ первобытныя группы" (стр. 63). Хотя бы одинъ примѣръ далъ здѣсь Харузинъ, который, еще разъ повторяю, имѣлъ цѣлью *научить* студентовъ, а не запутать ихъ въ лабиринтъ не разрѣшенныхъ вопросовъ. Правда, онъ приводитъ одинъ примѣръ, по такой, который долженъ будто бы разбить увлеченія экономистовъ. Онъ сличаетъ (крайне поверхностно, надо прибавить) бытъ огнеземельцевъ и австралийцевъ, находитъ у нихъ одинаковые способы добыванія шпичи при извѣстной разности культурныхъ началъ и затѣмъ такъ суммируетъ свои возраженія противъ экономистовъ: „соединивъ, такимъ образомъ, рядъ племенъ, стоящихъ на одной ступени экономической культуры, и найдя, что одні стороны быта развиты у однихъ, а другія у другихъ, мы получаемъ только слѣдующій, совершенно безсодержательный выводъ, что есть охотничьи или бродячіе народы, какъ бы мы ихъ ни назвали, которые знакомы съ мореходствомъ, и такіе, которые его не практикуютъ, хотя и живутъ у моря" и т. д. (стр. 65). Конечно, это выводъ безсодержательный, но зачѣмъ его дѣлать? Въдѣ экономисты утверждаютъ только одно, что относительная древность культуръ опредѣляется относительнымъ совершенствомъ ихъ экономическаго быта. Не вполнѣ усвоивъ эту точку зрѣнія, г. Харузинъ сражается съ вѣтрными мельницами.

Къ сожалѣнію, ту же слабость методологической разработки, которая является „первороднымъ грѣхомъ" книги покойнаго ученаго, намъ приходится отмѣтить и въ послѣдующихъ разсужденіяхъ его.

Признавъ за излѣпшее классификацію народностей по одному этнографическому признаку, Харузинъ указываетъ изслѣдователю-этнографу его обязанность „выдѣлять извѣстную группу явленій и прослѣдить ходъ развитія въ предѣлахъ этой группы отъ простѣйшихъ формъ до болѣе сложныхъ" (стр. 66). Съ этимъ нельзя не согласиться въ принципѣ, хотя послѣднія замѣчанія автора о простыхъ и сложныхъ формахъ не вполнѣ ясны. Дѣйствительно, только изолировавъ предметъ наблюденія, можно изучить его въ самомъ себѣ, и потому выводъ Харузина находится въ полной связи съ его общей точкой зрѣнія на эволюцію. „Изучивъ эволюцію въ предѣлахъ раз-

ныхъ группъ явленій“, говоритъ онъ, „мы получимъ стройное и ясное представленіе объ исторіи человѣческаго развитія, откроемъ законы, согласно которымъ это развитіе подвигалось впередъ“. Но какъ открыть въ каждой группѣ явленій простыя и относительно сложныя? Для этого г. Харузинъ совѣтуетъ „подвергнуть явленіе точному анализу и разложить на составныя части, т.-е. опредѣлить признаки явленія и выдѣлить существенныя признаки отъ второстепенныхъ“ (т.-е., замѣчу отъ себя, продѣлать совершенно субъективную работу). Но и это не удовлетворяетъ этнографу; онъ только тогда можетъ быть увѣренъ въ успѣшности своихъ выводовъ, если привлечетъ возможно больше матеріала, къ которому отнесется критически, и, во-вторыхъ, если изучитъ „явленіе извѣстной категоріи не изолированно, а взятое въ связи съ окружающими его явленіями въ той же группѣ“ (стр. 68). Такъ, напримѣръ, семью необходимо изучать въ связи съ общественными учрежденіями и развитіемъ государства.

И, тѣмъ не менѣе, для субъективизма остается широкій просторъ, и самъ г. Харузинъ даетъ намъ не мало образчиковъ того, какъ легко создать *искусственную* группу явленій. Чтобы не уходить далеко, приведу такую схему названнаго ученаго (стр. 189): „Первичной рабочей силой при земледѣліи служили люди... Посредствомъ людей производится обработка полей и въ Колумбін. До настоящаго времени запряганіе женщинъ для перевозки тяжести встрѣчается въ Китаѣ. У древнихъ германцевъ, а равно и у русскихъ инородцевъ, объ этомъ порядкѣ вощей передается въ сказкахъ и легендахъ. Къ этому циклу преданій можно отнести и рассказъ нашей лѣтописи объ обрахъ (аварахъ), которые, покоривъ славянъ, впрягали въ телѣги ихъ женщинъ вмѣсто воловъ и лошадей, заставляя себя перевозить съ мѣста на мѣсто“. Какъ нарочно, лѣтопись отмѣчаетъ, что обры насильовали (оскорбляли) славянъ. Произвольность схемы очевидна! Едва ли не черезъ каждыя двѣ-три страницы мы находимъ такія же логическія ошибки. Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, что я не голословно обвиняю г. Харузина въ недостаточной продуктивности методологической стороны этнографіи. „Многія народности до настоящаго времени не знакомы съ употребленіемъ лодокъ“, говоритъ онъ (стр. 228) и въ примѣръ приводитъ бразильскія племена бороръ и ботокудовъ, которые переправляются черезъ рѣку по доскѣ, которую перекадываютъ черезъ нее. Но „значительная часть осталь-

ныхъ народностей центральной Бразиліи знакома уже съ лодками". Вспомнимъ, что Штейнепъ рассказываетъ про бороро ¹⁾: дѣйствительно, онъ упоминаетъ о томъ, что эти дикари не знали *каму* (особаго рода челноки, бывшіе въ ходу у другихъ дикихъ племенъ Бразиліи), но *прибавляетъ*, что лодки бразильцевъ (т.-е. тѣхъ культурныхъ бразильцевъ, отъ которыхъ дикари многому научились) бороро называютъ словомъ, которымъ означаютъ „вѣтви и сучья, связанные въ видѣ маленькиихъ плотовъ для перевозки тяжестей“. Отчего же бороро не употребляли лодокъ, которыхъ они не могли не знать какъ по своимъ культурнымъ сношеніямъ съ другими бразильскими племенами, такъ и въ виду связей съ цивилизаціей Бразиліи? Штейнепъ даетъ намъ косвенный отвѣтъ на это, рассказывая, какіе опытные бродоискатели бороро, какъ они любятъ идти по водѣ. Въмѣсто того, чтобы переплыть черезъ рѣку и затѣмъ двинуться по сушѣ, они предпочитаютъ идти по горло по рѣкѣ, беря вплавъ болѣе глубокія мѣста.

Г. Харузинъ, повидному, не задумывался надъ вопросомъ, можно ли создавать эволюціонную схему даже съ его точки зрѣнія на эволюцію, если то или другое явленіе, имъ приводимое въ качествѣ ступени, стоитъ одиноко. Съ одной стороны у него есть наготовѣ возраженіе, что такіе-то факты „чрезвычайно рѣдки и не могутъ быть прослѣжены даже на основаніи изученія переживаній у большинства народностей“, при томъ они встрѣчаются у племенъ, „достигшихъ сравнительно высокой степени культуры“ (а переживанія-то?) (стр. 213), но, съ другой стороны, г. Харузинъ не колеблется включить въ схему факты единичные. Такъ, говоря о развитіи метательныхъ орудіи, служащихъ для увеличенія силы удара копья, авторъ упоминаетъ вскользь объ австралійской камерѣ, хотя и прибавляетъ: „слѣдуетъ имѣть въ виду (почему, не ясно), что камера известна только въ Австраліи и въ другихъ частяхъ свѣта не встрѣчается“ (стр. 246), затѣмъ переходитъ въ Новую Каледонію, а изъ нея прямо въ Римъ. Къ чему эта схема? Какая связь между Новой Каледоніей и Римомъ? Въ исторіи развитія очага г. Харузинъ приводитъ формы, которыя, по его собственнымъ словамъ, „не могутъ считаться ни первобытными, ни общераспространенными“ (стр. 161).

Очень любитъ авторъ разсматриваемой книги въ своемъ увлеченіи группировкой и выдѣленіемъ одинаковыхъ группъ явленій подбирать

¹⁾ K. von den Steinen, Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens. Berlin 1894, стр. 482—483.

последнія, какъ придется. Вотъ примѣры: „Для постройки употребляютъ камни безъ искусственной обдѣлки, ничѣмъ не скрѣпляя ихъ между собой. Такова, напримѣръ, постройка дольменовъ, гдѣ глыбы держатся исключительно собственной тяжестью; этимъ же путемъ строятся до настоящаго времени каменные изгороди, стѣны хозяйственныхъ построекъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнемъ“ (стр. 209). Что приобретаетъ наука отъ сравненій дольменовъ съ нашими каменными заборами? Что можно складывать камни безъ цемента? Это ли не бессодержательный выводъ! На стр. 158 г. Харузинъ признаетъ переживаніемъ обыкновеніе черногорцевъ въ мелкихъ мѣстахъ стрѣлять въ рыбу изъ пистолетовъ, точно у людей, не выпускающихъ изъ рукъ оружія, не могъ совершенно независимо отъ какихъ-нибудь бразилійскихъ бакари развиться этотъ видъ спорта. Говоря о происхожденіи оружія, нашъ ученый замѣчаетъ: „другимъ прототипомъ копья является заостренная палка, которая употребляется и для хозяйственныхъ цѣлей, для выгребанія корней: она могла навести человѣка на мысль устроить собѣ первое колющее оружіе“ (стр. 243). Какъ видно изъ предшествующихъ частей книги, г. Харузинъ раздѣляетъ взглядъ Штейнена и Бюхера, по которому женщина, предоставленная въ смыслѣ добычи пищи собѣ самой, научилась добывать корни, такъ сказать—изобрѣла земледѣліе въ то время, какъ мужчина охотился. Если это такъ, то, конечно, она дѣлала это тѣмъ же орудіемъ, съ какимъ ея мужъ ушелъ на охоту, т. е. заостренной палкой. Что въ этомъ случаѣ произошло изъ чего: копье изъ палки-сохи или наоборотъ, я думаю, довольно ясно. Врядъ ли бы и г. Харузинъ судилъ иначе, если бы страсть къ схемамъ не завлекала его такъ далеко.

Искусственные сближенія, переходы изъ одной части свѣта въ другую въ поискахъ за стадіями эволюціи, замѣчанія въ родѣ того, что большинство дикарей *еще* не знакомо съ употребленіемъ собаки для охоты, а „у сѣверныхъ инородцевъ Россіи собака является *уже* важнымъ помощникомъ при охотѣ“, разсѣяны въ книгѣ покойнаго ученаго щедрой рукой; они значительно ослабляютъ силу нѣкоторыхъ вѣрныхъ и тонкихъ соображеній и, къ сожалѣнію, придаютъ книгѣ характеръ какого-то сборника курьезовъ и рапортетовъ.

Говоря объ эволюціи явленій, этнографъ предполагаетъ преемственность развитія: люди, знакомые съ предшествующею стадіей развитія, двигаютъ это послѣднее въ томъ же направленіи, въ какомъ вели его ихъ предшественники; такимъ образомъ, совершается эволюція извѣстной категоріи явленій. Въ этомъ смыслѣ мы съ полнымъ осно-

ваніемъ можемъ говорить объ эволюціи науки, о развитіи той или другой технической промышленности и тому подобной сознательной дѣятельности культурныхъ людей. Иначе эволюцію можно допустить только въ томъ случаѣ, если предположить, что всѣ племена проходятъ къ единому результату черезъ одинаковыя ступени: въ этомъ смыслѣ Тиле говоритъ объ эволюціи религіи, филологи прежняго времени о развитіи языковъ, при чемъ стадіями развитія признавались изолирующая, агглютинирующая и флексирующая формы ихъ. При этомъ пониманіи эволюціи изученіе одного племени можетъ дать (и должно дать, если историческій матеріалъ находится въ достаточномъ изобиліи) всѣ стадіи развитія известной категоріи явленій.

Въ области матеріальной культуры такой необходимости эволюціи, общей для всего человѣчества, какъ въ области духовной, гдѣ эта необходимость вытекаетъ изъ одинаковаго устройства человѣческаго ума, мы не находимъ: способы передвиженія, орудія борьбы, методы земледѣлія могутъ развиваться въ разныхъ мѣстахъ по разному подъ вліяніемъ среды, климатическихъ и другихъ особенностей быта племени. Такимъ образомъ, здѣсь говорить объ эволюціи мы можемъ смѣло только тогда, когда данныя историческія позволяютъ установить преемственность культуры, вызванную переселеніемъ племени въ сосѣдство иныхъ народностей, переносомъ культурныхъ приобрѣтеній и т. п. Если этого завѣдомо нѣтъ, то схема будетъ носить совершенно случайный характеръ, какъ большинство схемъ въ книгѣ г. Харузина. Кроме того, не надо забывать, что, вращаясь въ сферѣ дикарей, этихъ по преимуществу „неисторическихъ“ племенъ, какъ ихъ назвалъ одинъ ученый, изслѣдователь никогда не можетъ быть увѣренъ, утеряна ли или еще не приобрѣла известная народность тѣхъ или другихъ завоеваній культуры; дѣйствительно ли никогда не были связаны культурными сношеніями племена, нынѣ раздѣленные цѣлыми пропастями во времени или пространствѣ и т. п. Все это вопросы, крайне сложные, не допускающіе произвольнаго рѣшенія. Къ сожалѣнію, и тутъ приходится отмѣтить методологическую слабость книги г. Харузина: такъ, онъ считаетъ „очевиднымъ, что изобрѣтеніе полировки произошло въ разныхъ центрахъ земнаго шара, такъ какъ мы встрѣчаемъ полированные орудія подъ самыми различными широтами у расъ, никогда не имѣвшихъ сношенія другъ съ другомъ“ (стр. 125), тогда какъ для изобрѣтенія горшечнаго производства г. Харузинъ склоненъ ограничиться только нѣсколькими центрами, немногочисленность которыхъ намѣренно подчеркиваетъ.

Такъ какъ оба допущенія сдѣланы въ сущности безъ достаточной провѣрки, то наука ни отъ одного изъ нихъ ничего не выигрываетъ.

Еще большую сложность приобретаетъ схема, когда въ культурной странѣ возникаетъ обычай, возрождающій предполагаемую отдаленную старину. Такъ, сербскіе этнографы (напр. г. Алекса Іовановичъ) указываютъ на все болѣе укрупняющійся въ извѣстныхъ экономическихъ районахъ Сербіи обычай похищенія женъ; г-жа Ериженко въ своемъ „Обычномъ правѣ“ (1884, стр. 14—15) отмѣчаетъ распространеніе обычая похищенія женъ въ губерніяхъ внутренней Россіи. Обычай кладки (денегъ на свадебные расходы, которые даетъ женихъ), по сознанію самихъ крестьянъ, принявшихъ его сравнительно недавно (послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости), оказываетъ очень вредное вліяніе на положеніе женщины. „Являясь въ семью мужа, какъ результатъ извѣстныхъ затратъ со стороны этой семьи, и затратить иногда довольно чувствительныхъ, женщина дѣлается предметомъ постоянныхъ упрековъ за эти затраты и стремленій возмездно вернуть затраченное съ ляхвою на ея рабочей силѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе такого возрожденія архаическихъ отношеній въ высшей степени плодотворно для этнографической науки, но какъ отвести имъ мѣсто въ опредѣленныхъ схемахъ эволюціи, напр. брака? Дѣйствительно ли это полное повтореніе стараго учрежденія или же нѣчто совершенно новое, сложное, только съ вышней стороны напоминающее старину? И далѣе: есть ли вполне сходныя учрежденія, можно ли говорить объ эволюціи группы явленій, находя стадіи этой эволюціи у различныхъ племенъ. Даже усваивая себѣ иноземное учрежденіе, т. е. даже принимая преемственность культурнаго развитія, племя ассоціируетъ его съ своимъ прошлымъ, отчего въ эволюцію вносятся новые факторы.

Наконецъ этнографы, и это ихъ общій недостатокъ, отъ котораго не свободенъ и Харузинъ, слишкомъ легко устанавливаютъ относительную простоту и сложность явленія. Конечно, шалашъ проще пятиэтажнаго дома, но я не рѣшился бы назвать примитивнымъ тотъ шалашъ, который устраиваютъ бразилійскіе дикари. „Женщины срѣзаютъ широкія листья кокосовой пальмы и втыкаютъ ихъ стеблями въ землю вокругъ очага; при этомъ листья, вслѣдствіе собственной тяжести, склоняются другъ къ другу и образуютъ естественный сводъ“ (стр. 197). Какая тонкость наблюденія и какая вѣрность комбинаціи. А вотъ какъ г. Харузинъ описываетъ „первобытную“ трубу, которая встрѣчалась „еще“ въ XVIII вѣкѣ среди якутовъ. „Для ускоренія выхода

дыма", говоритъ онъ: „надъ очагомъ, на известной высотѣ отъ него, въ дынное отверстіе вставляется корзина съ расширеннымъ нижнимъ концомъ. Эта первобытная труба усиливаетъ тягу. Во избѣжаніе воспламененія корзины ее обмазываютъ огнеупорнымъ веществомъ, преимущественно глиной“ (стр. 219). Или вотъ способъ прикрѣпленія камня къ дереву, известный бразилійскимъ дикарямъ: они „продѣлывали въ растущемъ деревѣ трещину и вкладывали въ нее конецъ камня. Трещина заростала и крѣпко держала камень, послѣ этого дикарь срубалъ сучокъ“ (стр. 116). Врядъ ли и здѣсь можно говорить объ относительной простотѣ или сложности явленія въ группѣ ему подобныхъ: можетъ существовать очень развитая каменная или деревянная культура, и выдѣлять изъ нихъ обѣихъ категоріи явленій, служащихъ, напр., для одного назначенія (напр. развитіе орудія, посуды и т. п.) будетъ опять таки не научно. Изъ своей интересной книги: „Vorgeschichte der Indoeuropäer“ (1894) Герингъ попытался изучить каменную (будто бы семитскую) и деревянную (будто бы арійскую) культуры, независимо одна отъ другой; несмотря на массу увлеченій схематизмъ, онъ очень ярко провелъ возможную въ принципѣ самостоятельность каждой изъ этихъ цивилизацій. Это нельзя не имѣть въ виду, говоря о простыхъ и сложныхъ явленіяхъ матеріальной культуры. Еще труднѣе различить ихъ въ области духовной жизни человѣчества. Кто проще смотритъ на грозу: дикарь ли, трепещущій передъ этимъ величественнымъ явленіемъ природы, или современный человѣкъ, устроившій громоотводы и стрѣляющій изъ пушекъ въ градовая туча; или кто проще относится къ людямъ: современный социалистъ, отстаивающій 8-часовой рабочій день и право рабочаго на участіе въ прибылхъ капиталиста, или проповѣдникъ „естественнаго права“ XVIII вѣка, по которому каждый человѣкъ долженъ быть довольствоваться своимъ природнымъ состояніемъ, быть безропотнымъ работъ или рабовладѣльцемъ, смотря по своему благородному или подлому происхожденію?

„Этнологи“, говоритъ Штейнметцъ ¹⁾, „слишкомъ многое признають естественнымъ или само собою понятнымъ, слова, которыхъ не дол-

---

¹⁾ Dr. S. A. Steinmetz, Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe, 2 тома. 1894, т. I, стр. XXXV. Методологическія соображенія Штейнметца очень интересны, хотя для меня не убѣдительны его замѣчанія относительно „Volkergedanke“ Бастіана. Интересно, что „догматизмъ“ и схематизмъ современныхъ этнографовъ его также порицають, и онъ говоритъ о нихъ довольно рѣзко.

жень бы употреблять ни одинъ изслѣдователь; изумленіе, мать научнаго знанія, развито въ нихъ еще слишкомъ мало, и они еще слишкомъ мало интересуются объясненіемъ всякаго явленія. Повидимому, они пишутъ гораздо чаще для образованной публики, чѣмъ для специалистовъ, которые требуютъ только хорошаго и обширнаго матеріала и сильныхъ, исчерпывающихъ вопросъ доказательствъ; отсюда вытекаетъ ихъ вредное стараніе ограничивать себя въ приведеніи цитатъ, не слишкомъ строго проводить свое доказательство, наконецъ, стремленіе быть занимательными, между тѣмъ какъ у нихъ должно было бы господствовать одно только стремленіе къ методически правильной, строго научной разработкѣ предмета, потому что только она можетъ доставить удовольствіе специалисту, а все прочее при теперешнемъ очень неудовлетворительномъ состояніи его науки должно причинять настоящему этнологу глубокую скорбь и вызывать въ немъ отвращеніе“.

Приведу еще одну любопытную цитату изъ сочиненія извѣстнаго историка религій, Мориса Верна, который много думалъ надъ методомъ этнографіи (пользуюсь терминомъ Харузина; Штейнметцъ называлъ бы эту науку — этнологіей; мнѣ представляются эти споры о названіи совершенно безцѣльными). Вернгъ посвятилъ цѣлую главу своей книги ¹⁾ „злоупотребленіямъ сравнительнымъ методомъ“ и очень удачно сравниваетъ этнографическія схемы, созданныя изъ фактовъ, выхваченныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ обстановокъ, съ „зданіемъ сложной архитектуры, въ которую вошли всевозможные стили, такъ, что само оно не представляетъ никакого стиля“ (стр. 80).

Возвращаемся къ книгѣ г. Харузина. Собственно этнографическую часть ея я оставляю теперь въ сторонѣ. Достаточно сказать, что матеріальную культуру авторъ разсматриваетъ въ слѣдующихъ 15 главахъ: I. Человѣкъ въ дилювіальномъ (палеолитическомъ) періодѣ. II. Человѣкъ въ неолитическомъ періодѣ. III. Орудія дикарей, незнакомыхъ съ металлами. IV. Огонь. V. Растительная пища. Охота и рыболовство. VI. Способы приготовления пищи. VII. Первобытная посуда. Гончарное искусство. VIII. Переходъ къ осѣдлости. Одомашненіе

¹⁾ *Maurice Vernes, L'histoire des religions. Son esprit, sa méthode et ses divisions. Son enseignement en France et à l'étranger. Paris. 1887. Глава III (стр. 67—118) носитъ заглавіе: „Les abus de la méthode comparative dans l'histoire des religions en général et particulièrement dans l'étude des religions sémitiques“.*

животныхъ. Скотоводство. Земледѣліе. IX. Жилище. X. Одежда. XI. Способы и средства передвиженія. XII. Оружіе. XIII. Знакомство чело-
вѣка съ металлами. XIV. Украшенія. XV. Искусство.

Подъ эти рубрики и разнесены этнографическія явленія, разне-
сены иногда довольно случайно съ постояннымъ стремленіемъ къ схе-
мамъ, довольно искусственнымъ. Но это недостатокъ не одной книги
г. Харузиня: возьмемъ ли мы „Очерки“ Липперта, „Антропологию“
Тэйлора или Петри и т. п., мы всегда встрѣтимся съ тѣмъ же под-
боромъ фактовъ.

Какъ мы видимъ, въ свою „этнографію“ Харузинъ включилъ и
такъ называемую матеріальную археологию. Но и здѣсь онъ не ска-
залъ ничего оригинальнаго, ничего своего; скажу даже больше:
г. Харузинъ, такъ просто воспользовавшись данными археологій для
своей книги, не замѣтилъ, что въ сущности методъ археологій,
котораго придерживается и онъ, находится въ полномъ противорѣ-
чій съ его методомъ этнографіи. Какъ мы видѣли, его пониманіе
послѣдней основывается на отрицаніи національныхъ, расовыхъ осо-
бенностей культуры, ибо лишь при этомъ условіи возможно говорить
о развитіи *Völkergedanke* у разныхъ народовъ. Стоя на этой точкѣ
зрѣнія, г. Харузинъ могъ, пожалуй, переходить отъ зулусовъ къ эс-
кимосамъ и изъ Мексики въ Римъ. Между тѣмъ, археологи нашего
времени придерживаются совершенно противоположнаго взгляда:
именно, они постоянно отождествляютъ культуру съ національностью,
толкуютъ о размещеніи племенъ на основаніи распространенія тѣхъ
или другихъ предметовъ, добытыхъ ихъ наукой, говорятъ о смѣшеніи
расъ, когда находятъ смѣшеніе культуръ и т. п. Такимъ образомъ,
здѣсь признаніе національнаго элемента въ культурѣ достигаетъ выс-
шей степени развитія, и для меня прямо непонятно, какъ г. Харузинъ,
который говоритъ о нѣсколькихъ центрахъ, напр. полировки камня
или гончарнаго ремесла, можетъ выставлять такія положенія: „въ
своихъ основныхъ, общихъ типахъ издѣлія изъ камня представляютъ
массу сходства, но въ деталяхъ существуютъ различія, дающія право
предполагать и различіе въ этническомъ составѣ тогдашняго населе-
нія Европы, различіе и въ типѣ и въ культурѣ, даже въ вѣрованіяхъ
и обрядахъ“ (стр. 103) или на стр. 107 онъ утверждаетъ, что „мо-
гилы (неолитическаго періода) крайне разнообразны по мѣстностямъ...
Очевидно, что Европа заселена уже этнически различными расами,
имѣющими каждая свои обычаи и обряды“.

На этомъ мы оставимъ г. Харузина ¹⁾. Мы видѣли, что его „Этнографія“ имѣетъ свои достоинства, представляя подборъ довольно любопытныхъ фактовъ, но предшествующія разсужденія имѣли цѣлью показать, что тотъ методъ этнографіи, котораго придерживается онъ, и которому слѣдуетъ большинство этнографовъ, оставляетъ желать очень много. Дѣло въ томъ, что запасъ культурныхъ пріобрѣтеній не только матеріальнаго, но и духовнаго характера находится въ постоянномъ расходѣ; человѣческая культура въ каждый данный моментъ подобна морю, по которому изъ края въ край плывутъ не только цѣльныя суда, но и обломки давно разрушенныхъ бурями кораблей. Только изучая международныя культурныя сношенія въ известной области цивилизаціи и въ известную эпоху жизни человѣчества, можно прийти къ выясненію возникновенія и роста человѣческой культуры. Но что такое *миконъ* культурной эволюціи—это, къ тому, до сихъ поръ, повидимому, совершенно неопредѣленное.

А. Погодинъ.

В. И. Модестовъ. Введение въ римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть первая, С.Пб. 1902.

Въ началѣ 1902 года археологическая наука обогатилась важнымъ трудомъ, который несомнѣнно представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую научную литературу. Но и западная литература не обладаетъ ни одной книгою, которая могла бы быть, по своему содержанію, сравнима съ новымъ сочиненіемъ В. И. Модестова. Печатное въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія изученіе памятниковъ до-историческаго періода Италіи въ сравнительно короткое время достигло блестящихъ успѣховъ, благодаря, съ одной стороны, неутомимой дѣятельности выдающихся ученыхъ — назовемъ только имена Пигорини, Орси, Брицціо, Милани и др., — а, съ другой, просвѣщенному содѣйствію правительства и ученыхъ корпорацій новаго королевства.

---

¹⁾ Надо отмѣтить, что нѣкоторыя важныя сочиненія по этнографіи остались г. Харузину неизвѣстными: знакомство съ книгой Гана „Die Haustierte“ могло бы очень пригодиться ему при составленіи главы о домашнихъ животныхъ; книга Массона: „The origin of invention“ обогатила бы его трудъ многими интересными фактами и т. д. Что касается приложенной къ „Этнографіи“ библиографіи, то она составлена крайне несистематически и носитъ совершенно случайный характеръ.

Къ сожалѣнію, богатые результаты раскопокъ и археологическихкихъ изслѣдованій для не специалиста, не живущаго въ Италіи, мало доступны. Оня отчасти еще не вполне изданы, яля же разбросаны въ тысячѣ журнальных статей, монографій, изданій мѣстныхъ ученыхъ обществъ. Желаящій познакомиться съ нынѣшнимъ положеніемъ итальянской до- исторической науки, находится, такимъ образомъ, почти въ безпомощномъ состояніи. За исключеніемъ ориентирующихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ статей профессоровъ: Кастельфранко (въ послѣднихъ томахъ прекратившагося журнала *Revue d'anthropologie*) и фонъ-Дуна (въ *Neue Heidelberger Jahrbücher*) нѣтъ никакихъ руководствъ для интересующагося этою немаловажною областью науки. Правда, начато обширное сочиненіе извѣстнаго иудейскаго археолога Монтелиуса „La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux.“ Но оно, во-первыхъ, ограничится только бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками, во-вторыхъ же, до сихъ поръ вышелъ только первый томъ этого сочиненія съ атласомъ, содержащій описаніе памятниковъ лишь Сѣверной Италіи. Такъ какъ сочиненіе рассчитано всего на четыре тома, и въ четвертомъ только будутъ заключаться общіе выводы изъ трехъ предыдущихъ, то всю пользу изъ сочиненія Монтелиуса— по высокой цѣнѣ оно впрочемъ безъ того мало доступно — возможно будетъ извлекать лишь въ ближайшемъ будущемъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя не встрѣтить съ живѣйшею благодарностью сочиненіе В. П. Модестова, которое въ значительной степени восполняетъ указанный очень чувствительный пробѣлъ въ археологической литературѣ всѣхъ странъ Европы. Съ удивительною научною энергіею ученый авторъ въ музеяхъ и библіотекахъ собралъ громадное множество разсѣянныхъ до сихъ поръ свѣдѣній и съ широкимъ знаніемъ дѣла расположилъ ихъ въ систематическій порядокъ. Получился, такимъ образомъ, очень богатый содержаніемъ сводъ, который не представляетъ сухой справочной книги, но, подѣ талантливымъ перомъ автора, превратился въ книгу, читающуюся съ большимъ интересомъ. Ясности изложенія много содѣйствуютъ приложенныя къ тексту многочисленныя превосходно исполненныя фототипическія таблицы. Для иностранныхъ ученыхъ, не умѣющихъ читать по-русски, дается краткое резюме книги на французскомъ языкѣ.

Правда, составленіе такого по истинѣ полезнѣйшаго свода собственно не входило въ задуманную авторомъ задачу. Онъ самъ по этому поводу высказался въ предисловіи такъ: „Я долженъ сказать,

что мое отношенію къ палео-этнологическимъ вопросамъ не могло быть вполнѣ такимъ, какъ къ нимъ относятся сами палео-этнологи. Оно у меня было подчинено идеѣ, что съ палео-этнологическими данными въ рукахъ я иду къ началу Рима, главной цѣли труда, мною теперь предпринятаго. Поэтому я особенно выдвигаю впередъ лишь такіе пункты, которые ведутъ меня къ этой цѣли, не считая нужнымъ останавливаться на многихъ частностяхъ, которыя имѣли значенію лишь тогда, если бы я имѣлъ въ виду написать полную и подробную картину до-исторической жизни Италіи. При этомъ до-историческая жизнь нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ областей мною или вовсе не затронута или затронута лишь мимоходомъ. Но указанные авторомъ въ предисловіи (стр. XIII) пробѣлы онъ обѣщаетъ по большей части пополнить во второмъ томѣ, такъ что, по появленіи послѣдняго, мы будемъ имѣть не совсѣмъ полный, а только почти полный и подробный перечень результатовъ до-исторической археологіи Италіи. Этотъ сводъ будетъ отличаться тою особенностью, что въ немъ не будетъ выдержанъ обычный систематическій порядокъ по культурамъ; порядокъ разсмотрѣнія будетъ подчиненъ соображеніямъ палео-этнологіи. Въ первомъ томѣ, впрочемъ, палео-этнологическая группировка почти совпадаетъ съ систематическою, по ку^{ль}турамъ: культура каменнаго вѣка, палео- и неолитическаго присваивается первобытному, сикуло-лигуро-иберскому населенію Италіи; бронзовый вѣкъ, культура террамаръ, удѣленъ латинянамъ, начало желѣзнаго, культура Виллановы, умбрамъ. Сводъ археологическихъ фактовъ мѣстами прорывается этнологическими изслѣдованіями, въ которыхъ авторъ, не ограничиваясь однимъ только археологическимъ матеріаломъ, обращается также къ помощи и другихъ данныхъ, напримѣръ антропологическихъ, лингвистическихъ или историческихъ. Въ этихъ этнологическихъ изслѣдованіяхъ самимъ авторомъ, очевидно, усматривается главная научная задача предпринятаго имъ труда. Собранные же богатые матеріалы являются въ такомъ случаѣ только необыкновенно расширеннымъ фундаментомъ для сравнительно необширной этнологической постройки. Поэтому мы въ длинномъ заглавіи книги не читаемъ „До-историческая жизнь народовъ древней Италіи“ или т. п., но „Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи“.

Но, кромѣ того, въ заглавіи значится еще „Начало Рима“ и „Введеніе въ Римскую исторію“. Приведенныя нами выше слова автора показываютъ, что Римъ и его начало составляютъ главную цѣль новаго труда. Имя В. И. Модестова издавна связано съ вопросомъ о

началь Рима. Задача изслѣдованія древнѣйшей Римской исторіи его занимала уже съ молодыхъ лѣтъ. Она ему служила исходнымъ пунктомъ для появившейся въ 1868 г. докторской диссертациі „Римская письменность въ періодъ царей“. Почтенный авторъ диссертациі вооружился тогда противъ „господствующаго взгляда на древнѣйшую римскую исторію“, „относящагося къ періоду царей съ самымъ отчаяннымъ скептицизмомъ“. Этотъ взглядъ, по мнѣнію г. Модестова, „не имѣетъ для себя прочнаго основанія“. „Отыскивая слѣды письменности въ Римѣ во время царей“, продолжаетъ авторъ (Римск. письм. предисл., стр. III), „мы думали тѣмъ представить доказательства, что время, въ которое издавались законы, заключались союзные договоры, велся календарь, писались богослужебныя книги, не можетъ считаться баснословнымъ, что Ромулъ и Нума—не миѣы, не отвлеченныя категории, а живые люди, облеченные въ плоть и кровь своихъ дѣлній, запечатлѣнныхъ памятниками современной письменности, сохранившимися до позднѣйшаго времени римской исторіи“. Авторъ, однако, заявивъ о своемъ намѣреніи открыть совершенно новое направленіе, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ предупредить своихъ читателей, что изслѣдованіе его не заключаетъ въ себѣ ничего полемическаго. „Изслѣдованіе“, прибавилъ онъ, „идетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ограничиваясь единственно отысканіемъ слѣдовъ римской письменности въ періодъ царей, и предоставляетъ общій выводъ уже самому читателю“. Намъ неизвѣстно, нашлись ли такіе читатели, которые своимъ умомъ открыли бы первыя сказанныя авторомъ полемическіе выводы. Я думаю, что нѣтъ, потому что каждый внимательный читатель замѣтилъ бы, что одно лишь существованіе въ царскій періодъ эпиграфическихъ и другихъ письменныхъ памятниковъ, главнымъ образомъ сакрального характера, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что на самомъ дѣлѣ традиціонный рассказъ о древнѣйшемъ Римѣ основанъ на подобнаго рода документахъ. Извѣстно, напримѣръ, какую небывалую вещь еще для римскихъ ученыхъ П въѣвъ представляла попытка Поливія привлечь къ составленію древней исторіи одну старую надпись. Примѣру Поливія кос-гдѣ слѣдовалъ тотъ или другой изъ позднѣйшихъ анналистовъ, напримѣръ Лициній Мадеръ. Но отъ этого, конечно, не измѣнится самый существенный фактъ въ исторіи римской исторіографіи, что исторія первыхъ вѣбовъ Рима основана не на современныхъ документахъ, а составлена позднѣе попифексамъ и анналистами изъ очень сомнительныхъ источниковъ. В. И. Модестову это было прекрасно извѣстно. „Послѣ долгаго обсужденія дѣла“

(Римск. письм., стр. 107) и онъ пришелъ къ тому же мнѣнiю, которое въ XVIII столѣтiи было высказано французскими учеными, принято Нибуромъ и повторено многими другими изслѣдователями, а именно, что находившаяся въ сборникѣ римскихъ анналь „лѣтопись царей, равно какъ и перваго времени республики, была поддѣльная“. Такъ какъ именно на послѣднихъ фактахъ цѣлкомъ основавъ весь „скептическiй“ взглядъ на древнѣйшую исторiю Рима, нѣтъ никакой принципиальной разницы между взглядомъ „отчаянныхъ скептиковъ“ и взглядомъ почтеннаго представителя „новаго“ консервативнаго направленiя. Совершенно естественно, что невольному единомышленнику скептицизма нельзя было вступать съ нимъ въ полемику. Весь походъ противъ „скептицизма“, слѣдовательно, ограничился нѣсколькими сильными фразами предисловія. Главное дѣло, можетъ быть, въ томъ, что В. И. Модестовъ болѣе склоненъ къ составленiю и разработкѣ твердыхъ фактовъ, чѣмъ къ сплетенiю сложныхъ гипотезъ. По волѣ судьбы онъ, однако, уже съ молодыхъ лѣтъ, увлекается вопросомъ самаго гадательнаго характера. Умомъ онъ сознаетъ, что событія этого темнаго періода начала Рима на-вѣкъ забыты, вслѣдствіе поздняго развитiя у римлянъ исторiографiи. Здѣсь ничего не остается, какъ пускаться въ болѣе или менѣе правильныя и остроумныя гипотезы. Авторъ нашъ вышелъ изъ дилеммы такимъ образомъ, что намѣтивъ себѣ область свѣдѣній, лежащую около вопроса о древнѣйшей исторiи Рима и связанную съ послѣдней въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Всѣ историкъ Рима, въ введенiи въ самую исторiю, даютъ болѣе или менѣе подробное обзорнiе источниковъ. Еще подробнѣе о древнѣйшихъ памятникахъ письменности, конечно, должны трактовать историкъ литературы. Вотъ это-то безмятежное поле въ 1868 г. выбралъ В. И. Модестовъ для созидательной своей работы изъ области исторiи древнѣйшаго Рима. Плодомъ этой дѣятельности явился очень полный и ученый сводъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о древнѣйшей письменности римлянъ. Этотъ полезный сводъ до сихъ поръ не потерялъ своего значенiя. На настоящiй вопросъ о древнѣйшей исторiи, заключающiйся въ критическомъ разборѣ традиціи, трудъ В. И. Модестова не могъ оказывать почти никакого вліянія, уже въ силу того, что у него совсѣмъ не разработана самая основная тема, вопросъ о происхожденiи анналистическаго преданiя. Всѣ заявленiя предисловія оказались въ сущности платоническими мечтами.

Маститый авторъ, однако, остался вѣренъ идеалу своей молодости,

опять приступая въ новомъ трудѣ къ старому вопросу о дѣйствительности древнѣйшаго періода Рима. Опять, по старому, раздается въ предисловіи громкій выстрѣлъ по адресу разрушительнаго скептицизма. Опять дѣлается заявленіе, что давно пора приступить къ созидательной работѣ. Опять, по словамъ автора, открывается „новое направленіе въ разработкѣ древнѣйшей римской исторіи“, „единственно вполне научное и единственно въ настоящее время плодотворное“. Высокая его оцѣнка труда со стороны автора объясняется тѣмъ его убѣжденіемъ, что онъ теперь возстановитъ древнѣйшую исторію Рима на основаніи самаго положительнаго матеріала, „на основаніи видимыхъ глазами и осязаемыхъ руками непосредственныхъ памятниковъ самой жизни“. Сохраняемые въ римскомъ Museo Preistorico предметы римскаго происхожденія, въ общемъ, признаться, довольно многочисленныя, случайно открытыя въ могилахъ и складахъ отбросовъ до-историческаго Рима, вполне, конечно, доступны нашимъ органамъ чувствъ. Но для того, чтобы видимыя кости и обломки горшковъ сдѣлались научнымъ матеріаломъ для исторіи культуры, необходимо подвергать ихъ болѣе сложному умственному процессу. Придется опредѣлять отношеніе ихъ къ однороднымъ предметамъ данной мѣстности и чужихъ мѣстъ. Затѣмъ требуется выяснитъ ихъ происхожденіе и хронологію. При полномъ нечтн отсутствіи твердыхъ данныхъ о хронологіи до-историческихъ періодовъ, при незнакомствѣ нашимъ даже съ самыми главными событіями исторіи этихъ временъ, наиримѣръ, съ переселеніями отдѣльныхъ народовъ, съ мирными или воинственными между ними столкновеніями, всѣ опредѣленія до-историческихъ памятниковъ, опредѣленія археологическія, этнологическія или просто историческія, необходимо должны имѣть болѣе или менѣе условный и гадательный характеръ. Не думаемъ, конечно, отрицать, что полное игнорированіе данныхъ до-исторической археологіи ничѣмъ не оправдывается. Въ исторіи древней Греціи въ послѣдніа два десятилѣтія уже стало обычаемъ, въ вступительной главѣ, давать извѣстное обзорѣніе, по археологическимъ даннымъ, древнѣйшей неолитической „культуры острововъ“, затѣмъ миконскаго періода и т. д. Если въ исторіи Рима еще не принято обращать вниманія на до-историческую археологію, причиною этого, съ одной стороны, является, можетъ быть, громадный авторитетъ не расположеннаго къ ней Моммзена, а съ другой, сравнительно съ Греціею — большая скудость собственно римскихъ находокъ. Ставя, поэтому, В. И. Модестову въ высокую заслугу его энергичное требованіе о необходимости вклю-

ченія въ программу Римской исторіи и до-историческихъ данныхъ, мы, тѣмъ не менѣе, сильно сомнѣваемся, удастся ли ему, при помощи этихъ данныхъ, отгадать тайну древнѣйшей исторіи Рима. Не получится ли изъ нынѣшнихъ высокихъ мечтаній автора такой же результатъ, какъ въ 1868 г., другими словами, не останется ли въ общемъ, не смотря на громогласныя заявленія автора, неразрѣшенною старая загадка о началѣ Рима, и, вмѣсто того, благодарная наука не обогатится ли очень ученымъ и солиднымъ сводомъ положительныхъ данныхъ до-исторической археологіи, не только Рима, но и средной и связанной съ нимъ Италіи?

Мы не беремъ передать все богатое содержаніе книги, а отмѣчаемъ изъ него только слѣдующія важнѣйшія данныя. Въ первой, очень пространной, главѣ авторъ разсматриваетъ каменный вѣкъ въ Италіи. Установлено теперь многими несомнѣнными данными, что человѣкъ жилъ въ Италіи уже въ четвертичную эпоху, что онъ охотился еще за пещернымъ медвѣдемъ и первобытнымъ быкомъ, былъ современникомъ мамонта и другихъ животныхъ указанной геологической эпохи. Кости исчезнувшихъ породъ животныхъ вмѣстѣ съ грубо-обдѣланными кремневыми орудіями найдены, между прочимъ, въ дилувіальныхъ отложенияхъ Тибра у Ponte Molle, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима. Другіе слѣды палеолитической эпохи открыты на сѣверномъ склонѣ Апеннинъ и въ восточной Италіи отъ Пацены до Гарганскаго мыса, далѣе въ области верхняго Тибра, въ долинахъ. Но и въ Лигуріи. Особенно важны находки, сдѣланныя въ пещерахъ Лигуріи, гдѣ, между прочимъ, найдены человѣческіе скелеты типа Кю-Маньонъ. Древнѣйшіе троглодиты еще не знаютъ искусства обработки орудій посредствомъ полировки, не употребляютъ посуды, а умѣютъ пользоваться костями животныхъ, какъ острымъ оружіемъ. Никакихъ домашнихъ животныхъ они не имѣютъ. Живутъ они охотой, совсѣмъ не зная земледѣлія, и питаются, кромѣ убитыхъ на охотѣ четвероногихъ, рыбою и моллюсками. Изъ раковинъ и зубовъ убитыхъ животныхъ они любятъ дѣлать себѣ украшенія. Что касается до острововъ, прилегающихъ къ Италіи, то достаточный матеріалъ для доказательства существованія палеолитической эпохи собранъ въ костеносныхъ пещерахъ Сициліи.

Обозрѣнію неолитической эпохи посвящена вторая глава „Введенія въ Римскую исторію“. Памятники культуры вѣка полированного камня мы находимъ во всѣхъ областяхъ полуострова съ прилежащими къ нему островами. Это по преимуществу памятники могильные, но

наряду съ ними есть немало и памятниковъ, донедшихъ до насъ изъ обиталищъ, отъ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ сохранились въ землѣ основанія, такъ называемыя у итальянцевъ *fondi di saranne*, основанія хижинъ. Въ Ладіи большое вниманіе обратили на себя двѣ могилы, открытыя въ Стурголь и Канталупѣ. Онѣ устроены въ искусственныхъ гротахъ, сильно напоминающихъ погребальные гроты Сициліи. Скелетъ Стурголы знаменитъ тѣмъ, что окрашенъ киноварью, указывая на обычай окраски въ красный цвѣтъ декарнизованныхъ скелетовъ, обычай существовавшій во многихъ мѣстахъ неолитической Европы. Особенно извѣстны еще богатыми остатками неолитической культуры хижины въ долинѣ Вибраты въ Пизенѣ, далѣе открытыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ мастерскія для выдѣлки каменныхъ орудій, свидѣтельствующія также о существованіи уже въ эти времена правильныхъ торговыхъ сношеній. Основанія хижинъ распространены почти по всему полуострову. Ихъ находили подъ черными наслоеніями, въ которыхъ, при раскапываніи ихъ, оказывался уголь, кости, обдѣланные каменные орудія и черепки посуды. Надъ этими ямами, обыкновенно круглой или эллиптической формы, находились хижины, имѣвшія видъ шалашей и состоявшія изъ лежавшихъ на жердяхъ древесныхъ вѣтвей и, вѣроятно, дерна. Судя по наибольшему диаметру основаній, хижины имѣли ориентировку съ сѣвера на югъ. Еще болѣе обильнымъ источникомъ, чѣмъ *fondi di saranne*, служатъ для насъ искусственныя пещеры или гроты, распространенныя по всей средней и южной Италіи и на островахъ. Скелеты въ нихъ обыкновенно лежатъ на лѣвомъ или правомъ боку съ сильно скорченными ногами. Подлѣ нихъ найдено множество костей, каменной и глиняной утвари, а также и остатки жертвенныхъ животныхъ. Особенно богаты находками пещеры Поллера и Арена Кандиде въ Лигуріи. Наконецъ, открыты неолитическія стоянки, несходныя ни съ *fondi di saranne*, ни съ природными или искусственными пещерами, но одинаковой какъ съ тѣми такъ и другими культуры. Такова, на примѣръ, стоянка Альба въ Пиемонтѣ и Стентинелло близъ Свракузъ.

Въ третьей главѣ авторомъ разсматривается конецъ неолитической эпохи и періодъ мезолитическій. Культура неолитическая имѣла двѣ фазы, раннюю и позднюю, съ которою связана эпоха перехода въ бронзовому періоду. Главнымъ признакомъ ранней эпохи служитъ отсутствіе нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ формъ каменныхъ орудій, каковы наконецники стрѣлъ, большіе кремневые кинжалы, просверленные топоры и молоты, нѣтъ рѣдкихъ минераловъ — предметовъ,

находимыхъ уже въ верхнихъ неолитическихъ слояхъ жилищъ и погребеній или тамъ, гдѣ уже показываются предметы мѣдные. Эта заключительная фаза, энеолитическій періодъ, когда въ каменную культуру стали вторгаться мѣдь и бронза въ видѣ рѣдкихъ орудій и украшеній, была распространена по всей Италиі отъ свайныхъ построекъ подъ-альпійскихъ озеръ до Сициліи включительно. Самыми богатыми и въ то же время наиболѣе характеристическими представителями энеолитическаго періода является могильникъ Ремеделло-Соттио въ провинціи Брешии и искусственные гроты Сиракузской провинціи. Въ разныхъ мѣстахъ Эмилии, въ Тосканѣ, Лациі, Маркахъ и Аbruццяхъ, даже на островахъ набралась масса матеріала, ставящаго могильникъ Ремеделло въ тѣсную связь съ близкими и отдаленными мѣстностями. Повсюду видна въ нихъ та же форма погребеній и скорченное положеніе скелета на лѣвомъ боку, тѣ же треугольные книзжалы и наконечники стрѣлъ, тѣ же плоскіе топоры, уже не только каменные, но, главнымъ образомъ, мѣдные и т. п. Могила уже не пещерная, а открытая, имѣютъ явственную форму съ выгнутымъ двомъ и углубленіями въ боку для скорченныхъ ногъ. Трупы клялись въ землю безъ гробовъ. Изъ неполноты нѣсколькихъ скелетовъ можно заключить, что до окончательнаго погребенія производилась декоризація трупа. Последний обычай, а также скорченное положеніе скелетовъ, всего чаще на лѣвомъ боку, встрѣчаются часто въ неолитическую эпоху, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы, въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ курганахъ южной Россіи, равно какъ въ Азій и сѣверной Африкѣ. Отличіе сицилійскихъ энеолитическихъ могилъ отъ могилъ континентальной Италиі типа Ремеделло заключается прежде всего въ могильной утвари и керамикѣ. Тутъ другія формы, указывающія на связь съ Востокомъ. Въ Сициліи найдены, кромѣ того, дольмены, отсутствующіе на материкѣ Италиі, кромѣ такъ называемой Terra d' Otranto.

Авторъ теперь (стр. 55 сл.) разбираетъ вопросъ: какія обстоятельства сдѣлали возможнымъ въ Италиі каменнаго вѣка переходъ къ культурѣ иного рода, гдѣ начинаютъ играть роль металлы, къ культурѣ энеолитической, а затѣмъ и къ бронзовой. Указывается на возможность двухъ причинъ крупныхъ перемигъ въ культурѣ какой бы то ни было страны: 1) вышнія вліянія, въ особенности торговныя сношенія; 2) иммиграція въ страну народа съ другой культурою. Для Сициліи не нужно прибѣгать къ предположенію иммиграціи. На островѣ нѣтъ мѣди, а, съ другой стороны, многія произведенія

керамики, мѣдныя и бронзовыя надѣлія, наконецъ костяныя украшенія обнаруживаютъ технику, гораздо болѣе совершенную, чѣмъ вещи жѣстнаго производства. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что на островѣ, когда среди населенія его была распространена каменная культура, стали прѣбывать иностранные продавцы какого-то заморскаго народа. Это были кипріоты, которые привозили такія же керамическія и костяныя надѣлія, какія, кромѣ Сициліи, встрѣчаются еще во 2-омъ городѣ Трон, во времена, предшествовавшія микенскому періоду, около половинны 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. Происхожденіе энеолитическаго періода въ Сѣверной Италіи другое, такъ какъ она не могла имѣть непосредственныхъ сношеній къ Кипромъ или островами Эгейскаго моря. Кипрскія надѣлія, напримѣръ, мѣдныя плоскіе топоры и кнжалы, кромѣ подъ альпійскихъ странъ найдены еще въ Венгріи, слѣдовательно существовали, вѣроятно, торговыя сухопутныя дороги изъ Греціи черезъ Балканы въ Среднюю Европу и Верхнюю Италію. Другой торговый путь въ Италію, вѣроятно, пролегалъ изъ Африки черезъ Пиренейскій полуостровъ. Кромѣ торговыхъ сношеній, по мнѣнію автора (стр. 66), знакомство съ металломъ могло быть принесено въ Италію иммиграціею новыхъ элементовъ населенія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ это знакомство уже началось. Авторъ здѣсь обращается къ услугамъ краниологін. Хотя современная краниологія утверждаетъ, что нѣтъ на землѣ народа, у котораго наблюдалось бы существованіе исключительно одной формы черепа, авторъ, выходя изъ предположенія, что первобытное населеніе Италіи было чисто долихокефальное, подчеркиваетъ наблюденіе Цампы о смѣшанности типа череповъ могильниковъ энеолитическаго періода. На десять долихокефальныхъ череповъ приходится въ общемъ итогѣ три брахицефальныхъ. Это должно служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что въ концѣ неолитической эпохи въ сѣверную Италію изъ-за Альпъ пришла новая раса, принесшая съ собою культуру металловъ. Итакъ появленіе обработки металловъ въ Италіи объясняется двумя причинами, и торговымъ привозомъ и иммиграціею новаго народа. Первый фактъ установленъ множествомъ вѣскихъ аргументовъ, второй зависитъ отъ одного лишь довольно гадательнаго краниологическаго предположенія.

Предполагаемая смѣсь народа каменнаго вѣка новою расою носителей культуры металловъ даетъ В. Н. Модестову удобный поводъ къ длинному этнологическому экскурсу, въ которомъ разсматривается (стр. 67 — 98) вопросъ, къ какой расѣ принадлежало древнѣйшее населеніе Италіи палео-и неолитической эпохъ. Апеннинскій полуост-

ровъ быть обитаемъ еще въ эпоху пещернаго медвѣдя и другихъ животныхъ, современныхъ четвертичной эпохѣ. Автохтоны Италіи принадлежали къ длинноголовому племени, распространенному въ неолитическую эпоху во всей Италіи и на ея островахъ, а также и въ значительной части остальной Европы, на западъ ея, въ центрѣ, на востокъ, даже на сѣверѣ. Антропологическія изслѣдованія, въ особенности римскаго профессора Серджи, показываютъ, что племя это принадлежитъ не одной Европѣ, а также и Африкѣ, и что центръ его распространенія именно лежитъ въ сѣверо-восточной Африкѣ. „Евроафриканская“ или „средиземная раса“ Серджи, по теоріи многихъ итальянскихъ и не итальянскихъ ученыхъ (къ которымъ присоединяется и В. И. Модестовъ), изъ южной Европы не исчезла безъ всякихъ слѣдовъ. Остатками ея считаются народы лигуровъ, иберовъ и сикуловъ. Авторъ нашъ поэтому входитъ въ подробное обсужденіе вопроса о расовой принадлежности, главнымъ образомъ, лигуровъ и сикуловъ, древнѣе которыхъ нѣтъ названій въ этнографическомъ преданіи древнихъ историковъ. Въ новѣйшей литературѣ вопросу о лигурихъ и сикулахъ дается такая форма: слѣдуетъ ли признать ихъ арийскими или не арийскими племенами? За рѣшеніе этого вопроса принялись двумя путями: филологическо-лингвистическимъ и археологическо-антропологическимъ. Разобравъ изслѣдованія Мюлленгофа и Д'Арбуа де Жюбенвиля, высказавшихся въ пользу индо-европейскаго происхожденія лигуровъ, авторъ находитъ, что филологическій разборъ остатковъ лигурійскаго языка не ведетъ къ желаемой цѣли. Дается предпочтеніе антропологическому изслѣдованію нѣмецкаго археолога Мелиса, который старается доказать племенное родство неолитическаго населенія прирейнской области, южной Франціи и сѣверной Италіи, и общую принадлежность ихъ къ лигурійскому племени, части „средиземной расы“ Серджи. Родства лигуровъ съ иберами Мелисъ лишь коснулся, а между тѣмъ въ немъ, по словамъ В. И. Модестова, и лежитъ корень рѣшенія этнологическаго вопроса о лигурахъ. Для нашего автора, какъ и для нѣкоторыхъ его итальянскихъ авторитетовъ, родство это, отвергаемое современными лингвистами, доказано сходствомъ культуры на обоихъ полуостровахъ, выражающимся въ одинаковомъ устройствѣ могилъ, каковы погребальныя гроты Италіи и Испаніи, Сициліи и Сардиніи, дольменовъ Португаліи и южной Франціи, затѣмъ въ погребальной утвари съ ея формами и орнаментами. Не допуская здѣсь, повидимому, мысли о возможности торговыхъ сношеній и перехода погребальныхъ обрядовъ отъ одного племени къ другому, авторъ принимаетъ противополо-

ложное мнѣніе въ вопросѣ о сикулахъ. Замѣченное уже Варрономъ и лексикографами сходство между словами нарѣчій, съ одной стороны сиеуловъ, съ другой латинскимъ у нашего автора объясняется простыми заимствованиями вслѣдствіе живого торговаго обмѣна между Римомъ и Сицилією. Древніе историкъ различаютъ въ до-эллинской Сициліи двѣ народности: сиеуловъ и сикановъ. Филистъ сиракузянинъ производитъ сиеуловъ отъ лигуровъ, а сикановъ, согласно съ Фукидидомъ, изъ Иберіи. На основаніи этихъ показаній и ученыхъ мнѣній формулируетъ свое мнѣніе и В. П. Модестовъ. Въ противоположность авторитетному изслѣдователю до-исторической Сициліи Орси, не находившему никакой замѣтной культурной разницы между восточными сикулами и западными сиканами, В. П. Модестовъ настаиваетъ на значительномъ между ними этнографическомъ различіи. Сикулы—пришедшіе изъ Италіи лигуры, а сиканы—ближайшіе родственники иберовъ, выселившіеся, однако, не изъ Иберіи, какъ показываютъ Филистъ и Фукидидъ, а прямо изъ Африки черезъ существовавшій когда-то въ четвертичный геологическій періодъ между Африкою и Сицилією перешеекъ. Испанскіе же иберы пришли на пиренейскій полуостровъ своимъ путемъ, черезъ перешеекъ гибралтарскій. Вторгнувшись впоследствии въ южную Францію, они отсюда вытѣснили лигуровъ и заставили ихъ переселиться въ Италію, а наконецъ и въ Сицилію. Далѣе указывается на связь, существовавшую когда-то между двумя европейскими вѣтвями евро-африканской расы, лигурами и иберами съ одной стороны, а, съ другой, гуанчами Канарскихъ острововъ и юкаталцами средней Америки. Соединяющимъ ихъ звеномъ служатъ, по мнѣнію автора, найденныя въ мѣстожительствахъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ глиняныя орудія для отпечатанія на тѣлѣ извѣстныхъ фигуръ (пинтадеры) и одинаковые письменные знаки.

Четвертая глава носитъ заглавіе „Бронзовый вѣкъ въ Италіи. Вторженіе новыхъ племенъ въ Апеннинскій полуостровъ“. Въ концѣ неолитической эпохи стали въ могильникахъ Италіи обнаруживаться новыя усовершенствованныя каменныя орудія, напримѣръ, молоты съ отверстиемъ, которыми полны свайныя постройки Швейцаріи и придунайскихъ странъ. Погребальные обряды не исполняются уже съ прежнею строгостью. Тягъ черешной уже не чисто длинноголовый, а является примѣсь брахикефаловъ. Но важнѣйшій признакъ начинающейся переменны культуры это постепенное введеніе металловъ. Въ могильникахъ переходной эпохи, Ремеделло, Канталупо, Стургола и т. п. сначала встрѣчаются мѣдные топоры и кинжалы, но съ общемъ

обстановкою неолитической эпохи. Въ свайныхъ постройкахъ Гардскаго и другихъ озеръ сѣверо-восточной Италіи и въ террамаракъ Эмилии уже видно полное господство не мѣди, а бронзы, настоящее развитіе бронзоваго вѣка, при которомъ орудія каменнаго вѣка являются лишь въ видѣ остатковъ уже совершенно пережитой эпохи. Чѣмъ была вызвана такая перемѣна культуры, вліяніемъ ли внѣшнихъ сношеній, въ особенности торговли, или же иммиграціею новыхъ народныхъ элементовъ? Этотъ вопросъ авторомъ предварительно рѣшается уже на второй страницѣ новой главы (стр. 100), еще прежде чѣмъ онъ входитъ въ подробное описаніе новой культуры. Исходятъ онъ при этомъ изъ аксіомы, что внѣшнія сношенія, преимущественно торговля, не могутъ измѣнить весь строй жизни въ странѣ, измѣнить ея „религіозныя вѣрованія и понятія“—подъ этимъ терминомъ, очевидно, нужно понимать погребальные обряды, такъ какъ о религій населенія террамаракъ ровно ничего не извѣстно, а мы знаемъ только, что оно уже не погребало, а сожигало своихъ покойниковъ—а что такое глубокое вліяніе можетъ произвести только иммиграція новыхъ элементовъ. Аксіома эта не болѣе какъ совершенно субъективный тезисъ, придуманный авторомъ ad hoc, безъ достаточной проверки аналогіями другихъ странъ. Извѣстно, что вся почти Европа пережила тѣ же переходы культуры, какъ и Италія. Вездѣ каменный вѣкъ и обрядъ трупопогребенія смѣнились введеніемъ бронзы и трупосоженіемъ. Между тѣмъ самые авторитетные представители до-исторической археологіи уже не сомнѣваются, что и то и другое нововведеніе пришло съ Востока и распространилось по Европѣ безъ всякаго вѣшательства новыхъ иммиграцій изъ Азіи въ Европу. Скорѣе, наоборотъ, способствовали ознакомленію съ элементами новой культуры вторженія въ переднюю Азію европейскихъ племенъ и завлазавшіяся вслѣдствіе этого внѣшнія сношенія.

Опровергнувъ теорію Кьеричи, что посетителями новой культуры были пелазги, авторъ переходитъ къ подробному описанію весьма своеобразныхъ доисторическихъ стоянокъ, называемыхъ въ Италіи террамарами. Разсматривается исторія постепеннаго ихъ открытія, описывается ихъ устройство. Свайныя сооруженія на сушѣ простираются въ долину По, какъ на правомъ берегу рѣки, такъ и на лѣвомъ, всѣ они имѣютъ одинаковую форму, четырехугольную, похожую на неправильную трапецію, всѣ имѣютъ приблизительно одну и ту же ориентацію съ сѣвера на югъ. На южной сторонѣ четырехугольника пролагался мостъ черезъ ровъ, окружающій все поселеніе. Въ ровъ проводилась вода

язъ ближайшей рѣки, ручья, источника при помощи канала. Другой каналъ служилъ для истока воды. Параллельно рву шелъ широкій земляной валъ, образуемый изъ ископаемой при вырытіи канала земля и поддерживаемый деревянными контрфорсами. Въ пространствѣ, обведенномъ ровомъ и валомъ, шли ряды свай длиною въ два-три метра. Расстояніе между рядами свай было опредѣленное, такъ же какъ и между отдѣльными сваями. Сваи покрывались деревяннымъ помостомъ, на немъ воздвигались хижины изъ соломы или прутьевъ и глины. Между ними проходили улицы, перекрещиваясь взаимно, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Главная, самая широкая, улица была продолженіемъ моста, и шла, слѣдовательно, съ юга на сѣверъ. Въ концѣ другой улицы (ихъ всего въ самой большой террамарѣ, Каstellaccio, насчитывается восемь), идущей по направленію отъ запада къ востоку, находилась свободная отъ домовъ площадка, обведенная отдѣльнымъ ровомъ, называемая знаменитѣйшимъ изслѣдователемъ и знаткомъ террамаръ, Ингорниши, агх. Жители террамаръ всѣ отбросы ежедневной жизни бросали между сваями, пока эти нечистоты не доходили до уровня платформъ. Тогда ставили новыя сваи и на нихъ новыя хижины, поднимая при этомъ до соотвѣтственной высоты валъ. Иногда это дѣлалось еще въ третій разъ. Большая часть террамаръ погибала отъ пожаровъ, но въ другихъ продолжали жить и въ послѣдующія времена, до начала желѣзнаго вѣка.

Кучи отбросовъ и нечистотъ, которыя скоплялись между сваями, раньше служили великолѣпнымъ источникомъ удобренія для земледѣльцевъ Эмпіи и Ломбардіи. Оттуда эти мѣста получили названіе terra magra или magra, т. е. жирная земля. Теперь та же земля стала для науки драгоценнымъ источникомъ палео-этнологическихъ свѣдѣній. Видно, что житель террамаръ употреблялъ въ пищу какъ дикихъ, такъ и домашнихъ животныхъ, и что, слѣдовательно, онъ былъ не только охотникъ, но и скотоводъ. Онъ занимался воздѣлываніемъ пшеницы, льна и бобовъ, хотя земледѣіе не было очень развито, судя потому, что земледѣльческихъ орудій, за исключеніемъ серповъ, не найдено, а плуги, должно быть, были только деревянные. Промышленность въ террамарахъ состояла въ выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, изъ дерева, изъ кости и рога, изъ камня и бронзы. Качество ихъ было очень невысоко. Глиняные сосуды дѣлались отъ руки, или совсѣмъ не обжигались или обжигались на вольномъ огнѣ; они являются безъ всякаго орнамента. Особенно характеристическою для керамики террамаръ формою считаются сосуды съ лунообразною или рогообразною

ручкой (*ansa lunata* или *cornuta*). Камонныхъ орудій въ террамаряхъ, особенно лѣваго берега По, достаточно, чтобы не считать бронзовый вѣкъ наступившимъ въ этихъ мѣстахъ разомъ. Находятся иногда и топоры изъ мѣди. Изъ бронзовыхъ издѣлій найдены топоры, кинжалы или ножи, бритвы, серпы, шила, пилы, копья, мечи, стрѣлы, головныя булавки, колесики, гребни. Не менѣе характеристическою особенностью террамарь въ бронзовой технику, какъ лунообразная ручка въ ихъ керамикѣ, считаются обоюдоострыя бритвы (*gasoja*). Фибулы, найденныя въ террамаряхъ Эмпіи, равно какъ и въ свайныхъ поселеніяхъ Гвардскаго озера, представляютъ тотъ древнѣйшій типъ съ удлиненною дугою и однимъ завиткомъ (*ad arco di violino*), который представляютъ и фибулы, найденныя въ Микенахъ, откуда онѣ, по словамъ В. И. Модестова, и пришли въ Верхнюю Италію. Путь, которыми онѣ шли, лежалъ, по его же утверженію (стр. 125), черезъ Балканскій полуостровъ, какъ можно судить по тому, что такого же типа фибула была найдена въ Босніи, въ Глазницаѣ. На основаніи этого можно установить, что бронзовая культура террамарь приблизительно относится къ XV столѣтію до Р. Хр., приблизительно эпохѣ микенскихъ могилъ. Техника бронзовыхъ издѣлій террамарь стоитъ еще на низкой степени развитія, видно, что она представляетъ первую стадію бронзоваго періода, на которой она и остановилась, хотя присутствіе въ нѣкоторыхъ террамаряхъ издѣлій начала желѣзнаго вѣка, по мнѣнію автора, показывають, что населять террамары тоже населеніе прекратило лишь съ наступленіемъ этого вѣка. Бронзовыя издѣлія, кромѣ того литыя, не кованныя, частью производились на мѣстѣ, какъ доказываютъ найденныя формы, въ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ выливались. Прототипы этихъ формъ, конечно, могли быть и привознаго происхожденія.

Около нѣкоторыхъ террамарь найдены кладбища, которыя лежали внѣ чертъ поселенія, но устранились на подобіе послѣднихъ, на свайныхъ помостяхъ, съ обведенными рвами и валами. Трупы сжигались, а пепелъ собирался въ глиняныхъ сосудахъ. Эти оссуаріи стоятъ вмѣстѣ, тѣсно одинъ къ другому, не такъ, какъ это было потомъ въ Италіи въ могилахъ колодезь (*tomba a pozzo*), гдѣ каждая урна имѣла свою особую могилу. „Вмѣсто трупогребенія, говоритъ авторъ (стр. 127), мы въ первый разъ въ Италіи встрѣчаемся съ совершенно организованнымъ обрядомъ трупосожженія. Ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ народомъ, который принесъ въ Италію не только обычай жить въ свайныхъ поселеніяхъ, не только бронзовыя

орудія взамѣнѣ каменныхъ, но и новыя религиозныя вѣрованія, требовавшія преданія бездыханныхъ тѣлъ огню. Таковъ былъ обычай арійскихъ народовъ, за исключеніемъ персовъ, которые, поклоняясь огню, не сожигали плъ мертвыхъ. Сожиганіе труповъ въ бронзовый вѣкъ, когда арійское племя, появившееся въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ неолитической эпохи, такъ ярко заявляетъ себя во всей Европѣ въ противоположность прежнимъ населеніямъ, широко распространилось по средней и сѣверной Европѣ, особенно на западѣ“. Опредѣливъ такимъ не совсѣмъ надежнымъ, какъ мы ниже увидимъ, критеріемъ общую расовую принадлежность населенія террамаръ, авторъ указываетъ въ видѣ антиципаціи на одну характеристическую особенность этого населенія, которая будетъ играть особенно важную роль въ палео-этнографическихъ гипотезахъ автора. Это большая любовь къ порядку, обнаруживаемая во всемъ устройствѣ террамаръ. Авторъ обращается теперь къ вопросу, откуда пришли строители террамаръ. Народъ, говоритъ онъ въ отвѣтъ, строившій на сухой землѣ свайныя поселенія, есть, очевидно, народъ, который привыкъ жить на сваяхъ раньше и принесъ свои привычки въ долину По изъ другого мѣста. На вопросъ, откуда же, по мнѣнію автора, отвѣтить не трудно. Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ террамаръ мы находимъ свайныя поселенія въ венецкихъ озерахъ, Гвардскомъ, Фимонскомъ близъ Виченцы, и въ озерѣ Арква-Петрарка, въ Эвганейскихъ горахъ, въ провинціи Падуп. Въ этихъ озерныхъ поселеніяхъ, относящихся также къ бронзовому вѣку, найдены остатки той же самой культуры, которая намъ извѣстна по террамарамъ, начиная съ лунообразной ручки до обоюдо-острыхъ бритвъ включительно. обстоятельно изслѣдовано поселеніе на Гвардскомъ озерѣ у Пескьеры. Бронзовыя издѣлія его распадаются на двѣ группы, равную, которая находитъ себѣ соотвѣтствіе въ террамарахъ, и позднюю, соотвѣтствія которой въ террамарахъ нѣтъ. Причина послѣдняго явленія та, что венецкія озерныя поселенія имѣли болѣе долгое существованіе, чѣмъ террамары. Нѣкоторые предметы первой группы тождественны съ бронзовыми предметами, встрѣчающимися въ Хорватіи, Венгріи, Австріи и Моравіи, но попадающимися и въ Швейцаріи. Предметы же второй группы ведутъ въ Венгрію, Австрію, Баварію, Швейцарію и Савойю, другими словами въ тѣ альпійскія и подъ-альпійскія страны, которыя являются спеціальною областью распространенія свайныхъ построекъ. Пигорини считаетъ первоначальнымъ центромъ распространенія бронзовой культуры венецкихъ озеръ и террамаръ Эмилию долину Дуная, гдѣ, въ

Венгрии, были открыты также террамары бронзового вѣка, очень напоминающія итальянскія. На основаніи общности культуры между тремя названными областями Пигорини признаеть возможною и общность ихъ происхожденія. Населеніе террамаръ, по его мнѣнію, раньше жило въ венецкихъ озерахъ, а потомъ, спустившись въ долину По, занялось устройствомъ свайныхъ поселеній на сушѣ. В. Н. Модестовъ (стр. 133 сл.) предполагаетъ, что и тѣ и другіе одновременно пришли изъ-за Альпъ по долинѣ Эчи изъ той части Средней Европы, гдѣ встрѣчаются свайныя постройки еще въ неолитическій періодъ. Въ какомъ именно мѣстѣ за Альпами жили пришельцы, авторъ не беретъ точно опредѣлить, указывая лишь на Баварію и Австрію, вѣроятно потому, что эти области наиболѣе удобны для народа, шедшаго съ сѣвера по долинѣ Эчи.

Въ какихъ отношеніяхъ заальпійскіе выселенцы находились къ неолитическимъ своимъ предкамъ, это вопросъ, не разсмотрѣнный нашимъ авторомъ. Можетъ быть, онъ признаеть, что носители первой бронзовой культуры Италіи когда-то и гдѣ-то смѣнили каменныя орудія бронзовыми. Но тогда пришлось бы все изслѣдованіе по другому направленію, допустить племенное родство народа каменнаго вѣка въ свайныхъ поселеніяхъ Швейцаріи и Ломбардіи съ населеніемъ бронзового вѣка въ Италіи, однимъ словомъ умалить значеніе именно тѣхъ примѣтъ, на которыхъ основана авторомъ вся его палео-этнографическая постройка. Бронзовая культура, а вѣроятно и трупосожженіе изъ этнологическихъ признаковъ обратились бы въ чисто хронологическіе. Въ предисловіи (стр. XII) по этому поводу уже заявлено, что останавливаться долго на культурѣ ломбардскихъ озеръ авторъ считаетъ для своей цѣли безразличнымъ. На стр. 125 онъ довольствуется заключеніемъ, что венецкія озера и террамары, имѣя общую бронзовую культуру съ Баварією, Австрією, Хорватією и Венгрією, находились съ ними въ близкой связи, въ болѣе же далекихъ отношеніяхъ съ ломбардскими и швейцарскими палафиттами. Опровергая мнѣнія Брицціо и Серджи, изъ которыхъ первый въ жителяхъ террамаръ усматриваетъ лугуровъ, а второй кельтовъ, авторъ еще разъ настаиваетъ на невозможности оспаривать происхожденіе новаго бронзоваго и трупосожигающаго народа отъ италійской вѣтви индо-европейскаго племени. Къ двумъ названнымъ признакамъ еще присоединяется „неизвѣстный до сихъ поръ въ этихъ мѣстахъ, но богатый флексіями языкъ, который навсегда остался въ этихъ мѣстахъ, а въ послѣдствіи сталъ языкомъ всего Апеннин-

скаго полуострова". Такъ какъ жители безмоявныхъ террамаръ или озерныхъ свайныхъ поселеній, какъ извѣстно, не оставили ни малѣйшаго слѣда своего языка, этотъ аргументъ автора представляетъ уже явную *restitutio in integrum*.

Пятая глава „Распространеніе первыхъ арійскихъ пришельцевъ изъ террамаръ по Италиі“ посвящена дальнѣйшему развитію палео-этнологической теоріи, установленной уже въ предшествовавшихъ разсужденіяхъ автора. Террамары въ концѣ бронзоваго періода или въ началѣ желѣзнаго прекратили свое существованіе, между тѣмъ, какъ обитатели Гвардскаго озера прожили на своихъ сваяхъ немного подольше. Какимъ было этому причина? Гельбигъ думаетъ, что италиковъ въ долину По заставило бросить свои мѣста вторгнувшіеся изъ ретійскихъ Альпъ этруски. Находя эту догадку совсѣмъ произвольно, нашъ авторъ считаетъ возможнымъ, что бронзовый народъ террамаръ былъ вытѣсненъ умбрами, носителями новой культуры начала желѣзнаго вѣка, культуры Виллапови. Эта возможность превратится, какъ мы увидимъ, въ дальнѣйшихъ главахъ уже въ твердый фактъ. Разоренныхъ *terramaricoli* авторъ изъ долины По направляетъ къ югу, сначала вдоль берега Адриатическаго моря къ Ионическому, гдѣ предстоитъ задача объяснить существованіе террамары, найденной въ 1899 г. въ совершенно неожиданномъ мѣстѣ, на горѣ близъ Тарента, и во всѣхъ отношеніяхъ сходной съ террамарами долины По. Двадцать сляшкомъ лѣтъ назадъ террамара была найдена близъ Оффиды въ Пицентѣ. Слѣдовательно, и сюда, по заключенію автора, направилось движеніе обитателей террамаръ. Дальнѣйшими слѣдами распространенія бронзовой культуры террамаръ авторъ считаетъ въ Аbruццахъ открытыя близъ Терамо склады бронзовыхъ орудій и *fondi di saranne* бронзоваго вѣка, затѣмъ памятники бронзоваго періода въ Апуліи и прежде всего въ Бари, наконецъ могильникъ съ сожженіемъ близъ Матеры въ древней Луканіи. Но главная часть жителей террамаръ не пошла по восточной Италиі, а перешедши Апеннины, съ временною остановкою въ Реатѣ, роднигъ аборигеновъ, прошла отъ Адриатическаго моря къ Тирренскому черезъ южную Этрурію въ долину Тибра, гдѣ она укрылась въ Альбанскихъ горахъ и, со временемъ, засѣла на тибрскомъ семигорьѣ, которому суждено было стать несокрушимымъ оплотомъ всего племени. Но объ этомъ поселеніи жителей террамаръ въ страпѣ, гдѣ не найдено до сихъ поръ ни одной террамары, повѣствуется подробнѣе уже въ шестой главѣ „Латиняне въ долину Тибра“.

Соединяющим звеном между культурою террамарскою и латинскою считаются слѣдующія археологическія находки: двѣ лунообразныя ручки, найденныя близъ Ардеи, и другіе экземпляры ея, найденныя въ эсквилинскомъ могильникѣ Рима; затѣмъ бронзовый топоръ съ крылышками и лучистые колесики въ Тольфѣ близъ Чивита-Веккии; наконецъ, вотивныя предметы миниатюрной примитивной глиняной посуды, открытыя, съ одной стороны въ террамарахъ и пещерахъ Лигуріи, а, съ другой, въ Римѣ и Сатрикуѣ, въ храмѣ богини Mater Matuta. Всѣ эти предметы найдены или на побережьи Тирренскаго моря или въ недалекомъ отъ него разстояніи. Слѣдовательно, можно предполагать, что на этомъ же берегу находился центръ ихъ распространенія. Очень возможно, что населеніе одного изъ приморскихъ городовъ Лаціа или находилось въ торговыхъ сношеніяхъ съ другими центрами той же культуры или же оно было одного племени съ населеніемъ террамаръ, слѣды котораго обнаружены въ прибрежныхъ областяхъ Адриатическаго и Ионическаго морей. В. П. Модестовъ все свое вниманіе сосредоточилъ на другомъ предположеніи. Несмотря на то, что на всемъ внутреннемъ пространствѣ между пицценскимъ побережьемъ и латинскимъ не найдено никакихъ слѣдовъ культуры, сходной съ культурою террамаръ, онъ останавливается исключительно на гадательномъ сухопутномъ переходѣ носителей этой культуры изъ Пизены въ Лаціи. Такая гипотеза, конечно, даетъ возможность прямо достигнуть цѣли, „войти въ городъ Ромула не съ пустыми руками, а съ фактами послѣдовательно развивавшейся культурной жизни въ рукахъ“. Это стремленіе привело почтеннаго автора даже къ явной розни съ его главнымъ авторитетомъ и руководителемъ, Пигорини. Извѣстно, что Гельбигъ, въ книгѣ *Die Italiker in der Poebene*, развивая мысль, впервые высказанную итальянскимъ изслѣдователемъ террамаръ, Кьеричи, что культура послѣднихъ представляетъ общую первобытную культуру племенъ нидосвропейскихъ италиковъ. Слѣды этой культуры, открытыя въ Лаціи, онъ относилъ къ латинскому отдѣлу общаго италійскаго народа, а террамары, по географическимъ соображеніямъ, къ умбрійскому. Общее названіе *Italici* было принято всѣми итальянскими палео-этнологами, и во главѣ ихъ Пигорини и его школою. Такъ какъ у этихъ „италиковъ“ была сначала бронзовая эпоха, а потомъ появилось начало желѣзной, утварь же Альбанскихъ горъ и Рима представляетъ собою черты первой и черты второй, то Пигорини и заключаетъ, что какъ въ террамарахъ Эмилии бронзоваго вѣка, такъ и въ некрополяхъ перваго же-

лѣзнаго вѣка, такъ называемыхъ вѣка Виллановы, мы имѣемъ одинъ и тотъ же народъ, но въ разные моменты его культуры. В. И. Модестовъ выражаетъ (стр. 154) сильное несогласіе съ этнографическою неопредѣленностью Пигорини и Гельбига. Для нихъ, говорятъ онъ, названія умбровъ и даже латинягъ ступеваются и какъ бы не существуютъ. Для нихъ существуетъ только бронзовый вѣкъ и смѣнившій его первый желѣзный. Они признаютъ носителями и того и другого „италиковъ“. Мысль нашего автора, самая главная самостоятельная мысль во всемъ его трудѣ, та, что бронзовый вѣкъ и новый желѣзный принадлежатъ въ Италиі двумъ разнымъ элементамъ индо-европейскаго корня, двумъ вторженіямъ съ сѣвера въ разное время и, всего вѣроятнѣе, изъ разныхъ мѣстъ. Бронзовая культура террамаръ и свайныхъ поселеній венецкихъ озеръ происходитъ отъ населенія, пришедшаго изъ долины Дуная, жившаго тамъ въ свайныхъ постройкахъ и перенесшаго этотъ способъ обитанія и по южную сторону Альпъ. „Хронологически оно соответствуетъ въ общемъ эгейско-микенской эпохѣ“. Напомнимъ здѣсь о фибулѣ микенскаго типа, найденной въ террамарахъ. Это то населеніе, которое, по извѣстному намъ уже пути, попало въ Лациі и „стало извѣстно подъ именемъ латинягъ“. Эти латиняне, родственные фалискамъ на правомъ берегу Тибра, и были тѣмъ основнымъ элементомъ, который положилъ основаніе Римской исторіи. Первую желѣзную культуру авторъ приписываетъ умбрамъ, языкъ которыхъ онъ старается какъ можно дальнѣе отодвинуть отъ латинскаго, находя рѣзкія различія между умбрами и латинами также въ характерѣ и культурѣ.

На какихъ фактахъ, спрашивается, основана своеобразная гипотеза о первоначальномъ свайномъ Римѣ? Кромѣ понятнаго стремленія нашего автора заручиться переходною формулою, позволяющею ему изъ дебрей доисторической археологіи Италиі дойти до начала Рима, слѣдуетъ указать на слѣдующіе факты: 1) Нахожденіе въ извѣстныхъ пунктахъ Лациі и южной Этруріи предметовъ, сходныхъ съ утварью террамаръ; но мы видѣли, какому одностороннему объясненію подвергается эта культурная связь со стороны автора и, отчасти, его предшественниковъ. 2) При описаніи террамаръ мы узнали, что окружающій все поселеніе валъ со рвомъ имѣлъ форму неправильнаго трапецовиднаго четырехугольника, а деревянные помосты, на которыхъ стояли хижины, имѣли форму прямоугольную; далѣе замѣтна общія ориентировка всего поселенія на югъ, соответственно

съ этимъ главная улица шла по направленію съ юга на сѣверъ, поперечныя же съ запада на востокъ. Съ легкой руки Ниссена (*Das Templum*, стр. 97 сл.) многіе археологи, къ которымъ присоединился и нашъ авторъ, въ указанной формѣ террамаръ видятъ первообразъ священной лимитаціи италійцевъ, римскіе *cardo* и *decumanus* и т. п. Съ большою критикою относился къ этому сравненію уже Гельбигъ (*Die Italiker in der Poebene*, стр. 61). Допускаетъ возможность общаго начала лимитаціи и конструкціи террамаръ, онъ усматриваетъ эту общность въ однихъ практическихъ, отнюдь не религіозныхъ соображеніяхъ. Ориентировка на югъ, къ солнечной сторонѣ, позволяла, по мѣткому замѣчанію Гельбига, равномерно распредѣлять свѣтъ и тѣнь. Получалось, такимъ образомъ, во все часы дня одинаковое число или таковыхъ мѣстъ, гдѣ возможно было зимою согрѣваться отъ холода и сырости, или мѣстъ тѣнистыхъ, гдѣ люди защищались отъ лѣтняго зноя. Прямоугольная форма свайныхъ построекъ также давно нашла себѣ объясненіе, несравненно болѣе простое и убѣдительное, чѣмъ изъ предлагаемаго сравненія съ *templum*. Знаменитѣйшій знатокъ швейцарскихъ свайныхъ поселеній, Келлеръ, утверждаетъ, что все они безъ исключенія лежатъ на прямоугольныхъ помостахъ, срубленныхъ изъ одинаковой длины бревенъ, положенныхъ одно подлѣ другого. Естественно, что такой помостъ долженъ принять прямоугольную форму, точно такъ же какъ стѣна, сложенная вдоль изъ бревенъ, лежащихъ горизонтально, всегда будетъ четырехугольная, а не круглая. Наконецъ и *area limitata* Пигорини, она же и *arx*, т. е. находящаяся въ нѣкоторыхъ террамарахъ четырехугольная площадь, не занимаемая хижинами, а отдѣленная отъ нихъ особымъ валомъ и ровомъ и имѣющая съ вѣншей стороны отдѣльный входъ, по очень простому объясненію профессора Кастельфранко, представляетъ простой скотный дворъ. Не болѣе прочна и третья комбинація, специально сближающая жителей террамаръ съ латино-римлянами,—сравненіе нравственныхъ качествъ того и другого населенія. На эту комбинацію особенно наираетъ почтенный авторъ „Введенія въ Римскую исторію“. Въ предварительномъ заявленіи (стр. 128) указано уже вмѣ на выработанную у населенія террамаръ поразительную любовь къ порядку (опредѣленная нормировка разстоянія одной свай отъ другой и ширины улицы, однообразный планъ поселеній, устройство мѣстъ погребенія вмѣ черты селенія, подобное римскому обычаю, тотъ же планъ устройства жилищъ для умершихъ, какъ и для живыхъ), на стройность общественнаго быта, удивительную организацію труда, выносливость и т. п. Похвальное слово высокимъ нравствен-

нымъ качествамъ жителей террамаръ продолжается на стр. 153 и довершается прямымъ сравненіемъ ихъ съ римлянами. „Всюду, говорится здѣсь, мы видимъ въ римлянахъ народъ опредѣленныхъ нормъ, строгихъ отношеній, общественной дисциплины, народъ, изобиловавшій качествами, которыя мы впервые видимъ примѣненными въ долинахъ По“. Авторъ договаривается до словъ: „Если бы не было никакихъ археологическихъ доказательствъ ближайшей связи населенія Ладіума съ террамарами, мы и тогда съ неменьшимъ убѣжденіемъ выводили бы предположеніе римлянъ, этихъ *prisci Latini*, изъ террамаръ въ силу психическихъ свойствъ, проявленныхъ обоими населеніями“ и въ концѣ приводитъ цитату изъ своей статьи о происхожденіи латинянъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Декабрь, 1898, стр. 116—117). Изъ добродѣтелей террамариюль авторъ здѣсь особенно хвалитъ стойкость латинянъ. „Въ то время какъ умбры, одно время господствующее племя въ Сѣверной и Средней Италіи, были раздавлены сначала этрусками, потомъ галлами, латиняне, сильные не числомъ, а умѣньемъ смолчать, закаленнымъ въ борьбѣ съ неприятельными характеромъ, крѣпостью своей общественной организаціи, не могли быть сокрушены никакими вѣншими врагами, а побѣждалъ и подчинялъ себѣ мало-по-малу все окружающее, дошли до всемірнаго владычества“. Здѣсь увлекающійся авторъ забылъ, что несокрушимые латинцы все-таки въ 330 г. до Р. Хр. послѣ очень непродолжительной войны были покорены Римомъ, а мнимые предки ихъ, закаленные обитатели террамаръ, по собственному неоднократному заявленію автора, изъ насиженныхъ мѣстъ были выгнаны — презрѣнными умбрами.

Намъ кажется, что, сравнивая нравственные свойства населеній террамаръ и Ладіа, авторъ допускаетъ много натяжекъ. Понятно, что недюжинные плотники, каковыми были строители свайныхъ поселеній, какъ всѣ порядочные плотники всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, въ постройкахъ своихъ соблюдали извѣстные размѣры. Это уже необходимо для прочности сооруженія и для сбереженія труда и матеріала. Не нужно ссылаться на римскій обычай и на законы XII таблицъ, чтобы объяснить себѣ причину погребенія покойниковъ на берегу, а не на узкомъ пространствѣ свайнаго поселенія. По той же естественной причинѣ всѣ могильники, которые были открываемы при свайныхъ поселеніяхъ Швейцаріи и другихъ мѣстъ, всегда расположены были въ сторонѣ, на берегу. Свайныя поселенія, конечно, свидѣтельствуютъ объ удивительномъ трудолюбіи, умѣньи преодолѣвать

значительныя техническія затрудненія, о замѣчательномъ единодушіи и организаціи труда. Но есть и другія сооруженія, не менѣ достойныя удивленія, напримѣръ, громадныя дворцы доисторической Греціи, мегалитическія постройки, разсѣяныя почти по всей Европѣ. Никто до сихъ поръ, однако, не думалъ, что эти громадныя работы обязаны своимъ происхожденіемъ какому-то психическому качеству специально латино-римскому. Однообразіе плана поселеній не отличаетъ жителей террамаръ отъ всѣхъ другихъ народовъ земного шара, а примѣненіе плана жилищъ къ могиламъ усопшихъ явленіе также очень распространенное. Ограничиваясь только Италією, напомнимъ о пещерныхъ могилахъ троглодитовъ, могильныхъ *fondi di saranne*, урнахъ-хижинкахъ и т. д.—Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что сравненіе психологическихъ качествъ населенія террамаръ и Лациі лишено основанія, его слѣдуетъ приписать личному увлеченію автора.

Пришедшіе, по догадкѣ автора, изъ террамаръ латиняне поселились на Альбанскихъ горахъ, а затѣмъ въ долину Тибра. Древнѣйшими памятниками ихъ, слѣдовательно, должно считать могилы обширнаго альбанскаго некрополя. Эти могильники, однако, относятся уже къ началу желѣзнаго вѣка. Чисто бронзовая культура террамаръ не оставила послѣ себя никакого слѣда въ могильникахъ. Все бронзовое наследіе первыхъ латинскихъ пришельцевъ заключается въ одномъ экземплярѣ обоюдоострой бритвы и нѣсколькихъ украшеніяхъ для головнаго убора, найденныхъ довольно далеко отъ Альбы Лонги, на южно-этрусскомъ прибрежьи. Такъ какъ первая желѣзная культура Альбы, по собственнымъ изслѣдованіямъ В. И. Модестова, принесена умбрами и была чужда настоящимъ латинцамъ, то невольно у читателя является вопросъ о причинѣ подобнаго hiatus. Въ книгѣ В. И. Модестова онъ не найдетъ яснаго отвѣта. Совсе не затронуть авторомъ другой необходимый вопросъ, почему ни въ Лациі, ни въ южной Этруріи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда свайныхъ построекъ, ни на сушѣ, ни въ многочисленныхъ озерахъ упомянутыхъ областей. Что заставило этихъ захоронѣлыхъ строителей свайныхъ поселеній за время короткаго перехода изъ Пизена въ Лациі отказаться отъ вѣковаго образа обитанія, между тѣмъ какъ, по заявленію автора, то же населеніе сохранило свои старыя привычки, даже пробравшись до далекаго берега Тарентскаго залива? Тутъ невольно чувствуется второй пробѣлъ въ предполагаемой авторомъ эволюціи латинскаго племени. Если остаться на почвѣ твердыхъ археологическихъ данныхъ, то все сходство

между культурою террамаръ и культурою альбанскихъ могильниковъ придется ограничить известнымъ числомъ глиняныхъ сосудовъ самой грубой и примитивной работы, да еще тѣмъ общимъ фактомъ, что въ Альбѣ Лонгѣ преобладалъ обрядъ трупосожженія. Но зато устройство альбанскихъ могилъ рѣзко отличается отъ устройства некрополей террамаръ. Кромѣ того въ архаическихъ могильникахъ сосѣдняго съ Альбою Рима трупопогребеніе является почти постояннымъ. Такой же обрядъ господствовалъ у сосѣднихъ сабинянъ и въ родственномъ имъ древнемъ Самніѣ (стр. 164), у консервативнаго горнаго народа, у котораго, безъ сомнѣнія, сохранилось много древнеиталійской старины. Нѣтъ данныхъ, дающихъ намъ право отрицать первобытность погребенія мертвыхъ какъ въ Самніѣ такъ и въ Римѣ, а обрядъ сожженія въ Альбѣ не считать привезеннымъ извнѣ, подобно тому, какъ онъ установился впоследствии въ Римѣ, подъ влияніемъ греческой культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что и глиняная и очень немногочисленная бронзовая утварь Лациа, своимъ полнымъ сходствомъ напоминающая промышленность населенія террамаръ, могла быть привезена чужимъ, не латинскимъ, народомъ, устроившимся, судя по области распространенія упомянутыхъ издѣлій, на побережьѣ Лациа. О немъ паша рѣчь еще будетъ впереди.

Незначительность элементовъ культуры террамаръ въ Лациѣ и очень значительное преобладаніе несходныхъ съ нею элементовъ принуждаютъ автора новой гипотезы о происхожденіи латинцевъ обратиться къ цѣлому ряду оговорокъ. „Само собою разумѣется, говоритъ онъ (стр. 160), что, занявъ новыя мѣста, латиняне не остались и не могли остаться въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій на одномъ и томъ же уровнѣ культуры, на томъ уровнѣ, съ какимъ пришли“. Видоизмѣненіе въ ихъ культурномъ развитіи должна была произвести, во-первыхъ, неолитическая культура древнихъ жителей, литуровъ или сякуловъ, отчасти изгнанныхъ и истребленныхъ, отчасти покоренныхъ новыми пришельцами. Второю причиною была распространеніе по всей Италіи новой культуры, начала желѣзнаго вѣка, культуры Виллановы. Первому фактору приписывается введеніе въ Римъ и Самніѣ обряда погребенія вмѣсто трупосожженія. Потомъ авторъ въ любопытномъ филологическомъ экскурсѣ (стр. 167 сл.) указываетъ на другое, еще болѣе важное доказательство влияния кореннаго населенія Лациа—на внесеніе мѣстнаго элемента въ латинскій языкъ. Получается выводъ, что въ индо-европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ греческомъ и латинскомъ, огромное число словъ не индо-европейскаго происхож-

денія, а, слѣдовательно, большинство латинскихъ словъ заимствовано у древняго, не арійскаго, населенія Италіи. Заключение автора основано, во-первыхъ, на томъ, что въ умбрскихъ, сабелльскихъ и древнѣйшихъ латинскихъ надписяхъ, напримѣръ, надпись Двеноса и архаической надписи форума, есть извѣстное число трудно объяснимыхъ словъ и грамматическихъ формъ. Во-вторыхъ, авторъ ссылается на мнѣніе Бреалля о непонятности нѣкоторыхъ именъ латинскихъ божествъ, считааемыхъ поэтому не латинскими, напримѣръ, Mars и Minerva. Но главнымъ основаніемъ для автора служилъ лингвистическій матеріалъ, собранный покойнымъ Іоганномъ Шмидтомъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ его книгѣ *Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen* 1872. Что касается первыхъ двухъ аргументовъ, они лишены логической необходимости. У Гомера встрѣчается не мало словъ, точное значеніе которыхъ намъ неизвѣстно и не было извѣстно даже александрійскимъ ученымъ, по той простой причинѣ, что эти слова рѣдкія и очень архаическія. Немало непонятныхъ словъ также въ діалектическихъ греческихъ надписяхъ, особенно написанныхъ на тѣхъ нарѣчіяхъ, у которыхъ не выработалась литература. Но тѣмъ же причинамъ мы не можемъ многого понимать какъ въ итальянскихъ надписяхъ, такъ отчасти, и въ архаическихъ латинскихъ. Къ очень архаическимъ элементамъ языковъ слѣдуетъ причислить большинство именъ собственныхъ. Въ глубокой древности и въ узко ограниченномъ употребленіи ихъ кроется вся причина ихъ непонятности. Что любое имя собственное можно выкинуть изъ греческаго или латинскаго языка и приписать его какому-нибудь неопредѣленному чужому языку, единственно по причинѣ его темнаго этимологическаго происхожденія, это мнѣніе, хотя и очень распространено, однако не выдерживаетъ критики. То же самое, конечно, относится и къ именамъ нарицательнымъ. Кто хотя бы немного слѣдилъ за успѣхами индоевропейской лингвистики, тому хорошо извѣстны успѣхи, которые постоянно дѣлаются въ сближеніи между словами отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, благодаря постоянно прогрессирующему изученію фонетики и семасіологии. Число изолированныхъ словъ, такимъ образомъ, постоянно уменьшается. Конечно, въ теоріи вполне допустимо, что въ каждомъ изъ индоевропейскихъ языковъ, кромѣ легко узнаваемыхъ иноязычныхъ заимствованныхъ словъ, могутъ быть слова, заимствованныя изъ неизвѣстныхъ намъ, вымершихъ языковъ. Но какъ доказать это въ отдѣльномъ случаѣ на практикѣ? Кельтскихъ словъ въ французскомъ языкѣ насчитывается, если не оши-

басмя, не полная сотня, славянскихъ въ ново-греческомъ, кажется, и двадцати нѣтъ; это служить доказательствомъ того, что при смѣшеніи двухъ народностей беретъ верхъ языкъ народа высшей культуры. Поэтому возможно и то, что изъ языковъ первобытныхъ европейскихъ троподитовъ и охотниковъ къ индо-европейскимъ покорителямъ перешло очень немного словъ. Представленіе В. И. Модестова о громадномъ вліяніи автохтоновъ на языкъ индо-европейскихъ италиковъ противорѣчитъ вѣроятности. Кромѣ того оно основано на крупномъ недоразумѣніи относительно смысла таблицъ Шмидта. Главная цѣль послѣдняго была доказать отсутствіе существованія особаго германо-славяно-литовскаго праязыка или греко-италійско-кельтскаго. Поэтому Шмидтъ доказываетъ, что славяно-литовскіе языки имѣютъ однѣ морфологическія и лексическія особенности общія съ индо-иранскими, а другія общія съ германскими или еще съ другими языками. Точно также въ греческомъ языкѣ есть извѣстное число словъ общихъ только съ италійскими языками, но есть и слова общія исключительно съ индо-иранскими. Каждый изъ индо-европейскихъ языковъ въ томъ или другомъ отношеніи соприкасается съ каждымъ другимъ языкомъ той же семьи, разница только въ количествѣ соприкосновеній. Въ 9 таблицахъ Шмидтъ составилъ списки соответствующихъ или родственныхъ словъ, свойственныхъ только двумъ языкамъ, напримѣръ, греческому и латинскому (табл. V напр. озаглавлена „Греческія слова, соответствующія которымъ или родственныя съ которыми до сихъ поръ доказаны лишь въ латинскомъ языкѣ“). Въ списки, конечно, какъ заявляетъ Шмидтъ (на стр. 33), не вошли всѣ слова, которыя встрѣчаются въ трехъ или болѣе индо-европейскихъ языкахъ. Это, повидному, не совсѣмъ понялъ В. И. Модестовъ, принимая 132 слова, исключительно греко-латинскихъ, у Шмидта, за общую сумму родственныхъ индоевропейскихъ словъ, встрѣчающихся въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, между тѣмъ въ счетъ должны войти какъ всѣ общія греко-латинскія, такъ и отдѣльныя греческія или латинскія слова, которыя встрѣчаются также въ одномъ или нѣсколькихъ другихъ сродныхъ языкахъ. Разница большая: начинающихся буквою А въ спискѣ исключительно греко-латинскихъ словъ 10, буквою К—9, а вообще греко-латинскихъ словъ я насчитать въ этимологическомъ словарѣ Прельвица на А — 92, а на К — 49 словъ, а если взять греческія слова, которыя можно сравнить съ словами другихъ индоевропейскихъ языковъ вообще, то выходитъ на А — 275, а на К—214. Легко отсюда судить объ ошибочности лингвистическихъ

выводовъ почтеннаго автора „Введенія“. Не можемъ разстаться съ этою стороною книги, не отмѣтивъ еще одной маленькой лингвистической ошибки, допущенной авторомъ въ самомъ концѣ текста (стр. 217). Исходя изъ стараго перевода имени Ἴόνιος κόλπος-Ионическое море, онъ выводитъ заключеніе, что первые греческіе мореплаватели по этому морю были іоняне. Но Ἴόνιος ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляемъ съ Ἰώνιος, слитымъ изъ Ἰα(ϝ)ώνιος. Судя по дошедшему до насъ (Etymol. Magn. 423, 13) слову ἰωνόστρουχος „темнокудрый“, море, лежащее къ темной сторонѣ, въ сѣверу отъ Греціи, называлось „Чернымъ моремъ“. Къ тому же смыслу, повидимому, сводится въ концѣ концовъ и нынѣшнее его названіе, отъ атег „черный“, „темный“, такъ же какъ и имя народа, жившаго въ его сѣверномъ концѣ и въ сѣверной части полуострова; Umbri, ὄμβροι, вѣроятно, сближаются съ идиѳа „темнота“, „тѣнь“ (см. Skadinavia отъ готскаго skadus, древн. scato „тѣнь“ = греч. σκότος-„темнота“). Употребленіе, наконецъ, у римлянъ слова venetus для обозначенія синяго, слѣдовательно темнаго, цвѣта (см. saevitulus) можетъ указывать на возможность объясненія такимъ же образомъ имени народа Veneti.

Въ послѣдней VII главѣ разсматривается „Первый желѣзный вѣкъ въ Италіи“ или такъ называемая культура Виллановы. Существенныя черты ея заключаются, по словамъ автора, въ слѣдующемъ: трупопожженіе, могилы колодезь, оссуарій, ивѣющій форму усѣченныхъ неравныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ (vaso biconico), появленіе добавочныхъ погребальныхъ сосудовъ, геометрической орнаментъ, разнообразіе и богатство бронзовыхъ предметовъ, присутствіе желѣза сначала въ видѣ рѣдкости, какъ матеріала для украшеній, а затѣмъ и для оружія, и наконецъ, появленіе буквенныхъ знаковъ на разныхъ предметахъ. Гельбингъ, а за нимъ и Пигорини признавали въ культурѣ могильника Виллановы и другихъ приболоньскихъ некрополей продолженіе культуры террамаръ. Противъ этого мнѣнія рѣшительно возставали Брицціо и Цаниони, самые выдающіеся изслѣдователи и знатоки культуры Виллановы. На ихъ сторону сталъ и авторъ нашей книги, признавая, такимъ образомъ, продолжительный hiatus въ культурной эволюціи Умбріи, такъ какъ принадлежность подболоньскихъ могильниковъ умбрамъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Умбры, по выраженію автора, новый народъ, который словно вырастаетъ изъ-подъ земли, разомъ являясь намъ съ новою культурою, далеко превосходящею культуру террамаръ

изяществомъ вкуса и техническими прогрессами. Откуда явились умбры и первая желѣзная культура? По предположенію автора, они пришли съ сѣвера, какъ и латиняне, обитатели свайныхъ построекъ и террамаръ. Такъ какъ послѣдніе, по его же гипотезѣ, пришли въ Италію черезъ Тирольскія Альпы, а путь черезъ Юлійскія Альпы принадлежалъ венецамъ, то авторъ назначаетъ умбрамъ дорогу черезъ Карнійскія Альпы. На пути эмигранты наткнулись на свайныя поселенія своихъ, ранѣе поселившихся въ долину По, соплеменниковъ и заставили бѣжать ихъ къ югу, но въ то же время не соблазнились ихъ смрадными жилищами, чтобы поселиться въ нихъ, а предпочли занять новыя мѣста, центромъ которыхъ была территория нынѣшней Болоньи. Тамъ и развилась новая культура, принесенная умбрами въ основѣ своей изъ мѣстъ ихъ заальпійскаго пребыванія. Это та самая культура, которая намъ нѣсколько позже открывается въ цвѣтущемъ развитіи также въ могильникахъ Истрии, Хорутаніи, Крайны и Венгрии, по всего блестяще представляется знаменитымъ Гальштатскимъ некрополемъ въ Верхней Австріи, по имени котораго она за Альпами и называется (стр. 195). Послѣ подробнаго описанія подболоньскихъ могильниковъ, авторъ задается вопросомъ объ иностранныхъ элементахъ, вліявшихъ на развитіе новой культуры, распространеннейшей вмѣстѣ съ умбрами уже по всей Этрурии до Лация, и, опредѣливъ въ геометрическомъ орнаментѣ присутствіе значительнаго греческаго вліянія, авторъ кончаетъ свой трудъ самоувѣренными словами: „впрочемъ пускайся въ область рискованныхъ предположеній — не наше дѣло“.

Но дѣйствительно ли это такъ? Правда, въ трудѣ, занимающемъ часть, собрано и изложено громадное множество непреложныхъ археологическихъ фактовъ; но имѣетъ ли авторъ право считать такими же непреложными тѣ палео-этнологическіе выводы, которые, по его заявленіямъ, составляютъ главную цѣль книги? Возможно ли было направляться къ подобнаго рода разысканіямъ, не пускаясь въ область субъективныхъ, отчасти и одностороннихъ и даже рискованныхъ, гипотезъ? Въ силахъ ли археологическая и лингвистическая палео-этнологія сообщить своимъ выводамъ ту безспорную фактичность, которою такъ гордится почтенный авторъ „Введенія въ Римскую исторію“? Мы позволяемъ себѣ, для сравненія, привести скромную исповѣдь выдающагося спеціалиста по археологіи, хранителя египетскаго и восточнаго отдѣла Британскаго музея, автора прекрасной книги *The Oldest Civilization of Greece* (London 1901) H. R. Hall'a. „Установилось, го-

ворить онъ (стр. 18), все возрастающее стремленіе смотрѣть на гипотезы археологовъ, какъ на выводы необходимо вѣрные, считать археолога выразителемъ строго точной науки, каковымъ онъ не есть. Раскопки можно вести научнымъ образомъ, но археологія не наука. Археологическая „наука“ есть только отдѣлъ знаній, теперь достаточно созрѣвшій, чтобы съ его помощью быть въ состояніи формулировать болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, относящіяся къ остаткамъ руководѣній древнихъ народовъ, открытымъ опытными изслѣдователями почвы. Современное изученіе доисторической археологіи Европы и Америки, разъ оно не можетъ опираться ни на какое письменное преданіе, всегда должно остаться въ широкихъ размѣрахъ гадательнымъ“.

Въ трудѣ В. Н. Модестова находимъ цѣлую систему палео-этнологическихъ гипотезъ, въ построеніе которыхъ вошло, помимо точныхъ археологическихъ фактовъ, извѣстное число предположеній, далеко не представляющихъ непреложной истины. Палео-этнологія Италіи расположена у него по слѣдующей схемѣ:

I. Населеніе каменнаго вѣка=долихокефалы=трупопогребашіе=неарійцы=средиземная раса=лигуры, сикулы, иберы.

II. Населеніе періода металловъ=брахикефалы=трупосожигающіе=арійцы.

A. Первые употребляющіе бронзу=населеніе свайныхъ построекъ и террамаръ=латиняне.

B. Первые, употребляющіе желѣзо=умбры.

Противъ этой схемы возможны слѣдующія возраженія: 1) Какой былъ у индоевропейской расы первоначальный типъ черепа, объ этомъ долгое время велись горячіе споры. Длинноголовые германцы болѣе склонялись къ предположенію долихокефаліи, французы и итальянцы скорѣе стояли за брахикефалію. Современная антропология отказалась отъ тѣхъ строго формальныхъ взглядовъ на краниологію, которые господствовали въ началѣ. Убѣдившись, что на земномъ шарѣ нѣтъ ни одного народа, у котораго не замѣчались бы разновидности черепа, антропология допускаетъ у одного и того же народа, съ одной стороны, одновременное присутствіе разныхъ формъ черепа, а съ другой, сильныя измѣненія его, зависящія не только отъ расовыхъ примѣсей, но и отъ образа жизни (мѣстожителство на горахъ или на равнинахъ, сидячій образъ жизни и т. д.). Относительно вопроса о типѣ индоевропейскаго черепа антропологическая наука теперь, въ лицѣ многихъ авторитетныхъ своихъ представителей, напримѣръ, Вирхова, склоняется

къ тому мнѣнію, что у индоевропейцевъ искони вѣковы бокъ-о-бокъ существовали и перекрещивались два типа черепа, одинъ длинноголовый, другой короткоголовый. „Насколько, говоритъ знаменитый краниологъ П. Кольмапъ (*Arch. f. Anthropol.* XXII, стр. 131), краниологическія находки въ западной Европѣ были подвергаемы объективному изслѣдованію, нигдѣ не найдено населеніе совсѣмъ однообразнаго состава, но, наоборотъ, въ продолженіе всѣхъ періодовъ, вплоть до каменнаго вѣка, всегда находима была смѣсь доляхо-мезо-и брахикефаловъ“¹⁾. Слишкомъ строго проведенная В. И. Модестовымъ этнологическая классификація череповъ древней Италиі не совсѣмъ, кажется, согласна съ новѣйшими взглядами антропологін.

2) Въ комбинаціяхъ В. И. Модестова роль очень важнаго этнологическаго признака играетъ то предположеніе, что всѣ индоевропейскіе народы искони соблюдали обрядъ трупосожженія, въ противоположность къ не арійцамъ, погребавшимъ своихъ покойниковъ. Такой взглядъ и всѣ выведенныя изъ него заключенія едва ли правяльны. Не было и нѣтъ до сихъ поръ ни одного языческаго народа индоевропейской семьи, у котораго не было бы слѣдовъ употребленія и того и другого обряда. На самомъ дѣлѣ только можно говорить о преобладаніи или исключительномъ господствѣ или погребенія или трупосожженія въ известнѣйшій періодъ, въ известной мѣстности, у известнаго народа или части народа. Изъ данныхъ, собранныхъ у Шрадера (*Reallexikon*, стр. 76 слл.), выходитъ, что въ періодъ расселенія индоевропейскихъ народовъ по Европѣ у нихъ господствовалъ обрядъ погребенія труповъ въ пещерахъ, каменныхъ гробахъ и курганахъ. Потомъ распространяется и беретъ верхъ обычай сожиганія мертвыхъ. „Новый погребальный обрядъ, говоритъ Шидерле (*Доисторическія времена*, перев. Волкова, стр. 151), хотя и распространился повсюду, но только не сразу. Такъ же точно, какъ мы встрѣчаемся съ остатками сожженія уже въ концѣ неолитическаго періода, такъ и позже въ эпоху металловъ мы увидимъ, что старый погребальный обычай не исчезаетъ вполнѣ“. Всѣ погребальные обряды служатъ для одной цѣли—успокоенія мертвыхъ ради блага и безопасности живыхъ. Чтобы покойникъ не бродилъ по землѣ, его нагружаютъ тяжелыми камнями или земляными насыпями, устраиваютъ ему опредѣленныя жилища на подобіе живыхъ домовъ, связываютъ веревками скорченное тѣло, лишая его

¹⁾ Отсылаемъ читателей, для краткости, только къ самымъ доступнымъ изданіямъ, а именно, Шрадера, *Reallexikon*, стр. 460 или *Кречмера*, *Einleitung*, стр. 34 слл.

подвижности, съ тою же цѣлью мумифицируютъ, высушиваютъ или коптятъ его. Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ должно было считаться полное уничтоженіе мертваго путемъ огня. Въ этомъ и слѣдуетъ искать вѣроятную причину быстрого и широкаго распространенія по Европѣ трупосоженія въ концѣ неолитическаго и началѣ бронзоваго періода. Приблизительное хронологическое совпаденіе появленія бронзы въ Европѣ съ распространеніемъ обряда соженія едва ли случайное. Появленіе бронзы, пришедшей изъ Азіи, указываетъ на установленіе международныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Благодаря той же связи могло проникнуть въ Европу, какъ общее правило, соженіе мертвыхъ. Въ 1887 г. въ Вавилоніи, являющейся однимъ изъ центровъ распространенія бронзы, нѣмецкою археологическою экспедиціею Кольдевея были открыты огромные некрополи съ трупосоженіемъ (Шрадеръ, назв. соч., 83). Что обрядъ этотъ въ Европу пришелъ съ юго-востока, доказывается еще тѣмъ, что у грековъ Малой Азіи онъ, судя по свидѣтельству гомеровскихъ поэмъ, установился ранѣе, чѣмъ въ самой Элладѣ. Сначала обрядъ здѣсь исполнялся, какъ и въ Вавилоніи, съ полною строгостью. Передавая огню одно тѣло безъ одежды и безъ всякой утвари, потомъ изъ стараго обряда погребенія снова вводился обычай вмѣстѣ съ покойникомъ сжигать его обстановку или хоронить ее вмѣстѣ съ оссуаріемъ. Строгое исполненіе обряда въ террамаряхъ служитъ яснымъ доказательствомъ, что онъ еще недавно былъ введенъ въ употребленіе. Нижняя долина По была ближе къ юго-востоку и болѣе открыта для внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Понятно, что болѣе отдаленныя области населенія свайныхъ построекъ, лежащія за Альпами, не такъ скоро принимали новый обычай. Неудивительно, напримѣръ, что въ озерной области Верхней Баваріи, по изслѣдованіямъ Науе, еще въ первый бронзовый вѣкъ продолжали погребать мертвыхъ, а сжигать ихъ стали только во второй періодъ употребленія бронзы. Если В. П. Модестовъ (стр. 135), на основаніи одного только временнаго различія похороннаго обряда, „съ увѣренностью“ отрицаетъ всякую связь между погребавшими верхне-баварцами бронзоваго вѣка и terramaricoli, это для меня служитъ особенно яснымъ доказательствомъ того формализма, съ которымъ онъ вообще иногда смотритъ на вопросы палео-этнологін. Обрядъ погребенія или трупосоженія также не можетъ служить твердымъ признакомъ арийскаго или не арийскаго происхожденія, какъ и употребленіе бронзы. Очень возможно, что ранѣе населенія террамаръ въ Италію уже пришелъ тотъ или другой индоевропейскій народъ

который имѣлъ культуру неолитическую или энеолитическую и еще погребалъ своихъ мертвыхъ.

3) Къ индо-европейскимъ племенамъ Италіи каменнаго вѣка, вѣроятно, принадлежали лигуры, а можетъ быть и сикюлы. О происхожденіи первыхъ недавно, уже послѣ выхода труда В. И. Модестова, появилась новая статья Кретчера ¹⁾. Въ первой ея части авторъ, не особенно убѣдительно, приписываетъ лигурамъ найденныя въ Орнавассо, въ туринской провинціи, надписи. Скорѣе, надо думать, онѣ, какъ и весь открытый могильникъ періода латенскаго, принадлежали кельтскому населенію. Зато, на нашъ взглядъ, очень убѣдительна вторая часть статьи, въ которой разсматриваются дѣйствительные остатки лигурскаго языка. Заключение автора таково: господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе о не индо-европейскомъ характерѣ лигурскаго языка ничѣмъ не доказано; насколько позволяютъ объ этомъ судить немногіе остатки языка, слѣдуетъ въ немъ, вѣроятно, признать самостоятельную вѣтвь индо-европейскихъ языковъ. Подтверждается, между прочимъ, Кретчеромъ тотъ результатъ, къ которому пришелъ Мюлленгофъ,—что, во всякомъ случаѣ, лигуры не могли быть родственниками иберовъ. Что касается сикюловъ, вопросъ о ихъ происхожденіи невозможно рѣшать такъ прямолинейно, какъ его рѣшаетъ В. И. Модестовъ. Ему, кажется, осталось неизвѣстнымъ существованіе изданной въ 1860 г. Фреверомъ надписи, найденной въ Сициліи, надписи ли греческой, ли латинской, слѣдовательно, должно думать сикюльской. Турнейзенъ (*K. Z.* 35, 193 сл.) сдѣлалъ попытку объяснить ее изъ сабелло-осскаго языка, но, къ сожалѣнію, въ предложенномъ имъ переводѣ осталось еще много темнаго. Само по себѣ очень вѣроятно, что часть населявшаго, какъ извѣстно, Бруттійскаго народа не остановилась передъ узкимъ проливомъ между Италіею и Сициліею. По моему мнѣнію, такимъ образомъ, и объясняются приводимыя у римскихъ авторовъ сицилійскія слова, похожія на латинскія. Подобныхъ сходныхъ словъ, несомнѣнно, было много въ нарѣчіяхъ латинскомъ и осскомъ. Но есть одно слово сикюловъ, которое по формѣ ближе стоитъ къ осскому, чѣмъ латинскому. Это—дошедшее у Стефана Византійскаго s. v. Γέλα сицилійское слово γέλα, иней (πάγγη), осское также gela, латинское gelu ²⁾. По заявленію

¹⁾ Die Inschriften von Ornavasso und die ligurische Sprache (*Zeitschr. f. vergl. Sprachf.* Bd. 38, s. 97—128).

²⁾ Γέλα—καλεῖται δὲ ἀπὸ ποταμοῦ Γέλα, ὃ δὲ ποταμὸς ἐπὶ κολλήνῃ πάγγη γενῶ, ταύτην γὰρ τῇ Ὀπικῶν φωνῇ καὶ Σικελικῶν γέλαν καλεῖσθαι λέγεται.

В. И. Модестова, всё сицилійскія слова, похожія на латинскія, были перенесены изъ Рима въ Сицилію путемъ торговли, завязавшейся впоследствии между Римомъ и Сиракузами. Мы понимаемъ, что при торговлѣ часто употреблялись названія вѣсовъ и мѣръ (*λίτρα* — *libra*, *οὐγκία* — *uncia* в т. п.), что торговали посудой (*catinus*, *patina*), можетъ быть даже зайцами (*λέπορις*), но и отказываюсь вѣрить, чтобы торговлею можно было объяснить общность слова *gela*. Холодъ и теплота черезчуръ уже старья и естественныя ощущенія, чтобы не называть ихъ своими старыми именами. Думаю, что въ Европѣ нѣтъ ни одного народа, который выражалъ бы эти понятія чужими, заимствованными, словами. Даже въ такихъ смѣшанныхъ языкахъ, каковы, напримѣръ, албайскій или англійскій, сохранились свои старья выраженія для холода и тепла. Если, слѣдовательно, среди сикуловъ были сабеллы италійскаго происхожденія, то все-таки возможно, что другіе сикулы были и другого племени. Удивляюсь, какъ В. И. Модестовъ не обратилъ никакого вниманія на указанное Плиніемъ существованіе иллирійскаго племени *Siculi* ¹⁾. Въ виду разрозненности, которой подвергались и другія племена иллирійцевъ, напримѣръ, ягуды или явиги, жившіе въ нынѣшней Босніи, также и въ Умбріи и южной Италіи, долженъ, по крайней мѣрѣ, остаться открытымъ вопросъ о связи сикуловъ Умбріи съ сикулами Сициліи и Лация, гдѣ въ преданіи остались явные слѣды ихъ прежняго пребыванія. Не отрицаю, конечно, возможности, что въ Сициліи, отличавшейся еще въ среднее вѣка смѣшанностью населенія, обитали автохтонные народы, дrevнѣе указанныхъ и принадлежавшіе, можетъ быть, къ средиземной расѣ, а можетъ быть и къ „малоазійской“, неарійской, остаткомъ которой можно было бы считать „троянскихъ“ эллиновъ. Извѣстное показаніе Фукидида о пріездѣ сикановъ изъ Иберіи потому подозрительно, что основано на сходствѣ именъ *Σικανός* и рѣки *Σικανός* въ Иберіи. Давно замѣчено, что афинскій историкъ подъ Иберією понималъ, кромѣ Испаніи, еще часть Галліи до Роны и что рѣка *Σικανός*, можетъ быть, гальская *Sequana* (*Seine*). Причисленіе тѣхъ же сикановъ къ литу-

¹⁾ N. H. 3, 112 *Siculi et Liburni plurima eius tractus (Galliae togatae) netuere, imprimis Palmensem, Praeturianum Adrianumque agrum. Umbri hos expulere, hos Etruria, hanc Galli. Година иллирійскихъ сикуловъ находилась на прибрежьи средней Далмаціи (Плиній 3, 141). Здѣсь они являютъ такими же сосѣдями либурновъ, какъ и въ Умбріи-Пизенѣ. Вместе съ либурнами (*Λιβύρωνος ἕρος* въ Ивигіи у Польвіи 3, 100, 2) сикулы переселялись въ южную Италію, гдѣ жили въ области *Локръ въ Бруттіи.*

рамъ у Филеста объяснялось бы тогда отождествленіемъ части Франціи съ Лигурією.

4) Иллирійцевъ и ихъ культуру В. И. Модестовъ рѣшилъ рассмотреть только во второмъ томѣ „Введенія“. Можно сожалѣть, что они остались совсѣмъ въ сторонѣ въ первомъ томѣ. Дѣло въ томъ, что такіе выдающіеся ученые, какъ Моммзенъ, Кипертъ, Эд. Мейеръ и другіе, полагаютъ, что иллирійскими племенами была населена значительная часть Италіи еще до вторженія въ нее такъ называемыхъ италиковъ. Съ этимъ мнѣніемъ необходимо было считаться прежде, чѣмъ ввести *per hypothesis* латинягъ и умбровъ въ обитаемую „средиземною расою“ Италію. Обративъ болѣе вниманія на иллирійцевъ, В. И. Модестовъ отнесся бы, можетъ быть, также объективнѣе къ вопросу о происхожденіи террамаръ. Теперь онъ повторяетъ лишь съ нѣкоторыми измѣненіями мнѣнія Гельбига и Пигорини. Между тѣмъ открылись такіе новые и важные факты, что настала необходимость пересмотра всего вопроса. Имѣемъ въ виду открытіе, начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, большого числа террамаръ въ той части Венгріи, которая близко прилегаетъ къ римской Панноніи, преимущественно между Дунаемъ и Тиссою, затѣмъ открытіе въ 1899 г. террамары близъ Тарента, въ древней Лигіи, говоря уже о террамарѣ въ Пиценѣ близъ Оффиды. Слѣды бронзовой культуры террамаръ у В. И. Модестова (стр. 146) указаны еще въ Апуліи и Луканіи, низшей Базилкатѣ, слѣдовательно въ областяхъ, издревле занятыхъ племенами лигуровъ. Устройство и обстановка какъ терентской, такъ и венгерскихъ террамаръ живо напоминаютъ таррамары долины По, а поэтому Пигорини не сомнѣвался приписать ихъ народу одного и того же происхожденія. Венгерскія террамары только въ общемъ болѣе поздняго характера, чѣмъ итальянскія, но относятся все-таки еще къ періоду бронзовой культуры; она чужда Италіи, кромѣ побережья морей Адриатическаго и Ионическаго, но нашла себѣ богатое развитіе въ Венгріи и свайныхъ построекахъ сѣвернаго и западнаго склоновъ Альпійскихъ горъ. Въ ту же область свайныхъ построекъ и близко связанныхъ съ ними террамаръ ведетъ и характеристичная посуда съ луновидною ручкою. Она встрѣчалась въѣ долины По еще въ западной Ломбардіи, Венеціи съ сосѣднею Истрією, Крайиѣ, Каринтіи, Штиріи, Австріи съ Богемією, Швейцаріи, очень часто въ Венгріи, также въ Хорватіи и Босніи. Отдѣльные экземпляры найдены въ южной Этруріи, Рамѣ, Лаціи, Кампаніи и Сициліи. Если уже ставить вопросъ о національности на-

селенія террамаръ, то естественно спросить, не было ли такого народа, который, по свидѣтельствамъ исторіи или другимъ даннымъ, жилъ въ выше указанныхъ мѣстностяхъ или въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Авторъ „Введенія въ Римскую исторію“ отвѣчаетъ, что обитатели террамаръ были латиняне. Между тѣмъ, нѣтъ ни одного свидѣтельства, ни одного историческаго слѣда пребыванія латинскаго народа ни въ Тарентѣ, ни въ Пиценѣ, ни въ Панноніи, ни, наконецъ, въ долинѣ По и Венеціи до позднѣйшаго завоеванія всѣхъ этихъ странъ римлянами. Съ другой стороны, нѣтъ въ Лациѣ или южной Этруріи террамаръ или озерныхъ свайныхъ построекъ. Правда, тутъ нашлись извѣстные образцы керамической и металлической промышленности, сходной съ промышленностью террамаръ. Нахожденіе этихъ предметовъ въ Лациѣ, допустимъ, находитъ свое объясненіе въ гипотезѣ В. И. Модестова. Но, во-первыхъ, возможны еще и другія объясненія, которыми не хуже освѣтился бы этотъ единственный и изолированный фактъ. Столь же возможны, напримѣръ, предполагаемыя Стефаномъ де-Росси торговыя сношенія населенія террамаръ съ Лациемъ или существованіе небольшой колоніи соплеменниковъ населенія террамаръ гдѣ-нибудь на морскомъ берегу Лация. Освѣщеніемъ, во-вторыхъ, одного только факта всѣ остальные погружаются въ тѣмъ большую темноту. Нѣкоторые изъ нихъ В. И. Модестовъ старается освѣтить посредствомъ добавочныхъ гипотезъ. Авторъ заставляетъ латинянъ строить все террамары, хотя сами они у себя не умѣли ихъ строить; латиняне шатаются изъ Венгріи въ Эмилію, изъ Эмиліи въ Пиценъ, изъ Пизена кто въ Лацию, кто въ Тарентъ. Если уже считать лишнимъ основывать доисторическія странствованія латинскаго народа на какихъ бы то ни было положительныхъ историческихъ данныхъ, тогда съ одинаковою вѣроятностью или, скорѣе, невѣроятностью можно было начать передвиженія ихъ изъ Тарента или изъ самого Лация.

Возвращаемся къ предлагаемой нами постановкѣ вопроса. При поверхностномъ даже взглядѣ на область распространенія озерныхъ свайныхъ построекъ или террамаръ и лунообразной ручки бросается въ глаза, что большая часть ея еще въ историческія времена была населена народами большой иллирійской семьи. Паннонія, до вторженія сюда во II столѣтіи кельтовъ, имѣла сильное иллирійское населеніе. Намъ неизвѣстно, по какимъ мѣстамъ въ древнее время проходила граница между паннонцами и еракійскими даками, центръ тяжести которыхъ лежалъ далеко къ юго-востоку. Во всякомъ случаѣ, область венгерскихъ террамаръ прилегаетъ очень близко къ грани-

цамъ Панноніи еще римскихъ временъ. Точно также область террамаръ въ низовьяхъ По прилегаетъ къ странѣ иллирійскихъ венетовъ, владѣнія которыхъ на юго-западѣ еще въ историческія времена доходили до устьевъ рѣки По. Свайными постройками были здѣсь города Спина и Атрія, жилища венетовъ по описанію Страбона, какъ и Равенна и Венеція, въ началѣ своего возникновенія. Венеты съ разныхъ сторонъ были оттѣснены еще до кельтскаго нашествія этрусскими племенами, съ запада и юга разенами, съ сѣвера ретами и еванеями. Есть основаніе думать, что область венетовъ въ болѣе древнія времена заходила далеко въ альпійскія горы ¹⁾). Венетскія надписи найдены въ Каринтіи. Отъ венетовъ, вѣроятно, остались многочисленныя географическія названія иллирійскаго характера, встрѣчающіяся въ австрійскихъ Альпахъ до Зальцбурга и Верхней Австріи. Среди ретовъ въ Тиролю и восточной Швейцаріи, еще въ царствованіе Августа, продолжали жить частицы иллирійскаго народа. Если онъ такъ же, какъ и названіе Боденскаго озера у римлянъ (Ропр. Мела 3, 24) *lacus Venetus*, остался отъ венетовъ, то могла бы явиться мысль, что народъ, бросившій уже въ неолитическій періодъ большую часть свайныхъ стоянокъ восточной Швейцаріи и западной Ломбардіи, были венеты, отступившіе на юго-востокъ отъ натиска новыхъ пришельцевъ. Не можемъ обойти молчаніемъ еще одого факта, во всякомъ случаѣ достойнаго нѣкотораго вниманія. Венеты связаны съ сѣверными морями не только обширною торговлею янтаремъ (Плин. 37, 43), но и названіемъ части Балтійскаго моря *sinus Veneticus* или *Venedicus*. Возможно, что балтійское поморье когда-то было населено венетами, можетъ быть здѣсь была первая ихъ родина, откуда они, если и не всѣ, черезъ альпійскія страны могли пробраться до Адриатическаго моря. Южно-прибалтійскія области, Мекленбургъ, Померанія и Восточная Пруссія являются центрами распространенія въ Европѣ второй большой области свайныхъ построекъ, заходившей, съ одной стороны черезъ Лифляндію до сѣверной Россіи, съ другой же черезъ Польшу до юго-западной. Вся группа известна подъ названіемъ славянскихъ свайныхъ поселеній. Большая часть ихъ, несомнѣнно, относится къ позднѣйшей эпохѣ, когда употребленіе желѣза было уже вполне распространеннымъ, и она, дѣйствительно, могла быть устроена только славянами. Но въ названныхъ

---

¹⁾ К. Pauli, Die Veneter, 413 слл.

частяхъ сѣверной Германіи есть и такія поселенія, которыя основаны, по изслѣдованіямъ Вирхова, еще въ неолитическую эпоху, слѣдовательно за долго до славянскаго періода. По открытіямъ того же ученаго большій городъ, называемый по славянски Юлингъ, по-нѣмецки Винета, былъ тоже построенъ на сваяхъ. Итакъ, не связать ли начала и славянской группы свайныхъ построекъ съ прибалтійскими венетами, традиціонное имя которыхъ, въ формѣ winida, Winden, Wenden, германцами въ концѣ концовъ было перенесено на славянскихъ поселенцевъ старой венетской области, а дальше и на всѣхъ ихъ родичей?

Разставаясь съ венетами, укажемъ на древнеиллирійскую Крафну, а, какъ на типъ мѣстныхъ свайныхъ сооруженій, на знаменитое поселеніе, открытое въ лайбахскомъ болотѣ. Въ Босніи, на родинѣ иллирійскихъ инудовъ, скоро послѣ того какъ начались тамъ, послѣ оккупации, систематическія раскопки, было открыто уже довольно большое число палафиттъ новаго интереснаго типа, рѣчнаго ¹⁾. Всѣ остальные, болѣе южныя области иллирійцевъ на Балканскомъ полуостровѣ пока, какъ извѣстно, представляютъ въ археологическомъ отношеніи еще terra incognita. Но счастію дошло до насъ прекрасное описаніе свайнаго поселенія пэоновъ на Празійскомъ озерѣ (у Геродота 5, 16). Это единственное въ литературѣ свидѣтельство о палафиттахъ древней Европы относится опять къ иллирійскому племени. Въ Пиценѣ обитала часть иллирійскаго племени либурновъ, въ Апуліи, странѣ богатой бронзовой культуры, обитали япигскія племена давновъ, певкетіевъ, далѣе по берегу саллентины и мессапы. Луканія была страна собственно япигскаго народа, а такъ какъ, по положительнымъ извѣстіямъ греческихъ историковъ, тарентинская область до прибытія первыхъ греческихъ колонистовъ была населена япигами, нѣтъ основанія сомнѣваться, что имъ принадлежала открытая тамъ въ 1899 г. террамарра. Мы приходимъ къ вопросу, столь фатальному для В. И. Модестова, какимъ образомъ попали въ Лаціи и сосѣднія части Этрурии и Кампаніи предметы, сходные съ культурою террамарръ. О давнахъ Кампаніи свидѣлствуютъ Поливій (3, 91, 5) и Діонисій Галикарнасскій (7, 3). Тѣмъ же иллирійскимъ давнамъ приписывалось основаніе города Ардион ²⁾ на морскомъ берегу Лаціи. Коренное населеніе Ардион, такъ называемые рутулы, поэтому считались

¹⁾ Wissensch. Mittheil. aus Bosnien u. d. Herzegovina т. V, стр. 29 слл.

²⁾ Бергмаій Эп. 10, 615, 688; 12, 22, 934.

особымъ народцемъ не латинскимъ. Такъ какъ Ардея отстоитъ отъ Рима и Альбы Лонги въ разстояніи 20—30 верстъ, а приморскіе иллирійцы въ общемъ въ одно время занимались и мореплаваніемъ и пиратствомъ и торговлею, то нѣтъ ничего удивительнаго, если бы изъ Ардеи, гдѣ, кстати сказать, какъ разъ найдено нѣсколько сосудовъ съ лунообразною ручкою, путемъ торговли и въ Римъ и въ Альбу или въ прибрежныя города южной Этруріи попали предметы иллирійской гончарной и металлической промышленности. Но иллирійская колонизація Лациі даже не ограничилась, кажется, одною Ардеєю. Въ числѣ исчезнувшихъ общинъ, участвовавшихъ когда-то въ альбанскомъ союзѣ (Плиі. 3, 69), встрѣчается имя Venetulani. Городъ ихъ, вѣроятно, назывался Venetulum, городъ венетовъ (см. Tusci, Tusculum, Tusculani)¹⁾. О сикулахъ Лациі нами уже упомянуто было выше.

5) Теорія В. И. Модестова создаетъ два сильныя затрудненія, о которыхъ рѣчь была выше. Между культурою начала бронзоваго періода мнимыхъ латинянъ террамаръ и древнѣйшею культурою Лациі, начала желѣзнаго вѣка, вѣляетъ одна загадочная пропасть, другая такая пропасть между вторженіями отдѣльныхъ народовъ одного и того же племени италиковъ. По предположенію В. И. Модестова между приходомъ латинскаго народа и умбро-сабелльской группы народовъ прошло по крайней мѣрѣ 300, если не 500 лѣтъ. Достаточно посмотреть на этнографическую карту древней Италіи, чтобы убѣдиться въ повѣроятности подобнаго мнѣнія. Очевидно, что италики, перешедши черезъ Альпы, перешли также и черезъ Апеннины, расселяясь по нимъ и по западной половинѣ Италіи, вѣроятно потому, что восточное, какъ и южное, побережье уже находилось подъ властью иллирійцевъ. Волѣ слабыя колоніи иллирійскихъ мореплавателей, предшественниковъ эллинскихъ, вѣроятно, уже въ то время простирались и по берегу Тирренскаго моря до Кампаніи и до Лациі, откуда онѣ были вытѣснены италиками. Впослѣдствіи иллирійцевъ отчасти удалось оттѣснить также и отъ Адриатическаго моря. Въ первомъ натискѣ италиковъ, направленномъ къ югу-западу, передовыми силами являются не латинцы, а сабелльскіе народы, зашедшіе до самаго юго-западнаго конца полуострова. Очень невѣроятно, поэтому, чтобы латиняне, поселившіеся на сѣверѣ отъ сабелловъ, пришли въ Италію гораздо ранѣе послѣднихъ. Что латиняне въ Италіи появились въ одинъ и тотъ

¹⁾ Паули, Die Veneter, 426.

же периодъ, какъ и соплеменные имъ народы, это сразу станетъ ясно, если только рѣшительно отказаться отъ натянутой теоріи В. П. Модестова о мнимыхъ латинскихъ поселеніяхъ бронзоваго вѣка. Древнѣйшая культура умбро-сабельскихъ италиковъ въ Италіи относится къ началу желѣзнаго вѣка, древнѣйшія прочныя данныя о культурѣ италійскаго Лація относятся къ тому же вѣку. Культура древнѣйшихъ могильниковъ альбанскихъ горъ отличается отъ умбрійской культуры Виллановы извѣстными особенностями (различныя формы оссуарія, урны-хижины, нѣсколько другое устройство могилы и т. п.), также какъ и латинское нарѣчіе отличалось отъ умбрійскаго замѣтными особенностями, при чемъ, однако, еще слѣдуетъ принять въ расчетъ, что подболоньскіе некрополи, изъ которыхъ мы преимущественно черпаемъ свои свѣдѣнія о древнѣйшей культурѣ умбровъ, случайно представляютъ уже болѣе развитую стадію умбрійской культуры. При всѣхъ особенностяхъ, однако, между культурою Виллановы и альбанскихъ горъ, несомнѣнно, есть столько родственнаго, что и ту и другую вполне можно считать разновидностями одного и того же корня привезенной изъ-за Альповъ общепалеолитской культуры. Все это прекрасно изложено самимъ В. П. Модестовымъ; къ сожалѣнію, только предвзятый взглядъ на связь террамаръ съ латинянами помѣшалъ ему вывести единственное, какъ намъ кажется, правильное заключеніе, а именно, что всѣ италики, какъ латины, такъ и умбро-сабеллы, пришли въ Италію изъ-за альпійскихъ странъ уже съ готовою культурою начала желѣзнаго вѣка. Это выводъ не новый онъ былъ уже сдѣланъ въ смѣлой, но очень остроумной и ученой, статьѣ извѣстнаго австрійскаго ученаго Карла Пенка *Zur Paläoethnologie Mittel- und Südeuropas* ¹⁾, оставшейся, повидимому, неизвѣстною В. П. Модестову. По мнѣнію Пенка, подкрѣпленному многими фактами доисторической археологіи Италіи и Германіи, родиною италійцевъ слѣдуетъ признавать сѣверо-западную Германію, гдѣ, кстати будетъ сказать, въ совсѣмъ ограниченной области бывають находимы урны-хижины, по виду и техникѣ очень сходныя съ латинскими. Оттуда италійскія племена, въ периодъ начала распространенія по Европѣ желѣзной промышленности, собрались въ походъ, похожій на позднѣйшія кельтскія мас-

¹⁾ *Mittheil. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien* Bd. 27 (1897), стр. 18 сл., въ особенности стр. 23 сл. П. Шыриер und Italiker. Пенка предлагаетъ ту же общую мысль объ иллирійскомъ происхожденіи культуры террамаръ, на которое и мнѣя, независимо отъ Пенка, навело открытіе въ 1889 г. лигурской террамары близъ Тарента.

совыя переселенія, и пробравшись черезъ области горныхъ этрусковъ и лигуровъ, завоевали большую часть Апеннинскаго полуострова.

Не соглашаясь съ нѣкоторыми палео-этнологическими положеніями В. И. Модестова, я бы желалъ, чтобы выражаемая мною сомнѣнія послужили доказательствомъ того глубокаго интереса, который, вмѣстѣ со мной, почувствуетъ каждый серьезный читатель при чтеніи этого выдающагося труда. Но мы имѣли въ виду еще другую цѣль—показать, какъ легко въ такой гадательной области историческихъ знаній придти къ противоположнымъ выводамъ.

Нельзя разстаться съ разбираемымъ нами важнымъ трудомъ, не засвидѣтельствовавъ почтенному автору его нашихъ лучшихъ пожеланій. Желаемъ ему, для великой пользы науки, скорѣе кончить второй томъ съ тою же неутомимою научною энергіею, какъ и первый, по при болѣе благоприятныхъ и достойныхъ такого труда личныхъ обстоятельствахъ.

А. Эрманъ.

М. Мандесъ. Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Отношеніе Діодора къ Геродоту и Фукидиду. Одесса. 1901. XX + 479 стр.

Исследование г. М. П. Мандеса „Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора“ посвящено изученію одного изъ мало привлекательныхъ для современнаго историка, но зато одного изъ несомнѣнно важныхъ для насъ источниковъ греческой исторіи. Эта непривлекательность сочиненія Діодора объясняетъ тотъ фактъ, что, несмотря на его значеніе для изслѣдователя исторіи Греціи, трудъ этого греческаго автора не подвергнутъ еще такой научной разработкѣ, какая соответствовала бы требованіямъ настоящей филологической и исторической критики.

Достаточно вспомнить, что единственное комментированное изданіе Діодора, почтенная работа Wesseling'a, вышло болѣе ста лѣтъ тому назадъ и прошло болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Volquardsen опубликовалъ свои „Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichten bei Diodor, Buch XI—XVI (1868)“, чтобы признать появленіе новаго „историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора“ вполне своевременнымъ. Конечно, и послѣ изслѣдованія Volquardsen'a, результаты котораго съ рѣдкимъ въ нашей наукѣ единогласіемъ были приняты въ свое время на вѣру

большинствомъ новыхъ историковъ, Діодоровскій вопросъ какъ относительно другихъ частей его всемірной исторіи, такъ и относительно части, касающейся исторіи Греціи, былъ предметомъ многихъ специальныхъ изслѣдованій. Но эти специальныя изслѣдованія, обзоръ которыхъ читатель найдетъ лучше всего въ известномъ трудѣ Wachsmuth'a, или касаются отдѣльныхъ книгъ Діодора и отдѣльныхъ вопросовъ, или вращаются въ кругу общихъ разсужденій и соображеній, основанныхъ на обобщеніи нѣсколькихъ мѣтко наблюденныхъ фактовъ, но не на специальномъ анализѣ всего труда писателя.

Основной вопросъ — выясненіе состава всего труда Діодора и вскрытіе процесса и способа его работы, такимъ образомъ, еще далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ. Если къ этому прибавить, что и установленіе текста исторіи Діодора даже въ повѣйшемъ критическомъ изданіи Vogel'я оставляетъ желать многого, то можно только порадоваться рѣшимости г. Мандеса заняться изученіемъ труда писателя, который по своему характеру заслуживалъ бы быть преданнымъ скорѣе забвенію, если бы судьбѣ угодно было сохранить намъ труды, по которымъ составляется компиляція Діодора.

Предлагаемый опытъ г. Мандеса „имѣеть цѣлью“, но собственному заявленію автора, „дать нѣкоторыя подготовительныя работы, необходимыя для возмѣщенія“ указанного выше недостатка,—строгаго филологическаго и историческаго изученія исторіи Діодора. Г. Мандесъ, такимъ образомъ, не мечтаетъ о томъ, чтобы воплѣтить рѣшить при первомъ приступѣ намѣченный главный вопросъ; и поступаетъ правильно, потому что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только цѣлымъ рядомъ частныхъ изслѣдованій, ставящихъ задачей детальное изученіе писателя, главу за главой. Г. Мандесъ ограничивается пока анализомъ одной, правда, самой важной части труда Діодора,—той части греческой исторіи, на протяжении которой мы можемъ постоянно сравнивать изложеніе Діодора съ трудами Геродота и Фукидида и слѣдовательно надѣяться, путемъ тщательнаго анализа этого изложенія, вскрыть процессъ работы Діодора въ одной, по крайней мѣрѣ, области его исторіи и выяснить значеніе Діодора, какъ писателя и ученаго. При такой постановкѣ задачи ходъ изслѣдованія и распредѣленія матеріала намѣченъ и предначертаны самой темой; г. Мандесъ долженъ былъ анализировать и дѣйствительно анализируетъ изложеніе Діодора почти главу за главой, разлагая это изложеніе на составныя части, сравнивая его съ

соотвѣтствующими отдѣлами въ исторіяхъ Геродота и Фукидида, устанавливая зависимость или независимость извѣстій Діодора отъ этихъ писателей, указывая на его способъ работы и выясняя значеніе Діодоровскаго изложенія среди остальныхъ нашихъ источниковъ. Этотъ детальнѣйшій анализъ и эта мозаичная работа не позволяютъ дать сжатое резюме о содержаніи книги г. Мандеса: я долженъ ограничиться здѣсь лишь указаніемъ на главные результаты, добытые авторомъ путемъ его кропотливаго анализа, на основные принципы, изъ которыхъ онъ выходитъ при своемъ изслѣдованіи, и на тѣ недостатки и достоинства, которыя заключаются въ его работѣ.

Г. Мандесъ въ введеніи, которое онъ предпосылаетъ своему труду, довольно опредѣленно формулируетъ тѣ принципы, которые положены въ основу его изслѣдованія, и выясняетъ методъ, котораго онъ намѣренъ держаться.

Основной принципъ г. Мандеса—„тщательный анализъ Діодора, и объясненіе его прежде *всего изъ него самого* и только на второмъ мѣстѣ изъ остальнаго матеріала, такъ какъ ни всевозможныя разсужденія, основанныя на нисѣмъ и ничѣмъ подоказанной теоріи единого источника, ни примѣненіе этой теоріи къ Діодору Volquardsen'омъ и его послѣдователями не разрѣшили и не могутъ рѣшить вопроса о составѣ труда Діодора“. Единственно научный методъ, изъ котораго, по мнѣнію г. Мандеса, должно на первыхъ же шагахъ исходить изслѣдованіе, есть тотъ же, который примѣняетъ филологъ къ изученію Фукидида, Софокла, Платона; при чемъ, конечно, изслѣдователь ни на минуту не упускаетъ изъ виду индивидуальныя особенности писателя и его эпохи. Съ другой стороны, г. Мандесъ не скрываетъ, что при самомъ процессѣ своего изслѣдованія онъ исходитъ изъ того убѣжденія, „что литературная работа въ древности происходила тѣмъ же путемъ, что и теперь; что Діодоръ не переписчикъ, а писатель; онъ обладаетъ значительнымъ образованіемъ и эрудиціей; мы не имѣемъ права не вѣрить ему, пока не докажемъ, что онъ въ томъ или другомъ случаѣ сказалъ неправду“.

Наложивъ такимъ образомъ вкратцѣ основные принципы и методъ своей работы, г. Мандесъ въ томъ же общемъ введеніи, чтобы выяснить, насколько „принципы единого источника“ примѣнимы къ Діодору принципиально и вообще, останавливается на анализѣ одного отрывка изъ египетской исторіи Діодора, посвященнаго описанію Чермнаго моря, потому что здѣсь „счастливая случайность“ сохранила намъ въ энциклікѣ у Фотія соотвѣтствующій отрывокъ изъ труда

того писателя, котораго Діодоръ называетъ своимъ источникомъ— Агатархида. Тщательное сравненіе доводитъ г. Мандеса до результата, что Діодоръ имѣлъ здѣсь подъ рукой, помимо Агатархида, и рассказы очевидцевъ и кой-какіе документы (срв. стр. VII и XI), и дальше, что, какъ указываютъ отдѣльныя случайныя замѣтки, вставки и сознательныя повторенія, попадающіяся въ предѣлахъ изслѣдуемаго вопроса въ различныхъ книгахъ его труда (напримѣръ, о Набатійскихъ арабахъ во II и XIX книгѣ), Діодоръ имѣетъ то, что называется „collectanea“, т. е. выписки и выноски, экзерпты изъ того, что читалъ, и что онъ пользовался этимъ матеріаломъ на ряду съ тѣми сочиненіями, которыя онъ положилъ въ основаніе своего разсказа по тѣмъ или другимъ событіямъ.

Мысль г. Мандеса объ „collectanea“ Діодора и признаю вполне удачною; но съ другой стороны я долженъ замѣтить, что остальные положенія автора въ этомъ общемъ введеніи вызываютъ сомнѣнія и возраженія. Г. Мандесъ останавливается на отрывкѣ изъ египетской исторіи, повидимому, по слѣдующему соображенію: если Діодоръ въ отдаленной области исторіи Египта самостоятельно собирать и разрабатываетъ свой матеріалъ, то а priori вѣроятно, что онъ въ области болѣе знакомой ему и важной въ глазахъ его читателей греческой исторіи поступаетъ съ такой же, или съ еще болѣею тщательностью и вполне сознательно составляетъ свой разсказъ по различнымъ источникамъ. Это заключеніе вполне вѣрное, но, къ сожалѣнію, посылка довольно шатка; текстъ Агатархида не сохранился, а имѣемъ лишь экзерптъ изъ этого текста у Фотія. Насколько этотъ экзерптъ точенъ или неточенъ, мы не знаемъ. Г. Мандесъ полагаетъ, что все то, что у Діодора обстоятельнѣе, чѣмъ у Фотія, взято имъ изъ „разказовъ очевидцевъ“ и изъ привлеченныхъ имъ документовъ; Wachsmuth напротивъ думаетъ, что и ссылки на документы и на сообщенія очевидцевъ были уже въ текстѣ Агатархида, и оттуда заимствованы Діодоромъ. Все рѣшеніе этого вопроса зависить, такимъ образомъ, отъ общаго взгляда на способъ работы Діодора,—взгляда, добываемаго изъ изученія всего его труда. Для установленія же такого взгляда приведенный отрывокъ изъ египетской исторіи мало годится.

Что касается дальше основнаго принципа, изъ котораго выходитъ г. Мандесъ при своей работѣ, принципа тщательнаго анализа Діодора и объясненія его прежде всего изъ него самого, то я этотъ принципъ признаю вѣрнымъ и важнымъ, хотя въ то же время одностороннимъ,

и имъ однимъ руководиться при рѣшеніи поставленной автору задачи нельзя. Общія соображенія, отъ которыхъ г. Мандесъ старался по возможности воздерживаться, имѣють въ данномъ случаѣ рядомъ съ этимъ апаллзомъ и съ объясненіемъ Діодора прежде всего изъ него самого, полное право на наше вниманіе и на примѣненіе. Я уже не говорю о томъ, что изслѣдователь ни на минуту не долженъ упускать изъ виду индивидуальныхъ особенностей писателя и эпохи—съ этимъ и г. Мандесъ согласенъ; но изслѣдователь долженъ кромѣ того принимать въ соображеніе еще многое другое, напримѣръ: какъ составлялись и составляются руководства по всемірной исторіи, предназначенныя не для ученыхъ специалистовъ, а для большой публики, принимать въ соображеніе и то, что какъ теперь, такъ и въ древности, цитаты переписывались изъ источника, который въ данный моментъ былъ подъ рукой, безъ надлежащей провѣрки, для того только, чтобы хвастаться мнимою эрудиціей и т. д. и т. д. Если правильно оцѣнить значеніе указанныхъ здѣсь, ради примѣра, и еще многихъ другихъ не указанныхъ здѣсь подобныхъ же моментовъ, то становится яснымъ, почему изслѣдователь при анализѣ изложенія, напримѣръ, Діодора долженъ считаться съ этими общими соображеніями; становится яснымъ и то, почему изслѣдователь во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ не склоненъ будетъ приписать составителю подобныхъ всемірныхъ исторій работу по сырому матеріалу и первоисточникамъ. Въ виду этого я считаю какъ-бы принципиальное воздержаніе г. Мандеса отъ подобныхъ соображеній недостаточно обоснованнымъ, и это воздержаніе, по моему, не всегда выгодно повліяло на соображенія и выводы автора.

У г. Мандеса есть, по собственному его заявленію, нѣкоторый общій взглядъ на Діодора и на его способъ работы; онъ при самомъ процессѣ своего изслѣдованія исходилъ изъ убѣжденія, „что литературная работа въ древности происходила въ общемъ тѣмъ же путемъ, что и теперь; что Діодоръ не переписчикъ, а писатель; что онъ обладаетъ значительнымъ образованіемъ и эрудиціей; что мы не имѣемъ права не вѣрить ему, пока не докажемъ, что онъ въ томъ или другомъ случаѣ сказалъ неправду“. Едва-ли можно полагать, что этотъ общій взглядъ на Діодора, какъ писателя, является у г. Мандеса какинъ-то апіорнымъ положеніемъ; судить о томъ, обладаетъ-ли писатель значительнымъ образованіемъ и эрудиціей, самостоятельно ли онъ работаетъ или переписываетъ и т. п., можно, конечно, только по изученіи его сочиненія. Итакъ, надо думать, что это общее предста-

вленіе о Діодорѣ сложилось у г. Мандеса уже послѣ того, какъ онъ болѣе или менѣе продолжительное время занимался избраннымъ имъ для спеціальнаго изслѣдованія авторомъ. Но посмотримъ, насколько вѣрность этого общаго взгляда подтверждается анализомъ изложенія Діодора, въ изслѣдованіи самого г. Мандеса? Съ одной стороны, правда, этотъ анализъ какъ будто вполнѣ подтверждаетъ этотъ довольно выгодный общій взглядъ на Діодора, онъ заставляетъ насъ быть о Діодорѣ еще болѣе высокаго мнѣнія: Діодоръ, по выводамъ г. Мандеса, пользуется многими источниками; онъ умѣетъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ его время представленій видоизмѣнять взгляды своихъ основныхъ источниковъ и всякій разъ обращаться къ другимъ источникамъ, когда эти взгляды не соответствуютъ его убѣжденіямъ. Довольно часто въ трудѣ г. Мандеса воздается должная похвала умѣлому способу работы Діодора: такъ, напримѣръ (стр. 19), „осторожное „тис“ Діодора отражаетъ на себѣ разсужденія Геродота“; такъ (стр. 44) приписывается Діодору воспоминаніе изъ времени своихъ школьныхъ лѣтъ того, что у Геродота стояло *Ἐλευσίνοι*, и онъ вставилъ это слово въ отрывокъ, взятый изъ Эфора; такъ авторъ (стр. 58) говоритъ „о сознательной контаминаціи Діодора“ (стр. 174), „о продуманномъ и осторожномъ распредѣленіи событій“ (стр. 200), „о сознательномъ отношеніи“ Діодора. Привожу еще нѣсколько цитатъ изъ книги г. Мандеса, которая заключаютъ въ себѣ выгодныя сужденія о Діодорѣ: стр. 232—„разсказъ Діодора отличается вполнѣ цѣльнымъ характеромъ“, стр. 249—„самостоятельное разсужденіе о Трасибулѣ“, стр. 240—„самостоятельное отношеніе“. Изъ разсужденій автора на стр. 291 вытекаетъ, что Діодоръ весьма внимательно читалъ Фукидида, на стр. 297, „что онъ Фукидидомъ пользуется свободно“, на стр. 318, „что онъ хорошо мыслить и разсуждаетъ“, на стр. 338, что Діодоръ, излагая описанныя у Фукидида въ третьей книгѣ событія, сейчасъ и привлекаетъ то, что Фукидидъ сообщаетъ въ 84 главѣ пятой книги; изъ анализа г. Мандеса на стр. 355 видимъ, что Діодоръ думаетъ и вѣрно комбинируетъ; на стр. 364, что онъ со смысломъ читаетъ; на стр. 385 г. Мандесъ подчеркиваетъ, „что Діодоръ не переписчикъ (то же самое на стр. 420: „онъ не писарь, а писатель“); на стр. 387 читаемъ, „что Діодоръ приводитъ параллели изъ источниковъ, которыми онъ пользовался впоследствии“, а изъ разбора соответствующаго отрывка Діодора на стр. 389 вытекаетъ, „что Діодоръ самостоятельно работаетъ“, и изъ такого же разбора на стр. 409, „что Діодоръ самостоятельно высчитываетъ число войскъ по отдѣльнымъ даннымъ

Фукидида". Приведенныя здѣсь изъ различныхъ частей сочиненія г. Мандеса цитаты — ихъ можно значительно умножить — съ достаточной ясностью показываютъ, что г. Мандесъ ставитъ Діодора, вопреки общераспространенному мнѣнію, какъ писателя и изслѣдователя довольно высоко.

Но съ другой стороны анализъ изложенія Діодора приводитъ г. Мандеса весьма часто къ совершенно инымъ сужденіямъ. Я не говорю о томъ, что г. Мандесъ долженъ нѣрѣдко констатировать „неудачныя контаминаціи двухъ рассказовъ“ (стр. 130), „небрежность“ (стр. 301, 302, 402), „противорѣчіе“ и т. д.; это все согласимо еще съ общимъ взглядомъ автора на Діодора, какъ писателя съ значительнымъ образованіемъ и эрудиціей, хотя никоимъ образомъ не согласуется съ заявленіемъ г. Мандеса на стр. 38: „въ недостаткѣ вдумчивости мы можемъ винить Діодора, но *ни въ какомъ случаѣ* въ недостаткѣ прилежанія и интереса къ вѣстой на себя задачѣ“. Мало того, г. Мандесъ на стр. 18 долженъ признать, что „сознательно контаминирующій Діодоръ“ (стр. 58) „остається совершенно безпомощнымъ при контаминаціи рассказа своего втораго источника съ рассказомъ Геродота,“ признать на стр. 41 „крайнюю неспособность нашего автора дѣйствовать хоть сколько нибудь самостоятельно“ (срв. напротивъ стр. 240 и 249 „самостоятельное отношеніе“), упрекать его на стр. 127 въ „нелогичности разсужденія“, или на стр. 331 констатировать, „что Діодоръ читалъ только главу, которую излагаетъ“ (между тѣмъ какъ выше было сказано, что онъ при изложеніи содержанія одной главы изъ III книги Фукидида знаетъ, что написано въ V-й книгѣ), или на стр. 328, „что Діодоръ рабски копируетъ, читалъ и перелагалъ отрывокъ изъ Фукидида поstepенно, не давъ себѣ труда уяснить содержаніе въ цѣломъ“, или на стр. 299, „что Діодоръ излагаетъ небрежно, что у него вниманія не хватило, чтобы точно уяснить себѣ смыслъ отрывка“, на стр. 195, „что Діодоръ списалъ безъ смысла“, или на стр. 451, „что онъ не подумалъ о смыслѣ“, или на стр. 314, „что Діодоръ механически контаминируетъ“, или на стр. 344, „что у Діодора нѣтъ представленія, а слова“ и т. д. Я могъ бы и здѣсь значительно увеличить число цитатъ изъ сужденій г. Мандеса, добытыхъ имъ путемъ строгаго анализа изложенія Діодора; но и приведеннаго, кажется, достаточно, чтобы показать, что между этими сужденіями и основнымъ взглядомъ г. Мандеса на Діодора есть непримиримое противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или эти сужденія несправедливы, или его общій взглядъ и подтверждающія

его вышеприведенныя характеристики способа работы Діодора не соответствуют дѣйствительности. Кто знаетъ по собственному горькому опыту длинный списокъ слабыхъ сторонъ и погрѣшностей Діодора, тотъ не будетъ сомнѣваться, какъ рѣшить эту альтернативу. Но какъ же объяснить, что ученый, который вполне владѣетъ всѣми тонкостями правильнаго историческаго и филологическаго метода изслѣдованія, могъ допустить подобное противорѣчіе? Миѣ думается, что г. Мандесъ, долго занимающійся Діодоромъ, увлекся своимъ авторомъ и въ общемъ постепенно составлялъ себѣ слишкомъ выгодное о немъ представленіе; при дальнѣйшемъ, болѣе детальномъ ходѣ изслѣдованія онъ однако весьма часто долженъ былъ убѣждаться въ отрицательныхъ сторонахъ историческихъ способностей Діодора, и этого своего убѣжденія онъ не сталъ скрывать; основная же ошибка г. Мандеса заключается въ томъ, что онъ своего общаго впечатлѣнія не исправилъ и не измѣнилъ по этимъ многочисленнымъ даннымъ, найденнымъ при детальномъ анализѣ, а счелъ возможнымъ, несмотря на всѣ эти данныя, держаться по прежнему своего общаго взгляда,—подобно тому какъ любящій своего сына родитель не рѣшается, не смотря на разныя доказательства испорченности этого сына, перемѣнить свое выгодное о немъ мнѣніе. По психологическіе моменты, которые мы готовы признать для извращенія образа дѣйствія подобнаго отца, не могутъ быть приведены въ оправданіе сужденій г. Мандеса, и допущенная имъ погрѣшность остается во всей ея силѣ. Мы сейчасъ увидимъ, что эта основная ошибка—искусное представленіе объ историческихъ и критическихъ способностяхъ Діодора, его характерѣ, какъ писателя, оказываетъ, къ сожалѣнію, влияние, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, и на дальнѣйшій строго научный анализъ изложенія Діодора.

Въ первой главѣ труда, озаглавленной „Пашествіе Ксеркса“, г. Мандесъ анализируетъ связанный Діодоровскій текстъ, противопоставляя ему также связанное изложеніе Геродота.

Задача г. Мандеса—рѣшить вопросъ о томъ, пользовался ли Діодоръ Геродотомъ? Сходство отдѣльныхъ чертъ и элементовъ, по вѣрному замѣчанію автора, не докажутъ само по себѣ ничего. Геродотъ служилъ несомнѣнно однимъ изъ главныхъ источниковъ всей нашей, да и всей греческой традиціи объ эпохѣ греко-персидскихъ войнъ; отдѣльныя его извѣстія поэтому самыми различными путями должны были стать всеобщимъ достояніемъ и проникнуть въ изложеніе Діодора даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не заглядывалъ въ Геро-

дота. Г. Мандесъ, такимъ образомъ, кстаті замѣтить, правильно отнергаетъ ложно-статистическій методъ Вроссера. Другое дѣло—связный разсказъ, гдѣ мы можемъ установить взаимоотношеніе отдѣльных извѣстій и выяснить самый способъ переработки, если только она имѣла мѣсто. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ точнаго анализа обонхъ разсказовъ, къ которому авторъ и приступаетъ, имѣя притомъ совершенно правильно въ виду, что сочиненіе Геродота есть специальный трудъ о греко-персидской войнѣ, между тѣмъ какъ у Діодора это событіе—однѣ, и не особенно большой отдѣлъ. Предшественникомъ въ сравненіи разсказовъ Діодора и Геродота г. Мандесъ имѣлъ профессора Вауера, добросовѣстнымъ трудомъ котораго „Die Benutzung Herodots durch Ephoros bei Diodor“ (Jahrb. f. class. Philol. Suppl. X. S. 292 folg.) онъ неоднократно пользовался; но онъ расходится съ Вауеромъ и въ исходной точкѣ зрѣнія и въ методѣ. вмѣсто гипотетическаго текста Эфора, съ которымъ оперируетъ Вауер, г. Мандесъ исходитъ изъ извѣстнаго намъ текста Діодора, а вмѣсто попопн за случайными и отчасти произвольными сближеніями, г. Мандесъ предлагаетъ внимательный и полный анализъ текстовъ, проведенный съ филологической послѣдовательностью. Этотъ анализъ, которому въ пространномъ изложеніи (болѣе 100 страницъ) подвергаются разсказы обонхъ писателей, отъ приготовления къ войнѣ до битвы при Микале включительно, приводитъ нашего автора къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ:

Повѣствованіе Діодора по своему составу распадается на двѣ части. Прежде всего мы имѣемъ основной источникъ, которымъ посредственно или непосредственно служатъ Геродотъ. Разсказъ этого основного источника передается въ достаточной мѣрѣ точно; но сообразно различію цѣлей, преслѣдуемыхъ оригинальнымъ писателемъ и его заимствователемъ, онъ отличается отъ него тѣмъ, что все эпизодическое обрѣзано самымъ систематическимъ образомъ. Но далеко не всѣ опущенія въ текстѣ Діодора могутъ быть объяснены такимъ образомъ; часто опускаются обстоятельства, слишкомъ существенныя для самаго хода разсказа; часто опущенія вытекаютъ изъ отличія отношеній обонхъ разсматриваемыхъ писателей къ описываемымъ ими событіямъ; образовавшійся отъ такихъ опущеній пробѣлъ замѣняется у Діодора новымъ матеріаломъ, посвящимъ совершенно отличную отъ Геродотовской окраску; этотъ новый матеріалъ заимствованъ изъ другого или даже изъ другихъ источниковъ. Количество такихъ отсутствующихъ у Геродота, или стоящихъ съ нимъ въ прямомъ противорѣчій

свѣдѣній довольно значительно. Соединеніе этихъ побочныхъ свѣдѣній съ разсказомъ основного источника вполне сознательное; Діодоръ знаетъ, что новыми фактами онъ видоизмѣняетъ тѣ условія, при которыхъ происходятъ событія у Геродота, и старается, по мѣрѣ возможности, примирить вытекающія вслѣдствіе этого противорѣчія. Основному источнику Діодоръ слѣдуетъ съ возможной точностью; эта вѣрность источнику ярко высказывается въ расположеніи событій въ томъ порядкѣ, въ которомъ они идутъ у Геродота, даже тамъ, гдѣ это вовсе не требуется сущностью самыхъ событій. Чѣмъ ближе это сходство съ Геродотомъ, тѣмъ болѣе вѣроятности въ томъ, что Діодоръ непосредственно списывалъ Геродота. Эта вѣроятность, по мнѣнію г. Мандеса, превращается въ почти несомнѣнный фактъ тѣмъ наблюденіемъ, что характеръ изложенія Діодора порядко объясняется извѣстными случайными особенностями *словъ* Геродота. Дальше г. Мандесъ указываетъ на затрудненія, которыя возникаютъ при мнѣніи, что между Геродотомъ и Діодоромъ есть нѣкоторое посредствующее звено, и хотя не можетъ отрицать самой возможности, что есть и ясныя слѣды непосредственнаго слѣдованія Геродоту и явные швы, соединяющіе свѣдѣнія побочнаго источника съ главнымъ, и ошибки пониманія, обнаруживаемыя при этомъ, и крайняя неудачность контаминаціи порешили по наследству отъ его непосредственнаго источника, — но онъ находитъ такое положеніе и невѣроятнымъ и недоказаннымъ; и это утвержденіе даетъ ему поводъ критически освѣтить принятую весьма многими теорію Volquardson'a, по которой въ тѣхъ частяхъ труда Діодора, какая касается греческой исторіи, единственнымъ источникомъ Діодора былъ Эфоръ. Глава заканчивается общими разсужденіями объ исторической мультатѣ во время Діодора и о томъ вліяніи, которое эта вульгата должна была оказать на него въ тѣхъ случаяхъ, когда взгляды Геродота на характеръ описываемыхъ событій и лицъ рѣзко отличались отъ того, что давали общераспространенныя въ его время мнѣнія и представленія.

Я не могу не замѣтить, что по методу изслѣдованія и по осторожности выводовъ эта первая глава труда г. Мандеса стоитъ въ общемъ высоко и составляетъ наилучшую часть его книги. Я совершенно согласенъ съ авторомъ въ томъ, что онъ высказывается противъ примѣненія теоріи единаго источника къ Діодору; согласенъ и въ томъ, что онъ считаетъ Геродота непосредственнымъ источникомъ Діодора. При той извѣстности, какою, вопреки мнѣнію Кирхгофа, пользовался трудъ Геродота въ періодъ Діодора, а priori вся

вѣроятность за то, что Діодоръ знакомъ былъ съ сочиненіемъ Геродота; что онъ непосредственно пользовался имъ при составленіи своей всемірной исторіи, г. Мандесъ теперь, на мой взглядъ, вполне доказалъ; но разграничить то, что Діодоръ непосредственно заимствовалъ у Геродота, отъ того, что перешло въ сочиненіе Діодора посредственно, труднѣе, чѣмъ г. Мандесъ себѣ это представляетъ. Дѣло въ томъ, что Діодоръ имѣлъ подъ руками и Эфора; г. Мандесъ, правда, въ этой части труда Діодора почти нигдѣ не признаетъ слѣдовъ вліянія Эфора; однако остается фактъ, что Діодоръ несомнѣнно знакомъ съ самаго начала своей греческой исторіи съ сочиненіемъ Эфора; а Эфоръ съ своей стороны, по собственному признанію г. Мандеса (стр. 219), „несомнѣнно въ значительной мѣрѣ пользовался Геродотомъ“.

Довольно много мѣста занимаетъ въ первой главѣ труда г. Мандеса анализъ преданія о Саламинской битвѣ и реконструкція дѣйствительнаго хода этого историческаго событія. Если оставить въ сторонѣ неудачную попытку (стр. 56) поколебать авторитетъ очевидца и участника Эсхила указаніемъ на то, что Эсхиль былъ простымъ солдатомъ, то этотъ анализъ преданія по методичности и трезвости сужденія можно считать образцовымъ, и приходится сожалѣть о томъ, что г. Мандесъ въ дальнѣйшемъ ходѣ своего изслѣдованія принципиально отказывается установить, какъ, по его мнѣнію, то или другое событіе совершилось въ дѣйствительности: по его словамъ, это выходитъ изъ рамокъ его задачи, заключающейся въ томъ, чтобы опредѣлить съ точностью, какъ представляетъ себѣ данное событіе тотъ или другой древній авторъ; другими словами, онъ считаетъ своей задачей не критику преданія съ точки зрѣнія дѣйствительной достовѣрности, а разборъ преданія съ цѣлью выясненія точки зрѣнія того или другого источника на описанныя событія. Должно быть слишкомъ большой объемъ, до котораго разрослась реконструкція Саламинской битвы, заставилъ г. Мандеса, между прочимъ, такъ формулировать свою задачу, и я конечно далекъ отъ мысли претендовать, чтобы онъ написалъ историческій очеркъ судебъ греческаго народа отъ нашествія Ксеркса до конца Пелопонесской войны. Но я пахожу, что при самыхъ важныхъ и спорныхъ вопросахъ было весьма желательнымъ, чтобы г. Мандесъ далъ краткую реконструкцію исторической дѣйствительности, или по крайней мѣрѣ выяснилъ себѣ эту дѣйствительность. Такая формулировка своей точки зрѣнія и такое выясненіе могли бы, съ одной стороны, удержать

его отъ произвольной интерпретации древнихъ текстовъ, съ другой способствовать успѣшности анализа изложенія того или другого источника. Чтобы это утверждение не было голословнымъ, я позволю себѣ его доказать хотя бы на одномъ примѣрѣ изъ того же періода Персидскихъ войнъ. Почести, оказанныя Оемистоклу въ Спартѣ, Діодоръ связываетъ съ его дальнѣйшей судьбой; принятіе богатыхъ спартанскихъ даровъ, по Діодору, ведетъ къ его политическому наденію. По поводу этого извѣстія г. Мандесъ замѣчаетъ (стр. 25—76): „Этого у Геродота нѣтъ; у него Оемистоклъ молча сходилъ со сцены. Конечно, Діодоръ могъ бы сдѣлать пѣкоторый выводъ изъ того, что въ слѣдующемъ году стратегомъ былъ Ксангиппъ; но это одно само по себѣ не давало бы ему права говорить объ *отставленіи* Оемистокла; онъ могъ бы просто не быть избранъ на слѣдующій годъ“. Эти разсужденія ясно показываютъ, что г. Мандесъ не выяснилъ себѣ дѣйствительнаго политическаго положенія въ этотъ моментъ въ Афинахъ. Незабраніе главнаго стратега на новый годъ и избраніе его политическаго противника мыслимы только при полномъ переворотѣ въ Афинахъ, и этотъ фактъ незабранія дастъ всякому исторнику право говорить объ отставленіи Оемистокла. У Діодора мы имѣемъ, правда, страшную и мало вѣроятную комбинацію; но авторъ этой комбинаціи несомнѣнно думалъ и вѣрно чувствовалъ, что въ Геродотовскомъ преданіи есть пробѣлъ. А если это такъ, то мы едва ли въ правѣ считать эту комбинацію празднымъ вымысломъ самого Діодора, а должны полагать, что онъ ее заимствовалъ у автора, который еще могъ имѣть болѣе вѣрное понятіе о дѣйствительной политической жизни и двигающихъ ее силахъ. Скорѣе всего Діодоръ нашелъ эту версию у Эфора, который долженъ былъ и могъ еще ясно сознать, что это неожиданное отставленіе Оемистокла нуждается въ мотивировкѣ. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ, по которому можно видѣть, что вѣрное пониманіе исторической дѣйствительности обуславливаетъ и вѣрное представленіе о возникновеніи той или другой традиціи.

Вторая глава въ книгѣ г. Мандеса, озаглавленная „Пентеконтаэтія“, посвящена разбору изложенія Діодора о такъ называемомъ „Пятидесятилѣтіи“—періодѣ времени между греко-персидской и мелопонесской войною, который, какъ въ вопросахъ хронологіи событій, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, представляетъ для современнаго изслѣдователя очень много затрудненій. Г. Мандесъ анализируетъ разсказъ Діодора, сопоставляя его постоянно съ соответствующими отдѣлами исторіи Оукидда и различныхъ біографій Плутарха, и въ концѣ этого анализа приходитъ къ

слѣдующимъ результатамъ: 1) Діодоръ пользовался не однимъ источникомъ; это съ безусловной ясностью доказывається существованіемъ въ его разсказѣ дублетовъ. 2) На первомъ мѣстѣ между его источниками стоятъ Фукидидъ; цѣлый рядъ мѣстъ представляется почти дословно заимствованнымъ изъ Фукидида; рядъ дублетовъ, рядъ недоразумѣній можетъ быть объясненъ только непосредственнымъ вліяніемъ Фукидида. 3) Кромѣ Фукидида,—и вездѣ тамъ, гдѣ Фукидидъ въ своихъ сужденіяхъ расходится съ общераспространеннымъ мнѣніемъ—Діодоръ прибѣгаетъ къ другимъ источникамъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать Эфора, вліяніе котораго можно установить на основаніи довольно многочисленныхъ для даннаго періода времени отрывковъ этого писателя. Но свѣдѣнія, заимствованныя Діодоромъ у Эфора, представляютъ, по мнѣнію г. Мандеса, неорганическія вставки въ соответствующія части Діодоровскаго разсказа. 4) Наконецъ, встрѣчаются въ изложеніи Діодора свѣдѣнія, которыя не могутъ быть возведены ни къ Фукидиду, ни къ Эфору. Эти свѣдѣнія восходятъ частью къ анналистическому источнику, частью не могутъ быть точно опредѣлены; во всякомъ случаѣ, и здѣсь необходимо въ значительной степени признать вліяніе исторической вульгаты. Насколько выводы г. Мандеса подъ № 2 могутъ считаться доказанными, объ этомъ рѣчь будетъ впереди; здѣсь замѣчу только, что историческое пониманіе нѣкоторыхъ событій въ рассмотрѣнномъ періодѣ времени, оцѣнка разныхъ литературныхъ свидѣтельствъ, равно какъ рядъ смѣлыхъ или прямо ошибочныхъ утвержденій вызываютъ замѣчаніе критики въ болѣе высокой степени, чѣмъ въ остальныхъ главахъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ: на стр. 125 г. Мандесъ полагаетъ, что Діодоръ комбинируетъ по поводу вопроса о постройкѣ ионскихъ стѣнъ разсказъ Фукидида съ другимъ вариантомъ; на самомъ же дѣлѣ у Фукидида одно пониманіе дѣла, у Діодора существенно другое; усматривать въ немъ самостоятельную контаминацію Діодора, по моему, нельзя. На стр. 127 г. Мандесъ анализируетъ разсказъ Діодора о планѣThemistокла укрѣпить Пирей; указавъ на разныя неясности въ этомъ разсказѣ, г. Мандесъ продолжаетъ: „я не сталъ бы подрывать довѣрія къ разсказу Діодора, если бы то же, что разсказывается здѣсь, не рассказывалось по совершенно другому поводу (Plut. Arist. 22. Themist. 20. Cic. de. off. II, 11, 49)—по поводу планаThemistокла съечь мѣсто стоянки греческаго флота“. Выходить, по г. Мандесу, будто всѣ указанные имъ авторы сообщаютъ въ противоположность къ Діодору одно и то же; однако только Плутархъ

тархъ говорилъ о греческомъ флотѣ при Пагазахъ; но тамъ никогда, никакого флота не было, и поэтому у Циндерона (de off. III, 49, не II, 11, 49 какъ пишетъ г. Мандесъ) и Валерія Максима VI, 5 этотъ таинственный планъThemistokla отнесенъ къ уничтоженію спартакаго флота въ Гитейонѣ. „Es ist unkritisch“, справедливо замѣчаетъ Ed. Meyer III, p. 481, „eine Situation zu erfinden, bei der das möglich gewesen sein soll!“ У Діодора отброшенъ весь этотъ анекдотъ и замѣненъ аналогичнымъ совѣщаніемъ при постройкѣ стѣнъ Пирел; это абсурдъ, но онъ свидѣтельствуеетъ о нѣкоторой критикѣ, авторомъ которой является скорѣе Эфоръ, чѣмъ самъ Діодоръ.

На стр. 145—155 г. Мандесъ трактуеетъ о битвѣ при Евримедонтѣ, объ эниграммѣ, которая написана была, по Діодору, на ἀνάθημα, сдѣланномъ и поставленномъ аоніянцами изъ добычи Кимона, и объ историческихъ вопросахъ, связанныхъ съ походомъ Кимона; онъ старается показать, что эта эниграмма очень поздняго происхожденія, что Діодоръ нашелъ это стихотвореніе въ сборникѣ эниграммъ, относящихся къ греко-персидскимъ войнамъ, и измѣняетъ сообразно съ нимъ изложеніе своего источника. Цѣль этого пространнаго разсужденія, въ которомъ г. Мандесъ слѣдуетъ Klüssmann'у и согласенъ въ вопросѣ о неподлинности эниграммы съ Keil'емъ и Keitzenstein'омъ,—показать, что Діодоръ во всемъ этомъ отрывкѣ не слѣдуетъ Эфору, а самостоятельно компанируетъ свой матеріалъ изъ разныхъ источниковъ. Но надо замѣтить, что главное доказательство самостоятельности Діодора,—претендуемая неподлинность эниграммы на посвященіи аоніянцъ, не выдерживаетъ критики. Пѣтъ повода отрицать древность этихъ стиховъ: они отлично засвидѣтельствованы; Ликургъ (in Leoc. 72) ихъ знаетъ, Исократъ (Pap. 179) намекаетъ на ихъ начало; подражаніе мы имѣемъ въ надписи 376/5 года (C. I. A. II, 555)—стихотвореніе это въ IV вѣкѣ было на устахъ у всѣхъ; стилистическія затрудненія, указанныя Keil'емъ, ровно никакого значенія не имѣютъ; слѣдуетъ только для сравненія рядомъ поставить эниграммы на ἀνάθημα по поводу побѣды въ Эионѣ. Разъ же стихи на ἀνάθημα подлинны, вся вѣроятность за то, что они были и у Эфора, и что весь отрывокъ у Діодора заимствовалъ оттуда. Если бы г. Мандесъ постарался на основаніи описанія битвы у Плутарха (Каллисоена) и на основаніи этой эниграммы выслынить себѣ историческое положеніе дѣла (при чемъ онъ, конечно, слова эниграммы ἐν Κόπρѣ долженъ былъ бы отнести къ битвѣ на сушѣ), то исчезли бы совсѣмъ указанныя имъ затрудненія.

Въ связи съ вопросомъ о послѣднемъ походѣ Кимона находится вопросъ о такъ называемомъ Кимоновскомъ мирѣ, т. е. мирѣ Каллія. Изъ этихъ разныхъ неправильныхъ утверженій и невѣрныхъ историческихъ взглядовъ заставляють г. Мандеса невѣрно судить о составныхъ частяхъ изложенія Діодора. Г. Мандесъ ошибается, если полагаетъ, что кромѣ Діодора о заключеніи мира послѣ Кипрскаго похода никто не говоритъ; о мирѣ этомъ въ той или другой связи упоминается у Платона (Менех. 242), Исократы, Демосфена (15, 29 и 19, 273), Ликурга (in Леос. 72); Фукидидъ VIII, 56 заключаетъ въ себѣ ясный намекъ на этотъ миръ. Фактически въ существованіи этого мира сомнѣваться нельзя; иначе вся политика Перикла была бы совершенно непонятна. Что Геродотъ объ этомъ мирѣ умалчиваетъ, объясняется тѣмъ, что онъ для воиновъ вовсе не былъ такъ выгоденъ, какъ ораторы въ періодъ послѣ Анталкидова мира стараются его изобразить. Никто, дальше, не относитъ этого мира къ битвѣ при Евримедонтѣ, даже не Aristodemus 13 p. 249, о которомъ это утверждаютъ Holzapfel и Busolt (послѣдній это говоритъ даже о Платонѣ). Г. Мандесъ напрасно имъ слѣдуетъ; его дѣломъ было бы внимательно изучить тексты этихъ авторовъ и выяснитъ себѣ положеніе дѣла. Если же миръ дѣйствительно не относится къ битвѣ при Евримедонтѣ, если сообщеніе о немъ вовсе не присоединено къ исторіи Саламина произвольно, какъ это утверждаетъ г. Мандесъ, если миръ могъ имѣть мѣсто только послѣ Кипрскаго похода,—тогда въ разсказѣ Діодора нѣтъ контаминаціи и двухъ элементовъ; и если выяснитъ себѣ дальше условія мира, по которому вовсе не гарантировалась автономія малоазіатскимъ грекамъ, выяснитъ себѣ саламинскія дѣла, то появленіе впоследствии алабамы и т. д. объясняется исторически вполне; но тогда нельзя съ г. Мандесомъ усмотрѣть во всей разсмотрѣнной версіи путаницу Діодора, а слѣдуетъ полагать, что Діодоръ всю сущность своего разсказа нашелъ въ своемъ главномъ источникѣ—въ данномъ случаѣ у Эфора. Приведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы показать, что вѣрная реконструкція исторической дѣйствительности сильно влияетъ на вѣрное установленіе составныхъ частей изложенія того или другого источника, и что особенно въ такомъ спорномъ и трудномъ для пониманія историческомъ періодѣ это выясненіе историческаго прошлаго является весьма существеннымъ условіемъ для успѣшнаго разбора разсказа того или другого писателя.

Въ третьей главѣ г. Мандесъ приступаетъ къ изученію сицилійской исторіи Діодора. Г. Мандесъ замѣчаетъ, что относительно такой

мѣстной исторіи „либо вообще не могло возникнуть многообразія традицій, столь затрудняющаго изученіе вопросовъ о составѣ нашихъ источниковъ, либо эти традиціи, разъ возникнувъ, погибли вслѣдствіе отсутствія къ нимъ интереса; сохранялся лишь тотъ вариантъ, или тѣ варианты, которые попадали въ общераспространенныя общія изложенія греческой исторіи или въ какую-нибудь частную исторію, пользовавшуюся почему-либо особеннымъ авторитетомъ. Во всякомъ случаѣ авторъ, излагавшій такую частную исторію, не могъ имѣть подъ руками большое количество источниковъ“. Съ другой стороны, при анализѣ этой части труда Діодора, надо, по мнѣнію г. Мандеса, имѣть всегда въ виду, что Діодоръ сициліецъ. Что онъ особенно интересуется судьбами своего родного острова, объ этомъ ясно свидѣтельствуется уже то несоразмѣрно большое мѣсто, которое онъ удѣлилъ въ своемъ трудѣ ихъ изложенію. Но, по мнѣнію г. Мандеса, изъ этой специально сицилійской окраски разсказа Діодора, изъ точнаго знанія топографіи острова и изъ разныхъ частности, которыя представляли интересъ только для сициліица, нельзя еще сдѣлать выскѣ съ Volquardsen'омъ апріорный выводъ, что у Діодора необходимо былъ подъ руками сицилійскій источникъ — всѣ эти сицилійскія черты могъ Діодоръ внести и самъ. Въ подробномъ анализѣ разсказа Діодора г. Мандесъ, въ противоположность къ мнѣнію Volquardsen'a, который этотъ разсказъ возводитъ почти исключительно къ Тимею, старается показать, что Діодоръ во многихъ случаяхъ не пользовался Тимеемъ, или его зависимость отъ Тимея не можетъ быть доказанной или является невѣроятной. Изученіе, глава за главой, изложенія Діодора о сицилійской исторіи приводитъ г. Мандеса къ заключенію, что составъ Діодоровскаго разсказа очень сложенъ: несомнѣнно вліяніе Эфора и Тимея; ясно и собственное знакомство Діодора съ мѣстностью; вѣроятно вліяніе Пнагорійскихъ источниковъ.

И въ этомъ отдѣлѣ я не могу согласиться со всѣми выводами г. Мандеса. Если г. Мандесъ правъ въ своемъ утвержденіи, что относительно мѣстной исторіи не могло возникнуть многообразія традицій, то поражаетъ его окончательный результатъ, что составъ разсказа Діодора о сицилійской исторіи является весьма сложнымъ. Во вторыхъ, мнѣ не вполне ясно, откуда Діодоръ могъ внести „всѣ сицилійскія черты“, какъ не изъ сицилійскаго источника? Значитъ, таковой источникъ былъ у него подъ руками, и г. Мандесъ напрасно оспариваетъ апріорный выводъ Volquardsen'a; вопросъ можетъ быть въ данномъ случаѣ только о томъ, былъ-ли у него одинъ или нѣ-

сколько источниковъ, и какой авторъ является его главнымъ источникомъ въ этомъ отдѣлѣ?

Г. Мандесъ оспариваетъ общераспространенное мнѣніе, будто этимъ главнымъ источникомъ былъ Тимей; но онъ, какъ это часто у него бываеетъ, въ своей критикѣ заходитъ слишкомъ далеко; такъ на стр. 227 онъ напрасно отрицаетъ зависимость Діодора отъ Тимея въ описаніи битвы при Гимерѣ и послѣдующихъ событій (срв. Ed. Meyer III, S. 397), или въ разсказѣ о паденіи тиранніи въ Агригентѣ (стр. 243) и т. д.

Четвертая и послѣдняя глава въ трудѣ г. Мандеса занимается изученіемъ изложенія Діодора о Пелопонесской войнѣ; въ этой эпохѣ Діодоръ, какъ источникъ, отступаетъ на задній планъ; его значеніе падаетъ; но изученіе его становится легче, такъ какъ мы всегда можемъ его контролировать, сравнивая его изложеніе съ разсказомъ первокласснаго источника — Фукидида.

Задача г. Мандеса, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы установить; въ какомъ отношеніи стоятъ Діодоръ къ Фукидиду, и затѣмъ выяснитъ, насколько непосредственно это отношеніе. Въ итогѣ разбора изложенія Діодора г. Мандесъ приходитъ къ результату, „что Фукидидъ былъ постояннымъ спутникомъ Діодора въ тѣхъ частяхъ его труда, который обнимаетъ описанную у Фукидида эпоху; этимъ основнымъ своимъ источникомъ Діодоръ пользуется, по г. Мандесу, весьма различно: иногда онъ имѣетъ только въ виду изложеніе Фукидида (стр. 451), иногда свободно передѣлываетъ разсказъ Фукидида, иногда рабски его копируетъ (стр. 328); кромѣ Фукидида, Діодоръ имѣлъ подъ рукой еще другой или другіе источники; при разсказѣ о сицилійской экспедиціи этимъ источникомъ, по всей вѣроятности, является Тимей (стр. 421, 425, 426, 433). Наконецъ, въ составъ Діодоровскаго текста входятъ и замѣтки, взятая имъ изъ своихъ „collectanea“, и въ угоду такимъ замѣткамъ (стр. 345) Діодоръ иногда существенно видоизмѣняетъ разсказъ главнаго своего источника.

Что касается главнаго вывода изъ этого анализа текста Діодора, а именно, что Діодоръ, начиная съ изложенія событій такъ называемой „пентеконтаэтіа“ и кончал олигархическимъ переворотомъ 411 года, при составленіи своего труда, рядомъ съ другими источниками и въ большей мѣрѣ, чѣмъ на нихъ, основывался на сочиненіи Фукидида, которымъ онъ постоянно непосредственно пользовался, — то я долженъ замѣтить, что для меня непосредствен-

ное привлечение и изучение Эукидида со стороны Діодора въ такой значительной мѣрѣ, въ какой это доказываетъ г. Мандесъ, является весьма сомнительнымъ. Что это сомнѣіе основательно, показываютъ уже разнорѣчивыя сужденія г. Мандеса о способѣ пользованія Эукидидомъ со стороны Діодора. Самыя грубыя изъ вышеуказанныхъ противорѣчій относительно образа работы Діодора и его характера, какъ писателя, объясняются, по большей части, желаніемъ г. Мандеса установить непосредственное пользованіе Эукидидомъ и тамъ, гдѣ по всему составу изложенія Діодора мы должны дойти до заключенія, что между Эукидидомъ и Діодоромъ существуетъ по крайней мѣрѣ еще одно посредствующее звено — по всей вѣроятности, Эфоръ. Г. Мандесъ, правда, въ этой послѣдней части своего изслѣдованія, касающейся Пелопонесской войны, какъ будто не допускаетъ мысли, что Діодоръ обизанилъ своими свѣдѣніями заимствованіямъ у Эфора; но такая зависимость отъ Эфора существуетъ; съ особенной наглядностью, на примѣръ, можно это показать относительно разсказа Діодора о причинахъ Пелопонесской войны, который, несмотря на всѣ старанія г. Мандеса доказать противное, восходитъ къ одному Эфору ¹⁾.

Если я къ этой подробной оцѣнкѣ недостатковъ, которые я отмѣтилъ въ книгѣ г. Мандеса относительно метода изслѣдованія и результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ, еще прибавляю, что изложеніе автора не свободно отъ стилистическихъ шероховатостей и лишннихъ амплификацій — хотя въ сравненіи съ первымъ трудомъ г. Мандеса въ этомъ отношеніи замѣчается большой прогрессъ — что попадаются иногда невѣрныя или неполныя цитаты и что мною замѣчено при чтеніи весьма много опечатокъ — особенно въ греческомъ текстѣ — описокъ и пропусковъ, то я думаю, что укажу на почти всѣ отрицательныя стороны изслѣдованія г. Мандеса. Справедливость же требуетъ указать въ настоящей рецензіи и на положительныя достоинства разбираемой мною книги, именно на то, что г. Мандесъ успѣлъ сдѣлать для вѣрной постановки поднятаго имъ научнаго вопроса, и на тѣ преимущества, которыми отличается этотъ обстоятельный опытъ по древней исторіографіи. Я могу быть здѣсь

---

¹⁾ Г. Мандесъ, вслѣдъ за Vogel'емъ, старается доказать, что Діод. XII, 38 не заимств. отъ разсказа Эфора; но изъ XII, 39, 3 совершенно ясно вытекаетъ, что и 38 главу слѣдуетъ приписать Эфору; и анализъ остальной традиціи совершенно подтверждаетъ этотъ выводъ.

гораздо болѣе сжатымъ, чѣмъ при выясненіи недостатковъ труда г. Мандеса, и позволю себѣ вкратцѣ формулировать, въ чемъ заключаются, по моему, главные достоинства труда г. Мандеса.

1) Книга г. Мандеса доказываетъ, что ея авторъ весьма хорошии знатокъ древней исторической литературы и вполне владѣеть тѣмъ орудіемъ, которое является необходимымъ условіемъ для такого знакомства — основательнымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Это знаніе даетъ ему возможность не довольствоваться установленіемъ общаго смысла даннаго отрывка древняго писателя, а интерпретировать его по всѣмъ правиламъ строго-филологической герменевтики и критики. Въ итогѣ этого серьезнаго отношенія къ нашему преданію получился длинный списокъ вновь объясненныхъ или исправленныхъ мѣстъ изъ древнихъ авторовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Мандесъ особенно много сдѣлалъ для объясненія и критики текста Діодора, и на основаніи его разбора легко будетъ составить комментированное изданіе трехъ книгъ Діодора (XI по XIV), въ которомъ уже давно чувствуется сильная потребность.

2) Методъ анализа нашего историческаго преданія, примененный и проведенный г. Мандесомъ, заслуживаетъ въ общемъ полнаго одобренія. Его анализъ, наиримѣръ, различныхъ преданій о Саламинской битвѣ или о судѣ надъ плѣнными воинами въ Сиракузахъ въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ. Г. Мандесъ вѣрно понимаетъ, что задача всякой филологической и исторической критики заключается въ „distinguere“, а не въ „conciliare“; и если авторъ въ своей критикѣ иногда и заходитъ слишкомъ далеко, придирается и напрасно старается читать въ умахъ и душахъ разбираемыхъ имъ писателей (стр. 203, 251, 211, 401, 464 и т. д.), то эти сравнительно не очень многіе случаи злоупотребленія вѣрными въ основныхъ чертахъ методомъ не могутъ испортить того выгоднаго впечатлѣнія, которое въ общемъ производитъ спокойный и логичный способъ изложенія и разсужденія автора.

3) Изъ изслѣдованія г. Мандеса явствуетъ, что онъ прекрасно знакомъ съ исторіею и съ литературой изучаемаго имъ вопроса; не только всѣ крупныя и капитальныя сочиненія, но и въ обширной мѣрѣ опубликованныя въ разныхъ журналахъ мелкія статьи ему хорошо извѣстны, и я затруднился бы указать въ этомъ отношеніи на какой-нибудь существенный пробѣлъ. Это полное владѣніе своимъ предметомъ, основательное изученіе древнихъ памятниковъ и научныхъ работъ, имъ посвященныхъ, позволяетъ г. Мандесу, при

его недюжинных способностях, вполне самостоятельно взялся за решение поднятого им вопроса; остроумные рассуждения по различным вопросам, разбросанным по всему труду, показывают, что г. Мандесъ стоитъ на высотѣ своей задачи. Ради примѣра укажу, что мысль „collectanea“ Діодора или его доводы объ образованіи исторической вульгаты въ Греціи правильно освѣщаютъ разные до сихъ поръ темные вопросы, и я охотно признаю, что кое-чему научился изъ книги г. Мандеса.

4) Что я далеко не всѣ выводы автора могу считать вѣрными, это я выше изложилъ; я также указалъ на то, что г. Мандесъ несомнѣнно увлекается, если можно такъ выразиться, анти-эфоровской тенденціею; но тѣмъ не менѣе одинъ главный результатъ изслѣдованія г. Мандеса останется, по моему, непоколебимымъ, а именно—что уравненіе: Діодоръ—Эфоръ, имѣвшее со времени появленія изслѣдованія Volquardsen'a значение аксіомы; уравненіе, съ которымъ еще въ новѣйшее время въ той или другой формѣ, больше, чѣмъ слѣдуетъ, считаются и Beloch и Busolt и Ed. Meyer и Wachsmuth,—чтобы только назвать нѣсколькихъ изъ самыхъ выдающихся новыхъ историковъ Греціи,—теперь должно быть окончательно оставлено. Самая мысль, правда, что это уравненіе неабсолютно вѣрно и не во всѣхъ случаяхъ примѣнимо, не нова и не принадлежитъ одному г. Мандесу: и Broesker и Evers, а попутно и я, и еще другіе высказывали свой протестъ противъ примѣненія къ Діодору пресловутой системы единого источника; но заслуга г. Мандеса заключается въ томъ, что онъ въ пространномъ и специальномъ анализѣ крупной части труда Діодора доказалъ всю основательность этого протеста; доказалъ, что составъ исторіи Діодора болѣе сложенъ, чѣмъ это до сихъ поръ въ общемъ полагали.

Г. Мандесъ думаетъ, что характеръ греческой исторіи Діодора объясняется его самостоятельной переработкой того матеріала, который онъ нашелъ у Геродота и Фукидида, контаминировалъ съ извѣстными изъ другихъ источниковъ и передѣлывалъ сообразно съ общераспространенными взглядами на греческую исторію въ ту эпоху, когда онъ жилъ; я, напротивъ, полагаю бы, что Діодоръ черпаетъ свой матеріалъ въ данной области, кромѣ Эфора, преимущественно изъ вторыхъ рукъ, изъ разныхъ второстепенныхъ компицій и руководствъ, и что онъ только для контроля привлекаетъ спеціальныя сочиненія болѣе знаменитыхъ историковъ, въ большей мѣрѣ Геродота, только изрѣдка Фукидида; по ихъ сочиненія онъ, конечно,

читаль и сдѣлать себѣ замѣтки изъ нихъ. Но, какъ бы то ни было, будутъ ли подтверждены или опровергнуты дальнѣйшими изслѣдованіями по данному вопросу тѣ положенія и выводы г. Мандеса, которые мнѣ лично кажутся сомнительными, во всякомъ случаѣ каждый, кто займется отнынѣ Дюдоровскимъ вопросомъ, долженъ будетъ считаться съ этими положеніями и выводами. Отъ автора же этого крупнаго изслѣдованія мы вправѣ ожидать работъ, которыя послужатъ къ дальнѣйшему обогащенію нашей филологической и исторической литературы.

Э. ~~Фонтъ~~-Штерръ.

Т. Липса. Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Лосского. С.-Пб. 1902. Стр. II+VII+301. Ц. 1 р.

Сочиненіе профессора Мюнхенскаго университета, Липса, представляетъ изслѣдованіе основъ логики, наиболѣе освобожденное отъ традиціоннаго пониманія и способа изложенія этой науки. Впрочемъ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ современныхъ попыткахъ реформированія логики, дѣло касается не столько открытія какихъ-нибудь новыхъ формъ и законовъ мышленія, сколько своеобразнаго ихъ истолкованія и сопоставленія, а также нѣсколько иной оцѣнки въ зависимости отъ принятой авторомъ гносеологической точки зрѣнія. Логика въ изложеніи Липса имѣетъ характеръ психологической дисциплины и состоитъ въ описаніи закономѣрныхъ формъ и процессовъ мышленія въ томъ видѣ, какъ они осуществляются въ человѣческомъ сознаніи, по возможности независимо отъ внѣшнихъ способовъ ихъ выраженія. При этомъ мышленіе, какъ психологическій процессъ, изолируется отъ всѣхъ остальныхъ процессовъ сознанія и разсматривается лишь въ законченныхъ и общихъ своихъ формахъ, помимо какого бы то ни было опредѣленнаго содержанія. Въ результатѣ изслѣдованіе Липса получаетъ чрезвычайно абстрактный характеръ, отличающій его отъ обычныхъ психологическихъ описаній, въ большинствѣ случаевъ конкретныхъ и наглядныхъ. Сочиненіе Липса распадается на XII отдѣловъ. Изъ нихъ I представляетъ краткое гносеологическое введеніе, II—VI посвящены опредѣленію различныхъ формъ и видовъ сужденія, а кромѣ того характеристикѣ основныхъ категорій мышленія и ихъ модификацій, VII—о понятіи, VIII—объ опытѣ и законсообразности мышленія, въ IX—XI излагается сущность методовъ индукціи и дедукціи,

въ заключительномъ XII—различіе знанія, вѣроятности и вѣры. Основною формою мышленія и познанія въ логикѣ Липпса является сужденіе. Въ немъ наиболѣе явственно обнаруживается обусловленность познанія двумя главными факторами: объективнымъ и субъективнымъ. Соответственно участію этихъ двухъ факторовъ Липпсъ устанавливаетъ основное подраздѣленіе сужденій на объективныя и субъективныя и рассматриваетъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга (отдѣлы V и VI).

Исходнымъ пунктомъ познанія является, по Липпсу, простая наличность какихъ бы то ни было объектовъ сознанія, т. е. опытъ въ широкомъ смыслѣ слова. Познаніе состоитъ въ установленіи *объективно-необходимаго порядка* между объектами сознанія. Объективна та необходимость, которая связана съ самими объектами (хотя-бы при этомъ *присоединялся* субъективныи факторъ), или та, къ которой вынуждають сами объекты. Объективность въ этомъ смыслѣ есть признакъ всего логическаго. Поэтому мышленіе можетъ быть обозначено, какъ объективно обусловленный процессъ представленія. Задача мышленія не исчерпывается приведеніемъ въ объективно необходимый порядокъ непосредственно даннаго. Посредственная дѣйствительность полна противорѣчій. Во избѣжаніе этихъ противорѣчій и для построенія законмѣрной системы знанія необходимо выйти за предѣлы даннаго. Отсюда опредѣленіе мышленія, какъ дѣятельности *дополняющей* дѣйствительность. То дополнительное построеніе, которое производится мышленіемъ, опредѣляется въ сущности двумя условіями: оно должно разрѣшать противорѣчія наличной дѣйствительности и соответствовать ея объективной необходимости. Понимая мышленіе „какъ дополненіе“, Липпсъ становится на необычную для логика точку зрѣнія на мышленіе, подчеркивающую его творческую природу и сравнительную независимость функций. Съ этой точки зрѣнія познаніе должно рассматриваться не какъ механический процессъ, фатально развивающійся изъ данныхъ опыта, но какъ свободное конструированіе такого цѣлаго, въ которое наличная дѣйствительность могла бы войти, какъ необходимая часть. „Знаніе—поясняетъ Липпсъ—состоитъ въ построеніи міра, имѣющаго необходимый порядокъ, не изъ непосредственнаго даннаго, а скорѣе для непосредственно даннаго и на основаніи его требованій“. Гносеологическій обзоръ начала и главныхъ ступеней познанія Липпсъ заканчиваетъ указаніемъ на двѣ области, въ которыхъ въ силу законсообразности мышленія группируются всѣ объекты сознанія, какъ непосредственно данныя, такъ и примыслаемые въ процессѣ познанія: міръ „я“ или субъективная дѣйствительность, и независимый отъ него міръ внѣшнихъ

объектовъ, или объективная дѣятельность. Оба эти міра, разсматриваемые, какъ вещи въ себѣ, цѣликомъ созданы мышленіемъ, т. е. представляютъ чистые ноумены. Существуетъ однако пунктъ, гдѣ раздѣленіе „я“ и вишняго міра не удастся; этотъ пунктъ—наше тѣло. Въ концѣ концовъ тѣ же законы мышленія, которые разъединяютъ „я“ и „не-я“, заставляютъ признать и то, и другое составляющими единый міръ. Разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ представлять этотъ міръ, должно находиться въ исключительной зависимости отъ того, при какихъ способахъ мыслимости наличная дѣятельность сознанія становится для насъ по возможности понятной.

Сужденіе Липсы опредѣляетъ, какъ сознаніе объективной необходимости сосуществованія или порядка (отношенія) предметовъ сознанія. Присущее сужденію сознаніе объективной необходимости является у Липсы прототипомъ той же необходимости во всѣхъ другихъ формахъ и законахъ мышленія. Необходимость эта обнаруживается двояко: она состоитъ, во 1-хъ, въ невозможности вообще замѣнить въ сужденіи „S есть P“ предикатъ P предикатомъ не-P, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ такой объектъ сознанія, который не можетъ быть присоединенъ къ S безъ того, чтобы этимъ не было устранено одновременное и однородное присоединеніе P къ этому же S,—и во 2-хъ, въ невозможности сдѣлать такую же замѣну безъ того, чтобы въ то же время не исчезло сознаніе объективной дѣятельности представляемыхъ P и S. Эти два способа сознанія объективной необходимости заставляютъ различать сужденія формальныя и матеріальныя. Это же различіе полагается въ основу всѣхъ остальныхъ формъ мышленія и познанія. Такимъ образомъ подъ формальнымъ знаніемъ слѣдуетъ разумѣть объективно необходимый порядокъ предметовъ сознанія вообще, подъ матеріальнымъ — такой же порядокъ предметовъ, *поскольку они мыслятся, какъ объективно дѣйствительныя*. Сущность каждого сужденія включаетъ въ себѣ и отрицаніе, и утверженіе. Присоединеніе къ субъекту S предиката P равносильно отрицанію не-P и наоборотъ. Въ утверженіи и отрицаніи выражается, по Липсу, сознаніе различныхъ сторонъ *одной и той же психической состоянія*. Однако это состояніе, какъ таковое, имѣетъ положительный характеръ. „Оно заключается въ такомъ отношеніи объектовъ, которое дѣлаетъ объективно-необходимую опредѣленную форму теченія представленій. Это теченіе представленій есть всегда обращеніе къ опредѣленному объекту и, слѣдовательно, всегда въ то же время необходимое отклоненіе отъ другихъ объектовъ“. Ученіе о различеніи сужденій по относительности

получаетъ въ изложеніи Липса значительныя преобразованія. Традиціонное дѣленіе сужденій на категорическія, гипотетическія (условныя) и раздѣлительныя, по его мнѣнію, не совпадаетъ съ дѣйствительными логическими различіями. Поскольку въ гипотетическомъ сужденіи не осуществляется необходимое присоединеніе предиката къ субъекту, постольку оно не есть настоящее сужденіе. Наоборотъ категорическое сужденіе есть сужденіе въ истинномъ смыслѣ этого слова. Гипотетическое сужденіе Липсъ признаетъ частнымъ случаемъ „выводящихъ“ сужденій, т. е. сужденій, связанныхъ съ сознаниемъ ихъ слѣдованія одного изъ другого. Всякое выводящее сужденіе становится гипотетическимъ, если неизвѣстно, можно ли считать истиннымъ основывающее сужденіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ всякое гипотетическое сужденіе заключаетъ въ себѣ гипотетическое умозаключеніе. Оно можетъ разсматриваться также какъ „посредствующая ступень между простымъ сужденіемъ и категорическимъ умозаключеніемъ, заключающая въ себѣ еще нераздѣльно сужденіе и умозаключеніе“ (стр. 262). Главы XIII и XIV, посвященныя послѣдованію неполныхъ и полныхъ сужденій, содержатъ въ себѣ мѣткія характеристики различныхъ видовъ сужденій и ихъ взаимоотношеній. Съ большимъ остроуміемъ обнаруживаетъ Липсъ двойственную природу матеріальнаго сужденія, опредѣляя его какъ сочетаніе двухъ сужденій: экзистенціальнаго и формальнаго (стр. 67).

Подраздѣленіе сужденій на объективныя и субъективныя обуславливается у Липса происхожденіемъ объективно-необходимаго порядка. Объективны тѣ сужденія, въ которыхъ для сознанія этого порядка не нужно никакой особенной направленной на объекты дѣятельности субъекта кромѣ самаго акта представленія. Порядокъ въ этомъ случаѣ создается самими объектами. Таковы всѣ сужденія о времени, о пространствѣ, о качествѣ вещей. Субъективными сужденіями называются тѣ, въ которыхъ объективно-необходимый порядокъ возникаетъ впервые благодаря упорядочивающей дѣятельности субъекта, направленной на представляемые объекты. Эта дѣятельность бываетъ двухъ родовъ; она состоитъ въ соединеніи и раздѣленіи или же въ сравненіи. Особенностію субъективныхъ сужденій является также то, что предикатомъ въ нихъ служитъ не объектъ отличный отъ субъекта, какъ въ объективныхъ сужденіяхъ, а порядокъ, устанавливаемый судящимъ лицомъ. Различіе объективныхъ и субъективныхъ сужденій совершенно не совпадаетъ у Липса съ различіемъ апостеріорнаго и апріорнаго познанія. И тѣ, и другія сужденія въ той или иной мѣрѣ обусловлены а priori, хотя субъективныя сужденія апріорны по преимуществу.

Чисто апіорними сужденіями, по Липсцу, слѣдуетъ признавать такія, въ которыхъ необходимая связь объектовъ сознанія обусловлена исключительно законами духовной дѣятельности. Хотя Липсъ признаетъ все познаніе въ значительной степени апіорнымъ, его все-таки нельзя признавать апіористомъ въ смыслѣ критической философіи. Въ противоположность критицизму Липсъ не признаетъ апіорные факторы познанія имманентными всей структурѣ непосредственнаго опыта, а напротивъ противопоставляетъ опытъ апіорнымъ законамъ познающаго духа (стр. 184). Впрочемъ проблема апіорности не имѣетъ у Липса полного и яснаго разрѣшенія. Точно также проводимое всюду Липсомъ различіе логически объективнаго и субъективнаго нельзя признать достаточно принципиальнымъ. Открываемая Липсомъ субъективная необходимость въ процессахъ мысли оказывается *въ концѣ концовъ* опирающеюся, какъ и въ своемъ происхожденіи, такъ и въ обусловленномъ ею конечномъ результатѣ на ту же непосредственную данность объектовъ сознанія. Если никакіе опредѣленные объекты сознанія, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Липсъ, сами по себѣ не обязываютъ мышленіе къ ихъ сравненію или объединенію, то побужденіе къ этимъ дѣятельностямъ лежитъ все-таки въ какихъ-либо другихъ данныхъ сознанія или опыта. Съ другой стороны самый результатъ этихъ актовъ несомнѣнно обусловленъ природою тѣхъ объектовъ, которые сравниваются или объединяются. Такимъ образомъ всякій объективно-необходимый порядокъ ожидается такъ или иначе на данныхъ непосредственнаго опыта. То же, что по существу можетъ быть признано субъективнымъ условіемъ всяческаго познанія, а именно чисто формальная законмѣрность мышлениа, выраженіемъ которой являются такъ называемые законы тождества и противорѣчія,—лежитъ въ основѣ *всѣхъ* сужденій и не можетъ служить признакомъ логическихъ подраздѣленій. Вообще устанавливаемая Липсомъ и при томъ другъ съ другомъ не совпадающія понятія *апіорнаго* и логически *субъективнаго* предполагаютъ какіе-то *два* вида субъективнаго воздѣйствія на ходъ мышленія со стороны познающаго субъекта. Различіе этихъ двухъ видовъ у Липса не проведено, да и едва-ли можетъ быть проведено съ достаточною рѣзкостью.

Теорія причинности подвергнута у Липса весьма улачной разработкѣ. Съ необычайною послѣдовательностью и отчетливостью показываетъ Липсъ, какъ путемъ сочетанія психологическаго фактора—ассоціацій—и формальной законмѣрности мышленія возникаетъ законъ

причинности. Причина, по Липпсу, есть единство и связь объективно-необходимых реальных условий чего-либо объективно действительного. Закон причинности получает свою логическую общность не благодаря повторности опыта, но в силу общности, лежащей в природе всех наших представлений и суждений, даже и единичных. Представление необходимой связи такого С с таким F есть вместе с тем представление связи *такого С с такими F*, т. е. потенциально скрывает в себя уже общее суждение. Это общее суждение получает свое право на существование, коль скоро оно не отвергается отрицательными инстанциями опыта. Конечным выводом из закона причинности является закон непрерывности. По этому закону действительность всякого бытия, а равно и всякое изменение его, непрерывны. Сущность непрерывного изменения состоит в силовой последовательности различного. Поскольку оно может быть разложено на элементы, эти элементы сами представляют непрерывное изменение, следовательно, состоят из таких же элементов и так далее до безконечности. Каждый такой элемент имеет свою непосредственную причину в предшествующем таком же элементе. Следовательно, непрерывное изменение представляет безконечную связь причин и действий. Сущность индукции, как получения общих суждений из единичных, сводится у Липпса к открытию тех условий, при которых связь, выражающаяся в общем суждении, может быть признана объективно-необходимой без противоречия другим данным опыта и познания. Самая возможность этого процесса обусловлена опять-таки тем, что всякое единичное суждение заключает в себя непосредственно и с самого начала общее или родовое суждение (стр. 221). В этом пункте Липпс становится на точку зрения диаметрально противоположную высказанной Д. С. Миллем в его теории силлогизма. Если Милль отказывается признать действительную всеобщность большей посылки и видит в ней лишь собирательное суждение, то Липпс, в противоположность этому, усматривает родовое суждение в каждом единичном. Таинным способом Липпс очень остроумно разрешает весьма трудный вопрос логики: когда же в наблюдении ряда однородных соотношений опыта возникает действительное всеобщее суждение в тех случаях, когда такой ряд представляется переходящим в безконечность? С точки зрения Липпса оно возникает в начальном пункте этого ряда. Опыт никогда не создает общей формы суждения, которая всегда готова, а только решает вопрос о ее правоспособности. Совершенно своеобраз-

равную постановку получаютъ у Липпса ученіе объ основныхъ законахъ мышленія. Традиціонныя формулировки законовъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія оныя считаетъ ничего или очень мало выражающими тавтологіями. Такой взглядъ является вполне послѣдовательнымъ выводомъ изъ предыдущей постановки логическихъ проблемъ. Это наиболее ясно обнаруживается на законѣ противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ послѣ даннаго Липпсомъ опредѣленія сущности сужденія (см. выше) формула этого закона: „А, которое есть В не есть не-В“ — лишь въ томъ случаѣ не тавтологія, если она служить выраженіемъ мысли, что вообще существуютъ предикаты, относящіеся другъ къ другу, какъ В и не-В. Но въ этомъ смыслѣ законъ противорѣчія заключаетъ въ себѣ не законъ акта сужденія, а описаніе сущности этого акта. По мнѣнію Липпса, существуетъ лишь одинъ дѣйствительный законъ мышленія. Онъ состоитъ въ законосообразности самого мышленія. Законосообразность эта есть постоянство и послѣдовательность; она выражается въ томъ, что при одинаковыхъ условіяхъ должно быть мыслимо одинаковое, изъ равнаго должно вытекать равное, одинаковыя основанія должны имѣть одинаковыя слѣдствія. Теорія силлогизма у Липпса также не совпадаетъ съ общепринятой. Въмѣсто традиціонныхъ схемъ 4-хъ фигуръ оныя устанавливаетъ одну основную схему силлогизма, символизирующую связь меньшаго термина съ большимъ черезъ посредство средняго— $S (M) P$ —и вспомогательную обратную схему: $P (M) S$. Изъ этими схемамъ сводятся всѣ возможные модусы силлогизма.

По первоначальному плану Липпса сочиненіе его предназначалось служить руководствомъ для его слушателей. Однако при выполненіи своей работы оныя вышелъ, по собственному его признанію, за предѣлы памѣченной цѣли. Но и помимо этого обстоятельства „Основы логики“ ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсматриваться какъ руководство для учащихся. Полная оригинальность автора въ постановкѣ и разрѣшеніи логическихъ проблемъ въ связи съ чрезвычайною продуктивностью высказанныхъ имъ новыхъ взглядовъ дѣлаетъ изслѣдованіе Липпса весьма цѣннымъ научнымъ трудомъ, по едва-ли допускаетъ возможность отнести его къ области учебной литературы. Абстрактное изложеніе Липпса, при всей его мѣткости и точности, отличается виртуозною краткостью и отсутствіемъ какихъ-бы то ни было поясненій и повтореній. Если при этомъ принять въ расчетъ, что мысль Липпса предпочитаетъ вращаться въ области наиболее тонкихъ и

трудно уловимыхъ оттѣнковъ, лишь слегка касаясь всего общепонятнаго, то недоступность его изслѣдованія для неискусившихся умовъ должна стать вполне очевидной.

Нельзя не отмѣтить, что въ отношеніи передачи тонкихъ оттѣнковъ и точности мысли автора русскій переводъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

С. Алексѣевъ.

INSCRIPTIONES ANTIQUAE ORAE SEPTENTRIONALIS PONTI EUXINI GRÆCÆ ET LATINÆ.
Volumen IV, supplementa continens per annos 1885 — 1900 collecta.
Edidit B. Latyshev. Petropoli 1901 in 4°. стр. X+359.

Древнія надписи производятъ особое, глубокое впечатлѣніе, отличаются особымъ захватывающимъ интересомъ: внимая имъ, какъ бы слышишь голоса, отрывки разговоровъ дня, которому минуло двѣ тысячи лѣтъ. Хотѣлось бы имѣть какъ можно больше эгихъ отрывковъ древняго времени, высѣченныхъ на камнѣ. Особое наслажденіе доставляютъ сборники надписей, изданные учеными знатоками, гдѣ всякій обломокъ, большой и ничтожный, трактованъ съ одинаковымъ вниманіемъ и точностью. Для столь близкихъ намъ надписей сѣвернаго берега Чернаго моря нашелся такой мастеръ-надатель въ сонмѣ русскихъ ученыхъ.

Число открываемыхъ вновь надписей въ предѣлахъ Россіи не малое. Для находокъ послѣднихъ 15 лѣтъ XIX вѣка понадобился цѣлый томъ. Надписи этого тома не составляютъ полной новости: онѣ были напечатаны самимъ В. В. Латышевымъ по мѣрѣ накопленія въ отдѣльныхъ небольшихъ сборникахъ, или другими учеными въ разныхъ изданіяхъ. Но теперешнее общее изданіе новинокъ очень полезно и представляетъ большой интересъ.

Изданіе не пуждается ни въ какихъ похвалахъ; но невольно хочется упомянуть объ изяществѣ и близости къ подлиннику типовъ, о множествѣ точныхъ снимковъ. Переберемъ въ порядкѣ изданія надписи болѣе важныя.

№ 67. Обломокъ постановленія херсонисцевъ въ честь вождей, возвратившихъ городу Καλὸν λιμένα, повидимому, одного времени съ знаменитымъ постановленіемъ въ честь Діофанта.

68. Обломокъ весьма замѣчательнаго постановленія херсонисцевъ

въ честь какого-то гражданина, свергнувшаго, безъ кровопролитія, невѣстнаго тирана, а потомъ, кажется, выхлопотавшаго отъ императора и сената и народа римскаго свободу по отчизнѣ для Херсониса.

70. Обломокъ постановленія херсонисцевъ въ честь Фарнака амастрианца.

71. Постановленіе херсонисцевъ, по рогаціи проедровъ, во хвалу митрополія Херсониса Ираклен Понтійской. Важень фактъ, что Ираклея Понтійская оказывается, несомнѣнно, митрополією Херсониса. „Благочестивѣйшіе отцы Ираклеоты“ отнеслись съ „родственнымъ сочувствіемъ“—*ἀδελφὸν πάθον*—и любовно заботились о благѣ Херсониса, „послали посольство къ богу нашему и государю Самодержцу Титу Элію Адріану Антонину съ моленіями за насъ и имѣли вниманіе божественныя отвѣты и исомилостивѣннія благодѣнія сообщить намъ чрезъ замѣчательныхъ мужей Ираклида, сына Менесеея, и Прокла, сына Мемнона посланныхъ“.

72. Постановленіе херсонисцевъ, также по рогаціи проедровъ, въ честь Г. Каія Евтихіана Навклара синопта. Надпись имѣетъ любопытную судьбу въ исторіи науки. Теперь она почти цѣльная. Первая половина ея была найдена въ 20-хъ годахъ XIX вѣка въ развалинахъ Сарая и издана, по копіи и снимку Цвика, сарептскаго жителя, академикомъ Грефе, а потомъ Бёжомъ въ *SJG*. Бёжъ предположилъ, что надпись принадлежитъ греческому городу Ексополу: по Птолемію Ексополъ паходился на Дону, па ближайшемъ къ Волгѣ поворотѣ рѣки. Лѣвую половину, найденную въ 1893 году въ развалинахъ Херсониса, В. В. Латышевъ сперва издалъ въ *Матеріалахъ по археологіи Россіи*, изд. Арх. Комм. № 17. Потомъ В. В. соединилъ оба обломка и объяснилъ въ особой статьѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* 1895, ноябрь. Оказалось, что надпись принадлежитъ Херсонису Таврическому.

79. Знаменитая присяга гражданъ Херсониса. Въ этой замѣчательной надписи именно слово *σαῦτήρ* возбудило многочисленныя догадки и взаимныя возраженія. Попытаюсь и я дать объясненіе слову *σαῦτήρ*, не входя въ перечень догадокъ и возраженій.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что надпись читается превосходно, что слова *τὸν σαῦτήρα τῷ δάμφ διαφολαῖῳ* несомнѣнны. Должны же они имѣть какое-нибудь объясненіе. Во-вторыхъ, значеніе *законовъ и конституцій или хартии* (*reipublicae status notionem vel legum sumptae*) не можетъ, мнѣ кажется, заключаться въ имени существительномъ мужескаго рода ед. числа. Было бы написано *τοῦς νόμους, τὰν*

δημοκρατίαν. Въ-третьихъ, многія выраженія акта показываютъ, что, въ моментъ его изданія, въ Херсонисѣ Таврическомъ были значительныя внутреннія политическія потрясенія, была борьба партій, междоусобная война. Всего яснѣе это видно въ выраженіяхъ: οὐδὲ ἐπιβουλεύσῃ δίκῃν πρῶτα οὐθένι οὐθάν τῶν πολιτῶν τῶν μὴ ἀφροσταχότων—и далѣе: οὐδὲ συνωμοσίαν συνομοῦμαι οὔτε κατὰ τοῦ κοινοῦ τοῦ Χερσονασιτῶν οὔτε κατὰ τῶν πολιτῶν οὐδενός, ὅς μὴ ἀποδέδειχται πολέμιος τῷ δάμψι εἰ δέ τιμὴ συνώμοσα καὶ εἴ τιμὴ καταλέλαμμαι ὄρχη ἢ ἐπευχᾶ κтл.

Надпись древнѣе протогеновской, вѣроятно, начала III вѣка до Р. Хр. Исторія Херсониса за это время намъ совершенно неизвѣстна. Возможно, что для успокоенія смуть херсонисцы постановили избирать или одновременно избрали новаго гражданскаго чиновника, котораго называли *σαστήρ*. Я нахожу въ выраженіи τὸν σαστήρα τῷ δάμψι διαφραξῶ сходство съ выраженіемъ, встрѣчающимся въ договорѣ афинянъ съ эссалийцами при архонтѣ Пнеофимѣ (361—360): Ποηθήσω κατὰ σθένος κατὰ τὸ δυνατόν, εἴαν τις ἴη ἐπὶ τὸ κοινὸν τὸ Θετταλῶν ἐπὶ πολέμῳ ἢ τὸν ἄρχοντα καταλείβει ὃν εἴλοντο Θετταλοί, ἢ τύραννον καθιστῆ ἐν Θετταλίᾳ κтл (Dittenberger, SJG.² 108, Michel, Rec. d' inscr. gr. 11). Хотя исторію Θεσσαλῶν мы знаемъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ исторію Херсониса Таврическаго, но объ архонтѣ эссалийскомъ мы не встрѣчаемъ никакого болѣе упоминанія ни у авторовъ, ни въ надписяхъ, ни раньше ни послѣ акта при Никофимѣ. А между тѣмъ въ актѣ является цѣлая новая эссалийская конституція: раньше ставили только по временамъ общаго военнаго вождя, тага, или лучше сказать какой-нибудь сильный князь заставлялъ эссалийцевъ провозглашать его тагомъ, собиралъ Θεσσαλίю подъ свою власть. Въ 361 году, послѣ Іасона, во время борьбы противъ Александра ферскаго, эссалийцы, какъ мы видимъ изъ приведеннаго акта, поставили собѣ архонта, притомъ не на одинъ годъ, а на болѣе долгій промежутокъ времени, какъ вѣрно замѣчаютъ Кйлеръ по выраженію ἄρχοντα ὃν εἴλοντο Θετταλοί. Это былъ гражданскій президентъ. Нѣчто подобно былъ *σαστήρ* Херсониса. Для формы имени *σαστήρ* можно сравнить того чиновника, который ἀρήταιος въ Микянахъ Dittenberger, 271, Michel 173, ср. p. 944; и въ Аргосѣ Dittenberger, 428; въ древней надписи аргосской ἀρρήταιος Dittenberger, vol. II, p. 16. Можетъ быть, чиновникъ назывался ἀρητήρ, какъ полагають Prellwitz. Диттенбергеръ говоритъ, что это abiciendum post erutum titulum antiquum. Онъ отвергаетъ сродство съ гомеровскимъ ἀρητήρ, но какаѣ была существительная форма отъ ἀρήταιος? Въ Ми-

кинахъ этотъ чиновникъ ἀρχιτελε δαμιόργων. Въ херсонисской присягѣ дамiорги упоминаются три раза.

80. Списокъ проданныхъ участковъ земли. По имени Τυμος Σχίβα издатель заключаетъ, что надпись конца III или начала II вѣка (имя встрѣчается въ хронологическомъ списокѣ дельфійскихъ проксеновъ). Весьма сходная надпись издана въ I томѣ. Для слова ἐκατόρουα слѣдуетъ сравнить Xenoph. Syneg. 2. Тамъ разныя сѣти означаются, по длинѣ, διώρουα, τετράρουα, πεντάρουα, δεξάρουα, ἑξοσάρουα, τριακοντάρουα. L. Dindorf (Xenophonitis orpuscula politica, equestris et venatica, Oxonii, 1866) приводитъ изъ аѳинской надписи πεντάρουα Boeckh, Urkunden d. Seewesens, p. 412. Въ приложенномъ къ orpuscula Xen. словарѣ πεντάρουα объясняется quinque unguam. Ἐκατόρουα херсонисской надписи— нѣчто въ родѣ hectare, было ли въ нихъ 10.000 кв. локтей или иначе.

81. Большая греко-латинская надпись de capitulo Ienocinii, объясненная Домашевскимъ. Раздѣляется на восемь текстовъ особаго содержания (не переводовъ): сначала четыре греческихъ текста, потомъ три латинскихъ и въ заключеніе греческая помѣта. Тексты отдѣлены на самомъ камнѣ значками или пустыми мѣстами. Надпись весьма интересная. Домашевскій относитъ ее къ Коммоду, къ 185—186 годамъ.

91. Обломокъ херсонисской надписи, въ которой былъ перечень вѣнковъ, пожалованныхъ нѣкоему гражданину, и внутри вѣнковъ были надписи, за какіе подвиги пожалованъ каждый вѣнокъ. Точно такія надписи изданы въ I томѣ: 195 въ честь Агасикла, 199 въ честь Аристона. Остался цѣль только одинъ вѣнокъ съ надписью внутри: Ἐπὶ τὰς συμφραζίας γενηθέντι τὰς πρὸς βασιλέα Πολεμόνα ἢ ἀγερο (ἴαν εὐτοχῆ). Сохранились отъ послѣдней строчки верхніе концы буквъ. Я объясняю нѣсколько иначе, чѣмъ В. В.: vir honoratus былъ, мнѣ кажется, не посломъ для заключенія союза, но начальникомъ вспомогательнаго отряда, посланнаго царю Полемону, и награжденъ за счастливое командованіе отрядомъ. Первый Полемонъ былъ царемъ въ 14 году до Р. Хр., второй 38—41 по Р. Хр.

93. Надпись на базѣ статуи Секста Октавія Фронтоня, легата пропреторе Домниціана, около 92 г.

94. Изданная М. И. Ростовцевымъ votивная надпись Т. Аврелія Секунда, триерарха флота флавіева мезійскаго за здравіе императора Коммода и трибуна военнаго Флавія Сергіана Созибія.

110. Надгробная стихотворная херсонисская надпись, совершенно цѣлая.

136. Надгробная стихотворная херсонисская надпись, 17 стиховъ, также хорошо сохранившаяся.

147. Херсонисская, съ именемъ царя Аспурга на базѣ. Βασιλεύς Ἀσπούργος стоитъ въ началѣ первой строки, во второй, вѣроятно, стояло слово βασιλεύων. Упоминаніе объ Аспургѣ въ Херсонисѣ весьма замѣчательно. Аспургъ царствовалъ съ 8 до 38 года; Страбонъ говоритъ, что со времени Миорадата до его, Страбона, времени Херсонисъ былъ подъ властью царей Воспора.

160. Маленькій обломокъ хронологической надписи. Она была бы драгоценна, если бы лучше сохранилась.

194. Надпись, поставленная М. Авреліемъ Амниемъ, прусіейцемъ, въ честь царя воспорскаго Рискунориды 222 года по Р. Хр. Въ II томѣ издана надпись на базѣ статуи Рискунориды, поставленной М. Авреліемъ Амниемъ и товарищемъ его, послыми города Прусіады. Проф. Кулаковский заключаетъ изъ новонайденной надписи, что на мѣстѣ ея находки въ нынѣшнемъ Старомъ Крымѣ былъ городъ, принадлежавшій воспорскому царству.

195. Надгробная еоходосійская надпись IV вѣка.

200. Упоминается царь царей, власть въ Европѣ, посвященіе Зевсу Генарху.

201. На базѣ статуи Августа, поставленной царицею Δύναμις.

201. Посвященіе царю царей Тиб. Юлію Савромату (I-му, 93—123, думаетъ В. В.).

204. Съ именемъ царя Тиб. Юлія Котія, 57 года по Р. Хр.

207. Надпись религіознаго общества пантикапейскаго, подобнаго танаисскимъ.

208. Надгробная, поставленная религіознымъ обществомъ.

218. Надгробная стихотворная. Πανέρημον значить ἔρημον πάσης βοτθείας.

248. Надгробная. В. В. замѣчаетъ, что имя ΚΑΛΛΙΑΙΝ читается орѣтиче, но все-таки исправляетъ на Κάλλων. Можетъ быть Καλλιάν женское имя на подобіе Ἠδύαν, 242, Ἄνειν 232, Γλοχάρων 369. Такихъ формъ на IN нѣсколько въ IV томѣ В. В. Латышева. Въ географическомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ А. В. Никитскій читаетъ Καλλιὰ (стр. 175) и выражаетъ мнѣніе, что это могло быть мужское имя. А. В. Никитскій настаивалъ, что Καλλιὰ стоитъ на камнѣ.

251. Встрѣчается звательный γονη; и во многихъ другихъ случаяхъ

звательный надежъ сд. числа именъ перваго склоненія бываетъ на η (Νρακλειδῆ 243). В. В. вездѣ исправляетъ.

256. Надгробная стихотворная пантикапейская.

257. Надгробнал, съ краснымъ рельефомъ.

297. Надгробная пантикапейская; Δαρῆς Γαίου στρατηγός Τυχανδεῖτων, совершенно неизвѣстныхъ.

334. Надгробнал: οἰε Καλοῦνος Ἐρμωνασεῖτου. Значить, города восторскаго царства, Ермонасса и другіе имѣли свое гражданство.

342. Пантикапейская. Сорокъ, δικῶν πράκτωρ, приготовилъ себѣ склепъ. Въ снимкѣ надписи vs. 11 читается λάβοιτο, В. В. ставитъ въ транскрипціи λάβοι безъ примѣчанія.

391. Надгробная пантикапейская, съ четвероступищемъ и прекраснымъ рельефомъ.

400. Надгробная пантикапейская: Φιλόξενος Στρατώναχτος Θεοδοσεῖς IV вѣка. Гражданинъ Θεοδοσίи, см. 334.

401. Πυθάρτος Ἰόλεω Κολοφώνιος; IV вѣка.

403. Ἀθηναῖς Χίη. IV вѣка. Интересны какъ свидѣтельства сношеній Пантикапея при раннихъ Спартокидахъ съ Іоніей.

404. Пантикапейская, съ еврейскимъ и греческимъ текстомъ, около IV вѣка по Р. Хр.

406. Обломокъ большой надписи, имѣвшей важное содержаніе.

407. Ἀπόλλων Κολιάτιος.

418. Фанагорійская. „ Сынъ Фанагора посвятилъ Афродитѣ, царствующей въ Алатурѣ, при архонтѣ Пәрисадѣ Воспора и Θεйдосіи, царю синдовъ и всѣхъ маитовъ“. Фанагоръ — вѣроятно основатель Фанагоріи.

420. Фанагорійская. Царица Δύναμις поставила статую Ливіи, жены Августа.

421. Надпись религіознаго общества. Встрѣчаются новые чины νάχορος, ἱεράστωρ. При царѣ Котіи (II).

430. Горгиппійская (Анапа) вотивная: Θεῶν δικαίφ.

432. Найдена въ Анапѣ. Большая агонистическая, со многими именами. Третьяго вѣка до Р. Хр. Встрѣчаются заголовки: εὐεχίας, οἷδε Ἐρμαῖα δόλιχον ἐνίκησαν. Это уже не первая изъ Анапы съ большимъ количествомъ именъ. Надписи заставляютъ заключить, что Горгиппія была значительнымъ городомъ.

433. Обломокъ надписи религіознаго общества съ именемъ царя, сына царя Рискупорида; вѣроятно, III вѣка по Р. Хр.

434. Надпись религіознаго общества съ именемъ Горгиппіи, най-

денная въ Анапѣ. По этой надписи В. В. доказывалъ въ особой статьѣ, что Горгишпіа была на мѣстѣ Анапы. Упомянется *ὄρφανοφύλαξ*,

435. Въ обломкахъ, вѣроятно также религіознаго общества.

436. Обломокъ съ надписями на двухъ сторонахъ, религіознаго общества. Встрѣчается въ первый разъ въ Горгишпіа *Θεῶ ὀφίστω*.

446. Танаисскій обломокъ съ именемъ царя Тиберія Савромата (I).

447. Танаисская надпись Трифона, возстановившаго стѣны, 164 года по Р. Хр., древнѣе всѣхъ другихъ подобныхъ танаисскихъ надписей о возстановленіи стѣнъ.

452. Изъ числа найденныхъ въ самое недавнее время тиранская, II вѣка по Р. Хр., какъ полагаетъ В. В., замѣчающій, что надпись была весьма важная. Читается м. проч. *κατὰ τὴν συνήθει(αν—μισθὸν λαμβά—οὶ βάρβαροι φορτία—οὶ στρατιῶται—κατ)απιθεῶσθωσαν αἱ τρα(πεζῖται?)*.

456. Обломокъ ольвійскаго постановленія, IV или III вѣка до Р. Хр.

460. Ольвійская, одна изъ самыхъ интересныхъ надписей IV тома, IV вѣка до Р. Хр., большая половина четверостишія, по стиху на двѣ строчки. *Φημί διακοσίας τε καὶ ὀγδοήκοντα ὄργονάς καὶ δύο τοξεῦσαι κλεινὸν Ἀναξαγόραν οἶόν Δημαγόρεω φέλετω δὲ καὶ* (—Анаксагоръ, стрѣлокъ ольвійскій древняго свободнаго времени Эллады, пустилъ стрѣлу больше чѣмъ на полверсты).

464. Херсонисская вотивная, „за вѣчныхъ Августовъ ненобъданныхъ Фл. Θεοδοσία и Аркадія“, по поводу окончанія постройки стѣнъ.

Несомнѣнно богатое содержаніе тома, но намъ нужно больше, гораздо больше надписей, и все-таки сыты не будемъ.

В. Сомеленъ.

Замѣтка на отвѣтъ г. Перетца.

Г. Перетцъ не согласился съ рецензіей моею, напечатанной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1902, № 9, стр. 233—240, и отвѣчалъ мнѣ въ октябрьской книжкѣ *Журнала*. Буду отвѣчать въ интересахъ читателей лишь по существу дѣла. Г. Перетцъ не видитъ ничего печальнаго въ подготовительномъ характерѣ своей работы, и я бы ничего въ этомъ печальнаго не видѣлъ, если бы ориентированіе въ книгѣ г. Перетца не было затруднено массой хаотически собраннаго и разноцѣльнаго матеріала. Результаты изслѣдованія очень не велики: изъ 17 тезисовъ г. Перетца лишь три, 12, 13 и 14, безъ

спорно вытекають изъ собраннаго матеріала. Остальные (1—11) или бездоказательны или подтверждены очень слабо, а 15 и 16 лишь по ошибкѣ попали въ число тезисовъ—это просто біографическія свѣдѣнія о Паусѣ. Разсуждая о влияніи силлабическихъ стиховъ на народное стихосложеніе, авторъ совершаетъ дѣйствія надъ неизвѣстными величинами, такъ какъ ни то, ни другое понятіе имъ не опредѣляется. Выставляя переводы Глюка и Пауса *первыми* образцами русскаго тоническаго стихосложенія, авторъ лишь теперь въ своемъ „Отвѣтѣ“ обѣщаетъ опубликовать стихи Моиса, а эти тоническіе стихи современны, если не раньше стиховъ Глюка и Пауса. Объ указанномъ ему мною болѣе раннемъ тоническомъ стихѣ въ сборникѣ 1690—1700 гг. Имп. Общ. Люб. Древн. Письменности авторъ вовсе умалчиваетъ. „Печатное старье, бібліографическій балластъ, свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ“, такими именами называетъ нашъ любитель „рукописныхъ первоисточниковъ“ труды митрополита Евгенія, Востокова, Эверса и Энгельмала: „они де не могутъ подорвать его тезисовъ“. Между тѣмъ эти сочиненія, а равно печатныя же работы гг. Барсукова, Викторова, Герье, Лопарева, Потемни, Цвѣтаева касаются непосредственно тезисовъ 2, 3, 4, 8, 9, 10 и 15. Указывая на незнакомство съ ними г. Перетца, я имѣлъ въ виду точку зрѣнія и методологическіе приемы автора, а не самыя тезисы, которые характеризованы выше. Или г. Перетцъ неизвѣстенъ ему фактическія данныя указанныхъ сочиненій по его основной темѣ будетъ относить къ тому времени, когда по его словамъ не существовала исторія русской литературы? Въ „частностяхъ“ своего отвѣта г. Перетцъ также послѣшенъ, какъ и въ своей книгѣ. Онъ пишетъ настолько невразумительно, что можно подумать, что отрывки летописи могли исполняться въ пѣніи (стр. 489), что пословицы могутъ быть изучаемы лишь съ XVII вѣка (тамъ же) и т. д. Уклоненіе отъ разсмотрѣнія общаго вопроса о приемѣ въ народномъ творчествѣ вообще не даетъ автору права разсуждать о влияніи на эту приему приемы книжной. Нельзя давать рѣшенія по фактамъ, выдѣленнымъ въ обособленную группу, по чисто внѣшнимъ признакамъ, безъ внутренняго изученія самыхъ фактовъ: а это дѣлаетъ г. Перетцъ, отдѣляя приему великорусскихъ пѣсенъ отъ всѣхъ другихъ приемъ народной рѣчи и не касаясь отношенія ритма и приему къ пѣнію. Слѣдовало бы ему поучиться осторожности приемовъ, напримѣръ, у академика Корша въ работахъ по стихосложенію. Г. Перетцъ говоритъ, что *аористическія* (?) приемы не встрѣчаются въ пословицахъ,—но

развѣ рѣшѣны сѣмислабовѣ исключительно аористическія? Указаніе на рѣшѣны сѣмислабовѣ оставлено г. Перетцомъ безъ вниманія. Соглашаясь на указанное мною взаимодѣйствіе стиха и музыки (пѣнія), авторъ признается, что этотъ вопросъ ему не подѣ силу, и что это—дѣло анатомовѣ исторіи русской музыки. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли было бы оставить вообще вопросъ о русскомъ стихосложеніи и не заниматься арифметическимъ подсчетомъ стопъ и удареній и дѣлать неубѣдительныя сопоставленія? Не правъ ли былъ покойный академикъ Ждановъ, который указывалъ на безрезультатность этого высшаго формальнаго начала, такъ какъ, опираясь на него, одинъ и тотъ же стихъ можно считать и сѣмислабовымъ, и тоническимъ? Благодаря такому рѣшѣны, наиболѣе цѣпныя свѣдѣнія сообщаются мимоходомъ, а то, что г. Перетцъ считаетъ основными задачами своего изслѣдованія, имѣетъ очень малую цѣпу въ виду механическаго набранія высшихъ фактовъ, связанныхъ случайными, а не органическими признаками. Съ этой схоластической точки зрѣнія, понятию, можно считать не относящимися къ дѣлу вопросы о томъ, почему Глюкъ и Паусъ занялись переводомъ протестантскаго Gesangbuchs'a, къ какой редакціи принадлежалъ оригиналъ ихъ перевода, какъ шле преподаваніе въ школѣ Глюка и т. д. Упреки меня въ своемъ отвѣтѣ, что я веду рѣчь о томъ, чего у него нѣтъ въ библіѣ, г. Перетцъ никакъ не хочетъ сознаться, что ему была неизвѣстна основная причина появленія переводовъ Глюка и Пауса. Knittelverse—подлинное выраженіе Доккеродта, а не мое, и относительно русскаго перевода лютеранскихъ гимновъ: при чемъ тутъ Мартинъ Лютеръ, за поэтическій даръ котораго вступается г. Перетцъ? Мы предложимъ г. Перетцу посмотреть ну хоть словари Царике или Лексера. Теперь о „странности“ моихъ замѣчаній, которыхъ г. Перетцъ подсчиталъ 6 номеровъ.

По поводу № 1 тщетно читатель сталъ бы искать доказательствъ сѣмислабовности стихотворенія Тредіаковскаго 1734 г. (Есть російска муза) во второй и десятой главѣ. Пекарскій и другіе считаютъ стихи тоническими, и почему чтеніе его въ четыре строки предпочтительнѣе чтенія въ восемь (говоримъ для краткости), неизвѣстно. Авторъ на стр. 41 говоритъ только слѣдующее: „Можно ли стихотвореніе (1734 г.) считать тоническимъ и въ какой мѣрѣ. Возьмемъ его начало... Замѣтимъ здѣсь только, что самъ Тредіаковскій не считалъ этого стихотворенія тоническимъ (*откуда это видно?*) и не включилъ его въ число примѣровъ, помещенныхъ при краткомъ способѣ 1735 г. Въ

самомъ дѣлѣ это 13 (первая строка 12 стопная) съ цезурой послѣ 7 слога“. Вотъ и все—гдѣ же доказательства, что это силлабическій стихъ, а не тоническій, какъ его до сихъ поръ читали?

№ 2. На стр. 246 книги г. Перетца указанъ составъ *библиотеки* Пауса, въ коей были, между прочимъ, Сказка о Бовѣ и Калазинская челобитная — памятники, только *близкія* къ народной рѣчи. На стр. 290 авторъ, не дѣлая ссылки на данное мѣсто, говоритъ о чтеніи Паусомъ памятниковъ *народной* рѣчи. По г. Перетцу — Преніе живота и смерти и исторія о ваятѣи Константинополѣ, тутъ же упомянутыя, тоже памятники *народной* рѣчи?

№ 3. На стр. 227 авторъ говоритъ: „Въ нашу задачу не входятъ подробное раасмотрѣніе трудовъ Пауса по переводу разныхъ книгъ на русскій языкъ“ и далѣе на стр. 228 — 233 и въ приложеніи эти переводы перечислены. Гдѣ же здѣсь обзоръ переводческой дѣятельности Пауса? Или разборъ двухъ—трехъ переводовъ изъ десятка существующихъ г. Перетцъ называетъ „обозрѣніемъ переводческой дѣятельности“?

№ 4. Я говорилъ о неумѣстности упоминанія имени Медвѣдева на ряду съ именемъ Пауса и Кульмава. обвиняемыхъ въ иконоборствѣ, и г. Перетцъ говоритъ, что онъ „указываетъ только на печальную участь вообще проповѣдниковъ неправославныхъ идей“. Зачѣмъ же тогда ужъ не указать и на сретниковъ, жидовствующихъ и нѣкоторыхъ раскольниковъ того же XVII вѣка, казненныхъ и за иконоборческія ереси: это бы имѣло болѣе отношенія къ дѣлу, чѣмъ казнь Медвѣдева, совершенная главнымъ образомъ по политическимъ, а не религиознымъ соображеніямъ.

№ 5. вмѣсто возраженія приведемъ изложеніе спорнаго мѣста въ книгѣ г. Перетца. „Вторая глава трактата Пауса о воспитаніи дѣвицъ представляетъ критику *современнио* ему воспитанія (стр. 180—„идѣ“ не сказано) ..авторъ набрасываетъ довольно живую картину нравовъ своего времени (стр. 182). Для дѣвушки окруженной такими ласкательницами, а это и было *въ допетровскую пору въ Россіи*, праздность напоследокъ неуврачимымъ будетъ обыкновеніемъ“ (стр. 183). Откуда узналъ г. Перетцъ о существованіи „ласкательницъ“ въ Россіи и о грозящей русскимъ дѣвушкамъ праздности, и развѣ по ходу рѣчи г. Перетца эти фразы переводнаго сочиненія не характеризуютъ мнимой русской дѣятельности?

№ 6. Здѣсь мы не уступимъ г. Перетцу въ великодушномъ призна-

ним своей вины — въ рецензїи дѣйствительно опечатка Баузе вмѣсто Байера.

М. Шляпкинъ.

Книжныя новости.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Выпускъ III съ 11 авторскими. Подъ редакціей В. Сисоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринбургъ. 1902. (222 стр.). Цѣна 1 р. 75 коп.

Члены екатериндарскаго общества любителей изученія Кубанской области энергично продолжаютъ свои работы по разностороннему изученію этого интереснаго края. Недавно вышедшій III томъ officialнаго органа этого общества, подобно двумъ предыдущимъ, удѣляетъ мѣсто не только историко-археологическимъ и этнографическимъ этюдамъ, но и обстоятельному изученію географіи, природныхъ богатствъ и промышленной дѣятельности края, а также работамъ по юридическимъ вопросамъ.

Настоящій выпускъ открывается обстоятельною статью г. А. Дьячкова-Тарасова—„Горячій ключъ и его минеральныя воды“, въ которой мы знакомимся съ цѣлебными источниками, находящимися въ мѣстности, лежащей между Екатеринодаромъ и Туапсе, и бывшими съ давнихъ поръ лѣчебнымъ курортомъ у адигейскихъ (черкесскихъ) племенъ. Описывая цѣлебныя свойства этихъ водъ и климатическія условія мѣстности, г. Короленко полутно знакомитъ насъ съ историческимъ прошлымъ и туземными преданіями. По своему содержанию къ работѣ г. Короленко примыкаютъ статьи г. Косинова—„Соленые источники въ окрестностяхъ Горячаго Ключа“ и г. Фелицына—„Нѣкоторыя свѣдѣнія о грязевыхъ вулканахъ Тамавскаго полуострова“. Юридическимъ вопросамъ посвящены статьи г. Иваненко—„Землевлѣдѣльцы Кубанской области и раздѣлъ земель“ и г. Орлова — „Возможна ли частная земельная собственность въ Карачаѣ“. Историко-этнографической этюдъ на основаніи архивнаго матеріала представляетъ работа г. Короленко—„Горскіе поселенцы въ Черноморіи“, въ которой мы имѣемъ первое изученіе этнографическаго состава населенія (кромя великоруссовъ и малороссовъ здѣсь жили главнымъ образомъ черкесы и татарскія племена) территоріи, „простирающейся отъ береговъ Кубани до Чернаго и Азовскаго морей и въ концѣ прошлаго столѣтія отданной во владѣніе черноморскаго казачьяго войска“. Для этой статьи г. Короленко воспользовался данными, извлеченными изъ дѣлъ кубанскаго войскаго архива. Наконецъ, если мы упомянемъ статьи г. В. М. Сисоева (предсѣдателя общества)—„Пещера близъ фанаторійскаго поселка и мѣстечка Горячій Ключъ“ и г. Давидовича—„Настоящее положеніе и задачи промышленнаго плодородства въ гор. Екатеринодарѣ“,—то этимъ исчерпаемъ все содержаніе III выпуска „Извѣстій“. Одинадцать авторскихъ исполнены весьма художественно и служатъ прекрасными иллюстраціями къ статьямъ гг. Тарасова-Дьячкова и Короленко.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ I, 111 стр., 2 табл. и 116 рис. въ текстѣ, и выпускъ II, 126 стр., 1 портретъ, 6 табл. и 97 рис. въ текстѣ, съ прибавленіемъ, 53 стр. С.-Пб. 1901—1902.

Съ 1901 г. Императорская археологическая комиссія стала выпускать въ свѣтъ новое повременное изданіе—„Извѣстія“, въ программу которыхъ должны входить: „отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, произведенныхъ по порученію и на средства комиссіи; научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ и цѣлыхъ культуръ; описаніе погребенныхъ инвентарей, кладовъ, находокъ; свѣдѣнія о старинныхъ памятникахъ зодчества; архивные матеріалы комиссіи; руководящія статьи по разнымъ археологическимъ вопросамъ и отчеты объ охранѣ памятниковъ старины въ Россіи и заграничій“. „Извѣстія“ выходятъ выпусками около 8 печатныхъ листовъ и посвящены, большею частію, мелкимъ статьямъ и замѣткамъ, которыхъ не было мѣста ни въ ежегодныхъ отчетахъ о дѣятельности комиссіи, ни въ „Матеріалахъ по археологій Россіи“; содержащихъ обыкновенно болѣе или менѣе значительныя монографіи. Потому-то они и являются давно ожидаемымъ изданіемъ и могущимъ стать весьма цѣннымъ источникомъ для археолога, тѣмъ болѣе, что Императорская археологическая комиссія обладаетъ и значительными денежными средствами, богатыми матеріалами и крупными научными силами.

Содержаніе лежащаго передъ нами перваго выпуска „Извѣстій“ слѣдующее: 1) „Извѣщеніе изъ отчета о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1889 году“, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ; 2) „Надпись о постройкѣ Херсонесской стѣны“, В. В. Латышева; 3) „Къ древностямъ валдайскимъ и водскимъ“, Н. К. Рериха; 4) „Раскопки, произведенныя въ 1897 году близъ дер. Ваннѣйки Екатеринославскаго уѣзда“, А. А. Сняцкина; 5) „Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ гробницъ въ гор. Керчи и его окрестностяхъ въ 1899 г.“, К. Е. Думбергъ; 6) „Раскопки кургановъ на Зубонскомъ хуторѣ Кубанской области“ (изъ найденныхъ здѣсь предметовъ самымъ интереснымъ признается круглая серебряная фіала греческой работы); 7) „Развалины стариннаго храма близъ рѣчки Амчаты“, И. А. Владимірова, и 8) „Серебряная фабула скандинавскаго типа съ верховьямъ Дона“, А. А. Спицына.

Статья г. Косцюшко-Валюжинича продолжается и во второмъ выпускѣ „Извѣстій“, но въ этомъ продолженіи говорится о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1900 г. Благодаря тому, что раскопки были произведены на болѣе значительной глубинѣ противъ прежнихъ лѣтъ, то и результаты ихъ оказались болѣешіе. Открыто нѣсколько урнъ съ востами и дѣянными въ археологическомъ отношеніи золотыми и серебряными украшеніями, нѣсколько саркофаговъ и иныхъ съ разнообразными предметами, часть стѣны греческой эпохи и множество памятниковъ эпиграфическихкихъ, монетъ, статуэтокъ, хозяйственныхъ орудій и проч.

Одинъ изъ такихъ эпиграфическихкихъ памятниковъ описываетъ В. В. Латышевъ и приходитъ къ такому заключенію: „Кромѣ своего основнаго значенія, какъ даты постройки стѣны (около 383—395 гг. до Р. Хр.), эта надпись имѣетъ еще важное значеніе, какъ историческій источникъ, бросающій лучъ свѣта на одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ исторіи Херсонеса. О политическомъ поло-

жеюм этого города во второй половинѣ IV вѣка мы до сихъ поръ не имѣли никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній... Теперь же мы видимъ, дѣйствительно, что Херсонесъ при Феодосіи входилъ въ составъ имперіи и признавалъ императоровъ своими непосредственными владыками".

При раскопкахъ въ сел. Башмачкѣ А. А. Спицыну удалось найти не встрѣчавшіяся до сихъ поръ въ скифскихъ моглахъ виды стѣляныхъ бусъ, бусы колчеданныя и золотыя бляшки съ изображеніемъ Химеры, головы Аенны въ шлемѣ и головы въ діадемѣ.

Разсѣдовавшій „нѣсколько десятковъ катакомбъ и гробницъ, случайно открывшихся при производствѣ разныхъ земляныхъ работъ или при развѣдкахъ кладовскаателей“, г. Думбергъ открылъ цѣлый рядъ различнаго типа погребеній и довольно много разнообразныхъ предметовъ въ нихъ. Свои разсѣдованія онъ продолжалъ и въ 1900 г., помѣстивъ о нихъ отчетъ во второмъ выпускѣ „Извѣстій“.

Кромѣ упомянутыхъ уже статей г. Косцюшко-Валюжинича и г. Думберга, во второй выпускъ вошли: „Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1900 г.“, В. В. Латышева; „Обломки глиняной чаши, украшенной рельефомъ, изъ Ольвіи“, П. В. Фармаковского (авторъ считаетъ его прекраснымъ памятникомъ художественной промышленности Ольвіи во II вѣкѣ до Р. Хр.); „Предметы вооруженія и конскаго убора, найденные близъ сел. Демьяновки Мелитопольскаго уѣзда“, Ф. Э. Ленце; „Курганы близъ дер. Палькишинокъ-Ковенской“, А. А. Спицына (описываются раскопки, произведенныя г-жею Бутрымъ); „О подземельѣ, открытомъ въ Киевѣ на усадьбѣ Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія“, Н. И. Петрова (подземелье это представляетъ собою подвалъ зажиточнаго хозяина, существующій съ конца XVI вѣка); „Краткое описаніе памятниковъ древности Семипалатинской области“, В. П. Никитина, и некрологъ барона В. Г. Тизенгаузена.

Въ особомъ „Приложеніи“ ко второму выпуску „Извѣстій“ помѣщены: *Археологическая этника* (дѣятельность ученыхъ обществъ, музеевъ, свѣдѣнія о вѣздахъ и находкахъ, и разные извѣстія) и *библиографія* (новыя книги историко-археологическаго содержанія, вышедшія въ Россіи въ 1901 году, и обзоръ статей историко-археологическаго содержанія въ русскихъ новременныхъ изданіяхъ за 1901 годъ).

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ:

— *Новородица, П.* Клантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. Два типическихъ построенія въ области философіи права. Москва 1901. III—245 стр.

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ четвертый. Выпускъ I. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1902. СХХХIII—132 стр. Цѣна 2 руб.

— *Землинскій, В.* Сборникъ критическихъ матеріаловъ для изученія произ-

веденій И. С. Тургенева. Выпускъ первый. Изданіе четвертое. Москва 1902. XI+492 стр. Цѣна 2 руб.

— *Овсянко-Куликовскій, Д. Н.* Спятавсья русскаго языка. С.-Пб. 1902. VIII+312 стр. Цѣна 1 р. 75 к. Изданіе Д. В. Жуковскаго.

— *Грузинскій, А. Е.* Тридцать лѣтъ жизни учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. Съ 5-ю портретами и 15-ю біографіями. Москва 1902. 221 стр. Цѣна 1 руб.

— *Бантыш-Камскій, Н. Н.* Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть четвертая. (Пруссія, Франція и Швеція). Съ указателемъ ко всѣмъ 4 частямъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва 1902. IV+463+8 стр. Цѣна 3 руб.

— *Васильевъ, А. А.* Византия и арабы. Политическія отношенія Византии и арабовъ за время македонской династіи. Императоры Василій I, Левъ VI Философъ и Константинъ VII Багрянородный. (867—969 г.). С.-Пб. 1902. VIII+220 стр.

— *Дьяковъ, Н.* Свящ. Годъ на крѣпости „Адмиралъ Нахимовъ“. (Судовыя замѣтки и впечатлѣнія 1899—1900 г., съ 20 рисун. въ текстѣ). С.-Пб. 1902. 330 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

— *Войславъ, С. Г.* Проектъ рациональной организаціи высшаго техническаго образованія. Докладъ Обществу горныхъ инженеровъ 22-го марта 1902 г. С.-Пб. 1902. 76 стр. (Изданіе „Бюро изслѣдованій почвы“).

— *Гридинъ, Е. К.* О лицевыхъ синодикахъ, поступившихъ въ распоряженіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Харьковъ 1902. 16 стр.

— *Ело же.* Икона „Нидерманнов око“. II. Харьковъ 1902. 4 стр.

— *Ело же.* Исторія искусства и русскія художественныя древности. Харьковъ 1902. 14 стр.

— *Ело же.* Крѣпико-вилюграфическія замѣтки по исторіи и археологическому искусству. Харьковъ 1902. 16 стр.

— *Щербина, А. Д.* Литературная исторія русскихъ сказаній о флорентійской уни. Одесса 1902. 48 стр.

— *Сальниковъ, А. Н.* Руководство въ ответственной исторіи. Курсъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Съ рисунками и портретами въ текстѣ. С.-Пб. 1902. 144+111 стр. Цѣна 40 коп. (Изданіе *Сойкина*).

— *Красницкій, А. И.* За крестъ и вѣру. Историческая повѣсть. С.-Пб. 1902. 189 стр. Цѣна 25 коп.

— *Фарраръ, Ф. Н.* Сквозь мракъ къ свѣту. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Въ изложеніи съ англійскаго подлинника Ф. Волына. С.-Пб. 1902. 168 стр. Изданіе 2-ое. (Дешевая бібліотека Русскаго Паломника. Изданіе *Сойкина*). Цѣна 25 к.

— *Предтеченский, Ев.* Астрономъ-любовитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіемъ. Съ 43 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1902. 214 стр. („Полезная библиотека“. Изданіе *Сойкина*). Цѣна 50 коп.

— *Генкель, А.* Къ анатоміи и биологіи морскихъ водорослей. *Cystoclonium purpurascens* (Huds.) Kütz и *Chordaria flagelliformis* (Müll.) Ad. Съ 8 литографированными таблицами и 6 политипажками въ текстѣ. (Отдѣльный оттискъ изъ „Ботаническихъ Записокъ“, вып. XX). С.-Пб. 1902. 80 стр.

— Отвѣтственная война 12 года. Отдѣлъ I. Томъ III. Изданіе военнаго комитета главнаго штаба. С.-Пб. 1902.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ XI. Подъ редакціей *Н. Дубровина*. С.-Пб. 1902.

— *Мартенсъ, Ф.* Сравненіе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Томъ XIII. Трактаты съ Франціей 1717—1807 г. С.-Пб. 1902.

— Сборникъ учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ V. Юрьевъ 1902. XIX+186 стр. Цѣна 2 р.

— Творенія иже во святыхъ отца нашего Афанасія Великаго, архіепископа Александрійскаго. Часть первая. Свято-Троицкая Сергіева лавра 1902. 471 стр. (Изданіе второе исправленное и дополненное).

— *Расса, Ф. В.* О номенклатурѣ учебниковъ исторіи. (Библиографія). 8 стр. Нижній-Новгородъ 1902.

— *Омчуковъ, Н. Е.* О расколѣ на низовой Печорѣ. С.-Пб. 1902. 19 стр.

— *Половцовъ, В.* Исследования надъ дыханіемъ растений. Съ двумя таблицами. С.-Пб. 1901. 69 стр. Цѣна 1 р. 60 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XII, № 7. Труды ботанической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ. № 8).

— *Рыстенко, А. В.* Къ исторіи новѣсти „Стефанитъ и Ихимлатъ“ въ византийской и славяно-русской литературахъ. Одесса 1902. 44 стр.

— Вѣдомость о начальныхъ училищахъ гор. Москвы къ 1-му января 1902 год. в. Москва 1902. XXX+446 стр. (Безплатное приложеніе къ журналу „Извѣстія Московской городской думы“).

— Отчетъ о дѣятельности врачебнаго совѣта при Московской городской управѣ за 1901 годъ. Москва 1902. V+356 стр. (Безплатное приложеніе къ журналу „Извѣстія Московской городской думы“).

— Труды Ярославской городской ученой архивной комиссіи. Книга 3-я. Выпускъ второй. Подъ общей редакціей *Э. Н. Берендса*. Ярославль 1901. V+288 стр.

— *Соколовъ, С. Свѣд.* Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьеваго прихода (1606—1783) и владѣнца (1783—1901).

— *Видельбандъ, В.* История новой философии въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Переводъ съ второго нѣмецкаго изданія *Е. И. Максимовой, В. М. Невской и Н. Н. Платоновой* подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета *А. И. Введенскаго*. Томъ первый. Отъ возрожденія до Канта. С.-Пб. 1902. IV+464 стр. Цѣна безъ II тома 3 руб., съ билетомъ на получение II т. 4 р.

Доклады и приговоры состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціей *Н. Ѳ. Дубровина*. Томъ VI. Годъ 1716-й. Книга 1-я (январь—июль). С.-Пб. 1901. 24+586 стр. Цѣна 4 руб.

— *Радловъ, В. В.* Опытъ словаря тюркскихъ нарчій. Выпускъ пятнадцатый. Третій томъ, выпускъ третій. С.-Пб. 1902. Отъ 641 по 960 столбцовъ. Цѣна 1 руб.

— *Грановскій, С. Н.* Опись изъ пестрыхъ XVII столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе въ двухъ частяхъ съ приложениями. С.-Пб. 1902. XXXVII+493 стр. Цѣна 4 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 5 и послѣдній).

— *Заленскій, В.* Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по центральной Азии; изданныя Императорскою Академіею Наукъ на средства, пожалованныя Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Отдѣлъ зоологическій. Т. I. Млекопитающія. Ч. 2-я. Коньныя. Выпускъ I. Equus Przewalskii Pol., съ 4-мя таблицами рисунковъ. С.-Пб. 1902. 76 стр. Цѣна 3 р. 20 коп.

— *А. Ж. Антокольскій* и книги. Письмо доходъ съ издавія предназначается авторомъ въ пользу бѣдныхъ евреевъ гор. Вильны. Вильна 1902. 97 стр. Цѣна 40 к.

— Δελτιον τῆς ιστορικῆς καὶ εὐχολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τόμος κττος. Εὐ Αθῆναις 1902. 116+62 стр.

— *Метельскій, Владимѣръ.* „Средніе вѣка“. (Систематическій курсъ всеобщей исторіи). Руководство для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообразованія. Одесса 1902. XII+184 стр. Цѣна 1 руб.

— Отчетъ о состояніи и дѣятельности Пермской общественной бібліотеки за 1901 годъ. (39-й годъ существованія). Пермь 1902. 51 стр.

— *Гринбергъ, М.* Руководство арифметики. Полный и заново обработанный курсъ средней школы. Составилъ преподаватель гимназій. Изданіе *Березовскаго*. С.-Пб. 1902. XI+262 стр.

— *Speyer, J. S.* AVADĀNAŚATAKA A CENTURY OF EDIFYING TALES BELONGING TO THE HĪNAYĀNA. С.-Пб. 1902. X+96 стр. (Bibliotheca buddhica. III).

— *Wiener, S.* BIBLIOGRAPHIE DER OSTER-HAGGADAH. 1500—1900. С.-Пб. 1902. VII+51 стр.

— *Wiener, Samuelis.* CATALOGUS librorum impressorum hebraeorum in

Museo Asiatico Imperialis Academiae scientiarum Petropolitanae asservatorum. Fac. IV. С.-Пб. 1902. 449 стр. Цѣна 1 р. 20 к. (Bibliotheca Friedlandiana).

— *Kurtz, Eduard.* DES KLERIKERS GREGORIOS BERICHT ÜBER LEBEN, WUNDERTHATEN und Translation der hl. Theodora von Thessalonich nebst der Metaphrase des Joannes Staurakios. С.-Пб. 1902. XXI+112 стр. Цѣна 1 р. 20 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VI, № 1),

— *Simroth, Heinrich.* DIE NACKTSCHNECKENFAUNA DES RUSSISCHEN REICHES. Mit 27 Tafeln, 10 Karten und 17 Textfiguren. С.-Пб. 1901. 321 стр. Цѣна 10 р. 40 коп.

— *Herz, Otto.* BERICHTE DES LEITERS der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Ausgrabung eines Mammutkadavers an die Kolyman-Borowka ausgesandten Expedition. Hierzu 4 Tafeln mit photographischen Aufnahmen, 2 Tafeln mit Handzeichnungen und 1 Karte. С.-Пб. 1902. 38 стр. Цѣна 60 коп.

Въ 1902 г. вышудены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XV, № 5. 1901 декабрь. Томъ XVI, № 3. 1902 мартъ. Томъ XVI, № 4, апрѣль 1902. Цѣна по 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires, VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XII, № 10. *Dr. W. Schewiakoff.* Beiträge zur Kenntniss der Radiolaria-Acauthometrea. Mit 4 Tafeln. (I+40 стр.) 4°. Цѣна 1 р. 80 к.=4 Mk. 50 Pf.

Тоже. T. XIII, № 1. *F. Renz.* Positionen der Jupiterstrabanten nach photographischen Aufnahmen berechnet. II. Teil. Oppositionen 1896—1898. (I+XXVIII+271 стр.) 4°. Цѣна 4 руб. 40 к.=11 Mk.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. (Mémoires VIII-e Série. Classe historico-philologique). T. VI, № 1. Des Klerikers *Gregorius* Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der hl. Theodora von Thessalonich nebst der Methaphrase des *Joannes Staurakios.* Herausg. von *K. Kurtz.* (III+XXI+112 стр.) gr. 8°. Цѣна 1 р. 20 к.=3 Mk.

4) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1902. T. VII, книжка 2-я. (XII+421 стр.) 8° Цѣна 1 р. 50 к.

5) *Возвѣщеніе Хроноска.* Византийскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей *В. Э. Реселя.* T. VIII, вып. 3—4. Цѣна за томъ 5 р.=12 Mk. 50 Pf.=16 франк.

6) Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg). 1901. T. VI, № 4. Цѣна 2 р. 40 к.=6 Mk.

7) Bibliotheca Buddhica. III. Avadānaśataka a Century of Edifying Tales belonging to the Itanauāna. Edited by Dr. J. S. Speyer. I. Цѣна 1 р.—22 Mk. 50 Pf.

8) Otto Herz. Berichte des Leiters der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Ausgrabung eines Mammuthkadavers an die Kolyma-Beresowka ausgesandten Expedition. (Hierzu 4 Tafeln mit phototypischen Aufnahmen, 2 Tafeln mit Handzeichnungen und 1 Karte). Цѣна 60 к.—1 Mk. 50 Pf.

9) Иконы Синайской и Афонской коллекцій преосв. Порфирія, издаваемыя въ лично имъ изготовленныхъ 23 таблицахъ. Объяснительный текстъ Н. П. Лондакова. Цѣна 1 р. 50 к.—2 Mk. 50 Pf.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ (С.-Петербургъ Вас. Остр., д. № 5 — по Университетской набережной) продажа академическихъ изданій производится за наличныя деньги. Положеннымъ платежомъ книги не высылаются. *Иностранніе покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія беретъ на свой счетъ. Городскіе покупатели имѣютъ уступку въ 25%.*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

М. Фостеръ и Л. Шоръ. Физиологи для начинающихъ, переводъ Д. Д. Бекларюкова. Съ 111 рис. въ текстѣ (Библіотека для самообразованія, XXIV). Москва. 1902. Стр. XIX+330. Цѣна 1 р. 50 к.

Разсматриваемое сочиненіе представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно удачную попытку краткаго и популярнаго изложенія основъ физиологіи для начинающихъ. Въ дидактическомъ отношеніи необходимо, однако, отмѣтить слѣдующія особенности:

1) Авторы, „зная, какъ часто берутся за чтеніе сочиненій по физиологіи лица, не обладающія необходимыми предварительными знаніями“, излагаютъ въ первой главѣ „нѣсколько самыхъ существенныхъ фактовъ изъ области физики и химіи“. При этомъ они посвящаютъ „предварительнымъ свѣдѣніямъ по химіи“ безъ малаго 8 страницъ, а „предварительнымъ свѣдѣніямъ по физикѣ“—безъ малаго 3 страницы. Но едва-ли позволительно думать, что даже для самаго начальнаго изученія физиологіи достаточно предварительныхъ свѣдѣній по физикѣ и химіи, вмѣщающихся приблизительно на 11 страницахъ. И если всякое упрощенно-популярное изложеніе науки представляетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ опроверженіе знаменитаго изреченія древняго геометра: нѣтъ царскаго пути къ науцѣ,—то увѣренность авторовъ, что изложенныя на 11 страницахъ свѣдѣнія по химіи и физикѣ могутъ служить достаточною подготовкою хотя бы для начальнаго изученія физиологіи, повидимому, находится уже въ слиш-

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

комъ яркомъ противорѣчіи съ приведеннымъ изреченіемъ древняго геометра. Между тѣмъ, вполнѣ признавая обширную пользу хорошихъ популярныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что особенно въ этическомъ отношеніи едва-ли полезно внушать учащимся слишкомъ легкія представленія о наукѣ. Авторы, впрочемъ, владѣютъ затѣмъ въ противорѣчіе съ самими собою: въ своемъ изложеніи предмета они говорятъ о волнахъ свѣта и звука, объ обертонахъ и пр., т. е. о физическихъ явленіяхъ, которыхъ они вовсе не коснулись въ своихъ „предварительныхъ свѣдѣніяхъ по физикѣ“. Кромѣ того, отводя въ своемъ изложеніи сравнительно много мѣста микроскопической анатоміи и рекомендуя читателямъ самостоятельно воспроизводить описываемыя явленія, совсѣмъ не лишне было бы дать предварительно читателямъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о микроскопѣ.

2) Авторы начинаютъ свое изложеніе съ бѣглаго, систематическаго обзора частей тѣла убитаго кролика и, такимъ образомъ, нагромождаютъ на 10 страницахъ массу анатомическихъ данныхъ, которая едва-ли легко удержится въ памяти начинающихъ, тѣмъ болѣе, что для всей этой массы данныхъ имѣется лишь одинъ, и то едва-ли удачный рисунокъ (фиг. 1—нечень изображена на ней занимающую всю верхнюю часть брюшной полости, такъ что желудокъ лежитъ далеко отъ діафрагмы). Между тѣмъ, въ этой массѣ данныхъ едва-ли имѣется тутъ надобность, потому что авторы приступаютъ затѣмъ къ особому—и во многихъ отношеніяхъ довольно отчетливому—описанію частей тѣла.

3) Едва-ли можетъ быть одобрено и слишкомъ большое мѣсто, отведенное авторами гистологіи. Описаніе всѣхъ элементовъ сѣтчатой оболочки, многихъ частностей строенія обонятельнаго органа или внутренняго уха едва-ли можетъ входить въ начальный курсъ физиологіи, тѣмъ болѣе, что настоящее физиологическое значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ и частностей еще далеко не выяснено. Точно также едва-ли можетъ быть одобрено введеніе въ кругъ разсмотрѣнія сложныхъ явленій, которыхъ даже приблизительное разъясненіе, очевидно, представляется самимъ авторамъ неудобнымъ. Что можетъ, напримѣръ, дать читателямъ разъясненіе явленій тембра и обертоновъ, занимающее не болѣе 5 строкъ (стр. 315)!

Что касается выполненія авторами своей задачи въ частностяхъ, то оно вообще должно быть признано довольно удовлетворительнымъ..

Встрѣчаются, однако, небрежности и недосмотры, и на нѣкоторые изъ нихъ считаемъ полезнымъ обратить вниманіе.

При описаніи какихъ-либо частей тѣла принято ссылаться на тѣ рисунки, на которыхъ представлены описываемыя анатомическія детали. Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи нрѣдко встрѣчаются ссылки на рисунки, на которыхъ описываемыя частности вовсе не представлены. Такъ, на стр. 31, при описаніи положенія печени и желудка относительно діафрагмы, имѣется ссылка на рис. 3,—но на этомъ рисункѣ вовсе не представлены ни почечъ, ни діафрагма. Такъ, на стр. 206 дается описаніе Нейеровыхъ бляшекъ съ ссылкой на рис. 66, на которомъ, однако, эти бляшки не показаны. Такъ, на стр. 308 говорится о мышцахъ средняго уха (*mm. tensor tympani* и *stapedius*), съ ссылкой на рис. 104, на которомъ, однако, эти мышцы не показаны. Къ сожалѣнію, такихъ образчиковъ довольно много.

Нельзя не обратить вниманія и на неясность и даже неточность описанія нѣкоторыхъ предметовъ. Такъ, на стр. 171 даны совершенно неясныя опредѣленія количества воздуха, выдыхаемаго легкими; такъ, на стр. 280 невѣрно показаніе, будто прямыя мышцы глаза прикрѣпляются къ главному яблоку „какъ разъ у края роговой оболочки“; такъ, на стр. 302 дано совершенно неясное описаніе опыта для доказательства нечувствительности къ свѣту мѣста входа зрительнаго нерва, и пр.

Непріятно поражаетъ и сохраненіе переводчикомъ англійскихъ мѣръ: грана, унца и пинты; достойно замѣчанія, что въ двухъ мѣстахъ, гдѣ пинты переведены на литры (стр. 214 и 225), этотъ переводъ недостаточно точенъ.

Нельзя не указать и на неправильность нѣкоторыхъ выраженій. Такъ, едва-ли возможно говорить о *задней* поверхности створокъ трехстворчататаго и двухстворчататаго клапановъ, какъ дѣлаютъ авторы (или переводчики?) на стр. 121 и 123, разумѣя подъ этимъ обозначеніемъ поверхность, обращенную къ стѣнкамъ желудочковъ; такъ, едва-ли справедливо замѣнять слово *улеродъ* словомъ *уголь*, какъ это дѣлаютъ авторы на стр. 155; такъ, едва ли правильно сказать, что зинтеліальныя кѣтки Мальпигіевыхъ клубочковъ въ почкахъ „*рываютъ*“, что должно быть пропущено, что нѣтъ“ (стр. 227), точно дѣло идетъ о сознательномъ существѣ, и пр.

Пачальный курсъ зоологій. Прикѣвительно къ программамъ реальныхъ училищъ составилъ А. Мензбиръ, профессоръ Московскаго университета. Часть вторая: безпозвоночныя. Стъ 198 рисунками и таблицами въ краскахъ. Москва. 1902.

Эта часть въ значительной мѣрѣ раздѣляетъ достоинства и недостатки первой части. Содержаніе книги научно, рисунки новы для учебника, предназначаемаго для средней школы, и прекрасно выполнены. Біологическая сторона выдвинута по сравненію съ другими русскими учебниками, хотя въ этомъ отношеніи можно сдѣлать еще больше. Авторъ въ этомъ отношеніи идетъ по стопамъ прекраснаго нѣмецкаго учебника Шмейля. Но фактическій матеріалъ слишкомъ изобилуетъ и изложеніе не приурочено къ пониманію учениковъ среднихъ классовъ, да и вообще учениковъ средней школы. Мы не думаемъ, чтобы ученикъ понялъ что-нибудь изъ рис. 7 стр. 5, иллюстрирующаго метаморфозъ асцидій, тѣмъ болѣе, что самая организація асцидій изложена не особенно вразумительно, а о метаморфозѣ ихъ сказано лишь нѣсколько словъ. Не думаемъ, чтобы ученикъ могъ вынести ясное понятіе о перемежающемся размноженіи изъ того, что сказано на стр. 7, тѣмъ болѣе, что термины „половая“ и „безполовая“ осадь даются безъ всякаго объясненія, необходимаго даже и въ университетскомъ курсѣ. Неясно будетъ для ученика и описаніе жабры пластинчатожабрныхъ (стр. 114), значеніе околосердечнаго синуса рака (стр. 92) и многое другое. А происходитъ это оттого, что авторъ совершенно забываетъ, съ какими читателями онъ будетъ имѣть дѣло, и говорить такъ, какъ бы онъ говорилъ въ университетской аудиторіи. Отмѣтимъ нѣкоторую небрежность изложенія: на стр. 24 чернически, вышедшій изъ яйца *капустница*, дѣлается гусеницей *крапивницы*; на стр. 128 сообщается, что тѣло земляного червя цилиндрической формы, но при этомъ добавлено въ скобкахъ: „снизу и сбоковъ оно плосче, нежели сверху“; на 144 читаемъ, что морская звѣзда „выпячивается черезъ ротовое отверстіе своей желудка и съ помощью его высасываетъ слизняка изъ раковины, переваривая вмѣстѣ съ тѣмъ вѣгъ своего тѣла“.

Встрѣчаются частности, которыя проф. Мензбиръ, вѣроятно, не допустилъ бы въ университетскомъ курсѣ. Такъ онъ, вѣроятно, замѣнилъ бы дѣленіе пластинчатожабрныхъ на безсифонныхъ и сифонныхъ (стр. 117 и 119) болѣе современнымъ, а равно не дѣлилъ бы брюхоногихъ на легочныхъ, жаберниковъ и крылоногихъ. Но это еще

не такъ важно для учебника, имѣющаго въ виду среднюю школу. Больше важны нѣкоторыя неточности, въ него вкравшіяся.

На стр. 78 неточно описывается кишечный каналъ многоножки, какъ раздѣленный на отдѣлы; на стр. 107 невѣрно сообщается, что терка слизняка покрыта известковыми шипиками. На стр. 126 невѣрно отрицаются у безглазаго, но обладающаго свѣточувствительностью земляного червя специальные органы чувствъ и высказывается гипотеза, будто „общая чувствительность кожи замѣняетъ ему органы чувствъ“ (даже, можетъ быть, слуха). У земляного червя въ кожѣ найдены особые, вѣроятно, свѣточувствительные органы, чѣмъ и объясняется его способность отличать свѣтъ отъ тьмы. Предположеніе, что у него и другихъ безглазыхъ, но свѣточувствительныхъ животныхъ, кожа сама по себѣ чувствительна къ свѣту, вообще мало вѣроятно. Гораздо вѣроятнѣе, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ заложеными въ кожѣ органами чувствъ. Безусловно невѣрно утвержденіе на стр. 130, будто кровеносные сосуды этого червя открываются въ полость тѣла. Не совсѣмъ вѣрно, что у пиявки спиннобрюшныя мышцы „занимаютъ полость тѣла“ (стр. 133). Невѣрно, что у амѣб нельзя различить коркового слоя и центральной плазмы (стр. 169). Не слѣдуетъ малое ядро инфузорій называть ядрышкомъ (стр. 166). Это названіе основано на ошибкѣ и давно оставлено.

Мы потому остановились на неточностяхъ учебника проф. Мензбира, что при исправленіи ихъ и другихъ, имъ подобныхъ, а равно при сокращеніи морфологическаго матеріала, при большемъ развитіи біологической части, а главное—при переработкѣ самого изложенія—изъ этого учебника можетъ выйти прекрасная и полезная для нашей школы книга. Конечно, и въ настоящемъ его видѣ учебникъ проф. Мензбира стоитъ неизмѣримо выше многихъ, весьма распространенныхъ у насъ учебниковъ.

Первоначальныя понятія о теплотѣ съ примѣрами изъ области техники. Составилъ *Т. Уромовъ*. Саратовъ. 1901. Стр. 100. Ц. 40 к.

Содержаніе разсматриваемой книги двойное. Съ одной стороны она содержитъ ученіе о тепловыхъ явленіяхъ, съ другой стороны—разнообразныя приложенія тѣхъ или другихъ тепловыхъ явленій въ технику, машиностроеніи, архитектурѣ, отопленіи, вентиляціи и т. п. Обѣ эти части какъ-бы переплетены между собой; онѣ отличаются шрифтомъ: чисто-научная часть напечатана крупнымъ, а техническія приложенія—мелкимъ шрифтомъ.

Часть техническая имѣетъ въ виду исключительно спеціалистовъ. Здѣсь встрѣчается огромное число терминовъ, относящихся къ частямъ машинъ, разнаго рода сооруженій и т. под.; большинство изъ этихъ терминовъ могутъ быть понятны только для спеціалистовъ—техниковъ.

Главная часть—ученіе о тепловыхъ явленіяхъ занимаетъ болѣе половины разсматриваемой книги. Впечатлѣніе, которое производитъ эта часть, можно назвать прямо ужаснымъ. Тутъ, можно сказать, все невѣрно; почти все изложено превратно, неудобопонятно. Почти нѣтъ страницъ, на которой не встрѣчалось бы нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ научныхъ ошибокъ. Встрѣчаются цѣлыя страницы, на которыхъ почти все, что говоритъ авторъ, невѣрно. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются фантастическія измышленія самого автора. Сюда относится, на примѣръ, все то, что касается роли, которую, по мнѣнію автора, играетъ величина размаха частицъ при тепловыхъ движеніяхъ. Весьма большое число выводовъ и умозаключеній автора лишено всякой тѣни логики. Способъ изложенія, а также языкъ, которымъ написана книга, не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Одна изъ особенностей книги заключается еще въ томъ, что нѣкоторыя указанія повторяются авторомъ до трехъ и болѣе разъ. Разобрать всю книгу, указать всѣ ошибки и промахи автора нѣтъ никакой возможности; пришлось бы переписать почти всю книгу. Ограничиваемся сравнительно ничтожнымъ числомъ указаній.

На первой стр. книги (стр. 5-ая) читаемъ: „Теплота есть результировать колебательнаго движенія частицъ“. „Когда мы прикасаемся къ нагрѣтому тѣлу, то движеніе частицъ его передается черезъ нашу кожу нервамъ, а нервы передаютъ его (?) мозгу“.

Интересно знать, къ чему относится послѣднее „его“? „Величина, характеризующая, въ какомъ состояніи находится данное тѣло относительно теплоты, т.-е. какъ быстро колеблются его частицы и какъ великъ размахъ колебаній, называется температурой и опредѣляется посредствомъ термометровъ въ градусахъ“.—Хорошъ языкъ!

На стр. 7-ой читаемъ: „Когда мы нагрѣваемъ какое-нибудь тѣло, то температура его повышается, т. е. частицы его приходятъ въ колебаніе болѣе быстрое, чѣмъ прежде, и слѣдовательно дальше, чѣмъ прежде, отходятъ отъ средняго своего положенія. Отъ увеличенія разстоянія между частицами ослабѣваетъ сила ихъ взаимнаго сѣвленія и увеличиваются поры, отчего увеличивается объемъ тѣла, а плотность его уменьшается; такъ что теплота и сила сѣвленія—это

дѣй противоположныя силы, и отъ взаимодействія ихъ зависить состояніе тѣла“. Непонятно, почему болѣе быстрое колебаніе должно непременно имѣть послѣдствіемъ увеличеніе размаха, т. е. удаленіе отъ средняго положенія. Все остальное, кажется, не требуетъ разбора.

Надпись на главѣ третьей на стр. 12-ой гласить: „Расширеніе отъ теплоты различныхъ тѣлъ“. Какъ будто различныя тѣла обладаютъ различнаго рода теплотами.

Такая простая величина, какъ коэффициентъ расширенія, опредѣленъ авторомъ невѣрно и къ тому же въ различныхъ мѣстахъ неоднаково.

На стр. 13-ой читаемъ: „Удлиненіе единицы длины тѣла при нагреваніи на одинъ градусъ называется коэффициентомъ линейнаго расширенія“. Здѣсь пропущено самое важное, а именно, что коэффициентъ расширенія всегда относится къ длинѣ тѣла при 0°.

О томъ же коэффициентѣ читаемъ далѣе (стр. 13-ая): „Зная длину тѣла при какой-нибудь температурѣ, мы можемъ вычислить длину его при всякой другой высшей или низшей температурѣ. Для этого коэффициентъ надо помножить на первоначальную длину и на число градусовъ повышенія или пониженія температуры и полученное произведеніе прибавить при повышеніи температуры или отнять при пониженіи отъ первоначальной длины“. И здѣсь ничего не говорится о длинѣ при нулѣ градусовъ, между тѣмъ, какъ на стр. 14-ой дано другое, болѣе правильное опредѣленіе коэффициента расширенія съ указаніемъ на длину при 0°, а на стр. 15-ой дано опять невѣрное опредѣленіе объемнаго коэффициента расширенія.

На стр. 14-ой встрѣчамъ еще слѣдующее: „Такъ какъ съ повышеніемъ температуры твердыя тѣла постепенно приближаются къ жидкому, а жидкія къ газообразному состоянію, т. е. частицы все болѣе отдаляются другъ отъ друга, и сила сцепленія, препятствующая расширенію тѣлъ, ослабѣваетъ, то коэффициентъ расширенія съ повышеніемъ температуры увеличивается почти пропорціонально повышенію температуры, но только очень медленно, такъ что въ предѣлахъ отъ 0° до 100° его можно считать постояннымъ“. Совершенно непонятно, что хотѣлъ авторъ выразить этими словами. То же самое можно сказать и о слѣдующей фразѣ, встрѣчающейся на той же стр. 14-ой: „Коэффициенты линейнаго расширенія тѣлъ очень малы, напримѣръ для металловъ они выражаются въ сотысячныхъ доляхъ той единицы, для которой они взяты“.

На стр. 17-ой: „Упругость и ви́шнее давленіе измѣряются въ вѣсовыхъ единицахъ, напримѣръ въ фунтахъ или килограммахъ“. О величинѣ поверхности здѣсь вовсе не упоминается.

На стр. 18-ой: „Въ данной массѣ газа находится неизмѣнное число частицъ, поэтому, если мы заключимъ эту массу въ меньшій, чѣмъ прежде, объемъ, то при этомъ уменьшится поверхность, на которую производятъ давленіе тѣ же частицы газъ“. И такъ авторъ полагаетъ, что меньшему объему непременно должна соответствовать и меньшая поверхность!!

На стр. 19-ой: „Но всего удобнѣе измѣрять температуры по измѣненіямъ упругости этого воздуха при постоянномъ объемѣ его, такъ какъ въ этомъ случаѣ вся сообщаемая воздуху теплота идетъ на повышеніе его температуры: нѣтъ внѣшней работы и, какъ и всегда для газовъ, нѣтъ внутренней работы“. Это совершенно невѣрно. Причина, почему измѣряютъ температуру газовыми термометрами при постоянномъ объемѣ, заключается въ томъ, что отступленію свойствъ газовъ отъ свойствъ идеальныхъ газовъ при такомъ способѣ измѣренія наименѣе даетъ себя чувствовать. Отсутствие внѣшней работы здѣсь никакой роли не играетъ.

На стр. 20-ой: „частицы газовъ, приближающихся къ сжиженію, теряютъ свою упругость, свое колебательное движеніе и приходятъ въ состояніе полагѣншаго покоя раньше, чѣмъ при—273°“.

Что такое упругость частицъ и откуда вообще авторъ взялъ всю эту фантастическую картину?

На стр. 22-ой: „Такъ что градусъ есть сотая или восьмидесятая часть приращенія объема ртути“, и на той же стр.: „Величина градуса, какъ части трубы“ и т. д.

На стр. 30-ой: „Лучеспускаемъ называется такое распространеніе теплоты“ и т. д. Такъ писали и разсуждали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и то только тѣ, кто не понималъ, что лучистая энергія не есть теплота.

На стр. 33-ей: „Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что поглощательная способность внѣшняго, такъ сказать чужого и испускательная способность своего внутренняго тепла равны между собой, а отражательная противоположна имъ. И всякая причина, увеличивающая двѣ первыя способности, уменьшаетъ послѣднюю, и наоборотъ“.

На стр. 40-ой: „Однѣй килограммъ воды для нагрѣванія на 1° Цельсія требуетъ одну калорію тепла, а для нагрѣванія сколькихънибудь килограммовъ даннаго тѣла требуется не одна калорія, а

больше или меньше во столько разъ, какъ велика теплоемкость тѣла, въсь его и число градусовъ повышенія его температуры". Это мѣсто можетъ служить примѣромъ того языка, какимъ написана вся книга.

На той же стр.: „Точно также и количества отдаваемой теплоты пропорціональны охлаждаемымъ массамъ. Поэтому, напримѣръ, заботятся, чтобы поверхность охлажденія зубчатого колеса въ различныхъ частяхъ его была пропорціональна соответствующей массѣ“. Не безинтересно было бы знать, какую мысль хотѣлъ авторъ выразить этими словами?

Невообразимую путаницу представляетъ все то, что авторъ говорить о теплоемкости пара, такъ какъ онъ смѣшиваетъ два различныхъ понятія: теплоемкость насыщеннаго пара, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, т. е. при условіи перехода его въ состояніе перегрѣтое, и теплоемкость насыщеннаго пара въ присутствіи избытка жидкости, т. е., когда онъ долженъ оставаться насыщеннымъ, а, слѣдовательно, одновременно съ нагрѣваніемъ подвергается сравнительно огромному сжатію. Первая изъ этихъ двухъ величинъ, конечно, положительная. Вторая же величина оказывается для насыщеннаго водяного пара отрицательною.

На стр. 42-ой авторъ утверждаетъ, что теплоемкость сухого насыщеннаго водяного пара равна 1, 05; на страницѣ же 84-ой сказано, что теплоемкость сухого насыщеннаго пара есть величина отрицательная и на этой же страницѣ читаемъ: „Очевидно, что особенность—необходимое отнятіе теплоты при одновременномъ повышеніи температуры—при высшей температурѣ дѣлается все меньше и меньше, по мѣрѣ приближенія насыщенныхъ паровъ къ газообразному состоянію. Когда водяной паръ дѣлается перегрѣтымъ, теплоемкости его, при постоянномъ давленіи, равна 0, 4805, при постоянномъ объемѣ=0, 3694“. Это мѣсто особенно ясно показываетъ, что авторъ не разобрался въ вопросѣ о теплоемкости паровъ. То же самое видно и на стр. 83-ей, гдѣ авторъ силится объяснить возможность отрицательной теплоемкости.

Примѣромъ тѣхъ поразительныхъ умозаключеній, которыми переполнена вся книга, можетъ служить слѣдующее мѣсто на стр. 43-ей: „Такъ какъ твердое тѣло, съ повышеніемъ температуры, постепенно приближается къ жидкому состоянію, становится худшимъ проводникомъ тепла, то теплоемкость его возрастаетъ“.

На стр. 44-ой читаемъ: „Такъ какъ всѣ газы имѣютъ одинаковое физическое строеніе, то для всѣхъ газовъ первая въ 1, 41 раза больше

второй". Въ дѣйствительности газы имѣютъ весьма различное строеніе, и указанное число колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ (отъ 1, 2 до 1, 66).

На стр. 59-ой: „Получившіеся пары, вслѣдствіе быстрого колебательнаго движенія частицъ его, давятъ на стѣнки“ и т. д. И такъ авторъ полагаетъ, что частицы газовъ или паровъ совершаютъ колебательное движеніе; почему это движеніе должно являться источникомъ давленія, остается непонятнымъ.

Стр. 68-ая: „Атмосферный воздухъ въ нашемъ климатѣ никогда не бываетъ ни вполне насыщеннымъ, ни совершенно сухимъ“. Это невѣрно. На той же стр. 68: „Понятно, что возвышеніе температуры, до такъ называемой точки кипѣнія, ускоряютъ и усиливаютъ испареніе, такъ какъ пары при этомъ пріобрѣтаютъ большую скорость“. Это одна изъ многочисленныхъ фантазій автора.

Стр. 72-ая: „Упругостію пара называется та сила, въ которой частицы его давятъ на поверхность переходящей въ этотъ паръ жидкости и на стѣнки заключающаго сосуда, ударяясь о нихъ по причинѣ того движенія, въ которомъ частицы пара находятся по пнерціи отъ дѣйствія теплоты, совершившей работу обращенія жидкости въ паръ“. Удивительная логика! Но ибнѣю автора теплота, совершая работу обращенія жидкости въ паръ, въ то же время передаетъ частицамъ еще ибнѣкоторое движеніе, которое ими и сохраняется по инерціи. На той же стр. читаемъ: „Такимъ образомъ, частицы пара, какъ и всякаго газа, какъ бы стремятся отдалиться одна отъ другой, и стремленіе это есть результатъ дѣйствія теплоты“.

На стр. 86-ой авторъ утверждаетъ, будто паденіе температуры во время сообщенія тепла твердому тѣлу немислимо. Это совершенно не ибнѣрно: всякое измѣненіе въ состояніи тѣла, которое графически изображается кривою, расположенною въ остромъ углѣ между адіабатой и изотермой, сопровождается паденіемъ температуры при поглощеніи тепла.

Стр. 88-ая: „Чѣмъ ближе частицы другъ къ другу, тѣмъ болѣе онѣ препятствуютъ одна другой двигаться, уменьшая скорость этого движенія“. Близость частицъ можетъ вліять только на число столкновеній, но никакъ не на скорость движенія. Въдѣ, этотъ очевидный фактъ лежитъ въ основѣ всей кинетической теоріи газовъ, о которой авторъ говоритъ такъ много, но, къ сожалѣнію, такъ невѣрно.

Послѣднія двѣ главы книги озаглавлены: „Механическій эквивалентъ теплоты“ и „Круговые обратимые процессы“. Въ этихъ двухъ

главахъ все невѣрно, все представляется плодомъ фантазіи автора. Достаточно сказать, что авторъ считаетъ работу и какое-то „количество движущей силы“ за одно и то же, и что онъ считаетъ всякій круговой процессъ за обратимый циклъ Карно.

Дѣяль и его бассейнъ, котораго и гидрографія рѣки. Современные матеріалы по гидрологіи Дѣяля и его главѣйшихъ притоковъ, съ приложеніемъ картъ, графиковъ, плановъ, видовъ важѣйшихъ мѣстностей и гидротехническихъ сооруженій и поперстнымъ указателемъ (судоходнымъ дорожникомъ) рѣки. Инженера Путей Сообщенія *Н. П. Максимовича*. Складъ изданія въ Кіевѣ, у книгопродавца *Н. Я. Омоблина*. Кіевъ. 1901. Стр. УПІ+6+370+30. Приложвие къ сочиненію „Дѣяль и его бассейнъ“. Поверстный указатель рѣки Дѣяля (судоходный дорожникъ). Таблицы вскрытія и замерзанія воды. Выписки изъ историческихъ памятниковъ. Карты бассейна. Стр. 2+112+91+15 и девять картъ. Цѣна книги съ приложеніемъ 6 рублей.

Разсматриваемая книга сообщаетъ весьма интересные факты, относящіеся къ явленіямъ, происходящимъ въ рѣчной области Дѣяля. Не останавливаясь съ подробностью на томъ, какія наблюденія принадлежатъ автору, и какія заимствованы имъ у другихъ писателей, мы отмѣтимъ стремленіе автора воспользоваться чужими и своими наблюденіями для данной цѣли во всемъ ихъ объемѣ. Приходится сказать, впрочемъ, что представляются странными отклоненія автора въ сторону, научно-лирическаго характера, — хотя содержаніе книги отъ этого страдаетъ не много, но она ничего и не выигрываетъ, и несколько возникаетъ вопросъ: кому изъ читателей, со спеціальнымъ образованіемъ, понадобятся такіа указанія, которыя сообщаются, напр., на первыхъ страницахъ главы I и главы II? Кстати, насколько намъ извѣстно, упоминаемое здѣсь слово „пухлеусъ“ обозначаетъ ядро кремня, отъ котораго первобытный человѣкъ отбивалъ осколки, служившіе ему для приготовления ножей и другихъ орудій, — а не камень, посредствомъ котораго это откалываніе производилось, какъ полагаетъ авторъ.

Въ VI главѣ имѣютъ общій интересъ указанія автора на явленія, не согласныя съ извѣстнымъ въ физической географіи закономъ Бэра, значеніе котораго въ настоящее время принимается все менѣе и менѣе универсальнымъ. На основаніи своихъ наблюденій, авторъ вынозитъ отвергаетъ „гипотезу Бэра о вліяніи вращенія земли, какъ на односторонній подмывъ береговъ, такъ и на одностороннюю выработку рѣчныхъ долинъ въ рѣкахъ“. (Стр. 212).

Описаніе порожистой части Дѣяля сдѣлано ясно и картинно

(глава VII), отрывки изъ этого описанія могли бы войти въ учебники для характеристики Днѣпровскихъ пороговъ. Интересны также указания на значеніе работъ по осушенію болотъ въ Полѣсьѣ (гл. VIII). Количество свѣдѣній, относящихся къ физической географіи Днѣпра, довольно велико, но чтеніе книги мѣстами утомительно, вслѣдствіе большого количества техническихъ подробностей, составляющихъ главный предметъ сочиненія.

Въ главѣ X, между прочимъ, дается отдѣльное описаніе главныхъ притоковъ Днѣпра, сжатое и краткое, но во многихъ частяхъ интересное; указана также связь Днѣпра съ другими водными системами.

Книга „Днѣпръ и его бассейнъ“ издана весьма хорошо, хотя она и не свободна отъ многихъ опечатокъ. Форматъ in 4°, четкая печать, хорошая бумага, большое количество фототипій даютъ изданію даже изящный видъ. Но, по существу, это сочиненіе не представляется обширнымъ трудомъ, даже по числу страницъ, если имѣть въ виду задачу, намѣченную авторомъ, который, впрочемъ, обѣщаетъ продолженіе своего сочиненія.

Историческая часть этого труда заключается въ двухъ его главахъ, именно—*второй* и *третьей*. При составленіи ихъ авторъ руководился совѣтами, указаніями и содѣйствіемъ покойнаго нынѣ профессора Кіевской духовной академіи П. П. Малышевскаго, бывшаго большимъ знаткомъ южно-русской исторіи.

Вторая глава содержитъ въ себѣ данныя для исторіи заселенія Днѣпровскаго бассейна съ древнѣйшихъ временъ. Авторъ начинаетъ съ изложенія результатовъ археологическаго изученія Подднѣпровья и вслѣдъ за археологами утверждаетъ, что на среднемъ теченіи Днѣпра человекъ существовалъ въ глубочайшей древности, уже въ послѣднюю ледниковую эпоху, когда въ сѣверной половинѣ Россіи еще продолжалось оледенѣніе. Орудія палеолитической и неолитической эпохъ, находясь въ большомъ количествѣ въ Подднѣпровьѣ, свидѣтельствуютъ, что на Днѣпрѣ жили дикари, въ сравненіи съ которыми скифы, появившіеся позднѣе и описанные Геродотомъ, представляются племемъ культурнымъ. Г. Максимовичъ довольно обстоятельно знакомитъ читателя съ бытомъ и первобытныхъ дикарей и подднѣвскихъ скифовъ, не избѣгая даже скользкой темы о матриархатѣ у дикарей (стр. 40—41) и прирвой темы о происхожденіи скифовъ отъ Геракла (стр. 50). Затѣмъ онъ переходитъ къ готамъ и гуннамъ въ Подднѣпровьѣ, затѣмъ—къ аварамъ и славянамъ и въ заключеніе прослѣживаетъ смѣну власти русской, литовско-польской и снова русской въ бассейнѣ Днѣпра

съ X до XIX вѣка. Вообще краткій и бѣглый, этотъ историческій очеркъ составленъ вполне удовлетворительно.

Глава третья заключаетъ въ себѣ историческіе матеріалы, касающіеся древнѣйшей гидрографіи Днѣпра. Авторъ располагаетъ ихъ хронологически, начиная съ Геродотовыхъ извѣстій о Скиѣи и Борисенѣ (т.-е. Днѣпрѣ) и кончая официальными и литературными данными XIX вѣка. Толкованіе древнѣйшихъ географическихъ показаній у него, разумѣется, произвольно, какъ и у всѣхъ прочихъ изслѣдователей и писателей, касавшихся этой сложной и пока неразрѣшимой темы. Но надобно признать, что домыслы автора не противорѣчатъ исторически-достоверному знанію и не могутъ быть названы противонаучными. Онъ хорошо выбираетъ авторитеты, за которыми ему можно слѣдовать; ему въ этомъ дѣлѣ, по его собственному признанію, много помогъ покойный Малашевскій (см. стр. 63, примѣч.).

В. П. Голиковъ. Методика естествознанія, въ ея главнѣйшихъ представителяхъ и историческомъ развитіи въ нашей общеобразовательной школѣ-средней и низшей. Историческіе обзоры, учебные планы и программы, примѣрные уроки, отрывки, образцы и извлеченія изъ произведеній представителей педагогической литературы, съ приложеніемъ сборника „Вопросы преподаванія природовѣдѣнія“, въ извлеченіяхъ изъ трудовъ и подлинныхъ статей: П. А. Некрасова, профессора Моск. учебн. округа, профес.: Д. Н. Кайгородова, А. П. Павлова, В. А. Фаусека, В. М. Шимкевича, И. Я. Акинфьева, В. А. Вагнера, С. А. Дмитріева и Д. А. Горончевскаго. Пособіе для учащихся въ среднихъ, низшихъ и начальныхъ школахъ. Изд. К. П. Тихомирова. Москва 1902. Стр. XII+568. Цѣна 1 р. 80 к.

Подъ этимъ безконечно длиннымъ и не отягчающимся скромностью заглавіемъ г. Голиковъ предлагаетъ въ сущности хрестоматію или сборникъ статей по методикѣ естествознанія. Автору принадлежатъ коротенькое введеніе и нѣкоторыя историческія справки, а все остальное состоитъ изъ статей различныхъ авторовъ, давшихъ, по словамъ г. Голикова, согласіе на помѣщеніе своихъ статей въ сборникъ, а также рецензій учебниковъ, выписокъ изъ нѣкихъ дѣйствующихъ законоположеній, мнѣній ученаго комитета и т. п. Главною заслугой г. Голикова является, что онъ собралъ разбросанныя по журналамъ статьи и мнѣнія и, можетъ быть, многія изъ нихъ спасъ отъ забвенія, не всегда заслуженнаго. Книга издана опрѣтно. На полноту, конечно, она претендовать не можетъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что книга эта носитъ характеръ компилятивнаго сборника свѣдѣній, относящихся къ постановкѣ преподаванія естествознанія въ нашей школѣ со времени ея возникновенія и до на-

стоящаго времени. Въ виду этого, названіе книги „Методика естествознанія“ представляется неправильнымъ и неудобнымъ въ томъ отношеніи, что преподаватель, приобретаая эту книгу, какъ „методику“, получить сборникъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, не рѣдко другъ друга исключającychъ, и въ концѣ ея статью г. Новикова: „Нужна-ли намъ методика естествознанія?“ изъ которой оказывается, что нужна „разумно составленная методика“, противъ чего, конечно, никто не будетъ возражать. Изъ обширнаго заглавія книги слѣдовало бы оставить среднюю часть, напечатанную мелкимъ шрифтомъ: „Историческіе обзоры, учебные планы и программы“ и т. д. — такое заглавіе вполне соответствовало бы содержанію сборника, не умаля значенія его, какъ справочной книги, которая можетъ быть полезна людямъ, живущимъ вдали отъ большихъ центровъ и не имѣющимъ возможности, потому, справляться въ журналахъ и книгахъ, изъ которыхъ извлечены статьи и отрывки статей г. Голыковымъ. Но преподаватель извѣстной или начальной школы, который приобретаетъ эту книгу, въ качествѣ „Методики естествознанія“, и который на стр. 9 найдетъ статью „Народное міросозерцаніе и его источники“, по стат. „Естествознаніе“, „Вѣкъ“ 1862 г. № 7 и 8, „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1863 г., „Русскіе самородки“, А. Щапова — и т. д., и т. д., по всей книгѣ, вѣроятно, пожалѣетъ, что истратилъ изъ своего скромнаго бюджета 2 рубля (цѣна книги 1 р. 80 коп. и почтовые расходы) за компилятивный сборникъ.

Несмотря на то, что это трудъ компилятивный, что автору принадлежитъ только введеніе, что заглавіе не соответствуетъ содержанию, мы считаемъ появленіе такой книги вполне своевременнымъ и ея присутствіе въ библиотекѣ учебнаго заведенія очень желательнымъ. Учителю книга эта можетъ принести пользу.

Своими же задачъ по элементарной физикѣ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній).
Составилъ Р. Д. Нономаревъ. 128 (?) стр. Ц. 1 руб. Харьковъ. 1902.

Авторъ говоритъ въ предисловіи: „Я знаю, что много есть противниковъ рѣшенія задачъ по физикѣ...“ Такому заявленію трудно повѣрять. Изучать физику, не упражняясь въ рѣшеніи задачъ, такое же безплодное занятіе, какъ преподавать физику, не показывая опытовъ. Преподаватель физики, не рѣшающій задачъ съ учениками, столь же непригоденъ для своего дѣла, какъ и преподаватель, не показывающій опытовъ. Поэтому нельзя не порадоваться появленію новаго задачника по элементарной физикѣ, если таковой составленъ толково.

Новый задачникъ, содержащій 998 задачъ, по качеству своему, рѣзко раздѣляется на двѣ части. Первые 112 страницъ, содержащія 894 задачи, составлены весьма недурно; послѣднія страницы (112—128) совершенно непригодны, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Первая изъ указанныхъ двухъ частей, занимающая $\frac{2}{3}$ всей книги, содержитъ задачи по основамъ механики, по гидростатикѣ, аэростатикѣ, теплотѣ, магнетизму, электричеству, свѣту и по нѣкоторымъ отдѣламъ ученія о движеніи. Эти задачи подобраны весьма толково; онѣ, вообще, выражены ясно, и почти всѣ проверенныя нами оказались рѣшенными вѣрно. Здѣсь соблюдена и необходимая послѣдовательность перехода, въ каждомъ отдѣлѣ, отъ задачъ легкихъ къ болѣе труднымъ.

Относительно этихъ задачъ можно сдѣлать лишь небольшое число общихъ и частныхъ замѣчаній. Непонятно, почему для нѣкоторыхъ, сравнительно, впрочемъ, весьма немногихъ задачъ не даны отвѣты. Сюда относятся, напримѣръ, задачи 136, 145, 149, 225, 227, 421, 466, 591, 615, 924 и др. Системы тутъ никакой не видно; повидному, отвѣты опущены по недосмотру.

Въ задачѣ 53 сказано: „опредѣлить точку приложенія...“ слѣдовало выразиться точнѣе, такъ какъ рѣчь идетъ объ опредѣленіи нѣкоторыхъ разстояній.

Въ задачѣ 93 говорится о точкѣ опоры, которая, однако, оказывается одною изъ двухъ точекъ приложеній силъ. Недостаточно ясно или не вполне правильно формулированы задачи 151, 372, 537, 542, 550 („по одному“ вмѣсто „однимъ“), 553, 607, 673, 687, 781, 785, 817.

Къ задачѣ 543 данъ невѣрный отвѣтъ: 32 вмѣсто 64.

Въ отвѣтѣ къ задачѣ 547 напечатано d вмѣсто D.

Задачи 590 и 591 основаны на недоразумѣніи; электрическая машина не дастъ 35000 вольтъ, когда ея кондукторы соединены проводникомъ; вторая изъ этихъ задачъ вообще не понятна.

Въ задачахъ 599 и 600 говорится о лампахъ въ холодномъ состояніи, а должно быть—въ накаленномъ.

Въ задачахъ 641 и слѣдующихъ авторъ почему-то пишетъ „калор.-грамм.“ вмѣсто принятаго „гр.-калор.“, или „малая калорія“.

Задача 723 формулирована неправильно, вследствие чего вмѣсто отвѣта „невозможный случай“, получится отвѣтъ „всѣ лучи“.

Въ задачахъ 795 и слѣдующихъ скорость звука принимается то равною 340 м., то равною 332 м. Въ задачѣ же 804 скорость звука не дана, а изъ отвѣта видно, что ее слѣдуетъ принять равною 333 м.

Ограничиваемся этими указаніями, не сомнѣваясь, что при новомъ изданіи автору не трудно будетъ исправить указанные и имъ подобные недосмотры.

Вторая изъ указанныхъ выше частей книги, содержащая задачи 895—998 и „указанія“ (на способъ рѣшенія задачъ, стр. 122), совершенно не удалась автору. Здѣсь не только смѣшаны энергія съ мощностью, сила съ работою и масса съ вѣсомъ, но и нѣкоторыя другія основныя величины, встрѣчающіяся въ механикѣ, истолкованы неправильно. Многія задачи по существу неправильно поставлены или невѣрно рѣшены.

Въ задачѣ 907 работа выражена (въ отвѣтѣ) въ единицахъ силы. Въ задачахъ 910, 911, 912 смѣшаны единицы массы и силы. Чтобы, напримѣръ, пайти массу, которая отъ силы 50 килогр. получаетъ ускореніе 2,5 метра, авторъ дѣлаетъ 50 на 2,5 и получаетъ 20 килогр. Между тѣмъ масса 20 килогр. отъ силы всего въ 20 килогр. уже получаетъ ускореніе 9,8 метра.

Въ задачѣ 917 импульсъ выраженъ въ единицахъ работы; кромѣ того непонятно, что означаетъ „импульсъ движущагося тѣла“. Задача 919 совсѣмъ непонятна (отвѣта нѣтъ). Задача 927 неопредѣлена.

Тотъ же источникъ ошибокъ находимъ въ задачахъ на „работу электричества“. Особенно характерны задачи начиная отъ 977-ой: Сколькимъ эргамъ соотвѣтствуетъ лошадиная сила? Съ такимъ же правомъ можно было бы спросить: сколькимъ градусамъ Реомюра соотвѣтствуютъ градусы когѣйки? ибо эрги и лошадиныя силы величины разнородныя. Точно также лишены смысла задачи 978, 979. Изъ отвѣтовъ на задачи 979 и 980 выходитъ, что кулонъ и амперъ одно и то же! Особенно неудачна задача 993, гдѣ говорится о лошадиныхъ силахъ въ минуту! Въ задачѣ 994 обратная ошибка: требуется вычислить затраченную энергію, а не указало время. Въ задачѣ 997, вѣроятно, ошибки въ числахъ (0,22 ома?).

Нѣчто невозможное представляютъ „указанія“ (стр. 122). Здѣсь большинство номеровъ указано невѣрно, и притомъ то на единицу или два больше, то меньше истиннаго номера. Ясно, что послѣ составленія „указанія“ были сдѣланы перемѣны въ самомъ задачникѣ, а измѣнить нумера въ „указаніяхъ“ авторъ забылъ. Курьезно напечатано уравненіе, рѣшающее задачу 721. Тутъ во всемъ видна большая небрежность.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1901 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1900 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, а во второй—результаты испытаній, произведенныхъ постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали ¹⁾.

I.

1. Въ 1901 году испытанія зрѣлости были произведены въ 191-мъ учебномъ заведеніи Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ VIII

---

¹⁾ Въ этой же части въ прежнихъ отчетахъ помѣщались свѣдѣнія о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости, на основаніи тѣхъ отзывовъ о письменныхъ работахъ абитуриентовъ, которые были представлены рецензентами этихъ работъ. Такихъ свѣдѣній въ настоящемъ отчетѣ не помѣщено по той причинѣ, что въ распоряженіи составителя отчета были только свѣдѣнія о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ и въ Туркестанскомъ край; изъ остальныхъ округовъ свѣдѣній объ этихъ испытаніяхъ ко времени окончанія отчета (сентябрь 1902 года) доставлено не было.

класса 4.703 ¹⁾). Распредѣленіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ VIII класса.
Московскій	29 ²⁾	760
С.-Петербургскій	28 ²⁾	760
Кіевскій.	22	617
Варшавскій	21	508
Одесскій .	21	486
Харьковскій	18	403
Кавказскій	10	311
Виленскій	10	249
Казанскій	10	222
Рижскій	10	175
Оренбургскій.	5	80
Западно-Сибирскій	3	63
Восточная Сибирь	2	36
Туркестанскій край	2	33
Всего	191	4.703

¹⁾ Въ отчетномъ году были произведены перьяе выпуски изъ Вѣльской гимназіи Московскаго учебнаго округа, изъ Острогской гимназіи Харьковскаго учебнаго округа и Черкасской и Житомирской 2-й гимназіи Кіевского учебнаго округа; первая три были преобразованы въ 1899 году изъ бывшихъ 6-ти классовыхъ прогимназій, а четвертая преобразована въ 1897 году изъ бывшей 4-хъ классной прогимназіи. Такимъ образомъ общее число учебныхъ заведеній, въ которыхъ были произведены въ отчетномъ году испытанія зрѣлости, увеличилось до 191, не считая трехъ гимназій (Читинской, Благовѣщенской и Владивостокской), находившихся въ вѣдѣніи окружнаго инспектора училищъ Примурскаго края, отъ котораго не доставлено никакихъ свѣдѣній объ испытаніяхъ зрѣлости отчетнаго года.

²⁾ Правительственныхъ гимназій—26. считалъ въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, 1 училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныя гимназіи Крейтмана и Поливанова въ Москвѣ.

³⁾ Правительственныхъ гимназій—21, считалъ въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ) и 3 частныя гимназіи (Гуревича, Мая и Видемала) въ С.-Петербургѣ.

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 181 правительственной гимназіи	4.522 (96,1%)
5 церковныхъ училищахъ	83 (1,8%)
5 частныхъ гимназіяхъ .	98 (2,1%)

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса въ правительственныхъ гимназіяхъ увеличилось на 368 человекъ, а въ церковныхъ училищахъ и въ частныхъ гимназіяхъ оно уменьшилось: въ первыхъ на 5 человекъ, а во вторыхъ на 15 человекъ; въ общемъ же оно увеличилось на 348 человекъ.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа: въ среднемъ 31,1 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа: въ среднемъ 16 на одну гимназію; остальные округа по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Кіевскій (28), С.-Петербургскій (27,1), Московскій (26,2), Виленскій (24,9), Варшавскій (24,2), Одесскій (23,1), Харьковскій (22,4), Казанскій (22,2), Западно-Сибирскій (21), Восточная Сибирь (18), Рижскій (17,5), Туркестанскій край (16,5).

2. Изъ 4.522 учениковъ, находившихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 57 (1,3%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи, 3 по нравственной незрѣлости и 1 (въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ) по неизвѣстной причинѣ. Сравнивая числовыя данныя, касающіяся недопущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Казанскаго, Харьковскаго и Западно-Сибирскаго учебныхъ округовъ, въ которыхъ, равно какъ въ гимназіяхъ Восточной Сибири и Туркестанскаго края, не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ былъ Одесскій округъ, для котораго процентное отношеніе числа недопущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается числомъ 0,6; за нимъ слѣдуютъ округа: Московскій—0,7, Кіевскій—0,8, Кавказскій—1,0, С.-Петербургскій и Виленскій—1,6, Варшавскій 3,3, Оренбургскій—3,7 и Рижскій—4,0. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, недопущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, уменьшилось на 21 человекъ, или на 0,6%. Кроме того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 18 учени-

камъ по болѣзни. Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 79 учениковъ правительственныхъ гимназій, что составляетъ 1,8% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 0,6 меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ церковныхъ училищахъ не было ни одного случая устраненія отъ испытаній зрѣлости по малоусугбшности въ ученіи; въ частныхъ же гимназіяхъ по этой причинѣ не были допущены къ испытаніямъ зрѣлости 8 учениковъ (8,2%); а четыремъ ученикамъ (1 изъ церковнаго училища въ С.-Петербургѣ и 3 изъ частныхъ гимназій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ) испытаніе было отсрочено на годъ по болѣзни. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ частныхъ гимназій, недопущенныхъ къ испытаніямъ по малоусугбшности, уменьшилось на 4 (или на 2,4%).

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	79 (1,8%)
церковныхъ училищахъ	1 (1,2%)
частныхъ гимназіяхъ	11 (11,2%)
Всего	91 (1,9%) ¹⁾

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса, лучшимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	4.443 (98,2%)
церковныхъ училищахъ.	82 (98,8%)
частныхъ гимназіяхъ .	87 (88,8%)
Всего.	4.612 (98,1%)

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 4.336 (97,6%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 5-хъ учениковъ (четыре въ С.-Петербургскомъ и одинъ въ Рижскомъ учебныхъ округахъ), которымъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты

¹⁾ По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устраненныхъ отъ испытаній, нѣсколько уменьшился: въ 1900 году такихъ учениковъ было 115 (2,6%).

зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Казанскій (99,1), С.-Петербургскій (98,6), Московскій (98,1), Харьковскій (98), Одесскій (97,5), Оренбургскій (97,4), Варшавскій (97,3), Восточная Сибирь (97,2), Рижскій (97), Кіевскій (96,9), Виленскій (95,9), Кавказскій (95,8).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—29,4 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: С.-Петербургскій (29,3), Кіевскій (26,7), Московскій (26,2), Виленскій (23,3), Варшавскій (22,6), Одесскій (22,4), Казанскій (21,9), Харьковскій (21,8), Западно-Сибирскій (20,7), Восточная Сибирь (17,5), Туркестанскій край (16,5), Рижскій (16,2), Оренбургскій (14,8), а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 23,6 аттестата зрѣлости. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 4.053 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 3.932 или 97%, результаты испытаній отчетнаго года нѣсколько лучше, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія повысился на 0,6.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости: въ первыхъ 82 (100%), во вторыхъ 86 (98,8%). Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій повысился: для первыхъ на 3,5, для вторыхъ на 6,8.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ.	4.336
„ церковныхъ училищахъ .	82
частныхъ гимназіяхъ .	86
<hr/>	
Всего	4.504,

что составляеть 97,7% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ предыдущемъ году этотъ процентъ былъ нѣсколько меньше: изъ 4.240 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 4.108 или 96,9%.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—356, серебряными—303, всего 659 учениковъ (15,2%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, слѣдующій: Туркестанскій край—21,2, Оренбургскій округъ—20,3, Виленскій—19,3, Харьковскій—18,6, Казанскій—18,3, Одесскій—18,3, Киевскій—17,9, С.-Петербургскій—16,7, Рижскій—15,4, Московскій—15,1, Восточная Сибирь—14,3, Варшавскій—9,7, Западно-Сибирскій—9,7¹⁾.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 13 (15,8%), во вторыхъ 9 (10,5%), всего 22 ученика, изъ которыхъ 13 получили золотыя, а 9—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденныхъ медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.
въ правительственныхъ гимназіяхъ	356	303	659
церковныхъ училищахъ	8	5	13
частныхъ гимназіяхъ	5	4	9
Всего	369	312	681 (15,1%)

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, повысился, какъ для отдѣльныхъ учебныхъ заведеній (для правительственныхъ гимназій былъ 12,1, для церковныхъ училищъ былъ 11,9, для частныхъ гимназій былъ 4,3), такъ и въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 11,9).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 107 (2,4%). Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ прихо-

¹⁾ Изъ Кавказскаго учебнаго округа не доставлено свѣдѣній о числѣ учениковъ, награжденныхъ медалями въ отчетномъ году.

дится на Кавказскій учебный округъ (4,2%), а наименьшій—на Кавказскій (0,9%), не считая гимназій Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся имъ, слѣдующій: Виленскій (4,1), Кіевскій (3,1), Рижскій (3,0), Восточная Сибирь (2,8), Варшавскій (2,7), Оренбургскій (2,6), Одесскій (2,5), Харьковскій (2,0), Московскій (1,9), С.-Петербургскій (1,4).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій понизился какъ въ общемъ (2,4 вмѣсто 3,0), такъ и по отношенію къ округамъ: С.-Петербургскому, Казанскому, Харьковскому, Одесскому, Кіевскому и Западно-Сибирскому (наибольшее пониженіе произошло въ Западно-Сибирскомъ округѣ—на 7,9); въ остальныхъ округахъ онъ повысился (наибольшее повышение произошло въ Виленскомъ учебномъ округѣ—на 4,1), за исключеніемъ гимназій Туркестанскаго края, въ которыхъ, какъ и въ 1900 году, не было вовсе не выдержавшихъ испытаній учениковъ VIII класса.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми (107) учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 178, изъ которыхъ 117 (65,7%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальные 61 (34,3%)—на устныхъ испытаніяхъ ¹⁾. Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на русскій языкъ, по которому было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 82 (73 на письменныхъ и 9 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: математика—55 (44 на письменныхъ и 11 на устныхъ испытаніяхъ), исторія—17, греческій языкъ—11, латинскій языкъ—8, новые иностранные языки—4, Законъ Божій—1. По отношенію къ отдѣльнымъ округамъ наибольшее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ было получено учениками гимназій Кіевскаго округа: 21 на письменныхъ и 7 на устныхъ испытаніяхъ, всего 28 отмѣтокъ, что составляетъ 15,7% всего числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, или въ среднемъ—1,5 на cadaго

---

¹⁾ Въ отчетномъ году письменныя испытанія зрѣлости были произведены только по русскому языку и математикѣ (циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го августа 1900 года за № 20085).

изъ 19 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ этого округа. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія числа неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, слѣдующій: Кавказскій—25 (14,0%), Московскій—23 (12,9%), Одесскій—21 (11,8%), Виленскій и Варшавскій—18 (10,1%), С.-Петербургскій—16 (9,0%), Харьковскій—10 (5,6%), Казанскій и Рижскій—6 (3,4%), Оренбургскій—5 (2,8), Восточная Сибирь—2 (1,2%).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ уменьшилось на 280, при чемъ въ среднемъ на каждого изъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій приходится меньше, чѣмъ въ 1900 году: 1,7 вмѣсто 3,8. Что же касается отдѣльныхъ предметовъ, то число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ увеличилось по русскому языку (на 15) и по исторіи (на 7), а по остальнымъ предметамъ уменьшилось: по латинскому языку на 131, по греческому языку на 110, по математикѣ на 60 и по новымъ иностраннымъ языкамъ на 1, за исключеніемъ Закона Божія, по которому оно осталось прежнее (1).

Изъ учениковъ частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 1 (1,2%), получившій неудовлетворительную отбѣтку на письменномъ испытаніи по русскому языку, а въ церковныхъ училищахъ не было ни одного подобнаго случая. По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій уменьшился: въ первыхъ на 3,5, а во вторыхъ на 6,8.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	107
церковныхъ училищахъ	—
частныхъ гимназій	1
Всего .	108,

что составляетъ 2,3% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію зрѣлости ¹⁾.

6. Если къ этому числу прибавить показанное выше число учениковъ VIII класса, устранившихся по разнымъ причинамъ отъ испыта-

¹⁾ Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, нѣсколько уменьшился сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ изъ 4.240 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, не выдержали ихъ 132 (3,1%).

ній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общео число учениковъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ .	186 (4,1%)
„ церковныхъ училищахъ	1 (1,2%)
частныхъ гимназіяхъ	12 (12,0%)

Всего . 199,

что составляетъ 4,2% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній. Изъ этого числа выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт.):

ученики правительственныхъ гимназій	39	
церковныхъ училищъ	—	
частныхъ гимназій	1	
		40

остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

ученики правительственныхъ гимназій	147	
церковныхъ училищъ	1	
частныхъ гимназій	11	
		159
Всего .		199

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1901 году, было 639 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 18 чел. болѣе). Распределеніе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Кіевскій	158 (24,7%)
Одесскій	116 (18,2%)
Кавказскій	60 (9,4%)
С.-Петербургскій	59 (9,3%)
Харьковскій	54 (8,4%)

Московскій	52 (8,1%)
Казанскій	41 (6,4%)
Варшавскій	39 (6,1%)
Оренбургскій	20 (3,1%)
Рижскій	18 (2,8%)
Виленскій .	7 (1,1%)
Западно-Сибирскій	7 (1,1%)
Туркестанскій край	5 (0,8%)
Восточная Сибирь	3 (0,5%)
<hr/>	
Всего.	639

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ: а) на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—2, по п. в—7, по п. г—45, и б) вслѣдствіе недостатка мѣста (въ одной изъ гимназій Одесскаго учебнаго округа)—2, всего 56 человѣкъ. Кромѣ того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни—7 и по неизвѣстнымъ причинамъ—26, всего 33 человѣка. Такимъ образомъ изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 89 человѣкъ (13,9%), а въ дѣйствительности подвергались имъ 550 (86,1%).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 310 человѣкъ,—что составляетъ 57,4% всего числа постороннихъ абитуриентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 5,8 больше). Наибольшій процентъ ихъ приходится на Восточную Сибирь (100%); остальные округа можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Казанскій (75,6%), Харьковскій (65,9%), Виленскій (60,0%), Кіевскій (59,8%), Западно-Сибирскій (57,2%), Оренбургскій (55,0%), Кавказскій (54,9%), Московскій (54,2%), Варшавскій (53,9%), С.-Петербургскій (50,0%), Одесскій (47,3%), Рижскій (40,0%), Туркестанскій край (40,0%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуриентовъ 240 человѣкъ (43,6%—по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 5,8 меньше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Рижскій—60,0, Туркестанскій край—60,0, Одесскій—52,7, С.-Петербургскій—50,0, Варшавскій—46,1, Московскій—45,8, Кавказскій—45,1, Оренбургскій—45,0, Западно-Сибирскій—42,8, Кіевскій—40,2,

Віленскій — 40,0, Харьковскій — 34,1, Казанскій — 24,4, Восточная Сибирь—0.

Общее число неудовлетворительныхъ отгѣтокъ, полученныхъ всѣми 240 посторонними абитуриентами, не выдержавшими испытаній, было 387, изъ которыхъ большая часть—61,2% (237 отг.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальные—38,8% (150 отг.)—на устныхъ испытаніяхъ. Наибольше неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуриенты по математикѣ, по которой было получено ими всего 145 неудовлетворительныхъ отгѣтокъ (119 на письменныхъ и 26 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—142 такихъ отгѣтки (118 на письменныхъ и 24 на устныхъ испытаніяхъ), исторія—20, физика и математическая географія—20, латинскій языкъ—17, географія—13, греческій языкъ—12, логика—12, Законъ Божій—5, нѣкоторые иностранные языки—1. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отгѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами, уменьшилось какъ въ среднемъ выводѣ на каждыя изъ не выдержавшихъ испытаній (1,6 вмѣсто 2,4) и въ общемъ итогѣ (на 252), такъ и по отношенію ко всѣмъ предметамъ испытанія (по латинскому языку на 124, по греческому языку на 109, по логикѣ на 10, по русскому языку на 8, по математикѣ на 7, по физикѣ и новымъ иностраннымъ языкамъ на 2, по исторіи на 1), за исключеніемъ Закона Божія и географіи, по которымъ оно увеличилось (по первому на 4, по второй на 7). Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отгѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуриенты въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ на каждыя изъ 9 лицъ, не выдержавшихъ испытаній, приходится въ среднемъ по 2,3 отгѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуриенты С.-Петербургскаго округа (1,9 отг.), Рижскаго (1,8 отг.), Кавказскаго (1,8 отг.), Московскаго (1,7 отг.), Кіевскаго (1,6 отг.), Харьковскаго (1,5 отг.), Віленскаго (1,5 отг.), Одесскаго (1,4 отг.), Варшавскаго (1,4 отг.), Казанскаго (1,2 отг.), Западно-Сибирскаго (1 отг.) и Туркестанскаго края (1 отг.).

III.

Въ заключеніе представимъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1901 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	4.522	
церковныхъ училищахъ	83	
частныхъ гимназіяхъ	98	
		<u>4.703</u>

Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ

зрѣлости посторонними лицами	639
------------------------------	-----

Всего было абитуриентовъ въ отчетномъ году. 5.342

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій	79	
церковныхъ училищъ	1	
частныхъ гимназій	11	
		<u>91</u>
постороннія лица		89

Всего было устраниено отъ испытаній по
разнымъ причинамъ

180 (3,4%).

3) Подвергался испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій	4.443	
церковныхъ училищъ	82	
частныхъ гимназій .	87	
		<u>4.612</u>
постороннія лица		550

Всего подвергалось испытаніямъ

5.162 (96,6%).

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій	107	
церковныхъ училищъ	—	
частныхъ гимназій	1	
		<u>108</u>
постороннія лица .		240

Всего не выдержало испытаній .

348 (6,7%).

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій	4.336
церковныхъ училищъ	82
частныхъ гимназій	86
	<hr/>
	4.504
постороннія лица	310

Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было . 4.814 (93,3%).

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытаній нѣсколько уменьшилось (6,7% вмѣсто 8,3%), а число выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости увеличилось (93,3% вмѣсто 91,7%), то результаты испытаній зрѣлости 1901 года должны быть признаны болѣе благопріятными, чѣмъ въ 1900 году, не только въ общемъ, но и въ частности, по отношенію какъ къ правительственнымъ и частнымъ гимназіямъ и церковнымъ училищамъ, такъ и къ постороннимъ абитуриентамъ,

Если же взять для сравненія не одинъ предшествовавшій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе (1896—1900), то, какъ видно изъ приложенной къ отчету сводной вѣдомости (№ 5), отчетный годъ, превосходя своихъ предшественниковъ въ количественномъ отношеніи— по общему числу абитуриентовъ (учениковъ VIII класса и постороннихъ лицъ ¹⁾), и тѣхъ изъ нихъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости ²⁾), и въ качественномъ отношеніи, по конечнымъ результатамъ испытаній, произведенныхъ ученикамъ VIII класса и постороннимъ лицамъ, стоитъ выше всѣхъ предыдущихъ годовъ истекшаго пятилѣтія ³⁾.

¹⁾ Въ 1896 г.—4.230, въ 1897 г.—4.511, въ 1898 г.—4.657, въ 1899 г.—4.713, въ 1900 г.—4.976, въ 1901 г.—5.342.

²⁾ Въ 1896 г.—1.803, въ 1897 г.—4.056, въ 1898 г.—4.162, въ 1899 г.—4.163, въ 1900 г.—4.378, въ 1901 г.—4.814.

³⁾ Въ 1896 г.—92,8%, въ 1897 г.—92,9%, въ 1898 г.—92,5%, въ 1899 г.—92,1% въ 1900 г.—91,7%, въ 1901 г.—93,3%.

Такой благоприятный результатъ испытаній зрѣлости отчетнаго года объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ году степень подготовки постороннихъ абитуриентовъ была гораздо лучше, чѣмъ раньше, и процентъ тѣхъ изъ нихъ, которые успѣшно выдержали эти испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, значительно выше, чѣмъ во всѣ предыдущія пять лѣтъ ¹⁾. Независимо отъ этого, и въ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, испытанія зрѣлости въ отчетномъ году дали результаты, если не безусловно превосходящіе результаты таковыхъ испытаній предыдущихъ лѣтъ, то во всякомъ случаѣ настолько благоприятные для правительственныхъ гимназій, что только въ 1899 году процентъ тѣхъ учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, которые успѣшно выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, былъ нѣсколько ниже, чѣмъ процентъ такихъ учениковъ въ отчетномъ году ²⁾, а въ церковныхъ училищахъ и частныхъ гимназіяхъ процентъ учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, въ отчетномъ году былъ выше процента такихъ учениковъ за все предыдущее пятилѣтіе, за исключеніемъ 1896 года, когда всѣ ученики частныхъ гимназій, подвергавшіеся испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно и получали аттестаты зрѣлости ³⁾. И въ общемъ выводъ для учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года могутъ быть названы благоприятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, будучи выше, чѣмъ въ послѣдній и первые три года истекшаго пятилѣтія, однакожь съ тѣмъ, какой былъ въ 1899 году ⁴⁾.

Что касается возраста молодыхъ людей, удостоившихся въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, то, какъ видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, наименьшее число тѣхъ изъ

¹⁾ Въ 1896 г.—53,8%₀₀ въ 1897 г.—48,7%₀₀ въ 1898 г.—49,9%₀₀ въ 1899 г.—46,5%₀₀ въ 1900 г.—50,6%₀₀ въ 1901 г.—56,4%₀₀.

²⁾ Въ 1896 г.—96,3%₀₀ въ 1897 г.—96,6%₀₀ въ 1898 г.—97,1%₀₀ въ 1899 г.—97,8%₀₀ въ 1900 г.—97%₀₀ въ 1901 г.—97,6%₀₀.

³⁾ Въ церковныхъ училищахъ: въ 1896 г.—94%₀₀ въ 1897 г.—96,1%₀₀ въ 1898 г.—98,6%₀₀ въ 1899 г.—93,7%₀₀ въ 1900 г.—96,5%₀₀ въ 1901 г.—100%₀₀; въ частныхъ гимназіяхъ: въ 1896 г.—100%₀₀ въ 1897 г.—97,7%₀₀ въ 1898 г.—93,6%₀₀ въ 1899 г.—96,7%₀₀ въ 1900 г.—92%₀₀ въ 1901 г.—98,8%₀₀.

⁴⁾ Въ 1896 г.—96,3%₀₀ въ 1897 г.—96,6%₀₀ въ 1898 г.—97%₀₀ въ 1899 г.—97,7%₀₀ въ 1900 г.—96,9%₀₀ въ 1901 г.—97,7%₀₀.

нихъ, которые обучались въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-лѣтній возрастъ: такихъ было въ правительственныхъ гимназіяхъ 219 (5,0%), въ частныхъ гимназіяхъ 3 (3,5%), а наибольшее число было: въ правительственныхъ гимназіяхъ 19-лѣтнихъ—1183 (27,3%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 21 года и болѣе—33 (38,4%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее—въ возрастѣ 19 лѣтъ: первыхъ было всего 8 (9,7%), вторыхъ—29 (35,4%). Изъ постороннихъ абитуриентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 217 (70,0%), а наименьшій—на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было всего 2 (0,7%). Распределение по возрасту всѣхъ абитуриентовъ, получившихъ аттестаты и свидетельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	Правительств. гимназін.	Церковныя училища.	Частныя гимназін.	Постороннія лица.	Всего.
17 лѣтъ	219(5,0%)	14(17,1%)	3(3,5%)	2(0,7%)	238(4,9%)
18	958(22,1%)	20(24,4%)	16(18,6%)	1(2,9%)	1.003(20,9%)
19	1.183(27,3%)	29(35,4%)	18(20,9%)	33(10,6%)	1.263(26,2%)
20 "	996(23,0%)	11(13,4%)	16(18,6%)	49(15,8%)	1.072(22,3%)
21 и болѣе лѣтъ.	980(22,6%)	8(9,7%)	33(38,4%)	217(70,0%)	1.238(25,7%)
Всего	4.336	82	86	310	4.814

Распределение абитуриентовъ 1901 года, получившихъ аттестаты и свидетельства зрѣлости, по избранной ими специальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4.

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ	3.880 (80,60%)
Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить	826 (17,16%)
Предполагали посвятить себя практической дѣятельности	92 (1,91%)
Не дали свѣдѣній объ избранной специальности	16 (0,33%)
Всего	4.814

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелаю поступить на физико-математическіе факультеты университетовъ.

Такихъ было	1.324 (34,1%)
Остальные выбрали факультеты:	
Юридическій	1.179 (30,4%)
Медицинскій (считая вмѣстѣ и Военно-Медицинскую Академію) .	965 (24,9%)
Историко-филологическій	282 (7,3%)
Восточныхъ языковъ	107 (2,7%)
Богословскій (при Юрьевскомъ университетѣ)	23 (0,6%)
	<hr/> 3.880

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе (и Политехническіе) институты	. 478 (57,9%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія (считая вмѣстѣ и Московское инженерное училище)	107 (12,9%)
Горный институтъ (считая вмѣстѣ и Екатеринбургское Горнозаводское училище)	85 (10,3%)
Лѣсной институтъ	41 (5,0%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ .	31 (3,8%)
Военныя училища	25 (3,1%)
Земледѣльческіи академіи и сельско-хозяйственныя институты .	20 (2,4%)
Академія художествъ	16 (1,9%)
Электро-техническій институтъ .	10 (1,2%)
Училище Правовѣдѣнія	3 (0,4%)
Морское инженерное училище	3 (0,4%)
Институтъ восточныхъ языковъ	2 (0,2%)
Александровскій Лицей	2 (0,2%)
Демидовскій Юридическій Лицей	1 (0,1%)
Драматическіе курсы	1 (0,1%)
Римско-католическая семинарія	1 (0,1%)
	<hr/> 826

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелали поступить:

Въ военную службу	67 (72,8%)
Въ гражданскую службу	6 (6,5%)

Избрали практическую деятельность:

Учебную	2 (1,2%)	
Сельско-хозяйственную	8 (8,7%)	
Коммерческую	8 (8,7%)	
Мануфактурную	1 (1,1%)	
		92
Не дали свѣдѣній объ избранной специальности		16
		<u>4.814</u>

_____

№ 1. Відомость о подвергавшихся испытанію и получивших

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.							Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
	Общее число предъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній.				Всего.	Подвергались испытаніямъ.	
		Не допущены къ испытаніямъ.		Отсрочено испытаніе по болѣзн.				
		По малоуспѣшности.	По нравственной неграмотности.					
<i>С.-Петербургскій.</i>								
21 правительств. гимн.	638	10 (1,6%)	—	—	3	13 (2,0%)	625 (98,0%)	616 (98,6%)
4 церковныхъ учил.	60	—	—	—	1	1 (1,7%)	59 (98,3%)	59 (100,0%)
3 частныхъ гимназій.	62	7 (11,3%)	—	—	1	8 (12,9%)	54 (87,1%)	53 (98,1%)
Всего.	760	17 (2,2%)	—	—	5	22 (2,9%)	738 (97,1%)	728 (98,6%)
<i>Московскій.</i>								
26 правительств. гимн.	701	5 (0,7%)	—	—	1	6 (0,9%)	695 (99,1%)	682 (98,1%)
1 церковное училище.	23	—	—	—	—	—	23 (100,0%)	23 (100,0%)
частныхъ гимназій.	36	1 (2,8%)	—	—	2	3 (8,3%)	33 (91,7%)	33 (100,0%)
Всего.	760	6 (0,8%)	—	—	3	9 (1,2%)	751 (98,8%)	738 (98,3%)
<i>Казанскій.</i>								
10 правительств. гимн.	222	—	—	—	1	1 (0,5%)	221 (99,5%)	219 (99,1%)
<i>Оренбургскій.</i>								
5 правительств. гимн.	80	3 (3,7%)	—	—	1	4 (5,0%)	76 (95,0%)	74 (97,4%)
<i>Харьковскій.</i>								
18 правительств. гимн.	403	—	—	—	2	2 (0,5%)	401 (99,5%)	393 (98,0%)
<i>Одесскій.</i>								
21 правительств. гимн.	486	3 (0,6%)	—	—	1	4 (0,8%)	482 (99,2%)	470 (97,5%)
<i>Кіевскій.</i>								
22 правительств. гимн.	617	5 (0,8%)	1	—	4	10 (1,6%)	607 (98,4%)	588 (96,9%)

ИХЪ АТТЕСТАТЫ И СВИДѢТЕЛЬСТВА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1901 ГОДУ.

Среднее число на одно учебное заведеніе.	Наградъ медалями.			Постороннія лица.										Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости.	
	Золотыя.	Серебряныя.	Всего (п процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).	Устраены отъ испытаній.												
				Не допущ. къ испыт.					По болѣзни.							Всего.
				На основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ.					Въ дѣствіе негодности мѣста.							
п. а. ш.	б. п.	в. п.	г.	п. а. ш.	б. п.	в. п.	г.	по неизвѣстной причинѣ.	вс.	вс.	вс.					
29,3	50	53	103 (16,7%)	59	—	—	—	5	—	—	—	—	—	5 (8,5%)	54 (91,5%)	27 (50,0%)
17,3	7	2	9 (15,3%)													
17,7	5	4	9 (17,0%)													
26	62	59	121 (16,6%)													
26,2	57	46	103 (15,1%)	52	—	—	—	1	—	3	—	4 (7,7%)	48 (92,3%)	26 (54,2%)		
23	1	3	4 (17,4%)													
16,5	—	—	—													
25,4	58	49	107 (14,5%)													
21,9	21	19	40 (18,3%)	41	—	—	—	—	—	—	—	—	41(100,0%)	31 (75,6%)		
14,8	5	10	15 (20,3%)	20	—	—	—	—	—	—	—	—	20(100,0%)	11 (56,0%)		
21,8	38	35	73 (18,6%)	54	1	—	—	7	—	1	110 (18,5%)	44 (81,5%)	29 (65,9%)			
22,4	59	27	86 (18,3%)	116	—	—	—	15	2	1	725 (21,5%)	91 (78,5%)	43 (47,3%)			
22,7	62	43	105 (17,9%)	158	—	—	7	9	—	1	1431 (19,6%)	127(80,4%)	76 (59,8%)			

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.							
	Общее число предъ началомъ испытаний.	Устранены отъ испытаний.					Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестація зрѣлости.
		Не допущены къ испытаніямъ.				Всего.		
		По мало-усиѣнности.	По недостаточной зрѣлости.	По незачетной причинѣ.	Отсрочено испытаніе по болѣзнь.			
<i>Виленискій.</i>								
10 правительствъ гимн.	249	4 (1,6%)	1	—	1	6 (2,4%)	243 (97,6%)	233 (95,9%)
<i>Варнаевскій.</i>								
21 правительствъ гимн.	508	17 (3,3%)	1	—	2	20 (3,9%)	488 (96,1%)	475 (97,3%)
<i>Рижскій.</i>								
10 правительствъ гимн.	175	7 (4,0%)	—	—	1	8 (4,6%)	167 (95,4%)	162 (97,0%)
<i>Кавказскій.</i>								
10 правительствъ гимн.	311	3 (1,0%)	—	—	1	4 (1,3%)	307 (98,7%)	294 (95,8%)
<i>Западно-Сибирск.</i>								
3 правительствъ гимн.	—	—	—	1	—	1 (1,6%)	62 (98,4%)	62 (100,0%)
<i>Восточная Сибирь.</i>								
2 правител.	—	—	—	—	—	—	36 (100,0%)	35 (97,2%)
<i>Туркестанскій край.</i>								
2 правител.	—	—	—	—	—	—	33 (100,0%)	33 (100,0%)
Итого:								
Во всѣхъ 181 прав. гимн.	4522	57 (1,3%)	3	1	18	79 (1,8%)	4443 (98,2%)	4336 (97,6%)
5 церк. уч.	83	—	—	—	1	1 (1,2%)	82 (98,8%)	82 (100,0%)
5 част. гимн.	98	8 (8,2%)	—	—	3	11 (11,2%)	87 (88,8%)	86 (98,8%)
Всего:								
Во всѣхъ (191) учебныхъ заведеніяхъ.	4703	65 (1,4%)	3	1	22	91 (1,9%)	4612 (98,1%)	4504 (97,7%)

Среднее число на одно учебное заведение.	По сторонам лица.											Поддержались испытаниями.	Выдержали испытания и получили свидетельства зрелости.	
	Награжд. медалями.			Показ. прошения.	Устранены от испытаний.						Итого.			
	Золотым.	Серебряным.	Всего (в процентное отношение к общему числу удостоивших аттест.)		По допущ. к испит.			По остав. к испит.						
					На основании 81 правилъ объ испитак.	Испытание недоуспѣхъ.	По болѣзни.	По малой числ. прачина.						
п.	а.	п.	б.	п.	в.	п.	г.	п.	д.	п.	е.			
23,3	26	19	45 (19,3%)	7	—	—	—	—	—	—	2	2 (28,6%)	5 (71,4%)	3 (60,0%)
22,6	19	27	46 (9,7%)	39	—	—	—	—	—	—	—	—	39(100,0%)	21 (53,9%)
16,2	13	12	25 (15,4%)	18	—	—	—	—	—	1	2	3 (16,7%)	15 (83,3%)	6 (40,0%)
29,4	—	—	—	60	1	—	—	8	—	—	—	9 (15,0%)	51 (85,0%)	28 (54,9%)
20,7	3	3	6 (9,7%)	7	—	—	—	—	—	—	—	—	7(100,0%)	4 (57,2%)
17,5	1	4	5 (14,3%)	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3(100,0%)	3(100,0%)
16,5	2	5	7 (21,2%)	5	—	—	—	—	—	—	—	—	5(100,0%)	2 (40,0%)
23,9	356	303	659 (15,2%)	639	2	—	7	45	2	7	26	89 (13,9%)	550(86,1%)	310(56,4%)
16,4	8	5	13 (15,8%)											
17,2	5	4	9 (10,5%)											
23,6	369	312	681 (15,1%)											

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закоуу Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>С.-Петербургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	625	9	1,4	—	4	1	6	4
церковныхъ училищъ.	59	—	—	—	—	—	—	—
частныхъ гимназій.	54	1	1,3	—	1	—	—	—
В с е г о	738	10	1,4	—	5	1	6	4
Постороннія лица	54	27	50,0	—	9	3	16	1
<i>Московскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	605	13	1,9	—	13	—	6	3
" церковныхъ училищъ.	23	—	—	—	—	—	—	—
" частныхъ гимназій.	33	—	—	—	—	—	—	—
В с е г о	751	13	1,7	—	13	—	6	3
Постороннія лица	48	22	45,8	2	11	1	13	3
<i>Казанскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	221	2	0,9	—	2	2	2	—
Постороннія лица	41	10	24,4	—	6	—	5	1
<i>Оренбургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	76	2	2,6	—	1	—	2	—
Постороннія лица	20	9	45,0	—	6	1	7	2
<i>Харьковскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	401	8	2,0	1	7	—	1	—
Постороннія лица	44	15	34,1	1	6	5	3	1
<i>Одесскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	482	12	2,5	—	6	—	2	—
Постороннія лица	91	48	52,7	2	16	5	10	8
<i>Кіевскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	607	19	3,1	—	10	—	11	2
Постороннія лица	127	51	40,2	—	23	5	35	5

испытаний зрѣлости въ 1901 году.

испытаний по отдѣльнымъ предметамъ.							Общее число неудовлетворительныхъ отъѣтокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ испытаний и устраненныхъ отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Франкъ и математической географіи.	Исторія.	Географія.	Логикъ.	Новыя иностранныя языки.		Остался на другой годъ въ VIII класъ.	Выбылъ со свидетельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ.
—	—	—	1	—	—	—	16	18	1
—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
—	—	—	—	—	—	—	17	9	—
7	2	1	5	4	—	—	50	28	1
—	—	—	1	—	—	—	—	18	1
—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
—	—	—	1	—	—	—	23	20	2
2	—	2	—	—	1	—	38	—	—
—	—	—	—	—	—	—	6	—	—
—	—	—	—	—	—	—	12	—	—
1	1	—	—	—	—	—	5	6	—
1	—	—	2	2	—	—	21	—	—
—	—	—	1	—	—	—	10	9	1
—	2	1	—	1	2	—	22	—	—
5	6	—	1	—	—	1	21	11	2
3	5	7	6	1	—	1	69	—	—
—	1	—	4	—	—	—	—	21	—
1	—	4	4	2	—	—	—	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подорганованных испытаныхъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ.				
				Закону Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>Вилънискій.</i>								
Ученики правительствъ.	243	10	4,1	—	5	4	1	—
Постороннія лица	5	2	40,0	—	1	—	1	—
<i>Варшавскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	488	13	2,7	—	10	2	4	—
Постороннія лица	39	18	46,1	—	14	1	9	1
<i>Рижскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	167	5	3,0	—	4	—	—	—
Постороннія лица	15	9	60,0	—	5	—	4	2
<i>Кавказскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	307	13	4,2	—	11	—	8	1
Постороннія лица	51	23	45,1	—	20	3	14	—
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	62	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	7	—	42,8	—	1	—	2	—
<i>Восточная Сибирь.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	36	1	2,8	—	—	—	1	1
Постороннія лица	3	—	—	—	—	—	—	—
<i>Туркестанскій край.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	33	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	5	3	60,0	—	—	—	—	2
Итого:								
Ученики правительствъ гимназій	4443	107	2,4	1	73	9	44	11
„ дорковнхъ училищъ	82	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	87	1	1,2	—	1	—	—	—
Всего	4612	108	2,3	1	74	9	44	11
Постороннія лица	550	240	43,6	5	118	24	119	26
Общій итогъ.	5162	348	6,7	6	192	33	163	37

испытаний по отдельным предметам.							Общее число неудовлетворительных отбътокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ испытаний и устранившихся отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.		Остались на другой годъ въ VIII класъ.	Выбыли со сдѣланными на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ.
—	3	1	3	—	—	—	18 3	13 —	3 —
—	—	—	2	—	—	—	18 26	21 —	12 —
3	—	1	2	—	—	—	6 16	6	7 —
—	—	3	2 2	—	—	—	25 42	14	3 —
—	—	—	—	—	—	—	—	1	— —
—	—	—	—	—	—	—	2	— —	1 —
—	—	—	1	—	—	—	— 3	—	—
2	11	—	17	—	—	1	178	117	39
—	—	—	—	—	—	—	1	1 11	1
8	11	—	17	—	—	1	179	159	40
17	12	20	20	13	12	1	387	—	—
25	23	20	37	13	12	5	593	159	19

№ 3. Распределение привнесенныхъ зръблии по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зръблихъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зръблихъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	616	42	6,8	146	23,7	166	27,0	137	22,2	125	20,3
церковн. училищъ	59	12	20,3	16	27,1	19	32,2	6	10,2	6	10,2
частныхъ гимназій	53	2	3,8	11	20,7	11	20,7	13	24,5	16	30,3
Постороннія лица	27			1	3,7	2	7,4	3	11,1	21	77,8
Всего . . .	755	56	7,4	174	23,0	198	26,2	159	21,1	168	22,3
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	682	23	3,4	163	23,9	209	30,6	149	21,8	138	20,3
церковн. училищъ	23	2	8,7	4	17,4	10	43,5	5	21,7	2	8,7
частныхъ гимназій	33	1	3,0	5	15,1	7	21,2	3	9,1	17	51,6
Постороннія лица	26	—		2	7,7	3	11,5	5	19,2	16	61,6
Всего . . .	764	26	3,4	174	22,8	229	30,0	162	21,2	173	22,6
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	219	5	2,3	54	24,6	51	23,3	60	27,4	49	22,4
Постороннія лица	31	1	3,2	—	—	4	12,9	3	9,7	23	74,2
Всего . . .	250	6	2,4	54	21,6	55	22,0	63	25,2	72	28,8

УЧЕБНІЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлѣт.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлѣт.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Орѣбургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	74	6	8,1	21	28,4	22	29,7	16	21,6	9	12,2
Посторонніа лица	11	—	—	—	—	1	9,1	2	18,2	8	72,7
Всего . . .	85	6	7,0	21	24,7	23	27,1	18	21,2	17	20,0
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	393	13	3,3	74	18,8	107	27,2	114	29,1	86	21,6
Посторонніа лица	29	—	—	1	3,4	—	—	6	20,7	22	75,9
Всего . . .	422	13	3,1	75	17,8	107	25,3	120	28,5	107	25,3
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	470	12	2,6	119	25,3	129	27,4	100	21,3	110	23,4
Посторонніа лица	43	—	—	1	2,3	5	11,6	6	14,0	31	72,1
Всего . . .	513	12	2,3	120	23,4	134	26,1	106	20,7	141	27,5
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	588	60	10,2	114	19,4	145	24,7	126	21,4	143	24,3
Посторонніа лица	76	1	1,3	2	2,6	6	7,9	13	17,1	54	71,1
Всего . . .	664	61	9,2	116	17,5	151	22,7	139	20,9	197	29,7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число армянъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу армянъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	233	8	3,4	62	26,6	73	31,3	43	18,5	47	20,2
Постороннія лица	3	—	—	—	—	2	66,7	—	—	1	33,3
Всего . .	236	8	3,4	62	26,3	75	31,8	43	18,2	48	20,3
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	475	15	3,1	93	19,6	140	29,5	127	26,7	100	21,1
Постороннія лица	21	—	—	1	4,8	1	4,8	7	33,3	12	57,1
Всего . .	496	15	3,0	94	19,0	141	28,4	134	27,0	112	22,6
<i>Рижскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	162	14	8,6	24	14,8	46	28,4	33	20,4	45	27,8
Постороннія лица	6	—	—	—	—	1	16,7	1	16,7	4	66,6
Всего . .	168	14	8,3	24	14,3	47	28,0	34	20,2	49	29,2
<i>Кавказскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	294	15	5,1	54	18,4	64	21,8	62	21,1	99	33,6
Постороннія лица	28	—	—	—	—	7	25,0	2	7,1	19	67,9
Всего . .	322	15	4,6	54	16,8	71	22,1	64	19,9	118	36,6

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Западно-Сибир- скій.</i>											
Ученики правит. гимназій	62	3	4,8	15	24,2	13	21,0	16	25,8	15	24,2
Постороннія лица	4	—	—	1	25,0	1	25,0	1	25,0	1	25,0
Всего . .	66	3	4,5	16	24,3	14	21,2	17	25,7	16	24,3
<i>Восточ. Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій	35	2	5,7	9	25,7	10	28,6	8	22,9	6	17,1
Постороннія лица	3			—	—	—	—	—	—	3	100,0
Всего . .	38	2	5,3	9	23,7	10	26,3	8	21,0	9	23,7
<i>Туркест. край.</i>											
Ученики правит. гимназій	33	1	3,0	10	30,3	8	24,3	5	15,1	9	27,3
Постороннія лица	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	100,0
Всего . .	35	1	2,8	10	28,6	8	22,9	5	14,3	11	31,4
Итого:											
Ученики правит. гимназій	4336	219	5,0	958	22,1	1183	27,3	996	23,0	980	22,6
дерковн. училищъ	82	14	17,1	20	24,4	29	35,4	11	13,4	8	9,7
частныхъ гимназій	86	3	3,5	16	18,6	18	20,9	16	18,6	33	38,4
Постороннія лица	310	2	0,7	9	2,9	33	10,6	49	15,8	217	70,0
Всего . .	4814	238	4,9	1003	20,9	1263	26,2	1072	22,3	1238	25,7

№ 4. Распределение призванныхъ зрѣлыми по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе					
	Богословскій.	Историко-фи- лологическій.	Физико-мат- ематическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	В с е г о .	Технологическіе институты.	Институтъ пу- тей сообщенія.	Горный ин- ститутъ.	Лѣсной инсти- тутъ.	Институтъ граж- данскихъ наукъ.	Военныя учи- лища.
<i>С.-Петербургскій.</i>													
Изъ правительствъ гимназій.	—	35	150	175	119	26	505	37	27	23	8	10	6
„ церковныхъ училищъ.	3	2	10	18	12	5	50	5	1	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій.	1	5	13	13	10	2	44	3	2	—	1	—	—
Изъ всѣхъ 28 учебныхъ за- веденій.	4	42	173	206	141	33	599	45	30	23	9	10	6
<i>Московскій.</i>													
Изъ правительствъ гимназій.	—	49	217	180	162	10	618	37	21	7	5	—	—
„ церковнаго училища.	—	—	5	4	4	1	14	7	1	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій.	—	—	11	15	4	—	30	—	2	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 29 учебныхъ за- веденій.	—	49	233	199	170	11	662	44	24	7	5	—	—
<i>Клявскій.</i>													
Изъ 10 правительствъ гимн.	3	13	65	58	75	4	218	17	—	1	1	1	5
<i>Орскбургскій.</i>													
Изъ 5 правительствъ гимн.	—	4	23	10	27	5	69	11	—	2	2	—	—
<i>Харьковскій.</i>													
Изъ 18 правительствъ гимн.	—	33	112	100	96	13	354	29	5	3	8	1	2
<i>Одесскій.</i>													
Изъ 21 правительствъ гимн.	—	22	197	121	93	13	446	28	7	4	4	1	7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе изъ факультеты:						Поступающіе						
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Технологическіе институты.	Институтъ путей сообщенія.	Горскій институтъ.	Лѣсной институтъ.	Институтъ гражданскаго инженерства.	Военныя училища.
<i>Киев</i>													
Изъ 22 правительствъ гимназій.	61	199	181	109	9	550	52	13	18	—	8	—	
<i>Вильна</i>													
Изъ 10 правительствъ гимназій.	13	91	61	35	3	203	16	4	2	1	1	—	
<i>Варшавскій.</i>													
Изъ 21 правительствъ гимназій.	3	12	75	129	97	322	129	10	8	6	6	—	
<i>Рижскій.</i>													
Изъ 10 правительствъ гимназій.	13	7	16	31	24	93	49	10	1	1	2	2	
<i>Кавказскій.</i>													
Изъ 10 правительствъ гимназій.	18	110	62	82	3	275	18	3	16	2	1	3	
<i>Западно-Сибирскій.</i>													
Изъ 3 правительствъ.	5	12	11	12	—	40	22	—	—	2	—	—	
<i>Восточная Сибирь.</i>													
Изъ 2 правительствъ.	—	—	—	1	11	5	24	10	—	—	—	—	
<i>Туркестанскій край.</i>													
Изъ 2 правительствъ.	1	15	9	2	—	25	8	1	—	—	—	—	
Итого:													
Изъ всѣхъ (191) учебныхъ заведеній	23	232	132	1179	965	107	3880	478	107	85	41	31	25
Процентное отношеніе къ общему числу армянъ.	0,48	5,86	27,56	24,49	20,06	2,22	80,60	9,93	2,22	1,77	0,85	0,64	0,55

Всего специальная училища:											Поступившие на обучение практической деятельности.							
Специальность, класс и Сельско-хоз. работ.	Академия гудожеств.	Электро-технический институт.	Морское инженерное училище.	Училище Правоведения.	Институт водостроительных работ.	Александровский лицей.	Демидовский юридич. лицей.	Училище кавказской сем.	Драматический курс.	Всего.	Въ гос. служ.		Части, дѣтели.				Всего.	Не дали свидѣній объ избран. спец.
											Гражданск.	Военн.	Учебной.	Сельско-хоз. заведений.	Коммерческой.	Мануфактурной.		
	7	—	—	—	—	—	—	—	—	98		11		5	—		16	—
2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	27	—	6	—	—	—	—	6	—
2	1	—	—	—	—	—	—	1	—	163	—	7	—	2	—	1	10	1
2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	68	—	4	1	1	1	—	7	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43	—	4	—	—	—	—	4	—
	—	—	—	—	2	—	—	—	—	26	—	—	—	—	—	—	—	—
	1	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	1	—	—	—	—	1	—
20	16	10	3	3	2	2	1	1	1	826	6	67	2	8	8	1	92	16
42	0,33	0,21	0,06	0,06	0,04	0,04	0,02	0,02	0,02	17,16	0,12	1,39	0,04	0,17	0,17	0,02	1,91	0,33

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ перешедшихъ на чужую испытаніи.	Устранены от	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1896	Въ 167 правительственныхъ гимназіяхъ .	3.727	70 (1,9%)	29
	5 церковныхъ училищахъ .	86	3 (3,5%)	—
	5 частныхъ гимназіяхъ .	61	3 (4,9%)	2
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ .	3.874	76 (2%)	31
	Постороннія лица .	362	—	—
	И т о г о .	4.236	—	—
1897	Въ 167 правительственныхъ гимназіяхъ .	3.988	95 (2,4%)	32
	5 церковныхъ училищахъ .	79	1 (1,3%)	1
	5 частныхъ гимназіяхъ .	90	3 (3,3%)	—
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ .	4.157	99 (2,4%)	33
	Постороннія лица .	384	—	—
	И т о г о .	4.541	—	—
1898	Въ 171 правительственной гимназіи .	3.997	77 (1,9%)	21
	5 церковныхъ училищахъ .	77	3 (3,9%)	1
	5 частныхъ гимназіяхъ .	100	4 (4%)	2
	Всего въ 181 учебныхъ заведеніяхъ .	4.174	84 (2%)	24
	Постороннія лица .	483	—	—
	И т о г о .	4.657	—	—

Испытаний зрѣлости съ 1896 по 1901 годъ.

Испытаний.	Подвергаались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены исдалями.
В с е г о .				
99 (2,7%)	3.628 (97,3%)	136 (3,7%)	3.492 (96,3%)	347 (9,9%)
3 (3,5%)	83 (96,5%)	5 (6%)	78 (94%)	10 (12,8%)
5 (8,2%)	56 (91,8%)	—	56 (100%)	3 (5,3%)
107 (2,8%)	3.767 (97,2%)	141 (3,7%)	3.626 (96,3%)	360 (9,9%)
33 (9,1%)	329 (90,9%)	152 (46,2%)	177 (53,8%)	—
140 (3,3%)	4.096 (96,7%)	293 (7,2%)	3.803 (92,8%)	—
127 (3,2%)	3.861 (96,8%)	130 (3,4%)	3.731 (96,6%)	387 (10,4%)
2 (2,5%)	77 (97,5%)	3 (3,9%)	74 (96,1%)	5 (6,7%)
3 (3,3%)	87 (96,7%)	2 (2,3%)	85 (97,7%)	4 (4,7%)
132 (3,2%)	4.025 (96,8%)	135 (3,4%)	3.890 (96,6%)	396 (10,2%)
43 (11,2%)	341 (88,8%)	175 (51,3%)	166 (48,7%)	—
175 (3,9%)	4.366 (96,1%)	310 (7,1%)	4.056 (92,9%)	—
98 (2,5%)	3.899 (97,5%)	113 (2,9%)	3.786 (97,1%)	408 (10,8%)
4 (5,2%)	73 (94,8%)	1 (1,4%)	72 (98,6%)	6 (8,3%)
6 (6%)	94 (94%)	6 (6,4%)	88 (93,6%)	7 (7,9%)
108 (2,6%)	4.066 (97,4%)	120 (3%)	3.946 (97%)	421 (10,7%)
50 (10,3%)	433 (89,7%)	217 (50,1%)	216 (49,5%)	—
158 (3,4%)	4.499 (96,6%)	337 (7,5%)	4.162 (92,5%)	—

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1899	Въ 175 правительственныхъ гимназіяхъ.	4.004	103 (2,6%)	26
	5 церковныхъ училищахъ	63	—	—
	5 частныхъ гимназіяхъ	99	7 (7,1%)	—
	Всего въ 185 учебныхъ заведеніяхъ.	4.166	110 (2,6%)	26
	Постороннія лица	547	—	—
	Итого	4.713	—	—
1900	Въ 177 правительственныхъ гимназіяхъ.	4.154	78 (1,9%)	23
	5 церковныхъ училищахъ	88	—	1
	5 частныхъ гимназіяхъ	113	12 (10,6%)	1
	Всего въ 187 учебныхъ заведеніяхъ.	4.355	90 (2,1%)	25
	Постороннія лица	621	—	—
	Итого	4.976	—	—
1901	Въ 181 правительственной гимназій	4.522	57 (1,3%)	22
	5 церковныхъ училищахъ	83	—	1
	5 частныхъ гимназіяхъ	98	8 (8,2%)	3
	Всего въ 191 учебныхъ заведеніяхъ.	4.703	65 (1,4%)	26
	Постороннія лица	639	—	—
	Итого	5.342	—	—

испытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства орѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о .				
129 (3,2%)	3.875 (96,8%)	87 (2,2%)	3.788 (97,8%)	470 (12,4%)
—	63 (100%)	4 (6,3%)	59 (93,7%)	4 (6,5%)
7 (7,1%)	92 (92,9%)	3 (3,3%)	89 (96,7%)	7 (7,5%)
136 (3,3%)	4.080 (96,7%)	94 (2,3%)	3.986 (97,7%)	481 (12,2%)
54 (9,9%)	493 (90,1%)	264 (53,5%)	229 (46,5%)	—
190 (4%)	4.523 (96%)	358 (7,9%)	4.165 (92,1%)	—
101 (2,4%)	4.053 (97,6%)	121 (3,0%)	3.932 (97,0%)	477 (12,1%)
1 (1,1%)	87 (98,9%)	3 (3,5%)	84 (96,5%)	10 (11,4%)
13 (11,5%)	100 (88,5%)	8 (8,0%)	92 (92,0%)	4 (4,3%)
115 (2,6%)	4.240 (97,4%)	132 (3,1%)	4.108 (96,9%)	491 (11,9%)
87 (14,0%)	534 (86,0%)	264 (49,4%)	270 (50,6%)	—
202 (4,1%)	4.774 (95,9%)	396 (8,3%)	4.378 (91,7%)	—
79 (1,8%)	4.443 (98,2%)	107 (2,4%)	4.336 (97,6%)	659 (15,2%)
1 (1,2%)	82 (98,8%)	—	82 (100,0%)	13 (15,8%)
11 (11,2%)	87 (88,8%)	1 (1,2%)	86 (98,8%)	9 (10,5%)
91 (1,9%)	4.612 (98,1%)	108 (2,3%)	4.504 (97,7%)	681 (15,1%)
89 (13,9%)	550 (86,1%)	240 (43,6%)	310 (56,4%)	—
180 (3,4%)	5.162 (96,6%)	348 (6,7%)	4.814 (93,3%)	

А. И. СМІРНОВЪ.

(13-го окт. 1838. — † 20-го апр. 1902).

(Некрологъ).

20-го апрѣля нынѣшняго года въ Казани скончался профессоръ философіи Аполлонъ Ивановичъ Смирновъ. Послѣдніе два-три года похитили многихъ видныхъ представителей только что народившейся русской философіи; сошли со сцены Гротъ, Тронцкій, Преображенскій, не стало В. Соловьева; теперь за ними послѣдовалъ и А. И. Смирновъ, который въ теченіе многихъ годовъ съ достоинствомъ занималъ кафедрѣ философіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

А. И. Смирновъ былъ сыномъ священника Богоявленскаго собора города Княгинина, гдѣ и родился 13-го октября 1838 г. По окончаніи курса въ Московскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, А. И. Смирновъ поступилъ въ Нижегородскую духовную семинарію, которую и окончилъ въ 1858 году, „со способностями“, какъ значится въ выданномъ ему аттестатѣ „весьма хорошими, прилежаніемъ усерднымъ, при поведеніи добромъ“. Въ семинаріи А. И. Смирновъ обучался на ряду съ богословскими предметами и сельскому хозяйству и медицинѣ, риторикѣ и поэзіи, и еврейскому языку. По окончаніи семинаріи А. И. Смирновъ былъ причисленъ къ первому разряду семинарскихъ воспитанниковъ и уволенъ изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство. По выходѣ изъ семинаріи для А. И. Смирнова начались тяжелые годы скитанія, которые окончились благополучно благодаря нравственной поддержкѣ, которую онъ нашелъ въ своей женѣ: А. И. Смирновъ въ это время служилъ въ какомъ-то полицейскомъ управленіи и у исправника познакомился съ домашней

учительницей Александрой Поликарповной Гребневой, съ которой вскорѣ и обвѣнчался; подъ ея вліяніемъ А. И. Смирновъ бросилъ службу и поступилъ въ Казанскій университетъ, который и окончилъ въ 1870 году съ золотою медалью. Выдающіяся дарованія А. И. Смирнова обратили на себя вниманіе профессоровъ и, по рекомендаціи М. М. Троицкаго, А. И. Смирновъ былъ командированъ одновременно съ Ѡ. А. Зеленогорскимъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Инструкція, данная А. И. Смирнову и Ѡ. А. Зеленогорскому Казанскимъ университетомъ, предоставляла имъ большую свободу въ занятіяхъ, но указывала въ то же время на необходимость тщательнаго изученія англійской философіи, при чемъ однако рекомендовалось посѣщеніе и слушаніе лекцій по преимуществу въ германскихъ университетахъ. А. И. Смирновъ въ это время занималъ мѣсто преподавателя въ Нижегородской гимназіи, гдѣ онъ пробылъ всего одинъ годъ; лѣтомъ 1871 г. выѣхавъ съ женою и дочерью онъ отправился за границу, сначала въ Гейдельбергъ, потомъ въ Цюрихъ и Геттингенъ. Въ Гейдельбергѣ А. И. Смирновъ слушалъ лекціи Целлера по исторіи древней философіи, по логикѣ и теоріи познанія, а также лекціи Вундта по антропологіи; въ Цюрихѣ онъ слушалъ лекціи А. Ланге по логикѣ и исторіи педагогики, а въ Геттингенѣ онъ, безъ сомнѣнія, слушалъ знаменитаго Г. Лоде. Главнымъ предметомъ занятій А. И. Смирнова, какъ видно изъ его отчетовъ, была философія Гартмана. Въ 1873 году А. И. Смирновъ возвратился изъ-за границы и въ томъ же году защитилъ диссертацию на степень магистра (8-го декабря 1873 г.). Темою диссертациі была философія Беркли, которая привлекла однако молодого философа не столько своимъ положительнымъ содержаніемъ, сколько критическою своею стороною. Защита диссертациі (въ Варшавѣ) открыла А. И. Смирнову доступъ въ университетъ; онъ сначала былъ приглашенъ доцентомъ въ Казанскій университетъ, потомъ по защитѣ докторской диссертациі (7-го марта 1881 г.) — „Исторія англійской этики“ — былъ утвержденъ тамъ же въ званіи ординарнаго профессора. Дальнѣйшая служба А. И. Смирнова всецѣло протекла въ Казанскомъ университетѣ, въ дѣлахъ коего онъ принималъ живѣйшее участіе: онъ былъ избранъ въ 1882 г. университетскимъ судьей; съ этого же года вплоть до 1897 г. былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета; потомъ былъ деканомъ того же факультета и въ 1898 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Итакъ вся жизнь А. И. Смирнова была посвящена ученой и учебной дѣятельности. Отмѣтимъ, что съ 1886 года А. И. Смирновъ

стать читать лекціи по эстетикѣ, т. е. ввелъ чтеніе философскаго предмета, который въ теченіе многихъ лѣтъ отсутствовалъ въ университетскомъ преподаваніи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію трудовъ покойнаго профессора. Хотя главные труды А. П. Смирнова, а именно объ его диссертация, посвящены историко-философскимъ темамъ, однако и въ нихъ и въ другихъ своихъ работахъ онъ проводилъ весьма опредѣленную философскую точку зрѣнія. Признавая правомѣрность двухъ основныхъ философскихъ тенденцій, эмпиризма и апіоризма, А. П. Смирновъ сначала старался весьма осторожно удержаться на примирительной точкѣ зрѣнія, не скрывая впрочемъ нѣкотораго предпочтенія эмпиризму, но вносльдствіи онъ постоянно и настойчиво выдвигалъ сильныя стороны эмпиризма, подчеркивая слабыя—апіоризма. Но онъ заботился не столько о привлеченіи читателя на сторону опытной философіи, сколько о всестороннемъ анализѣ основныхъ положеній, изъ которыхъ по его мнѣнію вытекала признаніе ограниченности и относительности человѣческаго познанія и необходимость держаться по преимуществу въ кругу опытнаго знанія. Изъ сопоставленія мыслей, высказанныхъ А. П. Смирновымъ въ его первой работѣ, съ тѣми, которые онъ проводилъ въ самой послѣдней, а именно въ „Публичныхъ лекціяхъ по философіи наукъ“ (Казань, 1896), явствуется, что онъ ни въ чемъ существенномъ не измѣнилъ своихъ воззрѣній, только, какъ было замѣчено, съ большой рельефностью выставлялъ достоинства эмпиризма. Итогъ его воззрѣній можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, которые мы заимствуемъ изъ послѣдней его работы. Наше знаніе относительно, т. е. всѣ свойства и качества вещей суть или ощущенія или означенія и распорядокъ между ощущеніями. Но что соответствуетъ самой дѣйствительности? Наука посредствомъ анализа чувственнаго матеріала создаетъ понятія, которые служатъ символами педоступной реальности; но стремленіе къ знанію болѣе полному и глубокому, чѣмъ то, которое даетъ наука, не можетъ прекратиться въ человѣчествѣ, поэтому мнѣніе о тщетѣ всякой метафизики ошибочно. Въ метафизикѣ есть прогрессъ, а именно постепени ложныя идеи устранились, и болѣе правильныя понятія, и болѣе методичныя приемы заступали ихъ мѣсто. Агностицизмъ не выдерживаетъ критики, ибо агностики въ дѣйствительности приближаются къ матеріализму и враждебны религіи. Философія и религія при всѣхъ успѣхахъ научнаго знанія въ настоящее время не менѣе необходимы, какъ и всегда, философія и наука должны быть свободны отъ крайностей не только матеріализма, но и атеизма.

Философія имѣетъ своей задачей изслѣдовать и оправдать глубокія основанія религіозной вѣры. Она должна рѣшить вопросъ о сущности религіи, о ея объектѣ, а также и о значеніи ея въ жизни человѣка и человѣчества. Понятно, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ вѣрованіямъ ея роль неизбѣжно критическая. Философія должна быть наукой всеобщаго синтеза, ея роль состоитъ въ томъ, чтобы достигъ цѣльнаго міросозерцанія. Поэтому она есть не только философія наукъ, но также и философія религіи и нравственнаго долга. (Пуб. лекціи, 162). Теперь посмотримъ, какъ выразились эти основныя воззрѣнія въ различныхъ сочиненіяхъ А. П. Смирнова.

Первый трудъ А. П. Смирнова, его магистерская диссертация—Очеркъ философіи Беркли. Историческій и критическій очеркъ. Варшава 1873. Значеніе своего труда самъ авторъ опредѣлялъ въ письмѣ на имя графа Д. А. Толстаго, министра народнаго просвѣщенія. Молодому философу казалось полезнымъ ознакомить русское общество съ философіей идеалиста, въ виду господства матеріалистическихъ тенденцій въ 70-хъ годахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мысли Беркли какъ нельзя болѣе пригодны для этой цѣли. Сознаніе негодности матеріалистической метафизики есть первый шагъ въ философіи, и Беркли въ этомъ дѣлѣ можетъ быть надежнымъ путеводителемъ. Но философія Беркли важна еще и въ иномъ отношеніи: она рѣзко ставитъ гносеологическую проблему и помогаетъ читателю опредѣлять свое отношеніе къ этому коренному вопросу философіи. Основное воззрѣніе Беркли, что человѣкъ познаетъ лишь идеи, раздѣляется многими философами идеалистами, но эта теорія у Беркли получаетъ особую окраску благодаря его номинализму, т. е. отрицанію абстрактныхъ идей и признанію интуитивной познаваемости духовной субстанции. Такимъ образомъ теорія Беркли даетъ богатый матеріалъ для рѣшенія гносеологической проблемы, для того чтобы опредѣлить свое отношеніе къ различнымъ направленіямъ въ теоріи познанія. На познанія человѣка могутъ быть, вообще говоря, два воззрѣнія: скептическое и догматическое въ широкомъ значеніи этого слова. По скептицизмъ есть точная зрѣнія, уничтожающая самоѣ себя. Догматизмъ же допускаетъ четыре вида: 1) наивный реализмъ, утверждающій, что міръ познанія воспроизводитъ дѣйствительный міръ такимъ, каковъ онъ есть. Эта теорія опровергается несомнѣннымъ фактомъ субъективности нашихъ ощущеній, а слѣдовательно и качествъ предметовъ. 2) Сознаніе ложности наивнаго реализма ведетъ къ *второй теоріи*, признающей двойкія качества

предметовъ. Качества первичныя существуютъ въ самыхъ предметахъ и познаются какъ такия, качества вторичныя, напротивъ того, приносятся человѣческимъ сознаниемъ въ предметы (Локкъ, Сѣченовъ и др.). Беркли весьма ясно доказалъ невозможность проведенія границы между первичными и вторичными качествами и необходимость признанія всѣхъ качествъ предмета субъективными. 3) Философамъ, признающимъ правильность критики Беркли, но не желающимъ отказаться отъ идеи реальности предметовъ самихъ въ себѣ, приходится прибѣгать къ теоріи двойкаго существованія предметовъ (Мальбраншъ, Кантъ). „Душа“, говоритъ Мальбраншъ, „не можетъ воспринимать предметъ таинмъ, какъ онъ существуетъ въ себѣ, душа воспринимаетъ лишь идеи предмета. Для перцепціи виѣшняго предмета необходимо, чтобы въ духѣ актуально присутствовала идея этого предмета“. Нѣчто подобное учить Кантъ, когда онъ различаетъ познаваемые феномены отъ непознаваемыхъ предметовъ въ себѣ. 4) Четвертое и послѣднее воззрѣніе (Фихте, Беркли) утверждаетъ, что человѣкъ живетъ лишь въ мірѣ идей, познаетъ лишь идеи. Предметы сами по себѣ суть лишь продукты человѣческой фантазіи. Третья теорія по словамъ Беркли превращаетъ вещь въ идею, четвертая, наоборотъ, превращаетъ *идею въ вещь*. Вотъ тѣ четыре ступени, по которымъ матеріалистическая, явно несостоятельная, теорія познанія превращается въ идеалистическую, строго доказуемую гносеологию. Эта гносеологія избавляетъ человѣка отъ гнета предметнаго міра, но зато заковычиваетъ его въ узкія границы субъективнаго сознанія; избавленія отъ нихъ Беркли искалъ въ своей метафизикѣ.

Какъ же отнесся А. И. Смирновъ къ ученію Беркли?

Нашъ философъ усвоилъ себѣ вполне критическую сторону философіи Беркли, но отвергъ ея положительную часть. Отрицательное отношеніе къ матеріалистической метафизикѣ, явствующее и изъ магистерской диссертациі, съ особою силою подчеркнуто въ брошюрѣ, издавнпой въ 1877 году „Механическое міровоззрѣніе и психическая жизнь“, написанной по поводу рѣчи К. О. Ковалевскаго „Какъ смотритъ физиологія на жизнь вообще и психическую жизнь въ особенности“. А. И. Смирновъ высказывается совершенно опредѣленно противъ всякой матеріалистической метафизики какъ недопустимой не только съ точки зрѣнія философіи, но и науки. Нашъ философъ вполне слѣдуетъ за Беркли при оцѣнкѣ гносеологическихъ точекъ зрѣнія, но метафизическое обоснованіе познанія, данное Беркли, А. И. Смирновъ отвергаетъ. „Критика матеріальнаго субстрата“,

говорить онъ, „чувственныхъ качествъ и независимаго міра реальныхъ объектовъ или вещей, можетъ быть разсматриваема независимо отъ метафизическаго ученія объ абсолютномъ духѣ, какъ причины ощущеній“ (Философія Беркли, стр. 144). Считая недоказаннымъ ученіе Беркли объ абсолютномъ духѣ, А. И. Смирновъ лишь отчасти соглашается съ теоріей перцепціи гениальнаго ирландца. Идеалистическая теорія перцепціи состоитъ изъ двухъ положеній: 1) „Всѣ известныя намъ чувственные предметы не имѣютъ бытія независимаго отъ нашихъ духовныхъ актовъ перцепціи и 2) всѣ они существуютъ въ перцепирующемъ духѣ, какъ его идеи или ощущенія“. Первое изъ этихъ положеній А. И. Смирновъ считаетъ истиннымъ, второе—ложнымъ, „потому что оно уничтожаетъ жизненный контрастъ между субъектомъ и объектомъ, нашимъ я и не я, духомъ и веществомъ“ (стр. 170). Беркли не доказалъ принципа *esse=percipi*; предметы, поскольку они познаются, дѣйствительно суть идеи нашего духа, но, можетъ быть, они, помимо того, представляютъ нѣчто, т. е. имѣютъ независимое отъ ихъ познанія существованіе. Принципъ *esse=percipi* не можетъ быть доказанъ (стр. 155). Одно, что Беркли доказалъ съ несомнѣнностью, это то, что для нашего познанія предметъ существуетъ только тогда, когда онъ составляетъ объектъ нашей перцепціи (стр. 157); что „вещи въ себѣ для насъ абсолютно непознаваемы“.

Въ концѣ концовъ проф. Смирновъ такъ формулируетъ свои воззрѣнія. „Если идеализмъ неправъ въ томъ, что онъ считаетъ бытіе чувственныхъ предметовъ тождественнымъ съ нашимъ знаніемъ о нихъ, то реализмъ не правъ въ томъ, что онъ приписываетъ независимое отъ духа существованіе тому, что собственно составляетъ лишь наше знаніе о вещахъ. Едва-ли здравая философія возьметъ на себя смѣлость утверждать, что ограниченная мѣрка нашего знанія исчерпываетъ всѣ возможные модусы существованія,—что ощущенія наши суть единственная реальность въ мірѣ, и что невозможно существованіе нѣкоторой абсолютной причины феноменовъ. Но если ощущаемыя нами вещи нельзя назвать единственно реальными вещами въ мірѣ, то во всякомъ случаѣ онѣ реальны для насъ, и на основаніи ихъ феноменальнаго характера, сомнѣваться въ ихъ реальности мы не имѣемъ права“ (Философія Беркли, стр. 210).

Что же, такимъ образомъ, влекло нашего философа къ ученію Беркли, помимо отрицанія матеріализма? То, что для Беркли не составляло самаго существеннаго въ его философіи, а именно теорія относительности человѣческаго чувственнаго познанія. „Беркли принад-

лежитъ честь, говорить А. И. Смирновъ, что „онъ первый понялъ и доказалъ мысль объ относительности нашего знанія чувственныхъ предметовъ, но онъ выразилъ ее въ черезчуръ рѣзкой формѣ, придавъ ей характеръ онтологическаго принципа и сдѣлалъ базисомъ метафизическихъ построений“ (ср. Ф. Б., 157). Ученіе объ относительности нашего знанія остается вѣрнымъ позависимо отъ всякихъ постороннихъ соображеній (ср. Ф. Б., стр. 210).

Здѣсь не мѣсто критикѣ воззрѣній покойнаго философа. Укажемъ только, что его возраженія противъ метафизика Беркли опираются на доводы А. Бэна и Дж. Стюарта Милля и врядъ-ли представляютъ вполне правильную оцѣнку философіи знаменитаго ирландца. Вѣдъ Беркли подчеркивалъ усиленно, что онъ не вещи превращаетъ въ идеи, а наоборотъ идеи въ вещи, и онъ могъ бы съ полнымъ правомъ сказать, что *onus probandi* въ существованіи предметовъ самихъ по себѣ лежитъ на защитникахъ этой теоріи, а не на противникахъ ея; защитники же обязаны указать, какая прибыль для познанія въ томъ, что человѣкъ присоединяетъ къ содержанію своего знанія—мысль о существованіи реальности, которая должна вѣчно оставаться непознаною.

Мы тщетно стали бы искать въ сочиненіяхъ нашего философа болѣе подробнаго развитія его взглядовъ на вопросы теоріи познанія. Только относительно одного пункта можно найти нѣкоторыя указанія: а именно о происхожденіи представленія пространства и о гносеологическомъ его значеніи А. И. Смирновъ высказался въ рѣчи, прочитанной въ Казанскомъ физико-математическомъ Обществѣ 24-го октября 1893 года въ торжественномъ собраніи, посвященномъ памяти Н. И. Лобачевского. Рѣчь эта озаглавлена „Объ аксіомахъ геометріи въ связи съ ученіемъ негеометровъ о пространствахъ разныхъ формъ и множествахъ измѣреній“. Разбирая теорію эмпириковъ и апіористовъ о происхожденіи пространства, А. И. Смирновъ указываетъ на то, что новыя геометрическія ученія тѣсно сливались съ эмпирической теоріей о происхожденіи геометрическаго знанія, и самъ онъ считаетъ, что соображенія Гельмгольца дали наиболѣе сильное доказательство опытнаго происхожденія какъ первичныхъ представленій о пространствѣ, такъ и основныхъ истинъ геометріи. Въ вопросѣ о реальномъ или объективномъ значеніи пространства и геометрическихъ аксіомъ, т. е. въ вопросѣ о томъ, суть ли аксіомы геометріи нормы познающаго субъекта или же они выражаютъ тоже пространственныя свойства предметовъ, А. И. Смирновъ опять

становится на точку зрѣнія враждебную Канту. Аксиомы геометріи, по мнѣнію нашего философа, суть прежде всего сужденія о фактахъ, высказывающія наше отношеніе къ фактамъ. Онѣ суть наши предположенія о пространствѣ, и выражаются въ гипотетическихъ, а не всеобщихъ и необходимыхъ сужденіяхъ. In abstracto аксиомы могутъ быть безусловно вѣрны, но въ приложеніи къ дѣйствительности, къ реальнымъ вещамъ онѣ вѣрны лишь подъ разными условіями. Такимъ образомъ въ этомъ частномъ вопросѣ А. И. Смирновъ подтвердилъ свою общую мысль объ относительности и ограниченности человѣческаго знанія.

Для той точки зрѣнія, которую, какъ выяснилось, защищаль А. И. Смирновъ, психологическое изслѣдованіе познанія представляетъ особое значеніе, поэтому разсмотрѣніе психологическихъ взглядовъ покойнаго представляло бы значительный интересъ; однако казанскій профессоръ посвятилъ прямому изслѣдованію психологическихъ вопросовъ только одну рѣчь, провнесенную имъ въ торжественномъ годичномъ университетскомъ собраніи въ 1875 году; въ другихъ сочиненіяхъ онъ психологін касается лишь попутно. Указанная рѣчь касается вопроса о сознаніи и бессознательной душевной жизни. Не рѣшаясь произнести окончательнаго сужденія относительно двухъ возможныхъ теорій, А. И. Смирновъ и въ этой рѣчи становится на сторону эмпиризма: „Сравненіе рядовъ духовныхъ явленій“, говоритъ онъ (стр. 40), „показываетъ, что не слѣдуетъ проводить рѣзко опредѣленной границы между сознательной и бессознательной психической жизнью. Мы нашли убываніе сознанія, которое идетъ параллельно съ упадкомъ вниманія къ нашимъ душевнымъ состояніямъ. Но въ этомъ нисходящемъ ряду мы не встрѣтили такихъ явленій душевной жизни, о которыхъ можно было бы сказать, что они абсолютно бессознательны. Весьма неопредѣленное въ популярномъ употребленіи значеніе термина „сознаніе“ можетъ быть до нѣкоторой степени фиксировано, если мы согласимся разумѣть подъ нимъ умственную дѣятельность различенія. Съ нашей точки зрѣнія вниманіе есть усиленіе способности замѣчать различіе между психическими состояніями, и бессознательнымъ будутъ тѣ изъ явленій, которыя мы слабо различаемъ. Но во всякомъ случаѣ остается нерѣшеннымъ вопросъ, возможно ли допустить такіа явленія души, которыхъ мы совсѣмъ не различаемъ и которыя поэтому были бы явленіями бессознательными въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, а не въ относительномъ только, въ какомъ мы понимаемъ его... Во всякомъ слу-

чаѣ, миѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, болѣе согласнымъ съ результатами психологическаго анализа то воззрѣніе, которое разсматриваетъ сознаніе какъ позднѣйшій актъ психической жизни“.

Итакъ, въ самомъ существенномъ вопросѣ психологіи профессоръ А. И. Смирновъ, хотя и высказывается весьма осторожно, но не скрываетъ своего предпочтенія эмпиризму предъ точкой зрѣнія, которая считаетъ сознаніе первичнымъ и неприводнымъ психическимъ фактомъ.

Проф. А. И. Смирновъ изложилъ свои гносеологическіе взгляды по поводу исторической темы, философіи Беркли, точно также онъ высказываетъ и свои воззрѣнія на нравственность по поводу исторіи этики. Его докторская диссертация („Англійскіе моралисты XVII вѣка“) даетъ превосходный очеркъ англійской этики, начиная съ Бэкона и кончая интуитивными моральными теоріями Кудворта, Генриха Мора и Кумберланда. Обширное введеніе посвящено вопросу о задачахъ и методахъ этики. Въ этомъ вступленіи авторъ противопоставляетъ два этическихъ направленія, интуитивистовъ и утилитаристовъ, расходящихся во всѣхъ коренныхъ вопросахъ морали. Въ этомъ вѣковомъ спорѣ двухъ направленій враждующія партіи то сближались, то опять расходились. Не легко произнести приговоръ надъ противниками, и проф. А. И. Смирновъ, признавая элементы истины въ каждомъ изъ двухъ направленій, старается осторожно занять посредствующую позицію, не скрывая впрочемъ и въ этомъ случаѣ нѣкотораго предпочтенія утилитаризма предъ интуитивизмомъ.

Этика есть философское ученіе о цѣляхъ практической дѣятельности,—не о той или другой частной цѣли, которая составляетъ предметъ особыхъ практическихъ дисциплинъ, но вообще о цѣляхъ со стороны ихъ большей или меньшей важности, ихъ взаимнаго отношенія и отношенія къ общей цѣли человѣческаго бытія, если только такая цѣль можетъ быть открыта (стр. 4). Этика не можетъ быть названа наукой законченной; независимая отъ метафизики, отъ религіи, она „пользуется данными наукъ о человѣкѣ, достовѣрность которыхъ не зависитъ отъ вопросовъ о бытіи въ себѣ“ и т. д. Съ теоретическимъ изслѣдованіемъ человѣческой природы этика находится въ тѣсной связи, но въ самомъ непосредственномъ отношеніи этика находится къ психологіи, которая раскрываетъ природу нравственной способности и вопросъ о происхожденіи нравственныхъ понятій. Съ этимъ послѣднимъ вопросомъ связанъ и вопросъ о методѣ въ этикѣ

(стр. 14). Отвѣтить на вопросъ, какой долженъ быть методъ этики, еще преждевременно. Для выясненія же вопроса о методѣ слѣдуетъ этическія теоріи свести къ простѣйшимъ истинамъ. Вопросъ о нравственномъ критеріи или объ основаніи нравственнаго одобренія или порицанія можетъ быть выраженъ въ двухъ различныхъ формахъ: 1) какая конечная цѣль человѣческой жизни, по отношенію къ которой всѣ другія цѣли могутъ быть разсматриваемы какъ средства, и 2) что составляетъ нашъ долгъ или обязанность, которую мы должны исполнять въ этой жизни? Разсмотрѣвъ исторически эти формулы, проф. Смирновъ приходитъ къ четыремъ типамъ нравственныхъ теорій: эгоистической, утилитарной, теоріи совершенства и интуитивной. Эти четыре типа въ концѣ концовъ сводятся къ противоположности интуитивной и утилитарной морали. Разсмотрѣвъ методъ интуитивной и утилитарной морали, А. И. Смирновъ говоритъ, что они другъ друга не исключаютъ и имѣютъ право на приложеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ (ст. 64), тѣмъ не менѣе симпатіи А. И. Смирнова, очевидно, на сторонѣ утилитаризма; это видно съ одной стороны изъ критическихъ замѣчаній А. И. Смирнова относительно интуитивной морали, съ другой изъ того, что онъ говоритъ объ утилитаризмѣ. „Благодаря этому безспорному превосходству англійской этики и несмотря на слабую связь съ глубокими вопросами метафизики, она представляетъ прогрессивное движеніе вмѣстѣ съ общимъ прогрессомъ науки и философіи, и если нельзя ее назвать наукой сформировавшейся, то во всякомъ случаѣ она даетъ намъ прочныя основанія, на которыхъ возможно вести дальнѣйшія научныя изслѣдованія, а главное—строго опредѣленный методъ, которымъ эти изслѣдованія должны слѣдовать“.

Въ 1894 году А. И. Смирновъ выпустилъ въ свѣтъ свою книгу: „Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Казань 1894“. Въ извѣстномъ отношеніи эту книгу слѣдуетъ признать наиболѣе характерной для покойнаго философа, ибо въ ней съ наибольшей ясностью выразились всѣ особенности его мышленія; всѣ колебанія, которыя легко замѣтить въ предшествующихъ трудахъ, осторожность, съ которою онъ старается удержать свою посредствующую точку зрѣнія между двумя враждебными лагерями, здѣсь оставлены въ сторонѣ, и симпатіи А. И. Смирнова выражены съ полною ясностью. Значеніе, которое онъ придавалъ ассоціативной психологіи, какъ основной наукѣ, преклоненіе передъ фило-

софіей, опирающейся на теоріяхъ современнаго естествознанія и новѣйшихъ его представителей, какъ-то Спенсеръ и Дарвинъ — все это выражено съ полной ясностью и убѣжденіемъ. Нѣтъ основанія подробно выяснять эстетическія воззрѣнія проф. А. И. Смирнова; достаточно будетъ нѣсколькихъ штриховъ. „Едва-ли гдѣ-нибудь“, говоритъ проф. А. И. Смирновъ, „обнаружилась вся неудовлетворительность, вся пустота и безплодіе этихъ чисто умозрительныхъ, беспочвенныхъ построений, какъ въ сферѣ въ высшей степени сложныхъ и трудныхъ вопросовъ науки объ изящномъ“. Истинная эстетика должна быть построена на психологіи и физиологіи, хотя полная теорія изящнаго еще не можетъ быть построена на началахъ физиологіи, потому что сами физиологическія объясненія не простираются еще такъ далеко, какъ бы слѣдовало (стр. 24). Эстетика предполагаетъ нѣкоторыя данныя науки о внѣшней дѣйствительности, но преобладающая точка зрѣнія, съ которой эстетика разсматриваетъ и оцѣниваетъ эти факты—это ихъ отношеніе къ нашимъ чувствамъ удовольствія и неудовольствія. Эстетическія чувства относятся къ разряду удовольствій и страданій, слѣдовательно, какими бы особенностями ни отличались наши чувства изящества и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій (стр. 29). Главная забота проф. А. И. Смирнова при анализѣ эстетическихъ понятій заключается въ разъясненіи исторіи ихъ возникновенія (напримѣръ, возникновеніе музыкальнаго чувства изъ полового и т. д.).

Въ томъ же году проф. А. И. Смирновъ издалъ въ видѣ дополненія къ курсу эстетики брошюру „Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства“, въ которой утверждаетъ, что изящество формы подчиняется общему закону изящества, т. е. „эстетическая форма есть та, которая представляетъ наиболѣе благоприятное ураженіе первной системы. Говоря иначе, воспріятіе такой формы доставляетъ наибольшую сумму пріятныхъ возбужденій, при наименьшемъ количествѣ возбужденій непріятныхъ, зависящихъ въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ отъ утомленія мышцъ, управляющихъ движеніями глазъ“ (стр. 39). Мы не намѣрены критически разсматривать воззрѣнія проф. А. И. Смирнова на природу прекраснаго, но не можемъ не отмѣтить того факта, что физиологическая точка зрѣнія при объясненіи болѣе сложныхъ явленій эстетики представляется трудно приложимой и явно несостоятельной. Такъ объясненіе значенія пропорціональности и симметріи съ точки зрѣнія физиологической

эстетики ведетъ проф. А. И. Смирнова частью далеко за предѣлы его принципа, частью же заставляетъ его утверждать истинность очевидно недоказуемаго положенія. „Въ области органической жизни, живой производительности природы и слѣдуетъ искать происхожденіе эстетическаго чувства пропорціональности и симметріи. Сама природа, создающая свои произведенія—начиная съ простаго кристалла и кончая организмомъ животныхъ и человѣка — на основаніи пропорціи и симметріи, порождаетъ въ человѣкѣ также и эстетическое чувство изящества формъ. Человѣкъ, самъ созданный по тому же общему типу, не можетъ не чувствовать удовольствія, наблюдая разнообразныя выраженія и повторенія той же общей формы во всѣхъ почти произведеніяхъ органической природы. Отсюда онъ долженъ быть отдавать предпочтеніе всѣмъ тѣмъ предметамъ, въ которыхъ эта правильность формы или этотъ художественный прототипъ выраженъ съ большей ясностью, отчетливостью, чѣмъ во всѣхъ другихъ предметахъ того же рода“ (стр. 16). Тутъ мы встрѣчаемся съ совершенно инымъ пониманіемъ красоты, чѣмъ то, которое доступно фізіологической эстетикѣ. Сама природа является творящей красоту, и нѣтъ никакихъ указаній на то, что проф. А. И. Смирновъ понималъ бы природу, въ приведенномъ мѣстѣ, иначе, чѣмъ любой защитникъ объективной природы красоты. Но къ сожалѣнію проф. А. И. Смирновъ не пошелъ по этому намѣченному имъ пути, напротивъ, желая во что бы то ни стало способствовать торжеству фізіологівъ, тотчасъ же высказываетъ совершенно иную мысль. „Мы полагаемъ, что субъективное чувство симметріи основывается прямо на симметрическомъ устройствѣ нервной системы и мозга“ (стр. 16). „Прямимъ послѣдствіемъ симметричности въ строеніи органовъ является такая же правильность, такая же симметричность и гармонія двойственныхъ функцій, которыя въ силу самой своей естественности сопровождается всегда въ сознаніи пріятнымъ чувствомъ“. По этому рискованному пути мы не слѣдуемъ за проф. А. И. Смирновымъ.

Мы указали главнѣйшія сочиненія и содержащіяся въ нихъ основныя принципы покойнаго профессора философіи. Мы видѣли, какъ онъ постоянно проводилъ и развивалъ излюбленный кругъ идей; несмотря однако на предпочтеніе, которое онъ оказывалъ извѣстнымъ идеямъ предъ другими, онъ высказывалъ ихъ съ большой осмотрительностью, наматывая объ ограниченности человѣческаго познанія. Въ его сочиненіяхъ будутъ по преимуществу черпать доводы защитники

эмпирическаго направленія, но труды его сохранять свое значеніе и для философовъ враждебнаго ему лагеря и для историковъ философіи.

Жизнь же его, посвященная служенію наукѣ, въ которой онъ проложилъ себѣ путь тяжелою борьбою съ житейскими невзгодами, послужить образцомъ совѣстливаго служенія своимъ идеямъ и своему отечеству.

Э. Радловъ.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕКЕТОВЪ ¹⁾.

(Некрологъ).

Перваго іюля скончался на 77 году своей жизни почетный членъ Академіи, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Андрей Николаевичъ Бекетовъ. Тяжелый недугъ, приведшій въ кончину, настигъ А. Н. Бекетова весною 1897 года совершенно неожиданно какъ для него, такъ и для его семьи, во время лѣтняго пребыванія его въ его имѣніи Шахматово, близъ станціи Подсолпечной, Николаевской желѣзной дороги. По обыкновенію А. Н. Бекетовъ много гулялъ, по ночамъ засиживался за чтеніемъ книгъ. 23 мая вечеромъ, онъ, повидимому совершенно здоровый, удалился въ свою спальню, но не прошло и получаса времени, какъ изъ спальни раздались стоны, — и сбѣжавшая на его крики семья нашла его уже въ параличѣ: оказалась парализованной вся правая сторона и одновременно органъ рѣчи. Въ этомъ положеніи оставался онъ до самой смерти; особенно мучительной для него была утрата органа рѣчи. Часто, съ величайшимъ только трудомъ, удавалось догадываться о томъ, что онъ желалъ сказать; иногда же всѣ старанія оставались безуспѣшными, и А. Н. Бекетовъ впадалъ въ совершенное отчаяніе. Тяжело было и всѣмъ окружающимъ А. Н. Бекетова близкимъ людямъ, привыкшимъ видѣть въ немъ высокообразованнаго человѣка и остроумнаго собеседника, мириться съ безвыходнымъ его положеніемъ, не имѣя возможности облегчить его страданія.

Дѣятельность А. Н. Бекетова, какъ всѣмъ намъ памятно, была

---

¹⁾ Рѣчь въ общемъ избраніи Императорской Академіи Наукъ.

чрезвычайно разнообразна. Не смотря на это, А. Н. Бекетовъ успѣлъ составить себѣ почетное имя, какъ ученый и профессоръ¹⁾.

Первый ученый трудъ его, озаглавленный „Очеркъ Тифлисской флоры“ съ описаніемъ лютиковыхъ, ей принадлежащихъ, появился въ печати въ 1853 году и послужилъ диссертацией его на степень магистра.

Прилагая подробный указатель произведеній А. Н. Бекетова съ обозначеніемъ заглавій, времени и мѣста появленія работъ, я коснусь въ рѣчи лишь наиболѣе выдающихся трудовъ его.

Наиболѣе крупныя труды относятся до систематики и географіи растений. Изъ работъ по систематикѣ отмѣтимъ, кромѣ вышеупомянутого труда, касающагося тифлисской флоры, разсѣдованія флоры губерній Архангельской и Екатеринославской.

Сюда же относится статья: „О виноградѣ и винѣ“, имѣющая преимущественно цѣлю опредѣлить виноградную полосу Россіи. На основаніи климатическихъ сравненій и данныхъ о распространеніи винограда въ Россіи, въ этой работѣ приведенъ сѣверный предѣлъ возможнаго распространенія винограда въ Россіи. Соображенія эти подтвердились внослѣдствіи другими авторами, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ тѣхъ поръ виноградарство наше значительно подвинулось къ сѣверу.

По фитогеографіи: наиболѣе цѣнное произведеніе есть вышедшая въ 1896 году географія растений, охарактеризованная авторомъ на заглавномъ листѣ, какъ очеркъ ученія о распространеніи и распредѣленіи растительности на земной поверхности, съ особымъ приращеніемъ о Европейской Россіи (358 стр., съ 2 картами и 9 гравюрами въ текстѣ).

Разсматривая географію растений, какъ отрасль знанія, имѣющую предметомъ не только распространеніе растений на земной поверхности, но и „механическія причины возникновенія, развитія и установленія теперь существующаго распредѣленія растений“, А. Н. Бекетовъ въ интересномъ введеніи не только излагаетъ существующіе въ биологій взгляды на эволюцію органическихъ формъ, но и приводитъ свои воззрѣнія на основныя вопросы биологій организмовъ во-

---

¹⁾ Имя здѣсь въ виду лишь изложеніе научной и общественной дѣятельности А. Н. Бекетова, я ограничусь касательно подробностей личной его жизни лишь ссылкою на интересную автобіографію его, помѣщенную въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, Венгерова.

обще и на теорію Дарвина въ частности. Затѣмъ слѣдуетъ специальная часть сочиненія, заканчивающаяся главой въ 102 страницы и трактующая о фитогеографіи Европейской Россіи.

Книга эта, хотя и заключаетъ изложеніе цѣлой отрасли знанія, не есть однако обыкновенный учебникъ или простая компиляція; это есть трудъ вполне самостоятельный, произведеніе знатока предмета, долгіе годы работавшаго въ области географіи растений, заключительное слово высокочтимаго учителя многочисленнымъ ученикамъ основанной исключительно по почину А. Н. Бекетова школы русскихъ геоботаниковъ.

Къ разсматриваемой категоріи трудовъ принадлежатъ и переводныя съ нѣмецкаго сочиненія по систематикѣ и географіи растений, именно: „Картины растительности земного шара, Рудольфа“ и переводъ большаго труда, въ 2 томахъ, Гризебаха: „Растительность земного шара“. Последний снабженъ многочисленными примѣчаніями А. Н. Бекетова, составляющими въ совокупности 4 печатныхъ листа; къ примѣчаніямъ приложена карта Европейской Россіи съ обозначеніемъ сѣвернаго предѣла распространенія нѣсколькихъ характерныхъ растений. Примѣчанія состоятъ частью изъ поправокъ къ даннымъ по отношенію къ Россіи, частью изъ важныхъ фактическихъ дополненій къ этой части труда Гризебаха.

Изъ статей *морфологическаго* содержанія отмѣчу слѣдующія: 1) о морфологическихъ соотношеніяхъ листовыхъ частей между собою и со стеблемъ (докторская диссертация); 2) замѣтка о проростаніи; 3) о сибирской пихтѣ въ Петербургской губерніи; 4) о вліяніи климата на возрастаніе сосны и ели; 5) объ уродливости цвѣтовъ *Cichorium Intybus*; 6) уродливость цвѣтовъ *Genm. intermedium* и 7) замѣтку о проростаніи сѣмянъ *Triglochin palustre* и *Scheuchzeria palustris*.

Одною изъ главныхъ заботъ А. Н. Бекетова въ продолженіе всей его жизни было содѣйствіе всевозможными средствами распространенію въ Россіи просвѣщенія, въ спеціальности естествознанія. Съ этою цѣлью имъ были изданы: специальный курсъ ботаники и краткій учебникъ ботаники. Курсъ А. Н. Бекетова вышелъ въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый, обнимающій споровыя растения и голоосѣмянныя, заключаетъ пятьдесятъ печатныхъ листовъ; второй томъ, вышедшій двумя изданіями, посвященъ однодольнымъ. Въ составъ курса вошли въ большемъ числѣ самостоятельныя изслѣдованія автора, касающіяся различнѣйшихъ представителей растительнаго царства.

Большой успѣхъ имѣлъ учебникъ ботаники А. Н. Бекетова, вы-

шедшій въ двухъ изданіяхъ (1885 и 1897 гг.), хорошо знакомый всему русскому юношеству, занимающемуся ботаникой.

Большое количество труда и энергии посвятилъ А. Н. Бекетовъ разработкѣ русской ботанической номенклатуры, и многіе изъ предложенныхъ имъ терминовъ сдѣлались достояніемъ науки.

Статьи А. Н. Бекетова по другимъ отраслямъ естествознанія пользуются до настоящаго времени большою извѣстностью; среди нихъ имѣется нѣсколько статей философскаго содержанія; всѣ эти не спеціально ботаническія произведенія подробно перечислены въ прилагаемомъ спискѣ его трудовъ. Этими данными далеко еще не исчерпываются, однако, заслуги А. Н. Бекетова передъ русской наукой: такъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, былъ секретаремъ 1-го съѣзда и предсѣдателемъ 6-го и 8-го съѣздовъ. Отчасти его горячему ходатайству обязаны мы возникновеніемъ одновременно съ первымъ съѣздомъ и обществъ естествоиспытателей при русскихъ университетахъ.

Вплоть до роковой болѣзни онъ непрестанно участвовалъ въ дѣятельности общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ; былъ вначалѣ его секретаремъ, а затѣмъ президентомъ; съ 1870 по 1880 кромѣ того редактировалъ „Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“.

Петербургскій университетъ навсегда сохранитъ объ А. Н. Бекетовѣ добрую память, какъ о достойномъ представителѣ ученой университетской корпораціи. Много сердца и души вложилъ А. Н. Бекетовъ въ исполненіе должности декана физико-математическаго факультета и ректора университета; въ особенности тяжелымъ бременемъ легло на него ректорство, совпавшее съ смутой въ университетской жизни; но и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, А. Н. Бекетовъ не покладалъ рукъ и работалъ для дорогого университета, насколько хватало у него силъ. Прекрасная душа его не вѣдала компромиссовъ; на первомъ планѣ у него была голосъ совѣсти, безъ расчета, насколько пагубно или выгодно отзовется его дѣяніе на его личности.

А. Н. Бекетову обязалъ С.-Петербургскій университетъ еще тѣмъ, что имѣется въ настоящее время университетскій садъ съ оранжереей и выстроеннымъ при оранжереѣ трехъ-этажнымъ домомъ, въ которомъ и сосредоточилось съ того времени преподаваніе ботаники. Много хлопотъ стоило А. Н. Бекетову осуществленіе задуманнаго имъ дѣла, но, къ счастью, труды его увѣнчались успѣхомъ и

принесли ожидаемые плоды. Наконецъ имъ же, сообща съ проф. Гоби, положено начало изданію ботаническаго спеціального журнала *Scripta botanica*, издаваемого при ботаническомъ университетскомъ садѣ.

Особенно видную роль сыгралъ А. Н. Бекетовъ въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія въ Россіи: только благодаря его необычайной энергіи и непрестаннымъ хлопотамъ были открыты высшіе женскіе курсы; много лѣтъ А. Н. Бекетовъ читалъ слушательницамъ лекціи по морфологіи и систематикѣ растений и состоялъ предсѣдателемъ комитета общества для доставленія курсамъ средствъ.

Наконецъ, оставивъ ректорство, А. Н. Бекетовъ принялъ участіе въ трудахъ вольно-экономическаго общества, состоялъ нѣкоторое время его секретаремъ, а также и редакторомъ „Трудовъ“ его.

Высоко цѣня ученныя заслуги А. Н. Бекетова, наша академія удостоила его въ 1891 году званія члена корреспондента, а въ 1895 избрала въ почетные члены.

Живой умъ его и чуткая ко всему прекрасному душа приобрѣлъ А. Н. Бекетову много искреннихъ друзей и поклонниковъ. 1-го іюля А. Н. Бекетова не стало, но его симпатичный, свѣтлый образъ на долго останется запечатлѣнъ въ сердцахъ людей, близко его знавшихъ; не забудетъ его русская наука, не забудетъ и русское общество.

Сочиненія и ученые труды Андрея Николаевича Бекетова.

Сочиненія и статьи по ботаникѣ.

I. По описательной ботаникѣ и фитогеографіи.

1) Очеркъ Тифлисской флоры, съ описаніемъ лютиковыхъ ей принадлежащихъ. Спб. 1853 г. 8°, 56 стр., съ 3 табл. рис. и картою. Диссертация на степень магистра ботаники. (Первый печатный трудъ А. Н. Бекетова).

2) Географія растений. (4 статьи въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ за 1856 г., №№ 1—4) 8°, 180 стр.

3) Злаки. (Въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ“, М. 1858 г.) 19 стр. въ 4°. Съ рисунками.

4) О виноградѣ и винѣ, преимущественно съ цѣлью опредѣлить виноградную полосу Россіи. (Въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ за 1858 г.) 8°, 22, стр. и 1 карта.

5) Изложеніе труда академика Максимовича: „Объ Амурской флорѣ“.

6) Рудольфъ, Людвигъ: Картины растительности земного шара. По нѣмецкому подлиннику составилъ А. Бекетовъ. М. 1861 г. 8°, XVIII + 452 стр. На заглавномъ листѣ сказано: *составилъ* (а не перевелъ) А. И. Бекетовъ, на томъ основаніи, что имъ сдѣланы корректуры измѣненія въ русскомъ изданіи. Такъ, А. И. Бекетовымъ написано вновь почти все введеніе (25 страницъ). Затѣмъ, имъ переработана статья о пальмахъ, прибавлены статьи о грецкомъ орѣшникѣ, о миндальныхъ и проч. Подверглись коренному измѣненію или замѣнѣ статьи, относящіяся до Россіи, и дополнены сообразно позднѣйшимъ открытіямъ статьи о малонзвѣстныхъ краяхъ, особенно объ Африкѣ.

7) Виммеръ, Ф.: Растительное царство, или описаніе растений, расположенныхъ по естественной системѣ. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Бекетова. Спб. 1864 г. 8°, 350+IV стр. А. И. Бекетовымъ составлены вновь для русскаго изданія этого сочиненія: введеніе и общая ботаника (первыя 80 стр.). Затѣмъ, имъ передѣлана статья о споровыхъ низшихъ растеніяхъ. Въ остальныхъ частяхъ прибавлены русскія названія растеній, распространеніе ихъ въ нашемъ отечествѣ, а иногда и употребленіе.

8) Тоскана и Спеція. („Натуралистъ“, журналъ естествовѣдѣнія. Спб. 1867 г.) 4°, 24 страницы. Отрывки изъ путешествія въ Тоскану, съ описаніемъ Тосканской флоры.

9) Гризобахъ, А.: Растительность земного шара, согласно климатическому ея распредѣленію. Очеркъ сравнительной географіи растеній. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями. А. Бекетова. Томъ I. Спб. 1874 г. 8°, XII+575 стр. Томъ II. Спб. 1877 г. 8°, VIII+593 стр. Примѣчанія А. И. Бекетова касаются преимущественно Россіи и занимаютъ 67 страницъ.

10) Фитогеографическій очеркъ Европейской Россіи. (Въ „Дополненіи къ I тому сочиненія Элизе Реклю: „Россія Европейская и Азиатская“. Спб. 1884 г.) 8°, стр. 47—65.

11) Объ Архангельской флорѣ. Спб. 1885 г., 8°, 95 стр. Первоначально было напечатано въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“.

12) О Екатеринославской флорѣ. Спб. 1886 г. 8°, 166 стр.

13) Дополненіе къ Архангельской флорѣ—въ „Трудахъ Спб. Общества Естествоиспытателей“, Томъ XIX, стр. 25.

14) Географія растений, очеркъ учения о распространеніи и распределеніи растительности на земной поверхности (съ особымъ прибавленіемъ о Европейской Россіи). 358 стр., съ 2 картами и 9 гравюрами въ текстѣ (1896 г.).

II. Статьи по морфологiи и физиологiи растений.

15) О морфологическихъ отношеніяхъ листовыхъ частей между собою и со стеблемъ. Спб. 1858 г. 8°, 70 стр. и 3 таблицы рисунковъ. (Разсужденіе на степень доктора ботаники). Диссертация эта также была напечатана: а) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1858 г., № 2, стр. 127—196. б) На французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Mémoire sur la stabilité et la régularité des proportions relatives des parties foliaires*. Moscou. 1858, 8°. в) Въ „Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou“ 1858, Tome 31, p. 254—300. г) На нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ „Linnaea“, 1859.

16) Notice sur la germination. Въ „Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou“ 1859, Tome 32, № 1, p. 278—282.

17) Матеріалы для изученія Петербургской растительности. I. Сибирская пихта въ Петербургской губерніи. Спб. 1864 г., 8°, 14 стр. и 1 табл. рисунковъ. Было напечатано также: въ сборникѣ „Естественно-историческія изслѣдованія С.-Петербургской губерніи, произведенныя членами Русскаго энтологическаго общества въ С.-Петербургѣ“. Томъ I, Спб. 1864 г. и на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Sur une station quasi-spontanée du sapin de Sibérie (*Abies sibirica* Led.) dans le gouvernement de „St.-Petersbourg“. Moscou. 1865, 8°, 11 p., а также въ „Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou“. 1865, Tome 38, № 1 p. 162—171.

18) Есть ли причины предполагать, что формы растений приспособлены къ свѣту? Въ журналѣ „Натуралистъ“, томъ II, Спб. 1865 г., 4° № 14—16, 14 стр.

19) Sur la structure de l'écorce du bouleau (*Betula alba*) étudiée sur des échantillons pris en pays divers. Въ „Bulletin de la Société Botanique de France“, Tome XXIII. Paris. 1866, 8°, pages 75 — 80.

20) О влияніи климата на возростаніе сосны и ели. Спб. 1868 г. 4°, 53 стр. и 1 карта. Было напечатано также: въ „Трудахъ 1-го Съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ“. Спб. 1868 г. 4°, стр. 111—163. О строеніи стеблей ароидныхъ. По поводу работы

Ванъ-Тигема о строеніи аroidныхъ („Труды Спб. Общ. Ест.“, Т. I, стр. 34, 1870).

21) De l'influence du climat sur la croissance de quelques arbres résineux. Cherbourg. 1870, 8°, 58 p. et 1 carte. Напечатано въ журналѣ „Mémoires de la Société Impériale des Sciences naturelles de Cherbourg“, Tome XV. Cherbourg. 1870. Это то же, что предыдущее сочиненіе: „О вліяніи климата“, но съ дополненіями.

22) Замятка о проростаніи сѣмянъ *Triglochin palustre* L. и *Scheuchzeria palustris* L. Въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“, томъ I, 1870 г., выпускъ 2-й, стр. 311—315.

23) А. Де-Баря: Морфологія и физиологія грибовъ, лишайевъ и миксомицетовъ. Переводъ подъ редакцію проф. А. Бекетова. С.-Петербургъ. 1872 года, 8°, XIII + 308 стр., съ 101 рисункомъ въ текстѣ и 1 таблицей. А. Н. Бекетовымъ предпослано къ сочиненію предисловіе (5 страницъ) и въ выносахъ сообщены главнѣйшія данныя повѣдшей литературы, накопившейся послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Де-Баря.

24) Объ уродливостяхъ цвѣтовъ цикорія (*Cichorium Intibus* L.) С.-Пб. 1877 г. 8°, 16 стр. и 2 листа рисунковъ. Напечатано въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“ за 1877 годъ, стр. 54—69. На французскомъ языкѣ: „Monstruosité de la chicorée (*Cichorium intybus* L.)“. Cherbourg. 1877 г., 8°, pp. 183—201. (Extrait des Mémoires de la Société nationale des Sciences naturelles de Cherbourg, Tome XXI. 1877).

25) А. Де-Баря: Сравнительная анатомія вегетативныхъ органовъ явнобрачныхъ у папоротникообразныхъ растений. Выпускъ I. С.-Пб. 1877 г. 8°, IV+254 стр. Выпускъ II. С.-Пб. 1880 г. 8°, XLII+ (255—699) стр. Переводъ съ нѣмецкаго проф. А. Н. Бекетова.

26) Въ „Рѣчахъ и протоколахъ VI сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“. С.-Пб. 1880 г., въ отдѣлѣ II, на стр. 20-й, рефераты слѣдующихъ 2-хъ сообщений А. Н. Бекетова: 1) Замячанія о строеніи воздушныхъ стеблей рестіевыхъ. 2) О распредѣленіи сосудисто-волокнистыхъ пучковъ въ стеблѣ двудольныхъ.

27) Объ отношеніи между возрастаніемъ и дѣленіемъ клѣточекъ въ эмбриональныхъ частяхъ растений по новой теоріи Сакса. Въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“, 1883 г., т. XIV, выпускъ 1-й, стр. 22—31.

28) Уродливость цвѣтовъ *Geum intermedium* и *Geum rivale*. С.-Пб.

1887 г., 8°, 7 стр. (Напечатано въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“).

III. Статьи общаго содержанія и руководства по ботаникѣ.

29) Популярныя сочиненія по части ботаники. Въ журналѣ „Атеней“. М. 1858 г. 8°, № 43, стр. 473—489.

30) Обновленія и превращенія въ мѣръ растений. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 г., т. XV, май, кн. 1-я, стр. 5—42.

31) Очерки дѣвственной природы. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 г., т. XV, № 12 (июнь, кн. 2-я, стр. 499—526).

32) Ботаническіе очерки. М. 1858 г. 8°, 134 стр. съ политипажамъ въ текстѣ и 1 таблицей рисунковъ. Содержаніе: 1) Обновленія и превращенія въ мѣръ растений (стр. 5—42). 2) Очерки дѣвственной природы (стр. 43—70). 3) О виноградѣ и винѣ преимущественно съ цѣлю опредѣлить виноградную полосу Россіи (стр. 71—91). 4) Очерки Тифлиса и его окрестностей (стр. 92—134). Статьи эти были первоначально напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества“.

33) Нѣсколько словъ о значеніи микроскопа въ новѣйшей ботаникѣ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 185(?) г., №№ 121 и 128.

34) Николай Степановичъ Турчаниновъ. (Въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ“ 1860 г., 4°, стр. 1082—1108). Обзорніе трудовъ русскаго ученаго ботаника Н. С. Турчанинова.

35) Б. Ауэрсвальдъ и Э. А. Россмеслеръ: Ботаническія бесѣды. (Переведены въ примѣненія къ отечественной флорѣ А. Бекетовымъ). С.-Пб. 1860 г. 8°, 379+XV стр. Переводчикомъ сдѣланы измѣненія и добавленія или въ самомъ текстѣ, или посредствомъ выносокъ. Измѣненія эти касаются особенно времени цвѣтенія растений, распространенія ихъ и описанія видовъ, встрѣчающихся въ Россіи, но не водящихся въ Германіи. (2-е исправленное и дополненное русское изданіе этого сочиненія вышло въ 1865 году).

36) М. І. Шлейденъ: Курсъ медико-фармацевтической ботаники. Часть I. Общая ботаника. По нѣмецкому подлиннику составилъ А. Бекетовъ. Харьковъ. 1860 г. 8°, XIX+141 стр. съ 18 таблицами рисунковъ. На заглавномъ листѣ сказано, что это сочиненіе не переведено, а составлено по нѣмецкому подлиннику, такъ какъ, въ виду устарѣлости сочиненія Шлейдена, А. Н. Бекетовымъ сдѣланы въ немъ значительныя измѣненія, особенно въ отдѣлѣ споровыхъ растений.

37) Лѣсные очерки. (Въ журналѣ „Натуралистъ“, С.-Пб. 1864 г.), 4^о, 11 стр. Преимущественно о красномъ лѣсѣ.

38) Взглядъ на состояніе изслѣдованій Петербургской растительности. С.-Пб. 1870 г., 8^о, 21 стр. Напечатано во 2-мъ выпускѣ I тома „Трудовъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“ 1870 г., стр. 187—207.

39) Изъ жизни природы и людей. (Собраніе общедоступныхъ статей). С.-Пб. 1870 г., 12^о, 420 стр. Содержаніе: 1) Очерки Тифлиса и его окрестностей (стр. 1—70). 2) Обновленія и превращенія въ мірѣ растений (стр. 71—124). 3) О виноградѣ и винѣ, преимущественно съ цѣлю опредѣлить виноградную полосу Россіи (стр. 125—156). 4) Очерки дѣвственной природы (стр. 157—202). 5) Гармонія въ природѣ (стр. 203—312). 6) Двѣ публичныя лекціи объ акклиматизаціи (стр. 313—355). 7) Тоскана. Отрывки изъ путешествія. Въ приложеніи: Очерки тосканской флоры.—Русская берега.—*Iris tuberosa*.—*Ruscus aculeatus*.—Итальянская салома (стр. 356—420). Статьи эти были первоначально напечатаны въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ журналѣ „Натуралистъ“.

40) О предложенномъ Декадоломѣ раздѣленіи растений на физиологическія группы. („Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“ 1875 г., т. VI, 8^о, стр. XXXVII—XXXVIII).

41) Критическій рефератъ сочиненія Э. Руссова: *Vergleichende Untersuchungen betreffend die Histologie der Vegetativen und sporenbildenden Organe und die Entwicklung der Sporen der Leisbündel-Kryptogamen...* („Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“. Т. 4, 1873, стр. XXIII—XXXX).

42) Отчетъ о ботаническомъ конгрессѣ, сопровождавшемъ всемірную выставку садоводства въ Амстердамѣ. („Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“ за 1877 г. Т. VIII, протоколы, стр. 116—118).

43) О сбораніи матеріаловъ для изученія русской флоры. („Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“. С.-Пб. 1880 г., отдѣлъ I, стр. 49—50).

44) Пояснительный текстъ къ стѣннымъ естественноисторическимъ таблицамъ для народныхъ школъ. (Изданіе Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества), С.-Пб. 1881 г. Отдѣлъ ботаники составленъ А. Н. Бекетовымъ.

45) Любень, Августъ: Руководство къ систематическому изученію ботаники для школъ и самообразованія. По 4-му пѣмецкому изданію

составилъ А. Бекетовъ. Часть I. (4-е изданіе). С.-Пб. 1882 г., 8°, стр. XXXII+204. Часть II. (3-е изданіе). С.-Пб. 1876 г., 8°, стр. (205—552). На заглавномъ листѣ употреблено выраженіе: *составилъ* (а не перевелъ) А. Н. Бекетовъ, такъ какъ „Руководство“ Любена имъ переработано: нѣкоторыя части сочиненія совершенно видоизмѣнены, а нѣкоторыя, какъ морфологія, написаны имъ вновь. Въ послѣднихъ изданіяхъ устарѣвшіе терминны замѣнены новыми.

46) Учебникъ ботаники. (Въ 4-хъ частяхъ). С.-Пб. 1880—1883 гг. 12°, XIV+911 стр. С.-Пб. 1885 г., 12°, 328 стр. Второе изданіе учебника ботаники вышло въ 1897 году, 446 стр., съ 267 рисунками въ текстѣ. Во второмъ изданіи исключены основныя положенія анатоміи и физиологіи растеній.

47) Курсъ ботаники. (Руководство для университетскихъ слушателей). Томъ I. (Споровыя и голосѣянные). С.-Пб. 1862—1864 гг., 8°, 318 стр. Съ 59 пояснительными табллицами и 29 табллицами рисунковъ. Томъ II. (Однодольныя). Вышелъ въ двухъ различныхъ изданіяхъ. 1-е изданіе состояло изъ 2-хъ выпусковъ, вышедшихъ въ 1871 и 1874 годахъ въ 8°, и заключало 391 стр. и 17 табллицъ рисунковъ. 2-е изданіе, С.-Пб. 1889 г., 8°, 320 стр. и 35 табллицъ рисунковъ. Въ 1-мъ изданіи разсматривалось лишь 8 семействъ, а во второе изданіе вошли всѣ 35 семействъ однодольныхъ. Въ 1878 году издано было особо: „Введеніе къ общему курсу ботаники“. Изложеніе лекцій профессора А. Н. Бекетова. С.-Пб. 1878 г. 8°, 340 стр.

IV. Сельскохозяйственная (прикладная) ботаника.

48) А. Де-Бари: О болѣзни картофеля. Физиологическое изслѣдованіе. С.-Пб. 1862 г. 8°, 72 стр. и 1 таблица рисунковъ. Переведено съ нѣмецкаго профессоромъ А. Н. Бекетовымъ.

49) Эпохи винограднаго сбора во Франціи. Небольшая замѣтка въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ 1886 годъ. Томъ I, на стр. 102.

50) Американскія разновидности винограда, противящіяся филлоксѣрѣ. (Рецензія). Въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ 1886 г., т. I, отдѣлъ библіографіи, стр. 104—105.

51) Торфяной или бѣлый мохъ и его примененія. Въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ 1887 г., т. I, стр. 28—39.

52) Главнѣйшіе съѣдобныя и вредныя грибы. С.-Пб. 1890 г. 2^о, 22 стр. и 8 таблицъ рисунковъ грибовъ.

53) Ботаника и практика. („Труды Императорскаго Вельно-Экономическаго Общества“ 1891 г., т. 2, стр. 286—296).

Статьи по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ и земледѣнія.

54) Воспоминанія о Тифлисѣ и его окрестностяхъ. (Въ „Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1855 г., № 5, стр. 65—114). Научное значеніе этихъ очерковъ заключается преимущественно въ описаніи флоры и фауны окрестностей Тифлиса.

55) Сѣверо-Уральскій край. („Русскій Вѣстникъ“ 1857 г., т. IX, стр. 441—476). Статья составлена по даннымъ, сообщеннымъ въ сборникъ: „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой“. С.-Пб. 1853—1856 гг., 2 тома, въ 4^о. Исслѣдованія экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ.

56) Зоотомія. (Въ „Русскомъ Вѣстникъ“ 1857 г., томъ IX, № 10, соврем. лѣтонисъ, стр. 100—109). Объ ученыхъ трудахъ по этой отрасли зоологій.

57) Жизнь птицъ. (Въ журналъ „Атеней“ 1858 г., Часть II, №№ 12 и 13, 8^о, 29 стр.). Въ основу статьи положены выводы изъ сочиненій: D'Audubon: Scènes de la nature dans les Etats-Unis. 1857, и Сѣверцова: Периодическія явленія въ жизни птицъ. М. 1855.

58) Климатъ Европейской Россіи. (Въ „Русскомъ Вѣстникъ“ 1859 г., томъ XIX, февр., кн. 1 и 2, стр. 375—403 и 674—690). Главной основой для статьи послужило сочиненіе К. С. Веселовскаго: „О климатѣ Россіи“.

59) Гармонія въ природѣ. Въ „Русскомъ Вѣстникъ“ 1860 г., томъ XXX, ноябрь, кн. 2-я и декабрь кн. 1—2, страницы 197—241 и 534—594.

60) Критическія замѣтки натуралиста („Русскій Вѣстникъ“ 1862 томъ 37, № 2-й, страницы 821—827). По поводу „Руководства въ зоологій“ Х. Г. Бронна.

61) О значеніи естествознанія въ гимназіяхъ. Въ газетѣ „Голось“ 1863 г., № 252, отъ 25-го сентября, 4 газетныхъ столбца.

62) О приложеніи индуктивнаго метода мышленія къ преподаванію естественной исторіи въ гимназіяхъ. Въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1863 г., часть 120, № XII, страницы 198—224.

63) Двѣ публичныя лекціи объ акклиматизаціи. Въ журналѣ „Натуралистъ“ 1864 г., 4^о, 17 стр.

64) Гексли, Т. Г.: О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. С.-Пб. 1864 г. 8^о, 180 стр. Переведено подъ редакціей проф. А. Н. Бекетова.

65) Егеръ, Густавъ: Микроскопическій міръ. Популярное описаніе явленій и формъ, открытыхъ микроскопомъ. СПб. 1866 г. 8^о, VI+710 стр. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей проф. А. Бекетова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями.

66) Учебная литература по естественной исторіи въ Германіи и у насъ. Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1867 г., часть 134, апрѣль, стр. 280—304.

67) Дарвинъ, Ч.: Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль. Томъ I. С.-Пб. 1865 г. 12^о, 549 стр. (2-е изданіе въ 1870—1871 г., 8^о, 517 стр.). Томъ II. С.-Пб. 1865 г., 12^о, 471 стр. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Бекетова.

68) Историческая записка объ учрежденіи и ходѣ I-го Съѣзда русскихъ естествоиспытателей. Въ „Трудахъ I-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ“. С.-Пб. 1868 г., стр. I—XIV, 4^о.

69) О естествознаніи какъ предметѣ общаго образованія. Въ „Трудахъ I-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ“. СПб. 1868 г., 4^о, стр. 32—39.

70) О борьбѣ за существованіе въ органическомъ мірѣ (3 публичныя лекціи). Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1873 г., № 10, стр. 558—953.

71) Можно-ли признавать дисгармонію въ природѣ? Въ естественно-историческомъ сборникѣ „Природа“. М. 1876 г., 4^о, книга I, стр. 57—78.

72) „Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей“. Съ 1870 г. по 1880 годъ это изданіе выходило (ежегодно) подъ редакціей А. Н. Бекетова. Въ этомъ же изданіи разбросаны въ протоколахъ рефераты о сообщеніяхъ А. Н. Бекетова и объ участіи его въ научныхъ преніяхъ въ засѣданіяхъ Общества.

73) Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. С.-Пб. 1879 г. 8^о, стр. Первоначально напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 г., № 8, стр. 566—605. Въ отдѣльномъ изданіи сдѣлано нѣсколько пояснительныхъ добавленій,

74) О снаряженіи экспедиціи въ Болгарію. „Рѣчи и протоколы VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“. С.-Пб. 1880 г. Отдѣлъ I, стр. 47—48.

75) Дарвинизмъ съ точки зрѣнія общезначительныхъ наукъ. С.-Пб. 1882 г., 8°, 19 стр. Напечатано въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естественныхъ Исследователей“.

76) Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. (Въ 1885 году вышло 5-мъ изданіемъ). Въ 2-хъ книжкахъ, С.-Пб. 1885 г., 8°, 159 стр. и 18 рис. въ текстѣ. Содержаніе. О землѣ: Общія свѣдѣнія.—Какъ составились земные пласты и какъ ракушки со дна морского попали на вершины горъ.—Что внутри земли?—О моряхъ.—О воздухѣ, и проч. О живыхъ тваряхъ: Какъ растутъ деревья и трава.—Работа земледѣльца.—О сходствѣ всѣхъ тварей.—Какъ кровь питаетъ тѣло? и проч. Сочиненіе это удостоено награды большой золотой Киселевской медалью, и издано въ разное время въ количествѣ 50.000 экземпляровъ.

77) Бесѣды о звѣряхъ. С.-Пб. 1885 г. 12°, 93 стр. Изданіе состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ С.-Петербургскаго комитета грамотности.

78) Южнорусскія степи въ сравненіи съ венгерскими и испанскими (рефератъ). Въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естественныхъ Исследователей“, Томъ XVI. С.-Пб. 1885 г. 8°, протоколы, страницы 46—48.

79) Предохранительная прививка водобоязни. Небольшая замѣтка въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ 1886 года, томъ I, отдѣлъ иностр. извѣстій, стр. 102—103.

80) Объ акклиматизаціи. Въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ за 1886 г., томъ I, страницы 30—40.

Статьи и труды разнороднаго содержанія.

81) Статья-рецензія по поводу сочиненія С. Т. Аксакова: „Дѣтскіе годы Багрова внука“. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 года, томъ XIV, мартъ, книга 2-я, страницы 99—104.

82) Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1857 г., №№ 122, 123, 127 и 134, помѣщенъ подробный обзоръ „Вѣстника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“. Статья занимаетъ 21 газетный столбецъ.

83) Въ 1861 и 1862 годахъ „Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ издавались подъ редакціей А. П. Бекетова. Журналъ въ эти два года выходилъ 4-мя книжками въ годъ.

84) Въ 1863—1864 гг. А. Н. Бекетовъ, вмѣстѣ съ Романовскимъ

состоялъ редакторомъ „Русскаго Пивалида“. Изданіе это имѣло въ то время не исключительно военный характеръ, а именовалось „вѣдомостями военными, политическими, учеными и литературными“.

85) Съ 1889 года А. Н. Бекетовъ принялъ на себя редактированіе „Трудовъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“ и въ 1890 году, по порученію Общества, составилъ: „Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества съ 1865 до 1890 года“. С.-Пб. 1890 г., 8°, 200 стр.

86) Некрологи В. Ф. Эвальда и К. П. Максимовича—въ „Трудахъ С.-Пб. Общества Естествоиспытателей“, Томъ XIX, 1891, стр. 5.

87) Нравственность и Естествознаніе. (Изданіе Глаголевой). 1892. 8°. 54 стр.

88) Разсказъ: Доктора Фроманъ. „Миръ Пожій“ 1892 г., январь, стр. 47—59.

89) Некрологъ Э. Л. Регеля—въ „Трудахъ С.-Пб. Общества Естествоиспытателей“, Томъ XXIII, стр. 13.

90) Рефератъ посмертной работы Пеголи: „Объ олигодинамическихъ явленіяхъ въ живыхъ клеткахъ“—въ „Трудахъ С.-Пб. Общества Естествоиспытателей“, Томъ XXIV, стр. 20. (1894).

91) Некрологъ П. Ф. Шмальгаузена—въ „Трудахъ С.-Пб. Общества Естествоиспытателей“, Томъ XXV, стр. 11. (1895).

А. Фаминцынъ.

- Составилъ *Э. Арроветъ*. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 9—12.
811. Избранныя произведенія нѣмецкихъ писателей. *Emile Souvestre. Au coin de feu.* Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *В. М. Барилевскій*. Царское Село 1892. — Рец. 1893. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 1—3.
812. Учебникъ этимологіи нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. В. Баронъ*. С.-Пб. и Казань 1896. — Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 26—28.
813. Исторія тридцатилѣтней войны *Ф. Шиллера* въ избранныхъ отрывкахъ, съ примѣчаніями и словарями. Издастъ *А. Баронъ*. Москва 1889. — Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 5—7.
814. Deutsche Grammatik. Ein Leit-faden für den Unterricht in der deutschen Sprache. Bearbeitet und mit zahlreichen Übungsaufgaben versehen von *J. Bach*. Riga 1885. — Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 26—27.
815. Учебникъ нѣмецкой грамматики для употребленія въ реальныхъ, коммерческихъ и военныхъ училищахъ, въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ институтахъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ лицейхъ и при домашнемъ обученіи. *Lehrbuch der deutschen Sprache für den Schul-Privat- und Selbstunterricht.* Составилъ *Г. Беръ*. Часть I. *Этимологія*. Москва 1890. — Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 14—16.
816. Nouveau vocabulaire systematique français-russe composé des mots les plus usités groupés par catégories et suivi d'un abrégé de la grammaire russe par *S. M. Berkovitch*. Odesa 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 23—25.
817. Deutsches Lesebuch für Elementarschulen. Herausgegeben von *Christian Böhm*. Erster Teil. Neunte Auflage. Reval 1889. — Рец. 1893. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 16.
818. Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Христіанъ Бюмъ*. Часть I. Изд. 4-е. А. Текстъ. В. Словарь и примѣчанія. Издааны отдѣльно. Реваль 1895. — Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 28—29.
819. Deutsches Lesebuch für die mittleren Lehranstalten. Herausgegeben von *Christian Böhm*. Erster Theil. Vierte Auflage. Reval 1895. — Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 28—29.
820. Mittlere Stufe des methodisch-praktischen deutschen Sprachunterrichts. *A. Blomerius*. II Kursus. III. IV und V Klasse. Москва 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 16—18.
821. Anfangsstufe des methodisch-praktischen deutschen Sprachunterrichts von *S. Arsenieff* und *A. Blomerius*. I Kursus. Москва 1900. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 16—18.
822. Cours théorique et pratique de langue française à l'usage de la jeunesse humblement dédié à son Altesse Impériale Madame la princesse Eugénie d'Oldenbourg par *M. Bobritscheff-Pousschkine*. С.-Пб. 1894. — Рец. 1894. Ч. 295, сентябрь, отд. III, стр. 1—7.
823. Petit manuel de littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. A l'usage des classes supérieures de l'école St-Pierre et l'école Réformée. Par *A. Bonjour*. Deuxième édition revue et augmentée. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 22—23.
824. Premières leçons de français à l'usage des établissements russes,

- par S. (Sophie) Boulanger. St.-Petersbourg 1893. — Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 17—19.
825. Chrestomathie Française. Recueil de morceaux de lecture. de traduction et de narration à l'usage des Écoles de Commerce et des Classes de l'enseignement secondaire spécial, par François-Marie Brun. 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 38—42.
826. Traité de méthodologie appliquée à l'enseignement du français aux étrangers, par François-Marie Brun. Annecy et Varsovie 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 35—38.
827. Начальный курс немецкого языка для младших классов средних учебных заведений. Составил К. Я. Билицкий. Одесса 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 23—24.
828. Немецкая хрестоматия для старших классов средних учебных заведений, снабженная словарями алфавитным и построчным. Составил К. Я. Билицкий. Одесса 1898. Шестое исправленное издание. Приложение: Алфавитный словарь к немецкой хрестоматии для старших классов средних учебных заведений К. Я. Билицкого. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 19—22.
829. Учебник немецкого языка для младших классов средних учебных заведений. Составил К. Я. Билицкий. Часть I. 2-е исправленное издание. Одесса 1897. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 19—22.
830. Учебник немецкого языка для младших классов средних учебных заведений. Часть II. Краткая немецкая грамматика. Составил К. Я. Билицкий. Восьмое исправленное издание. Одесса 1896. — Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 19—22.
831. Учебник немецкого языка для кадетских корпусов. Составил Е. Вейсманн. I часть: курс 2-го и 3-го классов. С.-Пб. 1889. II часть: курс 4-го и 5-го классов. С.-Пб. 1890. — Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 2—3.
832. Учебник немецкого языка для кадетских корпусов. III часть: курс VI и VII классов. Составил Е. Вейсманн. С.-Пб. 1893. — Рец. 1894. Ч. 292, апрель, отд. III, стр. 83—86.
833. Deutsche Grammatik für die mittleren Unterrichtsanstalten Russlands von Ernst Westermann. Riga 1895. — Рец. 1895. Ч. 300, август, отд. III, стр. 23.
834. Deutsches Lesebuch für die mittleren Unterrichtsanstalten Russlands von Ernst Westermann. Erstes Jahr. Riga 1896. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 45—46.
835. Deutsches Lesebuch für die mittleren Unterrichtsanstalten Russlands von Ernst Westermann. Zweites und drittes Jahr. Riga 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, май, отд. III, стр. 11—12.
836. Краткий методический курс немецкого языка для гимназий иprogymnazij. Согласно программам учебных предметов, утвержденным г. министром народного просвещения 20-го июля 1890 г., составил Вертольд Гедрих. 1-я часть (для 2-го класса). Харьков 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 147—149.
837. Немецкая грамматика. Составил Г. Гессау. Ч. I. Этимология. Москва 1894. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 50—51.
838. Немецкая грамматика. Составил Г. Гессау. Часть II. Синтаксис.

- Москва 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 74--77.
- 839.** Deutsche Sprachlehre mit Uebungsstoffen in vier konzentrischen Kreisen. Für die unteren Klassen der mittleren Lehranstalten. Von *E. Hesse*. Erstes Heft und zweites Heft. St.-Pb. 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 51--52.
- 840.** Deutsches Lesebuch für die unteren Klassen der mittleren Lehranstalten. In vier Theilen. Zusammenge stellt von *E. Hesse*. I und II Theil. St.-Pb. 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 72--74.
- 841.** Deutsche Sprachlehre mit Uebungsstoffen in vier konzentrischen Kreisen. Für die unteren Klassen der mittleren Lehranstalten. Von *E. Hesse*. III und IV Heft. St.-Pb. 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. III, стр. 72--74.
- 842.** Cours élémentaire de langue française par *I. B. Hildebrand*. (Элементарный курс французского языка. Составил *И. В. Гильдебранд*). С.-Пб. 1890—1892. Часть I, стр. 70. Часть II, стр. 176. — Рец. 1893. Ч. 286, апрель, отд. III, стр. 26--28.
- 843.** Краткая немецкая грамматика, составил *К. А. Губа*. Kurze deutsche Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von *Karl August Hoch*. Лодзь 1898. — Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. III, стр. 4--5.
- 844.** Немецкая хрестоматия. Составил *Р. Грессманн*. Часть I для младших и средних классов. Пятое дополненное издание. Москва 1892. Ч. II для средних и старших классов. Третье исправ. издание. Москва 1891. Словарь къ II и III части немецкой хрестоматии. Третье дополненное издание. Москва 1892. — Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 27--29.
- 845.** Deutsche Lesestücke mit Anmerkungen und einem Wörterbuch für die mittleren Klassen von *R. Gressmann*. Немецкия статьи для чтения съ примѣчаниями и словаремъ. Для средних классовъ. Состав. *Р. Грессманн*. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 23--26.
- 846.** Учебникъ немецкаго языка для средних учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Грессманн*. Третья часть: книга для чтения и переводовъ, составленная примѣнительно къ новѣйшимъ учебнымъ программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 13--14.
- 847.** Тридцатилѣтняя война. Фридриха Шиллера. Съ примѣчаниями историческими и грамматическими, словарь и географическое картою. Для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ издалъ *И. Грессманн*. — Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 6--7.
- 848.** Сборникъ статей русскихъ авторовъ для перевода на немецкій языкъ въ IV, V, VI и VII классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ примѣчаниями и словаремъ, составилъ *И. Грессманн*. Москва 1894. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 35--36.
- 849.** Сборникъ статей русскихъ авторовъ для перевода на немецкій языкъ. Часть I. Для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ примѣчаниями и словаремъ. Составилъ *И. Грессманн*. Москва 1895. — Рец. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. III, стр. 18--22.
- 850.** Deutsches Lesebuch für mittlere und obere Klassen der mittleren Lehranstalten. Mit Anmerkungen und Wörterbuch von *I. Gressmann*. Немецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ примѣчаниями и словаремъ. Составилъ *И. Грессманн*.

- Москва 1898. — Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 16—17.
851. Нѣмецкая азбука. Составили *К. Грube, В. Домисръ, Фр. Дoнс. Н. Фриденберъ*. Рига 1895. — Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 93—94.
852. Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Herausgegeben von *Grube, Fr. Dohne, N. Friedenberg*. I Theil. Riga 1895. — Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 93—94.
853. Элементарный курсъ нѣмецкой грамматики. Составили *В. Домисръ* и *К. Грube*. I и II ступени. Третье переработанное изданіе. Рига 1896. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 46—48.
854. Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Jugend-schatz. Deutsches Lesebuch für Elementarschulen und untere Classen mittlerer Lehranstalten*. Herausgegeben von *K. Grube, W. Donner, Fr. Dohn und N. Friedenberg*. II Theil. Riga 1896. — Рец. 1897. Ч. 309, февраль, отд. III, стр. 18—19.
855. Элементарный курсъ нѣмецкой грамматики. Составили *В. Домисръ* и *К. Грube*. *Elementarkursus der deutschen Grammatik* von *W. Donner und K. Grube*. III Stufe. Zweite Auflage. Riga 1897. — Рец. 1897. Ч. 312, июль, отд. III, стр. 5—6.
856. Сборникъ переводовъ съ русскаго языка на французскій. Часть I для среднихъ классовъ. Часть II для старшихъ классовъ. Составилъ *К. Де Ла-Дригтьеръ*. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 290, апрѣль, отд. III, стр. 35—41.
857. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ для учителей, родителей и учениковъ. Составилъ *А. Емичевъ*. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 288, июль, отд. III, стр. 4—9.
858. *Alexander Euse*. Нѣмецкій синтаксисъ. 3-е изданіе. Москва 1899. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 7—9.
859. Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества по усовершенствованному методу составилъ *М. Ф. Заметовъ*. Курсъ первый для двухъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Варшава 1899. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. III, стр. 11—13.
860. Сборникъ статей и отрывковъ для устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на французскій и нѣмецкій языки въ среднихъ и старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ краткихъ словарей. Составилъ *Ив. Золотаревъ*. Москва 1897. — Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 7—8.
861. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Augustin Thierry: Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*. Объяснилъ *В. С. Иватовичъ*. Текстъ съ введеніемъ, прилѣчаніями и словаремъ. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 31—32.
862. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Voltaire, Histoire de Charles XII, roi de Suède*. Текстъ съ введеніемъ, прилѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Объяснилъ *В. С. Иватовичъ*. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 91—92.
863. Schiller. *Wilhelm Tell. Ein Schauspiel in fünf Aufzügen*. („Вильгельмъ Тель“, Шиллера). Текстъ съ введеніемъ, прилѣчаніями, словаремъ и

- двумя географическими картами. Объяснилъ Г. Ю. *Ирмеръ*. Изд. С. А. Манштейна. С.-Пб. 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 39—41.
864. *Monitor der deutschen Sprache*. E. K. Moskau 1894.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. III, стр. 87—88.
865. Французскій языкъ. Пособіе къ усвоенію спряженія глаголовъ. Составилъ В. Каминъ. Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, июнь, отд. III, стр. 55—57.
866. Французскій языкъ. Синтаксическое изложеніе правилъ употребленія временъ и наклоненій. Составилъ В. Каминъ. Москва 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, июнь, отд. III, стр. 57—58.
867. Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Составилъ В. Каминъ. Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 31—34.
868. *Le Vocabulaire français, étude méthodique et progressive des mots de la langue usuelle considérés 1) quant à leur orthographe; 2) quant à leur sens; 3) quant à la manière, dont ils s'unissent pour former des phrases*. Par I. Carré. I. Livre de l'Élève. Paris 1895, quatrième édition. II. Livre du maître. Paris 1894.—Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 45—46.
869. Вторая книга исторіи тридцатилѣтней войны Фридриха Шиллера. Слѣдилъ словарь и объясненіями Ф. Кейзеръ. Изданіе второе пересмотрѣлъ Р. Густманъ. Москва 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 32.
870. *Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles*. En quatre parties. (Première et seconde partie). 3-me édition, soigneusement revue, corrigée et complétée d'après le programme du ministère de l'instruction publique et du comité des écoles militaires, par Aimé Guillaume Kercoff. Москва 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 18—19.
871. О преподаваніи французскаго языка по практическому методу. Объяснительная записка къ курсу французскаго языка. Составилъ *Бернардъ Клемце*. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, сентябрь, отд. III, стр. 12—16.
872. Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный преимущественно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Читаніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. I часть. Начальный курсъ. Составилъ *Бернардъ Клемце*. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, сентябрь, отд. III, стр. 12—16.
873. Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный преимущественно къ послѣднимъ планамъ министр. нар. просвѣщ. Читаніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. II часть. Курсъ среднихъ классовъ. Составилъ *Бернардъ Клемце*. Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. III, стр. 26—27.
874. Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ. Читаніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. Составилъ *Бернардъ Клемце*. Часть III. Курсъ старшихъ классовъ. А. Практическія упражненія. Москва 1897. Б. Грамматика. Москва 1897. Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 15—18.
875. *Alphonse Daudet*. Избранные рассказы изъ „Lettres de mon moulin“ и „Contes du lundi“. Текстъ съ введеніями, примѣчаніями и словаремъ.

- Объясненья *Бернардъ Клеце*. Изданіе С. А. Машинейна. С.-Пб. 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 28—30.
876. Premier livre de lecture d'après le methode naturelle. Causeries et exercices de lecture à l'usage de commençants. Руководство для начального обученія французскому языку по естественному методу, составленное *Е. Конофъ*. Москва 1897. — Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 34—35.
877. Grammaire française à l'usage des écoles russes. Школьная грамматика французскаго языка, составленная *Е. Конофъ*. Москва 1898. Изд. магазина „Сотрудникъ школы“. — Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. III, стр. 18—19.
878. Теоретическая грамматика французскаго языка. Составилъ *А. Корде*. Ч. I. Этимологія. Москва 1896. Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. III, стр. 54—57.
879. Теоретическая грамматика французскаго языка. Составилъ *А. Корде*. Часть II. Синтаксисъ. М. 1897. — Рец. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. III, стр. 17—18.
880. Cours progressif de langue française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases par *N. Koschkin*. Première année. С.-Пб. 1893. — Рец. 1894. Ч. 293, май, отд. III, стр. 6—9.
881. Cours progressif de langue française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des Gymnases par *N. Koschkin*. Deuxième et troisième années. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 10—12.
882. Cours progressif de langue française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases, par *N. Koschkin*. Quatrième année. St.-Pb. 1894. — Рец. 1895. Ч. 299, июнь, отд. III, стр. 54—55.
883. Cours progressif de langue française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des instituts et des gymnases, par *N. Koschkin*. Cinquième année. St.-Pb. 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 41—44.
884. Lectures choisies annotées par *M-me Koschkin*, à l'usage des classes supérieures des instituts et des gymnases. S.-Pb. 1894. — Рец. 1895. Ч. 299, июнь, отд. III, стр. 51—54.
885. Элементарная нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Составилъ *К. Крафтъ*. Изданіе 4-е, исправленное. Кіевъ 1896. — Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 146—147.
886. Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*. Часть I. Тифлисъ 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 34—35.
887. Histoire de Charles XII par *Voltaire*. Слѣдилъ примѣчаніями и словарями *Ф. Крейсбергъ*. Тифлисъ 1893. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 13—15.
888. Учебникъ французскаго языка. Курсъ 1-го класса женскихъ и II-го класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*. Тифлисъ 1894. — Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. III, стр. 15—17.
889. Нѣмецкая грамматика. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*. Тифлисъ 1895. — Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 48—49.
890. *Ил. Кусковъ* и *Л. Брестлинь*. Книга для переводовъ съ русскаго

- языка на французскій и нѣмецкій. Изд. 5-е. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 19—23.
891. Goethe. Egmont. Ein Trauer-Spiel in fünf Aufzügen. Текстъ съ введеніемъ, пригъваніями и словаремъ. Объяснилъ *Е. А. Левъ*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 41—42.
892. Grammaire française. Etymologie et Abrégé de Syntaxe. Ouvrage rédigé sur un plan entièrement neuf. Conforme au programme du Ministère de l'Instruction publique pour les gymnases et l'écoles réales, par *Ch. Ley*. Козловъ 1897.—Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. III, стр. 26—30.
893. Grammaire française. Etymologie et Abrégé de Syntaxe. Ouvrage rédigé sur un plan entièrement neuf. Conforme au programme du Ministère de l'Instruction publique pour les gymnases et écoles réales, par *Ch. Ley*.—Французская грамматика. Этимологія и краткій синтаксисъ. Составлена по программѣ министерства пародіаго просвѣщенія для гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Шарль Лей*. М. 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. III, стр. 17—21.
894. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Molière „Le Bourgeois gentilhomme“. Comédie-ballet, текстъ съ введеніемъ, пригъваніями и словаремъ. Объяснилъ *Ю. Лефрансу*. С.-Пб. 1892.—Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 30—31.
895. Нѣмецкая хрестоматія для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Часть I. Составили *П. Линквичъ* и *К. Тиберль*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. III, стр. 90—92.
896. Нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ө. Линкберъ*. Поневѣжь 1896.—Рец. 1896. Ч. 305, июнь, отд. III, стр. 98—101.
897. Грамматика нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составили *А. Бреме, Э. Грүнеръ, Ф. Мазинъ*. Второе совершенно переправленное изданіе. Составилъ *Ф. Мазинъ*. С.-Пб. 1893.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. III, стр. 78—82.
898. Xavier de Maistre. Les prisonniers du Caucase et le lépreux de la cité d'Aoste, для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія, издалъ *Камилль Милбре*. Лейпцигъ 1892.—Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. II, стр. 14—17.
899. Viertes deutsches Lesebuch. Chrestomathie nebst einer kurzgefassten Geschichte der deutschen Dichtung für mittlere und obere Klassen russischer Lehranstalten von *Ferdinand Mey*. Moskau 1890.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 24—27.
900. Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*. М. 1889.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 24—27.
901. Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*. Изданіе 2-е. М. 1892.—Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 4—6.
902. Deutsche grammatische Wandtafeln von *F. Mey*. Tabelle 1—5.—Рец. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 4—6.
903. Deutscher Sprach- und Sprechunterricht für russische Schulen von *F. Mey*. Erste Stufe. Moskau 1893.—

- Ред. 1894. Ч. 291, январь, отд. III, стр. 4—6.
904. Deutsche Extemporalien. Systematische Übungen in Übersetzen aus dem Russischen in die deutsche Sprache. Составилъ *Фердинандъ Мей*. М. 1897.—Ред. 1898. Ч. 317, май, отд. III, стр. 12—15.
905. Deutsche Sprach-Sprechübungen für mittlere und obere Klassen der weiblichen und männlichen Lehranstalten. Eine Ergänzung zu jeder deutschen Grammatik. Практическія упражненія на нѣмецкомъ языкѣ для среднихъ и высшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Дополненіе къ любой нѣмецкой грамматикѣ. *Я. Мессеръ*.—Ред. 1895. Ч. 299, июль, отд. III, стр. 59—61.
906. Abrégé de la littérature française pour les classes supérieures des gymnases et écoles réelles, par *Victor Meiyer*. Poltawa 1893.—Ред. 1894. Ч. 293, май, отд. III, стр. 2—3.
907. Грамматика французскаго языка. Составилъ *Викторъ Мей*. Лексикологія и синтаксисъ. Полтава 1897.—Ред. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 28—34.
908. Mosaïque Française ou lectures littéraires et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle. Составилъ *И. Г. Жуковъ*. С.-Пб. 1894.—Ред. 1894. Ч. 293, май, отд. III, стр. 1—2.
909. Mosaïque Française. Lectures et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle, par *P. Mijonief*. Edition 2-c. С.-Пб. 1899.—Ред. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 15—16.
910. Kurze deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax für die mittleren und oberen Klassen der russischen Realschulen von *E. Mittelsteiner*. Краткая нѣмецкая грамматика. Этимологія и синтаксисъ для среднихъ и старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Составилъ *Э. Миттельштейнеръ*. М. 1890.—Ред. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 5—8.
911. Der neue deutsche Sprachunterricht. Methode u. Lehrbuch von *Mittelsteiner*. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ. Составилъ *Э. Миттельштейнеръ*. М. 1891.—Ред. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 8—13.
912. „Das Amulette von *K. F. Meyer*“. Bearbeitet von *Mittelsteiner*. Москва 1897.—Ред. 1898. Ч. 317, май, отд. III, стр. 15—19.
913. Избранныя произведенія французской литературы, для чтенія воспитанниковъ высшихъ и среднихъ классовъ и самообученія. Sous la tonnelle, par *Emile Souvestre*, съ примѣчаніями *И. Н. С.-Пб.* 1890.—Ред. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 17—19.
914. Précis d'histoire de la littérature française pendant la première moitié du XIX siècle, par *A. Natis*. Kiew 1895.—Ред. 1898. Ч. 315, февраль, отд. III, стр. 34—35.
915. Новый упрощенный способъ составленія всѣхъ формъ французскихъ правильныхъ глаголовъ съ помощью одного неопредѣленнаго наклоненія и французскіе неправильные глаголы, объясненные съ помощью латинскаго и старофранцузскаго языковъ. *Е. Нарбутъ*. 1893.—Ред. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 46—50.
916. Der Kinderfreund. Deutsches Lesebuch für Anfänger in den mittleren Lehranstalten. Für die russische Jugend bearbeitet und mit Wörterbuch versehen von *P. Ney*. Kiew 1899.—Ред. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 30—31.

917. Э. Остерлоу. Краткое извлечение из Вильгельма Мейстера Гете (Wilhelm Meisters Lehrjahre von Johann Wolfgang Goethe. Auszug). Книга для чтения в старших классах средних учебных заведений. Тифлиси 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 29—31.
918. Новая элементарная французская грамматика с русским переводом. Составилъ А. Пашалери. (Nouvelle grammaire élémentaire avec la traduction russe en regard, par A. Pashalery, maître de gymnase). Одесса 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 14—15.
919. Полное руководство для изучения неправильных глаголов французского языка. Спряжение, этимология и объяснительные примечания, составленные по новейшим филологическим трудам. Составилъ А. К. Пашалери. Одесса 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, сентябрь, отд. III, стр. 7—12.
920. Précis de grammaire française à l'usage des écoles russes, par A. Pashalery. Troisième édition. Одесса 1898.—Рец. 1898. Ч. 317, июнь, отд. III, стр. 42—44.
921. Издание Акционерного Южно-Русского Общества печатного дѣла. Les doublets dans la langue française, par J. Bastin, suivis des principaux affixes, par A. Pashalery. Одесса 1899.—Рец. 1899. Ч. 324, августъ, отд. III, 21—22.
922. La Bruyère. Les caractères ou les mœurs de ce siècle. Избранные отрывки для школьного употребленія. Редактировалъ П. Д. Первовъ. М. 1891.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 10—12.
923. Cornuille. Le Sid. Объяснилъ В. М. Варелевскій. Текстъ съ введениемъ, примечаніями и словаремъ. Изданіе второе, пересмотрѣнное, съ введениемъ О. М. Петерсонъ. С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. III, стр. 23—30.
924. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Xavier de Maistre. Prascovie ou la jeune Sibérienne. Местръ. Параша-Сибирячка. Объяснила А. М. Ильинъ. Текстъ съ введениемъ, примечаніями и словаремъ. С.-Пб. 1893.—Рец. 1895, Ч. 297, январь, отд. III, стр. 8—10.
925. Lehrbuch der deutschen Sprache für Gymnasien von A. Pflüger. Kursus der zweiten Klasse, zusammengestellt nach dem Programm für Gymnasien vom Jahre 1890. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Составилъ А. Плеттереръ. Курсъ второго класса, составленный примѣнительно къ программѣ для гимназій 1890 года. М. Рец. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 34—36.
926. 7b же. Kursus der dritten Klasse, zusammengestellt nach dem Programm für Gymnasien vom Jahre 1890. Курсъ 3-го класса, составленный примѣнительно къ программѣ гимназій 1890 года. М. 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 34—36.
927. Новѣйшая нѣмецко-русская азбука для изученія отъ 1 до 2 вѣснцевъ нѣмецкаго чтенія, письма и разговора съ новѣйшими образцами и картинками. Составилъ Платофонъ-Рейсснеръ. Переводъ со 2-го оригинальнаго изданія подъ редакціей А. Паскаля. Изданіе I. Варшава 1891.—Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 22—25.
928. Новѣйшая русско-нѣмецкая метода для изученія въ короткое время нѣмецкаго чтенія, письма и разговора. Составилъ Платофонъ-Рейсснеръ, авторъ англійской методы. VIII изданіе. Нижній курсъ. Вар-

- шава 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 25—26.
929. Начальный курсъ французскаго языка. Наглядный методъ обученія (по руководству J. и E. Асманъ). Обработали преподаватель фр. яз. Ю. Прадверандъ и сотрудники подъ редакціей В. М. Краузе, для учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа. (Cours élémentaire de langue française d'après la méthode intuitive ou l'enseignement par les yeux [d'après Dr. J. et E. Lehmann], à l'usage des écoles russes, rédigé sous la direction de W. M. Crause, par J. Pradervand, professeur de langue française, et collaborateurs). Ч. I. Рига 1892.—Рец. 189. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 10—13.
930. Е. Ливская. Опытъ сравнительной грамматики русскаго и французскаго языка по методу академика Я. К. Грота. Essai de grammaire comparée de la langue russe et française, d'après la nouvelle méthode du membre de l'Académie J. Grote. Par M-me E. Livskij. М. 1890.—Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. III, стр. 32—35.
931. Praktische Grammatik der deutschen Sprache für russische Mittelschulen. A. Richter. St.-Petersburg 1894.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. III, стр. 88—90.
932. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей: Wilhelm Hauff. Ausgewählte Märchen. (Избранныя сказки Гауффа). Текстъ съ введеніемъ, призываніями и словаремъ. Объяснилъ И. Г. Розенбергъ. Царское село 1892.—Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 32—33.
933. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Friedrich von Schiller, Maria Stuart (Шиллеръ, Марія Стюартъ). Текстъ съ введеніемъ, призываніями и словаремъ. Объяснилъ И. Г. Розенбергъ. Царское село 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 16.
934. Premières lectures et leçons de sauseric, par A. S. Quatrième édition revue et augmentée. St.-Petersbourg 1895.—Рец. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. III, стр. 10—11.
935. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ повторовъ XVIII вѣка. (На нѣмецкомъ языкѣ). Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальныхъ училищъ. Составилъ Э. С. 1895.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 92.
936. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Сня. Часть II. Снятаксисъ. М. 1891.—Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. III, стр. 7—9.
937. Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу для младшихъ классовъ среднѣ-учебныхъ заведеній и для взаимнаго обученія дома. Составилъ И. Сня. Первый курсъ. Первый годъ обученія. Съ 62 рисунк., 7 картин., и 3 картами. М. 1896.—Рец. 1897. Ч. 312, июль, отд. III, стр. 7—11.
938. Карлъ Скуйе. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій, составленный по новой программѣ мин. нар. просв. для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 31—32.
939. Карлъ Скуйе. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго на французскій, составленный по новой программѣ мин. нар. просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній. М.

1896. — Рец. 1896. Ч. 306, декабрь, отд. III, стр. 81—75.
940. Tableau général d'orthographe d'usage. Initiales.-Médiales.-Finales. Par Z. T. C.-Пб.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. III, стр. 12—13.
941. Kurzgefasste deutsche Grammatik für mittlere Lehranstalten in Russland und zum Privatunterricht. Краткая немецкая грамматика для средних учебных заведений въ Россіи и для частнаго обученія. Составилъ *А. Урюковскій*. 5-е издание исправленое. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 1—2.
942. Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Eugène Scribe. La Samargalerie ou la courte échelle. Текстъ съ введеніемъ, приложеніями и словаремъ. Объяснилъ *Б. Л. Фельн*. Царское село 1892.—Рец. 1893. Ч. 289, сентябрь, отд. III, стр. 3—4.
943. Morceaux choisis tirés des meilleurs auteurs français. Avec notices littéraires et vocabulaires. Expliqués et commentés par *L. Faullge* et *L. Martin*. St.-Petersbourg 1900.—Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. III, стр. 13—15.
944. *Максъ Фишеръ*. Deutsche Grammatik. Etymologie, Syntaxis, Poetik, orthographisches Wörterverzeichnis. Нѣмецкая грамматика. Этимологія, синтаксисъ, стихосложеніе, орфографическій указатель. М. 1891.—Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. III, стр. 3—5.
945. Гудрунъ. Gudrun. Пособіе для класснаго и домашняго чтенія. Прилѣчаніями и словарями, построеными и алфавитными, снабдилъ *Максъ Фишеръ*. М. 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 43—44.
946. Зигфридъ (Nibelungenlied). Пособіе для домашняго и класснаго чтенія. Прилѣчаніями и словарями снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе второе. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 305, май, отд. III, стр. 43—44.
947. Парсиваль. Parsival. Пособіе для класснаго и домашняго чтенія. Прилѣчаніями и словарями, построеными и алфавитными, снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе 2-е. М. 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. III, стр. 43—44.
948. Избранныя баллады и стихотворенія Ф. Шиллера съ приложеніемъ объяснительнаго матеріала изъ другихъ классическихъ писателей. Новѣйшій часть II. Введеніями, прилѣчаніями, словаремъ и правилами снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изд. 2-е М. 1892.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 32—33.
949. Schiller. Egmont und Wilhelm von Oranien. Auszug aus der Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung. Эгмонтъ и Вильгельмъ Оранскій. Извлеченіе изъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ“ Фр. Шиллера. Текстъ съ введеніемъ, прилѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Обработалъ *Максъ Фишеръ*. С.-Пб. 1895.—Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 9—10.
950. Петръ Шлеммль, А. Шамиссо Pöter Schlemmhl, A. von Chamisso. Пособіе для класснаго и домашняго чтенія обработалъ и прилѣчаніями. темами для устныхъ и письменныхъ упражненій и словарями—подстроеными и алфавитными—снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изд. 2-е. М. 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 36—38.
951. Практическій курсъ французскаго языка по натуральному (реальному) методу, составилъ *И. М. Фоминъ*. Cours pratique de langue française d'après la méthode naturelle (réelle).

- Odessa 1892. — Рец. 1893. Ч. 280, сентябрь, отд. III, стр. 7—10.
952. Wilhelm Hauff. Märchen für Söhne und Töchter gebildeter Stände. (Сказки Вильгельма Гауффа. Для старших классов средних учебных заведений приспособить и снабдить словарем. С. Чекала. Выпуск 1-й. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 11—12.
953. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 12—14.
954. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала. IV. Курсъ старшихъ классовъ. М. 1893. — Рец. 1894. Ч. 291, отд. III, стр. 2—3.
955. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ С. Чекала. Ч. 2-я. Спиктаксисъ. М. 1893. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 26—32.
956. Англійскіе рассказы и стихотворенія. Познакоуются русскія дѣти. Собраны *Л. Чудновской*. Пособіе при преподаваніи англійскаго языка по натуральному, звуковому методу въ классѣ и дома. Одесса 1898. — Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 4—6.
957. Изданіе Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла. English Grammar, Letters, Prose and Poetry for Russian Schools. Arranged and selected by *L. Chodnowsky*. Odessa. Англійская грамматика, письмо, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Составлены и собраны *Л. Чудновской*. Одесса 1900. — Рец. 1900. Ч. 330, июль, отд. III, стр. 7—8.
958. *А. Шалландъ*. Французская элементарная грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. Часть первая. Изд. 4-е. С.-Пб. 1890. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 15—18.
959. *А. Шалландъ*. Полный курсъ французскаго языка. Приготовительный курсъ. С.-Пб. 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 15—18.
960. *А. Шалландъ*. Полный курсъ французскаго языка. Первый годъ и второй. Изд. 1891. — Третій годъ. Изд. второе. С.-Пб. 1892. — Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. III, стр. 15—18.
961. Руководство къ началному изученію французскаго языка, составилъ *Г. Шаль*. Одесса 1892. — Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. III, стр. 19—22.
962. Deutsches Lesebuch für Elementarschulen in Russland. I und II Abtheilung (3 и 4 Schuljahr). Ausgabe A. für evangelische Schulen, — B. für katholische Schulen. Herausgegeben von *K. Schölzel*. Odessa 1898. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, стр. 37—38.
963. Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка, составлено *Шинцгауэромъ*, преподавателемъ нѣмецкаго языка Сибирской гимназій. Первый курсъ для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. 13-е изданіе, переработанное примынительно къ новому учебному плану, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія. М. 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 28—30.
964. Сборникъ нѣмецкихъ техническихъ статей для чтенія и перевода на русскій языкъ. Составилъ *В. Ф. Шинормеръ*. С.-Пб. 1892. — Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 33—35.
965. Ueber den Anfangsunterricht im Deutschen mit besonderer Berücksichtigung

- sichtigung der Aussprache. Ein Begleitwort zur Illustrierten Fibel für Schule und Haus von *Alfon Schultz*. 1895.—Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 10—11.
966. *А. Шульц*. Иллюстрированная немецкая азбука для совместнаго обучения чтенію и письму въ школахъ и дома. 1895.—Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 10—11.
967. *А. Шульц*. Новый практический элементарный курсъ немецкаго языка для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для обученія дома. I-й годъ обученія. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 95—99.
968. *А. Шульц*. Краткія замѣтки о преподаваніи немецкаго языка по книгѣ того же автора: „Новый практический элементарный курсъ немецкаго языка“. 1896.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 95—99.
969. *А. Шульц*. Практическая книга для чтенія по немецкому языку, съ примѣчаніями для перевода и съ вопросами и темами для устныхъ и письменныхъ практическихъ упражненій и со словаремъ для перевода всѣхъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей, для младшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ средне-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1899.—Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. III, стр. 13—14.
970. Сборникъ немецкихъ стихотвореній для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ подстроенымъ словаремъ. Составилъ *Артуръ Экк*. Дерптъ 1899.—Рец. 1892. Ч. 279, февраль, отд. III, стр. 82.
971. Schiller. Sein Leben, seine Werke und seine litterarische Bedeutung. Шиллеръ. Его жизнь, сочиненія и его литературное значеніе. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ примѣчаніями и построчнымъ словаремъ составилъ *Артуръ Экк*. М. 1894.—Рец. 1895. Ч. 299, июнь, отд. III, стр. 58—59.
972. *М. Эртель*. Статьи для перевода съ русскаго языка на немецкій языкъ съ словаремъ. Изданіе 14-е. 1895.—Рец. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 36—40.
973. Сокращенная немецкая грамматика для русскаго иностранца. (Текстъ на русскомъ и немецкомъ языкахъ). Составилъ *Морицъ Эртель*. Изданіе 19-е. 1898.—Рец. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 36—40.
974. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht der deutschen Sprache von *Moritz Oertel*. Изданіе 72-е. 1900.—Рец. 1900. Ч. 329, июнь, отд. III, стр. 36—40.
975. Deutsches Lesebuch für memnitische und lutherische Elementarschulen in Russland, herausgegeben von *K. Ulrich u. K. Wilhelm*. Erste Abtheilung. Zweite Abtheilung. Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 94—95.
976. Auswahl deutscher Gedichte herausgegeben als Anhang zum Leitfaden zur Einführung in die Schätze der deutschen Dichtkunst vom Verfasser des Leitfadens *Fr. Jürgenson*. Odessa 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 2—3.
977. Leitfaden zur Einführung in die Schätze der deutschen Dichtkunst. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte der poetischen Litteratur der Deutschen nebst einem Anhang: Auswahl deutscher Gedichte. Verfasst und zusammengestellt von *Fr. Jürgenson*. Odessa 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. III, стр. 2—3.
978. Элементарный курсъ немецкаго

- язька. Составилъ *Л. К. Лякобсонъ*. С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. III, стр. 36—37.
979. Нѣмецкая хрестоматія. Составилъ *Ө. Ө. Лякобскій*. Рига 1895.—Рец. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. III, стр. 92—93.
980. Нѣмецкая азбука. Составилъ *Ө. Ө. Лякобскій*. Deutsche Fibel für den vereinigten Schreib-Lese-Sprachunterricht. Vorstufe zum deutschen Lesebuche von *Th. Jaskowsky*. Riga 1896. Рец. 1897. Ч. 309, январь, отд. III, стр. 2—4.

ф) Искусство.

Б. Рецензи.

981. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ, рекомендованное въ программахъ испытаній на званіе техника путей сообщенія. Составили *Л. Бронниъ* и *В. Финсеръ*. Выпускъ I. Матеріалы и работы, съ 18 листами чертежей. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1891. — Вып. II. С.-Пб. 1886. — Рец. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. III, стр. 17—26.
982. *И. Володыкинъ*. Архитектурный стиль. Часть I. Архитектурные стили древняго міра. Съ 189 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. — Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. III, стр. 30—35.
983. Волшебный фонарь. Устройство его и способъ употребленія. Картины для волшебнаго фонаря. Кинематографъ и его устройство. Составилъ *Ф. А. Даниловъ*. Съ 75 рис. въ текстѣ. Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 312, июль, отд. III, стр. 1—2.
984. Полный курсъ чистолісанія для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный *Ө. Кондопуло*. Москва 1893.—Рец. 1894. Ч. 294, июль, отд. III, стр. 22—24.
985. Рисованіе съ проволочныхъ моделей геометрическихъ фигуръ и тѣлъ. Часть I. Плоскія фигуры и задачи, къ нимъ относящіяся. Составилъ *Павелъ Ладновъ*.—Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 1—4.
986. *Ө. Песковъ*. Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство (съ 69 рисунками). С.-Пб. 1894.—Рец. 1897. Ч. 314, декабрь, отд. III, стр. 32—33.
987. Рисованіе по сѣткѣ. Пособіе для самостоятельныхъ занятій дѣтей въ школахъ и дома. Составилъ *Ө. Ө. Пущиковичъ*. Выпускъ 1-й для дѣтей отъ 6-ти лѣтъ. Изд. дѣвятое. 1890 г. Выпускъ 2-й, для дѣтей отъ 8 лѣтъ. Изданіе 8-е. 1891 г.—Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 4—5.
988. Руководвіе, какъ предметъ обученія въ народной школѣ. *Екатерина Лижуль*. С.-Пб. 1890.—Рец. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. III, стр. 5—10.

ц) Сельское хозяйство. Пчеловодство. Садоводство.

Б. Рецензи.

989. *М. П. Давидовъ*. Садоводство и огородничество. Практическое и общепонятное руководство для сельскихъ жителей: учителей, духовенства, учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ, первоино-приход-

- ских и других школь. Казань 1891.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. III, стр. 47—48.
990. *Notions de Sciences physiques et naturelles appliquées à l'agriculture. 50 expériences pour l'école primaire, par René Lablanc. Paris.—Рец. Э. К. 1892. Ч. 261, май, отд. II, стр. 181—184.*
991. *Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактический очерк Арнольда Дителя. Съ 222 рисунками и 172 изображениями растений. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. III, стр. 139—143.*

4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1. РУССКАЯ.

А. Отчеты г. министра народного просвѣщенія. Учебные округа. Общія свѣдѣнія.

А. Статьи.

992. Наши учебныя заведенія. Кавказскій учебный округъ въ 1890 году.—1892. Ч. 283, сентябрь, отд. IV, стр. 1—27; октябрь, стр. 39—65; ч. 284, декабрь, отд. IV, стр. 72—112.
993. Наши учебныя заведенія. Кавказскій округъ въ 1891 г.—1893. Ч. 290, ноябрь, отд. IV, стр. 31—64; декабрь, стр. 106—139.
994. Наши учебныя заведенія. Кавказскій учебный округъ въ 1892 г.—1894. Ч. 296, ноябрь, отд. IV, стр. 22—62; декабрь, отд. IV, стр. 129—163.
995. Наши учебныя заведенія. Кавказскій учебный округъ въ 1893 году.—1896. Ч. 303, январь, отд. IV, стр. 27—60; ч. 304, мартъ, стр. 12—46.
996. Кавказскій учебный округъ въ 1894 году.—1897. Ч. 309, январь, отд. IV, стр. 47—66.
997. Кавказскій учебный округъ въ 1896 году.—1898. Ч. 316, апрѣль, отд. IV, стр. 29—60.
998. Кавказскій учебный округъ въ 1897 году.—1899. Ч. 321, февраль, отд. IV, стр. 53—71.

Б. Высшія учебныя заведенія.

А. Статьи.

999. Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1891—1892 учебный годъ.—1893. Ч. 285, февраль, отд. IV, стр. 53—64.
1000. Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 г.—1894. Ч. 291, февраль, отд. IV, стр. 93—109.
1001. Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1893—1894 учебный годъ.—1896. Ч. 297, январь, отд. IV, стр. 1—14.
1002. Отчетъ о состояніи С.-Петер-

- бургских высших женских курсов за 1894—1895 учебный год.—1896. Ч. 303, январь, отд. IV, стр. 1—26.
1003. Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1895—1896 учебный год.—1897. Ч. 309, февраль, отд. IV, стр. 69—106.
1004. Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1896—1897 академический год.—1898. Ч. 315, январь, отд. IV, стр. 10—53.
1005. С.-Петербургские высшие женские курсы в 1897—1898 академическом году.—1899. Ч. 322, март, отд. IV, стр. 48—67.
1006. С.-Петербургские высшие женские курсы в 1898—1899 академическом году.—1900. Ч. 328, март, отд. IV, стр. 1—16.
1007. Императорский С.-Петербургский историко-филологический институт в 1894—1895 учебном году.—1895. Ч. 301, сентябрь, отд. IV, стр. 13—17.
1008. Императорский С.-Петербургский историко-филологический институт в 1895—1896 учебном году.—1896. Ч. 307, сентябрь, отд. IV, стр. 25—28.
1009. Свидѣнія о состояніи въ 1 февраля 1892 г. кафедръ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, св. Владимира, Харьковскаго и Новороссійскаго.—1892. Ч. 281, май, отд. IV, стр. 1—55.
1010. Императорский Варшавский университет в 1894 г.—1896. Ч. 303, январь, отд. IV, стр. 61—67.
1011. Императорский Варшавский университет в 1895 году.—1897. Ч. 309, январь, отд. IV, стр. 41—46.
1012. Императорский университет св. Владимира в 1894 г.—1895. Ч. 301, сентябрь, отд. IV, стр. 18—25.
1013. Императорский университет св. Владимира в 1895 году.—1897. Ч. 309, январь, отд. IV, стр. 34—40.
1014. Императорский университет св. Владимира в 1896 году.—1897. Ч. 314, ноябрь, отд. IV, стр. 28—37.
1015. Празднованіе Императорскихъ Казанскихъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія П. И. Лобачевскаго. Казань.—Ред. 1894. Ч. 294, августъ, отд. II, стр. 448—449. (Книжныя новости).
1016. Императорский Казанский университет в 1893—1894 г.—1895. Ч. 300, августъ, отд. IV, стр. 34—43.
1017. Императорский Казанский университет в 1896—1897 году.—1898. Ч. 317, май, отд. IV, стр. 1—10.
1018. Императорский Московский университет в 1894 году.—1895. Ч. 298, апрѣль, отд. IV, стр. 57—65.
1019. Императорский Московский университет в 1895 г.—1896. Ч. 303, февраль, отд. IV, стр. 85—92.
1020. Императорский Московский университет в 1896 году.—1897. Ч. 310, мартъ, отд. IV, стр. 1—12.
1021. Императорский Московский университет в 1897 году.—1898. Ч. 316, мартъ, отд. IV, стр. 1—13.
1022. Императорский С.-Петербургский университет в 1894 году.—1896. Ч. 299, май, отд. IV, стр. 30—38.
1023. Императорский С.-Петербургский университет в 1895 г.—1896. Ч. 304, мартъ, отд. IV, стр. 1—11.
1024. Императорский С.-Петербургский университет в 1896—1897. Ч. 310, мартъ, отд. IV, стр. 12—22.
1025. Императорский С.-Петербургский университет в 1897 году.—1898. Ч. 316, мартъ, отд. IV, стр. 14—23.
1026. Императорский Харьковский университет в 1894 г.—1895. Ч. 301, октябрь, отд. IV, стр. 33—41.
1027. А. С. Вудяловичъ. Историче-

- ская замятка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго Юрьевскаго университета въ разные періоды его существованія.—1895. Ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 1—31.
1028. Императорскій Юрьевскій университетъ въ 1897 году.—1898. Ч. 317, май, отд. IV, стр. 10—165.
1029. Открытіе Императорскаго Московскаго инженернаго училища.—1896. Ч. 307, октябрь, отд. IV, стр. 81—88.

В. Среднія учебныя заведенія.

А. Статьи.

1030. **Ө. М. Керенскій.** Медресе Туркестанскаго края. — 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. IV, стр. 18—52.
1031. **Е. П. Ковалевскій.** Сельско-хозяйственныя занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ. — 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. III, стр. 1—51.
1032. **И. И. Мещерскій.** Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи (1883—1892). — 1893. Ч. 285, январь, отд. III, стр. 1—22; февраль, стр. 23—54.
1033. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1891 г. — 1892. Ч. 282, июль, отд. IV, стр. 6—75.
1034. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1892 г. — 1894. Ч. 293, май, отд. IV, стр. 1—39.
1035. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1893 г.—1896. Ч. 306, июнь, отд. IV, стр. 33—57.
1036. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1894 г. — 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. IV, стр. 29—71.
1037. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1895 г.—1897. Ч. 312, августъ, отд. IV, стр. 78—125.
1038. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1896 году.—1897. Ч. 313, октябрь, отд. IV, стр. 27—73.
1039. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1897 году.—1898. Ч. 319, сентябрь, отд. IV, стр. 1—57.
1040. Наши учебныя заведенія. Обь испытаніяхъ зрѣлости въ 1898 году.—1899. Ч. 326, декабрь, отд. IV, стр. 79—121.
1041. Наши учебныя заведенія. Обь окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1893 году.—1896. Ч. 306, августъ, отд. IV, стр. 88—121.
1042. Наши учебныя заведенія. Обь окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1894 году.—1897. Ч. 309, январь, отд. IV, стр. 1—33.
1043. Наши учебныя заведенія. Обь окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1895 году.—1897. Ч. 312, июль, отд. IV, стр. 1—55.
1044. Наши учебныя заведенія. Обь окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1896 году.—1898. Ч. 319, октябрь, отд. IV, стр. 67—105.
1045. Наши учебныя заведенія. Обь окончательныхъ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ въ 1897 году.—1900. Ч. 329, май, отд. IV, стр. 1—38.
1046. **К. Нечаевъ.** Порѣцкая учительская семинарія въ первый 25

- лѣтъ ея существованія. — 1898. Ч. 317, май, отд. IV, стр. 16—38.
1047. Н. О—въ. Учительскія семинаріи Виленскаго учебнаго округа. — 1899. Ч. 323, май, отд. IV, стр. 1—27.
1048. Е. В. Пѣтуховъ. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ.—1895. Ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 72—129.
1049. П. А. Ровинскій. Отчетъ Цетинскаго дѣвичьяго института Императрицы Маріи за 1891—1892 учебный годъ. — 1893. Ч. 283, июнь, отд. IV, стр. 13—24.
1050. Состояніе преподаванія древнихъ языковъ въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ и училищахъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій. — 1893. Ч. 289, октябрь, отд. IV, стр. 45—65.
1051. Среднія учебныя заведенія Виленскаго учебнаго округа въ 1896 году.—1898. Ч. 315, январь, отд. IV, стр. 54—75.
1052. Среднія и низшія школы въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году.—1892. Ч. 279, февраль, отд. IV, стр. 79—107; ч. 280, мартъ, отд. IV, стр. 1—19; апрѣль, стр. 21—60.
1053. Среднія и низшія школы въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ 1891 году.—1893. Ч. 286, мартъ, отд. IV, стр. 1—29; апрѣль, стр. 31—51.
1054. Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1892 г.—1893. Ч. 288, августъ, отд. IV, стр. 19—48; ч. 289, сентябрь, стр. 1—32.
1055. Среднія и низшія учебныя заведенія Киевскаго учебнаго округа въ 1893 г.—1894. Ч. 295, сентябрь, отд. IV, стр. 1—33; октябрь, стр. 41—85.
1056. Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1894 г.—1895. Ч. 302, декабрь, отд. IV, стр. 45—101.
1057. Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1895 г.—1896. Ч. 308, декабрь, отд. IV, стр. 77—124.
1058. Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1896 г.—1897. Ч. 314, декабрь, отд. IV, стр. 39—88.
1059. Среднія и низшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1897 г.—1899. Ч. 321, январь, отд. IV, стр. 1—52.
1060. С. Д. Чудновскій. Школы въ Сибири. — 1892. Ч. 279, январь, отд. IV, стр. 1—45; февраль, отд. IV, стр. 107—140.

Б. Рецензіи.

1061. Г. К. Доробцовъ. О постановкѣ възвѣдственнаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ Ставропольской гимназіи 1890—1891. Тифлисъ 1896. — Рец. 1897. Ч. 313, октябрь, отд. III, стр. 24—29.
1062. И. С. Карповъ. Маринскій институтъ 1797—1897 г. (Историческій очеркъ). С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 342—343. (Близкія новости).
1063. „Школьные сады Екатеринославской губерніи“ съ 1890 — 1892 г.; шесть отчетовъ г. Лисицына объ осмотрѣ школьныхъ садовъ и докладъ о курсахъ садоводства и огородничества для учителей народныхъ школъ Екатеринославской губерніи. Екатеринославъ 1892.—Рец. Е. П. Ковалевскаго. — 1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 273—276.

Г. Низшія учебныя заведенія.

А. Статьи.

1064. Е. П. Ковалевскій. Сельско-хозяйственныя занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ. — 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. III, стр. 1—51.
1065. И. И. Мещерокій. Сельско-хозяйственныя отдѣленія при низшихъ училищахъ Кавказскаго округа. — 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. IV, стр. 60—84.
1066. Н. О.—въ. Народное образованіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1893 году. — 1895. Ч. 298, мартъ, отд. IV, стр. 1—44.
1067. Н. О.—въ. Городскія и уѣздныя училища Виленскаго учебнаго округа въ 1894 г.—1896. Ч. 303, февраль, отд. IV, стр. 93—113.
1068. Н. О.—въ. Народное образованіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1896 году.—1898. Ч. 315, февраль, отд. IV, стр. 138—190.
1069. Среднія и низшія школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году.—1892. Ч. 279, февраль, отд. IV, стр. 79—107; ч. 280, мартъ, отд. IV, стр. 1—19; апрѣль, стр. 21—60.
1070. Среднія и низшія школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1891 году.—1893. Ч. 286, мартъ, отд. IV, стр. 1—29; апрѣль, стр. 31—51.
1071. Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1892 г.—1893. Ч. 288, августъ, отд. IV, стр. 19—48; ч. 289, сентябрь, стр. 1—32.
1072. Среднія и низшія учебныя заведенія Кіевскаго учебнаго округа въ 1893 году.—1894. Ч. 295, сентябрь, отд. IV, стр. 1—33; октябрь, стр. 41—85.
1073. Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1894 г.—1895. Ч. 302, декабрь, отд. IV, стр. 45—101.
1074. Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1895 г.—1896. Ч. 308, декабрь, отд. IV, стр. 77—124.
1075. Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1896 г.—1897. Ч. 314, декабрь, отд. IV, стр. 39—88.
1076. Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1897 г.—1899. Ч. 321, январь, отд. IV, стр. 1—52.
1077. М. Столяровъ. Провославныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. — 1895. Ч. 301, октябрь, отд. III, стр. 13—37; ч. 302, ноябрь, отд. III, стр. 24—73.
1078. М. Столяровъ. Народныя школы Прибалтійскаго края. — 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 39—78.
1079. Д. И. Тороповъ. О начальномъ народномъ образованіи въ Тверской губерніи. — 1900. Ч. 327, февраль, отд. IV, стр. 87—143.

В. Рецензіи.

1080. А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. Изданіе Харьковскаго губерніи статист. комитета. Харьковъ 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 196. (Книжныя новости).

II. ЗАГРАНИЦАМЪ.

A. Статьи.

1081. **Ө. Д. Ватюшковъ.** Квинкулярныя куры французскаго языка и литературы „Alliance française“ въ Парижѣ, для иностранцевъ. (Первая серия съ 1-го июля по 1-ое августа 1896 г.).—1896. Ч. 308, ноябрь, отд. IV, стр. 1—11.
1082. **А. Д. Вейоманъ.** О педагогической семинари Шиллера въ Гиссенѣ. —1895. Ч. 298, апрѣль, отд. III, стр. 13—25.
1083. **А. Г. Вонровъ** о говорарѣ и профессорскою жлованіи въ Прусской палатѣ депутатовъ въ 1897 г.—1898. Ч. 317, май, отд. IV, стр. 60—101.
1084. **Ө. О. Зигель.** Коллегии и университеты въ Америкѣ. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. II, стр. 274—310.
1085. **Отчетъ графа П. А. Капниста** о поѣздѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ.—1896. Ч. 304, апрѣль, отд. III, стр. 13—46; ч. 305, май, отд. III, стр. 1—38; ч. 306, июль, отд. III, стр. 1—32; августъ, стр. 53—87; ч. 307, сентябрь, стр. 26—58; октябрь, стр. 79—112.
1086. **Е. П. Ковалевскій.** Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго.—1893. Ч. 290, ноябрь, отд. IV, стр. 65—104; 1894, ч. 291, январь, стр. 39—78; февраль, стр. 110—151.
1087. **Д. Д.—ръ.** Письмо изъ Парижа. Май 1899.—1899. Ч. 324, июль, отд. IV, стр. 17—26.
1088. **А. Довягинъ.** Очеркъ первоначальнаго, средняго и высшего образованія въ Голландіи.—1897. Ч. 313, сентябрь, отд. IV, стр. 1—26.
1089. **И. В. Мещерскій.** Преподаваніе механики и механическія коллекціи въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи. — 1894. Ч. 296, декабрь, отд. IV, стр. 63—128.
1090. **С. Ө. Ольденбургъ.** Очерги преподаванія восточныхъ языковъ во Франціи, Англіи и Германіи. — 1894. Ч. 293, июнь, отд. II, стр. 255—275.
1091. **С. Ө. Ольденбургъ.** Восточнѣдѣніе въ новыхъ французскихъ университетахъ. — 1898. Ч. 318, июль, отд. IV, стр. 1—4.
1092. **Д. М. Павливъ.** Замѣтки объ изученіи Китая въ Лондонѣ и Парижѣ.—1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 287—335.
1093. **Н. Е. Окворцевъ.** Современное педагогическое образованіе учителей нѣмецкихъ гимназій. (Наблюденія и размышленія).—1894. Ч. 292, мартъ, отд. III, стр. 1—73.
1094. **И. В. Стрекалова.** Русскій отдѣлъ по воспитанію и образованію на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—1900. Ч. 332, декабрь, отд. IV, стр. 51—60.
1095. **Стокгольмскія народныя школы** въ 1895 году.—1896. Ч. 308, ноябрь, отд. IV, стр. 12—28.
1096. **Е. Т. Письмо изъ Рима.**—1893. Ч. 289, сентябрь, отд. IV, стр. 33—43.
1097. **Е. Т. Письмо изъ Рима.**—1895. Ч. 299, май, отд. IV, стр. 39—56.
1098. **Вл. И. Фармаковскій.** Отдѣлы начальнаго обученія и воспитанія въ

- Парижской выставкѣ 1900 года. — 1900. Ч. 331, октябрь, отд. IV, стр. 97—127.
1109. В. А. Чумиковъ. Современные нѣмецкіе университеты. — 1896. Ч. 308, декабрь, отд. II, стр. 301—333.
1100. Е. Н. Щепкинъ. Постановка преподаванія всеобщей исторіи въ Вѣнскомъ университетѣ. (Изъ отчета о командировкѣ за лѣтній семестръ 1896 года). — 1898. Ч. 315, февраль, отд. IV, стр. 128—137.

В. Рецензіи.

1101. Очерки начального образованія въ скандинавскихъ странахъ. Е. Спрагнолобской. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. — Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. III, стр. 28—32.

IV. ИСТОРИЯ И НАУКИ ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ ИСТОРИИ.

1. МЕТОДИКА И ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИИ.

А. Статьи.

1102. О. Д. Оскаръ Исгеръ, его педагогическая и литературная дѣятельность. — 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 169—199.
1103. А. Е. Прѣсняковъ. Новый трудъ по теоріи исторической науки. (*P. Lacombe. De l'histoire considérée comme science. Paris. 1894.*) — 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 188—210.

В. Рецензіи.

1104. Die Zahl im Kriege. Statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte in graphischer Darstellung von *Otto Bernt*. Wien 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, май, отд. II, стр. 220—221. (Книжныя новости).
1105. Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе проф. *Оскара Исгера*. Переводъ подъ редакцію проф. П. Н. Полеваго. Со многими снимками съ памятниконъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. — Рец. В. 1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 164—174.
1106. Историческое обобщеніе. Сборникъ историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *И. И. Карьсова*. С.-Пб. 1899. — Рец. 1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 551—552. (Кн. новости).
1107. *P. Lacombe. De l'histoire considérée comme science. Paris. 1894.* — См. ст. А. Е. Прѣснякова. „Новый трудъ по теоріи исторической науки“.
1108. *Л. И. Мечниковъ*. Цивилизація и великія историческія рѣки. Графическая теорія развитія современныхъ обществъ. Переводъ съ фран-

лукскаго М. Д. Городецкаго. С.-Пб. 1898 г.—Ред. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 345—346. (Кн. новости).
1109. *Гюльям Шерр*. Историческія

жепцины. Переводъ съ нѣмецкаго П. П. Еспиова. С.-Пб. 1898.—Ред. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 504. (Книжныя новости).

2. ИСТОРИЯ НАРОДОВЪ ВОСТОКА (АЗИИ И АФРИКИ).

А. Статьи.

1110. В. В. Вартольдъ. Новыя изслѣдованія объ орхонскихъ надписяхъ.—1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 231—250.

1111. В. А. Вильбасовъ. Немировскій конгрессъ. (А. Кочубинскій: „Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ, 1735—1739“). Одесса 1899 г.).—1900. Ч. 329, июнь, отд. II, стр. 331—347.

1112. А. Васильевъ. Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе Мпхаила III (842—867).—1899. Ч. 324, июль, отд. II, стр. 1—55.

1113. Н. И. Веселовскій. Орхонскія открытія.—1894. Ч. 292, апрѣль, отд. IV, стр. 59—72.

1114. А. Н. Гревъ. Династія Багратидовъ въ Арменіи.—1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 52—139.

1115. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми? (Къ вопросу о народахъ бѣлокурой расы въ Средней Азій).—1899. Ч. 323, июнь, отд. II, стр. 340—397.

1116. Д. Н. Кудрявскій. Приемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала.—1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 28—60.

1117. Н. Я. Марръ. Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія.—1899. Ч. 324, июль, отд. II, стр. 241—250.

1118. П. М. Меліоранскій. Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ надписяхъ съ надписями.—

1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр. 263—292.

1119. Д. М. Поедйевъ. Вопросы древней исторіи Китая.—1894. Ч. 293, июнь, отд. II, стр. 374—400; ч. 294, июль, отд. II, стр. 1—18.

1120. Д. М. Поедйевъ. Основныя теченія государственной жизни Китая въ XIX вѣкѣ.—1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 23—44.

1121. Д. М. Поедйевъ. Тайнинское возстаніе въ Китаѣ.—1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 17—41.

1122. М. И. Ростовцевъ. Новыя данныя по исторіи финансоваго управленія греко-римскаго Египта. (По поводу книги *Witcken'a Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien*).—1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 133—166.

1123. В. В. Соколовскій. Греко-римское право въ уложеніи грузинскаго царя Вахтанга VI. (Очеркъ по исторіи распространенія византійскаго права на Востокѣ).—1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 56—93.

1124. И. И. Соловейчикъ. Палестина въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ открытій.—1896. Ч. 304, мартъ, отд. II, стр. 43—91.

1125. И. И. Соловейчикъ. Восточная цивилизація въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.—1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 272—324.

1126. И. И. Соловейчикъ. Изслѣдованія о надписи Мени.—1900. Ч.

- 331, октябрь, отд. II, стр. 274—334;
ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 64—106.
1127. В. А. Тураевъ. Народъ „Кефъ“
египетскихъ памятниковъ. — 1893.
Ч. 289, сентябрь, отд. II, стр. 173—186.
1128. Г. А. Халатъянцъ. Начало
критическаго изученія исторіи Ар-
меніи Моисея Хоренскаго. — 1894.
Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 377 —
402.
1129. А. Хахановъ. Изъ исторіи сно-
шеній Грузіи съ Россією въ XVIII
вѣкѣ. — 1899. Ч. 323, май, отд. II,
стр. 102—112.
- В. Рецензіи.*
1130. Р. Андерсонъ. Исторія вымер-
шихъ цивилизацій Востока. Пере-
водъ съ англійскаго. М. 1898. —
Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II,
стр. 268—269.
1131. Памятники дипломатическихъ и
торговыхъ сношеній Московской Ру-
си съ Персією. Изданіе подъ ред.
Н. И. Веселовскаго. Т. III. Царство-
ваніе Михаила Феодоровича. С.-Пб.
1898. — Рец. 1898. Ч. 319, октябрь,
отд. II, стр. 492—493. (Кн. новости).
1132. Wülfken. Die griechischen Ostra-
ka aus Aegypten und Nubien. — Рец.
см. ст. М. И. Ростовцева „Новыя
данныя по исторіи финансоваго
управленія греко-римскаго Египта“.
1133. Страна Эфиоповъ. (Абиссинія).
Е. Е. Доманева. С.-Пб. 1896. — Рец.
В. А. Тураева. 1897. Ч. 311, май,
отд. II, стр. 206—211.
1134. Древній Египетъ. Культурно-
историческій очеркъ. Составилъ
В. Ө. Икономовъ. Москва 1897. —
Рец. В. А. Тураева. 1900. Ч. 327,
февраль, стр. 404—407.
1135. Léon Cahen. Introduction à l'hi-
stoire de l'Asie. Turcs et Mongols
des origines à 1405. Paris 1896. —
Рец. В. В. Бартольдъ. 1896. Ч. 305,
июнь, отд. II, стр. 366—384.
1136. Проф. М. С. Корелинъ. Иллю-
стрированныя чтенія по культурной
исторіи. Выпускъ III. Финикійскіе
мореплаватели и ихъ культура. Съ
26 рисунками въ текстѣ. Изданіе
редакціи журнала „Русская Мысль“.
Москва 1895. — Рец. 1896. Ч. 304,
апрѣль, отд. III, стр. 90.
1137. А. Кочубинскій. Графъ Андрей
Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ
Турціи. Изъ исторіи восточнаго во-
проса. Война пяти лѣтъ, 1735—1739.
Одесса 1899. — См. ст. В. А. Виль-
басова „Немировскій конгрессъ“.
1138. А. К. Миркова. Каталогъ дже-
лаиридскихъ монетъ. Съ 4 цинкогра-
фическими и 15 топографическими
рисунками въ текстѣ, 9 фотогалио-
типическими таблицами, 1 геогра-
фическою картою и 1 генеалогиче-
скою таблицею. С.-Пб. 1897 г. — Рец.
1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр.
473—474. (Кн. новости).
1139. Мухамедъ Наршихи. Исторія
Бухары. Перевелъ съ персидскаго
Н. Лакоинигъ подъ редакціей В. В.
Бартольда. Ташкентъ 1897. — Рец.
Н. И. Веселовскаго. 1897. Ч. 314,
декабрь, отд. II, стр. 466—468.
1140. М. М. Петруховъ-Соловцово. Брат-
скій очеркъ исторіи отношеній между
Ассиро-Вавилонією и евреями. Съ
картою. С.-Пб. 1895. — Рец. 1896.
Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 163—
164. (Книжныя новости).
1141. Китай, его прошлое и настоящее.
Отчетъ о поѣздѣ, совершенной въ
май 1889 г. Д. Покотилова. С.-Пб.
1893. — Рец. Д. М. Позднѣева.
1894. Ч. 292, мартъ, отд. II, стр.
171—183.

1142. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Средней имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россією полосы (съ XVI чертежами). *Д. В. Пуптца*. С.-Пб. 1895.—Рец. *Д. М. Повдѣева*. 1895. Ч. 299, июнь, отд. II, стр. 448—466.
1143. Полятино-статистическій очеркъ Персіи. Съ картою. Составилъ *И. А. Риттихъ*. С.-Пб. 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. III, стр. 87—90.
1144. Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи. Съ 145 рисунками въ текстѣ и картою. *Д. И. Шрейдеръ*. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 354—355. (Кн. новости).
1145. *Schürer*. Die Juden im Völkern der Römischen Reiche und die Genossenschaften der *αἰθίοικος* *ἑθῶν* *Ἑβραίων* daselbst. Berlin 1897.—Рец. *Ю. К.* 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 494—495.
1146. *Г. А. Эзоль*. Споменія Петра Великаго съ армянскими народами. Документы, извлеченные изъ московскаго главнаго и с.-петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учрежденій. С.-Пб. 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 279—280. (Княжвыя новости).

3. ИСТОРИЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ НАРОДОВЪ.—ГРЕЦІЯ И ЕЯ КОЛОНИИ.—РИМЪ И ПРОВИНЦІИ.

1. КЛАССИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГІЯ. НАДПИСИ. МУЗЕИ. ПАМЯТНИКИ.

А. Статьи.

1147. *Ф. Э. Видеманъ*. Архангелская надпись съ острова Сикина.—1899. Ч. 322, апрѣль, отд. V, стр. 8—10.
1148. *С. Вудъ*. „Имена любимцевъ“ на аттическнхъ вазахъ.—1897. Ч. 310, апрѣль, отд. V, стр. 1—21.
1149. *В. Е.* Къ присягѣ херсонисцевъ.—1892. Ч. 283, октябрь, отд. V, стр. 28—29.
1150. *В. К. Ернштедтъ*. Къ надгробію Ианонъ, дочери Главкіи. — 1892, ч. 283, сентябрь, отд. V, стр. 147—148.
1151. *С. А. Жебелевъ*. Забытыя къ двумъ амфелейскимъ надписямъ.— 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. V, стр. 1—6.
1152. *С. А. Жебелевъ*. Ионская голова пѣль Аргосскаго Ираона.—1893. Ч. 290, декабрь, отд. V, стр. 111—113.
1153. *С. А. Жебелевъ*. Къ алевсинской надписи *Ath. Mitt.* XIX, 186.— 1894. Ч. 295, октябрь, отд. V, стр. 27—29.
1154. *С. А. Жебелевъ*. Левинская надпись.—Геленъ.—1896. Ч. 306, ноябрь, отд. V, стр. 87—93.
1155. *С. А. Жебелевъ*. Хрисовомы.— 1896. Ч. 308, декабрь, отд. V, стр. 125—127.
1156. *С. А. Жебелевъ*. Къ Аоніиской надписи *Ath. Mitt.* XXIII, 26.— 1899. Ч. 321, январь, отд. V, стр. 24—26.
1157. *В. Завадскій-Краснопольскій*.

- Форнина. — 1895. Ч. 299, июнь, отд. V, стр. 110—111.
1158. М. Н. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе этюды.—1892. Ч. 284, ноябрь, отд. V, стр. 83—96; декабрь, стр. 97—116; 1893. Ч. 287, июнь, стр. 113—148; ч. 288, июль, стр. 1—46; 1895. Ч. 299, май, отд. V, стр. 45—80; июль, стр. 81—109.
1159. М. Н. Крашенинниковъ. Новый сборникъ произведеній латинской эпиграфической музы. (Отзывъ о книгѣ: *Carmina Sepulcraia latina collegit Iohannes Cholodniak. Petropoli. 1897*).—1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 382—424.
1160. О. Лавровъ. Эпиграфическія замѣтки. — 1895. Ч. 301, октябрь, отд. V, стр. 14—17; 1896, ч. 303, февраль, отд. V, стр. 47—51.
1161. В. Д. Эпиграфическія замѣтки.—1892. Ч. 279, январь, отд. V, стр. 35—36.
1162. В. В. Латышевъ. Къ надгробію Инаевы, дочери Главкія. (По новоду замѣтки В. К. Эршtedта).—1892. Ч. 284, ноябрь, отд. V, стр. 62—63.
1163. В. В. Латышевъ. Къ надгробію Христы, дочери Александра.—1893. Ч. 287, июнь, отд. V, стр. 111—112.
1164. В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды. (Продолж., см. Журн. Мин. Народи. Просв., июнь, 1885). — 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. V, стр. 38—46; 1896. Ч. 303, январь, отд. V, стр. 1—19; ч. 304, мартъ, отд. V, стр. 113—127.
1165. В. И. Модестовъ. Африканскія надписи и культъ Сатурна. — 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 355—377.
1166. В. И. Модестовъ. Еще о снуклахъ, умбрахъ и латинянахъ. Новые археологическія данія и ихъ оцѣнка.—1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 113—151; ч. 325, сентябрь, стр. 1—20.
1167. В. И. Модестовъ. Памятники царскаго періода и древнѣйшая латинская надпись на римскомъ форумѣ.—1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 81—127.
1168. В. И. Модестовъ. Еще о памятникахъ царскаго періода и древнѣйшей латинской надписи на римскомъ форумѣ.—1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 107—134.
1169. И. В. Петушиль. Римское монетное дѣло по поводу сочиненія *Ричарда Шеррим*. Римское монетное дѣло. Съ 10 таблицами. Харьковъ 1893.—1893. Ч. 289, сентябрь, отд. II, стр. 259—277.
1170. А. В. Никитской. Вуттъ, Грунн, Халкида. (Замѣтки по поводу западно-лоэридскихъ надписей).—1896. Ч. 308, ноябрь, отд. V, стр. 58—86.
1171. Е. М. Придикъ. Надписи изъ Малой Азии.—1900. Ч. 328, апрѣль, отд. V, стр. 18—36.
1172. П. А. Ровинскій. Продолженіе раскопки древней Дюклен. Съ 22-го февраля до 12-го мая 1891 г. (Первыя статьи о раскопкѣ древней Дюклен были помѣщены въ 7 и 10 книжкахъ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1890 г.).—1892. Ч. 279, январь, отд. V, стр. 15—34.
1173. Н. Рововъ. Озрѣлищныхъ деньгахъ въ Аонпахъ (*Ἄωνες* и *ἄωνες*).—1893. Ч. 287, май, отд. V, стр. 49—66.
1174. М. И. Ростовцевъ. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпѣяхъ.—1894. Ч. 291, январь, отд. V, стр. 45—64; февраль, стр. 65—101.
1175. М. И. Ростовцевъ. Двѣ мистрическія надписи изъ Фидипополя.—1896, ч. 305, май, отд. V, стр. 63—68; приложения: I. Латинская надпись изъ Фидипополя; II. Греческая надпись изъ Фидипополя. 1896. Ч. 305, июль, отд. V, стр. 139—142.
1176. С. А. Селивановъ. О Колофонѣ, Потіѣ, Кларѣ и о новыхъ надписи-

- сях Колофонской области.—1892. Ч. 283, октябрь, отд. V, стр. 1—18; ч. 294, ноябрь, отд. V, стр. 67—82.
1177. **Ө. Ө. Соколовъ.** Новаля книга о Дельфахъ. (*Александръ Никитскій, Дельфійскіе эпитафическіе втюдм.* Одесса 1894—1895).—1895. Ч. 302, декабрь, отд. V, стр. 88—99.
1178. **И. И. Холоднякъ.** Эпитафическія записки.—1894. Ч. 293, май, отд. V, стр. 70—72; июнь, стр. 109—112; ч. 295, октябрь, стр. 23—25; 1895. Ч. 299, июнь, отд. V, стр. 112—113.
1179. **И. И. Холоднякъ.** О нѣкоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій.—1897. Ч. 314, ноябрь, отд. V, стр. 94—96; декабрь, стр. 97—113; 1898. Ч. 318, июль, отд. V, стр. 3—32; 1899. Ч. 323, июнь, отд. V, стр. 102—141.
1180. **Э. Р. Фоль-Штерня.** О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи.—1896. Ч. 308, декабрь, отд. V, стр. 129—159.

В. Рецензіи.

1181. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments etc. Ouvrage révisé par une société d'écrivains spéciaux, d'archéologues et de professeurs, sous la direction de M. M. *Ch. Daremberg et Edm. Saglio* etc. Dix-neuvième fascicule. Paris.—Рец. **В. И. Модестова.** 1894. Ч. 295, сентябрь, отд. II, стр. 201—206.
1182. *Александръ Никитскій.* Дельфійскіе эпитафическіе втюдм. Одесса 1894—1895. См. ст. **Ө. Ө. Соколова** „Новая книга о Дельфахъ“.
1183. **W. Reichel.** Ueber Homerische Waffen. Abhandlungen d. archäol.-epigr. Seminars der Universität Wien, herausg. von O. Benndorf und E. Bormann. Heft VI. Wien 1894.—Рец. **С. П. Шестакова.** 1895. Ч. 298, мартъ, отд. II, стр. 175—185.
1184. Carmina Sepulcralia latina collegit *Johannes Chlodniak.* Petropoli 1897.—См. ст. **М. Н. Брашенинникова.** „Новый сборникъ произведеній латинской эпитафической музы“.
1185. *Ричардъ Шерль.* Римское монетное дѣло. Съ 10 таблицами. Харьковъ 1893.—См. ст. **И. В. Петушова** „Римское монетное дѣло“.

II. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БЫТОВАЯ. МИНОЛОГИЯ ДРЕВНОСТИ. ПИСАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

А. Статьи.

1186. **В. Н. Александренко.** Международное право Рима.—1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 301—322.
1187. **О. Ө. Вазиеръ.** Древнеримскія секулярныя игры (*Ludi saeculares*) и секулярный гимнъ (*carmen saecu-*

- лагс) Гориции. — 1897. Ч. 311, май, отд. V, стр. 61—80; июнь, стр. 81—94; ч. 314, ноябрь, стр. 67—93.
1188. В. П. Вувеокуль. *Ἀρχαίων Πολιτεία* Аристотеля, как источник для истории афинской демократии до конца V вѣка до Р. Хр.—1894. Ч. 293, июнь, отд. II, стр. 329—373; ч. 294, июль, отд. II, стр. 19—61.
1189. Ив. М. Гревс. Очерки изъ истории римскаго землевладѣнія во времена империи. Очеркъ I. — 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 66—187.
1190. И. М. Гревс. Очерки изъ истории римскаго землевладѣнія во время империи. Очеркъ второй. — 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 297—340; ч. 306, июль, отд. II, стр. 1—66; ч. 307, сентябрь, стр. 76—140.
1191. И. М. Гревс. Очерки изъ истории римскаго землевладѣнія преимущественно во время империи. Очеркъ третій, „Большое сельское хозяйство“ въ древней Итали и крупное землевладѣние въ римскомъ мирѣ къ концу I вѣка империи. — 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 1—55; октябрь, стр. 277—324.
1192. С. А. Жебелевъ. *Θεοί Ελευθέρων* въ Эпидаврѣ. — 1892. Ч. 281, июнь, отд. V, стр. 137—138.
1193. С. А. Жебелевъ. Первый годъ второй Македонской войны. — 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. V, стр. 103—112; декабрь, отд. V, стр. 113—144.
1194. С. А. Жебелевъ. Афины въ концѣ III вѣка до Р. Хр.—1897. Ч. 311, июнь, отд. V, стр. 95—146; ч. 313, октябрь, стр. 1—37.
1195. С. А. Жебелевъ. Новый отрывокъ изъ истории Пондонія Алапейскаго. — 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. V, стр. 133—136.
1196. С. А. Жебелевъ. Агапокъ полководный стратегъ. — 1898. Ч. 315, февраль, отд. V, стр. 90—96.
1197. С. А. Жебелевъ. Архонтъ Фрасифанъ и архонты синска С. I. А. II 859.—1899. Ч. 322, мартъ, отд. V, стр. 115—120.
1198. Э. Ф. Эллиноскій. Докимасинъ мальчинокъ по Аристофану и Аристотелю. — 1893. Ч. 289, октябрь, отд. V, стр. 1—2.
1199. Э. Ф. Эллиноскій. О Софоклѣ—врачѣ. — 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. V, стр. 28—48; ч. 305, май, отд. V, стр. 49—62.
1200. М. С. Еуторга. Изслѣдованіе по истории государственныхъ учрежденій Афинъ. — 1892. Ч. 282, июль, отд. II, стр. 24—65; августъ, стр. 258—297; ч. 283, октябрь, стр. 318—346; ч. 284, ноябрь, стр. 97—134.
1201. В. В. Латышевъ. Къ истории Восторскаго царства. — 1894. Ч. 293, июнь, отд. V, стр. 81—85; 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. V, стр. 52—56.
1202. Р. X. Леперъ. Къ вопросу о дѣмахъ Аттики. (Продолженіе, см. 12 книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за 1891 г.). — 1893. Ч. 285, февраль, отд. V, стр. 85—96; ч. 286, мартъ, стр. 97—139; ч. 289, сентябрь, стр. 82—148.
1203. Р. X. Леперъ. Дѣля Суній. — 1896. Ч. 303, январь, отд. V, стр. 20—32.
1204. Р. X. Леперъ. Тридцать тирановъ. — 1896. Ч. 305, май, отд. V, стр. 90—96; июнь, стр. 97—101.
1205. Р. X. Леперъ. Роль третій въ государственныхъ устройствѣхъ Афинъ. — 1893. Ч. 319, сентябрь, отд. V, стр. 131—152.
1206. А. М. Довганъ. Извѣстія классическихъ писателей о началѣ первой Пунической войны. — 1894. Ч. 292, мартъ, отд. V, стр. 125—149.
1207. А. А. Малининъ. Спорные вопросы тонографіи Афинъ. — 1900. Ч. 328, мартъ, отд. V, стр. 104—139.

1208. **Ө. Г. Мищенко.** Судь прислужных въ Афинахъ и сочиненіе Архистотеля объ Афинскомъ государствѣ.—1892. Ч. 283, сентябрь, отд. V, стр. 119—141.
1209. **В. И. Модестовъ.** Фалиски.—1895. Ч. 298, мартъ, отд. II, стр. 125—160.
1210. **В. И. Модестовъ.** Древнѣйшій періодъ Рима. (Новыя археологическія данныя, къ нему относящіяся).—1895. Ч. 299, июнь, отд. II, стр. 292—323.
1211. **В. И. Модестовъ.** Образованіе римской расы и условія римскаго величія.—1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 1—27.
1212. **В. И. Модестовъ.** Поэзія въ римской исторіи.—1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 66—131.
1213. **В. И. Модестовъ.** О происхожденіи Сиколовъ. На основаніи литературныхъ, археологическихъ и антропологическихъ данныхъ.—1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 177—230; декабрь, стр. 330—364.
1214. **В. И. Модестовъ.** О томъ, откуда пришли и кто были латиняне.—1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 1—38; декабрь, стр. 225—270.
1215. **А. В. Никитскій.** Триполемъ Артагаломъ. Ликийскій. 1895. Ч. 299, июль, отд. V, стр. 114—133.
1216. **А. В. Никитскій.** Дельфійскіе лавиады.—1898. Ч. 315, январь, отд. V, стр. 42—80; февраль, стр. 81—89; ч. 319, октябрь, стр. 1—48; ч. 320, ноябрь, стр. 49—72.
1217. **А. В. Никитскій.** Автофонъ Гаупана. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. V, стр. 81—89.
1218. **А. В. Никитскій.** Літөлэкі.—1900. Ч. 331, октябрь, отд. V, стр. 1—37; ч. 332, декабрь, отд. V, стр. 113—151.
1219. **С. П. Никоновъ.** Къ исторіи отхожихъ промысловъ въ Римѣ: *leges de oleo Catonis*.—1895. Ч. 301, октябрь, отд. V, стр. 1—13.
1220. **А. Paradoroulos-Keramens.** Отрывокъ неизвѣстнаго греческаго историка объ Александрѣ Великомъ.—1892. Ч. 281, июнь, отд. V, стр. 139—144.
1221. **Е. М. Придиакъ.** Греческія заклітія и амулеты изъ кожной Россіи.—1899. Ч. 326, декабрь, отд. V, стр. 116—124.
1222. **Н. И. Романовъ.** Обь отношеніи Фидія къ скульптурамъ Пароспона.—1900. Ч. 329, июнь, отд. V, стр. 128—142.
1223. **М. И. Ростовцевъ.** Новое о Пантеонѣ. (Исторія и архитектура).—1895. Ч. 298, апрѣль, отд. V, стр. 1—11.
1224. **М. И. Ростовцевъ.** Новыя данныя по исторіи финансоваго управленія греко-римскаго Египта. (По поводу книги *Wilcken'a, Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien*).—1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 133—165.
1225. **М. И. Ростовцевъ.** Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ.—1900. Ч. 328, мартъ, отд. V, стр. 140—158.
1226. **Ө. Ө. Соколовъ.** Изъ области древней исторіи.—1897. Ч. 310, мартъ, отд. V, стр. 92—129; ч. 312, июль, стр. 1—35; 1899 г., ч. 324, июль, стр. 1—14.
1227. **Ө. Ө. Соколовъ.** По поводу книги *С. А. Жебелева*. „Изъ исторіи Афинъ, 229—31 годы до Р. Хр. Историческія судьбы Афинъ со времени освобожденія ихъ отъ македонской зависимости до Актійской битвы“.—1899. Ч. 322, мартъ, отд. V, стр. 83—103.
1228. **В. В. Соколовскій.** Греко-римское право въ уложеніи грузинскаго

- цари Вахтага VI. (Очеркъ исторіи распространения византийскаго права на Востоку).—1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 56—93.
1229. А. Э. Эрманъ. Эпизоды и „Эллины“.—1893. Ч. 290, ноябрь, отд. V, стр. 61—93.
1233. А. Э. Эрманъ. Легенды о римскихъ царяхъ.—1894. Ч. 295, сентябрь, отд. V, стр. 124—144; октябрь, стр. 30—64; ч. 296, ноябрь, стр. 65—102; декабрь, стр. 145—165; 1895. Ч. 297, февраль, стр. 81—96; ч. 298, мартъ, стр. 97—114; апрѣль, стр. 12—16; ч. 299, май, стр. 17—44; ч. 301, сентябрь, стр. 94—119; октябрь, стр. 18—32; ч. 302, ноябрь, стр. 33—37; декабрь, стр. 100—117; 1896. Ч. 303, февраль, стр. 57—64; ч. 304, мартъ, стр. 65—112; ч. 306, июль, стр. 20—48; августъ, стр. 49—96; ч. 307, сентябрь, стр. 97—99.
1231. А. Э. Эрманъ. Изъ области древне-греческой географической ономастологии.—1899. Ч. 322, апрѣль, отд. V, стр. 1—7; ч. 324, июль, стр. 33—47.
1232. А. Э. Эрманъ. Могилы Ромула.—1900. Ч. 332, ноябрь, отд. V, стр. 90—96; декабрь, отд. V, стр. 97—112.

В. Рецензии.

1233. Griechische Götterideale in ihren Formen erläutert von Heinrich Brunn. München 1893.—Рец. В. К. Мадльберга. 1893. Ч. 286, апрѣль, отд. II, стр. 556—559.
1234. Паденіе язычества. Исследование послѣдней религіозной борьбы на западѣ въ IV вѣкѣ. Гиссторъ Буассе.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 406—408. (Книжныя новости).
1235. В. Бузескуль. Аонская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аоніи до конца V вѣка. Харьковъ 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 290. (Книжныя новости).
1236. Witschen. Die griechischen Ostaka aus Aegypten und Nubien.—Рец. см. ст. М. И. Ростовцева, „Новыя данныя по исторіи финансоваго управления греко-римскаго Египта“.
1237. Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbstständigkeit des griechischen Volkes von Adolf Holm. Drit-ter Band. (Geschichte Griechenlands im 4 Jahrhundert v. Chr. bis zum Tode Alexanders d. Gr.). Berlin, Calvary. 1891.—Рец. А. П.—скаго. 1892. Ч. 282, июль, отд. II, стр. 190—204.
1238. И. М. Гурьевъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Т. I. С.-Пб. 1899.—Рец. Ф. Ф. Эльцинскаго. 1900. Ч. 330, июль, отд. II, стр. 156—173.
1239. С. Жебелевъ. Религіозное врачеваніе въ древней Греціи. С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 290. (Книжныя новости).
1240. С. Жебелевъ. Изъ исторіи Аоніи, 229—31 до Р. Хр. С.-Пб. 1898.—Рец. А. В. Никиточаго. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 216—259. Также см. рец. въ ст. Ф. Ф. Соколова: „По поводу книги С. А. Жебелева: Изъ исторіи Аоніи, 229—31 годы до Р. Хр.“.
1241. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs par M. Reu-

- Signal*. Paris, Imprimerie nationale. 1892. — Ред. И. В. Помяловского. 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. II, стр. 161—179.
1242. *М. Крайневичиныхъ*. Римскіе муниципальные ареды и юриды. Эпиграфическое изслѣдованіе. С.-Пб. 1891. — Ред. О. Ф. Зѣлинскаго. 1892. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 228—238.
1243. *Ю. Кулаковскій*. Смерть и безсмертіе въ предствленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ 1899.—Ред. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 380—382. (Княжыя повости).
1244. Собраніе сочиненій *Михаила Семисловича Кутурги*. Издаю подь редакцію Мих. Степ. Кутурги. Т. I. С.-Пб. 1894.—Ред. О. Г. Мищенко. 1895. Ч. 298, апрѣль, отд. II, стр. 438—455.
1245. *Титъ Ливій*. Римская исторія оть основанія города. Переводъ съ латинскаго подь редакціей П. Адриана. Томъ I. Книги I—V. М. 1892. — Ред. 1893. Ч. 287, май, отд. III, стр. 1—3.
1246. *Титъ Ливій*. Римская исторія оть основанія города. Переводъ съ латинскаго подь редакцію П. Адриана. Томъ II. VI—X. М. 1894. — Ред. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 18—19.
1247. *Титъ Ливій*. Римская исторія оть основанія города. Переводъ съ латинскаго подь редакціей П. Адриана. Томъ IV. Книги XXVI—XXX. М. 1897.—Ред. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. III, стр. 1.
1248. *Титъ Ливій*. Римская исторія оть основанія города. Переводъ съ латинскаго подь редакцію П. Адриана. Томъ V. Книги XXXI—XXXV. Москва 1897. — Ред. 1898. Ч. 317, июнь, отд. III, стр. 39—42.
1249. *Титъ Ливій*. Римская исторія оть основанія города. Переводъ съ латинскаго подь редакціей П. Адриана. Т. VI, книги XXXVI—XLV. Москва 1899. — Ред. 1899. Ч. 324, августъ, отд. III, стр. 13—15.
1250. *Титъ Ливій*. Исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ Пунической войны. XXX книга. 203—201 гг. до Р. Хр. Переводъ съ латинскаго Я. Мищенко. Кіевъ 1893. — Ред. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. III, стр. 18—19.
1251. Месселскія войны и возстановленіе Мессенія, исторія и традиція. Изслѣдованіе *М. Мандеса*. Одесса 1898. — Ред. О. Ф. Зѣлинскаго. 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 167—188.
1252. *П. В. Нептуиль*. Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ I. Харьковъ 1894. — Ред. Ю. А. Булаковскаго. 1894. Ч. 294, августъ, отд. II, стр. 394—406.
1253. *Б. Нисс*. Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія. Переводъ съ нѣмецкаго слушателями высшихъ классовъ подь редакціей О. Ф. Зѣлинскаго и М. И. Ростовцева. С.-Пб. 1899.—Ред. 1900. Ч. 330, июль, отд. III, стр. 13—14.
1254. Культъ Кавировъ въ древней Греціи. Изслѣдованіе *И. И. Новосадскаго*. Варшава 1891. — Ред. О. Ф. Зѣлинскаго. 1892. Ч. 280, мартъ, отд. II, стр. 243—272.
1255. *Гр. Павлуцкій*. О жанровыхъ сюжетахъ въ греческомъ искусствѣ до эпохи эллинизма. Кіевъ 1897.—Ред. А. Миронова. 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 392—409.
1256. Павсаниа. Описаніе Еллады при путешествіи по Греціи во II вѣкѣ до Р. Хр. Переводъ съ греческаго съ толкованіями и приложеніемъ статей: историко-литературное значеніе Павсаниа; краткій очеркъ исторіи греческаго искусства; родо-

- словныя таблицы египетскихъ династій и проч. Г. Лячевецкаго. С.-Пб. 1887—89.—Рец. 1893. Ч. 288, июль, отд. III, стр. 2—4.
1257. *Полубий*. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго Θ. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ II. (Книги VI—XXV). М.—Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. III, стр. 3—4.
1258. *Проконія Кесарійскаго* исторія войны римлянъ съ персами, вандалами и готами. Переводъ съ греческаго Спиридонова Дестуниса. Комментарій Гавриила Дестуниса. С.-Пб. 1891. Исторія войны римлянъ съ вандалами. Книга I.—Рец. Д. Θ. Вязлева. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 163—176.
1259. *П. Е. Соколовскій*. Исслѣдованія въ области права товарищества. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. Киевъ 1893.—Рец. А. Г. 1894. Ч. 293, июнь, отд. II, стр. 435—451.
1260. *П. Е. Соколовскій*. Отвѣтъ на рецензію г. Гусакова.—1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 467—488.
1261. *P. Foucart*, Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Éleusis, Paris 1895.—Рец. Н. И. Новосадовскаго. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, 307—322.
1262. *W. Schwartz*. Nachklänge prähistorischen Volksglaubens im Homer. Berlin 1894.—Рец. А. Л. Погодина. 1894. Ч. 296, декабрь, отд. II, стр. 445—450.
1263. Аѳинское гражданство и народное собраніе. *Валеріана Шеффера*. Часть I. Основы государства и дѣленіе гражданъ въ Аѳинахъ. Москва 1891.—Рец. А. И. Покровскаго. 1893. Ч. 287, июнь, отд. II, стр. 503—542.
1264. Религіозно-правственное міропонятіе Плутарха Херонейскаго. Сочиненіе *Икова Эмидианскаго*. С.-Пб. 1893. — Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 230—231. (Книжныя новости).

4. ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ВЪ СРЕДНИЕ И НОВЫЕ ВѢКА.

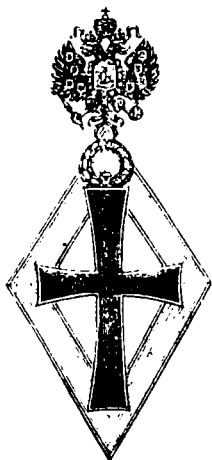
А. Статьи.

1265. *П. Н. Ардашевъ*. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго морядка.—1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 360—406; ч. 320, ноябрь, стр. 129—166; 1899. Ч. 321, январь, стр. 123—168; февраль, стр. 437—466; ч. 324, июль, стр. 56—105; августъ, стр. 404—463; ч. 325, октябрь, стр. 251—290; ч. 326, ноябрь, стр. 33—56; декабрь, стр. 181—222; 1900. Ч. 328, мартъ, стр. 1—30; ч. 329, май, стр. 1—53; ч. 330, июль, стр. 59—78; августъ, стр. 290—303.
1266. А. И. Браудо Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній. По поводу труда *C. C. Uhlenbeck*, Verslag Aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. Op last der regeering ingesteld S. Gravenhage, 1891 (На стр. 243—272: *B. Cordt*, Beiträge zu einer russisch-niederländischen Bibliographie). — 1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 282—297.
1267. *Θ. Ф. Верябовскій*. Отношеніе Польши къ Тридентскому вопросу и

- его восстановленіяхъ 1524—1577. — 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 1—67.
1268. Р. Ю. Випперъ. Политическія теорія во Франціи въ эпоху религиозныхъ войнъ. | *Weill, Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion* (Paris 1892). *Trenmann, Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI S. (Staats- und völkerrechtliche Abhandlungen herausg. v. G. Jellinek und G. Meyer. II. I, Leipzig 1895). Gierke, Joh. Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, B. VII. Bresslau 1880).* — 1896. Ч. 306, августъ, 278—313.
1269. Э. Э. Зигель. Критическія замѣтки. (*La justice administrative en France par Rodolphe Dareste. Deuxième édition, revue et complétée, avec la collaboration de Pierre Dareste. Paris 1898.*) — 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 466—480.
1270. П. Капнистъ. Историческія очерки развитія реального образованія въ Германіи до восьмидесятихъ годовъ нашего столѣтія. — 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 308—370; ч. 322, апрѣль, стр. 385—429; ч. 325, сентябрь, стр. 93—122; октябрь, стр. 185—206; ч. 326, декабрь, отд. II, стр. 271—302; 1900. Ч. 327, январь, стр. 27—54.
1271. Илл. И. Бауэманъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 года до настоящаго времени. — 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 209—286; 1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 115—178; ч. 286, апрѣль, отд. II, стр. 323—368; ч. 287, июнь, стр. 380—426; ч. 288, августъ, стр. 369—405; ч. 289, сентябрь, стр. 126—157.
1272. Е. М. Ковалевскій. Что дало Австріи по народному образованію 50-лѣтнее царствование Императора Франца-Иосифа? (По даннымъ юбилейной выставки въ Вѣнѣ). — 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. IV, стр. 69—104.
1273. А. М. Ловягинъ. Лейпцигскій диспутъ 1519 года. (Историческая справка). — 1896. Ч. 306, декабрь, отд. II, стр. 334—340.
1274. М. М. Лютовъ. Э. Гибонъ. По поводу новаго изданія его автобиографіи и писемъ. — 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 152—179; ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 39—75.
1275. В. К. Надлеръ. Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія. По поводу книги: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Подъ редакціею профессора Александра Травецкаго. Т. I. 1800—1802. (Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 70). С.-Пб. 1890.—1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 459—491.
1276. А. М. Ону. Изданія текстовъ по новой исторіи (*Armand Brette „Le serment du jeu de Paume“.* *Idem. „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789“.*) — 1895. Ч. 300, июль, отд. II, стр. 116—130.
1277. А. М. Ону. Наказы 3-го сословія во Франціи въ 1789 году. — 1898. Ч. 318, августъ, отд. II, стр. 241—330; 1899. Ч. 323, май, стр. 152—203; ч. 326, ноябрь, стр. 1—32; 1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 1—26; ч. 330, июль, отд. II, стр. 105—125; ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 366—385.
1278. Д. К. Петровъ. Геприхъ Сеттимелло и его значеніе для исторіи итальянскаго возрожденія. — 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 130—176.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦѢНЫ Н О П Н Ж Е Н Ы.

З П А К И

нагрудн.: С.-Пбг. и Пѣжинск. ист.-фил. инст.; Демид. юрид. лицей; Лазарев. и Вост. инст.— ювелирн. работы, высш. качества— бол. наборн. *золоченн.* (ручн. работ., составп.) *сер.* 16, 19 и 22р.; *весь золотой* 70 р.; *золотой съ серб.*

щитомъ подъ герб. 60 р. Полунаборн. (ручн. раб., весьма красивые) *сер.* 11 р. Чокан. *сер.* 8 р. 50 к. Бронз. 4 р. 90 к. Мал. (петлич.) наборн.: *сер.* 9 и 12 р.; *весь золот.* 20 и 17 р. Чокан. *сер.* 8 и 5 р. *Высылаются* наложеп. платеж. Знаки: УНИВЕРСИТЕТСКІЕ—Вол.: *зол.* 20, 25, 28, 35—40 р.; *сер.* 5, 6 р. 50 к., 8 р., 8 р. 50 к., 9 р. 50 к.; *бронз.* 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к. *Сер. зн. съ зол. герб. и вѣнк.* 8, 12 и 15 р. Мах. (петлич.): *зол.* 10, 12 р.; *сер.* 4, 5, 6 и 7 р. *Сер. съ зол. герб. и вѣнк.* 6, 8 р. и 9 р. 50 к.—НОВОСТІ: зн. съ *бѣл. прозрачн.* и *тѣмно-голуб. прозрачн. шлифованн. эмалью*—бол.: *зол.* 32 р., 38—50 р.; *сер.* 12 р. *Сер. съ зол. герб. и вѣнк.* 18 р. Мах.: *зол.* 15 р.; *сер.* 9 р. *Сер. съ зол. герб. и вѣнк.* 11 р.—НОВОСТЬ—знаки увеличенн. разм., съ широк. краями, съ *бѣл.-прозрачн.* и *тѣмно-голуб. прозрачн. шлифованн. эмалью*—бол.: *зол.* 48 р.; *сер.* 16 р. *Сер. съ зол. герб., вѣнк. и краями* 28 р. Мах.: *зол.* 22 р.; *сер.* 12 р. *Сер. съ зол. герб., вѣнк. и краями* 18 р.—Унив. зн. для Военныхъ: *зол.* 20 р.; *сер.* 7 р.; *бронз.* 4 р. *Сер. съ зол. герб. и вѣнк.* 10 р. Зн. дух. акад., археол., Рижск. инст., юбил. Имп. Маріи и *всякіе друг.* Ордена. Медали. Жетоны. *Сообщ. цѣны.*

Жетоны университетскіе: *вытукл.* съ *накладн. орломъ*—*зол.* 16 р.; *сер. золоч.* 5 р. 75 к.; *обыкновен.*—*зол.* 14 р.; *сер. золоч.* 3 р.

Адресъ—для заказ. *изъ провинціи:* О.-Петербургъ, ЮРГИНСКОЕ сел. Император. Фарфоров. Завода № 27; для *мѣстныхъ* покупателей и *прѣзжихъ*—Знаменская улица № 1, магаз. Поможницова.

Открыта подписка на 1903 годъ

(14-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія; 2) Статьи по исторіи педагогикѣ и по исторіи русской школы; 3) Школьныя воспоминанія; 4) Школьная гягіена; 5) Педагогическая психологія; 6) Наблюденія надъ жизнью дѣтей въ ихъ раннемъ и отроческомъ возрастѣ; 7) Дидактика и методика элементарнаго и систематическаго преподаванія; 8) Училищевѣдѣніе; 9) Постановка учебнаго дѣла въ элементарной и средней школѣ; 10) Педагогическія письма; 11) Статьи по вопросамъ профессиональнаго образованія; 12) Статьи по вопросамъ женскаго образованія; 13) Статьи по вопросамъ народнаго образованія; 14) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію; 15) Критика и библиографія; 16) Педагогическая хроника; 17) Разныя извѣстія и сообщенія; 18) Объявленія.

Въ каждой выжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ *И. В. Абрамова*, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. И. Салтыковой*, хроника профессиональнаго образованія *В. В. Вирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь руб.**; съ доставкой—**7 руб. 50 коп.**; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь руб.**; за границу—**десять руб.** въ годъ.

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть руб.** въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библиотекы низшихъ учебныхъ заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. П. Гуревичъ.**

Въ Семитской Типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСИЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІИМИ
МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Цѣна 35 коп.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него, составленный на основаніи ст. 10 Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ.

Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 65 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

(27 мая 1902 года)

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

Цѣна 50 коп.

ПРАВИЛА

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Цѣна 35 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженіе Министра Финансовъ о приѣмѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учреждений, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна 50 коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ. — II. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совета объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна 15 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна 30 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна 30 коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ ПОРТОВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПРИМОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.

Цѣна 75 коп.

Высочайше утвержденныя правила и Инструкція Министра Финансовъ о фрунгово-и виноградоводочномъ и коньячномъ производствѣ.

Цѣна 75 коп.

ПРАВИЛА ДЛІЯ ФОНДОВАГО ОТДѢЛА

ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.

Цѣна 15 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛЮДЯМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

Цѣна 50 коп.

ЗАКОНЪ

ОБЪ УТВЕРЖДЕНИИ ВРЕМЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ ПО ОБЕСПЕЧЕНІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Цѣна 50 коп.

Цѣны брошюрѣмъ обозначены съ пересылкою.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна 1 руб. сер.

СБОРНИКЪ

ЦИРКУЛЯРНЫХЪ УКАЗОВЪ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ,

Общаго оныхъ Собранія и Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Прав. Сената съ 1868—1890 г.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО ВОПРОСАМЪ ОВЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ (1868—1896 г.г.).
Составили: Членъ Консультаци, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. Товарища Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. П. Тимофеевскій* и бывшій Оберъ-Секретарь того-же Д-та *С. П. Кузнецовъ*.

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОВРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I и II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оберъ-Секретарь Общаго Совранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *П. П. Быстровъ*.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургѣ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Новою Времени“ (Невскій проспектъ, № 40) и Вольфа (Гостинный Дворъ, № 19) и Контору Редакціи газеты „Право“ (Дмитровскій пер., № 6).

Въ Сенатской Типографіи принимаются частные заказы на всякаго рода печатныя и переплетныя работы.

Сенатская Типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежомъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о вносѣ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрести въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ.

<i>Н. П. Максимовича. Двѣриць и его бассейнъ</i>	11
<i>В. И. Голиковъ. Методика естествовѣдѣнія . . .</i>	13
<i>Р. Д. Пономаревъ. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ</i>	14

О ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Объ опытаніяхъ вѣрности въ 1901 году . . .	1
<i>Э. Л. Радловъ. А. И. Смирновъ (некрологъ) .</i>	38
<i>А. С. Фаминицынъ. Андрей Николаевичъ Векетовъ (некрологъ)</i>	51

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

<i>М. Н. Крашенинниковъ. Varia</i>	493
------------------------------------	-----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1892 по 1900 годъ (вл. 4, 5 и 6)	65
--	----

О ВЪЯВЛЕНІЯ.	2
--------------	---

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІV.

1902.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ	51
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	52
VI. Положенія о стипендіяхъ и преіяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.	54
V. Проектъ нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ по начальному образованію	66
VI. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	70
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	71
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	80
Открытіе и преобразование училищъ	90
Я. А. Автаноновъ. Символика растений (окончаніе)	243
II. Г. Васенко. Кто былъ авторомъ „Книги Степенной цароваго родословія“?	289
В. Н. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. V.	307
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ (продолженіе).	362

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. М. Кулишеръ. Г. О. Симоненко. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900	402
С. П. Шестаковъ. С. Robert. Studien zur Hias mit Beiträgen von Fr. Bechtel. Berlin 1901	414
А. И. Соболевскій. Д. Я. Самохвалова. Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. Современное русское архивное пестроепіе. Книга вторая. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1902	438
С. Ф. Платоновъ. Н. Я. Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902	443
Н. Ч. С. Г. Алексеевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вѣковъ. С.-Пб. и Москва. 1902	450
— Книжныя новости	464

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

С. Щербакоевъ. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній.	17
У. А. Юмъ. Уроки астрономіи	20
К. Байъ. Исторія искусствъ	23

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХІV.

1902.
ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА.
1902.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

29-го октября 1902 года. „Директору С.-Петербургскаго технологическаго виститута Императора Николая I, члену инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Головину*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (22-го іюня 1902 года). *Объ учрежденіи при Воронежскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.*

Воронежскій губернаторъ представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство Воронежскаго уѣзднаго земскаго собранія очереднаго созыва 1901 года объ учрежденіи при мѣстномъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Вышеизложенное ходатайство Воронежскаго уѣзднаго земскаго собранія управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше повергаль на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

На подлинномъ по сему предмету докладъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 22-й день іюня 1902 г., Его

Императорское Величество Собственноручно написать соизволилъ: „Согласенъ“.

(Собр. узак. и расн. прав., 15-го октября 1902 г., № 99, ст. 1145).

4. (19-го августа 1902 года). *О принятіи Императорскаго общества любителей древней письменности подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе Императорскаго общества любителей древней письменности подъ Высокое Его Величества покровительство.

На подлинномъ по сему предмету докладъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 19-й день августа 1902 г., Его Императорское Величество Собственноручно начертать соизволилъ: „Согласенъ“.

(Тамъ же, ст. 1146).

5. (23-го августа 1902 года). *О преобразованіи Невмировской женской прогимназіи въ гимназію.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на преобразование Невмировской женской прогимназіи въ гимназію по положенію 28 мая 1869 года.

На подлинномъ по сему предмету докладъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 23-й день августа 1902 г., Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Согласенъ“.

(Тамъ же, 29-го октября, № 103, ст. 1198).

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го октября 1902 года, № 86). *Опредѣляются на службу въ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Карновъ—окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа; инженеръ-механикъ Тираспольскій—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по прикладной механикѣ, съ 1-го сентября.*

Назначаются: директоръ Либавскаго реальнаго училища, статскій

совѣтникъ *Гроссетъ*, преподаватель, исполняющій обязанности инспектора реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, статскій совѣтникъ *Крыжановскій*, заслуженный преподаватель Тифлисской второй Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназін, статскій совѣтникъ *Дабанскій*, инспекторъ Рыльской четырехклассной прогимназін, статскій совѣтникъ *Домбровскій* и инспекторъ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, статскій совѣтникъ *Маршаритовъ*—директорами: первый—Юрьевской гимназін, второй—Екатеринославскаго перваго реального училища, третій—Кутаисскаго реального училища, четвертый—Рыльской шестиклассной прогимназін, и послѣдній—Феодосійскаго учительскаго института.

Перемѣщается директоръ Юрьевской гимназін, статскій совѣтникъ *Ивановъ*—директоромъ Рижской гимназін Императора Николая I.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллегскій совѣтникъ *Михайловъ*.

Предоставляется уволенному отъ службы, за выслугою срока, директору Царицынской Александровской гимназін, дѣйствительному статскому совѣтнику *Тремлькову*—послѣ въ отставку: мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершій исключается изъ списковъ, совѣтникъ правленія Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Демосовъ*, съ 7-го сентября.

(23-го октября 1903 года, № 88). *Назначается* преподаватель, исполняющій обязанности инспектора школы колористовъ при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Владимирцевъ*—директоромъ вновь открываемаго Каменецъ-Подольскаго средняго восьмикласснаго техническаго училища, съ 29-го сентября.

Перемѣщаются: статскіе совѣтники, директора гимназій: Пензенской второй *Иванцкій*, Курской, *Лаллинъ* и Бѣлгородской, *Бѣляевъ*—директорами гимназій: Иванцкій—Бѣлгородской, Лаллинъ—Пензенской второй и Бѣляевъ—Курской.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Московскаго промышленнаго училища инженеръ-механикъ *Владимірскій*, съ 26-го сентября.

(29-го октября 1902 года, № 89). *Назначается* директоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, членъ

инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головинъ*—попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ физики *Станкевичъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоенный.

(6-го ноября 1902 года, № 91). *Назначаются*: окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Докторовъ* и инспекторъ Астраханской гимназій, статскій совѣтникъ *Муратовскій*—директорами: первый—Московскаго промышленнаго училища, а второй—Царицынской Александровской гимназій; экстраординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета: докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ *Шестаковъ* и докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Айналовъ*—ординарными профессорами того же университета, по кафедрамъ: первый—греческаго языка и литературы, а второй—теоріи и исторіи искусствъ; адъюнкты-профессоры Рязскаго политехническаго института *Кларкъ* и *Гобманъ*—профессорами названнаго института: *Кларкъ*—по прикладной механикѣ, а *Гобманъ*—по строительнымъ наукамъ и гражданской архитектурѣ, оба съ 1-го іюля; отставной корнетъ гвардіи *Терещенко*—вновь, почетнымъ попечителемъ Кіевскаго реальнаго училища, на три года.

*Утверждается*правляющій должность адъюнкты-профессора Рязскаго политехническаго института, надворный совѣтникъ *фонъ-Благеръ*—въправляемой имъ должности, съ 1-го іюля.

IV. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВѢДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8. (3-го декабря 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Астраханскаго биржеваго общества при Астраханскомъ реальномъ училищѣ, въ память званковъ членовъ 19 февраля 1901 года, —сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крепостной зависимости.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министромъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сто руб., пожертвованнаго Астраханскимъ биржевымъ обществомъ, учреждается

при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени названнаго общества, въ память 19 февраля 1901 года, для сорокалѣтія со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4-хъ процентной рентѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханскаго реальнаго училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго 5% сбора, назначаются для уплаты за ученіе одного бѣднаго ученика Астраханскаго реальнаго училища, оказывающаго, при отличномъ поведеніи, хорошіе успѣхи въ наукахъ, преимущественно изъ дѣтей крестьянъ; въ случаѣ отсутствія кандидата, удовлетворяющаго этимъ условіямъ, стипендія можетъ быть предоставлена ученику изъ другого сословія, но лишь на одинъ годъ.

§ 4. Право назначенія стипендіи вновь поступающимъ въ число учениковъ училища принадлежитъ Астраханскому биржевому комитету, выборъ же стипендіата изъ числа учениковъ—биржевому комитету по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища. Лишеніе ученика стипендіи за неодобрительное поведеніе или неудовлетворительные успѣхи зависитъ отъ педагогическаго совѣта, которому предоставляется право сохранить стипендію за малоуспѣшнымъ ученикомъ въ томъ случаѣ, если неуспѣшность его въ наукахъ произошла по причинамъ, отъ него независящимъ и признающимъ уважительными.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незабѣженія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (28-го января 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ Максимилиана Христіановича Гельфериха при Харьковскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ* рублей, завѣщаннаго Вюртембергскимъ подданнымъ Максимилианомъ Христіановичемъ Гельферихомъ, учреждаются при Харьковскомъ реальномъ училищѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на 10 т. руб. и % съ нихъ (21 руб. 11 коп. въ наличныхъ деньгахъ), хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ реального училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за ученіе недостаточныхъ учениковъ христіанскихъ исповѣданій, оказывающихъ хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. При выборѣ стипендіатовъ преимуществомъ пользуются дѣти управляющихъ имѣніями въ Харьковской губерніи, а между ними дѣти лицъ, принадлежащихъ къ нѣмецкой національности.

§ 5. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по обращеніи ихъ въ процентныя бумаги, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія его доходности.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (28-го января 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Геннадія Яковлевича Потолова при Оренбургской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за иппетра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу триста р., пожертвованнаго вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Любовію Александровной Потоловой и заключающагося въ трехъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Оренбургской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Геннадія Яковлевича Потолова.

§ 2. Упомянутый стипендіальный капиталъ хранится въ Оренбургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ 5% государственнаго сбора въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе ученика Оренбургской гимназій изъ дѣтей дворянъ, чиновниковъ или, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, ученика другого сословія съ выдающимися способностями.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (4-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о стипендіи при Ярославской мужской гимназій имени статскаго совѣтника Александра Константиновича Артамонова.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу *двести* руб., пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Лидіей Николаевной Артамоновой, учреждается при Ярославской мужской гимназій одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы Александра Константиновича Артамонова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, составляя неотъемлемую собственность Ярославской гимназій, хранится въ мѣтномъ губернскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназій недостаточнаго ученика, преимущественно изъ дворянскаго сословія, въ случаѣ же неимѣнія такового, одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ безъ различія сословія.

§ 4. Выборъ стипендіата принадлежитъ пожизненно жертвовательницѣ стипендіальнаго капитала, затѣмъ ея дѣтямъ и, наконецъ, переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Стипендіатъ, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія въ теченіе нѣкото-

раго времени стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки хранятся въ наличныхъ деньгахъ въ специальныхъ средствахъ гимназій и изъ этихъ денегъ выдается стипендіату, при окончаніи имъ полного курса гимназій, единовременное пособіе въ размѣрѣ, опредѣляемомъ педагогическимъ совѣтомъ.

12. (22-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени надворнаго советника Іосифа Викентьевича Рутковскаго при Псковской мужской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ семьсотъ руб., завѣщаннаго Псковскимъ городскимъ судьей, надворнымъ советникомъ Іосифомъ Викентьевичемъ Рутковскимъ, учреждаются при Псковской гимназій двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ девяти листахъ государственной 4% ренты (2 листа по 1000 руб. и 7 листовъ по 100 руб.) на сумму двѣ тысячи семьсотъ руб., хранится въ Псковскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются въ пособіе, преимущественно для внесенія платы за ученіе, двумъ бѣднымъ ученикамъ Псковской гимназій, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, но отличнаго поведенія и оказывающимъ достаточные успѣхи въ наукахъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 4. Избранные стипендіаты пользуются стипендіей во все время обученія въ Псковской гимназій, но, въ случаѣ лѣности и неодобрительнаго поведенія, могутъ быть лишены стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 5. За стипендіатомъ, оставшимся на второй или на третій годъ въ классѣ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, стипендія можетъ быть сохранена по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣненія стипендіи, остатокъ стипендіальной суммы причисляется къ основному капиталу и, по размѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя % бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (30-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о стипендіахъ имени Александры Александровны Чупиной при Московской 5-ой мужской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ руб.*, завѣщаннаго Александрой Александровной Чупиной, учреждаются при Московской 5-ой мужской гимназій стипендіи имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Московской 5-ой гимназій и, оставшись навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій.

§ 3. Проценты съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора, образуютъ расходный капиталъ, который употребляется на выдачу стипендій приходящимъ бѣднымъ ученикамъ Московской 5-ой гимназій.

§ 4. Правомъ на полученіе стипендій пользуются только круглые сироты или полусироты изъ учениковъ названной гимназій.

§ 5. Стипендіи эти выдаются въ видѣ единовременныхъ или періодическихъ пособій, по всякій разъ на определенное время, разныхъ размѣровъ, смотря по потребностямъ въ данное время тѣхъ учениковъ, которымъ онѣ назначаются.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ изъ числа учениковъ, удовлетворяющихъ вышеозначеннымъ условіямъ, принадлежитъ педагогическому совѣту Московской 5-ой гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (19-го іюля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени почетныхъ гражданъ Іоанна и Іулиты Токаревыхъ при Красноярской мужской гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ *дѣсять тысячъ руб.*, завѣщаннаго Іулией Писидоровною Токаревой, учреждается при Красноярской

мужской гимназіи одна стипендія имени Іоанна и Іулиты Тожаревыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, хранится въ Красноярскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Красноярской мужской гимназіи, оставался навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, приобрѣтеніе учебныхъ пособій, одежды, обуви и проч.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту Красноярской мужской гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ сему послѣдному для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (30-го іюля 1902 года). *Правила пользованія процентами съ капитала въ 1030 р. 39 коп., завѣщаннаго Новгородсверской гимназіи умершимъ статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Петровичемъ Соломко.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Пожертвованный по духовному завѣщанію статскаго совѣтника Михаила Петровича Соломко капиталъ, заключающійся въ 4% свидѣтельствѣ государственной ренты по номинальной стоимости 1.000 рублей и въ наличныхъ деньгахъ 30 руб. 39 коп., хранится въ Новгородсверскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ оныхъ 5% государственнаго налога, согласно волѣ завѣщателя, поступаютъ въ распоряженіе общества вспоможенія недостаточнымъ воспитанникамъ Новгородсверской мужской гимназіи.

§ 3. Могущіе почему-либо образоваться остатки отъ процентовъ съ означеннаго капитала причисляются къ послѣдному для его при-

ращенія и хранятся въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, пока не составятъ суммы, потребной на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ; проценты съ послѣднихъ присоединяются къ процентамъ съ пожертвованнаго капитала для увеличенія суммы, назначенной для раздачи пособій.

16. (6-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Архангельскаго губернскаго врачбнаго инспектора Ивана Андреевича Пликатуса при Архангельской мужской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. При Архангельской гимназій учреждается стипендія имени умершаго Архангельскаго губернскаго врачбнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Андреевича Пликатуса на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, собраннаго съ этою цѣлью по подпискѣ между сослуживцами, товарищами и почитателями покойнаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Архангельскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, предпочтительно изъ среды дѣтей чиновъ мѣстнаго губернскаго врачбнаго управления, врачей всѣхъ вѣдомствъ, фармацевтовъ, ветеринарныхъ врачей и низшихъ медицинскихъ чиновъ, служащихъ и служившихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ въ Архангельской губерніи.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ Архангельскому губернскому врачбному управленію совмѣстно съ обществомъ Архангельскихъ врачей.

§ 6. Выдача стипендіи можетъ быть прекращена съ согласія учрежденій, избирающихъ стипендіата, въ случаѣ малоуспѣшности или недобрительнаго поведенія его.

§ 7. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ

процентовъ присоединяется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендій.

§ 8. Въ случаѣ закрытія гимназіи, капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взаимѣнъ гимназіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (16-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Михаила Васильевича Ломоносова при Симферопольскомъ Императорѣ Николаѣ II реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу триста пятьдесятъ рублей, образовавшагося изъ пожертвованій директора и членовъ педагогической корпораціи Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, а также другихъ лицъ, учреждается при названномъ училищѣ стипендія имени поэта Михаила Васильевича Ломоносова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ % % бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются, для взноса платы за ученіе, одному изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ V или VI класса училища православнаго исповѣданія, оказавшему, при отличномъ поведеніи и при общей по всѣмъ предметамъ успѣшности, вполнѣ одобрительные успѣхи по русской словесности.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 5. Въ случаѣ преобразования Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, стипендіальный капиталъ, съ тѣмъ же назначеніемъ, можетъ быть переданъ и другому среднему учебному заведенію, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (5-го сентября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Владимира Владиміровича Вельяминова-Зернова, при Таращанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Таращанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Владимира Владиміровича Вельяминова-Зернова, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣсти руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью почетнымъ смотрителемъ названнаго училища, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Игнатіемъ Федоровичемъ Коробкинымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Таращанскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ сего училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіи или иждивеніи коихъ находится стипендіатъ, въ началѣ каждаго полугодія, въ равномъ количествѣ, на взносъ платы за ученіе стипендіата и на приобрѣтеніе ему учебныхъ пособій, одежды, обуви и т. п.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему ученику, начиная съ перваго класса, изъ уроженцевъ гор. Таращи и иногороднихъ, отличающемся хорошимъ поведеніемъ и усилъхами въ наукахъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, но россійскому подданному.

§ 5. Выборъ стипендіата, изъ представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ означеннаго училища кандидатовъ на стипендію, принадлежитъ пожизненно дѣйствительному тайному совѣтнику Владимиру Владиміровичу Вельяминову-Зернову, а по смерти его попечителю Кіевскаго учебнаго округа, коимъ предоставляется право лишать стипендіата стипендіи, въ случаѣ его малоусилъжности и, главнымъ образомъ, неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса ученія въ Тарацанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ, при чемъ стипендіатъ, оставшійся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, не лишается стипендіи, если непереходъ его въ слѣдующій классъ произошелъ по причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ училища уважительными.

§ 7. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ послѣднему для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія названнаго училища въ высшій классный составъ или въ учебное заведеніе другого типа, какъ то ремесленнаго или техническаго, стипендіальный капиталъ переходитъ на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

19. (8-го сентября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени братьевъ Будаговыхъ при Бакинской Маріинской женской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Бакинской Маріинской женской гимназій учреждаются 16 стипендій имени братьевъ Будаговыхъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ *восемнадцать тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ* рублей, пожертвованнаго умершимъ бакинскимъ купцомъ Еювкомъ Катустовичемъ Будаговымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свѣдѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Бакинскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназій.

§ 3. Пользующіяся стипендіями ученицы именуется стипендіатками имени братьевъ Будаговыхъ.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года, обращаются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатокъ, изъ конхъ восемь армяно-григоріанскаго исповѣданія и восемь другихъ національностей и вѣроисповѣданій.

§ 5. Стипендіатки пѣбираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ

гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Право избранія стипендіатокуъ предоставляется попечительному совѣту Бакинской Маріинской женской гимназіи.

§ 7. Объ имѣющихъ освободиться стипендіяхъ попечительный совѣтъ оповѣщаетъ заблаговременно населеніе города Баку чрезъ женскую гимназію и объявленія въ бакинскихъ газетахъ.

§ 8. Стипендіатки пользуются стипендіями до окончанія курса, при чемъ стипендіатки, оставшіяся въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, не лишаются стипендій, если переходъ ихъ въ слѣдующій классъ произошелъ по причинамъ, признаннымъ попечительнымъ совѣтомъ гимназіи уважительными.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокуъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ этому капиталу для увеличенія числа стипендій.

§ 11. Въ случаѣ преобразованія Бакинской Маріинской женской гимназіи въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

§ 12. Въ случаѣ же закрытія означенной гимназіи, стипендіи переводятся въ соответствующіи женскіи учебныя заведенія города Баку, гдѣ и распределяются согласно настоящему положенію.

20. (19-го сентября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго Жиздринскаго уѣднаго предводителя дворянства Николая Петровича Булакова при Жиздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, на управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Жиздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго Жиздринскаго уѣднаго предводителя дворянства Николая Петровича Булакова, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью служащими въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ города Жиздры и Жиздринскаго уѣзда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свѣдѣтельствѣ за № 5303 сер. 21 государственной 4% ренты, хранится въ Жиздринскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ

Жиздринскаго Михайловскаго городского училища, составляя неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются педагогическимъ совѣтомъ училища на покупку избранному стипендіату книгъ, учебныхъ пособій, платья, обуви и пр.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему ученику Жиздринскаго Михайловскаго городского училища изъ родственниковъ (преимущественно изъ ближайшихъ) одного изъ учителей или учительницъ сельскихъ училищъ Жиздринскаго уѣзда, бывшихъ или состоящихъ на этой службѣ, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата, а также лишеніе его стипендіи въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія принадлежитъ педагогическому совѣту Жиздринскаго Михайловскаго городского училища.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время своего ученія въ Жиздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ и именуется стипендіатомъ Николая Петровича Булгакова.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки расходуются на приобретение учебныхъ пособій, книгъ, платья, обуви и пр. тому же стипендіату или же какому-либо другому.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (20-го сентября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Леонтьева при пансіонѣ Владимірской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при пансіонѣ Владимірской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Леонтьева на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для этой цѣли Владимірскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ семь тысячъ триста рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государствен-

ныхъ процентныхъ бумагахъ, хранятся въ губернскомъ казначействѣ въ денежномъ сундукѣ губернской земской управы, вмѣстѣ съ прочими гимназическими суммами, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на содержаніе стипендіатки въ названномъ пансіонѣ.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, къ какому бы сословію Владимірскаго земства онѣ не принадлежали, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріи Евгеніевнѣ Леонтьевой, а послѣ смерти ея право это переходитъ къ Владимірской губернской земской управѣ.

§ 6. Стипендіатка пользуется стипендіей во все время ученія въ гимназіи, но въ началѣ каждаго новаго учебнаго года начальствомъ гимназіи представляется губернской управѣ свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи стипендіатки, соображаясь съ которыми губернская управа рѣшаетъ вопросъ о правѣ ея на продолженіе пользованія стипендіей.

§ 7. Троекратное, въ теченіе всего гимназическаго курса, оставленіе ученицы на второй годъ въ томъ же классѣ, по безуспѣшности, происходящей отъ лѣни, небрежности и нерадѣнія, лишаетъ ее права на стипендію, если же оставленіе на второй годъ въ третій разъ и даже болѣе было слѣдствіемъ продолжительной болѣзни, или другихъ, лично отъ ученицы независящихъ обстоятельствъ, то губернской управѣ предоставляется право рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ пользованіи стипендією, каковое рѣшеніе сообщается педагогическому совѣту гимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться отъ незамѣненія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

У. ПРОЕКТЪ НОРМАЛЬНАГО УСТАВА ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ МУЗЕЕВЪ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

1. Педагогическій музей имѣеть цѣлью ознакомленіе учащихъ и всѣхъ интересующихся дѣломъ народнаго образованія съ современнымъ положеніемъ дѣла народнаго образованія и распространеніе правильныхъ понятій о наилучшей его постановкѣ.

2. Педагогическій музей можетъ содержать въ себѣ: а) коллекцію наглядныхъ пособій по всѣмъ предметамъ обученія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) собраніе учебныхъ пособій и руководствъ для тѣхъ же заведеній; в) коллекцію плановъ, рисунковъ, моделей школьныхъ зданій, классной мебели и вообще всѣхъ предметовъ и изданій, касающихся школьной архитектуры и гигиены; г) специальную педагогическую бібліотеку; д) бібліотеку по прикладнымъ знаніямъ, применимую къ потребностямъ учителя начальнаго училища; образцовую школьную бібліотеку для учителей и учащихся.

3. Музеи могутъ быть учреждаемы какъ учебнымъ начальствомъ, такъ и учрежденіями, обществами и частными лицами, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

4. Музей находится въ вѣдѣніи мѣстнаго директора народныхъ училищъ. Ближайшее завідываніе музеемъ возлагается на хранителя музея, избираемаго учредителями музея и утверждаемаго тѣ должности директоромъ народныхъ училищъ.

5. Приобрѣтеніе для музея книгъ и всякаго рода предметовъ разрѣшается мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ, который, въ случаѣ сомнѣнія, представляетъ о семъ на разрѣшеніе попечителя округа.

6. За пользованіе музеемъ платы не взимается.

7. Предметы, имѣющіеся въ музеѣ въ одномъ экземплярѣ, а также справочныя книги, дорого стоящія изданія и словари на домъ не отпускаются, а предоставляются лишь для пользованія въ помѣщеніи музея.

8. Книги изъ бібліотеки музея, по всѣмъ отдѣламъ его, за указанными въ § 7 исключеніями, выдаются служащимъ въ учебныхъ заведеніяхъ дирекція безъ взиманія залога. Иногороднимъ читателямъ книги выдаются на срокъ не свыше 4 мѣсяцевъ и въ количествѣ, не превышающемъ одновременно 5 томовъ.

9. Въ случаѣ утраты или порчи книги, лицо, пользовавшееся ею, обязано возмѣстить убытки, понесенныя музеемъ.

10. Съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ музей можетъ устраивать изъ своихъ коллекцій выставку наглядныхъ пособій и другихъ предметовъ въ разныхъ пунктахъ губерніи.

11. Подробныя правила пользованія пособиями и книгами музея, а также завѣдыванія музеемъ вырабатываются директоромъ народныхъ училищъ совместно съ учредителями музея и утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

12. Средства музея могутъ состоять: а) изъ пособій и пожертвованій отъ учреждений и лицъ, б) изъ суммъ, ассигнуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

13. Распредѣленіе суммъ, поступающихъ на содержаніе музея, безъ опредѣленнаго назначенія, производится директоромъ народныхъ училищъ совместно съ учредителями музея и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

14. Свѣдѣнія о дѣятельности музеевъ включаются въ представляемые директорами народныхъ училищъ годовыя отчеты.

15. Въ отношеніи расходованія суммъ и отчетности музей подчиняется общимъ установленнымъ на этотъ предметъ правиламъ.

16. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности музея, содержащаго всецѣло на счетъ казны или при пособіи отъ нея, средства и имущество музея поступаютъ въ распоряженіе попечителя учебнаго округа для открытія такового музея въ другомъ мѣстѣ или для улучшенія другихъ существующихъ музеевъ.

VI. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСИОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му сентябрю 1902 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, „капиталъ пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами .	8.937 р. 61 к.
% бумагами, по номинальной цѣнѣ на	1.016.550 „ — „
Изъ нихъ:	
3 ² / ₁₀ конверсион. облигацій на.	34.050 „ — „
4% свед. государственной ренты. .	25.000 „ — „
4 ¹ / ₂ % облиг. Московск. городск. кред. общ.	75.000 „ — „
закл. лист.: Московск. земельн. банка.	138.000 „ — „
Бессар.-Тавричesk.	137.000 „ — „
Донскаго	137.000 „ — „
Полтавскаго	85.900 „ — „
Кіевскаго	75.000 „ — „
Яросл.-Костромск.	143.900 „ — „
Віленскаго	40.100 „ — „
Нижег.-Самарскаго	63.100 „ — „
Земск. банка Херсонск. губ. .	62.500 „ — „
	<hr/>
	1.016.550 р. — к.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Григоревскій, М. Курсъ греческаго языка по Коху и Кэги. Часть I. Этимологія. Изданіе 11-е. С.-Пб. 1902. Стр. 112+221. Цѣна 1 р.“

— „Kalina, Anna. „Eile mit Weile“. Lehrbuch der deutschen Sprache für den vereinigten Anschauungs-, Sprech-, Schreib- und Lese-Unterricht. St. Petersburg. 1902. 260 S. Preis 1 Rbl.“ (для приготовительнаго и I классовъ женскихъ учебныхъ заведеній, а также и въ учебныя бібліотеки означенныхъ заведеній).

— „Картевъ, Н. Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+236+21 карта на VI табл. Цѣна 1 р. 10 к.“ (для мужскихъ гимназій).

— „Мозеръ, П. Элементарный курсъ французскаго языка. Часть I. 1-й и 2-й годъ. М. 1900. Стр. X+84+89. Цѣна 90 коп. въ пакѣ.— Часть II. 3-й и 4-й годъ. М. 1902. Стр. VIII+199. Цѣна 1 р.“ (для первыхъ 4-хъ классовъ).

— Пузицкій, В. Отечественная исторія въ рассказахъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1902. Стр. X+244. Цѣна 75 коп.“ (для I и II классовъ).

— „Фабрицеговъ, В. В. Учебникъ французскаго языка для первоначальнаго курса по натуральному методу. М. 1902. Стр. 111+44. Цѣна 85 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Bastin, J. Chrestomatie littéraire. 11-е édition. С.-Пб. 1902. Стр. VI+250+130. Цѣна 1 руб.“ (для среднихъ и высшихъ классовъ).

— „Верилій Маронъ, П. Энеида. Пѣснь I. Объяснит. Д. На-

цувскій. Изданіе 7-е. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергія Манштейна*). С.-Пб. 1901. Часть I: Текстъ. Стр. 27+1 карта. Часть II: Комментарій. Стр. 66. Цѣна за обѣ части 50 коп."

— *„Гика, Д., и А. Муromцевъ*. Геометрическія задачи. Изданіе М. Д. Наумова. Часть I. Задачи плоской геометріи. Изданіе 6-е. М. 1900. Стр. II+188.—Часть II. Задачи геометріи въ пространствѣ. Изданіе 5-е. М. 1902. Стр. 162. Цѣна каждой части 75 коп., въ перепл. 90 коп." (также для учительскихъ семинарій и институтовъ).

— *„Гомеръ*. Одиссея. Пѣснь IX. Объяснилъ *Н. А. Очаствлицевъ*. Изданіе 3-е. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергія Манштейна*). С.-Пб. 1902. Часть I: Текстъ. Стр. 21.—Часть II: Комментарій. Стр. 65. Цѣна за обѣ части 40 коп."

— *„Корнелій Непотъ*. Избранныя біографіи. Объяснилъ *Левъ Георгиевскій*. Изданіе 5-е. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергія Манштейна*). С.-Пб. 1902. Часть I: Текстъ. Стр. 38+1 карта. Часть II: Комментарій. Стр. 90. Цѣна за обѣ части 60 коп."

— *„Ксенофонтъ*. Анабасисъ. Книга II. Объяснилъ *Левъ Георгиевскій*. Изданіе 4-е. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергія Манштейна*). С.-Пб. 1902. Часть I: Текстъ. Стр. 30.—Часть II: Комментарій. Стр. 54. Цѣна за обѣ части 40 коп."

— *„La Bruyère*. Les caractères ou Les mœurs de ce siècle. Избранные отрывки для школьнаго употребленія. Редактировалъ *П. Д. Первозъ*. Изданіе 2-е, В. Думнова. М. 1901. (Доволнено цензурою. Москва, октбля 10-го дня, 1891 года). Стр. VIII+151. Цѣна 55 коп."

— *„Thiers*. Napoléon à Sainte-Hélène. Извлеченіе изъ сочиненія Тьера „Histoire du Consulat et de l'Empire“. Обработалъ *Бернардъ Кленце*. Изданіе 2-е, испр. и дополн., С. А. Манштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей). С.-Пб. 1902. Стр. 175 (въ текстѣ)+61+62 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 60 коп." (также и въ ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Fouillet, Octave*. Le roman d'un jeune homme pauvre. Обработалъ *И. О. Фурреръ*. Изданіе С. А. Манштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей). С.-Пб. 1901. Стр. 160 (въ текстѣ)+61+40+V (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями

60 коп.“ (также и въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Цицеронъ, М. Туллій*. Рѣчь за поэта Архіа. Объяснилъ *И. Нестушицъ*. Изданіе 2-е, пересм. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергія Манштейна*). С.-Пб. 1901. Часть I: Текстъ. Стр. 15+2 листа картъ. Часть II: Комментарій. Стр. 49. Цѣна за обѣ части 30 коп.“

— „*Черный, Э.* Греческо-русскій и русско-греческій словарь къ „Начальной греческой хрестомати“. Изданіе 4-е, В. Думнова. М. 1902. Стр. 178. Цѣна 75 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровскій, Г.* 1) О романѣ Гете „Страданія молодого Вертера“. Кіевъ. 1897. Стр. 49. Цѣна 40 коп.—2) Пѣть юбилейныхъ чтеній о Пушкинѣ. Кіевъ. 1899. Стр. (125—140)+(19—58). Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Александровскій, Г. В. Н. А.* Некрасовъ и его поэзія. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1900. Стр. 42. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Алтаевъ, А.* 1) Юноша-поэтъ (жизнь С. Я. Надсона). С.-Пб. 1899. Стр. 48. Цѣна 50 коп.—2) Карлъ Петровичъ Брюлловъ. Біографическій разсказъ. С.-Пб. 1900. Стр. 4+32. Цѣна 30 коп. (Обѣ—изданія Е. В. Лавровой и Н. А. Попова)“.

— „*Дайз, К.* Исторія искусствъ. Переводъ подъ ред. и съ добавленіями *Г. Г. Павлуцкаго* и съ прибавленіемъ главы о древне-русскомъ искусствѣ *В. Т. Георгіевскаго*. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ. 1902. Стр. V+404. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Беннетъ, Джемъ.* Жаворонокъ. Историческая повѣсть изъ временъ королевы Елизаветы. Перев. *Т. Лодановичъ*. (Бібліотека „Всходовъ“). С.-Пб. 1898. Стр. 143+143. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Бизантъ, Вальтеръ.* Два пути. Передѣлано *А. Анненской*. (Бібліотека „Всходовъ“). С.-Пб. 1901. Стр. 155. Цѣна 30 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Бокинъ, И. Н.* Подвижныя игры. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. 346. Цѣна 2 р.“ (также и въ учительскія бібліотеки сред-

нихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія и ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Будде, Е. Ѡ.* Учебникъ грамматики русскаго языка. Часть I-я. Этимологія. 2-е изданіе, пересмотр. и исправл. Казань. 1902. Стр. 204+VI. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, въ качествѣ необязательнаго пособія для учениковъ высшихъ классовъ, а также и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Бѣлинскій, В. Г.* Избранныя сочиненія. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898. Томъ I. Стр. II+828+V.—Томъ II. Стр. 922+III. Цѣна каждаго тома 1 р. 20 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Гено.* Сыны Арія. Повѣсть изъ исторіи борьбы православія съ аrianствомъ Запада. Переводъ С. *Моложавою.* Изданіе П. П. Софкина. С.-Пб. 1901. Стр. 223. Цѣна 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Гердтле, Э.* Геометрическій орнаментъ. Собраніе узоровъ для начальнаго черченія. 60 таблицъ въ 3 частяхъ, по 20 таблицъ въ каждой. С.-Пб. 1898. Цѣна каждой части 1 р. 25 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Гюль, Т.* Школьные годы Тома Брауна. Перев. *И. П.—.* (Бібліотека „Всходоув“) С.-Пб. 1896. Стр. 176. Цѣна 25 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „Житія Святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четыхъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго съ дополненіями изъ пролога. Изданіе Московской Синодальной типографіи. Книга 1-я. Мѣсяць сентябрь. М. 1902. Стр. XXXI+677+3. Цѣна 1 р. 85 коп.“ (также и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Заюскинъ, М. Н.* 1) Кузьма Рощинъ. Стр. 118. Цѣна 10 коп.—2) Вечеръ на Хопрѣ. Стр. 158+I. Цѣна 12 коп.—3) Брынский лѣсъ. Стр. 423. Цѣна 30 коп.—4) Юрій Милославскій. Стр. I+438. Цѣна 25 коп.—5) Рославлево. Стр. 567+I. Цѣна 35 коп.—6) Аскольдова могила. Стр. 455+I. Цѣна 30 коп. (Дешевалъ бібліотека А. С. Суворина, №№ 348—353)“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Кайгородовъ, Дм.* Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1902. Стр. IV+258. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (для младшаго возраста и для

выдачи учащимся въ награду, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Л., Е. А.* Св. Василій Великій. С.-Пб. 1902. Стр. 213 + 1 карта. Цѣна 1 р.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лебедевъ, Петръ.* Наука о богослуженіи православной церкви. 2 части въ 1 книгѣ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1895. Стр. XI + 160 + XIV + 166. Цѣна 2 р.“

— „*Литтлз, Т.* Основы логики. Переводъ *Н. О. Лосскою.* Изданіе О. Н. Поповой (Образовательная библіотека. Серія IV, №№ 7 и 8). С.-Пб. 1902. Стр. VII + 301. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Мельвилъ, Уайтъ.* Гладіаторы. Римъ и Іудея. Историческій романъ. Переводъ съ примѣчаніями *А. А. Измайлова.* Изданіе И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. VII + 516. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Мюнхгаузъ, Р.* Литейщикъ изъ Нюрнберга. Перев. *З. Журавской.* (Библіотека „Всходовъ“). С.-Пб. 1899. Стр. 173. Цѣна 25 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Нагуевскій, Д.* 1) Изъ исторіи римскаго амфитеатра (Колизея). Казань. 1901. Стр. 26. Цѣна 30 коп. — 2) Изъ древне-римской нумизматики. Казань. 1900. Стр. 23 + 6. Цѣна 30 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Нечаевъ, А. П.* Моя лабораторія. (Библіотечка журнала „Игрушечка“. Томъ III). С.-Пб. 1901. Стр. 271. Цѣна не обозначена“ (для средняго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „О чудотворныхъ и мѣстно-чтимыхъ иконахъ Тамбовскаго края. Изданіе П. И. Бенедиктова. Тамбовъ. 1902. Стр. 78. Цѣна не обозначена.“

— „*Орловскій, С.* Художникъ Александръ Андреевичъ Ивановъ. (Биографическій очеркъ). Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. С.-Пб. 1899. Стр. 40. Цѣна 40 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Освободительныя войны XIX вѣка. (Библіотека „Всходовъ“). С.-Пб. 1900. Стр. 135 + 117. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Павловъ, А.* Природовѣдніе. Бесѣды и описанія изъ природы. Часть 1-я. С.-Пб. 1902. Стр. 310 + II. Цѣна 1 р.“ (также

и въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Петерсонъ, О. Сервантесъ. Его жизнь и произведенія. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. (Жизнь и литература). С.-Пб. 1901. Стр. 119. Цѣна 1 р.“* (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Полевой, П. П. Историческіе рассказы и повѣсти. II-е изданіе, А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. 472. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 коп.“* (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Помяловскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій. 9-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. XLVII+638. Цѣна 2 р. 75 коп.“* (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Иридикъ, Е. М. Римскія монеты. Объяснительный текстъ къ таблицѣ III. Изданіе С. О. Цыбульского. (Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ). С.-Пб. 1902. Стр. 46. Цѣна 50 коп.“*

— *„Реклю, Элизе. Земля и люди. Всеобщая географія. 19 томовъ въ 10 книгахъ. Переводъ со 2-го испр. и дополн. изданія подъ ред. С. П. Зыкова. Изданіе Т—ва „Общественная Польза“ и К°. С.-Пб. 1899—1901. Цѣна за 10 книгъ 40 р., съ порос. 45 р.“* (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Ростовцевъ, М. Древній городъ Римъ. Объяснительный текстъ къ таблицамъ XV^a и XV^b (Палатъ Рима). Изданіе С. О. Цыбульского (Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ). С.-Пб. 1902. Стр. 33+2 листа рисунковъ. Цѣна 60 коп.“*

— *„Смирновскій, П. Исторія русской литературы XIX вѣка. Выпускъ VI. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина“. С.-Пб. 1902. Стр. VI+214. Цѣна 1 р.“* (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Страна чудесъ Новаго Свѣта. Изданіе П. П. Сойкина (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ ред. В. В. Битнера). С.-Пб. 1902. Стр. 56. Цѣна 50 коп.“* (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Сьрошевскій, Вацлавъ. Въ степяхъ Монголіи. Съ польскаго*

передѣлано авторомъ. (Библиотека „Всходовъ“). С.-Пб. 1902. Стр. 187. Цѣна 60 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Tabulae, quibus antiquitates graecae et romanae illustrantur.* Edidit *Stephanus Cybulski.* Apud bibliopolam K. F. Koehler, Lipsiae. Tab. I. Arma et tela graecorum. Edit. II. — Tab. II. Milites graeci. Edit. II. — Tab. IV. Navigia. — Tab. V. Arma et tela exercitus romani. — Tab. VI. Milites romani. — Tab. VII. Milites romani. — Tab. VIII. Castra romana. — Tab. IX. Machinae et tormenta. — Tab. X. Οἰκία ἑλληνική. — Tab. XI. Domus romana. Edit. II. — Tab. XII. Theatrum. Edit. II. — Tab. XIII. Theatrum. Edit. II. Цѣна каждой таблицы 15 коп.“

— „*Фарраръ, Ф. В.* Соломонъ, его жизнь и время. Переводъ *М. Славнитскаго.* Изданіе П. П. Соѣкина. С.-Пб. 1900. Стр. 238. Цѣна 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки),

— „*Цыбульскій, С. О.* 1) Военное дѣло у грековъ. Вооруженіе и составъ греческихъ войскъ. Объяснительный текстъ къ I и II „Таблицамъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей“. Изданіе 2-е, испр. и доп. Изданіе автора. С.-Пб. 1901. Стр. 40. Цѣна 40 коп.—2) Римскій домъ. Объяснительный текстъ къ XI „Таблицъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей“. Изданіе автора (2-е). С.-Пб. 1902. Стр. 39. Цѣна 50 коп.“

— „*Чижовъ, Е. И.* Мой микроскопъ. (Библиотечка журнала „Игрушечка“. Томъ I). С.-Пб. 1901. Стр. 218. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „*Чижовъ, Е. И.* Стефенсонъ. Фультоуъ. Уаттъ. (Библиотечка журнала „Игрушечка“. Томъ XXI). С.-Пб. 1900. Стр. 189. Цѣна не обозначена.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „*Шлидтъ, Ю. К.* Лѣтнія и зимнія занятія для дѣтей. I. Дѣтскій садикъ и огородъ и комнатное цвѣтоводство. Съ нѣмецкаго переработалъ *С. А. Норыцкій.* (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.*) М. 1901. Стр. 70. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Rosegger, P.* Erzählungen. Russische Schulausgabe von *L. Behrsin* und *M. Brunneck*. (Deutsche Autoren. Band 12). Kiew. 1902. Стр. 137. Цѣна въ перенз. 50 коп.“ (для среднихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*B. В. Фабрицевъ*. Методика и дидактика французскаго языка. М. 1902. Стр. VIII+143.“—признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*В. Владиславлевъ*. Уроки по классу христіанской педагогики. Изданіе бр. Салаевыхъ. М. 1875. Стр. 199+IV. Цѣна 75 коп.“—допустить въ бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Изданіе: „Трудовая помощь. Журналъ, издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Подъ ред. *В. Державинскаго*. Выходитъ 10 разъ въ годъ. Подписная цѣна 3 р. въ годъ съ доставкою и пересылкой.“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бібліотеки учебныхъ заведеній министерства и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія: „*В. Г. Андреевъ*. Учебный гербарій для Крыма. Симферополь. 1902. 1) Изъ осеннихъ растений. Цѣна 5 р.—2) Изъ раннихъ весеннихъ растений. Цѣна 2 р. 50 коп.“—допустить къ приобрѣтенію средними учебными заведеніями для демонстраціи учащимся во время уроковъ, а также и для помѣщенія въ кабинеты природовѣдѣнія, гдѣ таковыя имѣются.

— Книгу: „Происхожденіе органическаго міра. Изданіе *П. П. Сойкина*. (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей

по самообразованію подъ ред. *В. В. Гитнера*). С.-Пб. 1901. Стр. 64. Цѣна 50 коп.—допустить въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Составленъ кружкомъ учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга. Географическій матеріалъ редактировалъ *И. Н. Михайловъ* м.з. Изданіе городской комиссіи по народному образованію. С.-Пб. 1902. Стр. 140+13 табл. Цѣна 75 коп.—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжку: „*Кизеветтеръ, А.* Первый общедоступный театръ въ Россіи. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина (Педагогическое общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Труды комиссіи по устройству чтеній для учащихся). М. 1901. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: „*Незеленовъ, А. И.* О преподаваніи русской словесности. Изданіе 2-е, Н. Г. Мартыновъ. С.-Пб. 1903. Стр. 79. Цѣна 50 коп.“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Изданія: 1) „Таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Сост. *С. Цибульскій*. Изданіе 2-е, Н. Фену и К°. С.-Пб. Таблица I. Оборонительное и наступательное оружіе древнихъ грековъ.—Таблица II. Греческіе войны.—Таблица XI. Римскій домъ. Цѣны каждой таблицы 2 руб.“—2) „Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ. Сост. *С. Цибульскій*. Изданіе К. Э. Кэлора въ Лейпцигѣ. Таблица III^а (I—VI). Римскія монеты. Сост. *Евгеній Придикъ*.—Таблица XII. Греческій театръ. Изданіе II.—Таблица XIII. Греческій театръ. Изданіе II. Цѣна каждой таблицы 2 руб.—Таблицы XV^а и XV^б. Древній городъ Римъ. Цѣна за обѣ вмѣстѣ 5 руб.“—допустить къ приобрѣтенію на средства среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій при чтеніи латинскихъ и греческихъ авторовъ, а также и при изученіи древней исторіи.

— Изданіе: „*Литке, А.* Альбомъ монограммъ для мѣтки бѣлья, гравированія, рѣзбы, штампованія, выливанія, отливки, чеканки и проч. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. I+42 табл. Цѣна

2 р. 50 коп., съ перес. 3 р.—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Андреевъ, Н.* Дѣтскій другъ. Часть II. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. 2-е испр. и дополи. изданіе, Юнкъ и Подіевскаго. Рига. 1902. Стр. 116. Цѣна въ перепл. 40 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски).

— „*Васильевъ, А.* Численные примѣры. 1-й и 2-й годъ обученія. С.-Пб. 1902. Стр. 36. Цѣна 12 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Ванштейнъ, Л. М.* Практическая русская грамматика для инородческихъ школъ. Изданіе 2-е, испр. и дополи. С.-Пб. 1902. Стр. 124. Цѣна 40 коп.“ (для инородческихъ и другихъ начальныхъ училищъ).

— „*Евсеевъ, И. Е.* Провиси для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Изданіе 7-е, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. IV+16. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Киселевъ, А.* Краткая ариметика для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. 6-е перераб. изданіе, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. 140. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ училищъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Комаровъ, А. Ф.* Ариметическій задачникъ. Выпускъ I. Задачи, примѣры и вопросы на числа первой сотни. Стр. II+57. Цѣна 15 коп. — Выпускъ II. Задачи, примѣры и вопросы на числа свыше сотни и на простѣйшія дроби. Стр. 121. Цѣна 20 коп. Изданіе 10-е, К. И. Тихомирова. М. 1902.“

— „*Крамаренко, К.* Элементарный курсъ географіи. Родиновъ-дніе. Бессарабская губернія и Кишиневскій уѣздъ. Кишиневъ. 1902. Стр. 72+Ш. Цѣна 40 коп.“ (для низшихъ учебныхъ заведеній Бессарабской губерніи).

— „*Мюльманъ, Р.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Часть II. Первая сотня. Первая тысяча. Простѣйшія дроби. Изданіе К. Г. Зихмана. Рига. 1902. Стр. 94. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Понозъ, Д.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для младшаго возраста. С.-Пб. 1892. Стр. 80. Цѣна 25 коп.“ (для народныхъ училищъ, а также для приготовительныхъ классовъ гимназій и прогимназій).

— „*Правдинъ, В.* Учебникъ географіи для начальныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа. Изданіе 2-е, испр. и дополн., Ф. И. Трескиной. Рига. 1902. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа).

— „*Синюкинъ, Я.* Элементарный курсъ грамматики для сельскихъ школъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, А. Ѳ.* Методическая грамматика. Изданіе 3-е, заново перераб., М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. X+112. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, А. Ѳ.* Первые уроки церковно-славянскаго языка. Изданіе 5-е, М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. XVI+сѣг. Цѣна 30 коп.“ (также и для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Соломоновскій, И. С.* Тетради словъ и фразъ для первыхъ упражненій въ русскомъ чтеніи и для звуковой диктовки. 5-е изданіе. Кіевъ. 1902. Стр. 40. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Тенишевъ, Б. А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для церковно-приходскихъ школъ. 1-й и 2-й годъ обученія. Изданіе 7-е, Училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. С.-Пб. 1900. Стр. 144. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бородкинъ, М.* Поэтическое творчество А. Н. Майкова. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1900. Стр. 81. Цѣна 50 коп.“ (также

и въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Евсеевъ, П. Е. Методика обученія чистописанію. Изданіе В. В. Думнова. М. 1902. Стр. IV + 152 + 36. Цѣна 70 коп.“ (также и къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособия, въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ и въ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, въ которыхъ преподается методика чистописанія).

— „Комаровъ, А. Ф. Методическое рѣшеніе типическихъ ариметическихъ задачъ въ начальныхъ училищахъ. Изданіе 7-е, К. Н. Тихомирова. М. 1902. Стр. 108+II. Цѣна 48 коп.“

„Коневскій, М. Θ. Историческія свѣдѣнія о богослужбѣ пѣніи въ восточавѣтной, новозавѣтной-вселенской и въ частности русской церквахъ. Изданіе 2-е, М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. 68. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Кудрявцевъ, М. Н. Ариметика на счетахъ. Изданіе 5-е, испр. и дополн. М. 1897. Стр. VIII+70. Цѣна 45 коп.“

— „Покровскій, А. М. 1) Азбука крюковаго пѣнія. Объясненіе главнѣйшихъ начертаній древняго русскаго безлинейнаго нотописанія. М. 1901. Стр. 2+43. Цѣна 40 коп.—2) Знаменный роспѣвъ (большой). Техническое построеніе роспѣва на древне-греческихъ ладахъ и разборъ мелодическихъ строевъ (ляца и ѳиты). Изданіе 2-е, испр. и дополн. Новгородъ. 1901. Стр. 36. Цѣна 15 коп.—3) Церковное осмогласіе и его теоретическое основаніе. Новгородъ. 1899. Стр. 12. Цѣна 10 коп.—4) Хоровое церковное пѣніе, его значеніе и постановка. Изданіе 2-е. Новгородъ. 1900. Стр. 20. Цѣна 5 коп. — 5) Семіографія. Очеркъ исторіи развитія музыкально-пѣвческихъ звуковъ. Новгородъ. 1900. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „Русскій сельскій календарь на 1903 годъ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. М. 1902. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“

— „Соломоновскій, И. С. Наставленіе о томъ, какъ учить русской грамотѣ по тетрадамъ словъ и фразъ. 2-е изданіе. Кіевъ 1902. Стр. 24. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „Страховъ, Н. Методика русской грамматики и начальныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. 2-е изданіе. Харьковъ. 1900. Стр. II+172. Цѣна 1 р.“ (также и въ качествѣ учебнаго руководства для

педагогических классовъ женскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „Гарнаевскій, Александръ. Обь обязанностяхъ учителя начальнаго народнаго училища. 3-е издание, К. П. Тихомирова. М. 1902. Стр. 352+П. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Тенишевъ, Б. А. Краткое руководство къ преподаванію арифметики въ начальныхъ сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ. С.-Пб. 1902. Стр. 53. Цѣна 15 коп.“

— „Терешкевичъ, А. А. Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ арифметическихъ задачъ по типамъ. Изданіе 7-е, К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 100. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, а также и въ ученическія бібліотеки сихъ училищъ).

— „Щуцкій, М. М. Свѣдѣнія изъ русскихъ законовъ для народнаго чтенія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. XIV+278. Цѣна 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Лукашевичъ, Клавдія. Истинный другъ челоѣчества (докторъ Федоръ Петровичъ Гаазъ). По біографическому очерку А. Ѳ. Коин. (Бібліотечка журнала „Игрушечка“. Томъ XIX). С.-Пб. 1900. Стр. 175. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Орловъ, М. А. Люди долга и самоотверженія. (Бібліотечка журнала „Игрушечка“. Томъ XXIV). С.-Пб. 1900. Стр. 232. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Орловъ, М. А. Разказы изъ дѣтства знаменитыхъ людей. (Бібліотечка журнала „Игрушечка“. С.-Пб. 1900). 1) Томъ XXII. Ученые. Стр. 206.—2) Томъ XXIII. Художники и музыканты. Стр. 215. Цѣны не обозначены.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Туркестанъ. По дорогѣ къ Туркестану. — Завоеваніе Туркестана.—Земледѣліе въ Туркестанѣ. 2-е издание К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Александровскій, А.* Священная исторія ветхаго завета. Изданіе 2-е, испр. и дополн. М. 1884. Стр. 79+IV. Цѣна 20 коп.“

— „*Анисимовъ, Александръ.* Путевыя записки русскаго пастыря о священномъ востокѣ. 2 части въ 1 книгѣ. Изданіе 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. VII+456+IV. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бажановъ, В. Б.* 1) Обь обязанностяхъ христіанна. Изданіе 7-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 128+III. Цѣна 30 коп. — 2) Примѣры благочестія изъ житія святыхъ. Изданіе 8-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1896. Стр. 126+II. Цѣна 25 коп.—3) Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изданіе 14-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1896. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

— „*Балобанова, Е.* Кавказскія воспоминанія. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1899. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Горлаковскій, П.* Русскіе поэты для школъ и народа. Одесса. 1902. Вып. 1. Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ. Стр. 16.—Вып. 2. Гаврилъ Романовичъ Державинъ. Стр. 16.—Вып. 3. Василій Андреевичъ Жуковскій. Стр. 24. — Вып. 4. Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Стр. 24.—Вып. 5. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Стр. 23.—Вып. 6. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Изданіе 2-е. Стр. 36. — Вып. 7. Михайлъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Стр. 23.—Вып. 8. Николай Михайловичъ Языковъ. Стр. 24.—Вып. 9. Иванъ Ивановичъ Козловъ. Стр. 31.—Вып. 10. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Стр. 32.—Цѣна каждому выпуску—10 коп.“

— „*Виноградовъ, А.* Значеніе царствованія Императрицы Екатерины II для Сѣверо-западнаго края. Вильна. 1900. Стр. 38. Цѣна не обозначена.“

— „*Готоль, Н. В.* Избранныя сочиненія для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журнала „Игрушечка“. С.-Пб. 1902. Стр. 106. Цѣна 35 коп.“

— „*Дуласъ-Вининъ, Кэтъ.* Счастье бѣднаго малыша. Съ англійскаго перевела Е. Б. (Библіотека для дѣтей и для юношества подѣ

ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1901. Стр. 65. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп.“

— *„Ефимова, Е. Царь-Освободитель Александръ II. Его жизнь и славная дѣятельность. (Дешевыя изданія Т-ва П. Д. Сытина. Подъ ред. Н. В. Тулунова)*. М. 1902. Стр. 90. Цѣна 6 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Жуковский, В. А. Избранныя сочиненія. Изданіе журнала „Игрушечка“*. С.-Пб. 1902. Стр. VI+277. Цѣна 1 руб.“

— *„Жуковский, В. А. Сочиненія. Подъ ред. Г. П. Сенинова. Изданіе П. С. Асхарханова. С.-Пб. 1902. Книжка I. Стр. 88. Цѣна 10 коп., въ папкѣ 20 коп.—Книжка II. Стр. 235. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп.“* (также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Заоскингъ, М. Н. Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1902. Стр. 268+III. Цѣна 40 коп.“*

— *„К—ръ, М. Я. Бойтесь хмѣльного! Изданіе А. Бабушкиной*. М. 1902. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— *Кылита, Рудіардъ. Человѣкъ-волкъ. Индійскіе рассказы. Переводъ З. Журавской. Изданіе ред. журн. „Всходы“*. С.-Пб. 1900. Стр. 243. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Кордліа. Горя чудесъ. Индійская повѣсть. Переводъ Е. А. Никольской. Изданіе Е. В. Лавровой и П. А. Попова. (Библіотека нашихъ дѣтей)*. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Корчевская, О. Русскія народныя сказки для маленькихъ дѣтей. Изданіе журнала „Игрушечка“*. С.-Пб. 1901. Стр. IV+80. Цѣна 50 коп.“

— *„Лебедевъ, В. А. Княжичъ. Историческій рассказъ. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. С.-Пб. 1901. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“*

— *„Лукашвичъ, Клавдія. Звѣздочка. Рассказъ. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. (Русская бібліотека Вольфа)*. С.-Пб. 1901. Стр. 15. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Дукьяновскій, А.* Русскія народныя сказки и были въ стихахъ. Томъ II. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 119. Цѣна 80 коп.“

— „*Лялина, М. А.* Анда. Повѣсть изъ сибирской жизни. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1901. Стр. 61. Цѣна 90 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *Макарій*, епископъ Томскій. 1) Простыя рѣчи о великихъ дѣлахъ Божіихъ. Томскъ. 1900. Стр. 52.—2) То же. (Рѣчь первая). Изданіе 4-е. Томскъ. 1900. Стр. 16.—(Рѣчь вторая). Изданіе 4-е. Томскъ 1900. Стр. 26.—3) Простыя рѣчи о церкви. Томскъ. 1900. Стр. 10.—Рѣчь вторая. Томскъ. 1900. Стр. 12. Цѣны не обозначены.“

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Евпатій Коловратъ. Изданіе М. В. Клюкина. (Историческая библиотека, № 5). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Трофимъ болящій. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души. № 21). М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Постыловъ, С.* Разказы о дикихъ животныхъ Россіи. Книжка 1-я: Бѣлый медвѣдь, лось, волкъ, бобръ, тигръ. Изданіе Е. В. Лавровой и П. А. Попова. (Библиотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ (также въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Прусъ, Болеславъ.* Маленькій Стась. Переводъ М. З. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 72. Харьковъ. 1901. Стр. 63. Цѣна 3 коп. (сотня—2 р. 10 коп.)“.

— „*Пушкинъ, А. С.* Избранныя сочиненія для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журнала «Игрушечка». С.-Пб. 1899. Стр. XII+98. Цѣна 60 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Избранныя произведенія съ разказомъ о его дѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Собралъ Е. Поселянинъ. Изданіе А. Д. Ступина. (Для школъ и народа). М. 1899. Стр. IV+153. Цѣна 30 коп.“

— „*Садовниковъ, Д.* Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. Изданіе В. Д. Карчагина. М. 1902. Стр. 49. Цѣна 15 коп., въ папкѣ

25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній и для народныхъ чтеній).

— „*Светликова, Е.* Ледяной домъ. (По роману Н. П. Лажочникова). 2-е изданіе. М. 1901. (Дешевая бібліотека «Дѣтскаго Чтенія»). Стр. 159. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Сетонъ-Толсонъ, Э.* По слѣдамъ оленя. Переводъ съ англійскаго. (Бібліотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 49. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 50 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Опири, Іоанна.* 1) Горный пастухъ и 2) Бабушкинъ дружокъ. 2 разсказа для дѣтей. Перевела *Е. А. Караваява*. (Бібліотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1901. Стр. 93. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Станюковичъ, К.* 1) Васька. № 81. Стр. 37. Цѣна 8 коп.— 2) Максимка. Стр. 50. Цѣна 7 коп.—3) Пропавшій матросъ. № 80. Стр. 39. Цѣна 5 коп.—4) На каменьяхъ. № 82. Стр. 18. Цѣна 5 коп. (Всѣ—изданія Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1901).“

— „*Успенскій, В. В.* О пользѣ малыхъ пернатыхъ садовниковъ. Изданіе Гомельскаго отдѣла Россійскаго общества покровительства животнымъ. Гомель. 1902. Стр. 29+1 табл. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Харузина, В.* Царовна Каменное сердце. Изданіе *Е. В. Лавровой* и *Н. А. Попова*. С.-Пб. 1901. Стр. 49. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Цѣтковъ, Влад.* Жизнь Божіей матери. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“

— „*Цѣтковъ, К. Н.* Великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской и преподобный Сергій Радонежскій. М. 1902. Стр. 67. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныѣхъ заведеній).

— „*Черскій, Л. Ф.* Друзья. Разсказы и сказки для дѣтей. Изданіе *М. В. Ключкина*. М. 1899. Стр. 70. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „Что разсказывала мама о полезныхъ вещахъ, которыя были у дѣтей въ комнатѣ. Съ англійскаго перевела *В. Величкина*. (Бібліо-

тека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*. М. 1901. Стр. 93. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Штифтеръ, Адальбертъ*. Ночь подь Рождество среди снѣга и льда. Перевелъ *С. А. Нортикій*. (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1901. Стр. 84. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Юрьева, М.* Снѣгурочка. (Разсказъ изъ недавняго прошлаго). Изданіе торг. дома *С. Курнинъ и К°*. М. 1901. Стр. 146. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— *„Верисюберъ, К.* Сокровища Пору. Романъ въ двухъ частяхъ. I. Скитанія молодого бѣглеца. II. Черезъ дебри и пустыни. Изданіе *П. П. Софкина*. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. Стр. 181+182. Цѣна не обозначена.“

— *„Галле, Л.* Приключенія Сирано де-Бержерака. Изданіе *П. П. Софкина*. (Библіотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). С.-Пб. 1901. 2 тома въ 1 книгѣ. Стр. 208+167. Цѣна 75 коп.“

— *„Коропчевскій, Д. А.* Прежде и теперь. Очерки домашней жизни въ старое и въ наше время. [Изданіе ред. журн. «Восходъ»]. С.-Пб. 1901. Стр. 392. Цѣна 1 р.“

— *„Любичъ-Копузовъ, І. А.* На зарѣ. Сонъ въ руку. Изданіе *Д. П. Ефимова*. М. 1902. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“

— *„Пазомовъ, Иванъ*. Худой талантъ. Изданіе *Д. П. Ефимова*. М. 1902. Стр. 47. Цѣна 8 коп.“

— *„Пляшковичъ, В.* О пьянствѣ съ его гибельными послѣдствіями у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Изданіе *О. А. Трайкевича*. Вильна. 1902. Стр. 14. Цѣна 15 коп.“

— *„Пляшковичъ, В. А., и О. А. Трайкевичъ*. 1) О пьянствѣ и о борьбѣ съ нимъ у насъ въ Россіи. Вильна. 1902. Стр. 28. Цѣна 25 коп.—2) Борьба съ пьянствомъ или эпоха умственнаго, нравственнаго и экономическаго возрожденія галицко-русскаго народа. Вильна. 1902. Стр. 16. Цѣна 20 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Беллюстинъ, В. Арифметическій задачникъ. Изданіе 3-е. М. 1902. 1) Для 1-го года обученія. Стр. 60. Цѣна 10 коп.—2) Для 2-го года обученія. Стр. 72. Цѣна 12 коп.—3) Для 3-го года обученія. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги приняты были къ руководству указанія ученаго комитета).

— „Зюкова, П. А. Товарницъ. 1) Азбука для обученія чтенію и письму. Стр. 52. Цѣна 15 коп.—2) Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Стр. 87. Цѣна 25 коп.—3) Книга для чтенія въ школь. 2-й годъ обученія. Стр. 159. Цѣна 40 коп.—4) Книга для чтенія въ школь. 3-й годъ обученія. Стр. 201. Цѣна 50 коп. (Изданіе ред. журн. «Всходы» 1903)“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе сихъ книгъ было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Третьяковъ, М. К. Собраніе упражненій по арифметикѣ. (Для учащихся). Часть 1-я. Курсъ 1-го и 2-го года. Гольдштингъ. 1902. Стр. II+100+13 табл. Цѣна 25 коп.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги приняты были къ руководству замѣчанія ученаго комитета).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллюстинъ, В. Методика арифметики. Изданіе 2-е. М. 1902. 1) Курсъ младшаго отдѣленія начальной школы. Стр. 68. Цѣна 20 коп. — 2) Курсъ средняго отдѣленія начальной школы. Стр. 82. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи приняты были къ руководству указанія ученаго комитета).

— „Зюкова, П. А. Книга для учителей. Методическія указанія къ учебной книгѣ „Товарищъ“. Изданіе ред. журн. „Всходы“. 1902. Стр. 78. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе этой книги было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Давыдовъ, Ф. П.* Руководство къ счисленію на русскихъ торговыхъ счетахъ. Изданіе В. Думнова. М. 1891. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

г) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— „Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянскихъ строеній. Вятка. 1898. Стр. 27+2 листа чертежей. Цѣна не обозначена.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи приняты были къ руководству указанія ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Свѣтлячокъ. Журналъ для дѣтей младшаго возраста. 24 №№ въ годъ. 12 премій. Москва. Издательница М. О. Лидертъ. Редакторъ-издатель *А. А. Федоровъ-Давыдовъ*. Подписная цѣна 2 р. 50 коп. въ годъ, съ перес. и дост. 3 р.“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки городскихскихъ училищъ, дѣтскихъ садовъ и пріютовъ.

— Журналъ: „Дѣтское Чтеніе. Редакторъ *Д. П. Тихомировъ*. Издательница *Е. Н. Тихомирова*. Москва. Цѣна въ годъ (12 книжекъ) 4 р. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 5 р.“ — допустить, какъ за текущій 1902 годъ, такъ и на будущее время къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Журналъ: „Истинныя воспитанія“ — **не допускать** впредь къ выпискѣ въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

ОТКРЫТІЕ И ПРЕОБРАЗОВАНІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 16-го августа сего года состоялось преобразование Семипалатинской 6-ти классной женской прогимназіи въ 7-ми классную гимназію.

— 25-го августа сего года состоялось открытіе въ гор. Святого-Креста, Ставропольской губерніи, городского трехкласснаго училища, въ составѣ первыхъ 2-хъ классовъ, при 88 учащихся.

— 7-го сентября 1902 года открыто Дятковичское одноклассное народное училище, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, при 43 учащихся, а 8 того же сентября — Печаловское одноклассное народное училище, того же уѣзда и губерніи, при 40 учащихся.

— 8-го сентября 1902 года состоялось открытіе въ слоб. Хасавъ-Юртъ, Терской области, трехкласснаго городского училища, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 177 учащихся.

— 14-го сентября 1902 года состоялось открытіе въ гор. Темиръ-Ханъ-Шуръ, Дагестанской области, трехкласснаго городского училища, въ составѣ одного класса, при 52 учащихся.

— 15-го сентября 1902 года Богословское мужское одноклассное училище, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, преобразовано въ двухклассное; при этомъ во 2-й классъ принято 45 учениковъ.

— 26-го сентября 1902 года состоялось открытіе Томскаго учительскаго института.

— 1-го октября 1902 года состоялось открытіе въ м. Смаргони, Виленской губерніи, трехкласснаго городского училища, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 92 учащихся.

— Въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ преобразованы изъ одноклассныхъ сельскихъ народныхъ училищъ въ двухклассныя — слѣдующія училища Кіевской губерніи: Жашковское, Тарацанскаго уѣзда, при 159 учащихся, Бѣлозерское и Прусинское, Черкаскаго уѣзда, и Богуславское, Каневскаго уѣзда. Кромѣ того, въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ открыты училища одноклассныя: въ Васильковскомъ уѣздѣ — въ с. Яблоновѣ при 89 учащихся, с. Матюшахъ при 52 учащихся, въ с. Островѣ при 70 учащихся, д. Червоной — при 98 учащихся и с. Соболевѣ, Сквирскаго уѣзда, при 72 учащихся, двухклассныя: въ м. Дзюньковѣ, Бордичевскаго уѣзда, при 68 учащихся, въ с. Ширмовѣ того же уѣзда, при 106 учащихся и въ с. Пустоваровѣ, Сквирскаго уѣзда, при 142 учащихся.

СИМВОЛИКА РАСТЕНИЙ ВЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ ¹⁾.

Растенія травянистыя.

Переходя къ травянистымъ растеніямъ, мы должны оговориться, что будемъ разсматривать только наиболѣе употребительныя изъ нихъ; разбирать всё безъ исключенія было бы во многихъ случаяхъ совершенно бесполезно, такъ какъ нѣкоторыя растенія встрѣчаются очень рѣдко или даже всего одинъ разъ; а это мѣшаетъ установить, какое растеніе имѣется въ виду и какъ возникаетъ связь между представленіями. Напримѣръ, въ одной пѣснѣ упоминается „зелье-козелье“ (III., 1267); что это за растеніе, опредѣлить невозможно, такъ какъ нигдѣ больше такого названія не встрѣчается: не даютъ его и „Словари“ Анпенкова и Дала.

Трѣва ²⁾ вообще упоминается въ пѣсняхъ чрезвычайно часто. Она ставится въ параллель и съ мужчиной, и съ женщиной. Молодая жена сопоставляется съ зеленой травой:

Ой зелена, зелена

Въ погѣ травка....

А молодая, молодая

У Андрея жена (III., 1277).

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. полбръскую книжку *Журнали Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

²⁾ III.—292, 307, 308, 331, 399, 400, 405, 416—418, 431, 432, 453, 457, 524, 525, 530, 542, 560, 569, 599, 644, 700, 701, 703, 758, 765, 766, 793, 796, 1151, 1205, 1277, 1462, 1638, 1645, 1667, 1718, 1917, 1956, 2536; C.—II, 35, 46, 224—229 и др., 338, 342; IV, 15, 176; V, 249, 294, 566 и мн. друг.

Невѣста сравниваетъ себя съ „недорослой“ травой:

Что я молодистая—молодохонька,
Что я не исполнивши ростаѣ полнал,
Какъ травушка я недорослая,
Не сконивши смогутной силы,
Какъ ягодничка недозрѣлая (Ш., 1645).

Разставаясь со своей „волей-красотой“, дѣвушка съ тоской говоритъ:

Какъ мнѣ съ нею разставатися:
Какъ водою ли разливатися?
Ли травкою растилатися? (Ш., 1667).

Обозначаетъ трава и мужчину; въ этомъ смыслѣ объясняется одинъ сонъ невѣсты:

Какъ у донхъ ногъ у рѣвннхъ
Проросла трава шелхова, —
То мужъ удада голова (Ш., 1638).

Съ травой, въ большинствѣ случаевъ, связываются свѣтлыя картины; разумѣется, если сама она свѣжа и зелена. По травѣ ходить молодецъ—онъ ухаживаетъ за дѣвушкой, любитъ ее и т. п.:

Вдоль было по травѣ, вдоль по муравѣ
Донской казакъ гуляетъ,
Онъ ходитъ и гуляетъ,
Себѣ невѣсту выбираетъ (С., II, 231).

Иногда трава замѣняется зелеными лугами, и съ ними также связываются свѣтлыя картины: здѣсь парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ, здѣсь они вмѣстѣ веселятся:

Во зеленыхъ лугихъ
Стоять дѣвушки въ кружкахъ....
...Что пошла наши ребята
Вдоль по кругу гулять....
...Красныхъ дѣвокъ выбирать (Ш., 417).

Топтать траву — то же, что и ходить по ней; этотъ образъ связывается съ любовью, ухаживаньемъ, сватовствомъ:

Кто топталъ травушку, кто топталъ муравушку?
Топтали травушку съ боярска сватанья.
Сватались, сватались за красную дѣвушку (С., IV, 176).

Хожденіе молодца къ дѣвицѣ изображается въ пѣснѣ такъ:

Онъ всю травушку-муравушку примялъ,
 Всѣ лазоревы цвѣточекъ посорвалъ.
 Онъ повадился ко дѣвушкѣ ходить (Ш., 569).

Въ зависимости отъ этого находится нѣсколько иной образъ; молодецъ „торить“ дорожку—ходить къ дѣвушкамъ:

Еще кто это дороженьку торилъ?
 Молодой царень за дѣвушкой ходилъ (С., V, 566).

Дѣвица сама тончетъ траву—привлекаетъ, „дразнить“ молодецъ:

По горамъ дѣвич гуляли...
 Чоботомъ травку топтали,
 Рукавомъ цвѣты ломали...
 И, старый идетъ,—прихоронюсь,
 Молодой идетъ,—полюбуюсь! (С., II, 35).

Нѣвѣста въ одной нѣсѣ проситъ отца оставить ее у себя еще „хоть годочекъ“:

Травку муравку потончу...
 ...Ненавидишниковъ подражаю...
 ...Все ребятунешекъ холостыхъ (Ш., 1947).

Трава вѣется—дѣвица ждетъ милаго:

Не шелковал травника
 Околъ меня вѣется,
 Красавица дѣвушка
 Дружка не дождется (Ш., 331).

Косить траву—любить:

Косилъ Ванюшка чужую траву,
 Своя стоитъ, вишетъ.
 Любилъ Ваня чужую жонку,—
 Своя стоитъ, плачетъ (Ш., 700).

Изъ этого мѣста видно, что увяданіе травы — унодобляется печали, горю, какъ мы видѣли это и при разсмотрѣніи деревьевъ. Въ одной нѣсѣ засыхающая трава образъ исчезающей любви:

Ты трава-ль моя,
 Ты шелковая,
 Ты весной росла,
 Лѣтомъ выросла.
 Подъ осень травка
 Засыхать стала,

Про мила дружка
Забывать стала (III., 703).

Нодь погами неспавиетной жены влеть трава:

Какъ мол-то жена, что люта зима, —
По травѣ влеть, трава влеть... (III., 796).

Невозможность для травы цвѣтенія подь снѣгомъ сравнивается съ невозможностью вернуть пражнее счастье съ любимымъ человѣкомъ:

Не бывать веснѣ середь зимы,
Не цвѣсти травонькѣ по снѣгу,—
Моя радость не воротится! (III., 2536).

Горе на чужой сторонѣ рисуется слѣдующимъ образомъ:

На несчастной здѣсь сторонкѣ
И травоньки не растутъ...
...И цвѣточки не цвѣтуть (III., 793).

Говоря о своей безпредѣльной любви къ молодцу, дѣвушка просить траву покрыть ея могилу, повидному, въ знакъ сохраненія ея чувства даже за гробомъ:

Насъ тогда съ тобой разлучать,
Когда въ гробъ меня положить,
Гробоной доской накроютъ.
Заростай моя могила,
Ты травою муравою! (III., 758).

Поникновеніе травы—печаль, горе:

Трава ль ты мол, травушка!
А все трава по лугѣ легла
Сгъною—шелковою муравою.

Такъ начинается пѣсня, въ которой поется о выходѣ дѣвушки замужъ за старика (С., II, 338).

Этимъ далеко не исчерпывается тотъ матеріалъ, который дается намъ пѣснями; но мы постарались коснуться всѣхъ главныхъ картинъ, соединяемыхъ народомъ съ образомъ травы. Если здѣсь и встрѣчаются образы печали, то это зависитъ не отъ значенія самой травы, а отъ того положенія, въ которое она поставлена. Сама же по себѣ она, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ пѣсней, имѣетъ значеніе свѣтлос, да иначе и не можетъ быть. Зеленая трава производитъ на человѣка отрадное впечатлѣніе, особенно весной: появляется

первая травка, и народъ говоритъ—„природа оживаетъ“. Но та же трава, поникшая и поблекшая, не можетъ возбуждать въ человѣкѣ пріятныхъ представлений. Кромѣ чисто зрительнаго пріятнаго или непріятнаго воспріятія, съ зеленѣющимъ лугомъ или лугомъ, покрытымъ высохшей травой, у народа связываются важныя матеріальныя соображенія: трава и сѣно играютъ въ экономической жизни всѣхъ народовъ первостепенную роль. Такимъ образомъ, вопли естественны, что съ представленіемъ зеленой травы связывались въ народѣ свѣтлыя картины. Нѣкоторый диссонансъ вносится какъ будто цѣлымъ рядомъ пѣсенъ, въ которыхъ описывается смерть молодца въ „дикой степи“:

Сквозь восточекъ, мелькихъ ребрушекъ—травка-муравка, она поросла,
Сквозь ретивого сердечушка—цвѣтъ лазоревый расцвѣлъ;
Ой, да надъ буйной моею головушкой-кустикъ ракитовый выросалъ
(С., I, 413).

Туманы, упоминаемые въ началѣ, дикая степь, ракитовъ кустъ—все это символы горя и тоски; а рядомъ—травка-муравка и лазоревый цвѣтокъ. Но что же это за трава? Вокругъ степь, и естественно предположить, что это не что иное, какъ ковыль. Это предположеніе подтверждается и однимъ изъ вариантовъ:

Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль трава (С., I, 415).

Одинъ только лазоревый цвѣтокъ противорѣчитъ общему печальному тону картины; народъ могъ упомянуть его для контраста, съ цѣлью указать на ту иную долю, которая была возможна для молодца, это символъ полного силъ человѣка. Но, можетъ быть, цвѣтокъ явленіе здѣсь случайное, такъ какъ въ другихъ вариантахъ это мѣсто поется иначе:

Сквозь его сердце ретивое
Змѣя лята проползла (С., I, 415).

Вообще же нужно замѣтить, что отъ народнаго творчества нельзя требовать безусловно строгой послѣдовательности: на него влияют и мѣсто, и время, и индивидуальность того или другого лица, передающаго пѣсню.

Цвѣты ¹⁾, какъ понятіе общее, встрѣчались уже во многихъ

¹⁾ III.—372—374, 501, 505, 530, 536, 680, 687, 731, 781, 793—796, 830, 836, 858, 859, 1058, 1148, 1150, 1205, 1209, 1284, 1409, 1430, 1435, 1455, 1514,

отрывкахъ, приведенныхъ выше. Ихъ символика отчасти походитъ на символику травы, отчасти—на символику розы. Цвѣты неразрывно связаны съ травой: она даетъ ихъ, и вездѣ, гдѣ цвѣтутъ цвѣты, есть и трава; поэтому, народъ такъ часто и соединяетъ ихъ въ гвѣсияхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они являются и тѣмъ-то особеннымъ, непохожимъ на траву. Съ розой ихъ сближаетъ яркость окраски, на которую постоянно указывается въ гвѣсияхъ. Чаще всего упоминаются алые и лазоревые цвѣты. „Алый“, какъ кажется, дѣйствительно, указываетъ на опредѣленную окраску, и тѣмъ даетъ направление значенію цвѣтовъ. Что же касается до слова „лазоревый“, то тутъ приходится еще рѣшить, содержитъ ли оно указаніе на какой-нибудь опредѣленный цвѣтъ. Нѣкоторыя пѣсни заставляютъ въ этомъ сомнѣваться: молодая рассказываетъ свой сонъ,—„на широкомъ дворѣ выростала шелкова трава“:

Разцвѣли же цвѣточки лазоревы....

Въ объясненіи сна уже гвѣтъ „лазоревыхъ“ цвѣтовъ:

Розубые цвѣточки—то наши сыночки

Розовые цвѣточки—тѣ пани-те дочки (Ш., 1618).

Такимъ образомъ, розовые и голубые цвѣты объединяются здѣсь подъ однимъ общимъ названіемъ лазоревыхъ. Но, конечно, этого одного еще недостаточно, чтобы безусловно утверждать, что „лазоревый“ не содержитъ указанія на опредѣленную окраску: въ приведенномъ мѣстѣ это можетъ быть случайнымъ явленіемъ. Однако въ словарь Даля мы находимъ одно интересное замѣчаніе, подтверждающее наше предположеніе: въ Рязанской губерніи „лазоревымъ цвѣткомъ называютъ панки, шапочки, *Tagetes*, махровый *ярко-желтый* цвѣтокъ“. Въ пѣсняхъ о красотѣ молодца поется, напимѣръ, такъ: „Щечки—*сленько-лазоревый* цвѣтокъ“ (С., IV, 35). Въ другомъ мѣстѣ лазоревый цвѣтокъ упоминается, какъ что-то отличное отъ алаго и голубого:

Въ томъ саду *три* цвѣтка разцвѣли:

Алый цвѣтъ и *лазоревый*, *голубой* (Ш., 2041).

Все это заставляетъ признать, что „лазоревый“ указываетъ не на опредѣленный цвѣтъ, а только на большую или меньшую яркость

1607, 1618, 1741, 1933, 2004, 2035, 2041, 2092, 2118, 2184, 2536; С.—I, 23, 132, 177, 227, 308, 356, 426, 427; II, 25, 26, 35, 80, 177, 272, 273, 300, 301, 351, 355, 484, 614; III, 179, 372, 398—400; V, 13, 600 и мн. др.

окраски. Иногда, конечно, синие и голубые цветы тоже называются лазоревыми. Любопытно, что голубые цветы, как говорится в пѣснѣ, — „сыночки“, а розовые — „дочки“; эта ассоціация цвета съ поломъ ребенка удерживается и теперь въ нѣкоторыхъ обычаяхъ: такъ, для мальчика употребляется голубой гробчикъ, а для дѣвочки — розовый; соответственно этому выбираются и ленты для креста, употребляемаго при крещеніи. Съ алыми цветами въ нѣсияхъ сопоставляются дѣвушки:

Что ни бѣлая кашушка,—
То молодушка у насъ,
Что ни аленькій цвѣтокъ,—
Красна дѣвушка у насъ... (III., 372).

И вообще, цветы обозначаютъ дѣвушекъ:

Что лазоревый цвѣтокъ,—
Красны дѣвушки у насъ (III., 372).

Перѣдко невѣста называетъ себя цвѣткомъ: „Ужь и не дали вы цвѣтку выцвѣсти“ (III., 2148). Являясь, следовательно, женскимъ образомъ, цветы все же могутъ обозначать и мужчину; молодець, особенно любимый дѣвушкой, перѣдко называется цвѣткомъ:

Аленькой, аленькой,
Махровый цвѣтокъ!
Миленькой, миленькой,
Сердечной мой дружокъ! (III., 576).

Въ нѣсияхъ, касающихся любви, преимущественно упоминаются цветы алые, потому что, вѣдь, красный цвѣтъ имѣетъ къ ней ближайшее отношеніе (алуша=милый дружокъ). Ходить по цвѣтамъ, касать и ходить по травѣ,—любить:

Я по цвѣтицамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Цвѣта алаго не смыла,
Не нашла цвѣта алова
Сумротивъ жово млѣва (III., 680).

Алымъ цвѣткомъ называется въ нѣсияхъ не только возлюбленный, но и вообще всякій любимый человекъ; въ одномъ изъ причитаній невѣста обращается къ брату съ просьбой ухаживать безъ нея за ся цвѣтами—отцомъ и матерью:

Засохнетъ, заблещетъ, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточа...

... Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаше:
 Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батенька,
 А другой-то свѣтъ—родная моя маменька (Ш., 1933).

Изъ всего этого видно, что алый цвѣтокъ употребляется народомъ, въ большинствѣ случаевъ, для обозначенія объектовъ любви. Кстати упомянемъ здѣсь, что и самыя сады, въ которыхъ растутъ деревья, цвѣтутъ цвѣты и разстилается шелковая трава, имѣетъ свое символическое значеніе; онъ обыкновенно является мѣстомъ дѣвничьяго раздолья, мѣстомъ счастья и довольства вообще, и, наконецъ—мѣстомъ любви. Таково значеніе сада въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ; его ближайшее разсмотрѣніе затрудняется, съ одной стороны, массою матеріала, а съ другой (и это гораздо важнѣе)—соединеніемъ его съ другими образами, что, конечно, вліяетъ на его значеніе.

Нужно коснуться еще нѣсколькихъ картинъ, въ которыхъ являются цвѣты. Ихъ цвѣтеніе связывается въ народномъ сознаніи съ беззаботной жизнью въ дѣвушкахъ, со счастьемъ и любовью: „Я у матушки жила“, говоритъ женщина, „какъ цвѣтокъ цвѣла“ (Ш., 830). Цвѣтеніе и увяданіе сопоставляются съ любовью и разлукой:

Цвѣли, цвѣли цвѣтики да поблекли;
 Любилъ, любилъ милый другъ да покинулъ (С., II, 272).

Вообще, исчезновеніе, нецвѣтоніе и увяданіе цвѣтовъ являются символами горя и печали, и это нѣсколько не противорѣчитъ ихъ основному свѣтлому значенію. О печали молодца дѣвушки судить по цвѣтку:

Еще вяветъ ли, не вяветъ ли
 Да явнѣ розовый цвѣтокъ?
 Еще тужить ли, не тужить ли
 Мой милѣйшій дружокъ? (С., V, 13).

Въ одной нѣснѣ нецвѣтеніе цвѣтка символизируетъ нарушеніе дѣвственности; въ Бѣлградѣ у монахини родился ребенокъ, и вотъ какъ была обнаружена виновная:

Усѣхъ монашечекъ къ допросу на дворъ..
 Усѣ идутъ, по цвѣтку вѣсутъ,
 Уво усѣхъ цвѣточки цвѣтутъ, жь одной не цвѣтеть.
 Позади идетъ родная матушка, горячеш слезой льетъ:
 „Дитѣ-жь мѣс, дитѣ мѣлѣс, причина твоа!“ (С., I, 177).

Очень распространена картина, въ которой горе сопоставляется съ морозомъ, не позволяющимъ цвѣтамъ цвѣсти и зимой:

Кабы на цветы не морозы,—
И зимой бы цветы расцветали,
На меня молодую не печали,—
И поджавь бѣлыхъ ручекъ не сидѣла... (Ш., 836).

Горькая жизнь замужемъ изображается въ одномъ причитаннн цвѣ-
сты слѣдующей картиной:

Вы замѣтите, голубушки,
Три цвѣтка, да три лазоревы.
Что первіи—отъ цвѣты лазоревой —
Онъ безъ вѣтра шатается,
Что другои—отъ цвѣты лазоревой —
Онъ безъ солнышка вицетъ,
Что третей—то цвѣты лазоревой —
Онъ безъ дождика вицетъ, —
Это я, молодёшенька,
На чужой дальней сторонущѣ (Ш., 1430).

Бываетъ, что цвѣты цвѣтутъ, да не „весело“, и это указываетъ на
неполное счастье; такимъ символомъ сопровождается картина печали
влюбленныхъ, которымъ родители молодца не позволяютъ обвѣнчаться:

Цвѣтики, цвѣточки, цвѣты мои!
Что же ид не весело, цвѣты, цвѣлки?
На эти цвѣточки палъ меленькій дождь,
На всю на осеннюю темную ночь (С., Ш, 398).

Молодая вдова „слезы ронитъ“ надъ могилой своего мужа:

„Кабы этал могила
Травкой заростала,
Что на этой бы на травкѣ
Цвѣты расцвѣтали“! (С., I, 427).

Это служило бы ей знакомъ любви умернаго, какъ мы видѣли это
въ сходной картинѣ при травѣ. Съ поблекшимъ цвѣткомъ сравни-
вается любимый умершій человекъ:

этотъ блеклый цвѣточекъ
Не расцвѣтъ, пресохъ безъ времени.
Этотъ цвѣтокъ—жизни милая! (Ш., 2536).

Образованіе символическаго значенія цвѣтовъ, повидимому, направля-
лось тѣмъ же путемъ, что и символика травы.

Васильки ¹⁾ упоминаются въ числѣ лазоревыхъ цвѣтовъ, вслѣд-

¹⁾ Ш.—362, 2187, 2471; 1918, 1980; С.—1, 356; II, 354; IV, 234 и др.

ствіе чего они, можетъ быть, и встрѣчаются сравнительно рѣдко, какъ бы забытые подъ вліяніемъ болѣе общаго образа, получившаго замѣтъ того, какъ мы видѣли, широкое распространеніе. Какъ цвѣты — вообще могутъ быть то мужскими, то женскими образами, такъ и васильки обозначаютъ то молодцевъ, то дѣвушекъ. Мы уже приводили отрывокъ, гдѣ молодыя сопоставляются съ васильками:

Близъ дубочка васильковы цвѣты, —
Кругъ дѣвушки удалы молоды (II, 362).

Но въ большинствѣ пѣсенъ васильки являются женскимъ образомъ:

Цвѣты мои цвѣтики,
Голубые васильковыя!
И не много васъ посадила,
Очень много уроцилось.
Много было подругъ дѣвушекъ... (III, 2187).

Васильки—символъ счастья, какъ это видно изъ одной пѣсенки:

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушка,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василевоваъ...

Горы, имѣющія и сама печальное значеніе, породили только „бѣлы горючъ камень“, на которомъ растетъ ракита; тутъ лежить убитый молодецъ, тутъ его оплакиваетъ мать (С., I, 356); здѣсь нѣтъ счастья—нѣтъ ни травы, ни васильковъ. Въ другой пѣсенѣ дѣвушка сажаетъ васильки:

Любы-ль мои василечки,
Лазоревые цвѣточки,
Часомъ я васъ посадила,
Другимъ-ли я васъ поливала,
Третьимъ часомъ покрывала...

Она предназначаетъ ихъ себѣ на вѣнокъ, которымъ овладѣваетъ старикъ: и вѣнокъ увяль, а дѣвица тужить по дружечкѣ (С., II, 354). Васильки—беззаботная дѣвичья жизнь, дѣвичество, проводимое въ домѣ родителей; дѣвушка всячески хранитъ его, но все же хранить для любимаго человѣка, а оно въ концѣ концовъ достается старику.—Выщипывать, срывать васильки — выбирать, высматривать невѣсту:

Вобраманъ ²⁾ сѣла,
 Васильчичи сѣла.
 Панавадился въ вобраманъ гулить
 Удалой добрый молодець,
 Онъ вобраманъ вытоптать,
 Васильчичи выщипать,
 Красну дѣвлицу высмотрѣть (III., 247).

Подъ васильками, вѣроятно, разумѣется *Centaurea Cyanus*, хотя еще нѣсколько растений носятъ названіе „василекъ“ и „васильки“. Но для насъ, въ сущности, вовсе не важно знать навѣрное, что это за цвѣты: ихъ скудная по количеству образовъ символика, очевидно, установилась вмѣстѣ съ цвѣтами—вообще; свѣтлое значеніе васильковъ подтверждается и еще нѣсколькими пѣснями, на которыя однако нельзя вполне полагаться, потому что въ нихъ слишкомъ очевидно желаніе играть схожими по звукамъ словами: молодець носитъ при себѣ три цвѣтка „гардамонъ“, „любя цвѣтокъ“ и „василекъ“:

„На что-жь тебѣ гардамонъ“?
 — „Чтобы мальчикъ гордень былъ“.
 „На что-жь тебѣ василекъ“?
 — „Чтобы мальчикъ весель былъ“.
 „На что-жь тебѣ любя цвѣтокъ“?
 — „Чтобы дѣвки любилъ“ (III., 1918).

Въ вариантахъ этой пѣсни (III., 1980; I., IV., 234) гардамонъ (?) обыкновенно замѣняется макомъ, любя-цвѣтокъ — любостаромъ (вѣроятно *Levisticum officinale*); только василекъ остается во всѣхъ и при томъ съ тѣмъ же значеніемъ веселья, которое вполне гармонируетъ и съ другими образами, связанными съ нимъ.

Къ числу такихъ же поэтическихъ символовъ изъ царства растеній нужно, какъ кажется, отнести и *лапушка*—это ласкательное по отношенію къ женщинѣ имя. Правда, въ пѣсняхъ мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ того, что лапушка растеніе; но есть нѣсколько соображеній, говорящихъ въ пользу такого предположенія. Въ словарѣ Дала слово „лапушка“ объясняется, какъ „ласковый привѣтъ женщинѣ“, это подтверждается и пѣснями. Нѣсколько ниже у Дали говорится: „лапушка—дятлина, трилистникъ, клеверъ“. У Анненкова ²⁾ тоже упоминается лапушка—это *Trifolium pratense*, клеверъ, красная капка, что

¹⁾ Вобраманъ встрѣтился намъ только въ этой пѣснѣ; что это за растеніе, едва ли возможно рѣшить; нигдѣ ничего подобнаго намъ не удалось найти.

²⁾ Анненковъ, Ботаническій словарь.

воиолнѣ совпадаетъ съ данными Далля. Цвѣты у нея, по Гофману, ¹⁾ рѣдко бываютъ бѣлые, болѣею частью—или блѣдно-красные, или цурпуровые; цвѣтеть съ апрѣля до октября. Все это говорить въ пользу нашего предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что красный цвѣтъ ассоціируется въ представленіи народа съ образомъ женщины, такъ что гнѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что лапушка стала символомъ женщины, а затѣмъ потеряла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свое первоначальное значеніе и сдѣлалась ласкательнымъ словомъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что время цвѣтенія лапушки-клевера захватываетъ собой раннюю весну и позднюю осень, такъ что народъ долженъ былъ обратить на нее вниманіе. Между тѣмъ совершенно непонятно, откуда иначе явилось такое ласкательное: если предположить, что непосредственно отъ „лапа“, подъ рубрикой которой ее помещаетъ Даль, то никакъ не представить себѣ процесса, какимъ оно могло образоваться: вѣдь, лапа говорится по отношенію къ животнымъ, а къ людямъ только въ непріязненномъ значеніи (ну, и лапа! и т. п.), а никакъ не въ ласкательномъ смыслѣ (клеверъ же могъ быть названъ лапушкой, разумѣется, и отъ „лапы“). Наше предположеніе указываетъ на воиолнѣ естественное сближеніе образа цвѣтика съ образомъ женщины и затѣмъ на затемненіе въ сознаніи народа этой связи. Нѣчто подобное мы видимъ и съ другими символами. Голубчикъ, голубка, голубушка и ластушка (С., II, 25) очень часто употребляются безъ всякой мысли о голубяхъ и ласточкахъ, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ эти птицы нерѣдко являются символами людей. То же слѣдуетъ сказать и о лебеди, особенно въ ласкательной формѣ—„лебедушка“; на затемненіе первоначальнаго значенія указываетъ уже существованіе такихъ формъ, какъ „разлебедушка“ (С., III, 369). Эта форма такъ же, какъ и форма, напримѣръ, „раздуша“ (С., V, 671), могла образоваться только тогда, когда первоначальное значеніе потускнѣло или перестало сознаваться, при употребленіи слова въ переносномъ смыслѣ; нѣчто подобное мы указывали при лаврѣ—тамъ въ одной пѣснѣ является „разлавровый“ листь (С., V, 96). Лапушка тоже нерѣдко встрѣчается въ формѣ „разлапушка“ (III., 736). Среди растеній можно указать еще нѣсколько примѣровъ образованія ласкательныхъ именъ, на основаніи ихъ символическаго значенія. Даль говорить, что ягода, ягодка—ласка, привѣтъ дѣвушкѣ, и она нерѣдко является именно образомъ женщины. У Далля же при-

¹⁾ Гофманъ. Ботаническій атласъ.

водится слово „рѣшунки“ (конечно, отъ рѣна), какъ ласковая „лички круглой дѣвки“. Можно было бы, пожалуй, производить лапушку отъ лопуха; но ни у Даля, ни у Анненкова нѣтъ на это даже и намека, такъ что, основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, мы склонны признать лапушку—ласкательное имя—остаткомъ отъ символики клевера, красной кашки. Она, большею частью, встрѣчается въ пѣсняхъ ¹⁾, какъ женское ласкательное: дочь, обращаясь къ матери, называетъ ее лапушкой (III., 808). Свекровь такъ же называетъ своихъ невѣстокъ (С., III, 22). Но, конечно, чаще всего лапушкой является любимая молодецъ дѣвушка, и это, какъ можно думать, основываясь на окраскѣ пѣтца, было первоначальнымъ значеніемъ клевера. Только въ одной пѣснѣ намъ встрѣглось ласкательное „лапушка“ по отношенію къ мужчннѣ: дѣвушка называетъ такъ любимаго ею молодца (С., III, 168). Мы остановились на лапушкѣ нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, потому, что ея судьба, какъ символа, очень характерна для символовъ вообще; ихъ исчезновеніе идетъ разными путями, и это—однѣ изъ нихъ: утрачивается связь между первоначальнымъ и символическимъ значеніемъ, при чемъ первоначальное или совсѣмъ забывается, или считается особымъ словомъ, сходнымъ только со словомъ-символомъ по звукамъ.

Полынь ²⁾ (*Artemisia Absinthium*) — „травонька горькая“, „злодѣйка“ (III., 740), говорится въ пѣсняхъ, и этни словами народъ указываетъ на характеръ ея символическаго значенія и его происхожденіе. Горечь является отличительнымъ признакомъ полыни, которая издавна пользуется въ народной медицинѣ широкимъ распространеніемъ ³⁾. Эта горечь и легла въ основаніе ея символическаго значенія. Мы уже видѣли нѣсколько растений, символика которыхъ получила грустный характеръ подъ вліяніемъ ихъ горечи, то же случилось и съ полынью—она является почти вездѣ въ картинахъ горя и печали. Страданіе, при измѣнѣ любимаго человѣка, изображается вырастаніемъ полыни въ саду на „хлѣбородномъ“ мѣстѣ, гдѣ раньше царствовали счастье и любовь:

Полынька, полынька, травонька горькая!
Не я ты садла, не я съзла,

¹⁾ III.—735, 736, 773, 807, 808; С.—I, 57; II. 28, 102; III, 22, 358, 391 и мн. др.

²⁾ III.—740, 741, 784; С.—I, 306, 467; II, 605; III, 3, 21, 113, 222, 339, 451, 452; IV, 210; V, 324 и друг.

³⁾ *Флоринскій*, стр. 10 и 102—103.

Сама ты, злодѣйка, уродилася.
 По зеленому садочку разстелилася.
 Зняла злодѣйка, въ саду жѣсточко,
 Мѣсто доброе да хлѣбородное (С., III, 113).

Молодецъ называетъ надоѣвную ему дѣвушку польняно:

Разставаться стать...
 ...Стать польней звать,
 Стать: „польнушка, польнянона,
 Поливъ горькала!“ (С., III, 339).

То же сравненіе прилагается и къ постылой женѣ:

Ахъ, чужая-то жена—лебеда бѣлая моя;
 Когда о боку-то сидитъ, какъ огнемъ она палитъ...
 А свои-то жена—поливъ горькая трава:
 Она о боку-то сидитъ, какъ морозомъ ознобитъ... (С., III, 452).

Такимъ образомъ, не только горе—польня, но и тотъ человѣкъ, который причиняетъ страданіе или неудовольствіе, тоже называется польняно. Но, съ другой стороны, и страдающій человѣкъ сравнивается съ ней; несчастная женщина говоритъ въ одной пѣснѣ:

„Вѣтры буйвы лѣса клонять на меня,
 На меня, бѣшу-горьку сироту,
 Ровнеиенко на поливъ горьку траву“... (С., IV, 210).

Сюда же примыкаетъ и нѣсколько иной образъ:

Два поля янстыя, третье сорочатое:
 Поливъ, перекати поле...
 У пащей матушки двѣ дочери счастливы,
 А третья безсчастная (С., III, 3).

Это поле съ польняно и травой перекати-поле—тяжелая жизнь третьей, „безсчастной“ сестры: у ея мужа „огни неугасимые, вошла неутомная“. Перекати-поле мы встрѣтили только въ этой пѣснѣ; здѣсь оно стоитъ вмѣстѣ съ польняно, но, кажется, само по себѣ оно связывается съ мрачными представленіями. Даль сообщитъ пословицу, связанную съ предѣломъ о перекати-поле: „И перекати-поле на виноватаго доносишь“; эта трава отрывается отъ корня и носится по полю; однажды она такимъ образомъ обнаружила убійство. У Дая и у Анненкова указывается нѣсколько растений, послѣднихъ имя „перекати-поле“. Возвращаясь къ польни, мы должны отмѣтить еще нѣсколько картинокъ. „Чужа дальня сторона“, гдѣ приходится жить мо-

лодой женщиной, но ея словамъ, „попыню взята, горькою горчицею усвѣняшая“ (С., III, 21). Здѣсь опять вмѣстѣ съ пыпью встрѣчается новый образъ — „горькая горчица“, подчеркивающая и безъ того грустное значеніе пыпы ¹⁾. Пыпы, согласно пѣснямъ, не имѣютъ цвѣтовъ, хотя въ дѣйствительности она у нея есть и имѣютъ желтоватую окраску; дѣвушка на вопросъ молодца, „еще что жо безъ цвѣточку“, отвѣчаетъ:

„Безъ цвѣточку, любезный,
Пыпы-травка“ (С., I, 467).

Это въ глазахъ народа дѣлаетъ образъ пыпы какъ-то еще мрачнѣе, что, впрочемъ, вполне гармонируетъ съ той безотраднѣй картинѣй, которая рисуетъ происхожденіе этой печальной травы:

Со пескою слеза сжѣналась,—
Стала травушка горька,
Что горька она, горька,
Пыпышкой зовита,
Пыпышкой названа
Для измѣнника дружка! (С., V, 324).

Итакъ, мы видимъ, что пыпы является въ пѣсняхъ печальнымъ и, преимущественно, женскимъ образомъ. Одна пѣсня какъ будто намекаетъ на лѣкарственныя свойства пыпы: раненый вонюкъ разводитъ огонь „за Ураломъ за рѣкой“—

Онъ пыпы-травушку рвалъ и да въ огоньчекъ вблалъ...
...Да на налоецъ пережигалъ да свои раны пересыпалъ (С., I, 396).

Въ вариантахъ пыпы замѣняется ковылемъ или просто травой (С., I, 395, 397), такъ что можно считать, что пыпы является здѣсь для полноты общаго мрачнаго тона картины.

Чернобыль ²⁾, или чернобыльникъ,—не что иное, какъ видъ пыпы: *Artemisia vulgaris*. Встрѣчается онъ всего въ одномъ пѣсенномъ сюжетѣ, имѣющемъ нѣсколько вариантовъ, очень мало отличающихся другъ отъ друга:

И на берегу похаживала,
Чернобыль-траву залаживала...
Гусей-лебедей заганивала...
По мора ли вамъ наплаватися?
И, на весь гледи, заплакалася!

¹⁾ „Опній называлъ горчицу печальной“—Гусь, стр. 262.

²⁾ III.—586, 588; С.—II, 50, 54—56 и др.

Затѣмъ описывается встрѣча съ молодымъ, который сталъ съ дѣвушкой „заигрывать“; кончается пѣсня ея опасеніемъ, какъ бы по раскраснѣвшемуся лицу не догадались о встрѣчѣ (С., II, 54).

Крапива ¹⁾ (*Urtica urens* или *dioica*) упоминается въ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ шиповникомъ; уже это показываетъ, каково ея значеніе, какъ символа; народъ неоднократно называетъ ее „жегучей“, „шипучей“ и „стрекучей“; этими словами отмѣчается главный признакъ крапивы—ея свойство жечься, на что уже указываетъ и самое ея названіе, а въ одной пѣснѣ прямо говорится о крапивномъ ожогѣ:

Съ крапивы, крапивы тѣло прищевѣть! (С., II, 333).

Это отличительное качество крапивы и легло въ основаніе ея значенія. Нелюбимому, старому мужу жена стелеть постель изъ крапивы—это очень распространенный мотивъ, съ которымъ мы уже знакомы (III., 404, 1154; С., II, 333—340 и др.). Постель изъ крапивы—несчастливая супружеская жизнь, которую устраиваетъ жена нелюбимому мужу. Какъ образъ печали и горькой жизни, крапива иногда помѣщается въ пѣсняхъ рядомъ съ осинной, на которой жена вѣшаетъ своего мужа:

Пусть осинушка сложится,
Мой старый мужъ оборвется,
О шипцу уколется,
О кропивушку обожжется (С., II, 120).

Пѣсня, въ которой поется о печальной участи молодца, соблазвившаго королевскую дочь, начинается упоминаніемъ о крапивѣ:

Ужъ ты крапива ли, крапивушка жегучая,
У тебя съмечка, крапивушка, стрекучія (III., 887).

Жестокое сердце свекрови сравнивается съ корнемъ крапивы:

Что ни лютое коренье, то крапивное:
Что ни лютое сердечко, то свекровино (С., I, 74).

Тотъ же образъ повторяется и въ другой пѣснѣ:

Злое зелье крапивное,
Еще злѣе да люта свекра! (С., I, 79).

¹⁾ III., — 101, 887, 1154; С., — I, 15, 18, 74, 79; II, 120, 337, 338 и др.; IV, 810—813 и др.

И въ нѣсколькихъ пѣсняхъ—дѣвушка жнетъ крапиву:

Дѣвушка крапивушку жала,
Красная немощно нажала...
...Только я съ милымъ говорила...

И говорила не о счастьи и любви, а о разлукѣ и печали: молодцу нужно идти въ походъ и покинуть любимую дѣвушку (С., IV, 813).

Вотъ, тѣ образы, въ которыхъ встрѣчается крапива; какъ видно, она—символь печальный, образовавшійся подъ влияніемъ того ея признака, который, очевидно, легъ въ основаніе ея различныхъ названій: „крапива“, „жгучка“, „жигучка“, „жегала“, „стрекавина“ ¹⁾. Вѣрованія, связанныя съ крапивой, основываются въ корнѣ своемъ на этомъ же ея свойствѣ ²⁾. Интересны въ этомъ отношеніи вѣры, которыя принимаютъ крестьяне противъ вѣдьмъ и нечистой силы: „для этого втыкаютъ надъ окнами и дверьми избы вѣтки дубковъ, рябины, осины, крапивы“ ³⁾. Что дубъ охранялъ отъ духовъ—это очень понятно: огъ, вѣдь, былъ священнымъ деревомъ—это остатокъ прежняго вѣрованія. Что же касается до рябины, осины и крапивы, то тутъ сразу поражаетъ, что всѣ онѣ являются символами печали, горя, страданія, и ихъ выставляютъ какъ защиту противъ нечистой силы, которая, по воззрѣніямъ народа, тоже не свободна отъ страданій; мы уже говорили, что всѣ сверхъестественныя существа являются челоуѣкоподобными, хотя и надѣлены стихійными свойствами. Поэтому, многое, что причиняетъ страданіе челоуѣку, заставляетъ страдать и „демоновъ“. И они въ страхѣ бѣгутъ, по мнѣнію народа, отъ символовъ горя: эти растенія заключаютъ въ себѣ волшебную силу, мысль о которой возникла въ сознаніи народа изъ представленій, легшихъ и въ основаніе характеру этихъ символовъ. Такимъ образомъ, символика и обычаи во многихъ случаяхъ имѣютъ точки соприкосновенія и нерѣдко вытекаютъ изъ общихъ основаній; но мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что символическое значеніе того или иного образа почти всегда вытекаетъ изъ вѣры въ одухотворенность природы.

Релия ⁴⁾, насколько мы можемъ судить по тому скудному матеріалу, какой намъ даютъ пѣсни, принадлежитъ къ образамъ печаль-

¹⁾ *Анненковъ*, Ботаническій Словарь, стр. 165.

²⁾ *Мандельштамъ*, стр. 296.

³⁾ Тамъ же, стр. 307.

⁴⁾ С.,—II, 371, 372, 577—579.

нымъ, подобно крапивѣ и шпиннѣ. Онъ связывается съ знакомыми уже намъ картинами тяжелой жизни замужемъ. Съ одной стороны, жизнь отравляютъ отношенія къ свекру и свекрови и воспоминанія о родномъ домѣ:

Вдоль по улицѣ репей, вдоль по широкой репей,
Репей стелется, свекровь сердится.
Не бывать репью ровень съ тышикомъ;
Не бывать свекру противъ батюшки!
Не бывать репью ровень съ тышикомъ;
Не бывать-то свекрови противъ матушки! (С. II, 577).

Съ другой стороны, замужество не приноситъ счастья, если мужъ неровня—и опять та же символическая картина:

Какъ и стелется репей,
Разстывается репей
По землѣ широко,
По плетню высоко.

Сестра сестру спрашиваетъ о житьѣ-бытьѣ и получаетъ отвѣтъ: „Мнѣ за старшимъ жить — только вѣкъ должить“; другая сестра говоритъ: „Мнѣ за младшимъ жить — только плакати“. Но въ одной строфѣ, при той же символической картинѣ, говорится о жизни за ровней: „Мнѣ за ровней жить—только радоваться“ (С., II, 371). Выходитъ, будто в радостная жизнь символизирруется репесемъ. Однако, кажется, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ аналогіи: народъ любитъ символическія картины, хотя иногда не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи; видя при одной изъ сходныхъ по сюжету пѣсень символическое вступленіе, народъ прибавляетъ его и къ другой. Этимъ только и можно объяснить появленіе репея въ строфѣ, касающейся счастливаго замужества. У Даля и Анненкова указывается нѣсколько растений, посящихъ названіе репея, но Даль замѣчаетъ, что чаще всего подъ этимъ именемъ разумѣется *Lappula tomentosa*—репейникъ; именно съ нимъ мы, кажется, и встрѣчаемся въ пѣсняхъ; онѣ помѣщаютъ его воулѣ тына или плетня, а это вполнѣ соответствуетъ дѣйствительности: репейникъ растетъ „вдоль нагордей, заборовъ, на пустыряхъ“ ¹⁾. Его колючія головки, обладающія способностью прицѣпляться, дали матеріалъ для нѣсколькихъ загадокъ; вотъ одна: „На полѣ на титенскомъ стоитъ дубъ веретен-

¹⁾ Э. Пестель, Для ботаническихъ экскурсій.

ский; кто къ нему ни подойдетъ, тотъ добромъ не отойдетъ“ ¹⁾). Это свойство и сблизило репейникъ съ шипицей и крапивой.

Осока ²⁾ (*Sagax*) является символомъ горя; за нее хватается дѣвушка и обрѣзаетъ собѣ руки:

Не осокой мнѣ обрѣзало
А обрѣзало у молодеховьки
Печалью лютою, великою (III., 2276).

Осока въ этой пѣснѣ называется „рѣзучей“, чѣмъ и указывается на ея отличительное свойство; имъ обуславливается печальное направленіе символа, на что оказала вліяніе и болотистая мѣстность, въ которой, преимущественно, растетъ осока; интересна въ этомъ отношеніи слѣдующая символическая картина:

И гусей, млада, гнала....
... По осокѣ, по травѣ,
По болотной по водѣ....
Привыкайте, гуси сѣрые,
Ко осокѣ, ко травѣ....
Ко болотной ко водѣ!
Такъ и мнѣ, голодѣ,
Ко чужой сторонѣ....
Ко свекру батюнкѣ!.. (С., II, 607).

Осока и болото сопоставляются здѣсь, очевидно, съ тяжелой жизнью у свекра. Иногда осокѣй называется, въ противоположность чужой, своя жена:

Чтой чужа мужвая жена—то разлапушка моя;
Что и своя мужная жена—осока да мурава (С., III, 458).

Любопытно здѣсь сопоставленіе осоки съ лапушкой—оно какъ будто указываетъ, что и лапушка растеніе. Этимъ исчерпывается все, что у насъ есть для опредѣленія значенія осоки. Но и это немного даетъ полную и строго выдержанную картину ея грустнаго символическаго значенія.

Ковыль ³⁾ (*Stipa pinnata* и *capillata*) растетъ въ „дикой степи“; второй видъ—*Stipa capillata*—называютъ еще, согласно Далю и Лихтенкову, „иглой“ и „овечьей-смертью“. Это уже опредѣляетъ напра-

¹⁾ Далъ, Пословицы, стр. 1069.

²⁾ III.—543, 2276; С.—II, 606, 607; III, 458 и др.

³⁾ III.—1242, 1247, 1937; С.—I, 343, 395, 402, 412, 487—490; II, 337; III, 386, 441, 513, 533; V, 424 и др.

вленіе его символикки; но самыя эти названія объясняются свойствами растенія: названіе ковыля возможно, какъ указываетъ Даль, производить отъ глагола „ковылять-колыхаться“, что уже сразу рисуетъ картину волнующейся степи; „шюлка“ и „овечья-смерть“ объясняются въ зависимости отъ свойства сѣмени ковыля, которое снабжено винтовымъ стержнемъ, позволяющимъ ему зарываться въ землю; это самозарываніе обуславливается большей или меньшей влажностью воздуха¹⁾; попадая въ шерсть овецъ, сѣмя начинаетъ сверлить кожу животнаго, и это, конечно, послужило поводомъ для подобныхъ названій. Такимъ образомъ, свойства ковыля не могли способствовать развитію свѣтлыхъ представленій, и мы видимъ, дѣйствительно, что большинство пѣсень, гдѣ встрѣчается ковыль, проникнуты грустнымъ настроеніемъ. Онъ часто служитъ ложемъ умирающему молодцу:

Мнѣ постелюшка, доброму молодцу, ковыль-трава постлана...
(С., I, 412).

Мы уже указывали, что трава-мурава, вырастающая на трутѣ, не что иное, какъ ковыль, что и подтверждается однимъ вариантомъ (С., I, 415). Ковыль служитъ постелью молодцу и дѣвицѣ; молодець, распросивъ ее о родѣ-племеніи, узнаетъ въ ней свою сестру: „ты моя сестрица, горькая горетница!“ (Ш., 1247). Предсмертная тоска молодца сопоставляется съ картиной разстилающагося ковыля:

Не шелковая ковыль травушка разстилася;
Занялася, замялася добрый молодець...

Онъ проситъ перевезти его черезъ рѣку—„какъ пришелъ-то, братцы, мой послѣдній часъ“... (С., I, 343). Въ другой пѣснѣ казакъ сжигаетъ ковыль и „перевиваетъ“ свои раны—образъ уже знакомый намъ (С., I, 395). Нѣсколько пѣсень рисуютъ картину степного пожара, подпаливающаго крылья ясного соколу—доброму молодцу:

Загоралась въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралась до бѣлага камня.
На камнѣ сидѣтъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалитъ онъ свои крылушки... (С., I, 480).

Вообще, возгораніе ковыля—горе, несчастье:

Загорались въ полѣ ковыля,
Замырало у молодца сердце...

¹⁾ Гербманъ, Ботанич. атласъ. стр. XXVIII.

Онъ подозрѣваетъ измѣну жены (С., III, 533). Въ одной пѣснѣ ковыль встрѣчается вмѣстѣ съ крапивой:

Трава моя, травушка,
Трава моя ковыля,
Стрекучая крапива!
Уси трава у дугъ легла (С., II, 337).

А дальше идетъ очень обычное повѣствованіе о несчастномъ замужествѣ. Молодецъ, взявшій себѣ жену „не по мысли“, собирается засушить ее, чтобъ она не мѣшала ему пользоваться счастьемъ:

Иссувысушу жену
Суше травки ковыльека... (С., III, 441).

Иссушить, высушить — причинить страданіе, какимъ бы то ни было образомъ; дѣвушка, напримѣръ, жалуется, что она страдаетъ отъ любви:

Молодой болгарскій сынъ меня высушилъ,
Суше вѣтра, суше вихора,
Суше травушки подволоной (III, 749).

Изъ этихъ пѣсенъ видно, что ковыль связывается съ грустными образами; но въ двухъ пѣсняхъ онъ, повидимому, измѣняетъ этому значенію. Дѣвица въ такихъ выраженіяхъ описываетъ чужую сторону:

На несчастной сторонѣ,
Здѣсь травонька не растеть,
Ковыль травоньки не растеть,
Здѣсь цвѣточки не цвѣтуть... (С., III, 386).

Ковыль стоитъ здѣсь рядомъ съ травой и цвѣтами—символами свѣтлыми—и какъ будто отождествляется со счастьемъ, котораго нѣтъ на чужбинѣ. Примемъ однако во вниманіе, что значеніе ковыля затемняется здѣсь рядомъ стоящими образами, а кромѣ того—что мы не можемъ требовать отъ народныхъ произведеній строгой послѣдовательности: слишкомъ много разнообразныхъ вліяній они испытываютъ; очень возможно, что здѣсь просто позднѣйшая прибавка. Въ другой пѣснѣ любовь молодца ставится въ параллель съ такой картиной:

На голушкѣ ковыль-травка
Не стелется, вьется...
У добраго молодца сердце бьется...
Къ сударушкѣ рвется! (С., V, 424).

Тутъ играетъ больше роль положеніе ковыля, а не онъ самъ — онъ вьется, а этотъ образъ для многихъ растеній является съ однимъ

общимъ свѣтлымъ значеніемъ. Изъ всего этого мы видимъ, что ковыль, въ большинствѣ случаевъ, является печальнымъ образомъ, связаннымъ, преимущественно, съ судьбою молодца.

Былина ¹⁾, упоминаемая въ немногихъ пѣсняхъ, согласно Дялю, то обозначаетъ какую-нибудь траву вообще, то особое растеніе—болотный багуль (Cassandra calyculata). Эта двойственность проглядываетъ какъ будто и въ пѣсняхъ: въ слѣдующихъ словахъ, напримѣръ, она, повидимому, отождествляется съ травой вообще:

Я сама дружка повывсушу,
Я любезнова повывноблю
Суше той травнички,
Полевой былиночки (Ш., 748).

Но, съ другой стороны, есть пѣсня, въ которой былина отдѣляется отъ травы:

Не свивайся, не свивайся, трава, со былинкой,
Не лестися, не лестися, голубь, со голубкой,
Не свывайся, не свывайся, молодець, съ дѣвницей... (С., IV, 149).

Остальная часть пѣсни посвящена разставанію влюбленныхъ и слезамъ. Значить, въ этомъ мѣстѣ былина подходитъ по значенію къ осоки и полины, рядомъ съ которой она помѣщается и самимъ народомъ:

Изсушила парень дѣвчонку, что въ полѣ былинна.
Что въ полѣ былинна, въ саду полянннннн... (С., V, 459).

Только въ этихъ двухъ пѣсняхъ мы и можемъ видѣть, съ известною увѣренностью, въ былинѣ особое растеніе, и тутъ она является печальнымъ женскимъ образомъ. Въ другихъ же пѣсняхъ нельзя навѣрно сказать, что подразумѣвается подъ былинной. Напримѣръ:

Не былопочка въ полѣ запаталася,
Запаталася у молодца головушка
На чужой дальней сторонущкѣ (Ш., 1077).

Здѣсь былинна—мужской образъ; но, багуль ли это, рѣшить нельзя.

Мята ²⁾ (Mentha разл. виды) — образъ въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдкій; это заставляетъ думать, что она и встрѣчается въ Велико-

¹⁾ Ш.—748, 1077; С.—IV, 149; V, 301, 459.

²⁾ Ш.—359, 425, 1988, 2096, 2106; С. — IV, 212, 213, 329, 330, 764—766; V 283 и друг.

рѣдко; а въ такомъ случаѣ, это—*Mentha piperita*, растущая, преимущественно, „въ южной и юго-западной Россіи“¹⁾; это — перечная мята, употребляемая въ медицину и называемая народомъ „холодяшкѣю“, въ зависимости отъ того ощущенія, которое получается, если взять ее въ ротъ. Если, какъ мы знаемъ, любовь ассоциируется въ представленіи людей съ огнемъ и жаромъ, то холодъ— съ чувствомъ равнодушія, незнакомствомъ съ любовью: холодность является иногда синонимомъ равнодушія. Пѣсенные сюжеты, касающіеся мяты очень однообразны: можно отмѣтить всего двѣ — три картины, различныя по содержанію. Большинство близко подходит къ слѣдующей:

Не щипли-ка, бѣль-кудрявъ, душманную мяту!
 Я не для тебя садила, не для тебя поливала;
 Для того я садила, кого я любила... (С., IV, 330).

Дѣвушка относится ко всѣмъ равнодушно, и мята продолжаетъ расти; только одинъ можетъ ее защищать или потоптать — это тотъ, кого она любитъ и для кого хранить въ чистотѣ свое чувство. Таинственнымъ образомъ, мята является символомъ дѣвственности. Пѣвѣста обращается къ отцу съ таинными словами:

Остаются мои всѣ цвѣтики у тебя:
 Рутва мята, пахучіе васильки....
 ...Поливай же ты мои цвѣтики частенько (Ш., 2096).

У выходомъ замужъ дѣвственность пѣвѣсты остается въ домѣ ея родителей въ образѣ цвѣтовъ: рутва-мята — дѣвичество, васильки — связанное съ нимъ счастье и веселье. Послѣ благословенія помолвленыхъ, жениху поютъ:

„У насъ въ огородѣ
 Ни хмель, ни росада.
 Пахучая мята
 Вся переломата,
 Въ пухъ повязата,
 За тыль побросата“ (Ш., 1988).

Это картина омычлившейся дѣвичьей жизни. Что касается до рутвы— руты (*Ruta graveolens*), относимой Гофманомъ къ полудикустарникамъ, то она является въ пѣсняхъ еще рѣже. Мы можемъ ее указать еще въ одной лишь пѣснѣ:

¹⁾ Э. Постель, Для ботаническихъ экскурсій.

Рутва, рутва! желтый цвѣтъ!
 Что тебя Иструпа долго пѣтъ?
 А уже тебѣ, Гапула, прождалась (III, 2106).

Повидному, она символизируетъ здѣсь разлуку. Мята встрѣчается еще въ двухъ пѣсняхъ, но, кажется, безъ символическаго значенія, почему мы и не принимали ихъ во вниманіе: она просто поставлена для созвучія стиховъ, какъ и другія растенія въ той же пѣснѣ:

Во первомъ садѣ у милого росла трава мята;
 Не за то ли милый любить, что я не богата? и т. д. (С., IV, 213).

Лебеда ¹⁾ является только при одномъ пѣсенномъ сюжетѣ, который повторяется въ нѣсколькихъ вариантахъ. Вотъ, одинъ изъ нихъ:

И посю лебеду на берегу,
 Свою крупную расадушку.
 Погорѣла лебеда безъ воды...

Дѣвица посылаетъ за водой казака, но онъ не возвращается, и ей остается только горевать, что у нея нѣтъ „ворона коня“: она бы „вольная казачка была“... (С., V, 764). Лебеда является здѣсь, повидному, скрытымъ чувствомъ любви; нужна только вода, чтобы это чувство не исчезло—чтобы лебеда не поблекла. Трудно сказать, какъ образовалось это значеніе лебеды: препятствуетъ этому, съ одной стороны, однообразіе пѣсенъ; а съ другой — невозможность опредѣлить, какое растеніе разумѣется здѣсь: подъ именемъ лебеды являются растенія *Atriplex* и *Chenopodium*.

Хмѣль ²⁾ (*Humulus Lupulus*) получилъ свое символическое значеніе въ зависимости отъ своихъ внутреннихъ свойствъ и отъ дѣйствія ихъ на человѣка. Хмѣль извѣстенъ на Руси съ очень давняго времени: „Лицей утверждалъ, ... что въ числѣ другихъ кухонныхъ овощей... хмѣль пришелъ, во время великаго переселенія народовъ, издали, изъ Россіи, въ собственную Европу“ ³⁾. Широкое распространеніе хмѣля находится въ зависимости отъ лупулина, содержащагося въ немъ: у него „придѣвѣтнички и околодѣвѣтнички усѣяны

¹⁾ III.—264, 266, 558, 1257; С.—IV, 212; V, 761—770 и др.

²⁾ III.—419, 420, 422—424, 612, 645, 840, 857, 917—919, 1009, 1223, 1237, 1808, 1820, 1911, 2396, 2411, 2427; С.—I, 501—503; II, 422—426; III, 158, 160, 164—175, 281—283, 285; IV, 225, 248 и др.

³⁾ *Генъ*, стр. 282.

желтыми желѣзками, содержащими лупулинъ, горькое ароматическое вещество, которое сообщаетъ пиву горечь и прочность“ ¹⁾). Вліяніе его на организмъ человѣка было давно извѣстно и примѣнялось, какъ лѣченіе ²⁾). Въ зависимости отъ этого установилось и его символическое значеніе, связанное съ нѣкоторыми обычаями. Новобрачныхъ осыпаютъ хмѣлемъ, при чемъ приговариваютъ:

Какъ хмѣль легокъ и веселъ,
Такъ будьте и вы легки и веселы (Ш., стр. 748).

Иногда, кромѣ хмѣля, осыпаютъ еще и житомъ, что отмѣчается въ одной пѣснѣ:

Пусть отъ жита —
Житье доброе,
А отъ хмѣля —
Весела голова! (Ш., 1808).

Такимъ образомъ, и въ пѣснѣ и въ обычѣ хмѣль является символомъ веселья; молодецъ въ другой пѣснѣ обращается къ хмѣлю:

Охъ! хмѣлюшка, хмѣлюшка,
Веселая головунка!
Завейся мой хмѣлюшка,
На мою сторонушку!

Молодецъ тяготится одиночествомъ своей холостой жизни и хочетъ любви и брачнаго веселья (С., III, 285). Свѣжаніе хмѣля съ травой сопоставляется съ любовью молодца къ дѣвцѣ:

Не сплетайся, не свивайся, хмѣлюшка, съ травной!
Не свивайся, не слубайся, молодецъ, съ дѣвичьей! (С., IV, 225).

Хмѣль, значить, ставится въ параллель съ молодецъ:

Гдѣ ты, хмѣлекъ зимоваль,
Что не развивался?
Гдѣ ты, царевъ, почсваль,
Что не разувался? (Ш., 1820).

Особенно часто хмѣль касается свадьбы и свадебнаго веселья:

Съяли дѣвушки ярыи хмѣль,
Съяли онѣ, приговаривали:
Расти, хмѣль, по тычинкѣ вверхъ!

¹⁾ Губманъ, Ботанич. атласъ.

²⁾ Флоринскій, стр. 40.

Безъ тебя, безъ хмѣлинушки, не водится:
 Добрыя молодцы не женятся,
 Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ (Ш., 917).

Тутъ хмѣль частью теряетъ свое символическое значеніе, и вся картина отражаетъ въ себѣ дѣйствительность—она указываетъ на обычай варить къ свадьбѣ пиво. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ пѣсняхъ, хмѣль имѣетъ скорѣе чисто реальное значеніе, чѣмъ символическое. Вотъ, на примѣръ, пѣсня, въ которой, хотя и есть намекъ на символику хмѣля, но вмѣстѣ съ тѣмъ на первый планъ выступаютъ его реальныя качества:

Ахъ ты, хмѣль, мой хмѣль, веселая голова,
 Веселая голова, широкая голова!
 Отъ чего, мой хмѣль, зарождаешься?
 По чему, мой хмѣль, поднимасишься?
 Зарождался хмѣль отъ сырой земли,
 Подымался хмѣль по тычинѣмъ вверхъ (С., II, 422).

Затѣмъ идетъ печальная повѣсть о пьянствующемъ мужѣ и горюющей жонѣ—повѣсть, оканчивающаяся картиной полного разоренія и нищенства. Хмѣль уже не символъ—къ нему народъ обращается, какъ къ виновнику бѣдствія: но символическое значеніе его еще сквозитъ въ названіи „веселая голова“. Хмѣль, какъ символъ, обозначаетъ веселье и счастье; хмѣль, какъ таковой, не всегда несетъ съ собой веселье: онъ очень часто и въ пѣсняхъ является причиною бѣдствій, не даромъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что „уродилася хмѣльница на гнилой щепочкѣ“ (С., II, 425). Въслѣдствіе такой двойственности довольно трудно установить, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ хмѣлемъ-символомъ. Иногда можно указать и тотъ и другой элементъ—и символическій и реальный:

Ой, за рѣчку хмѣль, за быстрою хмѣль.
 Когда-бъ этотъ хмѣль на жоей сторонѣ,
 Во моемъ во саду, обѣ изгороду,—
 Нарвала бъ я хмѣлю, хмѣлю яроваго,
 Наварила бъ ягла, пива молодого...

Позвала бы молодая „гостя дорогаго — своего братца роднаго“: онъ не часто къ ней ѣздитъ, не часто гоститъ, а когда и гоститъ, то тоскуетъ и скорѣй торопится уѣхать „со двора со зятникова“ (С., III, 160). Реальное значеніе хмѣля ясно изъ самаго его назначенія—изъ него сестра собирается варить пиво, но есть здѣсь и символъ: счастья

нѣтъ—нѣтъ хмѣля; онъ за рѣкой; но счастье возможно, когда хмѣль окажется на этой сторонѣ, когда хоть кто-нибудь заглянетъ изъ родной семьи. Мы приведемъ еще только одну пѣсню, гдѣ символическое значеніе хмѣля несомнѣнно:

Никולי мена хмѣлина разыгрывала,
 Какъ и нѣкче мена хмѣлина разяла.
 Разяла мена хмѣлина,
 Полюбилъ щеголь дѣтина...
 ...Онъ зажегъ сердце ретиво (III., 645).

Опьяненіе хмѣлемъ сопоставляется здѣсь съ любовью, и это не противорѣчитъ основному его значенію: во всѣхъ вариантахъ этой пѣсни нѣтъ ни слова печали—любовь радостная, взаимная служить для нихъ содержаніемъ. Сравнительная скудость символическихъ образовъ объясняется тѣмъ, что реальное значеніе хмѣля было для народа очень велико, и оно, поэтому, заслонило собою поэтическія картины, созданныя творческой мыслью народа на основаніи свойствъ хмѣля—свойствъ, лежащихъ и въ основѣ его реального значенія.

Ленъ ¹⁾ (*Linum usitatissimum*) и образы, связанные съ нимъ, касаются, преимущественно, разныхъ положеній дѣвушки и молодой женщины. Въ поговоркѣ на первый дождь ленъ названъ дѣвкиннмъ: „На бабину рожь, на дѣдову пшеницу, на дѣвкингъ ленъ полявай ведромъ“. И въ пѣсняхъ, какъ и въ дѣйствительности, ленъ составляетъ предметъ заботъ женщины. Въ одной игровой пѣснѣ отражается, хотя и въ общихъ чертахъ, тотъ процессъ, которому подвергается ленъ, при его обработкѣ; при этомъ есть намекъ, что все содержаніе пѣсни не болѣе, какъ символъ:

„Ты удайся, удайся, мой ленъ,
 Ты удайся, мой бѣленькій,
 Полюбися, дружокъ миленькій!“ (III., 388).

Въ другихъ вариантахъ послѣдній стихъ поется иначе: „Не кручись (не журясь ты), мой миленькой!“ Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ о любви, или, вѣрнѣе, о готовности дѣвушки къ любви и браку. Въ большинствѣ пѣсней это выражается образомъ сѣянія льна; его топчетъ и рветъ молодець, желающій посвататься за дѣвицу:

Сѣяли дѣвушки ленъ.
 Новадился Вася щеголецъ—

¹⁾ III. — 388, 389, 429, 430, 523, 565, 598 — 600, 624, 792, 1070, 1229, 1368, 2051; C. — II, 556, 556, 695, 642, 643; III, 480 и др.

Весь ленокъ притопталъ,
 Всѣ головки посорвалъ...
 ...„Выйди, дѣвушка, за меня!“ (Ш., 523).

Ухаживающіе парни „торять“ дорожки среди льна:

Что на этомъ на ленку
 Три дорожки пролегло,
 Три мальчишки пробѣгло.
 Я не знаю какъ быть,—
 Съ трехъ котораго любить (Ш., 565).

Въ одной пѣснѣ молодецъ вьетъ себѣ изъ льна вѣнокъ:

Со льну цвѣты сорывать...
 ...Вѣнокъ себѣ совивать,
 На голову надѣвать,
 Красну дѣвку цѣловать (С., III, 480).

Забота о томъ, съ кѣмъ придется таскать ленъ—раздѣлять любовь, причиняетъ дѣвушкамъ серіозное горе:

Охъ, стала плакать, вой-да, горевать,
 Охъ, съ кѣмъ ляночекъ буду брать? (Ш., 792).

Молодая отказывается „брать ленъ“ со свекромъ—„это не бранье, а все гореванье“! Со свекровью—„все ворчанье“, и только съ „ладой“ настоящее „бранье,—все цѣлованье“! (С., II, 635). Роса, падающая на ленъ, роса холодная—горе на чужой сторонѣ, въ домѣ свекра:

На ленъ роса пала,
 На ленъ студеная.
 Кому роса теплая,
 А мнѣ холодненькая,
 На чужой сторонѣ
 Во чужова батьки (Ш., 1268).

Чѣмъ выше ленъ, тѣмъ жизнь счастливѣе; поэтому, понятно, что ко льну обращаются съ просьбой расти повыше:

„Ты расти, леночъ.
 Наравнѣ съ тынкомъ“!

Ниже сравнивается жизнь въ родномъ домѣ съ жизнью у свекра:

А не быть ленку
 Супротивъ тынку,—
 Не быть тестю
 Противъ батьюшки... (Ш., 1070).

Тоска по родинѣ, даже и при хорошихъ отношеніяхъ съ мужемъ и его родными, изображается картиной колебанія льна:

Подъ горой лень-лечь
Вѣтромъ раздуваетъ... (С., II, 555).

Вотъ, главнѣйшіе сюжеты, связанные въ представленіи народа со льномъ, который, такимъ образомъ, является женскимъ символомъ—символомъ дѣвушки и молодой. Въ сущности, большею частью, онъ ставится въ параллель даже не съ женщиной, а только съ извѣстной стороной ея душевной жизни,—это изображеніе чистаго чувства любви къ „суженому“, съ одной стороны; а съ другой—къ своему дому, гдѣ созрѣло это чувство. Какъ же могла установиться такая связь представленій? Въ пѣсняхъ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что лень неоднократно называется бѣлымъ; ничего бѣлаго въ его наружности нѣтъ, а между тѣмъ дѣвушки свѣютъ „бѣлый лень“ и т. д. Одна пѣсня разрѣшаетъ этотъ вопросъ:

Уродися, бѣлый лень,
И тошокъ, и дологъ,
И бѣль волокнистый! (С., II, 635).

Значить, лень называется бѣлымъ въ зависимости отъ бѣлыхъ волоконъ, идущихъ на выдѣлку нитокъ и холста и, слѣдовательно, хорошо извѣстныхъ народу. Мы уже упоминали, что представленіе бѣлизны ассоціируется съ представленіемъ женщины, а въ этомъ случаѣ связь дѣлается еще болѣе близкой въ виду того, что чувство—нѣчто внутреннее даже и въ глазахъ народа—сопоставляется съ качествомъ льна, тоже скрытымъ внутри.

Конопля ¹⁾ (*Cannabis sativa*) въ народномъ представленіи близко стоитъ ко льну. Есть даже загадка, которая обозначаетъ и лень, и коноплю: „Самъ жилистый, ножки глиняны, головка масляна“ ²⁾. Это совершенно естественно, такъ какъ оба эти растенія идутъ на удовлетвореніе однихъ и тѣхъ же нуждъ народа, что зависитъ отъ ихъ одинаковыхъ свойствъ. Въ загадкахъ отмѣчается разница между собственно коноплей и посковью (конопля, вѣдь, двудомное растеніе): „Посвѣнь—родится, а на сѣмена не годится“. Въ пѣсняхъ мы этого

¹⁾ III. 1903, 1997; С.—I, 298; II, 296, 297, 391, 580, 616, 621; III, 447, 448; X, 263, 264 и др.

²⁾ Дале, Пословицы, стр. 1071.

разграниченія не находимъ; здѣсь говорится вообще о коноплѣ, при чемъ отмѣчаются тѣ же свойства, что и во льнѣ:

Уродись, мой конопель,
Тонокъ, дологъ, бѣгъ, волокинь! (С., V, 263).

Но, несмотря на это, символика конопли является съ особыми чертами, несвойственными символикѣ льна: она отличается болѣе грустнымъ характеромъ, что и отражается въ одной пѣснѣ, гдѣ сопоставляются оба эти растения:

Какъ въ полѣ, въ полѣ сѣянь бѣлый ленъ;
Сѣючи бѣлый ленъ, растеть конопель;
Что на этожъ на коноплякѣ сидитъ соловей;
Сидючи, соловьюшка пѣсенки поеть;
Меня, молоденьку, тоска-горе беретъ (С., II, 391).

Береть тоска, такъ какъ приходится жить со старымъ, больнымъ мужемъ: она сѣяла ленъ—думала о счастья съ любимымъ человекомъ, а уродилась конопля. Этой пѣсней намѣчается общій характеръ символики: являясь, преимущественно, женскимъ образомъ, конопля символизируетъ, какъ и ленъ, или дѣвину-невѣсту, или молодую,—словомъ, такъ или иначе касается замужества. Но волокна конопли грубѣе волоконъ льна, отчего и символическое значеніе ея не такое свѣтлое: тутъ уже нѣтъ почти образовъ любви, тутъ нѣтъ счастья, хотя нѣтъ и особеннаго несчастья; это жизнь изо дня въ день, жизнь съ тяжелымъ трудомъ и мелкими неприятностями. Наиболѣе частымъ является образъ сѣянія конопли. Женщина, очутившаяся на чужбинѣ въ чужой семьѣ, которая взваливаетъ на нее всевозможную работу (С., II, 616), сѣетъ коноплю:

Сѣю, вѣю, разсѣваю конопельшко.
Сѣючи, къ коноплю да приговариваю:
Взойди, взрости, конопельшко,
Что не язво, не высоко, —
Въ саду съ вишеньемъ равно... (С., II, 621).

Это обращеніе къ коноплѣ съ просьбой вырасти повыше выражаетъ желаніе хоть самаго незначительнаго счастья: тѣмъ выше конопля, тѣмъ меньше несчастье, которое испытываетъ женщина—тѣмъ ближе къ вишенью, а, вѣдь, вишня-вишенье—образъ свѣтлый по своему значенію. Эта картина посѣва конопли почти во всѣхъ пѣсняхъ сопровождается рассказомъ о печальномъ замужествѣ: то мужъ дряхлый старикъ, то неады съ мужниной родней, то—въ лучшемъ случаѣ—

мужь молодой (не вдовоецъ съ кучой дѣтей), да и то „самъ третей“ (С., II, 296), то-есть съ отцомъ и матерью—свекромъ и свекровью, съ однимъ именемъ которыхъ связывается представление о неприглядной жизни: не даромъ они называются „лютыми“ (С., II, 556). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ конопля связывается съ жизнью молодой замужней женщины, въ другихъ она сопоставляется съ дѣвушкой, какъ говорится, „на выданы“:

У насъ въ городѣ конопля росла, конопельюшка,
Конопельюшка—красная дѣвушка (III., 1903).

Несчастье съ коноплей—горе дѣвушки:

Конопля, конопля зеленая моя!

Что жъ ты, конопля, невесело стоишь?

— Ахъ, какъ мнѣ, конопль, веселой стоять? и т. д.

Дѣвка, ты, дѣвушка, дѣвушка красная!

Что же ты, дѣвушка, невесело сидишь?

— Ахъ, какъ мнѣ, дѣвушкѣ, веселенькой быть?.. (С., I, 298).

Молодецъ, ухаживающій за дѣвушкой, въ нѣсколькихъ пѣсняхъ является подъ видомъ воробья, летающаго въ коноплю:

Повадилса воръ-воробей

Въ мою конопельку летати,

Мою конопельку клевати...

Повадилса молодець

Къ моей Марусенькѣ ходити,

Мою Марусеньку любити (С., V, 263).

Только въ двухъ пѣсняхъ, являющихся вариантами одной, конопля символизируетъ какъ будто мужчину; но на самомъ дѣлѣ это опять-таки изображеніе несчастнаго супружества—только по отношенію къ мужчинѣ, какъ лицу страдающему:

Я посѣю конопельку

Не на пахану земельку.

Уродиса, конопельма,

Тонка, долга, высокая...

На этой конопль сидитъ „дорога птица“ и проклиняетъ свою судьбу: „Ахъ ты, участь моя, участь, разнесчастная женитьба!“.. (С., III, 447). Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ одной загадкѣ конопля сблίζεται съ сосной,—это могло оказать нѣкоторое вліяніе на характеръ ея символики: „Лѣтомъ сосенка—зимой коровка“ ¹⁾.

¹⁾ Дале, Пословицы, стр. 1071.

*Макъ*¹⁾ (*Rhaphanistrum*) получилъ свое символическое значеніе въ зависимости отъ яркой окраски своихъ цвѣтовъ, которые называютъ „бѣлыми или розово-малиново-красными“²⁾. Самое выраженіе „маковъ цвѣтъ“ вызываетъ уже представленіе ярко-красной окраски. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ пѣсняхъ постоянно встрѣчается сопоставленіе лица, щекъ съ цвѣтомъ мака. Едва ли нужно приводить примѣры этихъ сопоставленій: они очень распространены и въ пѣсняхъ, и въ обыденной жизни. Въ силу своей окраски макъ и получаетъ значеніе символа женскаго; напримѣръ, въ одномъ причитаніи певѣста спрашивается:

Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
 Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
 То стоять моя подруженьки.
 Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ... (Ш., 2342).

Подъ этой блѣдной маковкой певѣста подразумѣваетъ самое себя. Молодые женщины тоже иногда называются макомъ:

Что и маковый цвѣтокъ, —
 То молодухки у насъ (Ш., 373).

Но это бываетъ гораздо рѣже; преимущественно, образъ мака соединяется съ образомъ дѣвушекъ: Даль приводитъ выраженіе— „сидѣть макомъ“, что значитъ „красоваться въ дѣвкахъ“. Въ одной пѣснѣ любимый молодецъ сопоставляется съ алымъ макомъ:

Какъ во садѣ макъ, макъ аленецекъ,
 Ой да люли, люли, макъ аленецекъ;
 Мой сердечный другъ веселенекъ (С., II, 583).

Алый цвѣтокъ вообще символизируетъ, какъ извѣстно, объектъ любви, а потому, и вполне понятно, что макъ могъ стать мужскимъ символомъ.

*Хлебныя растенія*³⁾ играютъ въ жизни народа громадную роль, какъ главный источникъ пропитанія. Въ зависимости отъ этого находится и ихъ символическое значеніе, хотя, нужно замѣтить, встрѣчаются они въ пѣсняхъ довольно рѣдко. Намъ уже приходилось упо-

¹⁾ Ш.—373, 376, 1192, 1500, 1624, 1626, 1927. 2291, 2323, 2342; С.—II, 583 и мн. др.

²⁾ *Постель*, Для ботанич. экскурсій.

³⁾ Ш.—382—385, 433, 590, 695, 697, 698. 1032. 1040, 1011, 1093, 1192, 1221, 1808, 1979; С.—I, 168, 169; III, 90—92; IV. 708 и др.

минать о нѣкоторыхъ картинахъ, связанныхъ съ ними: польнь заливаетъ въ саду „мѣсто хлѣбородное“ (Ш., 740); ракитовъ кустъ вырастаетъ среди поля пшеницы (С., III, 92); молодыхъ обсынаютъ житомъ и хмѣлемъ (Ш., 1808). Уже въ этихъ образахъ обнаруживается характеръ символики хлѣбныхъ растений: они обозначаютъ счастье, жизнь въ довольствѣ, богатство—словомъ, значеніе ихъ свѣтлое. Въ колядкахъ, высказывая хозяйну разныя пожеланія, „коледовщицы“ сулятъ ему хорошій урожай:

Ему роль густа,
Рожь ужниста:
Ему съ колосу осмина,
Изъ зерна ему коврига...

Кромѣ пожеланія урожая въ чистомъ, реальномъ смыслѣ этого понятія, въ этихъ словахъ выражается вообще пожеланіе всякаго благополучія, что и подтверждается какъ будто концомъ пѣсни:

Надѣляй бы васъ Господь
И жетьемъ, и бытьемъ,
И богатствомъ,
И создай вамъ, Господи,
Еще лучше того! (Ш., 1032).

Изъ картинъ, касающихся полевыхъ работъ, чаще всего встрѣчается жатва: она связана всегда съ отношеніями влюбленныхъ. На яровомъ полѣ происходитъ размолвка между дѣвушкой и парнемъ; послѣдствіемъ ея является смерть дѣвicy (Ш., 433). Здѣсь дѣвушка перевязываетъ парню руку, обрѣзанную серпомъ; кончается пѣсня опять размолвкой (Ш., 695). Въ одной пѣснѣ дѣвки жнутъ ячмень, а мимо проѣзжаетъ молодецъ и выражаетъ желаніе взять замужъ одну изъ нихъ (Ш., 1979). Интересную картину даетъ намъ одна пѣсня:

Таня по полю ходила, бѣлу пшонушку молотла,
Бѣлу пшонушку полола, черныи куколь выбирала,
Черныи куколь выбирала, на чужу межу бросала... (С., IV, 708).

Дальше идетъ символическая картина выхода дѣвicy замужъ. Что обозначаетъ здѣсь куколь? Намекъ на это, кажется, дается самой пѣсней: „бѣлая“ пшеница и „черныи“ куколь—очень краспорѣчивое сопоставленіе. Если пшеница вообще—счастье, то куколь, какъ сорная трава, можетъ обозначать несчастье, тѣмъ болѣе, что онъ называется чернымъ: куколь (*Luchnis Citago*) имѣетъ сѣмена чернаго цвѣта;

они отличаются горькимъ вкусомъ и ядовиты ¹⁾, на что указывается уже въ старинныхъ лѣчебникахъ. Всѣ эти признаки куколя заставляютъ насъ думать, что онъ является въ пѣснѣ печальнымъ символомъ—какимъ-нибудь препятствіемъ, мѣшающимъ счастью съ любимымъ человекомъ: но куколь выброшенъ на чужую межу, и пѣсня рисуетъ картину свадьбы. Нужно коснуться еще пѣсни о сѣяннѣ проса (III., 382—385). Въ этой игровой пѣснѣ можно видѣть, съ одной стороны, подобно Снегиреву, „представленіе изъ жизни народа земледѣльческаго и воинственнаго—набѣга, похищенія и выкупа невольствъ“ ²⁾. Но, съ другой стороны, характерно, что пѣсня, начинаясь образомъ сѣяннѣ, кончается выдачей дѣвушки (замужъ): это близко подходитъ къ образамъ сѣяннѣ вообще. Въ пѣсняхъ, касающихся военного быта, напннн часто изображаютъ поле битвы (С., 432—437):

Какъ усажено поле, оно не плугами,
 Не плугами поле, оно не сохами,
 А усажено поле конскими копытами;
 А усажено поле казачьиими головами (С., I, 437).

Въ связи съ этими картинами находится образъ сѣяннѣ горя. Кукушка рассказываетъ невольствѣ о чужой сторонѣ:

Три ноги горя насѣяны,
 Печальнѣ-то огорожены,
 Горючѣмъ слезамъ поливаны.

Не такъ рисуется чужбина въ словахъ соловья:

Три поля пшева насѣяны,
 Весельемъ да обгорожены,
 Радостью да неполиваны (III., 1444).

Горе, значитъ, можно посѣять, и оно вырастетъ, какъ вырастаетъ всякое растеніе. Но, съ другой стороны, горе и рождается: оно—живое и могущественное существо; отъ него никуда не укрыться, развѣ только въ могилу (С., I, 441). Доля человека, счастливая или несчастная, зависитъ отъ качества посѣяннаго сѣмени:

Ужъ вы дѣвки, вы дѣвушки,
 Ваши горькія сѣмена,
 Васъ немножко посѣяно.

¹⁾ Гобманъ, Бот. атласъ.

²⁾ Снегиревъ, Русск. простои. праздн. и суетѣри. обряды.

А дальше идетъ описаніе отъѣзда молодой изъ отцовскаго дома, гдѣ она „позабыла волю батюшкину“ и „нѣгу матушкину“ (III., 1964).

Капуста ¹⁾ (*Brassica oleracea capitata*) связывается съ образомъ молодой женщины; съ ней сопоставляются молодухи:

Что ни бѣлая капуста,—
То молодухи у насъ (III., 374).

А въ зависимости отъ этого, разныя положенія женщины или дѣвушки, особенно положенія, касающіяся замужества, обозначаются картинами, въ которыхъ является капуста. Упрекая молодца въ перемѣнѣ къ ней, дѣвушка съ горечью говоритъ:

Намъ къ чему было капусту садить!
Къ чему было огородъ городить! (С., II, 201).

Сажать капусту, слѣдовательно,—любить, стремиться къ браку... То же почти символизируютъ и другіе образы, встрѣчающіеся въ пѣсняхъ. Молодецъ хочетъ поломать капусту и бросить ее за тынъ—взять дѣвушку замужъ и увезти изъ отцовскаго дома:

Чья въ садикѣ капуста? Положаль бы и ее;
Поломавши капусту, за тынъ побросаль...
Еще чей это теремъ изукрашенный стоитъ?...
...На перинушкѣ дѣвчочка хорошенькая?
Хороша, пригожа,—взять бы замужъ за себя (С., III, 300).

Образъ завиванія капусты почти всегда соединяется съ картиной паденія на нее дождя:

Вейся ли, вейся, капуста,
Вейся ли, вейся, бѣлая!
Во саду ли во зеленомъ
Гуляй душочка родная.
Какъ вечеръ на капусту,
Какъ вечеръ на бѣлую
Частый дождикъ поливалъ.
Въ кругу молодецъ гулялъ,
Себѣ пару выбираетъ (III., 547).

Такимъ образомъ, завиваніе капусты, какъ кажется, сопоставляется народомъ съ готовностью дѣвушки къ браку и даже съ ея физическимъ сформированіемъ, намекомъ на что можно видѣть въ слѣдующей пѣснѣ:

¹⁾ III.—200, 201, 321, 349, 363, 372, 374, 544—547, 1071, 1116, 1816, 1961; С.—II, 198—201; 279, 280; III, 149, 300, 301, 303, 340; IV, 166, 638, 637.

Всѣ добры люди капустушку заламывали,
 А л. молода, въ огородѣ не была,
 Не была, не заламывала.
 Хоть капустушка не клубится,
 А л дѣвушка грудиста (Ш., 544).

Дѣвушка сажаетъ капусту въ своемъ огородѣ-саду, а молодецъ хо-
 четъ кунить капусту—любить дѣвушку:

Она капусту торговалъ,
 Дѣвушку дѣловалъ.
 Ему капуста не нужна,
 Красна дѣвица мила (С., IV, 636).

Одинъ разъ встрѣчается хрѣнь-капуста въ такомъ же значеніи, какъ
 одна капуста:

Приходите въ огородъ
 Хрѣнь—капусту полоть,
 Кочанки не ломать!
 Красныхъ дѣвокъ выбрать! (С., III, 340).

Хрѣнь одинъ встрѣтился намъ только въ слѣдующей пѣснѣ:

Ахъ ты, хрѣнь мой, хрѣнь!...
 „Что не я тебя сажалъ,
 Что не я поливалъ.
 Хрѣнь сама выросъ,
 Сама кореньки рилась.
 Вославите-ко-сь, болре,
 Хрѣну выщипати,
 Съ корня выкопати (Ш., 1072).

Повидимому, значеніе хрѣня въ этой пѣснѣ подходитъ къ значенію
 капусты и касается замужества и женитьбы. Замѣтимъ еще, что
 кочни упоминаются иногда какъ будто въ значеніи мужского образа;
 въ одной изъ подблюдныхъ пѣсней мы паходимъ, напрымѣръ, такое
 четверостишие:

Сѣрая капуста—
 Зеленый кочанокъ;
 Они сойдются,
 Не разойдется (Ш., 1116).

Вообще же говоря, капуста—образъ женскій. Это, конечно, обусло-
 влено присущимъ ей признакомъ бѣлизны, которая очень часто от-
 мѣчается въ пѣсняхъ. Бѣлая береза, бѣлый ленъ, бѣлая капуста,

бѣлая лебедь, бѣлая голубка—все это символы, близкіе другъ къ другу.

Ягоды—вообще ¹⁾ мы видѣли въ пѣсняхъ уже много разъ: они, преимущественно, являются женскими образами. Здѣсь мы укажемъ только наиболѣе интересные случаи. Перѣдко „ягода“ употребляется въ смыслѣ женскаго ласкательнаго: „Здорова, черноброва! здравствуй, ягода моя“! (С., IV, 602). Иногда ягода бываетъ и мужскимъ образомъ, но—обыкновенно тогда, когда говорится сразу и о мужчинѣ, и о женщинѣ:

Ягода со ягодой сокатилася (Ш., 1768).

Къ сожалѣнію, въ этой пѣснѣ пропущенъ слѣдующій стихъ, и мы можемъ только догадываться, что подъ ягодами здѣсь разумѣются жонихъ и невѣста. Символика ягодъ вообще касается снѣглыхъ представлений, но не такова символика ягодъ черныхъ. Мы видѣли, что черная смородина—образъ печали, горя; то же мы видимъ и для черныхъ ягодъ, когда не указывается, какому растенію они принадлежатъ. Невѣста рассказываетъ свой сонъ въ одной пѣснѣ:

Не спалосъ, много видѣлось,
Будто я хожу по крутымъ горамъ,
Будто я беру черны ягоды (Ш., 2214)

Мать разгадываетъ ей сонъ:

Круты горы—твое горе,
Черны ягоды—горючи слезы (Ш., 2215).

Эти двѣ пѣсни еще разъ указываютъ, что черныи цвѣтъ является символомъ печали. Ягоды красныя, снѣжныя обозначаютъ признанное отношеніе, любовь, въ противоположность ягодамъ зеленымъ:

Я все ягоды срывала.
Я зрѣлыя во стакамахъ,
А зеленыя въ другой.
Я зрѣлыя—батюшки,
А зеленыя—свекрушки (С., II, 587).

Нужно еще отмѣтить встрѣчающіяся въ пѣсняхъ винныя ягоды; это, конечно, не плоды фиговаго дерева (I'čisn sal'isn); имъ народъ при-

¹⁾ Ш.—710, 712, 780, 861, 862, 882, 884, 885, 1252, 1371, 1645, 1768, 1823, 1832, 1908, 2214, 2215, 2430; С.—I, 46; II, 125—126, 205—207, 211, 214, 587, 588; IV, 602 и др., 831—834 и др..

писывается опьяняющее свойство, подобно тому, какъ это приписывается винограду и хмѣлю:

Поѣду ль я, выѣду ль я
Въ лѣсъ по махнушуву;
Сорву ль я, явру ль я
Винную ягодку.
Та ли вина ягода
Взяла, младу, развила (С., IV, 831).

У нея является потребность любви. Подобную же картину мы видѣли при разборѣ винограда: отъ него дѣвица „разсудокъ потеряла“ (С., II, 92). Это сходство даетъ намъ возможность предположить, что вина ягода и есть виноградъ, или же это—название ягоды, созданной фантазіей народа, который склоненъ приписывать чувство любви, какъ и многіи другія явленія душевной жизни, вишнямъ воздушнымъ.

Вѣнокъ ¹⁾—символь дѣвчества и дѣвственности; онъ постоянно является атрибутомъ дѣвушекъ. Какъ на молодцѣ „красна палочка“ и на молодцѣ платокъ, такъ на дѣвицѣ „вѣнокъ“ (III., 390). Вспоминая свою дѣвичью жизнь въ родномъ домѣ, молодая женщина такъ характеризуетъ ее:

Ахъ да я у матушки жила, какъ цвѣтокъ цвѣла...
...Ахъ да я у батюшки жила, какъ вѣнокъ плела... (III., 830).

Дѣвушка выходятъ замужъ и разстается со своимъ вѣнкомъ, который въ большинствѣ пѣсень вручается суженому:

Я за ровнюшку замужъ поѣду...
...Изъ цвѣточковъ я вѣночекъ совью,
И на ровнину головку надѣну (С., II, 307).

Но дѣвушка далеко не всегда сама вручаетъ свой вѣнокъ суженому: иногда онъ, помимо ея воли, достается тому или другому человѣку,—она, вѣдь, часто принуждена выходить замужъ „по волѣ батюшкиной“. „Достался вьюнъ старому“, и жизнь для обоихъ новобрачныхъ скоро дѣлается тяжелымъ бременемъ; „достался вьюнъ молодому“, и жизнь течетъ спокойно и счастливо (С., II, 344). Разставаясь со

¹⁾ III.—390, 482—485, 530, 539, 791—796, 830, 1030, 1062, 1194, 1217, 1218, 1234, 1241—1246, 1251, 1593, 1607, 1770, 1793, 1960, 2098, 2147, 2210, 2304, 2342; С.—II, 193, 194, 264, 268, 307, 317, 344, 354, 378; III, 480 и мн. др.

своей дѣвственностью, вручая молодцу свой вѣнокъ, дѣвушка просить его:

„Ты носи-ко, милой, да не скидывай,
Ты люби-ко меня—не покидай!“ (III., 795).

Потеря вѣнка—потеря дѣвственности; этотъ потерянный въ хороводѣ вѣнокъ не могутъ найти и возвратить дѣвушкѣ ни отецъ, ни мать—его приносить ей милый:

Ладушка идетъ,
Вѣночекъ несетъ,
Милый мой идетъ,
Золотой несетъ (III., 1243).

Съ судьбой вѣнка тѣсно связана судьба дѣвушекъ; вотъ почему, въ пѣсняхъ постоянно встрѣчается гаданье о будущемъ по вѣнку; дѣвушки плетутъ вѣнки, бросаютъ ихъ и „завѣчаютъ“:

„Еще кто вѣнокъ подниметь,
За того я замужъ пойду“... (С., II, 194).

Если дѣвушка хочетъ знать, помнить ли о ней ея другъ, она пускаетъ вѣнокъ въ рѣку:

Тонетъ ли, не тонетъ ли вѣнокъ?
Тужитъ ли, не тужитъ ли дружокъ?—
Ахъ, мой вѣночекъ потонулъ,
Знать, меня мой милый обманулъ (III., 1244).

Этотъ образъ вѣночкѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что дѣвственный вѣнокъ долженъ храниться у молодца, которому онъ врученъ; онъ пересталъ хранить вѣнокъ—позабылъ дѣвушку, и образъ его—другой вѣнокъ—идетъ ко дну, давалъ тѣмъ знать объ измѣнѣ любимаго человека. Состояніе вѣнка выражаетъ чувства его обладательницы: въ одномъ мѣстѣ поется, какъ дѣвушки рвали на лугу цвѣточки и „вѣли-совивали золоты вѣночки“ для себя:

Встану ль я, встану напротивъ старого.
Какъ старыи-сть взглянешь—золотъ вѣнокъ винешь,
Вянетъ онъ, вянетъ, въ полѣ засыхаетъ;
У дѣвушки сердце ноетъ, завываетъ.

II напротивъ—

Какъ миленькій взглянешь,—вѣнокъ разгорается,
Вѣнокъ разгорается, велитъ цѣловаться (С., II, 378).

Вѣнокъ, какъ предметъ, по которому можно судить о будущемъ, является не только въ пѣсняхъ,—и въ дѣйствительности гадаютъ по его состоянію о судьбѣ дѣвушки; кромѣ бросаніи вѣнковъ въ рѣку, завиваютъ еще вѣнки на березѣ (въ Семижъ): „если сплетенные вѣнки завянутъ, то дѣвушка умретъ или выйдетъ замужъ,—если же не завянутъ, то останется въ дѣвушкахъ“¹⁾. Какъ кажется, это наиболѣе древнее толкованіе будущаго по вѣнку; съ теченіемъ времени оно видоизмѣнилось и получало въ разныхъ мѣстахъ разный характеръ; стали гадать не только о выходѣ замужъ, но, напримѣръ, о томъ, какаѣ будетъ жизнь замужемъ—богатая или бѣдная и т. п., при этомъ увяданіе вѣнка толкуется въ смыслѣ неблагопріятномъ²⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и парни завиваютъ вѣнки, но это, конечно, уже слѣдствіе затемненія символическаго значенія образовъ вѣнка и березы: несомнѣнно, что эти обычаи стоятъ въ связи съ ихъ символикой, какъ намъ уже приходилось это отмѣчать, при рассмотрѣніи березы. Изъ образовъ, касающихся вѣнка, слѣдуетъ обратить еще вниманіе на срываніе его съ дѣвушки молодымъ,—это тоже символъ брака, сватанья, и тутъ часто выражается враждебное отношеніе невѣсты и ея родныхъ къ жениху; въ пѣснѣ о „Рождѣ“, которая уже упоминалась, идетъ рѣчь о такомъ захватѣ вѣнка; молодецъ, нарядившись въ женское платье, выманиваетъ изъ дому любимую дѣвушку:

„Что это за подружка,
 Что за косу хватаетъ,
 Ленту снимаетъ?
 Что это за подружка,
 Что за голову хватаетъ,
 Вѣночекъ снимаетъ“? (Ш., 1246).

Такихъ примѣровъ въ пѣсняхъ очень много, и понятно, почему женихъ перѣдко называется „сорви—вѣнокъ“; невѣсту предостерегаютъ:

Возгѣ тебя сидитъ сорви-вѣнокъ,
 Сорви-вѣнокъ и згай-голова,
 Згай-голова и раскыль-коса (Ш., 1770).

Въ другихъ пѣсняхъ невѣста даетъ жениху еще нѣсколько названій:

Онъ идетъ—расплети-косу,
 Онъ идетъ—нотеряй-красоту (Ш., 2152).

¹⁾ Ш.—стр. 345, 2 стб.

²⁾ Ш.—стр. 352, 1 стб.

Принимая во вниманіе, что „красотою называется повязка изъ парчѣ, съ позументами и лентами“, и что „эту повязку носятъ (носили прежде) дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ“¹⁾, мы должны сблизить эту красоту, съ которой иногда отождествляется и воля, съ дѣвичьимъ вѣнкомъ. Это сближеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что воля-красота явно имѣетъ близкое отношеніе къ растеніямъ,—мы выше неоднократно указывали, что невѣста относитъ ее то къ деревьямъ, то къ цвѣтамъ и травамъ²⁾. Значитъ, какаѣ-то связи существуетъ: но этого еще мало,—въ одной нѣсгѣ можно прямо видѣть, что вѣнокъ и повязка одно и то же:

Почернѣлъ на головушкѣ,
Золотой вѣнокъ,
Алы ленточки... (Ш., 1795).

При этомъ, собиратель къ словамъ „золотой вѣнокъ“ дѣлаетъ выноску: „Лента съ газомъ: ее носятъ въ Псковскомъ уѣздѣ всякая дѣвица крестьянка“. Вообще, несомнѣнно, что вѣнокъ стоитъ въ связи съ дѣвичьимъ головнымъ уборомъ. „Золотымъ“ онъ называется, вѣроятно, для обозначенія его цѣнности, какъ эмблемы дѣвчества: мы видѣли нѣсколько выше, что изъ луговыхъ цвѣтовъ дѣвицы вьютъ „золотой“ вѣнокъ.—Такова символика вѣнка и таковы нѣкоторыя обычаи, связанные съ ней. Какъ образовалось его значеніе, мы не можемъ сказать, но, повидимому, оно опирается на какія-то реальныя основанія, на что указываетъ существованіе въ народѣ до сей поры повязокъ-коронковъ, изображающихъ дѣвичью волю-красоту. Реальность основаній, давшихъ начало символикѣ вѣнка, подтверждается устойчивостью ея значенія и тѣмъ широкимъ распространеніемъ ея среди родственныхъ народовъ, которое дало ей возможность проникнуть, вмѣстѣ съ народными мотивами, даже въ литературныя произведенія. Напримѣръ, въ послѣдней сценѣ первой части „Фауста“ Маргарита говоритъ:

Nah war der Freund, nun ist er weit;
Zerrißsen liegt der Kranz, die Blumen zerstreut.

Въ заключеніе, мы должны коснуться еще нѣсколькихъ вопросовъ, которые помогли бы намъ составить себѣ общій взглядъ на отлич-

¹⁾ Ш.—стр. 650, 1 стб.

²⁾ Ш.—1867, стр. 509, 2 стб.

тельные черты символики великорусской. У каждого народа и каждой страны въ ихъ творествѣ—а потому, и въ символикѣ—есть свои особенности, и на это необходимо обратить вниманіе. Отъ чего же зависятъ эти особенности? Выяснить подробно этотъ вопросъ мы не будемъ, а ограничимся только необходимыми для нашей задачи замѣчаніями. Несомнѣнно, что на созданіе тѣхъ или другихъ символовъ вліяетъ окружающая народъ обстановка. Въ самомъ дѣлѣ, символъ есть представленіе особаго рода, но всегда представленіе внѣшнее,—значитъ, оно отражаетъ въ себѣ дѣйствительность, окружающую народъ: вѣдь, даже воображаемая представленія (например, представленія никогда несуществовавшихъ чудовищъ) въ основѣ своей имѣютъ извѣстные реальные образы. Но разъ это такъ и разъ символъ — представленіе внѣшнее, то, слѣдовательно, въ немъ нужно искать тѣхъ образовъ, которые народъ получаетъ извнѣ. Отсюда громадное вліяніе всего окружающаго на символику: житель сѣвера, имѣя извѣстныя воспріятія, создастъ изъ нихъ образы, которыми и символизируетъ то или другое представленіе, оказывающее вліяніе на его чувство; такъ же поступаетъ и житель юга, по его воспріятія совсѣмъ другія, сравнительно съ воспріятіями сѣвернина, а потому—являются и другіе образы. И не только самые образы, но и преобладающій характеръ ихъ—свѣтлый или мрачный—зависитъ отъ дѣйствительности, среди которой они создаются. Это, конечно, справедливо и по отношенію къ символикѣ великорусской. Она тоже имѣетъ свои отличительныя особенности, для выясненія которыхъ и нужно хоть въ самыхъ общихъ чертахъ сравнить ее съ символикой малорусской, что мы и попытаемся сдѣлать, пользуясь для этой цѣли работой Костомарова ¹⁾.

И въ великорусскихъ, и въ малорусскихъ пѣсняхъ мы находимъ одинаковыя символическіе образы: калина, береза, дубъ и много другихъ растеній появляются какъ здѣсь, такъ и тамъ; повторяются цѣлыя символическія картины съ незначительными измѣненіями, и эта устойчивость и всеобщность многихъ образовъ очень характерны для символики: онѣ указываютъ на то, что происхожденіе ея обусловлено строго опредѣленными психическими процессами и извѣстными возрѣвніми народа на міръ и себя. Но между символиками отдѣльныхъ областей (климатическихъ, языковыхъ и т. п.) необходимо должна быть и разница: поэтому, и нужно указать на отличительныя

¹⁾ Истор. знач. воз. русск. пѣс. творч., Вестд. 1872 г.

чорты великорусской символики, сравнительно съ малорусской: съ одной стороны, мы встрѣчаемъ въ ней новыя картины съ новыми образами, а съ другой — видимъ исчезновеніе образовъ, очень распространенныхъ въ поэзіи малорусской. Дѣйствительно, растительности юга и сѣвера Россіи представляетъ значительную разницу, которая должна была отразиться и на символикѣ растений. Роза, напримѣръ, судя по статьѣ Костомарова, очень часто встрѣчается въ южно-русскихъ пѣсняхъ, тогда какъ въ великорусскихъ ея употребленіе въ качествѣ символа очень незначительно: мы уже указывали, что причина этого кроется въ условіяхъ жизни сѣвера. Зато здѣсь мы встрѣчаемся съ рябиной, черемухой и смородиной въ качествѣ символовъ, тогда какъ среди разобранныхъ Костомаровымъ малорусскихъ символовъ онѣ не упоминаются. Ихъ отчасти замѣняетъ яворъ—символи очень употребительный въ южномъ творчествѣ и совсѣмъ исчезающій въ сѣверномъ. Что касается до лавра и кипариса, о которыхъ Костомаровъ не говоритъ ни слова, то мы уже и раньше говорили, что это для русскихъ людей лишь названія, не ассоціирующіяся съ опредѣленнымъ растеніемъ; а это ясно указываетъ, что они занесены къ намъ извнѣ. Можетъ быть, поэтому Костомаровъ ихъ и не касается. Полукустарникъ рута, такъ часто встрѣчающійся въ южно-русскихъ пѣсняхъ, у насъ является, какъ говорилось, очень рѣдко: это объясняется тѣмъ, что рута растетъ „только въ Крыму“ ¹⁾. Барвинокъ, который, по словамъ Костомарова, въ малорусскихъ пѣсняхъ „занимаетъ первое мѣсто“, въ великорусскихъ встрѣчается подъ именемъ „борвеночки“, или „баравеночки“, только въ слѣдующихъ стихахъ, повторяемыхъ всего въ двухъ-трехъ вариантахъ:

А у квіточки съ баравеночки:
 Первая квіточка Галули,
 Вторая квіточка Петруня (Ш. 2101).

Кромѣ Курской губернии, наполовину малорусской, мы не нашли нигдѣ больше упоминанія о барвинкѣ. Кстати скажемъ, что въ ботаникѣ барвинкомъ называется *Vincæ Minor*, „вѣчнозеленый кустарничекъ“ ²⁾, а не травянистое растеніе, какимъ онъ является у Костомарова; растетъ онъ „въ юго-западной и южной Россіи“. Съ другой стороны, въ великорусскихъ пѣсняхъ осока занимаетъ довольно по-

¹⁾ Э. Пистель. Дія бот. збск.

²⁾ Гербманъ, Ботан. атласъ.

четное положеніе среди мрачныхъ образовъ, а въ малорусскихъ она, видимо, не играетъ выдающейся роли. Да оно и понятно: болота—достояніе, главнымъ образомъ, Великороссiи, а осока ихъ особенно любить. Вообще, какъ нетрудно видѣть, народъ для своихъ образовъ беретъ въ большинствѣ случаевъ то, что имѣетъ передъ глазами, и то, что его поражаетъ какимъ-нибудь своимъ качествомъ. Поэтому-то, растенія, чаще встрѣчающіяся въ известной мѣстности, чаще являются тамъ и символами. Исключеніе составляетъ, кажется, и для малорусскихъ, и для великорусскихъ пѣсенъ липа, которая, несмотря на большую распространенность въ лѣсахъ и на широкое примѣненіе въ хозяйствѣ, въ качествѣ символа употребляется довольно рѣдко: можетъ быть, это обуславливается именно ея большимъ реальнымъ значеніемъ и тѣмъ еще, что у нея нѣтъ особенныхъ, рѣзко подчеркнутыхъ свойствъ, которыхъ бы не было у другихъ деревьевъ.

Приглядываясь къ общему характеру великорусской символики, мы сразу же замѣтимъ, что образы печали, горя, несчастья—образы мрачные—преобладаютъ надъ свѣтлыми. Даже эти послѣдніе во многихъ случаяхъ измѣняютъ свое первоначальное значеніе въ пользу грустнаго. И это опять-таки объясняется условіями жизни сѣвера. Не касаясь событій исторической жизни народа, которые, конечно, тоже имѣли вліяніе на общій характеръ народной поэзіи, мы должны указать на вліяніе климата и природы. Костомаровъ замѣчаетъ, что пѣсни „южно-русскія гораздо богаче великорусскихъ“; вѣрнѣе было бы, пожалуй, сказать, что онѣ ярче, свѣтлѣе по своимъ образамъ. И это вполне естественно: климатъ болѣе мягкій; цвѣтушая природа, щедро награждающая человѣка за малѣйшій его трудъ; яркость красокъ во всемъ, что его окружаетъ,—все это заставляетъ творческую мысль народа двигаться нитенсивнѣе, заставляетъ создавать образы яркіе и разнообразныя. Не то мы видимъ на сѣверѣ: здѣсь климатъ суровый, налагающій свой отпечатокъ и на природу, и на людей; жизнь, наполювану въ сумеркахъ и темнотѣ, не даетъ яркихъ картинъ,—все покрыто прозрачной, сѣрвовой пленкой, сквозь которую всѣ свѣтлыя краски кажутся блѣднѣе, образы однообразнѣе, но зато темныя—сгущаются еще больше, и образы мрачныя выступаютъ рельефнѣе изъ общаго туманнаго фона; самое веселье здѣсь какъ-то подернуто дымкой печали: оно является какигъ-то неполнымъ, является мысль о чемъ-то болѣе совершенномъ; здѣсь, на сѣверѣ, мы видимъ постоянную борьбу человѣка со стихіями, борьбу за кусокъ насущнаго хлѣба—за существованіе. Чувство нерѣдко подавляется вопросомъ

о завтрашнем днѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что это отражается въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ, казалось бы, нѣтъ мѣста матеріальнымъ соображеніямъ, гдѣ должны были бы выражаться чувства въ ихъ гармоничной полнотѣ; вмѣсто чувства, мы видимъ какой-то странный расчетъ, какую-то двойственность чувствъ ¹⁾. Особенно это поражаетъ въ пѣсняхъ похоронныхъ; когда умираетъ хозяинъ дома, со смертью котораго исчезаетъ главный кормилецъ семьи, жена его причитаетъ надъ нимъ такъ:

Придетъ лѣтечко красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со острыми,—
Не будетъ у насъ бѣдныхъ
Ни дневного работничка,
Ни ночного попечельщичка! (Ш., 2507).

Въ плачѣ матери по единственному сыну отмѣчается тожо чисто матеріальная потеря:

И надѣлалася, бѣдная,—(что)
Отъ рожоного-то дитятка
Буде хлѣбъ-соль мнѣ простраивая (довольная),
Буде кривкая надѣтушка (одежда),
Буде легка переиѣвушка,
Буде печенька-то теплая (Ш., 2519).

Немало еще можно отмѣтить подобныхъ мѣстъ въ погребальныхъ пѣсняхъ. Ихъ кажущаяся странность является вполне естественнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находится народъ: она вытекаетъ изъ постоянной заботы о пропитаніи и безпрестанной борьбы съ суровой природой. Въ этихъ пѣсняхъ, гдѣ подъ влияніемъ обстоятельствъ рѣзко затрагивается вопросъ о матеріальномъ благосостояніи, замѣчается большая скудость символическихъ образовъ: творчество какъ бы становится на реалистическій путь.

Изъ всего этого ясно, что великорусская народная поэзія, находясь подъ давленіемъ суровой окружающей дѣйствительности, не можетъ дать тѣхъ яркихъ и разнообразныхъ картинъ, которыя даетъ поэзія малорусская; понятно и то, что она, отражая жизнь, полна образами горя и страданія, тогда какъ радости и счастья удѣляется сравнительно незначительное мѣсто. Этимъ же грустнымъ характеромъ про-

¹⁾ Прекрасно подмѣтилъ это явленіе Турчневъ въ одномъ изъ своихъ „стихотвореній въ прозѣ“ („Щи“).

ныкнута, разумѣется, и символика великорусскихъ пѣсень; имъ приписана и ихъ музыка—ихъ мотивы: „молельная тональность“, по словамъ Шопенгауэра, „является безошибочнымъ знакомъ горя, и у народовъ, которые ведутъ тяжелую и угнетенную жизнь, какъ напримѣръ русскіе, является преобладающею“¹⁾. Такимъ образомъ, символика, вообще говоря, находится въ органической связи съ жизнью и творчествомъ народа, и на этомъ зиждется ея важное значеніе для науки. Изученіе различныхъ пѣрованій народа и связанныхъ съ ними обычаевъ и обрядовъ, изученіе языка, наконецъ, самое пониманіе пѣсень и другихъ произведеній народнаго творчества—очень часто (но, конечно, не всегда) должно быть поставлено рядомъ съ изученіемъ народной, безыскусственной символика.

И. Антимоновъ.

---

¹⁾ К. Фигнеръ, „Арт. Шопенгауэръ“, стр. 364.

КТО БЫЛ АВТОРОМЪ „КНИГИ СТЕПЕННОЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВІЯ“?

Въ прекрасномъ изслѣдованіи С. А. Бѣлокурова „О Библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.“ высказывается предположеніе, что семнадцатая степень, или иначе грань извѣстной „Книги Степенной царскаго родословія“ написана была митрополитомъ Аванасіемъ, преемникомъ Макарія. При этомъ авторъ принимаетъ гипотезу о первоначальной Кипріяновской Степенной и думаетъ, что въ переработанной ея редакціи, появившейся при митрополитѣ Макаріи, заключалось лишь 16-ть степеней ¹⁾. Основаніемъ мнѣнія объ авторскихъ правахъ митрополита Аванасія на 17-ую степень, по словамъ С. А. Бѣлокурова, служитъ интересная записъ на Чудовскомъ, или Синодальномъ спискѣ Степенной. Записъ эта гласитъ: „Книга Чудова монастыря, собрана смреннымъ Аванасіемъ митрополитомъ всея Русіи“ ²⁾. Отсюда С. А. Бѣлокуровъ выводитъ заключеніе, что митрополитъ Аванасій написалъ 17-ую степень. Въ подтвержденіе этой мысли приводится фактъ существованія списковъ Степенной, содержащихъ лишь 16-ть степеней. Указанный фактъ является доказательствомъ того, что Степенная, появившаяся при митрополитѣ Макаріи, состояла всего изъ 16-ти степеней.

---

¹⁾ С. А. Бѣлокуровъ, „О Библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи“, стр. 296 сл.—Собственно говоря, у г. Бѣлокурова мы находимъ фразу: „Степенная книга, начатая митрополитомъ Кипріяномъ, продолжена и измѣнена, какъ у насъ обыкновенно утверждается, митрополитомъ Макаріемъ“. Считая послѣднія слова простой обмолвкой, мы позволяли себѣ нѣкоторое отступленіе при передачѣ мысли С. А. Бѣлокурова.

²⁾ Рукопись Чудова монастыря № ²⁶/₃₃₀; л. 3 — 8 внизу. Мы остановились въ изслѣдованіи на этой любопытной рукописи.

Остановимся сперва на разборѣ послѣдняго мнѣнія. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно высказано, мнѣніе это не представляется намъ достаточно убѣдительнымъ. И дѣйствительно, фактъ существованія списковъ, содержащихъ лишь 16-ть степеней, самъ по себѣ ничего еще не доказываетъ: мы можемъ имѣть дѣло со списками почему-нибудь недописанными или такими, конецъ которыхъ утраченъ. Въ спискахъ подобнаго рода бываетъ иногда и меньше, чѣмъ 16-ть степеней, а между тѣмъ они содержатъ Степенную несомнѣнно макарьевской редакціи. Одна изъ такихъ рукописей обратила на себя вниманіе покойнаго академика П. П. Жданова, который счелъ ее за списокъ Степенной особаго состава. Рѣчь идетъ о рукописи Синодальной бібліотеки за № 277, содержащей какъ-разъ 16-ть степеней ¹⁾. Мы имѣли возможность ознакомиться съ этимъ спискомъ. Особенности его текста объясняются, по нашему мнѣнію, близостью списка къ протографическому тексту Степенной царскаго родословія, о чемъ мы будемъ имѣть случай высказаться подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ. Въ общемъ же разсматриваемая рукопись содержитъ текстъ почти тождественный съ печатнымъ и несомнѣнно макарьевского времени. Укажемъ хотя бы на молитву, помѣщенную въ концѣ 14-ой степени и упоминающую о митрополитѣ Макаріи, какъ о живомъ іерархѣ ²⁾. Въ то же время отсутствіе 17-ой грани объясняется просто недописанностью списка, вообще незаконченнаго: въ немъ нѣтъ подробнаго оглавленія Степенной и не написаны заглавія и первыя буквы начальныхъ словъ въ каждой грани, хотя для всего этого оставлены въ рукописи чистые листы или сдѣланы пробѣлы ³⁾. При этомъ два обстоятельства указываютъ, что въ прототипѣ, съ котораго списана Синодальная рукопись, 17-ая степень была налицо. Такъ въ концѣ 24-ой главы 16-ой степени мы находимъ замѣтку: „О немъ же (Іоаннѣ IV) лѣпо есть особнои степени вычитися, якоже въ лѣтописаніяхъ явлено есть довольно сказаніе“ ⁴⁾. Во-вторыхъ, заканчивается изучаемая ру-

¹⁾ П. П. Ждановъ. „Русскій былевой эпосъ“, стр. 93 прил. Ждановъ основывается на описаніи архим. Саввы, который указывалъ, что текстъ списка Спн.-Б. № 277 во многомъ псеходитъ съ печатнымъ и что рукопись оканчивается 16-ой степенью, т. е. вел. кн. Васпліемъ Иваковичемъ.

²⁾ Рукопись Спн.-Библ. № 277, стр. 1072: „господина нашего Макаріи митрополита неса Росіи, правящаго престолъ твой.. ср. печ. II, 97 стр.

³⁾ Только заглавіе 15-ой степени выписано кляноварью; вѣроятно, писецъ имѣлъ въ виду написать такимъ образомъ и общее, и частныя заглавія, и первыя буквы текста каждой степени, но не успѣлъ этого сдѣлать.

⁴⁾ Рукопись Спн.-Библ. № 277, стр. 1239; ср. печ. изд. II стр. 218.

копись словами, вполне подтверждающими наше предположеніе. На стр. 1264-ой послѣ 25-ой главы 16-ой степени мы читаемъ слѣдующую приписку: „Богъ творить вся слава хоцетъ, иже и здѣ паче ипехъ степеней возвыси и прослави сие вѣ степень. ему же сказаніе дождѣ, и конецъ вѣ грани. да неумолчано же буди и протчей, зѣ степени. ему же начало сиче“ ¹⁾.

Не останавливаясь затѣмъ на рядѣ дефектныхъ рукописей, о которыхъ поэтому нельзя составить никакого опредѣленнаго заключенія, перейдемъ къ 2-мъ спискамъ, въ которыхъ къ недописанной Степенной присоединенъ другой текстъ. Первый изъ этихъ списковъ, XVII в., находящійся въ Рукоп. отд. библ. Имп. Ак. Н. подъ 32. 8. 3., содержитъ начало Степенной до 3-й грани включительно в „Русскій Лѣтописецъ“. Сличая эту рукописную Степенную съ печатной, мы убѣждаемся въ почти полной тождественности ихъ текстовъ и въ томъ, что протографъ разбираемаго списка имѣлъ всѣ 17 граней ²⁾. Второй изъ интересующихъ насъ списковъ, XVIII вѣка, принадлежавшій некогда Пискареву и находящійся нынѣ въ Московскомъ публичномъ музеѣ подъ № 613, описанъ былъ покойнымъ А. Е. Викторовымъ ³⁾. Въ этой рукописи мы находимъ лишь 14 степеней, а далѣе идутъ другіе тексты историческаго содержанія. Въ подробномъ оглавленіи Степенной музейскій списокъ приводитъ содержаніе лишь этихъ именно граней. Тѣмъ не менѣе сличеніе рукописнаго и печатнаго текстовъ и здѣсь убѣждаетъ насъ въ ихъ тождествѣ и, слѣдовательно, музейскій списокъ содержитъ въ себѣ Степенную макарьевского времени, а не болѣе раннюю, какъ можно было бы думать, основываясь лишь на количествѣ помѣщенныхъ въ немъ степеней.

Приведенные примѣры показываютъ по нашему мнѣнію съ достаточною ясностью, что для отдѣленія 17-й грани отъ прочихъ недостаточно одного указанія на фактъ существованія списковъ Степенной съ 16-ю гранями. Но, быть можетъ, мнѣніе о томъ, что 17-я степень появилась въ послѣ-макарьевское время, возможно доказать на

¹⁾ Подобная приписка находится еще въ нѣсколькихъ спискахъ (степенной одного типа съ Синодальной и содержащихъ всѣ 17 граней. Укажемъ хотя бы на 627 листъ рукописи Имп. Акад. Наукъ № 16. 12. 1.

²⁾ Въ подробномъ оглавленіи Степенной, помѣщенномъ въ Академическомъ Спискѣ на обычномъ лѣтѣ, т. е. между Жигіемъ св. Ольги и первой степенью (печ. изд. I, стр. 55—74) находимъ содержаніе всѣхъ 17-ти граней.

³⁾ Викторовъ, „Описаніе рукописей Д. В. Пискарева“, № 178.

основаніи текста этой степени. Это было бы не трудно сдѣлать, еслибъ въ 17-й грани шла рѣчь о событіяхъ, случившихся послѣ 1563 года, такъ какъ митрополитъ Макарій умеръ какъ разъ 31-го декабря этого года, и еслибъ притомъ упоминаніе о такихъ событіяхъ не носило характера позднѣйшей вставки. Однако изученіе этой степени показываетъ, что въ ней обзоръ событій доведенъ до 1560 года и только въ 2-хъ мѣстахъ говорится о позднѣйшихъ событіяхъ ¹⁾. При этомъ оба эти событія: нарушение перемирія съ Литвой въ 1562 году (Стен. II, 243 стр.) и взятіе Полоцка въ 1563 году (*ibid.*, 283 стр.) произошли еще при жизни митрополита Макарія, и упоминаніе о нихъ не можетъ заставить насъ относить появленіе 17-й грани къ послѣ-макарьевскому времени. Впрочемъ въ подзаголовкѣ этой степени мы встрѣчаемъ часто перечень слѣдующихъ за Макаріемъ митрополитовъ, оканчивающійся или Кирилломъ, или Антоніемъ ²⁾. Перечень этотъ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. Во-первыхъ, это доказывается фактомъ существованія подзаголовковъ 17-й степени съ именами лишь 2-хъ митрополитовъ: Юсафа и Макарія ³⁾. Во-вторыхъ, въ общемъ оглавленіи Степенной всюду почти въ 17-й грани указаны именно эти два митрополита ⁴⁾. Последнее обстоятельство говоритъ

¹⁾ Мы, разумеется, имѣемъ въ виду и окончаніе Степенной книги, напечатанное въ „Русск. Достоян. часть 1-ая М. 1815“ и встрѣчающееся во многихъ спискахъ названнаго произведенія.

²⁾ Указаніе на существованіе подобныхъ перечней см. у Миллера въ предисловіи къ изданію Степенной, стр. VIII. Намъ извѣстны рядъ такихъ перечней.

³⁾ Исл. пад. II стр. 236; Ими. Ак. II. рукопись № 32.8.1. стр. 2077 и другіе списки.

⁴⁾ Намъ извѣстны лишь 4 случая, когда перечень митрополитовъ и въ общемъ оглавленіи пополненъ. Такъ въ исполномъ спискѣ XVII вѣка, принадлежащемъ М. А. М. Ни. Д. (№ 186/283. нумѣ Госуд. Древлехранялица Отд. V р. 2 № 7), находимъ на л. 101 имена Юсафа, Макарія, Леонасія, Филиппа, Кирилла, Антонія. — На листѣ 99 списка П. П. В. Р. IV № 117 помѣщены имена первыхъ четырехъ митрополитовъ времени Грознаго, а въ подзаголовкѣ къ XVII гранн (*ibid.* л. 725) указаны еще два. Въ рукописи М. П. Муз. № 2117 въ общемъ оглавленіи на л. 51 (об.) читаемъ: Степень седьмой надсесть и три митрополита Юсаафъ, Макарій, Филиппъ. — Въ подзаголовкѣ къ 17-й грани (*ib.* л. 640) перечислены Юсафъ (sic!), Макарій, Леонасій, Кириллъ, Филиппъ, Антоній. Наконецъ, въ одной изъ позднихъ, — XIX вѣка, — рукописей П. П. В. (Р. IV № 209), въ члехѣ прочихъ статей содержащей оглавленіе Степенной, читаемъ на л. 41: „Степень двѣ два (sic!) митрополита Юсаафъ, Макарій, Филиппъ чудотворецъ“. Вышеприведенные случаи, очевидно, представляютъ позднѣйшія и не вполнѣ удачныя дополненія.

скорѣе въ пользу мнѣнія о написаніи 17-й стени при митрополитѣ Макаріи.

Мы видимъ теперь, что и текстъ 17-й грани не даетъ намъ права отдѣлять ее отъ прочихъ степеней и переносить ея составленіе въ послѣ-макарьевское время. Сходство же слога и приѣмовъ изложенія заставляеть насъ видѣть въ „Степенной царского родословія“ результатъ работы одного составителя. Мы даже, слѣдуя въ данномъ случаѣ мнѣнію Калайдовича, Карамзина и Е. Е. Голубицкаго, не раздѣляемъ съ другими вѣры въ существованіе „Степенной“ въ до-макарьевское время, а починъ въ ея составленіи приписываемъ великому іерарху XVI вѣка. Считаемо умѣстнымъ при этомъ, что многіе изслѣдователи, допуская существованіе до-макарьевской Степенной, относятъ извѣстную по печатному изданію „Книгу Степенную царского родословія“ къ послѣднимъ годамъ жизни и дѣятельности митрополита Макарія ¹⁾.

Отказываясь отъ мысли расчленять „Степенную царского родословія“ такимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ С. А. Вѣлокуровъ, мы тѣмъ не менѣе всецѣло принимаемъ его мнѣніе объ авторскихъ правахъ митрополита Аванасія на 17-ю грань изучаемаго произведенія. Мы только приписываемъ показанію записи на Чудовской Степенной болѣе широкое значеніе и митрополиту Аванасію отводимъ въ участіи при составленіи „Степенной“ гораздо большую роль, чѣмъ это дѣлаетъ уважаемый изслѣдователь. Указываемая имъ записка по нашему мнѣнію относится не къ одной 17-й грани. Извѣстно, что слово собрать—по отношенію къ литературнымъ сочиненіямъ въ старину означало то же, что и „составить“. Особенно это слово было умѣстно въ приложеніи къ такимъ произведеніямъ, которые подобно „Степенной“ были составлены при помощи нѣсколькихъ источниковъ. Такъ „Синописисъ“ былъ названъ авторомъ его „Краткимъ собраніемъ изъ разныхъ лѣтописцевъ“. Это же заглавіе присвоилъ архимандритъ Тихонъ своей такъ называемой „Латухинской Степенной Книгѣ“. Наконецъ, на поляхъ листа 28 въ спискѣ „Степенной царского родословія“, хранящемся въ Московской типографической библиотекѣ подъ № 347, 396, 1329, противъ упоминанія въ похвалѣ св. Ольгѣ о царѣ Иванѣ (въ печ. изд. Ст. I, стр. 43 имени царя гбѣтъ) находимъ замѣтку, сдѣланную почеркомъ XVIII вѣка, и гласящую: „собрание сего лѣто-

¹⁾ Мы разумѣемъ ближайшимъ образомъ В. О. Ключевскаго, митр. Макарія Булгакова и И. Н. Жданова.

писана при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Московскомъ и всея Россіи“¹⁾. Подобнымъ образомъ и интересующее насъ извѣстіе о „Книгѣ Чудова монастыря, собранной смиреннымъ Аванасіемъ“... вполне вѣроятно имѣеть въ виду всю „Степенную“, въ началѣ собственнаго текста которой оно помѣщено.

Оставляя пока въ сторонѣ другія соображенія заставляющія насъ останавливаться на митрополитѣ Аванасіи, какъ почти несомнѣнномъ авторѣ „Книги Степенной царского родословія“, обратимся къ рукописи Чудова монастыря, въ которой находимъ интересующую насъ запись съ тѣмъ, чтобы оцѣнить значеніе этой послѣдней. Изучаемая рукопись, находившаяся ранѣе въ Чудовомъ монастырѣ, хранится нынѣ въ Моск. Син. библіот. ²⁾. Она писана въ листъ на 781 л. одними или нѣсколькими близкими между собой полууставными почерками второй половины XVI вѣка, если судить по характеру письма. Водяные знаки ел, если не тѣ. ест. ственны, то во всякомъ случаѣ весьма близки къ помѣщеннымъ въ трудѣ Н. П. Лихачева подъ №№ 1852—4 и привлеченнымъ имъ изъ рукописи, законченной писаніемъ въ январѣ 1562 г. ³⁾. Такимъ образомъ можно думать, что изслѣдуемая рукопись относится къ XVI стол., быть можетъ, даже къ 60-мъ—70-мъ его годамъ. Писана рукопись довольно тщательно и въ двухъ мѣстахъ украшена даже педурными заставками ⁴⁾. Составъ списка таковъ:

1 л. (об.) содержитъ статью „Царскіе сановники“ ⁵⁾.

2 л. заняты „Сказаніемъ о святѣмъ благочестіи...“, т. е. предисловіемъ къ Степенной.

3—781 лл. содержатъ самый текстъ „Степенной царского родословія“ съ окончаніемъ ⁶⁾.

Новыхъ статей по сравненію съ печатнымъ текстомъ рукопись не содержитъ, въ виду чего приходится отвергнуть мнѣніе покойнаго архіепа. Филарета, который изъ свидѣтельства о „собранной“ митр.

¹⁾ На перелетѣ указанной рукописи находимъ пометку: „взята отъ Феодора Подкарпова“. Не ему ли принадлежитъ я вышеприведенная записка?

²⁾ Какъ уже указано выше, рукопись имѣеть старый № Чудовской библіотеки: ^{56/358}.

³⁾ „Палеографическое значеніе и т. д.“ т. 3-ій № 1852—1; т. 2-ій, стр. 372.

⁴⁾ Рукопись Чудова мон. ^{66/358} л. 55 и 70.

⁵⁾ Листъ первый попороченъ и подклеенъ, такъ что нельзя сказать, было ли что нибудь написано на лицевой сторонѣ его. Нельзя сказать, въ цѣлости ли рукопись дошла до нашего времени, такъ какъ отчетъ листовъ въ ней начинался съ теперешняго 3-го, на которомъ есть едва-ли не современная рукописи отмѣтка: „а листъ“.

⁶⁾ Съ 3-го листа (внизу) начинается и извѣстная уже намъ записка.

Аввасіемъ Степенной выводилъ заключеніе, что помянутый іерархъ дополнилъ макарьевскую Степенную ¹⁾. Будучи по составу вполнѣ однородной со спискомъ, легшимъ въ основу печатнаго изданія Степенной, изучаемая рукопись выгодно отличается отъ него большей исправностью текста ²⁾. Въ виду близости, а, можетъ быть, и одновременноя появленія разсматриваемаго списка и жизни митр. Аввасія запись на немъ, сдѣланная по нашему мнѣнію современнымъ рукописи почеркомъ, приобретаетъ большое значеніе. Припомнимъ при этомъ фактъ принадлежности изучаемой рукописи Чудовскому монастырю, постриженникомъ котораго былъ митр. Аввасій ³⁾. Самая форма записи, именно указаніе на то, что „книга... собрана смиреннымъ Аввасіемъ ...“, могла бы повести къ предположенію, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ автографомъ митрополита. Однако сличеніе почерка этой записи съ подлинными митрополита Аввасія на двухъ грамотахъ, находящихся въ Государственномъ древлехранительствѣ при М. Арх. М. Им. Д., не оправдываетъ этого предположенія ⁴⁾. Остается думать, что кто-нибудь изъ иноковъ чудовской обители, современниковъ Аввасія, отиѣтилъ на монастырскомъ экземплярѣ „Степенной“ имя ея составителя.

Свидѣтельство интересной для насъ записи можетъ помочь намъ разгадать намѣки на личность автора Степенной, помѣщенные кое-

¹⁾ „Обзоръ русской духовной литературы“ изд. 3-е, стр. 162. Указанное мнѣніе принялъ М. О. Кошкинъ въ „Исторіи русскаго самосознанія“ Спб. 1901 г., стр. 76.

²⁾ Укажемъ 2, 3 примѣра. На л. 10 (об.) читаемъ: „меду и скоро“ (печ. I т. 13 стр. „меду и скоро“); на л. 76 (об.) находимъ: „древляше словени именовахомсѣ“ (печ. I т. 83 стр. „древляше же словещ именовахуса“); на л. 387 (об.)—388—помѣщена похвала св. Петру полностью и притомъ безъ того искаженія текста, которое замѣчается въ печ. изд. (I стр. 424—5; вѣтѣ конца главы 4-ой читаемъ здѣсь ключевую фразу 5-ой главы: „увѣдѣши весь народъ градскій“ и т. д.). Для экономіи мѣста ограничимся этими примѣрами.

³⁾ И послѣ удавленія съ митрополитомъ Аввасіемъ поселился въ Чудовѣ монастырѣ, мѣстѣ своего постриженія, Карамзинъ, т. IX, прим. 169.

⁴⁾ Необходимое для нашей работы сличеніе это стало намъ возможнымъ благодаря исключительной любезности уважаемыхъ С. А. Вѣлюкова и Н. Н. Нопова, которымъ, пользуясь пріятнымъ случаемъ, приносимъ глубокую благодарность. По вопросу объ идентичности почерка записи и подписи мнѣнія С. А. Вѣлюкова и Н. Н. Нопова нѣсколько различны.—Первый изъ названныхъ ученыхъ рѣшительно отвергаетъ тождество почерковъ, тогда какъ второй, не отрицая большой разницы между ними, обращаетъ вниманіе на то, что подписи на грамотахъ—результатъ старательной выписки, а запись сдѣлана безъ особаго тщанія.—Наше личное мнѣніе мы высказали въ текстѣ.

гдѣ въ текстѣ этого произведенія. Прежде всего наше вниманіе привлекаетъ 21-ая глава 15-ой степени, посвященная „явленію на воздухѣ святого великаго князя Александра Невскаго...“. Намъ интересно въ этой главѣ концъ ея, гдѣ не названный по имени рассказчикъ отъ своего лица повѣствуетъ о своемъ испѣленіи у гроба святого князя. Чудо случилось во время казанскаго похода Іоакпа IV, въ моментъ пребыванія цари въ церкви Рождественскаго Владимірскаго монастыря. Рассказъ о чудѣ принаровленъ къ „Степенной“. Это видно изъ того, что Іоанич IV названъ въ немъ „внукомъ сего старѣйшаго великаго князя Пвля Васильевича всеа Росіи самодержца...“ ¹⁾. Такое поясненіе, сдѣланное въ виду того, что рассказъ помѣщенъ въ 15-ой грани, обычный приемъ въ подобныхъ случаяхъ у составителя „Степенной“ ²⁾. Надо замѣтить при этомъ, что указанная нами глава встрѣчается еще въ нѣсколькихъ произведеніяхъ XVI вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь Синодальный Алаторскій списокъ Воскресенской лѣтописи, пространную редакцію Никоновской лѣтописи (Шумиловскій списокъ) и ту редакцію житія св. Александра Невскаго, которая была составлена въ мартѣ 1591 года Вологодскимъ архіеп. Іоной. Сличеніе текстовъ Синодальнаго списка Воскресенской лѣт. и Степ. кн. обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ заимствованіе, сдѣланное первымъ изъ второй: въ Синодальномъ списокѣ повторена фраза о внукѣ „его старѣйшаго великаго князя и т. д.“, мало выжущаяся со строемъ лѣтописнаго рассказа ³⁾.—То же самое можно отмѣтить и относительно рассказа въ позднѣйшемъ Житіи св. Александра, гдѣ мы встрѣчаемся съ слѣдующей прибавкой къ вышеуказаннымъ словамъ: „его же имяную Грозной“ ⁴⁾. Последняя прибавка родится въ данномъ случаѣ позднюю редакцію Житія и Алаторской списокъ Воскресенской лѣтописи, гдѣ въ рассказѣ о чудѣ встрѣчаемъ ее въ той же самой формѣ ⁵⁾. Что

¹⁾ См. печ. изд. Ст. II, стр. 155—7.

²⁾ Печ. изд. Ст. I, стр. 76 „яже бысть отъ сѣмени блаженнаго сего Владимира седьмой надсѣти степси; ib., 380 стр. „Каяпта, сынъ сего блаженнаго Великаго князя Давида...“ и т. д., и т. д.

³⁾ Пожн. С. Р. Л. т. VIII, стр. 221—2.

⁴⁾ Намъ повѣстанъ одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ этой поздней обработки Житія. — Списокъ этотъ включенъ въ рукопись „Степенной“, пожертвованную въ 1594 году архіеп. Іоной, авторомъ указанной редакціи Житія, Владимірскому Рождественскому монастырю. На л. 310 (об.) данной рукописи читаемъ приведенную въ текстѣ замѣтку.

⁵⁾ Рукопись Н. А. Н. № 16, 3, 1 л. 282. Ср. А. А. Шахматовъ, „Обзорніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“, стр. 65.

касается Шумиловскаго списка Никоновской лѣтописи, то интересующій насъ рассказъ заимствованъ въ немъ по мнѣнію, А. Е. Ирѣнякова, изъ Син. списка Воскресенской лѣтописи ¹⁾. Можно счесть его, впрочемъ, зависящимъ отъ рассказа „Степенной“, слова которой „о вникѣ сего старѣйшаго и т. д.“ онъ повторяетъ ²⁾. Для насъ важно во всякомъ случаѣ, что рассказъ Никоновской пространной лѣтописи считается самостоятельнымъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе въ рассказѣ этомъ есть весьма важная подробность, не встрѣчающаяся ни въ Степенной, ни въ остальныхъ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ. Никоновская простр. лѣтоп. называетъ лицо, съ которымъ произошло рассказанное чудо. Это былъ „сиггелъ благовѣщенскій Аванасій“, во время казанскаго похода протопопъ Андрей, а впоследствии митрополитъ всеа Росіи.—Такимъ образомъ мы знаемъ автора интересующаго насъ рассказа и думаемъ, что пропускъ его имени въ „Степенной“ не случаенъ ³⁾. Какъ мы будемъ еще имѣть случая убѣдиться, въ „Степенной“ нѣсколько разъ идетъ рѣчь объ Андрѣ-Аванасіи, и нигдѣ онъ не называется по имени. Указанное обстоятельство нужно по нашему мнѣнію ставить въ связь съ извѣстной намъ записью на чудовской Степенной и объяснять его обычнымъ приемомъ древнерусскихъ сочинителей говорить о себѣ лишь ипривроенно. Поэтому рассказъ о чудѣ можно считать до нѣкоторой степени доказательствомъ авторства Аванасія въ составленіи „Степенной“.

Болѣе любопытныя и цѣнныя намеки на личность автора „Сте-

¹⁾ „Московская историческая энциклопедія XVI вѣка“, стр. 42.

²⁾ Если сравнить Синод. списокъ Воскр. съ Шумил. спискомъ Ник. лѣт., то можно замѣтить нѣкоторыя, правда, весьма мелкія различія въ текстѣ (И. С. Р. Л. т. VIII, стр. 221—2 и т. XII, стр. 229—30) разбираемаго рассказа. Различія по нашему мнѣнію происходятъ оттого, что Воскресенская и Ник. лѣт. заимствовали свой рассказъ изъ разныхъ списковъ Степенной.

³⁾ И. С. Р. Л. XII, стр. 230 „случися бытъ... и мнѣ грѣшнѣйшему Афонасію сиггелу Благовѣщенскому“. Ср. Степ. II 157 стр.—Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ многочисленныхъ списковъ „Степенной“ вышеприведенныхъ словъ не находимъ.—Откуда заимствовали ихъ составитель Никон. пр. лѣт., трудно сказать. Быть можетъ, у него подъ руками были какія-нибудь записки Аванасія, даже, пожалуй, черновыя тетради „Степенной“. Это предположеніе объяснить намъ и зависимость Никон. простр. отъ Степенной и любопытное указаніе первой на Аванасія.—Во всякомъ случаѣ это только предположеніе, но болѣе. Судя по формѣ записи имени, она принадлежитъ самому Аванасію. Тогда является возможность опредѣлить приблизительно время появленія рассказа о чудѣ.—Онъ могъ появиться во время иночества Аванасія, т. е. въ 1560-ныя годы.—Какъ увидимъ дальше, и послѣдній 2 главы Степенной написаны не ранѣе 1562 года.

ненной“ находятся въ 25-й главѣ 16-й глави и 24-й титулѣ 10-й главы 17-й глави. Помянутыя мѣста Степенной стоятъ въ близкой связи съ Житіемъ св. Данила Переяславскаго. Къ изученію этого житія намъ и предстоитъ теперь обратиться. Житіе св. Данила Переяславскаго причисляется В. О. Ключевскимъ „къ самымъ обширнымъ и лучшимъ біографіямъ масарлевскаго времени“. В. О. Ключевскій отмѣчаетъ близость біографа къ преподобному, простоту его тона и отсутствіе въ его произведеніи условныхъ житійныхъ чертъ¹⁾. Изъ Житія видно, какъ это указано и В. О. Ключевскимъ, что оно составлено неизвѣстнымъ по имени ученикомъ Данила по двойному приказу царя и митрополита. — Однако несмотря на такое приказаніе авторъ Житія по его собственному признанію „три лѣта съ мыслию брахся писати или не писати“, такъ какъ въ его памяти было свѣжо поученіе преподобнаго, запрещавшаго писать сказанія о святыхъ „аще не извѣщеніе нѣкое будетъ отъ Бога или отъ власти царскія или святительскія, иже по Бозѣ повелѣно будетъ по свидѣтельству“. Уваженіе къ завѣтамъ старца—замѣтно въ вышеприведенныхъ словахъ—красной нитью проходитъ черезъ все Житіе и подтверждаетъ мнѣніе о близости біографа къ описываемому лицу. При этомъ нѣкоторыя подробности изучаемаго произведенія могутъ, какъ намъ кажется, ближе опредѣлить личность его автора. При чтеніи Житія св. Данила наше вниманіе останавливаютъ рассказы о какомъ-то переяславскомъ церковникѣ, „иже бѣ знаемъ былъ преподобному Данилу“. Въ первомъ изъ этихъ подробныхъ и живыхъ рассказовъ повѣствуется, какъ однажды еще при жизни святого этотъ церковникъ и спутника его, возвращаясь изъ Москвы, подверглись нападенію шайки разбойника Симона Воронова. Обратившись съ молитвой къ Богу и призвавъ на помощь имя преподобнаго старца Данила, церковникъ избавился отъ гибели, явился къ святому и рассказалъ ему о своемъ спасеніи. „Преподобный же вкупѣ съ нимъ прослави Бога и до времени о сихъ молчати повелѣ“. „Сему же церковнику“, продолжаетъ авторъ Житія, „нѣкогда глагола святыи: „Нынѣ хрестолюбивый самодержецъ избранію сотворяеть о дугольномъ си совышницю въ бывшаго мьсто, ты

¹⁾ Мы ознакомилсъ съ Житіемъ преподобнаго Данила по списку XVI в., находящемуся въ М. Спб. библ. подъ № 926. Отамъ В. О. Ключевскаго о житіи св. въ „Древнерусскіхъ Житіяхъ Святыхъ“, стр. 282. Содержанію Житія и характеристика его приведены также въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Кадлубовскаго, „Очерки по исторіи древнерусской литературы Житій Святыхъ“, стр. 273—82.

же, аще и не хочеш, но будеш тамо въ предыдущая лѣта, еже и бысть по прореченію его *въ десятое лѣто по представленіи святаго* ¹⁾). Въ концѣ Житія рѣчь идетъ опять о томъ же церковникѣ, который былъ съ православнымъ царемъ въ казанскомъ походѣ. Разъ ночью во время осады церковникъ этотъ молился и просилъ преподобнаго Данила о помощи. „И абіе въ сонѣ сведеть бысть и видить себя ясно въ обители Даниловѣ; самаго же Данила зреть на монастырѣ его, яко на иѣкоемъ на горнемъ мѣстѣ сидѣца и окрестъ его необычайнымъ мужемъ предстоящемъ; себя же зреть, яко мало вдали прямо подножію Данилову присядца и свѣтлую манатію на себѣ имуща. И о семъ съ умиленіемъ недоумѣваше и помышляше яко на явѣ, коимъ обычаемъ обрѣтеся на немъ манатія, и къ Данилу яко стыдѣлося приступити и о сихъ попросити; предстоящій же окрестъ Данила мужіе рекоша къ Данилу: „что повелѣваеши о семъ, на немъ же манатія, яко супруга и чада имать“. Преподобный же Данилъ рече: „хощеть Богъ сему, да пощадися“ [sic! пощадится?]. И абіе возбну, тренеща отъ видѣнія, мяша яко на явѣ манатія на немъ . . . . и абіе бысть радости церковникъ, яко велику надежду спасенія и помощи получи“. Затѣмъ повѣствуется о появленіи чудеснаго свѣта надъ градомъ Казанью. Увидавъ чудесное знаменіе, церковникъ „возбуди же ту иѣкоего вельможу спяща, узвлена стрѣлою на брани, иже ближній у благочестиваго царя“. „Вельможа же . . . . воста . . . . и съ прочими ту мужи . . . . рекоша . . . . сіе образуетъ христіанское знаменіе быти и вси надежею Божія помощи ррдовахуся . . . .“ ²⁾). Въ приведенныхъ разсказахъ поражаютъ насъ слѣдующія черты: съ одной стороны очень живо и правдоподобно передаются самыя интимныя подробности объ отношеніяхъ церковника къ Данилу и о его свидѣніи, съ другой стороны авторъ Житія видимо избѣгаетъ назвать имя этого церковника, успѣвшаго къ 1550 году занять столь видное положеніе среди московскаго духовенства. Не знать его имени авторъ Житія, очевидно, не могъ. Въ то же время въ Житіи не замѣчается желанія спуниться на имена. Въ немъ указываются, напротивъ, даже самыя скромныя и назамѣтные

¹⁾ Синод. рукон. № 926 л. 82—83, глава „отъ (sic!) побывшихъ отъ разбойникъ молитвами святаго“.—Слова, напечатанныя курсивомъ указываютъ, думаемъ мы, на замѣтѣ церковникомъ должности царскаго духовника. Пощаднее произошло по слову житіи въ 1549/50-омъ году, такъ какъ св. Данилъ преставился въ 1540-омъ году.

²⁾ Синод. рук. № 926 л. 123—28, кончается разсказъ и цитируемая рукопись Житія сообщеніемъ о взятіи Казани и крещеніи многихъ казанцевъ.

снодвигнѣи и современники св. Даниїла: Феосеялъ хлѣббарь, Нилъ, родомъ нѣмчинъ, Осодосій Скудобрадый и др. Къ вышесказанному остается прибавить, что на переславскомъ церковникѣ сходятся даниїл, позволющія отождествить его съ авторомъ Житія: онъ былъ ученикомъ св. Даниїла и въ то же время былъ лично извѣстенъ и царю, и митрополиту, будучи царскимъ духовникомъ. Поэтому на умолчаніе имени церковника мы лично смотримъ, какъ на обычный въ тѣ времена авторскій приѣмъ, а самого его считаемъ биографомъ преподобнаго Даниїла.

Знакомство съ Житіемъ св. Даниїла поможетъ намъ правильнѣе оцѣнить значеніе вышеуказанныхъ мѣстъ Степенной. Первое изъ нихъ, т. е. 25-я глава 16-й главы содержитъ „Сказаніе въ кратцѣ о преподобномъ старцѣ Даниїлѣ Переяславскомъ“, представляющее сокращеніе Житія ¹⁾. Сокращеніе сдѣлано очень умѣло, при чемъ коснулось главнымъ образомъ изложенія и риторическихъ мѣстъ Житія, а фактическая сторона его удержана почти полностью за исключеніемъ нѣсколькихъ въ большинствѣ случаевъ несущественныхъ подробностей ²⁾. Авторъ Сказанія настолько внимательно отнесся къ своему источнику, что кое-гдѣ внесъ къ нему дополненія, притомъ нѣсколько не противорѣчающія Житію, а лишь уясняющія его разсказъ. Такъ въ самомъ началѣ Сказанія указано, что переселеніе родителей преподобнаго Даниїла въ Переяславль произошло „въ лѣто Великаго Князя Василія Васильевича...“, тогда какъ подобнаго указанія въ Житіи не встрѣчаемъ ³⁾. Далѣе въ разсказѣ о желаніи св. Даниїла бытъ ученикомъ „преподобнаго Пафнотія, иже въ Боровскѣ“, Сказаніе замѣчаетъ: „и не улучи. Не по мнозѣ же времени по отшествіи къ Богу преподобнаго Пафнотія . . . . достиже Пафнотіева монастыря“.—Изъ аналогичнаго разсказа въ Житіи не ясно, до или послѣ пресавленія преподобнаго Пафнотія пришелъ св. Даниїлъ въ боровскую обитель ⁴⁾. Въ разсказѣ „о взятіи града Казани“ Сказаніе повѣствуетъ о поставленіи въ этомъ городѣ архієпископа и о креще-

¹⁾ Степ. Кн. II, стр. 218—235. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ словомъ „Сказаніе“ разумѣется именно это сокращеніе Житія.

²⁾ Указанія особенноти „Сказанія“ роднятъ его съ другими Житіями „Степенной“ и наводятъ на мысль, что оно составлено именно для этой послѣдней. О характерѣ Житій въ Степенной см. у. В. О. Ключевскаго, *op. cit.*, стр. 242 п. сл.

³⁾ Степ. II, стр. 218; ср. Спн. спис. № 926 л. 6 (п. об.).

⁴⁾ Степ. II, стр. 219; ср. Спн. спис. № 926 л. 11.

ни 2-х казанских царей. Объ этих фактахъ Житіе не упоминаетъ ¹⁾).

Особенный интересъ представляютъ разсказы Сказанія о переяславскомъ церковникѣ. Разсказы эти, въ общемъ сокращенные, сообщаютъ тѣмъ не менѣе объ этомъ лицѣ новыя подробности, иногда очень интимныя. Изъ этихъ подробностей мы узнаемъ, что церковникъ переяславскій былъ духовнымъ сыномъ преподобнаго и священникомъ соборной церкви въ Переяславль, былъ переведенъ въ Москву ровно черезъ 20-ть лѣтъ послѣ предсказанія ему объ этомъ св. Данииломъ и во время появленія „Сказанія“ былъ уже впокомъ ²⁾). Сообщая такія подробности, авторъ Сказанія, конечно, зналъ имя переяславскаго церковника. Въ то же время онъ не рабски слѣдовалъ своему источнику, хотя ни въ чемъ ему не противорѣчилъ. Слѣдовательно, умолчаніе имени церковника фактъ неслучайный и можетъ быть объясненъ лишь опять-таки нежеланіемъ автора назвать себя. Поэтому мы и Сказаніе усвоиваемъ этому же самому церковнику, котораго по вышеприведеннымъ соображеніямъ считаемъ авторомъ Житія ³⁾).

Мы выяснили отношеніе Сказанія къ Житію и пришли къ заключенію, что оба эти произведенія написаны однимъ и тѣмъ же переяславскимъ церковникомъ. На очереди вопросъ о томъ, внесъ ли со-

¹⁾ Ст. II, стр. 233/5; Сип. Сипс. № 926 л. 123/8. Отсутствие упоминанія вышеуказанныхъ фактовъ въ Житіи можетъ указывать, что это послѣднее написано раньше поставленія Гурія и крещенія пѣтиныхъ царей.

²⁾ Ст. II, 233 стр. „Вистъ же у благочестиваго царя пресвптеръ, иже икогда имѣя духовный совѣтъ къ преподобному Данилу“, *ibid.*, 228 стр. „трие пресвптери великіи коркви того же града Перислави... на нихъ же наизодна злии разбойниши..... Тому же пресвптеру икогда прорече преводобный яко проселитъ хочеть быти на Москву, еже и обмыслѣ по двадосити лѣтѣхъ“; *ibid.*, 234 стр. „...двѣлиши, откуда обрѣтѣси на немъ мантіи, еще не пострижену ему во иночество..... Святый же рече: нигдѣ убо въ не же званъ, въ томъ да пребудеть. Послѣди же не лишемъ *будетъ* такового образа [слова, набранныя курсивомъ, взяты нами изъ лучшихъ списковъ Степной вѣсто или спорочныхъ: „лишеть будъ“ неч. текста].—Укажемъ здѣсь, что изъ „Сказанія“ незамѣтно для читателя Стениной, незнакомаго съ Житіемъ, тождество пресвптера „великіи переяславскій церкви“ и пресвптера, бывшаго въ казанскомъ походѣ (ср. Ст. II, стр. 228 и 233—4). 24-я титла 10-й главы 17-й стенины воспоиниотъ указанный пробѣлъ. Послѣднее обстоятельство можетъ служить до иѣкоторой стенины доказательствомъ того, что авторомъ „Сказанія“ и „Стениной“ было одно и то же лицо.

³⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что мысль о тождествѣ автора „Житія“ и „Сказанія“ въ осторожной формѣ была высказана столь авторитетнымъ изслѣдователемъ, какъ В. О. Ключевскій, *op. cit.*, 282 стр.

ставитель Степенной въ свой трудъ чужое „Сказаніе“, или самъ поработалъ надъ нимъ; другими словами: авторомъ „Степенной царского родословія“ не является ли все тотъ же бывшій переяславскій церковникъ? Для рѣшенія этого вопроса у насъ найдутся нѣкоторыя данныя. Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что авторъ „Степенной“, помѣстивъ въ свое сочиненіе „Сказаніе“, прекрасно зналъ и Житіе преподобнаго Даниїла. Можно указать въ 17-й глави Степенной мѣста, заимствованныя непосредственно изъ Житія.

1) *Житіе* [Син. Сл. № 926, л. 126 (об.) 127—]—...и самому благочестивому царю... прежь взятія граду Казани, стоящу ему въ стану своемъ и во вся оконца храминны своя слыша звонъ во градѣ Казани яко Симановскаго монастыря большаго колокола звонъ.

2) *Ibid.*, л. 128 и много множество тогда и прежде того и потомъ отъ невѣрныхъ въ православную вѣру христіанскую обратившася и крестившася.

Степ. II, 261 стр. ...и самъ Царь благочестивый своими царскими ушима слыша звонъ отъ града Казани, яко Симомовскаго монастыря большаго колокола гласъ, и въ кождо оконце храминны своя слыша таковъ звонъ.

Ibid., стр. 267. Тогда же и прежде того и потомъ мнози отъ невѣрныхъ крестившася...

Непосредственно изъ Житія взялъ авторъ „Степенной“ и 24-ю титулу 10-й гл. 17-й главы, содержащую разсказъ „О видѣніи преподобнаго Даниїла“¹⁾. При этомъ однако авторъ „Степенной“ позаботился согласовать свое изложеніе съ изложеніемъ Сказанія. Такъ, онъ назвалъ переяславскаго церковника—презвитеромъ и указалъ на то, что церковникъ этотъ былъ въ духовномъ совѣтѣ у преподобнаго Даниїла. И слова св. Даниїла въ Степенной переданы такъ, что изъ

¹⁾ Ст. II, 160—1 стр. Спм. списк. № 926 л. 123—6. Подробный пересказъ см. выше.—На это мѣсто Степенной мы уже указывали, какъ на имѣющее значеніе для выясненія личности автора названнаго произведенія. По содержанію оно аналогично съ включеніемъ „Сказанія“, т. е. со статьею „О влѣтѣи Казани...“ (Ст. II, 223—4 стр.). Помѣщеніе 2 разсказовъ, аналогичныхъ, а иногда и совсѣмъ почти тождественныхъ, не рѣдкость въ Степенной. Это находится въ тѣсной связи съ строемъ всего сочиненія, являющагося согласно замыслу ея составителя рядомъ „повѣстей“—Биографій.—Наше настоящее утвержденіе мы надѣемся доказать въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ статей.

нихъ можно понять о перемѣнѣ въ судьбѣ преемника, ставшаго ко времени появленія Сказанія инокомъ ¹⁾). Итакъ авторъ Степенной прекрасно знаетъ оба произведенія перяславскаго церковника. Онъ относился къ нимъ съ величайшимъ вниманіемъ и въ то же время свободно. Правда онъ часто дословно передаетъ ихъ показанія, но также часто позволяеть себѣ вольный пересказъ ихъ, нисколько при этомъ имъ не противорѣча.—И въ то же время составитель Степенной подобно автору Житія и Сказанія избѣгаетъ назвать имя перяславскаго церковника, трудами котораго такъ широко пользуется и имени котораго не можетъ не знать, будучи подобно ему членомъ макарьевскаго литературнаго кружка. Между тѣмъ составитель Степенной не имѣетъ привычки скрывать имена тѣхъ людей, сочиненіями которыхъ онъ пользуется, и не стѣсняется именовать своихъ современниковъ ²⁾). Поэтому предположеніе о тождествѣ автора Житія и Степенной можетъ, какъ намъ кажется, имѣть нѣкоторыя основанія ³⁾). Кромѣ того, остановившись на этомъ предположеніи, мы вполне поймемъ самый фактъ появленія Сказанія въ Степенной: будучи ученикомъ и духовнымъ сыномъ преподобнаго Данила, авторъ Степенной конечно постарался помѣстить въ своемъ трудѣ жизнеописаніе любимаго наставника. Въ противномъ случаѣ фактъ внесенія Сказанія въ Степенную нѣсколько страненъ. Наряду съ біографіями и житіями русскихъ князей Степенная помѣщаетъ Житія только наиболѣе знаменитыхъ и чтимыхъ митрополитовъ московскихъ, ограничиваясь лишь самыми краткими замѣчаніями о другихъ святыхъ ⁴⁾). Даже такому свѣтому, какъ преподобный Сергіи, посвящена небольшая глава, излагающая содержаніе его Житія, а о св. Пафнотіи Боровскомъ, въ монастырѣ котораго пришло постриженіе инициаторъ Степенной—митрополитъ Макарій, въ Степенной находимъ небольшую замѣтку опять-таки съ ссылкой на Житіе ⁵⁾). Такимъ об-

¹⁾ Стен. II, 260 стр. „Неу еще, но послѣди; нынѣ же да отпустится“.

²⁾ На первое обстоятельство указалъ извѣстный знатокъ русской церковной исторіи Е. К. Голубинскій, „Исторія русской церкви“ т. II, стр. 352. Относительно втораго укажемъ хотя бы на 265 стр. II т. Ст. Кн., гдѣ названъ архангельскій протопопъ Тимовей.

³⁾ Въ двухъ изъ предшествующихъ примѣчаній мы уже указали еще на нѣкоторыя дачныя въ пользу этого предположенія.

⁴⁾ Исключеніе представляетъ лишь бояринъ черниговскій св. (Феодоръ, пострадавшій вмѣстѣ съ своимъ княземъ (Ст. I, 340—53).

⁵⁾ Ст. I, 519—20 стр. *ibid.* II, 133 стр.

разомъ, слѣдуя плану изложенія, въ другихъ случаяхъ выдержанному, авторъ Степенной долженъ былъ бы поступить и относительно неподобнаго Даніила. Почему же онъ поступилъ иначе?

Для окончательнаго выясненія интересующаго насъ вопроса попробуемъ разгадать, кто былъ переяславскимъ церковникомъ, о которомъ такъ прикровенно и подробно повѣствуютъ и Житіе, и Сказаніе, в Степенной.—Мы должны припомнить, что съ 1549—1550 года церковникъ этотъ сталъ царскимъ духовникомъ, былъ съ царемъ въ казанскомъ походѣ и во времени написанія Сказанія сталъ инокомъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ казанскомъ походѣ былъ съ царемъ духовникъ его протопопъ Андрей, родомъ переяславецъ, въ 1561—1562 году принявшій постриженіе подъ именемъ Аванасія ¹⁾, съ 1564 года митрополитъ всеа Росіи. Полное совпаденіе всѣхъ данныхъ позволяетъ намъ отождествить этихъ двухъ лицъ, а запись на чудовскомъ экземплярѣ Степенной подтверждаетъ наше предположеніе о причинѣ умолчанія имени переяславскаго церковника, alias пресвитера, и въ Житіи, и въ Степенной. Укажемъ кстати, что въ 17-ой главѣ послѣдняго произведенія еще разъ идетъ рѣчь объ Андрѣ-Аванасіи, и опять онъ не названъ тамъ прямо ²⁾.

Разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ Степенной подтверждаетъ такимъ образомъ запись на чудовской рукописи и позволяетъ намъ видѣть въ митрополитѣ Аванасіи составителя „Степенной царскаго родословія“, явившейся при митрополитѣ Макаріи. На основаніи того, что въ послѣднихъ двухъ главахъ упоминается объ иноцествѣ Аванасія, принявшаго постриженіе не ранѣе конца 1561 года, устанавливаются предѣлы написанія этихъ двухъ главъ, а слѣдовательно и окончанія „Степенной“.—Временемъ этимъ надо считать 1562—1563-ій годы ³⁾.

Видя въ Андрѣ-Аванасіи автора Житія преподобнаго Даніила, мы вполнѣ понимаемъ, почему митрополитъ Макаріи поручилъ ему

¹⁾ П. С. Л. VI, 311 стр. „благословенъ отъ протопопа отца своего духовнаго Андрея“; Морозовск. лѣтоп. 67 (об.) л. „поставленъ бысть [митрополитомъ] Аванасій, а въ мірѣ Андрей, былъ протопопъ Благовѣщенской, родомъ переяславецъ“. П. С. Л. IV, 315. . . . протопопъ Благовѣщенскій, и какъ постригся, два дѣла ему прошло въ черничествѣ до митрополитства.

²⁾ Ст. II стр. 262... „и отъ служащаго Іерея животворящимъ крестомъ ограженъ бысть...“ Изъ Царств. кн. узнаемъ, что этимъ Іереємъ былъ... „отецъ его [царя] духовный нарядный Андрей протопопъ“ (Ц. кн. 304 стр.)

³⁾ Въ Степенной книгѣ есть и другія указанія на время ея составленія. Объ этомъ—въ другой разъ.

составленіе Стененой. Въ самомъ дѣлѣ Житіе, которое вызвало въ обществѣ благосклонную оцѣнку новѣйшихъ изслѣдователей ¹⁾, должно было высоко поставить автора его въ кругу книжныхъ людей того времени. При этомъ будучи ученикомъ преподобнаго Даниила, постриженника Пафлутіевскаго монастыря, Андрей-Аванасій и по направленію былъ близокъ къ Макарію, проникнутому духомъ названной обители, „своего постриженъ“.—Наконецъ и изъ намековъ свидѣтельствъ, современныхъ Макарію, тоже можно вывести заключеніе о добрыхъ отношеніяхъ между великимъ іерархомъ XVI вѣка и его непосредственнымъ преемникомъ. Такъ, въ 1555—1556 году митрополитъ Макарій нововлялъ живонься на чудотворной иконѣ Николы Великорѣцкаго, при чемъ помогалъ ему „Андрей протопопъ Благовѣщенской“ ²⁾. Во время предсмертной болѣзни Макарія, большаго митрополита навѣщали по порученію Іоанна чудовскій архимандритъ Левій, парскій духовникъ старецъ Аванасій и митрополитчій духовникъ Богоявленскій игуменъ Θεодосій. Черезъ старца Аванасіа передалъ царю угасавшій іерархъ письменную просьбу о дозволеніи ему удалиться въ молчаливое житіе; однако Іоаннъ рѣшительно отказался разстаться со святителемъ ³⁾. Наконецъ Аванасій принялъ дѣятельное участіе и въ похоронахъ почившаго митрополита: сейчасъ же по преставленіи Макарія царь „повелѣ старцу Аванасію. . . . погребальная готовить“ ⁴⁾.

. Наше изслѣдованіе привело насъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

- 1) Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы отдѣлять

¹⁾ Припомнимъ отзывъ В. О. Ключевского. II г. Кадлубовскій указываетъ на обстоятельную передачу въ Житіи вѣдѣнныхъ фактовъ (ор. cit., 273 стр.).

²⁾ О Макаріи, какъ представителѣ пафлутіевскаго направленія, см. В. О. Ключевскій, ор. cit., стр. 221 и сл. — Черты этого же направленія въ Житіи указаны г. Кадлубовскимъ ор. et loc. cit.

³⁾ Ник. Лѣт. VII 238, 260 Мороз. 67 (об.) л. Замѣтимъ кстати, что по добровольномъ удаленіи за помощью въ Чудовскій монастырь (Н. С. Р. Л. VIII т., 317 стр.) Аванасій въ юнѣ 1566 г., исполняя порученіе царя, нововлялъ живонься на знаменитой иконѣ Владимирской Божіей Матери (Р. Н. В. III, стр. 292—293).

⁴⁾ Вышеуказанная извѣстія мы находимъ въ небольшой, но очень любопытной повѣсти, написанной какимъ-то почитателемъ янтр. Макарія новидиному подъ свѣдѣніемъ впечатлѣніемъ его кончины. Повѣсть эту мы знаемъ по указанному В. О. Ключевскимъ списку (ор. cit., 221 стр.; тамъ же и краткая оцѣнка этого произведенія).—Извлеченіе изъ упомянутой повѣсти см. въ вышеназванномъ соч. проф. Голубинскаго, стр. 872--874.—К. Е. Голубинскій знаетъ ее по списку М. дух. ак. (ор. cit., стр. 745).

17-ую грань Степенной отъ первыхъ 16-ти граней и относить ея составленіе къ послѣдъ-макарьевскому времени.

2) Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о существованіи до-макарьевской Степенной, мы, слѣдуя большинству наслѣдователей, относимъ извѣстную „Книгу Степенную царского родословія“ ко времени митрополита Макарія, приписывая ему починъ ея составленія.

3) Составителемъ „Степенной“ мы считаемъ Аванасія, въ послѣдствіи митрополита всея Руси. Основаніями нашего мнѣнія служатъ: записъ на Чудовскомъ спискѣ Степенной, 21 глава 15-ой грани, 25 глава 16-ой и 24-ая титла 10-ой главы 17-ой грани названнаго произведенія.

4) Митрополита Аванасія, иначе протопопа Андрея, мы считаемъ ученикомъ преподобнаго Давіида и авторомъ Житія его, написаннаго въ 1553 году.

5) Есть данныя предположить нѣкоторую близость Аванасія къ Макарію и общность ихъ интересовъ.

6) Въ виду того, что послѣднія 2 грани Степенной написаны послѣ постриженія Андрея — Аванасія, т. е. послѣ 1561 года, окончаніе этого произведенія надо отнести къ 1562—1563 годамъ.

Ил. Васильев.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ¹⁾.

У. Окладныя единицы.

Для опредѣленія размѣра новинностей, нападшихъ на отдѣльныхъ плательщиковъ, въ древности существовали особыя окладныя единицы. Эти единицы различались по мѣсту и времени. Новгородскія—не совпадали съ московскими; а въ Москвѣ съ теченіемъ времени возникали новыя, которыя не вытѣснили, однако, старыхъ, а дѣйствовали на ряду съ ними. Кромѣ новгородскихъ и московскихъ были, конечно, своя единицы обложенія въ Твери и другихъ княженіяхъ, но о нихъ не осталось никакого слѣда въ извѣстныхъ намъ памятникахъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, присоединивъ Тверь къ Москвѣ, приказалъ тверскія земли писать по московски въ сохи (И. С. Р. Л. т. VIII, 1492 г.).

Древнѣйшей, намъ извѣстной окладной единицей является дворъ; о немъ говоритъ еще начальный лѣтоисецъ. Поляне, сѣверяне и витичи много лѣтъ платили дань хозарамъ по бѣлѣ и веверицѣ „отъ дыма“. Подъ дымомъ, конечно, разумѣется — дворъ. Этотъ дворъ, символизироваемый дымомъ, остается окладной единицей въ теченіи всей нашей исторіи. Еще въ памятникахъ XVII вѣка налогъ на дворы носитъ наименованіе „подымнаго“ ²⁾. Съ теченіемъ времени появляются новыя и болѣе искусственныя единицы, въ Новгородѣ— обжа и соха, въ Москвѣ большая соха, а еще позднѣе — выть и дворовая

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 г.

²⁾ Боренъ это указаніе у г. Милюкова, Госуд. хозяйство, прил. на 67 стр., въ которомъ приведено архивное извѣстіе.

четверть. Но московская соха не вытѣсняетъ двора и новгородской обжи и сохи, а дворовая четверть существуетъ рядомъ съ сохой и дворомъ. Москва не отбѣнила и обжи, она облагаетъ по обжамъ още въ XVII вѣкѣ. Къ старымъ окладнымъ единицамъ Москва присоединяетъ новыя не для замѣны старыхъ, а въ видѣ попытки отыскать болѣе удобный способъ обложенія.

Начнемъ нашъ обзоръ окладныхъ единицъ съ новгородской обжи. *

Въ Новгородѣ обжа была не только окладной и платежной единицей, о чемъ рѣчь шла въ предшествовавшей главѣ, но и опредѣленной земельной мѣрой. Это совершенно ясно изъ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаемъ такія описанія: „А деревень пустыхъ: деревня Дмитрово—пуста, а писана была обжаю; пустошь Кривско, а писана была обжаю; а земли подъ обжи на обжу“. Или: „Деревня Стройково, Маковища, Дукле, Чулково—пусты; писаны были шестью обжами, а земли подъ ними на три обжи“. (I 46, 261 и въ другихъ мѣстахъ).

Здѣсь упоминаются двѣ разныхъ обжи: одна идеальная единица обложенія, другая реальная мѣра земли. Деревня можетъ имѣть земли мѣрою всего поля обжи, но писецъ можетъ описать ея, по состоянію ея хозяйства, въ цѣлую обжу. Итакъ, обжа и обжа не одно и то же. Какъ велика новгородская обжа въ смыслѣ земельной мѣры, этого мы не знаемъ. Но окладъ дѣлается не по земельной мѣрѣ, не по количеству земли, а по другому признаку. Выше мы указали, что этотъ другой признакъ—есть состояніе хозяйства, измѣряемое количествомъ лошадей. Однолошадное сельское хозяйство и есть окладная единица, обжа. Въ этомъ смыслѣ платежная и окладная единица могутъ иногда сходиться, но они не всегда совпадаютъ.

Когда отдѣльный крестьянскій дворъ представляетъ однолошадное хозяйство, дворъ есть обжа, а обжа въ одно и то же время и окладная и платежная единица. Этотъ новгородскій дворъ-обжа можетъ быть сближенъ съ дворомъ-дымомъ начальной лѣтописи, а обжаная дань съ подымной. Но были богатые дворы, съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Въ этихъ случаяхъ окладная единица расходилась съ платежной. Окладная останется та же, дань будетъ назначена съ каждой обжи, т. е. съ cadaго однолошаднаго хозяйства; а платежной единицей будетъ одинъ дворъ, но съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ на одинъ дворъ приходится не всегда одна обжа, а черѣдко двѣ, три и болѣе. И на оборотъ, на одну обжу приходится иногда два двора, на два—три и т. д.,

на семь—девять дворовъ. Здѣсь опять окладная единица расходится съ платежной, но въ другомъ направленіи. Были безлошадные дворы. Безлошадное хозяйство не составляло цѣлой обжи, а нѣкоторую ея долю. Вотъ почему число обожъ въ этихъ случаяхъ меньше числа дворовъ.

Итакъ, окладная обжа то совпадаетъ съ платежной, и въ этомъ случаѣ она равняется двору, то нѣтъ, и въ этомъ случаѣ то одинъ дворъ кладется въ нѣсколько обожъ, то нѣсколько дворовъ въ одну.

Три обжи составляютъ одну новгородскую соху. И обжа и соха новгородская представляются сравнительно очень небольшими окладными единицами. Мы не можемъ перевести ихъ на опредѣленную земельную мѣру; но небольшіе ихъ размѣры достаточно выясняются тѣмъ, что обжа сводится къ одному крестьянскому двору съ однолошаднымъ хозяйствомъ, а соха къ тремъ.

Москва, присоединивъ Новгородъ, удержала и не только для новгородскихъ пятницъ, но и для другихъ старинныхъ владѣній Новгорода, обжи и новгородскія сохи. Писцовыя книги второй половины XVI вѣка имѣютъ дѣло съ обжами и мелкими сохами. Помѣстья служилымъ людямъ за то же время отводятся въ обжахъ. Обжи существуютъ и въ XVII вѣкѣ. Дани и оброки въ началѣ этого вѣка уплачиваются съ обожъ. Въ 1606 году въ Соли-Вычегодской ратныхъ людей собираютъ еще съ малой сошки ¹⁾).

Москва, удержавъ новгородскія обжи и сохи, произвела въ нихъ, однако, весьма существенное измѣненіе. Она перевела ихъ на опредѣленную земельную мѣру. Когда именно это случилось, этого нельзя сказать съ полною точностью. Но есть достаточное основаніе думать, что въ срединѣ XVI вѣка это превращеніе было уже совершившимся фактомъ. Въ 1555 году помѣстья въ Новгородѣ отводятся въ обжахъ. Одинъ помѣщикъ, надѣленный землей въ обжахъ, проситъ о разрѣшеніи произвести съ сосѣдомъ обмѣнъ шести обожъ. Ему это разрѣшается, но на условіи, чтобы „мѣновныя обжи землю и пашнею и великими угодья и доходомъ были равны“ (Доп. къ А. Н. I № 52, V). Ясно, здѣсь обжа есть опредѣленная мѣра земли. Въ Москвѣ въ это время размѣръ помѣстья опредѣлялся въ четяхъ, а потому и обжи пришлось перевести въ чети.

Что касается размѣра, данного московскимъ правительствомъ но-

¹⁾ Новог. пис. кн. т. IV; Невольныя, Приложокіе; А. Ю. № 209, IX, XIV; А. II. II, 109. Доп. къ А. Н. I, № 51, XVII; № 52, IV, VI, VII. 1553—1611.

новгородской обжа, то есть основаніе думать, что этотъ размѣръ въ разное время опредѣлялся различно. Въ 1566 г. на обжу клали по 12 четвертей, а въ 1581 только по 10, т. е., по 5 десятиць въ полѣ ¹⁾. Соха по этому разсчету будетъ имѣть 15 десятиць въ полѣ. Размѣръ небольшой и, конечно, былъ опредѣленъ примѣнительно къ новгородскимъ порядкамъ. Московская соха была гораздо больше. Въ противоположность съ нею новгородская называется малой сохой или сонхой. Новгородская соха въ 30 четвертей или 15 десятиць существуетъ еще и въ XVII вѣкѣ (А. И. III № 139; 1626 г.).

Наличность двухъ разныхъ сохъ, московской и новгородской, большой и малой, вызвала необходимость опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Первое, намъ встрѣтившееся, опредѣленіе этого отношенія относится къ тому же времени, къ которому относится древнѣйшее указаніе на переходъ обжеъ на опредѣленную мѣру земли, къ 1555 г. Въ этомъ году приказано было съ 10 новгородскихъ сошекъ собирать такой же корягъ, какой собираютъ съ одной московской; 10 новгородскихъ сошекъ были, такимъ образомъ, приравнены одной московской, къ которой мы и переходимъ.

Древнѣйшее указаніе на то, что такое московская соха, находимъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ вел. князей Василія Дмитріевича (1423 г.) и Василія Васильевича (1462 г.) ²⁾. Распредѣлявъ свои владѣнія между наслѣдниками, князья приказываютъ имъ послать въ свои удѣлы писцовъ, которые должны описать ихъ владѣнія и по тому писму обложить по сохамъ, по людямъ, по силѣ. Извѣстіе краткое, но достаточно ясное. Князья ничего не уязвляютъ новаго, они го-

¹⁾ Указаніе на послѣдній размѣръ обжи находимъ въ писцовыхъ книгахъ 1581 г. Неполный, Приложение, 70.—Г. Дьяконовъ приводитъ изъ документовъ Архива министерства юстиціи свидѣніе, что въ 1581 г. „по приговору бояръ, князя А. М. Трубецкаго съ товарищами, да думныхъ дворницъ и дьяколъ Андрея Щелкахова да Ао. Демьянова съ товарищами, писано на обжу по 10 четей“. Изъ того же архива онъ приводитъ свидѣніе и о 12 четяхъ на обжу доброй земли, 16—средней и 20 худой. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893 г., кн. VII, 214—15.—Размѣры земельныхъ площадей, при недостаточныхъ способахъ измѣренія, не могли имѣть большой точности, а потому и практическое значеніе ихъ было, конечно, очень условное.

²⁾ Татищевъ приводитъ болѣе древнее извѣстіе о сохахъ: въ 1275 г. великій князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полуугнивѣ съ сохъ, „а въ сохѣ числится два жука работника“. Въ виду невозможности свѣрять это извѣстіе съ источникомъ, изъ котораго оно заимствовано, мы лишены возможности поставить его въ связь съ другими извѣстіями.

ворить о порядкѣ вещей веѣмъ извѣстномъ, а потому выражаются коротко. Дѣло идетъ о распредѣленіи татарской дани между вновь созданными удѣлами. Вотъ для этого-то и нужно произвести новую опись, которая въ завѣщаніи и предписывается. Самая же опись производится по старому, давно установившемуся порядку, о которомъ нѣтъ надобности распространяться. Что же это за порядокъ? Плательщики кладутся въ сохи, смотря по людямъ, по ихъ силѣ. Итакъ, въ Москвѣ, какъ и въ Новгородѣ, древнѣйшая единица обложения опредѣляется не мѣрою земли, а состояніемъ хозяйства людей, ихъ экономическою силою. Въ Новгородѣ состояніе хозяйства измѣрялось нѣкоторыми общими вышними признаками, а въ Москвѣ? Мы уже знаемъ, что въ Москвѣ такихъ общихъ вышнихъ признаковъ не было; состояніе хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально, согласно показаніямъ выборныхъ людей цѣловальниковъ. Такъ поступали при опредѣленіи платежной способности каждаго отдѣльнаго тягльца, также должны были поступать и писцы при составленіи окладныхъ единицъ, т. е., сохъ. Они призывались къ этой важной функціи тоже подъ крестнымъ цѣлованіемъ. Писцы, конечно, дѣйствовали не одинъ и не тайно; опись и положеніе въ соху производились на глазахъ заинтересованнаго, его сосѣдей, мѣстныхъ крестьянъ и старостъ; но писцамъ принадлежало рѣшающее слово. Въ ихъ рукахъ была весьма значительная власть. Они не переписывали только существующее, но налагали повинности и не рѣдко и на такія поселенія, которые ихъ прежде не платили (Калач. II 310, 340, 361, 395), и наоборотъ, освобождали отъ тягла, когда находили это нужнымъ. Въ 1560 г. покровскій индѣ села Сухарина, у котораго было собственной земли 25 четвертей, обратился къ государевымъ писцамъ съ челобитьемъ и сказалъ: приходъ его бѣденъ, руги денежной и хлѣбной онъ не получаетъ, вино, воскъ, ладонъ и все, что нужно на церковное строеніе, онъ покупаетъ на свой счетъ, а съ своей деревни платить ямскія повинности, но впродъ платить ихъ не можетъ. Писцы, П. М. Свѣчигъ съ товарищами, выслушавъ это челобитье, приписали поповскую деревню къ церкви Покрова св. Богородицы на церковное строеніе, а великаго князя оброкъ, пошлины, ямскія деньги и всякія подати сложили, потому что „въ сошное писъмо не пригодится, а та бы церковь безъ пѣнья не была“ (Калачовъ, II 313). Вотъ какая власть была у писцовъ: они освобождаютъ частную собственность отъ тягла, т. е. вовсе не кладутъ ее въ сошное писъмо по своему усмотрѣнію.

Итакъ, первоначально московскія сохи не опредѣлялись размѣрами поземельнаго владѣнія. Въ предписанное духовной грамотой описаніе удѣловъ входило описаніе земель частныхъ владѣній, числа дворовъ и людей; пашня каждого такого хозяйства клалась въ сохи, но сохи опредѣлялись не количествомъ четвертей пашни, а общимъ состояніемъ хозяйства. Какъ были велики такія сохи, этого, за отсутствіемъ данныхъ для древнѣйшаго времени, мы не имѣемъ возможности опредѣлять. Трудно, однако, думать, чтобы первоначально онѣ были велики и очень удалялись отъ размѣровъ старыхъ новгородскихъ сохъ ¹⁾. Только въ XVI вѣкѣ онѣ достигаютъ значительной величины, до 600 и болѣе четей на соху.

Предоставленіе писцамъ права класть пашню отдѣльныхъ имѣній въ сохи по особенностямъ хозяйства должно было повести къ появленію сохъ самыхъ различныхъ размѣровъ. Такъ это и было въ дѣйствительности. Доказательство этому представляетъ самая древнѣйшая изъ пзвѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ. Мы разумѣемъ писцовую книгу Тверскаго уѣзда, написанную рѣзко 1540 года. У насъ есть писцовыя книги, въ которыхъ пашня вовсе не кладется въ сошное письмо; эту же книгу надо назвать книгой сошнаго письма по преимуществу. Въ ней иногда отсутствуетъ описаніе количества земли, ея качества и пр. ²⁾, но сошное письмо есть всегда. Мы напши только одно отступленіе отъ этого общаго правила. При описаніи деревни церкви св. Іоанна на Городкѣ прямо сказано: „и та деревня

¹⁾ Проф. Милуковъ въ одной рукописной сотной Владимірскаго уѣзда 1514 г. послѣ перечисленія дворовъ и количества сошнаго письма наметъ такую приписку: „Деревня Кучино со княземъ Александромъ Дручкимъ въ спорѣ, а пашеть ея князь Александръ, а въ соху положена одноколыцомъ пол-пол-пол-чети сохи“. (Запросы, 47). Эта приписка имѣетъ превосходно истолкована. Одноколыць—сѣть владѣлецъ колышки или телеги. Онѣ приравнены $\frac{2}{3}$ сохи. На соху, слѣдовательно, полагается—32 одноколыца. Здѣсь соха опредѣлена количествомъ крестьянскихъ хозяйствъ (у автора рабочихъ селя). Это все можно принять, какъ указаніе на одинъ изъ способовъ древнѣйшаго опредѣленія сохи. Даже 32 одноколыца даютъ автору возможность сблизить московскую соху съ новгородской. Новгородская соха состоитъ изъ 3 обожъ, т. е. изъ 3 хозяевъ (у него конныхъ работниковъ); а десять малыхъ сошекъ или 30 хозяевъ равны одной московской сохѣ или 30—32 одноколыцамъ. Такимъ образомъ получается свое объясненіе приравненію 10 сошекъ одной большой сохѣ, а при переводѣ на чети оно терять всякій смыслъ, ибо 300 четей оказываются равными 600, 800 и болѣе до 1200. Но въ дѣйствительности, въ концѣ XVI вѣка, 300 четей=600=800 и т. д. Все это историческіе наросты, потерявшіе свой первоначальный смыслъ.

²⁾ Напрямѣрь: стр. 159, 180, 194—8, 224, 227, 230, 240, 243, 254, 272.

въ сошное письмо не положена" (160), потому, конечно, что это церковная земля. Итакъ, это книга *положенія* въ сошное письмо. Вотъ какія находимъ тамъ цифры четей пашни на соху:

Для вотчинныхъ земель добрыхъ: 591, 656, 1968 четей.

среднихъ: 256, 264, 404, 512, 620, 720, 800, 828, 912, 960,
1200, 1296.

песчаныхъ и каменистыхъ: 400, 512, 720, 1104, 1120 ¹⁾.

Для помѣстныхъ—среднихъ: 360, 416, 543, 699, 752, 816, 864, 876,
996, 1008 ²⁾.

Для владичныхъ—среднихъ: 563 и 613 (203).

Для монастырскихъ—добрыхъ: 600 (152).

среднихъ: 437, 457, 672, 852.

худыхъ: 450 (176).

Для церковныхъ добрыхъ: 504, 784.

среднихъ: 600

каменистыхъ и песчаныхъ: 544, 600

Для черныхъ добрыхъ: 391

среднихъ: 495 ³⁾.

Итакъ, еще въ концѣ первой половины XVI вѣка пашни кладутся въ сохи не по количеству распаханной земли, а смотря по людямъ и ихъ хозяйственной силѣ.

Теоретически это совершеннѣйшій порядокъ обложенія, какой только себѣ можно представить. Но на практикѣ онъ могъ вести къ большимъ неудобствамъ и даже злоупотребленіямъ. Вотъ почему съ этой идеальной окладной единицей случилось то же, что и съ плетѣжной: она стала переходить въ опредѣленную мѣру земли. Когда такой переходъ начался, этого тоже нельзя опредѣлить съ полною точностью. На основаніи писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка можно думать, что писцамъ даются уже опредѣленные указанія относительно того, сколько четвертей пашни надо класть въ соху, но различныя для разныхъ разрядовъ лицъ и для разныхъ мѣстностей.

¹⁾ *Калачовъ*, II, 161—8, 258—260.

²⁾ *Калачовъ*, II, 141, 143, 154, 184, 106, 167, 183, 248, 250—2. Далеѣ цифры въ скобкахъ означаютъ страницы.

³⁾ *Калачовъ*, II, 159, 161, 175—7. Такія же данныя имѣетъ г. Милюковъ въ архивныхъ документахъ мнѣшн. юстиціи. Въ 1533 году въ одномъ и томъ же помѣстьи Галицкаго уѣзда въ соху кладутъ 984 четей и 1.080; въ помѣстьи Костромскаго уѣзда—720 и 630. Спорн. вопр., стр. 42.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ вотчинныя, помѣстные и черныя сохи оказываются равными 800 четягъ, монастырскія—600 (добр. з.). Но и во второй половинѣ XVI вѣка наблюдаемъ значительныя отступленія отъ такого размѣра. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Московскій уѣздъ.

Помѣстные земли добрыя: 544 (31), 672 (37), 720 (38), 880 (32),
888 (37), 925 (36, 30).

Монастырскія—среднія: 924 (280) ¹⁾.

Коломенскій уѣздъ.

Помѣстные земли добрыя: 704 (335), 768 (483, 503), 936 (335),
962 и 972 (483).

Коломенская писцовая книга занимаетъ всего 320 стр., въ ней описано болѣе 213 владѣній; по сошное письмо показано только у 8 человекъ, и изъ этого числа только у двухъ сохи оказались въ 800 четей доброй земли. Такимъ образомъ, здѣсь большинство—въ отступленіяхъ отъ предполагаемаго правила.

Тульскій уѣздъ.

Помѣстные земля добрыя: 720 (1103), 744 (1102), 888 (1112),
960 (1102).

Орловскій уѣздъ.

Помѣстные земли добрыя: 736 (853), 860 (854).

Надо думать, что наказы писцамъ и въ концѣ XVI вѣка не были безусловны, а предоставляли имъ еще значительную долю усмотрѣнія. Наблюдаемая въ очень многихъ случаяхъ норма, 800 четей для служилыхъ людей и черныхъ и 600 для монастырей, свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство, опредѣляя размѣръ сохи, руководствовалось не желаніемъ вообще объединить этотъ размѣръ, а приспособить сошное обложеніе къ особенностямъ положенія разныхъ классовъ плательщиковъ, и сообразовалось съ тяжестью лежащаго на нихъ тягла. Духовныя учрежденія сравнительно со служилыми и черными людьми были въ выгоднѣйшемъ положеніи, а потому ихъ сохи были мельче, чѣмъ и достигалось нѣкоторое уравненіе ихъ съ классами сильнѣе обложенными. Тутъ слышится опять старина: индивидуализ-

¹⁾ Цифры въ скобкахъ означаютъ стр. Калач. изд.

зація обложенія, но не по отдѣльнымъ хозяйствамъ, а по классамъ лицъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ и отъ этой поразрядной или классной нормы дѣлались отступленія. По одной сотной Бѣлоозера 1587 года въ бывшей вотчинѣ боярина Пв. Пет. Оедорова въ соху клали средней земли—400 четвертей. А въ монастырской вотчинѣ Кириллова монастыря по сотной тоже конца XVI вѣка 688 четей сочтены въ три сохи, на соху придется менѣе 300 четвертей. Въ 1597 году вотчины Троицы-Сергіева монастыря, по указу Оедора Пвановича, положены были противъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель: добрая земля въ 800 чет., средняя — въ 1000, худая—въ 1200. А въ 1613 году Михаилъ Оедоровичъ велѣлъ всѣ земли Троицы-Сергіева монастыря класть въ 800 четей безъ наддачи, т. е. сократилъ льготу своего предшественника ¹⁾. Въ данномъ случаѣ монастырскія сохи сближены съ помѣстными, вотчинными и черными. А вотъ примѣръ обратнаго сближенія черныхъ сохъ съ монастырскими. Отъ 1585 года имѣемъ описъ рыболововъ Федосѣина городка. Ихъ земли положены въ соху по размѣру монастырскихъ: средней земли 700, худой—800. (Калачовъ, II, 415). Можно думать, что при каждой описи правительство въ наказахъ писцамъ опредѣляло, что и какъ класть въ сохи. Если такого опредѣленія не было сдѣлано, писцы обращались въ Москву и спрашивали, сколько чего класть въ соху. Такъ поступилъ писецъ Нижняго Новгорода, описывавшій этотъ городъ въ 1623 году. (Рус. Ист. Библ., т. XVII, стр. 191). Къ сожалѣнію, наказы писцамъ намъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Указанное разнообразіе размѣровъ сохъ увеличивается еще тѣмъ, что въ предѣлахъ старинныхъ владѣній Повгорода примѣнялась малая соха всего въ 300 четей. Но и размѣры этой сохи не сохранялись неизмѣнно. Въ Хлыповскомъ и Слободскомъ уѣздахъ въ 1601 году приказано было класть на выть по 10 четей д. з., а въ соху по 10 вытей (тамъ же, стр. 215). По этому разчету соха въ Вятской землѣ оказывается всего въ 100 четвертей. Такъ разнообразны размѣры московскихъ сохъ въ XVI вѣкѣ; не достигаютъ они единства и въ слѣдующемъ. Въ XVII вѣкѣ дворцовой доброй земли клалось въ сохи отъ 600 до 800 четей, черной отъ 500 до 800, вотчинной и помѣстной отъ 800 до 900 ²⁾. Соха монастырской средней земли въ

¹⁾ Беремъ эти свидѣнія у г. Дьяконова, оны напечатаны въ арх. матеріалахъ Мин. юстиціи, *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за 1899 г., т. VII, стр. 211 и 216.

²⁾ Беремъ эти данныя у г. Лаппо-Данилевскаго, который выписалъ ихъ изъ разныхъ архивныхъ матеріаловъ, Праг. облож. 520.

Устюжской епархіи въ 1626 году равнялась всего 105 четямъ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, № 34); въ то же самое время къ другимъ мѣстностямъ новгородскихъ владѣній были примѣняемы московскія сохи. Земли государевыхъ крестьянъ Сумерской волости были положены по 800 четей доброй земли въ соху (Неполвитъ, Приложенія, 130). Итакъ, московское сошное письмо представляетъ значительное разнообразіе и въ XVI и въ XVII вѣкѣ. Были, значитъ, причины, которыя заставляли во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII мириться съ этимъ разнообразіемъ и не дѣлали настоятельнаго вопроса изъ объединенія размѣровъ сохъ. Эти причины заключались въ томъ, что во второй половинѣ XVI вѣка сошное письмо выходило изъ употребленія и замѣнялось обложеніемъ по четямъ. Это выясняется изъ ближайшаго рассмотрѣнія частныхъ сошнаго письма.

Писцы клали въ сошное письмо каждое отдѣльное имѣніе особо. Они перечисляли число деревьевъ въ каждомъ имѣніи, дворовъ въ деревнѣ, пашни паханой, перелога, дякаго поля и пр. въ четяхъ, сѣна въ копахъ, лѣсу въ десятинахъ и затѣмъ дѣлали расчетъ, сколько сохъ или долей сохи составляетъ это имѣніе. При большихъ размѣрахъ московскихъ сохъ второй половины XVI вѣка, отдѣльное имѣніе, обыкновенно, составляло не цѣлую соху, а нѣкоторую ея дробную часть. Писцамъ для каждого имѣнія приходилось вычислить, какую дробь сохи оно составляетъ. Но тогдашней сельско-хозяйственной ариметикѣ признавались только такія дроби сохи: половина, четверть, восьмая, двенадцатая и тридцать вторая и треть, шестая, двенадцатая и двадцать четвертая. Другихъ дробей не знали. А писалось это такъ: „а сошнаго письма поль поль чети и поль поль поль трети сохи“ или „поль сохи безъ поль поль чети сохи“. Нонятно, что при такомъ счисленіи въ дѣйствительности оказывались остатки четей противъ показаннаго сошнаго письма или вычисленное сошное письмо было больше дѣйствительности. Въ такихъ случаяхъ прибавляли: „а не дошло до сошнаго письма 3 чети“ или „а перешло за сошнымъ письмомъ 3 чети“. Итакъ, писцы должны были пересчитать всѣ деревни, дворы въ нихъ, переимѣрить всѣ земли и вычислить долю сошнаго письма для каждого имѣнія. Это очень большая работа. При оцѣнкѣ ея падо имѣть еще въ виду недостатка тогдашней землѣмѣрной техники и математическаго образованія.

Описи отъ времени до времени повторялись. Для производства новой описи писцамъ давали въ руководство копія съ предшествующихъ писцовыхъ книгъ; это такъ называемыя „приправочныя книги“.

При новой описи писцы дѣлають иногда сравненія со старой и указываютъ на послѣдовавшія съ теченіемъ времени измѣненія. Особенно цѣнны указанія въ итогахъ на прибыль и убыль населенія, на распахку новыхъ земель и на переходъ въ пусто прежде бывшихъ въ обработкѣ.

Между двумя описями часть имѣнія могла перейти въ другія руки. Несмотря на это, оно нерѣдко и новымъ писцомъ кладется въ сошное письмо въ старомъ составѣ. Въ этихъ случаяхъ деревни разныхъ владѣльцевъ въ сошное письмо кладутся вмѣстѣ.

Возникаетъ такой вопросъ. У каждаго владѣльца могутъ быть пустыя земли и воздѣланныя—разнаго характера: одні могутъ лежать при деревнѣ и состоять въ трехпольномъ хозяйствѣ, это такъ называемая „паханая пашня“, другія они могутъ пахать наѣздомъ, наконецъ, у него можетъ быть переложная пашня и пашня въ лѣсу. Что же кладется въ соху? Такъ какъ соха есть окладная единица, а повинности лежатъ на живущей пашнѣ, то въ соху надо класть только живущую пашню. Это совершенно понятно. Какъ же поступаютъ писцы?

Практика писцовъ чрезвычайно разнообразна. Старые писцы описывали и клали въ сохи только живыя деревни. Такъ поступали писцы, описывавшіе новгородскія пятны въ концѣ XV вѣка. О пустыхъ деревняхъ они только упоминаютъ, что эти деревни были (то-есть, прежде) положены въ обжи, но сами не кладутъ ихъ въ обжи. Также поступаютъ писцы, описывавшіе тверскія земля въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ этой писцовой книгѣ рѣчь идетъ только о живыхъ деревняхъ и о пашнѣ паханой; эти живыя деревни и кладутся въ сошное письмо¹⁾. Иначе ведутъ опись писцы конца XVI вѣка. Они кладутъ въ сохи не одну пашню паханую при живущей деревнѣ, но и перелогъ, и пустоши, и наѣздъ. У нихъ, вслѣдствіе этого, получаются сохи живущія и пустыя, сохи пашни паханой и перелога, который въ Москвѣ въ окладъ не шолъ. Это существенное измѣненіе стараго порядка сошнаго письма. Положеніе въ сохи, какъ мы видѣли, возникло для обложенія данью; а здѣсь въ сохи кладутся и земли, которыя данью не облагались: перелогъ, наѣздъ, пустоши. Пронзопили, стало быть, какія-то измѣненія, которыя дали описательной работѣ писцовъ нѣсколько другой харак-

¹⁾ *Калачовъ*, II. Только одинъ разъ мы замѣтили упоминаніе о пустыхъ деревняхъ, 209.

теръ. Сошное письмо не отмѣнено, но къ нему присоединилось и еще что-то новое. Дѣйствительно, въ промежутокъ времени, съ первой половины XV вѣка, когда сошное письмо, конечно, не было новостью, и до конца XVI-го, у насъ произошло не мало существенныхъ пере-мѣнъ въ правахъ и обязанностяхъ населенія. Вольная служба перешла въ обязательную, размѣры обязательной службы были опредѣлены размѣрами поземельныхъ владѣній въ четьяхъ; наряду съ своеземцами появились помѣщики. Для устройства военной службы, развитіе которой было такъ необходимо въ цѣляхъ объединенія Россіи, московскіе князья стали надѣлять служилыхъ людей своими землями. На всѣ такія данныя земли, дачи, помѣстья, и на старинныя вотчины своеземцевъ рядомъ со старымъ тягломъ легло новое—обязательная военная служба. Всѣ эти перемены не могли не отразиться и на порядкѣ описи имѣній.

Въ книгѣ сошняго письма находимъ такое наставленіе писцамъ: „А какъ у книжной справки слѣдутъ писцы справлять и *прежѣ* выписывать изъ всякихъ крѣпостей и изъ сказокъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ... на перечень... статьями, что кому именемъ *окладъ*, и что за кѣмъ именемъ въ помѣстьи или въ вотчинѣ по оговору и по крѣпостямъ въ тотъ его *окладъ* въ дачахъ порознь живущихъ сель и деревень... и пустыхъ сель и деревень“. Далѣе составитель книгъ сошняго письма совѣтуетъ описывать, сколько за кѣмъ сель и деревень въ живущемъ и въ пустѣ, и вычислять сохи для живущаго и для пуста ¹⁾.

Итакъ, первое дѣло писцовъ, по этому наставленію, состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ, какой кому положенъ *окладъ*, и кто чѣмъ въ этотъ *окладъ* владѣть въ дѣйствительности и по какимъ актамъ. Это мысль совершенно новая. *Окладъ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть помѣстный *окладъ*, который былъ различенъ, смотря по отеческой чести служилаго человѣка и личнымъ его заслугамъ. При старой описи не возникало никакихъ вопросовъ объ *окладѣ*, а также и объ актахъ укрѣпленія. Это было безразлично для цѣлей старой описи: кто чѣмъ владѣть, тотъ съ того и платя. Теперь дѣло другое, устроивъ службу, правительство беретъ на себя и обезпеченіе служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть „*окладъ*“, съ котораго могъ бы отправлять свою службу. Сошная книга обявляеть, зачѣмъ пужло приводить документы: „чтобы не было потомъ спору“. Итакъ, къ старой цѣли

¹⁾ *Преміумъ*. XVII. сл.

сошнаго письма присоединилась теперь новая: опись помѣстій въ полномъ ихъ составѣ, жилое и пустоши, чтобы знать, кто чѣмъ надѣленъ. Послѣдовательное примѣненіе къ новой описи правилъ старой привело къ положенію въ сохи не только живущаго, но и пустошей. Въ этомъ высказалось неумѣнье автора книги сошнаго письма разумно примѣнить старые порядки къ требованіямъ новаго времени. Онъ большой рутинеръ. Класть въ сошное письмо пустоши и теперь не было надобности. Это чистая рутинна.

Но когда же возникла указанная новостъ описей? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать съ совершенною точностью. Книга сошнаго письма, изъ которой мы сдѣлали выписку, написана въ 1629 году, а болѣе старыхъ мы не имѣемъ. Профессоръ П. Милуковъ высказываетъ мысль, что книги сошнаго письма возникли въ половинѣ XVI вѣка, и дѣлаетъ попытку возстановить ихъ первоначальное содержаніе. Попытка чрезвычайно почтенная. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что книги сошнаго письма возникли не въ XVII вѣкѣ, а гораздо раньше. Въ XVII вѣкѣ онѣ не столько дѣйствительность, сколько пережитокъ старины. Книги эти представляютъ наставленіе о томъ, какъ описывать земли и класть ихъ въ сохи. Такія наставленія должны были появиться при первомъ возникновеніи сошнаго письма. По мѣрѣ измѣненія въ цѣляхъ описи земельныхъ имѣній должны были измѣняться и эти наставленія. Къ рѣшенію вопроса о томъ, когда должны были появиться указанная нами новостъ, мы пойдемъ не отъ содержанія книгъ сошнаго письма, а отъ появленія фактовъ, которые должны были вызвать новостъ въ ихъ содержаніи. Новостъ, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣлались очевидными уже во второй половинѣ XV вѣка. Съ великаго князя Ивана Васильевича надѣленіе помѣстьями—стало правительственной системой. Съ этого времени могли уже появиться и новыя описи и новыя руководства для ихъ составленія. Отъ половины XVI вѣка имѣемъ и офціальное указаніе на необходимость описывать имѣнія согласно съ новыми условіями жизни, о чемъ скажемъ ниже.

Массовая раздача помѣстій должна была вызвать описи ихъ раздачи. Примѣръ такой раздаточной описи даетъ первая тверская шенцовая книга 1539 года ¹⁾. Описи по отдѣльнымъ участкамъ носятъ здѣсь такой заголовокъ: „Волость Захожье, а въ ней вел. государя села и деревни дворянныя, а розданы помѣщикамъ“. Или: „Книги

¹⁾ Напечатана у Каламова II стр. 40—140.

Микулинскіе четвертины, а въ нихъ вел. князя села и деревни дворовые, а розданы помѣщикамъ“. За тѣмъ идетъ имя помѣщика, названіе данныхъ ему деревень, перечисленіе дворовъ, иногда число крестьянъ и людей, количества земли въ четвертяхъ, сѣна въ коннахъ, а сошнаго письма вовсе нѣтъ. Понятно почему: это опись раздачи и только. Розданныя деревни, конечно, были уже положены въ сошное письмо и повторенія не требовалось.

Отъ второй половины XVI вѣка дошли до насъ описи раздачи и просто окладныя книги, въ которыхъ деревни кладутся въ сошное письмо иногда по указанному выше образцу: показывается сошное письмо въ живущемъ и въ пустѣ, а иногда и совершенно иначе. Предписанія книги сошнаго письма, слѣдовательно, не обязательны? Конечно, вѣдь это не указъ царя, состоявшійся по приговору бояръ или и безъ ихъ приговора. Это учебная книга, составленная знающимъ человекомъ, въ которой отразились его личные взгляды, не болѣе. Писцы, знакомые съ нею и согласные съ высказанными въ ней совѣтами, могли описывать согласно ея указаніямъ; кто смотрѣлъ на дѣло иначе, могъ писать по своему. Вотъ почему, думаемъ, описи конца XVI вѣка и представляютъ большое разнообразіе. Указанныхъ предписаній, надо думать, не было; все рѣшалось практикой. Преобладаніе практики, а не общихъ правительственныхъ распоряженій, составляетъ характерную особенность московскаго управленія.

Разсмотримъ же эту практику, она незамѣтно вырабатываетъ совершенно новый порядокъ обложенія. Но приказной рутинѣ и въ этой практикѣ чрезвычайно много.

Мы имѣемъ нѣсколько описей московскаго уѣзда, съ нихъ и начнемъ. Онѣ вынападаютъ на время отъ 1574 по 1584 годъ (Калачовъ I). Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ рѣчь идетъ о земляхъ, розданныхъ въ помѣстья, но встрѣчаются и вотчины. Въ помѣстья роздано множество пустошей съ переложною пашней. Не всѣ, но очень многія пустоши положены въ сошное письмо „въ пустѣ“ съ прибавкой: „и окладъ его сполна весь“; это, слѣдовательно, опись помѣстной дачи. Сошное письмо пустошей чистая рутиня, не имѣющая практическаго смысла. Величайшимъ рутинеромъ оказался писецъ М. А. Хлоювъ, онъ положилъ въ сошное письмо даже пустыя помѣстныя земли, которыя нито въ помѣстье не взялъ, а стало быть, и облагать было некого, и оброчныя, которыя тоже въ помѣстья не были взяты, а потому сданы въ оброкъ. Такія земли, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, тягла не

тянуть, а Хлоповъ и ихъ положили въ сошное письмо ¹⁾). Другіе писцы Московскаго уѣзда были разсудительнѣе и земель, въ помѣстьяхъ не розданныхъ, въ сошное письмо не клали. Такъ же разсудительно поступилъ и П. Жеребцовъ, описывавшій Тульскій уѣздъ въ 1589 году ²⁾).

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ, кромѣ перелога, оказалась „пашня паханая“. Она такъ описывается: „А сошнаго письма полъ четверти сохи, и окладъ его учиненъ сполна; изъ того числа пашни паханые 5 четей“ (22). Въ сошное письмо здѣсь положена вся земля, а это сплошь пустоши съ переложной пашней; „пашни паханая“ въ количествѣ 5 четей оказалась только въ одной деревнѣ Сазоновой, она и выдѣлена изъ общаго числа и показана особо. Съ какой цѣлью? Платежъ повинностей лежитъ не на пустошахъ, а на жилой пашнѣ, вотъ почему 5 четей пашни паханой и показаны особо. Только эти 5 четей и подлежатъ обложенію, а не полъ четверти сохи перелога. Мы тутъ наблюдаемъ переходъ къ новому порядку обложенія по четямъ, а не по сохамъ. Въ началѣ описи Московскаго уѣзда встрѣчаемъ нѣсколько вотчинъ и купель: Н. Д. Юрьева, О. В. Шереметева, подьячаго И. Кузьмина и другихъ. Ихъ вотчины и купли въ сошное письмо не переведены. Писецъ ограничился указаніемъ числа четей пашни паханой и перелога. Что же это значить? Надо думать, что въ его глазахъ сошное письмо потеряло уже окладное значеніе; для повинностей довольно было указать чети, что онъ и сдѣлалъ.

Еще болѣе проглядываетъ эта точка зрѣнія у П. Жеребцова, описывавшаго Тульскій уѣздъ въ 1589 году. Онъ кладетъ въ сохи и живущее и пустое, но иногда живущее и пустое сливаетъ вмѣстѣ въ одну общую соху: „А сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ полчетья сохи“. Значеніе сохи, какъ окладной единицы, здѣсь совершенно утратилось. Съ чего же платить? Писцовая книга Жеребцова отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сливаетъ живущее съ пустымъ въ одну соху, онъ прибавляетъ: „А платить ему съ живущаго съ 3 четей“. Эти три чети и составляютъ пашню паханую въ описанномъ имѣніи.

По этому образцу описаны уѣзды Каширскій и Медынский.

Въ томъ же духѣ ведется описаніе Орловскаго уѣзда Дом. Яков-

¹⁾ *Калачовъ*, I 116, 120, 155, 160, 167.

²⁾ Тамъ же, стр. 1; т. II стр. 1152, 1202.

левъ; вымирание сошного письма выступает у него еще яснѣе. Живущее и пусто у него всегда показаны въ одной общей сохѣ, но всегда прибавлено: „А платитъ ему государевы всякія подати съ живущаго съ четвертные пашни, съ одной четп“. Но часто сошного письма и совсѣмъ нѣтъ, а есть только: „А платитъ ему государевы всякія пошланы съ живущаго съ четвертные пашни“. Но подъ конецъ своего описанія онъ пересталъ повторять и эту фразу и сталъ ограничиваться однимъ перечисленіемъ деревень, числа дворовъ и количества пашни пахатой и дикаго поля, предпологая, по всей вѣроятности, что всякій знаетъ, сколько придется платить, если указано число живущихъ четвертей. Эта книга писана въ 1595 году.

Также описанъ и старѣйшій городъ Московскаго государства Коломна. Въ описи Коломенскаго уѣзда встрѣчаемъ болѣе 213 владѣній, а сошное письмо показано только у 8 владѣльцевъ. Писцы описали и измѣрили весь уѣздъ, но въ сошное письмо, какъ бы по разсѣянности, положили только 8 владѣльцевъ въ разныхъ мѣстахъ книги, а для остальныхъ ограничились указаніемъ количества четвертной пашни. Это не книга раздачи помѣстій, здѣсь описываются и помѣстья, и вотчины, и монастырскія, и церковныя земли. Для цѣлей окладной описи, съ точки зрѣнія этихъ писцовъ, довольно указать четвертную пашню.

Коломенскій уѣздъ описанъ въ 1578 году, но совершенно въ томъ же духѣ описанъ Звенигородскій еще въ 1560 году ¹⁾. Въ печатномъ изданіи онъ занимаетъ 70 страницъ, а сошное письмо показано только у четверыхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, писцы уже съ самаго начала второй половины XVI вѣка находятъ возможнымъ обходиться безъ сошного письма; они довольствуются указаніемъ четвертей.

Въ заключеніе этого обзора описей XVI вѣка оставимся еще на писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края, недавно изданныхъ рязанской Ученой Архивной комиссіей подъ редакціей В. Н. Сторожева. Они представляютъ очень много своеобразнаго, но ведутся не по одному образцу, а весьма различно, и вполне подтверждаютъ вышесказанное.

Первая изъ напечатанныхъ книгъ (стр. 1—156) „письма и мѣры“

¹⁾ Но 703 страницъ написано: „...и на тѣ пустоши звенигородскіе писцы Д. И. Смиусъ да Дятель Григорьевъ сынъ Машковъ съ товарищи дали ...льготы на 5 лѣтъ, отъ лѣта 7068-го до лѣта 7073“. Льгота, конечно, дана въ годъ описи—1560-й.

Г. Г. Вельяминова съ товарищами 1594—1597 года не содержитъ въ себѣ, однако, никакихъ данныхъ мѣры земли. Въ ней указаны только деревни, но количества пашни паханой, перелого, наѣзда, лѣсу, сѣна—не приведено; числа дворовъ и людей также нѣтъ. Но сошное письмо вездѣ есть, и въ сохи положено не только живущее, но и пустое. Иногда живущее и пустое переведено въ сохи отдѣльно, а иногда вмѣстѣ; но въ этихъ случаяхъ всегда прибавлено: „А платить съ живущаго съ 5 четей пашни“.

Также коротко написана и вторая книга „письма и мѣры“ В. Я. Нолькинского и И. А. Нащокина тѣхъ же годовъ (стр. 157—254). Въ ней обозначены только деревни да сошное письмо и больше ничего. Но живущее и пусто переведены въ сошное письмо всегда раздѣльно. Еще есть любопытная особенность. Живущее не всегда переводится въ сохи, а иногда говорится такъ: „Въ живущемъ четвертной пашни 5 четей, а въ пустѣ и съ наѣзжемъ пашнею полъ полъ чети сохи“. Живущее въ сохи вовсе не переведено и платить приходилось прямо съ четей. Иногда и пусто показывается въ четахъ, а не въ сохахъ. Въ концѣ XVI вѣка земли мѣрились, но въ книги писались иногда только выводы изъ этой мѣры, а не самая мѣра ¹⁾.

Въ прекрасномъ изданіи Рязанской Ученой Архивной комиссіи напечатана и писцовая книга XVII вѣка (1628 годъ). Она написана съ большими подробностями и ближе къ извѣстнымъ уже намъ московскимъ книгамъ. Въ ней обозначены: дворы, люди, пашня паханая, пашня наѣздомъ и перелогомъ и что лѣсомъ поросло. Земли положены въ сошное письмо, но живущее и пусто показано въ общемъ итогѣ съ обычной въ этихъ случаяхъ припиской: „А платить съ жи-

¹⁾ Профессоръ Милуковъ, производя въ архивахъ свои наблюденія надъ порядкомъ писанія писцовыхъ книгъ по сотнымъ выписямъ, пришелъ къ такому выводу: „Сотны выписи XVI вѣка распадаются на два типа. Первый, болѣе древній, никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни передается на соответствующее количество сошного письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни и болѣею частью совершаетъ переводы ея на сошное письмо по определенной нормѣ“. Вопросы, 41. Наблюденіе это можно сопоставить на основаніи початнаго матеріала. Въ описи Московскаго уѣзда 1585 г. (Исаачовъ, II 832) земли положены въ сохи, но какое количество пашни кладется въ соху, этого не указано. Тоже и въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края. Такимъ образомъ, и въ описяхъ конца XVI вѣка количество пашни не всегда указывается, а потому остается неизвѣстнымъ, какое ея количество переводится въ сохи. Вмѣстѣ съ этимъ подвергаются значительному колебанію, какъ два подмѣченныхъ пр. Милуковымъ типа сотныхъ, такъ и его выводы, на этомъ наблюденіи основанные.

вущаго съ одной четверти пашни". Здѣсь сохи также замѣнены четями, какъ и въ московскихъ книгахъ.

Итакъ, практическое значеніе сошнаго письма со второй половины XVI вѣка несомнѣнно падаетъ. Но сошное письмо не отмѣнено. Очень многіе писцы весьма усердно переподятъ въ сошное письмо и не только жилища, но и пустыя земли, окладу не подлежащія; даже земли, которыя никто не взялъ ни въ помѣстье, ни въ оброкъ, и тѣ иногда кладутся въ сохи. Терминъ „сошное письмо“ постоянно въ ходу и не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII-мъ. Даже памятники конца этого вѣка говорятъ о сборѣ доходовъ „по сошному письму съ живущей четверти“¹⁾.

Какое же отношеніе сошнаго письма къ чети? Значеніе чети съ теченіемъ времени (въ XVII вѣкѣ) тоже мѣняется; мы говоримъ теперь о чети, какъ мѣрѣ земли равной половинѣ десятины.

Это отношеніе превосходно разъясняется царскою грамотой въ Муромѣ о сборѣ ямскихъ денегъ. Изъ этой грамоты узнаемъ, что съ 1618 по 1621 годъ ямскія деньги собирали съ сохи по 800 руб., а съ чети по 1 руб. Совершенно ясно, четь замѣняетъ соху, а потому легко можетъ и вытѣснить ее, такъ какъ счетъ по четямъ гораздо проще и легче счета по сохамъ. Эта царская грамота вполне объясняетъ колеблющуюся практику писцовъ.

Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на хлѣбное жалованье взять съ сохи по сту четей ржи и овса, а съ чети пашни съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которыя положены по 800 четей въ соху, по четверику ржи и овса, а съ митрополитскихъ и съ монастырскихъ, которыя положены по 600 четей въ соху, съ чети пашни по полчетверику ржи и овса. Здѣсь также обложение сдѣлано альтернативно на сохи и чети. Но иногда правительство назначало сборъ повинностей не съ сохъ, а прямо съ четей. Въ 1631 году приказано было съ вотчинъ Кириллова монастыря, съ 23.690 четей, взять, вмѣсто даточныхъ людей, деньгами 2.072 рубля 29 алтынъ 1 деньгу²⁾. Итакъ, правительство предписываетъ сборъ то альтернативно съ сохи и чети, то прямо съ четей, вовсе не упоминая о сохахъ. Древнѣй-

¹⁾ А. Э. IV, № 189 и 251; 1672—1682.

²⁾ А. Э. III, № 121 и 193; А. II, III, № 132. Здѣсь вездѣ четь — тоже полг. десятины, а не дворовое число, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Изд. № 274, А. Э. III, мы знаемъ, что у Кириллова монастыря всего было 2.101 дворъ, а если перевести на дворы 23.690 четей по указамъ 1630—1631 годовъ, у Кириллова монастыря оказалось бы 214.210 дворовъ крестьянскихъ и 142.140 боярскихъ, а всего 356.365.

шій случай обложенія по четямъ восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1556 году, по разсказу лѣтописца, Иванъ Грозный съ вотчинъ и помѣстій учинилъ уложенную службу: со ста четвертей доброй земли человекъ на конѣ и въ полномъ достигхѣ.

Со второй половины XVI вѣка, слѣдовательно, рядомъ съ сохой появляется и другая окладная единица—четь, то-есть, живущая четверть земли, въ разъясненномъ выше смыслѣ (IV глава). Съ этого же времени, какъ мы видѣли, появляется и новая практика въ описи имѣній. Эти двѣ новости стоятъ въ тѣсной связи одна съ другой; обложеніе по четямъ вызывается и перемѣну въ описяхъ.

Переходъ отъ старой единицы обложенія къ новой, отъ сохи къ чети, могъ совершаться очень легко. Соха—чрезвычайно громоздкая единица обложенія и практически мало удобная. Она требуетъ массы вычисленій, такъ какъ въ дѣйствительности, за исключеніемъ богатыхъ владѣльцевъ, а ихъ было немного, сохъ вовсе не существуетъ, а существуютъ только ихъ дробы. Переходъ къ четямъ долженъ былъ начаться, какъ только отъ индивидуальныхъ сохъ, опредѣляемыхъ по особенностямъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, по людямъ и ихъ силѣ, стали переходить къ сохамъ опредѣленной геометрической площади. Если соха въ 800 четей должна платить 800 рублей, то понятно, каждая четь можетъ быть обложена однимъ рублемъ, а лучше имѣть дѣло съ четями, чѣмъ съ сохами. Вотъ почему писцы, описывавшіе Звенигородскій уѣздъ въ 1560 году, почти совершенно игнорируютъ сохи. Но сошная рутина продержалась до конца XVII вѣка. Чети не вытѣснили сохъ. И въ XVII вѣкѣ земли кладутся въ сохи и сборъ повинностей назначается съ сохъ.

Въ исторіи сошного обложенія есть, однако, пункты очень неясные. Что первоначально соха опредѣлялась не мѣрой земли, а смотря по людямъ, по силѣ ихъ хозяйства, это надо принять. Это говорятъ московскіе памятники и это совершенно согласно съ новгородскими порядками, гдѣ сохи тоже не мѣра земли, не геометрическая площадь. Такая индивидуальная единица обложенія не могла быть очень большая; новгородскія сохи дѣйствительно были новелики. Можно думать, что и московская соха первоначально тоже была не велика ¹⁾. А въ первой половинѣ XVI вѣка она достигаетъ большихъ размѣровъ (отъ 250 до 1300 четей), не дѣляясь еще геометрической площадью опредѣленной величины. Соха Тверскаго уѣзда по описи

¹⁾ Такъ думаетъ и профессоръ Миллюковъ, Вопросы 41.

1539 года не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи съ количествомъ обрабатываемой земли, какъ и новгородская обжа, а между тѣмъ по размѣрамъ она превосходитъ ее во 100 разъ и болѣе. Какъ это случилось? Какія обстоятельства привели къ тому, что московская соха получила такіе значительные размѣры? На этотъ вопросъ не находимъ отвѣта. Наши напечатанные источники слишкомъ скудны.

До сихъ поръ у насъ рѣчь шла о сельскохозяйственной или земельной сохѣ, но въ Москвѣ была еще дворовая соха. Земельная соха служила для обложения уѣздныхъ земель, дворовая—для обложения городскихъ дворовъ, посадскихъ, погостскихъ и въ рядкахъ. Исторія дворовой сохи имѣетъ много общаго съ исторіей сохи земельной. Но памятники, въ которыхъ рѣчь идетъ о дворовой сохѣ, даютъ новыя указанія, которыя проливаютъ дополнительный свѣтъ и на особенности земельной сохи.

Какъ размѣры земельной сохи постоянно колебались, такъ колебались и размѣры сохи дворовой. Въ нее входитъ разное количество дворовъ и не только въ разныхъ городахъ, но и въ одномъ и томъ же, то больше, то меньше. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ сохи:

въ Торопцѣ	. . въ 46 дворовъ
Соля Вычегодской	" 62 "
" Муромѣ	" 63 и 148 "
" Коломнѣ .	" 72 и 82 "
" Зарайскѣ	" 80 "
" Можайскѣ	" 88 и 100 "
" Вороначѣ	112
Гдовѣ	208
Опочкѣ	224 " ¹⁾

Тоже и въ XVII вѣкѣ. Въ 1629 году велѣно было расписать Чердынскій уѣздъ въ сошное письмо дворами по 392 двора въ соху, а въ Балахнѣ въ 1619 году въ соху клали только—200 дворовъ. Около того же времени происходила опись Нижняго. Описавъ всѣ дворы, писцы говорятъ, что по государеву указу имъ велѣно класть въ соху

¹⁾ А. Э. I № 343; А. Ю. № 228; Калачовъ I, ст. 314, 630; эти свидѣнія печатныхъ источниковъ мы дополняли архивными, приведенными г. Чечугиннымъ въ его Городахъ, стр. 60, 111, 177—8 и 283. Мы выбрали примѣры, въ которыхъ качество дворовъ въ соображеніе не принималось.

лучшихъ людей по 40 дворовъ, среднихъ по 50 и 60, молодшихъ по 70, а худыхъ по 100 ¹⁾). Но, продолжаютъ писцы, въ указѣ не написано, къ чему относится такое сошное нисъмо, къ прежнимъ ли податямъ, что брали съ сохъ до разоренія, или и къ нынѣшнимъ новопробылымъ доходамъ, что собираютъ сверхъ прежнихъ на подмогу ямскимъ охотникамъ и на стрѣлечкіе хлѣбные запасы. И писцы написали о томъ въ докладѣ государю царю и вел. князю Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу. На этотъ запросъ изъ Москвы въ 1627 году отвѣчали, что въ соху надо класть всякихъ людей двора противъ того, какъ кладутъ въ Балахиѣ. А въ Балахиѣ въ 1619 году клали по 200 дворовъ. Опись Нижняго началась въ 1621 году и тогда, конечно, писцамъ данъ былъ указъ, сколько класть въ соху, который они и приводятъ. Проходитъ 6 лѣтъ и получается совершенно новое предписаніе о сохѣ, гораздо болѣе льготное ²⁾).

Итакъ, составъ дворовой сохи нѣчто чрезвычайно подвижное. Онъ варьируется даже въ виду того, сколько брать добавочныхъ повинностей. Если брать приходится много, то составъ сохи дѣлается больше. Въ нее кладутъ теперь въ Нижнемъ 200 всякихъ дворовъ, тогда какъ 6 лѣтъ тому назадъ предписано было класть худыхъ дворовъ—100, а хорошихъ и того меньше, только 40. Дѣйствительный же платежъ распредѣлялся между дворами не поровну, а по животамъ и промысламъ; при чемъ богатые платили въ 120 разъ болѣе бѣдныхъ; это уже по мірскому обложению.

Но была и другая причина различія въ составѣ сохъ. Въ указѣ сошвычегодскому приказному человѣку, А. П. Вельяминову, отъ 1589 года написано: „И ты бѣ, взявъ съ собой старость и цѣловальниковъ и людей добрыхъ, сколько пригоже, у Соли на посадѣ Николы чудотворца Коряжемскаго монастыря анбары, и двора, и поляны, и пожни .... въ сошное нисъмо положишь“..... смотря по дворахъ, и по людямъ, и по промысламъ, и по животамъ, какъ кому мочно наши доходы платить и какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣй“ (А. Э. I № 343). Это превосходнѣйшая иллюстрація къ завѣщаніямъ вел. князей Василя Дмитріевича и Василя Темнаго. Поло-

¹⁾ Это въ 1621 году, а въ 1597 въ городѣ Николы Зараскаго приказано было класть въ соху: лучшихъ людей по 80 дворовъ, среднихъ по 100, а молодшихъ и убогихъ по 120. Писц. кн. Рязан. края, I выш., 157.

²⁾ А. Э. IV № 6; Рус. Ист. Вѣст. т. XVII 192.

женіе въ дворовую соху дѣлается не по числу дворовъ, а по людямъ, смотря по ихъ промысламъ и животамъ. Дворовая соха нѣчто индивидуальное, а не формальное. Если люди совсѣмъ исхудали и отемнѣли, то ихъ и вовсе въ соху не клали, сколько бы такихъ дворовъ ни оказалось. По описи 1585 года въ Вельи и Себежѣ дворы въ сохи вовсе не были положены „за худобою“ ¹⁾. Такъ же, конечно, первоначально клались въ соху и земли по индивидуальной оцѣнкѣ каждого владѣнціа, а не по числу четей земли. Вотъ почему дворовыя сохи не состоятъ изъ одинаковаго числа дворовъ, а земельныя изъ одинаковаго числа четей. Съ теченіемъ времени дѣлаются частичныя попытки уравнинія земельныхъ сохъ по классамъ населенія, но они, какъ мы видѣли, далеко не достигаютъ ихъ объединенія. Можно думать, что были такія же попытки и въ области двороваго писма. Предписано же было Нижній писать по образцу Балахны. Этотъ примѣръ объединенія могъ распространяться и на другіе города.

Въ сошное писмо, какъ мы видѣли, земельные писцы кладутъ пустоши; то же дѣлаютъ и дворовые, они кладутъ въ сохи не только жилые, но и пустыя дворы, конечно, не для обложенія повинностями. Это такая же рутинна ии на что ненужная, какъ и тамъ.

Наконецъ, съ обложеніемъ по земельнымъ сохамъ съ половины XVI вѣка конкурируетъ обложеніе по четямъ, какъ ихъ составнымъ частямъ; такъ и здѣсь, съ обложеніемъ по дворовымъ сохамъ конкурируетъ обложеніе по дворамъ, къ чему мы и переходимъ.

Дворъ является древнѣйшей единицей обложенія. Съ IX вѣка, когда русскія племена платили дань хозарамъ съ дыма, эта единица удерживается въ теченіе всей нашей исторіи. Волоцкой князь Федоръ Борисовичъ въ 1500 году пожаловалъ Іосифову Волоколамскому монастырю свою деревню и освободилъ ее отъ всякихъ повинностей и между прочимъ отъ „подымнаго“. Во второй половинѣ вѣка безпашенные бобыли платили въ монастыри оброкъ, а крестьяне вѣвѣжій кормъ доводчику тоже „съ дыма“. Сборъ ратнымъ людямъ на жалованье въ 1638 году названъ „подымнымъ“ ²⁾.

Что эта за единица? Во времена глубокой старины человекъ, живущій собственнымъ домомъ съ необходимыми хозяйственными постройками, а это и есть дворъ, представлялъ едланственную для того времени

¹⁾ Чечулинъ, Города, 111, изъ рукоп. матеріаловъ.

²⁾ А. Э. I № 136 и 238; А. Э. III № 258; Писц. кн. XVII, в. I; П. Милковъ, Гос. Хоз. 67.

црупную экономическую величину. Весьма понятно, что на него и лежало тягло. Но какое хозяйство велъ этотъ дворъ, сельское или городское? До обособленія городовъ отъ селъ, специализаціи хозяйствъ не было, и дворъ былъ единственной единицею обложенія для всякаго вида хозяйствъ. Другія единицы обложенія въ видѣ лавки, чръна, чана, коней, плуга, обжи, сохи, должны были появиться съ обособленіемъ сельскаго хозяйства отъ иныхъ промысловъ. Но дворъ съ расчлененіемъ занятій и успѣхами культуры продолжаетъ оставаться очевиднымъ и легко распознаваемымъ признакомъ благосостоянія и налогоспособности. Онъ необходимое условіе и сельскаго хозяйства, и торговли, и промысловъ. Изъ предшествующаго мы видѣли, что дворъ при нѣкоторыхъ условіяхъ совпадаетъ съ обжей. Этимъ легко объясняется то, что въ бывшихъ новгородскихъ владѣніяхъ посадскій дворъ по налогоспособности приравнивается къ обжѣ. Въ Вятскомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ съ посадскаго двора брали то же, что и съ обжи, „а дворъ посадскій противу обжи“ говоритъ памятникъ (А. Э. I № 234, 1552). Въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ господскій доходъ съ крестьянъ опредѣлялся съ двора-деревни; то же продолжается и въ XVI вѣкѣ. Игуменъ Соловецкаго монастыря въ уставной грамотѣ крестьянамъ пишетъ: „Давати имъ приквацику съ житейскихъ дворовъ“... (тамъ же № 221, 1548). Понятіе о дворѣ крестьянскомъ, какъ окладной единицѣ, пресущее сознанію людей и XVI вѣка.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ городскіе дворы сводятся въ сохи, и въ такомъ видѣ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ дворовъ составляютъ одну окладную единицу. Но въ то же время и отдѣльные городскіе дворы составляютъ окладную единицу. Для городовъ новгородскихъ пятишь—это старина. Въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка посадскіе люди Корелы, Орѣшка, Ладоги обложены прямо по дворамъ, а не по дворовымъ сохамъ.

Такое обложеніе городскихъ людей (посадскихъ, погостскихъ и жителей рядовъ) по дворамъ непосредственно, а не по дворовымъ сохамъ, встрѣчается и въ грамотахъ XVI вѣка. Шенкурцы и Вольскаго стану посадскіе люди платятъ съ дворовъ намѣстничь кормъ, новгородцы—пищальныя деньги и выставляютъ ратныхъ людей тоже съ дворовъ ¹⁾.

Въ періодъ полного господства сошнаго письма обложеніе по дво-

¹⁾ А. Э. I № 203, 234.

рамъ непосредственно переходить, иногда, и на крестьянскіе дворы. Въ книгахъ сошного письма находится весь необходимый для этого матеріалъ: тамъ приведены не только сохи и четы, но и число дворовъ. Всѣ данныя для обложенія по дворамъ давно на липо. А дворы представляютъ удобство не только по сравненію съ сохами, но и съ четями. Четы слишкомъ мелкая единица; дворы — покрупнѣе, а потому и удобнѣе. Обложеніе по дворамъ могло повести къ упрощенію и самаго измѣренія, которое брало много времени и едва ли давало точные результаты.

Древнѣйшій намъ встрѣтившійся случай обложенія крестьянъ по дворамъ относится къ 1506 году. Рыболовы Переяславской слободы должны были давать на вождѣ волостелю полтину съ дворовъ, а не съ сохъ; ратныхъ же людей на службу они давали не съ дворовъ, а съ сохъ. Рыболовы тѣ же крестьяне; у нихъ есть земли, которыя кладутся въ сошное письмо. Къ нимъ примѣняется и дворовое и сошное обложеніе ¹⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Рязанской земли 1594 года находимъ извѣстіе, что монастырская вотчина положена въ соху по дворамъ въ томъ размѣрѣ, какъ кладутся въ соху посадскіе дворы (2-й вып. 157). Съ паденіемъ практическаго значенія сошнаго письма, обложеніе крестьянъ по дворамъ должно было участиться.

Отъ 1632 года сохранилась расписка въ полученіи за этотъ годъ данныхъ и оброчныхъ денегъ съ вотчинъ вологодскаго и великопермскаго архіепископа со 125 дворовъ крестьянскихъ и 18 дворовъ бобыльскихъ. Въ 1637 году, по соборному опредѣленію, брали ратныхъ людей съ дворовъ: съ вотчинъ духовныхъ учрежденій по человѣку съ 10 дворовъ, а съ дворцовыхъ сель, съ помѣстій и съ вотчинъ служилыхъ людей—по человѣку съ 20 дворовъ. Въ то же время ратнымъ людямъ на жалованье приказано было взять съ посадовъ и съ государевыхъ черныхъ волостей съ 10 дворовъ по 20 рублей, а съ двора по 2 рубля. Сборъ съ дворовъ продолжается въ теченіи всего XVII вѣка. Въ концѣ вѣка деньги на жалованье и на хлѣбъ стрѣльцамъ опредѣляются съ двора крестьянскаго, бобыльскаго, посадскаго въ размѣрѣ 30 алт., рубля и пр. ²⁾.

¹⁾ А. Э. I, № 143; въ № 242 тѣ же рыболовы названы крестьянами; борисоглебскіе рыболовы называются и рыболовами и крестьянами. А. Э. III, № 170. Въ сошной дворцовыхъ рыболововъ волости Иваловъ-Борокъ описана принадлежащая имъ земля. А. Ю. № 228, 1506—1626 г.

²⁾ А. Ю. № 209, XV.; А. Э. III № 274 и 275; А. II. III № 201; А. Э. IV № 243, 250, 251, 299; 1632—1688.

Итакъ, обложеніе съ двора проходить чрезъ всю нашу исторію съ древнѣйшихъ временъ и по конецъ XVII вѣка; къ двору городскому оно примѣнялось съ болышей непрерывностью, но было хорошо извѣстно и крестьянскому. Для XVII вѣка это не новость. Обложеніе съ двора получаетъ въ это время только особенно широкое примѣненіе на счетъ сошнаго письма и нѣкоторыхъ другихъ способовъ, оказавшихся менѣе практичными.

Но дворы очень не равны по своему благосостоянію. Есть дворы—равные обжа; но были дворы въ двѣ, три и болѣе обжа. Въ Нижнемъ Новгородѣ были дворы, обложенные одной подушкой, и дворы, обложенные 60 полупшками и даже 120. Какъ же такая непостоянная величина могла служить единицей обложенія? Мы выше указывали уже на то, что дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ единица платежа, не одно и то же. Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось путемъ раскладки повинностей по животамъ и промысламъ уравнивать тѣ неравенства, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ эконоическаго неравенства отдѣльныхъ дворовъ. Но это не все: Правительство и съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы приспособить эту единицу обложенія къ мѣстнымъ потребностямъ. Дворъ, какъ единица обложенія, въ однихъ мѣстахъ считался болышей цѣнностью и облагался сильнѣе, въ другихъ—меньшею и облагался легче. Любопытный примѣръ такой приспособляемости двора, какъ единицы обложенія, къ мѣстнымъ потребностямъ, даетъ выписка изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ. Въ 1681 году московскіе гости разложили стрѣлецкія деньги на дворы по всѣмъ городамъ. По ихъ оцѣнкѣ дворы разныхъ городовъ оказались разной платежной способности, а потому и въ окладъ были положены различно. Въ Ярославлѣ каждый дворъ былъ обложенъ 2 р., въ Вологдѣ рублемъ и 140 деньгами, въ Нижнемъ и Костромѣ рублемъ и 100 деньгами, въ Казани рублемъ и 80 деньгами, въ Суздальѣ и Елатмѣ—рублемъ и 60 деньгами, въ Воневѣ, Серпуховѣ, Бѣлевѣ, Черпи, Переяславлѣ Залѣскомъ, Вязьмѣ, Нерехтѣ, Калугѣ, Устюгѣ-Великомъ и многихъ другихъ городахъ однимъ рублемъ, въ Юрьевѣ-Польскомъ въ 180 денегъ, это наименьшій окладъ (А. Э. IV № 250). Такимъ образомъ, окладной дворъ приспособлялся къ особенностямъ мѣстности, въ однихъ городахъ онъ цѣнился выше, чѣмъ въ другихъ; да кромѣ того въ каждой мѣстности окладной дворъ распадался на отдѣльные платежные дворы, которые платили по ихъ животамъ и промысламъ, а не по окладу, ясный примѣръ чего даетъ

разобранная выше опись Нижняго. На уѣздные дворы окладный деньгъ распредѣлялись „по землямъ и по угодьямъ“. По сравненію съ другими едипицами обложенія дворъ представляется наиболѣе гибкой и приспособляемой къ мѣстнымъ условіямъ единицей.

Указанныя единицы обложенія, возникнувъ въ разныя времена, не вытѣсняють, однако, одна другую, а существуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ XVII вѣкѣ ихъ можно наблюдать одиновременно. Но и этихъ многочисленныхъ способовъ обложенія для цѣлей московской администраціи оказалось мало; въ первой половинѣ XVII вѣка возникаетъ еще новый.

Въ XVI вѣкѣ, а по всей вѣроятности и того раньше, у насъ возникла дворовая соха, а въ XVII-мъ возникаетъ дворовая четверть. Первые, дошедшіе до насъ, указы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этой окладной единицѣ, относятся къ 1630 и 1631 году; но нововведеніе началось нѣсколько раньше, годомъ или двумя. Въ этихъ болѣе раннихъ указахъ, до насъ не дошедшихъ, рѣчь шла о новой окладной единицѣ для монастырскихъ вотчинъ и помѣстій нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ, для Мещовска и Медынн; въ дошедшихъ же до насъ указахъ новая окладная единица вводится для помѣстій и вотчинъ въ 71 уѣздѣ.

Дошедшіе до насъ указы ¹⁾ не объясняютъ мотивовъ нововведенія. По объ нихъ можно догадываться. Есть основаніе думать, что въ XVII вѣкѣ бобыльство получило большое развитіе и число бобыльскихъ дворовъ сравнительно съ крестьянскими значительно возросло. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы при подворномъ обложеніи расцѣпывались по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ. Надо думать, что такая расцѣпка не всегда была правильная, и вотъ явилась мысль составить такую окладную единицу, въ которой податное отношеніе крестьянскихъ дворовъ къ бобыльскимъ было бы точно опредѣлено и не зависѣло отъ усмотрѣнія окладчиковъ. По имѣющимся даннымъ это было прежде всего сдѣлано для вотчинъ и помѣстій Мещовскаго и Медынскаго уѣздовъ. Новая окладная единица должна была тамъ состоять изъ 12 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ дворовъ. А въ монастырскихъ вотчинахъ приказано было (тоже до 1630 года) класть отъ 3-хъ до 9 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ въ

¹⁾ Находятся въ указанной книгѣ помѣстнаго приказа, напечатанной г. Сторожевымъ въ VI кн. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ минист. юстиціи, стр. 100 сл.

дворовую четверть ⁴⁾. Устанавливая такое отношеніе между служилой четвертью и монастырской, правительство, очевидно, руководилось тѣми же соображеніями, по какимъ монастырская соха была менѣ помѣстной: духовенство, какъ не состоявшее на службѣ, должно было облагаться повинностями въ большей мѣрѣ, чѣмъ служилые люди. Отъ 30 и 31 года имѣемъ рядъ указовъ, которыми такая же окладная единица устанавливается для помѣстій и вотчинъ еще 71 уѣзда, но для разныхъ уѣздовъ тоже разная. Для однихъ въ 2 кр. и 2 б., для другихъ: въ 2 кр. и 3 б., въ 4 кр. и 2 б., въ 4 кр. и 3 б., въ 5 кр. и 3 б., въ 8 кр. и 4 б. и, наконецъ, въ 12 кр. и 8 б. Это узаконеніе для насъ чрезвычайно важно, и не столько само по себѣ, сколько потому, что оно бросаетъ свѣтъ на прошлое. Новая единица обложенія очень разная для разныхъ мѣстностей и группъ населенія. Почему это? Это изъ желанія приспособиться къ экономическимъ условіямъ разныхъ мѣстъ. Совершенно то же было въ XVI вѣкѣ и ранѣе съ сохой. Сначала она была совершенно индивидуальна, смотря по особенностямъ каждаго мѣстнаго хозяйства, потомъ ее стали переводить на опредѣленную мѣру земли, но разную по мѣстностямъ, группамъ владѣльцевъ и даже по лицамъ. Но при такомъ способѣ обложенія можно надѣлать множество ошибокъ (а есть ли безошибочные способы обложенія?) и московское правительство ихъ надѣлало не мало и съ сохой и съ живущей четвертью. Указы о живущей четверти немедленно вызвали неудовольствіе и жалобы. Медынскій и мешовскій помѣщикъ платилъ съ 12 кр. и 8 б. дворовъ, а калужскій то же самое, но съ 2 кр. и 2 б. Конечно, дворы могли быть не равны. Когда въ Нижнемъ одинъ дворъ оцѣнивался въ 120 разъ выше, чѣмъ другой, къ этому можно еще было имѣть довѣріе потому, что это индивидуальная оцѣнка каждаго двора въ отдѣльности; съ каждой новой описью она могла измѣниться, и дѣйствительно мѣнялась. А здѣсь? Здѣсь это валовая оцѣнка цѣлаго уѣзда и даже цѣлаго ряда уѣздовъ въ одну цѣну. Тутъ только намѣреніе доброе, а исполненіе—одна крупная ошибка.

19-го марта 1630 года калужане были обложены въ 2 кр. и 2 б. двора и сейчасъ же обратились къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу и отцу его, государю святѣйшему патриарху Филарету, Никитичу, съ челобитьемъ облегчить ихъ окладъ. То же

⁴⁾ Въ 17 уѣздахъ въ монастырскую четвертьшло всего 3 двора кр. и боб.; въ 14—по 2 кр. и по 2 боб.; въ 16—по 3 кр. и по 2 боб.; въ 8—по 2 кр. и по 3 боб.; въ одномъ—4 кр. и 2 боб. и въ 13—по 6 кр. и по 3 боб.

дѣлають и еще два города. Послѣдовалъ новый указъ, которымъ калужане обложены съ 4 кр. и 3 б. дворовъ. Это ихъ, конечно, не удовлетворило. Новое челобитіе объ облегченіи и новый указъ объ обложеніи калужанъ и еще цѣлаго ряда уѣздовъ съ 8 кр. и 4 б. дворовъ. И всѣ эти переибы произошли въ теченіи какихъ-нибудь 10 мѣсяцевъ. Перемышль, Лихвинъ, Брянскъ, Карачевъ и Воронежъ сначала были тоже положены въ 2 кр. и 2 б. двора; а потомъ, по челобитію, прямо переведены въ разрядъ 12 кр. и 8 б. дворовъ. Вотъ какъ внимательно и близко къ дѣлу была сдѣлана первая разцѣпка! Въ практичности такого обложенія очень можно сомнѣваться.

Такъ создавалась новая окладная единица.

Новая мѣра имѣетъ цѣлью регулировать отношеніе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Правительство исходило изъ предположенія, что крестьянскихъ дворовъ мало, а бобыльскихъ много, а потому въ указахъ его находимъ такое опредѣленіе: „А гдѣ крестьянскихъ дворовъ *не достанетъ*, и тутъ указали положить за одинъ дворъ крестьянскій по два двора бобыльскихъ“. А что будетъ не доставать бобыльскихъ дворовъ, этого и въ голову не приходило. Въ дѣйствительности же были случаи, что не доставало бобыльскихъ дворовъ. Приравненіе двухъ бобыльскихъ дворовъ одному крестьянскому, тоже не всегда отвѣчало дѣйствительности. Между бобыльями были мастеровые, которые жили не хуже крестьянина. Наконецъ, новая окладная единица представляла и большое неудобство по способу примѣненія: она требовала значительныхъ расчисленій. Въ каждомъ имѣніи число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ надо было привести въ соответствующія окладныя единицы по расчету 12 и 8 или 8 и 4 и проч. Могли оказаться дроби и опять должны были возродиться полъ полъ трети и полъ полъ четверти. Но этимъ дробямъ и окладъ приходилось распредѣлять въ дробяхъ. Окладъ по дворовымъ четвертямъ и не равномеренъ и не удобенъ.

Наименованіе новой единицы также заставляетъ очень задуматься. Въ указахъ читаемъ: „Государь, царь и вел. князь Михайло Ѳедоровичъ и отецъ его, вел. государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, указали за помѣщики и за вотчинники на *живущую пашню* класть.... по два двора крестьянскихъ да по два двора бобыльскихъ въ *четверть*“. Здѣсь рѣчь идетъ о „живущей четверти пашни“. Но живущая четверть пашни — терминъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Въ нихъ очень часто читаемъ: „А платить ему государевы всякія подати

съ живущаго съ четвертные пашни съ 7 четей“. Указы 30 и 31 года удерживаютъ это выраженіе, но придаютъ ему совершенно другой смыслъ. Прежде, дѣйствительно, платили съ числа четей живущей пашни; по новымъ указамъ должны были платить съ числа дворовъ, положенныхъ въ живущую четверть. Терминъ и дѣло совершенно разошлись. Повинности собираются не съ четвертей пашни, а съ очень искусственной единицы, съ котораго итога крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, который въ разныхъ мѣстахъ различенъ и нигдѣ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ живущей пашнѣ.

Новая единица прививалась къ жизни очень медленно. На монастырскія вотчины она была распространена еще до 1630 г. или въ первые два мѣсяца этого года, а въ іюнѣ 1631 года съ вотчинъ Кириллова монастыря брали деньги не съ дворовой четверти пашни, а просто съ чети земли. Это не подлежитъ сомнѣнію ⁴⁾. Итакъ, полтора года спустя послѣ введенія новой единицы она еще не примѣняется

Но уже съ 1631 года изъ книгъ сошнаго письма стали выдавать выписки о платежѣ повинностей по новому окладу. Мы имѣемъ одну такую выписку. Она была выдана изъ книгъ сошнаго письма 1625—1629 годовъ помѣщику, казанскому жильцу, Девятому Змѣеву. Книги сошнаго письма были написаны обыкновеннымъ порядкомъ: названы деревни, перечислены дворы крестьянскіе и бобыльскіе, показана земля въ четьяхъ и положена въ сохи живущія и пустыя. Къ этой выпискѣ подьячій приписалъ расчетъ дворовъ по новому окладу. У Змѣева было дворовъ крестьянскихъ 30, бобыльскихъ—7; окладная единица для его мѣстности—5 кр. и 3 б. двора. Подьячій сдѣлалъ изъ 37 дворовъ „5 четвертей безъ полутретника пашни“. Вотъ какъ получился этотъ результатъ: 10 кр. дворовъ и 6 боб. составляютъ узаконенныя 2 четверти. Затѣмъ остается 20 крестьянскихъ и 1 бобыльскій дворъ. Для обращенія ихъ въ четверти, подьячій перевелъ узаконенную четверть,

⁴⁾ Съ вотчинъ монастыря въ іюнѣ 1631 года опредѣлено было взять даточныхъ людей „съ 23.690 четей“. Монастырская дворовая четверть для Бѣла-озера, по указу 21-го апрѣля 1631 года, состояла въ итогѣ изъ 15 дворовъ. Если бы эти чети были дворовныя, то Кирилловъ монастырь долженъ былъ бы имѣть 355.350 дворовъ, а мы знаемъ, что въ 1637 году у него было всего 2.101 дворъ, а земли 25.400 четей, почти то же, что и въ 1631 году. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ 1631 году у него было 355.350 дворовъ. А. О. III № 193 и 274.

состоящую изъ 5 кр. и 3 б. дворовъ, въ чисто крестьянскую, по разсчету 2 боб. дворовъ на 1 крестьянскій; на такую четверть приходится $6\frac{1}{2}$ крест. дворовъ. Остатокъ, 20 кр. и 1 боб. дворъ, онъ обратилъ въ $20\frac{1}{2}$ дворовъ крест., и это составитъ 3 четверти крестьянскихъ съ дворомъ, а въ цѣломъ и получится немного больше того, что вывелъ подьячій: 5 четвертей безъ полутретника *пашни*, только, конечно, *не пашни*. Пашня здѣсь пережитокъ земельныхъ сохъ, а потомъ четей. Подьячій прилаживаетъ старыя термины къ новымъ явленіямъ, и получается нѣчто невразумительное для непосвященнаго въ приказныя тайны (А. Ю., № 164).

Но такимъ же языкомъ говорятъ и царскія грамоты. Въ грамотѣ 1637 г. въ Пермь Великую о сборѣ денегъ на строеніе укрѣпленій для защиты отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ читаемъ: „А для того городоваго дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ указали мы взять въ городѣхъ, по писцовымъ книгамъ съ *живущихъ четей*, съ *посадовъ*, и съ *пашинъ* дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей.... съ *чети пашни* по полтинѣ; съ боярскихъ и съ околицныхъ..... съ *помѣстныхъ* и съ *вотчинныхъ* земель, и съ *гостей*, за которыми земля есть, съ *живущія чети* по 20 алтынѣ“ и т. д. Что это за *живущія чети* пашни, съ которыхъ берутъ по 100 и по 120 денегъ? Это, если не старыя чети, то дворовыя четверти, введенныя указами 30-хъ годовъ; въ 1637 году онѣ, надо думать, были уже примѣнены и къ посадамъ, и къ дворцовымъ селамъ, и къ чернымъ волостямъ. Но языкъ памятника легко можетъ возбудить недоумѣніе; онъ переноситъ въ XVI вѣкъ, когда дворовой четверти не было ¹⁾.

Можно, однако, думать, что новая окладная единица, если и примѣнялась, то большого успѣха не имѣла. Дѣлаю такое предположеніе на основаніи грамотъ, въ которыхъ окладъ, назначенный первоначально на живущую четверть пашни, переводился потомъ прямо на дворы. Въ 1680 году со всѣхъ городовъ за стрѣлецкій хлѣбъ положено было собирать съ прибавкой и собирали деньгами съ *живущей четверти пашни* по 2 рубля. „А въ нынѣшнемъ году (1681) государь указалъ и бояре приговорили пологотить и взять вмѣсто данныхъ и оброчныхъ и полонянничныхъ денегъ съ Колскаго уѣзда съ 644 дворовъ по рублю съ *двора*“. Указъ объ облегченіи сборовъ былъ посланъ и въ Тотму;

¹⁾ А. Э. III № 268. О дворовой четверти, кажется, рѣчь идетъ и въ № 189, А. Э. IV за 1672 г.

но съ нѣкоторыми переменами. Прежде въ Тотмѣ брали съ *живущей четверти пашни* по 2 рубля за стрѣлцкій хлѣбъ, а теперь вмѣсто стрѣлцкихъ денегъ и иныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ положенъ окладъ съ посаду и съ уѣзду съ 3.666 дворовъ по 30 алт. съ двора. Въ чемъ состояло облегченіе, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ понятія, такъ какъ въ указахъ сопоставлены разные сборы: съ одной стороны только деньги за стрѣлцкій хлѣбъ, а съ другой въ Тотмѣ—стрѣлцкія деньги и всякіе другіе сборы, а въ Колскомъ уѣздѣ—только нѣкоторые сборы. Но для насъ не это важно, а то, что дѣлается не просто уменьшеніе сборовъ, что легко было бы сдѣлать и при дворовой четверти, а переходятъ къ другой единицѣ обложенія. Новый льготный окладъ опредѣленъ не съ четверти, а съ дворовъ, и будутъ его собирать не поровну съ каждаго двора, а по животамъ и промысламъ, и по пожиткамъ, чтобы лучшіе и полные люди передъ средними и меньшими не были въ выгодѣ, а меньшіе и средніе передъ лучшими и полными въ тягости и никто въ убыли не былъ ¹⁾. Это возвращеніе къ извѣстному уже намъ подворному обложенію, свидѣтельствующее о непригодности новой окладной единицы. Практическая роль этой единицы въ напечатанныхъ намятникахъ выступаетъ очень смутно и не ясно.

Последней окладной единицей, но первоначально съ спеціальнымъ назначеніемъ, является выть.

Кромѣ государственныхъ повинностей на крестьянахъ лежали еще новинности въ пользу господина земли, на которой они сидѣли. Повинности эти опредѣлялись въ порядныхъ и лежали на каждомъ домохозяинѣ. Когда началась конфискація владѣній новгородскихъ бояръ и бояришекъ, повинности крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, стали поступать въ казну великаго князя московскаго; но въ порядкѣ обложенія крестьянъ этими господскими повинностями произошла переменна.

---

¹⁾ А. Э. IV, № 243 и 251, 1681—2. Въ этихъ указахъ встрѣчается такое выраженіе: „Положено было и собрано деньгами по сошному писму съ живущей четверти пашни по 2 р. за юфть“. Выраженіе „по сошному писму“ не должно удивлять. Изъ выше приведеннаго примѣра (стр. 335) мы видимъ, что дворовыя четверти составляются на основаніи старыхъ книгъ сошнаго писма, въ которыхъ былъ весь необходимый для этого матеріалъ. Но что значитъ „юфть“? У Дала—это всѣ три поля земли. Крестьянскіе и боярьскіе дворы казались въ четверти, а четверти въ полѣ, а въ двухъ потому же. Юфть, надо думать, и означаетъ эту четверть пашни въ трехъ поляхъ. Слово и дѣло совершенно расходятся.

Въ виду значительнаго количества крестьянъ, оказавшихся прекарными владѣльцами конфискованныхъ земель, правительство перевело лежавшія на нихъ господскій доходъ на деньги и возложило его уплату на цѣлое крестьянское общество конфискованнаго имѣнія-волости. Если же имѣніе было небольшое, нѣсколько такихъ имѣній соединялись въ одну волость для уплаты господскихъ великому князю повинностей. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ новгородскихъ пятягъ возникли особыя окладныя единицы для платежа князю только господскихъ повинностей. Эти особыя единицы, крестьянскія волости, получали права прекарнаго владѣнія и всѣми угодьями, состоявшими при конфискованныхъ волостяхъ и волостяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право призывать новыхъ крестьянъ въ тотъ же господскій оброкъ и раздавать имъ участки свободныхъ земель. Такъ впервые возникло право крестьянскихъ общинъ на государевы земли. Крестьянскія общины явились землевладѣльцами, но онѣ владѣли не общинно, а подворно; по этому подворному владѣнію они разводили между собой и господскія повинности по пашнѣ, угодью, животамъ и промысламъ. Государственными же повинностями облагались онѣ по обжамъ и сохамъ. Обо всемъ этомъ была рѣчь выше.

Въ старыхъ областяхъ возникающаго Московскаго государства съ самыхъ древнихъ временъ для уѣзднаго обложенія существовали сохи. Въ XVI вѣкѣ онѣ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ. Мы уже знаемъ, что сохи оказались неудобными для цѣлей государственнаго обложенія, и допустили рядомъ съ собой чети; еще менѣе были онѣ удобны для цѣлей господскаго обложенія, для котораго и возникли спеціальныя единицы—выти. Что значитъ слово выть?

Слово „выть“ въ памятникахъ XV—XVII вѣка употребляется въ смыслѣ части, доли, участка; слово „вытникъ“ означаетъ участника. Истець говоритъ на судѣ: „По то, господине, мѣсто—наше земля городская, моего двора выть“, т. е. участокъ моего двора. Нѣсколько общихъ владѣльцевъ варницы продаютъ свою часть и говорятъ: „Отступились есмь росолу въ варници свою двѣнадцатую выть въ варници, и въ кострицахъ, и со всѣми угодьями тоѣ варницы, что къ ней изстари потягло“. Разграбленное имущество пополнялось изъ имущества грабителей. Въ уставныхъ грамотахъ читаемъ: „А которыс люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ испдомъ въ *выть* въ полы испдовыхъ исконь“, т. е. движимость разбойниковъ идетъ въ уплату части пограбленнаго, въ половину противъ сдѣланнаго заявленія. Тоже и въ Уложеніи: „А

которыя языки говорятъ на чьихъ либо людей (т. е. свидѣтельствуютъ о разбоѣ этихъ людей) и доведется на нихъ взять *выти*“, т. е. части пограбленнаго.— Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ читаемъ: „Дворъ Мартыно Есиповъ (своеземецъ), съѣтъ ржи 2 коробы, а сѣна коситъ 15 копенъ, обжа; а вытники у него въ той обжѣ: дьякъ Никитцкой съ Никитцкіе улицы, Нефедъ да Гридка Исаковъ изъ Еглина съ Печи Озера . . .“ Мартыкъ Есиповъ живетъ на своей землѣ и его дворъ обозначенъ; но у него есть совладѣльцы, это его вытники. Они живутъ въ другихъ мѣстахъ, предоставивъ Есипову вести общее хозяйство ¹⁾).

Въ этомъ смыслѣ—части, доли—слово *выть* употребляется очень часто, но не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ окладнымъ единицамъ и къ уплатѣ какихъ либо повинностей. Это, конечно, первоначальный смыслъ слова.

Рядомъ съ этимъ старымъ, первоначальнымъ значеніемъ, слово *выть* получило и новое съ того времени, когда имъ стали означать специальную окладную единицу для потребностей дворцоваго хозяйства. Когда впервые возникли такія выти, этого мы не можемъ сказать, за полнымъ отсутствіемъ въ печати писцовыхъ книгъ первой половины XVI вѣка. Но со второй половины вѣка выти встрѣчаются часто, хотя и въ концѣ вѣка есть дворцовыя села и деревни, въ которыхъ выта еще не введены ²⁾).

Что же это за единица? Въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка, послѣ весьма подробнаго описанія дворцовыхъ деревень и подведенія итога къ числу дворовъ, людей и четей земли въ живущемъ и въ пустѣ, обыкновенно читаемъ: „И *дати на выть* крестьяномъ доброй земли по 6 десятинъ . . . А оброку крестьяномъ платити въ Дворцовый приказъ съ *выти* по полтинѣ . . . да мелкаго доходу платити крестьяномъ на дворецъ съ 30 *вытей* яловица, съ 15—боровъ живой, съ *выти* по барану, по 2 сыра кислыхъ и т. д. А коли князь великій

¹⁾ Нов. инс. кн. I ст. 811; А. Ю. № 7 а 135; А. Ю. I, № 281; Уложеніе XXI, 66; 1491—1649.

²⁾ Въ приложенияхъ Новодина находимъ извлеченіе изъ описанія дворцовыхъ селъ и деревень въ новгородскихъ писанахъ конца XVI вѣка, но безъ вытей. Прилож. II и VI; Приложение XII оканчивается описаніемъ тоже дворцовыхъ деревень, но оно не сохранилось.—Наиболѣе древнее упоминаніе вытей, намъ встрѣтившесся, относится къ 1557 году. Отъ этого года сохранилась сотная дворцовыхъ рыбозоловъ, земля которыхъ была положена въ выти. А. Ю. № 228.

не везить у нихъ мелкимъ доходомъ имати, и крестьяномъ платити: за яловицу съ выти по 7 денегъ, за борова съ выти по $3\frac{1}{2}$ деньги" и т. д.

Выраженіе „дано на выть 6 десятинъ доброй земли“—можетъ навести на мысль, что произошло какое-то равномерное надѣленіе крестьянъ землею; что прежде они владѣли, кто чѣмъ хотѣлъ, а теперь надѣлены всѣ поровну. Ипчего такого не произошло. Крестьяне продолжаютъ сидѣть на прежнихъ участкахъ, и въ каждой деревнѣ есть жилия и пустыя земли; и тѣ, и другія положены въ сохи по общему порядку. „Дано на выть“—значить, что итогъ крестьянскихъ земель села съ приписанными къ нему деревнями раздѣленъ на равныя части или доли, съ которыхъ они и должны платить ниже перечисленныя повинности во дворецъ. Эти равныя части и названы всѣмъ хорошо извѣстнымъ словомъ „выти“.

Итакъ, выть это опредѣленное количество земли, съ котораго дворцовые крестьяне несутъ господскія повинности во дворецъ зерномъ, скотомъ, птицей, яйцами, дровами, сѣномъ, соломой и проч. Это и значить дано на выть. Съ этой реформы, надо думать, появился и глаголь „развытитъ“, т. е. разложить сборъ повинностей на выти. Размѣръ такихъ вытей въ разное время опредѣлялся различно. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го давали, обыкновенно, на выть въ 6 десятинъ доброй земли (7 средней и 8 худой), но давали и меньше: 5, $3\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$ десятины доброй земли и даже того меньше ¹⁾.

По отдѣльнымъ крестьяне сидятъ не на цѣлыхъ вытяхъ, а на ихъ дробныхъ частяхъ, которыя для разныхъ хозяйствъ различны. Писцовыя книги конца XVI вѣка даютъ возможность составить себѣ точное понятіе о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ дворцовыхъ ямбій.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ данныхъ для Тверского уѣзда по описи 1580 года.

¹⁾ Невольникъ, Приложение, 130. 1627 г.

Выти считались то въ десятинахъ, то въ четкахъ. Проф. П. Миллюковъ нашелъ въ Арх. М. Юстиціи сотную 1544 года, въ которой мѣра десятины опредѣлена такъ: въ длину—80 саж., въ ширину—30=2.400. Ту же мѣру имѣетъ десятина и въ книгѣ сотнаго письма 1629 года на стр. 56; а на стр. 18-й десятина опредѣлена такъ: 80×40=3200 сажент. Временникъ XVII. Не только сохи, но и десятины были не равной величины. Старое различіе десятины дошло и до нашихъ дней въ различіи казенной и экономической десятины.

		состояло пл.	имѣло	
			пашни въ живущемъ	въ пустѣ.
Село Марьино и къ нему	28 дер.	111 двор.	109 дес.	140 дес.
Щербинино	9	35	35	77
Михайлово	3	51	46	79
Сухаряно .	9	48	47	131
Борки	15	109	109	160
„ Едымоново	15	135	118	113
Слободка села Едымонова	20	136	125	122
Село Костянтиновское .	5	27	22	41

Нельзя сказать, чтобы землевладѣніе дворянскихъ крестьянъ конца XVI вѣка было очень обширно. Земель въ живущемъ въ среднемъ на каждый дворъ не всегда приходится по десятинѣ въ полѣ. Но земли въ пустѣ не всѣ пустыя, нѣкоторая часть ихъ воздѣлывается тѣми же дворами, но переложно, а частью наѣздомъ. Благодаря этому нашенное хозяйство отдѣльныхъ дворовъ можетъ подняться въ среднемъ до 2 дес. въ полѣ. Кромѣ пашенныхъ земель, нѣкоторые крестьяне имѣли покосы и лѣсные участки. Въ выти, по общему въ это время порядку, писались какъ живущія, такъ и пустыя деревни и земли. Въ селѣ Марьино считалось 12 живущихъ вытей, въ Щербининѣ 4 съ $\frac{1}{3}$, въ Михайловѣ 6, въ Сухоринѣ—7 и т. д., съ которыхъ крестьяне и платили дворянскія повинности. На пустыя выти имъ предоставлялось право призывать новыхъ поселенцевъ на льготы и сдавать ихъ въ оброкъ; мы уже знаемъ, что это право предоставлялось крестьянамъ еще въ концѣ XV вѣка и, конечно, раньше, какъ только появилось прекарное крестьянское владѣніе.

Количество земли на одно хозяйство съ полной точностью можно указать только для деревень съ однимъ дворомъ, или когда именно указано количество земли на одинъ дворъ. Приведемъ два такихъ примѣра. Въ дер. Нетребуево былъ одинъ дворъ, въ которомъ жили два брата съ племянникомъ, пашни у нихъ было 2 десятинны въ полѣ. Сѣна и лѣса вовсе не было. Въ дер. Колодезецъ Иванъ Заборовскій жилъ на одной шестой выти (отъ 8 дес.); сѣна и лѣсу не было. Въ первомъ случаѣ три работника воздѣлывали всего 2 дес. въ полѣ, во второмъ одинъ—десятишу съ $\frac{1}{3}$ (Калачовъ II, 302, 305). Пашни переложной тоже не было.

Близкій къ этому результатъ даютъ и нѣкоторыя деревни съ

нѣсколькими дворами. Въ Демковѣ было 4 двора, а пахали они всего 3 дес. пашни да перелогу 1 десятина (307). Въ починокѣ Кузминѣ было два двора, а пашни у нихъ было 1 десятина съ $\frac{1}{2}$ да перелогу одна десятина съ $\frac{1}{2}$, луговъ не было, а лѣсу кустаремъ было 8 десятинъ (318). Въ первомъ случаѣ на дворъ съ переложной пашней приходится по одной десятинѣ въ полѣ, во второмъ пемного болѣе.

Но были случаи и болѣе крупныя занашекъ. Въ дер. Осипково было 2 двора; одинъ принадлежалъ двумъ мушьянамъ, другой двоевѣ. Пашни у нихъ было 7 десятинъ въ полѣ; сѣна, лѣсу, перелога— не было (308). Это по 3 съ $\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ на дворъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что небольшія деревни конца XVI вѣка, составлявшія одну платежную единицу, были очень различно надѣлены благами природы. Однѣ имѣли луга, лѣса, переложная пашни; другія были лишены этихъ удобствъ. Объясняется это происхожденіемъ государевыхъ земель изъ частныхъ владѣній. Въ прекарное владѣніе крестьянъ поступило то, чѣмъ владѣли прежніе своеземцы: если у нихъ угодій не было, не было угодій и у ихъ крестьянъ. Этимъ неравенствомъ крестьянскаго землевладѣнія объясняются слѣдующія предписанія писцовыхъ книгъ: „А земляни, и луги, и лѣсомъ, и всякими угодья верстанся крестьяномъ на всякую выть по ровну, и не черезъ землю, чтобъ крестьяномъ межъ себя сору и брани не было ни которыми дѣлами“ (294).

Приведеннымъ предписаніемъ дѣлается новый крупный шагъ на пути къ тому общинному землевладѣнію, которое окончательно выработало свои типическія формы только въ XVIII вѣкѣ со введеніемъ подушной подати. До конца XVI вѣка множество маленькихъ деревенокъ (а большинство было маленькіи) още оставались въ своихъ старыхъ границахъ. Если у прежняго владѣльца не было угодій, ихъ не оказывалось и у замѣнившихъ его крестьянъ, хотя бы рядомъ, у сосѣднихъ крестьянъ, было довольно и луговъ и лѣсовъ и всякихъ угодій. Какъ скоро эти земли стали переходить въ руки московскихъ князей и дѣлиться на выти, оказалось нужнымъ уравнивать выти лѣсами, лугами и другими угодьями. Выти были равны по количеству пашенной земли, а не угодій. Поэтому во многихъ деревняхъ не было ни луговъ, ни угодій. Это, конечно, производило большую разницу въ платежной способности вытей и порождало ссоры между крестьянами. Отсюда необходимость уравниванія вытей и деревень угодьями. О переходѣ разныхъ угодій въ прекарное владѣніе новгородскихъ крестьянъ

мы имѣли уже случай говорить раньше; но были ли тогда же принимаемы мѣры къ уравниенію угодьями деревень разныхъ владѣльцевъ, это не ясно. Скорѣе можно думать, что такихъ предписаній тогда еще не дѣлали; они появляются въ концѣ XVI вѣка, какъ новость, для прекращенія крестьянскихъ „споровъ и брани.“ Предписанное уравниеніе должно было вызвать передѣлы земель между деревнями, а вслѣдствіе уравнительнаго предѣла земель и угодій могло появиться и соединеніе мелкихъ селъ и деревень въ крупныя, простирающіяся на цѣлыя версты. Подъ передѣломъ мы разумѣемъ единовременный передѣлъ для уравниенія вытей и деревень лугами, лѣсами и другими угодьями, а не периодически повторяющіяся. Этотъ послѣдній могъ возникнуть только съ переложеніемъ повинностей съ хозяйствъ на души. Въ условіяхъ же древняго до Петровскаго быта для него не было ни малѣйшихъ основаній ¹⁾).

Возвратимся къ описаніямъ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Московскія описи дворцовыхъ селъ и деревень представляютъ ту особенность, что приводятъ не только размѣры нашенныхъ земель крестьянъ, но и размѣры ихъ дворовъ, т. е. земли, занятой постройками и огородами. Размѣры дворовъ и огородовъ также очень раз-

---

¹⁾ Въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ доказательство существованія передѣловъ еще въ XV вѣкѣ приводилось слѣдующее мѣсто изъ грамоты митроп. Слѣмона Юркі Масленицкому: „Вилъ ми челоуъ архиманд. Матвій, а сказываеъ, что ихъ монастырскіе крестьяне... нашрутъ пашни на себи много, а монастырскіе де пашли мало. И ти бы въ тѣ села съ архимандритомъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемѣряни, да даиъ бы еси Христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будеть земля обильно, а кому будеть земля надобно боѣе того, и онъ бы потому же пахалъ и монастырскую пашню—шестой жеребей; а кому не будеть силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню“. Грамота эта найдена проф. Миллюкомъ и имъ напечатана, Вопросы 32. Даты не имѣетъ. Могла быть написана между 1496 и 1510 г. Въ ней не только имѣтъ передѣла, но даже имѣтъ и равнаго надѣла крестьянъ. Правда, въ ней говорится, чтобы Юрка далъ крестьянамъ по пяти десятинъ, но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что желающіе могутъ взять и больше и меньше. Изъ челобитья архимандрита видно, что крестьяне берутъ земли много, а на монастырь нашрутъ мало. Грамота опредѣляетъ размѣръ крестьянскихъ натуральныхъ повинностей въ пользу монастыря. Они должны пахати за пяти десятинъ шестую на монастырь, а сколько у кого будеть земли, это безразлично. Что же значитъ „дати по 5 десятинъ?“ Это, конечно, сказано на тотъ случай, если всѣ крестьяне заявятъ большія требованія, а земли для ихъ удовлетворенія не будеть. Тогда дати всѣмъ поровну, по пяти. Эта грамота имѣетъ ту же цѣль, что и учрежденіе вытей; но какъ и выти не установили ни надѣла, ни передѣла.

личны. Встрѣчаемъ два двора на $\frac{1}{8}$ выти, на $\frac{1}{4}$ и на $\frac{1}{4}$ и одинъ дворъ на $\frac{3}{8}$ выти. Такимъ образомъ, на одинъ крестьянскій дворъ съ огородамъ приходится отъ половины десятины до 3 десятингъ. Это, можетъ быть, свидѣтельствуеть о значительномъ развитіи огородничества, которое даже при небольшихъ размѣрахъ двора равнялось почти половинѣ обрабатываемой земли въ полѣ. И теперь крестьяне сѣютъ коноплю у двора за огородамъ. Это могло быть и въ XVI-мъ вѣкѣ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняются такіе многоземельные дворы, какъ приписанный дворъ въ 3 десятины, если тогда въ Тверскомъ уѣздѣ воздѣлывали коноплю. Земля подъ дворомъ въ платежную выть не шла, хотя и клалась въ выти.

На размѣрахъ крестьянскихъ участковъ у дворцовыхъ крестьянъ мы остановились случайно, съ цѣлью указать на то, что выти и крестьянскіе участки не одно и то же. Но разъ зашла рѣчь о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ, считаемъ не лишнимъ, для полноты впечатлѣнія, указать и на размѣры участковъ у крестьянъ частныхъ владѣльцевъ того же времени. Они тоже очень неравные, но достигаютъ нерѣдко гораздо большихъ размѣровъ. Въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ у крестьянъ князей Гундоровыхъ въ деревняхъ съ однимъ дворомъ пашни въ полѣ приходилось: 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 16 и даже 20 и 25 четей. Всѣ эти деревни находились въ одномъ мѣстѣ и тянули къ одному селу Теребункѣ, гдѣ былъ и княжой дворъ. Разнообразіе дворовыхъ участковъ въ помѣстьяхъ еще большее, чѣмъ въ дворцовыхъ помѣніяхъ. Въ той же волости, но у другого помѣщика, мы замѣтили деревню въ одинъ дворъ, но съ пашней въ 29 четей въ полѣ. Больше крупныхъ крестьянскихъ записекъ не пришлось встрѣтить. Деревни съ нѣсколькими дворами чаще представляютъ записку среднихъ размѣровъ, чѣмъ крупныхъ (Калачокъ, II 70, 71 и сл.).

Съ перваго появленіи прекарнаго владѣнія крестьянскихъ общинъ, которое восходятъ къ XIV вѣку, и до конца XVI-го не замѣтно никакихъ размѣненій въ отношеніяхъ общинъ къ ихъ землямъ. Во владѣніи и пользованіи общинъ состоятъ государевы земли съ принадлежащими къ нимъ угодьями: водами, лѣсами, лугами, но до тѣхъ поръ, пока эти земли не будутъ отданы въ помѣстья или кому пожалованы на вотчинномъ правѣ. Общины могутъ сдавать пустыя земли повѣямъ приписельцамъ въ то же глго или на льготѣ. Но участки отдѣльныхъ крестьянъ не равны, и они получаютъ ихъ не для платежа тягла. Совершенно наоборотъ, не землевладѣніе опредѣляется

по тяглу, а тягло по размѣру участка, и крестьянинъ долженъ брать участокъ любой величины. Нѣтъ ни надѣловъ общинной земли членамъ общины, ни передѣловъ. Каждый членъ общины владѣть своимъ участкомъ наследственно и можетъ его отчуждать.—Чтобы общинное землевладѣніе сдѣлало въ XVII вѣкѣ дальнѣйшіе шаги въ смыслѣ приближенія къ тому порядку вещей, который составляетъ предметъ поклоненія нашихъ общинниковъ, на это нѣтъ указаній. Въ утѣшеніе имъ надо, однако, сказать, что этотъ порядокъ порожденъ не крѣпостнымъ правомъ, а введеніемъ подушной подати, которая сдѣлала необходимыми душевые надѣлы и передѣлы.

Въ XVI вѣкѣ выти встрѣчаются не въ однихъ только дворцовыхъ селахъ и деревняхъ, но и во владѣніяхъ частныхъ лицъ, духовныхъ учрежденій и свѣтскихъ. Онѣ служатъ здѣсь также для обложенія господскими сборами, но общаго правила не составляютъ. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря выти есть, въ другихъ нѣтъ. Выти въ помѣстьяхъ встрѣчаются, но рѣдко; онѣ были и въ вотчинахъ, напримѣръ, у князя Пвана Мстиславскаго въ Веневскомъ уѣздѣ¹⁾.

Такъ какъ выти имѣютъ частно-хозяйственное значеніе, то земли государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей, съ которыхъ не шло никакихъ господскихъ повинностей ко дворцу, въ выти не клалась. Такъ надо думать на основаніи тѣхъ, правда, очень немногочисленныхъ, описаній черныхъ волостей, которыя напечатаны²⁾.

Надо, однако, думать, что вытные участки на практикѣ оказались весьма удобными единицами обложенія, а потому съ теченіемъ времени прирѣшеніе ихъ вышло за предѣлы ихъ первоначальнаго назначенія. Въ новгородскихъ описяхъ XVII вѣка встрѣчаемъ выти у государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей; отъ того же времени имѣемъ указаніе на сборъ съ монастырскихъ вытей государева оброка, ямскихъ денегъ и приметныхъ, данн и всякихъ другихъ доходовъ. Такъ какъ все это дѣлается по сошному письму, то въ платежной выпискѣ съ писцовыхъ книгъ показывается, сколько вытей прихо-

¹⁾ Писц. кн. XVI в. II 6, 14, 54, 608—у монастырей есть выти; 420, 195— выти не известны. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ Подольскаго повѣта встрѣчаются выти, II 464, 469. Размѣръ монастырскихъ вытей тоже колеблется, 1 609, 455, 731, но въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ размѣръ дворцовыхъ.

²⁾ *Быльямъ* во Врежен. т. VI, ст. 51; *Калачамъ* во II т. писц. кн. XVI в. ст. 49, 61, 160, 177.

дится на соху, то есть, сохи переводятся въ выти ¹⁾). Нововведеніе опять вводится въ старыя рамки сошного письма. Писцовыя книги „письма и мѣри“ такого-то составляютъ основаніе для всякаго обложенія. Это рогъ изобилія, изъ котораго можно получить и сохи земельныя и дворовыя, и обжи, и чети, и дворы, и живущія четверти, и, наконецъ, выти. Правительству оставалось только выбирать такую окладную единицу, которая, при данныхъ условіяхъ, оказывалась наиболѣе пригодной. И оно выбирало.

Новгородскія обжи, дожившія до XVII вѣка, оказались чрезвычайно удобными для превращенія ихъ въ выти. Для этого не было надобности дѣлать не только новаго измѣренія, но и никакого пересчета обожъ въ выти, а слѣдовало только новгородскія обжи называть вытями. Это и случилось. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, обжа равнялась 5 десятинамъ или 10 четямъ; обыкновенный же размѣръ дворцовой выти опредѣлялся въ 6 десятинъ, но это съ той десятиной, которая давалась для посоннаго хлѣба, т. е. для поставки во дворецъ хлѣба зерномъ. Безъ этой прибавочной единицы московская выть будетъ „глазъ въ глазъ“ равна новгородской обжѣ. Новгородская обжа для всѣхъ имѣній, не поставляющихъ во дворецъ посоннаго хлѣба, есть московская выть. Такъ именно и смотрѣло московское правительство. Въ 1623 году приказано было въ Новгородѣ собрать мостовыя деньги съ уѣздныхъ земель и посадскихъ людей. На мостовое дѣло въ Новгородѣ требовалось 915 р. 20 алт. съ 1 ден. Государь пожаловалъ новгородцевъ, для ихъ разоренія, велѣлъ дать имъ въ помощь изъ своей казны треть этой суммы; а двѣ трети „приказалъ *развить* и собрать съ Новгорода, съ посаду и съ уѣзду, съ черныхъ и съ бѣлыхъ сохъ, и со всякихъ людей съ дворовъ безъ выбору, чтобы никто въ избылхъ не былъ“. Какъ же собирали эти деньги? Составлена была особая роспись, „сколько, по разводу, денегъ имѣется взять и почему съ *выти*“ ²⁾. Этою росписью читатель можетъ быть приведенъ въ великое изумленіе. По писцовымъ новгородскимъ книгамъ XV и XVI вѣка въ Новгородѣ нѣтъ вытей, а только обжи; только въ одной сотной 1627 года говорится о вытяхъ въ Сумерской волости у государевыхъ крестьянъ. Откуда же явились выти у всѣхъ помѣщиковъ, монастырей и другихъ свое-

¹⁾ *Исвольнъ*, Приложенія, № V; 1627 г. Рус. Ист. Библіотекa XIV т. № 31 на ст. 924; 1630 годъ.

²⁾ А. О. III, 145; 1623 годъ.

земцевъ, съ которыхъ приказано брать мостовыя деньги въ 1623 году? Это очень просто. Вытями названы обжа ¹⁾). Новгородскія обжа превратились въ московскія выти и служатъ прекрасной единицей обложенія въ XVII вѣкѣ. Выть, имѣвшая при своемъ возникновеніи, исключительно частно-хозяйственное значеніе, въ XVII вѣкѣ превращается въ общую единицу обложенія и конкурируетъ съ обжей сохой, четью, дворомъ и съ живущей четвертью.

Окладныхъ единицъ къ XVII вѣку накопилось у насъ много. Но въ дѣйствительности различіе между ними было далеко не такъ велико, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Всѣ шесть единицъ сводятся къ двумъ типамъ, которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ. Первый типъ — сельско-хозяйственная единица, съ XVI вѣка измѣряемая количествомъ воздѣлываемой земли. Это— обжа соха, четь, выть. Второй типъ—хозяйственная единица, однаково примѣнимая и къ сельскому и ко всякому другому хозяйству. Это—дворъ, дворовая соха, дворовая четверть. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ разные способы обложенія по вышнему признаку размѣровъ землевладѣнія, во второмъ—по вышнему признаку богатства хозяйскаго двора. Практическія удобства этихъ единицъ различны, а потому нравительство и переходитъ отъ одной къ другой въ безирерывныхъ

¹⁾ Въ той же росписи полторы сохи переведены въ 45 вытей, т. е. 45 вытей составляютъ полторы сохи. Въ Новгородѣ, какъ мы знаемъ, 3 обжа полагаются на 1 соху (малую сошку), 1 обжа = 10 четямъ, сошка = 30 четямъ; 10 сошекъ = московской сохѣ или 300 четямъ. Если полторы сохи = 45 вытямъ, то соха = 30 вытямъ, а въ выти 10 четей, слѣдовательно соха = 30 вытямъ или обжамъ. *Г. Дьяконовъ*, на основаніи архивныхъ матеріаловъ говоритъ, что въ Витской землѣ въ концѣ XVI вѣка соха измѣрилась вытями, а выти различались по качеству земли, при чемъ на выть доброй земли шло 10 четей, средней 12, худой 14. *Журналъ Министрства Народнаго Просвѣщенія* 1893, VI, 215. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на Витскую землю распространился московскій обычай одобриванія земель. Удивительно только то, что почтенный авторъ не замѣтилъ, что выть въ 10 четей есть новгородская обжа. Московская система одобриванія въ существѣ дѣла ничего не мѣняетъ. При этой системѣ 10=12=14 и только; 10 четей, слѣдовательно, остаются десятью при всемъ разнообразіи качества земель. То же и при одобриваніи сохъ, а потому на процессъ одобриванія мы и не считали нужнымъ останавливаться. Цѣль одобриванія совершенно ясна: уравненіе платежной способности владѣльцевъ земель разнаго качества. Практика могла иногда приводить къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ.—Такихъ обжекъ-вытей клалъ тамъ на соху не 30, какъ въ другихъ мѣстахъ, а только 10. На это архивное доказательство различія величинъ сохи по разнымъ мѣстамъ, мы уже обратили вниманіе читателя выше.

поискалъ наиболѣе удобнаго способа обложенія. Думать, что какой либо изъ этихъ способовъ можетъ увеличить количество поступленій, а потому правительство и переходить отъ одного къ другому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое и легкое обложеніе: стоило только увеличить или уменьшить окладъ.

Ни одна изъ этихъ единицъ не была приурочена къ сбору какого либо особаго вида повинностей. Разнообразныя повинности, имѣющія отношеніе къ военному дѣлу, напримѣръ, падаютъ и на соху земельную и на соху дворовую, и на четъ, и на живущую четверть, и на дворъ, такъ въ XVI и XVII вѣкѣ¹⁾. О четьяхъ въ писцовыхъ книгахъ говорится „а платить ему съ 5 четей“, т. е. платить всякія повинности, какія будутъ назначены. Обжи и сохи, земельныя и дворовыя, возникли также для платежа всякихъ повинностей.

Есть, однако, основаніе думать, что долговременный опытъ привелъ Московское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. На эту мысль наводитъ то, что установленная въ концѣ XVII вѣка, въ замѣлъ множества старыхъ податей, стрѣлечья подать взималась съ дворовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда первоначально она назначалась съ живущей четверти, она переводилась потомъ на дворы. Потому, конечно, что дворовое обложеніе представлялось на практикѣ наиболѣе удобнымъ. Вотъ какъ оно должно было происходить въ дѣйствительности. Духовенство устюжской епархіи въ челобитнѣ своемъ говоритъ: „Въ прошломъ, государь, въ 1682 году, по указу брата вашего, блаженныя памяти, великаго государя, царя и великаго князя Федора Алексѣевича....., велѣно на дачу жалованья Московскихъ приказовъ стрѣльцамъ... имать по рублю съ двора съ поверсткою по землямъ и по угодьямъ, и не пошла ни на кою“. Итакъ, крестьянскіе дворы облагались не поровну, а смотря по землямъ и угодьямъ²⁾. Дворовое обложеніе переходитъ въ поземельное. облагается не дворъ, а хозяйство. Это и

¹⁾ Мы имѣемъ здѣсь въ виду ратное дѣло вообще, постановку даточныхъ и ратныхъ людей, сборъ денегъ нѣмъ на жалованье, инициальные деньги, стрѣлечій хлѣбъ и деньги, похонищныя деньги, городовое дѣло и т. д. А. Д. I № 205, 233; Писцов. кв. XVI в. I ст. 631; Неволинъ, Приложенія 321; А. II, II № 109; А. Ю. № 311 А. Э. III № 193, 268, 301; IV № 250, 251 и пр.: 1545—1681.

²⁾ Рус. Ист. Библиотека, XI стр. 608. № 115; 1681 годъ.

будеть „подымное“, выражаясь языкомъ начальной лѣтописи и архивнаго документа XVII вѣка. Послѣ долгаго ряда опытовъ, мы кончили тѣмъ, съ чего начали. Но полнаго разрыва съ началомъ нѣкогда и не было. Дворъ всегда находился въ основѣ всякаго обложенія. Облагать по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по пашнѣ и угодыамъ—можно только хозяйства, т. е. двору. А такое обложеніе проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Подушное обложеніе не имѣетъ ни малѣйшей связи съ нашею стариною и представляетъ великую ошибку времени „реформъ“.

Мы рассмотрѣли всѣ окладныя единицы, но этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ обложеніи. Обложеніе происходило въ предѣлахъ нѣкотораго опредѣленнаго округа, а потому необходимо выяснитъ, что же это за округа. Это очень неясный вопросъ. Княжескіе указы его вовсе не касаются. Это дѣло практики и вѣковѣчной старины. Московское государство образовалось путемъ присоединенія къ нему сосѣднихъ княженій. Присоединеніе оставляло неприкосновеннымъ все то, что новому правительству казалось для его цѣлей безразличнымъ. Дѣленіе на правительственные округа, конечно, вещь довольно безразличная, а потому во многихъ случаяхъ старина и удерживалась. Рыболовы и крестьяне Борисоглѣбской слободы, стоявшей противъ Романова городка (Ирославскаго уѣзда), говорятъ, что они *истари* въ Романовъ городокъ не плачивали ни мыта, ни головщины, ни таможенныхъ пошлинъ, а собирали ихъ у себя и составляли особый отъ Романова городка округъ. Они ссылаются на старыя грамоты Федора Ивановича, царя Ивана Васильевича и отца его, Василія Ивановича. Михаилъ Осодоровичъ, при которомъ возникъ этотъ споръ двухъ рядомъ стоящихъ мѣстечекъ, рѣшилъ его въ пользу старины. Борисоглѣбская слободка продолжала составлять особый округъ не только въ 1626 году, но и въ 1681-мъ.—Въ 1690 году деревенскіе владѣльцы Пятницкаго села (Усольскаго уѣзда) били челомъ великоустюжскому архіепископу на игумена Троицкаго монастыря въ томъ, что онъ съ монастырской деревни не платитъ вмѣстѣ съ ними государевыхъ податей, а деревня эта съ ними „въ платежу и въ окладѣ *стѣпно*“¹⁾. Итакъ, были какіе-то старинные округа. Но ничто не вѣчно, и съ измѣненіемъ всего нашего общественнаго строя въ Москвѣ, и старинные округа претерпѣвали измѣненія. Эти измѣненія дѣлались исподволь, по требованіямъ мѣстныхъ нуждъ, частично, а не такъ,

¹⁾ А. О. III № 170; т. IV № 250; Рус. Ист. Библ. XII № 270.

какъ Петръ Великій и Екатерина Великая преобразовывали наше мѣстное управленіе. Отъ этихъ мѣстныхъ измѣненій остался очень слабый слѣдъ, а потому исторія административныхъ округовъ, которая въ свое время никого особенно не занимала, кромѣ самихъ плательщиковъ, представляется въ очень смутномъ освѣщеніи. Для правительства было безразлично, кто съ кѣмъ платитъ, только бы платилъ. Изложимъ то немногое, что можно сказать о нашихъ старинныхъ окладныхъ округахъ.

Присуды, старые судебныя округа, составляли вмѣстѣ съ тѣмъ и окладную единицу. Переяславскіе рыболовы были подвѣдомы волостелю стольничя пути и платили въ его пользу особый кормъ, а съ городскими людьми Переяславля никакихъ податей не тянули. Составляя особый присудъ волостеля стольничя пути, они вмѣстѣ съ тѣмъ составляли и особую платежную единицу для корма волостелю, для рыбнаго тягла и всякихъ другихъ повинностей, какія правительство нашло бы нужнымъ возложить на нихъ.—Въ 1552 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Важскаго уѣзда стамольныхъ и волостныхъ крестьянъ и посадскихъ людей, далъ имъ выборный судъ и обложилъ оброкомъ за намѣстничъ кормъ. Важные составляли, такимъ образомъ, окладную единицу для оброка и другихъ повинностей и свой судебный округъ. Въ томъ же году съ Важскаго уѣзда потребовали за носонныхъ людей, за 224 человекъ, по 2 рубля. Этотъ окладъ уналь, такимъ образомъ, на цѣлый уѣздъ или Важскій присудъ ¹⁾).

Тотъ же порядокъ наблюдаемъ и въ удѣлахъ. У верейскаго князя, Владиміра Андреевича, была полъ сохи бобровниковъ; они составляли особый присудъ и особую платежную единицу ²⁾).

Тѣ же явленія наблюдаемъ и въ XVII вѣкѣ. Городскіе и посадскіе люди Устюжны-Желѣзопольской еще при Иванѣ Грозномъ составляли особый присудъ и особую окладную единицу. Это подтверждено имъ и въ 1614 г. и продолжало дѣйствовать въ 1623. Въ уставной грамотѣ Устюжны Желѣзопольской находимъ такое характерное мѣсто: „А кто учить жити на черной землѣ, смыть боярской, или приказной человекъ, или митрополчъ, или владыченъ, или монастырской, или чей ни буди, и тѣ люди волостелю устюжскому и его тіуну *судимы* и *мало* имъ съ тѣхъ дворовъ, оброка и всякіе разметы гнати по

¹⁾ А. Э. I № 113, 233, 234; 1506—1552

²⁾ А. Э. I № 256—7; 1561.

выгнано, что на нихъ цѣловальники разведуть“. Судъ и тягло пдуть вмѣстѣ; судебный округъ и податной—сливаются. Это предписаніе повторено и 9 лѣтъ поздиѣ въ грамотѣ мѣстному воеводѣ Н. А. Колычеву ¹⁾. Крестьяне и рыболовы Борисоглѣбской слободы, такъ отстаивавшіе свою платѣжную обособленность отъ Романова городка, составляли тоже особый присудъ. Волостные крестьяне Усьи и Залчанъ рѣки — тоже особый присудъ и особая окладная единица и такъ съ царя Ивана Васильевича и до Ивана и Петра Алексѣевичей ²⁾.

Отъ конца XVII вѣка имѣемъ росписи, составленную для раскладки стрѣлцкой подати. Въ этой росписи, составленной московскими гостями, обозначено, какая часть этой подати падаетъ на перечисленные въ ней города и уѣзды, городки и слободы. Мы встрѣчаемъ здѣсь уже извѣстные намъ мѣста: Борисоглѣбскую слободу, Романовъ городокъ, Важскій уѣздъ, Устьянскія волости. Все это старые присуды, дожившіе до 1681 года. Думаемъ, что и другіе, перечисленные въ росписи, города — тоже присуды. Да иначе и понимать нельзя. Присуды до конца XVII вѣка—суть округа обложенія ³⁾.

Въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ города тоже присуды. Такими присудами являются: Повгородъ, Курекъ, Дѣмонъ и пр. Они, надо думать, составляли и центры окладныхъ единицъ, въ которыхъ сосредоточивались сборы мелкой поместной администраціи. Древнѣйшее указаніе на городъ, какъ присудъ, восходитъ ко времени Русской Правды: „А изъ своего города въ чужу землю свода иѣтуть“, говорить она и переноситъ насъ къ первой причинѣ того, какъ городъ сдѣлался центромъ судебного и податнаго округа: древній городъ есть центръ волости—книженія, и потому онъ и центръ, какъ судебного, такъ и податнаго округа.

Итакъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что присудъ и окладной округъ, обыкновенно, совпадаютъ.

¹⁾ А. У. III № 37, 198. Уставная важская грамота говорить о волостныхъ крестьянахъ и крестьянскихъ волостяхъ. Здѣсь волость, конечно, значить то же, что и въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Это волости и волостки сведенныхъ бояръ, т. е. ихъ частная собственность, перешедшия въ приказное владѣніе крестьянъ.

²⁾ А. У. III № 37, 126; т. I № 243.

³⁾ Эту мысль высказалъ еще 1859 году О. М. Дмитриевъ въ своей Исторіи судебныхныхъ инстанцій. На стр. 160 читается: „Какъ присудъ кормленщика опредѣлялся объемомъ тѣхъ земель, которые несли въ пользу его повинности, такъ, при земскомъ управленіи, судебный округъ выборныхъ судей опредѣлялся пространствомъ тѣхъ земель, съ которыхъ они брали подати“.

Но что такое присудъ? Это единица чрезвычайно разнообразная. Цѣлый уѣздъ можетъ быть отдѣльнымъ присудомъ, т. е. особымъ судебнымъ и податнымъ округомъ, отдѣльный городъ — тоже, нѣсколько волостей уѣзда — тоже, наконецъ отдѣльная слободка и даже поль-сохи бобровицковъ могутъ составлять и отдѣльный судебный округъ и отдѣльную окладную единицу. Съ 1488 года, по жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича, все Бѣлозерье, горожане и уѣздные люди составляютъ одинъ присудъ и, можно думать, такъ было и раньше.

Какъ бы ни были различны размѣры присуда, всё присуды имѣютъ одну очень важную общую черту. Если судъ въ томъ или другомъ округѣ принадлежитъ приказному челоуѣку, намѣстнику или волостелю, на судѣ всегда присутствуютъ выборные люди, сотскіе или старосты, и просто представители общества подъ именемъ добрыхъ или лучшихъ людей; если приказные судьи отмыслены, весь судъ состоитъ изъ выборныхъ людей. Всё эти выборные носятъ названіе цѣловальниковъ, ибо присягаютъ и крестъ цѣлуютъ. Итакъ, присудъ организованная единица, она имѣетъ своихъ выборныхъ, довѣренныхъ людей. Эти довѣренные люди не только судятъ, но и повинности раскладываютъ. Присудъ, слѣдовательно, живая, одушевленная единица. Какъ бы ни были малы или велики ея границы, выборные цѣловальники составляютъ изъ нея одно цѣлое. Вся тяговая организація получаетъ въ нихъ свое завершеніе. Они раскладываютъ тягло по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по землѣ и угодыамъ.

Если присудъ охватываетъ землѣ лицъ разнаго состоянія, крестьянъ, бояръ, духовенства, раскладочная дѣятельность цѣловальниковъ простиралась на всѣхъ. Мужикъ окладывалъ и боярина, и монастырь. У введеннаго боярина Н. В. Большаго Шереметева мужики окладывали даже пустыя земли; то же дѣлали они и съ монастырскими землями Симонова монастыря и другихъ. Боярину и монастырямъ приходилось бить объ этомъ челомъ самому государю.

Дѣйствія окладчиковъ вызывали иногда жалобы и на неправильное обложеніе живущаго. Мы не можемъ теперь разобрать, кто былъ правъ, кто виноватъ. Недовольные окладчиками просили о выдѣленіи ихъ изъ общаго оклада въ особую окладную единицу. Правительство нерѣдко соизволяло на это. Такимъ образомъ, происходило разложеніе старыхъ окладныхъ округовъ и появленіе новыхъ, болѣе мелкихъ.

Вотъ два примѣра:

Въ 1589 году настоятель Коряжемскаго монастыря, старецъ Гри-

горій, жаловался на усольскихъ окладчиковъ и говорить, что монастырю съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быть нельзя, что цѣловальники наглядываютъ на монастырскіе посадскіе дворы всякіе государевы подати не по ихъ промысламъ, не по ихъ угодымъ. По монастырскому челобитію приказано было монастырскіе амбары, дворы, полянки и пожни отписать особо.— Въ 1684 году все духовенство Устюжской епархіи жаловалось на мѣстныхъ крестьянъ-окладчиковъ и говорило, что они окладываютъ ихъ дворишки заочно и неправдою, въ двое, въ трое, въ пятеро и больше противъ того, чего они стоить. Въ царскомъ указѣ всѣ дворы обложены по рублю съ двора, а они берутъ по два, по четыре и по шести рублей съ двора. Духовенство просило, чтобы этотъ рублевый окладъ съ ихъ дворовъ дозволено было собрать мѣстному архіепископу. Все это запоздалые отголоски вѣчевого народнаго самоуправленія. Роль крестьянина въ деревнѣ въ концѣ XVII вѣка, кажется, мало походила на современную.

Укажемъ еще одну характерную черту этихъ окладныхъ округовъ. Возлагая на нихъ обязанность платить извѣстную сумму, правительство иногда вовсе не указывало, съ чего они должны платить эту сумму: съ сохъ, съ дворовъ или съ четей, а предоставляло это ихъ усмотрѣнію. Крестьяне волостей Усьи и Заячьи рѣки, составлявшіе одинъ присудъ, должны были платить за кормъ и памѣстничьи доходы 144 р. 14 ал. и 2 д., а вмѣстѣ съ данными и другими окладными доходами всего тысячу рублей въ годъ, а съ чего — не сказано ¹⁾. И это очень понятно. Разныя единицы существовали только для удобства плательщиковъ, а потому имъ и можно было предоставить выборъ такой единицы для раскладки этой тысячи, которая для нихъ нанудобѣе. Московская практика проявляла въ этомъ отношеніи большую гибкость.

Рядомъ съ такимъ обложеніемъ по присудамъ встрѣчаемъ, однако, и случаи иного обложенія—по владѣльцамъ. Оно, надо думать, болѣе поздняго происхожденія, но встрѣчается уже въ XVI вѣкѣ. Въ 1588 году, напримѣръ, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Ситцкой приказываетъ, по указу государя, взять съ *земли Федоровскою монастыря*, что въ Переяславлѣ, съ не полной полусохи, ямскихъ денегъ 8 р. 25 ал. да полонянничныхъ 29 ал. съ 1 д. Въ 1637 году „по крымскимъ вѣстямъ“, рѣшено было ваять даточныхъ пѣшихъ людей съ вотчинъ духовныхъ учреждений съ 10 дворовъ по человѣку.

¹⁾ А. О. I № 218; III № 126; 1555—1622.

Всѣ черныя власти получили царскіе указы съ обозначеніемъ, сколько съ кого причитается ратныхъ людей ¹⁾. Отъ начала XVII вѣка имѣемъ документъ, изъ котораго видно, что такимъ специальнымъ предписаніемъ предшествовало составленіе общей росписи, въ которой опредѣлялось, съ какого владѣнія сколько взять въ счетъ такого-то сбора. Въ 1623 году послѣдовалъ указъ о сборѣ съ новгородцевъ денегъ на мостовое строеніе. Къ указу была приложена роспись, сколько брать съ земель отдѣльныхъ монастырей, помѣщиковъ и даже крестьянъ. Единицами обложенія оказались очень маленькія владѣнія; у Хутыня монастыря всего 10 вытей, съ которыхъ ему пришлось уплатить 18 р. 19 ал. 3 д.; а у Духова монастыря полъ выти съ окладомъ въ 31 ал. 2¹/₂ д. Такія же мелкія владѣнія оказались и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Съ помѣстья Аникелъ Тугаринова пришлось взять съ ¹/₈ выти 10 ал. 2 д.; съ земли крестьянина Гриши Морозова, которая немногимъ превышала ¹/₂ выти, 6 ал. 2 д. и т. д. ²⁾.

Оба вида указанныхъ округовъ обложенія существуютъ одновременно, какъ и шесть единицъ обложенія. Правительство пользуется то тѣми, то другими. Есть основаніе думать, что правительство къ отбыванію той или другой повинности не всегда призывало все населеніе, а ограничивалось иногда нѣкоторымъ видомъ плательщиковъ. Въ этихъ случаяхъ оно распределяло повинность не по присудамъ, а по владѣльцамъ. Съ прикруженія крестьянъ платежныя округа по владѣльцамъ должны были пользоваться все большимъ и большимъ успѣхомъ.

Вотъ все, что мы могли возможнымъ сказать по весьма спорному и темному вопросу объ окладныхъ единицахъ нашей древности. Все ихъ разнообразіе объясняется желаніемъ правительства найдти наиболѣе удобный для плательщиковъ способъ обложенія. Въ концѣ концовъ дѣло сводилось къ самообложенію по землямъ и угодьямъ, по животамъ и промысламъ. Правительство назначало сумму оклада, а цѣловальники, они же и судьи, а то и цѣлый міръ, распределяли эту сумму между плательщиками по ихъ силѣ.

¹⁾ Въ А. П. I подъ № 198 напечатана одна изъ такихъ грамотъ. А. Ю. № 209, V, VI.

²⁾ А. Э. III № 145. Судя по государственной грамотѣ, обложенію подлежало все населеніе; а здѣсь обложено только населеніе Новгородскаго уѣзда, который захватывалъ земли разныхъ ятвинъ, прилегавшихъ къ Новгороду. Большинство земель Новгородскаго уѣзда принадлежало монастырямъ. Всего на уѣздъ приходится 138 вытей или около 4 сохъ. Размѣры уѣзда, надо думать, были не велики.

Важность вопроса объ оладныхъ единицахъ не подлежитъ сомнѣнію. Но литература предмета очень не богата. Я приведу здѣсь имена только тѣхъ двухъ ученыхъ, которые съ великою пользою потрудились для разъясненія весьма неполныхъ и неясныхъ свидѣтельствъ о московской сохѣ. Первый трудъ, на который необходимо указать, принадлежитъ перу покойнаго профессора Московскаго университета, И. Д. Бѣляева; ему же принадлежитъ и заслуга перваго изданія новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Когда онъ писалъ свою статью о поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ ¹⁾, публикѣ не была извѣстна еще ни одна писцовая книга Московскаго государства, а изъ новгородскихъ имъ была напечатана только первая половина Вотской пятинны. Его статья о поземельномъ владѣніи была написана почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ. Неудивительно, что въ нее вкрались недосмотры и ошибки. Тѣмъ не менѣе высказанныя въ ней мнѣнія имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующую литературу и повторялись позднѣйшими учеными въ теченіи 40 лѣтъ по крайней мѣрѣ. Не смотря на всю трудность ученой работы въ архивахъ, почтенному ученому удалось сдѣлать цѣлый рядъ совершенно вѣрныхъ наблюденій и на основаніи ихъ высказать мнѣнія, опредѣлившія состояніе вопроса почти на цѣлое столѣтіе.

Вотъ его точка зрѣнія. Сохою называлась единица земли, съ которой вносились государственныя повинности. Но она не была постоянною геометрическою мѣрою земли, а измѣнялась по соображеніямъ съ требованіями времени, государственными нуждами и проч. Правительство не измѣняло количества податей, падавшихъ на соху, а измѣняло величину сохъ, уменьшая ихъ размѣръ, если требовалось увеличить подати, и увеличивая, если надо было уменьшить ихъ. Кромѣ того, соха имѣла не одинаковую мѣру смотря по мѣстностямъ, по качеству земли, по различію владѣльцевъ. Монастырскія сохи равнялись 600 четей, помѣстныя—800 и т. д. Размѣры дворовыхъ сохъ тоже были не постоянны. Въ такомъ видѣ московскія сохи существовали съ древнѣйшихъ временъ и по конецъ XVI вѣка ²⁾.

Указанное Бѣляевымъ непостоянство размѣровъ сохи въ теченіи всего XVI вѣка—соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что это непостоянство обуславливалось разными причинами и между прочимъ различіемъ

¹⁾ *Временникъ*, т. XI, 1851 годъ.

²⁾ *Временникъ*, т. XI, стр. 51 и сл.

владѣльцевъ—также вѣрно. Разные владѣльцы были обложены по одинаково, но всѣ были обложены, и служилые люди, и духовенство, и черныя люди. Такимъ образомъ, еще въ 1851 году было высказано совершенно вѣрное мнѣніе о всеобщности тягла и указано достаточное тому основаніе, а въ концѣ вѣка наши ученые стали утверждать, что служилый классъ свободенъ отъ податныхъ обязанностей. Черезъ 40 лѣтъ послѣ правильнаго рѣшенія вопроса—наука дѣлаетъ большой шагъ назадъ ¹⁾).

Итакъ, подмѣченные профессоромъ Бѣляевымъ факты—совершенно вѣрны, но нѣкоторыя объясненія ихъ не вѣрны. Авторъ думаетъ, что размѣръ сохи измѣнялся, между прочимъ, и для увеличенія и уменьшенія податей, которыя вимались съ сохи въ неизмѣнномъ количествѣ. Этой неизмѣнности величины податей, взимаемыхъ съ сохи, не было и авторъ ея не доказалъ. Въ примѣръ неизмѣнности ихъ онъ приводитъ постановленіе уставной Бѣлозерской грамоты отъ 1488 года, по которой за полоть мяса со всѣхъ сохъ брали по 2 алтына, и думаетъ, что со всѣхъ сохъ всегда платился одинъ и тотъ же окладъ всякихъ податей. Это недосмотръ; окладъ податей мѣнялся, какъ и размѣръ сохъ. По Бѣлозерской грамотѣ за полоть мяса и за возъ сѣна берутъ по 2 алтына, за барана 8 денегъ, а по Онежской грамотѣ 1536 года въ первомъ случаѣ брали по 8, а во второмъ—6 денегъ; въ 1618 году ямскихъ денегъ съ сохи брали по 800 руб. а въ 1621 году только по 468. И размѣры сохъ, и размѣры окладовъ не были постоянны. Одна ошибка повела за собой и другую. Взглядъ на соху, какъ геометрическую мѣру земли, также не вѣренъ. Мы уже знаемъ, что въ древнѣйшее время размѣръ сохи опредѣлялся не количествомъ земли, а индивидуальными особенностями хозяйства; только съ половины XVI вѣка сохи получили значеніе земельной мѣры. Эти измѣненія въ исторіи сохи ускользнули отъ вниманія автора.

Мнѣнія Бѣляева господствовали до появленія въ свѣтъ въ 1892 году Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи Московскаго государства профессора Милюкова. Почтенный авторъ переработалъ весь вопросъ

¹⁾ Нѣкоторое знакомство съ аппаратурой могло бы спасти нашихъ историковъ конца прошлаго вѣка отъ этого крупнаго заблужденія, которое продолжаетъ повторяться и ихъ послѣдователями. Мысль Бѣляева о всеобщей податной обязанности не прошла безслѣдно. Ее высказываетъ и О. М. Дмитріевъ: *...вся земли, кромя обремененныхъ жалованными грамотами, были податныя*. Исторія судебныхъ инстанцій, 160.

о сохѣ и дать ему новое и самостоятельное рѣшеніе. Вотъ его мнѣніе. Онъ различаетъ въ исторіи сохи два періода: древнѣйшій, до половины XVI вѣка, и послѣдующій. Въ древнѣйшее время соха не имѣла значенія опредѣленной площади земли. Величина ея опредѣлялась не количествомъ земли, а количествомъ труда. Доказательство этому онъ находитъ въ обжѣ и новгородской сохѣ, представляющихъ единицу рабочей силы, и въ свидѣтельствѣ монастырской сотной отъ 1544 года объ однокольтѣ, которымъ мы уже имѣли случай воспользоваться. Съ половины же XVI вѣка соха получаетъ, въ силу царскихъ указовъ, опредѣленный размѣръ: для монастырскихъ земель въ 600 четей доброй земли, для дворцовыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ—въ 800 четей. Въ доказательство послѣдняго положенія авторъ приводитъ дѣльную таблицу размѣровъ сохи указанного объема, составленную на основаніи данныхъ писцовыхъ книгъ. Памятники не сохранили никакихъ извѣстій о причинахъ перехода отъ старой трудовой сохи къ новой. Авторъ думаетъ, однако, что реформа сошнаго письма должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, представленнымъ на Стоглавомъ соборѣ. На соборѣ проектировалось послать писцовъ во всю землю писать и смѣтить всякія земли, а мѣрять пашенныя земли и не пашенныя, и луги, и лѣсы, и всякія угодья и т. д. (стр. 37—51).

Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію автора о двухъ періодахъ въ исторіи сошнаго письма, но расхожусь съ нимъ въ ихъ характеристикѣ. Я уже высказался противъ опредѣленія размѣровъ обжи и сохи количествомъ затрачиваемаго труда. Что время—деньги, этого кажется мнѣ, наши предки совершенно не знали. О „единицахъ рабочей силы“,—это уже можно сказать съ совершенной увѣренностью, они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Единица рабочей силы—совершенно новое понятіе; оно переноситъ насъ въ сферу современнаго рабочаго вопроса, это—злоба нашего дня. Древность этого вопроса не знала, да и рабочихъ тогда было очень немного. Роль ихъ исполняли холопы; а по отношенію къ холопамъ никакого вопроса не могло быть о единицѣ рабочей силы. Крестьяне же не были рабочими; они были арендаторами, то-есть панимателями земли, а не рабочими. Затѣмъ я указалъ выше, что единица рабочей силы должна быть опредѣлена единицей времени, иначе не будетъ никакой единицы; а между тѣмъ ни одинъ сторонникъ трудовой единицы ничего о времени не говоритъ. Это нуждается въ дополненіи. Къ сторонникамъ трудовой единицы принадлежалъ и покойный профессоръ Харь-

ковскаго университета П. П. Миклашевскій. Онъ поправилъ существенный недосмотръ своихъ предшественниковъ. Но его мнѣнію количество труда, которое затрачивалось въ *нѣтъный промежутокъ времени*, и было одной изъ единицъ поземельнаго счета нашей древности, равнялось—одному дню. Авторъ говоритъ „такъ надо думать“, но, къ сожалѣнію, не объясняетъ почему ¹⁾. Результаты же его думы получаются вотъ какіе. Одинъ день труда коннаго рабочаго—есть обжа. Но ни одинъ конный рабочій на нашиѣ не трудится только одинъ день въ году, а непрерывно нѣсколько. Поэтому, на каждый дворъ должно приходиться всегда нѣсколько обожъ. А въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ масса отдѣльныхъ дворовъ считается въ одну обжу. П. П. Миклашевскій послѣдователенъ, но его поправка совершенно не соответствуетъ тому, что говоритъ памятникъ. Время въ старину имѣло еще меньшее значеніе, чѣмъ оно имѣетъ у насъ теперь, а потому въ памятникахъ о немъ я рѣчи нѣтъ. Не единицей рабочей силы опредѣлялась соха, а индивидуальнымъ состояніемъ cadaго хозяйства. При этомъ число „однокольцовъ“, то-есть, крестьянъ-арендаторовъ, конечно, могло имѣть опредѣляющее значеніе. Индивидуальная оцѣнка, при простотѣ хозяйствъ и небольшомъ размѣрѣ Московскаго княжества,—а она именно возникла, когда Московское княженіе было не велико, и исчезла, когда его границы увеличались,—индивидуальная оцѣнка cadaго хозяйства не представляла въ древнее время такихъ трудностей, съ какими оцѣнщики могли бы встрѣтиться теперь. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка было 862 двора, это не номѣшало окладчикамъ оцѣнить индивидуально палоговую способность cadaго двора, несмотря на значительное ихъ число.

Второй періодъ, отъ половины XVI вѣка, авторъ характеризуетъ тѣмъ, что соха получила опредѣленные земельные размѣры. И я не отрицаю появленія въ это время сохи опредѣленной земельной мѣры, но утверждаю, что эта мѣра была разна, и не только въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ классовъ владѣльцевъ, но и у отдѣльныхъ владѣльцевъ. Далѣе, я сомнѣваюсь, чтобы когда либо былъ изданъ общій указъ о мѣрѣ сохъ; общаго указа до насъ не дошло, но спеціальныя указы о размѣрахъ сохи дѣлались постоянно и, смотря по потребностямъ минутой, размѣры сохъ мѣнялись. Сохи вотчины Троицы-

¹⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. I. Засѣданіе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Стр. 30.

Сергіева монастыря то сравнивались съ сохами помѣщиковъ, то опять ставились въ менѣе выгодное положеніе и т. д., и такъ со второй половины XVI вѣка и въ XVII-мъ. Мы не отрицаемъ вѣрности составленной авторомъ таблицы размѣровъ сохъ. Наши цифры размѣровъ сохъ мы взяли изъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ, какими пользовался и профессоръ Милюковъ, и иногда съ тѣхъ же самыхъ страницъ. Его таблица совершенно вѣрна, надѣемся, вѣрна и наша. А результатъ тотъ, что размѣры сохъ и послѣ проекта генеральной переписи Стоглаваго собора—разные.

Но что такое происходило на Стоглавомъ соборѣ? Проектъ генеральной переписи собора до насъ не дошелъ, и былъ ли онъ составленъ, это не извѣстно. До насъ дошелъ цѣлый рядъ царскихъ вопросовъ собору; онъ оканчивается царскимъ приговоромъ: „Да приговоришь еси послать писцовъ во всю *свою* землю писать и смѣтить и *мои*, царя и вел. князя, и митрополити и т. д. земля“ и пр. Этотъ царскій приговоръ почтенный авторъ и называетъ проектомъ генеральной переписи собора. Царскій приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ не вошли въ Стоглавъ, а сохранились въ другомъ памятникѣ, изъ котораго и были извлечены и напечатаны покойнымъ Н. Н. Ждановымъ ¹⁾. Приговоръ царя надо разсматривать вмѣстѣ съ предшествующими ему вопросами, которыхъ составитель Стоглава не нашелъ нужнымъ внести въ свой сборникъ; только тогда и будетъ онъ ясенъ. Приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ составляютъ одно цѣлое; это все вопросы, относящіеся до свѣтскихъ дѣлъ. Изъ 11 вопросовъ 5 самыхъ большихъ имѣютъ прямое отношеніе къ положенію служилыхъ людей. Въ статьѣ о вотчинахъ и помѣстьяхъ рѣчь идетъ о томъ, что у однихъ служилыхъ людей земля много, а у другихъ мало, и она голодная; въ одной изъ слѣдующихъ статей для устройства служилыхъ людей признается нужнымъ сдѣлать вотчинныя книги, въ которыя надо записывать „въ мѣру и пашенная земля, и не пашенная, и луга, и перевѣсы, и борти, и рѣки, и озера, и пруды, и мосты, и всякія уголья, ино его не обидитъ никто, а ему чужаго прибавить—не умѣть же. Чѣмъ умѣрять лишьюкомъ надъ книгами, то отъимуть на меня. И вѣдомо, за кѣмъ сколько прибудеть и убудеть, и по вотчинѣ и служба знать.“

Сопоставленіе этихъ вопросовъ съ царскимъ приговоромъ разъясняетъ смыслъ и дѣль царскаго приговора. Дѣло идетъ объ организаціи

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1876 г., изд.

службы. Служилые люди надѣлены землями очень неравномѣрно, а потому „ихъ надо поверстать по достоинству безъ грѣшно“. Надо завести книги, въ которыхъ должны быть описаны пашенныя (жилая) и не пашенныя (пустыя) земли и соотвѣтственно владѣнію назначена служба. Лишнія земли должны быть взяты на государя. Для всего этого надо произвести опись существующаго землевладѣнія, а потому царь я приговорилъ послать писцовъ, чтобы они смѣтали и мѣряли „пашенныя земли и не пашенныя, и дуги, и лѣсы, и всякія уголья, и рѣки, и озера, и пруды, и борти, и перевѣсы, и мосты“ и т. д. „А кого чѣмъ пожалую, продолжайте говорить царь, и по книгамъ жалованные грамоты давать слово въ слово для того, чтобы впредь тяжа не была о водахъ и земляхъ: что кому дано, тотъ тѣмъ и владѣй. А утяжутъ кого черезъ писмо лишкомъ, и то имати на меня. И того ради, кто чего попроситъ, и лѣтъ вѣдаю, чѣмъ кого пожаловати, и кто чѣмъ нуженъ, и кто съ чего служить. И то мнѣ будетъ вѣдомо же: и жилое и пустое“.

Этими словами и оканчивается царскій приговоръ и тѣ II вопросы, которые не вошли въ Стоглавъ.

Сопоставленіе царскаго приговора съ предшествующими ему вопросами дѣлаетъ совершенно яснымъ содержаніе приговора или „проекта генеральной переписи,“ какъ его называетъ проф. Милюковъ. Дѣло идетъ вовсе не объ установленіи размѣровъ сохи; дѣло идетъ о выясненіи, кто чѣмъ владѣетъ и не только въ живущемъ, но и въ пустѣ. Великое владѣніе, и живущее и пусто, должно быть записываемо въ книги. А прежде, въ податныхъ цѣляхъ, можетъ быть, писали только живущее. Вотъ официальное начало той переписи въ составленіи описей, на которую мы указали въ своемъ мѣстѣ. Вотъ откуда, надо думать, пошло и приведенное выше наставленіе автора книги сошнаго писма писать живущее и пустое, и та разнообразная практика писцовъ, на которую тоже было указано. Пустое предписано писать въ интересахъ службы, для выясненія помѣстнаго оклада, а вовсе не для сбора повинностей. Итакъ, „проектъ генеральной переписи“ не имѣетъ никакого отношенія къ возникновенію сохъ опредѣленной земельной мѣры¹⁾, и мы по прежнему остаемся въ

¹⁾ Иначе отнеси къ этому вопросу г. Дьяконовъ. Указанную проф. Милюковымъ связь реформы сохи „съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавномъ соборѣ“, онъ находитъ „весьма удачной“. Но по поводу того же вопроса, онъ обнаруживаетъ и большую неустойчивость мнѣнія. На стр. 208 г. Дьяконовъ говоритъ:

полномъ невѣдѣніи того, когда именно, какъ и почему совершился переходъ отъ старой, небольшой сохи къ крупной сохѣ XVI вѣка. Будемъ надѣяться, что любители архивныхъ работъ найдутъ, наконецъ, въ богатыхъ собраніяхъ нашихъ архивовъ новые документы, объясняющіе эту историческую загадку.

В. Сергѣевичъ.

„Благодаря выводамъ автора, можетъ считаться устраненнымъ господствовавшее въ нашей литературѣ со времени Вѣлиева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрахъ сохи въ теченіе всего XVI вѣка.“ За тѣмъ изъ архивныхъ документовъ онъ приводитъ любопытныя данныя о колебаніи размѣровъ сохи, которыми мы выше и воспользовались. Послѣ этого на 217 стр. читаемъ такое заключеніе: „Итакъ, соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразованій 1551 года, представляла значительныя колебанія и кромѣ той разницы въ ея размѣрахъ для земель разныхъ качествъ и различныхъ категорій владѣльцевъ, какія были установлены въ „царовомъ уложениіи“. *Ж. М. Н. Просв.* 1893, июль. Не смотря на то, что мнѣніе Вѣлиева о колебаніи сохи въ теченіе всего XVI вѣка устранено, соха продолжаетъ колебаться и во второй половинѣ XVI вѣка!

ЭТЮДЫ О КАРЛѢ ВЕЛИКОМЪ ¹⁾.

Центральный пунктъ Опраса — отреченіе отъ дьявола.

Уже неразъ приходилось указывать, что центральнымъ пунктомъ всего Опраса для Карла являлся вопросъ о значеніи отреченія отъ дьявола, каковому факту онъ придавалъ важное *политическое* значеніе. Остается только еще разъ сконцентрировать разбросанныя по этому поводу замѣтки.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ тематическихъ вопросовъ ²⁾ Карла въ его посланія къ архіепископамъ, находился и вопросъ: что значить отреченіе отъ дьявола ³⁾. Но вопросъ этотъ ничѣмъ не былъ подчеркнутъ, и къ тому же далъ въ такой обычной традиціонно-обрядовой формѣ, что никто изъ отвѣчающихъ ⁴⁾ не обратилъ на него особаго вниманія: всѣ повторили этотъ вопросъ, выписали его, но отнеслись къ нему такъ же формально, какъ и ко всѣмъ остальнымъ ритуальнымъ частямъ обряда крещенія. Да и дѣйствительно, формулировка „abrenunciatio“ въ томъ видѣ, въ какомъ ее далъ Карлъ въ

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. полбръскую княжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

²⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* ноябрь, 111, пр.

³⁾ De abrenunciatione satane et omnibus operibus eius atque pompis: quid sit abrenunciatio vel quae opera eius diaboli et pompae. *Lafé*, IV, p. 402; дублировать p. 403.

⁴⁾ Не дѣлають, собственно, исключенія также ни Лейдрадъ, ни Теодульфъ. У обоихъ главы, посвященныя „отреченію“ (Теодульфъ, глава XII, *Migne CV col. 230*; Лейдрадъ, глава III, *Mabill. „Vet. Anal“*, p. 80), меньше всѣхъ остальныхъ главъ ихъ объясненія.

своихъ вопросахъ къ архіепископамъ, является болѣе чѣмъ обычной: ее мы встрѣчаемъ и въ дошедшей до насъ древне-германской формулѣ отреченія ¹⁾, и въ перечлѣ Алкуина, имѣющемъ исключительную цѣль — перечислить подрядъ всѣ обряды при крещеніи ²⁾, и даже, что особенно важно, все это выраженіе стало традиціоннымъ, стало обычной формулой, употребляемой даже въ частныхъ письмахъ, въ которыхъ и вѣтъ и рѣчи о крещеніи въ обычномъ смыслѣ, напримеръ, въ письмѣ монаха Дунгала къ дочери Карла Теодрадѣ ³⁾. Легко объяснимо поэтому, что ни архіепископы, ни ихъ суфраганы не обратили особаго вниманія на эту обычную, примелькавшуюся имъ формулу, повторяемую ими при любомъ актѣ крещенія.

А между тѣмъ у самого Карла былъ особый любопытный приемъ, котораго намъ придется еще коснуться подробнѣе ⁴⁾, — умѣнье въ самыхъ простѣйшихъ, обычныхъ формулахъ и словахъ отыскивать широкій и глубокий смыслъ, приемъ, выразившійся особенно характерно въ сложной интерпретаціи Карломъ присяги въ 802 г., въ которой, по его собственнымъ словамъ, „сокрыто столь многое и столь великое“ ⁵⁾. Итакъ, Карлъ обратилъ особое вниманіе не только на обычную формулу государственной присяги, онъ постарался также выиснуть въ смыслѣ обычной христіанской, такъ сказать, присяги, въ значеніе клятвы повокрещеннаго отказаться отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его и этимъ самымъ примкнуть къ Богу и его велѣніямъ ⁶⁾.

Особое вдумчивое отношеніе Карла къ этому обычному акту от-

¹⁾ Разборъ controversy объ авторѣ этого перевода (Бонифаціи, Арионѣ) не входить въ нашу задачу. Передаю только текстъ у Bor. I, p. 222.

Forsachistu diabolae? Ec forsacho diabolae. End allum diabolos uerocum? End ec forsacho allum diabolos uerocum.

²⁾ Jaffé VI, p. 390: „Primo paganus cathecumimus fit, accedens ad baptismum, ut renunciet maligno spiritui et omnibus dampnosis eius pompis. буквально то же и ср. 261 (Jaffé, VI, p. 824).

³⁾ Дунгалъ восклицаетъ ее, что она пошла въ монастырь, чтобы „certa et aeterna requirere“ и этимъ самымъ „abrenunciare diabolo et saeculo et *improis et operibus eius*“. Jaffé, IV, p. 429. Впрочемъ, поступленіе въ монастырь считалось вѣдъ какъ бы вторымъ крещеніемъ.

⁴⁾ См. ниже, стр. 378 и слѣд.

⁵⁾ Cap. miss. gen. 802, c. 2 (Bor., I, p. 92) „...ut... unusquisque intelligere posset, quam magna in isto sacramento et quam multa comprehensa sunt.

⁶⁾ Письмо Алкуина съ изображеніемъ обряда крещенія: ut fugato diabolo, Christo Deo nostro paratur introitus. Jaffé, VI, pp. 390, 824.

реченія явственно выступать въ обонхъ Конспектахъ ¹⁾. Карлъ хочетъ потребовать отъ слушателей самаго точнаго и опредѣленнаго отвѣта, въ чемъ отрекается каждый христіанинъ, и при какихъ обстоятельствахъ это отреченіе теряетъ силу, т. е. когда челонѣкъ отказывается отъ своего обязательства предъ Богомъ.—Но кромѣ матеріала обояхъ Конспектовъ можно, для опредѣленія воззрѣній Карла на отреченіе, привлечь и другой, не менѣе важный и точный матеріалъ. Именно, несмотря на то, что рѣчь, сказанная по Конспекту II, не сохранилась, мы ее ²⁾ все же можемъ реконструировать на основаніи данныхъ Трактата Лейбдрада, который, кромѣ любопытныхъ реминисценцій „*ammonitio*“ Карля ³⁾, содержитъ еще драгоценныя подробности о критикѣ Карла присланныхъ ему отвѣтовъ. Карлъ указалъ собранншмъ, что отреченіе отъ дьявола — самый капитальный фактъ всего обряда крещенія, который слѣдовало трактовать особенно отчетливо и полно, чего, однако, во всѣхъ отвѣтахъ не было сдѣлано ⁴⁾. Вѣдь несоблюденіемъ и забываніемъ клятвеннаго отреченія объясняется все зло, всѣ преступленія и проступки. Забывая о клятвѣ, люди

¹⁾ Консп. I, сс. 6, 7; Консп., II, с. 9, полные тексты приведены Ж. М. Н. Пр. ноябрь, стр. 117 прим. 1 и 2.

²⁾ По крайней мѣрѣ ту часть, которая относится къ опредѣленію Карломъ его воззрѣній на сущность и значеніе отреченія и къ критикѣ отвѣтовъ.

³⁾ См. Ж. М. Н. Пр. ноябрь, стр. 125, 126.

⁴⁾ Трактатъ Лейбдрада (Jaffé, IV, p. 412) „quod in his, ad quae vos avidius audienda parabatis, nostra imperitia minime satisfecerit... innotescere nobis dignati estis: minus nos dixisse de abrenunciacione diaboli et earum, quae eius sunt rerum, quam vestra pietas optabat... Intelleximus itaque post vestram benignissimam ammonitionem, quia de operibus et pompis diaboli multipliciter respondendum erat, quam de ceteris rebus. Можно даже предполагать, что Лейбдрахъ передаетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторые выраженія Карля *дословно*, такъ какъ одна изъ характерныхъ особенностей его письма состоитъ въ *буквальномъ* цитированіи выраженій Карля. Ср., напримеръ, посланіе Карля и отвѣтъ Лейбдрада. Посланіе (Jaffé, IV, p. 403): „Nosse itaque per tua scripta aut per te ipsum volumus, qualiter tu et suffraganei tui doceatis et instruatіs sacerdotes Dei et plebem vobis commissam de baptismi sacramento..... Nec omnia... nunciare satages; vel si ita teneas et predices. aut si in hoc, quod praedicas, te ipsum custodias. Отвѣтъ Лейбдрада (Jaffé, IV, p. 410): „Praecipere nobis dignati estis, ut aut per nostra scripta aut per nos ipsos cognoscatis, qualiter nos et suffraganei nostri doceamus et instruamus sacerdotes Dei et plebem nobis commissam de baptismi sacramento....; deinde, si in hoc, quod praedicamus, nos ipsos custodiamus.“ Это—введеніе Лейбдрада; но и дальше, въ изложеніи, мы опять встречаемъ то же: „De hoc autem quod quaeritur a nobis, ut similiter dicamus, si in hoc quod praedicamus, nos ipsos custodiamus...“ (Mabill. „Vet. Anal.“, p. 81; у Jaffé нѣтъ продолженія).

вновь поддаются дьяволу и его наущенію, творятъ то, отъ чего они давнымъ давно уже отказались при крещеніи ¹⁾. Является цѣлый рядъ „вождедѣвнѣ“, люди терпятъ всякую сдержку, и вслѣдствіе этого усиливаются и учащаются преступленія, вслѣдствіе этого возникаютъ препирательства и разногласія между духовными и свѣтскими властями, и не только между властями, но, что особенно печально, и между пастырями и паствою (doctores et auditores), во взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ начинаетъ господствовать ненависть, вражда и всякая несправедливость ²⁾. Все это результатъ несоблюденія отреченія, все это тѣмъ хуже, что, съ точки зрѣнія Карла, это представляется недозволительнымъ рецидивомъ.

Сообразно съ этой авторитетной критикой Карла, Лейдрадъ и написалъ свой Трактатъ о значеніи отреченія, который, какъ систематизація мыслей Карла по этому же поводу, получаетъ для насъ особое значеніе.

Всякое зло, всякій грѣхъ и всякое преступленіе вытекаютъ изъ „вождедѣвнѣ“ и поддерживаются богопротивной, сатанинской „гордостью“ ³⁾. Людскіе законы недостаточны для борьбы съ этими моремъ зла и преступленій, и часто людское правосудіе грубо ошибается ⁴⁾. Необходимо поэтому еще точное соблюденіе „божескихъ законовъ“, а въ особыхъ случаяхъ и чуткое прислушваніе къ предостереженіямъ, посылаемымъ Богомъ ⁵⁾. Вожди церкви и государства должны идти рука объ руку, должны отказаться отъ всякихъ „вождедѣвнѣ“, всякой „гордости“ и всѣхъ печальныхъ послѣдствій, выте-

¹⁾ Консц. II, с. 9. *Hic autem conspiciendum est, ne perversa unusquisque faciendo illum quislibet sequatur, cui iamdudum in baptismo renunciavimus.*

²⁾ Трактатъ Лейдрада (Jaffé IV, p. 412) ...per ea (т.-е. чрезъ „opera et pompae diaboli“) cupiditates et per cupiditates scandala mundi crebescunt et crescunt quotidie et, quod peius est, inter ecclesiae rectores et rei publicae administratores discordiae oriuntur et, quod adhuc horum est pessimum, inter doctores et auditores odia se intorservunt, inimicitiae concitantur, detractationes agitantur. О безусловномъ сходствѣ этого и другихъ сходныхъ мѣстъ Трактата съ рѣчью (ammonitio) Карла по Конспекту II, см. выше, ноябрь, стр. 125, 126.

³⁾ Mabillon „*Vet. Anal.*“, p. 86. *Origo et initium operum atque pomparum diaboli... est superbia... Radix omnium malorum est cupiditas...*

⁴⁾ *Ibid.*, p. 89. *Soveritas legum et districtio regum invigilant ad coercendos nos... но въ результатѣ получается—„ut invicem mordeamus et comedamus, ut ab invicem consumamur“.* Часто случается также „ut malitia victrix redeat et innocentia puniatur“.

⁵⁾ *Mabill.*, pp. 88, 89.

кающихъ отсюда ¹⁾), должны, однимъ словомъ, отказаться отъ дьявола. Такъ же должны поступить и всѣ остальные, несаловные люди; пусть всѣ всегда помнятъ, что они уже разъ отказались отъ дьявола и дѣлъ его, пусть дѣятельно заботятся о чистотѣ и сохранности этой клятвы ²⁾).

Итакъ, вотъ основная мысль: чтобъ не было въ христіанахъ покровитъ, чтобъ не было въ подданныхъ преступленій, нужно ежедневно и ежчасно вспоминать и поддерживать свое давнишнее отреченіе отъ корня зла, отъ дьявола. Правственность и законность переплетаются, функціи государства и церкви совпадаютъ, направляются по одному пути.—Вотъ знаменательный фактъ, открывающійся намъ при болѣе интенсивномъ изученіи Анкеты 810—811 г. Фактъ этотъ даетъ надежную исходную точку для болѣе точной оцѣнки цѣлаго ряда событій эпохи Карла.

Но, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ выводамъ, приходится сперва рассмотреть нѣкоторыя объяснительныя подробности, а также и причины в поводъ, побудившіе Карла приступить къ подобному Опросу, чтобъ снять съ этого важнаго событія ярлыкъ необычности, исключительности и случайности, который принудилъ бы насъ особенно осторожно и недовѣрчиво отнестись къ такому единичному и необъяснимому факту, и не позволилъ бы никакихъ дальнѣйшихъ заключеній.

II. Объясненія и дополненія къ Опросу 810—811 г.

Другіе опросы.

Были ли въ эпоху Карла еще и другіе опросы? Отвѣтъ, несмотря на обычную скудость однороднаго матеріала для этой эпохи, получается безусловно утвердительный.

Прежде всего мы имѣемъ совершенно аналогичный случай—опросъ Карла по поводу даровъ св. Духа.—Сохранилось письмо Карла (дата можетъ быть опредѣлена только приблизительно) ³⁾ къ цѣлому ряду

¹⁾ Mabill., p. 89. Oriuntur inter ecclesiae rectores et rei publicae administratores innumerae contentiones et instigante superbia, cupiditate atque invidia et clausis oculis zelantur et belligeramus ad invicem...

²⁾ Заключение Трактата.

³⁾ Jaffé IV, p. 374, стави „до 800 года“, основывается, повидному, на томъ, что Карлъ названъ только „rex Francorum et Langobardorum“. Но даже такая неопредѣленная датировка не обязательна, такъ какъ мы въ данномъ случаѣ имѣемъ

епископовъ ¹⁾, въ которомъ онъ благодаритъ ихъ за отвѣты на заданную тему ²⁾, но въ то же время останавливается на недостаткахъ ихъ работъ и на томъ, что они не поняли его вопроса ³⁾.—Тема была о „*donum Sancti Spiritus*“. Епископы отвѣтили, что всѣ дары св. Духа, въ ихъ совокупности, были только во Христѣ, въ богоугодныхъ же и святыхъ мужахъ эти дары встрѣчались лишь по одиночьи. Протингъ такого пониманія Карлъ и возстаетъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, подробно и тщательно излагая свой собственный взглядъ на дѣло ⁴⁾. Въ концѣ концовъ Карлъ самъ резюмируетъ свои воззрѣнія слѣдующимъ образомъ: благодать седмиобразныхъ даровъ св. Духа была присуща (въ неодинаковомъ, но одинаково разнообразномъ объемѣ) не только святымъ отцамъ и апостоламъ, но и по сю пору еще пребываетъ и возобновляется ежедневно въ лицѣ избранныхъ сыновъ церкви ⁵⁾.

Любопытно отмѣтить и то обстоятельство, что Карлъ, объясняя сущность даровъ св. Духа опять таки, какъ и въ (Опросѣ 810—811 г., становится, можно сказать, на прикладную, практическую точку зрѣнія, толкуя все чрезвычайно реально, примѣнительно къ потребно-

предъ собой не подлинное письмо Карла, а поддѣланную передѣлку: слѣние дѣлаго ряда (являя писемъ, по количеству адресатовъ) писемъ воедино. Вѣдь, кромя того, что мы не имѣемъ ни одного подобнаго письма Карла къ *цѣлому ряду* лицъ, данное „письмо“ имѣетъ еще одну явную несообразность: адресаты Карла (см. слѣд. примѣчаніе) разсыпаны по *всему* государству Карла и частью архіепископы, частью епископы, при томъ *разныхъ* діоцезъ.—Упоминаніе Адуина въ одномъ изъ писемъ къ Армену о „*serpiformis Spiritus inundantia*“ (Jaffé VI, p. 516) по обычности этого выраженія (см. Jaffé IV, p. 375, N. 2) не можетъ быть приведено въ соотношеніе съ письмомъ Карла, да кромя того само не имѣетъ определенной (787—800) даты.—Года упомянутыхъ въ адресѣ епископовъ (см. слѣд. примѣчаніе) тоже не даютъ никакой точки опоры.

¹⁾ Jaffé IV, pp. 374 sq. Hiltibaldo (Coloniensi 781—819), Meginharto (Rotomagensi ?), Agino (Constantiensi 781—813), Gerhoho (Bistetensi), Hartricho (ep. Tolosanus, какъ полагаетъ Mabill. „*Vel. Anal.*“ p. 74).

²⁾ Jaffé IV, p. 374. *Gratius agimus sanctitati vestrae, quia ad familiariter a nobis interrogata familiare nobis responsum dare voluistis et quae caritatis instinctu vestrae dilectioni fuerit proposita, eadem dictante caritate, iuxta quod vobis visum est, sunt nobis absque retractatione soluta...*

³⁾ Карлъ разсматриваетъ ихъ отвѣты: *ut et qualitas nostrae interrogationis et modus vestrae responsionis patentius clarescat.* Jaffé IV, p. 375.

⁴⁾ Jaffé IV, pp. 375—378.

⁵⁾ *Ib.*, p. 378. *...et nunc in sanctae matris ecclesiae filios, qui in Christo cotidie in augmentum populi sui renascuntur, divino munere credimus inspirari.*

стямъ хорошаго христіанскаго *государства*. „Духомъ крѣпости“ обла- даютъ, напримѣръ, идеальный проповѣдникъ, идеальный миссіонеръ, борець противъ грѣховъ и пороковъ ¹⁾; „духомъ вѣдѣнія“ обладаетъ справедливый судья ²⁾ и т. д.

Сходство съ Опросомъ 810—811 г. чрезвычайно велико. Сходны и вышпля форма (опросъ), и отношеніе Карла (признательность, критика), и вдумчивое, нетрадиціонное отношеніе Карла къ одному изъ обычныхъ вопросовъ, съ заранѣе какъ бы готовымъ отвѣтомъ, и широкое толкованіе Карла, и утилитарно-прикладная точка зрѣнія. Оба опроса—два родныхъ брата, и жаль только, что мы такъ мало знаемъ подробности опроса о дарахъ св. Духа.

Другой опросъ, о которомъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ тоже очень неполная свѣдѣнія, относится къ 809 г. и тоже касается вопроса о св. Духѣ, именно прибавленіи „*filioque*“ въ символѣ вѣры.

Велѣдствіе частыхъ сношеній съ Западомъ, монахи Масляной горы (подлѣ Іерусалима) реципировали прибавленіе „*filioque*“ въ великому соблазну сосѣднихъ монастырей. Возникъ горячій споръ, перешедшій даже въ столкновенія, и монахи Масляной горы въ 808 г. обратились къ папѣ (Льву III) за поученіемъ и правдивою под- держкой, при чемъ опредѣленно указывали, что „обращаются къ нему и къ благочестивымъ стопамъ благочестивѣйшаго императора Карла“ ³⁾. Левъ III въ 809 г. обратился по этому поводу съ письмомъ къ Карлу ⁴⁾, а Карлъ для выясненія всего дѣла прибѣгъ опять къ опросу. При изложеніи этого факта обыкновенно приводится только одно обстоятельство: Карлъ де поручилъ ⁵⁾ епископу Теодульфу написать изслѣдованіе, что тотъ и сдѣлалъ, составивъ дошедшую до насъ брошюру „*De Spiritu Sancto*“ ⁶⁾.—Но пужно замѣтить, что отвѣтъ

¹⁾ Jaffé IV, p. 377: *Fortitudinis spiritum habet, quicumque diabolo et membris eius, haereticis scilicet, fidei scuto ac verbi Dei gladio armatus, resistere studet, et contra vitia, quibus suggestu diaboli haec mortalis vita cotidie maculatur, quasi contra inimici iacula spiritu fortitudinis armatur.*

²⁾ Ibid.

³⁾ Jaffé IV, p. 381: „*ad sancta vestigia vestra et pia vestigia domni Caroli piissimi imperatoris*“.

⁴⁾ Jaffé IV, p. 386.

⁵⁾ Самъ Теодульфъ въ стихотворномъ посвященіи пишетъ: v. v. 37, 38.

*Imperii vestri, rex inclite, iussa secutus,
Defero Theodulfus haec documenta libens...*

⁶⁾ Напечатана Migne „*Patrologia*“ CV.

Теодульфа не единственная обработка заданной Карломъ темы. Кромѣ работы Теодульфа имѣется еще вторая работа, аббата Смарагда, которая обыкновенно фигурируетъ ¹⁾ подъ невѣрнымъ заголовкомъ „Письма Карла къ Льву III“. Работы Теодульфа и Смарагда и составляютъ скудную дошедшую до насъ часть опроса Карла по поводу „*filioque*“.

Наконецъ, у насъ сохранились свѣдѣнія, хотя и въ нѣсколько скрытомъ состояніи, и еще объ одномъ опросѣ, относящемся къ 799—800 г., по поводу извѣстнаго лжеученія Феликса.

Совершенно ясно, прежде всего, что сюда относится большое сочиненіе Алкуина ²⁾ противъ Феликса. Другія же подробности мы узнаемъ изъ цѣлаго ряда любопытныхъ мѣстъ въ письмахъ Алкуина.— Алкуинъ написалъ свое опроверженіе ученія Феликса по спеціальному повелѣнію Карла ³⁾, написалъ его притомъ не сразу, а въ два приема. Получилась при этомъ та же процедура, что и съ отвѣтами въ 810—811 г.: Алкуинъ написалъ и переслалъ свою работу Карлу, тотъ просмотрѣлъ и прокритиковалъ ее, и потомъ отослалъ ее обратно для исправленія ⁴⁾, послѣ чего Алкуинъ, новидному, вновь прислалъ уже исправленный текстъ, такъ какъ онъ проситъ Карла до болѣе детального разсмотрѣнія не сѣшить ли съ опубликованіемъ этой работы, ни съ ея отверженіемъ ⁵⁾. Кромѣ работы Алкуина мы на ту

¹⁾ Напримеръ, у Mansi XIV, col. 23 sq. (соответствующій томъ новаго исправленнаго изданія еще не вышелъ).—Ошибочность этого заглавія, см. Hefele III, p. 753, и цѣлый рядъ ссылокъ на литературу Simson II, p. 107.

²⁾ „*Advocatus Felicem libri VII*“ ed. Frobenius I. 788—859. Кромѣ этого написана была еще меньшая работа: „*Liber Albini contra haeresin Felicis*“. Frobenius, 760—782.

³⁾ Ep. 111. (Jaffé VI, p. 454). Алкуинъ благодаритъ Карла, что онъ „*ad interioris pugnae genus meae parvitatіs devotionem provocare voluistis*“.—Ep. 142. (Jaffé VI, p. 545). *Vestra...nulli contempnenda auctoritas nostrae devotioni mandavit, contra novas hereticae pravitatіs inventiones aliquid scribere atque libello respondere, quem contra nos Felix... vestrae direxit auctoritatі. Начесть „iussio“ еще ep. 112, см. сѣдующее примѣчаніе.*

⁴⁾ Ep. 112. (Jaffé VI, p. 157). *Gratias agimus venerandae vestrae pietati, quod libellum, secundum vestrae iussiois praeeptum vobis directum, auribus sapientiae vestrae recitari fecistis; et quod notare iussistis errata illius; et remisistis ad corrigendum.*

⁵⁾ Ep. 142. (Jaffé VI, p. 545). *Nunc vero vestra videat auctoritas, quid de eo [libello] fieri velit. Tantum deprecor, ut nullatenus prius vel abiciatur, vel in publicum proferatur, quam totus inter familiares personae vestrae auctoritatіs examini perlegatur.* (Прочтѣна и критика при посредствѣ „*incliti doctores*“, см. Ж. М. Н. Пр.

же тому имѣемъ сочиненіе патріарха Аквилейскаго Павлина ¹⁾, которое тоже, какъ видно изъ одного письма Алуина, было послано Карлу ²⁾.

Эти двѣ работы, одинаково предприятия по повелѣнію Карла, достаточно уже указываютъ на то, что мы въ данномъ случаѣ предъ собою имѣемъ опять такн одинъ изъ опросовъ. Но можно идти еще далѣе: можно кромѣ дошедшихъ до насъ двухъ работъ, указать еще и другихъ участниковъ опроса ³⁾, работы которыхъ затерялись. Дѣло въ томъ, что Карль, назначая по данному вопросу опросъ, исполняетъ *программу Алуина*. Алуинъ еще въ 798 г. писалъ Карлу, чтобъ онъ выступилъ защитникомъ православія и переслалъ бы полемическую и еретическую брошюру Феликса не только Льву III, но и *патріаргу Павлину*, архіепископу Рикбоду (Трйрскому) и епископу Теодульфу, чтобъ *каждый изъ нихъ въ отдельности написалъ опроверженіе* ⁴⁾; самъ онъ, Алуинъ, тоже напишетъ отдѣльное сочиненіе ⁵⁾. Вотъ эту-то программу Алуина Карль и выполнялъ опросомъ 799—800 г., часть матеріала котораго, имено отвѣты Рикбода и Теодульфа, не дошла до насъ.

Алуинъ и система опросовъ.

Но въ упомянутомъ письмѣ Алуина отъ 789 г. мы имѣемъ и другое, еще болѣе цѣнное свидѣніе, которое показываетъ, что Карль въ данномъ случаѣ не только исполнилъ программу Алуина, но что онъ получилъ *отъ Алуина* и идею опроса вообще и въ частности

ноябрь, стр. 128, примѣчаніе 1, письмо Аналарія).—(Здѣсь же относится письмо Алуина къ монахамъ Gotia (ср. 145, Jaffé VI, p. 553). ...in manibus nostris... habemus omnia propter alias causas, quas in libello venerandi Felicis legimus. Et illum volente Deo vobis dirigimus, postquam lectus et comprobatus fuerit ab episcopis nostris et domino rege.

²⁾ „Contra Felicem Urgellitanum episcopum libri III“. Madrisius „S. Paulini opp.“, pp. 95—168.

³⁾ Алуинъ Арнону (ср. 148, Jaffé VI, p. 562). Et si tibi causa eveniat Paulinum patriarcham videndi saluta cum mille milies. Libellum vero catholicae fidei, quem domino regi direxit, perlegebam...

⁴⁾ На это нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, указаній въ литературѣ вопроса.

⁵⁾ Ср. 100. (Jaffé VI, p. 124). Sed obsecro ...ut exemplarium illius libelli [r. e. Феликса] domino dirigatur apostolico, aliud quoque Paulino patriarchae, similiter Richbodo et Theodulfo episcopis doctoribus et magistris; ut singuli pro se respondeant.

⁶⁾ Ibid.

весь его распорядокъ. Дѣйствительно, Алкуинъ, совѣтуя Карлу отправить дубликаты брошюры Феликса, для составленія отдѣльныхъ опроверженій, цѣлому ряду видныхъ теологовъ, входитъ еще и въ дальнѣйшія детали: послѣ разсылки дубликатовъ Карлъ долженъ установить срокъ для отвѣтовъ и, получивъ эти отвѣты, долженъ ихъ рассмотреть, критически разобрать и воздать тому хвалу, чей отвѣтъ будетъ наиболѣе солиденъ и авторитетенъ ¹⁾. Схема эта, на первый взглядъ, не представляетъ ничего особеннаго; напротивъ, вполне естественно, что, разъ Карлъ приметъ идею Алкуина объ опросѣ вообще, онъ тѣмъ самымъ долженъ прибѣгнуть къ тѣмъ же самымъ приемамъ (срокъ, провѣрка, похвала). Но схема конкуррентнаго опроса, рекомендуемая Алкуинномъ, потому приобретаетъ для насъ особый интересъ, что онъ эту свою схему рекомендуетъ не разъ: и при другомъ случаѣ онъ является тѣмъ же поклонникомъ конкуррентнаго опроса, при чемъ, что особенно важно, рекомендуетъ эту систему не для одного какого-либо опредѣленнаго случая, а вообще какъ панацею противъ всякихъ жеученій и неправильностей ²⁾.

Спеціальныя коммисіи при Карлѣ.

Кромѣ опросовъ у Карла было еще и другое обычное средство информироваться самому или поучать другихъ по какимъ либо вопросамъ—особыя собранія изъ специально приглашаемыхъ лицъ.

Опросъ и особое собраніе совершенно равносильны другъ другу въ глазахъ Карла, такъ какъ онъ, намѣреваясь созвать въ 810/11 г. специальное собраніе, по болѣзни замѣняетъ его извѣстнымъ намъ

¹⁾ Ep. 100. (Jaffé, VI, p. 421). Et tempore praefinito a vobis ferantur vestra auctoritati singulorum responsa. Et si aequaliter et concorditer cunctorum in professione, vel defensione catholicae fidei resonant scripta, intellegi potest, quod per omnium ora et corda unus loquitur spiritus; sin autem diversum aliquid invenitur in dictis vel scriptis cuiuslibet, videatur: quis maiore auctoritate sanctarum scripturarum vel catholicorum patrum innitatur; huic laudis palma tribuatur...

²⁾ Ep. 140 (июль 800 г.). Jaffé, VI, p. 511. Алкуинъ отвѣчаетъ Карлу, что онъ готовъ, какъ Карлъ это желаетъ, немедленно возстать противъ всякихъ неправильностей и жеученій, но только по одному, а „cum melioribus meis optimisque ecclesiae Christi doctoribus, quorum bona abundantia per diversas Christi ecclesias in hoc praesenti reperitur regno. Nec eo mihi magis tacendum est, quamvis meliores mihi habeat ecclesia Dei doctores atque fidei catholicae defensores. Unusquisque pro se rationem redditurus erit; et qui plus laborat, plus mercedis accipet.“

опросомъ¹⁾.—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эти спеціальныя собранія не носили точно установленнаго термина: чаще они называются „familiares colloquium“, рѣже—„concilium“, „consilium“. Важно только, что они отличны, какъ отъ сеймовъ, такъ и отъ синодовъ²⁾, хотя и могутъ происходить одновременно съ ними³⁾. Для каждаго случая въ отдѣльности Карлъ вызывалъ къ себѣ⁴⁾ опредѣленныхъ лицъ, посовѣтоваться съ ними, или поучать ихъ, и сохранился цѣлый рядъ указаній на такія спеціальныя приглашенія⁵⁾, которыя, иногда, ложились тяжелой повинностью на часто приглашаемыхъ⁶⁾.

Причины созыва спеціальнаго собранія могли быть самыя разнообразныя. Мы знаемъ, напримѣръ, о созывѣ „familiares colloquium“ для детальной разработки совѣтъ общаго вопроса о реформированіи

¹⁾ Карлъ хотѣлъ въдѣ устроить familiares colloquium, см. *Ж. М. Н. Пр.* ноябрь, стр. 118, примѣчаніе 3.

²⁾ Особенно противъ этого грѣшитъ Waitz (III, passim), который совѣтъ не выдѣляетъ того, что корректирующій его Фюстель-де-Куланжъ обвиняетъ общими названіями: „Conseil du roi“ (Fustel, VI, Chap. VIII).—Но помимо этого Вайцъ впадаетъ и въ другую ошибку: увлекался теоріей о свойствахъ германскаго національнаго духа, онъ выставляетъ риксманное положеніе, что сеймы (т. е. всякія собранія по его мнѣнію) соответствовали „der im deutschen Volk lebenden Auffassung vom Staat, nach welcher ein Zusammenwirken von Herrscher und Volk... erforderlich war.“ Waitz, III, p. 596. (p. 597 Вайцъ называетъ—eine alte germanische Sitte— не быть абсолютнымъ монархомъ). Переоцѣнивалъ значеніе сейма при Карлѣ, Вайцъ въ односторонней мѣрѣ переоцѣнивалъ и значеніе отдѣльныхъ совѣтниковъ, особенно епископовъ, принималъ въ серіозъ слѣдующее обычное паногрически-преувеличенное извѣстіе изъ „Gesta Aldrici“. (Waitz, III, p. 531, N. 1): Fuit enim memoratus episcopus consiliarius imperatoris et unus ex prioribus, quem tam domus imperator quam sui optimates et regni proceres obtemperabant (!)... atque in omnibus obedientes (!)... etc. — Или, выставляя теансъ, что Карлъ издвигалъ иногда канцлларіи на основаніи совѣта многихъ, духовныхъ преимущественно, лицъ, Вайцъ (III, p. 539) въ видѣ единственнаго подкрѣпленія приводитъ Capit. 819 г.

³⁾ Напримѣръ, спеціальное собраніе 811 г. см. ноябрь, стр. 127.

⁴⁾ Fustel de Coulanges, VI, pp. 316, 317, особ. N. 3, относительно „familiares consilarii“.—Въ данномъ случаѣ и говорю о спеціальныхъ собраніяхъ только къ духовнымъ лицъ.

⁵⁾ Алкуинъ Арнону (Jaffé, VI, p. 430). Si rex vos iubet in palatio stare. — Сами Алкуинъ никогда не смѣлъ располагать во своему усмотрѣнію спомнѣ времени (Jaffé, VI, p. 428). Nescio, de nostro itinere qui erit futurum Tamen me spero usque ad Augustum mensem in his morari partibus, si sic placuerit Deo nostro et domno regi.—Далѣйшіе примѣры у Waitz, III, p. 539 (но много позднѣхъ).

⁶⁾ Алкуинъ, напримѣръ, пишетъ Арнону цѣлое утѣшительное письмо (Jaffé, VI, ep. 203) въ виду его жалобъ на суетность приказаній Карла, совершенно отрывающихъ его отъ созерцательной жизни.

духовно-нравственнаго состоянія клира и народа ¹⁾, и по болѣе частному вопросу—о крещеніи аваровъ ²⁾, или по совсѣмъ уже мелкому вопросу—для разбирательства возмущенія въ одномъ изъ монастырей ³⁾.

Самъ Карлъ во всякомъ случаѣ придавалъ большое значеніе и этимъ собраніямъ и тѣмъ „увѣщаніямъ“, какія онъ высказывалъ на нихъ ⁴⁾, и требовалъ, сообразно съ этимъ, непремѣннаго присутствія приглашенныхъ лицъ. Насколько строго Карлъ относился къ абсентизму въ такихъ случаяхъ, видно уже изъ того, что такая persona grata, какъ Алкуинъ, будучи удержанъ болѣзною ⁵⁾, пишетъ длинныя извинительныя и просительныя письма и Карлу и его приближеннымъ ⁶⁾.—Итакъ, по важности эти „familiaria colloquia, не уступали опросамъ. Вотъ первое обстоятельство, на которое нужно указать.

Значеніе „ammonitio“

Второе же обстоятельство состоитъ въ томъ, что эти спеціальныя собранія, какъ я особенно отгвѣнялъ и въ передачѣ, преслѣдовали цѣль не только информироваться по какому либо пункту, но особенно информировать другихъ, т. е. употребляя терминъ того

¹⁾ Изъ двухъ писемъ Алкуина (Jaffé, VI, pp. 196, 197) видно, что приглашены были: онъ самъ, архіепископъ Риебодъ и архіепископъ Арноль. Собраніе было въ 802/3 г.

²⁾ См. ниже стр. 382 и слѣд.

³⁾ Монастыри св. Бонифція; Ann. Langès, min. ad a. 812. Сходная причина, быть можетъ, и относительно монастыря св. Павла (Ann. S. Amandi, a. 797); но тамъ собирается не спеціальная комессія, а соборъ „cum episcopis, abbatibus, monachis“.

⁴⁾ Напримѣръ, письмо Карла къ епископу Гарiboldу (Jaffé, IV, p. 388). *Bene igitur recordari credimus sanctitati tuae, qualiter saepius in conventu et concilio nostro monimus de praedicatione.* Выраженіе „qualiter (ad) monui saepius in conventu et concilio“ было, вѣроятно, одной изъ обычныхъ формулъ Карловой канцеляріи, такъ какъ мы его встрѣчаемъ и въ передачѣ архіепископа Риккульфа повеленія Карла (см. стр. 374, примѣчаніе 1-ое).¹⁾

⁵⁾ Jaffé VI, pp. 681, 683, 688. Дѣло идетъ о собраніи 802/3 г., см. выше примѣчаніе 1-ое.

⁶⁾ Письмо Карлу, Jaffé, VI, ep. 198. Спеціальное письмо къ Гуттрадѣ, сестрѣ аббата Корбейскаго, Адальгарда, имѣвшей большое вліяніе при дворѣ. Jaffé, VI ep. 199.

времени, — „*admonitio*“ всегда ¹⁾ была существенной частью программы всякаго собранія. Необходимость „*admonitio*“ при всякомъ удобномъ случаѣ, съ точки зрѣнія Карла, вытекаетъ прямо изъ его взгляда на обязанность короля — быть не только правителемъ, но и проповѣдникомъ, учителемъ, глашатаемъ требованій высшей воли, понимать каковую ему дано лучше другихъ ²⁾. Въ виду важности „*admonitio*“, игравшей не только видную роль при Опросѣ 810/11 г., но и вообще при Карлѣ, необходимо разсмотрѣть это понятіе нѣсколько подробнѣе.

Есть два рода „*admonitiones*“ — частныя и официальные. „*Admonitio*“ частныхъ лицъ является простымъ поученіемъ, необходимой принадлежностью всякаго, такъ сказать, культурнаго письма ³⁾, и доказываетъ только любовь и расположеніе къ адресату ⁴⁾. Такого рода *admonitiones* не имѣютъ обще-историческаго значенія, хотя бы въ ихъ числѣ и была „*admonitio*“ Алкуина въ его письмѣ къ папѣ ⁵⁾,

¹⁾ Архиепископъ Риккульфъ епископу Угинуу (*Jaffé*, IV, p. 393). „*Notum sit fraternitati tuae, quia dominus imperator nos admonuit, — sicut saepius in conventu concilioꝝum... Тутъ не важно опредѣлить, что въ данномъ случаѣ означаетъ „in conventu concilioꝝum“ (вѣрнѣе всего это коррумпированная формула присланной Риккульфу бумаги, гдѣ находилось „admonui... sicut saepius in conventu et concilio“, см. стр. 373, примѣчаніе 4), такъ какъ „*admonitio*“, какъ мы увидимъ впоследствии, была необходимой частью всякаго собранія съ участіемъ Карла.*

²⁾ См. ниже стр. 393.

³⁾ Въ любовнѣ письмѣ Алкуина, этого мастера тогдашней эпистографіи, мы неизменно, наряду съ востанительными комплиментами, заключительными благопожеланіями, находимъ и „*admonitio*“.

⁴⁾ Алкуинъ. *Jaffé*, VI, p. 603: „*perfecta caritas... hoc est aliis suadere... p. 604: Et haec est plena et perfecta dilectio, ut fratrum salutis memor, vel verbis praesens, vel litteris absens admonere eos non cessat.*

⁵⁾ Алкуинъ утѣщаетъ Льва III (*Jaffé*, VI, p. 625) „*nullius te terreat asperitas, nullius adulationis a via veritatis avertat iocunditas, nulla saecularis ambitionis cupiditas sanctissimi gutturis tui tubam tacere iuliciat.*“ Протѣвъ придаванія слишкомъ большого значенія этой „*admonitio*“ говорить не только общія соображенія относительно „*admonitiones*“ частныхъ лицъ, не только подианъ (*humilis levita Alcuinus*), но особенно то обстоятельство, что это — письмо *просительное* (чтобъ папа отпустилъ грѣхи). — Не болѣе запальчивѣе пишетъ и „*admonitio*“ монаха Катвильфа въ его посланіи Карлу (*Jaffé*, VI, pp. 336 sq). Оно вовсе не показываетъ независимости, неустранимости и ревности (такъ *Ketterer* p. 127 et passim) духовнаго лица, не побуждаяго увѣщывать самаго Карла. Оно, напротивъ, показываетъ извѣстное изъкоплонство, доходющее до анонсаа Карла („*tu es in vice illius*“, т. е. *Dei*! p. 337), до возведенія всѣхъ, даже отрицательныхъ, фактовъ его жизни (напримѣръ, „удачная“ смерть Карломана p. 337). Иногда, правда, Катвильфъ (и это вѣско въ заблугу-

откуда иногда старались доказывать чувство суперіоритета Алкуина ¹⁾, какъ приближеннаго сильнаго Карла, надъ безсильнымъ папой.

Совсѣмъ иное значеніе имѣють официальные „*ammonitiones*“ — увѣщанія королей и лицъ власти имущихъ ²⁾: это уже не безобидная форма вѣжливости, и — приказаніе. На вопросъ, какъ самъ Карлъ понималъ свои „*ammonitiones*“, онъ самъ же и даетъ отвѣтъ: „*ammonitio*“ — главнѣйшая обязанность государя, важное право, позволяющее исправлять и отсѣкать дурное и возвеличивать хорошее, фактъ, который приравниваетъ короля къ ветхозавѣтнымъ царямъ-праведникамъ ³⁾. Поднѣйшее признаніе королевской прерогативы исправлять поученіями-приказаніями мы находимъ у всѣхъ современниковъ ⁴⁾, при чемъ у Алкуина она особенно отдѣляется ⁵⁾.—Поэтому, если изъ „*ammonitio*“ Алкуина въ письмѣ его къ папѣ пеллялъ, какъ мы видѣли, вывести никакихъ заключеній, то совсѣмъ иначе дѣло обстоятъ съ аналогичнымъ письмомъ самого Карла къ тому же Льву III ⁶⁾. Само письмо, правда, написано въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, но оно дополняется секретной инструкціей для Ангильберта, передающаго это письмо, инструкціей, не терпящей двухъ разныхъ толко-

женіе комментаторовъ) съ безстрашностью иродиваго старается указать подобающее мѣсто свѣтской власти — много ниже духовной, но это только общія фразы, а для власти *Карла* дѣлается исключеніе и она ставится даже *выше* папской власти (р. 338).

¹⁾ Напримѣръ, Ebert, II, p. 33, хочетъ доказать „den Einfluss Alcuinus“ на основаніи его „*Ratschlüge und Ermahnungen an Könige, wie an den Papst*“.

²⁾ Напримѣръ, *Missi cuiusdam ammonitio* (Bor. I, p. 239, 240).

³⁾ *Admonitio generalis* 789. (Bor. I, pp. 53, 54). Ne aliquis, quiesco, huius pietatis ammonitionem esse praesumptiosam iudicet, qua nos errata corrigere, superflua abscindere, recta cohortare studemus.... Nam legimus in regnorum libris (Regum II сс. 22, 23), quomodo sanctus Iosias regnum sibi a Deo datum circumcundo, corrigendo, ammonendo ad cultum veri Dei studuit revocare.—Та же мысль и въ *Admonitio* (н. 823—825) *Людовика* (Bor., II, p. 303). C. 2: optamus ut tria specialiter capitula in huius regni administratione conserventur: defensio, exaltatio ecclesiae .... et pax et iustitia. In his quippe maxime studere et de his in omnibus placitis .... vos admonere optamus, sicut debitores sumus.

⁴⁾ См. выше, ноябрь, стр. 125, относительно Магна и Аендрада.

⁵⁾ Алкуинъ Карлу (*Jaffé VI*, p. 672). Principem populi christiani cuncta scire et praedicare, quae Deo placeant, necesse est. Neque enim quemquam magis deceat vel meliora nosse, vel plura quam imperatorem (письмо 802 г.) cuius *doctrina* („поученіе“) *omnibus* potest prodesse subiectis.—*Jaffé VI*, pp. 762, 763. Карлъ долженъ „semper admonere“ духовныхъ лицъ, а также тѣхъ людей, qui in sublimioribus positі sunt saeculi dignitatibus, да и вообще всѣхъ подданныхъ.

⁶⁾ *Jaffé IV*, pp. 355 sq.

ваній, показывающей вполне ясно, что обращение Карла къ папѣ есть „*ammonitio*“ съ совершенно опредѣленнымъ повелительно-запретительнымъ характеромъ ¹⁾.

Подобныя же авторитетныя „*ammonitiones*“ составляли непремѣнную принадлежность обращенія Карла ко всякаго рода собраніямъ и были болѣе мягкой, но не менѣе рѣшительной и безапелляціонной формою приказанія, причѣмъ самъ Карлъ впоследствии часто ссылался на нихъ ²⁾.

„Поучать“ по тогдашнему оптимистическому взгляду значило — исправлять, а исправлять — было первѣйшей и главнѣйшей обязанностью христіанскаго государя ³⁾.

Вопросная форма „поученій“ Карла.

Поучать и наставлятъ можно не только непосредственно, чрезъ „*ammonitiones*“, но также и посредственно, путемъ наведенія, при помощи цѣлаго ряда искусно поставленныхъ вопросовъ, однимъ словомъ — эвристическимъ методомъ. Такая система была въ большомъ фаворѣ у Карла и лежала, по вѣрному замѣчанію Теодульфа ⁴⁾, въ основаніи всего Опроса 810 — 811 г., такъ что на этомъ любопытномъ приѣмѣ просвѣтительнаго абсолютизма Карла, мало отмѣченномъ до сихъ поръ, приходится нѣсколько остановиться.

Мѣткое опредѣленіе Теодульфа, что Карлъ поставилъ рядъ вопросовъ „*non necessitate discendi, sed studio docendi*“ для того, „чтобы побудить людей къ лучшему исполненію своихъ обязанностей“, совершенно совпадаетъ съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ опредѣленій Алкуина ⁵⁾. Тождественность опредѣленій двухъ самыхъ выдающихся

¹⁾ Если, напримѣръ, въ самомъ письмѣ Карла ко Льву III довольно неясно сказано, что Ангильберту „*omnia iniunctum, quae vel nobis voluntaria vel vobis necessaria esse videbantur*“ (Jaffé, IV, p. 356), то въ инструкціи все это принимаетъ вполне ясное, недвусмысленное значеніе: „*ammonitas enim (папу) diligenter de omni honestate vitae suae, et praecipue de sanctorum observatione canonum, de pia sanctae Dei ecclesiae gubernatione et de simoniaca subvertenda haeresi diligentissime suadeas illi et quidquid mente teneas nos saepius querelis agitare inter nos*“ (Jaffé, IV, p. 353).

²⁾ См. выше стр. 373 примѣчаніе 4.

³⁾ См. выше стр. 374 и примѣчаніе 2.

⁴⁾ См. слѣд. прим.; см. ноябрь, стр. 121.

⁵⁾ Отвѣтъ Теодульфа Магнусу (Migne CV, col. 223), цитата приведена ноябрь, стр. 121, прим. 2-ое. — Алкуинъ (Jaffé, VI ep. 230., p. 757): Карлъ поставилъ нѣсколько

членовъ интимнаго кружка Карла, знавшихъ своего коронованнаго друга лучше другихъ, уже само по себѣ наводитъ на размышленіе. Къ тому же сохранилось и подлинное выраженіе Карла, такъ сказать, его афоризмъ, что „мудро спрашивать значить—поучать“, крылатое слово, перазъ, очевидно, имъ употребленное, такъ какъ Алкуинъ часто упоминаетъ о немъ ¹⁾. Не напрасно поэтому тотъ же Алкуинъ заставляетъ Карла интересоваться риторикой — „искусствомъ, вся сила котораго кроется въ его значеніи для вопросовъ государственнаго характера“ ²⁾. Наконецъ, и Лейдрадъ, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ помощниковъ Карла и проводниковъ его идей ³⁾, тоже воздастъ должное его „остроумнѣйшимъ вопросамъ“ ⁴⁾, и Эйнгартъ, воспитанный, какъ извѣстно ⁵⁾, при дворѣ Карла, особенно отмѣчаетъ точность и ясность его способа выражаться ⁶⁾.

Особенности вопросовъ и толкованій Карла.

Примѣровъ „остроумнѣйшихъ“ вопросовъ Карла до насъ дошло не мало, но, къ сожалѣнію, большинство этихъ вопросовъ не имѣетъ общаго значенія, а лишь показываетъ чрезвычайную оригинальность

вопросовъ, чтобы „segnitiam per interrogationes prudentissimas excitare...; immo per inquisitiones magis docere, quam ignota discece.—ep. 240 (p. 786): „nostrae parvitas ingenio dirigere studuistis; non, ut optime novi, ignorando, sed probando, quid nostrae parvitas intellectus exinde sensisset vel a magistris didicisset.—ep. 241 (p. 775) длинное разсужденіе на эту же тему.

¹⁾ Jaffé, VI, p. 757: Quia „sapienter interrogare docere est“, veluti in vestrae auctoritatis pagina („исцелью“) scriptum reperimus.—Ib., p. 775. Алкуинъ опять говоритъ: „Nam sapienter interrogare docere est“, но упоминаетъ Карла, какъ автора этого афоризма.

²⁾ Albin Disputatio de rhetorica et virtutibus (Rhet. lat. minores, ed. Halm. p. 525). Диспутанція начинается съ просьбы Карла: Quaeso ut liceat mihi te de rhetoricae rationis parumper interrogare; nam olim te memini dixisse, totam eius artis vim in civilibus versari quaestionibus.

³⁾ Краткая, но рельефная характеристика дѣятельности Лейдрада. Chron. Adonis (M. G. SS., II, p. 320). „Porro Lugdunensi Leidradus, vir seculari dignitate intentissimus et honori reipublicae utilis, rexit ecclesiam“.—Любопытны докладъ Лейдрада Карлу о всей своей предыдущей дѣятельности (Jaffé, IV, pp. 419 sq.).—О соборной школѣ (Domschule) Лейдрада, см. особ. Werner „Alcuin“, p. 37.

⁴⁾ „Vestrae sagacissimae inquisitiones“.... Jaffé, IV, p. 411.

⁵⁾ См. Прологъ Валафрида Страбона и Вступленіе сажого Эйнгарда къ биографіи.

⁶⁾ Einhard, „V. K.“ c. 25: Erat eloquentia copiosus et exuberans poteratque quicquid vellet apertissimo exprime.... О невѣроятности „выписываній“ изъ Суетонія въ данномъ мѣстѣ см. ноябрь, стр. 118, прим. 4.

мышленія Карла вообще, его зоркій глазъ при отыскываніи неустоляваннаго мѣста, его всесторонніе интересы, его стремленіе постичь даже мелочи à fond ¹⁾. Отмѣчу только одинъ изъ такихъ вопросовъ, относительно двухъ новозавѣтныхъ мѣстъ ²⁾, при чемъ Карлъ отъ себя ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые своей отрывочной формой и своей исчерпывающей полнотой чрезвычайно близко напоминаютъ тематическіе вопросы 810—811 г. ³⁾.

Самымъ крупнымъ образчикомъ вопрошательной системы поученія Карла является, такимъ образомъ, все же Опросъ 810 — 811 г. Но и помимо его необходимо отмѣтить еще одинъ фактъ, который, правда, является не въ видѣ вопроса или ряда вопросовъ, но который такъ же, какъ и Опросъ 810 — 811 г., представляетъ изъ себя фактъ чрезвычайно интересной, запутанной, но остроумной экзегезы Карла.

И имѣю въ виду его своеобразное толкованіе присяги въ 802 г., толкованіе, опять-таки показывающее, что Карлъ даже самымъ обычнымъ ⁴⁾ и, можно сказать, тривиальнымъ фактамъ умѣлъ придать необыкновенно широкое значеніе и толкованіе.

Кромѣ обычного ⁵⁾ тщательнаго установленія вѣршией стороны присяги ⁶⁾, Карлъ въ 802 г. особенно останавливается на ея *внутреннемъ* смыслѣ, подчеркивая, прежде всего, что миссамъ надлежитъ не только снять присягу, но предварительно ясно и популярно изложить ея вели-

¹⁾ Тонкіе грамматическіе и лексикологическіе вопросы: Jaffé, VI, pp. 252, 254. Отвѣтъ Льва III Карлу по поводу толкованія трехъ новозавѣтныхъ мѣстъ: Jaffé, IV, pp. 318 sq.—Jaffé, VI, p. 241. Карлъ спрашиваетъ Алкуина, почему онъ одинъ святился не переставъ того „туниса“ („онъ, очевидно, нажилъ всего остального“, прибавляетъ Карлъ), которымъ окончилась, какъ это, однако, упомянуто у двухъ евангелистовъ (Matth. 26, 30; Marc. 14, 26), Тайная Вечеря.—Относительно еще одного вопроса Карла см. слѣд. два прилѣжанія.

²⁾ Jaffé, VI, p. 239.—Еванг. отъ Луки 22, 36: „Тогда онъ сказалъ имъ: по теперь кто пьетъ *малюк*, тотъ возьми его, также и *суму*; а у кого нѣтъ, продай *одежду* свою и купи *мечъ*“. 22, 38: Они сказали: Господи! воть здѣсь *два меча*. Онъ сказалъ имъ: *довольно*.

³⁾ Considerandum est... quid significet huius emptio gladii; quid sacculum; quid pera; quid tunica; cur positum in duobus gladiis satis esse dicatur. Jaffé, VI, p. 760. См. ноябрь, стр. 111, прим. 3.

⁴⁾ Какъ и относительно значенія „abrenunciatio“.

⁵⁾ Лучше всего распорядокъ приведеніи къ присягѣ установлень. Cap. miss. 786 (792?) г. §§ 2—4 (Bog. I, pp. 66, 67).

⁶⁾ Первая половина § 2 Cap. miss. gen. 802 (Bog. I, p. 92).

кое и всестороннее значеніе. „Присяга—не только обѣщаніе сохранить до конца своей жизни вѣрность королю, не соединяться или не потворствовать его врагамъ“¹⁾. Нѣтъ, по мнѣнію Карла, присяга является обѣщаніемъ въ вѣрности не только лично королю, но и всѣмъ дѣламъ и предпріятіямъ его, всѣмъ тѣмъ явленіямъ, при помощи которыхъ устанавливается, по тогдашнимъ понятіямъ, благоденствіе въ государствѣ²⁾. Давая такое необычное толкованіе присягѣ, Карлъ подробно, въ семи параграфахъ³⁾, иллюстрируетъ это свое толкованіе. Присягнуть—значитъ сдѣлаться помощникомъ государя въ его трудномъ дѣлѣ управления; поэтому всякій присягнувшій долженъ облегчить дѣло государя: *самъ* долженъ „жить по-божьи“, не дожидаясь контроля государя⁴⁾, *самъ* долженъ блюсти имущественные интересы

¹⁾ Ibid. § 2: Et ut omnes traderetur publice, qualiter unusquisque intellegere possot, quam magna in isto sacramento et quam multa comprehensa sunt, non, ut multi usque nunc existimaverunt, tantum fidelitate domino imperatori usque in vita ipsius, et ne aliquem inimicum in suum regnum causa inimicitiae inducat, et ne alicui infidelitatis illius consentiant aut retaciant, sed ut sciant omnes istam in se rationem hoc sacramentum habere.... (сѣдуютъ 7 объяснительныхъ §§). Слова — „usque in vita ipsius“ получены у Дава (III, p. 1095) странный переводъ и еще болѣе странное объясненіе: „Nicht nur Treue auf Lebenszeit (des Kaisers nämlich)“. Въ такомъ случаѣ противоположностью было бы „но и послѣ смерти императора“, что, очевидно, нелѣпнца.—Упомянутыя слова, хотя въ разрѣзъ съ обычной грамматикой, относятся къ *присягающему*. Карлъ, ратуя въ данномъ случаѣ противъ мнимальнаго повторенія обычной присяги, приводитъ цитату изъ *обычнаго* ея текста, гдѣ присягающій клянется „остаться вѣрнымъ во всю свою жизнь“ (см. въ слѣд. примѣч. тексты двухъ клятвъ). Дальнѣйшія слова Карла, „et ne aliquem inimicum“... тоже являются перифразомъ обычной клятвы, гдѣ говорится, что клянущійся будетъ вѣренъ „absque fraude et malo ingenio“ (см. слѣд. прим.).—Такимъ образомъ противоположеніе (non ut nunc.... tantum) касается не *омдальной* фразы, а относится ко *всей* формулѣ обычной клятвы, къ ея чисто вѣщному и мнимальному повторенію.

²⁾ Вотъ почему въ текстѣ одновременной съ этимъ каинтуларіемъ формулы присяги находится необычная вставка „et ad honorem regni sui“.—Та новая, 802 г., присяга передана Cap. miss. spec. 802; Bor. I, p. 101. „Sacramentale qualiter reponitit ogo, quod ab isto die inantea fidelis sum domno Karolo piissimo imperatori... pura mento absque fraude et malo ingenio de mea parte ad suam partem et ad honorem regni sui, sicut per drictum debet esse homo domino suo. Si me adiuvet Deus et ista sanctorum patrocinia quae in hoc loco sunt, quia diebus vitae meae per meam voluntatem.... sic attendam et consentiam.—(capit. a. 789 (Bor. I, p. 63) c. 18: Sic promitto ego illo partibus domini mei Caroli regis...., quia fidelis sum et ero diebus vitae meae sine fraude et malo ingenio.

³⁾ Сс. §—9.

⁴⁾ C. 3 (Bor. I, p. 92). Primum, ut unusquisque in persona propria se in sancto

государя ¹⁾, самъ долженъ оберегать слабыхъ, такъ какъ его государь, которому онъ присягаетъ, единственный ихъ защитникъ ²⁾, самъ долженъ стѣднть за тѣмъ, чтобы новелтіи и всякаго рода постановленія государя не умалялись и не оставались бы втунъ ³⁾, самъ долженъ заботиться о возможно полной защитѣ отечества ⁴⁾, о возможно лучшемъ проведеніи справедливости и нелицепріятнаго, неподкушнаго суда ⁵⁾. „Къ соблюденію всего этого обязываетъ присяга“ ⁶⁾.

Какъ въ 810—811 г. Карль изъ обычной „abrenunciatio“ извлекъ массу необычныхъ и замѣчательныхъ выводовъ, такъ и въ данномъ случаѣ онъ получилъ не менѣе широкіе выводы изъ толкованія и детальнаго разсмотрѣнія значенія „fidelis“. Такимъ образомъ, обѣ присяги, и церковная и государственная, дѣлающія человека „fidelis“ Богу и государю, т.-е. дѣлающія его настоящимъ христіанскимъ подданнымъ, по понятіямъ того времени ⁷⁾, получили у Карла одинаково детальное и глубокое освѣщеніе.

Вопросъ о крещеніи при Карлѣ.

Въ только что разсмотрѣнномъ капитуляріи есть намекъ на общеобязательность для каждаго христіанина какаго-то „обѣщанія“ („sponsio“ ⁸⁾). Что Карль подразумѣвалъ подъ этимъ—сказать трудно, но возможно, что онъ имѣлъ въ виду обѣщаніе Богу и отреченіе отъ дьявола при крещеніи. Во всякомъ случаѣ вопросъ о значеніи и важности крещенія былъ однимъ изъ наиболее часто, въ эпоху Карла, трактуемыхъ, и наиболее хорошо освѣщенныхъ вопросовъ ⁹⁾.

Dei servitio secundum Dei preceptum et secundum sponsionem suam pleniter conservare student secundum intellectum et vires suas, quia ipse dominus imperator non omnibus singulariter necessariam potest exhibere curam et disciplinam. Государь же *отомъствень* предъ Богомъ за поведеніе своихъ подданныхъ.

¹⁾ Ст. 4, 6. Любопытно близкое сходство с. 1, ст. X заповѣдью.

²⁾ С. 5. (быда слабыхъ (церкви, вдовъ, сиротъ) — какъ бы обидя самому государю, въ вѣрности которому онъ явился.

³⁾ С. 8.

⁴⁾ С. 7.

⁵⁾ С. 9.

⁶⁾ Nec omnia supradicta imperiali sacramento observari debetur.

⁷⁾ См. дальше, въ этюдѣ III.

⁸⁾ См. стр. 379, прим. 4.

⁹⁾ Кроме всего Опроста 810—811 г. и приводимаго ниже примѣра изъ аварской практики, а также вообще вопроса о крещеніи всякихъ вновь покоренныхъ (см. ниже, отд. V), сюда относится и два тождественныхъ письма Алкуина о правиль-

Любопытно привести одинъ примѣръ изъ этой области, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ специальной комиссией (*familiare consilium*), а также съ опредѣленіемъ крещенія какъ процесса длительного, не ограничивающагося однимъ обрядомъ, долженствующаго быть поддерживаемымъ и подновляемымъ въ теченіе всей жизни ¹⁾.

Слѣдъ Карла, Пинингъ, въ 796 году, какъ извѣстно, разгромилъ аваровъ, окончательно отнявъ возможность самостоятельнаго существованія. Открылось, такимъ образомъ, широкое поле для миссіонерства и христіанизаціи ²⁾. Но при этомъ, особенно въ виду прежнихъ неудачныхъ опытовъ христіанизаціи Саксоніи, возникъ серьезный вопросъ: какъ обставить это крещеніе, какъ съ точки зрѣнія чисто церковной, такъ и политической ³⁾. И вотъ относительно этого вопроса мы, къ счастью, располагаемъ довольно обильнымъ и, во всякомъ случаѣ, характернымъ матеріаломъ.

номъ обрядѣ крещенія (см. *Ж. М. Н. Пр.* ноябрь, стр. 106), письмо Алкуина по поводу испанскаго оретическаго новшества (однократнаго погруженія). *Jaffé VI*, pp. 387 sq. и т. д. Важно отмѣтить также замѣчаніе Алкуина въ одномъ изъ его писемъ къ Арноу (*Jaffé VI*, p. 381): *Et ut sanctam baptismi diligentissime exerceant, quia in loco periculosius erratur, sicut nec fructuosius, si bene observetur.*

¹⁾ Мысль, конечно, не нова. Ее, напримѣръ, мы зачастую встрѣчаемъ у Августина. *Civ. Dei XXI*, c. 11. *Quisquis... cupit poenas evadere scripturas, non vultum baptizetur verum etiam iustificetur* („vera iustitia“ см. *XXI*, c. 27)... *Ib.* *XXI* c. c. 19, 25—одного крещенія—недостаточно. *Ib.*, *XX*, c. 8. Крещеніе только отчасти освобождаетъ отъ власти дьявола, что особенно важно, такъ какъ дьяволъ у Августина чрезвычайно активенъ (напримѣръ, *XXII*, c. 22: „contra milleformas daemonum incursus quis innocentia sua fidit? quando quidem, ne quis fideret, etiam parvulos baptizatos, quibus certe nihil est innocens, aliquando sic vexant, ut in eis maxime... monstretur huius vitae fleenda calamitas“).—Тѣ же мысли мы встрѣчаемъ у горячаго поклонника и ученика Августина, Алкуина (ср. *Ebert II*, pp. 21, 22; *Hauck II*, p. 132, 142; *Ketterer* pp. 124 sq. et passim). Уважаніе юношахъ (*Jaffé VI*, pp. 579 sq.). ...*Dei filius in baptismo consecratus es; sed ham excellens nobilitas non nisi magna dignitate morum conservari poterit. ....Exeunte de collo tuo iugum captivitatis diabolice (p. 580: liberate vosmet ipsus de diabolica servitute)*. Та мысль высказывается и ученикомъ Алкуина, Карломъ, въ *Опрокъ* 810—811 г.

²⁾ Непосредственную связь между побѣдой и христіанизаціей ясно чувствовали поэты, воспѣвшіе въ варварскихъ стихахъ походъ 796 г. (см. также *Simson II*, pp. 125 sq.). Объ обычности этого явленія и о причинахъ его см. ниже. Отд. V.

³⁾ Съ точки зрѣнія церковной—о времени крещенія (соблюдать ли обычные сроки—Наша, Троицынъ день,—или крестить чаще). Съ точки зрѣнія политической, тѣсно связанной, однако, съ церковной, о действительности крещенія, такъ какъ чисто принуденное, чисто вѣншее крещеніе не давало достаточныхъ гарантій для обезпеченія повиновенія и вообще вѣроподданничества.

Для рѣшенія важнаго вопроса о крещеніи покоренныхъ, побѣдитель Пиппинъ собралъ, по обычаю своего отца, специальную комиссію, состоявшую изъ духовныхъ лицъ ¹⁾). Предсѣдательствовали патріархъ Аквилейскій, Павлинь, который, уже по одному положенію своей метрополіи былъ предназначенъ для руководительства миссіонерствомъ въ странѣ аваровъ ²⁾).—Извѣстіе объ этой комиссіи сохранилось въ интересномъ документѣ (ошибочно названномъ Jaffé „диссертаціей“ Павлиня) ³⁾, который представляетъ изъ себя часть ⁴⁾

¹⁾ Докладъ (см. ниже) Павлиня (Jaffé, VI, p. 312): „castra calcatus metatus in eodem loco („supra ripas Histri Danubi“) isdem venerabilis Pippinus rex, accessit quin etiam quorundam episcoporum revorendo collegio de plurimis quibusque rerum ceremoniis... diligenti studuit curiositate clementibus explorare verbis. Et indulta quocirca familiaritatis praedictorum patrum licentia, requisitum est...“ Simson, II, p. 128, не зная о специальныхъ комиссіяхъ („familiaria colloquia“ см. выше стр. 372 и слѣд.), переводитъ буквально: „man heriet in vertraulicher Weise“. Собраніе этой комиссіи нельзя сличивать съ провинціальными синодами того же года (и тоже подъ предсѣдательствомъ Павлиня), акты котораго дошли до насъ (Migne. LXXXIX coll. 283 sq.), гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на вопросъ о крещеніи аваровъ.

²⁾ Письмо Алкуина Павлину (Jaffé, VI, p. 285): „Sed quam plurimorum oculi in te, pater optime, respiciunt: quid vestra veneranda sanctitas facere velit. Quia et vicinitas locorum tibi competit et sapientiae decus suppetit et auctoritatis excellentia tibi appetit...“

³⁾ Jaffé, VI, p. 311 даетъ такое изъясненіе: „Paulinus Aquileiensis patriarcha in collegio episcoporum a Pippino rege convocato de ratione qua Huni subacti baptizandi sint, disserit“.—Уже Simson, II, p. 128 сомнѣвается въ вѣрности этого изъясненія, но не приводитъ никакихъ противопоказаній. А между тѣмъ сомнѣній тутъ быть не можетъ: по-1-хъ, Павлину въ рѣчи или разсужденіи „in collegio episcoporum“ совершенно не нужно бы было давать исторію созыва этого „collegium“ (см. выше прим. 1-с), еще менѣе нужно было опредѣлять въ такомъ случаѣ мѣсто, гдѣ Пиппинъ разбилъ лагерь и созывалъ „collegium“, а совѣтъ нестронно, чтобы Павлинь, говоря въ собраніи, называлъ бы это собраніе и присутствующихъ епископовъ— „revelendum collegium quorundam episcoporum“. Невольно также, почему во всемъ этомъ документѣ ни разу нѣтъ прямого обращенія ни къ присутствующимъ епископамъ, ни къ Пиппину, который, безъ сомнѣній, былъ также на засѣданіяхъ. Наконецъ, только въ видѣ поднесена подъ докладомъ (или подъ протоколомъ засѣданія) возмужель слѣд. конецъ (р. 318): „Paulinus licet indignus servorum Domini ultimus servus... hominum venerabilium fratrum socius et auditor fui“.

⁴⁾ Это видно изъ конечной фразы (р. 318): „De his igitur satis dixisse sufficiat. Nunc autem ad alia festinantes ab his conpendiosius calami cuspitem suspendamus“.—Быть можетъ, докладъ отсылался не частями послѣ каждого засѣданія комиссіи? Вѣдь случается для отсылки было, повидимому, много во время похода Пиппина, такъ какъ Алкуинъ воспользовался этими частыми occasiis и подрядъ передалъ Арноу три письма (Jaffé, VI, p. 286).

доклада Павлина кому-то объ этомъ собраніи комиссіи. — Уже а priori, съ большой вѣроятностью, можно сказать, что докладъ этотъ былъ посланъ—самому Карлу, отъ котораго, вѣроятно, и исходила инициатива созванія этой комиссіи.—Догадка эта становится тѣмъ вѣроятнѣе, что къ этому же времени относится цѣлый рядъ писемъ Алкуина на тему о крещеніи аваровъ, адресованныхъ Карлу и другимъ лицамъ ¹⁾, при чемъ письмо къ Карлу является, повидимому, *отътомъ*, разъясненіемъ Алкуина, на что въ предстоящемъ вопросѣ (т. е. при обсужденіи его) приходится обратить наибольшее вниманіе ²⁾.—Поэтому все дѣло представляется мнѣ въ слѣдующихъ чертахъ: Карлу принадлежала инициатива созыва специальной комиссіи по поводу крещенія аваровъ ³⁾, и онъ посоветовался съ Алкуиномъ ⁴⁾, какіе вопросы должны быть разъяснены въ предстоящемъ собраніи этой специальной комиссіи; Алкуинъ отвѣтилъ; Карлъ далъ сообразно съ этимъ инструкціи ⁵⁾; состоялись собранія комиссіи и результаты были доложены Карлу Павлиномъ.

Съ такой группировкой матеріала совершенно гармонируетъ и то обстоятельство, что докладъ Павлина содержитъ въ себѣ, въ видѣ

¹⁾ Jaffé, VI, ср. 67. (Карлу), ср. 69 (казначей Карла Мегенфриду), ср. 70 (Арнону).

²⁾ Алкуинъ, по крайней мѣрѣ, особенно подчеркиваетъ, на что „нужно обратить особое вниманіе“ („maxime considerandum est“ Jaffé, VI, pp. 308, 309), а также даетъ (въ другомъ письмѣ) приблизительную схему всѣхъ приготовленій къ крещенію и самаго обряда, схему, которой, какъ мы сейчасъ увидимъ, придерживался и Павлинъ въ своемъ докладѣ (т. е. придерживалась вся комиссія въ своихъ занятіяхъ). Кроме того, самъ Алкуинъ придаетъ этому письму къ Карлу большое значеніе, такъ сказать значеніе официалаго и исчерпывающаго отвѣта, такъ какъ онъ, не имѣя времени отвѣтить Арнону по тому же самому вопросу, пересылаетъ ему копию съ этого письма. Jaffé, VI, p. 324..... propter angustiam temporis.... non occurrit mihi aliquid dicere.... Tamen *consiliens* paternitati tuae, misi tibi epistolam, quam ante paucos dies domino regi de hac eadem re direxi.

³⁾ Въ письмѣ Алкуина къ Мегенфриду цѣлая тирада объ этомъ (Jaffé, VI, p. 322); „et tu (Мегенфридъ) fac voluntatem illius“.

⁴⁾ Быть можетъ, но съ однимъ Алкуиномъ; быть можетъ, собрана была оиыт-таки особая подготовительная комиссія, къ которой призванъ былъ и Мегенфридъ, которому Алкуинъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ: „Haec tuae... scripsi dilectioni quatenus tuis proficiant ammonitionibus, qui (очевидно, Карлъ) a te *consilium audire desiderant*“ (p. 321); „esto in consilio suavis et in opere strenuus“ (p. 322); „et tu... servator (казначей сохранялъ экземпляры королевскихъ указовъ) consiliorum et auditor“ („auditor“ см. подпись Павлина, стр. 382, прим. 3).

⁵⁾ Это необходимое промежуточное звено не сохранилось.

подробно разработанныхъ темъ, всѣ главнѣйшія мысли Алкуина, высказанныя имъ по поводу крещенія аваровъ въ письмахъ къ Карлу и другимъ лицамъ ¹⁾, при чемъ нѣкоторыя мѣста почти буквально совпадаютъ.

Изъ самыхъ положеній этой комиссіи выдѣлю только одно: осторожное и детальное разъясненіе по поводу того, что крещеніе не является просто обрядомъ погруженія въ воду ²⁾, и что оно требуетъ

¹⁾ Докладъ Павлина (Jaffé, VI, p. 315): *præter æsto*—учить, *потомъ* только—крестить. Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, pp. 310, 311): *сначала* „приспосабливать“ къ крещенію наставленіемъ въ вѣрѣ и *потомъ* только крестить. Алкуинъ Мегенфриду (Jaffé, VI, p. 320): „*Primo fides docenda est et sic baptismi percipienda sunt sacramenta*“. Алкуинъ Арнону (Jaffé, VI, p. 326): In istis (слова Спасителя, еванг. отъ Матт. 28; 19, 20) paucissimis verbis totius sanctae praedicationis ordinem exposuit. Bis „docere“ dixit et semel „baptizare“. *Primo omnium fidem catholicam docere praecipit.*—

То же мы видимъ и относительно другой важной мысли доклада Павлина: крещеніе должно быть деломъ убѣжденія, а не принужденія. обращеніе крестянцнхъ и поучающнхъ должно быть мягкое. Докладъ (Jaffé, VI, pp. 315, 316): „*Ipsa vero praedicantium doctrina non debet esse violenta humanoque pavenda timore, sed benigna, suadibilis, et cum dulcedine inorata. Suaevis nempе de praemio vitae aeternae; terribilis de inferni-supplieio, non de gladii cruento mucrone, nec coacti aut inviti trahantur ad baptismi lavacrum, sed quos Spiritus sancti gratia perfuderit et ex desiderio animae suae expetierint salutem.* (Ср. также начало доклада, p. 311). Алкуинъ Карлу (p. 308), необходимо имѣти.—*prios populo novello praedicatores, moribus honestos.... et nova populorum ad fidem conversio mollioribus praeeceptis quasi infantilis aetas lacte esset nutrienda.* Алкуинъ Мегенфриду (p. 320): „*Fides quoque.... res est voluntaria.*

necessaria. Adtrahi poterit homo ad fidem, non cogi. Cogi poterit ad baptismum, sed non proficit in fide. Алкуинъ Арнону (p. 327): *fides.... se voluntate fit, non ex necessitate. Quomodo potest homo cogi, ut credat, quod non credit? Impelli potest homo ad baptismum, sed non ad fidem.*—См. еще и слѣд. примѣч.—Важно, наконецъ, указать въ письмѣ Алкуина къ Мегенфриду еще и слѣд. спеціальныя указанія. применительно къ данному случаю, который также былъ разработаны комиссіей. Высказывалъ общую мысль, что Богъ далъ всѣмъ людямъ, рабамъ своимъ, таланты, который и нужно увеличить. Алкуинъ продолжаетъ (pp. 319, 320): „*Qui vero pecuniam („талантъ“)* praedicationis accipiunt, diligenter considerare debent quid cui conveniat aetate vel personae, quid cui congruat loco vel tempore, etiam et, *quo ordine* praedecatio christianitatis incipienda sit vel perficienda.—Сообразно съ этимъ, комиссія („Доклады“) подробно рассматривала: „legitima tempora“ крещенія и возможность ихъ соблюденія въ данномъ случаѣ (pp. 312—314, 316): крещеніе младенцевъ (p. 317); вопросъ о взрослыхъ, уже разъ такъ или иначе крещенныхъ (pp. 317, 318); особенности данного случая („gens bruta et irrationabilis“ p. 314, 315); необходимость предварительнаго наставленія въ вѣрѣ (p. 315); испри- нудительность обращенія въ христіанство (pp. 315, 317).

²⁾ Докладъ (p. 318): *Sola enim aqua sine sancti Spiritus ammixtione nihil valet aliud, nisi sordes carniū aut quarumvisque rerum abluere...* Алкуинъ Карлу

отъ крещаемыхъ и извѣстнаго убѣжденія и знакомства съ принимаемыми на себя обязательствами, и, сообразно съ этимъ, отъ уже крещеныхъ точнаго и неустаннаго соблюденія этихъ обязательствъ.

Какъ видно, мысль эта, установленная еще комиссией 796 года, содержитъ въ себѣ много сходнаго съ воззрѣнiями Карла на сущность и значенiе отреченiя отъ дьявола, высказанными имъ при Опросѣ 810—811 года.

III. Причины Опроса 810—811 г. и сходныхъ съ нимъ реформаціонныхъ попытокъ.

Каковы были ближайшія причины Опроса 810—811 г.? Вопросъ этотъ рѣдко ставился, сообразно съ тѣмъ, что на самый Опросъ вообще обращено мало вниманiя. Но и тѣ, кто его поставилъ, рѣшаютъ его невѣрно, поспѣшно и слишкомъ уже мимоходомъ, считая главнѣйшей цѣлью Опроса желанiе улучшить состояніе *духовенства* и только его одного ¹⁾.—Но приходилось уже неразъ отмѣчать, что Опросъ 810—811 г. имѣетъ гораздо болѣе широкія цѣли, что Карлъ при этомъ еще разъ сдѣлалъ попытку реформировать жизнь и обычай не только духовенства, но и вообще *всего* своего народа, на что и есть достаточно документальныхъ указанiй ²⁾.

Такимъ образомъ Опросъ 810—811 г. тѣсно примыкаетъ ко всѣмъ остальнымъ реформаціоннымъ попыткамъ Карла, которыя также, по

(р. 309): Illud quoque maxime considerandum est: ut ordinate fiat praedicationis officium et baptismi sacramentum: ne nihil prosit sacri ablutio baptismi in corpore, si in anima... catholicae fidei agnitio non praecesserit.—Алкуинъ Арнуи (р. 327): Absque fide quid proficit baptismus?... (р. 328): Visibilia sunt: sacerdos, corpus et aqua. Invisibilia vero: spiritus, anima et fides. Illa tria visibilia nihil proficiunt foris, si haec tria invisibilia non intus operantur. Sacerdos corpus aqua abluit, Spiritus sanotus animam fide iustificat.

¹⁾ Simson, II, p. 494; то же Dahn, Mühlbacher, см. *Ж. М. II. Пр. ноябрь*, стр. 105 и слѣд.

²⁾ Konst., I, c. 9: Quod nobis despiciendum est, utrum vere christiani sumus. Quod in consideratione vitae vel morum nostrorum facillime cognosci potest, si diligenter conversationem curam discutere voverimus. Konst. II, c. 1: Карлъ упоминаетъ „ieiunia“ 810 г., которыя были свершены для того, чтобы Богъ nobis dignaretur ostendere, in quibus conversatio nostra coram illo emendari debuisset, quod nunc facere desideramus. c. 11: Aliter nobis in multis rebus faciendum est quam usque modo fecissemus, multa de usu et consuetudine nostra auferenda et non minus multa quae actenus non fecimus facienda.—Та же мысль и въ другихъ документахъ Опроса, см. выше, *passim*.

крайней мѣрѣ главныя попытки (794, 802, 810—813 г.), всегда обнимають *весь народъ*.

Но нужно идти еще дальше, нужно спросить, *почему* у Карля въ известное определенное время (794, 802, 810—813 г.) является мысль улучшить духовно-нравственное состояніе своего народа? Почему именно въ эти годы, а не въ другіе, онъ почувствовать эту необходимость?

Дошедшее до насъ свидѣтельство, что Карль, какъ и многіе старяки, подъ конецъ своей жизни сталъ благочестивѣе, сталъ болѣе задумываться надъ духовно-нравственными вопросами ¹⁾—это свидѣтельство, само по себѣ очень любопытное, не можетъ, конечно, рѣшить дѣла, такъ какъ *все* его царствованіе есть эпоха непрерывныхъ реформаціонныхъ попытокъ, изъ которыхъ я, беря три даты, останавливаюсь только на крупнѣйшихъ.

Нѣтъ, ближайшіе поводы для такой реформаціонной дѣятельности, особенно для такихъ, такъ сказать, реформаціонныхъ приливовъ, вполнѣ реальны: они кроются не въ „могучей“, какъ любятъ выражаться, личности Карля, а въ общихъ возрѣвнѣхъ того времени, находящихъ себѣ особенно яркое выраженіе при известныхъ, вполнѣ определенныхъ условіяхъ. Условія эти—экономическія и социальныя бѣдствія, какъ то голодъ, эпизоотія, повальная болѣзнь, войны, угрожающія небесныя или губительныя природныя явленія—затменія, „знаменія“ на небѣ, землетрясенія, наводненія, засухи и т. п. Всѣ эти бѣдствія и страшныя явленія, по понятіямъ того времени, являются выраженіемъ недовольства или кары Господней и въ свою очередь вызываютъ другое, столь же обычное понятіе о необходимости искупленія, очищенія ²⁾.

¹⁾ Thegani V. Hrud. с. 7.—Simson. II, p. 494 тоже, повидимому (цитаты изъ) основывается на этомъ свидѣтельствѣ, хотя и переоцениваетъ его значеніе.

²⁾ Лучше и полнѣе всего это выражено въ Генер. Посланія Людовика къ Лотарию 828 г., которое и здѣсь я привожу цѣлкомъ, такъ какъ, въ виду того, что дѣло идетъ объ общихъ возрѣвнѣхъ, возможно привести и документы не Карловой эпохи. Бор. II, pp. 1, 5 (редакція В): „Quis enim non sentiat Deum nostris pravissimis actibus esse offensum et ad iracundiam provocatum, cum videat tot annis *multifariis flagellis iram illius in regno nobis ab eo commisso deaevire, videlicet in fame continua, in mortalitate animalium, in pestilentia hominum, in sterilitate pene omnium frugum, et, ut ita dixerim, diversissimis morborum cladibus atque ingentibus penuriis populum istius regni miserabiliter vexatum et afflictum atque omni abundantia rerum quodam modo exinanitum? Nec illud etiam dubitamus ex iusta vindicta illius cernere, quod saepe scandala per tyrannos in hoc regno exsursunt, qui pacem populi christiani et unitatem imperii sua pravitate nituntur scindere. Nam et illud*

Какъ видно, тутъ экономическія и социальныя явленія своеобразно переплетаются съ идейными, отчасти дополняя, истолковывая ихъ, отчасти вытекаая изъ нихъ.

Руководить природой, властвовать или вообще вступать съ ней въ борьбу—понятіе неизвѣстное во время Карла. Взамѣнъ этого замѣчательно развито было ученіе о предзнаменованіяхъ, о предупрежденіяхъ и объ искупленіи, и государю, какъ руководителю государства, лицу ответственному за всѣ прегрѣшенія своего народа, посреднику между Богомъ и людьми ¹⁾, приходилось особенно тщательно приглядываться къ этой системѣ предупрежденій, особенно взвѣшивать всѣ знаменія, чтобы предупредить несчаствіе во время.

На этомъ вотъ фонѣ общихъ воззрѣній того времени и находятъ себѣ объясненіе вся реформаціонная дѣятельность Карла, особенно

nihilominus peccatis nostris deputandum est. quod inimici Christi nominis praeterito anno in hoc regnum ingressi depredationes, incendia ecclesiarum et captivitates christianorum et interfectiones servorum Dei audenter et impune, immo crudeliter, fecerunt. Agitur siquidem iusto iudicio Dei, ut quia in cunctis delinquimus interius simul et exterius flagellemur. Beneficii quippe Dei evidenter existimus ingrati, quoniam his non ad voluntatem Dei, sed ad libitum nostrum carnalem uti invenimur. Et ideo merito creaturae Dei nobis divinitus concessae pro Deo contra nos ingratos pugnant, iuxta illud: „Pugnabit pro eo orbis terrarum contra insensatos“. Verum, quia tot modis vexamur atque percutimur, ad eum, a quo percutimur, toto corde dignum necessariumque est ut revertamur, quatenus illud propheticum in nobis impleatur, quo dicitur: „Sola vexatio intellectum dabit auditui“. Sed quia pius et clemens Dominus sic ipsum flagellum moderatur, ut non ad interitum, sed potius ad correctionem nostram inferre videatur, debemus in conspectu eius veraciter humiliari et faciem illius in confessione praevenire eiusque pietatorem pronis mentibus exorare, ut, qui fecit nos iustissima dispensatione flagella sentire, faciat nobis peccata nostra, pro quibus iuste ab eo flagellamur, cognoscere et, in quibus maxime illum offendimus et iram illius provocavimus, manifestius intelligere, ut post, eo miserante, prava deserendo et corrigendo, bona etiam sectando et tota cum devotione exsequendo, valeamus per spiritum humilitatis et animam contritam sacrificium Deo debitum offerre iramque illius indignationis evadere et per dignam congruamque correctionem et bonorum operum exhibitionem gratiam eius propitiationis, licet indigni, promereri...“

Вор. II, р. 3 считаетъ эту форму („форма В“) подложной, такъ какъ „Anno saltem 828 non adeo humilis et contritus... Hindowicus existit“, чтобы онъ могъ говорить „nostris gravissimis actibus“. Но вѣдь это „nostris“ можетъ относиться не къ нему самому, а ко всему народу, къ которому онъ и обращается въ данномъ случаѣ (Hefele IV р. 55 и Böhmer-Mühlbacher № 828 думаютъ, что это письмо къ епископамъ, но противъ этого, какъ отмѣтилъ уже Борсій, говоритъ заглавіе: „omnibus fidelibus sanctae ecclesiae et nostris“). Воръ наказалъ насъ осмыслить великія грѣхи, содѣланные нами,—вотъ мысль этого Посланія.

¹⁾ См. ниже стр. 391, прим. 1; см. Отд. V.

въ наиболѣ яркіе моменты этой дѣятельности (794, 802, 810—813 гг.), которые вызвали были, какъ мы увидимъ, необычайной массой яркихъ, подвусмысленныхъ предзнаменованій и крупныхъ несчастій.

Конечно, воззрѣнія эти, какъ общія, выработались еще задолго до Карла (да и продержались послѣ него въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ), не вызывая однако той, можно сказать, лихорадочной реформаціонной дѣятельности, какъ при Карлѣ, но это легко объясняется тѣмъ, что Карлъ былъ одинъ изъ наиболѣе активныхъ государей, какихъ только знаетъ исторія.

Разсмотримъ теперь болѣе подробно тогдашнія воззрѣнія на формы предостереженій, а также на формы обезпеченія и охраненія государства отъ грозящей кары.

Богъ предвѣщаетъ.

Уже у Блаж. Августина мы находимъ вполне опредѣлившееся ученіе о пропедевтическихъ, такъ сказать, карахъ, о значеніи предупрежденій. Счастье и несчастье, полезное и вредное общи всѣмъ людямъ „благочестивымъ и нечестивымъ“; но неодинаковы результаты для тѣхъ и другихъ: только благочестивыхъ это очищаетъ, только имъ идетъ во спасеніе ¹⁾. Благочестивыхъ бичъ Божій приучаетъ къ терпѣнію, нечестивыхъ исправляетъ ²⁾. Одно изъ самыхъ важныхъ отличій истиннаго Бога отъ ложныхъ, языческихъ боговъ и есть забота о хорошихъ нравахъ, о нравственности, — ясное и дѣятельное выраженіе своей воли ³⁾. Забота же эта выражается: отчасти въ предвѣщаніяхъ,

¹⁾ Civ. Dei I, c. 8: commoda et incommoda... communia... bonis ac malis. Но общность не есть тожество Interest autem plurimum, qualis sit usus vel eorum rerum, quae prosperae, vel earum, quae dicuntur adversae.... Manet etiam dissimilitudo passorum etiam in similitudine passionum, et licet sub eodem tormento non est idem virtus et vitium ... ita una eademque vis irruens bonos probat purificat aliquot malos damnat vastat exterminat.

²⁾ Civ. Dei, I, c. 8 patientia Dei ad paenitentiam invitat malos, sicut flagellum Dei ad patientiam erudit bonos. Даже голодъ, по его оригинальному представленію, есть своего рода благо для „благочестивыхъ“. Civ. Dei, I, 10: Multos, inquit, etiam christianos fames diuturna vastavit. Hoc quoque in usus suos boni fideles pie tolerando verterunt. Quos enim fames necavit, malis vitae huius, sicut corporis morbus, eripuit: quos autem non necavit, docuit parcius vivere, docuit productius jejunare.

³⁾ Civ. Dei II, cc. 6, 22, 23. Хотя съ другой стороны и темныя силы, демоны, могутъ предвѣщать свои намѣренія. „Daemones autem non aeternas temporum causas contemplantur, sed quorundam signorum nobis occultorum maiore experientia multo plura quam homines futura prospiciunt; dispositiones quoque suas aliquando praesentunt.“

отчасти въ наказаніяхъ ¹⁾), и поэтому совершенно ясно вытекаетъ у Августина, что не ложные боги (демоны) наказываютъ, а лишь истинный Богъ ²⁾).

То же самое возрѣніе мы встрѣчаемъ и въ эпоху Карла, особенно у самого Карла. *Визанія* несчастія показываютъ, что Богъ недоволенъ *внутреннимъ* состояніемъ людей — вотъ основная мысль самого Карла ³⁾), которая, какъ мы увидимъ, имѣла послѣдствіемъ цѣлый рядъ серьезныхъ реформаціонныхъ попытокъ.—Мысль эта нашла себѣ достаточное выраженіе и въ Опросѣ 810—811 г. Съ одной стороны самъ Карлъ въ виду бѣдствій назначилъ въ 810 г. рядъ постовъ ⁴⁾ и указалъ на бѣдствія, какъ на результатъ „грѣховъ“ ⁵⁾ или, составляя I Конспектъ, специально и многозначительно отмѣчаетъ, что „плохо тотъ вѣруетъ въ Бога, кто думаетъ, что его угрозы не сбудутся“ ⁶⁾. (Съ другой стороны и всѣ совѣтники и корреспонденты Карла совершенно ясно понимаютъ и высказываютъ ту же мысль: архіепископъ Риккульфъ, получивъ предписаніе относительно постовъ въ 810 г., пишетъ епископу Эггинуу, отмѣчая, что бѣдствія (болѣзни, эпизоотія) растутъ пропорціонально грѣхамъ ⁷⁾; Лейдрадъ въ своемъ Трактатѣ

tiant. Denique saepe isti, nunquam illi (т. е. ангелы) omnino falluntur, ... temporalibus temporalia et mutabilibus mutabilia coniectare eisque temporalem et mutabilem modum suae voluntatis et facultatis inserere, quod daemouibus certa ratione permissum est“. Но не могутъ они, подобно ангеламъ, быть причастными къ отвѣчнымъ законамъ Бога. Вотъ почему бѣсы и ошибаются.

¹⁾ Civ. Dei, I, 9. Dei placet perditos mores etiam temporalium poenarum afflictione punire.

²⁾ Civ. Dei, II, вся 23 глава. Зато, дѣйствительно, все же и демоны, какъ высшія существа, знаютъ будущее и могутъ его предвѣщать. См. прим. выше.

³⁾ Jaffé IV, p. 381. Certissimeque ab his exterioribus colligere possumus, nos per omnia Domino non placere interiori, qui tanta mala compellitur tolerare exteriori. См. также стр. 386, прим. 2.

⁴⁾ Видно изъ письма Риккульфа къ Эггинуу въ 810 г. „imperator nos admonuit... sicut serpius in conventu consistorum—ut .... Dei omnipotentis misericordiam humiliter deprecare debeamus.... quandocumque necessitas compellit.... (дальше—подробности предписываемаго поста) ut ab omnibus tribulationibus, quae pro peccatis nostris assidue crescunt ..... adiuvasse“. Jaffé IV, p. 393.

⁵⁾ Capit. miss. Aquisgr. 810 (Bor. I, p. 153) c. 5: Ut sacerdotes admoncant populum ut aelemosinam dent et orationes faciant propter *diversas plagas* quas assidue pro peccatis patimur.

⁶⁾ C. 8. Quod ille bene in Deum non credit, qui praecepta eius impune se contempnere putat vel qui ea quasi non ventura despicit, quae ille comminatus est. Bor. I p. 161.

⁷⁾ См. прим. 4-е.

убѣдительно и пространно доказываютъ, что Богъ посылаетъ бѣдствія для исправленія, что необходимо, особенно въ виду грозящихъ каръ, отречься наконецъ отъ корня зла—отъ дьявола ¹⁾.

Царь—истолкователь.

Итакъ, бѣдствія посылаются либо въ предупрежденіе ²⁾, либо въ наказаніе. И въ томъ и въ другомъ случаѣ единственнымъ спасеніемъ является—исправленіе. Но какъ исправиться и кому за этимъ слѣдить? Тутъ опять выработался интересный взглядъ, быть можетъ, пережитокъ языческой эпохи, времени господства убѣжденія о необходимости и незамѣнимости „rex sacrificulus“, царя-посредника между Богомъ и людьми ³⁾.—Не всему народу дано понимать знаменія, предвѣстія: это можетъ только король. Король и народъ составляютъ одно цѣлое: мыслящую, направляющую голову и слушающуюся тѣло; голова должна заботиться о безпомощномъ тѣлѣ, она за него въ отвѣтъ, неисправности въ тѣлѣ отражаются и на головѣ, но и обратно—неисправности главы отражаются на тѣлѣ. Такъ мы въ одинаковой мѣрѣ, и у монаха Катвурфа ⁴⁾, представителя немудрствующаго проповѣдника-моралиста, черпавшаго всё свои свѣдѣнія изъ ходячихъ народныхъ представлений, и у ученаго книжника Алкуина ⁵⁾ встрѣчаемъ одно и то же представленіе: за грѣхи государей къ отвѣту призывается народъ, отъ личныхъ качествъ короля зави-

¹⁾ Mabillon, Vet. Anal., p. 89. „Propter ista („грѣхи“—результатъ слѣдованія повѣщеніямъ дьявола) adterimur, proterimur et affligimur flagellis temporalibus in rebus humanis, bellis captivitatibus pestilentibus, fame, aegritudine. Propter ista incommoditas aeris, siccitas, exundantia pluviarum, inclementia frigoris, vehementia ardoris, defectio adjumentorum“ и т. д. Ibid. *Terrores etiam divinae comminationis intendant super nos.*

²⁾ Или въ поученіе. Вотъ любопытное указаніе, котораго не придется впоследствии касаться. Hincmar Annales (Pertz I) а. 866. Rex Bulgarorum, qui praecedente anno. Deo imperante et signis atque in populo afflictionibus regni sui monente christianus fieri meditatus fuerat sacrum baptismum suscepit.

³⁾ См. ниже, Отд. V.

⁴⁾ Посланіе Катвурфа къ Карду (Jaffé IV, p. 339). „Nos octo columnas“ [„columnas regis iusti“] si obnoxiae servas, eris tunc rex („настоящій король“)... et regnum tuum erit benedictum... et tunc erit tempestatum tranquillitas, terre maris cum omnibus in eis nascentibus fecunditas... etc.

⁵⁾ Въ цѣломъ рѣдѣ писемъ Алкуина Jaffé VI, ep. 23. (p. 188), ep. 87 (p. 373), ep. 110 (p. 449), ep. 156 (p. 586), ep. 215 (p. 790). Тексты и подробности см. ниже, Отд. V.

силь благо или несчастье народа. Но еще болѣе важна для насъ другая сторона: за грѣхи народа въ отвѣтъ государь ¹⁾). Вотъ почему король и долженъ особенно чутко прислушиваться и приглядываться къ знаменіямъ и предвѣстіямъ Божьяго гнѣва и недовольства.—По, сообразно съ этой трудной и сложной обязанности, короли и надѣлены особымъ высшимъ знаніемъ, особымъ пониманіемъ значенія разныхъ знаменій ²⁾, часто пользуются непосредственной инспираціей Бога ³⁾ и вообще имѣютъ тотъ „даръ вѣдѣній“ различать худо отъ добра, который такъ подчеркиваетъ самъ Карль ⁴⁾. „Мудрость“ и „мудрый“, въ разныхъ степеняхъ сравненія прибавляемыя къ имени и персонѣ короля, далеко не всегда являются простыми литературными эпитетами, а соотвѣтствуютъ прямо одной изъ чрезвычайно важныхъ функций его, какъ истолкователя Божьей воли народу ⁵⁾. „Муд-

¹⁾ Приказъ Карла еп. Гарибальду (Jaffé IV, p. 389): *Nunc deum monemus... ut opus Domini non praetereat, nec aliqua requisitio nobis exinde fiat ante conspectum sanctae maiestatis.*—Алкуинъ графу Меренгарію (Jaffé VI, p. 815)... „*subiectorum peccata rectoribus imputantur*“...

²⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé VI, p. 419). *Benedictus dominus Deus in donis suis, qui tibi clarissimam divinae legis scientiam et iocundissimam naturalium rerum concessit cognitionem.*—Иллюстрація въ этомъ отношеніи и одинъ разсказъ Сангалскаго монаха (II, с. 13), гдѣ „*sapientissimus Carolus*“ одинъ только изъ всѣхъ вѣрно толкуеть внезапный наездъ скота въ войскѣ какъ неодобреніе Богомъ предпріятого похода.—Алкуинъ Карлу (Jaffé VI, p. 585): черезъ свою „*sapientia*“ Карль знаетъ „*quid Deo placeat vel quid populo proficiat*“...

³⁾ Самъ Карль, напримѣръ, пишетъ императору Никифору, что предлагаемый имъ миръ (т. е. соединеніе на почвѣ вѣры, см. ниже, Отд. V) есть результатъ „*иниуменіа*“ (inspiration) Бога. Jaffé IV, p. 395.—Hincmar: „*De ord. palatii*“ с. 34: „*Capitula, quae vel ab ipso per inspirationem Dei inventa vel undique sibi nuntiata*“.—„*Vestra a Deo inspirata rogalis potentia*“ обращается Адрианъ I къ Карлу (Jaffé IV, p. 270).—Ann. Maxim. а. 786: опасный заговоръ въ Тюрингіи, который, однако, не засталъ Карла въ расплахъ: *quod Domino recedente... regem minime latuit.*

⁴⁾ См. выше, стр. 368.—Левъ III Карлу (Jaffé IV, p. 333): Боги дали Карлу высшую „*sapientia*“—способность ясно различать „*veritas*“ и „*mendacium*“.

⁵⁾ Искія Алкуина Карлу (Jaffé VI, p. 585) см. выше прим. 2.—(Jaffé VI, p. 317): „*nil ad regendum... necessarius, nil ad componendam vitam in optimos mores melius, quam sapientiae decus.* Ib. pp. 671: „*datur a Deo electis (королямъ) potestas et sapientia..... sapientia, ut regat et doceat pia sollicitudine subiectos.*“ Адрианъ I (Jaffé IV, p. 247) просто говоритъ: *praelectissima regalis... scientia.*—„*Sapientia et scientia*“—исходными принадлежностями всѣхъ царей, но Карль изъ въ этомъ отношеніи превосходитъ (Алкуинъ, Jaffé VI, p. 583). *Аббату Теодульфъ Карлу (Jaffé IV, p. 358): „per Christi potentiam sapientissimus regum.“*—Алкуинъ (Jaffé VI, p. 322): Карлу дана „*sapientia*“ 1-хъ) для крещенія народовъ, 2-хъ) для „*eruditio*“,

рый“ и „благочестивый“, „богоугодный“ перѣдко являются синонимами ¹⁾).

Интересъ Карла къ „знаменіямъ“.

Сообразно съ этой обязанности всякаго главы народа Карль и считалъ себя обязаннымъ особенно чутко слѣдить за проявленіями Божьей немилости; и до насъ дошелъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній о поличеніяхъ Карла въ этомъ отношеніи.

Гибельными знаменіями считались вѣдь, помимо небесныхъ явленій и разныхъ „prodigia“, еще и элементарныя и экономическія бѣдствія ²⁾, и Карль интересовался явѣи этими для блага государства столь важными явленіями. Есть, напримѣръ, указаніе на то, что Карль старался основательно информироваться относительно состоянія погоды, посѣвовъ и т. п., и требовалъ по этому поводу присылки специальныхъ докладовъ ³⁾. Карль однако не могъ интересоваться этими вопросами съ той точки зрѣнія, съ какой интересуется ими теперь благоустроенное государство, такъ какъ въ то время еще не было никакой рациональной борьбы съ недородами и голодами, не было и опредѣленно выработанной государственной помощи ⁴⁾; его эти свѣдѣнія могли интересовать лишь съ точки зрѣнія симптоматической, такъ сказать, съ точки зрѣнія выясненія грозившей кары и

„ammonitio“ поданныхъ (сюда же входитъ объясненіе низъ Божьей воли).—Часто „sapientia“ Карла—знаніе Писанія, и вообще Божьихъ законовъ: „clarissima divinae legis scientia“ (Алкуинъ, Jaffé VI, p. 419); „spiritualis sapientiae latitudo“ (ibid. p. 485); „perfecta in fide catholica scientia“ (ib. p. 674; ср. p. 779). Одильбертъ Jaffé IV, p. 404: Карль подобенъ Давиду въ знанія вѣры.—„Vestra a Deo data sapientia“—обычная составная часть обращенія Льва III къ Карлу. Jaffé IV, pp. 316, 323, 327 и т. д.

¹⁾ Алкуинъ Карлу: „vestra piissima sapientia“ (Jaffé VI, pp. 426, 763); „piissima sanctissime(ae) mentis vestrae nobilitas“ (ib. p. 650); „religiosissima prudentia“ (p. 765) и т. п.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Карль въ 807 г. отправляетъ приказъ еп. Гарибальду объ учрежденіи трехъ трехдневныхъ постовъ изъ за „instantes necessitates“ (Jaffé IV, p. 379). „Necessitates vero... haec sunt: *comperitum habemus per fideles nostros, qui nobis de singulis regni nostri partibus haec nuntiaverunt, quod insolito more et ultra consuetum ubique terrae sterilitas esse et famis periculum imminere videtur; aeris etiam intemperies frugibus valde contraria. pestilentia quoque per loca...*“

⁴⁾ См. ниже.

Божьяго предостереженія ¹⁾.—Особенно же точно засвидѣтельствованъ интересъ Карла къ разнаго рода небеснымъ явленіямъ. Помимо личныхъ склонностей къ астрономіи или, вѣрнѣе, астрологіи, а также къ разнымъ календарно-церковнымъ выкладкамъ ²⁾, Карлъ интересовался этими явленіями и какъ *государь*, по *обязанности*: затмения солнца и луны ³⁾, необычное свѣченіе какой либо планеты ⁴⁾ вызывали цѣлый рядъ писемъ къ специалистамъ, вопросы не только о причинахъ, но и о могущихъ быть *последствіяхъ* этихъ явленій. Не упускались, наконецъ, изъ вида и неестественныя событія, чудеса ⁵⁾. Всѣ тѣ многочисленныя необычныя явленія, служившія по Эйнгарду знаменіями близкой кончины Карла, самому Карлу были извѣстны, но лишь невѣрно имъ истолкованы, такъ какъ онъ „отнесъ ихъ не къ себѣ“ ⁶⁾. Какъ въ дѣйствительности Карлъ истолковалъ эти знаменія, мы не знаемъ, но зато у насъ сохранился другой весьма цѣнный образчикъ такого истолкованія Карла, такого приурочиванія извѣстнаго чуда къ извѣстному неустройству въ государствѣ. Демоны пожрали хлѣбъ на корню, оставивъ одиѣ лишь пустые колосья; причина, по

¹⁾ Такъ понималось дѣло и въ данномъ случаѣ (807 г.), ибо Карлъ продолжаетъ: *Certissimeque ab his exterioribus (т. е. несчастіи) colligere possumus, nos per omnia Domino non placere interius, qui tanta mala compellitur tolerare exterius.* (Jaffé IV, p. 381).

²⁾ Einh. „V. Kar. c. 25... astronomiae ediscendae plurimum et temporis et laboris impertivit. Discerebat artem computandi et intentione sagaci siderum cursum curiosissime rimabatur (отсюда и свѣдѣнія у Poeta Saxo V, vv. 555 sq.).—Астрономическій отвѣтъ Алкуина Карлу, Jaffé VI, op. 103.

³⁾ Запросъ у Алкуина относительно затмения луны (Jaffé VI, op. 110); специальное письмо Дунгалу (онъ, по смерти Алкуина, былъ единственнымъ компетентнымъ совѣтникомъ по этимъ вопросамъ) изъ за солнечнаго затмения 810 г. Отвѣтъ Дунгала Jaffé IV, pp. 396 sq.

⁴⁾ Напримѣръ, относительно необычайно яркаго свѣщенія „Martis stella“ въ 798 г. (Отвѣтъ Алкуина Jaffé VI, pp. 424 sq.).

⁵⁾ Всѣ вѣдь неестественныя явленія творятся по волѣ Бога и поэтому служатъ непреодолимыми знаменіями. Любопытно слѣдующее объясненіе Августина по этому поводу. *Civ. Dei. XXI c. 8... non est impossibile [Deo], in quidquid voluerit, mutare naturas. Unde illorum quoque miraculorum multitudo silvescit, quae monstra ostenta, portenta prodigia nuncupantur... Monstra sane dicta perhibent a monstrando, quod aliquid significando demonstrent, et ostenta ab ostendendo, et portenta a portendendo id est praestendendo, et prodigia, quod porro dicant, id est futura praedicant. Vbi эти необычныя явленія показываютъ „quid facturus sit Deus“.*

⁶⁾ Einh. „V. K.“ c. 32: nihil horum (т. е. всѣхъ перечисленныхъ „prodigia“) *ad res suas quolibet modo pertineret.*

мигнью Карла,—неплатежъ десятины ¹⁾). Эта аргументація считается Карломъ, очевидно, безурочной, дажо ясной до очевидности, такъ какъ это единственный примѣръ во всѣхъ постановленіяхъ Франк-фуртскаго собора, гдѣ кромѣ различныхъ неустройствъ и желательныхъ перемѣнъ, указывается еще *причина*, обуславливающая необходимость перемѣны.

Укажемъ, наконецъ, на то, что не только самъ Карлъ стремился гознательно относиться къ разнаго рода знаменіямъ и ихъ великому значенію, но заботился также, чтобы и всѣ его подданные ясно понимали это ²⁾.

Различныя „знаменія“.

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію, что въ то время считалось предвѣстіемъ, знаменіемъ, на что приходилось королю обратить вниманіе.

Не станемъ останавливаться на „знаменіяхъ“ κατ' ἐξοχήν, на разныхъ необычныхъ небесныхъ явленіяхъ; и лѣтописцы, созная всю ихъ важность ³⁾, регистрируютъ ихъ съ величайшей точностью, и ко-

¹⁾ Synod. Francof. 794 (Vor. I, p. 76) c. 25: Ut decimas et nonas sive census omnes generaliter doneat, qui debitores sunt... *Experimento enim didicimus in anno quo illa valida famis inrepsit (страшный голодъ въ 793 г., см. ниже) ebullire vacuas annonas a daemonibus devoratas et voces exprobrationis auditas. О невѣрномъ переводѣ этого мѣста у Hefele III, p. 691 и невѣрной его датировкѣ голода, а также о лжмотивномъ подтвержденіи этого чуда см. ниже § Голодъ.*

²⁾ Приказъ Гарибальду относительно постовъ въ 807 г. (Jaffé, IV, p. 382). Haec... epistolam relegentes, secundum tibi a Deo datam sapientiam coram omnibus diligenter relegere et tradere („объяснить“) facias, ita ut omnes intelligant pro qua necessitate haec (т. е. посты) agenda sunt.

³⁾ Чрезвычайно рѣдко, впрочемъ, въ лѣтописяхъ непосредственно отмѣчается связь между знаменіемъ и слѣдующимъ за нимъ предвѣщеннымъ событіемъ. Связь эта обыкновенно (въслѣдствіе отрывочности изложенія?) выражается только въ видѣ сопоставленія знаменія и событія. Напр. Ann. Juv. min. a. 786. Signum crucis apparuit in vestimentis hominum. Hartrat... consilium malum fecit contra dominum Karolum regem. Это „signum“ отмѣчено и въ цѣломъ рядѣ другихъ аналовъ — Ann. Petav., Ann. Laurish. (Fragm. Chesn.), Ann. Lauriss. min., Chron. Moiss.—но нигдѣ нѣтъ его сопоставленія съ разговоромъ.—Вослѣдствіемъ въ аналахъ очень часто являются указанія связи между затмевеніемъ и послѣдующимъ болѣзненнымъ, наводненіемъ и т. п., но всѣ они относятся къ болѣе позднему, чѣмъ IX в., времени. (Примѣры XII в. приведены у Curschmann: „Hingensnôte im M.-A.“ 1900, p. 14).

роли ¹⁾ и паны ²⁾ одинаково живо интересуются ими, приписывая имъ великое значеніе, почти фатальное вліяніе на грядущія событія. Представленіе о вѣщихъ знаменіяхъ на небѣ и до сихъ норъ слишкомъ живуче въ народѣ, чтобы доказывать его реальность для темной эпохи Карла.

Нѣсколько большій интересъ представляетъ уже слѣдующее наблюденіе: землетрясенія, наводненія, повальные болѣзни и эпизоотіи ³⁾, которыя мы считаемъ уже несчастіями само-по-себѣ, для того времени имѣли еще и другое значеніе—значеніе предвѣстниковъ еще горшихъ несчастій. За землетрясеніемъ, напр., по тогдашнимъ воззрѣніямъ, всегда слѣдуетъ морь ⁴⁾, за наводненіемъ—голодь ⁵⁾, болѣзни же и эпизоотіи являются показателями гнѣва Божьяго и началомъ еще худшихъ испытаній. Все вмѣстѣ посылается за грѣхи въ снисходительное наказаніе ⁶⁾.

Но и это представленіе живетъ еще болѣе или менѣе и въ наше время.

Болѣе необычными „знаменіемъ“, съ современной точки зрѣнія, являются уже несчастія съ отдѣльными лицами, съ великими, видными людьми.—Истязаніе папы—предвѣстіе большого несчастія ⁷⁾, также и смерть двухъ графовъ—христіанизаторовъ ⁸⁾, или насильственная

¹⁾ Карлъ, см. выше, стр. 390; болгарскій князь, см. выше, стр. 393 прим. 2.

²⁾ Напр. Левъ III. Въ письмѣ къ Карлу Левъ III тщательно рассказываетъ о знаменіяхъ, предвѣщавшихъ гибель арабовъ. Jaffé, IV, p. 327.

³⁾ О голодѣ будетъ сказано особо, см. ниже.

⁴⁾ Ann. Lauriss. mai. a. 803. Hac hieme... terrae motus factus et mortalitas subsecuta est (см. также Ann. Einh., Ann. Fuld., Ann. Mett., Chron. Adonis). Annales Prudentii (Pertz I) a. 858: terrae motus efficitur, quem etiam valida hominum mortalitas insequitur.

⁵⁾ См. примѣры у Curschmann, op. c. p. 21.

⁶⁾ Архиеп. Риккульфъ еп. Эгнону, 810 г. (Jaffé, IV, p. 393)... omnes tribulationes, quae pro peccatis nostris assidue crescunt et ... [пронескъ въ рукописи] tam in hominibus quamque et in animalibus. (Ночь 810 г. въ аттосскихъ пѣвѣхъ о сильномъ морѣ людей и падежѣ скота).

Указъ Карла 807 г. (Jaffé, IV, p. 381) ... famis intemperies, pestilentia, bella propter merita nostra. — Ann. Lauresh. a. 785: знаменія на небѣ и другія предвѣстія unde pavor ingens et metus in populo irruit, ac mortalitas magna postea secuta est.

⁷⁾ Алкуинъ Арнону въ 790 г. (Jaffé, VI, p. 460). Timendum est non solum hoc impiissimae pravitatis scelus, sed etiam maioris mali prodigium. Dum in capite talia aguntur, quid in corpore fieri possit, formidandum est.

⁸⁾ Алкуинъ Арнону (Jaffé, VI, p. 506) (Bricus, dux Foro-Julianus; Geroldus, praec-

смерть патріарха ¹⁾, или, наконецъ, что особенно гибельно,—смерть королей ²⁾, тѣмъ паче вымираю цѣлаго королевскаго рода ³⁾.

Несчастье, какое представляетъ война уже сама по себѣ, въ средневѣковомъ представленіи усугубляется еще тѣмъ, что она—явный признакъ нерасположенія Бога: Богъ предастъ народъ („свой народъ“, пишется обыкновенно) въ руки враговъ. Не будь грѣховъ, не будь гнѣва Божьяго, не было бы и войны. Война—Божье поущеніе, цѣль—не только наказаніе, но и предупредить, увѣщевать. Враги, какъ и въ Ветхомъ Заветѣ,—орудіе Божіе ⁴⁾.

Такою же роль играютъ и внутренніе враги, возстанія, мятежи, заговоры. Они опасны тоже не только сами по себѣ, не только потому, что при внутреннихъ неурядицахъ являются и внѣшніе враги, но особенно потому, что и въ этомъ фактѣ, какъ и въ фактѣ иноземныхъ набѣговъ и нашествій, видна карающая и предувѣдомляющая десница Господня ⁵⁾.

fectus Bavariae). Non solum hoc damnnum plangimus, sed maioris periculi signum timemus.

¹⁾ Патріарха Градскаго (Gradensis) Jaffé, VI, p. 559.

²⁾ Алкуинъ (Jaffé, VI, p. 338). „Mors regum miseriae signum est“.

³⁾ Напр. въ Англій. Алкуинъ. Jaffé, VI, p. 373... et illud non minime pavendum est, quod .... regale genus recessit, in quo fuit benedictio regni et exaltatio pervictoris et timor hostibus nostris, а также и во Франкскомъ государствѣ, см. ниже.

⁴⁾ Письма Алкуина. Jaffé, VI, p. 198, 199. Cogitate, quem habeatis defensorem contra paganos. Nolite in armis spem ponere, sed in Deo .... Corrigitе quapropter mores vestros; ne propter peccata sceleratorum pereant et iusti .... Propter interiorum hostes exteriorum potestatem habent. Si igitur Deus pro bona conversatione et castitate vitae habitator est cordis nostri, nunquam inimicos suos vastare dimittit, quae sua sunt.—Ib. pp. 371, 372: „luminet vero maximum huic insulae (Aurais) .... periculum. Ecce, quod nunquam antea fuit auditum, populus paganus solet vastare pyratice latrocinio litora nostra. Et convertimini ad preces et orationes et ieiunia; quatenus divina vobis propicietur misericordia, et conservet vos in laude et salute vestra, et concedat vobis incolumem habitationem in patria vestra.—Ib. p. 373. Timeo paganos propter peccata nostra. Castigatio quaedam est vel ammonitio, ut timeamus Deum illiusque melius inhaeremus praeceptis.—Ib. p. 512: Paganus vero naves multa mala fecerunt per insulas oceani partibus Aquitanae. Castigatio est magna horum scriptio. Ideo, ... hortare fratres regulariter vivere ....—Ib. s. 559. Безнаказанно убитъ патріархъ. „Timeo ne a paganis quandoque vindicetur, а christianis ultio non erit condigna“.

⁵⁾ Алкуинъ увѣщаваетъ вновь набраннаго португальскаго короля (Jaffé, VI, pp. 301, 305). Erudi te ipsum primo in omni bonitate et sobrietate; postea gentem .... in omni modestia vitae et vestitus, in omni veritate fidei et iudiciorum, in observatione mandatorum Dei et honestate morum. Sic itaque et regnum tibi firmabis et gentem

Ухудшеніе нравовъ—знаменіе.

Впрочемъ, внутренніе враги относятся къ болѣ широкой категоріи внутреннихъ неурядковъ въ государствѣ, и чрезвычайно любопытно подробнѣе рассмотреть эту категорію, такъ какъ въ ней наиболѣе ясно отражается широкое, даже нѣсколько расплывчатое, понятіе того времени о грѣховности, а также безконечное расширеніе понятій опасныхъ „*omina*“.

Разбирая причины (онѣ же предвѣстники) набѣга норманновъ на Нортумбрію, Алкуинъ разбиваетъ ихъ на двѣ группы: на „знаменія“ и на „недозволительные порядки“ ¹⁾, которые достаточно ясно предупреждали людей, но на которыхъ никто не обратилъ вниманія ²⁾. Къ первымъ особенно относится кровавой дождь ³⁾, ко вторымъ, что особенно любопытно,—рѣзко выраженныя социальныя несправедливости, социальное неравенство.—Знатные и богатые слишкомъ заняты своей порсоной, своимъ, моднымъ сказали бы мы, причесаніемъ, безмысленной роскошью нарядовъ. А между тѣмъ, „чрезмѣрная роскошь вождей—бѣдность народа“ ⁴⁾. Никто не обратилъ вниманія на то, что уже народъ Божій, еврей, погибли вслѣдствіе этого, что уже пророкъ Амось выразилъ причину этой гибели въ горькихъ словахъ: „бѣднаго продають за пару сандалій“. Никто не обратилъ вниманія на этотъ прецедентъ, а, напротивъ, мы видимъ, что „одни изнемогають подъ тяжестью роскошныхъ одеждъ, другіе—погибають отъ холода;

salvabis et ab ira Dei liberabis illam, quae certis signis (радъ митской, какъ видно изъ предмд. псалмъ) diu imminet .... Nunquam tantus nobilitum et rectorum sanguis (убить былъ и самъ король!) effunderetur in ea, nec sic loca sancta pagani (норманны) devastarent ... nisi perspicua Dei vindicta immiueret habitatoribus terrae. Tu vero, ad meliora, ut credo, servatus tempora et ad correctionem patriae quatenus ex correctione subiectorum firmetur regnum.

¹⁾ Алкуинъ королю Отельреду (Jaffé, VI, p. 182). *Signa huius miseriae (и бѣга норманновъ) processerunt, alia per res inconsultas, alia per mores insolitos.*

²⁾ Черезъ три года послѣ этого письма Алкуинъ опять указываетъ королю Отельреду, преемнику Отельреда, на „*ira Dei quae certis signis diu imminet*“ (см. стр. 396, прим. 5), что опять было не понито.

³⁾ Знаменіе это было настолько ясно, что даже, по житію Алкуина, указывало *направленіе*, откуда пролила бѣда. „*Quid significat pluvia sanguinis ... de borealibus? Nonne potest putari a borealibus poenas sanguinis venire [super populum]*“ (Jaffé, VI, p. 182).

⁴⁾ *superfluitas principum paupertas est populi.* Jaffé, VI, p. 182.

одни пресмыкаются какъ евангельскій богачъ лакомствами и широкими, а бѣдный Лазарь умираетъ предъ дверьми. Гдѣ же братская любовь, гдѣ состраданіе, которое мы обязаны имѣть къ страждущимъ“!?)¹⁾ Вотъ въ какихъ глубоко прочувствованныхъ словахъ Алкуинъ рисуетъ одно изъ важныхъ „signa“ приближенія несчастій,— яркую социальную несправедливость. И это не единственное мѣсто въ этомъ родѣ: тотъ же Алкуинъ не разъ еще указываетъ на грѣшный контрастъ между безумнымъ богатствомъ и голодной, убогой бѣдностью²⁾, опредѣляетъ богатство, какъ „грабежъ бѣдныхъ“³⁾, а рѣкше, притомъ не сознаваемые имущественные контрасты, какъ великое прегрѣшеніе предъ уравнивающимъ Божествомъ, ученіе котораго—любовь.

Въ этихъ горячихъ тирадахъ Алкуина видимъ уже большой шагъ впередъ, сдѣланный со времени, хотя бы, Августина. И у Августина „плюхѣ нравы“ разрушаютъ государства⁴⁾, разлагаютъ ихъ внутренне, независимо отъ того, что въ цѣлости остаются стѣны и ограды⁵⁾, такъ какъ Богъ караетъ за нихъ всевозможными бѣдствіями⁶⁾, почему главная забота „истиннаго императора“ и должна состоять въ исправленіи нравовъ⁷⁾. Но самое понятіе о „дурныхъ“ и „хорошихъ“ правахъ“ у Августина гораздо уже, чѣмъ у Алкуина въ вышеприведенныхъ отрывкахъ, гораздо болѣе пропитано исключительностью, церковностью, религіознымъ формализмомъ. Правда, и онъ, подобно Алкуину, въ видѣ нападенія противъ всякихъ золъ рекомендуетъ жать „но божьи“⁸⁾, высказываетъ даже мысль, что — чѣмъ лучше христіанство, тѣмъ меньше элементарныхъ, экономическихъ и социальныхъ бѣдствій⁹⁾. Но все же это только схожія слова: имѣть у Ав-

¹⁾ Jaffé, VI, p. 182.

²⁾ Алкуинъ англійскому архіепископу (Jaffé, VI, p. 356). *Quae laus est, tantum accumulare mensam tuam, ut vix pōrtari possit, et Christus ante ostium cenat.*

³⁾ Поученіе Алкуина ученикамъ (Jaffé, VI, p. 660)... *„divitiae aut per iniquitatem congregantur, aut inique pauperibus subtrahuntur“.*

⁴⁾ Civ. Dei, II, c. c. 22, 23.

⁵⁾ Civ. Dei, XXI, c. 21: *Stantibus moenibus atque domibus eversa est civitas in perditis moribus.*

⁶⁾ Civ. Dei, I, c. 9... *Deo placet perditos more. temporalium poenarum afflictiore punire.*

⁷⁾ Civ. Dei, V, c. 21.

⁸⁾ „Secundum veritatem“. Civ. Dei, XIV, c. 1.

⁹⁾ Civ. Dei, III, c. 1.

густина такого ясного представленія о грѣшныхъ нравственныхъ контрастахъ, есть у него только не меньшій контрастъ между „boni“ и „maii“, между истинно-вѣрующими и невѣрующими или плохо-вѣрующими.

Впрочемъ, далеко не всегда и Алкуинъ становится на точку зрѣнія трибуна, печальника о социальной несправедливости; еще чаще, пожалуй, и у него мы находимъ обычную пропись моралиста-церковника, отождествляющаго социальныя и экономическія уродства съ недочетами духовно-нравственными, понимающаго подъ „дурными правами“ лишь маловѣріе, цемонашескую жизнь монаховъ, любостяжательство, корыстолюбіе и т. п. ¹⁾

Походъ противъ дурныхъ правовъ и обычаевъ—одно изъ наиболѣе обычныхъ мѣропріятій Карла ²⁾. Что же онъ понималъ подъ „дурными правами“? Большею частью Карлъ становился на широкую государственную точку зрѣнія, видѣлъ призваніе своей власти, какъ и вообще всякой власти, въ устраненіи произвола сильныхъ и богатыхъ, въ охранѣ слабыхъ и бѣдныхъ, безъ устали декретировалъ равный нелицепріятный судъ, особенно подчеркивая предупредительность къ бѣднымъ во избѣжаніе судебной волокиты ³⁾. Въ силу этихъ

¹⁾ Таковы, напримѣръ, „*pressata*“ и „*perversi mores*“ губящія государство (письмо къ королю Оффѣ, *Jaffé*, VI. p. 291); губительная, чреватая несчастіями „*cosmotio magna*“ въ видѣ маловѣрія, неуставной жизни монаховъ и т. п. (Ib. p. 512); опасно въ средѣ „христіанъ“ увеличеніе любостяжанія, при чемъ примѣръ подаетъ само духовенство (Ib. p. 668); пагубное общее ухудшеніе монашеской жизни (Ib. p. 840), что даетъ великолѣпное оружіе для нападковъ противникомъ созерцательной жизни (Ib. p. 375) и т. д.

²⁾ Всегда остается поучительной статистическая пометка Гизо (*Hist. de la civil. II*, p. 324) относительно законодательства Карла. Конечно, можно спорить объ удобствахъ принятыхъ имъ восьми рубрикъ, о статистической обоснованности нѣкоторыхъ его присловій, и вообще о разности многихъ §§, но ошибки въ данномъ случаѣ не такъ уже велики, а главное, покрываютъ другъ друга, такъ какъ тутъ важна не абсолютная величина его восьми категорій, а ихъ отношеніе другъ къ другу. И вотъ на *législation morale* у него приходится 87 §§ изъ общей суммы 1151 §§, т. е. 7,5%.

³⁾ Обосновываю только послѣднее положеніе о нѣкоторомъ благоприятномъ измѣненіи общаго правнаго для бѣдныхъ, такъ какъ на него, несмотря на теорію о „демократичности“ Карла (см. ниже), обращено сравнительно мало вниманія. *Dipl. leg. edict. 789. c. 17.* (Ib. II, p. 63) „*Ut comites pupillorum et orphanorum causas primum audiant.*“ *Pipp. Car. ital (801-810) c. 1.* (Ib. I, p. 209) „*Ut comites pleniter iustitiam diligant et orphanorum, viduarum, pauperum et omnium ... de quacumque causa ad eos venerit querella, plenissima et iustissima deliberatione diffi-*

стремлений Карла установилась въ литературѣ даже легенда о „демократичности“ Карла, появившаяся потому, что изслѣдователи обратили все вниманіе на статистику извѣстій объ этихъ случаяхъ ¹⁾, а не на побужденія Карла для подобной дѣятельности. Побужденіемъ же являлась увѣренность, что онъ, какъ король, призванъ доставить торжество *Божьей правдѣ*, помочь *Божьимъ* спротивъ, бѣднымъ и слабымъ людямъ, искоренить всякій *грѣхъ* въ своемъ государствѣ ²⁾, дѣйствовать притомъ какъ справедливый отецъ ³⁾, одинаково любящій *всѣхъ* своихъ дѣтей. Модернизировать эти патріархально-религіозные мотивы—невозможно.

nire decertent; et sicut rectius et iustius est ita agant, et ut *proximus* ad placita eorum orphanorum et viduarum uicium et pauperum causas deliberant. Cap. de iust. fac. (811 — 813) c. 2 (Bor I, p. 176). Ut episcopi, abbates, comites et potentiores quique, si causam inter se habuerint... ad nostram iubeantur venire praesentiam, neque illorum contentio aliubi diiudicetur neque propter hoc pauperum et minus potentium iustitiae remaneant. Neque comes palatii nostri potentiores causas sine nostra iussione finire praesumat, sed tantum ad pauperum et minus potentium iustitias faciendas sibi sciat esse vacandum.

²⁾ Пользуются обыкновенно массой разсказовъ Сапгальскаго монаха. Даже Вайцъ, который въ общемъ очень сдержанно относится къ гипотезѣ о демократическомъ Карлѣ (см. напримѣръ, III, p. 597 его отрицательное сужденіе объ аргументаціи Ozanam на этотъ счетъ), все же подчеркиваетъ *особое* предрасположеніе Карла къ *мизкороднымъ* епископамъ, черпая данныя опять таки изъ такого мутнаго источника, какъ Mon. Sang. (Waitz, III, p. 385; другія важныя цитаты изъ того же источника III, pp. 423, 423). Но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, принимать въ серіозъ (какъ это дѣлаетъ Waitz, III, p. 425), хотя бы слѣдующій разсказъ (Mon. Sang., I c. 5), что у Карла при вакантности епископской кассдры предпочтіе предъ богатымъ придворнымъ клирикомъ получилъ „quidam clericus vilis et abiectus, et scientia litterarum non satis instructus“. Подобнаго выбора нельзя особенно приписать *Карлу*, такъ какъ она (Cap. miss. gen. 802, c. 16; Bor. I, p. 94) какъ разъ строго запрещаетъ „ut neque episcopus neque abbas... *viliores meliori plus diligit... quia ingratis et delinens nostra hoc fieri videtur*“.—Сапгальскій Монахъ *опозитивировалъ* исторію Карла въ народномъ духѣ и разсказы его подобно I. c. 5 (также I. c. 4, 6, 8 и т. д.),

могутъ считаться исторически (фактически) важными уже по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, составитель въ подобныхъ разсказахъ проводитъ излюбленный мотивъ народнаго творчества (онъ особенно яркъ въ сказкахъ) о придурковатомъ, бѣдномъ и забытомъ „третьемъ сынѣ“ или „простацѣ“, который тѣмъ не менѣе всегда выходитъ побѣдителемъ изъ столкновеній съ болѣе умными, болѣе богатыми и т. п. людьми, а во-вторыхъ, слишкомъ ясна уже тенденція автора, несправедлива роскошествующихъ прелатовъ (см. I, c. 18), который намѣренъ ставить себя только слѣдующія двѣ задачи: показать „quomodo sapientissimus Karolus *humiles exaltaverit... qualiter superbos humiliaverit*“ (I c. 16).

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. ниже.

Итакъ, и Августинъ, и Алкуинъ, и Карлъ ¹⁾ вполне увѣрены въ необходимости регулировать всѣ ненормальныя отношенія и положенія, вполне увѣрены въ Божьей картѣ на случай непринятія мѣръ противъ этихъ грѣховъ, вполне признають, наконецъ, и значенію „signa“ въ качествѣ предупрежденій.

Д. Егоревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Карлъ, назначивъ въ 807 г. нѣз за несчастій (см. выше стр. 392, примѣчаніе 3) и грѣховъ (см. выше стр. 393, примѣчаніе 1) рядъ постовъ и молитвъ, предписываетъ, между прочимъ, особую молитву о томъ „ut [Deus] ipsius quemque postquam ad obsequantiam mandatorum suorum, depulso a nobis omni errore („грѣховъ“, непониманія вѣрній Бога) convertat.“ Jaffé IV, p. 381.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. О. Симоненко. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Обзоръ и критическая оцѣнка ученій главныхъ представителей современной науки, особенно ново-исторической школы. Варшава. 1900. LXVI и 506 стр.

Сочиненіе Г. О. Симоненко посвящено вопросамъ, трактуемымъ обыкновенно во введеніи къ учебникамъ политической экономіи, вопросамъ о задачѣ и значеніи экономической науки, ея методѣ, отношеніи къ другимъ общественнымъ наукамъ и ея важнѣйшимъ направленіямъ. Книга распадается на двѣ, неравныя части. Въ первой, меньшей части (гл. 1—5) дается опредѣленіе народнаго хозяйства и критика опредѣленій другихъ экономистовъ; указывается на невозможность выдѣленія этпни изъ политической экономіи, влѣдствіе этического характера всякаго народнаго хозяйства; далѣе на причины поздняго возникновенія политической экономіи какъ науки (со второй половины 18-го вѣка). Эти причины Г. О. Симоненко усматриваетъ съ одной стороны въ томъ, что „политическая экономія есть наука труда свободнаго, почему и могла появиться только въ повѣйшее время, когда свободный трудъ сдѣлался общимъ закономъ для всѣхъ образованныхъ народовъ“ (стр. 36), а съ другой въ новизнѣ „метода, принятаго ею, сравнительно съ методомъ, котораго держались другія государственныя и общественныя науки“, метода наблюденія, который и къ менѣе сложнымъ, естественнымъ наукамъ, сталъ примѣняться лишь въ поное время и которому „политическая экономія главнымъ образомъ обязана тѣми быстрыми успѣхамъ, которые сдѣланы ею въ короткій періодъ своего существованія“ (стр. 40—41). Наконецъ разсматривается связь между политической экономіей и другими обще-

ственными науками, статистикой и историей, юридическими и государственными науками.

Вторая и большая часть сочинения посвящена вопросу о методѣ экономической науки. Этотъ вопросъ занимаетъ центральное мѣсто въ книгѣ, при чемъ сочиненіе Г. О. Симоненко вызвано главнымъ образомъ желаніемъ провѣрить, насколько правиленъ методъ изслѣдованія, принимаемый такъ называемой новонсторической школой. Вопросъ этотъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ наукѣ, ибо рѣчь идетъ о существованіи и дальнѣйшемъ развитіи самой науки, о результатахъ, которые могутъ быть достигнуты при изслѣдованіи явленій экономической жизни. Неудивительно, что за послѣднія десятилѣтія этотъ вопросъ обращалъ на себя особое вниманіе. Хотя открытый споръ между новонсторической и такъ называемой австрійской (чисто-дедуктивной, абстрактной) школой затихъ въ послѣдніе годы, но прежнее враждебное отношеніе ихъ другъ къ другу не измѣнилось, и оба направленія по прежнему идутъ каждое своимъ путемъ, считая работу другого совершенно безплодной. Дѣлались различныя попытки примиренія враждующихъ направленій, но онѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. Г. О. Симоненко предлагаетъ новый путь для примиренія.

И въ вопросахъ метода, какъ и въ другихъ, рассматриваемыхъ въ книгѣ, онъ придерживается золотой середины: онъ не желаетъ отказаться отъ пользованія исторіей и статистикой какъ вспомогательными науками, ограничившись одной дедукціей, чего желали бы представители австрійской школы, но въ то же время настаиваетъ на существованіи естественныхъ законовъ экономической жизни, дѣйствующихъ вездѣ и повсюду, но не признаваемыхъ послѣдователями новонсторическаго направленія. Къ эволюционнымъ законамъ, установленіе которыхъ является задачей науки по ученію исторической школы, Г. О. Симоненко относится довольно скептически, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги проскальзываетъ и противоположный взглядъ. Такъ на стр. 424 Г. О. Симоненко говорить, что послѣдовательность экономическихъ явленій, вездѣ одинаковая, указываетъ на присутствіе законовъ не только существованія народнаго хозяйства, но и развитія его, а двумя страшицами раньше признается существованіе „естественныхъ и неизмѣнныхъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ“. И несмотря на это цѣль книги Г. О. Симоненко заключается въ томъ, чтобы доказать, что вся ново-историческая школа, признающая именно законы развитія, есть „не

болѣе какъ слонное недоразумѣніе“ (стр. III), благодаря которому экономическая наука въ послѣднія два съ небольшимъ десятилѣтія не только не двинулась впередъ въ своемъ развитіи, а наоборотъ чуть ли не пошла назадъ (стр. I). Его задача выяснитъ эти недоразумѣнія, подвергнувъ ихъ подробной критической оцѣнкѣ; поэтому онъ разсматриваетъ какъ вопросъ объ естественныхъ и эволюціонныхъ законахъ вообще (гл. 6), такъ и взгляды въ этомъ отношеніи отдѣльныхъ представителей новоисторическаго направленія, къ которому относятъ Шмоллера и Брентано, Ваглера и Шеффле, Лавеле и Штамллера, Гильдебранда и Кнуса (гл. 7, стр. 182—434). Результатомъ этого критическаго анализа является выводъ, дѣлаемый Г. О. Симоненко, что правильными должны быть признаны воззрѣнія старейшей исторической школы или точнѣе Рощера; со взглядами Гильдебранда и Кнуса онъ не согласенъ, да и не признаетъ ихъ представителями старейшей исторической школы, а относитъ ихъ къ новейшему историческому направленію. Основанія воззрѣній Рощера, по мнѣнію Г. О. Симоненко, „несколько не опровергнуты тѣмъ, что высказывается представителями новейшей исторической школы“ (стр. IV), „и дальнѣйшая разработка политической экономіи возможна въ единственно правильномъ направленіи, намѣченномъ главнымъ основателемъ старейшей исторической школы Рощеромъ“ (стр. 497).

Правильно ли однако такое противопоставленіе старейшей исторической школы съ Рощеромъ во главѣ новейшей исторической школы и прежде всего Шмоллеру и Брентано? Не есть ли наоборотъ послѣдняя только дальнѣйшее развитіе первой и возможна ли разработка экономической науки въ намѣченномъ Рощеромъ направленіи безъ того, чтобы въ результатѣ не прійти къ тому, что далъ Шмоллеръ? Еще въ своемъ „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode“, вышедшемъ въ 1843 году, Рощеръ говоритъ: „нашею цѣлью является изложеніе того, о чемъ народы думали, чего они желали и что они чувствовали въ экономическомъ отношеніи, къ чему они стремились и чего они достигали, почему они стремились къ данной цѣли и почему достигли ея“. И далѣе: „съ точки зрѣнія историческаго метода нельзя ни безусловно хвалить какой-либо экономической истинности, ни безусловно порицать его, и едва ли существовало много такихъ истинностей, которые были бы благодѣтельны или вредны для всѣхъ народовъ и для всѣхъ ступеней культуры“. „Историческій методъ — прибавляетъ онъ — изучаетъ условія жизни

всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ и то, что оказывается общимъ въ ходѣ развитія различныхъ народовъ, выставляется въ качествѣ законной развитія“. Неудивительно, что эта маленькая книжка произвела огромное впечатлѣніе на современниковъ и составила эпоху въ развитіи экономической науки. Въ приведенныхъ нами фразахъ изъ введения къ ней высказано уже въ общихъ чертахъ все то, что отличаетъ историческую школу отъ прежней классической, выставляется та программа, которая осуществлялась и такъ называемой старинистической школой и новинистической и продолжаетъ осуществляться и нынѣ. Съ одной стороны здѣсь указывается на необходимость изученія исторіи экономического быта всѣхъ временъ и народовъ, съ другой стороны на существованіе различныхъ ступеней развитія, проходящихъ человечествомъ и приводящихъ къ возникновенію различныхъ институтовъ. Въ первомъ томѣ своего курса („System“) Рошеръ уже прямо говоритъ: „политическая экономія есть наука о законахъ развитія народнаго хозяйства, экономической жизни народовъ. Эта наука, какъ и всѣ науки о жизни народа, разсматриваетъ отдѣльнаго человѣка, какъ самостоятельную единицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она изучаетъ и все человечество, какъ цѣлое“. Свой методъ Рошеръ называетъ историческимъ или физиологическимъ, который описываетъ явленія, а не выставляетъ идеаловъ; хотя этотъ методъ и пользуется абстракціей, но онъ прежде всего беретъ человѣка въ томъ видѣ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, со всѣми различными, какъ хозяйственными, такъ и другими мотивами не экономического свойства, которыми люди руководствуются въ своей дѣятельности, въ зависимости отъ свойствъ даннаго народа, отъ государственнаго устройства, отъ той эпохи, въ которой они живутъ“.

Въ этомъ-то и заключается то огромное значеніе, которое имѣлъ Рошеръ въ экономической наукѣ, какъ основатель историческаго метода, что онъ отыскавъ отъ „естественныхъ“ законовъ, дѣйствующихъ всегда и повсюду, и поставилъ на ихъ мѣсто „законы развитія экономической жизни“, законы эволюціи (которые онъ, правда, часто называетъ прежнимъ терминомъ—естественными законами), выражающіе измѣненія явленій экономической жизни, въ зависимости отъ измѣненій, происходящихъ какъ вокругъ человѣка, въ государственной жизни, въ техникѣ, въ правѣ, такъ и въ самомъ человѣкѣ, въ его психологіи, въ его отношеніи къ самому себѣ и къ окружающимъ. Если бы все значеніе Рошера заключалось въ разграниченіи „двухъ элементовъ, эле-

мента неизмѣннаго, постояннаго, коренящагося въ сущности чело-вѣческой и въ непреложныхъ законахъ вышней природы, и элемента непостояннаго, измѣняющагося, заключающагося въ разнообразныхъ условіяхъ времени и мѣста, въ которыхъ находятся различные народы", и въ изученіи этихъ обоихъ элементовъ, и далѣе „въ провѣркѣ абстрактныхъ положеній, выведенныхъ дедуктивнымъ способомъ изслѣдованія, фактическими данными, почерпнутыми изъ исторіи прошлаго и изъ современнаго состоянія экономическаго быта различныхъ народовъ"—если бы въ этомъ заключалась вся заслуга Рошера, какъ утверждаетъ Г. О. Симпсонко (стр. 414), то нельзя было бы говорить о какомъ-то новомъ историческомъ методѣ, основанномъ Рошеромъ, ибо въ этомъ случаѣ Рошеръ попросту вернулся бы къ тому самому методу изученія экономическихъ явленій, который принялся въ свое время съ такимъ успѣхомъ Адамомъ Смитомъ. Ибо и Адамъ Смитъ различалъ естественные законы, дѣйствующие при существованіи свободной конкуренціи и вытекающіе изъ стремленія каждаго къ наибольшей личной выгодѣ, отъ временныхъ условій, стѣсняющихъ свободу конкуренціи и поэтому временно измѣняющихъ дѣйствіе естественныхъ законовъ, при чемъ считалъ необходимымъ не только разсматривать дѣйствіе естественныхъ законовъ, но останавливался подробно и на моментахъ случайныхъ, измѣнчивыхъ въ зависимости отъ времени и мѣста. Адамъ Смитъ отнюдь не ограничивался выведенными дедуктивнымъ путемъ положеніями, а пользовался для провѣрки ихъ всѣмъ доступнымъ въ его время матеріаломъ по исторіи экономическаго быта и по современной ему жизни, какъ Англіи, такъ и въ другихъ европейскихъ и даже несвропейскихъ странахъ, до Китая включительно. Послѣдующіе экономисты начиная съ Рикардо, правда, уклонились отъ этого способа изслѣдованія экономическихъ явленій, выбросивъ нѣсь „балластъ" фактическихъ данныхъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, добытая дедуктивнымъ путемъ свѣдѣнія въ провѣркѣ не нуждаются, и отказавшись отъ изученія временныхъ и преходящихъ явленій въ экономической жизни народовъ. Рошеръ не ограничился возвращеніемъ науки на путь, намѣченный Адамомъ Смитомъ, онъ совершилъ нѣчто большее: онъ дѣйствительно создалъ новый методъ, показавъ, что не только существуютъ различные періоды экономической жизни народовъ, въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ совершается хозяйственная дѣятельность ихъ, но что эти періоды смѣняются одинъ за другимъ въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ

развитія, почему и получаются законы эволюціи экономической жизни народовъ, составляющіе предметъ политической экономіи.

Въ этомъ отношеніи другіе два представителя старой исторической школы, Кнись и Гильдебрандъ, вполне сходятся съ нимъ. И Кнись усматриваетъ задачу политической экономіи „въ изученіи законовъ развитія экономической жизни въ связи съ развитіемъ духовной жизни народовъ, съ которой хозяйственный бытъ находится въ тѣснѣйшей связи“. Точно также и по мнѣнію Гильдебранда, экономическая наука должна изслѣдовать ходъ развитія человѣчества, постепенный переходъ его съ одной ступени экономического быта на слѣдующую. По мнѣствъ съ тѣмъ между Рошеромъ съ одной стороны и Книсомъ и Гильдебрандомъ съ другой существуетъ и значительное различіе. Если въ созданіи исторического метода и въ указаніи задачи экономической науки ихъ заслуга не менѣе заслуга Рошера, то въ сферѣ примѣненія этого метода къ изученію экономическихъ явленій и Кнись и Гильдебрандъ сдѣлали очень мало. Сочиненію Книса о политической экономіи съ точки зрѣнія исторического метода есть собственно говоря не болѣе какъ указаніе того, каковыи путемъ должна развиваться въ будущемъ экономическая наука съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ того, чего можно достигнуть путемъ примѣненія историческаго метода. Самостоятельнаго изслѣдованія какого-либо отдѣла политической экономіи съ исторической точки зрѣнія въ этомъ сочиненіи не дается, а въ послѣдующихъ работахъ Кнись больше не касается общихъ экономическихъ вопросовъ. Гильдебрандъ въ своей „Nationaloekonomie der Gegenwart und Zukunft“, какъ и въ своихъ статьяхъ, даетъ, правда, нѣкоторыя общія начала развитія экономического быта, но его работы не представляютъ собою законченнаго цѣлаго, а являются лишь отдѣльными опытами примѣненія новаго метода въ той или другой области науки. Наоборотъ Рошеръ не только проповѣдникъ новаго метода, но и самъ пользуется имъ въ своей „Системѣ“, и не только въ тѣхъ томахъ, гдѣ трактуются о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и промышленности и финансахъ, но и въ первомъ томѣ, разсматривающемъ основы хозяйственной жизни. При изложеніи ученій о роскоши, о населеніи, о товарныхъ цѣнахъ, о заработной платѣ, о процентахъ, о земельной рентѣ — повсюду Рошеръ даетъ намъ законы развитія; онъ разсматриваетъ сначала первобытныя времена, затѣмъ ходъ постепеннаго развитія экономической культуры, далѣе эпоху высокоразвитой культуры, наконецъ періодъ упадка. Онъ

поступаетъ такимъ образомъ не всегда, ограничивается обыкновенно нѣсколькими нитрихами, предоставляя другимъ детальную разработку, да и само это подраздѣленіе экономической жизни на эпохи оставляетъ желать многого, но не надо забывать того, что Рошеръ впервые вступилъ на этотъ путь, впервые применилъ новый методъ изслѣдованій, что, какъ справедливо указываетъ Шмоллеръ, ему трудно было порвать съ классической школой, хотя онъ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ думаетъ Шмоллеръ. Да и матеріалъ, надъ которымъ оперировалъ Рошеръ, былъ отрывоченъ и мало разработанъ.

Продолжать въ томъ же направленіи, въ которомъ началъ Рошеръ, значило во 1-хъ собрать новыя данныя объ экономической жизни народовъ какъ въ различные эпохи ихъ прошлаго, такъ и въ настоящемъ, описать эту жизнь и путемъ сравнительнаго изученія ея у различныхъ народовъ выдѣлить все общее, типическое для каждой отдѣльной эпохи, отбрасывая все случайное, не достаточно характерное. Во 2-хъ, необходимо было сопоставить отдѣльныя эпохи и показать тѣ измѣненія, которыя происходили въ каждую слѣдующую эпоху сравнительно съ предыдущей, конструируя такимъ образомъ законъ развитія, показывающій постепенную эволюцію всей экономической жизни въ ея цѣломъ и каждого отдѣльнаго института въ частности. Нельзя было ограничиваться указаніемъ характерныхъ признаковъ каждой данной эпохи, какъ это дѣлалъ Рошеръ, а необходимо было кромѣ того тщательно прослѣдить и постепенный переходъ отъ одной эпохи къ другой, возникновеніе новыхъ моментовъ и прекращеніе дѣйствія старыхъ. Наконецъ въ 3-хъ, задачей послѣдователей Рошера являлось и расширеніе круга изслѣдованія, применить историческій, эволюціонный методъ и къ тѣмъ институтамъ, которые Рошеръ изучалъ еще прежнимъ дедуктивнымъ путемъ. Вотъ эту-то школу экономической науки, которая пошла по намѣченному Рошеромъ направленію и усовершенствовала то, что имъ сдѣлано, называемъ мы новоисторической, въ отличіе отъ староисторической, впервые указавшей на необходимость историческаго метода и впервые применившей этотъ методъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

За послѣднія тридцать лѣтъ собрана огромная масса фактическаго матеріала. Одни рылись въ архивахъ и выкапывали оттуда старинные документы, относящіяся къ экономической жизни народовъ, комментировали ихъ и издавали, другіе составляли описанія отдѣльныхъ мѣстностей, городовъ, корпорацій, институтовъ въ

различныя эпохи исторіи, а также давали описанія экономическаго быта различныхъ странъ въ настоящее время, третью создавали описанія цѣлыхъ эпохъ экономическаго развитія, экономическую исторію народовъ, наконецъ четвертая группа устанавливала на основаніи всего этого огромнаго матеріала общіе законы экономической эволюціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сдѣлано меньше всего, да это и понятно: изслѣдованія этого рода, являясь вѣнцомъ всей работы, могутъ быть основаны лишь на предварительной подготовительной работѣ, требующей продолжительнаго времени. Но если вспомнить, что все-таки плодомъ труда трехъ десятилѣтій явились обобщенія двухъ выдающихся историковъ-экономистовъ Бюхера и Шмоллера, то надо признать, что и въ отношеніи изслѣдованія законовъ развитія сдѣлано за это время не мало. И если историческая школа отказалась въ значительной степени отъ послѣдія, оставленнаго ей классической школой, то она не оставила на мѣстѣ разрушеннаго зданія пустого мѣста, какъ утверждаетъ П. О. Симоненко (стр. 277), а уже начала возводить на немъ новое грандіозное зданіе на гораздо болѣе прочномъ фундаментѣ не апріорныхъ аксіомъ о стремленіи каждаго къ личной выгодѣ, а положительныхъ данныхъ о жизни различныхъ временъ и народовъ.

На основаніи такого обширнаго фактическаго матеріала оказалось возможнымъ прослѣдить шагъ за шагомъ послѣдовательное измѣненіе отдѣльныхъ институтовъ экономической жизни, указать на ту красную нить, которая проходитъ въ развитіи каждаго изъ нихъ. Сравнимъ хотя бы отдѣлъ о населеніи у Рошера и у Шмоллера или отдѣлъ о формахъ промышленности у Рошера и у Бюхера—и мы увидимъ ту громадную разницу, которая является плодомъ труда новаго поколѣнія экономистовъ. И область примѣненія новаго метода у Бюхера и Шмоллера гораздо шире: въ то время какъ Рошеръ въ десятый разъ повторилъ избитыя фразы о раздѣленіи и соединеніи труда, не рѣшаясь подойти къ этому отдѣлу съ новымъ методомъ, Бюхеръ и Шмоллеръ показываютъ постепенное развитіе раздѣленія и соединенія труда, смѣну формъ раздѣленія и соединенія труда, возникновеніе ихъ, роль ихъ въ различныя эпохи экономической жизни, зависимость отъ другихъ условій. Или возьмемъ отдѣлы о формахъ предпріятія, о мотивахъ хозяйственной дѣятельности, о трудѣ—и сравнимъ Рошера и Шмоллера. Разница получается огромная, успѣхъ очень значительный. Наконецъ и то сближеніе политической экономіи съ другими науками, о которомъ мечтаютъ Рошеръ, съ естественными науками, съ

государственнымъ правомъ, съ народовѣдѣніемъ вообще, часть котораго составляетъ и изучае о народномъ хозяйствѣ, отчасти осуществлено его послѣдователями: достаточно разсмотрѣть главы объ естественныхъ условіяхъ народнаго хозяйства, о развитіи техники, объ этнографіи различныхъ народовъ, о семьѣ, о разселеніи, о развитіи городовъ и т. д. въ курсѣ Шмоллера, основанныя на тщательномъ изученіи соответствующихъ вопросовъ,—чтобы убѣдиться въ этомъ.

Въ качествѣ представителей той группы новоясторической школы въ политической экономіи, которая занимается не только накопленіемъ матеріала, но и выводами изъ него по отношенію къ общимъ вопросамъ экономической жизни, мы можемъ назвать пока только Шмоллера и Бюхера, отчасти пожалуй и Тойнби. Другіе сторонники новоясторическаго направленія, какъ напримѣръ Brentano и Knappe, Schenbergh и Stidde, Rodgerse и Kenninгамъ — дали до сихъ поръ только изслѣдованія, хотя и очень обстоятельныя, въ различныхъ областяхъ экономической исторіи и практики. Левассеръ и Лавеле хотя и касались и такъ называемой общей теоріи, но не придерживались въ этой области историческаго метода и во всякомъ случаѣ ушли отъ Рошера не далеко. Что же касается Вагнера и Шеффле, то ихъ не приходится относить къ новоясторической школѣ, какъ это дѣлаетъ Г. У. Симоненко, ибо для этого еще далеко не достаточно признанія частной собственности, наследства и капитала не естественными, а историческими категоріями, существующими не испоконъ вѣковъ, а лишь со времени достиженія человѣческой культурой известнаго уровня развитія, какъ это дѣлаютъ Шеффле и Вагнеръ. Для того, чтобы быть причисленнымъ къ послѣдователямъ новоясторической школы, нельзя этимъ ограничиваться, а необходимо еще кромѣ того показать, какъ возникаютъ эти институты и каково ихъ дальнѣйшее развитіе, ибо такія категоріи какъ частная собственность, капиталъ, наследство, да и всѣ остальные институты современной экономической жизни, образовались не сразу, а лишь постепенно изъ другихъ болѣе первобытныхъ формъ, и разъ появившись, не сохранились въ томъ же состояніи, а мѣняли свою форму много разъ, пока не получили того облика, который мы наблюдаемъ въ настоящее время, какъ продуктъ развитія многихъ вѣковъ. На Вагнера несомнѣнно имѣлъ большое влияние Родбертусъ, ученикомъ и поклонникомъ котораго онъ себя перѣдко и называетъ, а отъ него, вѣдь, вмѣстѣ съ Лассалемъ и Марксомъ идутъ эти указанія на историческія категоріи въ народномъ хо-

зйствѣ. Къ новонисторической школѣ они никакого отношенія не имѣють.

Современное новонисторическое направленіе несвободно, конечно, отъ недостатковъ. Если бы оно не ограничивалось однимъ изложеніемъ постепеннаго развитія явленій экономической жизни, а давало бы ясную и опредѣленную формулировку законовъ ихъ развитія, новонисторическое направленіе избавило бы себя отъ упрека, дѣлаемаго ему противниками, будто бы оно „пизводитъ политическую экономію на степень простой исторіи и притомъ чисто описательнаго характера“ (стр. 423), и удовлетворило бы всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ въ политической экономіи не только описанія хода развитія экономическихъ явленій, хотя бы и самаго тщательнаго, но и выводовъ изъ него въ формѣ опредѣленно формулированныхъ экономическихъ законовъ. Съ другой стороны новонисторическая школа должна обращать больше вниманія на изученіе такихъ вопросовъ первостепенной важности, какъ рѣшность, капиталъ, заработная плата и т. д., разрабатывая и ихъ съ исторической точки зрѣнія и устанавливая и здѣсь законы развитія вмѣсто „естественныхъ“ законовъ классической и австрійской школы. Между тѣмъ по отношенію къ этимъ отдѣламъ методъ исторической эволюціи до сихъ поръ примѣняется очень мало, и Шмоллеръ напрасно полагаетъ, что нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и не подлежатъ изученію въ историческомъ направленіи. Онъ даетъ этимъ Менгеру поводъ бросить новонисторической школѣ упрекъ въ неспособности ея изучать эти вопросы и въ непригодности ея метода къ изслѣдованію основныхъ вопросовъ экономической науки. Эти недостатки однако не являются коренными, стоящими въ связи съ сущностью новаго направленія; устраненіе ихъ есть лишь вопросъ времени.

Главное возраженіе, выставляемое Г. О. Симоненко по отношенію къ новонисторической школѣ, сводится къ тому, что это направленіе „задается совершенно антинаучной цѣлью—раскрыть по то, что есть общаго въ изслѣдуемыхъ политической экономіей явленіяхъ, а то, что есть особеннаго, отличнаго въ каждой категоріи этихъ явленій“ (стр. 297), тогда какъ, по его мнѣнію, рядомъ съ отступленіями, вызываемыми исключительными условіями, существуютъ общія правила, проявляющіяся у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Въ дѣйствительности однако новонисторическая школа, хотя и изучаетъ временныя явленія, но не изучаетъ случайныхъ явленій, а останавливается лишь

на типическихъ для данной эпохи моментахъ, вызываемыхъ не случайными для этой эпохи обстоятельствами, а необходимыми и характерными для данного времени. Далѣе она подмѣчаетъ не тѣ частности въ развитіи различныхъ народовъ, которыя отличаютъ ихъ другъ отъ друга и которымъ она придаетъ второстепенное значеніе, а главнымъ образомъ то, что является общимъ для всѣхъ народовъ въ известную эпоху ихъ развитія; она, слѣдовательно, не „гонится за частностями и мелочами, которыя могли бы закрывать за собой главное“, какъ утверждаетъ Г. О. Симоненко (стр. 296), а старается „уловить — что есть общаго и одинаковаго въ жизненныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ“, но только не вообще, для всѣхъ временъ, чего желать бы Г. О. Симоненко, а для определенной ступени экономической культуры. При такомъ способѣ изслѣдованія оказывается, что тѣ моменты, которые могли бы казаться намъ случайными, для известныхъ эпохъ являются типическими, характерными.

Г. О. Симоненко оспариваетъ высказанную Шмоллеромъ мысль, что „психическія причины постоянно находятся въ состояніи развитія и преобразованія“, забывая, напримѣръ, такой несомнѣнный законъ психическаго развитія, какъ тотъ, по которому съ прогрессомъ культуры кругъ лицъ, которыхъ человѣкъ считаетъ своими ближними, постепенно все болѣе расширяется и наоборотъ одновременно съ этимъ связь его съ группой лицъ, наиболее близкой ему по крови, первоначально очень тѣсная, съ теченіемъ времени становится болѣе слабой. Въ экономическомъ отношеніи это выражается, напримѣръ, въ томъ, что враждебное отношеніе ко всякому человѣку, не принадлежащему къ данному племени, со стороны этого племени, убійство его и отпятіе его имущества, замѣняется мало-по-малу мирными отношеніями, обменомъ товаровъ между различными племенами. Наоборотъ первоначальная общность имущества среди племенъ прекращается впоследствии, уступая мѣсто частной собственности, передаваемой солилеменику лишь въ обидѣ за какое-либо другое имущество. Если бы Г. О. Симоненко имѣлъ это въ виду, то онъ поинялъ бы, почему торговля необходимо должна была возникнуть не среди мѣстнаго населенія, принадлежащаго къ одному и тому же племени, а между различными, отдаленными другъ отъ друга народами, и не удивлялся бы также тому, что торговлѣ предшествовало насильственное отнятіе имущества у другого племени и что она возникла вслѣдствіе знакомства съ захваченными во время войны продуктами другихъ мѣстностей (стр. 466). Ссылаясь на очень сомнительный авторитетъ Оппея-

геймера, Г. О. Симоненко возражает и против того, что первыми объектами обмена были предметы роскоши, а не предметы первой необходимости, находя гораздо больше „естественных“, что должны были обмениваться произведения сельского хозяйства и промышленности, производимых местным же населением, ибо разь это происходит „въ настоящее время при гораздо болъе быстромъ обобщеніи (?) всякаго рода техническихъ знаній, то почему того же самаго не могло происходить въ прежнее время?“ (стр. 467) Не могло этого быть, помимо всѣхъ другихъ соображеній, уже по той простой причинѣ, что первобытный человѣкъ лишь съ трудомъ соглашался вступить въ обменъ съ иноплеменникомъ, т. е. отдать ему часть своего, даже тогда, когда вражда прекращалась — а внутри племени, какъ извѣстно, обменъ при владѣніи всѣмъ сообщемъ не существовало — и поэтому лишь красивыя, блестящія вещицы, вроде издѣлій изъ стекла (особенно бусы), шелковой матеріи и другихъ изысканыхъ тканей яркихъ дѣлтовъ (таковы и фризскія сукна) и т. д., возбуждавшія въ немъ непреодолимое желаніе получить ихъ, сладкое оныяющую вино и т. д. могли его побудить вступить въ обменъ, отдавая что либо изъ своего имущества. Все это является совершенно „противоестественнымъ“, если исходить изъ „естественныхъ законовъ“, если настаивать на томъ, что психологія человѣка есть нѣчто неизмѣнное и постоянное всегда и во всѣ времена. Этими взглядомъ на психологію и на „естественные законы“ объясняются и другія недоразумѣнія, которыя встрѣчаются въ этой же послѣдней главѣ книги, при разсмотрѣніи вопросовъ о дѣленіи исторіи народнаго хозяйства на періоды.

„Но если нѣтъ никакихъ естественныхъ экономическихъ законовъ, съ которыми приходится считаться государственной администраціи и положительному законодательству — говорить Г. О. Симоненко,—то въ такомъ случаѣ нѣтъ предѣловъ, на которыхъ могла бы остановиться степень воздѣйствія ихъ на человѣческія общества“ (стр. 268). Дѣлая такой упрекъ новоисторической школѣ, которая, по его мнѣнію, „возвращается къ прежней теоріи полицейскаго государства и допускаетъ возможность безграничнаго и произвольнаго вмѣшательства правительственной власти въ народное хозяйство“, Г. О. Симоненко отождествляетъ отрицаніе „естественныхъ“ законовъ народнаго хозяйства съ отрицаніемъ какихъ бы то ни было законовъ. Новоисторическая школа не признаетъ существованія естественныхъ законовъ, но она ставитъ на ихъ мѣсто историческіе законы, дѣйствующіе на извѣстной ступени развитія, и поэтому требуетъ отъ за-

конодателя, чтобы онъ сообразовался съ тѣми экономическими законами, которые дѣйствуютъ въ данной странѣ и въ данное время. Съ точки зрѣнія новосторической школы правительство не можетъ игнорировать экономическихъ законовъ, но оно и не можетъ руководствоваться воображаемыми естественными законами, вытекающими изъ свойствъ „неизмѣнной“ человѣческой природы, а должно подвергнуть тщательному изслѣдованію какъ условія экономического быта данного времени и психологію людей, такъ и потребности жителей страны и средства къ удовлетворенію ихъ.

Отмѣтивъ нѣкоторыя слабыя стороны сочиненія Г. Э. Симоненко, мы не можемъ однако не указать на то, что книга его окажется весьма полезной въ нашей экономической литературѣ. Г. Э. Симоненко совершенно правъ, указывая на то, что „не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ не появилось ни одного изслѣдованія, въ которомъ были бы подвергнуты критической оцѣнкѣ основные принципы новосторического направленія“ (стр. II—III), ибо нельзя же таковымъ считать книжку Schüller'a объ экономической политикѣ исторической школы. Что же касается общихъ курсовъ по исторіи экономической науки, то худшіе изъ нихъ вродѣ Коссы или Эспинаса кромѣ отрывочныхъ библиографическихъ данныхъ ничего не даютъ, лучшіе же, какъ Папрямъеръ, Эйзенгартъ, не доходятъ до повѣйшаго времени или ограничиваются нѣсколькими словами о современныхъ школахъ экономической науки, не снятая еще возможными оцѣнивать результаты, достигнутые новымъ направленіемъ. Поэтому книга Г. Э. Симоненко является подходящимъ пособіемъ при прохожденіи исторіи политической экономіи въ университетахъ, какъ и руководствомъ для тѣхъ, кто не въ состояніи ознакомиться съ ней по первоисточникамъ. Но и специалисты прочтутъ ее съ удовольствіемъ, ибо мысли, высказываемыя въ книгѣ, оригинальны и написана она съ знаніемъ дѣла.

Г. Мулшперъ.

C. Robert. Studien zur Ilias mit Beiträgen von Fr. Visconti. Berlin. 1901.

1. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ изслѣдованіяхъ Роберта объ Илиадѣ Гомеровскій вопросъ съ новымъ столѣтіемъ вступаетъ въ новую эру своего существованія. Значительный шагъ впередъ, подготовленный предшествующею научною работою, становится здѣсь ошущительно яснымъ.

Исходя изъ тѣсно ограниченной области археологического мате-

риала—военныхъ доспѣховъ—авторъ приподнимаетъ передъ нами завѣсу, скрывающую до-гомеровскую греческую старину. Нашъ взоръ проникаетъ за предѣлы древнѣйшаго литературнаго памятника Греціи, и въ туманѣ далекаго прошлаго намъ мерещатся фигуры витязей въ ихъ кожаныхъ шеломахъ съ рогообразными выступами, съ громадными неуклюжими щитами изъ кожи, висящими черезъ плечо на длинномъ ремнѣ, въ кожаныхъ панциряхъ—курткахъ и наколѣнникахъ, съ ихъ особыми приемами борьбы, гдѣ они умѣютъ пользоваться всѣми преимуществами своего щита — башни, который въ минуты бѣгства или отдыха закладывается за спину, а на ночлегъ подъ открытымъ небомъ служитъ вонну цѣлымъ шалашомъ. Это воины первичной Илиады Роберта, тѣ воины, образы конхъ мы видимъ на пластическихъ памятникахъ и на вазахъ микенской поры культурной исторіи Греціи.

Отъ этой первобытной картины боевого поля далеко до той, какая рисуется намъ въ гомеровской поэмѣ вообще: сіяніе и звонъ доспѣховъ, стремительное нападеніе и бѣгство, алчная охота за дорогимъ панциремъ павшаго врага, легкое парированье ударомъ копій и стрѣлъ щитомъ, крѣпко сидящимъ на лѣвой рукѣ.

Доказать наличие въ Илиадѣ признаковъ первой стадіи боевого дѣла было заслугою Рейхеля въ его талантливой книгѣ *Ueber Homerische Waffen* (Wien. 1894. Второе, посмертное изданіе, значительно измѣненное и дополненное, Wien. 1901), а открыть въ поэмѣ слѣды эволюціи его отъ этой стадіи до той, которая является въ ней господствующею, служить одною изъ задачъ Роберта.

Указанная задача имѣетъ впрочемъ въ его книгѣ чисто служебное значеніе и далеко не исчерпываетъ ея содержанія. Различеніе въ Илиадѣ моментовъ въ развитіи боевого дѣла является у Роберта исходнымъ пунктомъ и однимъ изъ главныхъ средствъ къ опредѣленію тѣхъ постепенныхъ наслоеній, продуктомъ конхъ была дошедшая до насъ поэма. Данные языка служатъ другимъ такимъ средствомъ. Первичная Илиада сочинена была на эолическомъ нарѣчій. Въ теченіе своего распространенія она ионизируется. Особенную доказательность правильности своего анализа поэмы Робертъ видитъ въ томъ, что распредѣленіе древнѣйшихъ и позднѣйшихъ элементовъ Илиады, какое онъ устанавливаетъ, исходя изъ критеріевъ археологическихъ, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ языка: „Микенскіе отрывки“, т. е. тѣ отрывки поэмы, относимые Робертомъ къ составу его пра-Илиады, гдѣ является вооруженіе микенскаго образца, „допускаютъ переложеніе на эолическій діалектъ безъ всякаго насилія,

слѣдовательно, согласно гипотезѣ Фикка, первоначально была сочинена на этомъ нарѣчій, между тѣмъ какъ всѣ отрывки съ бронзовымъ вооруженіемъ обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильныя и вполнѣ прочныя іонизмы, какъ-то, учащательныя формы, пренебреженіе ди-гаммой, предлогъ частица *ἄν* и т. д.“ (S. 74). Здѣсь неволью припоминается намъ то требованіе, какое ставилъ изслѣдователямъ вопроса о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ Н. Кауеръ въ своей книгѣ *Grundfragen der Homerkritik* (Lpz. 1895 ¹). Надо, однако, теперь же заявить, что выполненіе этого требованія у Роберта, что касается согласія данныхъ языка и археологическаго критерія, совершенно призрачно ²).

Разумѣется, упомянутыхъ двухъ средствъ распредѣленія элементовъ Илиады на самомъ дѣлѣ оказывается недостаточно для цѣли, поставленной себѣ авторомъ. Тѣ два важныя исключенія въ отношеніи согласія данныхъ археологическихъ и данныхъ языка, на которыя указываетъ самъ авторъ въ цитованномъ сейчасъ мѣстѣ, V-ая пѣснь, гдѣ количество прочныхъ іонизмовъ не соответствуетъ господствующему въ пѣсни микенскому вооруженію (выводъ отсюда S. 181: „*Διοτῆδος; ἵρισταία*, правда, не принадлежитъ пра-Иліадѣ, но по времени довольно близка къ ней и во всякомъ случаѣ сочинена въ ту пору, когда микенское вооруженіе еще было въ употребленіи“), и XII-ая пѣснь, гдѣ при искусственномъ языкѣ іоническаго эпоса замѣчается присутствіе іоническаго и микенскаго вооруженія рядомъ (выводъ отсюда S. 152: архаическая тенденція автора „Штурма“), на самомъ дѣлѣ являются вовсе не единственными. Кромѣ того, есть въ Илиадѣ цѣлыя пѣсни, цѣлыя сцены, гдѣ вооруженіе или вовсе не упоминается или упоминается такъ, что не даетъ никакихъ данныхъ къ заключеніямъ относительно того, какого рода доспѣхи имѣлъ авторъ въ виду. Во всѣхъ такихъ случаяхъ и новому изслѣдователю приходилось обращаться къ соображеніямъ иного рода. Потому тѣ работы предшествующихъ изслѣдователей состава поэмы, о которыхъ съ благодарностью упоминаетъ авторъ въ концѣ своей вступительной замѣтки къ анализу Илиады, несмотря на заявленіе его, что онъ строитъ на совершенно новомъ базисѣ, съ первыхъ же страницъ анализа оказы-

¹) Срв. въ нашей рецензіи на эту книгу, Филологическое Обозрѣніе, т. XI, кн. I, отд. 2, стр. 16.

²) Срв. рецензію самого Н. Кауера. N. Jahrbh. f. das klass. Alterthum, Gesch. u. deutsche Litt. X—XI Bd., 81 fgg.

ваютъ рѣшительное вліяніе на его аргументацію. Въ наблюденіи противорѣчій Робертъ оказывается не менѣе педантичнымъ, чѣмъ Лакмалъ. Онъ открываетъ намъ и „два культурныхъ періода“, коимъ принадлежатъ два разные слоя Илиады въ VI-ой пѣсни (S. 196), и восстанавливаетъ версію удаленія съ поля битвы Гектора въ XIV-ой пѣсни (S. 140), и совершенно передѣлываетъ развязку аристіа Агамемнона въ XI-ой (S. 156 fg.),—все это на основаніи весьма мелочныхъ мнимыхъ противорѣчій. Далѣе, во второй половинѣ своего труда авторъ даетъ нѣсколько цѣльныхъ главъ, посвященныхъ вопросу о вліяніи на расширеніе круга героевъ, участниковъ боевъ подъ Илиономъ, тѣхъ царственныхъ родовъ, при дворахъ которыхъ поэма исполнялась іоническими рапсодами. Возможно, замѣчаетъ при этомъ Робертъ (S. 387. 393), что въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ Антеноридовъ и Панаонидовъ эпоса являются лишь двойники историческихъ личностей. Хвала Евфорбу и членамъ его фамиліи въ началѣ XVII-ой пѣсни тѣмъ болѣе должна была льстить царственнымъ слушателямъ, что она вложена поэтось въ уста врага. Новая генеалогія Сарпедонта, впервые являющаяся въ эпизодѣ встрѣчи Главка и Диомеда въ VI-ой пѣсни, тоже, можетъ быть, обязана своимъ происхожденіемъ ликійскимъ княжескимъ фамиліямъ (S. 404). Аонійскіе Менесейи еще въ недавно открытомъ фрагментѣ гесіодовскаго „Каталога“ являются въ числѣ первыхъ богачей Греціи, достойныхъ выступить претендентами на руку Елены ¹⁾.

Въ особенности главы объ Антеноридахъ и Панаонцахъ имѣютъ у Роберта рѣшающее значеніе въ слѣдующей за главами о герояхъ реконструкціи второй Илиады (=первой обработкѣ пра-Илиады, см. S. 388 fgg.).

Взгляды Роберта на постепенное введеніе въ Илиаду новыхъ героевъ, при чемъ онъ опять слѣдуетъ своимъ предшественникамъ, несомнѣнно тоже играютъ важную роль въ его анализѣ поэмы и опредѣляютъ его выборъ для первичной Илиады иногда независимо отъ другихъ критеріевъ. Такъ, наличие всего одного прочнаго іонизма въ спонѣ пораненія Агамемнона въ XI-ой пѣсни (другіе въ ст. 269—272 и 282, которые „легко и къ большой выгодѣ содержанія могутъ быть выключены“) ст. 261, конечно, не даетъ права исключать сцены изъ пра-Илиады, а Фортъ ст. 234 можетъ быть микенскимъ кожанымъ

¹⁾ Публикація Wilamowitz - Moellendorff'a въ Sitz. Ber. d. preuss. Akad. d. Wissensch. zu Berlin. 1900 (S. 841, 5-й столбецъ шпируса).

нанциремъ. Однако Робертъ находитъ нужнымъ вдаваться въ вопросъ, не ранилъ ли Агамемнона въ первичной Илиадѣ кто другой, а не Коонъ. Такъ еще: принятіе на себя Аэвиюю фигуры Феникса XVII 555 служить однимъ изъ доводовъ противъ принятія отрывка XVII 543—592 въ составъ второй Илиады (S. 428).

Наконецъ, уже въ самомъ анализѣ мѣстами проглядываютъ заранѣе составленные взгляды автора на развитіе мифологическихъ представленій, на характеристики боговъ и ихъ отношеній къ людямъ, на сказанія, на вліяніе на Илиаду въ болѣе позднихъ ея наслоеніяхъ циклическихъ поэмъ. Этимъ вопросамъ авторъ посвящаетъ особыя главы своего труда, преимущественно въ концѣ книги.

При всемъ томъ антикварно-голлистическій критерій, какъ называетъ его Робертъ, привлекаетъ въ его книгѣ наше особенное вниманіе и по новости его примѣненія въ анализѣ Илиады, и потому также, что въ разложеніи пѣсенъ XVI—XVIII и XI—XV, изъ котораго исходитъ Робертъ въ своемъ возсозданіи исторіи развитія поэмы, отъ, дѣйствительно, занимаетъ господствующее положеніе. Именно выводы автора изъ разбора этихъ пѣсенъ даютъ ему опору въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Какъ разъ эти пѣсни содержатъ то разнообразіе боевыхъ сценъ, гдѣ и описаніе вооруженія, и приемы борьбы, и характерныя описанія пораненій, съ упоминаніемъ поврежденныхъ копьемъ или стрѣлою частей доспѣховъ или безъ такового, давали обильный матеріалъ для установленія у Гомера двухъ выше намѣченныхъ стадій въ развитіи боевого дѣла.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого матеріала, нашъ изслѣдователь долженъ былъ выяснитъ самыя принципы ея. Такимъ образомъ онъ посвящаетъ особую вводную главу характеристикѣ вооруженія микенскаго и іоническаго и боевыхъ приемовъ употребленія каждаго изъ нихъ и интерпретаціи тѣхъ мѣстъ Илиады, которыя сюда относятся. Эта глава или отдѣлъ книги (*Mikenische u. ionische Waffen*, S. 1 — 73) тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ труду Рейхеля. Положительныя, неопровержимыя результаты его для толкованія поэмы приобрѣтаютъ теперь полную очевидность, благодаря различенію у Гомера стадій въ развитіи боевого дѣла, который устанавливаетъ Робертъ. Основнымъ заблужденіемъ Рейхеля, нѣсколько затенившимъ серьезную заслугу покойнаго вѣнскаго археолога и открывшимъ путь нападкамъ критики, было отождествленіе микенскаго вооруженія съ Гомеровскимъ¹⁾.

¹⁾ Срв. нашу рецензію на первое изданіе книги Рейхеля, *Журн. Мин. Нар.*

Въ той постановкѣ вопроса, какую даетъ ему Робертъ, и тѣ возраженія, которыя выставлялись противъ Рейхеля со стороны археологовъ относительно цевѣрной датировки имъ памятникѣвъ микенской поры и смѣшенія памятникѣвъ различныхъ эпохъ¹⁾, получаютъ второстепенное значеніе.

Но обращаясь къ частностямъ этой первой главы книги Роберта, нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что новый изслѣдователь поставленной Рейхелемъ проблемы вноситъ въ свое обсужденіе ея много произвола. Намъ кажется, что съ чѣмъ большею осторожностью отнесся бы Робертъ къ своей задачѣ, чѣмъ больше бы ограничился онъ лишь такими признаками микенскихъ досиѣховъ у Гомера, которые вполнѣ неопровержимы, тѣмъ лучше было бы для дѣла. Споръ между археологами и филологами еще слишкомъ обостренъ, и всѣ тѣ приемы толкованія, которые способны только больше запутать вопросъ, вродѣ поправокъ текста въ угоду предвзятому мнѣнію (см. Robert, Studien, S. 5, 23, 29, 32, 34, 36 [измѣненіе изъ текста Илиады эпитета *ἐκχυμίδης*], 65 и проч.), предположеніе смѣшенія въ предѣлахъ одного и того же описанія микенскаго съ іоническимъ (вродѣ разбора ст. XIII 405 слѣд. S. 9, см. также S. 73, 109 и т. д.), допущеніе архаизмовъ (S. 70, также позже, S. 152, 239), должны быть тщательно избѣгаемы. Вообще уже во всей первой главѣ мы не находимъ у Роберта достаточно послѣдовательности и устойчивости сужденія. Такъ уже только подъ конецъ главы онъ допускаетъ суммарныя описанія (S. 62) пораненій и заявляетъ, что „было бы крайне неаппетитнымъ требовать

Прозв. 1895. Мартъ. Нѣсколько поздно вылезъ вѣрѣдко совпадающій съ нашею (что полатно по существу вопроса) обстоятельная рецензія Scheindler'a въ Ztschr. f. d. österr. Gymn. 1895, S. 398 fg., вызвавшая отвѣтъ Рейхеля въ томъ же журналѣ S. 824 — 837 (касающій въ концѣ рецензіи Майера, Рейхель уже здѣсь, какъ видно во 2-омъ изд. своей книги, беретъ назадъ свою гипотезу объ интерполіаціи панциря у Гомера).

¹⁾ Срв. Майеръ въ Berl. philol. Wochenschr. 1895, №№ 16 и 17 и Фуртвенгеръ въ суровой, но односторонней (советѣмъ забыта заслуга Рейхеля для толкованія Илиады) рецензіи въ томъ же журналѣ на 2-ое изданіе книги Рейхеля, 1902, № 15 (напротивъ см. Noack въ Gött. gel. Anz. 1902, S. 373: „Man hat es (книгу Рейхеля) mit Recht eine wissenschaftliche That genannt. Der direkte Zusammenhang des Epos mit der mykenischen Kultur war von nun an nicht mehr abzuleugnen, und so leidenschaftlich auch die Debatten folgten, ein Eckstein war durch dieses Buch gelegt“). Срв. еще сочувственную характеристику Рейхеля и его труда его друга Jüthner'a въ рецензіи на 2-ое изданіе книги, въ Ztschr. f. d. österr. Gymn. 1902 Mai, гдѣ уже затронута и книга Роберта. Авторъ принимаетъ на себя защиту нѣкоторыхъ толкованій Рейхеля.

отъ поэта, чтобы при каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ перечислялъ произведенія части оборонительнаго вооруженія" (срв. въ выше упомянутой нашей рецензіи на книгу Peifxela, стр. 183, и Kluge въ цитованной здѣсь статьѣ Jahrbh. f. class. Philol N. F. Bd. 147, которую Робертъ, кажется, недостаточно принялъ во вниманіе въ этой первой главѣ своей книги). Но мы въ правѣ поспѣловать, что такая уступка сдѣлана поздно; она могла бы измѣнить сужденіе автора, напримѣръ, о такомъ мѣстѣ, какъ XIV 404 слл. (S. 31).

Далѣе, при своемъ толкованіи текстовъ Робертъ упускаетъ изъ виду, что, привлекая ихъ, какъ археологическія свидѣтельства, нельзя забывать ихъ поэтическаго смысла. По поводу стиховъ XIII 162 слѣд., которые онъ считаетъ позднѣйшимъ іоническимъ принособлепиемъ описанія данной боевой сцены къ первоначально микенскому ея содержанию (S. 22 Anm. 109, срв. 424), онъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: „Die Parade ist auch, nachdem der Speer gebrochen ist, gänzlich überflüssig“. Но какъ разъ то же самое наблюдается и въ двухъ другихъ случаяхъ того же пріема обороны въ Пліадѣ, сопоставляемыхъ Робертомъ съ мѣстомъ XIII 175 слл., XX 278 сл. и 261 сл., я какъ психологически правдиво у Гомера это инстинктивное движеніе испуганнаго (XX 279 *δαίσατ*, 262 *ταρβήσατ*, XIII 163 *δαίσα δὲ θυμῷ*) человека! Все противоположеніе пріемовъ защиты при микенскомъ вооруженіи и іоническомъ (на стр. 21 слѣд. Studien), кажется намъ, впрочемъ, достигнуто возраженіямъ. Необходимо было изслѣдователю установить точнѣйшимъ образомъ значеніе у Гомера отдѣльныхъ выраженій, путемъ сопоставленія всѣхъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаются. Этому автору не сдѣлать. Потому, можетъ ли онъ доказать, что *ἑάλη* (съежился) XX 278 дѣйствительно такъ существенно различается отъ *πᾶς ἑάλη* XIII 408, какъ онъ хочетъ увѣрить читателя? Здѣсь мы можемъ сослаться на нейтральное мѣсто, XVI 402 *ἐνὶ ῥέτρῳ ἦστο ἀλεύς*, о человѣкѣ, скорчившемся отъ страха. Если за высокимъ башией-нитомъ достаточно было наклонить голову, чтобы избѣжать удара въ нее копья (XVII 527), то къ чему въ другомъ случаѣ оказывается необходимымъ такъ съеживаться подъ шлемъ? Притомъ и *πρόσωπον κατακόπτειν* скорѣе соотвѣтствуетъ нашему „кланяться подъ пулями“ и не указываетъ прямо на какую нибудь защиту передъ головой того лица, въ которое летитъ копье (на XVII 526 сл., на XVI 610 сл.). Въ толкованіи стиховъ XXII 274 сл. Робертъ разошелся съ Peifxelemъ, *Ztschr. f. d. österr. Gymn.* 1895, S. 825, который также не находилъ разницы между *πᾶς ἑάλη* XIII 408 и *ἑάλη* XX 278 (цитъ Эпелъ XX 281 *ἀμφοτέρωτ*, *Über Homer. Waff.* S. 24).

Въ объясненіи эпитетовъ щита Робертъ исправляетъ крайности мнѣнія Рейхеля, который даже εὐκοχλος готовъ былъ приписать къ микенскому щиту, состоящему изъ двухъ неравныхъ оваловъ. Но что касается эпитета πάντος' εἶσι, нельзя не согласиться съ защитою Jüthner'a приложимости его къ микенскому щиту (срв. IV' 48 = XXIV' 69 δαῖς εἶσι, II 765 ἔπει σταφύλῃ ἀπὶ νῶτον εἶσαι, φράνας εἶσαι, и, что касается πάντος, см. XVIII 478 ποῖαι δὲ πρότιστα εἶκος μέγα τε στιβαρόν τε πάντοσε δαιδάλων ¹⁾).

Робертъ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что ремень, τελαμών, не есть отличительный признакъ большаго микенскаго щита (S. 10, II Anm. 2). Такимъ образомъ мы не будемъ его авать „Telamonschild“, какъ называетъ его Фуртвенглеръ (l. cit., col. 452), а скорѣе, вмѣстѣ съ Робертомъ (S. 22), „Thunischild“, щитъ-башия, какъ представляется онъ въ неоднократно повторяющемся въ Илиадѣ стихѣ объ Эантѣ Теламоновомъ: Αἶας δ' ἐγγύθεν ἤλθε φέρων σάκος ἤρτα πρόρον. Въ позднѣйшую микенскую пору этотъ огромный щитъ уступитъ мѣсто овальному, сравнительно небольшому, щиту съ одной ручкой, висящему иногда тоже на ремнѣ (срв. щитъ съ вырѣзомъ внизу у Рейхеля, 1-е изд. fig. 60). Еще Helbig указалъ на весьма раннее употребленіе щита съ ручкой у восточныхъ народовъ.

Если нельзя опредѣленно констатировать у Гомера указаній на щитъ съ одной ручкой и небольшого размѣра (Робертъ усматриваетъ круглый щитъ на ремнѣ въ Илиадѣ X 149) и вообще ручки щита (но не одна, а двѣ) упоминаются прямо только разъ, XIII 407 (гдѣ Робертъ, S. 9, правильно признаетъ ручки круглаго щита, а не распорки микенскаго), то довольно ясно обозначаются въ поэмѣ намекъ на тотъ позднѣе-микенскій кожаный панцирь куртку, изображенія котораго въ древнѣйшей живописи (на вазахъ и камнѣ) относятся къ той порѣ между чисто-микенскими свидѣтельствами и древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными изображеніями металлическаго панциря, *κοῖλα μὲν οὖν οὐκ ἔστιν ἔτι παλαιὰ μιν ἀποδεικνύμενα* (Noack, loc. cit., S. 399). Такой панцирь, по самому своему матеріалу, не облегалъ плотно туловища, но виситъ свободно на тѣлѣ и къ поясу образуетъ наизуку, спускающуюся надъ нимъ.

На подобный панцирь указывалъ, по археологическимъ памятни-

¹⁾ Jüthner, l. cit., S. 301. Но что касается ποῖαι φάων καὶ ποῖαι χυλῶν δεκωτή (XIII 407), то переносное употребленіе эпитета Odyss. XIX 56 (о краскѣ точными пожатиями) едва-ли оправдываетъ подобную защиту.

гамъ, еще Майеръ въ рецензіи на книгу Рейхеля, и во второмъ изданіи своей книги Рейхель въ толкованіи эпитетовъ *χαλκοθήρηξ* и *χαλκογίτων* признаетъ у Гомера такой панцирь. Однако и здѣсь онъ не отказался отъ своего утвержденія, что вообще *θήρηξ* у Гомера первоначально синонимъ съ *τέυχεα*. *ἔντεα*. Робертъ отвергаетъ это мнѣніе. Особенно доказательными для наличности кожаного или шерстяного панциря у Гомера признаетъ онъ тѣ мѣста, гдѣ упоминается складка или пазуха панциря: *θη...διπλός, ἔντεο θήρηξ*. Было бы нецѣлесообразнымъ устранять металлическій панцирь такъ, чтобы края двухъ его выпуклостей (*γόαλα*) заходили одинъ на другой. Дѣло идетъ въ обоихъ случаяхъ (IV 132 сл. и XX 413 сл.) о панцирѣ изъ кожи или ткани (S. 37 fgg.). Волочный панцирь, какой носили лакедемоняне еще въ пору Архидамовой войны (Thucyd. IV 34) является прямымъ потомкомъ поздне-микенскаго панциря (S. 40). Не металлическій панцирь предполагаетъ Робертъ у Агамемнона (здѣсь, конечно, надо имѣть въ виду, что описаніе панциря съ его фантастическими орнаментами въ началѣ XI-й и. — позднѣйшее распространеніе) въ XI-й и. 234 сл. и его объясненіе стиховъ (S. 43) представляется намъ неопровержимымъ. Складка или вѣрнѣе пазуха кожаного панциря, свѣшивающаяся надъ поясомъ, объясняетъ также, какимъ образомъ (IV 151) раненый сквозь панцирь Менелай можетъ видѣть торчащее изъ раны основаніе острия стрѣлы. Затрудненіе, которое отмѣчаетъ въ толкованіи Роберта стиховъ IV 132 сл. Нольк¹⁾, основано главнымъ образомъ на томъ, что послѣдній забываетъ цѣль направленія Лонною стрѣлы Пандара въ указанный пунктъ панциря — куртки: поэтъ вовсе не говоритъ о пряжкахъ пояса, какъ мишени стрѣлка. Напротивъ, богиня могла дать стрѣлѣ направленіе въ пунктъ, скрытый отъ глазъ Пандара, и тотъ, гдѣ его выстрѣлъ могъ оказать наименѣе вреда Менелая. Богиня заботится о такомъ же промахѣ Пандара, какой допускаетъ Пфидамантъ. Только въ первомъ случаѣ ударъ стрѣлы оказывается все же дѣйствительнѣе: онъ пробиваетъ поясъ и встрѣчаетъ препятствіе только въ митрѣ, прикрываемой кожанымъ панциремъ. Переднюю складку у панциря—куртки поэтъ не упоминаетъ въ описаніи дѣйствія стрѣлы со ст. 134-го точно такъ же, какъ и въ XI-й и. въ описаніи дѣйствія удара коня, именно по-

¹⁾ Ноакъ, loc. cit., S. 308. Ноакъ, слѣдуя принципу Роберта, предполагаетъ въ ст. 136-мъ прибавку позднѣйшей редакціи поэмы, S. 400. Срв. также о „стереотипномъ стихѣ“ IV 136 (=II 358=VI 252=XI 436) Майеръ, loc. cit., col. 484.

тому, что матерія такого панциря не представляла серьезной преграды оружію.

Къ стиху IV 136 Робертъ возвращается еще разъ ниже и, сопоставляя его употребленіе въ описаніяхъ результатовъ удара копья въ III (ст. 358) и VII п. (ст. 252) рядомъ со стихомъ, гдѣ упоминается хитонъ, а также XI 436, во всѣхъ трехъ мѣстахъ съ предшествующимъ пробиваніемъ копьемъ щита, признаетъ стихъ подлиннымъ только въ IV п., во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ, вслѣдъ за Рейхелемъ, подвергаетъ его аэтезѣ (S 58 fig.). Однако какихъ-нибудь къ ней основаній, кромѣ предвзятой увѣренности, что въ стт. 356 III пѣсни и 250 VII должно разумѣть микенскій щитъ-башню, мы здѣсь не находимъ и ссылки для аэтезы XI 436 на ст. 457 нимало не убѣдительна.

Мы указывали въ своей рецензій на книгу Рейхеля, что поэтъ вообще весьма мало преслѣдуетъ точность и согласіе своего изложенія въ тѣхъ вышнихъ подробностяхъ, на которыя направлено все вниманіе археологовъ, ищущихъ у него матеріала для сближеній съ данными антикварнаго изслѣдованія (стр. 183 слѣд.). Отмѣченная нами вариация:

IV 480 πρῶτον γάρ μιν ἴοντα βέλα στῆθος παρὰ μαζόν
θεξίον, ἀντικρὺς δὲ δι' ὤμου γάλακτον ἔγχευε ἤλαθεν *)

и XVII 606 Βεβλήκει θώρηκα κατὰ στῆθος παρὰ μαζόν.
ἐν καυλῷ δ' ἐάτη δολιχόν δόρυ,

по нашему убѣжденію, ничего болѣе не означаетъ, какъ только то, что въ первомъ случаѣ поэту надо было описать рану, а во второмъ безвредный ударъ копья. Подобнымъ образомъ о пораненіи Аяинюю Ареса V 856

ἐπέρισσε δὲ Παλλὰς Ἀθήνην
ναίετον ἐς κανθῶνα, ὅθι ζωννόσκετο μίτρην.
τῆ βὰ μιν οὔτα πυλῶν (Диомедъ), διὰ δὲ γόρυα κελόν ἐδάψεν

упоминаніе митры вызвано желаніемъ поэта представить силу натиска богини. Напротивъ въ XVI п., гдѣ поэтъ мелькомъ упоминаетъ убіеніе слуги Сарпедона Патрокломъ, ст. 465 τὸν βέλε ναίετραν κατὰ γαστέρα, λόζα δὲ γοῖα отсутствіе указанія на митру или на поясъ (срв. V 539 ναίαιρα δ' ἐν γαστρὶ διὰ ζωστήρου; ἔλασσεν) ничего не доказываетъ.

*) У Роберта, S. 61, во главѣ безнадежно неопредѣленныхъ мѣстъ.

Робертъ же видитъ въ ст. XVI 465 доказательство того, что Орасимель одѣтъ въ панцирь, который низа живота не покрывалъ (какъ это слѣдуетъ изъ стт. XIII 371 сл. XVII 313 сл., Studien S. 63, мы положительно недоумѣваемъ); если бы онъ былъ въ микенскихъ доспѣхахъ, митра бы де защитила у него низъ живота. Поэту просто нужно было кратко упомянуть смерть Орасимела и онъ избираетъ рану въ мѣсто, ἐνθα μέλειτα γίγνεται "Αρχῆς ἀλεγεινῶς ὀξυροῖα βροτοῖσιν (срв. о формулѣ ἐνα τε φογγῆς ὀκιστος ὀλεθροςъ XXII 325, Robert S. 67). Въ особенности неструю смѣсь микенскаго съ юническихъ представляеть, по Роберту (S. 57 fg.), вооруженіе Діомеда въ V п. Въ позднѣйшей интерполяціи стт. 99—100 Робертъ вполне увѣренъ (S. 36), хотя, по нашему мнѣнію, ἀντιόντις ст. 113 „кровь хлынула ключемъ“ совершенно естественно послѣ того, какъ острие стрѣлы извлечено изъ раны, и нисколько не противорѣчитъ тому, что панцирь оросился кровью въ моментъ пораненія. Но эта востеза для установленія однообразія типа вооруженія Діомеда оказывается недостаточной. Правда, на мѣдній панцирь указываетъ прямо только θώρακος γυάλων въ предполагаемой интерполяціи. Но намъ вполнѣ понятно, почему Робертъ и въ ст. 282 не хочетъ оставить слова θώραξ въ смыслѣ тканевый панцирь, срв. στρατός χιτών ст. 113: конь Пандара пронзаеть щитъ и оставляетъ неповрежденнымъ панцирь; значитъ, оно встрѣтило препятствіе. Съ обычнымъ произволомъ Робертъ ставитъ въ ст. 282 ζωστήρι вместо θώραξι (срв. объ ударѣ коня Ифидаманта XI 236 слѣд. οὐδ' ἔτορα ζωστήρα παναίολον, ἀλλὰ πολὺ πρὶν ἀργυροφ' ἀπομένῃ, μόλις ὤς, ἐτραπέτ' αἰγμύ). Особенно ясно, повидимому, говорятъ объ отсутствіи у Діомеда мѣднаго панциря стт. 796 сл., гдѣ кетати и ἀπίς ἀμφιβρότη указываютъ на микенскій щитъ-башню, дѣляющій неужнымъ другую защиту. Подъ широкимъ ремнемъ щита тѣло Діомеда покрилось испариной и воть, приподнявъ его, онъ отираетъ съ раны потемнѣвшую кровь. Но посмотримъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступаютъ герои четвертой Илиады Роберта, авторъ которой, конечно, не могъ представить себѣ ихъ на полѣ битвы безъ мѣдныхъ панцирей. Махаонъ и Несторъ пріѣзжаютъ съ поля битвы домой, они сходятъ съ колесницы на землю, слуга отпрягаетъ ихъ коней,

τοὶ δ' ὄρω ἀπεβόροντο χιτώνων,
στάιντα ποτὶ πνοίην παρὰ θιν' ἄλός· αὐτὰρ ἔπειτα
ἐς κλισίην ἐλθόντες ἐπὶ κλισμοῖσι καθίζον (XI 621 слл.).

И Тидида въ V п. Аониа застааетъ на отдыхъ, въ сторонѣ отъ битвы, около колесницъ, ἔλχος ἀναφύροντα. Очевидно, слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ заключеніяхъ изъ умолчанія поэта о тѣхъ или другихъ вышнихъ подробностяхъ, не играющихъ роли въ его описаніяхъ. Потому мы не согласимся съ Робертомъ ни въ его сужденіи о стг. XI 99 слѣд. (сопоставить ст. 110, S. 36), гдѣ поэтъ вноситъ разнообразіе въ свое описаніе картинъ боевого поля (*ποικιλία* древнихъ толкователей), ни XX 471. Въ подобныхъ мѣстахъ поэтъ могъ игнорировать вооруженіе бойцовъ даже съ цѣлью, и впасть въ разсужденія о томъ, представлялъ ли онъ себѣ раненаго въ одномъ хитонѣ или въ обычныхъ доспѣхахъ тамъ, гдѣ самъ поэтъ не думалъ объ этихъ вещахъ, совершенно бесполезно.

Еще послѣднее принципиальное замѣчаніе хотѣли бы мы сдѣлать по поводу этой первой главы книги Роберта. Онъ самъ допускаетъ, что древнее микенское слово, вродѣ *ἄμφωβότης*, могло, какъ застывшая формула, прилагаться впоследствии къ круглому щиту іоническаго типа (S. 9), и напоминаетъ, что при обсужденіи боевыхъ описаній надо принимать во вниманіе приверженность эпическаго языка къ формуламъ и возможность того, что іоническій поэтъ пользовался и подражалъ болѣе древнимъ образцамъ, возникшимъ въ періодъ микенскаго вооруженія (S. 67). Это онитъ оговорка нѣсколько поздняя, какъ и замѣтка о суммарности эпическихъ описаній на стр. 62-ой. Если бы авторъ разобрался въ этихъ общихъ вопросахъ раньше, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдельныхъ мѣстъ гомеровской поэмы, относящихся къ вооруженію, онъ, можетъ быть, взялъ бы назадъ или измѣнилъ здѣсь многое.

2. Свой анализъ Илиады Робертъ начинаетъ съ Патрокліа. Путь къ приложенію гоплистическаго критерія въ значительной степени былъ здѣсь подготовленъ предшествующею критикою. Разоруженіе Патрокла Аполлономъ въ концѣ XVI вѣсни, роль Евфорба рядомъ съ Гекторомъ въ сятіи съ Патрокла доспѣховъ (при чемъ, конечно, разумѣется прежде всего дорогой металлическій панцирь) въ концѣ XVI и въ первой части XVII вѣсни, далѣе, въ XVIII вѣсни, приготовленіе Ахиллу Гефестомъ новыхъ доспѣховъ, предполагающее уже снятіе съ трупа Патрокла врагами надѣтыхъ имъ доспѣховъ Ахилла, всѣ эти пункты содержанія поэмы вызывали предположенія переработки и распространенія первоначальнаго разсказа. Намъ нѣтъ возможности вдаваться здѣсь въ подробности распредѣленія Робертомъ отдельныхъ боевыхъ сценъ XVI и XVII вѣсни между пра-Илиадой и позднѣйшей обработкой

ея, вводящейъ ионическое вооруженіе героевъ. Мы остановимся только на микенскомъ характерѣ вооруженія въ пра-Иліадѣ Роберта главныхъ героевъ этой части поэмы, Ахилла и Патрокла, откуда истекають наиболѣе оригинальныя черты построенія и толкованія ея.

Въ описаніи выступленія на поле битвы Патрокла Робертъ признаетъ за интерполяцію тѣ стихи, которые относятся къ ионическому вооруженію, и въ составѣ группы 71—79 стт. указаніе на блескъ щита Ахилла (ст. 71 ἐγγύθι λαμπρομένης), заставляющій видѣть въ немъ металлическій щитъ, а не кожаный микенскій щитъ. Исполнѣ понятно также, почему Робертъ такъ настаиваетъ на томъ, что стихи о троянцахъ

XVI 281. ἐλπίομενοι παρὰ νηῦρι ποδώκεα Πηλεΐωνα
μητιμήδον μὲν ἀπορρίψαι, φιλόττητα δ' ἐλέσθαι

не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто бы троянцы приняли Патрокла за Ахилла, и признаетъ стт. 40—42, гдѣ ясно такое пониманіе ст. 281 слѣд., за позднѣйшую вставку (въ пра-Иліадѣ Роберта Ахиллъ самъ, первый, предлагаетъ Патроклу свои доспѣхи ст. 64, S. 94). Огромный микенскій щитъ-башня, закрывавшій чуть не всего человека, не допускаетъ такого обмана. Зато его первымъ дѣломъ упоминаетъ Ахиллъ, когда ему надо выступить на помощь защитникамъ труппа Патрокла:

ἄλλον δ' οὐ θεῖν οἶδα τέο κλυτὰ τεύχεα δῶκε ἴ)
μη Λιαντός γε σάκος Τελαμωνιάδου

это щитъ-башня Эанта. Съ этимъ щитомъ Эанта Ахиллъ выступаетъ на помощь товарищамъ въ пра-Иліадѣ Роберта.

Въ этой первичной поэмѣ, воссоздаваемой впрочемъ Робертомъ только съ большими проблемами, къ Ахиллу являлся съ вѣстью о смерти Патрокла Автомедонтъ, а не Антилохъ. Эпизодъ Автомедонта въ XVII п. обнаруживаетъ признаки микенскаго вооруженія (S. 83 fg.), а весь конецъ XVII пѣсни, гдѣ переработана первичная версія отступленія передъ Гекторомъ ахейскихъ героевъ съ трупомъ Патрокла (въ первоначальной Иліадѣ былъ только одинъ Эантъ, такъ какъ бифуркація этой микенской личности произошла позднѣе, срв. S. 406 fgg.),

¹⁾ Такъ читаетъ Робертъ и Бехтель въ текстѣ Ur-Ilias, помѣщаемомъ на стр. 272—349. ради наблѣжанія ионизма въ лучшихъ рукописей въ дальнѣйшемъ текстѣ стиха. Но чтеніе οὐ τέο AC и др. необходимо. П Наука, исправляя текстъ: ἄλλον δ' οὐ τίνα οἶδα κτλ., оставляла это мѣстоименіе.

на мотивахъ, частью предупреждающихъ позднѣйшія главы Studien (S. 86: явленію боговъ подъ видомъ людей XVII 555, 583, срв. о со-отвѣтствіи его позднѣйшимъ представленіямъ о богахъ S. 353; введеніе новыхъ героевъ), признается позднѣйшимъ. Что касается такого мотива исключенія изъ пра-Иліады послышки Антилоха, какъ тотъ (S. 87), что „поэтъ проявляетъ себя здѣсь (не пользуясь для той же цѣли Автомедонтомъ на колесницѣ) замѣчательно не экономнымъ“, онъ напоминаетъ ζῆτιονъ къ этому древнихъ и въ ученомъ трудѣ XX вѣка кажется порядочно устарѣлымъ. Автомедонту, являющемуся къ Ахиллу въ началѣ XVIII пѣсни, приписываются въ пра-Иліадѣ нѣкоторые изъ стиховъ рѣчи Приды, роль коей здѣсь устраняется.

Если новый послѣдователь Иліады не прочь позаимствоваться аргументами въ литературѣ александрійскихъ ζῆτιζωνъ, то онъ иногда и очень суровъ въ своихъ приговорахъ объ александрійскихъ ученыхъ. Въ послѣднее время Зенодотъ входитъ въ моду и ему принято отдавать предпочтеніе передъ Аристархомъ (см. напримѣръ, Wilamowitz-Möllendorff, Hermes 35 Bd., S. 564) и, конечно, если мотивы такого предпочтенія достаточно убѣдительны, мы должны только радоваться побѣдѣ истины надъ подавляющимъ авторитетомъ Аристарха. Но все же надо относиться съ большою бережностью къ мотивамъ оцѣнки Аристарха гомеровскихъ текстовъ. Робертъ напрасно забываетъ сужденіе Аристарха о вариантѣ Зенодота, принимая его въ пра-Иліаду:

μή σ' ἀπογομφθέντα λάβῃ κορυθαίολος; "Εκτωρ,

вмѣсто ст. 93—96 XVI пѣсни (S. 95):

ἔστι δα' ἀταλῆς καὶ τῆ συνθέσει καὶ τῆ διανοίᾳ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ значить въ связи данного текста это λάβῃ и ἀπογομφθέντα (ζομφθετός) и какой смыслъ стиха такого содержанія въ рѣчи Ахилла Патроклу (διάνοια)? И вотъ такой-то стихъ удостоенъ Робертомъ и Бехтелемъ принятія въ текстъ Ur-Ilias, ст. 1621 ¹⁾.

Еще смѣлѣе построеніе Роберта предшествующаго содержанія пра-Иліады, съ распредѣленіемъ матеріала, заимствуемаго изъ пѣсенъ XI, XII—XV между двумя первыми днями сраженій первичной поэмы. Исходнымъ пунктомъ здѣсь служитъ мысль о первоначальномъ назначеніи совѣщанія вождей въ началѣ XIV пѣсни.

Уже давно критика отмѣчала тройное новатореніе въ нашей Иліадѣ мотива предложенія Агамемнона войску или вождямъ ѣбжать на ро-

¹⁾ Зенодотъ вообще въ большой чести у Роберта. см. S. 213, 215, 530, 51.

дину, оставивъ осаду Трои (начала II, IX и XIV пѣсней, срв. еще Bernhardt, Grundriss d. griech. Litter.² II Theil, I Abth., S. 158). Повтореніе это вызывало предположеніе о вариации здѣсь замысла первоначальнаго поета. Эргардтъ указывалъ въ IX и XIX пѣсни отзвуки мотива *επίπρωτος*; ахейцевъ противъ Агамемнона (IX 63 сл., XIX 78 сл., Erhardt, Die Entstehung d. Homerisch. Gedichte. Lpz. 1894, S. 135, 381¹⁾), являющагося „человѣческимъ мотивомъ“ связи первой со второю пѣснью, гдѣ бѣгство совѣтуется Агамемнономъ народу серьезно (S. 21), въ XIV же пѣсни признавать несвоевременное повтореніе того же мотива, вызванное распространеніемъ Пѣады пѣснями XII—XIII и имѣющее въ виду напомнить о раненыхъ герояхъ (S. 247). Подобное толкованіе вступительнаго эпизода XIV пѣсни принималось и многими другими критиками и онъ вообще признавался всегда за очень позднюю вставку. Главнымъ основаніемъ къ такому сужденію служила крайняя нецѣлесообразность предложенія Агамемнона бѣжать на корабляхъ въ обстоятельствахъ XIV пѣсни нашей Пѣады, нецѣлесообразность, критиковаемая самимъ авторомъ эпизода устами Одиссея XIV 96 сл. Еще древніе толкователи принуждены были прибѣгать здѣсь къ очень некупецкому оправданію стратегической мудрости Агамемнона. Но Робертъ помѣщаетъ въ своей пра-Пѣадѣ совѣщаніе раненыхъ вождей въ ночь, какъ *βραδύ* въ началѣ IX пѣсни, именно въ ночь, слѣдующую за днемъ пораженія ахейцевъ и удаленія съ поля битвы этихъ самыхъ вождей (XI пѣсня — первая половина), параллельно съ описаніемъ бивуака троянцевъ, заимствуемымъ для этой же ночи изъ VIII пѣсни (XI 574. VIII 485, 486. IX 80, 81, 83. VIII 489—554. XIV 9 слѣд., *Ur-Ilias* v. v. 1087 sqq.). Впрочемъ эпизодъ XIV пѣсни входитъ въ пра-Пѣаду въ значительно сокращенномъ и передѣланномъ видѣ, при чемъ нѣкоторые его стихи замѣняются стихами изъ сходной сцены начала IX пѣсни, такъ какъ они связаны съ настоящимъ мѣстомъ эпизода въ поэмѣ. Рѣчь Діомеда совсѣмъ устранена (S. 129). Къ этой же ночи относитъ Робертъ отрывокъ XIII пѣсни, гдѣ троянцы приближаются *ἔβροντο, εἰσέταρον*, ст. 41, въ надеждѣ захватить ахейцевъ врасплохъ (XIII 39—44, S. 122). Въ пользу первоначальной принадлежности совѣщанія раненыхъ вождей XIV пѣсни Робертъ ссылается и на свой голицистическій критерій. Дѣло въ томъ, что тѣ же вожди являются въ сценѣ обѣда

¹⁾ Срв. нашу рецензію на эту книгу въ Филологич. Обзор., Т. VIII. кн. 1, отд. 2, стр. 15 слѣд.

ахейцевъ дослѣхами по совѣту Посидона, XIV 363 сл., мотивъ, тоже вызывавшій критику древнихъ и новыхъ толкователей. Робертъ находитъ, что при микенскомъ большомъ щитѣ, составлявшемъ почти все или главное прикрытие воина, такой мотивъ гораздо болѣе понятенъ (S. 120). Онъ является также и въ началѣ эпизода XIV пѣсни, ст. 9 сл. (Песторъ и сынъ его мѣняются цитами). Этотъ обмѣнъ при томъ въ той связи разсказа, которую принимаетъ въ своей пра-Иліадѣ Робертъ, происходитъ не на полѣ битвы, а передъ выступленіемъ въ бой.

Открытие этой похи пра-Иліады, слѣдовавшей въ разсказѣ древняго поэта вслѣдъ за поражениемъ ахейцевъ XI-й пѣсни, ведетъ Роберта къ дальнѣйшимъ предположеніямъ. Почъ эта уже устраиваетъ несоразмѣрность массы описываемыхъ событій съ хронологическими данными XI 84, см. XVI 777 сл. (не говоря уже о XVII 384, гдѣ борьба у трупы Патрокла идетъ цѣлый день). Но Робертъ идетъ далѣе и, хотя не вводитъ въ текстъ пра-Иліады (Ur-Ilias v. 84), но допускаетъ (S. 161), что стихъ *ἄρρα μὲν ἦω; ἦν καὶ ἀέθετο ἱερὸν ἦμαρ* представляетъ поправку редактора, вмѣсто прежняго *ἄρρα μὲν ἦέλιος μέσση ὄρανον ἀμειβεθήσει* = XVI 777, т. е., послѣ распространения поэмы новыми сценами этотъ позднѣйшій редакторъ думалъ такъ отвести время для нихъ (XI 86 *ὄρατος*; и въ нашемъ текстѣ скорѣе вечерній пріемъ ишии). Тогда въ особенности является вопросъ о томъ, чѣмъ же были заняты въ пра-Иліадѣ этотъ первый день сраженія, такъ какъ въ самой XI пѣсни, до обозначенія поэтось упомянутой даты, не произошло еще почти ничего. Здѣсь надо обратиться къ послѣдней сценѣ XI пѣсни, еще принадлежащей пра-Иліадѣ: Эантъ медленно отстываетъ передъ троянцами, какъ левъ, котораго пастухи прогоняютъ отъ загона, видя приближеніе Гектора, онъ боится за корабли и прежде всего думаетъ о ихъ защитѣ. Самъ Зевесъ внушилъ ему страхъ передъ Гекторомъ (XI 540 сл.). Робертъ полагаетъ, что во встрѣчахъ между Эантомъ и Гекторомъ въ поэмѣ замѣчается пѣ-который параллелизмъ и намѣренная градация. Какъ во второй день сраженія пра-Иліады (въ относимыхъ къ ней Робертомъ, на основаніи гопплитическаго критерія, сценахъ поединка съ Эантомъ XIV пѣсни, затѣмъ борьбы изъ-за корабля XV 416 сл. XVI 102 сл., наконецъ у тѣла Патрокла XVII 132 сл. 262 сл.), такъ и въ первой Эантъ имѣлъ встрѣчу съ Гекторомъ. Такого рода эстетическое соображеніе (S. 173) приводитъ Робертъ въ пользу своего отнесенія къ пра-Иліадѣ поединка Эанта съ Гекторомъ VII пѣсни. Однако только

зерно его, свободное отъ іоническихъ распространеній, можетъ быть относимо къ древнѣйшей поэмѣ. Также посвященіе Гекторомъ Париды въ Троѣ VI пѣсни Робертъ относитъ къ пра-Иліадѣ; но въ виду того, что въ поединкѣ VII пѣсни щитъ Эанта описывается такъ, какъ будто бы герой выступалъ на сцену въ первый разъ, онъ относитъ его къ началу боевого дня, тотчасъ послѣ открытія сраженія отнесенными къ пра-Иліадѣ стычками IV 456 — 469, такъ что эпизодъ посвященія Гекторомъ Париды въ Троѣ, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему начальными стихами VII пѣсни, получаетъ въ пра-Иліадѣ мѣсто постѣ поединка и тѣхъ отдѣльныхъ боевыхъ сценокъ, которыя на основаніи гоплистическаго критерія сохранены для пра-Иліады изъ IV и V пѣсенъ и начала VI.

Завязку пра-Иліады Роберта представляетъ I пѣсня, которая однако подвергается многимъ аметезамъ. Отметимъ въ особенности, что вся превосходная олимпійская сцена въ концѣ пѣсни исключается, конечно не изъ-за прочныхъ іонизмовъ, но изъ-за взглядовъ Роберта на характеръ отношеній Зевса къ Герѣ въ первичной поэмѣ. Впрочемъ здѣсь еще вліяетъ указаніе на *Σχίσις Ἰνδρός*; на островъ Лемносъ I 594, въ версіи мѣта о Гестѣ, уклоняющейся отъ версіи XVIII пѣсни и признаваемой потому Робертомъ даже болѣе поздней, чѣмъ первая обработка Иліады (S. 439). Колебаніе Зевса въ своемъ согласіи на просьбу Остиды въ пра-Иліадѣ обуславливалось не страхомъ передъ Герою, а соображеніями, связанными съ судьбой Ахилла, которая, по гипотезѣ Роберта, рѣшалась въ пра-Иліадѣ, и притомъ въ одинъ день съ судьбою и Патрокла, и Гектора (см. S. 253 fgg., на основаніи намековъ Иліады VIII 473 сл. и XVIII 95 сл.).

„Двѣ мѣры долженъ теперь принять Зевсъ, чтобы выполнить данное Остидѣ обѣщаніе: онъ долженъ побудить ахейцевъ дать сраженіе и тѣмъ доставить троянцамъ случай побить ихъ и долженъ сдѣлать невозможнымъ вмѣшательство въ ходъ событій другого бога“ (S. 217). Первой пѣли служитъ *ὄλοξ ὄμειρος*, который, какъ вообще боги въ пра-Иліадѣ Роберта, являлся къ Агамемнону въ своемъ собственномъ видѣ и совѣтъ котораго тотчасъ и точно исполнялся Агамемнономъ, такъ что и *βουλὴ γερώντων* и весь ходъ народнаго собранія второй пѣсни нашей Иліады представляетъ позднѣйшую и частью очень позднюю переработку (эпизодъ Оверста—въ числѣ самыхъ позднихъ распространеній — „die lustige Parodie der Streitscene der A“, „eine Genrescene“ S. 559); второй—запрещеніе Зевса богамъ вмѣшиваться въ битву смертныхъ. Хотя въ текстѣ Ur-Ilias Бехтеля началь-

ной олимпийской сцены VIII пѣсни и не находимъ, но Робертъ предполагаетъ подобную сцену въ своей пра-Иліадѣ (S. 221), и здѣсь приходится упомянуть еще рѣзкій примѣръ произвола его построеніи первичной поэмы, перенесеніе на этотъ ея первый день сраженія эпизода Аскалафа XIII, XV пѣсней Иліады, гдѣ есть особенно опредѣленная ссылка на запрещеніе Зевса богамъ, XIII 524 слѣд. Этотъ эпизодъ помѣщенъ въ Ur-Ilias Роберта между начальными стихами VII пѣсни (связанными съ эпизодомъ посѣщенія Гекторомъ Париды въ Троѣ) и XI 84 слѣд. Голлистическій критерій заставляетъ Роберта относить эпизодъ къ пра-Иліадѣ. Въ нашей Иліадѣ онъ насильственно разорванъ на двѣ части (S. 137) и отрывки искусственно размѣщены въ арістип Идоменея и Διὸς ἀπάτη (S. 114, S. 137). По его дѣйствительное мѣсто тамъ, гдѣ, послѣ возвращенія Гектора въ сопровожденіи доблестнаго Париды (древняго эпизода VI пѣсни, не Париды III пѣсни), успѣхъ дня отъ ахейцевъ начинать переходить къ троянцамъ (S. 203 fg.).

Мы упоминали уже въ критикѣ толкованія Робертомъ мѣсть Гомера, касающихся приемовъ борьбы, произволъ исключенія имъ ст. 162^b — 164^a XIII пѣсни, какъ ионическаго распространенія описанія микенскаго боевого приема. Какъ разъ этой сценкой пользуется Робертъ въ другомъ очень произвольномъ предположеніи относительно хода событій въ пра-Иліадѣ. Онъ помѣщаетъ ее среди боевыхъ сценъ XV пѣсни на мѣсто ст. XV 568 — 591, связанныхъ, можетъ быть, съ позднѣйшею ролью Агялоха, какъ гонца къ Ахиллу, и предполагаетъ, что, вмѣсто Еврипила, въ пра-Иліадѣ Патроклъ встрѣчался съ Меріономъ, отирающимся за конемъ послѣ потери его въ стычкѣ съ Денфобомъ XIII 156—168. Встрѣча съ Меріономъ побуждаетъ Патрокла послѣдовать къ Ахиллу въ пра-Иліадѣ и къ Меріону обращается онъ здѣсь со словами, съ какими въ нашей Иліадѣ онъ обращается къ Еврипилу XV 402—404 (S. 148). Еще и въ позднѣйшихъ переработкахъ Иліады у Роберта Патрокла побуждаетъ къ участию въ ахейцахъ встрѣча съ Еврипилломъ, смѣшаннымъ въ 3-й Иліадѣ (= второй обработкѣ пра-Иліады) Меріона, послышка же Патрокла къ Нестору Ахилломъ относится къ самымъ позднимъ распространеніямъ Иліады (S. 554—четвертая Иліада, того же автора сцена съ Оерситомъ II пѣсни).

Изъ состава XIV — XV пѣсни ни Διὸς ἀπάτη, ни возстановленіе Гектора изъ обморока Аполлономъ и чудодѣйственное водительство бога, разрушающаго ахейское укрѣпленіе и сравнивающаго роль съ

землю, не принадлежать пра-Иліадѣ Роберта (версія удаленія Гектора съ битвы пра-Иліады въ XIV пѣсни содержитсяъ въ стихѣ 440-мъ). Зевсъ здѣсь не былъ обманываемъ, но Поездонъ прямо пользовался моментомъ его невнимательности. Какъ только Зевсъ замѣчалъ свою оmlошность, онъ посылалъ къ нему Приду, какъ въ нашей Иліадѣ, и тѣмъ возстановлялъ перевѣсъ троянцевъ безъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ ихъ пользу (S. 137 fg.). Но теперь мы видимъ, что эпизодъ Аскалафа, гдѣ такъ опредѣленно упомянуто запрещеніе Зевса богамъ, не могъ имѣть мѣста въ этой связи.

Въ пра-Иліадѣ Роберта бесѣда Ахилла съ Фетидою XVIII пѣсни имѣетъ особо трагическій смыслъ, такъ какъ слова матери ст. 95 сл. и самого Ахилла ст. 98 (*ἀντίχα τελευτήν*) обиваются въ теченіе немногихъ часовъ. Вся вышняя пространная версія мести Ахилла троянцамъ и гибели Гектора принадлежитъ по существу, по Роберту, особой пѣсни, "Гекторъ *ἀναίρεται*", гдѣ подобный же трагическій смыслъ имѣетъ бесѣда Гектора съ Полидамантомъ, о которой Гекторъ вспоминаетъ въ своемъ монолoгѣ передъ стѣнами Трои. Развязка пра-Иліады, поскольку она сохранилась въ нашей Иліадѣ (по Роберту, въ первичной поэмѣ самъ Ахиллъ встрѣчалъ смерть въ одинъ день съ Гекторомъ и Патрокломъ), очерчивается Робертомъ изъ эпизода встрѣчи Ахилла съ Гекторомъ XX пѣсни и изъ XXII принимаются въ пра-Иліаду лишь стихи о взвѣшиваньи Зевсомъ жребіевъ героевъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе пра-Иліады Роберта. Мы видимъ, что въ ея постройкѣ данъ широкій просторъ предположеніямъ весьма гадательнаго свойства, и цѣлность книги Роберта заключается, конечно, не въ подобной постройкѣ воображаемой поэмы. Также его голистическій критерій и въ первой главѣ, и въ анализѣ вызываетъ мало довѣрія и открыть цѣлому ряду возраженій. Но чѣмъ дальше въ своей исторіи постепеннаго развитія Иліады приближается онъ къ поэмѣ въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, чѣмъ шире становится кругъ его наблюденій, по мѣрѣ перехода отъ скудныхъ и довольно безсвязныхъ отрывковъ „первичной“ Иліады, текстъ коей напоминаетъ намъ жалкое состояніе вещественныхъ остатковъ отдаленной старины, къ нашей Иліадѣ, тѣмъ возрастаетъ интересъ и почетельность его труда. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается опредѣленіемъ осложненій и распространеній фабулы, но даетъ характеристику каждаго изъ слоевъ эпоса или переработокъ первичной Иліады (онъ намѣчаетъ всего четыре Иліады, т. е. U-Ilias и три ея постепенныя переработки) со стороны возрѣвнн на боговъ, крутозора

народныхъ преданій, намековъ на факты культурной исторіи, и т. д. При этомъ мало-по-малу передъ нами вырастаетъ очень опредѣленная картина измѣненій въ развитіи вѣрованій, саги и т. д., и разрозненные факты этого рода объединяются въ стройное цѣлое.

При микенскомъ оборонительномъ вооруженіи, главною и почти единственною частью коего является огромный, тяжеловѣсный щитъ, кожаный, каменный и племъ и попожи (*πίτρα* единственная всегда металлическая часть этого вооруженія; *αἰσλοπίτρα*; V 707, Robert, S. 179; *ἀμτροχίτων*—ясное указаніе на отступленіе отъ микенскаго обычая, XVI 419, Robert, S. 41), снятіе доспѣховъ съ убитаго не только не представляло большихъ выгодъ, но, что касается щита убитаго, являлось бы обременительнымъ, такъ что мы не знаемъ, какъ представляетъ себя Робертъ снятіе Антилохомъ „съ плечъ“ (значить о щитѣ) противника доспѣховъ въ пра-Иліадѣ (S. 114, срв. въ текстѣ поэмы Bechtel'я S. 293, 202). Доспѣхи Патрокла въ пра-Иліадѣ Роберта Гекторомъ оставляются безъ вниманія (S. 77). Снятіе доспѣховъ съ Патрокла обусловлено было введеніемъ юнпческаго панциря, которымъ вооружилъ Патрокла только уже первый распространитель пра-Иліады (авторъ „второй“ Иліады). Напротивъ, еще позднѣйшій авторъ *Ἑκτορος ἀντίρροπος*, какъ видно изъ многихъ мѣстъ XVII, XIX, особенно XXII пѣсни (срв. въ нашей книгѣ объ Иліадѣ, стр. 378 слѣд.), представляетъ Гектора и постъ смерти Патрокла одѣтымъ въ его собственные доспѣхи (Robert, S. 250 fg. срв. S. 391), и только позднѣйшій редакторъ, связавшій *Ἑκτορος ἀντίρροπον* съ распространеною пра-Иліадою, ввелъ въ нее намеки на снятіе Гекторомъ доспѣховъ Патрокла.

Кромѣ этихъ соображеній, связанныхъ съ голистическимъ критеріемъ, большую роль въ исторіи развитія поэмы у Роберта играетъ Тейхомахія въ ея отношеніи къ другимъ пѣснямъ. Первоначально это отдѣльная пѣснь, но возникшая уже на фонѣ Иліады и притомъ уже не пра-Иліады, но ея распространенія первою обработкою. Это выясняетъ роль героевъ (особ. Паноондовъ и Антиноридовъ) „второй“ Иліады, впервые вводимыхъ въ поэму: Полидамантъ въ XII пѣсни вводится въ дѣйствіе, какъ лицо уже извѣстное (S. 389). Очень искусенъ приемъ Роберта пользоваться Тейхомахіей, какъ свидѣтельствомъ того состоянія Иліады, въ какомъ застаетъ послѣднюю авторъ первой. Извѣстно, что группа XII—XV пѣсни Иліады связана участіемъ цѣлаго ряда героевъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются въ этихъ только пѣсняхъ (см. въ нашей книгѣ объ Иліадѣ, стр. 293 слѣд.).

Робертъ констатируетъ, что авторъ „Штурма“ собираетъ для этого подвига героевъ, получившихъ доступъ въ Илиаду раньше его (если Асій такъ нецѣлесообразно направляется на приступъ укрѣпленія на колесницахъ, это потому, что авторъ Тейхомахіи имѣлъ въ виду его выступленіе въ XIII пѣснѣ). Ихъ кругъ впервые значительно расширенъ авторомъ первой обработки (срв. особенно SS. 382 — 393, SS. 405—414).

Авторъ первой обработки пра-Иліады, впервые введши въ поэму іоническое вооруженіе, существенно не измѣнилъ плана пра-Иліады. Ему принадлежитъ въ первой части Илиады вставка древней отдѣльной пѣсни о поединкѣ Париды съ Менелаемъ, тотчасъ вступъ за прибытіемъ Гектора съ Паридомъ изъ Трои. Его пронаведеніями являются здѣсь, далѣе, тейхосконія (III пѣсня), *ὄρχιον σίγυρος* (IV пѣснь), сцена свиданія Гектора съ Андромахой (но безъ введенія къ ней VI 365—391, такъ какъ здѣсь упоминается процессія троянокъ для возложенія неплоса на колѣни сидящей статуя Аенны въ храмъ ея, которую Робертъ на историко-археологическиххъ основаніяхъ признаетъ одною изъ самыхъ позднихъ вставокъ въ Илиаду, наравнѣ съ каталогомъ, Долоніей, Теомахіей, и послѣдними двумя пѣснями Илиады, см. S. 570; и безъ стиховъ 433—439—намека на Діомедію, введеніе копей въ Илиаду принадлежитъ еще не этому слою поэмы), и переработка VI пѣсни въ видахъ отношеній ея къ III пѣснѣ, S. 433 fgg. (объ іонической переработкѣ поединковъ III и VII пѣсни по отношенію къ вооруженію см. еще особую главу, S. 50 fgg.). Во второй половинѣ Илиады онъ вставляетъ въ Патроклію древнюю отдѣльную пѣснь о Сарпедонѣ (намеки нашего текста XVI пѣсни на Тейхомахію введены позднѣе), сочиняетъ *Ὀκλοποιάνη* (но еще безъ описанія щита), при чемъ она имѣетъ мѣсто у него еще днемъ (S. 430), а не ночью, какъ выходитъ изъ нашей Илиады, значительно распространяетъ новыми эпизодами битву у кораблей и допускаетъ пѣкоторыя перестановки, приближающія рассказъ пра-Иліады къ порядку повѣствованія нашей Илиады (см. S. 419 fgg.). И у него еще Патроклъ встрѣчается не съ Еврипилломъ, но Меріопомъ, однако эпизодъ встрѣчи былъ уже на томъ же мѣстѣ, какъ въ нашей Илиады. Гекторъ получалъ въ этой 2-ой Илиадѣ уже болѣе серьезный ударъ отъ Эанта, такъ что вмѣшательство Аполлона уже требовалось здѣсь, но стѣны ахейскаго лагеря еще не было (S. 422). Отмѣтимъ предположеніе Роберта, что въ этой первой обработкѣ пра-Иліады или второй Илиадѣ встрѣча Менелая съ Пандомомъ Гипереноромъ рассказывалась послѣ XIV 505 подробнѣе и

согласно словам Менелая XVII 24 слл. въ эпизодѣ съ Евфорбомъ того же автора (S. 420). Позднѣйшая (2-ая) переработка сократила этотъ разсказъ, оставивъ только намекъ на встрѣчу въ бѣгломъ перечисленіи павшихъ троянцевъ въ заключительныхъ стихахъ XIV гѣснн. Къ Ахиллу въ этой поэмѣ являлся съ вѣстью о смерти Патрокла уже не Автомедонтъ, а Антилохъ, и отступление ахейскихъ героевъ съ трупомъ Патрокла описывалось здѣсь такъ, какъ въ нашей Илиадѣ, потому что Эантъ Локрскій — одинъ изъ героевъ, всюду вводимыхъ авторомъ 2-ой Илиады въ дѣйствіе поэмы (S. 428, объ Эантѣ Локрскомъ S. 409).

Гораздо глубже повліяли на самый планъ первичной Илиады тѣ измѣненія, къ которымъ повела встанка Тейхомахин.

Какъ скоро ахейскій лагерь оказался окруженнымъ стѣной, которую надо было брать штурмомъ, почная попытка троянцевъ застигнуть ахейцевъ врасплохъ, какую мы видѣли въ пра-Илиадѣ, должна была отпасть, и XIII гѣснн уже не могла болѣе начинаться съ разсвѣтомъ. Битва у кораблей стала сама собою продолженіемъ штурма стѣны, арестія Агамемнона (XI гѣснн) и слѣдующіе за ней подвиги Одиссея и Эанта сдѣлались подготовкой къ штурму. Ночь пришлось переимѣнить, и такъ какъ редакторъ, орудовавшій надъ готовымъ матеріаломъ, не досмотрѣлъ, что XI 84 и XVI 777 были теперь несоединимы, то возникъ день съ двойнымъ полднемъ (S. 456). Цѣлый рядъ измѣненій въ порядкѣ разсказа пра-Илиады, приближающихъ его къ содержанию нашей Илиады, Робертъ приписываетъ этому второму распространителю и редактору древнѣйшей поэмы. Постройка стѣны въ VII гѣснн принадлежала ему, но она, вѣроятно, занимала у него цѣлый особый день. Эта постройка предполагаетъ перемнріе, и для подготовки послѣдняго новый редакторъ Илиады переставилъ поединокъ Гектора съ Эантомъ, въ пра-Илиадѣ открывшій первый боевой день поэмы, на мѣсто введешаго въ поэмѣ первымъ распространителемъ ея поединка Менелая съ Паридомъ, т. е. вслѣдъ за прибытіемъ Гектора съ Паридомъ изъ Трон (см. выше). Поединокъ же Менелая съ Паридомъ получилъ теперь мѣсто въ началѣ боевого дня. Въ первичной Илиадѣ совѣтъ лживаго Сна выполнялся Агамемнономъ немедленно и сборы и выступленіе въ бой сдѣлавали быстро одно за другимъ. Распространеніе событій новыми эпизодами первымъ редакторомъ и новыя распространенія второго редактора, кромѣ Тейхомахин введшаго $\Delta\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\tau\eta$, сдѣлало необходимымъ перемѣненіе ночи, и вступленіе одиннадцатой гѣснн, содержащей указаніе на начало повата

дня, прибавлено тѣмъ же вторымъ редакторомъ первичной поэмы въ этихъ видахъ. Этотъ новый редакторъ, можетъ быть по своимъ личнымъ отношеніямъ къ о-ву Косу, дать роль Еврипилу, замѣняя имъ Меріона въ сценѣ встрѣчи съ Патрокломъ. Но любимымъ его героемъ является Діомедъ. Онъ не только вставляетъ въ Илиаду древнюю отдѣльную пѣснь о Діомедѣ (V пѣснь, кромѣ нѣкоторыхъ позднихъ эпизодовъ), но и предоставляетъ ему роль во всѣхъ своихъ распространеніяхъ древней поэмы, выводитъ его и въ своей редакціи поединка Эанта съ Гекторомъ VII пѣсни (см. 163), и въ сообщаніи по поводу мирнаго договора съ троянцами въ концѣ той же пѣсни, и, наконецъ, въ большомъ эпизодѣ XI пѣсни 310—400, гдѣ Діомедъ выступаетъ наравнѣ съ главными героями пра-Иліады, Агамемнономъ, Одиссеемъ и Эантомъ (S. 462). Также роль Діомеда въ эпизодѣ начала XIV пѣсни, перенесенномъ сюда впервые вторымъ редакторомъ, принадлежитъ его обработкѣ, 'Εκτόρῃ; IV пѣсни принадлежитъ тому же редактору. Эпизодъ Аскалафа XIII и XV перенесенъ на его нынѣшнее мѣсто въ Илиадѣ имъ же. Πείρα II пѣсни (но безъ эпизода Оерсита), вѣроятно, вставлена тѣмъ же редакторомъ (S. 469), и наконецъ ему же принадлежитъ великолѣпная олимпійская сцена въ концѣ I пѣсни (S. 468) и съ нею тотъ мотивъ колебанія Зевса дать согласіе на просьбу Оетиды, который въ нашей Илиадѣ вытѣснилъ, по предположенію Роберта, иной мотивъ этого колебанія первичной поэмы.

Если кому-нибудь изъ трехъ редакторовъ пра-Иліады Роберта можетъ быть приписана честь композиціи нашей Илиады, то она скорѣе всего принадлежитъ этому второму редактору. Самостоятельная работа третьяго редактора (4-ая Илиада) была незначительна: онъ сочинилъ кое-какіе отдѣльные эпизоды и вставки. Его главнымъ дѣломъ было сочтеніе съ Илиадой пѣсни 'Εκτόρος ἀντίρροος, прежде существовавшей отдѣльно, хотя на фонѣ Илиады, и вставка двухъ прежде отдѣльныхъ пѣсней: Κόλοσ Μάχης и Пресбен. Доказательству отдѣльнаго существованія этихъ пѣсней до вставки въ Илиаду посвящены авторомъ особыя главы (о VIII пѣсни см. S. 164—168, Пресбенъ S. 494—498. Идея VIII пѣсни первоначально дать картину отношеній между богами, Пресбен—прославленіе Діомеда, IX 695 сл.). Связью 'Εκτόρος ἀντίρροος съ остальной Илиадой служитъ главнымъ образомъ сцена примиренія Ахилла съ Агамемнономъ въ XIX пѣсни.

„Редакторъ четвертой Илиады былъ тѣмъ лицомъ, которое дало эпосу объ Ахиллѣ его окончательную форму. Его Илиада есть и наша Илиада. Что было прибавлено еще позднѣе, не измѣняетъ ни характера,

ни композицій, ни дѣйствія и для исторіи развитія Илиады имѣеть самое второстепенное значеніе“. Къ такимъ самымъ позднимъ отдѣльнымъ прибавленіямъ авторъ относитъ, между прочимъ, Каталогъ, Доломію, Теомахію, двѣ послѣднихъ пѣсни Илиады (съ XXIII 257) и процессію женщинъ въ храмъ Аѳины VI 87 — 101, 242 — 312. Если авторъ считаетъ надобнымъ признакомъ поздняго происхожденія этого послѣдняго отрывка упоминаніе храма и сидячей статуи богини (S. 194, да еще сидонскія одежды S. 571), то онъ съ одной стороны забываетъ, что и въ I пѣсни упоминается храмъ, ст. 29, и считать его только здѣсь за часовню—его воля (срв. P. Sauey, N. Jahrb. f. class. Philol., 1902, S. 98), а относительно сидячихъ статуи боговъ срв. замѣтку Noack'a, loc. cit., S. 386 Ann.

Мы могли здѣсь замѣтить составъ четырехъ постепенно расширяющихся Илиадъ Роберта только въ самыхъ общихъ чертахъ. Самъ авторъ опредѣляетъ границы каждаго слоя, точно также какъ первоначальный составъ вошедшихъ въ Илиаду отдѣльныхъ пѣсней, изъ коихъ мы не назвали древнюю пѣснь объ Энеѣ (XX пѣсни), очень точно, по стихамъ. Разложивъ такимъ образомъ Илиаду на ея составные элементы, онъ даетъ всестороннюю характеристику каждаго слоя и каждой отдѣльной пѣсни.

Къ сожалѣнію, размѣры, принятые нашей рецензіей, не позволяютъ намъ вдаваться въ эту часть содержанія книги. Конечно, и здѣсь можно бы сдѣлать не мало частныхъ возраженій автору, какъ напримѣръ, относительно производа его мнѣнія, будто бы явленіе бога въ собственномъ видѣ, а не въ образѣ челоуѣка есть наиболѣе древнее представленіе, S. 353, что, намъ кажется, мало слѣдуетъ и изъ сопоставленія на цитованной страницѣ мѣсть II и V пѣсни (тѣмъ-то и сильно сравненіе съ богомъ, что οὐ ποτε φῶλον ὀμοῖον ἀθανάτων τε θεῶν χαρὰι ἐρχομένων τ' ἀνθρώπων), или когда сравненіе Гектора со сибирію горою онъ ставитъ на одну доску съ сравненіемъ Аполлона съ ночью S. 118 (объ этомъ и преимуществующемъ сравненіи, II 469, позволяемъ себѣ сослаться на замѣчанія въ нашей книгѣ объ Илиадѣ, стр. 144 примѣчаніе 1 и стр. 318, 3). Противоположность характеристикъ Елены, съ одной стороны въ *Uliades*, съ другой, въ сценѣ III пѣсни, S. 366 fgg., объясняется всего скорѣе просто различіемъ настроенія. Никакъ нельзя согласиться съ пониманіемъ Роберта ст. XV 119 (S. 352), вопреки вполне правильной замѣткѣ о немъ Аристарха: срв. XXIV 189 *υἱὰς . . . ὀκλίσαι ἠνώγει*, XVI 145 *ἴππῳ δ' Ἀυτομέδοντα θεῶς ζευγυόμεν ἄνωγεν*, *Odys.* XV 103 *οἶον δὲ κρητήρα φέρειν ἄνωγεν* и т. п. Аристархъ

во всякомъ случаѣ имѣть полное основаніе дѣлать свой выводъ о томъ, что и Δείμος—сынъ Ареса, ить сооставленія другихъ цѣтуемыхъ Робертомъ мѣсть Илиады.

За то мы всецѣло присоединяемся къ замѣчаніямъ Роберта о развитіи и постепенномъ введеніи въ Илиаду подробностей троянской, оиванской, геракловой саги, о вліяніи въ позднѣйшихъ гѣсняхъ на Илиаду матеріала циклическихъ поэмъ, объ элементахъ сказаній о борьбѣ геросовъ греческихъ племенъ еще на европейскомъ материкѣ, переносимыхъ на почву Трои (S. 354 fgg., S. 369, срв. къ этому теперь Bethe, N. Jahrbh. f. class. Philol., 7 Bd., 657 fgg., хотя Робертъ склоненъ въ этомъ вопросѣ къ большей сдержанности). Его главы: „Къ характеристикѣ 2-ой Илиады“ (S. 441—455) и „Къ характеристикѣ 3-ей Илиады“ (S. 479—493), гдѣ весьма убѣдительно опредѣленіе географическаго кругозора автора Илиады этого слоя (срв. и въ нашей книгѣ объ Илиадѣ, стр. 318, стр. 355), являются одними изъ лучшихъ въ книгѣ рядомъ съ главами „Палеояды“, „Аптенориды“ и проч. Въ частности отмѣтимъ удачную характеристику политическаго строя на намекамъ Илиады третьяго слоя, S. 470 ff. (Πείρα II гѣсни и Ήλικόληξ; IV гѣсни, срв. еще въ Пресебѣ, S. 497, Ζαχλεύατος. Мѣсто II. I 275—285, однако, едва ли уже что-нибудь прибавляетъ здѣсь).

С. Шестановъ.

Д. И. Самоквасовъ. Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. Современное русское архивное вѣстройство. Книга вторая. Промедшя, настоящая и будущая постанова архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1902.

Изданная директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи Д. И. Самоквасовымъ книга представляетъ интересъ и по содержанію, и по тѣмъ вопросамъ, которые въ ней поставлены.

Мы до сихъ поръ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній о русскихъ архивахъ, объ ихъ состояніи, объ ихъ силахъ, объ ихъ содержаніи. Д. И. Самоквасовъ издалъ собраніе Московскимъ археологическимъ обществомъ „Матеріалы для русской архивной статистики“ (II, стр. 1—179), которые, несмотря на свою краткость, даютъ иногда интересные указанія¹⁾. Въ нихъ идетъ рѣчь объ архивахъ казенныхъ

¹⁾ Оказывается, напримеръ, что архивъ Вятской казенной палаты заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, дѣла XVI и XVII вѣковъ, дѣла урядничной коллегіи *экономии* и т. п.

налатъ, судовъ, духовныхъ консисторій, волостныхъ правленій, учебныхъ заведеній, заводовъ, монастырей и т. д. Къ сожалѣнію, по прискорбной русской привычкѣ, издатель не снабдилъ эту часть своего труда хотя бы краткимъ указателемъ.

Печальное состояніе русскихъ архивовъ не подлежитъ сомнѣнію, скромное значеніе принимаемыхъ нашимъ правительствомъ въ послѣднее время мѣръ для упорядоченія у насъ архивнаго дѣла—также. Необходимость рѣшительной реформы ясна для всѣхъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ вещей. Вопросъ сводится къ тому, что нужно сдѣлать и гдѣ взять подходящихъ людей и потребныя суммы. Въ виду этого Д. И. Самоквасовъ предлагаетъ свой проектъ архивной реформы (II, стр. 75—101).

Первая часть этого проекта посвящена законодательнымъ мѣрамъ.

„Необходимъ, говоритъ онъ, законъ объ учрежденіи *школъ архивоведенія* при государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ старѣйшихъ городовъ Россіи, въ Москвѣ и Кіевѣ, и *профессуръ архивовѣдѣнія* при Московскомъ и Кіевскомъ университетахъ“. Въ Россіи нѣтъ ни школъ архивоведенія, ни кафедръ архивовѣдѣнія, „а потому нѣтъ и людей, способныхъ осуществить архивную реформу по образцу западно-европейскихъ государствъ“ (стр. 77—78). Уже эта часть проекта показываетъ въ авторѣ юриста-теоретика, мало знакомаго, несмотря на свою продолжительную профессорскую дѣятельность, съ практикою жизни. Россія ощущаетъ недостатокъ и въ ученыхъ юристахъ, и въ ученыхъ филологахъ. Если профессура на юридическомъ факультетѣ (не только съ жалованьемъ, но въ послѣдніи 20 лѣтъ еще съ солиднымъ гонораромъ) не привлекаетъ нашихъ молодыхъ людей къ занятіямъ по праву, и нани романисты, цивилисты и криминалисты, можно сказать, наперечеть; если далеко не всѣ кафедры на историко-филологическомъ факультетѣ заняты специалистами и преподаваніе даже важныхъ предметовъ этого факультета поручается „исправляющимъ должность“ и т. п.; что могутъ дать двѣ архивныя школы и кафедры архивовѣдѣнія въ двухъ университетахъ? Лишь солидныя стипендіи могутъ залучить въ эти школы нѣкоторое число учащихся, а скудные плоды этихъ школъ явятся только тогда, когда школы, при чрезвычайныхъ на нихъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, приобретутъ подходящій преподавательскій персоналъ. Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ—прекрасное доказательство справедливости нашего мнѣнія. Онъ привлекаетъ значительное число слу-

шателей, но послѣдніе, интересуясь археологіей разныхъ видовъ, обнаруживаютъ мало склонности къ архивному дѣлу.

Конечно, архивы столицъ и университетскихъ городовъ сравнительно легко могутъ обзавестись ученымъ персоналомъ; но этого вполне возможно достигнуть и теперь, путемъ 1) *значительнаго* повышения окладовъ служащихъ въ архивахъ и 2) установленія экзамена при приемѣ ихъ на службу по палеографіи, исторіи русскаго языка и юридическимъ древностямъ. Отъ каедры архивовѣдѣнія нельзя ждать многого. Этотъ предметъ,—будетъ ли онъ на юридическомъ, или на историко-филологическомъ факультетѣ, все равно,—непремѣнно будетъ однимъ изъ послѣднихъ по значенію въ ряду факультетскихъ дисциплинъ. Наука архивовѣдѣнія такъ скромна, что не требуетъ непремѣнно лекцій. Съ нею можно прекрасно ознакомиться по руководству, и къ изданію этого послѣдняго, на нашъ взглядъ, сводится дѣло ¹⁾. Правда, Д. И. Самоковасовъ даетъ намъ обширную программу архивовѣдѣнія („содержаніе науки архивовѣдѣнія“, I, приложение № IX), но она обширна лишь потому, что въ нее вставлены полезныя, но не относящіяся къ архивовѣдѣнію требованія ²⁾.

Мы не имѣемъ желанія толковать о наукахъ въ будущей архивной школѣ, но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что русскій ученый архивистъ непремѣнно долженъ быть основательно знакомъ съ древне-русскимъ языкомъ, то-есть, долженъ умѣть не только хранить, но и понимать хранямыя имъ документы.

Вторая часть проекта архивной реформы требуетъ 1) закона объ учрежденіи центрального органа архивнаго управленія въ Россіи, 2) закона о централизаціи окончательныхъ архивовъ и 3) закона о помѣщеніи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ въ зданіяхъ, специально построенныхъ и приспособленныхъ для храненія рукописныхъ матеріаловъ и научныхъ занятій. II здѣсь авторъ является юристомъ-теоретикомъ. Если всѣ эти законы будутъ изданы, если будетъ вве-

¹⁾ Единственное, что мы имѣемъ въ печати по архивовѣдѣнію, это—изданный Археологическимъ институтомъ подробный конспектъ лекцій А. П. Воронова (С.-Иб. 1901 г., 51 страницъ).

²⁾ Д. И. Самоковасовъ смотритъ на архивовѣдѣніе какъ на науку, имѣющую „своею спеціальною задачею *ислѣженіе исторіи архивовъ, архивнаго законодательства и исторіи и дѣятельности учреждений, оставившихъ акты и докуменны своею дѣлопроизводствомъ*“. Такимъ образомъ въ архивовѣдѣніи, по его мнѣнію, входитъ исторія бывшихъ и настоящихъ государственныхъ и другихъ учреждений.

дена централизація архивной власти и построены архивныя зданія во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи, если наконецъ будутъ свезены въ эти зданія тысячами вагоновъ архивныя матеріалы и сложены на полкахъ, и тутъ, несмотря на огромныя затраты, въ сущности не будетъ достигнуто ничего. Какъ теперь неизвѣстно, что именно хранится хотя бы въ управляемомъ Д. И. Самоквасовымъ архивѣ министерства юстиціи, такъ и тогда никто не будетъ знать, гдѣ что можно найти. Самое важное въ архивномъ дѣлѣ—приведеніе въ извѣстность архивнаго матеріала; если послѣдній, все вмѣстѣ, цѣнное и лишнее всякой цѣны, будетъ лежать въ нетронутыхъ ученою рукою грудяхъ, едва ли архивная реформа состоится, едва ли она оправдаетъ затраченныя на нее суммы. Къ сожалѣнію, пока ни Д. И. Самоквасовъ, ни другіе начальники нашихъ плывущихъ большихъ архивовъ не придумали такихъ мѣръ для описанія этихъ архивовъ, которыя бы дали возможность пользоваться всѣмъ, что въ нихъ находится; и мы не имѣемъ права надѣяться, что начальники будущихъ архивовъ окажутся счастливѣе ихъ.

Изъ сказаннаго читатель видитъ, что мы относимся съ скептицизмомъ къ предлагаемой Д. И. Самоквасовымъ реформѣ. Желательно, чтобы при одномъ изъ нашихъ ученыхъ учреждений была организована коммиссія изъ свѣдущихъ лицъ для установленія началъ и способовъ приведенія въ извѣстность и порядка нашихъ архивовъ.

Д. И. Самоквасовъ вводитъ много полемическаго и порицательнаго элемента въ свой трудъ и—скажемъ прямо—портитъ свой трудъ. Мы вполне признаемъ за всякимъ право порицать то, что заслуживаетъ порицанія, но считаемъ необходимымъ, чтобы для этого было достаточное основаніе. Д. И. Самоквасову, къ сожалѣнію, очень мало извѣстно по личному опыту и наблюденію объ Археологическомъ институтѣ и губернскихъ архивныхъ коммиссіяхъ; онъ пользуется слухами, частными письмами, нафлетаемъ тамъ, гдѣ нужно имѣть документы. Напримѣръ, громя Археологическій институтъ за то, что онъ—археологическій по преимуществу (что требуется, кажется, самымъ его названіемъ), а не архивный специально, онъ между прочимъ обвиняетъ институтъ въ томъ, что послѣдній „продалъ безнаказанно въ частныя руки *архивъ*, переданный ему въ вѣчное владѣніе Н. В. Калачевымъ“ (II, стр. 82, примѣчаніе). Рѣчь идетъ о фактѣ общеизвѣстномъ—о передачѣ книжкамъ Кураевнымъ (даромъ!) ключкомъ изъ ихъ архива, выкраденныхъ у нихъ и купленныхъ на рынкѣ Н. В. Калачевымъ; эти ключки уже напечатаны, вмѣстѣ съ многими дру-

гми документами, въ „Архивѣ кн. Куракиныхъ“, и сдѣлались, *благодаря институту*, общедоступными. Или, сокрушая архивныя комиссія за ихъ отношеніе къ разсмотрѣнію архивныхъ описей, Д. Я. Самоквасовъ взваливаетъ на нихъ вину за „варварскую дѣятельность“ по „уничтоженію“ архивнаго матеріала. Дѣло обстоитъ совершенно иначе, чѣмъ онъ представляетъ читателю. Архивныя комиссія разсматриваютъ лишь описи дѣлъ, *шатающыя къ уничтоженію*, и—основательно, или не основательно, это особый вопросъ—отмѣчаютъ въ нихъ тѣ дѣла, которыя онѣ желаютъ получить въ свою собственность. Такимъ образомъ комиссія *спасаютъ* дѣла отъ уничтоженія.

Д. Я. Самоквасовъ особенно придирчивъ къ Археологическому институту. Онъ желалъ бы уничтожить институтъ! Практическіе люди стараются не уничтожать, а—гдѣ это нужно, исправлять и передѣлывать; уже въ силу этого институтъ, съ его 777 слушателей (II, стр. 78, примѣчаніе), какъ будто заслуживаетъ пошады. Да не худо помнить, что рядомъ съ гибнущими архивными дѣлами у насъ гибнутъ также церкви и вообще предметы древней архитектуры, гибнутъ иконы и вообще предметы древней живописи, гибнутъ рукописи ¹⁾ и т. п., и что не мѣшаетъ заботиться также и объ ихъ сохраненіи...

Д. Я. Самоквасовъ дѣлаетъ нападеніе еще на Академію Наукъ. Начально читать тѣ страницы, которыя потрачены на это авторомъ, тѣмъ болѣе, что великій разумный читатель долженъ истолковать его собственныя слова не въ его пользу. Обвиненіе Д. Я. Самоквасова противъ Академіи сводится къ тому, что Академія дернула временною пріостановить одно ученое изданіе документовъ („Акты Московскаго государства“), *выгодившее подѣ редакцію Д. Я. Самоквасова*, и начать другое, безъ его содѣйствія или участія. Но, что же было дѣлать Академіи, когда ея ученое изданіе стало приготавливаться „восмью младшими чиновниками“ архива министерства юстиціи „подѣ направленіемъ и отвѣтственнымъ контролемъ одного изъ старшихъ чиновниковъ“ (I, стр. 77, примѣчаніе)?

Кое-что у Д. Я. Самоквасова прямо вызываетъ недоумѣніе. Такъ,

¹⁾ „Здѣсь (въ Мезони) ему (П. Д. Богданову) посчастливилось присоединить къ своему собранію... пять листовъ изъ вышеупомянутаго Октоха (пергаменнаго. XIV вѣка), которые *были наклеены на стѣны избы, подѣ обоямъ, для уравненія стѣны*“. П. А. Быкова, Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, вып. I, стр. 5.

мы читаемъ: Больше древніе акты этого рода уже изданы Петербургскою Археографическою комиссіей, *подъ редакціей Н. В. Калачева, въ двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ „Акты Юридическіе“ и „Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи“* (I, стр. 88). Тутъ все странно. Н. В. Калачевъ не могъ редактировать тома „Актовъ Юридическихъ“, такъ какъ они вышли въ свѣтъ въ 1838 году, когда Калачевъ былъ еще юношею. „Акты, относящіеся до юридическаго быта“ состоятъ изъ *трехъ* томовъ. Или, мы читаемъ, что „Акты Юридическіе“ изданы Археографическою комиссіей *въ дополненіе „Актовъ Историческихъ“ и др.* (I, стр. 88). „Акты Юридическіе“, какъ мы уже сказали, вышли въ 1838 году, а первый томъ „Актовъ Историческихъ“ увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1841 году...

А. Соболевскій.

И. Я. Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ. Ярославль. 1902. Стр. 390. Цѣна 3 рубли.

Книга г. Гурлянда — интересная книга. Авторъ предлагаетъ постановку и рѣшеніе вопроса о Тайномъ приказѣ, о которомъ до сихъ поръ больше разсуждали, чѣмъ знали. На первыхъ страницахъ труда г. Гурлянда сдѣланъ сводъ ученыхъ мнѣній о цѣляхъ и функціяхъ этого приказа, отмѣчена ихъ „рѣдкая разногласность“ и указана причина такой разногласности — въ томъ, что Тайный приказъ отличался случайнымъ и разнообразнымъ подборомъ дѣлъ и къ тому же не оставилъ по себѣ опредѣленнаго архива. Его дѣла тотчасъ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича были ликвидированы и переданы въ другіе приказы. Раздѣливъ дальнѣйшую судьбу дѣлъ этихъ приказовъ, документы Тайнаго приказа въ настоящее время оказались въ различныхъ архивахъ. Г. Гурлянду принадлежить та заслуга, что онъ, опредѣливъ по „опискамъ“ дѣла приказа, куда именно передавались дѣла въ XVII вѣкѣ, не отступилъ передъ задачей систематическаго поиска ихъ въ современныхъ древлехранилищахъ и дѣйствительно нашелъ много дѣлъ и книгъ Тайнаго приказа, сверхъ давно извѣстныхъ, въ Государственномъ архивѣ, архивѣ Оружейной палаты и московскихъ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Ближайшему опредѣленію взятаго для изученія матеріала и посвящена вторая половина „введенія“ г. Гурлянда. Изложеніе темы у нашего изслѣдо-

вателя опирается такимъ образомъ на самостоятельномъ знакомствѣ съ широкимъ кругомъ персоничниковъ.

Первая глава книги г. Гурлянда посвящена рѣшенію вопроса о времени и причинахъ происхожденія Тайнаго приказа. По мнѣнію г. Гурлянда, приказъ возникъ въ концѣ 1654 или въ началѣ 1655 года въ видѣ личной канцеляріи государя; царь образовалъ около себя опредѣленный штатъ дьяковъ, потому что былъ недоволенъ общою медленностью дворцовыхъ приказовъ и во время своихъ частыхъ „походовъ“ изъ Москвы убѣдился въ удобствѣ имѣть около себя особыхъ дьяковъ. Образовавшій въ цѣляхъ личнаго удобства видъ соображеній о какой бы то ни было реформѣ, Тайный приказъ „весьма быстро“ получилъ „путемъ крутого поворота“ новое болѣе широкое значеніе. Какое именно, — выясняетъ вторая глава, посвященная „вопросу объ условіяхъ времени, въ которое появился Приказъ“. Въ этой главѣ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что съ конца 1656 или съ начала 1657 года „приказъ значительно и быстро расширяетъ кругъ своихъ зачатій, приобретаая все больше и больше значеніе одного изъ важнѣйшихъ общегосударственныхъ учреждений“. Раньше однако, чѣмъ опредѣлить новую компетенцію приказа, авторъ останавливается на вопросѣ объ условіяхъ, вызвавшихъ эту перемѣну, и рассуждаетъ такъ: „Приказъ явился въ такой моментъ, когда население нигло основаніе особенно желать возможности непосредственно обращаться къ царю, какъ къ источнику высшей правды и справедливости. Тайный приказъ поэтому явился центромъ, куда стали стекаться челобитныя, жалобы и извѣтны, искавшіе особаго вниманія къ себѣ и недовѣрчивые общимъ учрежденіямъ. Въ силу особенностей своей природы царь не только не оттолкнулъ отъ своего приказа этой новой, самую жизнь предложенной задачи, но дѣятельно, сколько хватало его энергіи, взялся за ея разрѣшеніе“ (стр. 115). Вниманіе автора остановилось на тѣхъ злоупотребленіяхъ администраціи первой половины XVII вѣка, о которыхъ московскіе люди съ такою силою били челомъ своему правительству въ челобитныхъ и въ соборныхъ „сказкахъ“; въ этихъ злоупотребленіяхъ была первая бѣда того времени. Вторая, по мнѣнію автора, заключалась въ рѣзкомъ экономическомъ кризисѣ, постигшемъ населеніе въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Обижаемое и разоряемое, обвинявшее и оголодавшее. населеніе должно было жаловаться и не могло не жаловаться на свое положеніе. Новый приказъ былъ мѣстомъ, куда всего удобнѣе могъ идти челобитчикъ и доноситель, искавшій прямого пути къ царской

защитѣ. Еще раньше царя Алексѣя при патриархѣ Филаретѣ население просило, а правительство пыталось ему дать учрежденіе, которое служило бы защитой слабымъ отъ сильныхъ и во всемъ доискивалось бы „только правды, одной правды“. Г. Гурляндъ думаетъ, что такимъ учрежденіемъ былъ „приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ“, или „приказъ приказныхъ дѣлъ“, или „приказъ смысныхъ дѣлъ“: авторъ колеблется, признать ли ему эти приказы за одно или за различныя учрежденія, но онъ твердо держится того мнѣнія, что идея подобнаго учрежденія была усвоена лично патриархомъ Филаретомъ, имъ была проводима въ практикѣ и съ его смертью была оставлена. Въ Тайномъ же приказѣ царь Алексѣй какъ бы возстановилъ это учрежденіе „высшей справедливости“, какъ только выяснилъ себѣ его необходимость подъ давленіемъ житейскихъ указаній и челобитенной докуки. Итакъ личная канцелярія царя превратилась въ организованный „приказъ тайныхъ дѣлъ“, имѣвшій цѣлью осуществить „особыя начала управленія: начало непосредственнаго царскаго руководства, начало высшей справедливости, начало надзора“ (стр. 116). Третья глава труда г. Гурлянда выясняетъ организацию приказа, его составъ, стоненъ личнаго вмѣнательства царя ит. дѣла приказа. Личное участіе царя въ дѣлахъ приказа было такъ постоянно, что даже въ „совершенно обыденныхъ вопросахъ требовался докладъ царю“ (123). Можно сказать, что царь былъ прямымъ начальникомъ приказа и „фактически вѣдалъ его“, какъ выражается г. Гурляндъ. Компетенцію приказа авторъ дѣлитъ на два отдѣла: „отдѣлъ первый — производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые вѣдалъ Приказъ тайныхъ дѣлъ; отдѣлъ второй — производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые непременно относились къ компетенціи какого-нибудь другаго учрежденія, но по отношенію къ которымъ (то есть, дѣламъ и порученіямъ) приказъ выступалъ въ роли органа, выражавшаго или начало непосредственнаго царскаго руководства, или начало высшей справедливости, или начало надзора“ (161). Первый отдѣлъ обнимаетъ „функции, которыя вели свое начало отъ причинъ, приведшихъ къ возникновенію приказа“ (какъ личной канцеляріи царя); второй отдѣлъ обнимаетъ „функции, которыя вели свое начало отъ причинъ, сказавшихся уже тогда, когда приказъ образовался“. Разсмотрѣнію перваго отдѣла компетенціи посвящена четвертая глава книги г. Гурлянда; разсмотрѣнію втораго отдѣла—глава пятая. Въ четвертой главѣ авторъ устанавливаетъ, что приказъ вѣдалъ: а) личную перенеску царя, б) мнѣнія его и разныя

хозяйственныя учрежденія, въ нихъ находившіяся, в) различныя промышленныя заведенія и промыслы, принадлежавшіе царю, г) Аптекарскій, Гранатный и Потѣпный дворы, д) торговля операціи царя, е) малую казенную палатку, гдѣ хранились особенно цѣнные „товары“, ж) дѣло сыска всякой руды и залежей, з) раздачу церковныхъ книгъ, и) дѣла Саввина (торожевскаго монастыря), і) царскую благотворительность, к) личную кассу царя и пр. и пр. Въ главѣ пятой г. Гурляндъ особенно внимательно останавливается на проявленіи начала высшей справедливости въ дѣятельности Тайнаго приказа и снова возвращается къ оубыкъ правительственныхъ приемовъ патріарха Филарета, въ которомъ видитъ какъ бы предшественника царя Алексѣя въ „процессѣ возвращенія царя къ фактическому управленію“ (257—261). Много любознательнаго указывается какъ относительно способовъ надзора, явнаго и тайнаго, за должностными лицами, такъ и относительно вышательства царя въ дѣла управленія помимо общаго порядка производства. Если укажемъ, что въ шестой главѣ („заключеніи“) авторъ сводитъ въ общемъ очеркѣ все то, что уже намѣтилъ въ формѣ частнаго вывода въ предшествующемъ изложеніи, то исчерпаемъ главное содержаніе любознательной книги г. Гурлянда.

Дѣло историконъ-юристовъ опредѣлять, что именно новаго и полезнаго дастъ трудъ г. Гурлянда для исторіи права и администраціи въ древней Руси. Мы не будемъ останавливаться на поставленномъ юристами вопросѣ о томъ, доказалъ, или нѣтъ, г. Гурляндъ свою мысль, что Тайный приказъ изъ безформенной личной канцеларіи царя сталъ государственнымъ „учрежденіемъ“ съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Для насъ не достаточно ясно, можно ли вообще перенести современныя намъ понятія объ „учрежденіяхъ“ въ Московскую пору и примѣнять ихъ къ приказамъ, относительно которыхъ и до сихъ поръ ученые не столковались, чѣмъ ихъ считать: коллегіями или органами управленія единоличнаго. Въ книгѣ г. Гурлянда историка прежде всего можетъ интересовать вопросъ о тѣхъ „условіяхъ времени“, при которыхъ Тайный приказъ расширилъ свое вѣдомство и получалъ видъ чрезвычайно вліятельнаго и дѣятельнаго приказа. По связи съ этимъ вопросомъ и взглядъ г. Гурлянда на принципы и цѣли дѣятельности патріарха Филарета получаетъ значительный интересъ, особенно въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать внутреннее преемство между дѣятельностью дѣда-патріарха и внука-царя.

Какъ было указано, „условія времени“, въ которое возникли перемѣны въ Приказѣ и обнаружился ростъ его компетенціи, г. Гур-

ляндъ опредѣляетъ такъ: административный произволъ и злоупотребленія, съ одной стороны, и экономическій кризисъ, съ другой, вызывали въ населеніи жалобы и протесты; население вскало „той отдушину, черезъ которую его голосъ могъ бы доходить до царя безъ посредства промежуточныхъ инстанцій“ (83); Тайный приказъ сталъ такою „отдушиною“, потому что царь не уклонился отъ обращенія къ нему населенія, и по этой причинѣ дѣятельность Приказа получила новый характеръ. Это объясненіе стройно, но, можетъ быть, слишкомъ просто. Злоупотребленія, произволъ и экономическое недовольство дѣйствительно „опредѣляли моментъ“, какъ выражается г. Гурляндъ о 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Но они же опредѣляли и всѣ прочіе моменты съ 1613 года. Какъ бы чувствуя силу такого возраженія, г. Гурляндъ указываетъ на то, что въ свое время съ административнымъ злоупотребленіемъ и экономическимъ бѣдствіемъ тою же мѣрою пробовалъ бороться патріархъ Филаретъ. При немъ было создано стоящее вѣдѣ общаго административнаго порядка учрежденіе, „что на сильныхъ челомахъ бытъ“, съ помощію котораго царь получалъ возможность „фактическаго управленія“, пошепому ускользавшую изъ его рукъ съ развитіемъ приказныхъ формъ. Эта тенденція къ „фактическому управленію“ отличала всю дѣятельность „владычнаго“ патріарха; она была оставлена съ его кончиною и возстановлена царемъ Алексѣемъ въ Тайномъ приказѣ. Однако, характеризуя „программу“ патріарха Филарета, г. Гурляндъ не разъ оговаривается, что эта „программа“ скорѣе чувствуется, чѣмъ доказывается: такъ мало оставила она слѣда въ документахъ.

Но, можетъ быть, ея и не надобно доказывать, если объясненіе „момента“, въ который возникъ Тайный приказъ, поставить иначе. Послѣ смуты правительственный московскій порядокъ былъ осложненъ постояннымъ дѣйствіемъ такого органа, какового не знало или почти не знало Московское государство XVI вѣка, земскаго собора съ выборными представителями отъ мѣстныхъ служилыхъ и тяглыхъ организацій. Этими представителями правительство держало при себѣ, кажется, непрерывно, вызывая ихъ въ Москву „для великаго государева и земскаго дѣла“ на продолжительные сроки. Пасколько можно догадываться, нормальнымъ срокомъ было трехлѣтіе—срокъ, на который, по сообщенію Маржерета, вызывался въ Москву „изъ городовъ выборъ“ для московской службы. Въ первое время существованія постоянныхъ соборовъ, при царѣ Михаилѣ Оеодоровичѣ, ихъ роль была очень опредѣленной: соборы были органомъ тѣхъ общественныхъ

классовъ, которые возстановили государственный порядокъ и выбрали царя и на которыхъ поэтому лежала обязанность охраны порядка и власти, ими же созданныхъ. Соборы были поддержкою царской власти, ея союзниками и политическими единомышленниками, за-одно дѣйствовавшими противъ общихъ имъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Понятна тѣсная солидарность власти и собора, при которой царь всякое свое дѣйствіе стремился опереть на авторитетъ собора, а соборъ дорожилъ государемъ, какъ внѣшнимъ символомъ только что возродившагося порядка, и при томъ возродившагося именно въ интересахъ среднихъ классовъ общества, представленныхъ на соборахъ. Понятна и та особенность отношеній власти къ земскимъ представителямъ, что власть желала въ выборныхъ видѣть людей, „которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, разоренье и чѣмъ Московскому государству полнитца“... Соборы играли роль той „отдушны“, по выраженію г. Гурлинда, чрезъ которую населеніе имѣло возможность непосредственно сноситься съ властью. Широкая практика сословныхъ ходатайствъ, челобитій, заявленій объ общественныхъ нуждахъ, связанная съ дѣятельностью соборовъ 1642 и 1648—1649 годовъ, служить яркимъ тому примѣромъ. Она помогаетъ осуществленію правительственнаго надзора, содѣйствуетъ ему и служитъ средствомъ борьбы противъ административнаго злоупотребленія и произвола и средствомъ защиты сословнаго интереса передъ властью. Такъ обстояло дѣло до той поры, когда обнаружилось нѣкоторое ослабленіе солидарности между властью и ея основаніемъ—соборами. Случилось это въ эпоху составленія Уложенія и было послѣдствіемъ того, что представители среднихъ классовъ на соборѣ провели въ законъ нѣкоторыя мѣры, направленные противъ духовенства и боярства, главнымъ образомъ въ сферѣ ихъ землевладѣльческихъ правъ. Здѣсь нѣтъ мѣста объяснять, въ чемъ состояли эти мѣры; достаточно отмѣтить, что онѣ существенно затрагивали тѣхъ, кто отъ нихъ терпѣлъ. Патріархъ Никонъ вооружился противъ Уложенія и звалъ его „проклятой книгой“; такъ называемые „закладчики“ грозили уличной смутою. По современному выраженію, тогда „міръ весь качался“, было „въ міру всякое смятеніе“. Правительство, поставленное лицомъ къ лицу съ многократнымъ уличнымъ „гилемъ“, увидѣло и въ земскомъ соборѣ тенденцію противъ своихъ ближайшихъ органовъ, бояръ и высшаго духовенства, и поняло, что оно расходится и съ соборами. Слова Никона, что соборъ 1648—1649 годовъ былъ

„не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей“ исполнены большого смысла: они указываютъ, что власть потеряла довѣріе къ собору, уразумѣвъ, что съ ея точки зрѣнія онъ можетъ быть и „не истинная правда ради“. Со вступленіемъ Никона въ патріаршество соборная практика и вовсе прекращается. Въ 1652 году сталъ онъ патріархомъ, въ 1653 году былъ послѣдній соборъ, въ 1662 году население Москвы уже тѣтено напоминаетъ правительству объ оставленной имъ привычкѣ совѣщаться со „всею землею“. Все это даетъ намъ поводъ сказать, что „смутное время“ 1648—1650 годовъ развело до тѣхъ поръ дружныя политическія силы, то-есть, власть и соборы, и заставило власть искать дальнѣйшей опоры не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: началась бюрократизація управленія, и на мѣсто соборнаго начала выдвинуто было приказное. А съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла та „отдушнина“, о которой говоритъ г. Гурляндъ и которую мы видѣли въ соборахъ. Потерявъ возможность общенія съ властью на соборахъ, население ждетъ осуществленія этой возможности отъ своего обращенія прямо къ государю чрезъ его личную канцелярію или Тайный приказъ. Съ своей стороны и государь находитъ въ Тайномъ приказѣ удобный органъ надзора, чтобы развѣдать ту правду, которая раньше обнаруживалась чрезъ соборныхъ представителей.

Конечно, это только предположеніе, и мы его лишь намѣчаемъ, а не развиваемъ. Какъ бы ни было оно шатко, его можно высказывать не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ взглядъ г. Гурлянда. Оно даже удобнѣе въ томъ отношеніи, что не связываетъ вопроса о возникновеніи Тайнаго приказа съ вопросомъ объ административныхъ мѣропріятіяхъ патріарха Филарета и не заставляетъ искать между ними ни преемства, ни противоположности. Говоря такъ, мы однако находимъ, что замѣчанія г. Гурлянда о личности и системѣ Филарета любопытны и оригинальны и что г. Гурлянду принадлежитъ даже нѣкоторая заслуга въ томъ, что онъ пустилъ въ научный оборотъ забытую всѣми переписку патріарха Филарета съ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ и извлекъ изъ нея цѣнныя наблюденія надъ тѣмъ, каково было отношеніе „великихъ государей“ къ боярскому совѣту ихъ времени. Вообще въ книгѣ г. Гурлянда мимоходомъ затронуты нѣсколько такихъ вопросовъ изъ исторіи нашего XVII вѣка (о приказахъ Приказныхъ дѣлъ и Сискомъ, объ идеѣ общаго блага въ указахъ второй четверти XVII вѣка, о взаимоотношеніи „комнатной“,

„тайной“ и „ближней“ думы и пр.), которые возбуждаютъ интересъ и заслуживали бы особаго изслѣдованія. Позволимъ высказать надежду, что г. Гурлицъ не оставитъ ихъ навсегда.

С. Платоновъ.

С. П. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII — XIX вѣковъ (L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie). Изданіе товарищества М. О. Вольфа. С.-Петербургъ и Москва. 1902 г. 11+313+1X. Цѣна 2 р. 50 к.

Передъ нами—довольно хорошо изданная книга; названіе ея только немного странно: „мѣстное самоуправленіе“ какъ бы заставляетъ думать, что есть еще какое-то самоуправленіе крестьянъ, центральное, что ли. Текстъ книги—истинно замѣнить преизобилующій опечатками—немедленно отвлекаетъ удивленіе читателя отъ ея названія.

„Предлагаемое читателю изслѣдованіе является сжатымъ конспектомъ изъ тысячи томовъ законодательнаго и незакондательнаго матеріала, ссылки на которые (?) приведены самыя (!) необходимѣйшія (!) для уясненія смысла“—такъ читаются послѣднія четыре строчки въ „Предисловіи“, которое содержитъ всего семь строкъ. Дальнѣйшій текстъ книги соответствуетъ по содержанию и изложенію приведенной цитатѣ. „Введеніе“, занимающее страницу, кончается заявленіемъ, что авторъ „старался выразить собственную мысль системой изложенія (?) и не старался замѣнить факты жизни безпочвенными спекуляціями разума“; изъ введенія же узнаемъ, что „центромъ изслѣдованія“ явился „главнымъ образомъ „историческій анализъ законодательной дѣятельности и правительственной практики въ отношеніи крестьянскаго самоуправленія русскихъ крестьянъ за границей (?!) и у насъ“. Начинается текстъ „очеркомъ“ исторіи крестьянъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ (стр. 1—19). Затѣмъ идутъ три параграфа, посвященные „устройству мѣстнаго самоуправленія“ (20—30), в три параграфа, трактующіе „объемъ мѣстнаго самоуправленія“ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ (31—42). Изложеніе—крайне неточное, сбивчивое, поверхностное; автору не удалось отмѣтить въ исторіи сельскаго населенія перечисленныхъ странъ ничего, сколько-нибудь характернаго; эпохи у него скомканы; нѣсколько фразъ съ очевидностью покажутъ намъ, чего можемъ мы ждать отъ автора. „До завоеванія британскаго острова, англо-саксами

тамъ царствовать.... кто бы вы думали? — „родовой бытъ“,— слова, стоящія въ кавычкахъ — это первая фраза текста книги; далѣе читаемъ, что послѣ покоренія масса населенія „должна была отречься отъ своихъ человѣческихъ правъ и уступить таковыя побѣдителямъ“ (1); „вотчинная власть отобрала отъ крестьянъ кромѣ самостоятельныхъ матеріальныхъ средствъ, а и (!?) судъ и полицейскую расправу“ (2). „Часть II“ почему-то называется „Очеркъ исторіи русскихъ крестьянъ“. Никакой исторіи тутъ нѣтъ; авторъ ех abrupto начинаетъ перечислять „права“ личные по состоянію, по имуществу, затѣмъ обязанности государственныхъ крестьянъ, владѣльческихъ крестьянъ и вольныхъ крестьянъ; какая же это исторія, если на стр. 67, гдѣ помѣщается абзацъ „надзоръ и попеченіе правительства“—на четвертой строѣ абзаца уже говорится о томъ, что „надзоръ и попеченіе надъ крестьянами... законодатель вручилъ губернскимъ прокурорамъ“. Но вѣдь губернскіе прокуроры созданы въ 1774 г.—или раньше не было ничего по „надзору и попечительству“?—но вѣдь есть сотни распоряженій самаго разнаго характера и достоинства; далѣе у автора выходитъ, что „лица прокурорскаго надзора“ вывели на свѣтъ дѣло Салтычихи,—что совершенно не точно. Въ составѣ „вольныхъ крестьянъ“ авторъ, упреждая законодательство, причисляетъ „коммунистическія сельскія общества: сарептское (почему одно сарептское?), духоборческія, хлыстовскія и скопческія, социалистическія, толстовскія“ (!?! стр. 68). „Законъ Бориса Годунова отъ 1595 (sic) г.“ для автора не представляетъ никакихъ сомнѣній или вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ по его изложенію, что Борисъ Годуновъ опредѣлялъ положеніе крестьянъ владѣльческихъ „военныхъ“ и даже „госпитальныхъ“ (11) (61). Время Іоанна Грознаго, по словамъ автора, „тянулось почти весь XVI вѣкъ“, а самъ Грозный „былъ типъ крестьянскаго дара, бредившаго (!) благополучіемъ чернаго люда“ (97). „Устройство мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ является—по словамъ автора—почти неподвижнымъ въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи русскаго государства“ (99)... „Но крестьяне отъ всякаго рода политическихъ занятій отвыкли.... земли у нихъ много, работать можно — ну и чего же еще?... потому-то мы и не видимъ множества государственныхъ дѣятелей изъ крестьянъ... фактически государственные крестьяне не знаютъ системы тѣлесныхъ наказаній, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній въ весьма исключительныхъ случаяхъ по суду родительскому“. Всѣ эти перлы мысли и слова собраны нами съ одной 51-й страницы; а на слѣдующей прочтемъ,

что пролетаріатъ „дѣлаетъ людей звѣрьми на всемъ континентѣ западной Европы“. Стр. 279—309 заняты главою „крестьянство и ходъ его развитія въ исторіи русскаго государства“. Начинается изложеніе этой исторіи съ I вѣка по Р. Хр.; время съ I по VIII вѣкъ изложено въ одномъ параграфѣ; затѣмъ уже каждый вѣкъ имѣетъ спеціально ему посвященный параграфъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ. „Въ IX вѣкѣ несмотря на всѣ благоприятныя внѣшнія условія для спокойной счастливой жизни, жители Русской земли были несчастны и это несчастье коренилось въ социальномъ безпорядкѣ, порождаемомъ отсутствіемъ твердой верховной власти. Земля посылаетъ стариковъ искать князя, тѣ находятъ послѣдняго и не одного, а дѣлѣхъ трехъ въ лицѣ Рюрика, Синеуса и Трувора, да явившихся не сами только, а со своими дружинами. Съ этого момента начинается и продолжается до нынѣ для Русской земли новая эпоха, эпоха государственной жизни. Теперь всѣ признали для Русской Земли для того, чтобы стать государствомъ, на лицо: верховная власть, территорія, население. Конечно не всѣ жители Земли охотно мирились съ новымъ порядкомъ вещей, многимъ старый порядокъ съ его вольностями и произволомъ казался лучше, и такихъ недовольныхъ могли найтись дѣлѣхъ деревни и села. Жители этихъ-то строптивыхъ деревень и селъ первѣе всего заплатили своею свободою и почувствовали на себѣ дѣйствіе верховной власти. Князь или бралъ ихъ подъ свое непосредственное управленіе или отдавалъ дружинникамъ. Остальные жители земли ограничивали свое участіе въ государственной жизни только податями и повинностями... Во всѣ даже глухія деревни и села проникла вѣсть о появленіи на Землѣ Князя. Появились вскорѣ и дружинники за сборомъ дани для Князя... Тотъ фактъ, что население мирно встрѣтило чужихъ Князей и дружелюбно приняло за своихъ, указывастъ, что первые русскіе Князья были умными политиками; они не сами угнетали народъ и не давали угнетать своимъ дружинникамъ. Съ другой стороны для жителей земли открылся новый горизонтъ съ призваніемъ Князей, горизонтъ дотолю неизвѣстный мирнымъ хлѣбопашцамъ—это поступленіе въ дружину Князя и стяжаніе себѣ соотвѣственными подвигами славы героевъ. До того времени русскіе были не честолюбивы, у нихъ не было героевъ, не было даже Князей и знаменитостей. Теперь открылось обширное поприще для развитія своихъ талантовъ и способностей. Князья въ свою дружину охотно принимали всѣхъ жителей, особенно здоровыхъ и сильныхъ“ и т. д.—все въ та-

комъ же родѣ, съ такимъ же ненаучнымъ, неточнымъ, невѣрнымъ представленіемъ фактовъ и отношеній. На стр. 272 мы читаемъ: „Въ департаментѣ проектовъ и всяческихъ начинаній“ хранилось еще съ 1859 г. предначертанію объ участковыхъ начальникахъ, какъ мы упоминали рѣже, не выходившее въ свѣтъ вѣроятно благодаря „департаменту задерживаній“. Хотя въ выноскѣ и пояснено, что это выраженіе сатирика Салтыкова-Щедрина, но во всякомъ случаѣ именованіе какого-либо учрежденія не его настоящимъ именемъ, а насмѣшливою кличкою, да еще со ссылкой на годы—это намъ встрѣтилось въ первый и, надѣмся, въ послѣдній разъ, въ сочиненіи, претендующемъ на научное значеніе или на научный характеръ. Однако, довольно. Въ такомъ духѣ вся книга. Мы можемъ заявить рѣшительно, что ни по одному вопросу авторъ не умѣетъ ни мыслить, ни выразаться логически, не говоримъ уже объ умѣнии научно вести изслѣдованіе, хотя бы группировать факты или отношенія.

Въ концѣ книги приложены „Общія положенія“ и въ выноскѣ сообщено, что „сочиненіе это представлено авторомъ въ одинъ изъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ въ качествѣ диссертация на ученую степень магистра государственнаго права“—оно написано, значитъ, человѣкомъ, прошедшимъ университетскій курсъ, сдавшимъ экзаменъ, представлявшимъ сочиненія... Нельзя этому не удивиться безгранично. Безъ такого прямого свидѣтельства у насъ, по крайней мѣрѣ, ни на минуту не явилась бы и мысль объ этомъ. Что можетъ дать такая работа при существованіи труда В. И. Семевского? Кстати, авторъ книги этой не упоминаетъ—думаемъ, что отъ подозрѣній въ плагиатъ онъ чистъ безусловно; изъ ученыхъ русскихъ авторъ ссылается нѣсколько разъ на Романовича-Славатинскаго, разъ на В. И. Сергѣевича, разъ на Чичерина, два два на Дяконова—и только; кромѣ Полнаго Собранія Законовъ и нѣкоторыхъ другихъ официальныхъ изданій онъ цитируетъ только нѣсколько статей болѣе или менѣе не научнаго содержанія. Мы съ крайнимъ сожалѣніемъ произносимъ свой рѣзкій приговоръ, но рассматриваемое сочиненіе представляетъ собою, сколько можемъ припомнить, нѣчто дѣйствительно невѣданное доселѣ въ ученой литературѣ; оно столь необычно по своей абсолютной неудовлетворительности, что фактъ появленія его надо объяснять какой-то странной печальной случайностью. Единственное, что можемъ мы поставить хоть сколько нибудь въ активъ автора—это то, что въ работѣ его не находится ни одного

изъ неблаговидныхъ пріемовъ, которые, къ сожалѣнію, примѣняются иногда и въ сочиненіяхъ, претендующихъ на научность: авторъ не извращаетъ умышленно ни цитаты, ни чужихъ мнѣній, не заимствуетъ ничего безъ указаній источниковъ, даже не зангрываетъ ни съ какимъ моднымъ или выгоднымъ теченіемъ. Эти достоинства отрицательныя, но все же я присутствіе ихъ имѣетъ извѣстное значеніе. Она свидѣтельствуютъ, что авторъ безкорыстно интересуется работою на научномъ поприщѣ. Это хорошо, и мы искренно желали бы ему на немъ возможнаго успѣха. Но по всякомъ случаѣ ему необходимо еще очень и очень много поработать надъ собою и надъ уясненіемъ себѣ сущности я метода научныхъ изслѣдованій.

Н. Ч.

Книжныя новости.

М. Арога. Указатель латышской переводной беллетристики. Рига: 1902. Изданіе научной комиссіи при Рижскомъ латышскомъ обществѣ. (Latweeschu tulkotās beletristikas rādītājs Aroga Matīsa sastādīts), 8°. 270 стр.

Въ 1897 г. Н. А. Рубинякъ издалъ „Библиографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой“, въ которомъ приведены свѣдѣнія о 1223 писателяхъ, переведенныхъ на русскій языкъ. Оказалось, что переводная литература у насъ не только не поражаетъ своимъ обиліемъ, но и положительно бѣдна, что она даже поражаетъ своею скудостью, что она блещетъ отсутствіемъ переводовъ длиннаго ряда выдающихся произведеній, украшающихъ собою всемірную литературу. Но возникаетъ вопросъ, въ достаточной ли степени эти указатели представляютъ обработанный матеріалъ какъ по группировкѣ данныхъ, такъ и по хронологическому ихъ распредѣленію.—Задача труда г. Арога была прежде всего практическая. Надо было привести въ извѣстность, какіе писатели всемірной литературы уже переведены, кѣмъ и когда эти переводы пздапы? Обнаружилось, что *латышами* переведено всего 1.467 авторовъ, при чемъ имѣлось было 759, русскихъ 241, французовъ 97, англичанъ 57, поляковъ 34, итальянцевъ 29, шведовъ 24, датчанъ 22, американцевъ (Бретъ-Гартъ и др.) 18, венгерско-мадьярскихъ писателей 17, норвежцевъ 13, столько же пово-греческихъ и римскихъ, голландцевъ 11, испанцевъ 10, эстонцевъ 9, латинскихъ 6, болгаръ 4, литовцевъ 3 и многихъ другихъ народностей по 2 и 1. Въ 62 случаяхъ народность переведеннаго автора не указала. Въ прежнее время замѣтенъ былъ перевѣсъ нѣмецкаго вліянія, а въ настоящее преобладаетъ вліяніе русской литературы до Чехова и М. Горькаго-Шѣлкова включительно. Его разсказъ Трое,

напримѣръ, книгъ печатається въ одной изъ болѣе распространенныхъ и прогрессивныхъ ежедневныхъ газетъ „Deenas Lara“. Во всякомъ случаѣ польза изданія такого рода указателей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Литературы мелкихъ народностей легко подвергаются тлетворному вліянію застоявшейся мелкоты и самовосхваленія національныхъ литературныхъ коринеевъ и оттого сугубо нуждаются въ освѣженіи литературныхъ теченій посредствомъ приобщенія ихъ къ современнымъ писателямъ всемірной беллетристики. У латышей въ особенности переводилось многое не столько съ оригиналовъ англійскаго, датскаго, польскаго, римскаго, сколько посредствомъ богатой нѣмецкой переводной литературы. Слѣшкомъ мало указано г. Арономъ, что собственно переводилось съ чужихъ оригиналовъ непосредственно и что передано по латышски по нѣмецкимъ и русскимъ передѣлкамъ и пересказамъ. Наконецъ не хватаетъ чисто статистическаго элемента, о движеніи переводной литературы во времени, въ цифрахъ и о распространеніи предлагаемыхъ на литературномъ рынкѣ переводовъ. Было бы желательнѣе знать, въ какой степени въ извѣстное время преобладало вліяніе той или другой иностранной беллетристики. Не отмѣчено еще, какія литературныя партіи, издательскія фирмы и народно просвѣтительныя кружки содѣйствовали водворенію извѣстныхъ литературныхъ вкусовъ и идеаловъ.

Въ дополненіе къ соображеніямъ г. Арономъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ упомянуть, что для нуждъ любителей латышской литературы и для справокъ по торговлѣ латышскими книгами издается г. І. Шабловскимъ и Ян. Бергомъ *Latweeschu rakstneezibas gādītājs* (указатель латышской письменности). Въ вып. 2-мъ этого указателя зарегистрировано всего 3.939 сочиненій, вышедшихъ до 1899 года, и 286 книгъ 1899 года. Въ этомъ же указателѣ отмѣчены адреса главнѣйшихъ книгопродавческихъ фирмъ и библиотекъ для чтенія, имѣющихъ книжныя запасы на латышскомъ языкѣ. Оба указателя представляютъ необходимыя пособія какъ для изученія латышской этнографіи, такъ и для характеристики латышскаго языка и письменности.

Памятныя книжки. Изъ памятныхъ книжекъ губерній па 1902 годъ нѣкоторыя обращаютъ на себя вниманіе новостью программъ или же сообщеніемъ полезныхъ и любопытныхъ историческихъ свѣдѣній.

а. **Памятная книжка Симбирской губерніи.** Изданіе подъ редакціею Д. А. Горчакова, секретаря Симбирскаго губернскаго статистическаго комитета, кромѣ справочныхъ свѣдѣній (1—156), представляетъ обзоръ „благотворительныхъ обществъ и ихъ учрежденій, ученыхъ обществъ, спортивныхъ клубовъ, собраній и проч.“ (157—276), а въ послѣдшемъ третьемъ отдѣлѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о симбирской старинѣ: 1) нѣсколько документовъ пугачевскаго времени, извлеченныхъ кав. Лѣтцинымъ изъ военныхъ архивовъ (стр. 286—296); 2) статьи, посвященныя памяти П. А. Гончарова (стр. 312—321); 3) матеріалы къ исторіи не столь давняго прошлаго: письма сенатора С. Р. Жданова по поводу Симбирскихъ пожаровъ 1864 года (писаныя къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву) (стр. 321—325). Книжка наконецъ украшена иллюстраціями зданій разныхъ учрежденій, представляющими очень блѣдныя и плохія динкографіи.

в. Памятная книжка Волгинской губерніи, составленная на 1902 годъ секретаремъ Волгинскаго губернскаго статистическаго комитета *И. Н. Леонтьевымъ* въ Житомирѣ, во II-омъ, литературномъ отдѣлѣ заключаетъ въ себѣ статью *О. А. Фотинскаго* „Юрій Немиръ“. Эпизодъ изъ исторіи Волгини XVII вѣка. Г. Фотинскій (онъ же въ 1894 году въ *Волгинскихъ Емариальныхъ Ведомостяхъ* описалъ Социнианское движеніе на Волгви въ XVI и XVII вѣкахъ) по даннымъ Кіевскаго центрального архива излагаетъ исторію жизни типичнаго представителя своего вѣка, вѣка безплодныхъ вѣтаній и увлеченій, когда отдѣльными личностями пытались измѣнить по своему плану ходъ исторіи. Жизнь этого могущественнаго магната, воспитаннаго въ Голландіи, предполагавшагося князедра Великаго Княжества представляется дѣлу энонею.

с. Сборникъ Рязанскаго губернскаго статистическаго комитета. Выпускъ I. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. 1900 г. Рязань. 8°. 456 стр.—Кромѣ богатаго статистическаго и справочнаго отдѣловъ, въ приложеніяхъ хранитель архива Рязанской ученой архивной комиссіи *Ис. Ис. Проходцевъ* знакомитъ своихъ читателей съ двумя любопытными сторонами особенностей народнаго образованія Рязанскаго края. Первая статья озаглавлена: Ланкастерскія училища или школы по методу взаимнаго обученія въ Рязанской губерніи (181—199); вторая: Образованіе у касимовскихъ татаръ (201—253).

Школьное дѣло по методу Ланкастера не могло идти успѣшно и еще въ 60-хъ гг. совершенно забыто. Самый развѣтъ увлеченій Ланкастеромъ у насъ въ Россіи былъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I и первые годы Николая I, съ 1816—1820 гг. Въ Рязанской губерніи Ланкастерскій методъ взаимнаго обученія возникъ въ 1835 года. Методъ этотъ, сильный болѣе вѣншей, чѣмъ внутренней стороною, вездѣ въ Россіи быстро надалъ, гдѣ бы онъ ни заводился.

Статья „Образованіе у касимовскихъ татаръ“ касается малозслѣдованной исторіи культурнаго быта этой народности. Единственное изслѣдованіе В. В. Вельяминова-Зернова, слишкомъ спеціальное, мало кому извѣстно. Г. Проходцевъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о развитіи образованія у татаръ Касимовскаго уѣзда за нѣкоторые годы вѣншаго столѣтія изъ официальныхъ данныхъ, изъ стараго архива дирекціи гимназій и народныхъ училищъ, куда они доставлены были касимовскими мѣнами, мухтасилами, мударрисами и ахунами, и изъ частныхъ сообщеній, сдѣланныхъ по просьбѣ автора статьи людьми, близко знающими бытъ касимовскихъ татаръ, и изъ личныхъ опросовъ и наблюденій. Кромѣ того о состояніи образованія за послѣдній годъ свѣдѣнія истребованы Рязанскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, чрезъ ахуна касимовской соборной мечети. Сопоставляя число школъ съ количествомъ татарскаго населенія въ Касимовскомъ уѣздѣ, мы видимъ, что на 11 школъ приходится 2.783 душъ мужскаго пола, или, что то же, одна школа на 253 человека и на 26 дѣтей школьнаго возраста. И пока еще въ земской Россіи только говорятъ о желательности всеобщаго обученія дѣтей школьнаго возраста, среди татаръ Касимовскаго уѣзда уже давно нѣтъ неграмотныхъ.

Въ выпускѣ 2-мъ (Рязань 1902. 8°. 158+57+XXXII) въ приложеніи (стр. 1—40) помѣщенъ этюдъ того же *Ис. Проходцева*: Статистика народооасе-

ленія Рязанской губерніи за минувшее столѣтіе, составленный на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ какъ изъ генеральныхъ ревизій, такъ и изъ консисторскихъ экстрактовъ къ метрическимъ книгамъ. Выходить, что приростъ населенія Рязанской губерніи за минувшее столѣтіе долженъ считаться замедленнымъ, особенно въ сравненіи съ южными губерніями Россіи. Тутъ дѣйствуетъ законъ Левассера, т. е., предѣльная цифра для роста земледѣльческаго населенія, а именно 45.6 чел. на квадратную версту. Приблизительно къ той же цифрѣ (30—46 чел. на квадратный километр) приходили экономисты, пытавшіеся опредѣлить, сколько населенія можетъ прокормить Россія своимъ собственнымъ хлѣбомъ при современныхъ условіяхъ земледѣлія. Въ Рязанской губерніи въ 1897 году приходилось по 49.8 чел. на кв. версту, населеніе же этой губерніи въ XIX в. занималось по преимуществу земледѣліемъ, употребляла самыя примитивныя способы обработки земли, и естественно дошло въ своемъ ростѣ до естественнаго предѣла „насыщенія губерніи населеніемъ, по достиженіи котораго упругость сопротивленія новому приросту быстро увеличивается, и возрастаніе замедляется“. Такимъ образомъ населенію Рязанской губерніи необходимо вступить изъ періода земледѣльческой культуры на слѣдующую ступень экономического развитія.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ:

— *Лебедевъ, А. С.* Бѣлгородскіе архивныя и среда ихъ архипастырской дѣятельности. (По архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ 1902. XIV+228 стр. Цѣна 2 руб.

— *Шмидтъ, П.* Опытъ мандаринской грамматики съ текстами для упражненій. Посobie къ изученію разговорнаго китайскаго языка пекинскаго нарѣчія. Владивостокъ 1902. VIII+203 стр.

— *Адамовъ, П.* Руководство къ веденію сочиненій въ среднихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ обученіи. Рига 1903. 74 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

— *Лилевъ, М. И.* Михаилъ Петровичъ Погодинъ, какъ профессоръ и историкъ (1800—1875). Нѣжинъ 1902. 37 стр.

— *Заторскій, К. Я.* Теорія железнодорожныхъ тарифовъ. Задачи управленія, принципы построенія и приѣмленія формы и виды тарифовъ. С.-Пб. 1901. 822 стр. Цѣна 3 руб.

— *Язиковъ, Дмитрій. III.* Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Москва 1902. 40 стр.

— Императорскій Казанскій университетъ. Обзорніе преподаванія въ 1902—1903 учебномъ году. Казань 1902. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1902 г., июль—августъ).

— Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе 1901 г. въ бібліотеку Импе-

раторскаго Казанскаго университета. Казань 1902. 163 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1902 г., сентябрь).

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1901 года по 1-е октября 1902 года. Подъ редакціею директора Коллегіи Павла Галагана А. И. Степовича. Годъ 7-й. Кіевъ 1902. 423+66 стр.

— Зола, Э. Трудъ. Романъ. Переводъ О. Н. Поповой. С.-Пб. 1901. 534 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Латерлефъ, Сельма. Чудеса Антихриста. Романъ. Переводъ со шведскаго М. Вловоицкской. С.-Пб. 328 стр. (Издательство О. Н. Поповой). Цѣна 1 р. 20 коп.

— Нискорскій, В. К. Исторія Испаніи и Португаліи. Изданіе Акціонернаго общества Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Пб. 1902. 198 стр. Цѣна 1 руб. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ редакціею Н. И. Карцева и Лучинскаго).

— Мижуевъ, П. Г. Исторія колониальной имперіи и колониальной политики Англіи. Изданіе Акціонернаго общества Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Пб. 1902. 215 стр. Цѣна 1 руб. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціею Н. И. Карцева и И. В. Лучинскаго).

— По поводу предполагаемаго съѣзда дѣятелей по прикладной геологіи и горнымъ развѣдкамъ. С.-Пб. 1902. 5 стр.

Программа вопросовъ, предлагаемыхъ для обсужденія на съѣздѣ дѣятелей по прикладной геологіи и горнымъ развѣдкамъ. С.-Пб. 1902. 9 стр.

— Сборникъ статей, посвященныхъ ученикамъ и почитателямъ академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову по случаю тридцатилѣтія его ученой и преподавательской дѣятельности въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 1872 — 1902. Варшава 1902. 717 стр.

— Списокъ издаваемыхъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1902. 29 стр.

— Модзалевскій, Б. Л. Н. И. Ловачевскій. Письма его къ И. Е. Великопольскому (1832—1842 г.). (Оттискъ изъ „Извѣстій физико-математическаго общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“). Казань 1902. 18 стр.

— Зелинскій, В. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и образцовыхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ известными русскими педагогами. Изданіе третье. Москва 1902. VIII+260 стр. Цѣна 1 р. (Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. III).

— Покровский, Г. А. Право и фактъ въ римскомъ правѣ. Часть II. Генезисъ преторскаго права. Кіевъ 1902. III+209 стр.

— *Эразмъ Ромшердамскій. Похвала глупости.* Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями *П. И. Ардашева.* Юрьевъ 1902. 172 стр. Цѣна 1 руб.

— *Козловъ, П. К.* Труды экспедиціи Императорскаго русскаго географическаго общества по центральной Азіи, совершенной въ 1893—1896 гг. подъ начальствомъ *В. И. Роборовскаго.* Часть II. Изданіе Императорскаго русскаго географическаго общества. С.-Пб. 1899. VIII+296 стр.

— Извѣстія Императорскаго географическаго русскаго общества, издаваемые подъ редакціей секретаря общества. Томъ XXXVIII. Выпускъ II. С.-Пб. 1902, отъ 127—271 стр.

— Отчетъ о состояніи училищъ при реформатскихъ церквахъ за 1901—1902 годъ. 86 стр.

— „Вегетарианка“. Нѣчто о вегетарианствѣ. Первый выпускъ. С.-Пб. 1902. 16 стр. Цѣна 15 к.

— *Зеленковъ, А. И.*, д-ръ медицины. Биологическія вѣсды. Выпускъ первый. С.-Пб. 1902. 32+9 стр. Цѣна 35 коп.

— Александровское среднее семиклассное механико-техническое училище. 1900—1902. Александровскъ, Екатеринославской губ. 1902. 57 стр.

— *Каминка, А. И.* Акционерныя компании. Юридическое изслѣдованіе. Томъ I. С.-Пб. 1902. XXI+490 стр. Цѣна 3 р.

— *Корниловъ, П. И.* Задачи русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ статей. (Посмертное изданіе). С.-Пб. 1902. VII+441+II стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ повѣстителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1901 годъ. Кіевъ 1902. 229+80+53+23+96+20+19+10+96+100+7+11 стр.

Grabowski, L. Photometrische Beobachtungen der Nova (3. 1901) Persei auf der Nikolai-Hauptsternwarte zu Pulkowo von *L. Grabowski* und *H. v. Zeipel* angestellt. С.-Пб. 1902. 33 стр. Цѣна 80 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XII, № 9).

— *Schewiakoff, W.* Vorträge zur Kenntniss der Radiolaria-Acanthometrea. С.-Пб. 1902. 40 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XII, № 10).

— *Zeipel, H.* ANGENÄHMTE JUPITERSTORUNGEN FÜR DIE GIBBUA-GRUPPE. С.-Пб. 1902. 144 стр. Цѣна 2 руб. 40 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XII, № 11 и послѣдній).

— *Reuz, F.* POSITIONEN DER JUPITERSTRAUNTEN nach photographischen Aufnahmen berechnet. II. Teil. Oppositionen 1896—1898 г. С.-Пб. 1902. 27 стр. Цѣна 4 р. 40 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIII, № 1).

— *Акты Московскаго государства, издавныя Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціей Д. И. Сажковскаго. Томъ III. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1660—1664. С.-Пб. 1901. XXX+674 стр. Цѣна 5 руб.*

— *Ганъ, М. А. Краткое руководство по стереохиміи съ дополнительной статьей М. А. Вернеръ. Москва 1903. XXIV+246 стр. Цѣна 1 руб. (Библиотека для самообразования. XXII. Изданіе Товарищества Сыннина).*

— *Тюбовичъ, Н. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава 1901. 17 стр.*

— *Успенскій, П. Б. Замѣтки по древне-славянскому переводу Св. Писанія. VI. Книга пророка Даниила въ переводѣ живодствующихъ по рукописи XVI вѣка. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ. Москва 1902. 36 стр. Цѣна 30 коп.*

— *Ракошницъ, З. А. Исторія Ассиріи отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рисункомъ и 2-мя картами, печатанными красками. С.-Пб. XVI+500 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Изданіе А. Ф. Маркса.*

— *Гурлиндъ, П. И. Приказъ Великаго Государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль 1902. 390 стр. Цѣна 3 руб.*

— *Котляръ, Д. И. Среднее царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. 207 стр. Цѣна 80 коп.*

— *Записки Общества исторіи филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ I. Варшава. 1902. 56 + 120 + 34 стр. Цѣна 1 р.*

— *Извѣстія восточной центральной сейсмической комиссіи за 1902 годъ. Выпускъ I. С.-Пб. 1902. 213 стр. (Императорская Академія Наукъ). Цѣна 2 р. 80 коп.*

— *Отчетъ о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-Пб. 1902. 234 стр. Цѣна 2 руб.*

— *Správa o Museu Kralovstvi českého za rok 1901. V Praze 1902. 114 стр.*

— *Библиотека состоящая подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Специальная бібліотека по вопросамъ о призрѣніи бѣдныхъ, благотворительности, трудовой помощи и о ипріоріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся. С.-Пб. 1902. 116 стр.*

— *Творенія иже во святыхъ отца нашего Аванасія Великаго, архіепископа Александрійскаго. Часть вторая. Изданіе второе исправленное и дополненное. Свято-Троицкаго Сергіева лавра 1902. 494 стр.*

— *Курловъ, Николай, священникъ. Кругъ церковныхъ основаній обычныхъ рас-*

пѣвовъ для народа въ переложеніи на два и на три голоса. Пѣснопѣнія на Св. Великую Пасху. 26 стр. Цѣна 25 к. Великій камень: помощникъ и покровитель. 6 стр. Цѣна 10 к. Пѣснопѣнія на Рождество Христово. 17 стр. Цѣна 20 коп. Господи воззвахъ. Восьми гласнаго кievскаго распѣва. 21 стр. Цѣна 20 коп.

— *Ело же.* Опытъ всенароднаго церковнаго пѣнія въ селахъ и арміи. Краткое руководство. С.-Пб. 1902. 96 стр. Цѣна 25 коп.

— *Отчетъ Коломенской общественной библіотеки имени И. И. Лажечникова за 1901 годъ (годъ третій).* 15 стр.

— *Кесслеръ, Г.* Паровыя машины. Устройство паровыхъ машинъ. (Общее описаніе различныхъ системъ паровыхъ машинъ, ихъ способовъ устройства въ цѣломъ и въ деталяхъ. Парораспределенія и ихъ диаграммы. Холодильники). Переводъ съ нѣмецкаго *К. В. Паумова*, подъ редакціей *А. А. Сатквича*. Съ 148 фиг. въ текстѣ. С.-Пб. 1903. 132 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. (Изданіе *И. И. Валлова*).

— *Дебольскій, Н. Н.* Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Исслѣдованіе. С.-Пб. 1903. XVI+440 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Усачевъ, Э.* Вліяніе Гольфштрема на движеніе циклоновъ въ Атлантическомъ океанѣ. С.-Пб. 1902. 119 стр.

— *Фармаковский, В. В.* Аттичская вазоная живопись и ея отношенія къ искусству монументальному въ эпоху непосредственно послѣ греко-персидскихъ войнъ. Съ 20-ю таблицами и 60-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1902. VII+615+274 стр. С.-Пб.

— *Дьяконова, П. П.* Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Казань 1902. 154+IV стр. Цѣна 60 коп.

— *Памятная книжка Виленскаго учебнаго округа на 1902—1903 учебный годъ.* Изданіе Управленія Виленскаго учебнаго округа. Вильна 1902. 257 стр.

— *Гриммъ, братья.* Сказки и легенды. Переводъ *А. С. Фридеманъ*. Съ иллюстраціями *И. Громъ-Голанка* и *П. Лейнвебера*. Томъ I. 416 стр. Томъ II. 400 стр. Цѣна за каждый томъ 1 руб. 20 коп. С.-Пб. 1903. Издательство *О. И. Ноновой*.

— *Тураевъ, В.* Исследования въ области агіологическихъ источниковъ Исторіи Эеіопіи. С.-Пб. 1902. XIV+453 стр.

— *Tyraico, V.* Monumenta Aethiopiae Philologica. Fasciculus I. Лейпцигъ 1902. 88+VII стр. Fasciculus II. С.-Пб. 1902. 100 стр.

— *Красускій, К.* Исслѣдованіе изомерныхъ превращеній, совершающихся при участіи органическихъ окисей. С.-Пб. 1902. 117 стр.

Отчетъ о состояніи Астраханской общественной библіотеки, состоящей

подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича за 1901 годъ. Астрахань 1902. 36 стр.

— *Миловидовъ, А.* Первая русская газета въ сѣверо-западномъ краѣ. Отдѣльный оттискъ нѣ 2-го и 3-го №№ Бюлетеней юбилейнаго комитета по организаціи празднованія 200-лѣтія русской периодической печати. Москва 1902. 24 стр. (Труды русскаго библиографическаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

С. Щербаков. Курс космографии для средних учебных заведений. Пижвий-Новгородъ. 1902 г. Стр. VII+184. Цѣна 1 рубль.

Эта книга содержитъ болѣе или менѣе полные отвѣты почти на всѣ вопросы, входящіе въ программы математической географіи какъ классическихъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ. Изложеніе въ общемъ удовлетворительно; слабо изложены—глава V (измѣрительные приборы), § 30 (опредѣленіе зенитнаго отсчета круга), § 74 (аберація свѣта) и § 95 (объясненіе попятныхъ движеній); въ книгѣ ничего не сказано о нутаціи и слишкомъ мало о проекціяхъ географическихъ картъ (см. стр. 42); §§ 72, 73, 74 и 75, въ которыхъ излагаются слѣдствія поступательнаго движенія земли, слѣдовало бы помѣстить послѣ § 76. Въ частности можно указать на нижеслѣдующія ошибки, неточности и неясности въ изложеніи.

На стр. 2 авторъ, объясняя рис. 1, вмѣсто того, чтобы сказать, что „ВС—линія пересѣченія вынуклой поверхности моря плоскостью чертежа“, говоритъ сокращенно „ВС—вынуклая поверхность моря“; едва ли подобныя сокращенія желательны въ учебникѣ, а они встрѣчаются перѣдко (стр. 3, 10). На стр. 3 изложенъ способъ опредѣленія радіуса земли по углу α , называемому пониженьемъ видимаго горизонта, при чемъ сказано, что „по нѣкоторымъ причинамъ“ измѣреніе угла α очень затруднительно; лучше было бы показать возможность опредѣленія радіуса земли по дальности видимаго горизонта. Къ тому, что сказано о небесной сферѣ (стр. 5), слѣдовало бы при-

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензій нѣмѣлся въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

бавить, что за центръ небесной сферы можно взять и любую точку пространства. На стр. 7 сказано, что Сириусъ принадлежитъ къ созвѣздію Малаго Пса (известно, что *Sirius*—*α Canis majoris*). Неточно сдѣланы опредѣленія: полюса міра (стр. 10), меридіана (стр. 11), точки сѣвера (стр. 11), моментовъ кульминаціи (стр. 12), небеснаго экватора (стр. 12), небесныхъ координатъ (стр. 13), азимута (стр. 13), круга склоненій (стр. 14), годичнаго параллакса (стр. 71). На стр. 11 помѣщена задача, въ которой, между прочимъ, предлагается указать направленіе экватора, принимая нижній конецъ (?) линійки за центръ небесной сферы, а опредѣленіе экватора дано лишь на стр. 12. Въ концѣ стр. 16 говорится, что „уголъ рефракціи, соответствующій каждому зенитному разстоянію, известенъ съ точностью до десятихъ долей секунды, тогда какъ ошибка рефракціи въ горизонтѣ можетъ доходить до 20“. На стр. 20 говорится о „началѣ“ звѣздныхъ сутокъ, а что принимается за начало ихъ, сказано лишь на слѣдующей страницѣ. Въмѣсто часоваго угла (§ 22) авторъ почему-то вводитъ „часовую дугу“; излишне также введеніе обозначенія дуги a , выраженной во времени, чрезъ $(a)^h$ (стр. 21). Странное опредѣленіе часовъ дано на стр. 23 (часы—механическія модели суточного хода неба); не менѣе странно и опредѣленіе секстанта на стр. 43 (приборъ, который наблюдатель держитъ въ рукахъ). На стр. 37 дается такое опредѣленіе долготы: „долготою будетъ дуга экватора, либо соответствующая ей дуга одной изъ параллелей“, но развѣ дуга экватора равна дугѣ параллели? На стр. 61 дана, безъ всякаго поясненія, формула $D = \frac{R}{\Lambda \sin i}$, что въ элементарномъ учебникѣ совсѣмъ неумѣстно.

Неточны выраженія: „солнце проходитъ чрезъ пунктъ экватора“ (стр. 65), „движеніе солнца по склоненію“, „солнце движется по прямому восхожденію“ (стр. 67). Въ § 67, гдѣ приводится способъ опредѣленія положенія точки весенняго равноденствія, не сказано, что этотъ способъ предполагаетъ равномерность видимаго годоваго движенія солнца. Прибавка „астрономическая“ къ широтѣ и долготѣ свѣтила излишня (стр. 68). На стр. 83 сказано: „около 10-го марта среднее солнце проходитъ чрезъ точку γ “, что не соответствуетъ тому, что сказано на стр. 15. На стр. 84 авторъ неумѣнно говоритъ, что продолжительность тропическаго года есть величина постоянная. На стр. 88 сказано, что движеніе луны въ 13 разъ быстрѣе солнца, что не соответствуетъ тому, что сказано на стр. 8. Опредѣленіе

фазъ луны (первой и послѣдней четвертей) сдѣлано невѣрно (стр. 89);— четвертями, какъ извѣстно, называются положенія луны, когда уголъ при ней между направленіями на землю и солнце дѣлается равнымъ 90° . Третій законъ Кеплера формулировать неточно — надо было сказать „квадраты *звѣздныхъ* оборотовъ“ и т. д. (стр. 106). На стр. 109 сказано, что „ $\frac{1}{\Delta t^2}$ “ есть безконечно малая величина“, надо было прибавить—по сравненію съ $2R$. Обыкновенно за единицу массы тѣлъ солнечной системы принимаютъ массу солнца, а не массу земли, какъ сказано на стр. 118. Въ § 122 слѣдовало бы упомянуть о „сѣтяхъ нитей“, приспособленіи, сильно увеличившемъ точность наблюденій зрительной трубой. Въ §§ 126 и 130 говорится, что обращеніе Венеры около оси равно 225 днямъ, что въ настоящее время подлежитъ большому сомнѣнію. На стр. 144 сказано, что полярная пятна на Марсѣ „съ полнымъ правомъ“ можно принять „за льды планеты“; осторожнѣй было бы сказать—„за осадки въ видѣ снѣга водяныхъ или же какихъ-нибудь другихъ паровъ“. Въ § 140 изъ того, что метеоры наблюдаются на высотѣ около 150 кил., авторъ выводитъ, что возгораніе метеора происходитъ въ предѣлахъ нашей атмосферы, тогда какъ обратно—но высотѣ возгоранія метеоровъ заключаютъ о высотѣ земной атмосферы. Въ концѣ § 142 авторъ упоминаетъ о собственномъ движеніи солнца; сказаннаго здѣсь недостаточно, чтобы представить себѣ, какъ выводится собственное движеніе солнца, которое, кстати сказать, направлено (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Ньюкомба) къ созвѣздію Лиры, а не къ созвѣздію Геркулеса. На стр. 173 приведено, неизвѣстно для какой цѣли, безъ вывода уравненіе коническаго сѣченія въ полярныхъ координатахъ. На стр. 184, перечисляя поправки для приведенія средняго мѣста звѣзды на видимое, авторъ забываетъ о поправкѣ, зависящей отъ нутаціи.—Приложенію къ книгѣ карту звѣзднаго неба слѣдовало бы повернуть на 180° , иначе очень неудобно читать объясненіе карты, данное на стр. 174 и 175.

Языкъ, которымъ написана книга, безспорно хорошъ; отмѣтимъ слѣдующія выраженія: математизація курса (стр. IV), верхне-культимирующее свѣтило (стр. 22), должайнѣйшій день (стр. 79), звѣздное время рассчитывать по среднему (стр. 83), непятное движеніе (стр. 99, 100 и др.), тѣло ускоряется (стр. 152), массивная планета (стр. 152), долготы планетъ, откладываемыя *вокругъ* солнца (стр. 179).

Ч. А. Юнгъ. Уроки астрономіи съ включеніемъ въ текстъ описанія созвѣдій— (уранографія). Краткій вступительный курсъ безъ математики. Переводъ съ послѣдняго америкавскаго изданія 1901 г. *И. Я. Морозова*. Сиб. 1902 г. Изд. О. П. Поговой. Стр. XIII+365+4 карты. Цѣна 1 р. 50 к.

Эта книга представляетъ переводъ съ англійскаго краткаго курса астрономіи (*Lessons in astronomy*) извѣстнаго американскаго астронома Юнга (*Young*). Книга Юнга даетъ въ общедоступномъ изложеніи достаточно ясное и правильное представленіе о современномъ состояніи астрономіи; переводъ сдѣланъ въ общемъ (нѣкоторые промахи указаны ниже) хорошо.

Главы I и III, какъ содержащія основныя понятія и опредѣленія, должны были бы быть составлены особенно тщательно, между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются невѣрныя опредѣленія и пропуски, — напримеръ, въ §§ 9, 10 небесная сфера не отличается отъ небснаго свода, при чемъ говорится, что „діаметръ небесной сферы есть величина безконечно больша“ (§ 6); опредѣленія направленія меридіана изъ наблюдений, что весьма существенно, въ этихъ главахъ нѣтъ; опредѣленіе высоты полюса (или широты мѣста) изъ наблюдений около полярной звѣзды (§ 81) слѣдовало бы пояснить, хотя бы чертежомъ; въ § 14 сказано, что „небесный экваторъ часто называютъ также *равноденственною линіею*“, тогда какъ подъ линіею равноденствій разумѣютъ линію пересѣченія плоскостей экватора и эклиптики; въ томъ же § 14 невѣрно утверждается, что „склоненіе звѣзды—это то же, что широта мѣста на земной поверхности“ (ошибка перевода); въ § 17 находится крупная опечатка, — вмѣсто „часовой кругъ“ напечатано „часовой уголъ“; данное въ § 20 опредѣленіе эклиптики неточно; непонятно, что хотѣлъ сказать переводчикъ въ концѣ § 53—„поправки на рефракцію заключаютъ въ себѣ вѣроятность значительныхъ ошибокъ“; въ § 88 даются два опредѣленія полдня, — одно изъ нихъ невѣрно, такъ какъ наибольшую высоту надъ горизонтомъ солнце имѣетъ не въ моментъ его верхней кульминаціи; въ § 95 поправка часовъ неправильно называется „невѣрностью хода“; перечисляя главныя меридіаны, переводчикъ забываетъ о Пулковскомъ меридіанѣ; хронометры перевозятъ, а не „переносятъ“ (§ 96); въ этихъ же главахъ встрѣчаются и необъясненные термины, — „альманахъ“ (§ 91), „звѣздный каталогъ“ (§ 100).

Глава II, посвященная подробному описанію созвѣдій, для учеб-

ника является совершенно излишней, — достаточно было бы приложить небольшую звѣздную карту и объяснить, какъ пользоваться ею. Въ § 22 этой главы встрѣчается неимѣющее смысла выраженіе: „часовые углы прямыхъ восхожденій“; указывая въ § 23 на различные звѣздные атласы, переводчикъ забываетъ о хорошемъ атласѣ Мессера, изданномъ въ Россіи; въ § 27 неврѣно говорится, что положеніе звѣздъ на небесномъ сводѣ остается неизмѣннымъ (ошибка перевода); въ § 28 „the wife“ переведено „дочь“ вмѣсто жена; неправильно выраженіе въ § 30: „все созвѣздіе простирается по параллели склоненій на 12 часовъ прямыхъ восхожденій“; въ § 35 говорится, что α , β и γ Andromedae расположены въ видѣ изогнутой линіи, идущей отъ α въ направленіи отъ востока къ сѣверу“, — нужно было сказать „отъ запада къ сѣверу“; звѣзды, лежащія близки Капеллы, извѣстны подъ названіемъ „козлятъ“, а не „дѣтенышей“ (§ 41 и звѣздная карта II); туманности переводчикъ неправильно называетъ „туманами“ (§§ 56, 59), четверныя звѣзды—„двухпарными“ (§ 67), а жону Орфея—„Эридисой“ (§ 67).

Въ главѣ IV говорится о видѣ и размѣрахъ земли, о вращательномъ и поступательномъ движеніи ея. Здѣсь въ § 102 сказано, что земля есть шаръ, діаметръ котораго равенъ приблизительно 11.880 верстѣ (въ подлинникѣ 7.920 миль); переводчикъ замѣняетъ верстѣ англ. миль верстами, при чемъ принимаетъ 1 англ. м. = 1,5 версты. Такъ какъ точнѣе 1 англ. м. = 1,5 в. + 13 аршинъ, то понятно, что, при переходѣ отъ весьма большихъ разстояній, которыя выражаются часто милліонами миль, къ разстояніямъ въ верстахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду болѣе точное соотношеніе между милей и верстой; переводчикъ упускаетъ это изъ виду, поэтому у него *повсюду* встрѣчаются неврѣныя числа, напримѣръ, на стр. 70 онъ приводитъ длины градуса подъ различными широтами, при чемъ даетъ эти длины съ тысячными долями версты, тогда какъ ошибка, вслѣдствіе принятаго переводчикомъ соотношенія между милей и верстой, составляетъ здѣсь около $\frac{1}{2}$ версты; на стр. 92 приводится среднее разстояніе земли отъ луны „съ вѣроятною ошибкою въ 30 верстѣ“, очевидно, это, по той же причинѣ, неврѣно; а на стр. 100 переводчикъ почему-то и футы подлинника умножаетъ на 1,5. Въ § 116 неврѣно сказано, что луна во время затменій находится на эклиптикѣ; въ § 119 говорится о видимомъ діаметрѣ солнца, а опредѣленіе видимаго діаметра дано лишь въ § 140; въ § 125 объясняется явленіе прецессіи, о путаціи же совсѣмъ не упоминается.

Глава V посвящена изученію движенія и вида луны. Здѣсь въ § 137 говорится объ опредѣленіи фигуры лунной орбиты на основаніи сопоставленій величинъ видимаго діаметра луны; такъ какъ (вслѣдствіе фазъ) видимый діаметръ луны не можетъ быть измѣренъ непосредственно, то задача объ опредѣленіи фигуры лунной орбиты должна рѣшаться на основаніи измѣненій ея параллакса, а не видимаго діаметра, а для этого слѣдовало бы ввести формулу, выражающую зависимость между параллаксомъ свѣтила и его разстояніемъ отъ земли.

Въ VI главѣ сообщаются свѣдѣнія о солнцѣ, преимущественно о физическоіи природѣ его. Здѣсь въ концѣ § 158 сказано: „при скорости 278 верстъ въ секунду уклоненіе движенія земли отъ строго прямолинейнаго составляетъ менѣе одной девятой дюйма“ (ошибка перевода); въ § 162 подписи подъ фиг. 26 не соответствуютъ тому, что сказано въ текстѣ, — такъ какъ въ текстѣ переводчикъ почти вездѣ употребляетъ старыи стиль, а подъ чертежами оставляетъ новыи.

Въ главѣ VII говорится о затмѣніяхъ, покрытіяхъ, приливахъ и отливахъ. Здѣсь въ § 205 есть ссылка на „Canonъ затмѣній“ Отпольцера, — это сочиненіе написано на нѣмецкомъ языкѣ и называется „Canon der Finsternisse“, а не на англійскомъ, какъ предполагаетъ переводчикъ.

Главы VIII и IX содержатъ свѣдѣнія о планетахъ. Въ § 217 планеты дѣлятся на „земныя“ и „большія“; такая классификація планетъ неупотребительна—планеты дѣлятся на нижнія (или внутреннія) и верхнія (или внѣшнія); правило Бодѣ безъ всякаго основанія называется (§ 219) закономъ; въ § 227 неврѣно сказано, что „Нептунъ болѣе прочихъ планетъ удаляется къ верху и къ низу отъ эклиптики“; въ концѣ § 229 вмѣсто „прохожденіе нижнихъ планетъ и т. д.“ нужно сказать „прохожденіе верхнихъ планетъ и т. д.“ (ошибка перевода); въ § 233 приводится формула безъ доказательства, что въ учебникѣ едва ли желательно (см. также §§ 371 и 436); въ § 265 встрѣчается выраженіе „въ нашихъ широтахъ“, что тутъ разумѣть подъ нашей широтой?—очевидно, широту, близкую къ $+40^\circ$, ибо въ подлинникѣ обыкновенно говорится о явленіяхъ въ широтѣ Нью-Йорка; тутъ кстати замѣтить, что переводчикъ, вмѣсто того, чтобы описать явленіе, какъ оно происходитъ въ широтахъ Россіи, ограничивается просто замѣной широты Нью-Йорка широтой въ 40° (напримѣръ, на стр. 89). Въ § 288 сказано, что устойчивость солнечной системы

доказана Лапласом и Лагранжемъ, между тѣмъ, какъ нѣвѣсто, строгаго доказательства устойчивости нѣтъ.

Въ главѣ X, о кометахъ и метеорахъ, не объяснено, что разумеютъ подъ „головой кометы“; не то ли это, что переводчикъ называетъ „coma“? (§ 300); въ концѣ § 316 сказано, непонятно почему, „фиг. 67 страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что изображенный на ней аэролитъ ужъ слишкомъ рѣзко представляетъ „часть кометы“ (ошибка перевода); въ § 321 говорится, что „среднее разстояніе между падающими звѣздами равно приблизительно 300 верстамъ“.

Въ главѣ XI и XII, о звѣздахъ и туманностяхъ, въ § 337, неправильно утверждается, что работа по фотографированію неба скоро будетъ вполне закончена; новыя звѣзды переводчикъ называетъ „временными“, физически двойныя— „бшарными“.

Последнія двѣ главы содержатъ нѣкоторыя дополнительныя статьи, которыя для пользы дѣла могли бы быть внесены, хотя бы отчасти, въ соотвѣтствующія мѣста предыдущихъ главъ. Здѣсь въ § 416 ошибочно говорится, что „среднее изъ всѣхъ наблюденій (прохожденій звѣздъ чрезъ нити пассажнаго инструмента) даетъ моментъ вступленія на среднюю нить“, такъ какъ приведеніе на среднюю нить зависитъ отъ разстоянія между нитями и отъ склопенія звѣзды; въ § 424 на фиг. 94 „QO“ представляетъ не экваторъ, а линію, лежащую въ плоскости экватора; въ § 436 говорится, что опредѣленіе разстоянія до солнца (параллакса солнца) помощью абераціи свѣта есть лучший методъ, между тѣмъ, какъ лучшимъ способомъ для опредѣленія параллакса солнца слѣдуетъ считать опредѣленіе его изъ наблюденій малыхъ планетъ во время ихъ противостояній (особенно послѣ открытія планеты „Эрость“).

Книга снабжена въ текстѣ хорошими рисунками. Въ приложеніи находятся таблицы астрономическихъ данныхъ, алфавитный указатель и четыре звѣздныя карты.

К. Бай. История искусства, подъ редакціей и съ дополненіями профессора университета Св. Владиміра *Г. Г. Пашуканко*, съ прибавленіемъ главы о древнемъ русскомъ искусствѣ *В. Т. Герасимско*. Стр. 350 рис. въ текстѣ, 28 фотографическихъ таблицъ и 2-я таблицы въ краскахъ. Изданіе *С. В. Кульженко*. Кіевъ 1902. Стр. V + 404. Ц. 4 р.

Книга Байа входитъ въ составъ серіи компендіевъ по всѣмъ отраслямъ техники и исторіи искусствъ, носящей названіе „библиотеки для преподаванія изящныхъ искусствъ“. Серія эта пользуется почетной

извѣстностью во Франціи и давно получила широкое распространіе за ея предѣлами.

Въ частности компендіи Байэ выдержали нѣсколько изданій, и русскій переводъ сдѣланъ съ 3-го изданія, вышедшаго въ свѣтъ 10 лѣтъ тому назадъ. Редакторъ перевода, профессоръ Павлуцкій, пополнилъ вложеніе, а кое-гдѣ и библиографическія указанія (на нѣмецкую и русскую литературу). Кромѣ того, онъ составилъ двѣ главы: объ искусствѣ въ 19-мъ вѣкѣ. У Байэ очень мало иллюстрацій, и онѣ плохи, въ русскомъ же изданіи рисунковъ много, и нѣкоторые изъ нихъ исполнены удовлетворительно. Къ сожалѣнію только, они не перенумерованы, и въ текстѣ нѣтъ на нихъ ссылокъ, а такъ какъ при этомъ размѣщеніе ихъ не совпадаетъ съ порядкомъ изложенія, то цѣнность иллюстрацій для пользованія книгой нѣсколько понижается.

Добавленія г. Павлуцкаго (о кваттроцентистахъ и искусствѣ 19-го вѣка) составлены главнымъ образомъ по Мутеру, котораго русскій переводчикъ не разъ и цитируетъ (напр. 171—174; 283—284). На главнѣ же о русскомъ искусствѣ 19-го вѣка очень сильно отразилась статья Бенуа. Велѣдствіе этого книга имѣетъ двойственный характеръ. Байэ—образецъ осторожности и безпристрастія сужденій; онъ пишетъ просто, излагаетъ сжато; стиль его чуждъ всякаго модернизма. Въ почтенномъ послѣдователѣ византійскаго искусства чувствуется все время не столько эстетическій критикъ, сколько историкъ. Съ другой стороны, Мутеръ, несмотря на всю увлекательность его изложенія и мѣстами большую психологическую тонкость, а также, несмотря на его постоянные экскурсы въ область исторіи, менѣе всего историкъ: это—критикъ, чуткій, нервный и субъективный. До извѣстной степени то же слѣдуетъ сказать и о г. Бенуа.

Особенно неравномернымъ кажется намъ изложеніе г. Павлуцкаго въ тѣхъ случаяхъ, когда, рядомъ съ характеристиками Байэ, онъ даетъ портреты, взятые изъ книгъ Мутера: напримѣръ, Мантенью и Беллини онъ даетъ въ освѣщеніи Байэ, а рядомъ представителей флорентійскаго кваттроцента изображаетъ по Мутеру (или словами Мутера, въ прекрасномъ, необыкновенно точномъ переводѣ г. Бальмонта) (стр. 171 и сл.). Историческая перспектива не могла не проиграть отъ того, что одинъ уголокъ картины оказался освѣщеннымъ гораздо ярче, чѣмъ другіе.—и вся невыгода соединять Байэ съ Мутеромъ ярко сказалась на исторіи итальянскаго искусства въ XV вѣкѣ. Довольно значительныя измѣненія сдѣланы г. Павлуцкимъ и въ главѣ, посвященной греческому искусству. Глава эта должна имѣть для на-

шей молодежи (а ее вѣдь и имѣлъ въ виду переводчикъ Байэ, если судить по словамъ его предисловія) особенное значеніе. Нѣтъ гимназиста старшихъ классовъ, который бы не зналъ именъ Праксителя, Фидія, Скопади, а тамъ, гдѣ преподаваніе древнихъ языковъ поставлено нѣсколько выше средняго уровня, ученики знаютъ и о драгоцѣнной Веррипѣ Цицерона и о Плииніи. Г. Павлуцкій сдѣлалъ превосходно, расширивъ главу французскаго автора и подобравъ для соотвѣтствующей главы своего тома весьма педурныя иллюстраціи. Онъ сдѣлалъ также очень резонную перестановку: вмѣсто порядка, принятаго у Байэ — Фидій, олимпійскіе памятники, Миронъ и Поликлетъ, онъ, согласно съ Коллиншономъ, поставилъ впереди Олимпію, за ней Мирона и Поликлета и наконецъ Фидія. Но дополненія показались намъ не всегда удачными. Напримѣръ, вмѣсто прекрасной характеристики Байэ, для Поликлета читаемъ у г. Павлуцкаго слѣдующія строки. „Тонкій слой меланхолическаго настроенія лежить на всѣхъ произведеніяхъ Поликлета: лѣниво, почти устало, *волочать ея фигуры одну ногу*, задумчиво накладываетъ себѣ атлетъ побѣдннй вѣнокъ на голову, въ дѣйствіяхъ фигуръ не видно здороваго веселія; это сообщаетъ имъ грустное выраженіе“ (стр. 52).

Въ сжатомъ изложеніи характеристикъ великихъ мастеровъ древности едва ли должны быть столь субъективны. Произведеніе античной скульптуры несомнѣнно можетъ вліять также непосредственно, какъ и статуя работы современнаго намъ мастера, по сужденію о первомъ должно составляться гораздо болѣе сложнымъ образомъ. Образцы осторожныхъ, всестороннихъ характеристикъ, основанныхъ какъ на историческихъ соображеніяхъ, такъ и на свидѣтельствахъ латинскихъ писателей, можно найти въ классическомъ трудѣ Collignon (см. особенно нѣмецкій переводъ съ добавленіями Тремера. Томъ I, 1897, стр. 511 сл. и 546).

То, что пишетъ г. Павлуцкій о Венерѣ Милосской, требовало бы, на нашъ взглядъ, нѣкоторой передѣлки. Не обмолвившись ни словомъ о сложности вопроса, связаннаго съ этимъ украшеніемъ Луврскаго музея, профессоръ Павлуцкій вскопалъ бросаетъ нѣсколько словъ объ *академическомъ* направленіи мастера, сработавшаго статую Милосской богини: онъ относитъ ее цѣлкомъ (?) къ періоду упадка и ставитъ на ряду съ Діоскурами на Монте-Кавалло (75 сл.). На 76 стр. читаемъ: „Замысливая главный мотивъ у Афродиты Капуанской, художникъ *уже собственными средствами* создалъ то гордое и царственное положеніе головы, которое придаетъ столько *монументальности* всей фигурѣ“.

Даже та книга, которая не осталась безъ вліянія на русскую передѣлку сочиненія Вайля, *Die Kunst des Altertums v. Lübke-Semrau*, Stuttg. 1899, выражается осторожнѣе: Афродита Калупанская, по словамъ Земрау, „естъ холодная копія римскихъ временъ“ (S. 265). На скульптора Венеры Милосской могъ вліять ея прототипъ, относимый гипотетически къ эпохѣ Скопада. Вслѣдствіе *нелюбви изложенія* въ умѣ читателя можетъ возникнуть путаница, такая же, пожалуй, какъ относительно „канона“ Поликлета (стр. 52) и „идеализма“ Фидія (стр. 56). По поводу олимпійскихъ скульптуръ жаль, что переводчикъ не указалъ на существованіе русскаго перевода классической работы Лалу и Монсо (*La restauration d'Olympie*, Paris, Quantin, 1889); онъ былъ издавъ въ Москвѣ и прекрасно иллюстрированъ.

Глава объ искусствѣ въ XIX вѣкѣ составлена по Мутеру. Такъ какъ профессору Павлуцкому пришлось умѣстить самыя разнообразныя явленія на очень небольшомъ числѣ страницъ, то изложеніе русской передѣлки по временамъ сводится къ простому перечню именъ художниковъ и названій картинъ. О скульптурѣ читатель изъ главы объ искусствѣ XIX вѣка не вынесетъ никакихъ свѣдѣній. Цѣлыя направленія оставлены г. Павлуцкимъ безъ всякаго вниманія, напримѣръ, Россетти и Бергъ-Джонсъ *только названы*, о Тёрнерѣ *нѣтъ не единаго слова*. Нѣсколько иллюстрацій (по одной для каждаго изъ этихъ художниковъ) едва ли могутъ безъ объясненій дать какое-нибудь понятіе объ этихъ крупныхъ и характерныхъ дѣятеляхъ истекшаго вѣка. Рядомъ съ этимъ, Бёклину посвящено нѣсколько страницъ, написанныхъ мѣстами съ слишкомъ большимъ эмфазомъ.

Нѣкоторыя характеристики столь кратки, что могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Напримѣръ, о Грюцнерѣ сказано, что онъ перешелъ „къ изображенію *монашеской жизни*“ (стр. 306). Изъ этихъ словъ можно подумать, что рѣчь идетъ о новомъ Фра-Беато или, по крайней мѣрѣ, Пестеровѣ, между тѣмъ какъ монахи Грюцнера, смакующіе вино или имъ осипленные, имѣютъ менѣе всего общаго съ монашеской жизнью (иллюстраціи нѣтъ).

Въ главѣ о новомъ русскомъ искусствѣ насъ остановило нѣкоторое разногласіе въ сужденіяхъ. Вотъ примѣръ: Шинкинъ посвящено 1½ страницы (389 сл.) и характеристика его начинается такъ: Шинкинъ, этотъ властелинъ тѣснаго царства, былъ *реформаторъ*, который *доказалъ*, что *настроеніе* могутъ пробуждать не только скалы, рыцарскіе замки (?) и восточныя башни, но и незамѣтные уголки нашей простой, сѣрой, заунывной (?) природы; онъ понималъ, что русскій ху-

дожнить может любить только русский пейзажъ, только его может *вполнѣ почувствовать и художественно передать.*

Черезъ полстраницы читаемъ у того же автора о томъ же художникѣ: „Рисуя лѣсъ, онъ *не замѣтилъ* той чарующей поэзіи, которая охватываетъ всякаго, входящаго въ прохладу и тишину дѣвственнаго (?) лѣса. Шишкинъ не умѣлъ справиться съ колоритомъ; онъ забылъ самое важное—воздухъ; онъ *видѣлъ только форму предметовъ.* Чтобы не заслужить отъ тенденціозной критики обидной клички „декоратора“, Шишкинъ сдѣлался *сухимъ и скучнымъ реалистомъ.*“

Къ живописи Куинджи профессоръ Павлудкій относится отрицательно. Одинъ выстрѣлъ покачиваетъ его вмѣстѣ съ Клодомъ Моне: „Тѣмъ, кто ищетъ въ пейзажѣ *души* человѣка, Куинджи какъ и Моне, ничего не даетъ“ (390). Это не мѣшаетъ автору статьи назвать Малавина „блестящимъ представителемъ колоризма и чисто живописныхъ задачъ“ (стр. 400).

Статья г. Павлуцкаго говоритъ не только о вчерашнемъ днѣ, она доводитъ насъ до настоящей минуты. На 400 стр. читаемъ:

„Въ настоящее время въ исторіи русской живописи значительную роль сталъ играть журналъ „Миръ искусства“ съ редакторомъ-издателемъ С. П. Дягилевымъ во главѣ. Устройствомъ *своихъ спеціальныхъ* выставокъ и *распространеніемъ истинныхъ* понятій объ искусствѣ онъ нанесетъ смертельный ударъ отживающему поколѣнію передвижниковъ. Руководствуясь мыслию, что молодые художники, какъ люди прогресса, не могутъ оставаться *въ партіи* (?), гдѣ все уже сдѣлано и гдѣ имъ ничего больше не остается, какъ только преклоняться передъ великими мертвецами (?), — журналъ толкаетъ молодежь на путь новыхъ идей“. Едва ли надо говорить, что фразы, подобныя выписанной, идутъ въ разрѣзъ не только съ направлениемъ того серьезнаго византииста, имя котораго поставлено на разбираемой книгѣ, но и съ самымъ заглавіемъ ея: „исторія искусствъ“. Эстетическія понятія гг. Философова и Дягилева могутъ быть очень цѣнными и близкими къ истинѣ, но это во всякомъ случаѣ рано заносить на скрижали исторіи.

Переводъ сдѣланъ въ общемъ внимательно. Кое-гдѣ пострадали только собственные имена или термины (многія собственные имена оставлены вовсе безъ перевода). Такъ, на одной страницѣ находимъ (стр. 117): монастырь Фонтенелла, Фульда, *Синтъ-Галлена* (три раза!); на 132 стр. Вильяра де Гонькурра; на 154: Брюсселески; компановка (стр. 60); Саврактонъ (68); Панаоспей (62) и т. д.

Вслѣдствіе какой-то путаницы въ цифрахъ, оказывается, Джентиле Беллони жилъ 144 года.

Нотъ нѣсколько неточностей перевода. На стр. 127 *ежесюдыма* работы (*les travaux de l'année*); на стр. 206 *воспламеняють* вмѣсто *согрѣваетъ* (*chauffe*); на стр. 206 нѣсколько бѣлыхъ облаковъ *перемѣняются* (вмѣсто разнообразятъ—*varient*) лазуревый цвѣтъ.

Иногда отъ источника перевода получаются странности въ опредѣленіяхъ. Напримѣръ, про Мурильо сказано, между прочимъ, что онъ изображаетъ мадоннъ и срафиновъ съ *чужестыннымъ*... выраженіемъ (стр. 250) вмѣсто *слабымъ* (*slave*).

Нѣкоторые рисунки очень хороши, напримѣръ, „*Pas mèche*“ Бастень-Лапажа (къ стр. 376); въ нѣкихъ изъ воспроизведеній античности несприятно дѣйствуетъ модернизированіе, напримѣръ, въ Этнискон Аонія (стр. 31). Выборъ рисунковъ сдѣлать тактично и осторожно.

Новая исторія. (Курсъ систематическій). Составилъ К. А. Ивановъ, преподаватель С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ, латой гимназій и Патріотическаго виститута. С.-Пб. 1903. VIII + 243 стр. Цѣна 80 коп.

Новый педагогическій трудъ К. А. Иванова завершаетъ рядъ его учебныхъ книгъ по всеобщей исторіи, пользующихся въ нашей педагогической литературѣ заслуженной извѣстностью и распространеніемъ. Подобно двумъ предшествующимъ, и настоящій выпускъ отличается большими достоинствами въ содержаніи и изложеніи, соединяя знакомство съ результатами развитія исторической науки, съ простотой и доступностью изложенія. Авторъ постоянно освѣжаетъ матеріалъ, пользуясь университетскими курсами, историческими монографіями, а иногда даже и источниками. Широкая подготовка автора и продуманность его книги выразились отчасти и въ самостоятельности въ распредѣленіи матеріала. Такъ „эпоха просвѣщеннаго абсолютизма“ соединена въ одинъ отдѣлъ съ великой французской революціей; сюда же вошелъ и Наполеонъ I, какъ завершитель эпохи и распространитель въ Европѣ принциповъ революціи. Слѣдующій отдѣлъ названъ: „эпоха преобладанія конституціонныхъ и національныхъ стремленій и торжество ихъ“. Здѣсь исторія Европы доведена до конца XIX вѣка. Курсъ заканчивается глава о „восточномъ вопросѣ“, при чемъ дается краткое опредѣленіе этого понятія и излагается его исторія до „освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 г.“ включительно. Каждый отдѣлъ учебника имѣетъ въ

концѣ §§ „Общія выводы. Важнѣйшія явленія въ области культуры“. Здѣсь, послѣ краткаго культурно-историческаго резюме, авторъ даетъ необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи науки и литературы, и вообще духовной жизни западной Европы. Во многихъ мѣстахъ книги даются выдержки изъ историческихъ трудовъ при характеристикахъ наиболѣе крупныхъ событій или дѣятелей, а также въ примѣчаніяхъ авторъ часто отсылаетъ учащихся къ различнымъ монографіямъ, написаннымъ на русскомъ языкѣ или имѣющимъ въ русскомъ переводѣ. Это также принадлежитъ къ числу достоинствъ учебника.

Лучшими мѣстами книги можно признать главы о католической реакціи (особенно іезуиты,) о реформациі въ Германіи и Швейцаріи, объ абсолютизмѣ во Франціи и о великой революціи; нѣсколько слабѣе изложена французская и англійская реформациі; при изложеніи реформъ Іосифа II авторъ не коснулся его отношеній къ славянству, да и вообще западнымъ славянамъ онъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста въ своей книгѣ.

Въ корректурномъ отношеніи учебникъ вполне удовлетворителенъ, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ (напр. на 137 стр. примѣчаніе не на мѣстѣ), а по цѣнѣ безусловно доступенъ.

Вполнѣ отвѣчая научнымъ требованіямъ, отличаясь свѣжестью изложенія, а также ясностью, простотою и доступностью языка, учебникъ К. А. Иванова по новой исторіи представляетъ солидное приобрѣтеніе нашей педагогической литературы.

Руководство къ отечественной исторіи. Курсъ младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Съ рисунками и портретами въ текстѣ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Цѣна 40 коп. С.-Пб. Изданіе И. И. Сойкина. 1902. Стр. 144+III.

Въ „предисловіи“ къ этому руководству г. Сальниковъ объясняетъ, что въ 1892 году имъ былъ составленъ „краткій учебникъ“ русской исторіи и что нынѣ онъ „рѣшился вновь и радикально переработать его“ для того, чтобы его учебникъ „еще болѣе соотвѣтствовалъ умственному развитію и понятіямъ (sic) учениковъ младшаго возраста“. Такимъ образомъ въ „руководствѣ“ г. Сальникова мы получаемъ новый трудъ, а не переизданіе стараго, и можемъ заключить, что цѣль появленія этого новаго труда состоитъ въ томъ, чтобы предложить руководство по русской исторіи уже не однимъ III-мъ классамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а вообще младшему возрасту, то-есть и первому и второму классу тѣхъ же училищъ введеній. Съ этой

точки зрѣнія и надлежитъ между прочимъ оцѣнивать настоящее руководство.

По строю своему оно совершенно соответствуетъ требованіямъ учебныхъ плановъ и программъ для III-хъ классовъ и представляетъ собою краткій и элементарный, но не эпизодическій курсъ русской исторіи. Самъ авторъ съ удареніемъ указываетъ въ предисловіи на то, что его новая книжка строго удовлетворяетъ требованіямъ ученаго комитета, имѣвшимъ въ виду именно курсъ III-хъ классовъ, и что самыя „рубрики“ его новаго труда приняты имъ по указаніямъ дѣйствующаго для III-хъ же классовъ учебнаго плана. Разъ это такъ,—новый трудъ г. Сальникова врядъ ли можетъ быть пригоденъ, по самому своему типу, для употребленія въ первыхъ двухъ классахъ средней школы, гдѣ учениковъ знакомятъ именно съ эпизодами родной исторіи, а не со связнымъ и сжатымъ ея курсомъ. Въ новомъ учебникѣ г. Сальникова есть особая глава о „пресмыкающихъ Петра I до воцаренія Екатерины II“ (102—104): она излишня даже и для III-го класса въ той части, которая относится къ годамъ 1725—1741; въ первыхъ же классахъ въ ней нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Точно также г. Сальниковъ опасается пропустить имена Симеона Гордаго и Иоанна II (43), Василія I и Василія II (48); это, можетъ быть, и похвально тогда, когда дѣло идетъ о III классѣ, но не тогда, когда думаютъ о младшихъ классахъ. Въ сжатой формѣ авторъ касается такихъ явленій и событій, которыя совсѣмъ не подходятъ къ кругу темъ младшихъ классовъ. Такова, напримѣръ, у автора характеристика дѣятельности Гедимина (38—39), очеркъ правительственныхъ мѣръ времени царя Михаила Федоровича (80—81), не вполнѣ удачныя замѣчанія о раздробленіи Руси въ XI—XII вѣкахъ (20—21, 27—28) и т. п. Вмѣсто живыхъ картинныхъ описаній, необходимыхъ для младшаго возраста, авторъ часто даетъ только краткое и сухое до конспективности изложеніе событій; такъ, о паденіи Повгорода (52—53), о приходѣ Ахмата на Угру (54), о взятіи Казани (58—59), о путешествіи Петра за границу (93—94) и о подобныхъ имъ другихъ яркихъ моментахъ у г. Сальникова находимъ лишь немногія фразы. Для великаго, кто ознакомится съ указанными особенностями новой книжки г. Сальникова, будетъ ясно, что эта книжка можетъ служить руководствомъ лишь для III-хъ классовъ, гдѣ происходитъ послѣдовательный обзоръ русской исторіи, а не для младшихъ классовъ, гдѣ дѣти знакомятся лишь съ отдѣльными картинными

нашего прошлого. Дать эту книжку въ руководство дѣтямъ I-хъ и II-хъ классовъ значить превратить живое изложеніе предмета въ сухое заучиваніе именъ, дать и перечней подробностей.

Если же разсматривать книгу г. Сальникова въ отношеніи ея пригодности для III-хъ классовъ, то, какъ уже сказано выше, безспорно слѣдуетъ признать, что по общему своему характеру она подходит къ требованіямъ курса этихъ классовъ. Но въ ней находится достаточное число частныхъ фактическихъ и методическихъ погрѣшностей, которыя требуютъ предварительнаго исправленія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ по порядку страницъ:

Авторъ держится стараго взгляда на тожество „удѣльнаго“ быта Кіевскаго и Суздальско-Владимірскаго (20—21 и 27—28) и напрасно приводитъ перечни князей (20) и княжествъ (28). Можно было бы избѣжать какъ односторонней характеристики порядка княжескаго владѣнія, такъ и лишнихъ именъ и названій. Особенно несправедливъ авторъ, когда приписываетъ Андрею Боголюбскому сознательный починъ въ „борьбѣ съ удѣльною системою“ (28).

Перенесеніе митрополіи въ Москву изображается неправильно (41): сперва „митрополія была перенесена въ Москву, куда *затѣмъ* былъ приглашенъ“ св. Петръ митрополитъ; по указанію св. Петра Калита построилъ „*пышный* Успенскій соборъ“, строителемъ котораго однако былъ А. Фіоравенти при Юаннѣ III (срви. 41 и 51).

Митрополитъ Алексій основалъ Чудовъ монастырь не „въ память совершившагося въ Ордѣ чуда“, какъ думаетъ г. Сальниковъ (44), а въ память „чуда иже въ Хонѣхъ“, что воспоминается церковью 6-го сентября. Насколько при этомъ въ Москвѣ вспоминали чудо надъ Тайдулой, неизвѣстно.

Московская „царь-пушка“ отлита не Дебосисомъ (51), а А. Чоховымъ въ 1586 году.

Опредѣленіе новгородскихъ „наместниковъ великаго князя“ (52) врядъ ли точно, а изображеніе новгородскаго строя и новгородскихъ смуть (51—52) прямо неудовлетворительно: въ немъ смѣшаны черты различныхъ эпохъ и совсемъ не выясненъ истинный характеръ новгородскихъ междоусобій, разъединявшихъ верхъ и низъ мѣстнаго общества.

Ливонская война Грознаго изложена (63) въ видѣ одного эпизода съ осадю Пскова и потому совершенно лишена смысла.

Переходъ царской власти послѣ царя Феодора къ Б. Годунову

изложено не точно (70): у царя Феодора не было духовной грамоты; не объяснено, прислали ли города выборныхъ, чего же желалъ Борисъ, и т. п.

Смутное время изложено мало понятнымъ образомъ (73—75); для примѣра укажемъ, что авторъ даже не объясняетъ, какъ поляки овладѣли Москвою, и по ходу его рѣчи можно думать, что это случилось ранѣе избранія Владислава.

Много неточностей и въ изложеніи реформы Петра Великаго (98—99): авторъ, напримѣръ, думаетъ, что Россія была раздѣлена на 12 губерній „по числу коллегій“.

Количество и свойства приведенныхъ промаховъ избавляютъ отъ необходимости увеличивать число примѣровъ такого рода. Учебникъ г. Сальникова требуетъ пересмотра не только въ отношеніи фактической исправности, но и въ стилистическомъ отношеніи. Неудобно говорить, напримѣръ, „необразованный“ народъ вмѣсто „пекультурный“ (8), „жутиль“ вмѣсто „пироваль“ (19), „заплатить расходы за военные убытки“ (52), „въчовой колоколь и Маров Посадница отправлены въ Москву“ (53), „опричпа“ вмѣсто „опричина“ (61) и т. д. и т. д. Слѣдуетъ улучшить и рисунки, въ общемъ весьма плохіе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. А. РАЧИНСКИЙ.

Народно-педагогическая дѣятельность Сергія Александровича Рачинскаго († 2-го мая 1902 г.) болѣе или менѣе всеѣмъ извѣстна. Не такъ извѣстно его общее культурное значеніе. А между тѣмъ оно чрезвычайно велико. Въ первую половину своей жизни онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ жизни московскаго образованнаго общества, имѣя громадныя связи и отношенія въ литературныхъ, художественныхъ, научныхъ кругахъ. Во вторую, когда онъ сдѣлался народнымъ учителемъ, лишая эти отношенія, естественно, прервалась, но скоро замѣнились новыми, еще болѣе обширными. Мало-помалу, по мѣрѣ распространенія его извѣстности въ народно-просвѣтительной области, у него возникла по-истинѣ колоссальная переписка, съ самыми разнообразными, знакомыми и незнакомыми, корреспондентами, по вопросамъ школьнымъ, религіознымъ, церковнымъ, нравственнымъ, литературнымъ. Иногда получаемыя имъ письма носили чрезвычайно интимный характеръ; у него просили совѣтовъ по вопросамъ личной жизни, по вопросамъ совѣти. Перенеску эту онъ высоко цѣнилъ, считая ее чрезвычайно важнымъ культурно-историческимъ матеріаломъ. Уже при жизни своей онъ отдалъ 60 переплетенныхъ томовъ этихъ писемъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ обозначеніемъ срока, послѣ коего она можетъ быть предоставлена въ общее пользованіе. Часть же писемъ, въ моментъ его кончины, осталась еще не переданной, а нѣкоторыя письма еще

и не разобранными. Полагаю, что въ концѣ концовъ получится свыше 150 томовъ.

Столько же, слѣдовательно, есть по разнымъ рукамъ и его собственныхъ писемъ, ибо онъ всегда отвѣчалъ самымъ аккуратнымъ образомъ. Письма эти составляютъ конечно болѣе интересную половину его корреспонденціи. Но по аналогіи съ указаннымъ выше распоряженіемъ Сергѣя Александровича должно признать, что опубликованіе ихъ пока преждевременно,—хотя бы изъ уваженія въ взгляду на этотъ предметъ ихъ покойнаго автора.

Такиимъ образомъ ни разсказъ о московской жизни С. А. Рачинскаго, еще не отошедшей въ историческую даль, ни повѣствованіе о наиболѣе интимной сторонѣ его просвѣтительной дѣятельности—пока невозможны.

Но у всѣхъ на виду его великая школьная работа,—общимъ достояніемъ должно быть его педагогическое ученіе. И вотъ съ ними, дополнивъ ихъ нѣкоторыми, осмотрительно выбранными биографическими свѣдѣніями, я и считаю умістнымъ познакомить читателей настоящихъ страницъ.

I.

Сергѣй Александровичъ Рачинскій родился 2-го мая 1833 года ¹⁾, въ с. Татевѣ, Вѣльскаго у., Смоленской губ. Съ этимъ прекраснымъ родовымъ гнѣздомъ Рачинскихъ была связана, болѣе или менѣе, вся его жизнь, и здѣсь развилась его школьная дѣятельность. Забывая впередъ, воспоминаю одинъ разговоръ Сергѣя Александровича изъ того времени, когда его педагогическое значеніе не получило еще позднѣйшаго обширнаго развитія. Онъ говорилъ, именно, что считаетъ свои школьныя занятія исполненіемъ обязанности своей передъ крестьянами, съ которыми искони были связаны жизнь и благосостояніе его семьи. Позднѣе, это сознаніе нравственнаго долга просвѣщенія получило въ его мысли значеніе несравненно болѣе широкое; уже не татевскихъ крестьянъ считалъ онъ своимъ долгомъ просвѣщать; школьная просвѣтительная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ все отчетливѣе выяснялась передъ нимъ, какъ непосредственное участіе въ

¹⁾ Въ краткомъ некрологѣ С. А., помѣщенномъ мною въ *Новомъ Времени* и написанномъ подъ впечатлѣніемъ только что полученнаго извѣстія о его кончинѣ, я, пахъся на свою память и не наведя нужныхъ справокъ, допустилъ 2—3 ошибки въ датахъ. Здѣсь онѣ исправлены.

самой важной общенародной, общегосударственной работѣ, чтобы наконецъ получить значеніе мировос. Но объ этомъ послѣ.

Неумѣстно было бы сообщать подробности о жизни семьи, многіе члены коей и понынѣ здравствуютъ. И потому, возвращаясь къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Рачинскомъ, я вынужденъ заставить себя не говорить о его матери, сестрѣ поэта Баратынскаго. Ея свѣтлый обликъ, высокой и незабвенной памяти, долженъ пройти мимо насъ лишь мелькомъ, и я только могу намекнуть, что ея возвышенная душа была всегда въ полной гармоніи съ душой ея знаменитаго сына. „Нискогда въ жизни Сергѣй не причинилъ мнѣ никакаго огорченія“, сказала мнѣ разъ Варвара Абрамовна.

До 11 лѣтъ Рачинскій росъ въ Татевѣ, а въ 1844 г. вся семья переехала въ Юрьевъ, по тогдашнему Дерптъ, гдѣ можно было поставить дѣтей въ спокойную атмосферу небольшого города, всецѣло погруженнаго въ умственные интересы, — ибо въ то время Юрьевъ еще имѣлъ несъ привлекательный обликъ иѣмецкаго „университетскаго“ городка.

Но черезъ четыре года надо было переселиться въ Москву, такъ какъ Сергѣй Александровичъ долженъ былъ поступить въ Московскій университетъ. Переселеніе это совершилось весной. Въ первую же свою прогулку по Москвѣ Сергѣй Александровичъ, которому было тогда 15 лѣтъ, зашелъ, на Тронцынъ Денъ, въ церковь Успенья на Покровкѣ; высокій прекрасный храмъ, ярко освѣщенный весеннимъ солнцемъ, весь украшенный березками, цвѣтами, травой, особенно торжественный въ своей таинственной тишинѣ, ибо служба еще не начиналась, остался въ его памяти, какъ первое свѣтлое и счастливое впечатлѣніе отъ Москвы, и онъ въ старости все еще вспоминалъ объ этомъ утрѣ.

Въ теченіе года Рачинскій приготовился къ университетскому экзамену, при чемъ уроки ему давалъ М. П. Капустинъ, и 16 лѣтъ поступилъ, въ 1849 г., на медицинскій факультетъ. Собственно, его влекли къ себѣ естественныя науки, но, какъ извѣстно, комплектъ студентовъ былъ въ это время ограниченъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго. Это случайное обстоятельство и обусловило начало его университетскихъ занятій. Но уже въ 1850 г. онъ перешелъ вольнымъ слушателемъ на естественный факультетъ, а въ 1853 г. выдержалъ кандидатскій экзаменъ, и затѣмъ началъ готовиться и къ экзамену магистерскому. Вмѣстѣ съ нимъ готовились къ такому же экзамену Я. А. Борзенковъ, О. Н. Бродихинъ, А. Н.

Богдановъ, кн. Львовъ. Позднѣе, въ годы профессорства, первые два изъ названныхъ лицъ были членами того дружескаго профессорскаго кружка, къ которому принадлежалъ и С. А. Рачинскій.

Но однако сдача магистерскаго экзамена не повлекла за собой немедленно ученой карьеры. Рачинскій поступилъ въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлять въ то время кн. Оболенскій. Значеніе этой службы, дающей лишь положеніе въ свѣтъ, извѣстно, и періодъ этотъ ничего интереснаго въ жизни Рачинскаго не представляетъ. Стоитъ только упомянуть о двухъ подробностяхъ. Во-первыхъ, помогалъ кн. Оболенскому въ реставраціи дома бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, а во-вторыхъ, онъ былъ откомандированъ на некоторое время въ качествѣ личнаго секретари къ А. П. Муравьеву. Это былъ тягостный искусь, ибо если кто имѣлъ нестерпимый характеръ, то это авторъ *Писемъ о бою-служеніи*. Но можно предполагать, что близость къ человѣку, жившему въ столь церковной атмосферѣ, не прошла безслѣдно для Рачинскаго.

Въ 1856 году, осенью, Сергій Александровичъ, выйдя въ отставку, поѣхалъ за границу, готовится въ кафедрѣ. Важное по послѣдствіямъ и интересное по событіямъ пребываніе его за-границей продолжалось два года. Избравъ своимъ специальнымъ предметомъ ботанику, онъ работалъ у Шахта въ Берлинѣ и у Шлейдена въ Геттѣ. Но не одни научныя занятія поглощали его время и интересы. Въ это время вполне развернулась одна изъ его отличительныхъ чертъ,—его горячій интересъ къ людямъ, его рѣдкая общительность, умѣнье находить въ людяхъ хорошія стороны, умѣнье привлекать ихъ къ себѣ. Молодой русскій ученый сразу сдѣлался любимымъ и полноправнымъ членомъ общества тѣхъ городовъ, гдѣ ему пришлось жить. Въ Веймарѣ онъ былъ принятъ при дворѣ, хранившемъ лучшія традиціи эпохи Шиллера и Гете, близко сошелся съ Лягомъ, о чемъ и пишетъ въ своей статьѣ *Изъ записокъ сельскаго учителя* ¹⁾, а въ Берлинѣ постоянно вращался въ литературныхъ и художественныхъ кругахъ, гдѣ встрѣчался съ П. Гейзе, Ласкалемъ, произведшимъ на него самое несприятное впечатлѣніе, Варягеномъ ф. Ойзе, съ которымъ близко подружился,—и др. Не менѣе

¹⁾ *Сельская Школа*, сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изд. 4-е. СПб. 1899. Стр. 191.

популярнѣ онъ былъ и между берлинскими и іенскими студентами, которые распѣвали нѣмецкія студенческія пѣсни, имъ сочиняемыя.

Занятія ботаникой шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ, хотя его другъ, іенскій профессоръ Куно Фяшеръ и уговаривалъ его посвятить себя философіи, къ которой видѣлъ въ немъ особыя способности. Но съ другой стороны и Шлейденъ цѣнилъ своего ученика столь высоко, что въ видѣ предисловія къ своей книгѣ *Die Pflanze* помѣстивъ письмо къ нему Сергѣя Александровича объ отношеніи искусства къ природѣ, написанное по поводу *nature morte* одного голландскаго мастера. Надо добавить, что въ это время Рачинскій перевелъ на нѣмецкій языкъ одно изъ наиболѣе любимыхъ имъ произведеній русской литературы, *Семейную Хронику* Аксакова. Переводъ этотъ напечатанъ въ 1858 году, въ Лейпцигѣ.

Эти отрывочныя свѣдѣнія о за-граничной жизни Рачинскаго достаточны, однако, чтобы составить себѣ понятіе, какое благородное и хорошее употребленіе дѣлалъ онъ, съ самаго вступленія своего въ жизнь, изъ всѣхъ разнообразныхъ и высокнхъ духовныхъ даровъ, которыми такъ щедро былъ надѣленъ. Но отсюда можно сдѣлать и другой выводъ. Сергѣй Александровичъ всю жизнь былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ, и притомъ искренно-церковнымъ. Но его словамъ, онъ не переживалъ, какъ это бываетъ со многими вѣрующими людьми, тяжелыхъ кризисовъ сомнѣнія. Его вѣра свѣтила ему во всю его жизнь, и если здѣсь и измѣнились въ чемъ-нибудь его взгляды, то развѣ только въ томъ, что съ годами сдѣлалось еще болѣе глубокимъ, еще болѣе рѣшительнымъ его церковное настроеніе. Но какъ близка при этихъ условіяхъ опасность услышать обвиненіе въ узости мысли, въ отсутствіи широкаго критическаго основанія убѣжденій. И вотъ факты опровергаютъ такое замѣчаніе. Нѣтъ, убѣжденія Рачинскаго были зрѣлымъ плодомъ глубокихъ и разнообразныхъ думъ. Онъ на своемъ вѣку узналъ, видѣлъ и встрѣчалъ такое разнообразіе мыслей, фактовъ, отношеній, какое далеко не всѣмъ дается, и если, пройди такую умственную и жизненную школу, онъ сдѣлался и остался тѣмъ, чѣмъ былъ, то, значить, глубока и искренна была его религіозность, его церковность, — и неумѣстны слова о его отсталости или узости.

Въ 1858 г. Рачинскій вернулся въ Москву, защитилъ магистерскую диссертацию *О движеніи высшихъ растений*, получилъ кафедру ботаники (физиологія растений) въ Московскомъ университетѣ и сдѣлался редакторомъ (неофициальнымъ) *Русскаго Вѣстника*. Въ

качествѣ курьеза отмѣчу, что когда въ 1856 г. началъ выходить этотъ журналъ, то Сергѣй Александровичъ былъ его первымъ под-писчикомъ, и первый подписной билетъ № 1 былъ выданъ на его имя.

Съ Катковымъ семья Рачинскихъ еще и прежде была знакома, а въ это время Сергѣй Александровичъ сблизился съ славянофилами, съ которыми—этого нечего и объяснять—онъ имѣлъ значительную, хотя и не полную, общность убѣжденій. Сближеніе это совершилось тѣмъ легче, что Хомяковъ, свято дорожившій пушкинскими воспоминаніями, съ особой любовью и радостью принималъ въ свой кругъ племянника Баратынскаго. Вѣроятно, въ этой маскѣ Хомякова было что-то особенно трогательное, ибо Рачинскій не разъ, съ благодарнымъ чувствомъ рассказывалъ мнѣ о ней.

Такъ началось 10-лѣтнее пребываніе Рачинскаго въ Москвѣ, въ качествѣ профессора Московскаго университета. Я не буду говорить о его ученой дѣятельности, которая и не играла въ его жизни выдающейся роли. Равно нѣтъ нужды перечислять и вѣдшія событія его жизни. Заслуживаетъ упоминанія только зима 1861 г., которую онъ, по болѣзни, провелъ въ Римѣ. Здѣсь могъ онъ въ полной мѣрѣ удовлетворить свои художественные вкусы, и не только благодаря неисчерпаемымъ сокровищамъ вѣчнаго города, но и благодаря тому, что въ это время въ Римѣ жили Листъ и В. П. Боткинъ. Въ художественномъ обществѣ этихъ людей Рачинскій постоянно и вращался. Конечно, Боткинъ не могъ быть ему учителемъ; но изученіе Рима при содѣйствіи чловека, глубоко его чувствующаго и до послѣднихъ подробностей знающаго, не могло не быть особенно полезно и пріятно для Сергѣя Александровича. Что же касается до Листа, то надо сказать, что музыка была преимущественно той художественной ступенію, безъ которой Сергѣй Александровичъ не могъ существовать, и если при такомъ условіи чья-нибудь близость была драгоценна, то, конечно, близость Листа. „Умеръ Гюго“, писалъ мнѣ Сергѣй Александровичъ въ 1885 г., „и въ немъ я теряю послѣдняго изъ своихъ современниковъ,—нодъ современниками разумію не сверстниковъ, а тѣхъ, коихъ знаніе совпало съ моею юностью, коихъ вліяніе вошло въ составъ моего я, какъ частичный элементъ. Да, живъ еще аббатъ Листъ,—и больше никого“.

Вернувшись въ Москву, Рачинскій продолжалъ вести свою прежнюю, полную, хорошую жизнь.

Въ 1866 г. онъ защитилъ докторскую диссертацию—*О нѣкоторыхъ эмпирическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей* и получилъ

ординарную профессиру. Впрочемъ, значеніе его въ университетѣ было болѣе воспитательное. Горячее участіе въ общихъ дѣлахъ университета, настоящія заботы о благосостояніи какъ всего студенчества, такъ и отдѣльныхъ студентовъ, о благосостояніи матеріально и нравственно, вотъ, что дѣлало Рачинскаго популярнымъ профессоромъ. Но обо всемъ этомъ, конечно, могла бы лучше разсказать его бывшіе слушатели.

Рядомъ съ университетскою жизнью шла у него и общественная. Къ этому именно времени относится его сближеніе съ большимъ московскимъ свѣтомъ,—и интересъ къ этимъ связямъ онъ сохранялъ до послѣднихъ дней. Особенно близокъ онъ былъ съ Н. В. Сушковымъ, въ домѣ котораго блистала умомъ и просвѣщеніемъ его племянница, Е. О. Тютчева. Знающіе исторію московскаго общества того времени, знаютъ, что у Сушковыхъ собирался лишь самый избранный кругъ, и что попасть въ него значило получить своего рода дипломъ на выдающіяся достоинства, умственные, нравственные, вообще культурныя. Въ этихъ своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ Рачинскій цѣнилъ особенно общество образованныхъ и талантливыхъ женщинъ; съ такими симпатіями остался онъ и на всю жизнь.

Но и самъ онъ, говоря старымъ языкомъ, держалъ салонъ. Въ его квартиралъ, сперва на Малой Дмитровкѣ у Страшнаго монастыря, а потомъ въ одномъ изъ переулковъ близъ Остоженки собиралось многочисленное общество ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и гр. А. Н. Толстой была частымъ и интимнымъ посѣтителемъ.

Само собой разумѣется, что Сергѣй Александровичъ не могъ бы вести такую жизнь, если бы у него не было чрезвычайнаго умѣнья распределять свое время, чрезвычайной способности быстро переходить отъ одного занятія къ другому, сразу овладѣвать новымъ интересомъ, новымъ дѣломъ. Можно было видѣть его утомленнымъ, слабымъ, но никто, я думаю, не видѣлъ его празднымъ. Всю жизнь онъ вставалъ рано, въ 6 часовъ, и утро, въ Москвѣ, посвящать кабинетнымъ и лабораторнымъ занятіямъ; затѣмъ шли лекціи, ранній обѣдъ, отдыхъ, а вечеръ отдавался обществу.

Такъ продолжалось, однако, не долго. Зима 1867—1868 г. была несчастна для университета. Въ совѣтѣ произошелъ длинный рядъ недоразумѣній и столкновеній, разсказывать о которыхъ было бы здѣсь излишне, но которыя, конечно, еще у многихъ свѣжи въ памяти. Кончались эти тягостныя обстоятельства тѣмъ, что нѣсколько профессоровъ, М. Н. Капустинъ, П. К. Бабеть, С. М. Соловьевъ,

Ө. М. Дмитріевъ, Б. Н. Чичеринъ и С. А. Рачинскій подали въ отставку, а когда коллективная ихъ отставка принята не была, они вышли изъ университета постепенно (кроме Соловьева).

Сергій Александровичъ остался безъ опредѣленнаго обязательнаго дѣла.

Нѣсколько зимъ, однако, онъ прожилъ еще въ Москвѣ, ведя свѣтскую жизнь, полную художественныхъ и литературныхъ интересовъ, но въ 1872 г. наконецъ переселился въ Татевъ, гдѣ уже жили постоянно нѣкоторые члены семьи.

Наполняя длинные деревенскіе досуги чтеніемъ и со страстью предаваясь цвѣтоводству, онъ, однако, не находилъ въ этомъ удовольствіи и подчасъ сильно хандрить. Можетъ быть, это былъ самый тяжелый періодъ его жизни.

Но выходъ нашелся, неожиданный, но счастливый и неизмѣримо важный какъ для самого Рачинскаго, такъ и для цѣлаго русскаго народа.

Въ Татевѣ была сельская школа, самаго обыкновеннаго типа. Сергій Александровичъ зашелъ разъ туда случайно, попалъ на урокъ арифметики, показавшійся ему необыкновенно скучнымъ, попробовалъ самъ дать урокъ, стараясь сдѣлать его болѣе интереснымъ и жизненнымъ,—и этимъ опредѣлилась вся его дальнѣйшая судьба.

Въ 1875 г. было имъ построено прекрасное школьное зданіе, существующее и понынѣ, и самъ онъ переселился въ него, сдѣлавшись сельскимъ учителемъ.

Начало его дѣятельности было сопряжено съ нѣкоторымъ газетнымъ скандаломъ. Въ печать проникло, именно, извѣстіе, что его, бывшаго профессора университета, заставили держать экзаменъ на сельскаго учителя. Въ разсказѣ этомъ есть значительное преувеличеніе. Дѣло въ томъ, что существуетъ законъ, по коему всякое лицо, не имѣющее спеціальнаго педагогическаго образованія, но кончившее курсъ не ниже средняго, желая быть сельскимъ учителемъ, должно дать передъ соответствующей комиссіей пробный урокъ въ доказательство своей подготовленности къ этой весьма спеціальной дѣятельности. Сергій Александровичъ уже училъ въ своей школѣ, какъ къ нему, въ виду его выдающагося положенія, пришло одно начальствующее лицо и въ разговорѣ упомянуло о названномъ законѣ. Неизвѣстно, былъ ли это намекъ, но только онъ принялъ его за таковой и отправился немедленно въ Бѣльскую гимназію, гдѣ и исполнялъ требуемую формальность. Ни о какомъ экзаменѣ, а тѣмъ

болѣе о понужденіи къ нему, не было и рѣчи. Позднѣе, когда я, по окончаніи университета, началъ учительствовать въ Татевѣ, я сдѣлалъ то же самое.

Жизнь Сергѣя Александровича сложилась такъ. Въ школѣ у него была небольшая спальня и кабинетъ, открытые для всѣхъ обитателей школы; поэтому онъ никогда не оставался одинъ и занимался даже своими личными дѣлами всегда на людяхъ, выработавъ въ себѣ удивительное къ тому умѣнье. Татевская школа, какъ и большинство школъ той мѣстности, гдѣ деревни малы и рѣдко разбросаны среди лѣсовъ и болотъ, имѣетъ общезжитіе. При Сергѣѣ Александровичѣ въ немъ помѣщалось около 30 мальчиковъ. Кромѣ того, въ школѣ, съ самаго начала дѣятельности Рачинскаго, жили всегда различные подростки и юноши, либо готовящіеся куда-нибудь, либо просто желающіе пробыть лишній годъ-другой въ школьной атмосферѣ. Все это школьное населеніе составляло около Рачинскаго тѣсную семью, съ которой онъ дѣлилъ всѣ мелочи, весь обиходъ жизни. Лишь утромъ, въ 9-мъ часу, уходилъ онъ въ „барскій домъ“ поздороваться съ родными и выпить чашку кофе, да по праздникамъ обѣдалъ въ домѣ и отдыхалъ послѣ обѣда. Все остальное время — и будни, и праздники, и зима, и лѣто — было посвящено школѣ, въ которой занятія продолжались цѣлые дни (ибо были и вечернія занятія, ненабѣжныя при общезжитіи) и цѣлый годъ (ибо лѣтомъ Рачинскій готовилъ своихъ выучениковъ къ учительскимъ экзаменамъ, къ поступленію въ разные учебныя заведенія, велъ повторительныя занятія съ уже поступившими). Вся тяжесть этихъ лѣтнихъ занятій падала, конечно, на Сергѣя Александровича; зимой онъ училъ обыкновенно старшую, выпускную группу.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ Татевская школа приобрѣла характеръ исключительный, едва ли могущій повториться. Уже самый вышній ея видъ былъ совершенно необыкновененъ. Въ немъ воистинѣ выразились художественные вкусы ея руководителя. Просторное и чистое помѣщеніе все было украшено картинами, фотографіями, рисунками; между ними были и рисунки извѣстнаго П. П. Богданова-Вѣльскаго, ученика Рачинскаго; по оставшей своей страсти къ цвѣтоводству, Сергѣй Александровичъ и школу наполнилъ цвѣтами ¹⁾. Красивый уголокъ былъ уставленъ множествомъ кашпо, изъ коихъ нѣкоторыя были художественной работы; были и иконы японскаго

¹⁾ См. его поэтическую статью *Школьное цвѣтоводство*. С. III., 327—341.

письма, присланные епископомъ Николаемъ; Сергій Александровичъ собиралъ русскія шитыя холотенца: лучшія изъ нихъ украшали иконы. Другой художественной подробностью было церковное пѣніе; имѣя ту музыкальную подготовку, о которой я говорилъ, Сергій Александровичъ углубился въ изученіе церковнаго пѣнія со всею тонкостью своей артистической натуры и со всею силой своихъ теоретическихъ познаній. Результатомъ этого было устройство при Татевской школѣ художественнаго церковнаго хора, исполнявшаго службы съ такими артистическими подробностями и обдуманностью, которыя рѣзко отдѣляли его отъ ремесленнаго умѣнья обыкновенныхъ церковныхъ хоровъ. Наиболѣе интересно было самое разлученіе, при содѣйствіи Сергія Александровича, различныхъ особенныхъ службъ, великопостныхъ, пасхальныхъ. При этомъ и самыя службы получали совершенно особый характеръ, ибо не только пѣвческая часть, а и весь ихъ составъ, все ихъ исполненіе обсуждалось въ школѣ ¹⁾.

Но особую прелесть, но крайней мѣрѣ для меня, представляли помнятыя юности — „отроки“, какъ ихъ, шутя, называлъ Рачинскій. Это были его избранные ученики, на которыхъ онъ полагалъ всю силу своего сердца. Настроенные и поддерживаемые имъ на высокой степени духовныхъ интересовъ, благообразные и благовоспитанные, соединяющіе значительное образованіе и развитіе съ простотой вкусовъ и жизни, они могли казаться, по выраженію одного полюбителя Татева, „новой породой людей“. Не всѣ они оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды, не всѣ устояли въ жизненной борьбѣ.—но въ то время, о которомъ я говорю, въ періодъ наибольшаго развитія дѣятельности и личнаго вліянія Рачинскаго, они были прелестны. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и теперь составляютъ лучшее украшеніе его памяти; достаточно упомянуть о художникѣ Богдановѣ-Бѣльскомъ, исторію котораго самъ Рачинскій разсказалъ какъ бы пророчески: „Виоле-ле-Дюкъ . . . въ предѣстной книжкѣ описалъ художественное развитіе крестьянскаго мальчика. Онъ разсказываетъ, какъ старшій холостякъ (вооруженный всѣми умѣніями и знаніями самого Виоле-ле-Дюка, — надо замѣнить: С. А. Рачинскаго) угадываетъ способности ребенка, какъ онъ посвящаетъ свою

¹⁾ Отсылаю читателя къ статьѣ друга С. А. Рачинскаго, управляющаго придворной канцеляр. С. В. Смоленскаго, *Памяти С. А. Рачинскаго*, напечатанной въ *Русской Музыкальной Газетѣ*. См. также статью самого С. А. Рачинскаго, въ *Сельской Школѣ: Народное искусство и сельская школа. Изъ записокъ сельскаго учителя, отр. 3-й, Школьный годъ въ Нилову пустынь, явскій*.

жизнь на воспитаніе открытаго имъ таланта; какъ ребенокъ подъ его руководствомъ, становится прелестнымъ юношей, всецѣло преданнымъ искусству и, наконецъ, самостоятельнымъ сильнымъ художникомъ, славою своей родины“¹⁾).

Большинство изъ этихъ юношей вышли въ учителя и затѣмъ, или и прямо, въ духовное званіе.

Чтобы покончить съ ними, упомяну еще объ одной подробности, возможной, кажется, только въ Татевѣ. Рачинскій былъ большимъ почитателемъ епископа Николая японскаго и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Благодаря этому онъ крестилъ, заочно, одного японскаго мальчика. И вотъ, между Сергіемъ Сеодзи въ Токио и Михеемъ въ Татевѣ завязалась переписка,—и объединяла ихъ искренняя вѣра и духовное посредничество Рачинскаго. Позднѣе Сеодзи прѣзжалъ въ Россію въ духовную академію и по лѣтамъ жилъ въ Татевѣ; ранѣе его жилъ тамъ впрочемъ и другой японецъ, находившійся въ такомъ же положеніи.

Но дѣятельность Сергія Александровича не ограничивалась Татевскою школою. Онъ „расплодиль“ вокругъ Татева много, свыше 10 школъ; училъ въ большинствѣ изъ нихъ или его ученики, или во всякомъ случаѣ учителя, имъ поставленные. Для руководства этими школами ему приходилось постоянно разъѣзжать, и онъ исполнялъ эту обязанность съ необычайнымъ усердіемъ, несмотря ни на какую погоду, ни на какую дорогу, ни на собственные недуги. Въ особенности тягостна ему бывала экзаменаціонная страда, ибо производство экзаменовъ въ этихъ школахъ поручалось ему. Работа эта съ теченіемъ времени все увеличивалась, такъ какъ школы умножались, и районъ его вліянія расширялся.

Такова была школьная дѣятельность С. А. Рачинскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Къ ней присоединились, или изъ нея вытекли, новыя просвѣтительныя задачи.

И прежде всего въ предѣлахъ самой Татевской школы. Ея особенный строй, въ связи съ необыкновеннымъ умѣемъ Сергія Александровича привлекать къ собѣ людей, сдѣлали изъ Татева нѣкоторый умственный центръ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ съѣзжались въ Татевскую школу сосѣдніе учителя, священники, ревнители народнаго просвѣщенія, чтобы насладиться, въ истинномъ смыслѣ слова, общеніемъ съ нимъ, услышать слово назиданія, ободренія.

¹⁾ С. III. 196.

Мало-по-малу въ школѣ развились воскресныя собесѣдованія, весьма многолюдныя, и Сергій Александровичъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. А день его именинъ, 5-го іюля, привлекалъ всегда по истинѣ громадное общество лицъ, связанныхъ съ нимъ общностью духовныхъ интересовъ; пріѣзжали издалека, изъ Москвы, изъ Петербурга. И поразительно было видѣть, какъ Сергій Александровичъ умѣлъ являться среди этого общества истинно свѣтскимъ человѣкомъ, съ какой тонкой и изящной привѣтливостью онъ всѣхъ встрѣчалъ, бесѣдовалъ со всѣми, несмотря на самыя иногда неожиданныя комбинаціи общественныхъ положеній своихъ гостей. Кромѣ этихъ близкихъ и дружественныхъ посѣтителей, Татевская школа видѣла въ своихъ стѣнахъ множество лицъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, вплоть до чрезвычайно высокаго, и посѣщавшихъ ее ради ся особаго значенія для народнаго образованія и еще болѣе ради ея „старшаго учителя“. Между ними нельзя не упомянуть епископа Николая янонскаго, уроженца недалекаго отъ Татева села и сосѣда по скамьѣ въ духовномъ училищѣ — Татевскому дьячку!

Но и этого мало. Я уже говорилъ о необыкновенномъ развитіи корреспонденціи Сергія Александровича. Переписка эта возникла не сразу. Въ 82-мъ году онъ просилъ меня писать ему подробности, ибо я „одинъ изъ трехъ его корреспондентовъ“. То же онъ повторялъ и въ 84-мъ, а съ 85-го начинаются его жалобы на все болѣе увеличивающееся количество писемъ, ставшее въ концѣ подавляющимъ, нѣсколькими десятками въ недѣлю. Несмотря, однако, на эти жалобы онъ всегда отвѣчалъ на всѣ письма, — „имѣлъ такую суевѣрную привычку“, какъ онъ шутилъ.

Особенно способствовало развитію этой переписки участіе Рачинскаго въ борьбѣ съ пьянствомъ. Убѣжденный, что этотъ порокъ—одно изъ главныхъ бѣдствій Россіи, онъ уговорилъ сперва своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и воспитанниковъ устроить общество трезвости, давъ годовой обѣтъ абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Скоро общество начало разрастаться, появились, черезъ Татевскихъ учениковъ, разошедшихся изъ Татева, дальніе члены. Въ 1889 г. Сергій Александровичъ напечаталъ по этому поводу статью ¹⁾, распространенную, въ отдѣльныхъ оттискахъ, многими тысячами экземпляровъ; статья была толчкомъ къ чрезвычайному уси-

¹⁾ Изъ записокъ сельскаго учителя. Отрывокъ 2-й. С. III. 203 сл.

ленію движенія въ пользу обществъ трезвости, и „пьяныя письма“, какъ онъ шуточно называлъ ихъ, посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, съ Кавказа, изъ самыхъ далекихъ уголковъ Россіи, Сибиря. Но не объ одной трезвости писали Рачинскому; онъ сталъ какъ бы центромъ всего народнаго образованія въ церковномъ духѣ, — и даже богѣ: къ нему обращались по самымъ разнымъ вопросамъ нравственной и духовной жизни, видя въ немъ рѣдкаго и яркаго представителя высокой культурности соединенной съ глубочайшимъ церковнымъ настроеніемъ.

Переписка эта была ему очень дорога, несмотря на всю оя тяжесть и утомительность. Въ ней онъ видѣлъ способъ расширить ту область дѣланія духовнаго добра, которому была посвящена вся его жизнь. Но не могъ онъ не видѣть въ ней и другого: народнаго, такъ сказать, призванія истинности поставленной имъ себѣ жизненной задачи. Ему суждено, однако, было получить еще и иную, высшую награду: его заслуги передъ русскимъ просвѣщеніемъ были признаны совершенно исключительнымъ образомъ, въ извѣстномъ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 14-го мая 1899 г. на имя „почетнаго почечителя церковно-приходскихъ школъ IV благочинническаго округа Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губ. Сергѣя Рачинскаго“. Вслѣдъ затѣмъ ему было Высочайше назначена пожизненная пенсія, — которую онъ употребилъ на постройку новыхъ школъ!

Такая напряженная работа, въ которой Рачинскій жертвовалъ и всѣмъ своимъ существомъ и всѣми своими матеріальными средствами, отказывая себѣ рѣшительно во всемъ, такая работа продолжалась 17 лѣтъ, съ 1875 по 1892 г. Въ этомъ году скончалась его мать, и онъ, окончательно сломленнымъ недугами, переселился снова на житье въ „барскій домъ“, приходилъ въ школу лишь на уроки, и то подъ конецъ неаккуратно, а въ послѣднюю зиму и совсѣмъ пересталъ заниматься въ школь. Но онъ до конца сохранилъ за собой руководство всѣмъ весьма сложнымъ школьнымъ міромъ, разросшимся вокругъ Татова; а это было не легко: въ 1896 г., напр., въ школахъ, частью содержимыхъ имъ на свои средства, частью только руководимыхъ, но въ которыхъ во всѣхъ учили или его ученики, или имъ выбранные учителя, было около 1.000 учениковъ. 21-го апрѣля, т. е. за 10 дней до своей, впрочемъ, неожиданной кончины, онъ писалъ, что съ ужасомъ думаетъ о предстоящихъ ему экзаменаціонныхъ развѣздахъ. А въ это время ему уже кончался 69-й годъ, и онъ былъ такъ слабъ, что, будучи ранѣе

страстнымъ и неутомимымъ ходякомъ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ не могъ проходить ту четверть версты, что отдѣляетъ школу отъ дома, и долженъ былъ поставить себѣ на полнупи для отдыха скамейку.

Чтобы еще болѣе оцѣнить все значеніе этой неустанной работы, надо знать, что Сергій Александровичъ былъ очень слабого здоровья. Средняго роста, тѣлесушный, съ глубоко сидящими подъ нависшими бровями выразительными глазами, съ быстрыми, даже нѣсколько сутяжными движеніями, онъ на 49-мъ году, когда я съ нимъ впервые познакомился, имѣлъ видъ гораздо старше своихъ лѣтъ. Его мучилъ часто удушующій кашель, нестерпимая экзема не давала покоя, разные недуги мѣшали часто свободѣ движеній, — но онъ какъ будто не обращалъ на это вниманія. Весь духъ, онъ не подчинялся немощамъ плоти и непобѣдимо боролся съ этимъ докучнымъ противникомъ.

Когда же, наконецъ, силы его вполнѣ покидали, онъ уѣзжалъ на недѣлю, другую къ своему давнишнему, еще съ московскаго профессорства, другу, К. П. Побѣдоносцеву, у котораго въ такихъ случаяхъ и жилъ въ Петербургѣ. Поѣздки эти ¹⁾ постепенно ставились все необходимѣе ему, но мѣръ того, какъ расширялись и упрочивались въ Петербургѣ его великосвѣтскія, церковныя и художественныя связи, и къ возможности провести нѣсколько времени съ ближайшимъ своимъ другомъ присоединялась возможность подышать той атмосферой, которая съ юности была ему дорога и необходима. Въ Москвѣ же онъ не бывалъ, ибо Москва для него опустѣла, какъ и вообще она потеряла значеніе того умственного центра, каковымъ была въ эпоху Грановскаго, славянофиловъ, въ эпоху еще свѣжихъ преданій сороковыхъ годовъ.— Впрочемъ, эти поѣздки не были ни часты—обыкновенно разъ въ годъ,—ни продолжительны; десяти, пятнадцати дней ему бывало достаточно, чтобы освѣжиться, подкрѣпиться, и тогда уже ничто не могло удержать его отъ возвращенія къ его „ребятамъ“ и „отрокамъ“.

Несмотря на это паденіе силъ, подъ конецъ быстрое и рѣзкое, кончины его все-таки никто не ждалъ. Наканунѣ, 1-го мая, онъ почувствовалъ вечеромъ, послѣ обычно проведеннаго дня, боль въ ногѣ: это былъ признакъ закупорки вены; однако, ни самъ Сергій Александровичъ, ни окружавшіе его не поняли, въ чемъ дѣло, и не усмо-

---

¹⁾ Онъ начался съ того времени, когда Сергій Александровичъ участвовалъ въ комиссіи по составленію правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, т. е. съ начала 80-хъ годовъ.

грѣли близкой опасности. Принявъ кое-какіе мѣры, онъ легъ спать и провелъ ночь довольно спокойно. Утромъ 2-го, въ 69-ю годовщину дня своего рожденія, онъ всталъ, какъ обыкновенно, рано, а въ 9 часовъ утра, послѣ кофе, прилежъ, какъ это часто дѣлалъ въ послѣднее время, отдохнуть съ газетой въ рукахъ, заснулъ—и болѣе не проснулся.

Рачинскій умеръ. Умереть ли съ нимъ его дѣло? По поводу этого въ нѣкоторыхъ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, высказывалось пожеланіе, чтобы были приняты мѣры къ сохраненію Татевской школы. Тутъ есть недоразумѣніе. Педагогическое дѣло есть по преимуществу дѣло личное. И если Татевская школа была тѣмъ, чѣмъ она была, то это только и исключительно потому, что въ ней работать, въ расцвѣтѣ своихъ силъ, С. А. Рачинскій. И говорю: въ расцвѣтѣ своихъ силъ. Уже подъ конецъ его жизни, въ 90-хъ годахъ, школа нѣсколько утратила свой прежній характеръ, приблизившись къ болѣе обыкновенному типу. Онъ по прежнему постоянно въ ней бывалъ, давалъ уроки, вели ео его выученки,—но они были лишь исполнителями, а не творцами, а самъ онъ не имѣлъ уже прежнихъ силъ, чтобы проводить полно и ясно въ жизнь тотъ идеалъ, который носилъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. И теперь, когда школа въ с. Татевѣ,—чтобы отличить отъ „Татевской школы“,—будетъ жить безъ непосредственнаго руководства своего незабвеннаго основателя, она, не нарушая его завѣтовъ, будетъ, однако, не болѣе, какъ обыкновенной хорошей сельской школой. Въ этомъ ея существованіи ее поддержать, но нельзя говорить объ общественной обязанности сохранять—вотъ именно что?—личную одухотворенную работу Рачинскаго. Увы,—онъ ушелъ отъ насъ и унесъ съ собой всю незамѣнимую силу своей личности!

Другое дѣло—его мысли, высказанныя имъ въ его сочиненіяхъ. Онѣ—общее достояніе и будутъ жить, помимо какихъ бы то ни было заботъ объ ихъ сохраненіи, своей собственной силой. И нѣтъ сомнѣнія, что найдутся работники, которые сумѣютъ осуществить ихъ на дѣлѣ и полно, и прочно. Уже и теперь есть школы, которыя могутъ быть названы воплощеніемъ педагогическихъ теорій Рачинскаго. Такова, напримѣръ, Дулаевская второклассная школа, въ 30 верстахъ отъ Татева. Такова, особенно, Дровницкая учительская школа въ Гжатскомъ уѣздѣ, предметъ особой любви и гордости Сергѣя Александровича. Ея руководитель, сынъ мѣстнаго священника, В. А. Лебедева, провелъ 1½ года въ Татевѣ и затѣмъ открылъ у себя въ селѣ

школу, сперва обыкновенную трехлѣтнюю. Но скоро, благодаря его исключительнымъ педагогическимъ и организаторскимъ талантамъ, она разрослась въ цѣлый комплексъ учебныхъ заведеній, съ учительскими классами, обученіемъ ремесламъ и т. д., съ нѣсколькими сотнями учениковъ. Можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь существуетъ что-нибудь подобное. Во всякомъ случаѣ, если „Татевое“ не можетъ продолжаться безъ С. А. Рачинскаго, то дѣло, созданное великимъ педагогомъ, не умерло и не умретъ.

Прежде чѣмъ разгаться съ личностью Сергія Александровича и перейти къ его литературнымъ трудамъ, необходимо, однако, разъяснить одно недоумѣніе, которое часто вызывала его дѣятельность. Удивлялись, именно, тому, какъ онъ, съ своими вкусами, съ своими привычками и строемъ первой половины своей жизни, могъ перейти въ сельскую школу, могъ вообще такъ сильно ею заинтересоваться.

Собственно въ той легкости, съ которой онъ переносилъ сравнительныя неудобства жизни въ школѣ, не малую роль, какъ онъ и самъ признавалъ, играла необязательность этой жизни. И дѣйствительно, какъ скоро онъ увидалъ, что не можетъ болѣе се выносить, онъ вернулся въ „барскій домъ“, къ своимъ привычнымъ условіямъ обстановки и комфорта.

Но это соображеніе вышнее. Какъ внутренне могъ онъ нести свою школьную работу?

Путеводной звѣздой его жизни была вѣра,—основнымъ направлениемъ его былъ идеализмъ. Да, онъ любилъ общество, не могъ жить безъ искусства, всей душой наслаждался красотой природы, вполне цѣнилъ даже самое вышнее изящество обстановки. Но все это постольку, поскольку видѣлъ въ этомъ внутреннее содержаніе, внутреннюю красоту. Въ этомъ онъ былъ послѣдователемъ до мелочей. Характерно, напримѣръ, что онъ никогда не слышалъ оперъ Верди, кромѣ перваго акта *Эрнани*. Прослушавъ его и убѣдившись, что эта музыка лишь поверхностно ласкаетъ слухъ, онъ ушелъ изъ театра, и на этомъ окончилось его знакомство съ знаменитымъ итальянскимъ композиторомъ. И въ то же время вотъ, что онъ пишетъ объ хорошемъ обиходномъ пѣніи въ монастыряхъ. „Пѣніе это положено на ноты быть не можетъ, ибо тексты пѣспойшіи ежедневно мѣняются, обуславливая безпрестанныя варіаціи въ ритмѣ, приглашая къ варіаціямъ и въ самой мелодіи и ея гармонизаціи. Такимъ образомъ, въ пѣніи, напримѣръ, стихирь на *Господи возвахъ*, сѣдальныхъ и т. п. постоянно входитъ элементъ бессознательной импровизаціи, безъ

коей пѣніе не можетъ достигъ полной силы и жизненности... Восемь лѣтъ тому назадъ мы попали въ Нилову пустынь наканунѣ дня апостола Іуды. Стихиры на *Господи воззвахъ* были пропѣты съ такой силой, съ такою чеканкою каждаго слова, каждаго звука, что текстъ ихъ остался у меня въ памяти до сихъ поръ. Краткія колѣна, на слова *Іуды чудный!*—*Дко молнія*, при каждомъ повтореніи, конечно, бессознательно, нѣлись съ легкими видоизмѣненіями, эффекта потрясающаго по своей умѣстности и простотѣ¹⁾. И это писалъ не какой нибудь фанатикъ-старовѣръ, а человѣкъ, который былъ радостно убѣжденъ что, „тому, кто знакомъ съ нашимъ богослуженіемъ, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній, человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинка“²⁾.

И таково оное было во всемъ. Оно страстно любило природу. Его школа была полна растений, лѣтомъ ее окружалъ цвѣтникъ; школьный огородъ былъ предметомъ его особенной, нѣжной заботливости и ухода. Эта любовь вдохновила его ко многимъ поэтическимъ страницамъ въ его педагогическихъ произведеніяхъ, она заставляла его наполнять всѣ его частныя письма восторженными описаніями каплъ-нибудѣ вновь замѣченныхъ, вновь пережитыхъ красотъ. Но и тутъ оно вездѣ и всегда искало духовнаго содержанія; физическая красота природы была для него лишь оболочкой красоты внутренней, вложенной Богомъ въ Его твореніе. И позволю себѣ и по этому поводу привести нѣсколько длинную выписку изъ *Школьнаго похода въ Нилую пустынь*: „Чудное время—середина іюля! Лѣса еще сохранили всю свѣжесть своей весенней листвы, и въ тѣнистыхъ ихъ закоулкахъ доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши; а въ поляхъ уже появляются первые васильки, и надъ низкими волнами цвѣтущей ржи носятся облака душистой пыли; въ нетронутой травѣ луговъ сіяютъ и рдѣютъ, благоухаютъ и колыхаются тысячи едва распустившихся цвѣтовъ; и все это заливаешь потоками свѣта почти незакатное солнце, ибо ночи нѣтъ: блѣдный пурпуръ заката разгорается въ пурпуровое золото утренней зари. Едва проглядываютъ въ свѣтлой лазури звѣзды ночныя. Есть что-то торжественное, что-то прязывное въ этомъ непрерывномъ бѣженіи, въ этомъ

¹⁾ С. III. 161.

²⁾ С. III. 109, 110.

могучемъ напряженіи всѣхъ силъ природы; это время бессонныхъ ночей, время широкихъ замысловъ, время порывовъ духа къ высшему свѣту...

„Благословешь еси, Владыко Вседержителю, просвѣтливый день свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными“...

„Словно не подъ небомъ юга, съ глубокимъ мракомъ его ночей, написана эта молитва Василія Великаго, а въ срединѣ сѣвернаго глѣта, когда и днемъ, и ночью насъ будитъ и гудитъ обиліе свѣта и разлитая повсюду непагидная красота, и нисколько прясется на уста слова другаго великаго поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen,
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt—
Auf! Bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust in Morgenroth!“¹⁾

И все это его настроеніе, вся эта его преданность

Nur ewigen und ernsten Dingen

его любимое выраженіе) все это получало высшее завершеніе въ вѣрѣ, смиренной и непоколебимой, полной радостной надежды и свѣтлой любви ко всему, ко всякому творенію Божію. Однимъ изъ наиболее чтимыхъ имъ святыхъ былъ Францискъ Ассизскій. Еще въ Веймарѣ, по просьбѣ Листа, онъ написалъ нѣмецкій гимнъ въ честь этого святаго, положенный великимъ композиторомъ на музыку, а въ Тавевѣ однажды, нощъ большой прогулки, наполненной особенно содержательной бесѣдой, онъ прислалъ мнѣ, когда я ушелъ къ себѣ въ комнату отдохнуть, слѣдующій экспромптъ:

Подражаніе S. Francesco d'Assisi.

Хвала Тебѣ!—Твое названье
Не смѣю я произносить,—
Но до послѣдняго дыханья
Держаю я Тебя хвалить.

Хвала Тебѣ за неба своды,
За солнце, небо и луну,
За горы, лѣсъ, поля и воды,
За утро, юность и весну!

Хвала за каждое игновенье
И мужъ, и радостей земныхъ,

¹⁾ С. III. 126.

Хвала за смерть—и воскресенье
Въ Твоихъ обителяхъ святыхъ!

Конечно, онъ могъ и не натолкнуться на сельскую школу, и въ этомъ смыслѣ его занятія ею не были неизбежны. Но разъ судьба свела его съ этимъ міромъ, увлеченіе имъ съ логической необходимостью вытекало изъ его настроенія. Здѣсь онъ нашолъ даже внѣшнюю красоту, не ту, которая дается богатствомъ и роскошью, которая создается высокимъ искусствомъ и есть удѣлъ немногихъ счастливицевъ, а ту, которую имѣетъ всякое человѣческое сожителство, соединенное общимъ добрымъ трудомъ, общимъ счастьемъ, общей одухотворенностью жизни. Но еще болѣе нашолъ онъ здѣсь содержанія внутренняго. Вотъ что восклицалъ онъ по поводу любви, которой пользуется въ сельской школѣ Пушкинъ: „Когда я еще не пристушалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла,—этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый, это *его* міръ, съ ранняго дѣтства плѣвшая и манившая часть. Онъ *его* пророкъ, онъ *его* пророкъ...“¹⁾

Не только не было для Рачискаго какого-нибудь лишенія при его школьныхъ занятіяхъ, а напротивъ здѣсь онъ нашолъ — и не могъ не найти—истинное счастье. Вотъ его слова изъ письма ко мнѣ, слова, какъ нельзя лучше разрѣшающія всѣ недоумѣнія: „Согласитесь, что то, что происходитъ въ Татевѣ, въ сущности совершается въ нѣкоемъ четвертомъ измѣреніи нравственнаго міра, пока доступнаго лишь медіумамъ. А вѣдь, право, безъ этого четвертаго измѣренія міръ неполонъ, и возможность человѣческихъ отношеній между нами съ вами—и разными Митями и Вянями такое сокровище, которымъ стоило бы подѣлиться съ другими, тѣмъ болѣе, что подобное общеніе положительно мыслимо лишь въ высшихъ сферахъ духовной жизни, въ сферахъ религіи, искусства, нравственнаго совершенствованія, а потому само въ себѣ носитъ награду“. По этому поводу не могу не привести еще слѣдующихъ его словъ: „столь распространенная жалоба на обездоленность праведниковъ на землѣ, какъ остроумно замѣчаетъ гдѣ-то де-Местръ, никогда не исходитъ отъ людей, имѣющихъ хотя бы отдаленное право именоваться праведными,—ибо истинн

¹⁾ С. III. 59.

этихъ жалобъ сводится къ тому, что добродѣтель на землѣ не награждается ни почестями, ни деньгами, ни людскою хвалою—вещами, праведникамъ совершенно ненужными¹⁾.

Я думаю, что только по незнанію можно удивляться швольной жизни Рачинскаго. Въ дѣйствительности же она была совершенно понятна и естественна, ибо велъ ее человѣкъ, который неоднократно высказывалъ—и съ полнымъ правомъ—желаніе, чтобы на могильномъ его камнѣ были начертаны слова:

Не о хлѣбѣ единымъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ хлѣбѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ.

II.

Литературное наслѣдіе С. А. Рачинскаго не велико по объему.

Кромѣ упомянутыхъ выше диссертацій и нѣмецкихъ произведеній, онъ напечаталъ, въ первую половину своей дѣятельности, лишь нѣсколько небольшихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (*Цвѣты и насекомыя*, *Московская флора*, *По поводу спиритическихъ сообщеній*, 1875 г., незначительную повѣсть *Трио*, 1859 г., *Письма изъ-за границы*: объ учебномъ заведеніи Стоя въ Іенѣ, о музыкѣ Вагнера), въ *Современной Литературѣ* замѣтку объ одной картинѣ, приписываемой Рачинелю, въ *Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ* Руде статьи: *Атлантики*, *Кукки растений*, *Чужелюдныя растения*, *Семейство кактусовъ*, *Пеллидская флора*. Кромѣ того Рачинскій перевелъ вмѣстѣ съ Борзенковымъ *Физиологію обыденной жизни* Льюиса и самостоятельно *Растеніе и его жизнь* Шлейдена и *О происхожденіи видовъ* Дарвина. Можеть показаться удивительнымъ, что именно Рачинскій познакомилъ русское общество съ этой послѣдней книгой. Но не слѣдуетъ забывать, что самъ Дарвинъ былъ человѣкъ безусловно вѣрующій, и Рачинскій точно также не видѣлъ логической связи между теоріей происхожденія видовъ и тѣми крайностями, которыя покрываются терминомъ дарвинизма. Уже занимаясь Татевскою школою, онъ написалъ предисловіе къ возможному второму изданію своего перевода, гдѣ онъ, со ссылками на Василія Великаго, утверждалъ свою религіозную точку зрѣнія и находилъ путь согласенія ея съ теоріей Дарвина. Къ сожалѣнію, новое изданіе не понадобилось, и предисловіе осталось не напечатаннымъ. Не менѣе слѣдуетъ, кстати замѣтить, сожалѣть о томъ, что осталась даже не написанной задуман-

¹⁾ С. III. 224, 225.

ная имъ въ послѣднее время статья о чудесахъ, въ которыхъ самъ онъ вѣрилъ.

Въ 1899 г. онъ напечаталъ *Татевскій сборникъ*,—собрание нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихъ историческое и историко-литературное значеніе и хранящихся въ Татевѣ.

Статьи Рачинскаго по народной школѣ и народному просвѣщенію въ широкое смѣслѣ слова печатались, начиная съ 1881 г. въ *Руси*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Обзорѣнн*, *Народномъ Образованн* (издающемся при Синодѣ педагогическомъ журналѣ), *Московск.гъ Видомостягъ*. Всѣ эти статьи, числомъ 12, собраны въ книгу *Сельская школа*, выдержавшей съ 1891 по 1899 г. четыре изданія и составляющей главное произведеніе Рачинскаго. Не вошли въ нее лишь мелкія статьи (*Школы много, Учителя и учительницы, Новый Годъ, Геометрическія забавы, Арифметическія забавы, Къ исторіи народнаго образованія въ XIX вѣкѣ*, о дѣятельности кн. Ширинскаго-Шихматова), напечатанныя въ *Народномъ Образованн* послѣ выхода 4-го изданія.— Затѣмъ, не помѣщены въ ней: учебникъ, подъ заглавіемъ *1001 задачи для умственнаго счета* (3 изданія), важная для міровоззрѣнія автора статья *Sursum corda*, напечатанная въ *Руси*, не имѣющая нѣтъ практическаго значенія *Записки объ образцовыхъ училищахъ при духовныхъ семинаріяхъ*, напечатанная въ синодальномъ изданіи *Церковная школа*, и статьи о трезвости: *Открытое письмо, Письма къ воспитанникамъ Казанской учительской семинаріи, По поводу общества трезвости* (все въ *Церковномъ Видомостягѣ*) и, наконецъ, *Письма С. А. Рачинскаго къ духовному юношеству* (студентамъ Казанской духовной академіи) *о трезвости*. Последній сборникъ, главное произведеніе Рачинскаго по поводу трезвости, былъ первоначально изданъ „не для публнкн“, но затѣмъ, въ новомъ изданіи, пуцегъ и въ продажу.

Кромѣ того, Синодомъ издава *псалтирь* съ самыми краткими подстрочными разъясненіями наиболѣе темныхъ мѣстъ; анонимный составитель этихъ разъясненій—С. А. Рачинскій.

Наконецъ, въ 1901 г. изданъ небольшой сборникъ его статей по поводу реформы средней школы, подъ заглавіемъ *Absit omnia*. Здѣсь онъ является горячимъ защитникомъ строго-классическаго образованія.

Я не знаю, имѣетъ ли *Сельская школа* широкое распространеніе среди большой читающей публики; кажется, что не имѣетъ ⁴⁾. Въ

⁴⁾ Не могу не замѣтить, что *Сельская школа* не значится ни въ одномъ изъ раздѣлительныхъ каталоговъ министерства народнаго просвѣщенія.

такимъ случаѣ надо желать и надѣяться, чтобы это положеніе измѣнилось. Ибо *Сельская школа* по праву должна быть причислена къ классическимъ произведеніямъ русской литературы, и Академія Наукъ имѣла всѣ основанія избрать ея автора, въ 1891 г., своимъ членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, — хотя самъ Сергій Александровичъ и называлъ это избраніе, въ письмѣ къ мнѣ, „непостижимымъ и необъяснимымъ“. Въ русской литературѣ есть уже такая книга, которую всѣ чтутъ какъ общую драгоценность, несмотря на ея специальное содержаніе или точнѣе, специальное заглавіе. Я говорю о *Запискахъ ружейнаго охотника*. Силою своего поэтическаго и стилистическаго таланта, всѣмъ своимъ настроеніемъ Аксаковъ сдѣлалъ изъ своихъ охотничьихъ воспоминаній истинный литературный перлъ. То же надо сказать и про *Сельскую школу*, съ тѣмъ только добавленіемъ, что ея содержаніе гораздо менѣе специально, чѣмъ содержаніе книги Аксакова. Ибо Рачинскій къ изложенію своихъ педагогическихъ теорій присоединяетъ высоко поэтическія описанія природы, дѣтской жизни, церковной службы и пр. Еще болѣе важны и общепитересны тѣ страницы, гдѣ онъ касается самыхъ основныхъ вопросовъ человѣческаго духа, гдѣ онъ характеризуетъ русскій народъ. Все это далеко превосходитъ непосредственную задачу книги и дѣлаетъ *Сельскую школу* произведеніемъ столь важнымъ и интереснымъ, что малое съ ней знакомство нашего читающаго общества можно объяснить лишь нѣкоторымъ недоразумѣніемъ.

Приведенныя мною цитаты даютъ достаточные образцы отдѣлки и кристальной чистоты его слога, нѣсколько стариннаго пошиба. Литературный воспитанникъ Пушкина, изъ позднѣйшихъ поэтовъ цѣнившій болѣе всего Тютчева, Рачинскій былъ чрезвычайно строгъ къ стилю, до послѣдней степени чувствовалъ всѣ его достоинства и недостатки. Свои произведенія писалъ онъ необыкновенно тщательно; сидя, по своему обыкновенію, глубоко на диванѣ и услепно куря, онъ долго обдумывалъ каждый періодъ, каждую фразу, каждое слово; потомъ писалъ ихъ, почти безъ единой поправки, своимъ ровнымъ, четкимъ почеркомъ, потомъ снова дѣлалъ перерывъ для слѣдующаго періода и т. д. Оттого его писанія имѣютъ такой, такъ сказать, щеголеватый видъ. Но когда нужно было, онъ могъ писать необыкновенно энергично. Мы встрѣтимся съ такими образцами.

Наиболѣе литературный и почти беллетристическій характеръ имѣетъ третья статья сборника: *Школьный походъ въ Нилову пустынь*, разсказъ, въ видѣ дневника, о десятидневномъ пѣшеходномъ странствованіи

ни въ названнѣй монастырь, совершенномъ Рачинскимъ въ обществѣ 65 учениковъ, учителей, отроковъ.—Здѣсь градіозныя описанія немудрыхъ путевыхъ событій и впечатлѣннѣй чередуются съ превосходными картинами природы, съ важными разсужденіями о церковныхъ и религіозныхъ вопросахъ и дѣлають эту небольшую вещь чрезвычайно увлекательной и полной содержанія,—несмотря на то, что авторъ увѣряетъ въ письмѣ ко мнѣ, что онъ написалъ „необыкновенно скучную статью“. — Приведенныя выше описанія сѣвернаго лѣта и монастырскаго пѣнія взяты изъ этого произведенія.

Сборникъ *Сельская школа* состоитъ изъ слѣдующихъ 12 статей: *Замѣтки о сельскихъ школахъ, Народное искусство и сельская школа, Школьный походъ въ Нилову пустынь, Изъ записокъ сельскаго учителя* (1. О художественномъ воспитаніи, 2. О трезвости и 3. О великопостной службѣ)¹⁾, *Церковная школа, Чтеніе псалтири въ начальной школѣ, Начальная школа и сельское хозяйство, Школьное цѣльноводство, Возродившіяся школы грамоты, Церкви и школы, Заиканіе и церковнославянское чтеніе и Ничто о свободѣ чтенія и речи.*

Кореннымъ произведеніемъ являются *Замѣтки*, напечатанныя первоначально въ 1881 г. въ Аксаковской *Руси* и затѣмъ изданныя отдѣльной, въ свое время много обсуждавшейся брошюрой. Онѣ не только впервые обратили общее вниманіе на дѣятельность Рачинскаго, но и съ полною точностью и подробностью выразили его взгляды, такъ что, за однимъ исключеніемъ, все дальнѣйшее его писаніе проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ и являются лишь болѣе детальнымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ частностей. Таиннымъ образомъ *Сельская школа* представляетъ изъ себя органическое цѣлое, хотя статьи, составляющія ее, и писались на протяженіи цѣлыхъ 17 лѣтъ, съ 1881 по 1898 годъ.

Приступая къ изученію этой книги, нельзя прежде всего не обратить вниманіе на одну ея особенность, которая дѣлаетъ ее—какъ и все ученіе Рачинскаго—если не единственной, то во всякомъ случаѣ крайне рѣдкой въ педагогической литературѣ.

Несмотря на печальную видимость, говоритъ онъ, въ русской жизни существуютъ добрыя, но скрытыя теченія. Но почему же не они являются преобладающими и руководящими? „Кто въ этомъ виноватъ? Виноватъ въ этомъ всякій изъ насъ... Жестоко слово сіе, но еще жесточе другое слово, вытекающее изъ него: *мы должны*

¹⁾ Этими ограничивались первые 2 изданія сборника.

стать шлѣмъ людѣмъ". А пока этого пѣтъ, мы тщетно будемъ искать духовнаго хлѣба насущнаго, который, вѣдь, есть не что иное, какъ „доброе и бодрое дѣланіе въ какой-нибудь области, общественной или практической. Бодрость же и радость и миръ на трудномъ поприщѣ добра невозможны тому, кто... не сознаетъ себя членомъ великаго, вѣчнаго цѣлаго, той Civitas Dei, въ коей есть мѣсто, и смыслъ, и похвала всякому, самому темному подвигу, ободреніе всякой немощи, награда земная и надежда небесная". Въ ряду способовъ этого „добраго дѣланія" народная школа занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто. Ибо „вопросъ о современной русской школѣ не есть вопросъ частный и техническій.... это вопросъ роковой и грозный. Отъ качествъ нынѣ подрастающихъ русскихъ поколѣній завѣсятъ судьбы міра. Нынѣ пачиваетъ слагаться умственный и нравственный обликъ самаго многочисленнаго, самаго сплошнаго изъ христіанскихъ народовъ всемірной... Заглянемъ глубже въ свою собственную душу, будемъ самими собой и мы почувствуемъ, что эти милліоны сѣрыхъ ребятшекъ, стучащіяся съ темными чайниками въ двери нашей жалкой сельской школы — наши дѣти; что эти несчастные народы, конемъ.... мы дали начатки политической свободы, — оплять наши дѣти, что эти дикіе народы, кочующіе по стѣнямъ Азіи — еще наши дѣти. — И если отецъ при рожденіи ребенка чувствуетъ, что совершилась великая тайна, и что ему *надлежитъ* *вырастить душою*, чтобы вмѣстить ее; если, по глрѣ пробужденія въ ребенкѣ новаго человека, тайный голосъ шепчетъ ему, что рожденіе продолжается всѣмъ строемъ его жизни, — то неужели въ насъ, людяхъ мысли и достатка.... не загорится подобное чувство при видѣ міровыхъ рожденій, совершенныхъ нами матеріально, не довершенныхъ нами духовно? Не входитъ ли въ составъ современной тоски значительная доля угрызеній совѣсти?... И вотъ умножаются и усиливаются напоминанія о нашемъ долгѣ, о нашемъ мѣстѣ въ семьѣ народовъ, о нашемъ часѣ въ теченіи времени, — умножаются въ области духа, въ сферѣ мысли и слова, въ жизни церковной". Онъ перечисляетъ затѣмъ значеніе, которое получила русская литература на западѣ, японскую миссіонерскую дѣятельность еп. Николая, православную церковь въ Америкѣ, Абиссиніи, старо-католичество. „Чего ницуть всѣ эти люди? Чего они отъ насъ ждутъ и просятъ? Они ждутъ отъ насъ подвига любви и разума; они ждутъ — спасенія. Спасеніе!.... это міръ въ державѣ единаго Небеснаго Отца, это путь подъ водительствомъ единаго Небеснаго Пастыря, — это единеніе въ духѣ и могучихъ и немощныхъ, и мудрыхъ міра сего и тѣхъ нищихъ

духомъ, коимъ возвѣщено царство небесное. И вотъ, къ осуществленію этого вѣчнаго чаянія души человѣческой, волнующаго народы вселенной, но столь же глубоко приеущаго всякому, самому тѣсному, самому скромному союзу человѣческому,—каждый изъ насъ признайтъ приложить свою песчинку, свою каплю труда и любви. Откажемъ ли мы въ ней?«¹⁾

Да проститъ мнѣ читатель эту длинную цитату, которую, конечно, пріятнѣе было бы ему прочитать въ связи съ общимъ ходомъ изложенія автора. Но она была необходима для выясненія самой сути какъ общаго міровоззрѣнія Рачинскаго, такъ въ частности и его педагогическихъ теорій. Итакъ, все воспитаніе русское, и въ томъ числѣ — и вовсе не менѣе другого — народное, есть участіе въ совершеніи христіанскаго дѣла на землѣ, въ строительствѣ всемірной церкви Христовой. Благодаря этому всѣ учителя, кто бы они ни были, если только они понимаютъ свою задачу, свое положеніе, должны сознавать себя членами Civitatis Dei и, дабы войти въ полноту своихъ обязанностей, „стать иными людьми“, „возрасти духовно“. И потому „учительство въ русской сельской школѣ не есть ремесло, но призваніе, низшая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ“²⁾.

Несомнѣнно, такой взглядъ можетъ показаться слишкомъ идеальнымъ, почти утопическимъ. Но нельзя ставить развитіе народнои школы въ зависимость отъ условій не только чисто-субъективныхъ, но и совершенно неудовимыхъ, такъ сказать невѣсомыхъ. Но на это возраженіе у Рачинскаго есть отвѣтъ,—конечно, также идеальный.

„Въ дѣлахъ свойства духовнаго, въ дѣлахъ неизмѣримой важности и длительности безконечной, каково дѣло народнаго образованія, нужно имѣть въ виду не только то, что есть, но и то, что можетъ и должно быть. Для всякаго творческаго акта нужна воля, нужна вѣра, хотя бы съ зерно горюшечко,—въ данномъ случаѣ вѣра въ несокрушимость Церкви, какъ вѣчнаго союза и міріяи, и духовенства, какъ живаго тѣла съ Главою Небеснымъ, твердая воля осуществить этотъ союзъ во всѣхъ отправленияхъ жизни духовной. Явленія такъ называемой матеріализации, въ сферѣ вещественной призрачныя, совершаются ежедневно въ жизни духовной. Смылаюсь на внутренній онытъ всѣхъ

¹⁾ С. III. 275—280.

²⁾ С. III. 97.

потрудившихся Богу для, награжденныхъ осуществленіемъ чашій, безмѣрно превышающихъ ихъ помощь“¹⁾).

Такимъ образомъ, народная школа есть дѣло, которое отнюдь не можетъ быть дѣлаемо одними внѣшними средствами, помощью пріобрѣтенныхъ воспитаніемъ или практикой умѣній и т. д. Оно есть одно изъ проявленій христіанской церковной жизни и, слѣдовательно, обусловлено внутреннимъ христіанскимъ возрожденіемъ человѣка,—и только при такомъ условіи и возможно.—„Все мѣняется, какъ скоро мы приложимъ сердце и руку къ... дѣйствительности, въ полномъ сознаніи своего безсилія, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, а именно Бога для, во исполненіе святой Его воли. Тотчасъ почувствуемъ мы, съ убѣдительностью неперекасною, съ ясностью непосредственнаго зрѣнія, что черезъ насъ и за насъ дѣйствуетъ пѣкто, неизмѣримо сильнѣйшій, творитъ пѣчто лучшее, чѣмъ то, что мы могли предположить и предпринять“²⁾).

Эти слова относятся къ 1895 г. А *Замысли*, писанныя въ 1861 г., кончаются радостнымъ призваніемъ: „Много денегъ, по незнанію, легкомыслію, потерялъ я бесплодно. Всякое евангельское слово, сказанное съ любовью, въ сознаніи моего безсилія, принесло плодъ сторицно“³⁾).

По Рачинскій мыслилъ обо всемъ этомъ не въ общихъ только чертахъ. Напротивъ, если не въ печати, то въ разговорахъ и дружескихъ письмахъ онъ развивалъ свою точку зрѣнія съ большою подробностью. Вотъ, напр., что писалъ онъ мѣ 10 февраля 1886 г.

„Церковь наша учитъ, что крещеніе совершается надъ младенцами по вѣрѣ воспріемниковъ и родителей... Подъ вѣрою мы отнюдь не въ правѣ разумѣть тутъ временнаго возношенія души къ Богу въ моментъ совершенія таинства, а должны разумѣть постоянный душевный строй, руководящій жизнью родителей и воспріемниковъ,.... ибо лишь такая вѣра заключаетъ въ себѣ ручательство за сознательное воспріятіе младенцемъ, по пришествіи его въ возрастъ, благодати крещенія, за сознательное рожденіе его Духомъ.—Но съ осложненіемъ человѣческихъ отношеній, все бѣльшая доля обязанностей воспріемниковъ и родителей переносится на воспитателей и учителей всякаго рода. Нельзя не возлагать на нихъ и доли отвѣтственности, принятой

¹⁾ С. III. 291.

²⁾ С. III. 291.

³⁾ С. III. 103.

на себя указанными церковнымъ ученіемъ лицами. Не сомнѣваюсь, что могутъ быть найдены разъясненія въ этомъ смыслѣ въ источникахъ авторитетныхъ.... Но не умаляется ли этимъ разсужденіемъ значеніе самаго таинства, совершаемаго іереемъ въ опредѣленный день и часъ, нераздѣльнаго, неповторяемаго? Нисколько. Въ совершеніи всякаго таинства, невидимо, но дѣйственно участвуетъ вся Церковь.... и это участіе не связано ни временемъ, ни мѣстомъ.... По этому самому благодатная сила таинства крещенія значительно затмевается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ неисполненіемъ родителями, воспріимниками и наставниками принятыхъ ими на себя обязательствъ. Ребенокъ растетъ въ незнаніи доброй вѣсти, въ дремотѣ духовной. Мы видимъ въ немъ лишь отраженіе дурныхъ примѣровъ житейскихъ, въ немъ разрастаются лишь сѣмена наследственныхъ пороковъ.... Но въ правѣ ли мы поэтому сомнѣваться въ дѣйственности таинства, совершеннаго надъ этимъ порочнымъ ребенкомъ, сомнѣваться въ томъ, что эта сила проявится, какъ скоро будутъ исполнены условія, налагаемая Церковью на участниковъ въ таинствѣ. Но быть можетъ, мы въ правѣ полагать, что исправленіе такого порочнаго или запущеннаго ребенка будетъ нашимъ личнымъ дѣломъ, независимымъ отъ благодати совершеннаго надъ нимъ крещенія, что истинное крещеніе, крещеніе Духомъ, совершено наставникомъ? На это возможенъ лишь слѣдующій отвѣтъ. Благодать таинства не подлежитъ доказательству внѣшнимъ опытомъ, внѣшнимъ наблюденіемъ. Въ ней убѣждаетъ насъ внутренній опытъ Церкви, слагающийся и подтверждаемый внутреннимъ опытомъ каждаго изъ насъ. Къ этому, въ дѣлѣ воспитательномъ, присоединяется внутренній опытъ наставника, чуждаго самообольщенія, знающаго мѣру своихъ духовныхъ и нравственныхъ силъ. Пусть каждый, кто былъ свидѣтелемъ постепеннаго духовнаго рожденія ребенка, кто былъ призванъ ему содѣйствовать, спроситъ себя искренно, насколько этотъ процессъ былъ его личнымъ дѣломъ, и насколько дѣломъ силы невѣдомой, превышающей безмѣрно его личныя скудныя силы“.

И затѣмъ онъ ищетъ слѣдующія знаменательныя слова, ярко характеризующія все его міросозерцаніе: „Все это разсужденіе, быть можетъ, отзывается рационализмомъ. Но что же намъ дѣлать, если истины вѣры не противорѣчатъ нашему разуму, а только превышаютъ его, и если въ самой этой разумности и трансцендентальности ихъ убѣждаютъ насъ, лишь углубленные и расширенные, то же наблюденіе, тотъ жъ опытъ, которые, въ приложеніи одностороннемъ и узкомъ,

послужили основаніемъ узкихъ современныхъ теорій о мірѣ и человѣкѣ“.

Требованія нравственнаго совершенства учителей и воспитателей, на практикѣ можетъ быть слишкомъ рѣдко предъявляемая, проходятъ красной нитью черезъ всю исторію педагогическихъ теорій. Равнымъ образомъ, перѣдки, въ приложеніи къ народной школѣ, указанія на нравственную и общественную обязанность для образованныхъ классовъ содѣйствовать просвѣщенію классовъ низшихъ. Но, повторяю, почти исключительнымъ является построеніе Рачинскаго, по коему занятія народной школой должны быть признаны однимъ изъ главнѣйшихъ, мистическихъ путей совершенствованія самихъ занимающихся ею, будучи однимъ изъ способовъ собранія человечества подъ сѣнь Церкви Христовой,—по коему каждый актъ этой школьной работы, плодотворный, по самому существу своему, лишь при наибольшемъ развитіи христіанскаго сознанія работающаго, есть шагъ на пути ко спасенію его души.

Эта точка зрѣнія не поддается обсужденію въ предѣлахъ обычныхъ пріемовъ педагогической мысли. Съ ней можно согласиться, или ее отвергнуть въ зависимости отъ принятія или непринятія нѣкоторыхъ основныхъ нравственныхъ или, точнѣе, релігіозныхъ положеній. Но для Рачинскаго она была неизбѣжна при его глубокой вѣрѣ,—какъ равно является и лучшимъ ея доказательствомъ.

Однако, мало сказать, что онъ былъ глубоко-вѣрующимъ человекомъ. Онъ былъ человекомъ убѣжденно православнымъ и притомъ весьма церковнымъ. Подобно тому, какъ я привелъ отрывокъ изъ его письма о значеніи таинства крещенія для воспитанія, я могъ бы передать его разсужденіе на ту тему, что изъ трехъ историческихъ формъ, въ которыхъ живетъ христіанство,—католичества, протестантизма (съ его ранними проявленіями въ рационалистическихъ сектахъ) и православія, послѣднее есть высшая, завершающая весь кругъ земнаго развитія Церкви. Но съ одной стороны разсужденіе это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ школьному дѣлу, а съ другой — я могъ бы передать его лишь на основаніи воспоминаній о нашихъ бесѣдахъ, безъ подтвержденія документальными данными. А потому ограничиваюсь лишь краткимъ указаніемъ.

Непосредственное отношеніе къ школьному дѣлу имѣетъ другой его взглядъ. Онъ видѣлъ именно преимущество православія въ церковномъ единеніи духовенства и мірянъ, столь противоположномъ власти клира надъ мірянами въ церкви католической и поглощенію послѣдними перваго въ церкви протестантской. Онъ съ тревогой спра-

шиваль: „Тотъ поворотъ къ дѣятельности пастырской, къ учительству духовному и школьному, тотъ поворотъ, которому пришло на встрѣчу обновленіе школы церковной, не заглохнеть ли онъ безслѣдно въ силу отчужденія отъ Церкви необходимаго въ ней элемента—мірскаго?“—и давалъ отвѣтъ: „Это зависитъ отъ насъ“¹⁾.

Поэтому онъ постоянно и настойчиво призывалъ мірянъ къ устроению школы именно церковной (по направленію). Уже въ *Замѣткахъ* онъ указывалъ на то, что мы не протестанты, гдѣ нѣтъ таинства священства, коимъ „въ числѣ другихъ даровъ Духа Святаго сообщается и благодать наставленія въ вѣрѣ“, вслѣдствіе чего наученіе истинамъ вѣры (т. е. такъ называемое преподаваніе закона Божія) должно по существу дѣла принадлежать священникамъ. И затѣмъ онъ продолжалъ: „Да, мы не протестанты, и намъ не пристало пренебрегать участіемъ духовенства въ дѣлѣ духовнаго образованія народа. Но мы также не католики. Намъ не пристало считать это дѣло исключительнымъ достояніемъ духовенства. И тамъ, гдѣ въ школахъ учить рядомъ съ учителемъ, усердный священникъ, учитель нисколько не устраняется отъ участія въ его трудахъ“. Множество обстоятельствъ школьной жизни „даютъ ему безпрестанные ежедневные случаи бесѣдовать съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности“²⁾.

Постепенно значеніе этого участія мірянъ въ жизни Церкви расширялось въ его глазахъ, и въ одной изъ послѣднихъ статей (*Церкви и школы*, 1898 г.) онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ эту задачу мірянъ. Замѣтивъ, что надзоръ за школами, истинное ими руководство „посильно только органамъ Церкви, только духовенству“, онъ говоритъ далѣе: „Сидеть въ ряды, поднять его нравственный уровень—должно быть заботой не одного только духовнаго вѣдомства, но всякаго, кому близки интересы духовные. Школа, конечно, церковная, столь же необходима духовенству, какъ духовенство школамъ. Расширеніе пастырской дѣятельности, налагаемое на наше духовенство обстоятельствами времени, уже начинаетъ оказывать на него свое возвышающее дѣйствіе, и всѣ люди достатка матеріальнаго и мысленнаго обязаны поддерживать благое вѣяніе, поднявшееся на лонѣ нашей Церкви, въ связи съ размноженіемъ школъ“³⁾.

Впрочемъ, рядомъ съ надеждами, возлагавшимися имъ на мі-

¹⁾ С. III. 268.

²⁾ С. III. 81—82.

³⁾ С. III. 357.

ряя, преданныхъ Церкви, у Рачинскаго все возрастало недовольство и рѣзкое осужденіе тѣхъ частей русскаго общества, которыя разорвали связь съ Церковью. Это обстоятельство весьма важно. Рачинскаго, вообще говоря, признавали всегда крайнимъ защитникомъ церковно-приходской школы, весьма нетерпимымъ по отношенію къ другимъ формамъ народнаго образованія. Такое опредѣленіе его дѣятельности справедливо только въ примѣненіи къ послѣднему ея періоду. И это и есть та частность, нарушающая единство его книги, о которой я упомянулъ выше.

Въ *Замѣткахъ* онъ доказывалъ, что роль училищныхъ совѣтовъ ограничивается „въ громадномъ большинствѣ случаевъ ходатайствами передъ земскимъ собраніемъ объ отпускѣ денежныхъ суммъ“, что „школы остаются непролупыми нигилистической пропагандой“, что „священники въ большинствѣ случаевъ отказываются отъ преподаванія закона Божія“¹⁾, и что поэтому, какъ ни жестокъ надзоръ духовенства за школами тамъ, гдѣ есть „священники стоящіе на высотѣ своего призванія“—„даровать право надзора нашему сельскому духовенству огульно было бы величайшимъ зломъ“²⁾. И онъ описываетъ въ яркихъ краскахъ всѣ недостатки нашего духовенства, съ горечью восклицая, что оно „чахнеть и гибнетъ, гибнетъ медленною смертью, похожею на самоубійство“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „руководящая сила истинно добраго сельскаго священника совершенно независима отъ officialнаго наименованія, отъ вѣдомственнаго подчиненія школы“, до такой степени, что „практическое значеніе правилъ о церковно-приходскихъ школахъ совершенно ничтожно, ибо должное вліяніе священника на школу, находящуюся при церкви, вполне обезпечено силой вещей, если только онъ священникъ добрый, усердно и искренно преданный школьному дѣлу; духовное же вѣдомство въ низшихъ своихъ инстанціяхъ ни охотой, ни умѣніемъ взяться за школьное дѣло не отличается“⁴⁾.

На практикѣ это приводило къ тому, между прочимъ, что долгое время большинство школъ Рачинскаго, и даже Гатевская, находились

¹⁾ С. III. 6.

²⁾ С. III. 53.

³⁾ С. III. 39.

⁴⁾ Изъ статьи *Suis non corda*, содержаніе коей—указаніе на недостатки духовенства и призывъ образованныхъ людей не-духовнаго происхожденія къ поступленію въ духовное званіе. Статья напечатана въ *Руси*, если не ошибаюсь, въ 1884 г. Я цитирую по отдѣльному оттиску.

въ вѣдѣніи земскаго уѣзднаго училищнаго совѣта или, какъ говорятъ, были школами земскими. Даже болѣе, ему пришлось разъ не мало похлопотать, чтобы защитить ихъ отъ неожиданнаго и самовольнаго перевода благочиннымъ въ разрядъ школъ церковно-приходскихъ ¹⁾.

Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ его измѣнился. Онъ не только перевелъ, послѣ 1894 г., свои школы въ вѣдѣніе епархіальнаго училищнаго совѣта, но и опредѣленно высказалъ, въ 1895 г.: „Примѣръ школьной дѣятельности земствъ за истекшее тридцатилѣтіе неопровержимо доказываетъ, сколь неумѣстно и опасно предоставлять руководство школой учрежденіямъ, неизбежно отражающимъ переиѣнчивыя настроенія минуты“ ²⁾. И, наконецъ, книга его заключается словами: „Наше духовенство примѣромъ виѣбогослужебныхъ собесѣдованій уже успѣло доказать, что порученное ему, въ извѣстной мѣрѣ, школьное дѣло оно не только способно вести, но призвано усгѣшнѣе продолжать и дополнять. Остается пожелать, чтобы это дѣло всецѣло было поручено Церкви, чѣмъ какъ за начальной школой, такъ и за всѣми прочими видами народнаго учительства была бы обезпечена истинная плодотворная свобода, безъ коей все дѣло народнаго просвѣщенія остается безжизненнымъ и безплоднымъ, несмотря на всѣ приманки, коими стараются его обставить“ ³⁾.

Чѣмъ объяснить эту переиѣну взглядовъ? Ни изъ печатныхъ произведеній Рачинскаго, ни изъ его писемъ и бесѣдъ я не знаю, когда и гдѣ сдѣлалъ онъ новыя наблюденія, которыя заставили его стать враждебно къ самому факту подчиненія народнои школы земскимъ училищнымъ совѣтамъ.

Что же касается до гораздо болѣе, чѣмъ прежде, оптимистическаго отношенія къ официалъному руководству школой со стороны духовенства, то оно объясняется легко. Однимъ изъ коренныхъ нравственныхъ убѣжденій Рачинскаго было то, что борьбу со зломъ надо вести одной всепобѣждающей силой добра, ибо „силы положительныя всегда дѣйствениѣе силъ отрицательныхъ, если только обстоятельствами данъ имъ должный просторъ“ ⁴⁾. Самъ онъ, конечно,

¹⁾ Переговоры эти, въ концѣ и я принималъ участіе, происходили, если память не обманываетъ, осенью 1885 г.

²⁾ С. III. 254.

³⁾ С. III. 370—371.

⁴⁾ С. III. 256.

болѣе, чѣмъ кто-либо, принадлежалъ къ тѣмъ, кого призывалъ „поддерживать доброе вѣяніе, поднявшися на лонѣхъ нашей Церкви“, и притомъ „любовью и терпѣніемъ, которыя все превозмогають, не обличеніемъ надшихъ, не глумленіемъ надъ зломъ, но поддержкой добра, но помощью погибающимъ“¹⁾. Стои въ ближайшихъ отношеніяхъ съ наиболѣе высокими духовными сферами и самъ будучи однимъ изъ центровъ народно-просвѣтительной дѣятельности духовенства, онъ имѣлъ возможность видѣть всѣ признаки поднятія нашего духовенства за послѣднія 10—15 лѣтъ, которыхъ, я думаю, не станеть отрицать ни одинъ самый ярый скептикъ; можетъ быть даже, онъ видѣлъ ихъ, съ своей высоты, не въ той перспективѣ, въ какой они являются для обыкновеннаго болѣе близкаго наблюдателя. Но какъ бы то ни было, при этой своей вѣрѣ въ могучесть положительныхъ силъ и при этихъ условіяхъ наблюденія онъ естественно готовъ былъ считать побѣду уже одержанной, духовенство стоящимъ уже на той высотѣ, куда онъ его призывалъ. А если такъ, то просвѣтительное значеніе и власть духовенства не могли представляться ему спорными. Чтобы употребить его любимое сравненіе, онъ думалъ, что видить уже матеріализацію той надежды, которую осторожно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ письма ко мнѣ отъ 20-го февраля 1892 г.: „Въ концѣ концовъ организація церковно-приходскихъ школъ, которую я считаю эфемерною, сослужитъ свою службу, разбудивъ много дремлющихъ силъ“.

Слѣну добавить, что онъ отнюдь не былъ слѣпъ къ недостаткамъ духовенства. Наоборотъ, онъ указывалъ на нихъ и въ печати, и въ письмахъ, и въ разговорахъ, такъ сильно, такъ многосторонне, такъ рѣзко, какъ только можетъ это дѣлать человекъ, до тонкости знающій духовенство, но и горячо его любящій. Однако, было бы неумѣстно повторять здѣсь эти укоризны. *Сельская школа* полна ими. Еще болѣе откровенно и грозно говорить онъ объ этомъ въ *Письмахъ къ духовному юношеству о трезвости*.

Убѣжденія Рачинскаго были очень близки къ славянофильскимъ, хотя его и нельзя было назвать славянофиломъ въ полномъ смыслѣ слова. Хомяковъ разъ сказалъ про себя, что онъ „по своему славянофильскому званію всячески протестуетъ противъ Европы, но и самъ отъ нея не прочь“. Рачинскій не бралъ на себя „славянофильскаго званія“ и потому не попадалъ въ печальную дилемму

¹⁾ С. III. 357.

Хомякова. Горячо указывая на недостатки западной цивилизации, онъ искренно и откровенно, однако, не могъ жить безъ того, что составляеть ея лучшей плодъ. Европейская наука, литература, искусство, сама общественная жизнь были ему дороги и до послѣднихъ дней составляли предметъ его любовнаго интереса; онъ слѣдилъ за ними, поскольку у него хватало силъ и времени. И въ этомъ его первое отличие отъ славянофиловъ. Другое касается взгляда на внутренней строй Россіи. Здѣсь онъ приближался гораздо болѣе къ Каткову, чѣмъ, напр., къ П. Аксакову, — и притомъ, чѣмъ далѣе шла его жизнь, тѣмъ болѣе. Можетъ быть, въ этихъ общихъ политическихъ убѣжденіяхъ и кроется усиліе того недовѣрія къ земскому завѣдыванію школой, на которое я указывалъ выше.

Но зато въ двухъ отношеніяхъ самые строгіе славянофилы должны были бы признать его своимъ единомышленникомъ. Это — въ признаніи мировой задачи Россіи, какъ носительницы православія, — и въ признаніи высокихъ нравственныхъ качествъ русскаго народа. Въ *Сельской школѣ* есть множество удивительныхъ страницъ о нравственномъ идеалѣ русскаго крестьянина, объ осуществленіи имъ этого идеала въ дѣйствительности, подъ которыми, я думаю, охотно подписался бы каждый изъ „трехъ незабвенныхъ покойниковъ“, какъ Рачискій называлъ К. Аксакова, Хомякова и Достоевскаго.

Личная религіозность въ связи съ этимъ взглядомъ на народъ, съ вѣрой въ него, и помогли Рачискому очертить тотъ планъ народной школы, который онъ защищалъ. Если онъ говоритъ о руководствѣ школы со стороны тѣхъ или другихъ общественныхъ и административныхъ единицъ, то онъ говоритъ именно о руководствѣ школой уже готовой, а не о выработкѣ или созданіи новаго типа. Ибо народная школа, по его мнѣнію, создается исключительно силой народнаго духа, ея направленіе и формы вырабатываются подъ давленіемъ требованій, предъявляемыхъ къ ней со стороны родителей ея учениковъ, всѣхъ условій ихъ духовнаго существованія ¹⁾. Признавая, что съ могуществомъ этого вліянія ничто не въ силахъ сравняться, онъ „твердо вѣрилъ въ будущность этой бѣдной, темной, едва возникающей сельской школы, ощутно создаваемой на нашихъ глазахъ безграмотнымъ народомъ“. Ибо, продолжалъ онъ, „не надо оболыщаться: все, что въ ней есть живого, добраго, внесено въ нее не нашими про-

¹⁾ С. III. Тел., 19, 16 и др.

свѣщенными стараніями, не мѣрами правительства, но здравымъ смысломъ и нравственнымъ строемъ этого безграмотнаго народа" ¹⁾).

Чтобы подслушать этотъ молчаливый народный голосъ, нужна была большая самостоятельность мысли, соединенная съ духовными убѣжденіями, гармоничными убѣжденіямъ народа. Такое именно счастье-вос сочетаніе и было у Рачинскаго.

Что же онъ подслушалъ? Какой нарисовать идеаль нашей сельской школы?

Отвѣтъ данъ всей его дѣятельностью. Народная русская школа должна быть школой церковной. Спѣшу обратить вниманіе, что, какъ указано выше, въ началѣ своихъ занятій онъ не придавалъ значенія административному ея устройству. Лишь въ послѣдніа 6—8 лѣтъ своей жизни началъ онъ предъявлять здѣсь опредѣленные требованія. Поэтому, при обсужденіи *педагогическаго* воззрѣнія Рачинскаго, этотъ вопросъ долженъ быть оставленъ совершенно въ сторонѣ.

Вотъ какъ формулируетъ онъ основаніе своей народно-школьной педагогики: „задача школы типа шестидесятыхъ годовъ, — сдѣлать изъ ребенка челоуѣка“ — абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьныхъ ребятъ; они основательно полагаютъ, что дитя сдѣлается „челоуѣкомъ“ и не выдавши азбуки; стремленіе же школы сдѣлать изъ дѣтей добрыхъ христіанъ — это всякому понятно и всякому любезно“ ²⁾. И потому наша школа „должна быть не только школой арифметики и элементарной грамматики, но, первѣе всего, — школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой христіанской жизни подъ руководствомъ пастырей Церкви“ ³⁾.

Я думаю, что нельзя болѣе точно выразить идею христіанской школы. Но Рачинскій идетъ далѣе.

Наша школа — школа христіанская не только потому, что въ такомъ направленіи построены весь ея педагогическій планъ, но также и потому, что „учащіеся ищутъ въ ней Христа, что учащіе только Христа ради могутъ поднять тѣ труды, при коихъ возможенъ какойнибудь успѣхъ“ ⁴⁾.

Если, такимъ образомъ, занятія въ школѣ являются для всѣхъ ея членовъ нѣкотораго рода религіознымъ подвигомъ, то, очевидно,

¹⁾ С. III. 75.

²⁾ С. III. 216.

³⁾ С. III. 247.

⁴⁾ С. III. 200.

къ нимъ не могутъ прилагаться ни мѣрило, ни требованія обычной педагогикей.

И прежде всего, — продолжительность учебнаго времени. Рачинскій неоднократно указываетъ въ своихъ статьяхъ, что ученики являются съ готовностью и способностью учиться цѣлый день, и что этому надо уступать вопреки всѣмъ требованіямъ педагогической науки. Такъ у него дѣло и было поставлено. Чтобы понять, какъ выносили учителя и ученики эти непрерывныя, съ утра до вечера занятія, недостаточно, конечно, сослаться на ту привычку къ труду, естественную въ крестьянскомъ мальчикѣ, которую онъ приносить съ собой въ школу. Ибо, можетъ быть, даже именно привычка къ труду исключительно физическому способна сдѣлать умственный трудъ особенно тягостнымъ. Итъ, здѣсь играетъ первенствующую роль нѣчто другое, — именно постоянная жизнь въ духѣ и для духа, извѣстный возвышенный строй всѣхъ интересовъ, всѣхъ отношеній, извѣстное вдохновеніе. Уроки теряли въ Татевѣ значеніе отдѣльных уроковъ, а являлись составными частями общаго цѣлаго, шагами на одномъ, ясномъ и для всѣхъ понятномъ пути къ совершенствованію духовному.

И долженъ прибавить свое личное наблюденіе. Миѣ извѣстны и другія, кромѣ Татевской, школы съ общежитіями и цѣлодневными занятіями, и мое впечатлѣніе таково, что легкость такихъ усиленныхъ занятій колеблется именно въ зависимости отъ колебаній общей высоты духовнаго строя школы. Если учащіе сумѣютъ уловить и поддержать то настроеніе духовной жажды, съ коей ученики переступаютъ впервые порогъ школы, то все дѣло выиграно. Если нѣтъ, то занятія, обращенныя только на умъ, оказываются непосильными удержатъ въ своей власти дѣтей.

Само собой разумѣется, что полнаго развитія въ такомъ направленіи могутъ школы достигнуть только при наличности правильно устроенныхъ общежитій. Въ школахъ, гдѣ только приходящіе ученики, дѣло неизмѣримо затрудняется и требуетъ отъ учителя талантовъ необыкновенныхъ. Сомпѣваю даже, чтобы это было легко, какъ предполагаетъ Рачинскій, и тамъ, гдѣ ученики живутъ близко отъ школы ¹⁾. Во всякомъ случаѣ въ этомъ практическомъ затрудненіи — одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ педагогической теоріи Рачинскаго.

---

¹⁾ С. III. 74.

Изъ изложенныхъ основныхъ положеній естественно вытекають у Рачинскаго особые взгляды на программу школы и приемы преподаванія.

Что касается до послѣднихъ, то здѣсь не мѣсто излагать ихъ во всѣхъ техническихъ подробностяхъ. Достаточно указать, что онъ не придавалъ значенія различнымъ усовершенствованнымъ, особливо выработаннымъ приемамъ. Онъ требовалъ, чтобы учителя сами знали хорошо то, чему должны обучать, и затѣмъ полагалъ, что чѣмъ проще они будутъ учить, тѣмъ лучше — лишь бы учили усердно ¹⁾.

Въ связи съ этимъ стоитъ его недовѣріе къ учительскимъ семинаріямъ. По его мнѣнію, воспитанники этихъ учебныхъ заведеній получаютъ въ сущности весьма скудное и поверхностное полуобразование и попадаютъ такимъ образомъ въ жизни въ самое тягостное, бѣдственное, неопредѣленное умственное положеніе. Пронтекающій отсюда нравственный вредъ отнюдь не окупается выносимымъ ими изъ семинаріи знакомствомъ съ „преподаваніемъ по новымъ методамъ, имѣющимъ свои достоинства, но мало отношенія къ требованіямъ сельской школы“ ²⁾. Онъ рѣшительно предпочиталъ имъ воспитанниковъ духовныхъ семинаріи, проходящихъ весьма солидную школу, и — самодѣльныхъ учителей-крестьянъ, сохраняющихъ весь строй крестьянской мысли и чувства. Приготовленіемъ такихъ учителей онъ занимался съ особой любовью; число ихъ достигло за все время его дѣятельности сорока.

Впрочемъ, такой общій взглядъ на учительскія семинаріи не мѣшалъ ему видѣть счастливымъ, съ его точки зрѣнія, исключенія. Даже болѣе, когда нѣкоторые изъ его учениковъ пожелали поступить въ Алаферовскую учительскую семинарію, онъ не препятствовалъ имъ, а помогалъ имъ, нравственно и матеріально, такъ же, какъ и другимъ юношамъ, избравшимъ себѣ болѣе симпатичные ему жизненные пути. Подъ конецъ его жизни около него уже не было учителей-крестьянъ, выученныхъ и воспитанныхъ имъ самимъ, тѣхъ, которые составляли его утѣшеніе и гордость въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ. Заботясь о дальнѣйшей ихъ участи, онъ всѣмъ имъ помогъ поступить въ духовное званіе. Въ то же время онъ не могъ болѣе не только приготовить новаго учителя, но и руководить Татевской шко-

¹⁾ С. III. 60, 72 и др.

²⁾ С. III. 32.

лой,—и вот, онъ дѣлаетъ старшимъ учителемъ въ ней юношу, рѣше учившагося въ сосѣдней съ Татовомъ школѣ и копчившаго курсъ въ Алферовской учительской семинаріи. При немъ онъ и скончался.

Это не было непослѣдовательностью, а лишь проявленіемъ той широкой терпимости и внимательности къ людямъ, которыми отличался Рачинскій. Осужденіе, въ цѣломъ, того или другого общественаго явленія никогда не мѣшало ему видѣть тѣ хорошія стороны, которыя могли въ немъ быть, никогда, въ особенности, не заставляло его пройти невнимательно мимо тѣхъ достойныхъ людей, которые могли быть съ нимъ связаны.

Весьма естественнымъ слѣдствіемъ такихъ взглядовъ является пристрастіе Рачинскаго къ школамъ грамотности, „съ учителемъ мѣстнымъ крестьяниномъ изъ лучшихъ учениковъ мѣстной доброй школы“. Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ былъ знакомъ только съ тѣми изъ нихъ, которыя находились въ районѣ его непосредственнаго вліянія и имѣли учителей, имъ подготовленныхъ или выбранныхъ. Онъ были, конечно, и привлекательны, и полезны, и описание ихъ, сдѣланное Рачинскимъ, фотографически вѣрно ¹⁾. Но обсуждая практическое значеніе его проекта распространенія школъ грамотности, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этотъ личный элементъ.

Программы, предлагаемыя Рачинскимъ для народной школы, очерчены имъ съ достаточной подробностью въ *Замѣткахъ*, къ которымъ я и отсылаю читателя. Пбо моя задача—лишь представить основныя черты его педагогическаго ученія.

Впрочемъ, программы эти, въ цѣломъ, не представляютъ чего-нибудь особеннаго. Рачинскій защищалъ, если можно такъ выразиться, систему классическаго образованія для народной школы. Онъ считалъ ея задачей—учебной—формальное развитіе ума помощью все тѣхъ же двухъ средствъ, помимо коихъ еще доселѣ ничего не найдено,—языковъ (русскаго и церковно-славянскаго) и математики (арифметики). Поэтому онъ выдвигалъ впередъ изученіе русскаго грамматикѣ и отвлеченныя математическія выкладки (умственный счетъ). Дальше этого онъ не шелъ, хотя и полагалъ, что, при стеченіи благоприятныхъ обстоятельствъ, должно расширить эту программу введеніемъ дробей, элементарной геометріи, географіи, отечественной исторіи и

¹⁾ С. III. 288 сл.

начатковъ экспериментальной физики ¹⁾. Однако, даже и Татевская школа не представляла, по его мнѣнію, нужныхъ условий для этого расширенія.

Что же касается до стремленія развить умъ ученика помощью сообщенія извѣстнаго запаса реальныхъ знаній, т. е. до той задачи, которую ставилъ школь, напр., баронъ Корфъ, то Рачинскій безусловно и категорически ее отрицалъ, находя, что здѣсь и задача опредѣлена не вѣрно, и средства указаны нецѣлесообразныя.

Рачинскому возражали, что его программа слишкомъ отвлеченна, что народная школа должна давать своимъ питомцамъ нѣчто болѣе непосредственно приложимое къ жизни. Возраженіе это неосновательно, и прежде всего потому, что сама грамотность, если она достаточно сознательна и тверда, — а къ этому стремился и этого достигалъ Рачинскій, — что сама грамотность есть уже немаловажное средство въ жизненной борьбѣ. И соображеніе это относится особенно къ первому времени дѣятельности Рачинскаго, когда грамотные являлись рѣдкими исключеніями среди повальнаго невежества деревни. Но сверхъ того, онъ чрезвычайно защищалъ дополненіе курса народной школы различными практическими знаніями и умѣніями. Само собой разумѣется, что онъ не могъ желать соединенія элементарныхъ учебныхъ занятій съ ремесленными классами и т. п. Но онъ ясно видѣлъ, что учрежденіе подобныхъ училищъ, мастерскихъ и проч. не только желательна, но и необходимо. Самъ онъ пробовалъ устроить у себя обученіе столярному ремеслу; по складу его ума, попросту сказать, по его чрезвычайной непрактичности, эта попытка не увѣчалась успѣхомъ, и самъ онъ ограничился тѣмъ, что могъ сдѣлать, т. е. выводилъ изъ людей, преимущественно изъ учителей и духовное званіе, выдающихся изъ своихъ учениковъ. Но при его близкомъ участіи и къ его утѣшенію устроилась ткацкая и рукодѣльная школа для дѣвочекъ, верстахъ въ 25 отъ Татева. Затѣмъ, онъ всегда съ чрезвычайной и особенной радостью слѣдилъ за развитіемъ Дровининской школы, гдѣ обученіе ремесламъ процвѣтаетъ въ полной мѣрѣ; — и Дровининская школа есть такъ сказать, воплощеніе его школьнаго идеала.

Отличительной чертой программы — или устройства — Татевской школы была ея воспитательная сторона. Послѣ всего сказаннаго выше, едва ли есть нужда входить по этому новоду въ подробности.

¹⁾ С. III. 86—88.

Все, что может содѣйствовать развитію искренней религіозности и притомъ церковной, все, что можетъ внести церковный элементъ въ самый обиходъ школы,—все это должно быть предметомъ самаго заботливаго вниманія со стороны учащихся.

Во главѣ должно стоять тщательное наученіе закону Божію. Съ нимъ должно быть связано изученіе Священнаго Писанія гораздо болѣе подробное, чѣмъ это обычно имѣеть у насъ мѣсто. Это—въ предѣлахъ учебныхъ занятій.

Внѣ ихъ, школа должна насколько полно участвовать въ богослуженіи. Я уже говорилъ объ этомъ, какъ говорилъ и о развитіи у Рачинскаго церковнаго пѣнія. Напомню здѣсь, что у него есть статья, одна изъ лучшихъ сборника, гдѣ именно описано подробно участіе его школы въ богослуженіи. Это—3-й отрывокъ изъ *Записокъ сельскаго учителя*, повѣствующій о совершеніи Великаго Новечорія на первой недѣлѣ Великаго поста. Я не могу дѣлать отсюда цитаты; чтобы выбрать наиболѣе краснорѣчивыя страницы, надо было бы привести всю статью. Но если бы кто захотѣлъ узнать, какія красоты заключаетъ въ себѣ наше богослуженіе, какъ тонко оно составлено, и какъ его можетъ понимать и толковать высокообразованный чловѣкъ, полный искренней вѣры и художественнаго вкуса, то ничего лучшаго, чѣмъ это описаніе службы въ скромной деревенской церкви, при участіи сѣрыхъ ребяташекъ, учениковъ сельской школы, ничего лучшаго онъ найти не могъ бы.

Рядомъ съ молитвой общественной чрезвычайное развитіе получила въ Татевѣ и молитва домашняя, въ особенности вечерняя, когда вычитывалось и пѣлось все, положенное въ Часословѣ, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и прибавленіями. Однако, я и здѣсь отсылаю читателя къ разсказу самого Сергія Александровича ¹⁾.

Но не могу, въ заключеніе, не остановиться на чтеніи Псалтири и Часослова, которое являлось у него однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ воспитанія.

Еще въ *Запискахъ* онъ заявилъ, что „всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима“ ²⁾. Положимъ, что это вовсе не всякому извѣстно, а наоборотъ для мно-

¹⁾ С. III, 169.

²⁾ С. III, 8.

гихъ звучать болѣе, чѣмъ странно. Но для него самого это было безусловно ясно и съ логической необходимостью вытекало изъ всего его міровоззрѣнія, изъ всего строя его педагогическихъ теорій. И я думаю, что его краснорѣчивыя страницы о психологическихъ глубинахъ, о художественныхъ красотахъ Псалтири—этого „высочайшаго“, по его выраженію, „памятника лирической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ“, что эти страницы многимъ читателямъ откроютъ новые горизонты, многихъ наведутъ на новыя мысли ¹⁾.

Но въ то же время онъ сознавалъ, что чтеніе Псалтири, при задачѣ пользоваться ею не какъ учебной книжкой церковно-славянскаго языка, а какъ источникомъ духовнаго назиданія, возможно только при соответствующемъ настроеніи учащихся. „Прочный усилѣхъ“, говоритъ онъ, „истинная плодотворность такого объяснительнаго чтенія зависитъ отъ условія, выходящаго изъ области всякихъ методовъ, всякихъ программъ. Условіе это—любовь учителя къ Псалтири, чуткость его къ дивнымъ красотамъ псалмовъ... Коренятся онѣ въ духовномъ и жизненномъ строѣ учителя, въ искренности и прочности его связи съ Церковью“,—почему, между прочимъ, тѣ, на кого возложено воспитаніе будущихъ учителей, и должны заботиться особенно тщательно о развитіи и сохраненіи въ нихъ этихъ качествъ ²⁾.

Скажутъ, что это требованіе слишкомъ идеальное, не могущее быть обязательнымъ къ исполненію на практикѣ. Совершенно вѣрно,—и то же должно сказать и относительно всѣхъ другихъ педагогическихъ требованій Рачинскаго. Но это — отнюдь не возраженіе противъ его теорій. Цѣльз достаточко часто и настойчиво повторять, что педагогическая дѣятельность есть не по преимуществу только, а исключительно личная и идеальная,—я говорю о педагогической, воспитательной дѣятельности, а не о насимой учебѣ. Последняя можетъ быть и безполезна въ обиходѣ общественной жизни, но не она ведетъ впередъ новыя поколѣнія. Тѣ же, кто могутъ взять на себя эту высокую задачу,—педагога,—не могутъ не быть идеалистами въ самомъ точномъ, въ самомъ, такъ сказать, непонятномъ для средней мысли, значеніи слова. Въ признаніи этого, въ отважномъ указаніи на такое требованіе и лежитъ общее значеніе Рачинскаго,

¹⁾ С. III. 66, 231, 300 и др.

²⁾ С. III. 307.

какъ педагогическаго мыслителя. Это условіе можетъ быть и не осуществлено на практикѣ. Но тогда то, что будетъ совершаться подъ вывѣскою воспитанія, воспитаніемъ не будетъ.

Рачинскій же, во всякомъ случаѣ, и самъ воспитывалъ и другихъ училъ воспитывать.

И. Горбачъ.

ЗАМѢТКИ О ПОСТАНОВКѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ¹⁾:

III.

МАТЕМАТИКА.

(Алгебра).

Въ учебныхъ планахъ математики и объяснительной къ нимъ запискѣ *Erasmus Hall high School* за алгеброй признается меньше умственно-воспитательнаго значенія, чѣмъ за геометрией, а потому она, во-первыхъ, преподается только въ I классѣ при четырехъ недѣльныхъ урокахъ съ повтореніемъ пройденнаго курса въ IV выпускномъ классѣ, а во-вторыхъ, изучается не цѣликомъ, а лишь отчасти, постольку, поскольку она можетъ быть полезна для развитія въ умственномъ отношеніи тѣхъ учениковъ, которые заканчиваютъ свое образованіе въ высшей школѣ и не идутъ въ колледжи. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому обстоятельству, что преподаваніе алгебры начинается въ I классѣ *high School*, естественно, наиболѣе многолюдномъ, а также въ силу того, что составляетъ обязательный предметъ и въ другихъ классахъ специальныхъ отдѣленій высшей школы, число обучающихся ей достигало въ 1897—98 г. 54,43% общаго числа учениковъ, состоявшихъ въ высшей школѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Курсъ начинается повтореніемъ тѣхъ краткихъ свѣдѣній, которыя ученики вывели изъ *grammar school*. Значеніе и употребленіе алгебраическихъ знаковъ и элементарныя алгебраическія дѣйствія повторяются съ особеннымъ вниманіемъ. Повтореніе сопровождается рѣ-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

шеніемъ большого числа примѣровъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ученики не только поняли правила сложения, вычитанія, умноженія, дѣленія и употребленія скобокъ, но и приобрѣли бы навыкъ въ ихъ правильномъ и быстромъ примѣненіи. Отъ повторенія пройденнаго въ грамматической школѣ преподаваніе переходитъ къ изученію отдѣла о возведеніи въ степень; отдѣлъ этотъ разрабатывается съ должною обстоятельностью, преимущественно тѣ его случаи, которые чаще всего встрѣчаются. Здѣсь разсматривается возведеніе въ степень одночлена, суммы и разности двухъ количествъ, разность квадратовъ двухъ количествъ и квадратъ трехчлена. Насколько возможно, при объясненіи каждаго случая возведенія въ степень прибѣгаютъ къ помощи соответствующаго случая умноженія. Непосредственно вслѣдъ за возведеніемъ въ степень и въ связи съ нимъ проходится общій наибольшій дѣлитель и наименьшее кратное, при изученіи которыхъ представляется лишній случай повторить съ учениками то, что было пройдено раньше.

На разработку отдѣла о дробяхъ требуется обыкновенно сравнительно много времени, хотя познаніями учениковъ въ арифметикѣ преподаватель старается воспользоваться съ цѣлю облегченія имъ пониманія алгебраическихъ дробей.

Отъ дробей преподаваніе обращается къ рѣшенію уравненій. Изученію этого отдѣла придается высокое значеніе съ точки зрѣнія той пользы, которую онъ можетъ принести ученикамъ въ смыслѣ ихъ умственного развитія. Поэтому отдѣлъ этотъ вводится уже въ курсъ грамматической школы, гдѣ разрабатывается съ учениками по возможности основательно. Въ высшей школѣ остается только его повторить; тѣмъ не менѣе преподаватель не раньше обращается къ изученію другихъ отдѣловъ алгебры, пока не убѣдится, что ученики усвоили себѣ его вполне въ размѣрахъ, указанныхъ программю. Согласно съ послѣдней рѣшеніе уравненій съ большимъ числомъ неизвѣстныхъ, чѣмъ два, признается излишнимъ. Въ I-мъ же классѣ проходится извлеченіе квадратнаго корня, и заканчивается курсъ болѣе или менѣе подробнымъ изученіемъ квадратныхъ уравненій и теоремъ, съ ними сопряженныхъ. Изслѣдованіе же корней квадратнаго уравненія, равно какъ извлеченіе кубическаго корня относятся на курсъ старшаго IV класса, посвященный повторенію всей алгебры; впрочемъ, изслѣдованіе корней квадратнаго уравненія можетъ проходиться и въ I классѣ, если только составъ учениковъ достаточно силенъ для того, чтобы изучать его съ пользою.

Приложенные къ этойъ объяснительной запискѣ образцы ученическихъ работъ менѣе громоздки, чѣмъ задачи, даваемые въ нашешъ V классѣ; познанія учениковъ въ области теоріи несомнѣнно ниже, чѣмъ познанія нашихъ: дробные и отрицательные показатели, напримеръ, совсѣмъ не проходятся. Впрочемъ, надо оговориться, что къ преподаванію алгебры докладъ десяти (стр. 106, 111 и 122) предъявляетъ требованія болѣе высокія, чѣмъ это дѣлается въ Egastus Hall high School. Во-первыхъ, по мнѣнію десяти, въ I классѣ должно быть не менѣе 5 уроковъ алгебры, и на изученіе ея и въ слѣдующихъ двухъ классахъ должно быть назначено не менѣе двухъ съ половиною недѣльныхъ уроковъ. Во-вторыхъ, къ прохожденію алгебры въ высшей школѣ ученикъ долженъ заблаговременно подготавливаться въ грамматической школѣ, гдѣ его должны приучить къ алгебраическому способу выраженій и познакомить съ нѣкоторыми изъ наиболее доступныхъ алгебраическихъ дѣйствій, какъ-то съ рѣшеніемъ простыхъ уравненій ¹⁾. Тѣмъ возрастомъ, когда ученикъ можетъ съ пользою перейти къ систематическому изученію алгебры, признается 14 лѣтъ, но и при соблюденіи этого условія, по мнѣнію десяти, въ алгебрѣ могутъ встрѣтиться теоремы, доказательство которыхъ окажется недоступнымъ дѣтскому и юношескому пониманію. Въ такихъ случаяхъ считается полезнымъ отлагать эти доказательства до болѣе благоприятнаго времени, убѣдивъ однако ученика въ истинности предлагаемой ему теоремы путемъ индукціи, иллюстрируя доказательства примѣрами. Такъ, всѣ доказательства, относящіяся къ отдѣлу дробныхъ и отрицательныхъ показателей, докладъ совѣтуетъ исключить вовсе изъ курса средней школы и поренести ихъ въ курсъ колледжей, равно какъ прогрессіи, биномъ Ньютона и логарифмы. Относительно послѣднихъ дѣлается, однако, оговорка. Знакомство съ устройствомъ и пользованіемъ логарифмическими таблицами признается полезнымъ для тѣхъ учениковъ, которые собираются въ высшемъ заведеніи техническую спеціальность.

Если съ одной стороны докладъ десяти стоитъ за сокращеніе алгебраическаго курса въ его цѣломъ или отдѣльныхъ частяхъ, то съ другой стороны онъ стремится этимъ путемъ достигнуть повышенія тѣхъ результатовъ, которыхъ должно достигать преподаваніе алгебры. Онъ обращаетъ вниманіе на рѣшеніе алгебраическихъ задачъ въ умѣ. Съ помощью ихъ ученики должны выработать въ себѣ умѣніе обра-

¹⁾ Послѣдніе съ успѣхомъ могутъ быть введены въ отдѣлъ о пропорціяхъ.

щаться съ алгебраическими выраженіями, содержащими коэффициенты и показатели такъ же искусно, какъ съ простыми числами и давать рѣшенія предлагаемыхъ задачъ быстро и въ точныхъ выраженіяхъ. Отличіе между уравненіями и тождествами, съ которыми ученики привыкли имѣть дѣло при изученіи ариметики, должно быть ими усвоено твердо и вполне сознательно. Уравненія должны рѣшаться быстро относительно каждой изъ буквъ, въ нихъ содержащихся.

ГЕОМЕТРІЯ.

(II, III и IV классы).

Изученіе планиметріи и стереометріи ¹⁾ составляетъ курсъ математики во второмъ и третьемъ классѣ (наши шестой и седьмой) при четырехъ недѣльныхъ урокахъ во второмъ классѣ и при трехъ въ третьемъ.

Руководства, въ томъ смыслѣ, какъ мы его привыкли понимать, не полагаются. Курсъ основывается на такъ называемомъ Harward Syllabus. Это небольшой листокъ, содержащій главнѣйшія геометрическія теоремы и аксіомы ²⁾. Роль учебниковъ сведена до минимума, и замѣнены они простымъ сводомъ главнѣйшихъ геометрическихъ аксіомъ и теоремъ, сравнительно, съ недавнихъ поръ, всего какихъ-нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ, въ зависимости отъ того, что около этого времени высшія учебныя заведенія измѣнили характеръ своихъ экзаменаціонныхъ требованій по математикѣ. Они стали обращать больше вниманія на то, въ какой степени экзаменующіеся пріучены къ самостоятельному математическому мышленію, и особенно стали цѣнить проявленіе въ немъ оригинальности. Для того, чтобы пріучить учениковъ заблаговременно къ этимъ требованіямъ, препо-

¹⁾ Всего геометріи въ 1897—98 г. обучалось 26,59% общаго числа учащихся.

²⁾ Въ планиметріи 15 изъ нихъ относятся къ отдѣлу о линіяхъ, углахъ и треугольникахъ, 10 о параллельныхъ линіяхъ и параллелограммахъ, 18 о кругѣ и центроніи угловъ; 10 о подобныхъ треугольникахъ; 8 о площади многоугольниковъ; 11 о правильныхъ многоугольникахъ и окружности.

Въ стереометріи: 23 о плоскости и линіяхъ въ пространствѣ; 16 о призмѣ и пирамидѣ; 14 о цилиндрѣ и конусѣ; 7 о шарѣ; 14 о сферическихъ треугольникахъ; 5 объ памироніи частей шара.

Задачи на построеніе несложны, да ихъ и немного, всего 22; искусственнымъ между ними нѣтъ; требуется самое простое примѣненіе теорій къ практикѣ, напр., отъ ученика требуется, чтобы онъ умѣлъ вписать въ кругъ правильный шестиугольникъ.

даваніе съ самаго начала знакомства ихъ съ геометрическими понятіями старается развить въ обучающихся, насколько это возможно, способность оригинально думать. Ученикъ на основаніи данныхъ ему опредѣленій и положеній по возможности самъ долженъ изобрѣтать соотвѣтствующіе чертежи и доказательства. Приступая къ первой теоремѣ, учитель прорабатываетъ ее съ учениками, привлекая ихъ, насколько возможно, къ дѣлу и обращая постоянно къ ихъ помощи. Послѣ тщательной проработки доказательства записываются въ особую тетрадь, записи въ которой должны вестись учениками систематически и въ полномъ порядкѣ ¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ преподаваніе подвигается впередъ, учениковъ приучаютъ все болѣе и болѣе полагаться на свои собственныя силы въ выводѣ доказательства. Изобрѣтательность и оригинальность поощряется въ нихъ всѣми мѣрами, и не безплодно: учениками иногда приносится въ классъ къ одной теоремѣ до шести различныхъ доказательствъ, въ томъ числѣ встрѣчаются и совершенно оригинальныя. При такомъ способѣ преподаванія по наблюденію составителя программъ математики въ Erasmus Hall high School легче поддерживать въ ученикахъ вниманіе въ классѣ и интересъ къ предмету. Изучаемое ими усвоется не механически, а вполне сознательно, самостоятельность зарождающейся мысли предоставляется широкой просторъ ²⁾.

Построенное на такихъ принципахъ въ трехъ нижнихъ классахъ, преподаваніе математики въ IV классѣ приобретаетъ характеръ болѣе утилитарный въ виду того обстоятельства, что учениками этого класса предстоятъ экзамены, выпускные изъ средней школы и вступительные въ колледжи; стараясь приспособиться въ силу этого къ потребностямъ каждого отдѣльнаго ученика, преподаваніе тѣмъ самымъ индивидуализируется. Кромѣ общеобразовательныхъ цѣлей, относительно каждого ученика у него являются свои, особыя. Въ первомъ полугодіи преподаваніе занимается повтореніемъ алгебры, во второмъ продолжаетъ это повтореніе и даетъ краткій курсъ тригоно-

---

¹⁾ На первыхъ порахъ записи, дѣлаемыя учениками въ тетрадяхъ для геометріи, просматриваются преподавателемъ, но мало-по-малу отвѣтственность за веденіе ихъ все болѣе и болѣе оставляется за учениками.

²⁾ Трудныхъ задачъ ученикамъ во время прохожденія нима курса давать не полагается; но въ рѣшеніи даже наиболее простыхъ задачъ замѣчается все-таки разнообразіе; какъ бы оно ни было мало. но, принимая во вниманіе, что въ нашихъ гимназіяхъ ученики нерѣдко боятся переставить буквы, всякое самое маленькое проявленіе самостоятельности, всякая варіація не лишена значенія.

метріи, хотя, вообще говоря, среди учениковъ высшей школы много такихъ, которые занимаются этимъ предметомъ ¹⁾).

Несомнѣнно, что составитель программы по геометріи въ Erasmus Hall School находился подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ взглядовъ, которые высказаны на преподаваніе этого предмета въ докладѣ десяти (стр. 112—116). Взгляды эти слишкомъ любопытны, чтобы не привести ихъ содержанія; въ главнѣйшихъ чертахъ они сводятся къ слѣдующему:

I. Курсъ геометріи долженъ начинаться обстоятельнымъ и полнымъ исчисленіемъ тѣхъ простыхъ свойствъ пространства, которыя не могутъ быть выведены изъ простѣйшихъ. Сюда относятся понятія о протяженности пространства, о геометрическихъ тѣлахъ, поверхностяхъ, линияхъ; опредѣленіе положенія линіи двумя точками и поверхности тремя.

Представляется въ высшей степени важнымъ, чтобы та роль, которую играютъ въ геометріи эти аксіомы или точнѣе постулаты, была учениками правильно понята: ихъ совокупность образуетъ то *отрѣдленіе пространства*, откуда съ помощью извѣстныхъ формальныхъ опредѣленій фигуръ—задача геометріи вывести всѣ остальные факты, до пространства относящіеся.

II. Особенное вниманіе должно обращать на функціи постулатовъ построенія, въ силу коихъ построенія элементарной геометріи ограничиваются примѣненіемъ циркуля и линейки, нераздѣленной на доли.

Постулатами этими опредѣляется предметъ элементарной геометріи въ отлечіе отъ высшей. Что послѣдній не всегда понимается, какъ должно, видно изъ ходячихъ представленій о томъ, что допустимо и что нѣтъ въ элементарной геометріи.

III. Въ геометріи существуютъ два способа сравненія геометрическихъ величинъ: методъ непосредственнаго сравненія и методъ сравненія посредствомъ численнаго измѣренія. Такъ, теорема „квadratъ, построенный на суммѣ двухъ линій A и B , равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на линіяхъ A и B плюсъ удвоенная площадь прямоугольника, котораго одна сторона есть A , а другая B “, при первомъ методѣ доказывается посредствомъ раздѣленія квадрата суммы на четыре части; согласно же второму методу онъ выводится изъ алгебраической теоремы: „квadratъ суммы двухъ количествъ

¹⁾ Въ 1897—8 уч. г. тригонометріи обучалось 2,83% общаго числа учащихся въ высшей школѣ.

равняется суммѣ квадратовъ этихъ количествъ плюсъ удвоенное ихъ произведеніе“.

Первый методъ чисто геометрическій; ни одно изъ его положеній не имѣетъ ничего общаго съ арифметикой. Величины опредѣляются какъ равныя въ томъ случаѣ, если онѣ совпадаютъ; надъ ними производятъ сложеніе и вычитаніе геометрически, прикладывая другъ къ другу или отрѣзая другъ отъ друга; нмѣ не дается численнаго значенія, но онѣ сравниваются другъ съ другомъ непосредственно, какъ значенія одной и той же величины. Съ другой стороны, второй методъ носитъ характеръ чисто арифметическій. Замѣна значенія величины численнымъ значеніемъ равносильна замѣнѣ геометрическаго равенства, сложенія и вычитанія равенствомъ, сложеніемъ и вычитаніемъ алгебраическихъ величинъ.

Существуютъ разныя мнѣнія относительно того, какому изъ этихъ двухъ методовъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе въ элементарной геометріи. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что характеръ перваго метода чисто геометрическій, что онъ самъ по себѣ простъ и не требуетъ отъ учениковъ способности къ отвлеченному мышленію, онъ болѣе пригоденъ при начальномъ обученіи геометріи. Предметъ геометріи будетъ понятнѣе тому ученику, который узнаетъ про роль численныхъ измѣреній въ геометріи уже послѣ того, какъ убѣдится, что всѣ геометрическія теоремы могутъ быть выведены сами изъ себя безъ посторонней помощи. Да притомъ замѣна геометрическаго метода арифметическимъ съ геометрической точки зрѣнія представляется въ высшей степени искусственной, и ученики обыкновенно понимаютъ ее только на половину; съ нею доказательство теряетъ больше въ точности, ясности и объективности, чѣмъ выигрываетъ въ паружной простотѣ. Кромѣ того, постоянное соединеніе числовыхъ представленій съ геометрическими величинами затемняетъ въ умѣхъ учениковъ основное характеристическое свойство этихъ величинъ — ихъ протяженность.

Конечно, и числовой методъ долженъ быть примѣняемъ на своемъ мѣстѣ, но ради него самого и тѣхъ измѣреній, къ которымъ онъ ведетъ; замѣна же имъ чисто геометрическаго на первыхъ порахъ обученія не можетъ не принести вреда.

IV. Отъ учениковъ требуется, чтобы они не только ясно понимали ходъ геометрическихъ доказательствъ, но и умѣли излагать его устно точнымъ и изящнымъ языкомъ. Для достиженія этого предлагается обратить особенное вниманіе на рѣчь учениковъ, упражнять

нихъ какъ можно больше въ устномъ изложеніи доказательствъ, добываясь отъ нихъ полной и безусловной точности въ выраженіяхъ.

V. Въ преподаваніи геометріи при самомъ его началѣ съ успѣхомъ могутъ быть введены элементарныя понятія изъ логики. Нужно только объяснить ученикамъ, что если одинъ классъ предметовъ обозначается какою-нибудь буквою, напримѣръ, А, то всѣ тѣ предметы, которые не входятъ въ этотъ классъ, образуютъ свой особый классъ, обозначаемый буквою „не А“; что положеніе А есть В не есть утвержденіе равенства самихъ А и В, но утвержденіе того, что каждый отдѣльный предметъ, принадлежащій къ классу А, одновременно принадлежитъ и къ классу В. Тогда ученикамъ станетъ понятно, почему обратное положеніе „В есть А“ не составляетъ необходимаго слѣдствія къ положенію „А есть В“, и при какихъ условіяхъ оно становится таковымъ. Имъ сдѣлается также ясно, почему съ другой стороны „противоположное“ положеніе „не А есть не В“ составляетъ логическій эквивалентъ къ „А есть В“, точно также, какъ „обратно-противоположное“ „не В есть не А“ къ положенію „В есть А“.

Какъ бы ни былъ скромнѣе размѣръ такихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ученикамъ изъ начальной логики, они существеннымъ образомъ должны способствовать подготовленію учениковъ въ умственномъ отношеніи къ воспріятію геометрическихъ истинъ. Противоположное тому или другому положенію иногда легче бываетъ доказать, чѣмъ самое положеніе; обратно—противоположное къ нему, чѣмъ прямо обратное. Когда доказано, что А есть В, чаще легче показать, что существуетъ только одно В (если таковъ случай), чѣмъ доказать непосредственно, что „В есть А“.

Эти знанія необходимы для того, чтобы разсѣять недоразумѣніе въ умахъ учениковъ. Многіе изъ нихъ питаютъ глубокое, хотя, быть можетъ, и безсознательное убѣжденіе въ томъ, что логика геометріи совершенно не похожа на логику алгебры, и обѣ онѣ отличны отъ общепринятой въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ оставить ученикомъ въ неизвѣстности относительно тѣхъ условій, при которыхъ истинность обратной теоремы является непосредственнымъ слѣдствіемъ того, что доказано въ ней прямо; какъ можетъ примириться въ ихъ представленіи необходимость доказательства обратныхъ теоремъ въ геометріи съ практикою алгебры: тамъ въ полномъ ходу примѣтъ доказательствъ прямыхъ теоремъ посредствомъ доказательства обратныхъ къ нимъ [доказательство истинности алгебраическихъ соотношеній показаніемъ, что они приводятся къ тождеству].

Наконецъ, усвоеніе элементарныхъ основаній логики тѣмъ съ болышею пользою можетъ быть произведено въ связи съ усвоеніемъ геометріи, что послѣдняя среди всѣхъ предметовъ школьнаго преподаванія является самымъ выработаннымъ образцомъ примѣненія на практикѣ механизма формальнаго мышленія.

Какъ только ученикъ приобрѣлъ навыкъ въ точныхъ доказательствахъ, его работа должна утратить характеръ простаго воспріятія и сдѣлаться болѣе самостоятельной, ибо нельзя узнать геометріи, заучивая доказательства по учебнику. Механическое воспріятіе знаній и въ другихъ отдѣлахъ математики въ случаѣ излишней своей продолжительности убиваетъ интересъ учениковъ къ предмету, въ особенности же оно неумѣстно въ геометріи, которая обладаетъ всѣми свойствами для того, чтобы сдѣлать самостоятельный трудъ изучающихъ ее и интереснымъ, и занимательнымъ. У нея во вѣ даяныя для того, чтобы способствовать ускоренію и развитію творческой мысли. Ея основу составляетъ нѣсколько простыхъ, конкретных и легко понятныхъ положеній, допускающихъ безконечное число любопытнѣйшихъ комбинацій, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Недостатокъ въ общихъ методахъ есть слабость элементарной геометріи, какъ науки, но сила ея, какъ предмета преподаванія. Каждая теорема должна быть доказываема отдѣльно своимъ способомъ, отличнымъ отъ способовъ, примѣняемыхъ въ другихъ случаяхъ. Изобрѣтеніе этихъ способовъ, какъ бы ни были незначительны ихъ особенности въ каждомъ частномъ случаѣ, доставляетъ обучающимся работу въ умственномъ отношеніи несомнѣнно производительную. Производительность ея настолько же выше механическаго приложенія одного общаго метода (къ чему сводятся обыкновенно всѣ упражненія въ элементарной алгебрѣ), — насколько ниже открытія новыхъ истинъ съ помощью послѣдняго.

Если таковы общеобразовательныя свойства геометріи, то извлеченіе изъ нихъ всей той пользы, которую они могутъ принести ученикамъ при преподаваніи, сопряжено съ немалыми затрудненіями. Развить способность къ самостоятельной геометрической работѣ въ ученикахъ нелегко. Она является только слѣдствіемъ продолжительныхъ упражненій, расположенныхъ въ должной постепенности и припоровленныхъ къ силамъ обучающихся. Въ особенности не долженъ ученикъ упускать изъ виду, что, хотя способъ доказательствъ въ геометріи по формѣ своей строго синтетическій, въ ней методы изслѣдованія, какъ во всѣхъ наукахъ, по существу своему аналити-

ческіе, что ключъ къ доказательствамъ и построеніямъ часто легче находится при предположеніи доказываемаго доказаннымъ и выводѣ изъ него слѣдствій, пока изъ вѣрности этихъ слѣдствій не будетъ доказана вѣрность самого сдѣланнаго предположенія.

При умѣломъ примѣненіи этого метода слабые ученики могутъ быть освобождены по крайней мѣрѣ отъ рабской зависимости отъ учебника, тогда какъ ученики способные выработаютъ въ себѣ столько силъ, чтобы вывести почти все геометрическія положенія собственнымъ умомъ. Каковы бы ни были результаты преподаванія съ точки зрѣнія знанія самой геометріи, такое ея преподаваніе способствуетъ умственному развитію и укрѣпленію учащихся въ такой мѣрѣ, въ какой это достигается только немногими изъ другихъ предметовъ, входящихъ въ курсъ средней школы.

Подводя итогъ сказанному о постановкѣ преподаванія алгебры и геометріи въ высшей школѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, нельзя не признать, что она разнится существеннымъ образомъ отъ нашей программы, она меньше по объему и проходитъ при сравнительно большомъ числѣ уроковъ. Начинается преподаваніе значительно позже, чѣмъ у насъ, да и то доказательства нѣкоторыхъ теоремъ и дѣлъхъ отдѣловъ алгебры признаются недоступными пониманію учениковъ, а потому и переносятся въ курсъ колледжей. Въ связи съ большою приноровленностію проходимаго курса къ умственному уровню обучающихся стоитъ самый характеръ преподаванія, стремящагося опираться главнымъ образомъ на умственную самостоятельность учениковъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства изъ двухъ предметовъ, алгебры и геометріи, отдается явственно предпочтеніе геометріи, ибо изъ всехъ наукъ она по преимуществу даетъ просторъ свободному развитію зарождающейся въ ученикахъ оригинальности мысли. За алгеброю особаго образовательнаго значенія не признается, а потому изъ нея проходитъ только наиболѣе существенныя ея части, да и то ея курсъ съ нашей точки зрѣнія законченнымъ не представляется.

Такимъ образомъ и по постановкѣ математики въ high School Соединенныхъ Штатовъ послѣдовательно проведенъ принципъ, легшій въ основу системы среднего образованія въ Сѣверной Америкѣ. Средняя школа разсматривается какъ учрежденіе совершенно самостоятельное. Она прежде всего должна дать своимъ воспитанникамъ умственное развитіе и приучить ихъ къ умственной самостоятельности. Только съ этой точки зрѣнія и избирается учебный матеріалъ, опре-

дѣляются его объемъ и методы преподаванія; подготовленіе же воспитанниковъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ считается задачей, разрѣшаемою попутно. Въ силу этого принципа всѣ предметы, входящіе въ составъ системы средняго образованія, одинаково подчиняясь одной общей цѣли, перестаютъ быть обособленными другъ отъ друга; между ними естественно устанавливается живая и непосредственная связь; къ содѣйствию математикѣ привлекается, на примѣръ, логика, а сама математика не только объединяется съ физикою и химією, но принимаетъ также участіе въ усовершенствованіи учениковъ въ изустномъ выраженіи мыслей на англійскомъ языкѣ, ибо на всѣхъ преподавателей, безъ различія ихъ специальностей, возлагается отвѣтственность за умѣніе учениковъ устно и письменно излагать ихъ мысли (X, 21).

IV.

Латинскій языкъ.

Высшій успѣхъ латинскаго языка въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ полный. Во многихъ изъ лучшихъ школъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, при наличности въ нихъ нѣсколькихъ отдѣленій, отдѣленіе съ латинскимъ языкомъ считается главнымъ, другія же простыми отъ него развѣтвленіями. Взглядъ этотъ, повидному, раздѣляется и общественнымъ мнѣніемъ. Вопреки всѣмъ нападкамъ на древніе языки, сочувствіе къ нимъ растетъ ¹⁾. Число обучающихся латинскому языку съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1889/1890 г., какъ я имѣлъ случай говорить раньше, оно составляло 33,62% общаго числа учениковъ средней школы, въ 1893/4—43, 52% и въ 1897/8—49, 44%. Латинскій языкъ занимаетъ въ настоящее время уже третье мѣсто въ ряду другихъ предметовъ преподаванія по числу учениковъ, ему обучающихся, и уступаетъ въ этомъ отношеніи только англійскому языку и алгебрѣ ²⁾.

Казалось бы лучшаго и желать нечего. Но это только лицевая сторона медали; перевернемъ ее, и мы увидимъ другое; латинскій языкъ въ большинствѣ сѣверо-американскихъ школъ втиснутъ въ такіа тѣсныя рамки, въ которыхъ его значеніе, какъ предмета общеобразо-

¹⁾ Elm. Brown. Second Educ. 37.

²⁾ Second Educ. table V.

вательнаго, сводится до минимума. Онъ еще только стремится раздвинуть эти рамки; его преподаваніе еще только ищетъ и количественнаго увеличенія, и качественнаго улучшенія, и въ этомъ направленіи ему предстоитъ далекій и нелегкій путь. Но если на самомъ дѣлѣ латинскій языкъ при теперешней своей постановкѣ лишитъ возможности приносить умственному развитію обучающихся всю ту пользу, которую можетъ приносить, спрашивается, гдѣ же надо искать причинъ его успѣховъ въ американской школѣ? Мнѣ кажется, въ практическомъ примѣненіи его къ утилитарнымъ цѣлямъ. Знаніе латинскаго языка считается лучшимъ залогомъ знанія англійскаго (X, 92). Правда, такое убѣжденіе дѣлаетъ изъ латинскаго языка одну изъ необходимыхъ частей курса, но оно же, опредѣляя характеръ и размѣры его изученія цѣлыми утилитарными, позволяетъ оставить его въ такихъ условіяхъ, которыя были бы потерянными при дѣйствительномъ господствѣ взгляда на него, какъ на предметъ первостепенной общеобразовательной важности. Я не говорю, чтобы послѣднiго взгляда совсѣмъ не было; онъ есть, въ особенности въ умахъ лучшихъ американскихъ педагоговъ, работавшихъ надъ докладомъ десяти, но на практикѣ онъ оттѣсненъ пока на второй планъ и первенствуетъ больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Мои слова могутъ, пожалуй, показаться слишкомъ смѣлыми тому, кто станетъ читать объяснительныя записки къ преподаванію латинскаго языка, гдѣ такъ краснорѣчиво описывается польза латинскаго языка, какъ предмета въ высокой степени образовательнаго самого по себѣ. Но въ подтвержденіе ихъ укажу на одинъ фактъ. Общеобразовательное значеніе греческихъ языка и литературы не менѣе, если не болѣе латинскаго. Однако въ сѣверо-американской школѣ обучается имъ только 4,50% общаго числа учениковъ. Почему это? Потому, что греческій языкъ не имѣетъ такой опоры, кромѣ отвлеченнаго сознанія его высокаго образовательнаго значенія. Положимъ, сравненіе не составляетъ еще доказательства. Но выводъ получится тотъ же, если обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію того, насколько дѣйствительность соответствуетъ теоріи въ постановкѣ латинскаго языка даже въ лучшихъ сѣверо-американскихъ школахъ. Мы найдемъ тамъ вездѣ почти одно и то же: съ одной стороны, принципиальное признаніе общеобразовательнаго значенія латинскаго языка, съ другой стороны, такую его постановку, которая въ большинствѣ случаевъ инымъ цѣлямъ, кромѣ утилитарныхъ, удовлетворять не можетъ.

Возьмемъ Lake-view School въ Чикаго. Положимъ, что тамъ первую

задачею преподаванія латинскаго языка выставляется знакомство съ жизнью великаго народа постольку, поскольку она отразилась въ литературѣ, и воспитаніе въ умахъ обучающихся точнаго и яснаго мышленія; но, говорится далѣе, другою задачею преподаванія, по важности едва ли уступающей первой, должно быть развитіе въ ученикахъ болѣе яснаго пониманія словообразованія и конструкціи англійскаго синтаксиса и умѣнія оцѣнивать значеніе англійскихъ словъ съ точки зрѣнія ихъ латинскаго происхожденія.

На изученіе латинскаго языка полагается въ I кл. четыре урока, по 45 м. каждый, во II, III и IV по пяти уроковъ, т. е. въ общей сложности 760 уроковъ, принимая учебный годъ равнымъ 40 недѣлямъ. Курсъ начинается въ I классѣ съ изученія латинской грамматики и ведется съ такимъ расчетомъ, чтобы уже во II классѣ ученики могли приступить къ чтенію Цезаря, въ III классѣ полагается переводить Цицерона, а въ IV Вергилія ¹⁾.

1)

Курсъ I класса.

I. Произношеніе. Особенное вниманіе обращается на отлчіе англійскихъ короткихъ „о“ и „а“ отъ латинскихъ короткихъ „о“ и „а“.

II. Количество гласныхъ. Преподаваніе стремится къ тому, чтобы приучить и глазъ, и ухо учениковъ къ долгимъ гласнымъ. Съ этою цѣлю вводятся письменныя упражненія въ черномыхъ тетрадахъ, гдѣ отбѣляются количество гласныхъ. Особое вниманіе обращается на количество гласныхъ при склоненіи и спряженіи, для чего склоненіе сравнивается со склоненіемъ, а спряженіе со спряженіемъ.

III. Ударенія. Правила объ удареніи проходятся основательно, и ученики упражняются въ ихъ приложеніи. Учениковъ приучаютъ дѣлать различіе между количествомъ гласныхъ и количествомъ слоговъ. Обращается также вниманіе на дѣленіе словъ на слоги въ связи съ формами.

а) Основательно знаніе склоненія и спряженія считается безусловно необходимымъ для успѣшнаго чтенія Цезаря. Учениковъ приучаютъ быстро распознавать надежныя формы именъ существительныхъ и ихъ зависимость въ тѣхъ латинскихъ фразахъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло.

б) Глаголь разбирается на свои составныя части: корень, основу глагольнаго времени, признакъ и личное окончаніе.

в) Отъ учениковъ требуется письменный сношеніе спряженія.

IV. Вокабуларій. За первый годъ изученія латинскаго языка ученикъ долженъ приобрести знаніе словъ, наиболее употребительныхъ у Цезаря. Въ цѣляхъ мнемоническихъ словъ, происходящихъ отъ одного корня, располагаются при заучиваніи въ одной группѣ, и между латинскими словами и производными отъ нихъ англійскими также устанавливается связь.

V. Считаются. Наиболее употребительные случаи въ ученіи о надежахъ и протѣйшихъ части въ ученіи о глаголахъ.

Такова постановка преподаванія латинскаго языка въ большинствѣ среднихъ школъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Результаты, достигаемые ею, невелики съ точки зрѣнія общобразовательной. Поверхностное знакомство съ Цезаремъ, съ катилларіями Цицерона, въ лучшемъ случаѣ съ нѣсколькими сотнями стиховъ изъ

VI. Переводъ. а) Цѣль научить учениковъ схватывать латинскую мысль, выраженную въ латинской формѣ, и передавать ее на чистомъ англійскомъ языкѣ.

б) Въ теченіе года переводится устно нѣсколько басенъ и нѣсколько отрывковъ изъ авторовъ безъ приготовленія въ классѣ (at sight). Безъ приготовленія производится также въ классѣ письменные переводы, какъ съ латинскаго на англійскій, такъ и съ англійскаго на латинскій.

в) Оригинальность учениковъ поощряется тѣмъ, что имъ дается самостоятельное составленіе латинскихъ фразъ по новоду современныхъ событій.

д) Учениковъ постоянно упражняютъ въ переводѣ со слуха.

е) Читеніе полатынъ вслухъ съ должнымъ вниманіемъ къ количеству гласныхъ, расположенію словъ и выразительности; таковое чтеніе задается и на домъ.

Курсъ можетъ начинаться и раньше высшей школы. Въ такомъ случаѣ къ изученію латинскаго языка приступаютъ на седьмомъ семестрѣ грамматической школы и ведутъ его съ такимъ расчетомъ, чтобы въ высшей школѣ можно было начать занятія прямо съ чтенія Цезаря и закончить нормальный курсъ латинскаго языка въ III кл. Остающіеся вълѣдствіе этого свободными уроки въ IV кл. посвящаются чтенію болѣе трудныхъ латинскихъ сочиненій, какъ De amicitia или De senectute или же отдаются изученію другого предмета.

Образцы ученическихъ работъ въ Lake-view School (Chicago) послѣ 9 недѣль обученія.

№ 1. I. Раздѣлять на слога, обозначить ударенія и отмѣтить долгія гласныя: *orientia, civitatem, oppugnabit, superbus, capitis, patriarum, ignibus, imperator, singulares, iniquorum.*

II. Просклонять полатынъ: полезный законъ, большое тѣло, храбрый гражданинъ.

III. Перевести на латинскій языкъ: 1) онъ былъ, 2) онъ болелъ, 3) онъ наблюдалъ, 4) онъ бы послушалъ, 5) онъ сторожить.

1) Добрые граждане будутъ повиноваться всемъ законамъ государства. 2) Известный ораторъ Цицеронъ писалъ о дружбѣ.

IV. Перевести съ латинскаго: 1) Crassus regi Rōmae victoriam magnam nuntiabat 2) Caesar urbem pulchram vallē altā munivit. 3) Дочь вождя хвалила прекраснаго сына дѣвца. 4) Artēmisia, mater regis boni Mansoli, in Carii—habitabat.

Объяснить синтаксически подчеркнутыя слова.

Главные особенности синтаксиса на і. Много работъ советымъ или почти безъ ошибокъ. Въ общемъ впечатлѣніе приятное, хотя и встрѣчаются формы *audiebit, de amicitiam, omni legibus civitatis parebunt.*

№ 2. Фразы, самостоятельно составленные учениками на современные темы.

A. 1) Imperator magnus Dewey in infelicioer quam erat. 2) Non est nunc carissimus patriae. 3) Tamen uxorem novam et pulchram—habet. 4) Nonne milites Americanae fortissimi omnis orbis terrarum sunt.

Виргилія, вотъ и все, что выносить кончающій среднюю школу въ смыслѣ знанія римской литературы. Чтеніе Шавта представляетъ такое исключеніе, про которое и говорить не приходится, разъ рѣчь идетъ объ уровнѣ знаній средняго сѣверо-американскаго ученика.

B. 1) *Milites Americani incolas Cubae liberaverunt.* 2) *Nonno Hispani Dewey (acc.) imperatorem magnum timebant.* 3) *America et Hispania bellum de patria habebant et Americani virtute magna superabant.* 4) *Britanni sunt fortiores Africanis qui Kimberley oppugnabat.*

II годъ изученія.

Передать на чистомъ англійскомъ языкѣ гл. 14-ю, кн. I de bello Gallico „*Helvetii... prohibere*“. а) Объяснить конструкцію словъ: *fines, copias, possent, rogatum, tempore, meritos esse*. б) Объяснить употребленіе слова „*mittunt*“. Какая конструкція могла бы стоять вмѣсто „*rogatum*“? Страдательный оборотъ вмѣсто „*Caesarem certio-riorem faciunt*“. Объяснить фигуру „*id non facile*“. с) Главныя формы отъ „*possunt*“. Проспрягать *Tras. iud. pass.* отъ какого-нибудь изъ глаголовъ, сложныхъ съ *facio*. Главныя формы отъ глаголовъ: *repello, retineo, prohibeo, cogo*. Отъ какихъ простыхъ глаголовъ онѣ происходятъ. d) Просклонять *vis, idem tempus, unum iter, facilius, Lucius, Cassius*.

Образцы учебническихъ переводовъ на латинскій.

Helvetii Cassium superaverant et exercitum ejus sub jugum duxerant. Intellexerunt duo itinera esse quibus itineribus domi exire possent (by which they could emigrate). Caesar autem dixit iter per provinciam dare non posse. Ita legatos ad Dumnorigem mittunt, quod Sequanis erat amicus, quorum per fines ituri essent.

Lucie, Cassie.

II. *Helvetii Cassium repulerant et exercitum sub jugum miserant. Caesar dixit se per provinciam iter facere posse. Itaque legatos ad Dumnorigem miserunt quod Sequanis erat amicus, quorum per fines iis esse in animo ire. Conjunct. imperf. отъ posse—poterent, vires, virum, uni itineris, uno itineri, idem tempus, eidem temporis, eodem tempori. Lucie, Cassie.*

III. *Helvetii Cassium pepulerant et exercitum sub jugum miserant.*

Intellegebant duo itinera esse quibus domo exire possent. Caesar igitur negat se posse iter per provinciam dare.

Propterea legatos ad Dumnorigem miserunt quod Sequanis erat amicus, quorum per fines eis erat in animo iter facere.

IV. *Helvetii Cassium repulerant et exercitum sub jugum miserant. Sciverunt duo itinera esse quibus fines exirent. Caesar autem dixit se iter per provinciam dare non posse. Igitur legatos ad Dumnorigem miserunt propterea quod amicus erat Sequanis per quas fines ire sibi in animo esset.*

III годъ обученія.

1) Перевести на англійской *Cat. I, 1 § 2*, начиная словами *o di immortales*. 2) Перевести на латинскій данный отрывокъ. 3) Случай употребленія родительнаго надежа. 4) Главнѣйшія правила употребленія времени при временныхъ союзахъ

Недостатки такой постановки латинскаго языка никѣмъ лучше не чувствуются, какъ самими его преподавателями, и нигдѣ яснѣе не выражаются, какъ въ докладѣ десяти, который не ограничивается только простымъ ихъ указаніемъ, но который старается изыскать способы поправить дѣло въ данныхъ условіяхъ. Къ извлеченіямъ изъ его объяснительной записки я теперь и обращаюсь.

5) Объяснить слѣдующія конструкціи (at I, 1. 1. 1) *patientia*, 1. 2) объяснить значеніе *iste* въ данномъ мѣстѣ, 1. 4) назвать три фигуры въ этомъ предложеніи и объяснить ихъ, 1. 5) *populi*, 1. 10) *egeris*. 1. 11) *consili*, 1. 15) объяснить употребленіе „*etiam*“ въ данномъ случаѣ, 1. 16) *oculis*, 1. 19) *duci*, 1. 19) *duci*.

Примѣры перевода данаго отрывка на латинскій.

I. Cicerone et Antonio consulis Catilina vir magnae virtutis sed haud indignus conjurationem in rem publicam fecit. Concursus bonorum civium nihil eum moverunt et cum respublica esset in summo periculo Catilina etiam in senatum venire audebat. Hic Cicero eum proditoris accusavit et dixit eum interfecti jussu consulis jam pridem oportere.

Грамматическія упражненія написаны прилично, только *quantum* попалъ въ союзъ времени.

II. Cicerone et Antonio consulis Catilina vir magnae virtutis, sed laude indignus conjurationem in rempublicam Romanorum fecit. Concursus bonorum eum nihil moverunt et cum respublica in summo periculo esset hic dux naufragarum venire etiam in senatum ausus est. Hic Cicero eum proditoris accusavit et duci ad mortem jussu consulis jam pridem oportere dixit.

Другія работы написаны ничего себѣ. Не надо, впрочемъ, забывать, что отрывки, предлагаемые для перевода, основываются на читанныхъ мѣстахъ.

IV годъ обученія.

1) Перечислить главныя произведенія Вергілія и изложить кратко ихъ содержаніе.

Какія существуютъ доказательства того, что Энеида осталась въ неоконченномъ видѣ?

2) Перевести пѣсни 1, ст. 430—440.

3) Объяснить синтаксически *quis* (95), *curru* (156), *tyrannis* (361), *ulli* (440), *volunt* (561), *pate dea* (582), что такое *coram*, *equidem*, *infandum*?

4) Назвать и объяснить стилистическія фигуры въ стихахъ 53, 135, 215, 389, 648, 479, 610, 486.

5) Указать поэтическія формы и конструкціи въ стихахъ 2, 254, 434, 423, 518, 587, 141. Чѣмъ ихъ замѣнить въ прозѣ?

6) Кто или что подразумѣвается подъ слѣдующими выраженіями: *Acacidiae* (99), *Trinacrio* (196), *Cytherea* (257), *domus Assaraci* (284), *Penates* (378), *Atrides* (458). Поэзіи (567), дать тому краткое объясненіе.

7) Проскандировать стихи 579—582.

Если преподаваніе древнихъ языковъ не достигаетъ тѣхъ результатовъ, которыхъ должно было бы достигать, то объясняется это, по мнѣнію доклада, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ наученію латинскаго языка ученики приступаютъ слишкомъ поздно, уже въ возрастѣ около пятнадцати лѣтъ, между тѣмъ грамматическія формы заучи-

8) Определить, что называется стихомъ сонданческімъ, спондесомъ и диастою.

Образцы ученическихъ письменныхъ работъ въ Erasmus Hall High School (Brooklyn, New-York) по отдѣленію классическихъ языковъ. Возрастъ обучающихся въ первомъ классѣ отъ 11 л. 10 м. до 17 л. 1 м. Число недѣльныхъ уроковъ пять.

№ 1. 1) Склонять *res, urbs, ager*. 2) Образовать *genet. sing.* и *dat. plur.* отъ *servus, regnum, puer, exercitus, caput, virtus*. 3) Склонять *hic* въ *sing.*, *levior* въ *sing.* и *plur.*, *compar.* отъ *facilis, malus, felix*. 5) Склонять *qui* и *idem* въ *sing.* и *plur.* 6) Образовать и проспрягать отъ глаголовъ: *laudo fut. ind. act. et pass.*; отъ *capio praes. conjunct. et pass.*; отъ *moneo imperf. act. et pass.* 7) Перевести на англійскій: а) *Brevi tempore fortes milites ceperunt oppidum magnum.* б) *Belgae bellum gerebant cum Germanis multos annos.* 8) Перевести на латинскій: а) дочь царицы любима народомъ, б) Цезарь пришелъ въ Галлію завоевать галловъ. 9) Извлеченіе на латинскомъ языкѣ изъ *Caes. de bell. Gall. I, 8—30*.

№ 2. Времени на работу полагается три часа (съ 9.15 до 12.15). Требуется отвѣтъ на вопросы 5-й или 9-й на выборъ и на девять другихъ.

I. Вним. падежъ множ. числ., родъ и удареніе словъ: *aestas, mater, frumentum, regina, victor, animal, impetus*.

II. Просклонить *puer, flumen, templum* въ ед. ч., *nulla obses* во множ.

III. Перевести съ латинскаго: *Hannibal imperator factus est et omnes gentes Hispaniae bello subegit. Tres exercitus maximos comparavit. Ex his unum in Africam misit, alterum cum fratre in Hispania reliquit, tertium in Italiam secum duxit.* Даны слова: *gens, Hispania, subigo, comparo*.

IV. Объяснить синтаксически *imperator, Hispaniae, unum. Compar. visito maximos.* Просклонить *tres*.

V. Перевести на латинскій: а) подаръ любимыя вещи полководца, б) возьмемъ эти дары, с) этотъ мальчикъ храбрѣе своего отца, д) кто поведетъ солдатъ черезъ рѣку? е) Цезарь сказалъ, что онъ не дастъ испривлема провинцѣ.

VI. Спрягать *volo* въ *fut.* и *plusquamperf. indic.*; *rogavit* въ *praes.* и *imperf. conjunct.*

VII. 3-о лицо единств. числа всѣхъ временъ изъявн. и сосл. падеж. отъ *mihi*.

VIII. Перевести съ латинскаго: *Tum Caesar in dextro et sinistro cornu equites collocat et militum animos paucis verbis ad pugnam incitat: „Milites, omnis spes civitatis Romanae in virtute nostra est, fortibus victoria est.“*

Даны слова: *dexter, sinister, colloco, verbum*.

IX. Перевести на латинскій: а) храмы очень красивы, б) Ганнибалъ приказалъ своему войску расположиться лагеремъ, с) она жила въ Римѣ семь лѣтъ, д) онъ сказалъ, что послалъ письмо въ Римъ, е) у меня та книга, которую вы мнѣ дали.

X. Главныя формы отъ „*factus est, reliquit, incitat, est.*“ Въ вопросѣ VIII объяснить синтаксически „*verbis*“.

ваются и запоминаются гораздо легче, когда обучающіеся моложе; для старшаго же возраста, сознающаго развитіе своихъ умственныхъ силъ, такая работа кажется и непріятной, и мало производительной. На основаніи этихъ соображеній докладъ считаетъ нужнымъ начинать обученіе латинскому языку съ дѣтьми, никакъ не старше четырнадцати лѣтъ.

XI. Просклонять *iste* въ *sing.* всѣхъ родовъ.

XII. *Vet* *infin.* et *partic.* отъ *dicō*.

XIII. Какъ латинини: а) онъ завоевывалъ, б) они были завоеваны, в) онъ поидеть, д) онъ предпочитаетъ, е) вы слышали, ф) онъ будетъ завоевать, г) онъ ушелъ, h) дома, i) изъ города, j) на третій день.

XIV. Перевести съ латинскаго: *Pyrrhus in Italiam venit et Laevinus consul contra eum missus est. Pugna commissa Pyrrhus auxilio elephantorum vicit. Nox proelio finem dedit. Laevinus tamen per noctem fugit. Pyrrhus Romanos mille octingentos cepit eosque summo honore tractavit.*

Даны слова: *elephantus, octingenti, tracto.*

XV. Въ приведенномъ отрывкѣ указать а) приложение, б) мѣстоименіе съ предлогомъ, в) *ablat. abs.*, д) косвенное дополненіе, е) прямое дополненіе.

№ 3. Образцы письменной работы, рассчитанной на 10 м., для учениковъ, обучающихся латинскому языку въ теченіи года при пяти недѣльныхъ урокахъ.

1) Знаешь ли ты, что онъ собирается сдѣлать?

Scisno quid facturus sit.

2) Мы должны чтить добродѣтель.

Virtus nobis coleuda est.

3) Такъ какъ ты собираешься уходить, намъ надо за тобою слѣдовать.

Cum abiturus es, secumturum est nobis vobis.

4) Если мы желаемъ завоеваній, намъ надо съ терпѣніемъ переносить всѣ опасности.

Si volumus superare, tota pericula patienter facienda sunt nobis.

5) Образуетъ черепаху и подступимъ къ стѣнамъ города.

Faciamus testudinem et subomus moenia urbis.

6) Если бы Прозерпина не была похищена, ея мать не обошла бы вселенной.

Nisi Proserpina non abducta esset, ejus mater peragavisset tota orbis terrarum.

7) О если бы Прозерпина не была похищена Плутономъ, чтобы стать его женой.

Proserpina abducta esset ab Pluto ut esset ejus uxorem!

2-й переводъ.

Scisno quid facturus sit. 2) *Virtus nobis coleuda est.* 3) *Cum abiturus es, secumduum est nobis.* 4) *Si volumus superare, tota pericula patienter facienda sunt nobis.* 5) *Faciamus testudinem et imus moenibus urbis.* 6) *Nisi Proserpina ne abducta esset ejus mater peragos orbis tota terrarum.* 7) *Proserpina abducta esset non Pluto esse ejus uxorem.*

Второю причиною неудовлетворительности постановки латинскаго языка является недостаточное число уроковъ, ему отведенныхъ. Изъ сорока школъ, взятыхъ на выдержку для примѣра, въ 26 курсъ четырехлѣтній. Общее число уроковъ колеблется между 580 и 1.009; въ 14 школахъ курсъ пяти и шестилѣтній съ числомъ уроковъ отъ 740 до 1.925.

3-й переводъ.

1) Scis quid facturus sit. 2) Virtus nobis colenda est. 3) Cum abiturus sis, nobis tibi sequendum est. 4) Si volumus vincere, omnia pericula patienter discedenda sunt. 5) Testudinem faciamus et moenibus urbis subeamus. 6) Nisi Proserpina abducta esset, mater totum orbem terrarum non peragravisset. 7) Utinam ne Proserpina abducta esset a Plutone ut uxor esset.

Синонимъ Цезаря кн. I, гл. 1—4, написанный кухонной латынью.

2-й годъ обученія.

Домашнія упражненія.

1) Перевести Caes. de bell. Gall. I, 9. 2) Сдѣлать полатыни извлеченія изъ Caes. de bell. Gall. I, 1—1 (работы эти очень слабы).

Классныя упражненія.

Переводъ изъ Цезаря I, 25, съ картами и иллюстраціями, работы учениковъ.

3-й годъ обученія.

1) Перевести Cat. II, 4, со словъ „Quod consequentur, 2) объяснить надежъ lenitati, sui, me. Сравн. ст. отъ Similis, miser, 3) объяснить синтаксически „labescere“. Главныя формы отъ sentire, accelerare, 4) объяснить наклоненія въ videretis, putet, exeant, volent, 5) всѣ формы отъ persequor въ 3 л. изъяв. и посл. падеж., всѣ infin. et partic. pass. отъ concedo.

4-й годъ обученія.

Цицеронъ, біографія и характеристика, написанныя очень живо IV к.

Эпитоме второй и третьей катилларіи на латинскомъ языкѣ (III кл.).

V. Классныя упражненія въ Цицеронѣ. На работу полагается 40 м. времени.

Катилларія II, 4, а) перевести Cat. II, 4 со словъ „quod exspectavi-consequentur“, б) III, 2 nam tum.... putabam, в) по какому правилу поставлено lenitati, sui, meum, debiles, е) соплаг. отъ miser, f) основныя формы отъ mentio, accelero, tegeo, detratio, g) перечислить и объяснить тѣ слова въ англійскомъ языкѣ, которымъ происходятъ отъ valeo, vivo, trado, salus, gratus, h) объяснить наклоненія въ videretis, putet, exeant, restitissent.

VI. Перевести безъ приготовленія отрывокъ изъ рѣчи pro Archia.

II. Nam quas res... exerceamus. Разрѣшеніе VI вопроса можетъ захватить разрѣшеніе одного изъ перечисленныхъ выше.

Сверхъ того, лучшіе изъ обучающихся латинскому языку участвуютъ въ постановкѣ на сценѣ Платовскихъ комедій въ подлинникѣ и переводятъ стихами простѣйшихъ латинскихъ поэтовъ.

О большемъ увеличеніи числа уроковъ по латинскому языку противъ существующаго докладъ не считаетъ возможнымъ и думать въ виду требованій, предъявляемыхъ другими предметами, а потому довольствуется четырехлѣтнимъ курсомъ при 800 урокахъ, если по тѣмъ или другимъ соображеніямъ не можетъ быть введенъ пяти или шестилѣтній курсъ съ 1.000 или 1.200 уроковъ. Докладъ надѣется, что и въ такихъ условіяхъ съ улучшеніемъ преподавательскихъ силъ и съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ методовъ преподаваніе въ состояніи будетъ достигать болѣешихъ результатовъ, чѣмъ въ настоящее время. Чтобы съ своей стороны облегчить задачи, предстоящія преподаванію, докладъ беретъ на себя ихъ подробную теоретическую разработку. Онъ ясно и опредѣленно развиваетъ свои точки зрѣнія на постановку латинскаго языка, какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, и точно устанавливаетъ тѣ принципы, примѣненіе которыхъ къ преподаванію, по мнѣнію доклада, обезпечиваетъ успѣхъ послѣдняго.

Пониманіе учениками латинскихъ текстовъ—вогъ цѣль, къ которой прежде всего должно стремиться преподаваніе. Лучшимъ къ тому средствомъ считаются переводы à l'usage ouvert. Для того, однако, чтобы упражненія въ такихъ переводахъ были плодотворны, ученики должны выработать въ себѣ пониманіе латинскаго языка въ сходствѣ и отличіяхъ его строенія и духа отъ англійскаго, усвоивъ принципы латинскаго синтаксиса при переводахъ съ англійскаго языка на латинскій. Послѣдній видъ упражненій по мысли доклада не составляетъ однако чего-нибудь особеннаго, существующаго само по себѣ; гнѣтъ, они стоятъ въ ближайшей и непосредственной связи съ читаемымъ латинскимъ текстомъ, идутъ съ нимъ рука объ руку (*pari passu*); переводимый англійскій текстъ опирается на латинскій; ихъ взаимныя отношенія подобны отношеніямъ прямой теоремы и обратной. Запоминаель безъ труда, благодаря своимъ небольшимъ размерамъ, отрывки эти, постепенно накапливаясь въ умѣ учениковъ, образуютъ тотъ запасъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ, который необходимо долженъ быть въ памяти учениковъ для пониманія латинскаго текста. Примѣняя самостоятельно усвоенныя правила, ученики убѣждаются въ разумности и полезности изученія того самаго синтаксиса, который часто кажется имъ бесполезнымъ и тягостнымъ и который въ дѣйствительности перѣдко такимъ и бываетъ, разъ между нимъ и чтеніемъ латинскихъ авторовъ утрачивается связь.

Разъ первую и главную цѣлью обученія латинскому языку при-

знается пониманіе учениками латинскихъ текстовъ, особенное значеніе приобрѣтаетъ выборъ тѣхъ римскихъ авторовъ, которые читаются въ школахъ. Выбора этого въ американской школѣ докладъ не считаетъ одлако удачнымъ.

Въ особенности возстаетъ онъ противъ того исключительнаго положенія, которое занимаетъ въ программѣ чтенія Цезаря. Съ точки зрѣнія доклада десяти для начинающихъ комментаріи Цезаря чрезвычайно трудны; содержаніе ихъ слишкомъ специально для того, чтобы представлять общій интересъ; но самому свойству разсказа, описывающаго походы, осады и битвы, выборъ словъ ограниченъ, и потому словарь Цезаря мало пригоденъ для подготовленія учениковъ къ чтенію другихъ авторовъ; наконецъ, и самое главное, человѣческая жизнь изображается въ нихъ слишкомъ односторонне, для того, чтобы она могла имѣть полезное значеніе. Въ виду этихъ соображеній, докладъ стоитъ за то, чтобы чтеніе начиналось съ Евтропія или съ *Viri Romani*. Затѣмъ выдвигается Корнелій Непоть. Составители доклада полагаютъ, что на его чтеніе должна посвящаться по крайней мѣрѣ половина того времени, которое при теперешнемъ положеніи дѣла идетъ на Цезаря. Превосходя Цезаря по содержанію и своему воспитательному значенію, Непоть, правда, уступаетъ ему въ языкѣ; но послѣднее возраженіе имѣло бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы задачей начальнаго обученія латинскому языку была выработка въ ученикахъ чистоты латинскаго стиля. Изъ другихъ произведеній, читаемыхъ въ школахъ, докладъ возстаетъ противъ буколикъ Виргилія какъ потому, что это одно изъ наименѣе оригинальныхъ произведеній римской поэзіи, такъ и потому, что трудности его пониманія для учениковъ не искупаются занимательностью его содержанія.

Опредѣливъ такимъ образомъ циклъ произведеній римской литературы, читаемыхъ въ школахъ, и сдѣлавъ это не съ точки зрѣнія чистоты латинскаго языка и слога, а съ точки зрѣнія содержанія постольку, поскольку оно можетъ способствовать достиженію общихъ умственно воспитательныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ школою, докладъ обращается къ разсмотрѣнію техники обученія латинскому языку¹⁾; прежде всего, ему представляется опаснымъ излишнее увлеченіе индуктивнымъ методомъ. Признавая всю важность лингвистики даже въ

¹⁾ Указанія эти не пропущены безсѣдно для Lake-view School и Бруклинской, какъ видно изъ предшествующаго.

раніе періоды обученія, докладъ полагаетъ однако, что въ общемъ она не должна играть иной роли, кромѣ служебной.

По мнѣнію доклада, при начальномъ періодѣ обученія латинскому языку преподаватель не долженъ слишкомъ увлекаться отдаленными цѣлями, преслѣдуемыми преподаваніемъ. Для него вопросъ долженъ стоять проще: какія знанія прежде всего нужны ученику для прохожденія дальнѣйшаго курса? Въ общихъ чертахъ на этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: 1) правильное произношеніе и бѣглое, сознательное чтеніе разученныхъ латинскихъ текстовъ; 2) усвоеніе латинскихъ окончаній настолько, чтобы ученикъ могъ безошибочно распознавать число, падежь, лицо, наклоненіе, время и т. д. и чтобы въ свою очередь въ случаѣ надобности онъ могъ ихъ образовать безъ большихъ затрудненій; 3) приобрѣтеніе запаса словъ, примѣрно до двухъ тысячъ; 4) расположеніе словъ въ латинскомъ предложеніи; 5) знаніе простѣйшихъ правилъ синтаксиса, какъ способовъ выраженія мысли; 6) умѣніе понимать простой латинскій текстъ повѣствовательнаго содержанія и 7) передавать его на чистомъ англійскомъ языкѣ.

Сосредоточившись на достиженіи этихъ цѣлей, преподаваніе должно тщательнѣе избѣгать всего того, что можетъ его отъ нихъ отвлечь. Оно, во-первыхъ, не должно разсѣивать своихъ силъ, расширяя больше нужнаго объемъ курса; во-вторыхъ, не должно придавать самостоятельнаго значенія звучиванію грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ, исключительное назначеніе которыхъ способствовать пониманію учениками латинскаго текста, и въ-третьихъ, не должно злоупотреблять переводами съ англійскаго на латинскій.

Предостерегая отъ того, что можетъ повредить цѣлямъ начального обученія латинскому языку, докладъ подробно разрабатываетъ тѣ методы, примѣненіе которыхъ можетъ, по его мнѣнію, обезпечить успѣхъ преподаванія. Нѣкоторыя изъ его указаній, приложимыхъ только къ американской школѣ и выѣсть съ тѣмъ ничего особенно характернаго не представляющихъ, я. оную и останавлиюсь только на такихъ, которыя имѣютъ болѣе общій интересъ.

Что касается, на примѣръ, до заучиванія грамматическихъ формъ, то для лучшаго достиженія этой цѣли докладъ совѣтуетъ упражнять учениковъ въ переводѣ сначала отдѣльныхъ словъ съ англійскаго на латинскій, затѣмъ сочетаній существительныхъ съ прилагательными, мѣстоименій съ существительными, и наконецъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій вмѣстѣ; далѣе должны слѣдо

вать короткія фразы, напримѣръ, глаголь съ дополненіемъ, предлогъ съ прилагательнымъ и существительнымъ. Образовывая пущія еѹ формы, ученикъ не долженъ опираться исключительно на заученные имъ образцы склоненій и спряженій, онъ долженъ дѣлать это отчетливо и свободно, ибо безъ прочнаго знанія основъ языка невозможно дальнѣйшее прохожденіе курса; если же знанія этого ученики не приобрѣтутъ въ первый же годъ обученія, то приобрѣсти его впоследствии для нихъ становится крайне трудно и не всегда даже возможно. Постепенно нажилившимся учениками знасть латинскихъ словъ долженъ быть настолько разнообразенъ по своему составу, чтобы огазаться дѣйствительно пригоднымъ къ послѣдующему чтенію авторовъ и чтобы самыя упражненія, съ которыми сопряжено усвоеніе новыхъ словъ, могли быть возможно интереснѣе по своему содержанію. Заучиваться слова должны послѣ перевода того отрывка, въ которомъ содержатся, сначала же ученикамъ должно сообщаться только ихъ значеніе, необходимое для пониманія даннаго мѣста, т. е. слова должны быть изучены раньше въ той фразѣ, въ составъ которой входятъ, а потомъ уже усвоены отдѣльно. Для того, чтобы ученикамъ облегчить процессъ запоминанія, слова, сходныя по корню, располагаются по группамъ и заучиваются вмѣстѣ. Сравненіе и различеніе нѣсколькихъ словъ почти съ одинаковымъ значеніемъ дѣлается только въ томъ случаѣ, если со всѣми этими словами ученикъ встрѣчается при чтеніи автора.

Переходя затѣмъ къ вопросу о той роли, которую должны занимать латинскій синтаксисъ при изученіи латинскаго языка въ средней школѣ, докладъ подробнѣе развиваетъ тѣ мысли, которыя легли въ основу его сужденій о постановкѣ и характерѣ переводовъ съ англійскаго языка на латинскій. Основная точка зрѣнія остается той же. Разъ главною цѣлью преподаванія латинскаго языка признается чтеніе учениками латинскихъ текстовъ, этой цѣли и должно служить изученіе синтаксиса. Синтаксисъ перестаетъ быть цѣлью самъ по себѣ, а становится лишь средствомъ.

Подъ этимъ докладъ отнюдь не разумѣетъ, что синтаксисъ можно проходить поверхностно или невнимательно (въ такомъ видѣ онъ не облегчитъ ученикамъ пониманія авторовъ), а хочетъ только сказать, что его надо изучать возможно упрощеннымъ способомъ въ связи съ упражненіями учениковъ въ переводахъ съ англійскаго на латинскій по слуху или à livre ouvert. Когда, напримѣръ, ошибка въ переводѣ происходитъ отъ незнанія ученикомъ синтаксическихъ правилъ, учи-

тель не долженъ ограничиваться простымъ ея исправленіемъ, но долженъ или самъ, или съ помощью другого ученика, разлѣснить, въ чемъ именно она состояла, и какая латинская форма должна соотвѣтствовать данному англійскому выраженію. При такихъ только условіяхъ значеніе синтаксиса представится ученикамъ въ его истинномъ видѣ; имъ станетъ понятно, что онъ дѣйствительно служитъ однимъ изъ средствъ для выраженія мысли писателя; въ противномъ же случаѣ имъ можетъ казаться, что синтаксисъ для данного отрывка низкаго значенія не имѣеть.

Приступая затѣмъ къ разработкѣ вопроса о томъ, каково должно быть отношенію учениковъ къ читаемымъ или латинскимъ текстамъ, и какой характеръ должны носить переводы съ латинскаго на англійскій, докладъ высказываетъ воззрѣнія, пригнѣнимость которыхъ на практикѣ можно подвергать сомнѣнію, но которымъ во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ оригинальности. По мнѣнію доклада, ученикъ долженъ не столько переводить латинскій текстъ на англійскій, сколько понимать римскаго автора на его, автора, латинскомъ языкѣ. Высшая степень знанія латинскаго языка есть умѣнію читать по-латыни точно такъ же, какъ всякій образованный человѣкъ читаетъ по-французски или по-нѣмецки,—съ непосредственнымъ пониманіемъ и офѣнкою употребляемыхъ авторомъ словъ и выраженій, а не тѣхъ словъ, которыя подставляются вмѣсто нихъ при переводѣ на англійскій. Ученикъ долженъ смотрѣть на переводъ, съ одной стороны, какъ на средство показать преподавателю, что данное мѣсто имъ понято, съ другой — усовершенствовать себя въ литературномъ англійскомъ языкѣ. Дѣйствительно, съ помощью простаго подстрочнаго перевода отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ состоитъ латинскій періодъ, всего труднѣе найти его смыслъ. По-латыни для установленія связи между предложеніями и указанія ихъ взаимной зависности часто ставится одно какое-нибудь слово, или qui, или cum, или ut и т. д. Между тѣмъ, каждое изъ нихъ имѣеть по нѣскольку значеній и переводится сочетаніемъ нѣсколькихъ словъ. Надо именно знать, какое изъ этихъ значеній подходитъ къ данному мѣсту, если же взять наудачу одно изъ нихъ, не понявъ предварительно общаго смысла латинскаго періода и не установивъ взаимно отношенія его частей, то легко впасть въ данномъ случаѣ въ ошибку, и, что еще хуже, ошибка не останется одной, а повлечетъ за собою другія: невѣрно понятому мѣсту придется подчинять по смыслу другія части періода. Между тѣмъ, таковъ именно путь, который обыкновенно избирается начинающими учениками для

уясненія себѣ смысла латинской фразы. Въ данномъ случаѣ на помощь ученику должна прійти практика. Ежедневно долженъ онъ упражняться подъ руководствомъ преподавателя въ переводахъ à livre ouvert, или точнѣе, сначала въ пониманіи прочитаннаго, а затѣмъ уже въ выраженіи понятаго на англійскомъ языкѣ. Въ этихъ видахъ всего лучше предлагать для переводовъ начинающимъ ученикамъ такіе отрывки, которые примыкали бы по содержанию къ тому, что только-что разработано въ классѣ при изученіи грамматическихъ правилъ; благодаря этому контекстъ отрывка не представлялъ бы для учениковъ чрезмѣрныхъ трудностей для своего пониманія, и, побуждая ихъ съ помощью только-что пріобрѣтенныхъ знаній, ученики реально чувствовали бы размѣры успѣховъ, достигаемыхъ ими въ изученіи латинскаго языка. Раньше, чѣмъ приступать къ выработкѣ перевода, латинскій текстъ долженъ читаться вслухъ и преподавателемъ, и учениками. Преподаватель направляетъ учениковъ или самъ, или съ помощью класса, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они при чтеніи невѣрно группируютъ слова, или когда по чему-нибудь другому видно, что они не понимаютъ смысла прочитаннаго отрывка. Тамъ, гдѣ въ текстѣ стоитъ такое слово, которое указываетъ на послѣдующее, преподаватель при чтеніи дѣлаетъ особенное удареніе. Гдѣ латинское слово должно быть дополнено фразою, стоящею съ нимъ въ связи по смыслу, но удаленною отъ него въ силу расположенія въ періодѣ словъ, преподаватель дѣлаетъ пужную перестановку въ текстѣ. Если для разныхъ отбѣлковъ мысли автора существуетъ нѣсколько способовъ выраженія ¹⁾, то всѣ эти способы должны быть указаны ученикамъ, конечно, не въ томъ только случаѣ, когда они достаточно извѣстны ученикамъ и нѣтъ надобности въ ихъ повтореніи. Какъ только конструкция читаемаго періода стала понятной благодаря сдѣланнымъ преподавателемъ пополненіямъ и перестановкамъ въ текстѣ, дальнѣйшія объясненія прекращаются. Можно развѣ поставить нѣсколько наводящихъ вопросовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ частное познаніе учениками того или другого синтаксическаго правила или невѣрное его приложеніе можетъ повлечь за собою извращеніе пониманія текста; но вопросы эти нинѣшней цѣли, кромѣ непосредственнаго разъясненія текста, имѣть не должны. Когда мысль римскаго писателя, выражен-

¹⁾ Такъ, при dico можетъ стоять или вопросительный союзъ, или infinitiv, или ut или ne, согласно съ тѣмъ, ставится ли вопросъ, устанавливается ли фактъ, или отдается приказаніе.

ная въ прочитанномъ предложеніи, сама по себѣ проста и посылна пониманію класса, ее можно оставлять совсѣмъ даже безъ перевода. Конечно, такіе случаи всегда останутся исключеніемъ; большая же часть прочитаннаго текста, несомнѣнно, потребуеть перевода. Но мѣрѣ того, какъ въ ученикѣ развивается привычка схватывать содержаніе читаемыхъ латинскихъ отрывковъ со слуха и умѣніе понимать мысль римскаго писателя непосредственно, въ ея оригинальной формѣ, мѣняется и характеръ тѣхъ отрывковъ, которые предлагаются ученикамъ. Съ этою цѣлію избираются уже тексты, которые по своему содержанію все менѣе и менѣе имѣютъ отношенія къ тому, что пройдено на урокѣ. Мѣняется одновременно и характеръ тѣхъ разъяснительныхъ замѣчаній, которыя дѣлаетъ преподаватель при чтеніи. Въ концѣ концовъ они сводятся на сообщеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя были бы необходимы даже римскимъ читателямъ для пониманія даннаго текста. На чтеніи такого рода и должна основываться выработка перевода на англійскій языкъ въ окончательной формѣ. Подготовясь къ уроку по латинскому языку дома, ученикъ слѣдуетъ тѣмъ же правиламъ. Онъ долженъ стараться прежде всего понять смыслъ латинскаго текста, читая его вслухъ одинъ, два, если нужно, то и три раза, до тѣхъ поръ, пока не уловитъ сначала главной мысли, а потомъ и не пойметъ способовъ ея полнаго развитія въ отдѣльныхъ частяхъ отрывка. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда ученику несмотря на всѣ усилія не удастся справиться съ даннымъ отрывкомъ, ему разрѣшается прибѣгать къ дословному переводу, но опять-таки лишь какъ къ средству выразумѣть смыслъ переводимаго мѣста, ибо, только опираясь на полное пониманіе смысла читаемаго текста, ученикъ можетъ придать переводу окончательный видъ, сдѣлать его переводомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Такой литературный переводъ, особливо вырабатываемый и совершенствуемый общими силами въ классѣ, докладомъ считается вѣрнѣйшимъ средствомъ къ изощренію обучающихся въ искусствѣ владѣть англійскимъ языкомъ. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется характеръ требованій, къ нимъ предъявляемый. Переводъ долженъ совпадать съ текстомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда и латинскій, и англійскій языкъ имѣютъ одинаковые способы для выраженія одной и той же мысли; никакъ не болѣе. Насиловать въ этихъ видахъ англійскій языкъ и создавать искусственные выраженія, противныя его духу, отнюдь не разрѣшается. Ученикъ долженъ заботиться только о томъ, чтобы былъ соблюденъ порядокъ развитія мысли подлинника, съ отдѣльными же ея частями онъ можетъ обра-

няться свободно, согласно съ требованіями англійскаго языка, разбивая большіе періоды на отдѣльные независимыя предложенія, обращая страдательный залогъ въ дѣйствительный и т. д., однимъ словомъ, добиваясь того, чтобы получился переводъ безупречный съ точки зрѣнія англійскаго стиля. Въ этомъ направленіи ученіи должны встрѣчать со стороны преподавателя всяческое поощреніе. Если переводъ былъ письменный, то лучшія работы читаются и разбираются въ классѣ, при чемъ особенное вниманіе обращается на тѣ ихъ мѣста, которыя удачнѣе другихъ передаютъ латинскій подлинникъ. Когда такой разборъ оконченъ, преподаватель въ заключеніе даетъ свой собственный переводъ, читая его какъ литературное произведеніе и не отвлекая вниманія учениковъ отъ того впечатлѣнія, которое онъ долженъ на нихъ произвести, отдѣльными замѣчаніями частнаго характера.

Считая не только въ данномъ случаѣ, но и вообще излишнюю мелочность опасной для преподаванія латинскаго языка, докладъ заключаетъ свои методологическія указанія пожеланіемъ, чтобы бремя ежедневной работы не заслонило отъ умовъ воспитанниковъ истиннаго значенія латинскаго языка, и механическая работа усвоенія грамматическихъ правилъ не шла въ ущербъ пониманію тѣхъ мыслей и чувствъ великаго народа, который легли въ основу нашей цивилизаціи. Для того, чтобы ученики дѣйствительно поняли, что комментаріи Цезаря, поэмы Вергилія и рѣчи Цицерона изучаются не потому только, что знаніе ихъ требуется для поступленія въ колледжи, а потому, что представляютъ изъ себя несравненные образцы литературнаго стиля и историческіе источники первостепенной важности, имъ полезно ознакомиться съ такими книгами, гдѣ изучаемые въ классѣ авторы разбираются съ общечеловѣческой и литературной точекъ зрѣнія.

Многія изъ положеній доклада заслуживали бы болѣе подробнаго анализа не потому, чтобы они сами по себѣ были безусловно новы, чтобы раньше не встрѣчалось ничего подобнаго въ методикѣ латинскаго языка, но потому, что въ идеѣ, можетъ быть, и не совсѣмъ оригинальныя, они являются оригинальными въ сѣверо-американской школѣ, какъ самостоятельно возникшіи результатъ тѣхъ условій, въ которыхъ она находится, и въ которыхъ можетъ оказаться всякая школа, развѣ въ ней будетъ ограничено число уроковъ по латинскому языку.

Но мои замѣтки и безъ того разрастаются въ объемъ, и я боюсь, что такой анализъ увлечетъ меня далеко. Къ тому же для спеціали-

ство оное можетъ быть и не особенно нужно. У нихъ, конечно, установился свой опредѣленный взглядъ на преподаваніе латинскаго языка, и съ его точки зрѣнія они и будутъ судить сами о положеніяхъ доклада десяти. Поэтому я ограничусь извлеченіемъ пѣзъ сказаннаго только тѣхъ чертъ, которыя, по моему мнѣнію, являются наиболѣе характеристичными для постановки латинскаго языка въ сѣверо-американскихъ среднихъ школахъ. Какова бы она ни была, въ ней есть одно несомнѣнное достоинство: она тѣсно слючена съ постановкою другихъ предметовъ, она проникнута съ ними одними и тѣми же началами, она вошла съ ними въ естественную связь для того, чтобы образовать часть одного цѣлаго. Достигнуть этого, конечно, было нелегко, и нельзя было достигнуть безъ жертвъ. Почвою объединенія былъ утилитаризмъ, но за то утилитаризмъ и положилъ свою печать на постановку латинскаго языка, какъ въ ея цѣломъ, такъ почти въ каждой изъ частностей, какъ я имѣлъ случай говорить раньше. Въ самомъ дѣлѣ, полное подчиненіе переводовъ съ латинскаго на англійскій цѣлямъ обученія англійскому литературному языку развѣ не есть утилитаризмъ? А самыя требованія, предъявляемыя къ пониманію латинскаго текста въ немъ самомъ? Кто и говорить, всѣми мѣрами надо стремиться къ тому, чтобы приблизить переводъ къ подлиннику, сокративъ раздѣляющее ихъ разстояніе настолько, насколько его можно сократить. И тѣмъ не менѣе переводъ и подлинникъ останутся другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ самъ къ себѣ человѣкъ, когда онъ боленъ, и когда онъ здоровъ. Само собою, въ переводѣ стирается яркость красокъ, сглаживаются тѣ неуловимыя особенности въ расположеніи словъ, въ подборѣ ихъ отдѣльныхъ отгѣнковъ, утрачивается въ значительной степени все то, что придаетъ слогу личный характеръ писателя, дѣлаетъ его единственнымъ, неповторяющимся, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ, до того отличнымъ, что привычное ухо по двумъ, тремъ фразамъ безошибочно скажетъ, слогу какого изъ писателей онѣ принадлежать. Конечно, достигнуть того, чтобы читая можно было „чувствовать подлинникъ“, есть высшая изъ задачъ изученія всѣхъ иностранныхъ языковъ, но такое „чувствованіе“ подлинника можетъ достаться въ удѣлъ только тому, кто дѣйствительно знаетъ точно языкъ и всѣ отгѣнки его выраженія, кто много и долго на немъ читалъ; но можетъ ли быть рѣчь о достижимости такихъ результатовъ при двадцати недѣльныхъ урокахъ, какъ бы искусно ни примѣнялся въ этихъ видахъ методъ, рекомендуемый докладомъ десяти? Если не придавать на этотъ счетъ

разсужденіямъ доклада десяти больше значенія, чѣмъ они могутъ имѣть, то за первую откроется вторая цѣль,—ясная, осязательная: научить учениковъ какъ никакъ схватывать смыслъ прочитаннаго и пускать скорѣй въ оборотъ тѣ немногія знанія, которыя у нихъ пока имѣются, для пріобрѣтенія новыхъ. Но свѣже насыпанному и неокрѣпшему еще желѣзнодорожному полотну, по только-что положеннымъ рельсамъ подвозится матеріалъ для продолженія дальнѣйшаго пути.

II. Негодимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. П. ЯНОВСКИЙ.

(Некрологъ).

12-го іюля этого года въ гор. Сухумѣ скончался замѣчательный педагогъ и администраторъ, членъ государственнаго совѣта, бывший попечитель Кавказскаго учебнаго округа Кирилль Петровичъ Яновскій на 81-мъ году своей жизни. К. П. Яновскій родился 18-го марта 1823 года въ заштатномъ городѣ Березномъ Черниговской губерніи и уѣзда. Отецъ его, небогатый дворянинъ, имѣлъ небольшое имѣніе въ Черниговскомъ уѣздѣ. Научившись еще въ раннемъ возрастѣ подъ руководствомъ своихъ сестеръ читать и писать, К. П. Яновскій уже семь лѣтъ былъ опредѣленъ въ приготовительный классъ Черниговскаго уѣзднаго училища, курсъ котораго онъ окончилъ въ 1833 году. Послѣ сего К. П. былъ опредѣленъ въ четвертый классъ открытой въ то время въ Черниговѣ семиклассной гимназіи. Уже съ 1832 года, когда отецъ его переѣхалъ въ свое имѣніе, К. П. Яновскій жилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дворянъ. Окончивъ курсъ гимназіи однимъ изъ лучшихъ учениковъ, К. П. въ сентябрѣ 1839 года поступилъ въ Кіевскій университетъ на физико-математическій факультетъ и окончилъ курсъ его въ 1843 году первымъ кандидатомъ. Въ интересныхъ воспоминаніяхъ К. П. Яновскаго, которые теперь печатаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, разсказывается, сколько лишеній перенесъ онъ въ гимназіи и въ университетѣ. Средствъ къ жизни не было, и приходилось ихъ добывать уроками, скудно оплачиваемыми. На второмъ курсѣ матеріальныя средства его улучшились, такъ какъ онъ, благодаря содѣйствію директора первой Кіевской гимназіи, получилъ уроки

арифметики и географіи въ частномъ пансіонѣ Гедуэна. Въ этомъ пансіонѣ К. П. Яновскій преподавалъ 3 года до окончанія курса въ университетѣ. Эта трехлѣтняя педагогическая практика, по убѣжденію самого К. П., имѣла значительное вліяніе на уснѣхъ его педагогическихъ пріемовъ, когда онъ, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ назначенъ преподавателемъ въ гимназію. 16-го декабря 1843 года К. П. Яновскій былъ назначенъ старшимъ учителемъ математики въ Ровенскую гимназію, гдѣ прослужилъ 7 лѣтъ. Въ Ровно К. П. показалъ себя выдающимся преподавателемъ и пользовался горячею любовью своихъ учениковъ и уваженіемъ своихъ сослуживцевъ. Въ 1851 году К. П. получилъ предложеніе занять мѣсто учителя въ Одессѣ. Приѣхавъ туда, онъ узналъ, что его мѣсто занято другимъ, и ему дали временно мѣсто учителя во второй Одесской гимназій. Черезъ полгода ему пришлось оставить это мѣсто, и поелчитель округа предложилъ К. П. Яновскому мѣсто старшаго учителя математики и физики въ Кишиневской гимназій. Онъ прослужилъ въ Кишиневской гимназій отъ 1852 г. до 1871 г. Въ 1856 г. К. П. Яновскій былъ назначенъ инспекторомъ гимназій, а въ 1862 г. ея директоромъ. Въ то время на обязанности директоры губернской гимназій лежало завѣдываніе всѣми учебными заведеніями области. К. П. Яновскій обратилъ особое вниманіе на печальное положеніе народныхъ школъ. Ихъ было мало, помѣщенія ихъ были плохія, въ учителяхъ былъ тоже недостатокъ, а тѣ, которые преподавали въ школахъ, были малоопытны. Вообще положеніе начального народнаго образованія въ области было самое печальное. За 9 лѣтъ своего завѣдыванія учебными заведеніями этого края онъ сдѣлалъ для него очень много. Число училищъ значительно увеличилось, много построено новыхъ зданій для школъ, улучшенъ составъ учащихся и увеличено ихъ содержаніе, при школахъ заведены бібліотеки и т. д. Въ исторіи народнаго образованія въ Бессарабіи дѣятельность К. П. Яновскаго занимаетъ блестящую страницу. Онъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ, и не было болѣе популярнаго человека въ области, какъ К. П. Яновскій. Такую рѣдкую популярность К. П. Яновскій заслужилъ своею замѣчательною гуманностью, рѣдкою справедливостью, поразительною доступностью и удивительнымъ спокойствіемъ. Когда въ 1893 году исполнилось 50-лѣтіе педагогической дѣятельности К. П., кишиневцы откликнулись замѣчательно сердечно на этотъ юбилей. Въ честь К. П. Яновскаго была учреждена при Кишиневской гимназій стипендія его имени и поставленъ его портретъ въ актовомъ залѣ

гимназін. Рѣшено открыть въ Кишиневѣ училище имени К. П. Яновскаго.

Въ 1871 г. К. П. Яновскій былъ назначенъ помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Въ этой должности онъ пробылъ 7 лѣтъ. К. П. отлично зналъ округъ и служащихъ въ немъ лицъ. Каждый сельскій учитель встрѣчалъ въ помощникѣ попечителя внимательнаго слушателя и защитника своихъ интересовъ; посѣщая учебное заведеніе и встрѣчая неопытныхъ учителей, онъ часто самъ давалъ уроки и всегда ободрялъ учителей и давалъ имъ хорошіе совѣты. К. П. Яновскій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ ректорами С.-Петербургскаго университета К. О. Кесслеромъ и А. П. Бекетовымъ и со многими профессорами. С.-Петербургскій университетъ, помня сердечное участіе, которое принималъ К. П. Яновскій, какъ помощникъ попечителя, въ его нуждахъ, и въ уваженіе къ его заслугамъ по изученію Кавказа, избралъ К. П. Яновскаго своимъ почетнымъ членомъ. 13-го ноября 1878 года К. П. Яновскій былъ назначенъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Августѣйшій намѣстникъ Кавказа великій князь Михаилъ Школевичъ относился къ К. П. Яновскому съ неизмѣнною благосклонностью, и многое удалось К. П. Яновскому осуществить на Кавказѣ, благодаря авторитетному покровительству Августѣйшаго намѣстника. К. П. Яновскій говорилъ, что безъ помощи Августѣйшаго намѣстника Кавказа многого ему не удалось бы сдѣлать для учебнаго дѣла на Кавказѣ. Еще не наступило время, чтобы говорить о томъ, сколько противодѣйствій встрѣтилъ К. П. на Кавказѣ и какую ему пришлось тамъ вести борьбу для введенія государственнаго языка въ народныя школы. Укажемъ только на то, что по представленію К. П. Яновскаго въ 1884 году армянно-гегоріанскія школы подчинены въ учебномъ отношеніи (кромя надзора за преподаваніемъ Закона Божьяго) министерству народнаго просвѣщенія. Въ какомъ положеніи засталъ К. П. Кавказскій учебный округъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. На всемъ Кавказѣ было 4 мужскихъ гимназій и 6 прогимназій, 3 реальныя училища, 1 учительскій институтъ, 2 учительскихъ семинаріи, 5 женскихъ гимназій и 3 прогимназій (всего 24 среднихъ учебныхъ заведенія), 15 городскихъ училищъ, 6 уѣзныхъ училищъ, 4 городскія школы и 2 ремесленныхъ училища (27 низшихъ учебныхъ заведеній), 68 частныхъ учебныхъ заведеній и 629 начальныхъ школъ. Помѣщенія учебныхъ заведеній были плохи. Кабинеты физическіе и др., учебныя пособія даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были

плохи, и многого даже необходимаго въ нихъ не было. Учительскій персоналъ былъ недостаточенъ. Были учителя, плохо говорившіе по русски. Приходилось принять самыхъ энергичныхъ мѣры, чтобы поставить учебное дѣло въ округѣ правильно. К. П. Яновскій энергично принялся за дѣло постепенно, безъ излишней поспѣшности и улучшилъ преподавательскій составъ. Достаточно указать на то, что къ 1-му января 1901 г. почти всѣ преподаватели имѣли свидетельства на знаніе преподавателей и громадное большинство изъ нихъ получило специальное образованіе¹⁾. Для приготовленія учителей открыты 2 учительскія семинарія, а при Закавказской учительской семинаріи устроено особое татарское отдѣленіе и для упражненія въ занятіяхъ воспитанниковъ 4 начальныя школы: русская, грузинская, армянская и татарская. За 20 лѣтъ семинарія выпустили 1043 учителя. Для того, чтобы пріобрѣсти учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, по ходатайству попечителя въ разныхъ университетахъ учреждены стипендіи на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Какъ уже было сказано выше, К. П. Яновскій пользовался большою любовью своихъ сослуживцевъ и учениковъ. Сдѣлавшись попечителемъ на Кавказѣ и видя, что преподаватели и начальствующія лица не удовлетворяютъ своему назначенію, К. П. Яновскій обратился ко многимъ изъ своихъ сослуживцевъ и учениковъ (уже сдѣлавшихся преподавателями) съ предложеніемъ перейти въ Кавказскій учебный округъ. Благодаря этому призыву округъ пріобрѣлъ многихъ прекрасныхъ педагоговъ, которые съ честью теперь служатъ на Кавказѣ и принесли дѣлу народнаго образованія громадную пользу. Имѣя преданныхъ дѣлу помощниковъ, онъ приступилъ къ реорганизации всего учебнаго дѣла на Кавказѣ. Въ Тифлисѣ подъ предсѣдательствомъ К. П. Яновскаго и его помощниковъ были образованы изъ лучшихъ учителей комиссіи по русскому и по новымъ языкамъ, математикѣ, исторіи, географіи, рисованію и т. д. Замѣчательные труды комиссій изданы и принесли большую пользу правильной постановкѣ преподаванія этихъ предметовъ.

Для постановки преподаванія въ сельской школѣ были устраниваемы сѣзды учителей, давались пробные уроки въ разныхъ мѣстахъ, на которыхъ присутствовали окрестные учителя и т. д. Труды сѣздовъ печатались въ циркулярахъ по округу, гдѣ помѣщались и разборы пробныхъ уроковъ. Учителя на средства округа командировались для

¹⁾ Только 7 процентовъ учителей начальныхъ школъ не имѣли знанія учителя.

знакомства съ постановкою учебнаго дѣла въ разныя мѣста Россіи и заграницу, и отчеты ихъ печатались. Въ округѣ всѣ работали не покладая рукъ и болѣе всего вдохновитель этой грандіозной работы, попечитель округа К. П. Яновскій. Онъ весь отдался дѣлу народнаго образованія, и результаты получились блестящіе. Черезъ 20 лѣтъ управленія имъ округомъ мы видимъ, что число среднихъ учебныхъ заведеній увеличилось вдвое (24 и 49), число низшихъ учебныхъ заведеній въ 2½ раза (27 и 67), число частныхъ учебныхъ заведеній—болѣе чѣмъ вдвое (63 и 137) и число начальныхъ училищъ въ 2½ раза (629 и 1416), и общее число учебныхъ заведеній на 60%¹⁾. За 20 лѣтъ на содержаніе учебныхъ заведеній округа поступило 61.266,900 р. и средства учебныхъ заведеній увеличались болѣе чѣмъ втрое (съ 1.681 т. р. до 5.213 т. р.), а число служащихъ въ 2½ раза (2.780 ч. до 7.304). Учебныя заведенія стали пользоваться вниманіемъ общества, и число учащихся въ нихъ увеличилось съ 54.301 до 139.768 ч. Эти цифры говорятъ о вышнемъ успѣхѣ школы. Внутренняя ея сторона сдѣлала еще большіе успѣхи. Улучшеніе учительскаго персонала, устройство совѣщаній съ родителями, устройство дѣтскихъ празднествъ, литературно-музыкальныхъ вечеровъ въ учебныхъ заведеніяхъ— все это сблизало общество со школою. К. П. въ своихъ прекрасныхъ отчетахъ по округу никогда не скрывалъ недостатковъ учебныхъ заведеній и всегда указывалъ на мѣры, какія онъ принималъ для ихъ исправленія. Онъ стоялъ за гласность и очень дѣлалъ хорошія отношенія общества къ школамъ. Въ 1901 г. К. П. Яновскій оставилъ Кавказъ, и своему преемнику онъ передалъ отличное наслѣдство. Къ 1 января 1901 г. всѣхъ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи округа было 1.902 (52 среднихъ, 72 и низшихъ 1.778 начальныхъ и частныхъ) и въ нихъ училось 168.646 чел. Когда К. П. Яновскій принялъ управленіе Кавказскимъ учебнымъ округомъ, онъ обратилъ вниманіе на печальное положеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій при учебныхъ заведеніяхъ (кабинетовъ, библиотекъ и т. д.). Къ 1 января 1901 г. стоимость кабинетовъ, учебныхъ пособій и библиотекъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ составляла 911.534 р., а при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ 487.878 р. При 1.325 начальныхъ школахъ устроены библиотеки (81,7% всѣхъ училищъ, въ которыхъ было 930.684 том.) на сумму 527.258 р. 22 года тому назадъ

¹⁾ Въ 1878 г. на содержаніе учебныхъ заведеній израсходовано 1.681 т. р., а въ 1900 г. 5.476,573 р.

стоимость учебно-вспомогательныхъ учрежденийъ была 158.248 руб., а теперь она около 2 милліоновъ рублей. При вступленіи К. П. Яновскаго въ управленіе Кавказскимъ учебнымъ округомъ собственныхъ помѣщеній для учебныхъ заведеній было 442 и большинство изъ нихъ нуждалось въ значительномъ ремонтѣ и перестройкѣ, такъ какъ они не удовлетворяли самымъ снисходительнымъ гигиеническимъ требованіямъ. Всѣ эти зданія были перестроены. Въ 1900 г. у 1.315 учебныхъ заведеній были собственные помѣщенія, и стоимость ихъ превышала 10 милліоновъ рублей. Особое вниманіе онъ обращалъ на улучшеніе матеріальнаго положенія учащихся. Учителя получали мало; черезъ 22 года управленія К. П. средний размѣръ жалованія для одного лица въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ 1.042 р., въ низшихъ 573 р. и въ начальныхъ—286 р. К. П. Яновскій всегда приходилъ на помощь каждому нуждающемуся учителю. Изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній выдавались значительныя суммы на поѣздку больныхъ преподавателей для лѣченія и т. д. Попечитель отлично зналъ свой округъ и положеніе служащихъ въ немъ лицъ, и всѣ всегда могли обращаться къ нему съ своими нуждами, хорошо зная, что онъ обратитъ вниманіе на нихъ и поможетъ. Въ августѣ и сентябрѣ этого года въ газетѣ „Кавказъ“ напечатаны воспоминанія о К. П. Яновскомъ, изъ которыхъ видно, что онъ часто помогалъ изъ своихъ средствъ нуждающимся учителямъ, и они только потомъ узнавали, что эта помощь была оказана не изъ суммъ округа, а добрымъ попечителемъ. К. П. Яновскій переписывался съ сельскими учителями, и изъ напечатанныхъ въ газетѣ „Кавказъ“ писемъ К. П. Яновскаго къ одному изъ учителей видно, какъ просто и сердечно онъ относился къ учителямъ и отвѣчалъ на всѣ ихъ запросы. Онъ очень много дѣлалъ для оканчивающихъ курсъ и старался доставить имъ возможность получить высшее образованіе. Съ этою цѣлью по его ходатайству число кавказскихъ стипендій въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ было значительно увеличено ¹⁾.

У меня есть довольно много фактовъ, что К. П. Яновскій спасалъ учениковъ отъ исключенія изъ учебныхъ заведеній, не утверждая протоколовъ педагогическихъ совѣтовъ объ исключеніи учащихся за тѣ или иные проступки, хотя по правиламъ слѣдовало этихъ уче-

---

¹⁾ Кроме того при 46 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ учреждены общества вспомошествованія учащимся, которыя въ 1900 г. израсходовали болѣе 200 т. р.

никовъ неключить. Благодаря гуманности К. П. Яновскаго, многіе изъ нихъ теперь вышли въ люди и не погибли. Миѣ пришлось во время неоднократныхъ своихъ путешествій съ археологическою и этнографическою цѣлью по Кавказу много слышать разсказовъ о сердечности и добротѣ К. П. Яновскаго. Двери квартиры почитателя были открыты всегда для всѣхъ желающихъ съ нимъ побесѣдовать. Въ Тифлисѣ и живя на дачѣ въ Боржомѣ, Кожирахъ и т. д., онъ принималъ цѣлый день. Просто и сердечно бесѣдовалъ онъ со всѣми и внимательно выслушивалъ многочисленныя просьбы. Кавказъ торжественно хотѣлъ праздновать въ 1893 г. 50-лѣтіе служебной дѣятельности К. П. Яновскаго, но онъ уклонился и даже уѣхалъ на это время изъ Тифлиса. Множество телеграммъ, адресовъ и писемъ показали, какою популярностью онъ пользуется не только на Кавказѣ, но и во всей Россіи. К. П. Яновскій на каждое привѣтствіе отвѣчалъ или письмомъ или благодарственной телеграммой. Въслѣдствіе ходатайства учениковъ и почитателей К. П. Яновскаго съ Высочайшаго разрѣшенія была открыта въ Россіи повсемѣстно подшека для собиранія капитала на учрежденіе въ заштатномъ городѣ Березигъ начальнаго училища съ ремесленными отдѣленіемъ.

К. П. Яновскій придавалъ особое значеніе для Кавказа ремесленному профессиональному образованію и въ особенности сельскохозяйственнымъ знаніямъ. Въ 1878 г. на всемъ Кавказѣ было 2 ремесленныхъ училища, а въ 1900 г.—2 низшихъ техническихъ, 5 ремесленныхъ училищъ и 9 ремесленныхъ школъ съ 1.310 учениками. Кромѣ того въ 21 училищѣ было введено преподаваніе столярнаго ремесла, въ 11 токарнаго, въ 14 переплетнаго, въ 4 слесарнаго и въ 5—другія ремесла. На преподаваніе рисованія въ среднихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, при К. П. было обращено особое вниманіе, и успѣхи по рисованію обратили на себя вниманіе Императорской академіи художествъ, которая избрала К. П. Яновскаго за его труды въ свои почетные члены. Ирисіе преподавалось въ 1.034 начальныхъ школахъ, музыка въ 5, гимнастика въ 853 и рукодѣліе въ 261. Большую услугу распространенію сельскохозяйственныхъ знаній на Кавказѣ оказали К. П. Благодаря ему ичеловодство преподавалось въ 134 школахъ, шелководство въ 210, огородничество въ 399 и садоводство въ 455. Школы участвовали въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ и заслужили всеобщую похвалу. Но отзывамъ специалистовъ заслуга К. П. Яновскаго въ распространеніи правильныхъ сельскохозяйственныхъ знаній среди населенія Кавказа съ помощью школъ очень велика.

Онѣ обратилъ вниманіе на то, что Кавказъ мало изученъ, и привлекъ учителей и учащихся къ изученію мѣстностей и племенъ Кавказа. Была составлена подробная программа и разослана по школамъ. На призывъ энтузіастовъ откликнулись многіе, и теперь уже вышло 30 томовъ прекраснаго и замѣчательнаго изданія „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Въ этомъ изданіи собраны драгоцѣнные матеріалы и изслѣдованія по исторіи, географіи, этнографіи и т. д. Кавказа. За эти труды, а также за всегдашнее содѣйствіе всѣмъ научнымъ экспедиціямъ на Кавказѣ К. П. былъ избранъ въ почетные члены Императорской академіи наукъ и многіхъ ученыхъ обществъ. Округомъ были изданы за время его управленія труды по разнымъ туземнымъ языкамъ барона Услара, Сборники распоряженій по Кавказскому учебному округу съ 1867 по 1900 г. и многіе другіе труды.

К. П. отличался твердостью въ проведеніи своихъ идей. Воплотивъ русскій, онѣ находилъ необходимымъ, чтобы преподаваніе въ школахъ велось на русскомъ языкѣ. При его пріѣздѣ на Кавказъ болѣе чѣмъ въ $\frac{1}{4}$ части училищъ преподаваніе велось на туземныхъ языкахъ. Въ 1900 г. все преподаваніе велось на русскомъ языкѣ въ 1.406 училищахъ, что составляетъ 86,7% всего числа училищъ.

Осенью 1900 года К. П. Яновскій былъ вызванъ министромъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповымъ для предсѣдательства въ комисіи по преобразованію средней школы. Уже работа комисіи была почти окончена, но умеръ Н. П. Боголѣповъ, и проектъ подвергся новому разсмотрѣнію. 1-го апрѣля 1901 г. К. П. назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту промышленности, наукъ и торговли. Тяжелый недугъ заставилъ его просить увольненія отъ присутствія въ департаментѣ.

К. П. оставилъ намъ замѣчательную книгу: „Мысли о воспитаніи и обученіи“. Въ ней онѣ изложилъ свои душевные мысли о воспитаніи и обученіи и подѣлился съ публикою своими педагогическими опытами. Эта книга должна быть настольною книгою у каждаго педагога. Его интересныя воспоминанія объ его жизни и учительской дѣятельности печатаются теперь въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ 1900 г. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ издана его брошюра „Обмѣнъ и постоянное движеніе матеріи, какъ условіе міровой жизни вообще и въ частности—жизни органической“. Въ послѣднее время К. П. Яновскій занимался вопросами о значеніи зоопа. Этотъ послѣдній трудъ не напечатанъ. Жизнь К. П., посвященная служенію вели-

кому дѣлу просвѣщенія, послужить прекраснымъ примѣромъ, какъ надо работать для родины. Свѣтлый и симпатичный его образъ навсегда останется запечатлѣнъ въ сердцахъ всѣхъ, кто имѣлъ счастье служить съ нимъ и лично его знать. Заслуги К. П. Яновскаго для дѣла народнаго образованія велики, и его имя въ исторіи нашего просвѣщенія должно занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

А. Селивановъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь 1902.

Я уже не разъ писалъ вамъ о книгахъ, вышедшихъ по поводу конгрессовъ, имѣвшихъ мѣсто во время выставки. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ конгрессовъ былъ конгрессъ по высшему образованию, засѣдавшій съ 30-го юля. Только что появились протоколы этого конгресса, составленные г. Франсуа Пикаве (однаго томъ in 8°, книжная фирма Морескъ). Книга состоитъ изъ нѣсколькихъ сообщений и изъ протоколовъ преній. Около четверти книги занято преніями по вопросу о народныхъ университетахъ, существующихъ въ большей части Европы и даже въ Америкѣ. Народные университеты сдѣлали у насъ большіе успѣхи; они существуютъ въ большей части нашихъ городовъ, но большинство изъ нихъ не осталось вѣрнымъ первоначальной программѣ.

Возвращаясь къ протоколамъ конгресса. Послѣ вопроса о народныхъ университетахъ, конгрессъ занялся вопросомъ объ устройствѣ быта студентовъ: почетными комитетами, кружками, обществами и т. д. Затѣмъ конгрессъ перешелъ къ чисто педагогическимъ вопросамъ: о введеніи въ университетскій курсъ предметовъ по земледѣлію, техникѣ и по колониальному вопросу, о томъ, чтобы университеты готовили учителей, о связи между факультетами и университетами; затѣмъ разбирались нѣкоторые специальные вопросы относительно филологій, судебной медицины, философіи, и исторіи искусствъ. Невозможно дать отчета о всѣхъ этихъ преніяхъ, слѣдуетъ прочесть эту интересную книгу, очень тщательно изданную. Редакторъ имѣлъ счастливую идею дать въ концѣ ея прибавленіе, въ которомъ онъ на пятидесяти, приблизительно, страницахъ даетъ всѣ

нужныя для иностранцевъ свѣдѣнія о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. Для каждаго нашего университетскаго города онъ указываетъ среднюю стоимость жизни студента, учрежденія для пособія занимающимся (кружки, бібліотеки и т. д.) и высшія заведенія, въ которыхъ можно работать. Онъ указываетъ не только правительственныя, но и частныя заведенія, въ которыхъ нерѣдко можно найти прекрасное преподаваніе и порядочныя пособія; такъ въ Парижѣ école des sciences politiques, école d'anthropologie, école des études sociales, l'institut catholique; въ провинціи католическіе институты въ Анжерѣ, Лионѣ, Лионѣ и Тулузѣ. Изъ цифръ, данныхъ въ этомъ приложеніи, явствуетъ, что самыми дорогими для студентовъ-иностранцевъ являются города: Тулуза, Пуатье, Нанси и Алжирь. Желательно было бы, чтобы этотъ сборникъ свѣдѣній былъ исправленъ, дополненъ и издавъ отдѣльной книгой. Тогда студенты-иностранцы получатъ нѣкотораго рода путеводитель, который позволитъ имъ ориентироваться съ перваго взгляда и поможетъ имъ выбрать городъ, наиболѣе подходящий для занятій выбранной ими отраслю.

Въ высшемъ персоналѣ нашихъ учебныхъ заведеній произошли значительныя перемѣны. Г. Греаръ, ректоръ académie de Paris, недавно подалъ въ отставку; его замѣстилъ г. Лиаръ, завѣдывавшій высшимъ образованіемъ при министерствѣ народнаго образованія. Г-на Лиара замѣстилъ г. Бѣфе, завѣдывавшій низшимъ образованіемъ при министерствѣ народнаго образованія; наконецъ г-на Бѣфе замѣстилъ г. Госке, ректоръ академіи въ Нанси. Читатели, незнакомые съ нашими образовательными учрежденіями, нуждаются въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ. При министерствѣ существуютъ три вѣдомства: высшаго образованія, средняго образованія и низшаго образованія. Для завѣдыванія этими различными образованіями Франція дѣлится на 17 академій (округовъ), изъ которыхъ каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ департаментовъ; во главѣ каждой академіи стоятъ ректоры, соотвѣтствующій вашему попечителю; это должностное лицо назначается отъ правительства, а не есть выборное лицо, какъ въ другихъ государствахъ ректоры университетовъ. Г. Греаръ состоялъ ректоромъ парижской академіи съ 1879 г.; за это время онъ оказалъ большія услуги народному образованію; при немъ были заложены зданія новой Сорбонны и перестроенъ старый парижскій университетъ. Это извѣстный писатель, писавшій о Плутархѣ, объ образованіи женщинъ. о Прево Парадолъ, о г-жѣ де Ментенонъ. Все это книги, о которыхъ я вамъ уже сообщалъ въ свое время и которыя доставили автору

честь быть выбраннымъ въ члены двухъ академій: académie française и académie des sciences morales et politiques. О его удаленіи будутъ очень сожалѣть профессоры и даже студенты (ихъ въ Парижѣ 12,000). Его замѣститель г. Ліаръ, бывшій ученикъ école normale, бывшій профессоръ философіи словеснаго факультета въ Бордо, бывшій ректоръ канской академіи, напечаталъ нѣсколько философскихъ трудовъ, доставившихъ ему честь стать членомъ académie des sciences morales et politiques. Съ 1884 г. онъ состоялъ директоромъ высшаго образованія, и преобразованиемъ нашихъ университетовъ мы обязаны въ значительной степени его энергіи. Управление высшимъ образованіемъ очень утомительно, и онъ немного отдохнетъ на мѣстѣ директора парижской академіи, которое тоже впрочемъ не представляеть силекуры. Г. Бэйе, принимающій на себя управление высшимъ образованіемъ, извѣстенъ своимъ читателямъ своими трудами по византийскому искусству, переведенными на русскій языкъ и доставившими ему честь стать секретаремъ académie des inscriptions. Бывшій ученикъ нашихъ вѣннской и римской школъ, онъ былъ профессоромъ исторіи лійонскаго факультета, затѣмъ ректоромъ лильскаго академіи. Съ 1896 г. онъ взялъ на себя заведываніе низшимъ образованіемъ; онъ будетъ болѣе на мѣстѣ какъ управляющій высшимъ образованіемъ. Г. Гаске, его замѣститель въ управленіи низшимъ образованіемъ, тоже византиистъ. Онъ былъ профессоромъ исторіи клермонскаго университета; мы ему обязаны прекрасными трудами: Sur l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance; L'empire grecque et les barbares; L'empire byzantine et les barbares. Къ сожалѣнію, его административныя обязанности уже давно отвлекли его отъ историческихъ изслѣдованій.

Съ нѣкотораго времени частная благотворительность направилась на наши высшія учебныя заведенія. Такъ два мецената открыли при collège de France двѣ новыхъ катедры: одну по нумизматикѣ, другую—для изученія Америки. Вскорѣ я вамъ сообщу, кто назначенъ на эти катедры.

Казалось бы, что уже все сказано о Гомерѣ, а между тѣмъ каждый день приноситъ намъ какой-нибудь новый вкладъ въ изслѣдованіе его двухъ безсмертныхъ эпопей. Извѣстный филологъ, г. Викторъ Бераръ предпринялъ недавно новое толкованіе Одиссеи. Г. Бераръ состоитъ профессоромъ исторической географіи въ école des hautes études и экзаменаторомъ географіи въ морскомъ министерствѣ, онъ извѣстенъ какъ путешественникъ, географъ и археологъ.

Въ своемъ трудѣ *les Phéniciens et l'Odyssée* (появился еще только первый томъ, фирма Коленъ) г. Бераръ старается возстановить географическое мѣсто дѣйствія Одиссея. Географію Гомера до сихъ поръ считали фантастической и вполне выдуманной. Г. Бераръ, который много путешествовалъ и продѣлалъ маршрутъ Одиссея, старается доказать, что въ географіи Гомера нѣтъ ничего фантастическаго. Онъ утверждаетъ, что нашелъ и видѣлъ собственными глазами островъ Калипсо съ его гротомъ, гавань Алкиноя, островъ Навзикая, пещеру Циклопа, страну лестригоновъ. По его мнѣнію, Гомеръ ничего не выдумалъ, онъ только переписалъ и переложилъ въ стихи описаніе современныхъ ему мореплавателей. Бераръ полагаетъ, что мѣста, описываемыя Гомеромъ, суть станціи финикійскихъ мореплавателей. Свое мнѣніе онъ доказываетъ двумя сериями аргументовъ, изъ которыхъ одна основывается на наружномъ видѣ мѣсть, другая—на этимологіи названій. Онъ доказываетъ, что большая часть острововъ, городовъ, мысовъ, заливовъ бассейна Средиземнаго моря, и особенно архипелага, носила двойныя названія, одно имѣющее смыслъ на греческомъ языкѣ, другое, не дающее смысла; это второе названіе и есть финикійское. Въ первомъ томѣ своей книги онъ изслѣдуетъ главнымъ образомъ мѣста, въ которыхъ произошли эпизоды съ Калипсо и Навзикаей. Въ слѣдующемъ томѣ онъ будетъ изслѣдовать эпизоды съ лотофагами, циклопами, лестригонами, съ Цирцеей, сиренами, на островѣ солнца и въ Итакѣ. Книга иллюстрирована фотографіями, собранными самимъ г. Бераромъ; цѣна ея высокая (два тома будутъ стоить 50 франковъ), но она, безъ сомнѣнія, очень интересна, и первый томъ произвелъ нѣкоторую сенсацію среди нашихъ гуманистовъ и археологовъ.

Г. Бабелонъ, консерваторъ знаменитаго кабинета медалей при національной бібліотекѣ, предпринялъ трудъ, который, повидимому, составитъ эпоху въ исторіи французской нумизматики. Покойный Франсуа Леморманъ началъ важный трудъ о древней монетѣ, но онъ успѣлъ напечатать при жизни только три тома. Надо надѣяться, что г. Бабелонъ будетъ счастливѣе. Его трактатъ, первый томъ котораго только что появился (*Traité des monnaies grecques et romaines, 1-re partie, théorie et doctrine, librairie Leroux in 4°*), обѣщаетъ быть значительной книгой. Онъ будетъ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, которая будетъ состоять изъ трехъ томовъ, авторъ изслѣдуетъ съ точки зрѣнія синтетической всѣ вопросы по нумизматикѣ; вторая часть будетъ состоять изъ историческаго описанія. Каждой

провинціи, каждому городу, каждой императорской династіи будетъ посвящена отдѣльная книга, или отдѣльная глава, или отдѣльный параграфъ, смотря по ихъ значенію. Всѣ главныя монеты будутъ описаны, классифицированы и, гдѣ (нужно, снабжены краткими комментаріемъ, объясняющимъ ихъ типъ и легенды, связанныя съ ними. Каждый томъ будетъ снабженъ серіей гравюръ, а въ текстѣ будутъ даже приведены рыночныя цѣны монетъ.

Въ первомъ томѣ находится общее введеніе, въ которомъ опредѣляется наука нумизматика, дается краткій очеркъ ея исторіи, систематическая номенклатура монетъ, извѣстныхъ грекамъ и римлянамъ, указываются различныя монетныя системы, существовавшія въ древности, описываются техническія манипуляціи надъ металломъ, сначала въ рудникахъ, затѣмъ на очистительныхъ заводахъ и наконецъ въ монетныхъ мастерскихъ.

Г. Бабелонъ обладаетъ универсальной эрудиціей; ему извѣстны всѣ труды по этому вопросу; онъ ими пользуется, а при случаѣ ихъ дополняетъ и исправляетъ. Когда его трудъ будетъ законченъ, онъ составитъ прекрасную энциклопедію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы потеряли одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ археологовъ, Луи Куражо. Будучи консерваторомъ луврскаго музея, онъ занимался преимущественно исторіей французской скульптуры, курсъ которой онъ читалъ въ продолженіи 9-ти лѣтъ въ *école du Louvre*, основанной въ 1887 г. Часть его лекцій оставалась неизданной. Друзья Куражо имѣли счастливую мысль издать ихъ: два извѣстныхъ эстетика г. Лемонье, профессоръ Сорбонны, и г. Андре Мишель, консерваторъ луврскаго музея, взяли на себя изданіе ихъ. Эти лекціи составляютъ три тома, изъ которыхъ два уже появились: въ первомъ говорится о началахъ романскаго и готическаго искусства, во второмъ о началахъ ренессанса, въ третьемъ о началахъ современнаго искусства (фирма Пикаръ). Всѣ три тома составляютъ одну книгу, отдѣльно они не продаются. Эта книга представляетъ изъ себя настоящій археологическій каталогъ, дѣлающій честь памяти Куражо: она явится необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся исторіей нашего національнаго искусства.

Среди трудовъ по исторіи среднихъ вѣковъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ является *Essai sur l'origine de la noblesse en France au moyen âge*, M. Guilhermoz (Paris, Picard éditeur). Въ этой книгѣ авторъ разсматриваетъ часто обсуждавшійся вопросъ о происхожденіи феодальной системы. У римлянъ не было, собственно говоря, дво-

ричества; этого сословія не было и у франковъ; какъ же изъ сліянія этихъ двухъ расъ, могла возникнуть такая организованная, такая сильная, такая обособленная аристократическая каста, какъ феодалы? Вотъ вопросъ, который ставитъ себѣ авторъ; онъ тщательно изслѣдуетъ происхожденію вассаловъ. Я не стану вамъ передавать его чрезвычайно подробныхъ изслѣдованій объ *autrustiones, conviva reges, scholares, buccellarii*, объ эпохѣ Меровинговъ; онъ устанавливаетъ сходство между англійскими учрежденіями и французскими учрежденіями во времена Карловинговъ, о *casati, bacolarii, haustaldi, seniores, vassi dominici*. Одно могу сказать, что онъ прекрасно ведетъ свои изслѣдованія и отлично ихъ излагаетъ. Эта книга заканчивается главою о происхожденіи рыцарства. Среди многочисленныхъ трудовъ, трагующихъ объ средневѣковыхъ учрежденіяхъ за послѣдніе годы, эта книга является одной изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ.

Интересующимся исторіей среднихъ вѣковъ могу еще рекомендовать слѣдующую книгу: *Jusserand, Sur les sports et les jeux d'exercise dans l'ancienne France*. Г. Жюссеравъ весьма выдающійся дипломатъ, который отдыхаетъ отъ своихъ профессиональныхъ занятій, занимаясь исторіей и литературой. Онъ былъ раньше французскимъ посломъ въ Коненгагенъ; въ настоящее время онъ представитель Франціи въ Вашингтонѣ. Онъ прекрасно знакомъ съ исторіей Франціи и Англии въ средніе вѣка. Затронутый имъ предметъ (1 томъ in 8°, фирма Плона) весьма современенъ, такъ какъ спортъ въ настоящее время очень въ модѣ. Но этотъ вопросъ никогда не разрабатывался у насъ научно. Мы воображаемъ, что вводимъ у себя англійскія игры, въ дѣйствительности же мы только возвращаемся къ старымъ національнымъ играмъ. Главы, посвященныя г. Жюссеравомъ турнирамъ, боямъ, охотамъ, игрѣ въ мячи, фехтованью и т. д., содержатъ въ себѣ массу мало извѣстныхъ фактовъ и являются интереснымъ вкладомъ въ исторію нравовъ и общества нашей страны.

У насъ нѣтъ недостатка въ трудахъ по археологій Франціи. Но намъ не доставало практической книги, въ которой можно было бы найти свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ и которая была бы хорошо иллюстрирована. Этотъ пробѣлъ былъ недавно заполненъ г. Камилемъ Эиларъ, бывшимъ ученикомъ нашей французской школы въ Римѣ, членомъ французскаго общества антикваріевъ и консерваторомъ луврскаго музея.

Мы имѣемъ уже прекрасныя книги г. Эилара о романской архитектурѣ въ Пикардій и о готической архитектурѣ на Кипрѣ и въ

Италіи. Теперь онъ предпринялъ изданіе *Manuel d'archéologie française depuis les temps mérovingiens jusqu'à la renaissance*. Только что вышелъ первый томъ (фирма Альфонса Пикара). Онъ посвященъ церковной архитектурѣ. Въ немъ кромѣ введенія, въ которомъ говорится объ архитектурѣ вообще и о производствѣ построекъ, находятся исторія архитектуры періодовъ меровинговъ и карловинговъ, романскаго, готическаго и ренессанса. Въ седьмой главѣ авторъ изучаетъ различные ажессуары церковной архитектуры (алтари, каеэдры, органы, кладбища и т. д.). Второй томъ, находящійся еще въ печати, будетъ посвященъ свѣтской и военной архитектурѣ. Книга чрезвычайно изящно иллюстрирована. Въ первомъ томѣ болѣе 400 гравюръ.

По случаю десятилѣтняго юбилея профессорской дѣятельности г-на Антуана Мелье его ученики преподнесли ему, по примѣру нѣмцевъ, *Festschrift*. Это сборникъ подъ заглавіемъ *Mélanges linguistiques*, составленный гг. Барбелене, Доттенъ, Р. Готіо, Граммонъ, Ларондъ, Нидерманнъ Вендріесъ. Трудно анализировать лингвистическія статьи, содержащіяся въ этой книгѣ (ирландское склоненіе, замѣчанія о дѣтскомъ языкѣ, замѣтка по латинской этимологіи, размышленія о законахъ фонетики). Укажу вамъ какъ на курьезъ, на статью г. Ларонда *Sur les formations verbales de la première chronique de Novgorod*. Г. Ларондъ, бывшій ученикъ нашей *école polytechnique*, предполагалъ стать инженеромъ, но заинтересовавшись славянской филологіей, отказался отъ карьеры инженера и состоитъ въ настоящее время учителемъ французскаго языка въ С.-Петербурѣ и членомъ ученаго комитета; въ настоящее время онъ готовитъ книгу о языкѣ Новгородской лѣтописи. Статья, данная имъ для сборника, есть извлеченіе изъ этой книги.

Теперь перейду къ книгамъ болѣе литературнаго характера.

Многіе занимались исторіей *Comédie française*, театра, называемаго также *théâtre français*, являющагося хранителемъ нашихъ драматическихъ традицій; нѣкоторые любители драматическаго искусства называютъ его *la maison de Molière*. Но никому не пришло на умъ заняться статистикою этого театра, сосчитать число представленій, выпавшихъ на долю каждого изъ нашихъ великихъ драматическихъ произведеній. Это было недавно сдѣлано однимъ иностранцемъ, грекомъ по происхожденію, г. Жоамидесъ, въ книгѣ, озаглавленной *la Comédie française de 1680 à 1900* (Paris 1902).

Г. Жоамидесъ даетъ полный репертуаръ пьесъ, разыгранныхъ на сценѣ французскаго театра съ 1680 по 1900, вѣкъ за вѣкомъ, деся-

тылѣтіе за десятилѣтіемъ, указывая число представленій каждой пьесы въ каждое десятилѣтіе и въ каждый годъ. Это очень добросовѣстный и точный трудъ; онъ очень интересенъ для исторіи литературы, потому что онъ даетъ какъ бы кривую развитія вкуса во Франціи, указывая на пьесы, требуемыя публикой, и на пьесы, которыя она предаетъ забвенію. Но правдѣ сказать, вкусъ публики плохо согласуется съ требованіями эстетики. Такъ комедіи Реньяра были даны 5262 раза, тогда какъ Корнель, великій Корнель, былъ данъ только 4717 разъ. Расина давали больше, но это благодаря его комедіи *les Plaideurs*, которая была поставлена 1219 разъ, тогда какъ его *Bérénice* была играна всего 156 разъ. Публика больше любитъ комедіи, чѣмъ трагедіи; поэтому *le Menteur* Корнеля былъ данъ 650 разъ, а *Polyeucte* только 418; *Athalie* Расина была поставлена 457 разъ. Я не стану долѣе останавливаться на этихъ подробностяхъ; но тотъ, кто будетъ писать исторію французскаго театра, долженъ будучи считаться съ добросовѣстнымъ трудомъ г. Жоамидеса.

Г. Эмиль Фагэ, профессоръ Сорбонны, членъ французской академіи, не только одинъ изъ нашихъ лучшихъ критиковъ, онъ стремится еще быть публицистомъ, или, вѣрнѣе, политикомъ. Онъ удивительно продуктивенъ, опровергая тѣмъ злую молву, будто въ академическихъ креслахъ спятъ. Его только что появившаяся книга: *La Politique comparée de Montesquieu, Rousseau, Voltaire* (Paris, société française d'imprimerie et de librairie) указываетъ безъ сомнѣнія на глубокія изслѣдованія. Политическіе взгляды этихъ трехъ знаменитыхъ авторовъ не одинаковы; напротивъ, г. Фагэ постоянно указываетъ на существующія между ними противорѣчія и на различныя теченія, возникшія изъ ихъ идей, замѣчаемыя и теперь въ нашей политикѣ.

Г. Фагэ спрашиваетъ своихъ знаменитыхъ мыслителей, какого они мнѣнія о родинѣ, о свободѣ, о власти, о социализмѣ, объ индивидуализмѣ, о централизаціи и о децентрализаціи, о судебной власти, объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, между государствомъ и образованіемъ, объ арміи, о законодательствѣ. Г. Фагэ тщательно изучилъ сочиненія трехъ великихъ публицистовъ и извлекаетъ изъ нихъ нѣчто вродѣ политической антологіи. Но трудно ожидать отъ людей такого колеблющагося ума, какъ Вольтеръ, такого капризнаго и фантастическаго ума, какъ Руссо, опредѣленной формулировки мнѣній. Не смотря на это и на всѣ возраженія, вызываемыя выводами г. Фагэ, его книгу интересно прочесть.

Имя г-на Фагэ встрѣчается и въ недавно вышедшемъ сборникѣ

L'oeuvre sociale de la Révolution française (libr. Fontemoing). Въ этой книгѣ находится статья г-на Фарэ les Idées maitresses de la révolution française; г-на Андре Лихтенбергера Le socialisme et la révolution; г-на Моряца Вольфа Les doctrines de l'éducation révolutionnaire, г-на Савьяка La propriété foncière et les paysans, г-на Карана La révolution et le clergé, г-на Лекси-Шнейдера L'armée et la convention. Всѣ эти статьи очень интересны, но, конечно, онѣ не исчерпываютъ матеріала, который, собственно говоря, неисчерпаемъ.

Рекомендуя вашимъ читателямъ, интересующимся политическими вопросами, книгу Emile Boutny: Eléments d'une psychologie politique du peuple américain (Paris libr. Colin). Г. Бутни вызываетъ восхищеніе. Не смотря на то, что онъ почти слѣпъ, онъ продолжаетъ масторски руководить школою политическихъ наукъ и даетъ почти ежегодно книги, указывающія на неутомимую дѣятельность. Последнимъ его трудомъ, напечатаннымъ въ 1901 г., была психологія англійскаго народа, теперь онъ намъ даетъ психологію американскаго народа. Въ своей книгѣ г. Бутни изучаетъ народонаселеніе и различные элементы, изъ которыхъ оно составлено, народъ и патриотическіе идеалы, религію, сравниваетъ взглядъ на государство во Франціи и въ Америкѣ. Онъ заканчиваетъ главою объ американскомъ империализмѣ. Хотя г. Бутни строго критикуетъ нѣкоторыя части американской конституціи, онъ тѣмъ не менѣе высказываетъ чрезвычайно оптимистическіе взгляды на будущее Соединенныхъ Штатовъ.

Я уже указывалъ вамъ два года тому назадъ на книгу лилльскаго профессора Перо объ удареніи въ русскомъ языкѣ. Этотъ трудъ дѣлалъ честь терпѣнію автора. Г. Перо не почаялъ на лаврахъ; онъ далъ переводъ въ стихахъ пушкинскаго Евгенія Онѣгина. (Paris et Lille libr. Tallandier). Онъ выбралъ размѣръ оригинала, стихъ въ восемь слоговъ и стансы въ то же число стиховъ какъ у Пушкина. Его стихъ очень свободенъ, и вообще переводъ миѣ кажется очень удачнымъ. По моему это лучший переводъ на французскомъ языкѣ. Переводу предпослано предисловіе, написанное г. Гоманомъ, профессоромъ лилльскаго университета, бывшимъ учителемъ г. Перо. Этотъ ученикъ, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь своему учителю. Переводовъ съ русскаго у насъ печатается очень много, но переводятся преимущественно романы, поэты остаются въ пренебреженіи; г. Перо далъ хорошій примѣръ.

Г. Луи Леже, членъ института и профессоръ въ Collège de France, издаетъ каждые два или три года сборникъ своихъ статей,

печатавшихся въ *Révue sur l'histoire ou la littérature des peuples slaves*. Три тома, озаглавленные *Études slaves*, уже появились у фирмы Леру; три тома, озаглавленные *Russes et slaves*, были изданы фирмой Гашетъ. Наконецъ, недавно г. Леже началъ (у той же книжной фирмы) издание новой серии, озаглавленной *le Monde slave*. Первый томъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ; во второмъ, только что появившемся, находится статья о чехахъ въ Креси, краткая замѣтка по исторіи Польши, этюдъ о Польнѣ въ наполеоновскій періодъ, статья о Мицкевичѣ, этюдъ о Пушкинѣ, самый подробный изъ имѣющихся на французскомъ языкѣ, статьи о происхожденіи Россіи, о способѣ путешествія по Россіи и монографія о рейскомъ славянскомъ евангеліи. Последняя статья была напечатана въ 1899 г. въ видѣ предисловія къ изданію *fac simile* рейскаго евангелія, (*libr. Michaud*). По этому поводу читателямъ можетъ быть любопытно узнать о томъ, какой успѣхъ имѣло это изданіе. Напечатано было 115 экземпляровъ; пятьдесятъ изъ нихъ, съ миниатюрами, исполненными отъ руки, были распроданы по подлинкѣ по 300 франковъ за экземпляръ. Шестьдесятъ экземпляровъ, съ черными и красными фототипіями, были проданы по подпискѣ по 100 фр. за экземпляръ. Осталось только 5 экземпляровъ съ фототипіями; если русскіе библіофилы желаютъ приобрести воспроизведеніе этого знаменитаго манускрипта, они должны поторопиться. Клише были уничтожены. Прибавлю, что знаменитое евангеліе продолжаетъ привлекать вниманіе французской и славянской публики. Недавно князь Фердинандъ Болгарскій ѣздилъ въ Реймсъ специально для того, чтобы его видѣть, при этомъ онъ пожаловалъ г. Жадару, ревностному консерватору городской библіотеки, орденъ за гражданскія заслуги. Г. Жадаръ только что напечаталъ брошюру, содержащую французскіе тексты, относящіяся къ знаменитому манускрипту: *Le dossier de l'Évangélaire slave à la bibliothèque de Reims* (брошюра in 8, отдѣльные оттиски изъ *Bibliographie moderne*, типографія П. Жаквель).

Статья г. Леже о чехахъ Креси была прочитана въ 1901 г., въ годовомъ засѣданіи пяти академій. Она привлекла вниманіе на героическую кончину короля Ивана Чешскаго, умершаго за Францію 26 августа 1346 г. Въ результатъ этого чтенія образовался комитетъ съ цѣлью возведенія памятника этому храброму королю на мѣстѣ сраженія въ Креси; на памятникъ подписались многіе академики; городъ Парижъ далъ 3000 фр.; городъ Прага 1000 фр.; городъ Реймсъ прислалъ 4000 фр.; городъ Аббевиль 400 фр.; была открыта подписка

въ Люксембургѣ. Въ скоромъ времени будетъ собрана сумма около 10.000 франковъ.

Недавно скончался извѣстный историкъ маркизъ де Бокуръ. За свою исторію Карла VIII онъ дважды получилъ отъ академіи надписей премію Гюбера, выдаваемую за лучший трудъ по исторіи Франціи. Въ 1866 г., онъ основалъ *Revue des questions historiques*, а въ 1868 г. *Polybiblion*, которые имѣютъ большое значеніе. Оба эти журнала имѣли чисто католическій и роялистическій характеръ. Это помѣшало г. Бокуру быть выбраннымъ въ члены института, честь, которую онъ вполне заслужилъ. Ему надо было имѣть 19 голосовъ, онъ же получилъ не болѣе 14. Его произведенія переживутъ его.

Л. Л—ръ.

30 ЛѢТЬ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА В. Р. РОЗЕНА.

30-го октября факультетъ восточныхъ языковъ, академики, многіе профессора университета вмѣстѣ съ ректоромъ и другія лица привѣтствовали барона В. Р. Розена съ исполнившимся 30-лѣтіемъ его профессорской дѣятельности, этимъ предѣльнымъ срокомъ, послѣ котораго офіяціальная роль профессора, какъ представителя своего предмета и руководителя занятій по кафедрѣ, кончилась, онъ перешелъ въ разрядъ дополнительныхъ преподавателей. Иногда съ этимъ срокомъ прерывается всякая связь профессора съ университетомъ, чего на сей разъ, къ счастью, не случилось. Насколько плодотворно В. Р. провелъ свой университетскій срокъ, это краснорѣчиво и правдиво отмѣчено въ адресѣ ему отъ факультета. И дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ своей преподавательской дѣятельности В. Р. сдѣлался душою факультета восточныхъ языковъ и во всѣхъ событіяхъ его жизни принималъ самое живое участіе, а въ послѣдніи 9 лѣтъ ему, какъ декану, дѣлкомъ принадлежала руководящая роль. Его ученики, изъ которыхъ многіе занимаютъ кафедры, знаютъ, какъ онъ открывалъ въ нихъ будущихъ ученыхъ, какъ онъ слѣдилъ за ихъ научнымъ ростомъ, какъ поддерживалъ ихъ бодрость духа и свѣтлыя надежды на предстоящій трудъ. Въ знакъ своей сердечной признательности они, въ день 25-лѣтняго юбилея В. Р., поднесли ему лучшій свой даръ, какой только возможно въ данномъ случаѣ, свои ученые труды, посвященные его имени: Музаффаріія (въ переводѣ: „Викторіана“) — „Сборникъ статей учениковъ профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилѣтія его первой лекціи 13-го ноября 1872—1897“ (С.-Петербургъ, 1897). Въ своемъ посвященіи они говорили:

„Ваши ученики, неразрывно связанные благодаря вамъ съ университетомъ и наукой, вспоминая 13-е ноября 1872 года, день вашей первой лекціи, просятъ принять благосклонно ихъ общій трудъ, любовью къ вамъ согрѣтый и въ честь вашего дорогого для нихъ имени названный, какъ слабый знакъ глубокой признательности за ваше доброе учительство, за ваши сердечныя заботы о нихъ на жизненномъ пути. Привыкнувъ видѣть въ васъ всегда своего руководителя въ наукѣ и свою нравственную опору, они льстятъ себя надеждою, что вы разрѣшите имъ остаться навсегда вашими учениками“.

В. Р. по окончаніи курса въ факультетѣ восточныхъ языковъ поѣхалъ за-границу и зачислился студентомъ Лейпцигскаго университета, чтобы слушать лекціи знаменитаго Флейшера и ознакомиться съ европейскими методами и приемами преподаванія. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ западной школы, старался осуществить се у насъ и настаивалъ, чтобы молодые люди, оставленные при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, непременно проводили нѣкоторое время за-границей, занимаясь тамъ подъ руководствомъ профессора-оріенталиста по соотвѣтствующей специальности. Въ такомъ взглядѣ на профессорскую подготовку вовсе нѣтъ пристрастія къ западу, а только стремленіе поднять оріентализмъ въ Россіи на подобающую высоту, и цѣль этой В. Р. достигъ, нисколько не умаляя національнаго чувства. Всѣ, кто имѣлъ какія-либо сношенія съ В. Р., могли убѣдиться, что по своимъ убѣжденіямъ онъ человѣкъ чисто русскій, для котораго интересы Россіи, а въ особенности научные, стоятъ на первомъ планѣ. И это В. Р. доказываетъ постоянно не на словахъ только, а на дѣлѣ. Имѣя, наиримѣръ, полную возможность публиковать свои работы на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ, онъ всегда предпочиталъ для этого языкъ русскій, а въ послѣднее время исключительно перешелъ на этотъ послѣдній, очевидно руководствуясь правиломъ, что русскій оріенталистъ прежде всего долженъ трудиться для Россіи. Слѣдовательно, В. Р. не искалъ популярности на западѣ, а между тѣмъ эта популярность пришла сама собою и приняла тамъ такіе широкіе размѣры, какіе едва ли когда-либо выпадали на долю другого русскаго оріенталиста.

Во всякомъ случаѣ молодыя силы факультета восточныхъ языковъ вышли, такъ сказать, изъ подъ крыла В. Р.

Востоковѣдніе въ Россіи обязано В. Р. своимъ подъемомъ и внѣ университета, именно въ Императорскомъ Русскомъ археологическомъ

обществѣ, въ его восточномъ отдѣленіи, управляющимъ котораго онъ былъ избранъ въ 1885 г. Сгруппировавъ своимъ пріятливымъ характеромъ и замѣчательнымъ тактомъ вокругъ себя всѣхъ русскихъ ориенталистовъ, В. Р. оживилъ изданіе отдѣленія новымъ органомъ: Записками, которыя самъ редактировалъ и выпустилъ XIII томовъ и нынѣ окончатъ XIV-й. Въ этомъ органѣ русскіе ориенталисты дружно стали помѣщать результаты своихъ изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ востоковѣднія, и прежде всего самъ В. Р. напечаталъ нѣсколько статей. Записки сдѣлались такъ интересны и такъ содержательны, что одни изъ европейскихъ ориенталистовъ, знакомые съ русскимъ языкомъ, давали краткое содержаніе ихъ въ своихъ обзорныхъ, а другіе прямо заявляли, что безъ знакомства съ трудами русскихъ ориенталистовъ нельзя успѣшно работать въ области востоковѣднія ¹⁾. Такой результатъ былъ достигнутъ тѣмъ, что В. Р. самъ много работалъ для Записокъ, не жалѣя ни времени, ни труда, и своимъ примѣромъ дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ и на другихъ. Въ первомъ же томѣ Записокъ В. Р. выступилъ со статьею „Арабскія сказанія о пораженіи Романа Диогена Али-Арсланомъ“, имѣющею отношеніе къ вопросу объ арабско-византійскихъ отношеніяхъ. Тамъ же помѣстилъ онъ 16 рецензій на русскія и иностранныя книги. Иногда весь отдѣлъ критики и библиографіи наполнялся исключительно имъ самимъ; такъ въ III томѣ онъ далъ 23 критическія статьи. Послѣднія всегда обнаруживали глубокую эрудицію автора и перѣдко заключали новый взглядъ на разбираемый предметъ. Какъ бы ни была иногда беспощадна критика В. Р., она обыкновенно облакалась въ такую мягкую и изысканно-вѣжливую редакцію, что не могла оскорбить самолюбіе автора книги. Статьи, изслѣдованія, некрологи, разныя замѣтки В. Р. наполняютъ почти и всѣ послѣдующіе томы Записокъ.

В. Р. родился въ 1849 г. и по окончаніи курса въ Ревельской дворянской гимназій поступилъ въ 1866 г. на факультетъ восточныхъ языковъ, по отдѣленію мусульманскихъ языковъ. За сочиненіе на тему по персидской словесности „Полная оцѣнка Шахнама“ получилъ

¹⁾ Морфизъ, сотрудникъ англійскаго журнала The Indian Antiquary, съ 1887 г. сталъ печатать обзоръ учено-литературной дѣятельности восточнаго отдѣленія П. Р. А. О., началъ съ перваго тома Записокъ. Кенигсбергскій профессоръ Августъ Мюллеръ сталъ даже изучать русскій языкъ (примѣръ но единственный среди западныхъ ориенталистовъ) и въ Göttingische gelehrte Anzeigen за 1889 г. № 19 помѣстилъ рецензію на 1-й томъ Записокъ.

въ 1870 г. золотую медаль. Но не персидскую словесность избралъ онъ своею спеціальностью, а арабскую, хотя не мало потрудился и для первой. Въ 1872 г. В. Р. защитилъ диссертацию на степень магистра арабской словесности подъ заглавіемъ „Древне-арабская поэзія и ея критика“ и тогда же былъ избранъ доцентомъ по названной кафедрѣ. Въ Энциклопедическомъ словарѣ профессора Березина В. Р. помѣстилъ большую и содержательную статью „Аравія“. Свою преподавательскую дѣятельность на первыхъ же порахъ В. Р. ознаменовалъ составленіемъ, совмѣстно съ В. О. Гиргасомъ, Арабской Хрестоматіи въ двухъ выпускахъ (С.-Петербургъ 1875 и 1876), въ которыхъ помѣщено много неизданныхъ текстовъ и при томъ по возможности цѣльныхъ. Подъ вліяніемъ академиковъ А. А. Куника и В. Г. Васильевского и ихъ изысканій въ области Византійской исторіи, въ особенності періода, имѣющаго наибольшее отношеніе къ русской, В. Р. обратилъ вниманіе на арабскую литературу IX и X вѣковъ, чтобы и со стороны своей спеціальности принести долю труда на разъясненіе нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ византіицины. Результатомъ этого поваго направленія въ дѣятельности В. Р. явились слѣдующія работы: „Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Русахъ и славянахъ“ (С.-Пб. 1878), съ посвященіемъ этого труда „неутомимому издателю и заслуженному комментатору арабскихъ географовъ, профессору М. Я. Делюе“, и самое капитальное сочиненіе—„Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Аптіохійскаго“ (Спб. 1883)—докторская диссертациа. Въ то же время В. Р. занимался описаніемъ арабскихъ и персидскихъ рукописей, принадлежащихъ институту восточныхъ языковъ въ Петербургѣ и напечаталъ: *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales* (1877), *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales* (1886) и *Collection scientifique de l'Institut des langues orientales*, etc.

Описалъ онъ также арабскія рукописи Азіатскаго музея „*Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique*“ (1881) и одной болонской коллекціи „*Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne, suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection*“ (Rome, 1885). Вмѣстѣ съ К. Г. Залемагъ В. Р. составилъ *Catalogus librorum monasterii S. Catherinae. Petropoli*, 1891.

Когда В. Р. былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ (1879 г.), онъ напечаталъ въ ея бюллетеняхъ: „*Notiz über eine merkwürdige arabische Handschrift*“ (т. XXVI, 1879) и „*Zur arabischen Literatur-*

geschichte der älteren Zeit. Ibn. Quteiba" (т. XXVII, 1880). Въ Petersb. Zeitung. В. Р. напечаталъ некрологъ акад. Дорна, май 1881. Въ то время, какъ извѣстно, внутренняя жизнь въ Академіи Наукъ приняла довольно острый характеръ, вслѣдствіе чего В. Р. нашелъ необходимымъ, для болѣе спокойнаго занятія своимъ предметомъ, оставить Академію, что и привелъ въ исполненіе въ 1882 году. Но разлука съ Академіей продолжалась недолго, и В. Р. въ 1890 году вторично былъ избранъ на арабскую кафедру и въ настоящее время состоитъ ординарнымъ академикомъ.

В. Р. принималъ дѣятельное участіе въ международномъ предпріятіи, осуществившемся благодаря инициативѣ лейденскаго профессора де-Гуе, по изданію Всемирной исторіи Табари¹⁾ и редактировалъ часть третьяго тома этого изданія. Подъ его же редакціей вышли 2-й томъ трудовъ 3-го международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ, Travaux de la 3-е session du Congrès international des orientalistes à St. Petersburg. Leide, 1879. (Доклады на иностранныхъ языкахъ).

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* В. Р. помѣстилъ: „Замѣтку о лѣтописи Агапія Манбиджскаго“ (1884 г. ч. 241), „Седьмой международный съѣздъ ориенталистовъ въ Вѣнѣ“ (1886, № 1), некрологъ профессора П. П. Минаева, написанный вмѣстѣ съ В. Г. Васильевскимъ (1890 г., кн. июльская) и „О восточномъ факультетѣ и восточныхъ кафедрахъ“ (по поводу статьи В. П. Ламанскаго въ „Живой Старинѣ“) 1891 г., ч. 273.

Въ „Восточныхъ Замѣткахъ“—сборникъ статей и наслѣдованій профессоромъ факультета восточныхъ языковъ, изданный къ столѣтнему юбилею школы живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ (С.-Пб. 1895, 4*)—В. Р. помѣстилъ свой трудъ: „Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-Пама“ (стр. 153—191).

Все, что уже совершилъ В. Р., не пройдетъ безслѣдно для русскаго востоковѣднія. Сѣмена, имъ посѣяныя, долго будутъ приносить плоды въ лицѣ его учениковъ, какъ цѣльная школа, созданная трудами выдающагося педагога и профессора. Пусть же эта школа еще долго развивается и крѣпнеть подъ руководствомъ лица, вызвавшего ее къ жизни.

¹⁾ См. записку барона В. Р. Розена „О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табари“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1876 г., ч. 186, отд. II, стр. 167—172.

Lücke bald nach Anfang des 11. Fragments . . . . ausgefüllt wird“ ¹⁾, а во второмъ такъ: „Die Lücke hat allerdings den gleichen Umfang wie ein Blatt der Escorial-Handschrift, aber sie beginnt und schliesst nicht mit den Anfangs- und Endworten des Blattes“ ²⁾. Первое сообщеніе страдаетъ неточностью ³⁾, а второе помимо неточности — прямо такъ загадочно.

Вполнѣ точныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу были намъ сообщены де Бооромъ лишь по выходѣ въ свѣтъ его второй статьи. Комбинируя это сообщеніе съ тѣмъ, которое мы получали отъ него же нѣсколько раньше, узнаемъ слѣдующее: fol. 307^r эскориальской рукописи начинается словами (р. 13,15 ed. Dind.) διαβιδράσκει τε καὶ διολισθαίνει καὶ δυσάλωτα κέφυκὲ πως. πᾶν γὰρ ἀγαθόν τε καὶ κακὸν τῇ ἀνθρωπίνῃ ταλαντεύεται γνώμῃ и т. д., а fol. 307^v копчается такъ: τίς ἀπάνθρωπος καὶ θηριώδης οὕτω φήσαι. κοινῇ γὰρ πᾶσιν ἀνθρώποις (р. 13,16), откуда совершенно ясно видно, что пропущенное въ *ВМР* мѣсто (τε καὶ κακὸν . . . . . κοινῇ γὰρ) занимало въ эскориальской рукописи *не листъ, а нѣсколько меньше листа*.

Такое расположеніе въ эскориальской рукописи всего, что пропущено въ *ВМР*, дѣлаетъ очевидною правильность заключенія, что эскориальская рукопись *не* является архетипомъ группы *ВМР*; — иными словами, оно вполнѣ подтверждаетъ правильность нашей догадки, сообщенной нами въ *Византійскомъ Временникѣ* 1898, 476, гдѣ мы отдѣлили эскориальскую рукопись отъ группы *ВМР*.

Въ виду того обстоятельства, что, когда мы писали статью, появившуюся затѣмъ въ *Византійскомъ Пременикѣ* 1898 г., съ важнѣйшею рукописью группы *ВМР*, т. е. съ брюссельскою (*B*), мы еще не были знакомы непосредственно и имѣли въ своемъ распоряженіи лишь тѣ коляціи нѣкоторыхъ частей ея, какія сообщаются въ книгѣ Жюстиса ⁴⁾, — мы предпочли воздержаться отъ детального вы-

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 932.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 104.

³⁾ Эта неточность де Боора послужила причиною, почему одно время мы полагали, что рукопись *B* слѣдуетъ признать копіей эскориальской рукописи (*R*). Вскорѣ, однако, мы убѣдились въ совершенной правильности нашего прежняго мнѣнія, что *B*, подобно эскориальской рукописи, списана съ рукописи Агустина (ср. *Визант. Временникъ*, 1898, 476).

⁴⁾ *Anecdota Bruxellensia*, III: Le „Codex Schottanus“ des extraits „do-Legationibus“ par Charles Justice, Gand 1896.

ясненія взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ членовъ вышеупомянутой группы, тѣмъ болѣе, что уже въ то время мы нѣсколько скептически относились къ юстисовскимъ коллаціямъ обѣихъ брюссельскихъ рукописей. По этимъ соображеніямъ мы ограничили сведеніемъ *ВМР* къ одному общему источнику (*v*), въ которомъ видѣли непосредственную копию соответствующаго тома агустиновской рукописи (*κ*).

Непосредственное знакомство съ рукописью *B*, которую мы въ полномъ ея объемѣ сличили въ концѣ 1900 года, во-первыхъ, вполне подтвердило основательность нашихъ сомнѣній въ точности и полнотѣ юстисовскихъ коллацій, во-вторыхъ, дало намъ возможность точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія всѣхъ трехъ членовъ группы *ВМР*. Впервые установивъ фактъ, что рукописи *MP* списаны съ одного и того же утраченнаго кодекса (*x*), мы также впервые констатировали, что этотъ кодексъ (*x*) является непосредственною копіей рукописи *B*. Оба эти результата нашихъ изслѣдованій были сообщены нами де Боору лѣтомъ прошлаго года.

Не станемъ здѣсь приводить доказательства въ пользу перваго положенія, такъ какъ правильность его признана и де Бооромъ ¹⁾. Что же касается втораго положенія, то въ виду того, что оно было игнорировано де Бооромъ, выставившимъ иную гипотезу, считаемъ нелишнимъ вкратцѣ доказать совершенную правильность нашего рѣшенія даннаго вопроса и опровергнуть мнѣніе почтеннаго ученаго, ошибочно утверждающаго, что „es muss vielmehr eine Schwesterhandschrift von *B* als gemeinsame Quelle von *M* und *P* existirt haben“ ²⁾.

Для большей вразумительности нашихъ объясненій находимъ необходимымъ предварительно коснуться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ *B* и эскориальской рукописи (будемъ обозначать ее буквой *R*), а равно и объ отношеніяхъ *BR* къ общему архетипу всѣхъ рукописей извлеченій пері прѣсβεων, т. е. къ пазовскому кодексу (*Π*). *Надо замѣтить, что и эти вопросы рѣшаются де Бооромъ столь же неправильно, какъ и вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей B и MP.*

Въ виду того обстоятельства, что до сихъ поръ еще никѣмъ не дано было полной стеммы всѣхъ рукописей извлеченій пері прѣсβεων Ῥωμαιων προς ἀθνηούς ³⁾, здѣсь мы сообщимъ и

¹⁾ Ср. *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 164.

²⁾ *Ibid.* 164. Курсивъ нашъ.

³⁾ Въ *Византійскомъ Временикѣ*, 1898, 476 и 480, мы намѣренно ограничились

эту полную стемму — тѣмъ болѣе, что она пригодится намъ впоследствии.

I. Извлечения пері прѣсвѣов 'Ρωμαίων πρὸς ἑθνικούς; содержались во второй половинѣ (Π^н) паззовскаго кодекса (Π). Единственною непосредственною копіей этой половины паззовскаго кодекса, по нашему мнѣнію, былъ соответственный (скорѣе третій, чѣмъ первый) томъ (π) трахтомной агустинской рукописи (codd. Augustiniani gr. 142. 143. 144 = codd. Escorialenses III. Г. 1, 2, 3 или, по позднѣйшей сигнатурѣ, IV. Н. 6, 7, 8), которая, по смерти Агустина, поступила въ Эскориальскую библиотечку, гдѣ и спорѣла въ 1671 году вмѣстѣ съ наззовскимъ кодексомъ.

II. Съ этого тома (π = cod. Escorialensis IV. Н. 8) агустинской рукописи были непосредственно списаны, по нашему мнѣнію, слѣдующія рукописи:

1) R — cod. Escorialensis R. III. 14, содержащій извлечения пері прѣсвѣов 'Ρωμαίων πρὸς ἑθνικούς; изъ первыхъ 15 авторовъ, вмѣстѣ съ предисловіемъ (προόμιον);

2) e — начало cod. Escorialensis R. III. 21 (fol. 1—12), гдѣ содержится извлечение изъ послѣдняго (16-го) автора — Теофилакта Симокаттскаго, т. е. тотъ самый конецъ извлеченій пері прѣсвѣов 'Ρωμαίων πρὸς ἑθνικούς, котораго не хватаетъ въ R;

3) V — вторая половина cod. Vaticanus gr. 1418 (pg. 161—489), гдѣ находимъ проόμιον и извлечения изъ первыхъ 11 авторовъ;

4) B — cod. Bruxellensis 11301—16, содержащій всѣ извлечения пері прѣсвѣов 'Ρωμαίων πρὸς ἑθνικούς; вмѣстѣ съ проόμιον; наконецъ —

5) можетъ быть, и T — cod. Parisinus gr. 2463 (olim Thuanens), fol. 110^r — 114^r, гдѣ содержится лишь небольшая часть извлеченій пері прѣсвѣов 'Ρωμαίων πρὸς ἑθνικούς, а именно только проόμιον и извлечения изъ Петра патриція, Георгія монаха, Иоанна Антиохійскаго и Діонисія Галикарнаскаго (до слова τελευτῶντες [XV, 7 p. 216, 32 ed. Kiessl.] включительно). Изученію вариантовъ этой рукописи, весьма любезно присланной для нашихъ занятій въ Юрьевъ дирекціей Парижской Национальной библиотечки, привело насъ къ убѣжденію, что она не была списана ни съ B, ни съ V, ни съ какой-либо копіи этихъ рукописей. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ,

---

вводимъ въ стемму только тѣ рукописи, которыя содержатъ извлечения изъ Проконія.

отмѣчая разрядкой тѣ варианты, которые слѣдуетъ принять въ текстъ взаменъ ошибочной вульгаты:

prooem. p. 4,11 ed. Bonn. ἀθλία σουκιάζεσθαι *TVa*: ἀδειλία σκιάζεσθαι *B(x)MP*

prooem. p. 5,12 σύσσωμον ¹⁾ *TB(x)MP*: σύσσωμον *Va*

Petr. p. 433,25 ed. Dind. ζίνθα *TB(x)MP*: ζίνβα *Va*

Petr. p. 434,2 sq. ἐνδεδοκέναι] ἐνδεδοκέναι *TVa*: ἐνδεδεκέναι *B*, ἐνδεδεικέναι (*x*)*P*, ἐνδεδικέναι *M*

Petr. p. 434,6 ναροσίω *TVa*: θαροσίω *B(x)MP*

Georg. p. 675,6 ed. Mur. κατακόρως *T'* (и, вѣроятно, *Va*): κατακόρως *B(x)MP*

Ioann. Antioch. ²⁾ ὅτι δὴ πρεσβευτὰς σφῶν . . . περιόβρισαν — здѣсь *TVa* даютъ правильное чтеніе δὴ, тогда какъ въ *B(x)MP* читается δεῖ.

Dionys. Halic. XV, 4 p. 214,31 sq. ed. Kieasl. ἡ δὲ βουλή τῶν Ῥωμαίων . . . πρέσβεις ἐψηφίσατο πρὸς τοὺς Νεαπολίτας ἀποστείλαι — такъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ съ рукописью *T*, вопль подтверждающею эмендацию Кисслинга ³⁾, — вмѣсто вульгаты <γνώμη> ἐποίησατο πρέσβεις κтл.; въ *B(x)MP* вмѣсто ἐψηφίσατο читается ἐποίησατο (ἐποίησαντο *B* pg.), а въ *V* слова πρέσβεις ἐψηφίσατο πρὸς τοὺς Νεαπολίτας пропущены, что и побудило Орсини замѣнить рукописное ἀποστείλαι конъектурой ἀπέστειλε.

Фактъ независимости рукописи *T* отъ *BV* и ихъ копій, естественно, приводить насъ къ заключенію, что въ *T* мы имѣемъ непосредственную копию либо π, либо *R*, такъ какъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать, что эта рукопись (*T*) была подобно π списана съ пазовскаго кодекса ⁴⁾. Вопросъ о томъ, какая именно изъ рукописей π*R* послужила оригиналомъ для *T*, оказывается не лишненнымъ практическаго значенія, такъ какъ отъ того или иного его рѣшенія зависитъ признаніе рукописи *T* или имѣющею значеніе для критики текста извлеченій περὶ πρέσβων, или же лишенною таковаго

¹⁾ Въ болонскомъ изданіи опечатка—σύσσωμον.

²⁾ Ср. *Justice*, Anecd. Bruxellensia, III, 32.

³⁾ См. его Adnot. crit. (vol. IV, p. XXIX). Полагаемъ, что въ *R* читается тоже πρέσβεις ἐψηφίσατο.

⁴⁾ Кстати замѣтимъ, что весь cod. Parisinus gr. 2463 писанъ не самимъ Дармариемъ, какъ это утверждаетъ Омонъ въ своемъ каталогѣ (*Inventaire sommaire*, II, 266), но однимъ изъ его помощниковъ, — если не ошибаемся, тѣмъ же самымъ, который писалъ *B* и большую часть ватикано-палатинскихъ рукописей извлеченій περὶ πρέσβων (codd. Vaticani Palatini gr. 410—413).

значенія: если она списана съ π, то имѣеть значеніе наравнѣ съ *ReBV*; если же съ *R*, то не имѣеть вовсе. Не располагая соотвѣтственными колляциями *R*, мы не можемъ дать вполне опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей *T* и *R*, а потому ограничиваемся вышеуказанною альтернативой. Единственнымъ обладателемъ колляцій *R* является де Бооръ, но онъ почему-то совсѣмъ не упоминаетъ о *T*, хотя не только знаетъ о существованіи этой рукописи, но, повидимому, имѣеть и ея колляціи ¹⁾. Мы лично предпочитаемъ видѣть въ *T* копию именно агустиновской рукописи (π), — иными словами, условно признаемъ *T* имѣющею значеніе для критики текста наравнѣ съ *ReBV*.

III. Съ *V* списана ²⁾, по нашему мнѣнію, миланская рукопись —

a — *cod. Ambrosianus G 72 inf., fol. 7^r—10^r*, гдѣ находимъ проѣмовъ и извлеченія изъ Петра патриція, Георгія монаха и Иоанна Антиохійскаго, за которыми слѣдуетъ (fol. 11—22) обзоръ остальнаго содержанія *V*, причемъ приводятся начальныя слова отрывковъ.

IV. Съ *B* списаны, по нашему мнѣнію, три рукописи: *b*, *c* и *x* (=θ).

1) *b* — *cod. Bruxellensis 8761, fol. 27—40*, гдѣ находятся извлеченія *περί κρέσεων Παράίων πρός εὐσεβίου* изъ Теофилакта Симокаттскаго. Съ этою брюссельскою рукописью, содержащею: 1) fol. 1—26, Фотія *Biblioth. cod. 65* (обзоръ содержанія „Исторіи“ Теофилакта), 2) fol. 27—40, извлеченія *περί κρέσεων Παράίων* изъ Теофилакта и 3) fol. 41—66, извлеченія *περί κρέσεων εὐσεβίου* изъ того же автора, — мы не имѣли случая ознакомиться непосредственно и знаемъ ее лишь по описанію Омона ³⁾ и Жюстиса ⁴⁾, но и жюстисовскаго описанія достаточно для того, чтобы признать ее копіей трехъ шоттовскихъ рукописей. Дѣло въ томъ, что, по сообщенію бельгійскаго ученаго ⁵⁾, на полѣ перваго листа этой рукописи находится слѣдующая приписка: „*Exemplar hoc ab Andrea Schotto ex Hispaniis missum ad Fr. Sylburgium a Sylburgio collatum cum ms. codice Iulii Pacii I. C. claris-*

¹⁾ Заключать *ex silentio* де Боора, что онъ признаетъ *T* копіей *R*, было бы, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

²⁾ Ср. варианты, указанныя выше (п. II; 5).

³⁾ *H. Omont, Catalogue des mss. grecs de la Bibliothèque royale de Bruxelles, n. 96 (Revue de l'instruction publique en Belgique, XXVIII, Gand 1885, 12).*

⁴⁾ *Justice, Anecd. Bruxell. III, 23.*

⁵⁾ *Justice, l. c. 23, adn. 5.*

sini" ¹⁾). Отсюда весьма естественно заключить, что все, что содержится в этой рукописи, является выписками из соответствующих рукописей Шотта, а именно, что первая часть выписана из той рукописи, по которой Шоттомъ издана Photii bibliotheca graeco-latina (Parisii 1611), вторая часть (b) списана съ B, а третья — съ cod. Bruxelensis 11317—21, и этотъ выводъ находить для себя красноречивое подтвержденіе въ одномъ письмѣ Шотта къ Юсту Липсіусу отъ 3 марта 1593 года, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Graeca, quae multa in Hispania non otiosus collegeram, post naufragium illud Senecae et Antonini, in Gallico tumultu, cum amicis, eruditus hominibus, libenter communicavi, ne et illae schidae mihi funditus perirent, damno publico, fortasse: in his *Heliodori Αἰθιοπικά*, περί κρῶσεων volumina duo, ex quibus *Fulvius Polybii ἀποκλαμάτια* ediderat: aliaque: nec enim vacat recensere omnia" ²⁾).

2) с — (утраченный) cod. Casaubonianus, содержащій извлеченія περί κρῶσεων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικοῦς только изъ Полибія. Полагаемъ, что за присылку именно этой рукописи Казобонъ и благодарить Шотта въ томъ мѣстѣ своего письма къ нему отъ 17-го ноября 1602 года, которое совершенно превратно было истолковано Шульце. „De fragmentis Polybii“, говоритъ въ этомъ письмѣ Казобонъ, „etsi jam antè à Francisco Pithoco illa acceperam, immortales tamen tibi et habeo et ago gratias" ³⁾). Отсюда Шульце выводитъ заключеніе, что отъ Франсуа Питу (Pithou) и отъ Шотта Казобономъ были получены рукописи извлеченій περί κρῶσεων ⁴⁾, причемъ подъ шоттовскими „fragmenta Polybii“ онъ, очевидно, подразумѣваетъ оба тома шоттовскаго кодекса извлеченій περί κρῶσεων ⁵⁾).

¹⁾ Объ этомъ „Julius Pacius I(uris) C(onsultus) clarissimus“ (Джулио Пачо де Берга) и его рукописяхъ извлеченій περί κρῶσεων (codd. Vaticani Palatini gr. 410—413) см. наши замѣчанія въ *Византийскомъ Временикѣ*, 1901, 506—509. Объ ошибкѣ Жюстуса (I. с.), который склоненъ видѣть въ этомъ Pacius Павза де Кастро, см. тамъ же, 492.

²⁾ *Sylloges epistolarum a viris illustribus scriptarum* (coll. et digest. per Petrum Burmannum) tom. 1, Leidae 1724, 98 сл. — Разрядка въ приведенной выпискѣ принадлежитъ намъ.

³⁾ *Iacaci Casauboni epistolae* curante Th. Janson. ab Ameloveen, Roterodami 1709, epist. CCCXII, p. 165 col. 2.

⁴⁾ *E. Schulze*, De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnae 1866, 26: „Nino vix possumus non colligere legationum excerpta libris mss. comprehensa eum et a Pithoco et a Schotto acceperisse“, и далѣе (p. 26—28).

⁵⁾ Не останавливаясь на дальнѣйшей ошибкѣ Шульце (p. 28 сл.), состоящей

Такое толкованіе казобоновскаго письма оказывается однако *вдвойню ошибочнымъ*. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что типетно разысканнѣе какъ самимъ Шульце ¹⁾ такъ и Буассеваномъ ²⁾ codex Pithoeanus Константиновскихъ извлеченій *περί πρέσβων*, въ существованіе котораго, положившись на Шульце, вѣрилъ Гро ³⁾, вѣрятъ Буассеванъ и Жюстинъ ⁴⁾, а прежде вѣрили и мы ⁵⁾, — по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается просто плодомъ недоразумѣнія Шульце: дѣло въ томъ, что та рукопись Питу, о которой упоминаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ Казобонъ, содержала вовсе не Константиновскія извлеченія *περί πρέσβων*, но такъ называемыя „*Excerpta antiqua*“ изъ Полибія, какъ это совершенно ясно видно изъ предисловія Казобона къ его полибіевскому изданію (Parisii 1609), гдѣ говорится слѣдующее ⁶⁾: „In secunda Parte [т. е. съ *Excerpta antiqua* ⁷⁾] usi sumus libro ms. Regiae Bibliothecae non admodum bonae notae ⁸⁾. Item vetustissimis membranis, Epitomen conti-

въ томъ, что, еще не зная о существованіи codd. Bruxellenses 11301 -- 16 (*Z*) и 11317—21 (эти рукописи, такъ сказать, вышли изъ-подъ спуда лишь въ 1885 году— благодаря описанію Омона) и къ тому же вѣроятно ознакомившись съ каталогомъ греческихъ рукописей Агустина, онъ отождествилъ двухтомный шоттовскій кодексъ извлеченій *περί πρέσβων* съ (трехтомнымъ) агустиновскимъ. За подробностями по поводу этого заблужденія Шульце, опровергнутаго уже Шарлемъ Гро (*Ch. Groz,* *Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial*, Paris 1880, 95, adn. 4), отсылаемъ къ нашей статьѣ въ *Визант. Временникъ*, 1898, 455, прим. 2. — Мпмоходомъ отпѣтамъ не менѣе ошибочную догадку де Нольака: „J'imagine, pour ma part, que ce Schottanus pourrait être tout simplement l'exemplaire qu'Orsini prépara pour l'impression et qu'il envoya à Plantin“ (*Pierre de Nolhac*. *La bibliothèque de Fulvio Orsini*, Paris 1887, 48, adn. 1).

¹⁾ Ср. *Schulze*, I. с. 50, adn. 1.

²⁾ *Cass. Dio* ed. *Vrs. Ph. Boissvain*, vol. I, Berol. 1895, praefat. p. XXV, adn. 2.

³⁾ *Groz* I. с. 97, adn. 1.

⁴⁾ *Boissvain* I. с., *Justice*, Anecd. Bruxell. III, 23 (съ оговоркой: „s'ils [т. е. рукописи Питу и де Ту] ne sont pas identiques à l'un ou l'autre des précédents — ce qui paraît difficile“).

⁵⁾ *Визант. Временникъ*, 1898, 465 и 480.

⁶⁾ Цитуюмъ по мышискѣ, сдѣланной Швайгхѣйзеромъ (*Polyb.* vol. I, Lips. 1789, p. XX).

⁷⁾ Не мѣшаетъ пояснить, что казобоновское изданіе Полибія состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая содержитъ I—V книги „Исторіи“ Полибія, вторая *Excerpta antiqua* и третья — извлеченія *περί πρέσβων* изъ Полибія.

⁸⁾ Швайгхѣйзеръ (*Polyb.* vol. II, p. X) считаетъ эту рукопись тождественною либо съ cod. Parisinus gr. 1850 (*Trichet Du Fresne*.-Reg. 2544), либо съ Parisinus gr. 1651 (*Duru*.-Reg. 2545), а по нашему мнѣнію ее слѣдуетъ отождествить скорѣе съ cod.

mentibus librorum XVII primorum, e bibliotheca Seren. Principis, Urbini Ducis ¹⁾. Suggestit et V. Cl. atque doctiss. Franciscus Pithoeus exemplar hujus partis ms. quod deprehendimus esse illud ipsum, unde Basileensis editio fuerat desumpta ²⁾. Accessit postea aliud e libraria viri ampl. Io. Iacobi Memmii ³⁾. His duobus simile est tertium, quod nuper edito jam Polybio suggestit ultro e ditissima sua bibliotheca Ill. Card. D. Joyeusius, Rothomagensis Archiepiscopus ⁴⁾.

Ошибочность второго предположения Шульце явствует из дальнейших сообщений Казобона в том же предисловии. „In tertia parte“, говорит последний, „multa emendavimus nec pauca supplementum e codice ms. *Περὶ κρῶσειων* viri eruditissimi Andreae Schotti: qui etiam fragmenta quaedam e Theodosii Parvi Excerptis descripta ad nos misit; quae tamen vulgata prius fuerant, verum aliis locis; quaedam etiam in II. parte“ ⁵⁾. Эти „fragmenta quaedam e Theodosii Parvi Excerptis descripta“, — отождествляемые нами с теми „fragmenta Polybii“, за присылку которых Казобонъ благодаритъ Шотта в вышеприведенномъ письмѣ отъ 17-го ноября 1602 года, — здѣсь совершенно опредѣленно противопоставляются шоттовскому „codex ms. *Περὶ κρῶσειων*“. Правда, в послѣднемъ мы склонны видѣть не оба тома шоттовскаго кодекса извлеченій, но лишь второй ея томъ, т. е. cod. Bruxellensis 11317—21 (извлеченія *περὶ κρῶσειων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*), тѣмъ же менѣе отождествить противопоставляемая этой рукописи вышеупомянутыя „fragmenta quaedam“ съ первымъ томомъ (B) шоттовскаго кодекса было бы невозможно уже потому, что эти „fragmenta quaedam“, какъ выражается Казобонъ, *выписаны (descripta)* изъ „извлеченій

Parisinus gr. 2967 (Fonteb.-Reg. 2662), такъ какъ изъ отъязъ трехъ рукописей только послѣдняя находилась в 1609 году в королевской (нынѣ Национальной) библиотекѣ, а обѣ первыя поступили туда лишь во второй половинѣ XVII вѣка (ср. *Omont, Inventaire sommaire, Introduction*, p. XV).

¹⁾ Это, какъ извѣстно, — cod. Vaticanus Urbinas 102.

²⁾ Этотъ cod. Pithoeanus, очевидно, содержалъ напечатанія изъ тѣхъ же самыхъ книгъ (VII—XVII) Полибия, что и рукопись, положенная въ основу базельскаго изданія (1549 г.), но вовсе не была тождественна съ этою (утраченною) рукописью (cod. Mendosianus n. 328 = Escorialensis VI. B. 6), о которой см. *Graux, Essai*, 177 сл. 240. 258 сл. и *Schweighaeuser* l. c. vol. II, p. XII.

³⁾ Это — cod. Bodleianus Seldenianus gr. 23, ср. *H. O. Coxe, Catal. codd. mss. bibl. Bodleianae pars I*, Oxon. 1853, col. 598.

⁴⁾ Это — cod. Bodleianus Seldenianus gr. 21, fol. 33—185, ср. *Coxe* l. c. col. 597.

⁵⁾ Цитуюсь (здѣсь и ниже) по выпискѣ изъ казобоновскаго изданія, любезно сдѣланной для насъ С. А. Жебелевымъ.

Феоdosія Малаго“, а такъ какъ въ рукописи *B* непосредственно надъ заглавіемъ (fol. 2^r) находится приписка: ὁ ἐρατῖστας τὸ παρὸν Θεοδοσῖος ἐστὶν ὁ μικρὸς“, повидимому, сдѣланная самимъ Шоттомъ, то отсюда съ полною увѣренностью можно заключить, что рукопись *c* была списана именно съ *B*. Остается замѣтить, что Шульце, не будучи знакомъ съ брусельскими рукописями, ошибочно утверждалъ, что вышеупомянутыя „*fragmenta quaedam*“ тождественны съ тѣмъ томомъ шоттовской рукописи, который содержалъ извлеченія περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους ¹⁾.

3) *x* — та (утраченная) рукопись, которая послужила общимъ источникомъ для рукописей *MP*. Доказательства въ пользу нашего мнѣнія, что *x* является непосредственною копіею именно рукописи *B*, читатели найдутъ ниже, а здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу нѣсколько иного вопроса. Мы находимъ не только возможнымъ, но и въ высокой степени вѣроятнымъ предположеніе, что рукопись *x* слѣдуетъ отождествить съ тою (тоже утраченною, по нашему мнѣнію) рукописью Жака Огюста де Ту, о которой упоминаетъ Казобонъ въ своемъ предисловіи къ изданію Полибія, выражаясь слѣдующимъ образомъ: „Eorumpse [т. е. тоже „Theodosii Parisi“] Excerptorum totum primum inuenimus in splendidissima librorum supellectile Viri genere illustris, dignitate amplissimi, virtute, doctrina et sapientia maximi Iacobi Augusti Thuani, in suprema Regni Curia praesidis. Certe in prima fronte eius libri erant haec verba, etsi diversae manus, Ὁ ἐρατῖστας τὸ παρὸν, Θεοδοσῖος ἐστὶν ὁ μικρὸς. De quo plura in Commentariis ²⁾“. Эту рукопись мы будемъ обозначать буквой *θ*.

Ниссенъ высказалъ предположеніе (съ оговоркой „wie es scheint“), что эта рукопись содержала извлеченія περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους ³⁾, но съ этою догадкою, въ пользу которой Ниссеномъ не было приведено ни одного доказательства, мы не можемъ согласиться, — напротивъ, намъ кажется даже не подлежащимъ сомнѣнію, что въ *θ* содержались извлеченія περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοῦς. Въ этомъ убѣждаетъ насъ главнымъ образомъ присутствіе въ *θ* той же самой, что и въ *B*, приписки „ὁ ἐρατῖστας τὸ παρὸν Θεοδοσῖος

¹⁾ *Schulze* l. c. 28.

²⁾ Этихъ комментариевъ Казобонъ, какъ извѣстно, не успѣлъ написать.

³⁾ *H. Nissen*, *Krit. Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius*, Berlin 1863, 313.

ἐστὶν ὁ μικρὸς“, а равно и пометка „τόμος πρῶτος“ ¹⁾, переданная Казобонамъ въ латинскомъ переводѣ („*tomus primus*“); по поводу этой пометки не мѣшаетъ напомнить, что и *B* тоже является *первымъ* томомъ шоттовскаго кодекса, какъ показываетъ пометка „τόμος β“²⁾, находящаяся въ другомъ томѣ того же кодекса, т. е. въ cod. Bruxel-lensis 11317—21. Ограничиваемся приведеніемъ только этихъ доказательствъ, такъ какъ считаемъ ихъ достаточно убѣдительными.

Буассеванъ ³⁾ отождествляетъ Θ съ *T* (cod. Parisinus gr. 2463), причѣмъ приводитъ только одинъ — ровно ничего не доказывающій въ данномъ отношеніи — аргументъ: „*Nomen veteris possessoris adhuc in fronte legitur: I. A. de Thou*“ ⁴⁾. Нетрудно, однако, доказать ошибочность такого отождествленія ⁵⁾: для этого достаточно сослаться, во-первыхъ, на отсутствіе въ *T* приписки „ὁ ἐραίσας τὸ παρὸν Θεοδοσιος ἐστὶν ὁ μικρὸς“ и пометки „τόμος πρῶτος“, характеризующихъ рукопись Θ; во-вторыхъ, — на то, что слова Казобона „*eximpres Excerptorum totum primus invenimus*“ вовсе не подходятъ къ тѣмъ *четыремъ* съ *половиной* листамъ (fol. 110^v—114^v), на которыхъ содержатся извлеченія *περὶ πράξεων* въ *T* ⁶⁾; предположить, что въ *T* мы имѣемъ случайно уцѣлѣвшее начало полной рукописи Θ тоже нельзя, такъ какъ въ *T* текстъ извлеченій кончается на *лицевой* сторонѣ (fol. 114^r) и слѣдующія затѣмъ страницы оставлены пустыми.

Принимая все это во вниманіе, а также не находя возможнымъ допустить предположеніе, что Казобонъ просто смѣшалъ рукописи *T* съ *B* ⁷⁾, мы не колеблемся признать не подлежащимъ сомнѣнію, что

¹⁾ Въ самой рукописи, вѣроятно, было написано τόμος α.

²⁾ Cass. Dio, vol. I, page 47, adn. 2.

³⁾ Это сообщеніе Буассевана, основанное на ошибочно понятой имъ запискѣ Омона (*Invent. sommaire*, II, 266), — оказывается не совсемъ точнымъ: въ *T* (fol. 1^v) написано *Jac. Aug. Thuan*.

⁴⁾ Прежде (*Визант. Временникъ*, 1898, 465, прил. 6) имъ считали это мнѣніе Буассевана правильнымъ, — исходя изъ предположенія, что Буассеванъ, между прочимъ, нашолъ въ *T* и приписку о „*Θεοδοσίῳ Маломъ*“, а равно и пометку *τόμος πρῶτος*, — но болѣе точныя свѣдѣнія о содержаніи *T*, которыми имъ обязали любезности профессора Амедѣя Оветта (*M. Amédée Hauvette*), заставили насъ отвергнуть мнѣніе Буассевана (ср. *Визант. Временникъ*, 1901, 495, прил. 3).

⁵⁾ Буассеванъ (l. c.) говоритъ о „*14 листахъ*“, — не зная, что fol. 114^v—122^v оставлены пустыми, а къ тому же ошибаясь въ счетѣ листовъ.

⁶⁾ Поводомъ къ такому предположенію могъ бы послужить тотъ фактъ, что въ *B*

въ библиотекѣ Жака Огюста де Ту кромѣ неполной рукописи извлеченій περί πρόφρων Ῥωμαίων πρὸς ἰδιαιούς, сохранившейся до нашего времени (T), нѣкогда имѣлась также и полная (Θ). Косвеннымъ подтвержденіемъ правильности этого нашего вывода является несомнѣнный фактъ существованія рукописи x, которая послужила общимъ источникомъ для M и P и которую всего естественнѣе, какъ покажемъ ниже, отождествить именно съ Θ. Тутъ же упомянемъ, что нашего вывода ничуть не колеблетъ то засвидѣтельствованное Швейгхейзеромъ и Шульце обстоятельство, что въ обоихъ изданіяхъ „Catalogus bibliothecae Thuanae“ вовсе не значится рукописей извлеченій περί πρόφρων ¹⁾: кому извѣстно, какою небрежностью и неполнотою сообщеній отличается громадное большинство старинныхъ каталоговъ, тотъ пойметъ, что было бы крайне рискованно заключать, что въ библиотекѣ де Ту рукописи Θ не было, — изъ того, что въ старинномъ каталогѣ этой библиотеки такой рукописи не упоминается. Чтобы наши разсужденія не показались голословными, приведемъ два любопытныхъ примѣра. Въ томъ же самомъ „Catalogus bibliothecae Thuanae“, судя по вышеприведеннымъ отзывамъ Швейгхейзера и Шульце, не значится и рукописи T, а между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она входила въ составъ библиотеки де Ту ²⁾. Еще болѣе яркою иллюстраціей небрежности старинныхъ каталогизаторовъ является пропускъ, несомнѣнно, принадлежавшихъ Шотту рукописей извлеченій περί πρόφρων (два тома) и Геліодора

(перевѣтъ толкъ шоттовскаго кодекса) приписка ὁ ἱρακίνας τὸ παρὼν θεοβόλος ἰστὶν ὁ μακρὸς“ такъ же, какъ въ Θ, находится „in fronte“ и сдѣлана тоже „diverga manu“.

¹⁾ Schweighauser, Polyb. vol. II, p. XXIII (онъ пользовался нарижскимъ изданіемъ 1670 года); Schutze, l. c. 50, adn. 1 (онъ пользовался изданіемъ Конелля, Laueburgi ad Albim 1704). Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изданіемъ этого каталога мы, къ сожалѣнію, не могли ознакомиться. Мимоходомъ замѣтимъ, что на аккуратность Шульце не всегда можно полагаться: такъ, напримеръ, онъ утверждаетъ, что въ августиновскомъ каталогѣ греческихъ рукописей „excerptorum [περί πρόφρων] mentio fiat nulla“ (p. 29), тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, тамъ довольно подробно описывается подъ nn. 142—144 трехтомная рукопись „Iohannis Constantinopolitani de legationibus gentium ad Romanos. selecta ex historiis Petri Patricii et magistri, Georgii monachi“ и проч. (Augustini Opera omnia, VII, 48).

²⁾ Этотъ пропускъ всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что авторъ каталога, описывая данную рукопись (n. 188 = cod. Parisinus gr. 2163), ограничился указаніемъ только перваго автора, который въ ней содержится, т. е. Макулла Вривива Harmonica (fol. 2—107).

Αἰθιοπικά ¹⁾ — въ старинномъ каталогѣ шоттовскихъ рукописей ²⁾, который напечатанъ Омономъ въ приложеніи къ его каталогу греческихъ брусельскихъ рукописей.

Отожествленію x съ Θ мы находимъ весьма вѣроятнымъ потому, что кромѣ Θ , которая, судя по описанію Казобона, являлась дѣлымъ томомъ извлеченій περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνη, изъ другихъ извѣстныхъ намъ утраченныхъ полныхъ рукописей этихъ извлеченій (Π'' и π), ни одной нельзя отождествить съ x . Правда, приписки „ὁ ἀρχικός τὸ παρὸν θεοδόσιος ἐστὶν ὁ μικρός“, характеризующей рукопись Θ , нѣтъ ни въ M , ни въ P , списанныхъ съ x , но этотъ фактъ вовсе не является аргументомъ противъ отождествленія x съ Θ уже потому, что ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что въ Θ ($=x$) эта приписка была сдѣлана лишь впоследствии, т. е. послѣ того, какъ MP были списаны съ Θ .

Куда дѣвалась Θ , неизвѣстно. Въ извлеченіи изъ одного стариннаго каталога туринскихъ рукописей, которое сообщаетъ Монфозонъ, между прочимъ, упоминается слѣдующая, довольно загадочная, рукопись: „*Theodosii Imp. fragmenta in—4°. graec.*“ ³⁾. Зная, что и рукопись x ($=\Theta$) имѣла форматъ *in quarto*, а равно принимая во вниманіе приписку Θ о „*Theodosii Malesm*“, мы находимъ не невозможнымъ отождествить эту загадочную туринскую рукопись съ Θ ($=x$). Впрочемъ, къ сожалѣнію, и этой туринской рукописи, повидимому, не суждено было сохраниться до нашего времени: по крайней мѣрѣ, о ней не упоминаютъ ни Паззини ⁴⁾, ни Зуретти ⁵⁾.

V. Наконецъ съ x ($=\Theta$) были списаны MP , т. е. *cod. Monacensis gr. 267* и *cod. Vaticanus Palatinus gr. 413*, о чемъ мы уже упоминали выше.

Главные результаты нашихъ изслѣдованій въ области данного вопроса можно графически изобразить посредствомъ слѣдующей стеммы:

¹⁾ Ср. вышеприведенную выписку изъ письма Шотта къ Юсту Линциусу.

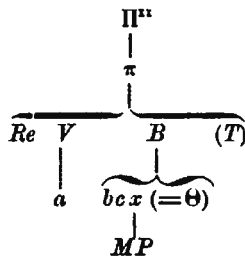
²⁾ „*Codices Graeci manuscripti apud Andream Schottum S. J. Antwerp.*“ (*Revue de l'instr. publique en Belgique*, XXVIII, 1885, 89. 168—170).

³⁾ *B. de Montfaucon, Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova, Parisiis 1739*, II, 1402, B, col. 1.

⁴⁾ *Jos. Pasinus, Codices mss. bibliothecae regii Taurinensis Athenaei, vol. 1, Taurini 1749.*

⁵⁾ *C. O. Zuretti, Indice dei mss. greci Torinesi non contenuti nel catalogo del Pasini — въ Studi italiani di filol. class., IV, Firenze-Roma 1896, 201—223.*

Что же касается *де Боора*, то результаты его исследований в области того же вопроса могут быть изображены посредством такой стеммы:

причем нельзя не отметить того характерного обстоятельства, что *де Бооръ*, без всякаго колебания признавая *R* непосредственною копией пазовскаго кодекса (Π^{π}), в то же время оказывается не столько уверенным в томъ, что и августиновская рукопись (π) непосредственно списана с этого же кодекса ¹⁾.

Нетрудно, однако, доказать, что предположеніе *де Боора*, будто *R* является непосредственною и притомъ даже самою раннею копией пазовскаго кодекса ²⁾, — оказывается *двойной ошибочнымъ* ³⁾. Дѣло въ томъ, что, какъ это совершенно опредѣленно засвидѣтельствовано самимъ писцомъ (Дармаріемъ) въ — очень хорошо извѣстной и *де Боору* — *subscriptio*, рукопись *R* писана въ *Мадридѣ* ⁴⁾: ὅτι ἀν-

¹⁾ Ср. *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 164: „Hier muss also eine zweite unabhängige Copie des verbrannten Originals existirt haben, vielleicht die Handschrift des Augustinus“ (курсивъ нашъ).

²⁾ *Ibid.* 151. 164.

³⁾ Эта двойная ошибка *де Боора* влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ заблужденій, съ которыми читатель ознакомится ниже.

⁴⁾ Этотъ важный фактъ былъ нами подчеркнутъ въ *Византийскомъ Времени*

δρέου δαρμαρίου υιού γεωργίου τοῦ ἐπιδουρίου εἴληψε τέρμα σὺν θεῷ ἐν τῷ ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνοσάρχου οἰκονομίας τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ἀφοδ', ἰουνίου κζ', ἐν μαδριλλίφ. — тогда какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что паззовскiй кодексъ (Π) уже съ конца 1572-го или съ начала 1573 года все время находился въ Эскориальской библиотекѣ ¹⁾, гдѣ съ него въ 1574 году и были списаны обѣ непосредственныхъ копiи, т. е. cod. Ambrosianus N 135 sup. (ср. его subscriptio: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδουρίου υιού γεωργίου εἴληψε σὺν θεῷ τέλος, ἐν τῷ ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνοσάρχου οἰκονομίας τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ἀφοδ', αὐγούστου κδ' ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου λαυραγτίου τοῦ σκουριαλίου, ὑπὸ (sic) τῆς βασιλικῆς βιβλιοθήκῃς βασιλέως ἰσπανῶν αὐτοκράτορος κυρίου φιλιππου) и вышеупомянутая августиновская рукопись (π) извлеченiй περὶ πρέσβων Ῥωμῶν πρὸς ἐθνικούς ²⁾.

мыкъ, 1898, 477 и слѣд., чтò усугубляетъ странность ошибки почтеннаго ученаго, уже упомятаго ознакомиться съ содержанiемъ вышеупомянутой статьи.

¹⁾ Ср. Ch. Graux, Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial, Paris 1880, 147.—Въ началѣ 1573 года королевскiй секретарь Грасiанъ доставлялъ возможность Августину ознакомиться съ каталогомъ греческихъ рукописей Эскориальской библиотекы (ср. письмо Августина къ Херонимо де Зурита отъ 12 февраля 1573 года: „Antonio Gracian. el qual me ha hecho gozar del indice de los libros Griegos de mano que ay en san Lorenzo“, — Ant. Augustini Opera omnia, VII, Lucae 1772, 206 col. 2); осенью того же года Августинъ получалъ отъ короля разрѣшенiе пользоваться эскориальскими рукописями (ср. письмо Августина отъ 12 октября, l. c. 204 col. 1: „Gracian me escribe, que su Magestad le dá licencia que se copie para mi los libros que pido, y que el querria que no los copiasse Andres Darmar, sino Nicolas de la Torre;..... V. M. me la haga en solicitarlo: los libros principales que deseo, son, el libro septimo, y principio del octavo de los Basilicos, y del [читай el] libro de Legationibus, que era de Joan Paez“ и проч.), и вотъ уже въ началѣ 1574 года мы видимъ Дармарiа въ Эскориальской библиотекѣ списывающими рукопись для Августина, ср. subscriptioes въ cod. Vaticanus gr. 1187: ἀφοδ', μαρτίφ δ', εἴληψε τέρμα σὺν θεῷ ἡ παροῦσα βιβλος τῶν πρακτικῶν κοσταντινουπόλεως καὶ ἑτερα συναθροισματα, ὑπὸ ἀνδρίου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδουρίου, υιού γεωργίου, ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου λαυραγτίου τοῦ ἐν τῷ [σκου]ρια[λ]ίφ, ἀπὸ τῆς βασιλικῆς βιβλιοθήκῃς, θαπάνη καὶ ἀναλώματι τῷ θεοφλεστάτφ ἐπισκόφφ κυρίφ ἀντωνίφ τῷ αὐγούστίνφ ἐπισκόφφ λέρδου (ср. Graux l. c. 303, adn. 2), и въ cod. Escorialensis Ω—IV—21: ὑπὸ τοῦ ἀνδρίου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδουρίου, υιού γεωργίου, εἴληψε τέρμα σὺν θεῷ ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου λαυραγτίου τοῦ σκουριαλίου, ἐκ τῆς βασιλικῆς βιβλιοθήκῃς, θαπάνη καὶ ἀναλώματι τοῦ θεοφλεστάτου ἐπισκόπου κυρίου ἀντωνίου αὐγούστίνου, ἐπισκόπου λέρδου ἐν τῷ ἔτει ἀφοδ', μαρτίφ λ' (Graux, l. c. 300).

²⁾ Ср. замѣтку Августина въ его описанiи рукописей nn. 142. 143. 144: „Volumina tria descripta, ut dicitur in extremo libro, ex bibliotheca regia sancti Laurentii M. D. LXXIV, in charta forma quadrati“ (Ant. Augustini Opera omnia, VII, 48).

Такъ какъ было бы, по меньшей мѣрѣ, наивно предполагать, что хотя бы по ходатайству самого Агустина паэзовскій кодексъ (II) былъ ради Дармарія пересланъ въ Мадридъ изъ Эскориальской библіотеки, находившейся къ тому же въ столь близкомъ разстояніи отъ Мадрида (всего 48 километровъ), и такъ какъ, съ другой стороны, едва ли Дармарій отличался столь острымъ зрѣніемъ, чтобы имѣть возможность, сидя въ Мадридѣ, списать рукопись *R* непосредственно съ паэзовскаго кодекса, все время находившагося въ Эскориаль, т. е., иными словами, на разстояніи сорока пяти верстъ отъ Дармарія ¹⁾,— то ясно какъ день, что де Боору волей неволей придется признать безусловную ошибочность своего мнѣнія и применить къ нашей „гипотезѣ“, которая сообщена была нами уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ²⁾ и — несмотря на всю ограниченность тогдашнихъ нашихъ свѣдѣній не только объ эскориальскихъ рукописяхъ, но и о брюссельской (*B*), также весьма важной для рѣшенія даннаго вопроса, — все же оказывается, какъ видимъ, построенной на несравненно болѣе солидномъ фундаментѣ, нежели мнѣніе почтеннаго ученаго, который находится въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, располагая полными пряткомъ и собственными коллаціями всѣхъ рукописей извлеченій *пері краіσεων*.

Итакъ, дѣйствуя на исполнѣ законномъ основаніи, сгоняемъ рукопись *R* съ вовсе не подобающаго ей мѣста, отведеннаго ей въ де-Боровской стеммѣ, и водворяемъ ее на то, которое указано ей въ нашей. А что въ нашей стеммѣ этой рукописи отведено мѣсто совершенно правильно, это явствуетъ изъ того обстоятельства, что больше дѣваться ей рѣшительно некуда: не говоря уже о *T*, — ни съ *V*, ни съ какого-либо члена группы *VxMP* рукопись *R* не могла быть списана уже потому, что *V* содержитъ извлеченія только изъ 11 авторовъ и кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывается менѣе исправною, нежели *R* ³⁾; что же касается группы *VxMP*, то незави-

¹⁾ Полагаемъ, что при такихъ условіяхъ и *телескопы* врядъ ли могли бы помочь Дармарію; впрочемъ лучше „оставимъ астрономамъ доказывать“ возможность или невозможность списыванія рукописей при помощи телескоповъ.

²⁾ *Византійскій Временникъ*, 1898, 470.

³⁾ Достаточно указать для примѣра пропускъ въ *V* цѣлой фразы *οὐκ ἔφοντο δὲ τὸν τοῦ δ' ὑπερχειριστάωντας καὶ διὰ τῶν κοινῶν κρημάτων ἰδίαν χάριν ἀποτιθέμενους* κατὰ Ῥωμαίους (Polyb. p. 1173, 15—17 ed. Hultsch), находящейся какъ въ *R*, такъ и въ *VMP*. Ср. кромѣ того такіа характерныя ошибки *V* какъ *ταραχὰς* вмѣсто *κραταύτας*; (Polyb. p. 1349, 17) и *ἀπεφασαμένους* вмѣсто *ἀπεφασαμένους* (Polyb. p. 1346, 14).

сиямость отъ нея рукописи *R* болѣе чѣмъ достаточно засвидѣтельство-
вала уже извѣстнымъ читателямъ фактомъ большей полноты мепан-
дровскаго текста (fr. 11 p. 13 Dind.) въ *R*.

Рукопись *e*, являющаяся естественнымъ дополненіемъ *R*, есте-
ственно, подлежитъ въ области де-бооровской стеммы точно такой
же деградациі, какой мы только что подвергли *R*.

Вышеуказанные факты совершенно ясно доказываютъ, что рукопись
R была списана именно съ π , а не съ пазовскаго кодекса (II). Де-
тальныя же подтвержденія факта прямой генетической связи *R* именно
съ π можно найти путемъ взаимнаго сопоставленія вариантовъ *VRB*¹⁾.
Мы ограничимся указаніемъ лишь немногихъ примѣровъ, такъ какъ,
къ сожалѣнію, располагаемъ не полными коллаціями *VR*²⁾, но лишь
болѣе или менѣе случайными свѣдѣніями о вариантахъ этихъ двухъ
рукописей.

1) Среди извлеченій изъ Полибія находимъ крупную диттографію
въ *RB*³⁾, состоящую въ томъ, что слова $\sigma\upsilon\ \mu\eta\upsilon\ \alpha\lambda\lambda\alpha\ \dots\ \tau\omega\upsilon\upsilon\ \delta\epsilon\ \gamma\epsilon\text{-}$
 $\gamma\omega\upsilon\theta\omega\upsilon\upsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \text{Ἄτταλον}$ p. 955,30 — p. 956,16 написаны дважды. Если
этой диттографіи не было въ пазовскомъ кодексѣ (II), а сомнѣваться
въ этомъ едва ли можно, — то она, очевидно, обусловлена была не-
брежностью писца π , т. е. Дармарія, и въ такомъ случаѣ ясно, что
рукопись *R* подобно *B* была списана именно съ π .

2) Polyb. p. 1137,7 $\sigma\upsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \omicron\iota\omicron\varsigma\ \tau\prime\ \eta\upsilon\ \sigma\upsilon\chi\alpha\tau\alpha\beta\alpha\iota\upsilon\epsilon\iota\upsilon\ \delta\epsilon\ \Phi\alpha\rho\acute{\nu}\alpha\chi\eta\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \delta\iota\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — здѣсь словечко $\tau\prime$, сохранилось только въ *B* (а потому оно
имѣется и въ *MP*), въ обѣихъ же другихъ рукописяхъ (*VR*) оно про-
пущено. Отсюда мы заключаемъ, что въ π оно было болѣе или менѣе
неясно надписано надъ строкой, а затѣмъ замѣчено только болѣе
аккуратнымъ писцомъ *B* (эта рукопись, какъ и *P*, писана какимъ-то
помощникомъ Дармарія; *VBM* писаны самимъ Дармаріемъ).

Предполагать, что въ данномъ случаѣ вставка этого $\tau\prime$ является

¹⁾ Рукописи *MP* мы устраняемъ, какъ элементы самостоятельнаго преданія:
опровергая заблужденіе де Боора, ниже мы докажемъ правильность нашего мнѣнія,
что утраченная рукопись π , съ которой списаны *MP*, является непосредственною ко-
пией рукописи *B*.

²⁾ За исключеніемъ лишь коллаціи извлеченій изъ Прокопія въ *R*, которую мы
обязаны любезности де Боора.

³⁾ Относительно *V* мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; Орсини не упоминаетъ объ
этой диттографіи, но отсюда еще вовсе нельзя заключать, что въ *V* ея нѣтъ. Если же
ея дѣйствительно нѣтъ въ *V*, то это значитъ, что, списывая π , Дармарій замѣтилъ
свою прежнюю ошибку и воздержался отъ повторенія ея въ *V*. Скорѣе всего, од-
нако, что и въ *V* имѣется та же самая диттографія.

произвольною поправкой самого писца *B*, врядъ ли было бы уместно, такъ какъ въ противоположность самому Дармарію этотъ его помощникъ вовсе не отличается склонностью къ интерполіціямъ. Характерною иллюстраціей можетъ въ этомъ отношеніи служить нижеприводимое мѣсто.

3) Polyb. p. 1350,2 $\pi\alpha\sigma\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\rho\acute{\upsilon}\zeta\omega\nu\ \alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma,\ \pi\alpha\nu\delta\eta\nu\mu\epsilon\iota\ \delta\acute{\epsilon}\ \kappa\alpha\iota\ \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\ \pi\omega\varsigma\ \eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \text{Κορινθίων}$ — здѣсь *V* даетъ правильное чтеніе $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, въ *R* читается $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, а въ *B* сначала было написано правильно $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, а потомъ самъ писецъ переправилъ это на $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (sic! — не наоборотъ), не настолько, однако же, явственно, чтобы при нѣкоторой невнимательности нельзя было принять этого $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ за $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, что и случилось какъ съ писцомъ рукописи χ (*MI'* даютъ именно $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$), такъ и съ Жюстисомъ, сличавшимъ *B* для Бюттнеръ-Вобста ¹⁾. Признаться сказать, мы, сличая *B* и видя, что совершенно правильное чтеніе $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ самимъ писцомъ переправлено въ совершенно бессмысленное $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, сначала даже не повѣрили своимъ глазамъ, но, тщательно изслѣдовавъ данное мѣсто, убѣдились въ томъ, что глаза наши не обманули насъ, и вариантъ *R* является краснорѣчивымъ доказательствомъ добросовѣстности писца *B*. — На основаніи вышеприведенныхъ вариантовъ мы полагаемъ, что въ пазовскомъ кодексѣ (*Π*) было написано $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (слитно и безъ знака придыханія), и что Дармарій въ π написалъ $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, а, можетъ быть, и исправилъ эту ошибку, но только недостаточно ясно, такъ что въ двухъ копіяхъ π и появилось $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (*RB*). Возможно, впрочемъ, и то, что $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ и въ π осталось неисправленнымъ, — въ такомъ случаѣ чтеніе *V* $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ слѣдуетъ признать удачною, но все же интерполяціонною поправкой самого переписчика, т. е. того же Дармарія.

Наконецъ, еще одно доказательство генетической связи *R* имонно съ π можно было бы извлечь изъ взаимнаго сопоставленія двухъ любопытныхъ фактовъ, изъ которыхъ одинъ объясняется де Бооромъ

¹⁾ Будучи введенъ въ заблужденіе ошибочною копіею Жюстиса и полагая поэтому, что и въ *B* читается $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$, Бюттнеръ-Вобст среди примѣровъ, доказывающихъ независимость рукописей *MB* (по его обозначенію *NI'*) отъ *R* (по его обозначенію *V*), отмѣчаетъ и то, что *R* въ разбираемомъ полибевскомъ мѣстѣ „für das in den übrigen Manuskripten richtig erhaltene $\alpha\iota\ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$; verschentlich $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ hat“ (*Th. Büttner-Wobst, Beiträge zu Polybios, Dresden 1901, 22*) — Нонутно исправивъ и другую ошибку Жюстиса: Polyb. XXXIII 12,1 (p. 1293,12 sq.) въ *B* читается такъ же, какъ въ *V*, — $\pi\epsilon\rho\alpha\rho\acute{\alpha}\theta\eta\tau\eta$, а не $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \alpha\rho\alpha\rho\acute{\alpha}\theta\eta\tau\eta$, какъ сообщается у Бюттнеръ-Вобста (*ibid.*). Цѣлый рядъ другихъ ошибокъ Жюстиса мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ.

совершенно ошибочно — именно потому, что почтенный ученый стоит при этом на почвѣ только что опровергнутаго нами своего заблужденія, — а другой фактъ получаетъ отъ того же де Боора болѣе чѣмъ сомнительное толкованіе.

Первымъ фактомъ является своеобразное разчлененіе извлеченій *καὶ πρὸς τῶν Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοῦς* въ эсворіальскихъ рукописяхъ. Дѣло въ томъ, что извлеченія этого отдѣла изъ Теофилакта Симокаттскаго всего бы естественнѣе было находиться въ концѣ рукописи *N*, а она вмѣсто того помѣщена во главѣ *cod. Escorialensis R. III. 21*, который далѣе содержитъ извлеченія *καὶ πρὸς τῶν ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* изъ Полибія ¹⁾, Флавія Юсифа, Зосима, Дексиппа, Сократа (*Hist. eccles.*), Петра патрархія, Діодора и Кассія Діона.

Объясненіе этого страннаго факта, которое было предложено нами въ *Византійскомъ Временникѣ* 1898, стр. 478 и слѣд., де Бооръ находитъ неудовлетворительнымъ и старается его опровергнуть. Эта попытка почтеннаго ученаго оказывается, однако, совершенно неудачной. Онъ говоритъ: „Den Grund, warum Darmarius die *Theophylact-Excerpte* abtrennte und vor die *legationes gentium* stellte, sieht Krašeninnikov, den Spuren anderer Gelehrter folgend ²⁾, darin, dass der Schreiber nicht mit einem verstümmelten Text beginnen mochte. Aber dies that er doch unbedenklich kurz darauf im *Ambrosianus*. Und wenn die Abschrift ³⁾ wirklich so spät wäre, wie Krašeninnikov annimmt ⁴⁾, 1577 oder 1579, warum liess er nicht die *legationes Romanorum* zusammen und stellte vor den verstümmelten Anfang

¹⁾ Начало этихъ извлеченій изъ Полибія было утрачено уже въ пазовскомъ кодексѣ (II).

²⁾ Въ виду нѣкоторой туманности этой фразы де Боора, считаемъ не безполезнымъ пояснить, что аналогичное объясненіе (двухъ) другихъ ученыхъ отнеслось исключительно къ *cod. Bruxellensis 11317—21* и къ *cod. Monacensis gr. 185*, — ср. *Justice, Anecd. Bruxell.* III, 25 и *Fr. Simonet* въ концѣ влгд. Жюстаса, 112 сл.

³⁾ Подъ этой Abschrift (копіей пазовскаго кодекса) де Бооръ подразумеваетъ совокупность трехъ эсворіальскихъ рукописей (*R—III—14. 21. 13*) извлеченій *καὶ πρὸς τῶν*.

⁴⁾ По поводу этой якобы нашей „*Annahme*“, которая, на самомъ дѣлѣ, является просто плодомъ недоразумѣнія самого де Боора, превратно понавшаго то, что было нами сказано въ *Визант. Временникѣ*, 1892, 480, и совершенно произвольно навязывающаго намъ въ данномъ случаѣ свое собственное заблужденіе, — у насъ будетъ въ своемъ мѣстѣ сказано подробнѣе. Въ настоящемъ же случаѣ мы намыренно беремъ подъ свое покровительство и эту „*Annahme*“ — для того, чтобы показать, что и подобное извращеніе нашего мнѣнія отнюдь не увеличиваетъ доказательности де-бооровскихъ „аргументовъ“.

der legationes gentium einen Theil dieser Sammlung selbst, wie er es thatsächlich in anderen Abschriften älteren Datums that?"¹⁾

Эти „возражения“, однако, не только ничуть не опровергают нашего объяснения, но, наоборот, обличают свою собственную крайнюю шаткость, съ полною очевидностью доказывая, что де Боортъ,—видимо, предполагающій, будто Дармарій, поступивъ въ одномъ случаѣ извѣстнымъ образомъ, непременно поступалъ точно такъ же и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ,— совершенно не знаетъ характерныхъ особенностей этого Graeculus²⁾. Въ особенности же страннымъ и шаткимъ оказывается второе „возражение“ де Боора. Дѣло въ томъ, что Дармарій, будучи профессиональнымъ переписчикомъ и торговцемъ греческими рукописями, зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба именно тѣмъ, что переписывалъ рукописи, какъ по заказу разныхъ лицъ, такъ и для продажи кому случится. Не имѣя залежныхъ капиталовъ, онъ, естественно, былъ заинтересованъ въ возможно скорѣйшемъ сбытѣ своихъ рукописей тѣмъ болѣе, что успѣвалъ изготовлять ихъ очень быстро. Спѣшность работы не могла не отражаться весьма невыгодно на ея качествахъ, но на это Дармарій не обращалъ никакого вниманія, смотря на дѣло съ чисто коммерческой точки зрѣнія; мало того, онъ во многихъ случаяхъ довольно безцеремонно обращался съ подлиннымъ текстомъ, весьма нерѣдко позволялъ себѣ дѣлать разнаго рода произвольныя перестановки; переписывая безыменные произведенія, онъ въ однихъ копіяхъ болѣе или менѣе произвольно фальсифицировалъ заглавія, добавляя имена однихъ авторовъ, въ другихъ приписывалъ эти же безыменные произведенія совершенно другимъ авторамъ, въ третьихъ копіяхъ воздерживался отъ подобной фальсификаціи и т. д. Если вдобавокъ къ этому принять во вниманіе огромное количество дармаріевскихъ рукописей, то нетрудно будетъ понять, какъ наивно было бы ожидать отъ Дармарія строгой послѣдовательности въ дѣлѣ фабрикаціи рукописей или требовать отъ позднѣйшихъ дармаріевскихъ копій детального соответствія съ его же рукописями „älteren Datums“, и какъ сильно хромаетъ второе „возражение“ де Боора, который, очевидно, смотритъ на дѣло сивовъ очки ивмецкой аккуратности и къ тому же совершенно упускаетъ изъ виду, что эти рукописи „älteren Datums“

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 151.

²⁾ Съ другою еще болѣе яркою иллюстраціей этого страннаго незнаноства де Боора съ повадками и дѣятельностью Дармарія мы познакомимъ читателей ниже.

уже давно могли находиться въ рукахъ заказчиковъ или случайныхъ покупателей, и что помнить, какъ и что было написано имъ *несколько мьтъ тому назадъ*, Дармарій не имѣлъ ни охоты, ни физической возможности.

За столь неудачно, какъ видимъ, попыткою опровергнуть наше объяснение, слѣдуетъ объясненіе самого де Боора: „Mir ist der Thatbestand, dass Darmarius einen kleinen Theil der legationes Romanorum abtrennte und trotzdem über den Anfang des neuen Codex die Ueberschrift τὸς δεύτερος περί πρέσβων Ῥωμαίων setzte, nur erklärlich, wenn Darmarius damals noch die ganze Handschrift für eine einheitliche Sammlung hielt, d. h. also, wenn diese Abschrift die erste war, die er überhaupt machte. Das Datum des Ambrosianus zeigt, dass er diese dann unterbrochen hat und dazwischen eine andere anfertigte, die er nun mit dem wirklichen Beginn des Archetypus, wie er damals war, anfang“¹⁾.

Насколько *удачно* это объясненіе почтеннаго ученаго, которое, кстати сказать, очевидно, представляется самому де Боору не только правдоподобнымъ, но и *единственно возможнымъ* („nur erklärlich“!), — напомнимъ читателямъ легко понять изъ нашего опроверженія его же мнѣнія, будто рукопись *R* является непосредственною копіей пазовскаго кодекса (II): достаточно напомнить о сорокапятиверстномъ разстояніи (Эскориаль—Мадридъ), на какомъ находились другъ отъ друга оригиналъ (II) и копія (*R*) все время, пока рукопись *R* (въ *воображеніи де Боора*) списывалась съ II. Но и помимо этой, такъ сказать, наглядной несообразности въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ — тоже ускользнувшій отъ вниманія де Боора — фактъ, довольно рельефно отбѣняющій нелѣзность де-бооровскаго объясненія съ другой стороны.

Дѣло въ томъ, что пазовскій кодексъ (II) въ *первой своей половинѣ* (II¹) содержалъ извлеченія *пері πρέσβων ἑθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* изъ 19 различныхъ авторовъ, причемъ какъ начало этихъ извлеченій вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ предисловіемъ (προοίμιον) такъ и конецъ ихъ были утрачены, а во *второй половинѣ* (II²) находились извлеченія *пері πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς* изъ 16 авторовъ: Петра патриція, Георгія монаха, Іоанна Антиохійскаго, Діонисія Галикарнасскаго, Полибія, Аппіана, Зосима, Флавія Іосифа, Діодора, Кассія Діона, Арріана, Прокопія Кесарійскаго, Приска, Мальха, Менаандра и Теофилакта Си-

¹⁾ Ibid. 151.

мокаттского. Въ концѣ предисловія (προόμιον), предисланныго этому отдѣлу извлеченій, приводится списокъ всѣхъ этихъ авторовъ (кромя только случайно пропущеннаго Арріана) и въ этомъ же самомъ порядкѣ. Такъ какъ изъ этого перечня авторовъ Дармарію уже было извѣстно, что находившимися, повторяемъ, въ концѣ II извлеченіями изъ Теофилакта кончается и данный отдѣлъ извлеченій *pari téras*, то — даже если допустить, что ему какимъ-нибудь образомъ (пу хоть при помощи какого-либо спеціального телескопа) и удалось, сидя въ Мадридѣ, списать R съ пазовскаго кодекса, не покидавшаго Эскориальской бібліотеки, — то ясно, что и въ этомъ случаѣ предполагавшаяся имъ тогда, по мнѣнію де Боора, „die Einheitlichkeit der Sammlung“ оказывается ровно не при чемъ, и что, перенося, вопреки указанію предисловія, есофилактовскія извлеченія съ ихъ настоящаго мѣста на другое, вовсе для нихъ не подходящее, Дармарію руководился иными соображеніями.

Возвращаясь къ затронутому выше вопросу, мы должны обратить вниманіе читателей на то любопытное обстоятельство, что въ сгорѣвшей вмѣстѣ съ II въ 1671 году трехтомной августиновской рукописи (codd. Augustiniani gr. 142. 143. 144 = codd. Escorialenses III. 1'. 1. 2. 3 или, по позднѣйшей сигнатурѣ, по которой и мы будемъ обозначать эти рукописи ниже, — IV. H. 6. 7. 8) среди извлеченій *pari téras* находились какія-то постороннія обширныя вставки ¹⁾. Такъ

¹⁾ Содержаніе этихъ вставокъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается тайной. Дѣло въ томъ, что детальное описаніе рукописей IV. H. 6. 7. 8, какъ и пазовскаго кодекса, находится въ каталогѣ греческихъ эскориальскихъ рукописей, составленномъ въ первой половинѣ XVII вѣка нидерландцемъ Давидомъ Кольвиллемъ († 1629 г.; мимоходомъ упомянемъ, что его фамилію, но нашему мнѣнію, скорѣе слѣдуетъ писать *Colville* чѣмъ *Colvill*, какъ пишутъ де Бооръ и другіе). — который нѣкоторое время состоялъ „арабскимъ переводчикомъ“ при Эскориальской бібліотекѣ (ср. *Giov. Mercati*, Alcune note di letteratura patristica — въ *Rendiconti del R. Istituto Lombardo di scienze e lettere*, serie II, vol. XXXI, Milano 1898, 1225 сл.), а вовсе не былъ („*decennium integrum*“) преемникомъ упомянутой бібліотеки, какъ думалъ Лука Голштейнъ (ср. *Lucae Holstenii Epistolae ad diversos*, coll. atque illustr. *Jo. Fr. Hoissonade*, Parisiis 1817, 85 сл.), введшій въ то же заблужденіе и Фѣрстера (*R. Fœrster*, Zur Handschriftenkunde und Gesch. der Philologie — въ *Rhein. Mus.* 1900, 441). Каталогъ Кольвила, сохранившійся какъ въ Эскориальской бібліотекѣ (ср. *Mercati*, l. c. 1223, adn. 2) такъ и въ Амброзіанской (cod. Ambrosianus Q 114 sup.), не даетъ систематическаго описанія рукописей, но перечисляетъ въ азбучномъ порядкѣ авторовъ съ указаніемъ, въ какихъ рукописяхъ они содержатся. Такое непрактичное описаніе, затрудняющее наведеніе справокъ о содержаніи отдѣльныхъ рукописей, и послужило причиной, почему какъ де Бооръ (ср. *Sitzungber. der Berl. Akad.*

второй томъ (IV. Н. 7) начинается извлеченіями *περί πρίσβεων ἐθνικῶν* πρὸς Ῥωμαίους; изъ Проконія (fol. 1'—45'), затѣмъ идетъ посторонняя вставка и только съ fol. 430' продолжается прерванная эту вставкой вторая половина вышеупомянутаго отдѣла извлеченій *περί πρίσβεων*, начинаясь отрывками изъ Арріана и кончаясь (fol. 600') Евпапіемъ ¹⁾. Равнымъ образомъ въ третьемъ томѣ (IV. Н. 8), который мы обозначаемъ буквой π, — извлеченія *περί πρίσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοῦς*; изъ первыхъ 15 авторовъ содержались на fol. 1'—396', а затѣмъ слѣдовала большая посторонняя вставка, которая и отдѣляла такимъ образомъ этихъ авторовъ отъ послѣдняго, т. е. Теофилакта (fol. 721'—734').

Вопросъ, какимъ образомъ могли появиться обѣ эти постороннія вставки, де Бооръ рѣшаетъ очень быстро и, на первый взглядъ, довольно правдоподобно, причемъ, натурально, считаетъ свое объясненіе *единственно возможнымъ*: „Da von dem Bestande des alten Archetypus nichts fehlt“, говоритъ онъ, „können wir nur annehmen, dass die Excerpte auseinandergerissen waren und Stücke anderer Handschriften dazwischengebunden wurden“ ²⁾, — къ сожалѣнію, не поясняя, когда и кѣмъ, по его мнѣнію, могла быть произведена столь варварская операція.

Несмотря на кажущуюся простоту и естественность этого де-бооровскаго объясненія мы безъ всякихъ колебаній признаемъ его *большимъ сомнительнымъ*, руководясь соображеніями, которыя сообщимъ ниже.

Предварительно, однако, мы должны коснуться вопроса, обобщеннаго де Бооромъ, — когда могла быть произведена надъ π и IV. Н. 7 вышеупомянутая варварская операція. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она не могла имѣть мѣста при жизни самого Агустина, такъ какъ, во-первыхъ, этотъ знаменитый испанскій гуманистъ не былъ варваромъ и не калѣчилъ своихъ рукописей, а, во-вторыхъ, въ описаніи трехтомной агустиновской рукописи, которое находится въ составленномъ самимъ Агустиномъ каталогѣ, нѣтъ ни слова о какихъ-

1902, 150), такъ Джузеппе Меркати, выписками котораго мы, благодаря любезности его брата, Джованни Меркати, имѣли возможность пользоваться весной этого года (уже по выходѣ въ свѣтъ статьи де Боора), — ограничились справками только о тѣхъ частяхъ рукописей IV. Н. 6. 7. 8, которыя относились къ извлеченіямъ *περί πρίσβεων*.

¹⁾ Первая половина этого отдѣла содержалась въ первомъ томѣ (IV. Н. 6): она начиналась Полябіемъ и кончалась Теофилактомъ.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 150. Курсивъ въ вышеприведенной выпискѣ принадлежитъ намъ.

либо вставляхъ въ текстъ извлеченій *περί πρέσβων*¹⁾). Въ доказательство приводимъ это описаніе²⁾:

„*Ioannis Constantinopolitani de legationibus gentium ad Romanos* 3), *selecta ex historiis Petri Patricii et Magistri, Georgii monachi, Ioannis Antiocheni, Dionysii Halicarnassei, Polybii Megalopolitani, Zosimi Ascalonitae, Iosephi, Diodori Siculi, Dionis Cocceii [sic], Procopii Caesariensis, Prisci rhetoris, Mulchi sophistae, Menaudri Protictoris [sic], et Theophylacti, et alior.*

Volumina tria descripta, ut dicitur in extremo libro, ex bibliotheca regia sancti Laurentii M. D. LXXIV, in charta forma quadrati“.

Остается добавить, что и въ таррагонскомъ письмѣ Августина къ Орсеяни отъ 13-го ноября 1574 года, гдѣ Августинъ вкратцѣ обобщаетъ содержаніе извлеченій, перечисляя авторовъ⁴⁾, нѣтъ ни слова о постороннихъ вставкахъ, а между тѣмъ объ вставки въ IV. Н. 7 и 8 имѣли весьма значительные размѣры⁵⁾.

¹⁾ На это важное обстоятельство де Бооръ совершенно не обратилъ вниманія, а между тѣмъ оно могло бы послужить исходнымъ пунктомъ для доказыванія ошибочности раздѣлаемаго самимъ де Бооромъ житія Шарля Гро, что эскориальскія рукописи IV. Н. 6. 7. 8 тождественны съ экземпляромъ, принадлежащимъ Августину (*Grauz, Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial*, 96). Дѣло въ томъ, что это житіе Гро найдется лишь на его собственномъ предположеніи, что всѣ безъ исключенія греческія рукописи Августина поступили въ Эскориальскую библіотеку (*Grauz, l. c. 303 сл., ср. также 96, adn. 1*), — предположеніи, правильность котораго пока еще еще вовсе не доказана, что не безызвѣстно и самому де Боору (ср. *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 150), который съ своей стороны также вовсе не доказывалъ тождества августиновскаго экземпляра съ рукописями IV. Н. 6. 7. 8 (къ этому пункту мы еще вернемся ниже). — Впрочемъ считаемъ недѣльнымъ сдѣлать оговорку, что все это мы говоримъ не потому, чтобы сами были противъ вышеупомянутого отождествленія, но лишь съ цѣлью подчеркнуть неосмотрительность де Боора и столь нерѣдкую односторонность его разсужденій въ сферѣ трагуемыхъ имъ вопросовъ.

²⁾ *Ant. Augustini Opera omnia*, VII, 48, pp. 142, 143, 144; ср. также *Grauz, l. c. 96*.

³⁾ „*Haec tantum memorantur utpote priora*“, не безъ основанія замѣчаетъ Буассезонъ (*Cass. Dionis vol. I, graef. p. XXII, adn. 2*) по поводу пропуска Августиномъ заглавія втораго отдѣла извлеченій, но, повидимому, естественно бытъ предположить, что „*et Romanorum ad gentes*“ Августинъ не добавилъ просто потому, что въ его представленіи оба отдѣла „*de legationibus*“ сливались въ одинъ. Въ подтвержденіе правильности нашего объясненія достаточно указать на то, что всѣ перечисляемые Августиномъ дѣла авторы относятся не къ *legationibus gentium*, а именно къ тому отдѣлу, заглавіе котораго онъ не упоминаетъ.

⁴⁾ *Ant. Augustini Opera omnia*, VII, 257 col. 2.

⁵⁾ Одна изъ нихъ обнимала, какъ видно изъ вышенаведенныхъ цифръ, 384 листа, а другая 325.

Итакъ Агустинъ не повиненъ въ этихъ вставкахъ. Равнымъ образомъ нельзя предположить, что такая путаница произошла вследствие небрежности того переплетчика, услугами котораго пользовался Агустинъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ три агустиновскія рукописи извлеченіи *perі прѣрзешон* могли оставаться и не переплетенными до поступленія въ Эскоріальскую бібліотеку, мы должны безусловно отвергнуть вышеупомянутое предположеніе, съ одной стороны, въ виду тѣхъ соображеній, которыя приводятся нѣсколько ниже, съ другой, и потому, что Агустинъ, очень внимательно и даже съ любовью относявшійся къ своимъ рукописямъ, не могъ бы не обратить вниманія на крупную ошибку своего переплетчика, если бы послѣдній вмѣсто заказанныхъ пяти томовъ доставилъ ему только три.

Остается въ такомъ случаѣ только одно — допустить, что обѣ загадочныхъ вставки постороннихъ рукописей въ агустиновскій кодексъ извлеченіи *perі прѣрзешон* являлись дѣломъ рукъ новѣжественнаго эскоріальскаго переплетчика. Такъ какъ дѣло идетъ о греческихъ рукописяхъ, а въ этой области, какъ извѣстно читателямъ, свойственно ошибаться и не однимъ только переплетчикамъ, то мы, вообще говоря, ничего не имѣли бы противъ упомянутаго предположенія, но лишь при условіи, что переплетчикъ случайно перепуталъ разрозненныя тетради (*quiniones*) соответствующихъ рукописей.

Но въ такомъ случаѣ мы въ правѣ ожидать, что постороннія вставки находились между отдельными тетрадями рукописей, а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно иное. Такъ въ IV. II. 7 вставка слѣдуетъ за извлеченіями изъ Прокопія, которыя содержались на 45 листахъ, т. е. на четырехъ съ половиной квиніонахъ. Изъ этого видно что для того, чтобы помѣстить огромную вставку, обвинявшую 384 листа, между извлеченіями изъ Прокопія и непосредственно слѣдующими за ними извлеченіями изъ Арріана, переплетчику пришлось бы разорвать пополамъ пятый квиніонъ, такъ какъ со второй половины этого квиніона начиналась серія арріановскихъ извлеченій¹⁾. Полагаемъ, что уже одно это обстоятельство достаточно ясно показываетъ, насколько удачно объясненіе де Боора.

Что же касается рукописи π (IV. II. 8), то по отношенію къ ней крайняя сомнительность де-бооровскаго объясненія отбѣняется еще

¹⁾ Разсчетъ нами произведенъ по квиніонамъ, такъ какъ дармаріевскія рукописи состоятъ именно изъ квиніоновъ. Впрочемъ къ совершенно аналогичному результату приводитъ и разсчетъ по кватерніонамъ.

рельєфіво. Надо замѣтити, что вся трехтомная августиновская рукопись (IV. Н. 6—8) была написана Дармаріємъ такимъ же образомъ, какъ и орсиніевскія рукописи (cod. Vaticanus gr. 1418 и cod. Neapolitanus III—V—15),— а именно, переписавъ извлеченія изъ одного автора, Дармарій продолжалъ писать извлеченія изъ слѣдующаго автора на той же страницѣ, гдѣ кончались предыдущія извлеченія, — конечно, если на этой страницѣ оставалось достаточно свободнаго мѣста ¹⁾. Въ видѣ иллюстраціи сообщимъ обзоръ содержанія рукописи π (IV. Н. 8) на основаніи выписокъ Джузеппе Меркати изъ каталога Кольвилля. Сообщить эти свѣдѣнія мы находимъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что въ своей статьѣ де Бооръ ограничивается по данному вопросу лишь слѣдующей замѣткой: „Fol. 1—396 enthalten den Titel der legationes Romanorum, mit Ausnahme der Excerpte aus Theophylactus; diese sind erst mit Fol. 721—734 beziffert“ ²⁾.

Итакъ въ π (IV. Н. 8) содержалось слѣдующее:

1. Проціон . . .	<fol. 1—5 (или 4 B)>
2. Петръ патрицій .	5—8
3. Георгій монахъ	8—11
4. Іоаннъ Антиохійскій	11 B ³⁾
5. Діонисій Галикарнасскій	12—33
6. Полибій	33 B—117
7. Аппіанъ	117—130
8. Зосимъ	130—139
9. Флавій Іосифъ	139—142
10. Діодоръ	142 B—144
11. Кассій Діонъ .	144—159
12. Арріанъ	159—160
13. Прокопій	168 ⁴⁾ —216

¹⁾ Въ другихъ своихъ рукописяхъ, какъ напримѣръ, въ cod. Ambrosianus N 135 sup., Дармарій послѣдовательно начиналъ каждую новую серію извлеченій съ новой страницы.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 150.

³⁾ Слѣдуя примѣру самого Кольвилля, мы въ этомъ перечнѣ обозначаемъ оборотныя страницы листовъ буквой B, такъ что fol. 11 B соответствуетъ по болѣе обыкновенному обозначенію fol. 11^v.

⁴⁾ Эту цифру 168 мы на основаніи нѣкоторыхъ соображеній считаемъ опиской (если не Меркати, то самого Кольвилля) вмѣсто 160; въ противномъ случаѣ придется допустить существованіе и другой вставки въ π — между арріановскими и прокоповскими извлеченіями, что, однако же, оказалось бы въ противорѣчій съ вышеприведенной замѣткой де Боора.

14. Прискъ	216 В—278
15. Мальхъ	278—305
16. Менандръ	305—396
17. <i>посторонняя вставка</i>	
18. Теофилакть	721—734.

Возвращаясь къ де-бооровскому объясненію, нельзя не видѣть, что противъ него краснорѣчиво говоритъ слѣдующее обстоятельство, совершенно упущенное изъ виду самимъ де Бооромъ: *извлеченія изъ Теофилакта начинались на лицевой страницѣ fol. 721, тогда какъ имъ слѣдовало бы начинаться, — непосредственно примыкая къ извлеченіямъ изъ Менандра, — или на лицевой страницѣ fol. 396, если эта страница не вся была занята концомъ менандровскихъ извлеченій, или, по крайней мѣрѣ, на оборотной страницѣ той же самой fol. 396.*

Даже если допустить въ качествѣ ultima refugia для де-бооровскаго объясненія, что или самъ Дармарій намѣренно оставилъ fol. 396° пустымъ, или ошибся Кольвилль, случайно позабывъ прибавить В къ цифрѣ 396, — то все же остается по отношенію въ данной рукописи въ силѣ тотъ же самый аргументъ, который мы указали по поводу рукописи IV. H. 7: допуская объясненіе де Боора, мы должны были бы предположить, что переписчикъ, вставляя послѣ извлеченій изъ Менандра, т. е. послѣ fol. 396, постороннюю рукопись въ 325 листовъ, *разорвалъ 40-ой квинціонъ*¹⁾ первоначальной рукописи, т. е. той, которая содержала извлеченія *περί τρέφειων Ῥωμαίων* безъ постороннихъ вставокъ. Наконецъ, даже если бы де Бооръ, чтобы отпарировать этотъ нашъ аргументъ, сталъ утверждать, что рукопись π (IV. H. 8) состояла не изъ квинціоновъ, а изъ кватерніоновъ, — то аналогичный аргументъ, указанный нами по отношенію къ IV. H. 7, все же сохраняетъ свою доказательную силу противъ де-бооровскаго объясненія какъ при счетѣ по квинціонамъ такъ и при счетѣ по кватерніонамъ.

Полагаемъ, что вышеприведенныя соображенія вполне оправдываютъ нашъ суровый отзывъ о де-бооровскомъ объясненіи. Полагаемъ также, что крайняя сомнительность послѣдняго станетъ еще очевиднѣе, когда читатели познакомятся съ нашимъ собственнымъ объясненіемъ, которое опирается на очень важное свидѣтельство одного современ-

¹⁾ Тотъ, который слѣдовалъ за fol. 390, содержитъ на первыхъ шести листахъ ономъ конецъ извлеченій изъ Менандра, а на остальныхъ четырехъ — начало извлеченій изъ Теофилакта.

ника Дармарія и обнаруживает весьма простую и естественную причину вставокъ въ обѣихъ рукописяхъ (IV. II. 7 и 8), причемъ позволяетъ обойтись безъ раздиранія квинціоновъ на части и оставить въ покоѣ почтеннаго эскориальскаго переплетчика.

Не мѣшаетъ упомянуть, что ключъ къ окончательному рѣшенію интересующаго насъ вопроса объ авторѣ и причинахъ постороннихъ вставокъ въ рукописяхъ IV. II. 7 и 8 тѣмъ же въ каталогѣ Кольвилля, и что поэтому, конечно, было бы осторожнѣе воздержаться отъ гипотетическаго рѣшенія упомянутаго вопроса — въ ожиданіи, пока кто-нибудь тщательно изслѣдуетъ кольвиллевскій каталогъ и узнаетъ оттуда, что именно содержатъ вставки и на какихъ именно страницахъ обѣихъ рукописей эти вставки начинаются и кончаются, — но тѣмъ же не менѣе мы теперь же выскажемъ свои соображенія, руководясь желаніемъ противопоставить ихъ де-бооровскому объясненію.

Исходя изъ выше отмѣченнаго нами факта, что въ рукописи π (IV. II. 8) измеченія изъ Теофилакта не примыкаютъ непосредственно къ извлеченіямъ изъ Менандра, мы предполагаемъ, что къ менандровскимъ извлеченіямъ непосредственно примыкала, т. е. начиналась съ того же самаго fol. 396^r или же съ fol. 396^v, посторонняя вставка. Иными словами, — *эти вставка была сдѣлана самимъ писцомъ, т. е. Дармаріемъ*. Вышняя связь ея съ прочимъ текстомъ рукописи π, могла выражаться и тѣмъ, что кончалась она, быть можетъ, не на fol. 720^r, а на той же самой страницѣ (fol. 721^r), съ которой начинались измеченія изъ Теофилакта, — но настаивать на послѣднемъ предположеніи, разумѣется, нельзя.

По аналогіи съ π, то же самое мы находимъ возможнымъ предположить и относительно вставки въ рукописи IV. II. 7, т. е. что и здѣсь эта вставка была сдѣлана самимъ Дармаріемъ, и что, быть можетъ, — въ силу той же вышней связи съ прочимъ текстомъ данной рукописи — эта вставка начиналась съ fol. 45^v и кончалась на fol. 430^r, т. е. тѣсно примыкала съ одной стороны къ концу извлеченій изъ Прокпія, съ другой — къ началу извлеченій изъ Арріана, а не непременно обнимала только fol. 46—429, какъ это полагаетъ де Бооръ ¹⁾.

Что же, однако, за причина могла побудить Дармарія сдѣлать столь обширныя постороннія вставки въ двухъ рукописяхъ извлеченій *περί κρίσεως*, писанныхъ имъ по заказу Агустина? — Отвѣтъ на это можно получить изъ слѣдующей весьма любопытной филиппики Давида Коль-

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 150.

ввѣдлѣ, направленной противъ Дармарія и цитуемой Муратори по кольвильевскому каталогу греческихъ эскориальскихъ рукописей ¹⁾, т. е., надо полагать, по миланской ея копіи (cod. 'Ambrosianus Q 114 sup.): „Graece et Latine editus est Liber [т. е. Chronicon Paschale]“, говорить Кольвиль, „a Patre Matthaeo Radero Societatis Jesu ex Bibliothecae Augustanae Codice, quem Andreas Darmarius descripserat. Sed hic ille idem scelestus fuit, qui utcumque illa ex Codice descripserat in Hispania, et titulos illos prostituerať ²⁾. Virorum pessimus, qui nihil aliud habebat, nisi prostituere Libros fictis titulis, quos summo pretio divenderet Principibus. Innumera scelera illius detexi et notavi; qui praeter falsos titulos, quum aliquid describendum erat, definito pretio integri Libri, omittebat multa haec atque illic in medio opere ³⁾; quum contra describendum erat, ut numerarentur folia, infinita alia inserebat, ut repleret paginas. Nec Graece sciebat, et ne unam quidem paginam scribebat sine pseudographia ⁴⁾. Uno verbo: ita scelestus erat Andreas Darmarius Epirota, ut nihil illi credere debeamus, nec titulis ejus“ ⁵⁾.

Опираясь на это важное свидѣтельство, несомнѣнно, вполнѣ компетентнаго современника, мы имѣемъ полное право предположить, что постороннія вставки въ заказанныхъ Агустиномъ рукописяхъ IV. Н. 7 и 8 были намѣренно сдѣланы Дармаріемъ съ цѣлью увеличить этимъ путемъ объемъ обѣихъ рукописей, а по-

¹⁾ Antiquitates Italicae medii aevi . . . . auctore L. A. Muratorio, tom. III, Mediolani 1740, col. 927 D: „Est mihi Catalogus Mstus rariorum Codicum Graecorum manu scriptorum Bibliothecae Regiae Escorialis, quem David Colvillus Scottus, vir doctissimus, ante annos centum exaravit“.

²⁾ Для того, чтобы эта фраза стала понятнѣе читателямъ, не мѣшаетъ привести начало замѣчаній Кольвилля по поводу Пасхальной хроникѣ: „Petro Alexandrino Episcopo attributa Historia Chronologica ab Adam usque ad Heraclium juniorem, quae tamen manu Scriptoris recentioris attribuitur Marcellino vel Hippolyto: sed nullius tamen esse potest; nam illi omnes Heraclium praecessere“ (Muratori, l. c. col. 927 D).

³⁾ Иллюстраціей этой недобросовѣстности Дармарія можетъ служить чрезвычайное сокращеніе полибіевскаго текста извѣстной парі триадажъ ετηλίων προς Γρηγορίου въ cod. Bruxellensis 11317—21, гдѣ вмѣсто 122 полибіевскихъ отрывковъ находится всего только шесть. Другія объясненія этого факта (ср. вашу статью въ *Византизмѣ*, 1901, 488 и слѣд.) намъ кажутся несравненно менѣе вѣроятными.

⁴⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что въ выпискѣ Фёрстера вмѣсто *pseudographia* ошибочно стоитъ *pseudepigraphia* (R. Foerster, *Rhein. Museum*, N. F. LV, 1900, 412).

⁵⁾ Muratori, l. c. col. 927 сл.

тому и получить за нихъ съ Агустина больше денегъ ¹⁾. Столь беззащитяиво надувая своего высокопоставленнаго покровителя и крупнаго заказчика, лукавый Graeculus, очевидно, дѣйствовалъ въ расчетъ на то, что его плутни останутся незамѣченными Агустининомъ, — и эта надежда, какъ кажется, не обманула его, о чемъ поговоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ покажемъ, какъ сильно заблуждался де Бооръ, говоря о „dem glühenden Interesse, welches Augustinus diesen Fragmenten entgegenbrachte“ ²⁾: нѣкоторые любопытные факты, ускользнувшіе отъ вниманія почтеннаго ученаго, заставляютъ насъ думать, что этотъ „пламенный интересъ“ Агустина существовалъ не столько въ дѣйствительности, сколько въ воображеніи де Боора.

Опираясь на только что предложенное нами объясненіе, кѣмъ и по какой причинѣ были сдѣланы постороннія вставки въ рукописяхъ IV. Н. 7 и 8, и взаимно сопоставляя факты отдѣленія оеофилактовскихъ отрывковъ отъ прочихъ извлеченій *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς* въ рукописяхъ π (IV. Н. 8) и эскориальской R. III. 21, можно предположить существованіе тѣсной взаимной связи между обоими этими фактами, объясняя отдѣленіе оеофилактовскихъ отрывковъ въ рукописи R. III. 21 отъ рукописи R (cod. Escorialensis R. III. 14), содержащей всѣ прочія извлеченія *περί πρέσβων Ῥωμαίων*, именно тѣмъ, что Дармарій, списавъ R съ π (IV. Н. 8) и видя, что въ послѣдней рукописи за извлеченіями изъ Менаандра слѣдуютъ не извлеченія *περί πρέσβων Ῥωμαίων*, а нѣчто постороннее, счелъ это обстоятельство достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы закончить первый томъ новой копін (т. е. R) менаандровскими извлеченіями, — быть можетъ, даже забывъ, что въ концѣ π находятся относящіяся къ этому же отдѣлу извлеченія изъ Теофилакта. Перелнстовавъ затѣмъ всю сдѣланную имъ же самимъ постороннюю вставку и придя къ оеофилактовскимъ отрывкамъ, онъ не захотѣлъ портить уже написанной имъ въ R subscriptio, вычеркивая заключительныя слова ея: *τέλος οὖν θεῶ τοῦ πρώτου τόμου τοῦ περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς ὑπὸ διαφόρων*, и потому и рѣшился отнести оеофилактовскія извлеченія ко второму тому.

При такомъ объясненіи причины отдѣленія оеофилактовскихъ от-

¹⁾ Почему Дармарій не сдѣлалъ такихъ же вставокъ и въ IV. Н. 6, можно объяснить различнымъ образомъ, но въ виду второстепенности этого вопроса мы не станемъ вдаваться въ его разсмотрѣніе.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 152.

рывковъ мы получили бы прямое доказательство того, что рукопись *R* списана съ π , — но такъ какъ этотъ послѣдній фактъ уже установленъ нами на другихъ достаточно солидныхъ основанiяхъ, то мы предпочитаемъ остаться при прежнемъ нашемъ объясненiи, т. е. думать, что извлеченiя изъ Теофилакта были присоединены Дармариемъ ко второму тому просто по его нежеланiю начинать этотъ второй томъ извлеченiями изъ Полибiя, начало которыхъ было утрачено уже въ пазовскомъ кодексѣ ¹⁾.

Теперь перейдемъ къ опроверженiю *другого крупнаго заблужденiя de Boora* въ сферѣ того же вопроса о взаимныхъ отношенiяхъ рукописей извлеченiй *περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἄθνηκούς*.

Читателямъ уже извѣстно, что, по мнѣнiю де Боора ²⁾, утраченная рукопись (x), послужившая общимъ источникомъ для рукописей *M* (cod. Monacensis gr. 267) и *P* (cod. Vaticanus Palatinus gr. 413), была списана съ той же рукописи (π), что и брюссельская *B* (cod. Bruxelensis 11301—16), — тогда какъ по нашему мнѣнiю непосредственною копiей рукописи π является только *B*, а x списана съ *B*.

Прежде всего замѣтимъ, что группа *B(x)MP* характеризуется разными общими всѣмъ ея членамъ искаженiями подлиннаго текста, изъ которыхъ мы укажемъ здѣсь только слѣдующiя:

1) крупный пропускъ въ извлеченiяхъ изъ *Μεναόφρα* (fr. 11 p. 13 ed. Dindorf), о которомъ у насъ уже была рѣчь выше;

2) диттографiя: *Procop.* vol. II, p. 554, 15 ed. Bonn. послѣ слова *ὑρήματα* въ *B(x)MP* дважды написана фраза (vs. 15—17) *δὲ αὐτοῖς. . . . καὶ ὑρήματα*, тогда какъ въ *R* этой диттографiи нѣтъ, а слѣдовательно не было ея и въ π ; — другiе примѣры приведемъ ниже;

3) ошибочная разстановка словъ: *Procop.* vol. I, p. 114, 9 sq. *διαφερόντως ἀγαθός*] *διαφέροντος* (sic) *ἀγαθός R*, *ἀγαθός διαφερόντως B(x)MP*;

4) описки: *Procop.* vol. I, p. 210, 17 *γεωργῶ R*(π): *ἔργω* ³⁾ *B*, *ἔργφ (x)MP*

Procop. vol. I, p. 260, 18 *τοῦ* ⁴⁾ *ιεράως R*(π): *τοῦ βασιλείω B(x)MP*

id. vol. I, p. 261, 5 *τάχιστα R*(π): *μάλιστα B(x)MP*

id. vol. II, p. 21, 2 *μὲν R*(π): *δὲ B(x)MP*

¹⁾ *Визант. Временникъ*, 1898, 478 и слѣд.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 184.

³⁾ Этотъ важный вариантъ пропущенъ Жюстисомъ (*Anecd. Bruxell.* III, 88).

⁴⁾ Это *τοῦ*, пропущенное всѣми издателями, но находящееся и въ проконiесскихъ рукописяхъ, слѣдуетъ принять въ текстъ.

Procop. vol. II, p. 261, 14 προταίνόμενοι R(π): προεπιούμενοι B(x)MP

id. vol. II, p. 553, 2 γάρ R(π): δὲ B(x)MP

id. vol. II, p. 553, 3 ἀφροντισήσαντες R(π): ἀφροντίσαντες

B(x)MP

Procop. vol. II, p. 589, 16 ἐπαμνήσθητα R(π): ἐπιμέμνησθε B(x)MP

id. vol. II, p. 589, 17 ὁμόρων R(π): ὁμήρων¹⁾ B(x)MP.

Уже одни эти примѣры совершенно ясно показываютъ ошибочность мнѣнія де Боора, будто рукопись *x* была „eine Schwesterhandschrift von B“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, — допуская, что рукопись *x* была подобно *B* непосредственной копией рукописи π , мы eo ipso должны были бы допустить *явно абсурдное предположеніе*, что, списывая π , писецъ *x* по какой-то до-вольза страшной и совершенно невѣроятной прихоти случая въ очень многихъ мѣстахъ дѣлалъ какъ разъ тѣ же *характерныя* ошибки, чтѣ и писецъ *B*. Мы намѣренно подчеркиваемъ слово *характерныя*, такъ какъ признаемъ, что совершенно одинаковыя *не-характерныя* ошибки, какъ напримѣръ смѣшеніе окончаній -οις и -οος, -ου и -ου, предлоговъ ἀπό — ὑπό — ἐπί, ὑπό и ὑπέρ, περί и παρά, формъ предлоговъ ἐ; и εἰς, ξόν и σύν и т. п., не говоря уже объ итацитическихъ ошибкахъ, — очень легко могли возникать во взаимно совершенно независимыхъ рукописяхъ — просто по небрежности переписчиковъ³⁾. Совпаденія такихъ ошибокъ, встрѣчающихся въ B(x)MP,

¹⁾ Этотъ вариантъ также пропущенъ Жюстинсомъ (р. 95).

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akademie* 1902, 164.

³⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что, повидимому, именно вслѣдствіе непринятія въ расчетъ этого обстоятельства, а, быть можетъ, и вслѣдствіе ошибочнаго снѣженія нехарактерныхъ ошибокъ переписчиковъ съ характерными — де Бооръ впалъ въ два слѣдующихъ заблужденія, рассуждая о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій περί περίων ἐδικῶν πρὸς Ῥωμαίους (см. *Sitzungsberichte*, 1902, 157 и 161): 1) онъ предположилъ, что codd. Vatican Palatini gr. 410. 411. 412 списаны не прямо съ cod. Ambrosianus N 135 sup. (такое наше мнѣніе, высказанное нами уже въ *Византизмъ. Временникъ*, 1898, 476), но съ какой-то утраченной копій амброзіанской рукописи; 2) предположилъ, что cod. Bruxellensis 11317—21 и cod. Monacensis gr. 185 списаны не непосредственно съ вышеупомянутой трехтомной ватикано-палатинской рукописи (какъ это было отмѣчено нами въ *Византизмъ. Временникъ*, 1898, 476), а съ какой-то утраченной копій этой трехтомной рукописи; — это мнѣніе де Боора нами уже опровергнуто выше. Объ обоихъ этихъ заблужденіяхъ де Боора намъ еще придется поговорить ниже. Подобно отмѣтимъ, что и Бюттнеръ-Воботъ ни въ *Byzant. Zeitschrift*, 1901, 67, ни въ своихъ Beiträge zu Polybios, Dresden 1901, 31 не дѣлаетъ различія между характерными и нехарактерными ошибками переписчиковъ.

какъ ἀδωνάτων вмѣсто ἀδωνάτα ¹⁾ Procop. vol. I, p. 107,1 ed. Bonn. или ἐκράτωνετο вмѣсто ἐκράτωνετο ibid. p. 107,8 или даже ταυτὸν вмѣсто ταυτὸν ibid. p. 183,20 или ἀπόδοξοι вмѣсто ἐπίδοξοι vol. II, p. 551,22, — еще можно было бы объяснить простою случайностью, и въ такого рода нехарактерныхъ вариантахъ мы не стали бы усматривать аргументовъ противъ де-бооровскаго предположенія. Но когда мы видимъ въ *Vx* такія характерныя ошибки какъ, напримѣръ, πρостоὶόμενοι вмѣсто находившагося въ π (какъ видно изъ правильнаго чтенія рукописи *R*, непосредственной копіи π) κρτοίνόμενοι, то ясно, что допускать чисто случайное совпаденіе было бы чистѣйшимъ абсурдомъ; такія совпаденія характерныхъ ошибокъ *Vx* являются несомнѣнными доказательствами тѣсной генетической связи обѣихъ этихъ рукописей, а потому ясно какъ день, что въ *Vx* надо видѣть не „сестеръ“, какъ это думаетъ де Бооръ, но „мать съ дочкой“, а по отношенію къ π — „дочку“ и „внучку“.

Правда, отъ вышеупомянутаго абсурда де Боора спасало его предположеніе, что рукопись *R* списана не съ π, какъ это мы отмѣтили еще въ 1898 году ²⁾, но съ самого паззовскаго кодекса (Π): будь это де-бооровское предположеніе правильно, общія характерныя ошибки *Vx* можно было бы естественно объяснить тѣмъ, что онѣ находились уже въ π, откуда и перешли въ обѣ упомянутыя рукописи. Бѣда, однако, въ томъ, что такое спасеніе де Боора оказывается совершенно призрачнымъ, такъ какъ, избавляясь отъ одного абсурда, онъ зато впадаетъ въ другой, еще горшій абсурдъ: читателя, конечно, помнятъ, что, опровергая вышеупомянутое предположеніе почтеннаго ученаго, мы показали, что оно неразрывно связано съ необходимостью заставить Дармарія совершить неслыханное въ лѣтописяхъ палеографіи чудо, а именно, сидя въ Мадредѣ, списать *R* съ паззовскаго кодекса (Π), — находясь въ 48 километрахъ разстоянія отъ этой послѣдней рукописи, не покидавшей стѣвъ Эскориала.

Замѣтимъ также, что если бы де Бооръ, убѣдившись въ невозможности считать рукопись *R* непосредственною копіею паззовскаго кодекса (Π) и признавъ правильность нашего мнѣнія, что *R* списана съ π, вздумалъ все-таки отступать свой мнѣю о томъ, что *V* и *x* при-

¹⁾ Это ἀδωνάτα, кстати замѣтимъ, надо возстановить въ текстѣ Прокопія вмѣсто вульгаты ἀδωνάτων, основанной на чтеніи cod. Parisinus gr. 1702, писецъ котораго, какъ видимъ, случайно сдѣлалъ такую же ошибку, какая находится въ *V(x)MP*.

²⁾ *Визант. Временикъ* 1898, 476.

ходятся другъ другу „сестрами“, — напримѣръ предположивъ, что *V* списаны не непосредственно съ π , но съ какой-либо тоже утраченной копии ¹⁾ этой послѣдней рукописи ²⁾, — то и эта стезя спасенія отъ перваго изъ вышеуказанныхъ абсурдовъ ³⁾ оказалась бы совершенно прегражденною тѣми — очевидно ускользнувшими отъ вниманія де Боора — вариантами рукописей *VMP*, которые съ полной очевидностью доказываютъ правильность нашего предположенія, что рукопись *x* была списана непосредственно съ *B*, и ео ipso обличаютъ, какъ сильно заблуждается де Бооръ, дѣлающей дочку (*x*) сестрою ея родной матери (*B*). Съ этими столь предательскими для разбираемаго мнѣнія де Боора вариантами рукописей *VMP* мы не замедлимъ познакомить почтеннаго ученаго нѣсколько ниже, а теперь считаемъ не безполезнымъ отмѣтить еще одинъ любопытный пунктъ, отбѣивающій крайнюю сомнительность де-бооровскаго мнѣнія даже помимо вариантовъ *VMP*.

Этимъ пунктомъ является предложенное де Бооромъ крайне сомнительное объясненіе причины, обусловившей крупный пропускъ въ текстѣ извлеченій изъ Менандра (fr. 11, p. 13 ed. Dindorf), наблюдаемый въ *B(x)MP*.

Коснувшись этого вопроса выше, мы высказали предположеніе, что этотъ пропускъ былъ обусловленъ точно такою же механическою причиною, вслѣдствіе какой Дармарій, списывая соответствующій томъ ватикано-палатинской рукописи (codd. Vaticani Palatini gr. 410—412), пропустилъ много полибевскаго текста въ монхенской рукописи (cod. Monacensis gr. 185), перескочивъ съ fol. 201' ватикано-палатинской рукописи на fol. 202' и минуя, такимъ образомъ, обѣ промежуточныхъ страницы (fol. 201'—202').

По мнѣнію де Боора, вышеупомянутый пропускъ въ группѣ *B(x)MP* былъ обусловленъ „пропускомъ одного листа“ въ π . Отмѣтивъ, что уже одинъ этотъ пропускъ объединяетъ рукописи *VMP* въ одну группу и что общимъ источникомъ этой группы нельзя считать *R* ⁴⁾,

¹⁾ Назовемъ эту копию — ξ .

²⁾ Такое предположеніе, вѣсти сказать, въ известной степени являлось бы repudiat'омъ къ тѣмъ ошибочнымъ догадкамъ де Боора въ области вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій περί κρισεων εβικων προς Ρουλιου, о которыхъ мы недавно упоминали въ примѣчаніи.

³⁾ Опасительною эта стезя являлась бы въ томъ отношеніи, что, шествуя по ней, можно было бы приписать именно писцу рукописи ξ всѣ характерныя ошибки, общія рукописямъ *B* и *x*.

⁴⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akademie*, 1902, 163 сл.

онъ замѣчаетъ: „Somit ist die Lücke offenbar durch Uebersehen eines Blattes in einer anderen [чѣмъ R], uns verlorenen Handschrift entstanden, die in demselben kleinen Quarto-Format geschrieben war, wie die meisten Codices der legationes“¹⁾).

Приступая къ разбору этого объясненія почтеннаго ученаго, — въ правильности котораго онъ, очевидно, не сомнѣвается („*offenbar*“), — мы должны предварительно коснуться вопроса, какую именно рукопись слѣдуетъ отождествить съ тою утраченною рукописью in quarto, о которой говорится у де Боора въ только что приведенной выпискѣ.

По нашему мнѣнiю, эту рукопись могла быть только агустиновская (π = cod. Escorialensis IV. N. 8). Что же касается де Боора, то, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ разсужденiй, непосредственно примыкающихъ къ вышеприведенной выпискѣ („Auch die Handschrift des Ursinus Vaticanus graec. 1418, d. h. der Repräsentant der Handschrift des Augustinus, kann nicht aus jenem Scorialensis geflossen sein, da er eine grössere Anzahl von Corruptelen desselben nicht theilt. Hier muss also eine zweite unabhängige Copie des verbrannten Originals existirt haben, *vielleicht* [курсивъ нашъ] die Handschrift des Augustinus“) — почтенный ученый высказывается по интересующему насъ вопросу не совсемъ опредѣленно: не будучи вполне убѣжденъ („*vielleicht*“), что „вторую“ непосредственную копию пазовскаго кодекса слѣдуетъ признавать именно агустиновскую рукопись (π), онъ, очевидно, останавливается на этомъ предположенiи *лишь условно*. Отсюда мы въ правѣ заключить, что онъ, въ сущности, не прочь обогатить списокъ рукописей извлеченiй περί τρέσεωνъ еще одною „утраченною“ рукописью, которую для краткости мы будемъ обозначать буквой ψ. Считался съ этою (условною) возможностью появленiя на сцену еще какой-либо „утраченной“ рукописи извлеченiй περί τρέσεωνъ Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς — въ отвѣтной роли „второй“ „непосредственной копiи пазовскаго кодекса“, мы должны замѣтить, что нпмало не колеблемся поставить такую ψ на одну доску съ тѣми „утраченными“ рукописями у и z, которыя сочтены почтеннымъ ученымъ въ области рукописнаго пределия извлеченiй περί τρέσεωνъ ἑθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους — *рyчительно безъ всякой надобности*.

Переходя послѣ этихъ замѣчанiй къ разбору предложеннаго де Бооромъ объясненiя причины, обусловившей значительный пропускъ менаандровскаго текста въ Вх(МР), по можемъ не обратить вниманiя

¹⁾ Ibid. 164. — Курсивъ въ этой выпискѣ принадлежитъ намъ.

читателей на слѣдующій весьма любопытный и поучительный фактъ: съ такою увѣренностью („*offenbar*“) объясняя, что упомянутый пропускъ произошелъ „*durch Uebersehen eines Blattes*“ рукописи π (или ψ), почтенный изслѣдователь, очевидно, и не подозреваетъ, что этимъ самымъ онъ собственноручно подписываетъ смертный приговоръ своему же мнѣнiю, которое онъ высказываетъ нѣсколькими строками ниже на той же самой страницѣ своей статьи (р. 164), — что де рукописи *Bx* приходятся другъ другу сестрами. Въ самомъ дѣлѣ, — если допустить, что обѣ эти рукописи являются взаимно независимыми непосредственными копиями рукописи π (или, если угодно, — ψ), то, видя, что въ обѣихъ этихъ копияхъ пропущены *одна и та же листъ* оригинала, намъ придется предположить болѣе чѣмъ невѣроятный капризъ случая, заставившаго какъ писца *B* такъ и писца *x* совершить одинаковую въ высшей степени характерную ошибку въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Невѣроятность подобнаго предположенiя усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что де Бооръ заставляетъ обонхъ писцовъ пропускать цѣлый (отдѣльный) листъ, что, однако, было бы довольно странно предположить даже и по отношенiю къ одному только перенесичку.

Гораздо благоразумнѣе поступилъ бы де Бооръ, если бы предположилъ, что вышеупомянутая лакуна въ *ВМР* была обусловлена не пропускомъ соответствующаго листа рукописи π писцами *B* и *x*, но утратой этого листа въ π , происшедшей за нѣсколько времени до того, какъ съ π были списаны *B* и *x*. Чѣмъ же, однако, можно было бы объяснить эту утрату? — Предпологать, что соответствующая тетрадь (квинионъ) рукописи π разнилась, очевидно, нельзя, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, утрата одного листа неминуемо повлекла бы за собою утрату и другого, составлявшаго съ первымъ одно цѣлое; но тогда и пропускъ былъ бы ровно вдвое больше нежели тотъ, который констатированъ въ данномъ случаѣ. Остается, стало быть, только одно — допустить, что соответствующій листъ рукописи π былъ *вырванъ* изъ нея какимъ-то невѣдомымъ намъ варваромъ.

Однако и эта, съ позволенiя сказать, раздирательная гипотеза, являющаяся, очевидно, *ultimum refugium* для де-бооровскаго мнѣя о остринствѣ (*sit venia verbo!*) рукописей *Bx*, по ближайшему разсмотрѣнiю оказывается болѣе чѣмъ сомнительной. Дѣло въ томъ, что, если въ известномъ читателямъ, до нѣкоторой степени аналогичномъ дѣлѣ о (мнимо) „разодратіи“ квинионовъ въ той же самой рукописи π (IV. II. 8), а равно и въ IV. II. 7, съ цѣлью номѣстятъ въ

этих рукописях посторонняя вставка, представлялась возможность обвинить въ такомъ варварствѣ эскориальскаго переписчика, то въ данномъ случаѣ рѣшительно нельзя себѣ представить, кто-бы онъ былъ — тотъ варваръ, который выдралъ цѣлый листъ изъ рукописи κ . Если бы Эскориаль и Лерида находились въ Россіи, то, пожалуй, еще мыслимо было бы предположеніе, что курьеръ, съ которымъ Дармарій переслалъ въ Лериду Агустину (въ то время леридскому епископу) рукопись κ ¹⁾, выдралъ злосчастный листъ изъ этой рукописи съ цѣлью употребить его на „цыгарки“, — но въ классической странѣ сигаръ и кастаньетъ, надо полагать, и курьеры курили только сигары, а для раскуриванія своихъ регалий они, вѣроятно, употребляли что-нибудь болѣе подходящее, нежели пересылавшіяся съ ними рукописи. Впрочемъ, пожалуй, и русскій курьеръ едва ли бы дерзнулъ учинить подобное варварство надъ вещью, посылаемою съ нимъ высокопоставленной особѣ.

Установивъ такимъ образомъ фактъ, что въ рукописяхъ *Bx* слѣдуетъ видѣть вовсе не сестеръ, какъ это воображаетъ де Бооръ, а мать съ дочкой, остается опредѣлить, кто изъ нихъ мать и кто дочка.

Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на это дадутъ намъ тѣ случаи, въ которыхъ мы констатируемъ въ рукописи x пропуски подлиннаго текста, коихъ нѣтъ въ *B*. Ограничимся приведеніемъ слѣдующихъ примѣровъ:

1) *Polyb.* p. 1292,22 sq. καὶ τῆ φῶσι διαφερόντως ἀτυχίους ὑπάρχων — всей этой фразы нѣтъ ни въ *M*, ни въ *P*, а слѣдовательно ея не было и въ x , тогда какъ въ *BRV* эта фраза находится, откуда ясно видно, что она имѣлась и въ κ , и въ наззовскомъ кодексѣ (Π).

2) *Polyb.* p. 1171,26 μετέβη; p. 1209,18 τὰ; p. 1280,26 τῆ; p. 1294,24 δὲ; — *Procop.* vol. I, p. 107,7 (ed. Bonn.) ὄς; p. 260,15 οἱ; — *Menandr.* p. 3,7 (ed. Dindorf) τέ — всѣ эти слова пропущены въ (x)*MP*, но имѣются въ *BRV* и находились также въ κ и Π . Сюда же подходят примѣры вродѣ *Menandr.* p. 10,24 ἐπιχρησάμενος] ἐπιχρησάμενος; *B*: χρησάμενος (x)*MP*.

Наоборотъ, всадъ, гдѣ текстъ x оказывается болѣе полнымъ, нежели текстъ *B*, слѣдуетъ предполагать въ x либо описку, либо интерполяцію, ср. напримѣръ *Prisc.* p. 319,7 ed. Dind. ἐπεμπε βασιλεῖ *B*: ἐπεμπε τῷ βασιλεῖ (x)*MP*.

Приведенные примѣры въ связи со всѣмъ вышеназваннымъ дѣлаютъ очевиднымъ, что на вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рук-

¹⁾ Эта рукопись, какъ и IV. Н. 6 и 7, была изготовлена по заказу Агустина.

писей *B* и *x* возможен только тот отвѣтъ, который мы сообщили въ своей стѣммѣ: рукопись *x* списана съ *B*.

Остается замѣтить, что этотъ нашъ выводъ находить для себя блестящее подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ нижеприводимыхъ примѣровъ, которые, очевидно, тоже совершенно ускользнули отъ вниманія де Боора. Мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны, такіе варианты *B*, которые объясняютъ намъ причину разныхъ характерныхъ ошибокъ группы (*x*)*MP*, съ другой — такіе случаи, гдѣ характерныя ошибки писца *B*, унаследованныя группой (*x*)*MP*, находятъ для себя въ самой же рукописи *B* вполне естественное и простое объясненіе. Такъ напримѣръ —

1) *Polyb.* p. 1350,27 sq. Τριταία] τριταῖον *V* (и, вѣроятно, *L*), τρι-|ταῖον *B*, причѣмъ *i* такъ написано, что при невнимательномъ чтеніи эту букву чрезвычайно легко принять за τ, — это и случилось не только съ писцомъ *x* (τριταῖον *MP*), но и съ Жюстисомъ, который, сличая *B* для Бюттнеръ-Вобста ¹⁾, прочелъ τριταῖον (безъ ударенія); писецъ *x* кромѣ того, принялъ *i* за *i*.

2) *Polyb.* p. 1175,5 προκόφαντας; правильно читается въ *VRLB*, но въ *B*, какъ читателямъ уже извѣстно ²⁾, первый слогъ этого слова, пришедшійся на конецъ строки, написанъ сокращенно; — это обстоятельство и послужило причиной, почему не только писецъ *x* (προκόφαντας *MP*), но и Жюстисъ ³⁾ принявъ чтеніе *B* πρ-|κόφαντας за προκόφαντας.

3) *Prisc.* p. 299,3 Κουριδάχον] κουριδάχον (sic) *B*, причѣмъ буква χ такъ написана, что при невнимательномъ чтеніи ее легко принять за λ, — это и случилось съ писцомъ *x*, какъ показываетъ чтеніе *MP* κουριδάλον.

4) Въ началѣ 5-го извлеченія изъ Проконія: "Οτι ὁ Χωρόης ἀκούσας τὰ τῶν Ἀρμενίων ⁴⁾ καὶ τὰ τῆν (sic) ⁵⁾ Οὐτίτιδος ἦσθη ⁶⁾ τε καὶ

¹⁾ Büttner-Wobst, Beiträge zu Polybios, 21, 1.

²⁾ См. начало этой главы.

³⁾ Büttner-Wobst, l. c. 31, 1.

⁴⁾ ἀρμενίων *B*: ἀρμενίων *BMP*.

⁵⁾ Всего естественно думать, что это τῆν описка вмѣсто τοῦ, но если принять во вниманіе подлинный текстъ Проконія (vol. I, p. 166, 13—15 ed. Bonn.): ταῦτα ἐκεῖ Χωρόης ἤκουσεν, ἦσθη τε καὶ εὐχαλέσας εἰ τι ἐν Πέρσας καθαρὸν ἦν ἐς πάντας ἐξήνεγκεν ἃ τε Οὐτίτις ἐγγραφῆς καὶ δεῦα οἱ Ἀρμένιοι εἶπον, ἀμφὶ τε τῶ πρακτικῶ βουλῆν προῦθησαν (возстановляемъ въ текстѣ это προῦθησαν вмѣсто вульгаты εἶθην, опирающейся лишь на ошибочное чтеніе cod. Parisinus 1702), — то можно думать и о [καὶ] τὰ τε Οὐτίτιδος, и даже, пожалуй, ο καὶ [τὰ] τῆν Οὐτίτιδος <ἐπιστολῆν>.

⁶⁾ ἦσθη *P*: ἦσθη *RBM*.

ἐογκαλέσας εἴ τι ¹⁾ ἐν Πέρσαις καθαρὸν ἦν ἐς πάντας ἐτήνευχε περὶ τούτων, ἀμφὶ τε ²⁾ τῆ πρακτέῃ βουλήν προβέβηκεν, — вмѣсто οὐκείτιδος (такъ *R*) въ *B* написано οὐκείτιδος ³⁾, а въ *MP* οὐκείτιδος, откуда видно, что писецъ *x*, списывая *B*, не обратилъ вниманія, на γι, добавленное въ *B* надъ строкой.

5) *Polyb.* p. 1349,10 τοὺς <δ'> ἀράνους ἐπιμόνους ποιεῖν, ἄως ἂν λάβῃ τὰ τοῦ πολέμου κρίσιν. λοιπὸν ἐκ τῆς τοιαύτης δημαγωγίας πᾶν τὸ λεγόμενον ὑπ' αὐτοῦ πιστὸν εἴνεται. Писецъ *B*, нерѣдко дѣлающій по разсѣянности диттографическія ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда переходить съ одной строки или страницы на другую, сдѣлалъ такую ошибку и здѣсь, написавъ κρίσιν λοιπὸν | λοιπὸν и проч. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ самъ замѣчаетъ, что ошибся, и исправляетъ эти ошибки, экспунгуя неизменно повторенныя слова ⁴⁾, но здѣсь диттографія λοιπὸν ускользнула отъ его вниманія ⁵⁾; — не обратилъ на это вниманія и писецъ *x* при списываніи *B*, и вотъ почему въ *MP* находимъ λοιπὸν-λοιπὸν (въ *M* въ серединѣ строки, а въ *P* въ концѣ строки) — даже съ прибавленіемъ знака препинанія, отсутствующаго въ *B*; этотъ знакъ препинанія, очевидно, былъ поставленъ уже писцомъ *x*.

6) *Polyb.* p. 1349,23 πᾶσαν ἐνδεικνόμενος φιλοτιμίαν χάριν τοῦ μὴ προβῆναι ⁶⁾ τοὺς Ἀχαιοὺς εἰς ὀλοσχεροτέραν ἀπέχθειαν πρὸς Ῥωμαίους — здѣсь

¹⁾ εἴ τι *RB*: εἴ τι *MP*.

²⁾ τε *VMF*: om. *R*.

³⁾ У Жюстиса (l. c. 86) опечатка.

⁴⁾ Такъ напримѣръ немного выше онъ же сначала написалъ τὸ δὲ τέλος τῆς ἀπωλείας-τὸ δὲ τέλος | τῆς ἀπωλείας *Polyb.* p. 1348,10, но потомъ экспунговалъ второе τὸ δὲ τέλος τῆς ἀπωλείας (кстати замѣтимъ, что экспункция эта была сдѣлана недостаточно ясно, такъ что Шоттъ, бывший владѣлецъ рукописи *B*, по разглядѣніи точечки, поставленной писцомъ *B*, зачеркнулъ первое τὸ δὲ τέλος τῆς ἀπωλείας). Равнымъ образомъ въ *Polyb.* III, 33,3 ὁπότερον αὐτοῖς φαίνεται, τοῦτ' ἐμβαλεῖν ἐκλωσε (p. 234,16 κ.) — писецъ *B*, переходя съ одного листа на другой, сначала написалъ φαίνεται, τοῦτ' ἐκβαλεῖν φαίνεται (fol. 34/35), по сей часъ же экспунговалъ диттографію (а Шоттъ кромѣ того зачеркнулъ ее же). Наконецъ, укажемъ *Polyb.* III, 25,4 p. 226,23, гдѣ въ *B* (fol. 30/31) написано καὶ εἰς τὴν ὄδον || καὶ εἰς τὴν ὄδον καὶ εἰς τὴν ἔφοδον, по первое καὶ εἰς τὴν ὄδον зачеркнуто — скорѣе самими же писцомъ чѣмъ Шоттомъ.

⁵⁾ Надо замѣтить, что первое λοιπὸν зачеркнуто въ *B* Шоттомъ.

⁶⁾ Во всѣхъ рукописяхъ кромѣ *M* вмѣсто προβῆναι читается παραβῆναι (*VMBP*, а слѣдовательно и въ π, и въ x); отсюда ясно, что въ проβῆναι мы имѣемъ либо случайную опіску, либо конъектуру самую Дармарія. Последнее намъ кажется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что Дармарій вообще оказывается очень склоннымъ къ интерполяціямъ; особенно часто попадаются его интерполяціи именно въ *M*.

писецъ *B*, переходя съ одного листа на другой, по разсѣянности написалъ тоѹ дважды: χάριν τοῦ || τοῦ μὴ fol. (75/76). Списывая *B*, писецъ *x*, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, не только не понялъ, что здѣсь въ *B* просто диттографія ¹⁾, но и прибавилъ въ своей копіи запятую послѣ перваго τοῦ. Поэтому и въ *MP* находимъ χάριν τοῦ, τοῦ μὴ и проч.

7) *Procop.* vol. II, p. 506, 11 ed. Bonn. τὸν ταῦτα διαθηζόμενον, ὅπῃ ἑκατέροις ξυνοίσειν μέλλει — здѣсь вмѣсто ξυνοίσειν (такъ, правильно, *R*) писецъ *B*, переходя съ одной строки на другую, написалъ ξυνοίσειν, и вотъ писецъ *x*, не понявъ ошибки оригинала, превратилъ это ξυνοίσειν въ ξυνοίησειν (sic), что и перешло въ *MP*.

8) *Procop.* vol. II, p. 554, 15—17 ed. Bonn. ²⁾ δὲ αὐτοῖς προίεμενον ³⁾ πεῖσαι ἀπαλλάσσεσθαι ὅτι τάχιστα ἐκ Ῥωμαίων τῆς γῆς. οἱ δὲ τῶν τε Οὐτιγούρων ⁴⁾ τὴν ἐφοδὸν γνόντες καὶ χρήματα — все это написано какъ въ *B* такъ и въ *MP* дважды, какъ мы уже сообщали выше, присовокупляя, что въ *R* этой диттографіи нѣтъ. Возникновение этой характерной ошибки находить себѣ совершенно естественно объясненіе именно въ томъ фактѣ, что въ *B* этому диттографіей начинается новый листъ ⁵⁾, а именно въ этой рукописи данное мѣсто написано такъ: χρήματα δὲ αὐτοῖς προίεμενοι — — γνόντες καὶ χρήματα || δὲ αὐτοῖς προίεμενοι — — γνόντες καὶ χρήματα (fol. 135/136).

9) *Polyb.* p. 1292, 22 sq. цѣлая фраза καὶ τῆ φύσει διαφερόντως ἀγχινοῦς ὑπάρχων, нѣмьющаяся въ *VRB*, пропущена въ *MP*, а слѣдовательно была пропущена и въ *x*. Соответствующій текстъ распределенъ

¹⁾ Болѣе смѣливымъ оказался писецъ *x*, напримѣръ, въ *Dionys. Halicarn.* vol. IV, p. 216, 31 ed. Kiessl., гдѣ вмѣсто καὶ προίηη писецъ *B* написалъ καὶ || καὶ προίηη (fol. 10^r/10^v).

²⁾ Предшествуетъ слово χρήματα.

³⁾ προίεμενοι *RB(x)MP*, а слѣдовательно и т.

⁴⁾ Въ текотѣ болонскаго изданія читается, какъ и въ предшествующихъ изданіяхъ, Οὐτιογούρων — ошибочный вариантъ интерполированнаго (флорентійскаго) рукописнаго преданія Прокопія.

⁵⁾ На сопоставленіи съ этой направившейся аналогичная ошибка Дармарія, который, списывая *M* съ *x* и закончивъ одну страницу въ *M* (fol. 171^v) словами: ὅπως τὰ τε διάφορα ἦσαν (sic) καὶ τὰ ἀμφὶ τὴν εἰρήνην (sic) εὖ θήσονται (sic). ἦμα δὲ καὶ υοσφύς ἐς ποταμὸν τίτην, ὃς δὴ πάλως ἰσθμὸς (sic) διέγχευε τοῖσιν ἡμίραν ὀδῶν μέγιστα, ὅπως (*Procop.* vol. I, p. 54, 16—19 Bonn.), — на слѣдующей страницѣ (fol. 171^v) сталъ писать еще разъ τὰ τε διάφορα ἦσαν и т. д. до словъ τίτην, ὃς δὴ включительно, и только на этомъ мѣстѣ (начало третьей строки fol. 171^v) замѣтилъ свою ошибку, которую и не замедлил исправить посредствомъ эксплициціи.

въ *B* (fol. 70^r, vs. 6 sqq. сверху) между отдѣльными строками слѣдующимъ образомъ:

6 πράγμασιν ἔχων, καὶ τῇ φύσει διαφερόντως ἀρχί-
 7 νους ὑπάρχων διόπερ ἐξαγαγὼν τὴν αὐτοῦ στρα-
 8 τῖάν, καὶ η τ. д.

Отсюда ясно видно, что, списывая *B*, писецъ *x* съ 6 строки оригинала перескочилъ на слѣдующую, ставъ жертвой homoeoteleuton ἔχων — ὑπάρχων.

Всѣ вышеприведенные примѣры, — очевидно, совершенно ускользнувшіе отъ вниманія де Боора, — болѣе чѣмъ краснорѣчиво доказываютъ безусловную правильность нашего мнѣнія, что рукопись *x* является непосредственною копіей *B*, и, самымъ очевиднымъ образомъ обличая ошибочность мнѣнія де Боора, неумолимо и безапелляционно приговариваютъ *x* въ де-бооровской стеммѣ къ такой же деградации, какой уже подверглись *R* и *c*.

При всемъ томъ въ нашей аргументаціи оказался бы существенный пробѣлъ, если бы мы оставили безъ опроверженія одно мѣсто въ статьѣ Бюттнеръ-Вобста „Die handschriftliche Ueberlieferung der excerpta περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικοῦς“, которая является третьей главой его „Beiträge zu Polybios“ (Dresden 1901, 20 — 26). Намъ тѣмъ пріятнѣе познакомиться читателю съ этимъ мѣстомъ, что оно очень ясно показываетъ, какъ благоразумно поступили мы въ 1898 году, отложивъ детальное рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей *ВМР* до непосредственного ознакомленія нашего съ *B* — вмѣсто того, чтобы рѣшать этотъ вопросъ, полагаясь на жюстисовскія колляціи брюссельской рукописи, опубликованныя имъ въ III томѣ „Anecdota Bruxellensia“ (Gand 1896).

Предварительно считаемъ не бесполезнымъ сообщить тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Бюттнеръ-Вобстъ въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи, — для того, чтобы выяснитъ нашимъ читателямъ, на какой точкѣ зрѣнія стоятъ этотъ ученый въ сферѣ интересующаго насъ вопроса.

Бюттнеръ-Вобстъ слѣдуетъ традиционному мнѣнію, ведущему свое начало отъ Шульце ¹⁾ и сводящемуся къ предположенію, что всѣ или почти всѣ дошедшія до нашего времени рукописи извлеченій περί

¹⁾ *Ern. Schulze*, De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnæ 1866, 49 сл.

прѣсвѣов были непосредственно списаны съ пазовскаго кодекса (Π). Вышеупомянутая статья Бюттнеръ-Вобста является естественнымъ продолженіемъ или дополненіемъ другой его статьи подъ заглавіемъ „Der Codex Bruxellensis 11317—21. Ein Beitrag zum Corpus excerptorum historicorum des Konstantinos Porphyrogenetos“, въ томъ же 1901 году появившейся въ *Byzant. Zeitschrift* (X, 66 — 69), гдѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ мюнхенской и брюссельской рукописей извлеченій περί прѣсвѣов ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους (cod. Monacensis gr. 185 — по обозначенію Бюттнеръ-Вобста O, и cod. Bruxellensis 11317—21, по его же обозначенію W) и на основаніи детальнаго изученія вариантовъ, относящихся къ отрывкамъ изъ XX—XXVIII книгъ труда Полибія, приходитъ къ выводу, что „für die behandelten Exzerpte aus Polybios eine verschollene, aus demselben Archetypus, dem verbrannten Escorialensis [т. е. Π], abgeleitete, ziemlich verderbte Handschrift die Quelle von O und W ist“¹⁾, — не подозрѣвая, что уже за три года до этого мы, сообщая въ *Визант. Временникъ*, 1898, 476, результаты собственныхъ изслѣдованій, не только констатировали, что обѣ вышеупомянутыя рукописи въ полномъ ихъ объемѣ являются непосредственными копіями трехтомной ватикано-палатинской рукописи (codd. Vaticani Palatini gr. 411. 410. 412), списанной не съ пазовскаго кодекса (Π), но съ cod. Ambrosianus N 135 sup., и оставшейся неизвѣстною нашимъ предшественникамъ несмотря на то, что уже въ 1885 году она была описана въ каталогѣ Стевенсона²⁾, — но и обнаружили ошибочность традиціоннаго мнѣнія, впервые установивъ общую стемму рукописей извлеченій περί прѣсвѣов, которая, помимо выясненія взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ рукописей, показывала, что съ пазовскаго кодекса (Π) непосредственно были списаны всего только двѣ рукописи, по своему содержанію представлявшія одно цѣлое, а именно съ первой половины Π — cod. Ambrosianus N 135 sup. (извлеченія περί прѣсвѣов ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους), а со второй половины Π (извлеченія περί прѣсвѣов Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς) — соответственный томъ (π = cod. Escorialensis IV. Π. 8) трехтомной августиновской рукописи, сгорѣвшей въ 1671 году вмѣстѣ съ пазовскимъ кодексомъ.

¹⁾ *Byz. Zeitschrift*, 1901, 68.

²⁾ *H. Stevenson senior*, Codices mss. Palatini graeci bibliothecae Vaticanae, Romae 1885, 267 сл.

„Ob nun auch für die anderen im Bruxellensis erhaltenen Exzerpte... dasselbe gilt,“—продолжает Бюттнеръ-Вобстъ (l. c. 68) — „entzieht sich vorderhand meiner Beurteilung, da ich über das nötige Material zur Entscheidung dieser Frage nicht verfüge; allein da de Boor (Sitzungsber. d. Kgl. preuss. Akad. d. Wiss. 1899, S. 932 f.) vermutet, dass auch der Monacensis 267 und der Bruxellensis 11301—16 (diese Handschriften enthalten die Exzerpte über die Gesandtschaften der Römer an auswärtige Völker), die eine grosse gemeinsame Lücke haben und auch sonst in vielen Beziehungen übereinstimmen, entweder aus einander abgeschrieben sind oder auf eine stark verderbte Mittelquelle zurückgehen, so dürfte es wenigstens wahrscheinlich sein, dass beide Monacenses und beide Bruxellenses demselben verloren gegangenen Manuskript entstammen, einer Handschrift, die aus dem Original aller unsrer Exzerpthandschriften ziemlich flüchtig abgeschrieben war“. Мимоходом замѣтимъ, что отсюда ясно видно, кто является главнымъ виновникомъ того заблужденія, въ которое впалъ Бюттнеръ-Вобстъ, рассуждая о взаимныхъ отношеніяхъ мюнхенской и брюссельской рукописей извлеченій *περί πρέσβεων Ρωμαίων πρὸς ἔθνη*.

Вскорѣ послѣ того Бюттнеръ-Вобстъ получалъ отъ разныхъ лицъ интересовавшія его коλλαціи четырехъ рукописей вышеупомянутаго отдѣла извлеченій *περί πρέσβεων* — codd. Bruxellensis 11301 — 16 (по его обозначенію W), Monacensis gr. 267 (N), Escorialensis R. III. 14 (V) и Vaticanus gr. 1418 (U)¹⁾, — въ томъ числѣ коλλαцію брюссельской рукописи отъ Жюстиса — и не замедляя подвергнуть тщательному изученію варианты всѣхъ этихъ четырехъ рукописей. При этомъ онъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ брюссельской и мюнхенской рукописей пришелъ къ результату, совершенно подтверждавшему его первоначальную догадку, которая совпадала съ однимъ изъ двухъ предположеній, высказанныхъ по тому же вопросу де Бооромъ. „Daher bleibt nur übrig“, сообщаетъ Бюттнеръ-Вобстъ въ своихъ Beiträge zu Polybios, 22 — „dass, ebenso wie der Monacensis A 185 und der Bruxellensis 11317—21 aus einer gemeinsamen verlorenen Handschrift stammen (s. S. 20), auch der Monacensis B 267 (N) und der Bruxellensis 11301—16 (W), welche beide mit jenen Handschriften eng verbunden sind, insofern die beiden Monacenses und die beiden Bruxellenses die gesamten Excerpte über das Gesandtschaftswesen enthalten,

¹⁾ О существованіи cod. Vaticanus Palatinus gr. 418 (по нашему обозначенію P) онъ въ то время еще не зналъ.

aus einem verschollenen Manuskripte geflossen sind, das aus dem allen gemeinsamen cod. archetypus abgeleitet war“.

Какъ видимъ, этотъ результатъ изслѣдованій Бюттнеръ-Вобста существенно расходится съ нашимъ выводомъ, что мюнхенская рукопись (вмѣстѣ съ ватикано-палатинскою) является копией рукописи *x*, которая, въ свою очередь, списана съ брюссельской. Нетрудно, однако, доказать, что въ данномъ случаѣ Бюттнеръ-Вобстъ такъ же сильно заблуждается, какъ заблуждался въ свое время де Бооръ, который собственно и натолкнулъ Бюттнеръ-Вобста на ошибочный путь.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ аргументаціи Бюттнеръ-Вобста, по ближайшему разсмотрѣніи, оказывался совершенно ошибочнымъ. Этимъ пунктомъ, который имѣетъ рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ, является то самое мѣсто, о которомъ мы упоминали выше. Оно гласитъ: „Auch die andere Möglichkeit dass N aus W stamme, ist zu verneinen. W giebt nämlich an folgenden Stellen eine verderbte Lesart, während N das richtige bewahrt hat:

- 1) Polyb. 22, 19, 3 χαρδίωνα falsch W, χαρμίωνα richtig N mit VU;
- 2) 23, 8, 5 τὴν παραγενομένην φιλίππου πόλιν falsch W, τὴν προσγεγενομένην φιλίππου πόλιν N mit VU;
- 3) 27, 3, 2 γησίλαχος falsch W, γησίλοχος falsch VU, ἀγησίλοχος richtig allein N;
- 4) 27, 7, 6 εὐμένη falsch W mit VU, εὐμένη richtig allein N;
- 5) 28, 4, 12 ὅτε βουληθεὶς τι λέγειν falsch W mit U, ὅτε βουληθεῖη τι λέγειν richtig N mit V;
- 6) 38, 10, 3 χάριν τοῦ μὴ παραβῆναι τοὺς αχαιοὺς εἰς ὀλοσχερωτέραν ἀπέχθειαν falsch W mit VU, χάριν τοῦ μὴ προβῆναι κτλ. richtig allein N (wie Schweighäuser im Lexikon unter παραβαίνειν bereits vermutet hatte) ¹⁾.

На это отвѣтимъ по пунктамъ, удерживая свѣдѣнія Бюттнеръ-Вобста, но присоединяя въ скобкахъ свои собственные, причемъ напомнимъ читателямъ, что буквой *P* мы обозначаемъ cod. Vaticanus Palatinus gr. 413 (о существованіи этой рукописи Бюттнеръ-Вобстъ въ то время еще не зналъ), буквой *x* — общій источникъ рукописей *N(M)* и *P*, а буквой *π* — аугустиновскую рукопись.

- 1) Polyb. 22, 19, 3 p. 1108, 8 въ *W(B)* читается по *χαρδίωνα*,

¹⁾ Büttner-Wobst, Beiträge zu Polybios, 21. — Г'азрядка вездѣ принадлежитъ самому автору.

как сообщил Бютнерь-Вобсту Жюстисъ, по $\chi\alpha\rho\acute{\sigma}\iota\omega\nu\alpha$ (въ концѣ строки), при чемъ $\delta\acute{\iota}$ подчеркнута и $\mu\iota$ надписано *самимъ писцомъ*, а не Шоттомъ, какъ это, быть можетъ, полагають Жюстисъ ¹⁾. Что такимъ образомъ *самъ писецъ* исправилъ свою первоначальную ошибку, это видно не только по черниламъ и почерку, отличающимся отъ шоттовскихъ, но и изъ того факта, что уже писецъ x правильно прочелъ $\chi\alpha\rho\acute{\sigma}\iota\omega\nu\alpha$, которое и перешло въ $N(M)$ и P .

2) 23, 8, 5 р. 1118, 28 въ *текстѣ* $W(B)$ дѣйствительно читается $\kappa\alpha\rho\alpha\gamma\epsilon\upsilon\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\eta$, но *самъ писецъ* исправилъ свою ошибку и поставилъ надъ нею двѣ точки, отсылая этимъ на поле, гдѣ онъ же приписалъ: $\gamma\rho. \text{προσαγορευομένη}$. Это замѣтилъ уже писецъ x (отсюда правильное чтеніе προσαγορευομένη въ $N(M)$ и P), но страннымъ образомъ не замѣтилъ Жюстисъ.

3) 27, 3, 2 р. 1155, 8 $\gamma\eta\sigma\iota\lambda\omicron\chi\omicron\varsigma$, какъ видно изъ согласнаго чтенія трехъ непосредственныхъ копій агустинской рукописи (π), т. е. рукописей $VUW(RVB)$; писецъ B самъ исправилъ свою ошибку $\gamma\eta\sigma\iota\lambda\omicron\chi\omicron\varsigma$, надписавъ $\omicron$ надъ α), — находилось и въ π , а слѣдовательно, по всей вѣроятности, и въ пазовскомъ кодексѣ (II). Списывая $W(B)$, писецъ x также написалъ $\gamma\eta\sigma\iota\lambda\omicron\chi\omicron\varsigma$, какъ видно изъ чтенія P ($\gamma\eta\sigma\iota\lambda\omicron\chi\omicron\varsigma$, гдѣ χ исправлено изъ λ). Слѣдовательно чтеніе $N(M)$ $\acute{\alpha}\gamma\eta\sigma\iota\lambda\omicron\chi\omicron\varsigma$ является просто конъектурой самого писца этой рукописи, т. е. Дармарія, и потому никомъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ взаимной независимости рукописей $W(B)$ и $N(M)$.

4) 27, 7, 6 р. 1158, 13 $\chi\alpha\kappa\omicron\upsilon\omicron\iota\sigma\tau\alpha\iota \delta\acute{\epsilon} \sigma\upsilon\nu\epsilon\chi\omega\varsigma \delta\iota\acute{o} \tau\omega\nu \acute{\upsilon}\pi' \text{Εὐμένη ταντομένων}$ ²⁾ — здѣсь $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ читается не только въ $N(M)$, но и въ P , изъ чего слѣдуетъ заключить, что $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ читалось и въ общемъ источникѣ этихъ рукописей, т. е. въ x . Но такъ какъ рукопись x была списана съ $W(B)$, гдѣ читается $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota$, то ясно, что $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ является простою италическою ошибкой писца x или въ крайнемъ случаѣ — его же конъектурой ³⁾. Съ другой стороны, согласное чтеніе рукописей $WVU(BRV)$ $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota$ свидѣтельствуетъ, что и въ ихъ общемъ источникѣ (π) читалось тоже $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota$. Такимъ образомъ, въ методологическомъ отношеніи „*falsch*“ оказывается именно вариантъ $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$, а не $\epsilon\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota$.

¹⁾ Шоттъ зачеркнулъ $\delta\acute{\iota}$ и на полѣ приписалъ „ $\chi\alpha\rho\acute{\sigma}\iota\omega\nu\alpha$ 91. 24“, — не совсѣмъ точно отиѣчая вариантъ орсиніевскаго изданія, гдѣ читается $\chi\alpha\rho\acute{\sigma}\iota\omega\nu\alpha$ (р. 91, 24).

²⁾ $\tau\alpha\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$ (sic) P (въ началѣ строки), προττομένων $U(V)$.

³⁾ Первое предположеніе намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ чѣмъ второе

Посмотрим теперь, можно ли назвать этот последний вариант „ошибочным“ (falsch) въ синтаксическомъ отношеніи, каковымъ очевидно, признаеть его Бюттнеръ-Вобстъ, не подозревая, что инкритинируемый вариантъ является чтеніемъ ближайшаго общаго архетипа всѣхъ дошедшихъ до нашего времени рукописей извлеченій *περί πρῶτων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνηους*.

Какъ видно изъ детальнаго изслѣдованія Кребса ¹⁾, Полибій пользуется двумя конструкціями — *τάττασθαι ὑπό τινι* и *τάττασθαι ὑπό τινα*, причеиъ послѣдняя встрѣчается гораздо чаще первой: по подсчету Кребса *τάττασθαι ὑπό τινα* попадаетъ въ 41 случаѣ (въ это число Кребсъ, знавшій только вариантъ мюнхенской рукописи N(M) *εὐμένη*, включилъ (р. 50) и разбираемое нами мѣсто, — кстати сказать, читуя 27, 7, 7 вмѣсто 27, 7, 6), а *τάττασθαι ὑπό τινι* встрѣчается только одинъ разъ — въ 18, 11, 4 р. 977, 11 τῆς Χαλκίδος καὶ τοῦ Κορίνθου καὶ τῆς Δημητριάδος ὑπὸ τῆ Μακεδόνι ταττομένων. И вотъ одного этого аналогичнаго примѣра намъ совершенно достаточно для того, чтобы, — опираясь на авторитетъ единственной непосредственной копии (π) паззовскаго кодекса (Π), — возстановить въ разбираемомъ мѣстѣ (27, 7, 6) чтеніе *διὰ τῶν ὑπ' Εὐμένηι ταττομένων*, изгоняя вульгату *Εὐμένη*, которая оказывается опiscoй или конъектурой писца рукописи *z*.

Правда, зная, съ какою небрежностью изготовлялъ Дармаріи свои копии, нельзя поручиться, что въ паззовскомъ кодексѣ (Π) читалось непременно *εὐμένηι*, а не *εὐμένη*; съ другой стороны, даже если принять за фактъ, что и въ паззовскомъ кодексѣ читалось именно *εὐμένηι*, то, зная, что самъ этотъ кодексъ подобно своимъ собратьямъ — турецкому *cod. Peirescianus* извлеченій *περί ἀρετῆς καὶ χακίας* и ватиканскому палимпсесту (*cod. Vaticanus gr. 73*) извлеченій *περί γνωσίων* ²⁾ — былъ писанъ довольно небрежно и пзобиловалъ всякаго рода ошибками, нельзя поручиться, что это *εὐμένηι* является подлиннымъ выраженіемъ, употребленнымъ самимъ Полибиемъ, — но при всемъ томъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ предпочтеніе должно быть отдано варианту лучшаго рукописнаго преданія, т. е. *Εὐμένηι* ³⁾.

¹⁾ *Fr. Krebs, Die Präpositionen bei Polybios (Beiträge zur histor. Syntax der griech. Sprache, hgg. von M. Schanz, Heft I), Würzburg 1882, 48 сл.*

²⁾ Ниже мы покажемъ, что де Вуоръ ошибается, отрицая принадлежность паззовскаго кодекса къ тому же самому собранію, что и *cod. Peirescianus* и *cod. Vaticanus gr. 73*.

³⁾ Многогодоиъ замѣтимъ, что при этомъ количественное отношеніе случаевъ

Помимо всего вышесказанного не можем не отметить, что, взаимно противопоставляя варианты εὐμένει и εὐμένη в качестве аргумента, якобы доказывающего взаимную независимость рукописей WN (BM), Бюттнерь-Вобст, несомненно, впадает в крупную методологическую ошибку, не проводя строгого различия между *характерными* и *нехарактерными вариантами*: ясно как день, что такие шаблонные, встречающиеся сотнями, статистические ошибки, как смещение ε и η, никоим образом не могут служить доказательствами *pro* или *contra* в вопросах о взаимных отношениях соответствующих рукописей.

5) 28, 4, 12 p. 1172, 2 sq. ὅτε βουλευθείη τι λέγειν — в W(B) читается не βουλευθείς, как сообщал Бюттнерь-Вобсту Жюстис, но правильно — βουλευθείη. По крайней мере, так прочли мы сами, сличая эту рукопись, и, очевидно, так же прочли и писец рукописи x, как видно из согласного чтения βουλευθείη N(M) и P. Не мешает заметить, что в рукописи W(B) букву η довольно легко смешать, при невнимательном сличении, и с ζ, и с ε, и с ι. Не сомневаемся, что именно такую ошибку и сдвинул в данном случае Жюстис, который, как мы уже и выше неоднократно констатировали, не грешит особенно аккуратностью в сличении шоттского кодекса ¹⁾. Если на полях W(B) Шоттом не отмечено варианта орсаниевского издания βουλευθείς ²⁾ то, надо полагать, что и Шотт принял βουλευθείη за βουλευθείς или βουλευθείς ³⁾.

6) 38, 10, 3 p. 1349, 23 sq. χάριν τοῦ μὴ προβῆναι τοὺς Ἀχαιοὺς εἰς ὀλοσχερεστέραν ἀπέχθειαν πρὸς Ῥωμαίους — об этом месте у нас уже была речь выше, причем на основании характерной диттограммы τοῦ || τοῦ W(B) fol. 75/76, повторенной чрез посредство руко-

---

употребления Полибий конструирует τάττεσθαι ὑπό τινος и ὑπό τινος выраятся уже не как 1:41, но как 2:40 или 1:20.

¹⁾ В качестве особенно назидательного примера можно указать следующую: в W(B) fol. 246^v читается (в конце строки) παροῶν (Monand. p. 110, 6 ed. Dind.), причем ὦν написано (над строкой) посредством обычного сокращения, а Жюстис это слово принял за παροῶ (πίσι), — см. Anecdota Bruxellensia, III, 70.

²⁾ Говорим: „если“, так как отметили у себя лишь побольшую часть такого рода приписок Шотта.

³⁾ Третьим примером той же ошибки является вариант U(V), если в этой рукописи действительно читается, как в орсаниевском издании, βουλευθείς, так, по крайней мере, утверждает Бюттнерь-Вобст на основании копия Фридриха Сипро, — тогда как в рукописи x, с которой списана U(V), несомненно, читалось βουλευθείη (или βουλευθείς).

писи x въ обѣихъ копіяхъ послѣдней — $N(M)$ и P — и, повидному, тоже не обратившей на себя вниманія Жюстиса ¹⁾, мы пришли къ заключенію, что x является непосредственною копіей $W(B)$, а равно констатировали на основаніи согласнаго чтенія параграфовъ $WVU(BRV)$ Px , что вариантъ $W(B)$ является или случайною опiscoй, или же, скорѣе, — конъектурой Дармарія.

Подводя итоги нашему разбору, видимъ, что изъ шести примѣровъ, приведенныхъ Бюттнеръ-Вобстомъ въ доказательство независимости $N(M)$ отъ $W(B)$, три (пп. 1. 2. 5) оказываются ошибочными — по винѣ Жюстиса, одинъ (п. 4) — совершенно бездоказательнымъ по ихъ характерности взаимно противопоставляемыхъ вариантовъ, наконецъ, два остальныхъ (пп. 3 и 6) — тоже бездоказательными, такъ какъ указываемыя въ нихъ варианты $N(M)$ являются конъектурами самого переписчика ²⁾, а потому — какъ и примѣръ п. 4 — вовсе не исключаютъ возможности признать эту рукопись косвенною копіей $W(B)$.

Такимъ образомъ, всѣ шесть примѣровъ, указанныхъ Бюттнеръ-Вобстомъ, преспокойно позволяютъ себя обезоружить, — даже не ставляя насъ съмыслить на ошибочность исходной точки зрѣнія этого ученаго (мы разумѣемъ традиціонное мнѣніе, сущность котораго изложили выше), и, стало быть, конфликтъ съ аргументаціей Бюттнеръ-Вобста не только не колеблетъ, но даже, наоборотъ, еще болѣе упрочиваетъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли, разсматривая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей $ВМР$.

Насколько важны эти наши выводы въ практическомъ отношеніи, видно изъ того факта, что они позволяютъ намъ, устраняя рукописи MP , какъ элементы самостоятельнаго преданія, свести группу $ВхМР$ къ одной только рукописи B и этимъ самымъ значительно сократить весь наличный критическій аппаратъ къ извлеченіямъ περί πρόσθετων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς: для критики текста предисловія (προοίμιον) и одиннадцати первыхъ авторовъ этихъ извлеченій ³⁾, на основаніи нашихъ изслѣдованій, оказываются имѣющими значенію только три рукописи — E (такъ назовемъ $R + e$, составляющія одно цѣлое) и VB — изъ пяти ($EVВМР$), а для осталь-

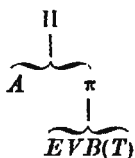
¹⁾ Заключаемъ это изъ того, что въ спискѣ общихъ ошибокъ $W(B)$ и $N(M)$ у Бюттнеръ-Вобста (Beiträge zu Polybios, 21, 1) диттографія τῶ τῶ не упоминается.

²⁾ Минихомъ замѣтимъ, что п. 6 ничуть не ставитъ доказательство, если πρόσθετων мы будемъ считать не конъектурой, а опiscoй Дармарія.

³⁾ Общій перечень ихъ мы уже дали выше — при обзорѣ содержанія третьяго тома августинской рукописи (IV. Н. 8).

ныхъ пяти авторовъ — только *девѣ* (EB) изъ *четыреехъ* (EBMP). — Мелочь въ родѣ *Tub* мы, естественно, оставляемъ при этомъ совсѣмъ въ сторонѣ.

Устраняя элементы самостоятельнаго преданія обояхъ отдѣловъ явлеченій *περὶ τῆς ἐπιφανείας*, мы можемъ графически изобразить *результаты нашихъ изслѣдованій* въ области данного вопроса посредствомъ слѣдующей стеммы:

гдѣ Π — *cod. Paccianus*, впоследствии *Escorialensis I. B. 4* (позже — *I. O. 4*);

A — *cod. Ambrosianus N 135 sup.*, — который мы, уже за нѣсколько лѣтъ до де Боора, признали ближайшимъ общимъ архетипомъ всѣхъ остальныхъ дошедшихъ до нашего времени рукописей извлеченій *περὶ τῆς ἐπιφανείας ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*¹⁾;

π — *cod. Augustinianus gr. 144*, впоследствии *Escorialensis III. I. 3 (IV II. 8)*;

E — *cod. Escorialensis R. III. 14* + *cod. Escorialensis R. III. 21, fol. 1—12*;

V — *cod. Vaticanus gr. 1418*, вторая половина (*pg. 161—489*);

B — *cod. Bruxellensis 11301—16*, и, наконецъ,

T — *cod. Parisinus gr. 2463 (olim Thiancensis)*.

Последней рукописи мы отводимъ мѣсто рядомъ съ *EVB* лишь условно, такъ какъ не исключена возможность признанія этой рукописи непосредственною копией не π , что намъ лично представляется наиболѣе вѣроятнымъ, — но эскориальской *E* (въ частности — *R*); за подробностями по этому вопросу отсылаемъ читателей къ предыдущему изложенію.

Достаточно взглянуть на нашу стемму, чтобы убѣдиться въ томъ, что условія возстановленія текста *первой половины паззовскаго кодекса* (Π), т. е. извлеченій *περὶ τῆς ἐπιφανείας ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*, ока-

¹⁾ *Визант. Временникъ*, 1898, 476.

зываются несравненно болѣе благоприятными, нежели условія восстановления текста *второй ею половины* (навлеченія περί πρόσθεν Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς): въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, такъ сказать, съ *одною дочкой* *Π*, т. е. съ одною только рукописью *A*, которая списана непосредственно съ пазовскаго кодекса, во второмъ же случаѣ — съ *тремя* (или *четырьмя*) *внучками* *Π*, т. е. съ рукописями *EVB(T)*, которыя въ совокупности, правда, дають намъ возможность болѣе или менѣе точно восстановить текстъ ихъ общаго источника (*π*), но, конечно, далеко не вполне замѣняютъ намъ послѣдній.

Къ диаметрально противоположному выводу приходять де Бооръ. Отмѣтивъ, что какъ группа *BMP* такъ и *V* оказываются независимыми отъ *Π*, онъ говоритъ: „Hier muss also eine zweite unabhängige Copie des verbrannten Originals existirt haben, vielleicht ¹⁾ die Handschrift des Augustinus, und wir sind dadurch besser als bei den legationes gentium in der Lage, aus der Vergleichung der erhaltenen Copien den Text des Originals herzustellen“ ²⁾. Считаемо излишнимъ опровергать это отмѣченное курсивомъ заблужденіе почтеннаго ученаго, такъ какъ оно главнымъ образомъ обусловлено уже опровергнутымъ нами его же ошибочнымъ предположеніемъ, будто рукопись *R* является непосредственною копіей пазовскаго кодекса.

Будучи поставленъ *своими же собственными* — не совсѣмъ удачными, какъ мы уже видѣли, — изысканіями въ необходимость считаться въ сферѣ вопроса о восстановленіи текста второй половины пазовскаго кодекса со всѣми пятью рукописями *R(E)VBMP*, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, только три первыхъ — *R(E)VB* — имѣютъ самостоятельное значеніе, — де Бооръ тоже заводитъ рѣчь о „значительномъ упрощеніи аппарата“. „Aber auch hier“, говоритъ онъ непосредственно вслѣдъ за вышеприведеннымъ мѣстомъ, „lässt sich der Apparat erheblich vereinfachen. Eine Prüfung der Gruppe *BMP* ergibt hier, dass in zahllosen Fällen, und in der grossen Majorität der Fälle in *Corruptelen*, *MP* gegen *B* zusammenstimmen. Aber weder lassen sich *MP* aus *B*, noch einer aus dem anderen herleiten, es muss vielmehr eine Schwesterhandschrift von *B* als gemeinsame Quelle von *M* und *P* existirt haben ..... Alle Lesarten also, in denen *M* gegen *BP* oder *P* gegen *BM*

¹⁾ Насколько излишне это „vielleicht“, показываетъ наша стемма.

²⁾ *Zeitschrift der Berliner Akad.* 1902, 164. — Курсивъ въ выпискѣ принадлежитъ намъ.

steht, sind sicher völlig werthlos. Aber auch, wo MP gemeinsam von B abweichen, lässt sich die Lesung der gemeinsamen Quelle durch die Uebereinstimmung des einen der beiden Zweige mit einer der anderen Handschriften feststellen, die Ueberlieferung des anderen Zweiges ist dann nothwendigerweise ein Abschreiberfehler, dessen Aufnahme in den Apparat eine nutzlose Belastung desselben bedeuten würde. Ein Zweifel über das, was im alten Archetypus stand, kann nur herbeigeführt werden, wenn der einen directen Abschrift im Scorialensis III R 14 die sämtlichen anderen Handschriften geschlossen gegenüberstehen“¹⁾.

Предоставляя самымъ читателямъ убѣдиться посредствомъ сравненія нашей стеммы рукописей съ де-бооровскою, насколько не только значительное, но и правдылиге наше упрощеніе критическаго аппарата, мы должны въ то же время обратить ихъ вниманіе на слѣдующее любопытное обстоятельство: въ только что приведенныхъ разсужденіяхъ де Боора, помимо тѣхъ двухъ крупныхъ ею заблужденій, которыя уже опровергнуты нами выше (мы разумѣемъ мнѣніе де Боора, что R является непосредственною копіею паэзовскаго кодекса и что утраченная рукопись (x), послужившая общимъ источникомъ для MP, приходится рукописи B „сестрою“), мы находимъ еще дѣль крупныхъ методологическихъ ошибокъ ею же, изъ которыхъ одну, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить болѣе или менѣе случайнымъ недосмотромъ почтеннаго ученаго²⁾, а другая главнымъ образомъ, несомнѣнно, обусловлена весьма страннымъ незнакомствомъ де Боора съ Дармариѣмъ, какъ съ переписчикомъ³⁾, — оказываясь въ то же время косвеннымъ послѣдствіемъ ошибочнаго мнѣнія того же ученаго, будто паэзовскій кодексъ не принадлежитъ къ тому же самому собранію, къ которому принадлежатъ codex Reinescianus извлеченный περί ἀρετῆς καὶ κακίας и cod. Vaticanus gr. 73 περί γυναικῶν⁴⁾.

Первая изъ вышеупомянутыхъ, такъ сказать, сверхкомплектныхъ ошибокъ де Боора состоитъ въ томъ, что онъ вовсе не проводитъ различія между характерными и нехарактерными вариантами руко-

¹⁾ Sitzungsber. der Berliner Akad. 1902, 164.

²⁾ Возможно однако, что эта ошибка произошла и не по недосмотру только, — ср. объ этомъ ниже.

³⁾ Одну любопытную иллюстрацію этого страннаго факта читатели уже знаютъ изъ нашего предыдущаго изложенія, — съ другою, еще болѣе яркою, мы познакомятъ ихъ нѣсколько ниже.

⁴⁾ Опроверженіе этого мнѣнія де Боора читатели найдутъ въ концѣ настоящей главы.

писей¹⁾, — тогда какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о реконструкциіи утраченнаго оригинала на основанiи нѣсколькихъ копiй, варианты которыхъ болѣе или менѣе значительно расходятся между собою, — строгое различенiе характерныхъ и нехарактерныхъ вариантовъ является *conditio sine qua non* правильной реконструкциіи оригинала.

Въ качествѣ пояснительнаго примѣра возьмемъ хотя бы вопросъ о реконструкциіи текста (сгорѣвшей) рукописи π на основанiи трехъ ея копiй *EVΒ*. Когда рѣчь идетъ о такихъ *характерныхъ* вариантахъ, какъ, напримѣръ, *πρῆβροτάς* *EB* — *ταραχάς* *V* (Polyb. p. 1349, 17 ed. Nultsch.) или *ἀπαρτισαμένους* *EB* — *ἀπειροσασμένους* *V* (Polyb. p. 1346, 14), тогда, конечно, не подлежитъ сомнѣнiю, что и въ π читалось именно *πρῆβροτάς* и *ἀπειροσασμένους*; но когда приходится имѣть дѣло съ *нехарактерными* вариантами вроде *μέλλει* — *μέλλει, τύχοι* — *τύχῃ, πρῆβροσόντες* — *πρῆβροσάντας, τούτους* — *τούτοις* и т. д., тогда и согласіе двухъ копiй противъ одной еще вовсе не служитъ достаточной гарантіей правильности предположенiя, что въ оригиналѣ находились точно такія же чтенiя, какія даются этимъ большинствомъ копiй. Если вдобавокъ къ этому принять во вниманiе, что нехарактерные варианты болѣе или менѣе значительно преобладаютъ надъ характерными, то отсюда ясно, что если руководиться только, такъ сказать, большинствомъ голосовъ, не прислушиваясь къ голосу меньшинства, то въ результатѣ можетъ получиться не методическая, но чисто механическая реконструкциіа оригинала. Въ особенности же неумѣстнымъ и нецѣлесообразнымъ являлось бы послѣдовательное проведенiе подобнаго принципа именно въ сферѣ даннаго вопроса — вслѣдствіе общезвѣстной или, по крайней мѣрѣ, почти общезвѣстной крайней небрежности дармаріевскихъ копiй²⁾.

Вторая крупная методологическая ошибка де Боора состоитъ въ томъ, что почтенный ученый страннымъ образомъ питаетъ почти безграничное довѣрiе къ дармаріевскимъ копiямъ, не потрудившись предва-

¹⁾ Съ точно такою ошибкою де Боора мы встрѣчаемся и въ другомъ мѣстѣ его статьи, — о чемъ будетъ у насъ рѣчь ниже, — и это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что и здѣсь эта ошибка почтеннаго ученаго обязана своимъ происхожденiемъ не простому недосмотру его.

²⁾ Отсюда же между прочимъ становится еще болѣе понятнымъ, насколько условiя реконструкциіи текста первой половины пазовскаго кодекса (извлеченiя *περί πρῆβροτων* *ἰθνηκῶν* *πρὸς* *Ῥωμαίους*) оказываются болѣе благопріятными, нежели условiя реконструкциіи текста второй половины его же (извлеченiя *περί πρῆβροτων* *Ῥωμαίων* *πρὸς* *ἰθνηκῶν*), — о чемъ у насъ уже была рѣчь выше.

рительно разъяснить себѣ вопроса, заслуживаетъ ли такой чести Дармаріи. Особенно ярко сказывается это довѣріе де Боора къ Дармарію въ заключительной фразѣ вышеприведеннаго мѣста: „Ein Zweifel über das, was im alten Archetypus stand, kann mir herbeigeführt werden, wenn der einen directen Abschrift im Scorialensis III R 14 die sämtlichen anderen Handschriften geschlossen gegenüberstehen“ ¹⁾.

Крайняя странность столь слѣпнаго довѣрія или довѣрчивости де Боора еще углубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что и самъ онъ отлично знаетъ, какъ много всякихъ ошибокъ попадаетъ въ разныхъ дармаріевскихъ рукописяхъ извлеченій *καὶ πρόβρων* ²⁾. Въ виду общонавѣстности крайней небрежности Дармарія, какъ переписчика, а равно и потому, что было бы по меньшей мѣрѣ наввно предполагать, будто онъ по какимъ-либо соображеніямъ постарался, вопреки своимъ всегдашнимъ привычкамъ, съ особенною аккуратностью списать именно паззовскій кодексъ, — мы не колеблемся противопоставить только что приведенному соображенію почтеннаго ученаго совершенно иное, а именно: *даже если допустить* (явно абсурдное, какъ мы уже видѣли) *предположеніе де Боора, что R является непосредственною копіей паззовскаго кодекса, то и при этомъ условиіи позволительно сомнѣваться въ точности дармаріевской передачи текста этого кодекса — не только въ тѣхъ случаяхъ, когда варианты R расходятся съ вариантами остальн. рукописей, но даже и во многихъ такихъ, гдѣ все эти рукописи оказываются взаимно согласными.*

Для того, чтобы убѣдиться не только въ желательности, но даже и въ безусловной необходимости такого скептицизма, достаточно сравнить, напримѣръ, двѣ дармаріевскихъ рукописи извлеченій *καὶ πρόβρων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* — codd. *B* (ruxellensis 11317—21) и *M* (opacensis gr. 185) — съ ихъ общимъ оригиналомъ — трехтомною ватикано-палатинскою рукописью *P* (codd. *Vaticani Palatini* gr. 411. 410. 412) ³⁾ —

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Ср. приводимыя де Бооромъ варианты въ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 155 сл.

³⁾ Въ качествѣ особенно поучительныхъ примѣровъ откинемъ три слѣдующихъ:

а) *Menandr.* p. 97,6 Dind. ἐξοπῆς ἐτήροισθα *P* (вмѣсто ἐξοπρητήροισθα): ἐξαιπαιὶν ἰτήροισθα: *BM*.

б) *Menandr.* p. 74,16 ἐν ᾧ ὁ (вмѣсто διὰ) βάλισθα: *P*: ἐν ᾧ βάλισθα: *BM*;

в) *Polyb.* XXXVI, 3 p. 1322,7 ed. Hultsch. λο, λσ (вмѣсто λς) *P*: λο λσ *M*.
λόγος λσ *B*.

Къ этимъ примѣрамъ мы еще возвратимся въ послѣдующемъ положеніи.

или известный ватиканский кодекс „Насхальной хроники“ (cod. Vaticanus gr. 1941) съ его прямыми и косвенными дармариевскими же копиями, каковыми являются:

1) двухтомная *стокгольмская* рукопись in quarto ¹⁾, списанная Дармариемъ въ 1573 году, по заказу Агустина, непосредственно съ вышеупомянутой ватиканскаго кодекса ²⁾, въ то время находившагося въ Мадридѣ въ библиотекѣ известнаго испанскаго историка и друга Агустина, Херонимо де Зурига (Zurita);

2) *упсальская* рукопись in folio (cod. Upsaliensis gr. 2, по каталогу Гро и Мартена), изготовленная, какъ видно изъ ея subscriptio ³⁾, Дармариемъ въ 1578 году по заказу испанскаго короля Филиппа II-го, — несомнѣнно, для Эскориальской библиотеки, изъ которой впоследствии она была похищена вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рукописями (въ томъ числѣ и съ вышеназванною агустиновскою); эта упсальская рукопись, по всей вѣроятности, является тоже непосредственною копией ватиканскаго кодекса;

3) *мюнхенская* рукопись in quarto (cod. Monacensis gr. 557), которая была изготовлена Дармариемъ въ *Иеридѣ* ⁴⁾; послѣдній фактъ заставляетъ насъ предположить, что эта рукопись списана съ агустиновской (стокгольмской) ⁵⁾; правда, такое предположеніе совсѣмъ не вяжется съ дармариевскою датой мюнхенской рукописи (1-го июля

¹⁾ См. en unscapio ut каталогъ Гро и Мартена — Notice. sommaires des mss. grecs de Suède par Ch. Graux, mises en ordre et complétées par Alb. Martin (въ Archives des missions scientif. et littér., 3 série, XV, Paris 1889), 369 сл.

²⁾ Ср. леридское письмо Агустина къ Зуригѣ отъ 10-го сентября 1573 года, гдѣ между прочимъ говорится: „Yá sabia el buon acogimiento de Andres Darinago, y como copiava el Chronico de v(uestra) m(erced)“ Aut. (Augustini Opera omnia, VII, 214 col. 1), — а также в subscriptio стокгольмской рукописи (Graux-Martin, l. c. 369): ὑπὸ ἀνδρίου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυριωτοῦ [ἐπιδαυριώτου?] ἐπὶ τοῦ γεωργίου, εὐχρη τέρμα σὺν θεῷ χάριν κυρίου ἀντωνίου αὐγουστίνου θεοφιλοτάτου ἐπισκόπου λέρβου ἐν τῷ ἔτει ἀφοῦ ὀκτωβρίῳ α, ἐν μαδριλλίῳ: 1573 (sic).

³⁾ См. Graux-Martin, l. c. 315.

⁴⁾ Ср. on subscriptio: ὑπὸ ἀνδρίου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυριωτοῦ ἐπὶ τοῦ γεωργίου εὐχρη τέρμα σὺν θεῷ ἐν τῷ ἔτει ἀφοῦ ἰουλ. α, ἐν λεριδῇ τῆς καταλωνίας (Ign. Hardt, Catalogus codicum mss. graecorum biblioth. regio Bavariae, V, Monachii 1812, 116).

⁵⁾ Ср. например, subscriptio одной мадридской рукописи (cod. Matritensis bibl. regio gr. 25): ἀφο, ἰουνίου ιδ, εὐχρη τέρμα ἢ παρὸς βῆλος ὑπὸ ἀνδρίου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυριώτου, ἔλεον τοῦ θεοφιλοτάτου κυρίου ἐπισκόπου σοκαρίας [читай: Σηγαρίας] ποβαρουρίου, ἐν λέρβῃ, ἐκ τῆς βῆλοσθῆκης τοῦ θεοφιλοτάτου κυρίου ἐπισκόπου λέρβου αὐγουστίνου (Graux, Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial, 292 adn.).

1573 г.), такъ какъ августиновская помѣчена 1-мъ октября того же года, — но въ виду того, что намъ известны *иссомысленные* примѣры не только случайныхъ описокъ, но даже и *завѣдомо невѣрныхъ сообщеній*, попадающихся въ разныхъ subscriptiones Дармарія ¹⁾, мы находимъ весьма возможнымъ устранить вышеупомянутое противорѣчіе, объявляя дату мюнхенской рукописи не совсѣмъ точною ²⁾.

По поводу нашей ссылки на стокгольмскую и уисальскую рукописи считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы не располагаемъ ихъ копиями; но для того, чтобы убѣдиться въ значительности уклоненій этихъ дармаріевскихъ копій отъ ихъ общаго оригинала, совершенно достаточно и описанія ихъ, сообщаемаго въ каталогъ Гро и Мартена ³⁾.

„*Uno verbo*“ — замѣтимъ въ заключение, слегка смягчая извѣстный читателямъ слишкомъ суровый отзывъ Давида Кольвилля ⁴⁾, — „*ita nequam erat Andreas Darmarius Epirota, ut nequaquam omnia illi credere debeamus*“.

Заговоривъ объ этихъ дармаріевскихъ рукописяхъ „Пасхальной хроники“, позволимъ себѣ попутно исправить одну ошибку Шарля Гро, тѣмъ болѣе, что она, какъ увидимъ ниже, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ темъ нашего изслѣдованія.

Въ своемъ „*Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial*“ Гро говоритъ слѣдующее (р. 346 note 1): „*Il n'a jamais existé à la bibliothèque de l'Escorial qu'un seul exemplaire de la Chronique Pascale, désigné comme suit dans les catalogues de Nicolas* ⁵⁾“:

¹⁾ Эти примѣры будутъ нами указаны въ соответствующемъ мѣстѣ ниже. Множествомъ замѣтимъ, что они остались совершенно неизвѣстными де Боору, послѣдствіе чего почтенный ученый итаетъ, какъ увидимъ ниже, слѣдное довѣріе и къ subscriptiones Дармарія.

²⁾ Напротивъ, сомнѣваться въ правильности даты стокгольмской (августиновской) рукописи мы не имѣемъ основанія: кромѣ вышеприведеннаго письма Августина къ Зуритѣ отъ 10-го сентября 1573 года ср. его же замѣтку въ лердскомъ письмѣ къ Орсини отъ 25-го ноября того же 1573 года: „*Hò avuta una Copia del Chronico de fasti greci del Zurita; trovo che Cicerone fu morto Kal. Maij.*“ и проч. (*Augustini Opera omnia*, VII, 251 col. 2), а также сообщеніе Зуритѣ въ письмѣ къ Лериды отъ 2-го февраля 1574 года: „*La copia del Chronico Griego he recebido*“ (*Augustini Opera omnia*, VII, 215 col. 1).

³⁾ *Graux-Martin*, I. c. 315—317. 360. — О небрежности мюнхенской копій ср. предисловіе Дандорфа (р. V) къ I тому боннского изданія „Пасхальной хроники“.

⁴⁾ *Muratori*, *Antiq. ital.* III, col. 928 A.

⁵⁾ Т. е. Николая де ля Торре, писца Эскориальской библиотеки.

1^ο Au catalogue alphabétique, aux *anonymes*, sous la rubrique 'Ιστορία — Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος, ἡ Μαρκελλίνου, ἡ Ἰππολύτου, ἧται ἀδήλου ἐπιτομὴ χρόνων ἀπὸ Ἀδάμ, καὶ μέχρι τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ νέου καὶ Κωνσταντίνου τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, II. Θ. 20.

2^ο Au catalogue de matières: Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος χρονικόν.

C'est l'exemplaire provenant d'Antoine Augustin, qui le décrit ainsi dans sa *Bibliotheca graeca* au n^ο 139:

„Marcellini, vel Hippolyti, sive potius Incerti epitome temporum ab orbe condito, usque ad annum vicesimum Heraclii Imperatoris, cum consulatibus et indictionibus et aliis cognitione dignis.

„Petri episcopi Alexandrini et martyris disputatio de celebratione Paschatis contra falsum ordinem Hebraeorum. *Exstat initio voluminis.*

„Liber recens, in charta, scriptus an. ∞ DLXXIII, forma quadrati“.

Въ противоположность Гро мы утверждаемъ, что въ предметномъ каталогѣ Николая де ля Торре подъ „Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος χρονικόν“ слѣдуетъ подразумѣвать не августиновскую рукопись „Пасхальной хроники“, но ту дармариевскую копію, которая была изготовлена по заказу короля Филиппа II-го, т. е. рукопись, находящуюся въ настоящее время въ Упсальѣ. Доказать ошибочность мнѣнія Гро вовсе не трудно. Въ своемъ каталогѣ греческихъ эсориальскихъ рукописей Миллеръ, между прочимъ, пересказываетъ содержаніе предметнаго каталога де ля Торре (cod. Escorialensis X. I. 16), и изъ этого пересказа видно, что „Chronique de Pierre d'Alexandrie“ ¹⁾ значилась подъ рубрикой „Φ. Ἱστορία ἐν φύλλῳ [т. е. *in folio*]“ ²⁾, а такъ какъ намъ извѣстно, что августиновская рукопись имѣла форматъ *in quarto*, то нельзя не видѣть, что вышеприведенная замѣтка Николая де ля Торре относится именно къ рукописи Филиппа II-го, дѣйстви-тельно писанной въ форматѣ *in folio*. Не мѣшаетъ упомянуть, что, во-первыхъ, эта рукопись *in folio* начинается „Пасхальной хроникой“, причѣмъ послѣдняя, какъ и въ предметномъ каталогѣ де ля Торре, приписана именно Петру Александрійскому ³⁾, — а во-вто-

¹⁾ E. Miller, Catalogue des mss. grecs de la bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848, 339 n. 104.

²⁾ Miller, l. c. 338.

³⁾ „Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος ἐπιτομὴ χρόνων τῶν ἀπὸ Ἀδάμ τοῦ πρωτοπλάστου ἀνθρώπου ἕως εἰκοστού [читай εἰκοστοῦ, — въ самой рукописи, вѣроятно написано κ] ἔτους τῆς βασιλείας Ἡρακλείου“ — таково заглавіе „Пасхальной хроники“ въ упсальской рукописи, см. Graux-Martin, l. c. 316.

рыхъ, подъ рубрикой „Ἱστορία ἐν δ'ῳ [т. е. in quarto]“ ¹⁾ никакой рукописи, подходящей подъ описание агустиновской рукописи, не значится.

Что же касается алфавитнаго каталога де ля Торре (cod. Escorialensis X. l. 18), то, если въ немъ дѣйствительно была упомянута только одна рукопись, сигнатуру которой (П. Θ. 20) указывать въ своей выпискѣ Гро, уже на основаніи предметнаго каталога де ля Торре обязательно слѣдуетъ заключить, что этою рукописью является именно вышеупомянутая дармаріевская копія *in folio*. Такой выводъ находить для себя немаловажное подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что, какъ показывается вышеприведенная выписка, въ алфавитномъ каталогѣ де ля Торре „Пасхальная хроника“ приписывается „Петру епископу Александрійскому и мученику, или Марцеллину, или Ипполиту, или же неизвѣстному автору“ ²⁾, — и въ uppsальской рукописи (*in folio*), какъ мы уже видѣли, эта хроника опредѣленно приписана „Петру епископу Александрійскому и мученику“, тогда какъ въ агустиновской (стокгольмской) рукописи имя Петра Александрійскаго находимъ лишь въ заглавіи такъ называемой „Diatriba Paschalis (или de Paschate)“ — отдѣльно отъ „Пасхальной хроники“ ³⁾.

Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу отождествленія рукописи, упомянутой въ обѣихъ каталогахъ де ля Торре, именно съ uppsальскою (*in folio*), является сигнатура П. Θ. 20, отно-

¹⁾ Müller, l. c. 339 сл.

²⁾ Чѣмъ слѣдуетъ объяснять упоминаніе Марцеліана, Ипполита и проч., читателю увидать ниже.

³⁾ „Πέτρος ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος, ὅτι ἀπλανῶς ἔταξαν οἱ Ἑβραῖοι τὴν θ' τοῦ α' μηνὸς τῆς αὐτῆς ὡς [чпг. ἕως] τῆς ἀλώσεως τῶν Ἱεροσολυμῶν [Ἱεροσολύμων?]" (Graux-Martin, l. c. 370). Это заглавіе сочинено самимъ писцомъ (Дармаріемъ) на основаніи Chron. Pasch. p. 3, 15—18 ed. Bonn., а подлинное (въ сокращенной формѣ) указывается нѣсколькими строками ниже (ibid. p. 4, 2): Πέτρος τῆς Ἀλεξανδρείας ἐκκλησίας ἐπίσκοπος ἐν τῇ περὶ τοῦ Πάσχα λόγῳ, ὃν Τρικентίφ τῷ γράφει (вмѣсто Τρικентίφ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать Κρικентίφ — вмѣстѣ съ Диомисомъ, Revue des quest. hist. XXVIII, 31). Полное заглавіе — Περὶ τοῦ Πάσχα καὶ τῶν τοῦτοιο ζήτημάτων — находилось въ (утраченныхъ) эскориальской и сарагосской рукописяхъ, о которыхъ упоминаетъ Диоканжъ (см. Chron. Pasch. vol. II, p. 12 ed. Bonn.). О другой формѣ того же заглавія (Ἐἰς τὸ Πάσχα) см. Harnack, Gesch. der altchristl. Litteratur bis Eusebius, I, 445. Мимоходомъ замѣтимъ, что Гарнакъ приводитъ послѣднюю цитату (гдѣ упоминается „Трикентіф“) — „aus einem kurzen Fragment eines alex. Chronikons (курсивъ нашъ), welches M a l (Vet. Script. Coll. I, 2 p. 222) veröffentlicht hat“, — упуская пзъ виду, что подлинный Ман отрывокъ относится именно къ „Пасхальной хроникѣ“.

сящаяся къ тому повому размѣщенію греческихъ рукописей въ Эскориальской бібліотекѣ, которое было произведено въ 1593 году бібліотекаремъ Сигуэнвой (José de Sigüenza). Въ шкафу Θ Сигуэнза помѣстилъ, между прочимъ, рукописи историческаго содержанія, причѣмъ размѣстилъ ихъ, какъ это было и прежде, по форматамъ ¹⁾: сперва шли рукописи in folio, затѣмъ in quarto и т. д. Зная, что всѣ 19 предшествующихъ рукописей (II. Θ. 1—19), которыя стояли на второй полкѣ этого шкафа, имѣли форматъ in folio ²⁾, мы не колеблемся причислить къ фоліантамъ и длинную рукопись (II. Θ. 20), такъ какъ имѣемъ основаніе думать, что *вся* вторая полка этого шкафа, подобно первой ³⁾, была залита фоліантами.

Если бы Гро былъ правъ, утверждая, что въ Эскориальской бібліотекѣ во всѣ времена была только одна рукопись „Пасхальной хроники“ ⁴⁾, то наше отождествленіе рукописи II. Θ. 20 съ упсальскою, изготовленною Дармаріемъ по заказу Филиппа II-го, являлось бы прямымъ опроверженіемъ другого предположенія того же ученаго, — что *вся* греческія рукописи Агустина поступили въ Эскориальскую бібліотеку ⁵⁾: въ самомъ дѣлѣ, при вышеупомянутыхъ условіяхъ пришлось бы допустить, что агустиновская (т. е. стокгольмская) рукопись „Пасхальной хроники“ въ Эскориаль не пошла. Въ такомъ случаѣ нельзя было бы не признать болѣе или менѣе гадательнымъ и отождествленіе трехтомной эскориальской рукописи извлеченіи *περί πρέσβων* (IV. II. 6. 7. 8) съ трехтомною агустиновскою (nn. 142. 143. 144), — такъ какъ, отождествляя эти рукописи, Гро исходитъ именно изъ вышеуказаннаго своего предположенія ⁶⁾.

Отъ необходимости считаться съ обоими этими — не особенно, конечно, приятными — послѣдствіями нашего отождествленія рукописи II. Θ. 20 насъ избавляетъ „Catalogus praecipuorum auctorum ineditorum Graece mss., qui in Bibliotheca Scorialensi asservantur: opera Alexandri Barvoetii, e Societate Iesu“ ⁷⁾, въ которомъ упоминается

¹⁾ Гро ошибочно полагаетъ, что до Сигуэнзы рукописи не были размѣщены по форматамъ (*Grantz*, I. с. 316. 315).

²⁾ Ср. *Grantz*, Essai, 470.

³⁾ Ср. *Grantz*, Essai, 469.

⁴⁾ *Grantz*, Essai, 346 adn. 1.

⁵⁾ *Grantz*, Essai, 303.

⁶⁾ *Grantz*, Essai, 96 adn. 1.

⁷⁾ Нопечатанъ въ каталогѣ Миллера (*E. Miller*, Catalogue des mss. grecs de la bibl. de l'Escorial, 511—528). Въ предисловіи Барвоетъ пишетъ, что „non omni-

между прочимъ „*Marcellini vel Hippolyti, sive potius incerti Epitome temporum ab Orbe condito usque ad annum vicesimum Heraclii Imperatoris, cum Consulatibus et Indictionibus et aliis cognitione dignis*“¹⁾, — т. е., несомнѣнно, агустинновская (стокгольмская) рукопись „Пасхальной хроники“.

Тутъ возникаетъ, однако, новый вопросъ: если въ Эскориальской библиотекѣ были *два* рукописи „Пасхальной хроники“, то почему же въ алфавитномъ каталогѣ Никомея де ля Торре упоминается только одна (П. Ч. 20), отождествляемая нами съ унсальскою? При этомъ надо замѣтить, что алфавитный каталогъ былъ составленъ де ля Торре уже послѣ того, какъ въ Эскориальскую библиотеку поступили агустинновскія рукописи, и что Сигуэнза, размѣщая греческія рукописи въ повомъ порядкѣ, пользовался этимъ же самымъ каталогомъ де ля Торре, зачеркивая въ немъ прежнія сигнатуры и приписывая рядомъ свои собственныя. Такимъ образомъ, если даже допустить, что агустинновская (стокгольмская) рукопись „Пасхальной хроники“ была случайно пропущена Николасемъ де ля Торре, то было бы слишкомъ странно предполагать, что эта же рукопись была пропущена и Сигуэнзой. Но и первое предположеніе едва ли можно допустить; такъ какъ слова ἡ Μαρκαλλίου, ἡ Ἰηκολύτου, ἡ τοι ἀδῆλου въ вышеприведенномъ описаніи де ля Торре слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ, что послѣдній прилялъ во вниманіе и агустинновскую рукопись.

Въ виду всего этого мы склонны думать, что сообщаемая Гро выписка изъ алфавитнаго каталога де ля Торре въ концѣ не совсѣмъ полна, и что за сигнатурой П. Ч. 20, относящейся къ унсальской рукописи, въ оригиналѣ слѣдуетъ *еще* дружиа сигнатура, указывающая на вторую, т. е. агустинновскую (стокгольмскую) рукопись той же хроники. Возможно, что пропускъ этой второй сигнатуры въ выпискѣ Гро, былъ обусловленъ ея близкимъ сходствомъ съ первою сигнатурой, т. е. что, если агустинновская рукопись была помѣщена въ томъ же шкафу Ч.

---

bus [codicibus] . . . sui appositi sunt numeri, quod catalogum meum, una cum notis meis ac observationibus, cum abirem, non restitueris cui concesseram“ (Miller, 511). Вотъ полный каталогъ Барвота, быть можетъ, слѣдуетъ отождествить съ *cod. Parisinus suppl. gr. 1025*: „Πινὰξ συλλέκτων τινῶν μὲτε κατοπιμένων. Index quorundam librorum nondum editorum, qui sunt in bibliotheca Escorialis“. Миллеръ (р. XXVII; ср. в *Gramm. Essai*, р. XVII яд.) ошибочно приписываетъ это заглавіе другой парижской рукописи (cod. Coislinianus 356), которая содержитъ каталогъ греческихъ рукописей королевской библиотекки въ Фонтенблго.

¹⁾ Miller, 523.

то она могла имѣть сигнатуру примѣрно V. Θ. 20, — иными словами, занимать двадцатое мѣсто на пятой полкѣ ¹⁾. Остается упомянуть, что окончательное рѣшеніе данного вопроса зависить отъ изслѣдованія каталога Давида Кольвилли, такъ какъ, судя по описанію uppsальской и стокгольмской рукописей въ каталогъ Гро и Мартена, ни въ той, ни въ другой рукописи не уцѣлѣло ихъ прежнихъ сигнатуръ.

Теперь обратимся къ критическому обозрѣнію тѣхъ результатовъ, въ которыхъ приходится де Бооръ, изслѣдуя взаимныя отношенія рукописей извлеченій *περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*.

Результаты своихъ изслѣдованій въ сферѣ этого вопроса почтенный ученый резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Fassen wir das Resultat der Untersuchung über die Handschriften der Excerpte de legationibus gentium zusammen, so hat sich ergeben, dass der Ambrosianus der einzige für eine Ausgabe in Betracht kommende Codex ist. Die Handschriften in Brüssel und München, die Vaticani Palatini 410 — 412 und der Scorialensis R III 13 sind als sicher nachgewiesene Copien von A aus dem Apparat völlig auszuschneiden, aber auch beim Scorialensis R III 21 und den Handschriften des Ursinus ist dies Abhängigkeitsverhältniss so wahrscheinlich, dass den abweichenden Lesarten derselben keinerlei Gewicht beizulegen ist“ ²⁾. Чтобы дать читателямъ возможность понять, какъ радикально измѣнилось прежнее мнѣніе де Боора, считаемъ не безполезнымъ познакомить ихъ съ тѣми результатами его прежнихъ (*слишкомъ поверхностныхъ*) изслѣдованій, которые были сообщены почтеннымъ ученымъ въ 1899 году. Отмѣтивъ важное значеніе эскориальскихъ рукописей (R — III — 14 и начала R — III — 21) для критики текста извлеченій *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς*, де Бооръ продолжаетъ: „Nicht so maassgebend ist die Sammlung des Escorialensis [т. е. R — III — 21, начиная съ fol. 13, и R — III — 13] für die Abtheilung de legationibus gentium, weil wir hier neben den durchaus in gleichem Verhältniss zu einander stehenden ³⁾ Monacensis

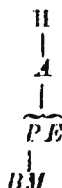
¹⁾ На первыхъ двухъ полкахъ шкафа Θ стояли рукописи *in folio*, а изъ остальныхъ четырехъ его полковъ на третьей, четвертой и шестой двадцатимъ мѣста были заняты другими рукописями, а именно III. Θ. 20 (но теперьшней сигнатурѣ) III — T — 15; IV. Θ. 20 = IV — X — 6; VI. Θ. 20 = IV — X — 22, ср. Graue, Essai, 470.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 163.

³⁾ Т. е. де „entweder eine Handschrift aus der anderen abgeschrieben ist, oder beide auf eine bereits stark verderbte Mittelquelle zurückgehen“.

(185) und Bruxellensis (11317—21) und dem Theilstück im Neapolitanus III B 15 den vollständigen Ambrosianus N 135 sup. haben, dessen Vortrefflichkeit mit Recht von Mendelssohn in der Ausgabe des Appian und von Boissevain in der Ausgabe des Dio Cassius hervorgehoben ist. Aber wichtig bleibt der Escorialensis auch hier, insofern der Neapeler Codex dieselben Schädigungen aufweist wie der Vaticanus 1418. Somit fällt der Escorial-Handschrift für den grössten Theil der Sammlung die Rolle des Schiedsrichters zwischen den Handschriften in München und Brüssel einerseits und dem auch nicht fehlerfreien Ambrosianus andererseits zu“¹⁾. — Достаточно даже бѣглого ознакомленія съ обѣими выписками, чтобы убѣдиться въ томъ, что между прежнимъ и теперешнимъ мнѣнiемъ де Боора лежитъ цѣлая пропасть.

По поводу вышеприведеннаго свода результатовъ новѣйшихъ изслѣдованiй почтеннаго ученаго не можемъ не отмѣтить того характернаго факта, что де Бооръ скромно умалчиваетъ о результатахъ изслѣдованiй, произведенныхъ его предшественниками. Съ цѣлью восполнить этотъ существенный — особенно въ данномъ случаѣ — пробѣлъ сочиненiя почтеннаго изслѣдователя, мы позволимъ себѣ напомнить ему, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашей статьѣ, которая появилась въ *Визант. Временникъ*, V (1898), и съ промѣломъ года стала хорошо извѣстною и самому де Боору, на стр. 476 мы сообщили результаты нашихъ собственныхъ изслѣдованiй въ области рукописнаго предмiя извлеченiй *περί πρόβατον*, причемъ графически изобразили взаимныя отношенiя тѣхъ рукописей извлеченiй *περί πρόβατον ἐπιτυχῶν πρὸς Ῥωμαίους*, въ которыхъ имѣются отрывки изъ Прокopia, посредствомъ слѣдующей стеммы²⁾:

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933.

²⁾ Прежнія обозначенiя рукописей здѣсь мы замѣняемъ новыми: такъ, A=(по прежнему обозначенiю) G; P=Ω¹+Ω+Ω²; E=ϕ¹+ϕ; B=ϑ¹; M=ϑ².

- гдѣ П — павзовскій кодексъ (подразумѣвается его первая половина),
 А — cod. Ambrosianus N 135 sup. ¹⁾,
 E — совокупность двухъ эскориальскихъ рукописей: R. III. 21
 (начиная съ fol. 13) + R. III. 13,
 P — совокупность трехъ ватикано-палатинскихъ рукописей: codd.
 Vat. Palatini gr. 411. 410. 412,
 B — cod. Bruxellensis 11317 — 21, а наконецъ
 M — cod. Monacensis gr. 185.

Орсиніевскихъ рукописей, т. е. cod. Vaticanus gr. 1418 и Neapolitanus III. B. 15, мы тогда намеренно не включили въ стемму, такъ какъ ни въ той, ни въ другой нѣтъ извлеченій изъ Прокіпія; но и въ то время намъ на основаніи изученія ихъ вариантовъ было извѣстно, что эти рукописи не имѣютъ значенія для критики текста извлеченій *περὶ τῆς ἑσθῆς τῶν ἁγίων πρὸς Ῥωμαίους*, и этотъ фактъ являлся въ нашихъ глазахъ весьма важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу мнѣнія, что орсиніевскія рукописи были списаны съ агустиновской; это мнѣніе, повидимому, оставшееся неизвѣстнымъ де Боору, было высказано Эрнстомъ Шульце — еще въ 1866 году ²⁾.

На основаніи вышнеложеннаго мы констатируемъ не особенно пріятный для де Боора фактъ, что *рѣшительно все результаты его поспѣйшихъ изслѣдованій, сообщаемые имъ въ вышеприведенномъ резюме, оказываются уже давно предвосхищенными — главнымъ образомъ нами (уже въ 1898 году), а отчасти Эрнстомъ Шульце (уже въ 1866 году).*

Правда, нѣсколькими страницами выше де Бооръ упоминаетъ объ основномъ результатѣ нашихъ изслѣдованій въ данной области, которымъ является признаніе амброзіанской рукописи (А) единственною непосредственною копіей первой половины павзовскаго кодекса, а слѣдовательно и единственною изъ всѣхъ дошедшихъ до нашего времени рукописью, имѣющею значеніе для критики текста извлеченій *περὶ τῆς ἑσθῆς τῶν ἁγίων πρὸς Ῥωμαίους*, — но объ этомъ онъ упоминаетъ въ столь своеобразной формѣ, *равносильной искаженію истинныхъ фактовъ*, что оставить эту замѣтку де Боора безъ суровой отповѣди мы находимъ рѣшительно невозможнымъ.

„Bisher“ — говоритъ де Бооръ, — „sind die Herausgeber der in den

¹⁾ Эту рукопись въ то время мы находили возможнымъ отождествить съ двумя соответственными томами трехтомной агустиновской рукописи. Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

²⁾ *Schulze, De excerptis Constantiniinis quaestiones criticae, Bonnae, 1866, 49.*

Excerpten vertretenen Schriftsteller von der Ansicht ausgegangen, dass aus dem verbrannten Archetypus mehrere Abschriften genommen seien, und man daher aus der Vergleichung der vorhandenen Exemplare jenen herstellen könne und müsse, und auch ich habe, bevor ich den Ambrosianus aus eigener Anschauung kennen lernte, diese Vorstellung gehabt. Dagegen hat zuerst Krašeninnikov in der erwähnten Schrift die Behauptung aufgestellt, von den Handschriften der legationes gentium sei nur der Ambrosianus aus dem Archetypus genommen, für alle übrigen sei der Ambrosianus Quelle, *allerdings lediglich gestützt auf das Datum und die Vortrefflichkeit dieser Handschrift, ohne den mindesten Versuch zu machen, diese Hypothese zu begründen, ja ohne einen Theil der Abschriften zu kennen*¹⁾.

Не станем останавливаться на — быть может, случайной — недомолкѣ де Боора, что кромѣ издателя excerptированныхъ авторовъ до насъ и *спеціальные изслѣдователи* рукописнаго преданія этихъ извлеченій стояли на почвѣ традиціоннаго мнѣнія²⁾, и обратимся къ опроверженію заключительныхъ словъ вышеприведенной его тирады, которыя мы не колеблемся объявить *больше чѣмъ страннымъ извращеніемъ подлинныхъ фактовъ*.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что уже въ самомъ началѣ нашей статьи, помѣщенной въ *Визант. Временникъ* 1898 года, мы совершенно опредѣленно заявили (стр. 440), что въ ней мы ограничиваемся „лишь сообщеніемъ главныхъ *результатовъ нашихъ изслѣдованій* въ сферѣ даннаго вопроса“. То же самое мы сообщили де Боору и письменно, ознакомивъ его съ полною стеммой всѣхъ рукописей извлеченій *pari passum*, причемъ упомянули, что нами готовится специальная статья, въ которой мы приподнимъ подробности доказательства въ пользу нашего рѣшенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей³⁾. Независимо отъ всего этого *уже сама стемма*, установленіе которой было бы немисливо безъ предварительнаго изслѣдованія вариантовъ соответствующихъ рукописей, болѣе чѣмъ ясно давала понять, что признаніе амброзіанской рукописи (A) единственною непосредственною копіею (первой половины) наззовскаго кодекса

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 154. — Курсивъ въ вышеприведенной выпискѣ принадлежитъ намъ.

²⁾ Между прочимъ я самъ де Бооръ въ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 932 сл. выступаетъ въ роли не издателя, но именно *спеціально изслѣдователя*.

³⁾ Съ цѣлью рядомъ такихъ доказательствъ читатели уже ознакомились выше.

является вовсе не „совершенно не обоснованной гипотезой“, какъ это пытается теперь представить де Бооръ, но именно *результатомъ изслѣдованія* рукописнаго преданія извлеченій περί πρῶτων ἐθνικῶν πρός Ῥωμαίους.

Изъ всего вышензложеннаго явствуетъ, что, называя главный результатъ нашихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія упомянутыхъ извлеченій „совершенно не обоснованною гипотезой“, де Бооръ *совершенно произвольно извращаетъ факты, которые были ему хорошо известны.*

Затѣмъ, что касается мнѣнія де Боора, будто мы признали амброзіанскую рукопись (A) единственною непосредственною копіею (первой половины) павловскаго кодекса, а слѣдовательно и источникомъ всѣхъ прочихъ рукописей извлеченій περί πρῶτων ἐθνικῶν πρός Ῥωμαίους, — *опираясь только на дану и „Vortreflichkeit“ этой рукописи*, — мы должны категорически заявить, что это мнѣніе является *просто продуктомъ фантазіи самого де Боора* ¹⁾. Возвращая повтому самому де Боору выисочначенныя „единственныя опоры“, мы замѣимъ весьма жальны бы получить отъ почтеннаго ученаго разъясненіе, какое собственно мѣсто въ нашей статьѣ дало столь неожиданный толчекъ его фантазіи; въ ожиданіи же весьма интересующаго насъ отвѣта мы отсылаемъ его къ нашимъ спеціальнымъ статьямъ, о которыхъ упоминали выше, а равно и къ дальнѣйшему разбору и опроверженію его собственныхъ заблужденій въ сферѣ даннаго вопроса, — отсюда онъ можетъ увидѣть, что наша „гипотеза“ покоится на болѣе солидномъ фундаментѣ, нежели его собственныя „изслѣдованія“.

Наконецъ, заключительная замѣтка де Боора, будто мы *„даже не знали некоторыхъ рукописей“*, оказывается не болѣе какъ *плодомъ недоразумѣнія самого де Боора*, повидимому, и не подозрѣвающего, что для правильной оцѣнки значенія нѣкоторыхъ рукописей вовсе и не требуется непосредственнаго знакомства съ ними, какъ и наоборотъ, непосредственное знакомство съ рукописями вовсе не служитъ гарантіею правильности ихъ оцѣнки ²⁾. Почтенный ученый, къ сожа-

¹⁾ Полагаемъ, что упоминаемая здѣсь „Vortreflichkeit“ амброзіанской рукописи тождественна съ тою „Vortreflichkeit“ ои же, о которой де Бооръ разсуждаетъ въ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933 (это мѣсто приведено у насъ выше) и которая не помѣшала де Боору придти къ совершенно *неверной* оцѣнкѣ значенія амброзіанской рукописи въ 1899 году.

²⁾ Достаточно припомнить тѣ крупныя заблужденія де Боора въ данной области,

лѣнію, воздержался отъ поясненія, какія собственно рукописи, по его мнѣнію, остались намъ „неизвѣстными“; всего естественнѣе предположить, что онъ имѣетъ въ виду эсorialьскія рукописи R. III. 21 и R. III. 13; но если это такъ, то смѣемъ увѣрить де Боора, что тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются объ этихъ рукописяхъ въ каталогъ Миллера и въ изслѣдованіи Гро (*Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial*), совершенно достаточно для признанія ихъ копіями именно амброзіанской рукописи ¹⁾.

Остается упомянуть, что наилучшимъ опроверженіемъ вышеприведенной тирады де Боора являются его же собственныя подтвержденія совершенной правильности нашей „гипотезы“: такъ, непосредственно вслѣдъ за этой тирадой онъ замѣчаетъ: „*Zweifellos richtig und absolut beweisbar ist dieselbe* [т. е. наша „гипотеза“] *aber zunächst für die Gruppe BMR*“ ²⁾; далѣе — „*Ganz ebenso nun und mit noch viel umfangreicherem Beweismaterial....lässt sich nachweisen, dass der Scorialensis III R. 13.....eine directe Abschrift aus dem Ambrosianus ist*“ ³⁾; наконецъ, — „*wenn man daneben in Betracht zieht, dass meistens beide Handschriften* [т. е. A и Escorialensis R. III. 21] *bis in die kleinsten Schattirungen der Schreibung einander gleichen, und dass gegenüber zwei grösseren Lücken und einer Anzahl stärkerer Corruptelen auch nicht eine Stelle vorhanden ist, an der Sc[orialensis] R. III. 21] einen nachweislich besseren Text bietet als A, so dürfte doch das Urtheil dahin ausfallen, dass Sc. eine relativ vorzügliche Abschrift von A sei*“ ⁴⁾. На сопоставленіе съ этимъ невольна напрашиваются прежнія разсужденія де Боора о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей этихъ же извлеченій ⁵⁾: эти разсужденія являются естественнымъ результатомъ традиціоннаго мнѣнія съ одной стороны и крайне поверхностнаго изученія рукописнаго преданія съ другой, но съ еще болѣшимъ пра-

---

которыя были констатированы нами выше; не говоримъ уже о прежнемъ сплошномъ заблужденіи его же (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933), отъ котораго его не предотвратило обладаніе собственными копіями большинства рукописей.

¹⁾ Этотъ результатъ нашихъ изслѣдованій, сообщенный нами въ *Визант. Премисимикъ*, 1898, 476, вполнѣ подтверждается и вариантами обѣихъ упомянутыхъ рукописей, приведенными де Вооромъ (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 157—160).

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902. 154.—Курсивъ, какъ въ этой, такъ и въ слѣдующихъ янинскихъ принадлежить намъ.

³⁾ *Ibid.* 157.

⁴⁾ *Ibid.* 159.

⁵⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933. Это мѣсто приведено у насъ выше.

вомъ мы могли бы, слѣдую терминологіи де Боора, назвать ихъ „совершенно не обоснованной гипотезой“, такъ какъ де Бооръ не только не привелъ тамъ никакихъ доказательствъ, но и не обобщалъ ихъ привести, а кромѣ того и сами эти разсужденія его производятъ впечатлѣніе догадки, высказанной просто наобумъ. И вотъ къ этой де-бооровской гипотезѣ приложимъ только одинъ отзывъ: „*zweifelloß unrichtig und absolut unbeweisbar*“.

Отъ выясненія небезынтереснаго вопроса, чтó за причина могла побудить де Боора попытаться придать главному результату нашихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій *καὶ πρόξενων ἄντικων* πρὸς Ῥωμαίους; не особенно лестную и притомъ завѣдомо невѣрную окраску „совершенно не обоснованной гипотезы“, — мы до поры до времени воздержимся — тѣмъ болѣе, что для рѣшенія этой нехитрой загадки, повидному, вовсе не надо быть Эдипомъ.

Возвращаясь къ критическому обзорному результату изслѣдованій де Боора въ данной области, мы должны замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ находимъ у него отступленія отъ мнѣнія его предшествовавшихъ вообще и въ частности отъ нашей школы. Честъ всѣхъ этихъ новыхъ *открытій* всецѣло принадлежитъ самому де Боору, но — бѣда въ томъ, что, по ближайшемъ разсмотрѣнн, оказывается, что рѣшительно ни одного и изъ этихъ де-бооровскихъ открытій нельзя признать удачнымъ: напротивъ, всѣ они являются результатами недостаточно полного и не вполне внимательнаго или умѣлаго изученія того богатѣйшаго рукописнаго матеріала, который имѣется въ распоряженіи почтеннаго ученаго, находящагося поэтому въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ кто-либо другой.

Въ количественномъ отношеніи эти новыя открытія гесп. заблужденія де Боора въ данной области даже превосходятъ тѣ крупныя заблужденія его же, которыя мы констатировали и опровергли выше, при разсмотрѣнн рукописнаго преданія извлеченій *καὶ πρόξενων Ῥωμαίων πρὸς ἄντικων*, но въ качественномъ отношеніи, къ счастью, значительно уступаютъ этимъ уже опровергнутымъ заблужденіямъ, такъ какъ — въ прямую противоположность этимъ послѣднимъ — они въ практическомъ отношеніи оказываются совершенно безвредными — именно яслѣдствіе того, что единственная непосредственная копія первой половины названскаго кодекса, т. е. амброзіанская рукопись А, сохранилась до нашего времени, а потому, какъ бы ни были невѣрны и произвольны новыя построенія де Боора въ сферѣ стеммы рукописей извлеченій *καὶ πρόξενων ἄντικων* πρὸς Ῥωμαίους, она ничѣмъ не

отражаются на основномъ результатѣ нашихъ изслѣдованій въ сферѣ даннаго вопроса.

Къ вышеупомянутымъ новымъ, но неудачнымъ открытіямъ самого де Боора въ области рукописнаго преданія извлеченій *περί πρέσβευων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* мы причисляемъ прежде всего слѣдующія его заблужденія:

1) предположеніе, что рукописи *BM* являются непосредственными копіями не ватикано-палатинской рукописи (*P*), какъ это мы утверждали уже въ 1898 году, — но какой-то утраченной рукописи (*ε*), которая де была списана съ *P* ¹⁾;

2) предположеніе, что и эта рукопись *P* является непосредственною копіей не амброзіанской рукописи (*A*), какъ это мы тоже утверждали въ 1898 году, — но какой-то утраченной рукописи (*υ*), списанной съ *A* ²⁾;

3) предположеніе, что августиновская рукопись извлеченій *περί πρέσβευων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*, т. е. codd. Escorialenses IV. N. 6 и 7, была не цѣлкомъ списана съ амброзіанской (*A*), но частью съ *A*, частью съ вышеупомянутой утраченной рукописи *υ* ³⁾; наконецъ —

4) предположеніе, что эта августиновская рукопись была писана не самимъ Дармаріемъ, но двумя ея помощниками ⁴⁾.

Вся эта (безвредная въ практическомъ отношеніи) тетрада заблуждений де Боора — подобно (далеко не безвреднымъ) ошибочнымъ выводамъ, къ которымъ онъ же пришелъ въ области изслѣдованія рукописнаго преданія извлеченій *περί πρέσβευων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνη*, — обусловлена слишкомъ поспѣшнымъ и поверхностнымъ изученіемъ вариантовъ соответствующихъ рукописей, и по поводу ея мы имѣемъ возразить слѣдующее.

1. *Первое заблужденіе* де Боора опровергнуто нами въ началѣ настоящей главы, и потому здѣсь мы ограничимся лишь нѣсколькими дополнительными замѣчаніями, имѣя въ виду подчеркнуть *мнимость* предполагаемаго де Бооромъ промежуточнаго звена (*ε*), якобы соединявшаго или, лучше сказать, разъединявшаго рукописи *P* и *BM*.

¹⁾ Cp. *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902. 157.

²⁾ *Ibid.* 157. -- О возможности (но не безусловной необходимости) признанія нѣкоторой части *P* непосредственною копіей августиновской рукописи (cod. Escorialensis IV. N. 7) у насъ будетъ рѣчь ниже.

³⁾ *Ibid.* 161.

⁴⁾ *Ibid.* 161.

Въ связи съ этимъ мы опровергаемъ и *второе заблужденіе* почтеннаго изслѣдователя.

Выясняя вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей *А'ВМ*, де Бооръ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ ¹⁾, которые подтверждаютъ совершенную правильность *нашей* „гипотезы“ по отношенію къ данному вопросу ²⁾, — но нимало не доказываютъ правильности *собственныхъ „выводовъ“* де Боора, видоизмѣняющаго нашу схему вышеупомянутыхъ рукописей путемъ введенія въ нее двухъ новыхъ элементовъ (η и ε), которые, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются скороспѣлыми результатами слишкомъ поверхностнаго ознакомленія съ рукописными вариантами.

Для того чтобы показать, что эта не особенно лестная наша оцѣнка *собственныхъ выводовъ* де Боора волиѣ соответствуетъ дѣйствительности, мы находимъ необходимымъ познакомить читателей со *всеми* примѣрами, приведенными почтеннымъ ученымъ, — причемъ вслѣдъ за каждымъ примѣромъ мы будемъ краткѣ отмѣчать *наши собственные выводы*.

1) „Diodor XXX, 2 hat Darmarius es für nöthig befunden neben τὰ τε φιλόνηρωπα [въ рукописи .1] am Rande zu bemerken, dass die Handschrift [т. е. наззовскій кодексъ] die bekannte Abkürzung hatte: εἶχε φιλάνα. ВМР bieten τὰ τε εἶχε φιλόνηρωπα“.

Самъ по собѣ этотъ примѣръ, очевидно, доказываетъ, что *А* является общимъ архетипомъ группы *Р'ВМ*; если же сопоставить его съ нѣкоторыми изъ разбираемыхъ ниже (ит. 2. 4. 6. 7 и т. д.), то нетрудно установить, что .1 является источникомъ рукописи *Р*, а *Р* — общимъ источникомъ рукописей *ВМ*. Графически эти выводы можно изобразить слѣдующимъ образомъ: $A \in P'BM$, resp. $A — P — BM$.

2) „Menander Frg. 6 p. 5,28 Dind. liest A πειζόμενα δ' οὖν ³⁾ ταῖς τῶν πολεμίων ἐπιβρομαῖς οἴονται ἐπηρεάζεσσαντο ὡς αὐτοῦς und bemerkt am Rande: εἶχε οἴονται ⁴⁾, wonach nicht ὡς οἴον τε, sondern αἶ ἄνται zu

¹⁾ Ibid. 155—157.

²⁾ Это, какъ читателямъ уже извѣстно, констатируется и самимъ де Бооромъ: „Zweifellos richtig und absolut beweisbar ist dieselbe [т. е. наша „гипотеза“]. . . . zunächst für die Gruppe ВМР“ (ibid. 154).

³⁾ Это по совету точно: въ .1 читается οἴον.

⁴⁾ Точнѣе — οἴονται (съ тупымъ удареніемъ).

corrigen ist; P hat οἶονται und ähnlich wie A: εἶχε οἶον ταί. BM nur οἶονται ohne Randnotiz“.

Наш выводъ: A — P — BM.

3) „Polybius XXI, 39 p. 1077,12 Hultsch hatte A die Worte ἀτωδώντων γνάων Z. 13 hinter αὐτὸν wiederholt, aber durch Punkte afhetirt, MP (B fehlt) haben sie dort ohne Athetese“.

Наш выводъ: A ∞ PM, resp. A — P — M.

4) „Polybius XXII, 13 p. 1101, 1¹⁾ liest P περιλοιτοῦ τὸ τοῦ, M περιέλοι τούτι A hat περί τοῦ τίτου und das fehlende τὸ am Rande nachgetragen, aber das τ ist so schief, der Accent so neben o gestellt, dass es genau wie λοι aussieht“.

Наш выводъ: A — P — M.

5) „Petrus Patricius Frg. 13 p. 431,16 Dind²⁾ hat A ὄσπερ | ἄν εἶη über am Rande γρ. ἀναί (statt ἀναί). MP geben ὄσπερ ἄν εἶη wieder, B ὄσπερ ἄν εἶη“.

Наш выводъ: A ∞ PBM, resp. A — P — BM.

6) „Menander Frg. 33 p. 70,1 liest A ἐς τὸ ἀβροδίατον ὁ βίον^{ος}, wobei das αττων wie oft bei Darnarius ganz ähnlich wie αττων aussieht. BMP bieten ἀβροδίας τὸν ὀβίονος (ὀβ. BM)“.

Наш выводъ: A — P — BM. Думать о выводѣ A — P — z — BM на томъ основаніи, что вмѣсто ὀβίονος (P) въ BM читается одинаково ὀβίονος, было бы по меньшей мѣрѣ пачивно — вследствие сличности очевидной нехарактерности послѣдняго варианта.

7) „Ganz ähnlich hat A Procop Goth. III, 39 p. 446,8 βεταλιανόν^{οῦ} genau so giebt es B wieder, während es P in βεταλιανών^{οῦ} ²⁾, M in βεταλιανόνου auflösen“.

¹⁾ Подлинный текстъ гласитъ: περί τὸ τοῦ Τίτου δεῖγμα.

²⁾ Контекстъ таковъ: ὅτι ὄσπερ ἀναί δύο λαμπτήρες εἰσὶν ἧ τε Ρωμαϊκῆ καὶ Περσικῆ βασιλεία.

³⁾ Въ нашей коλλαціи P отиѣчено βεταλιανόν^{οῦ}, причѣмъ необходимо пояснить, что вслѣдствіе незначительности разстояній, оставляемыхъ писцомъ P между отдѣльными словами, а равно и вслѣдствіе того, что accentus acutus въ его написаніи иногда ничѣмъ не отличается отъ accentus gravis, какъ нерѣдко и accentus circumflexus ничѣмъ не отличается отъ spiritus levis, — въ данномъ мѣстѣ P можно читать какъ βεταλιανόν^{οῦ} (-ών) οῦ, такъ и βεταλιανόνου (это αεστο строгитимье: ср. въ предъидущемъ примѣрѣ превращеніе ὁ βίον^{οῦ} въ ὀβίονος или ὁ βίονος), и даже βεταλιανόν^{οῦ} (-ών) οῦ. Такая неясность написанія P и дѣлаетъ понятнымъ различіе вариантовъ BM: дѣло въ томъ, что, списывая съ P брусельскую рукопись (B), Дармарій прочелъ въ P βεταλιανόν^{οῦ}, что удачно и исправилъ, а списывая мюнхенскую рукопись (M),

Нашъ выводъ: *A — P — BM.*

8) „Polybius XXII, 5 p. 1092,7 finden wir in MP $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ ($\mu\epsilon\gamma\alpha$ P) $\delta\omega\acute{\epsilon}$, $\sigma\kappa\omega\delta\eta\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ statt $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\varsigma$ δ' $\omicron\upsilon\tau\eta\varsigma$ ^λ). In A schliesst δ' $\omicron\upsilon$ eine Zeile, und der Apostroph ist mit dem Spiritus zu einer Figur zusammengezogen, die einem ξ sehr ähnlich sieht, im folgenden $\eta\varsigma$ sieht ε wie oft bei Darmarius genau wie δ aus; nur das $\epsilon\pi\omega$ ist in MP als Dittographie von δ' $\omicron\upsilon$ hinzugekommen“.

Нашъ выводъ: *A — P — M.* Кстати замѣтить, что послѣднее предположеніе де Боора намъ представляется не особенно правдоподобнымъ: $\sigma\kappa\omega\delta\eta\varsigma$, по нашему мнѣнію, обязано своимъ возникновениемъ не диттографіи, но скорѣе конъектурѣ писца P ²⁾).

9) „Polybius XXV, 2 p. 1146,12 lesen MP $\omicron\mu\eta\tau\acute{\rho}\omega\omicron\nu$, in A steht $\omicron\mu\eta\tau\acute{\rho}\omega\nu$, aber der Accent erst hinter ρ und genau wie übergeschriebenes ι aussehend“.

Нашъ выводъ: *A ∩ PM*, resp. *A — P — M.*

10) „Polybius XXX, 19 p. 1227,28 bietet P $\tau\acute{\iota}\omicron\rho\iota$, M $\tau\acute{\iota}\omicron\rho\iota\alpha$, A hat $\tau\acute{\iota}\omicron\varsigma$, aber ε ist oben an ο in einer Form angehängt, dass man sehr leicht $\tau\acute{\iota}\omicron\rho\iota$ lesen kann“.

Нашъ выводъ: *A — P — M.*

11) „Petrus Patricius Frg. 11 p. 430,26 steht in den Ausgaben $\epsilon\tilde{\gamma}\chi\omega\rho\omega\nu$ $\omega\varsigma$ $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ $\kappa\iota\nu\theta\acute{\omicron}\nu\omicron\upsilon$ $\zeta\upsilon\gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\tau\epsilon\varsigma$, $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ als Conjectur für das in B überlieferte $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$, wofür MP $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ haben ³⁾). A bietet $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\mu\iota$, d. h. $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon$ ⁴⁾), wobei μ hinten den Strich hat, durch den die abgekürzte Participialendung angedeutet wird“ ⁵⁾).

прочелъ въ P $\beta\epsilon\tau\alpha\lambda\iota\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\nu$, что тоже исправить, но только не такъ удачно. Отсюда видно, что BM списаны непосредственно съ P.

²⁾ Точнѣе выражались: „вмѣсто $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ δ' $\omicron\upsilon\tau\eta\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ “, — такъ какъ $\tau\eta\varsigma$ вмѣстѣ и въ A. Кроме того, вмѣсто $\mu\epsilon\gamma\alpha$ въ P, повидному, читается $\mu\epsilon\gamma\alpha$.

³⁾ Съ аналогичною конъектурой его же мы встречаемся и въ 12 примѣрѣ ($\mu\alpha\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$).

⁴⁾ Точнѣе: $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ P, $\acute{\alpha}\pi\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$ съ тремя точками, надписанными въ видѣ треугольника надъ σγ, M (ср. предисловіе Диндорфа къ *Historiæ Græci minoræ*, vol. I, p. LXXVI).

⁵⁾ Точнѣе: $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\mu$, т. е. $\acute{\alpha}\pi\acute{\omicron}\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon$ (Ив. fol. 298^v); разстояние, отдѣляющее оба эти слова, не особенно велико, такъ что нетрудно принять ихъ и за одно слово: буквы, надписанныя надъ строкой, написаны слитно и при невнимательномъ чтеніи ихъ легко принять за глѣ.

⁶⁾ Правильнѣе сказать, этотъ штрихъ очень похожъ на сокращенное обозначеніе — $\epsilon\upsilon$ — въ причастіяхъ, но не тождественъ съ послѣднимъ.

Нашъ выводъ: $A - P - BM$.

12) „Bei demselben Autor Fig. 13 p. 431,30 steht in A $\mu\alpha\rho\acute{\iota}$ $\nu\alpha\rho\acute{\iota}$ $\sigma\acute{\alpha}\iota\omega$ ¹⁾ so, dass der Accent wie $\Delta\kappa\upsilon\acute{\iota}$ und ρ wie ζ aussieht ²⁾. BMP haben $\mu\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta$ ($\mu\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta$ P von erster Hand corrigirt) $\sigma\acute{\alpha}\iota\omega$ “.

Нашъ выводъ: $A - P - BM$.

13) „Aehnliche Verwechslung von ρ und ζ hat den Text bei Meander Fig. 47 p. 97,6 zerstört. A hat $\xi\beta\omicron\pi\tau\eta\sigma\theta\alpha\iota$, aber ρ wie ζ , und dahinter zufällig kleinen freien Raum. Danach hat P $\xi\beta\omicron\pi\zeta\sigma\theta\alpha\iota$, was in BM durch Conjectur in $\xi\beta\omicron\pi\tau\epsilon\iota\nu$ $\alpha\iota\tau\eta\sigma\theta\alpha\iota$ corrigirt ist“.

Нашъ выводъ: $A - P - BM$. Предполагать, какъ это, очевидно, дѣлаетъ де Бооръ, какое-либо промежуточное звено между P и BM , т. е. иными словами, настаивать на выводѣ: $P - z - BM$, нѣтъ никакой необходимости. Почтенный ученый, повидимому, считаетъ интерполяціонную „поправку“ $\xi\beta\omicron\pi\zeta\sigma\theta\alpha\iota$ въ $\xi\beta\omicron\pi\tau\epsilon\iota\nu$ $\alpha\iota\tau\eta\sigma\theta\alpha\iota$ характернымъ вариантомъ, совершенно исключаяющимъ возможность признанія рукописей BM непосредственными копіями P , но нетрудно доказать, что въ данномъ случаѣ онъ весьма заблуждается. Дѣло въ томъ, что если бы BM были писаны двумя разными лицами, то это $\xi\beta\omicron\pi\tau\epsilon\iota\nu$, пожалуй, можно было бы признать характернымъ вариантомъ, а потому и настаивать на необходимости допустить существованіе рукописи приписывая именно писцу послѣдней эту „поправку“, — но такъ какъ обѣ рукописи BM были изготовлены однимъ и тѣмъ же лицомъ (Дармаріемъ), то само собою разумѣется, что вариантъ BM $\xi\beta\omicron\pi\tau\epsilon\iota\nu$ оказывается черезчуръ шаткою опорой для разбираемой гипотезы де Боора: въ виду вышеупомянутого факта нельзя не признать, что данный вариантъ BM до известной степени уже утрачиваетъ свою характерность, и едва ли нужно доказывать, что бессмысловатая конъектура $\xi\beta\omicron\pi\tau\epsilon\iota\nu$ могла придти Дармарію въ голову какъ въ то время, когда онъ списывалъ съ P брюссельскую рукопись (B), такъ и при списываніи мюнхенской (M).

Что же касается другой конъектуры того же Дармарія — $\alpha\iota\tau\eta\sigma\theta\alpha\iota$, то сликомъ явнымъ нехарактернымъ этого варианта, естественно, избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать, что онъ не болѣе

¹⁾ Точнѣе: $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\nu\alpha\rho\acute{\iota}\sigma\acute{\alpha}\iota\omega$.

²⁾ Замѣтка де Боора относительно ударенія (на $\mu\alpha\rho\acute{\iota}$) не совсемъ точна: на этомъ словѣ стоитъ именно accentus acutus, а не „выглядывающій“ только таковыма.

чьмъ ὄβριος, съ которымъ мы имѣли дѣло въ 6 примѣрѣ, пригоденъ для обоснованія де-бооровской гипотезы.

14) „Menander Frg. 65 p. 129,5 bietet A χήται, aber ι sieht einem ρ ähnlich, daneben steht ἰσω; ζήται, P hat χήταιρ mit der gleichen Beischrift, M mit der Beischrift ἰσω; ταίται ἢ ζήται, in B ist χήται mit Andeutung einer Lücke ausgelassen“¹⁾.

Нашъ выводъ: *A — P — BM.*

15) „Menander Frg. 36 p. 74,16 lesen wir in P das unverständliche ἐν νῶ ὁ βαλέσθαι, MB haben nur ἐν νῶ βαλέσθαι. Das Richtige finden wir in A ἐν νῶ δὲ βαλέσθαι, aber die bekannte halbrunde Sigle für δὲ ist zufällig zu einem Kreise geworden, so dass sie wie ὁ aussieht“.

Нашъ выводъ: *A — P — BM.* Имѣя нѣкоторое основаніе предполагать, что и въ этомъ примѣрѣ де-Бооръ усматриваетъ поддержку своей гипотезѣ относительно существованія промежуточнаго звена между *P* и *BM* (*P — ε — BM*), считаемъ нелишнимъ лишишь гипотезу почтеннаго ученаго и этой (мнимой) опоры. Что фактъ общаго обѣмъ рукописямъ *BM* пропуска словечка въ вышеприведенной фразѣ вовсе не доказываетъ необходимости предполагать какое-либо посредствующее звено между *P* и *BM*, — въ этомъ очень легко убѣдиться при помощи слѣдующаго аналогичнаго примѣра извѣстнаго намъ изъ области рукописнаго преданія второй тетрады Ἰπὲρ τῶν πολέμων Προκωπία Кесарійскаго.

Въ фразѣ: τὸ γὰρ τινι ζωνιπέχῃ ἐκείνη τῇ ἡμέρᾳ ὑπὸ τὸν αὐτὸν χρόνον τὸν τε ζῶν τῆ Ἰωάννη στρατὸν καὶ τούτους δι᾽²⁾ τοὺς τετρακοσίους³⁾ βαρβάρους ἐν Καπύῃ γενέσθαι (De bellis VII 26 p. 331,1 Kr., p. 387,17 Bonn.), писецъ флорентійской рукописи *L* (cod. Laurentianus 69,8) послѣ χρόνον вмѣсто τὸν сперва по ошибкѣ написалъ τῆ, но сейчасъ переправилъ это τῆ въ τόν, только сдѣлавъ эту поправку довольно небрежно, между прочимъ не зачеркнувъ ни прежняго ударенія, ни верхней половины ε, нижнюю половину котораго онъ передѣлалъ въ ο: въ результатѣ получилось чтеніе, которое даже и при внимательной

¹⁾ Знаю, что *B* списана съ *P*, мы сказали бы, что писецъ *B* пропустилъ χήταιρ, а не χήται.

²⁾ Это δὲ — наша конъектура; въ рукописяхъ читается δὲ, которое наши предшественники, начиная съ Мальтра, изгоняютъ изъ текста.

³⁾ Послѣ τετρακοσίους наши предшественники, начиная съ того же Мальтра, безъ нужды вставляютъ ὄντας.

коллажн горадо легче принять за *tén* чѣмъ за *tón* ¹⁾. За *tén* и приняи это слово какъ писца рукописей **ИДМ**, такъ и Эрико Ростагьо (Rostagno), который сплчалъ для Компаретти прокопиевскія рукописи ²⁾, — по пзѣ трехъ вышеупомянутыхъ перепищиковъ только одинъ (**М**) рѣшился поставить въ своей копіи *tén*, тогда какъ *оба друиыхъ* (**ИД**), *поступил совершенно независимо одинъ отъ другою* ³⁾, *либаморасудили пропустить это не полатое или слово оригинала въ своихъ копіяхъ, оставляя въ текстѣ соответственные пробѣлы* ⁴⁾.

Итакъ, если *два совершенно разныхъ переписчика*, изъ которыхъ однимъ является Дармаріи, намѣренно пропустили одно и то же слово, списывая съ одного и того же оригинала (*L*), то ясно какъ день, что было бы, по меньшей мѣрѣ, странно отрицать естественность предположенія, что и при *непосредственномъ* списываніи съ рукописи *P* *одинъ и тотъ же писецъ* (Дармаріи) могъ намѣренно пропустить въ обѣихъ своихъ копіяхъ (*ВМ*) словечко *ó*, показавшееся ему подозрительнымъ. Иными словами, фактъ пропуска этого слова въ *ВМ* вовсе не доказываетъ существованія того промежуточнаго звена (*x*) между *P* и *ВМ*, которое сочинено де Бооромъ.

¹⁾ Милоходомъ замѣтимъ, что совершенно таклмъ же образомъ переправлено и въ 2 писцѣ этой же рукописи *L* — въ *De bellis VII 14 p. 284,2 Kt.* (p. 333,19 Вопп.) *прѣс тоо тѣν πολυμὴν ἀλόφ*, гдѣ вмѣсто тоо онъ сперва написалъ *тѣ*, а затѣмъ исправили эту ошибку, но такъ небрежно, что *тѣν* вышло чрезвычайно похожимъ на

За *тѣν* и приняи это слово писца двухъ непосредственныхъ копій *L*, а именно рукописей **И** (*cod. Ambrosianus A 182 стр.*) и **М** (*cod. Monacensis gr. 87*), тогда какъ менѣе внимательный переписчикъ третьей непосредственной копіи той же рукописи *L* — Дармаріи (**Д** — четырехтомный *cod. Ambrosianus A 52 — 55 стр.*) — превратилъ это слово въ *тѣ*. Попутно отмѣтимъ нѣсколько ошибокъ въ критическомъ аппаратѣ изданія Компаретти (vol. II, p. 291,1): пзѣ **И** (по обозначенію Компаретти — *С*) онъ приводитъ *прѣс тѣν*, тогда какъ въ этой рукописи ясно читается *прѣс тѣν*; въ качествѣ общаго варианта *остальными рукописей* онъ же цитуетъ *прѣс тѣν* (*„прѣс тѣν gli altri codd.“*).

²⁾ Не мѣшаетъ упомянуть, что Ростагьо усугубилъ эту ошибку тѣмъ, что скрѣпилъ ее своимъ „*sic*“ (въ критическомъ аппаратѣ у Компаретти, II, 369,3 читаемъ: „*tén тѣ (sic) прѣс тѣν тѣ M m f (corr.)*“; *Mm* — тѣ рукописи, которыя мы обозначили буквами **ИМ**, а *f* — *cod. Monacensis gr. 518*, вторая половина котораго списана съ **М**. за исключеніемъ конца [fol. 700 — 711], списаннаго съ *cod. Parisinus gr. 1699*, ср. *Визант. Временикъ*, 1898, 419 п 471).

³⁾ Надо замѣтить, что рукопись **И** писана въ XIV вѣкѣ, а **Д** — Дармаріи, во второй половинѣ XVI-го вѣка.

⁴⁾ Въ пробѣлѣ, который былъ оставленъ испомъ **И**, впоследствии другою рукою (**И**²) было вписано *тѣν*. По поводу **Д** не мѣшаетъ упомянуть, что въ ней Дармаріи со свойственною ему небрежностью пропустили и слѣдующее слово (*тѣ*).

16) „Sehr zahlreich sind [въ PBM] Fehler, in denen ε für ν erscheint, wie παῖ für πᾶν, ζω oder σω statt ην, wie ἀπεώτων für ἀπήτων, δισώνουον für δτήνουον, Fehler, die sich aus häufig wiederkehrenden Formen der Schrift des Darnarius erklären, die sich eben an den Stellen der Fehler im Ambrosianus vorfinden“.

Нашъ выводъ: A с PBM, resp. A — P — BM.

17) „Ebenso findet sich [въ PBM] nicht selten die Participialendung ων oder ον statt der Infinitivendung ειν; in allen Fällen ist im Ambrosianus die bekannte Kürzung mit verticalem Doppelstrich gebraucht, die dem Schreiber [sic] ¹⁾ offenbar nicht geläufig war“.

Нашъ выводъ: A — P — BM.

18) „Die wunderlichen Formen [въ PBM] σαρακτιῶν und σαρακτιῶς statt σαρακτιῶν und σαρακτιῶς liessen ein Blick in den Ambrosianus als vollkommen begrifflich erscheinen“.

Нашъ выводъ: A с PBM, resp. A — P — BM.

19) „Polybius XXXVI, 6 p. 1325, 10 beginnen alle [т. е. PBM] den Satz ὁ δὲ πρεσβύτερος, als ob dort ein neues Excerpt begünne. In A beginnt eine noue Zeile, und zufällig ist ὁ ein wenig grösser als sonst gerathen“.

Нашъ выводъ: A с PBM, resp. A — P — BM.

20) Polyb. XXXI, 22 p. 1253, 17 bieten P δὲ ἦ. M δὲ ἦ statt einfachen δὲ; ἦ scheint auch in A dazustehen, aber nur, weil die Tinte von der anderen Seite des Blattes durchgeschlagen ist“.

Нашъ выводъ: A — P — M.

21) Menander Frg. 5 p. 5,15 findet sich [въ A] im Worte νικῶντες; neben dem Fusse des hochgezogenen ein kleiner runder Fleck ²⁾; dementsprechend hat P νικῶντο ες (το ες inter scrib. aus τος corrigirt) ³⁾ B νικῶντο ohne ες ⁴⁾, während M hier richtig νικῶντες bietet“.

¹⁾ De Voortъ забываетъ, что рукописи PBM (оставляемъ въ сторонѣ фантастическія — уз) были подготовлены не однимъ писцомъ.

²⁾ По нашему мнѣнію, это обстоятельство объясняется именно тѣмъ, что въ A Дармаріи сперва написалъ νικῶντο.

³⁾ Это сообщеніе де Воора не совсемъ точно: въ P (cod. Vatic. Palat. gr. 412 fol. 141^v) данное мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: ὡς ἦνικῶντοῖς; (о поправлено изъ с) οἱ ἄλλοι κтл. Не мѣшаетъ замѣтить, что контекстъ гласитъ (p. 5,14 sqq): ἐμφορὶστὰτα, οἱμα, προμνημονεύμενος ὁ βραχέως, ὡς ἦνικῶντες οἱ ἄλλοι; ἦ καὶ τρωμάμενοι εἰς ἀμφοῖν περιβῶσι Ῥωμαῖοις τὸ σπουδαῖον. — Считаемъ долгомъ съ благодарностью упомянуть, что проверкой чтенія P мы обязаны любезности Dr. Giovanni Moretti.

⁴⁾ По словамъ Жюстиса (*Anecdota Bruxellensia*, III, 79) въ B читается ἐνικῶντο — видѣто ἦ νικῶντες.

Нашъ выводъ: A — P — BM.

22 и 23) „Als Beispiele, dass Lücken in diesen Handschriften genau einer Zeile des Ambrosianus entsprechen, führe ich an: das durch eine gewaltsame Umstellung von den Herausgebern corrigirte Fig. 16 des Petrus Patricius, in dem statt der in die Lücke p. 435, 16 eingeschwärzten Worte $\acute{\alpha}$ Νουάγχοις — τῶν Μαγγάντιον καὶ im Ambrosianus die Worte stehen $\acute{\alpha}$ Ρουφίνος τῷ οὐκείῳ γράμματος ἀξίωματι und Menander Fig. 36 p. 74, 29, wo zu lesen steht: $\acute{\omega}$ s εἶχε παραλαβὴν δάκτυλον ἐν κινήθητι βασιλεῦς Παρῶν, πῆχυν αὐτὸς κινήθησται.“

Нашии выводы: A в PBM, resp. A — P — BM.

Таковы наши выводы изъ приведенныхъ де Бооромъ примѣровъ ¹⁾, большая часть которыхъ была намъ уже давно извѣстна на основаніи нашихъ собственныхъ коллацій AP ²⁾, а затѣмъ и B; что же касается коллацій M, то вполнѣ достаточная часть ихъ была намъ извѣстна изъ новѣйшихъ критическихъ изданій Полибія (ed. Hultsch), Кассія Діона (ed. Boissvain), Аппіана и Зосима (ed. Mendelssohn). На основаніи этихъ и цѣлаго ряда другихъ аналогичныхъ примѣровъ и разныхъ соображеній, съ которыми мы познакоимъ читателей въ другихъ нашихъ статьяхъ, намъ и удалось установить вышеприведенную общую стемму рукописей извлеченій περί πρέσβων ἀδικῶν περί Ρωμίων, основной резульатъ которой де Бооръ называетъ „совершенно не обоснованною гипотезою“.

Теперь сравнимъ нашу „гипотезу“ съ результатами собственныхъ „исследованій“ де Боора.

„Klar ist sofort aus den angeführten Beispielen,“ — говоритъ почтенный ученый ³⁾, — „dass die Handschriften [PBM] nicht unabhängig von einander alle drei direct aus dem Ambrosianus stammen können ⁴⁾, um so weniger, als BM von Darmarius selbst geschrieben sind. Sodann sieht man deutlich, dass P vielfach die aus der Eigenthümlichkeit des Ambro-

¹⁾ L. c. 155 — 157.

²⁾ Эти рукописи мы сличали на нѣсколько лѣтъ до де Боора.

³⁾ L. c. 157.

⁴⁾ Нельзя не замѣтить, что этотъ „выводъ“, — столь „ясно“, по мнѣнію де Боора, слѣдующій изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, — формулированъ почтеннымъ ученымъ не совсемъ ясно, такъ какъ сама по себѣ его послѣдняя фраза допускать два разныя толкованія, и только изъ дальнѣйшихъ разсужденій де Боора становится болѣе яснымъ, что именно хотѣлъ онъ сказать въ данномъ мѣстѣ. Съ совершенно аналогичною неясностью формулировки приходится имѣть дѣло и въ нѣсколькихъ строкахъ ниже (см. слѣдующее примѣчаніе).

sianus entstandenen Lesarten treuer bewahrt hat, BM dieselben mehrfach, und zum Theil in auffälliger Weise übereinstimmend, corrigirt haben. Danach erscheint es wahrscheinlich, dass P eine Abschrift vom Ambrosianus darstellt ¹⁾, während die Vorlage von BM eine stark corrigirte Abschrift von P gewesen sein müsste ²⁾. Doch sprechen manche Stellen für einen anderen complicirteren Zusammenhang.“

Изъ сообщаемыхъ здѣсь двухъ *результатовъ собственныхъ или-сканій де Боора*, непосредственно относящихся къ опредѣленію взаимной генетической связи отдѣльныхъ членовъ группы *APBM*, первый (*A—y—P*)—*новъ, но совершенно невѣренъ*. Въ виду того, что этотъ „выводъ“ не находитъ для себя точекъ опоры (*даже* *мыслимыхъ*—въ родѣ тѣхъ, на которыхъ зиждется сочиненіе *з*) ни въ одномъ изъ 23 вышеприведенныхъ примѣровъ, остается предположить только одно,— что онъ сдѣланъ на основаніи какихъ-либо *высшихъ соображеній* почтеннаго ученаго. Напротивъ, мы—предпочитая оставаться на почвѣ *фактовъ*,— изъ большей части приводимыхъ де Бооромъ примѣровъ, а именно изъ *четырнадцати* (пп. 2. 4. 6—8. 10—15. 17. 20. 21), выводимъ заключеніе, что *P* является непосредственною копіей *A*,— не говори уже о томъ, что, и помимо этихъ четырнадцати примѣровъ, намъ извѣстенъ цѣлый рядъ аналогичныхъ, приводящихъ къ тому же самому выводу.

Не подожить, конечно, сомнѣнію, что ни одинъ изъ этихъ при-

¹⁾ Эту „Abschrift vom Ambrosianus“, якобы являющуюся оригиналомъ (Vorlage) *P*, мы для краткости обозначаемъ буквой *y*. По поводу последней фразы де Боора считаемъ нелишнимъ замѣтить, что сама по себѣ она допускаетъ два различныхъ толкованія: 1) „рукопись *P* является представительницей [какой-то утраченной] копіи *A* или, иными словами, *P* непосредственно списана не съ *A*, но съ копіи послѣдней“; 2) „*P* является [непосредственною] копіей *A*“, — но, какъ совершенно ясно видно изъ послѣдующихъ разсужденій де Боора, въ данномъ случаѣ единственно возможно только *первое* толкованіе; ср. напр. p. 157: „Jedenfalls muss die *erste* Abschrift dieser Gruppe sehr früh gemacht worden sein“; p. 161: „die erste der Gruppe *BM* zu Grunde liegende Abschrift aus *A*“, и въ особенности (ibid.): „dem einen [Abschreiber] Stücke jener [утраченной] Abschrift, [т. е. *y*], die noch nicht so stark oortrumpirt war, wie die uns erhaltenen Copien [т. е. *PBM*], als Vorlage gab“; ср. также p. 164: „die Handschrift des Ursinus Vaticanus graec. 1118, d. h. der Repräsentant der Handschrift des Augustinus“ (курсивъ всадѣ принадлежитъ намъ). — Дѣлаемъ эти разъясненія для того, чтобы кто-либо не подумалъ, что мы пользуясь двусмысленностью де-бооровской фразы, произвольно останавливаемся именно на невыгодномъ для де Боора ея толкованіи.

²⁾ Эту „Abschrift von *P*“, якобы являющуюся общицею оригиналомъ *BM*, мы для краткости обозначаемъ буквой *x*.

мѣровъ не доказываетъ невозможности существованія не только одного y , но даже, если угодно, и цѣлой сотни подобныхъ промежуточныхъ „шпекровъ“, — но въ то же время едва ли нужно доказывать, что до тѣхъ поръ, пока де-бооровскій y оказывается витающимъ лишь въ предѣлахъ фантазій или, по крайней мѣрѣ, какихъ-либо высшихъ соображеній почтеннаго ученаго, должно оставаться въ силѣ наше заключеніе, что P является непосредственною копіею M . Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы сами отмѣчаемъ — оставшуюся неизвѣстною де Боору — возможность частичнаго ограниченія этого нашего вывода, но не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что, во 1-хъ, такое (весьма незначительное) ограниченіе *вовсе не является безусловно необходимымъ*, а во 2-хъ, и при немъ де-бооровскій y по прежнему остается *митическою* рукописью.

Второй „выводъ“ де Боора ($P - z - VM$) подобно предыдущему — *новъ, но совершенно невяренъ*, — такъ какъ, съ одной стороны, тѣ примѣры (пп. 6. 13. 15), которые, повидимому, послужили почтенному изслѣдователю поводомъ сочинить z , по ближайшемъ изслѣдованіи оказываются слишкомъ шаткими аргументами въ пользу вышеназженнаго „вывода“ ¹⁾, а съ другой стороны, — отмѣченный нами въ началѣ настоящаго изслѣдованія и, очевидно, ускользнувшій отъ вниманія де Боора фактъ пропуска въ M всего того, что въ привлеченныхъ изъ Полибія находится на двухъ смежныхъ страницахъ двухъ листовъ рукописи P , въ связи съ другими фактами, указанными тамъ же, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ правильности именно нашего мнѣнія, высказаннаго въ 1898 году, — что VM являются непосредственными копіями P .

Заключивъ эту продолжительную экскурсію въ туманные предѣлы *минималю бытія*, предпринятую нами съ цѣлью ближайшаго ознакомленія читателей съ де-бооровскими y и z , не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подчеркнуть тотъ любопытный фактъ, что и самъ

¹⁾ Мпποδομὸν замѣтить, что и въ приведенномъ нами примѣрѣ (Polub. XXXVI, 3 p. 1322, 7 ed. Nulfsch.): $\lambda\sigma\gamma(\sigma\epsilon)$, $\lambda\sigma$ (вмѣсто $\lambda\sigma$) $P - \lambda\sigma\gamma(\sigma\epsilon)$ $\lambda\alpha$ M , $\lambda\sigma\gamma\sigma\epsilon$ $\lambda\alpha$ B , также нельзя усмотрѣть достаточно убѣдительнаго аргумента въ пользу того же де-бооровскаго вывода: дѣло въ томъ, что въ $\lambda\alpha$ VM всего проще видѣть *конъюнктуру Дармарія*, попянаго истинность цифры $\lambda\alpha$, которую онъ нашелъ въ оригиналѣ (P); такимъ образомъ это $\lambda\alpha$ слѣдуетъ поставить на одну доску съ $\epsilon\zeta\alpha\mu\alpha\iota\upsilon$ $\alpha\iota\tau\eta\sigma\alpha\sigma\alpha\iota$ (п. 13). Меньше вѣроятнымъ намъ казалось бы предположеніе, что Дармарій просто по невнимательности принялъ $\lambda\alpha$ за $\lambda\alpha$ — вродѣ того, какъ Жюстенъ прочелъ $\pi\epsilon\rho\alpha\omega$ вмѣсто $\pi\epsilon\rho\omega\upsilon\upsilon$.

де Бооръ сознаетъ, что намѣченная имъ стемма (A—y—P—z—BM) оказывается по отношенію къ „manche Stellen“ не вполне удовлетворительною („Doch sprechen manche Stellen für einen anderen complicirteren Zusammenhang“).

II. Опровергнувъ, такимъ образомъ, два первыхъ заблужденія де Боора изъ четырехъ перечисленныхъ въ вышеприведенномъ Sündenregister, приступимъ къ опроверженію его *третьяго заблужденія*, главнымъ образомъ касающагося утраченной августиновскои двухтомной рукописи извлеченія *κατὰ πρόθεσιν ἐβυκίων πρὸς Ῥωμαίους* (codd. Escorialenses IV. II. 6 и 7), которую для краткости мы будемъ обозначать буквой z.

Выясняя вопросъ, въ какомъ отношеніи къ прочимъ рукописямъ находится орсиіевскія рукописи вышеупомянутыхъ извлеченій (I—cod. Vaticanus gr. 1418, *первая половина*, т. е. pg. 1—160, и N—cod. Neapolitanus III. B. 15), де Бооръ замѣчаетъ: „Nach unseren bisherigen Resultaten ¹⁾ durften wir voraussetzen, dass NV mit der in BMP vorliegenden Copie des Ambrosianus in keinerlei Zusammenhang stehe; und bei dem weitaus grössten Theil der Excerpte finden wir in NV nur so verschwindend selten Lesarten, die in auffälliger Weise mit denen jener Gruppe oder einzelner Glieder derselben übereinstimmen, dass diese Annahme ihre Bestätigung findet. Nur für eine ganz kurze Strecke, in den Excerpten aus Arrian und im Beginn der Excerpte aus Appian, etwa für ein Siebentel der gesammten Appian-Excerpte, finden wir eine seltsame Häufung von Lesarten, die jener Gruppe eigenthümlich sind, zugleich aber doch wieder auch hier richtige Lesungen, wo BMP Corruptelen bieten“ ²⁾.

Затѣмъ де Бооръ приводитъ слѣдующіе примѣры совпаденій ошибочныхъ вариантовъ *NPBM* въ предѣлахъ вышеупомянутой „kurze

¹⁾ Самый главный изъ этихъ результатовъ, сводящійся къ признанію орсиіевскихъ рукописей копіями августиновскои, очевидно не блещетъ новизною, такъ какъ онъ уже давнымъ давно превосходить Эрнста Шульца (De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnæ 1866, 19), о чемъ, однако, ни словомъ не упоминаетъ самъ де Бооръ; между тѣмъ едва ли можно думать, что почтенный ученый, оказывающійся далеко не новичкомъ въ области изслѣдованій Константиновскихъ извлеченій (ср. *Sitzungsber. der philos.-philol. und der histor. Classe der Münchener Akad.* 1883, II, 87 сл. и *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 932), вовсе не знаетъ этой диссертации Шульца.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902. 160.

Strecke⁴, — которую, кстати сказать, мы ради краткости будем обозначать в дальнейшем положением буквой $\mathcal{M}$:

А) изъ *Arriana* ⁵):

1 (въ заглавіи извлеченіи) $\text{περὶ πρῶτων ἑθνικῶν A}^2$: $\text{περὶ πρῶτων ἑθνῶν NP}^3$;

2) V, 20,5 $\text{πρὸ γε τῆς μάχης A}$: $\text{πρὸς γε τῆς μάχης NP}$;

3) V, 20,6 παρὰ ἀλεξάνδρον A : $\text{παρὰ ἀλεξάνδρου NP}^4$;

4) коротенькое извлечение изъ VI, 15,1 во всѣхъ рукописяхъ стоитъ не на своемъ мѣстѣ, а именно *послѣ* извлечения изъ VI, 15,4 sq., тогда какъ оно должно стоять *передъ* этимъ послѣднимъ; нормальный порядокъ восстановленъ только въ *AE* — посредствомъ цифръ β' и α' , отмѣченныхъ на поляхъ; этихъ цифръ нѣтъ ни въ *N*, ни въ *P(BM)*;

5) VII, 19,1 ὕπερ ὄτων A : ὕπερ ὄντων NP ;

6) VII, 19,2 ἕδος ; ἕδος A : εἶδος NP ;

7) VII, 23,1 ἄγοντα A : ἄγοντας NP^6 ;

Б) изъ *Antiana* ⁶):

8) p. 18,13 ed. Mend. (vol. I) μετοικίσασθαι A : μετοικίξασθαι NP ;

9) p. 28,20 ἀπανεστήσαν A : ἐπανεστήσαν NP ;

10) p. 29,14 πρῶτευοῦμενοι A : πρῶτευοῦμενοι NP ;

11) p. 29,18 παραδοῖεν A : παραδοῖεν NP .

Пропускаемъ слѣдующіи за этимъ примѣръ („Ib. Z. 20 bictet A οὐκνοῦντες für ὀκνοῦντες und schreibt am Rande ἰσως οὐκ ὀκνοῦντες. Dieses οὐκ ὀκνοῦντες haben alle anderen Handschriften“, курсивъ нашъ), — такъ какъ его неумѣстность въ данномъ контекстѣ слишкомъ очевидна.

12) p. 31,14 ἀνέχομαι A : ἀνέχομαι NP^7 ;

13) p. 39,11 $\text{βλέπω A N corr. P corr. M corr.}$: $\text{βλέπων Ἰπρ. Ppr. Mpr. B}$. — Многоходомъ замѣтимъ, что *исправленная* описка βλέπων ,

¹) Ibid. 160.

²) Варианты аскориальской рукописи (*E*) совпадаютъ съ вариантами ея оригинала (*A*).

³) Варианты *BM* совпадаютъ съ вариантами ихъ общаго оригинала (*P*).

⁴) Не мѣшаетъ замѣтить, что за этими словами слѣдуетъ: καὶ παρὰ Πέρου ἄλλου τοῦ ὑπάρχου Ἰνδῶν.

⁵) Далѣе слѣдуетъ слово, начинающееся съ буквы (στρατιάν).

⁶) Ibid. 161.

⁷) Не мѣшаетъ упомянуть, что во многихъ случаяхъ дармаріевское χ очень легко принять за лигатуру $\sigma\chi$.

очевидно, была обусловлена темъ, что слѣдующее за $\beta\lambda\epsilon\pi\omega$ слово начинается съ ν ($\nu\acute{\nu}\nu$).

14) p. 32,14 ἀπειρίαν A: ἐπορίαν NP¹⁾.

15) p. 40,7 λαβινίω A [вмѣсто Λαβίνωφ]: λαβίνω NP;

16) p. 40,16 ὑπὸ λείας, „über über ó ein Haken, der wie ein kleines u aussieht“²⁾, A: ὑπουλείας NP;

17) p. 41,8 τήν δ' ἐμήν| τήν δὲ μήν A съ припиской на полѣ ἴσω: τήν δὲ ἐμήν: τήν δὲ ἐμήν NP;

18) 41,23 οἱ δὲ αὐτήν A: οἱ δὲ καὶ αὐτήν NP;

19) 41,26 κατέπλησεν A („in A steht so in einer Ligatur, die auch der Schreiber des Scor[ialensis] nicht selten als ob gelesen hat“): κατέπλησεν NP²⁾.

20) 52,7 δοματίου A: δοματίου NP.

Констатировавъ затѣмъ любопытный фактъ, что во всей остальной части извлеченій изъ Аппіана, которыми кончается N, — т. е. примѣрно въ $\frac{2}{3}$ общаго количества аппіановскихъ отрывковъ, приводимыхъ въ извлеченіяхъ περί πρῶσεων ἑθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους, — ошибочные варианты N всего лишь въ 8 случаяхъ совпадаютъ съ вариантами группы PBM³⁾, и, очевидно, сознавая взаимную независимость орсиніевской рукописи (V + N) и P, де Бооръ пытается объяснить фактъ общія ошибокъ NP въ предѣлахъ M предположеніемъ, что (соответственная) часть аугустиновской рукописи (ε), являющейся оригиналомъ (Vorlage) орсиніевской, была списана не съ A, какъ остальная часть ея, но съ той же рукописи y, которую, какъ уже извѣстно читателямъ, почтен-

¹⁾ Любопытно, что и Мендельсонъ, списавъ A, причелъ въ этой рукописи ἀπορίαν вмѣсто ἀπειρίαν, — какъ видно изъ его примѣчанія къ этому мѣсту: „ἀπειρίαν Schw[eig]hauser), ἀπορίαν libri“.

²⁾ На сопоставленію направивается примѣчаніе Мендельсона ad l.: „ὑπὸ λείας superscripto u a m. 1 A“.

³⁾ Въ BM читается правильно — κατέπλησεν. Многоходомъ замѣтить, что и этотъ фактъ никоимъ образомъ нельзя считать аргументомъ въ пользу догадки де Боора о существованіи ε.

⁴⁾ L. c. 161: „In dem ganzen Rest der Excerpts aus Appian, etwa sechs Siebenteln der Masse, finden sich nun neben vier Fällen, wo bei der ewig wechselnden Schreibung von εἰ und εἰς N mit BMP gegen A steht, einem Falle von ἰρηνός gegen ἰρηνός und von ὀλωλοῦς gegen ὀλωλοῦς nur zwei erheblichere Varianten, nämlich Lib. 31 p. 218,24 τούτοις falsch in BMNP für τούτων und Lib. 37, p. 223,23 die falsche Schreibung ἰὲ ἀίλπω für das zweifellos in A vorhandene ἰὲ αἰλπω. Im Uebrigen findet sich keine der zahllosen Corruptelen jener Gruppe in N wieder“.

ный ученый объявляет источником *P*. Онъ говоритъ: „Eine befriedigende Erklärung für diese Erscheinung zu geben ist schwer; da, wie oben gesagt, die erste der Gruppe BMP zu Grunde liegende Abschrift aus A ¹⁾ sehr bald nach diesem selbst hergestellt sein muss, so erscheint es mir am wahrscheinlichsten, dass Darmarius, um das Exemplar für Augustinus [т. е. по нашему обозначению] möglichst schnell herzustellen, einmal zwei Abschreiber für dasselbe beschäftigte und dem einen Stücke jener Abschrift [т. е. *y*], die noch nicht so stark corrupt war, wie die uns erhaltenen Copien, als Vorlage gab“ ²⁾).

Съ этимъ предположеніемъ почтеннаго изслѣдователя мы не можемъ согласиться уже потому, что оно находится въ неразрывной органической связи съ абсолютно безпочвенною, на нашъ взглядъ, и рѣшительно ничѣмъ до сихъ поръ не доказанною самимъ авторомъ гипотезою того же де Боора о существованіи промежуточнаго звена *y* между *A* и *P*, — каковой *y* мы нимало не колеблемся отнести (какъ и столь же проблематическій *z*) просто къ области *миновъ*.

Изъ только что приведенныхъ словъ де Боора совершенно ясно видно, что существованіе рукописи *y* онъ признаетъ несомнѣннымъ и уже доказаннымъ имъ выше фактомъ; отсюда вполне естественно заключить о неумѣстности догадки, что къ мысли о существованіи *y* де Бооръ пришелъ подъ вліяніемъ констатированнаго имъ факта обилія общихъ ошибокъ *NP* въ предѣлахъ *X*, — а именно по тому, что не видѣлъ возможности объяснить этотъ фактъ безъ участія *y*. Но даже если допустить такую догадку, безпочвенная гипотеза де Боора ничуть не станетъ отъ этого правдоподобнѣе, такъ какъ вовсе не трудно объяснить вышеупомянутый фактъ и не прибѣгая къ помощи мионческаго „дипрека“, въ чемъ не замедлитъ убѣдить читателей нижеслѣдующее изложеніе. При этомъ не откажемъ себѣ въ удовольствіи подчеркнуть то небезынтересное обстоятельство, что источникъ, изъ котораго мы почерпнули свѣдѣніе, способствующее — помимо вариантовъ соответственныхъ рукописей — разъясненію даннаго вопроса, былъ хорошо извѣстенъ и де Боору, только почтенный ученый не сумѣлъ имъ воспользоваться надлежащимъ образомъ; — мы разумѣемъ таррагонское письмо Агустина къ Орелии отъ 13 ноября 1574 года, которое вмѣстѣ съ леридскимъ письмомъ отъ 26 сентября того же года де Бооръ разсматриваетъ по

¹⁾ Эту „erste Abschrift“ мы и обозначаемъ буквой *y*.

²⁾ I. 161.

поводу совѣтъ много вопроса ¹⁾, причемъ въ леридскомъ письмѣ не все истолковывается правильно ²⁾.

Приступая къ объясненію вышеупомянутаго факта, совершенно неправильно объясненнаго де Бооромъ, мы прежде всего должны попытаться выяснить, въ какомъ отношеніи къ агустиновской рукописи (ε) находится N. Находимъ необходимымъ заняться рѣшеніемъ этого вопроса не только потому, что онъ находится въ органической связи съ первымъ, но и вслѣдствіе того, что изъ двухъ мнѣній, которыя были высказаны по поводу упомянутаго вопроса нашими предшественниками, одно мы считаемъ не совѣтъ правильнымъ, а другое совѣтъ неправильнымъ.

Читателямъ уже извѣстно, что впервые Шульце — на основаніи указаній, содержащихся въ перепискѣ Агустина съ Орении, — пришелъ къ заключенію, что орениевская рукопись (V + N) была списана непосредственно съ агустиновской ³⁾. Это — въ общемъ вѣрное, на нашъ взглядъ, — мнѣніе какимъ-то образомъ ускользнуло отъ вниманія позднѣйшихъ изслѣдователей, которые съ легкой руки Буассе-вона стали считать и орениевскую рукопись, подобно вѣсѣ прочимъ, непосредственно копіей пазовскаго кодекса (II). Къ безусловно невѣрному и беспочвенному послѣднему предположенію первоначально примыкалъ, между прочимъ, и де Бооръ ⁴⁾, который лишь въ прошломъ году убѣдился въ несостоятельности традиціоннаго мнѣнія, кстати сказать, опровергнутого нами уже въ 1898 году. Свое новое мнѣніе (*новое только для самого де Боора*, такъ какъ, будучи уже давнымъ давно предвосхищено Шульце, оно eo ipso оказывается *очень старымъ*) почтенный авторъ подкрѣпляетъ двумя аргументами ⁵⁾, изъ которыхъ однако первый, какъ покажемъ въ своемъ мѣстѣ ниже ⁶⁾, оказывается, по ближайшемъ разсмотрѣніи, абсолютно невѣрнымъ, а второй — лишь относительно вѣрнымъ.

Мнѣніе Шульце, раздѣляемое въ настоящее время и де Бооромъ,

¹⁾ L. c. 152.

²⁾ За подробностями отсылаемъ читателей къ особой главѣ нашей *Variа* (гл. XXXVІІ).

³⁾ О томъ, что Шульце ошибочно отождествилъ (трехтомную) агустиновскую рукопись (codd. Escorialenses IV. N. 6, 7, 8) съ (двухтомною) шоттовскою (codd. Vrikelensia 11317 — 21 и 11301 — 16), у насъ тоже было упомянуто въ свое время.

⁴⁾ Ср. *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933.

⁵⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 133 сл.

⁶⁾ *Variа*, гл. XXXVІІ.

мы квалифицировали как *в общемъ вѣрное* — потому, что, признавая его совершенно правильнымъ по отношенію къ *большей части* орсинивской рукописи, а именно по отношенію ко всему cod. Vaticanus gr. 1418 и къ *большей части N*, мы въ то же время имѣемъ основаніе видѣть въ *остальной (заключительной) части N*, — которую для краткости будемъ обозначать въ дальнѣйшемъ изложеніи буквой *n*. — непосредственную копию не августиновской рукописи (ε). по амброзіанской (Δ).

Высказывая это предположеніе, мы основываемся на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ своемъ таррагонскомъ письмѣ къ Орсини отъ 13-го ноября 1574 года Августинъ, между прочимъ, говоритъ: „hora vi aviso, come ho in mano l'altra parte di detti *fragmenti*, la quale si copia per la S(ignoria) V(ostra) continuando certi quinterui mandativi ¹⁾, li quali io dissi, che mi pareano fragmenti di Polibio, et la mia opinione fu vera verissima, secondo che si trova alla fine di questi fragmenti. Io parlo di quelli, che cominciano καθόλου ²⁾ τῆ περι τὰ λάφρα, et finiscecono διὰ τῶν πολιτῶν πρότερον ³⁾“. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что августиновскую рукопись извлеченіи *περι πρέβρων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* („l'altra parte di detti *fragmenti*“) Дармаріи доставилъ Августину прежде, чѣмъ успѣлъ дописать рукопись *N*, которая, какъ извѣстно, и служить продолженіемъ первой половины cod. Vaticanus gr. 1418 („καθόλου τῆ περι τὰ λάφρα . . . . . διὰ τῶν πολιτῶν πρότερον [ἐξεχώρησαν]“).

Полагаемъ, что Дармаріи со своею привычкою быстрой дописалъ *N* и своевременно переслалъ эту рукопись Августину въ томъ же 1574 году. Правда, мы знаемъ, что Августинъ отослалъ ее Орсини лишь въ самомъ концѣ февраля слѣдующаго года ⁴⁾, но такое замедленіе, главнымъ образомъ, было обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что первоначально Августинъ предполагалъ лично вручить *N* своему

¹⁾ Исправляемъ опечатку: *mandativi*. Такую поправку предлагать п де Вюрт (I. с. 152), но мы предпочитали ее (ср. *Визит. Временикъ*, 1901, 512).

²⁾ Полидиому, и это опечатка — вместо καθόλου. Впрочемъ возможно также предположить ошибку самого Августина.

³⁾ *Ant. Augustini Opera omnia*, VII, 257 col. 2 (Lettera XLVII).

⁴⁾ Ср. письмо Августина къ Орсини („Da Lerida l'ultimo di Febrero del LXXXV“), гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ: „Li Fragmenti hò avuto caro saper che vi siano capitati, et con questa vi mando il resto“ *Ant. Augustini Opera omnia*, VII, 257 col. 2 (Lettera XLVIII).

приятелю, рассчитывая приехать в Римъ въ срединѣ января 1575 года ¹⁾. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, которыя сообщать здѣсь считаемъ излишнимъ, мы можемъ предположить, что рукопись *N* была окончена Дармариемъ примѣрно въ концѣ октября или въ ноябрѣ 1574 года.

Во второй половинѣ этого года (какъ и въ теченіе первой) мы встрѣчаемъ Дармарія только или въ Эскориальѣ или въ Мадридѣ: такъ, 24-го августа онъ кончаетъ cod. Ambrosianus N 135 sup. въ Эскориальской библиотекѣ ²⁾, въ сентябрѣ списываетъ для Агустина cod. Escorialensis Q. IV. 16, — несомнѣнно, въ той же библиотекѣ ³⁾; 24-го ноября мы видимъ его кончающимъ cod. Escorialensis X. IV. 4 въ Мадридѣ ⁴⁾. Думать, что изъ Эскориала или Мадрида Дармаріи широчю ѣздаль къ Агустину въ Лериду (или въ Таррагону), для того чтобы тамъ докончить *N*, пользуясь агустиновскою рукописью, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно — уже потому, что у самого Дармарія, несомнѣнно, еще находилась въ то время амброзіанская рукопись (*A*), а, быть можетъ, уже имѣлись и другія рукописи извлеченія περί πρόβων εὐσεβῶν πρὸς Ῥωμαίους. По этой же самой причинѣ столь же странно было бы предполагать, что, не успѣвъ докончить *N* ко времени отправки въ Лериду агустиновской рукописи, Дармаріи не цѣлкомъ отослалъ послѣднюю, но удержавъ у себя ея не списанную часть, которую затѣмъ и дослалъ Агустину вмѣстѣ съ *N*; можно замѣтить, что и таррагонское письмо Агустина отъ 13 ноября 1574 года вовсе не благоприятствуетъ подобному предположенію.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній мы приходимъ къ естественному заключенію, что конецъ *N* былъ списанъ не съ агустиновской рукописи, но съ какой-то дру-

¹⁾ Ср. цитуемое де Нолькомъ письмо Орсини къ Пинелли отъ 14-го января 1575 года: „Monsieur Antonio Agostino sera fra pochi giorni in Roma, chiamato per un breve di N. S-re et mi portara il restante di un libro grecho, del quale ho la maggior parte già in mano“ (*P. de Nolhac, La bibliothèque de Fulvio Orsini, Paris 1887, 47, note 3*).

²⁾ Ср. subscriptio этой рукописи (*A*) читателю уже знакомы.

³⁾ Ср. subscriptio этой рукописи (fol. 58^v): ὅπου ἄρθρου δαρμαρίου εὐσεβῶν τέρμα γάρμεν τῷ θεοφιλετάτῳ ἐπισκόπῳ ἱερόλλῳ κ. ῥομ. αντιστάτῳ ἀγροστατίῳ, ἐν τῷ ἔτει ἀρσὶ. σπεπτεμ. α' (*Miller, Catalogue des mss. grecs de la bibl. de l'Escorial, 491*).

⁴⁾ Subscriptio этой рукописи гласитъ: ἄρθρου δαρμαρίου τοῦ παλοπονητικῶν, οὐδὲ γωργίου, εὐσεβῶν τῶν θεῶν ἐν τῷ ἔτει ἀρσὶ κωνσταντίνου κ. ε. ἐν μαδρίδῳ τῆς ἰσπ. ν' : (*Miller, l. c. 102*).

гой, — вопреки мнению де Боора, который полагает, что рукопись *N* целиком списана с аугустиновской.

Для того чтобы приблизительно определить размеры *n*, т. е. той заключительной части *N*, которая была списана не с аугустиновской рукописи, а равно для выяснения вопроса, какал именно другая рукопись послужила оригиналом для *n*, мы должны предварительно попытаться определить причину, обусловившую относительное обилие общих ошибок, сделанных писцами неаполитанской и ватикано-палатинской рукописей (*NP*) в предълах $\mathfrak{A}$, т. е. в предълах всех извлечений из Арриана и в начальной части ($1/2$) извлечения из Анниана.

Объяснить этот факт существованием прямой или косвенной истинической связи между рукописями *NP* в предълах $\mathfrak{A}$, т. е. думать, что в этих предълах либо *N* списана с *P*, либо *P* с *N*, нельзя, так как не подлежит сомнению, что и в области $\mathfrak{A}$ эти рукописи являются взаимно независимыми: в этом убеждают нас, напр., такие варианты:

Arrian. VII, 19, 2 $\kappa\epsilon\lambda\lambda\epsilon\acute{\alpha}\varsigma$ *AN* (правильно): $\kappa\epsilon\lambda\tau\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ *P*

Arrian. IV, 15, 2 $\nu\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$ *AP* (правильно): $\chi\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$ *N*

Arrian. p. 34, 5 (vol. I ed. Mend.) $\delta\grave{\epsilon}$ *AN* (правильно): $\kappa\alpha\iota$ *P*

Arrian. p. 30, 5 $\alpha\iota$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\epsilon\upsilon\sigma\tau\eta\sigma\iota\alpha\iota$ $\pi\rho\omicron\sigma\acute{\alpha}\gamma\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$ *AP*: $\sigma\tau.$ *N*.

Относительное обилие совпадений ошибочных вариантов *NP* только в предълах $\mathfrak{A}$, ни наш взгляд, можно объяснить двояко, а именно:

1) можно предположить, что в предълах $\mathfrak{A}$ обе упомянутые рукописи являются копиями одного и того же оригинала, тогда как в предълах $\mathfrak{B}$ этот оригинал уже не был их общим источником;

2) можно предположить, что *NP* и в предълах $\mathfrak{A}$ были списаны с разных, взаимно независимых рукописей, и что относительное обилие случаев совпадений ошибочных вариантов этих рукописей в предълах $\mathfrak{A}$ является следствием каких-либо особенных, более или менее случайных обстоятельств.

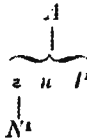
А priori нельзя не отдать предпочтения первому предположению уже потому, что, устраняя элемент случайности, оно приводило бы нас к весьма простому и естественному объяснению довольно странного контраста между обилием общих ошибок *NP* в предълах $\mathfrak{A}$ и спорадичностью аналогичных совпадений в тех же рукописях в предълах $\mathfrak{B}$: относительно частое совпадение ошибок *NP* в предълах $\mathfrak{A}$, естественно, могло быть обусловлено именно

тѣмъ, что уже въ общемъ источникъ N^1P находился если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, бѣльшая часть этихъ ошибочныхъ вариантовъ; напротивъ, въ предѣловъ $\mathcal{N}$, при вышеуказанномъ условіи, такіа совпаденія по легко понятной причинѣ должны были попадаться гораздо рѣже.

Не слѣдуетъ, однако, игнорировать и второго предположенія, такъ какъ и оно имѣетъ свои преимущества, избавляя отъ необходимости осложнять стемму соответственныхъ рукописей введеніемъ въ нее новыхъ элементовъ, — что является неизбѣжнымъ при первомъ предположеніи. Въ виду этого мы и займемся сначала именно вторымъ предположеніемъ, причѣмъ попутно коснемся и вопроса объ n , т. е. о концѣ палеолитанской рукописи (N^1), списанномъ, какъ мы уже установили выше, не съ агустинской рукописи (ε); кстати тутъ же упомянемъ, что всю остальную часть палеолитанской рукописи мы будемъ въ нижеслѣдующемъ положеніи обозначать посредствомъ N^1 , такъ что $N = N^1 + n$.

Исходя изъ вышеупомянутого *второго* предположенія, мы можемъ остановиться на слѣдующей стеммѣ соответственныхъ рукописей ⁴⁾:

причемъ само собою разумѣется, что, оставаясь на почвѣ разбираемаго предположенія, мы должны отнести $\mathcal{N}$ въ палеолитанской рукописи именно къ первой ея части (N^1), а не ко второй (n). Всего естественнѣе, конечно, допустить, что $\mathcal{N}$ являлось заключительною частью N^1 .

Для того чтобы доказать возможность разбираемаго предположенія, мы должны, конечно, доказать, что то взаимоотношеніе рукописей N^1P , которое отмѣчено въ только что приведенной стеммѣ, примиримо съ фактомъ контраста между $\mathcal{N}$ и остальными частями упомянутыхъ рукописей.

⁴⁾ Почему въ этой стеммѣ мы приурочиваемъ именно къ палеолитанской рукописи (A), — у насъ будетъ сказано особо, такъ какъ вопросъ объ этомъ не находится въ непосредственной связи съ разсматриваемымъ вторымъ предположеніемъ.

Объяснять этот контраст простою случайностью было бы по меньшей мѣрѣ странно; равнымъ образомъ нельзя думать, что совпаденіе (въ предѣлахъ $\mathcal{H}$) если не всехъ, то по крайней мѣрѣ большей части тѣхъ 20 вариантовъ N^1P , которые перечислены выше, объясняется особенностями написанія соответствующихъ словъ въ общемъ архетипѣ, т. е. въ $\mathcal{L}$: дѣло въ томъ, что такое объясненіе допустимо лишь по отношенію къ меньшинству вышеуказанныхъ примѣровъ, а именно подходит лишь къ нп. 4. 12. 16. 17. 19 я, быть можетъ, къ п. 13. Остается, слѣдовательно, только одно — предположить, что либо въ N^1 , либо въ P на извлеченіяхъ изъ Арріана и началѣ аниановскихъ отрывковъ, т. е. на $\mathcal{H}$, — отразилось вліяніе какихъ-то особенныхъ условій, воздѣйствіе которыхъ не шло далѣе предѣловъ $\mathcal{H}$.

По нѣкоторымъ соображеніямъ мы остановимся на предположеніи, что воздѣйствіе какихъ-то специальныхъ условій въ предѣлахъ $\mathcal{H}$ имѣло мѣсто именно въ *неаполитанской* рукописи (N^1), и теперь приступимъ къ выясненію этихъ загадочныхъ условій.

Въ виду того обстоятельства, что неаполитанская и ватикано-палатинская рукописи были писаны двумя различными лицами, а именно N — самимъ Дармаріемъ ³⁾, а P — тѣмъ же его помощникомъ, который написалъ брюссельскую и ватикано-палатинскую рукописи извлеченій *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑβραίους* (codd. Bruxellensis 11301—16 и Vaticanus Palatinus gr. 413), считаемъ не безполезнымъ коснуться вопроса объ индивидуальныхъ особенностяхъ обохъ этихъ переписчиковъ, какъ таковыхъ. Сравнивая списанныя съ однихъ и тѣхъ же оригиналовъ дармаріевскія рукописи съ рукописями его помощника, — какъ напр. (непосредственная копія августинской рукописи π) codd. Escorialensis R. III. 14 и Bruxellensis 11301—16 или (непосредственная копія рукописи α; списанной съ только что упомянутой брюссельской) codd. Monacensis gr. 267 и Vaticanus Palatinus gr. 413, — мы находимъ въ дармаріевскихъ копіяхъ довольно много интерполяціонныхъ поправокъ и въ то же время, при всей небрежности Дармарія, гораздо меньше случайныхъ описокъ, нежели въ копіяхъ его помощника, которыми, наоборотъ, будучи почти совсѣмъ свободны отъ интерполяцій, отличаются обиліемъ описокъ,

³⁾ По поводу (едва ли основательныхъ) сомнѣній де Воора, полагающаго, что N писана какимъ-то инымъ лицомъ, ср. нашу замѣтку въ *Визант. Временикъ*, VIII (1901), 499, прим. 2.

обусловленных не столько небрежностью, сколько разбѣйностью и отчасти неопытностью переписчика. Такимъ образомъ, — въ особенности если оставить въ сторонѣ интерюляции, — можно сказать, что *ceteris paribus* дармаріевскія конии были исправнѣе копій, подготовленныхъ его помощникомъ.

При сравненіи текста *n* съ текстомъ соответствующей части *P* мы можемъ говорить о *ceteris paribus* хотя бы въ томъ смыслѣ, что признаемъ *nP* непосредственными коніями одной и той же рукописи (*A*). Въ виду этого совершенно естественнымъ является констатированный де Бооромъ фактъ, что конецъ неаполитанской рукописи (т. е. именно та часть *N*, которую мы обозначаемъ буквой *n* и которая содержитъ аппіановскіе отрывки за исключеніемъ только начала) оказывается болѣе исправнымъ, нежели соответствующая часть *P*, и что совпаденія ошибокъ *nP* наблюдаются лишь спорадически.

Напротивъ, если мы будемъ сравнивать текстъ *N*¹ съ текстомъ соответствующей части *P*, то должны будемъ считаться съ *неравенствомъ условий*, выражающимся прежде всего въ томъ, что *P* является прямою коніей *A*, тогда какъ въ *N*¹, списанной съ аугустиновской рукописи (ϵ), мы имѣемъ лишь косвенную копию *A*. Этотъ фактъ, однако, не даетъ намъ объясненія, почему текстъ конца *N*¹, т. е. той части, содержаніе которой мы обозначаемъ буквой $\mathfrak{A}$, оказывается гораздо менѣе исправнымъ чѣмъ текстъ всей предшествующей части *N*¹, — и потому намъ приходится предположить *cetera imparia* въ области либо *N*¹, либо ϵ , либо какъ той, такъ и другой рукописи. Изъ этихъ догадокъ мы остановимся на первой.

Намъ уже извѣстно, что конецъ (*n*) неаполитанской рукописи (*N*) Дармарій не успѣлъ списать съ аугустиновской (ϵ). Между тѣмъ весьма естественно предположить, что ему хотѣлось списать *всю* неаполитанскую рукопись съ аугустиновской — хотя бы для того, чтобы текстъ первой болѣе или менѣе точно соответствовалъ тексту второй. Стремясь къ выполненію своего первоначальнаго плана, Дармарій, конечно, долженъ былъ спѣшить; чѣмъ ближе подходилъ срокъ отсылки аугустиновской рукописи въ Лериду, тѣмъ торопливѣе долженъ былъ работать нашъ Грассинус, — и вотъ эту-то спѣшностью работы Дармарія и могло быть обусловлено относительное обиліе совпаденій ошибочныхъ вариантовъ *N*¹*P* въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$.

Не мѣшаетъ отмѣтить при этомъ, что такое объясненіе гармонируетъ и съ тѣми результатами, къ которымъ насъ приводитъ классификація общихъ ошибокъ *N*¹*P*, встречающихся въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$.

Просматривая приведенный выше перечень этих ошибок, мы не находимъ въ немъ ни одного примѣра безусловно характернаго совпаденія ошибочныхъ вариантовъ N^1P , т. е. такого, которое бы дѣлало безусловно необходимымъ сведеніе N^1P въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$ къ какому-либо особенному общему источнику вродѣ напр. де-бооровскаго μ .

Далѣе, къ *условно* характернымъ совпаденіямъ N^1P мы причисляемъ всего только *шесть* примѣровъ, а именно:

Artian.	}	(n. 1) εἰθῶν N^1P вмѣсто εἰθικῶν (.1),
		(n. 5) ὄτων вмѣсто ὄτων,
		(n. 6) εἶδος вмѣсто εἶδος (εἶδος A);
Arrian.	}	(n. 8) μετακίεσθαι вмѣсто μετακίεσθαι,
		(n. 11) παραδίδειν вмѣсто παραδίδοειν и
		(n. 18) δὲ καὶ вмѣсто δὲ.

Во всѣхъ остальныхъ *четырнадцати* случаяхъ (нп. 2 — 4. 7. 9. 10. 12 — 17. 19. 20) мы имѣемъ дѣло съ совпаденіями *безусловно нехарактерныхъ* ошибокъ; сверхъ того не мѣшаетъ упомянуть, что въ четырехъ случаяхъ (нп. 4. 12. 16 и 19) общія ошибки N^1P находятъ собѣ естественное объясненіе уже въ особенностяхъ архетипнаго написанія соответствующихъ мѣсть и словъ, а въ н. 17 τῆν δὲ ἐρῆν (N^1P) является вариантомъ самого архетипа (.1), приписаннымъ на полѣ.

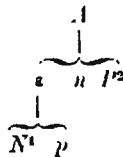
Затѣмъ, принимая во вниманіе размѣры $\mathfrak{A}$ (приблизительно 18 — 19 листовъ или 36 — 38 страницъ, in quarto), не трудно вычислить, что — даже если допустить, что въ неаполитанской рукописи *есть* 20 вышеуказанныхъ ошибокъ были сдѣланы *самимъ писцомъ* N^1 , — въ среднемъ приходится на каждыя *дѣтъ* страницъ всего только *по одному* совпаденію вариантовъ N^1P вообще, а въ частности *на каждыя шесть страницъ всего только по одному условно характерному совпаденію*. Фактически же такія совпаденія собственно N^1 съ P , несомнѣнно, оказывались еще болѣе рѣдкими, такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что изъ 20 вышеупомянутыхъ ошибокъ нѣкоторыя были сдѣланы уже *писцомъ августинювской рукописи* (з), коніей которой является N^1 .

При такомъ положеніи дѣла становится многѣ непонятнымъ, что случаи совпаденій ошибокъ N^1P встрѣчаются въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$ чаще, нежели въ остальныхъ частяхъ тѣхъ же рукописей, и что, объясняя этотъ фактъ несомнѣнною работою Дармарія, намъ даже нѣтъ надобности предполагать, что вторую половину N^1 , т. е. $\mathfrak{A}$, Дармарію при-

ходилось писать съ такую же, но истиннѣ, головокружительной быстротой, съ какою онъ написалъ (въ 1579 году) вторую половину эсбориальской рукописи, содержащей *Eclogae physicae* Стобея (cod. Escorialensis R. I. 11),—успѣвъ настрочить *триста двѣнадцать страницъ in folio меньше чѣмъ въ пять дней* ¹⁾.

Переходя затѣмъ къ другому (*первому*) предположенію, которое, подобно только что разсмотрѣнному второму, могло бы послужить исходнымъ пунктомъ для объясненія причины относительной многочисленности примѣровъ совпаденій ошибочныхъ вариантовъ $N^1 P$ только въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$, считаемъ нелишнимъ упомянуть, что на почвѣ именно этого (*перваго*) предположенія оперировалъ и де Бооръ, объясненіе котораго приходится, однако, намъ отвергнуть, такъ какъ оно неразрывно связано съ предположеніемъ реальнаго существованія такой рукописи (ρ), какой, на самомъ дѣлѣ, никогда не было. А что можно, оставаясь на почвѣ того же предположенія, прекрасно обойтись и безъ помощи такого многочислаго „игрека“,—въ этомъ читатели весьма легко могутъ убѣдиться, ознакомившись съ нашими разъясненіемъ вышеупомянутаго вопроса.

Если избрать исходнымъ пунктомъ именно это (*первое*) предположеніе, т. е. если допустить, что въ предѣлахъ $\mathfrak{A}$ иезюитская (N) и ватикано-латинская (P) рукописи являются копіями одного и того же оригинала, который не былъ ихъ общимъ источникомъ внѣ предѣловъ $\mathfrak{A}$, то всего естественнѣе представить себѣ взаимныя отношенія данныхъ рукописей въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ Subscriptio первой половины этой рукописи датирована *24-го ноября* 1579 года (*iv tñ eta apov, vovpópov xñ*), subscriptio второй — *28-го ноября* того же года (*iv tñ eta apov, vovpópov xñ*;— у Fro Essai, 324 adu., опечатка въ цифрѣ года [apov], а въ каталогѣ Миллера р. 5 двѣ опечатки: *xpov* и *xñ*). Многоходовъ замѣтимъ, что, указывая на этотъ интересный фактъ, Fro удѣляетъ Дармирию для написанія упомянутыхъ 312 страницъ только „*5 jours de temps*“ (курсивъ нашъ), что, конечно, тоже допустимо.

Въ этой стеммѣ новыми обозначеніями являются два:

ρ — начало втигано-палатинской рукописи (P), пными словами, начало ся первого тома ¹⁾. — и

P^2 — вся остальная часть этой рукописи, такъ что $P = \rho + P^2$. Воздерживаясь отъ точнаго разграниченія обѣихъ этихъ частей P въ виду того, что такой вопросъ имѣетъ чисто теоретическій интересъ, мы ограничимся поясненіемъ, что *минимальнымъ* содержаніемъ ρ мы признаемъ $\mathfrak{A}$ (всѣ извлеченія изъ Арріана и начало [$1/7$] апиановскихъ), т. е. приблизительно fol. 5 — 25 cod. Vatican. Palat. gr. 411 ²⁾.

Что же касается обѣихъ частей неволитанской рукописи ($N = N^1 + n$), то и въ этой стеммѣ мы остаемся при прежнемъ разграниченіи ихъ, т. е. номѣщаемъ $\mathfrak{A}$ въ концѣ N^1 ; такимъ образомъ —

N^1 — приблизительно обнимало 243 первыхъ листа N (pg. 1 — 486), содержащихъ извлеченія изъ Полибія (вторая половина ³⁾, Діодора, Кассія Діона, Арріана и начало ($1/7$) извлеченій изъ Аппіана, а въ

n — на остальныхъ 83 листахъ N (pg. 487 — 652) находились остальные $6/7$ извлеченій изъ Аппіана.

¹⁾ Не имѣя въ виду, что *первымъ* томомъ этой трехтомной рукописи является cod. Vaticanus Palatinus gr. 411, содержащій извлеченія изъ Арріана, Аппіана, Мелха, Приска и Епифанія, а также первую половину извлеченій изъ Полибія; *вторымъ* — cod. Vat. Palat. gr. 410, содержащій вторую половину извлеченій изъ Полибія и всѣ извлеченія изъ Флавія Юсифа, Осифлакта и Прокопія; *третьимъ* — cod. Vat. Palat. gr. 412, содержащій извлеченія изъ остальныхъ десяти авторовъ, начиная съ Юсифа и кончая Менандромъ.

Правда, съ вышеуказаннымъ размѣщеніемъ двухъ первыхъ томовъ не впадаютъ дурмаріевскія пометки: τῶν δὲ τριῶν на *первомъ* (н. 411) и τῶν τριῶν на *второмъ* (н. 410; только третій томъ н. 412 — правильно пометить какъ τῶν τριῶν), — но пометки эти, несомненно, были приписаны дурмаріемъ лишь вносилъ стип., — уже послѣ того какъ съ P были списаны B (cod. Bruxellensis 11317—21) и M (cod. Monacensis gr. 185). На правильность нашего возстановленія первоначальнаго порядка томовъ (нн. 411. 410. 412) указываетъ, во 1-хъ, распредѣленіе полубіевскихъ отрывковъ между нн. 411 и 410 (см. выше); во 2-хъ, то обстоятельство, что въ (однотомныхъ) рукописяхъ BM , непосредственныхъ копіяхъ P , извлеченія слѣдуютъ именно въ томъ порядкѣ, какой находимъ въ нн. 411. 410. 412 (а не 410. 411. 412).

²⁾ Надо замѣтить, что въ этой рукописи тексты извлеченій (изъ Арріана) начинаются съ fol. 5^r, такъ какъ fol. 1 содержитъ обзоръ содержанія рукописи (πῶς), а fol. 2—4 оставлены пустыми.

³⁾ Читателямъ уже извѣстно, что первая (меньшая) половина извлеченій при приписаніи ἐπιπέδων πρὸς Ῥωμαίους изъ Полибія находится въ cod. Vaticanus gr. 1418 (pg. 1—158).

Итакъ, если признавать согласно съ вышеприведенной стеммой, что въ предѣлахъ $\mathcal{A}$ какъ неаполитанская такъ и ватикано-палатинская рукописи были списаны съ агустинской (ε), то eo ipso получимъ совершенно естественное объясненіе причины относительнаго обилія совпаденій ошибочныхъ вариантовъ $N^1\rho$ именно въ предѣлахъ $\mathcal{A}$: при вышеупомянутомъ условіи ясно, что всѣ δ случаевъ условно характерныхъ совпаденій ($N^1\rho$), которыя перечислены выше, а равно и нѣкоторые изъ 14 нехарактерныхъ совпаденій $N^1\rho$ произошли просто потому, что всѣ эти ошибочные варианты уже находились въ общемъ источникѣ $N^1\rho$, т. е. въ агустинской рукописи (ε). Такимъ образомъ, становится понятнымъ и контрастъ между обиліемъ ошибочныхъ совпаденій $N^1\rho$ въ предѣлахъ $\mathcal{A}$ и спорадичность подобныхъ совпаденій въ другихъ частяхъ тѣхъ же рукописей.

Сравнивая это объясненіе съ тѣмъ, которое мы сообщили выше, мы не можемъ не признать его *несколько* болѣе простымъ, а потому и *несколько* болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предложенное выше, — но въ то же время вовсе не усматриваемъ безусловной необходимости предпочесть это второе объясненіе первому.

Теперь намъ остается еще доказать, что конецъ неаполитанской рукописи (η) списанъ именно съ амброзіанской (A).

Заблужденіе де Боора, полагающаго, что η списанъ съ агустинской рукописи (ε), мы уже опровергли выше. Равнымъ образомъ нельзя предполагать, что η былъ списанъ съ ватикано-палатинской рукописи (P), — уже въ виду того констатированнаго де Бооромъ факта, что текстъ η свободенъ отъ очень многихъ ошибокъ, находящихся въ $P(BM)$ ¹⁾. Такимъ образомъ, за устраненіемъ ε и P , въ списокъ *возможныхъ* оригиналовъ (Vorlagen) η остаются всего только двѣ рукописи — амброзіанская (A) и эскориальская E^{11} (cod. Escorialensis R. III. 13).

Но и эту эскориальскую рукопись мы не колеблемся вычеркнуть изъ вышеупомянутаго списка — въ виду крайней несправности текста E^{11} , засвидѣтельствованной де Бооромъ²⁾, — что даетъ намъ право

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akademie* 1902, 161: „Im Uebrigen findet sich keine der zahllosen Corruptelen jener Gruppe [т. е. $P(BM)$] in N wieder“.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что за исключеніемъ трехъ страницъ съ небольшими (fol. 1^r, два первыхъ слова fol. 1^v, весь fol. 161 и первое слово fol. 162^r), писанныхъ самимъ Дармариомъ (ср. de Boog, *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 933 ст., и нашу замѣтку въ *Византійскомъ Временикѣ*, 1901, 496), вся остальная часть этой эскориальской рукописи (E^{11}) писана „самимъ неспособнымъ изъ исель помощниковъ Дарма-

предположить неизмѣримое превосходство текста *н*, естественно исключая возможность признания *н* копией соответственной части *Е*¹¹. Не говоримъ уже о невозможности доказать, что вся эта эсхориальская рукопись (330 листовъ) или, по крайней мѣрѣ, 269 1/2 ея первыхъ листовъ, которые содержатъ извлечения изъ Геродота, Оуклида, Агаоия, Менандра, Оеофилакта, Проконія, Арріана и *Антіана*, были написаны прежде нежели *н*.

Итакъ, на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній, приходимъ къ выводу, что *н* былъ списанъ именно съ амброзіанской рукописи (*A*). Остается упомянуть, что правильность этого нашего вывода вполне подтверждается путемъ взаимнаго сопоставленія нѣкоторыхъ вариантовъ *н* и *A*, какъ напримѣръ:

1) Arrian. p. 59, 5 sq. ed. Mond. (vol. I) ἐπετρέψαν δὲ καὶ πρέσβεις ἐς λιβύην — въ *A* стоитъ правильное чтеніе ἐς λιβύην. но вмѣсто ἐς первоначально было по ошибкѣ написано ἐκ и это ἐκ такъ небрежно перешрлвлено въ ἐς, что вмѣсто ἐς λιβύην очень легко прочесть ἐκ λιβύην; и вотъ въ *н* находимъ ἐκ λιβύης — съ явно интерполяціонною поправкою самого шенца (Дармарія), обусловленной, конечно, тѣмъ, что, списывая *н* съ *A*, онъ прочелъ въ *A* ἐκ λιβύην.

2) Arrian. p. 61, 6 ἐφαξαν ἐκ τοῦ ἐλλόβου ἐπιτρέψαι — въ *A* это ἐπιτρέψαι такъ небрежно исправлено изъ ἐπιτρέπειν, что легко можно

*рим*⁹, по справедливому замѣчанію де Воора (*Sitzungsber.* 1902, 157). На основаніи приводимыхъ де Вооромъ доказательствъ въ пользу (уже предвосхищеннаго нами „гипотезою“ въ 1808 году) мнѣнія, что *Е*¹¹ является непосредственною копіей *A*, весьма легко убѣдиться въ чрезвычайной несправности текста *Е*¹²: такъ, по словамъ де Воора (ibid. 157 сл.), „von all den Zuthaten des Darmarius [въ *A*] zum Text an Selbstverbesserungen, Conjecturen u. w. machen sich im Scorjalensis III B 19] mindestens 80 Procent homorkbar, sei es, dass der Schreiber das, was er vor sich sah, slavisch copirte, sei es, dass er die Correcturen übersah und die Fehler von A aufnahm, sei es, dass er jene aufs Gröblichste missverstand. Die Handschrift ist in einer Weise reich an den abenteuerlichsten Wortformen, dass man beinahe zweifeln möchte, ob der Abschreiber ein geborener Grieche gewesen sei. Und all diese Ungethümle, wie *παροδοσις*, *ἐξόδοσις*, *ἰδουσις*, *ἀμενοσις* erklären sich aus falscher Verwerthung von über die Zeile geschriebenen Correcturen *παροδοσις*, *ἐξόδοσις* u. *ἰδουσις*; ähnlich erklärt sich *συνελθόντες* statt *συνελθόντες* aus *συνελθόντες*, *προσφληγγόμεναι* statt *προσφληγγόμεναι* aus *προσφληγγόμεναι* u. w. Zahllos sind Formen wie *ὑβρισις* statt *ὑβρισις*, weil bei Darmarius oft die beiden Schenkel des *ν* beinahe zu einem Strich zusammenlaufen, wie *τότες* statt *τότε*, weil er es liebt, den mittleren Strich des *ε* hinauszuziehen und mit einem Schnörkel zu verzieren“ и проч.

прочтеть именно ἐπιτρέπειν;—это и случилось съ писцомъ и (ἐπιτρέπειν), тогда какъ писецъ I' [и E''] правильно прочелъ ἐπιτρέψειν.

3) Arrian. p. 273, 21 καὶ ἀπὸ τοῦδε μέγιστα ἐγένοντο τὰ Μήδων καὶ Ἀσσυρίων κтл.—здѣсь τοῦδε въ A написано довольно небрежно, такъ что при невнимательномъ чтеніи нетрудно принять это слово и за τὰδε;—именно это и случилось какъ съ писцомъ и (ἀπὸ τὰδε), такъ и съ писцомъ E'', тогда какъ писецъ I' прочелъ правильно (ἀπὸ τοῦδε).

М. Крашенинниковъ.

(Продолженіе статьи).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АВТОРЪ АΠΟCΟΛΟCΥΝΤΟCΙC'A.

Напомнимъ незабвеннаго В. К. Ермакова.

„Добрый Клавдій“ служилъ предметомъ насмѣлокъ еще при жизни: Светоній (Claud. 35, 38) упоминаетъ о Фуріи Камиллѣ, написавшемъ на него „contumeliosam et minacem et contumacem epistolam“, и о какомъ-то „Возстаніи Дураковъ“ (Μωρῶν ἀκατάστασις) неизвестнаго автора (заглавіе не исключаетъ возможности формы *Μεμπτεῖν*), написанномъ по поводу разсказа самого Клавдія, что онъ изъ чувства самосохраненія при Калигулѣ прикинулся „дурачкомъ“ (quod aliter evasurus non fuerit)¹⁾. Насмѣлки преслѣдовали его и послѣ смерти, и насмѣлки одинъ изъ аѳинскихъ, когда-либо поплывавшихъ въ литературу; только выдающееся безспорно остроуміе насмѣлки служить ему единственнымъ извиненіемъ. Свидѣтельства Кассія Діона (LX, 35: εὐνάθηξ μὲν γὰρ καὶ ὁ Σενέκας ἐῤῥῶσαντα „Ἀποχολοκύντωσιν“ αὐτὸ ἔσκαρ τὴν Ἀποθανάσειν ἠνομήσατο) и главной Саль-Галленской рукописи (Divi Claudii AΠΟΘΗΟCΙC'A Senecae per satiram) давно уже примирены между собою, и нѣтъ сомнѣнія, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же произведеніи. Несмотря на упорство традиціи, имя *Сенеки* вызвало и вызываетъ²⁾ здѣсь вполнѣ справедливыя недоумѣнія, подчеркнутыя еще Штаромъ (Stahr) въ 1867 г. и до сихъ поръ категорически не опровергнутыя.

Въ этой превосходной по прозѣ и стиху Мениппѣ мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ *пародіей*—именно на *апоевоэ*, подобно тому какъ „Сатириконъ“ Петронія есть двойная пародія—на „Одиссею“ и на

¹⁾ Ср. Apocol. I: aut regem. aut fatuum nasci oportere.

²⁾ Schanz, Röm. Litt. II. 2-te Aufl. 1901, 58.

„Симпосіонъ“: народія вообще любимыи приемъ менаишенствова. Имѣсто однако „превращенія въ бога“ ¹⁾, Діонъ говоритъ намъ о „превращеніи въ тыкву“, синонимъ глупости, составлявшей своего рода *epitheton constans* у Клавдія ²⁾. Но народія не доведена до конца: въ ней есть только приготовленія къ апооеозу, но самого апооеоза или точише „апоколокинтоза“ нѣтъ. Одинъ изъ надателей Сенеки, Бернье (Bernier, Paris 1887, ргѣ. 15 not.) производитъ, правда, заглавіе не отъ *κολοκύτη*, а отъ растенія *Colocynthis*, составляющаго по Плинію (Н. Н. XXII, 2) одинъ изъ сильныхъ laxatifовъ (Клавдія въ сатурѣ, дѣйствительно, умираетъ въ мукахъ *alvi purgandae*, 4 fin.), но, несмотря на все остроуміе (le mot *Apokolokintose* signiferaît: „Suites de la coloquintisation“, et rappellerait, comment Agrippine hâta *Pimmortalité* de son impérial époux), объясненіе это не рѣшаетъ дѣла. Шандъ ³⁾ справедливо указываетъ на то, что такое драстическое и, несомнѣнно, пародирующее названіе должно имѣть сильное оправданіе (не намекъ только) въ самомъ текстѣ сатиры: иначе народія будетъ слабой, блѣдной. Онъ предполагаетъ (и не онъ одинъ), что въ полномъ текстѣ сатиры Клавдія и превращался, въ концѣ концовъ, въ тыкву, но что конецъ этотъ не сохранился. Дѣйствительно, терпѣннѣи конекъ сатиры: *Caesar illum (=Claudium) Aesaco donat; is Meandro libero suo tradidit, ut a cognitionibus esset*—какой-то оборванный: мы бы скорѣе ожидали, что процессъ кончится на „бездошномъ стаканчикѣ“, пародирующемъ бочку Давандъ (ср. Suet. Claud. 5. 33): это было бы много естественнѣе. Но принимаемъ, что Аросол. 8 ибкто изъ боговъ предлагаетъ превратить Клавдія въ священную „Сферу“ (*rotundus, stoicus deus*),—и народія завершена эффектнымъ образомъ. Затѣмъ пародируется на Олимпѣ засѣданіе сената, гдѣ Клавдія такъ любилъ присутствовать; пародируется его собственное судилище, гдѣ его судятъ его же яко-бы собственнымъ *iniquo iudicio*: „altera tantum parte audita“. Вообще народія, карриатура разсыпана здѣсь щедрой рукою: болѣзненность Клавдія, его походка, старческое шамкаше, и т. п.—все это осмѣивается самымъ безпощаднымъ образомъ, равно какъ и его любовь къ греческой литературѣ, его собственное авторство, специально-исторіографія; но наименѣе казнится онъ за его попытку освѣженія сената честными галлами: мы знаемъ, въ какомъ

¹⁾ У Діона I с. слѣдуетъ вѣрнѣе читать *απειθαντικον*.

²⁾ Пракъ со стороны Клавдія бонсе *μοφοδ πληγης*, Аросол.

³⁾ Röm. Litt. II, 57.

снокойномъ, дѣльномъ тогѣ обосновываетъ свою реформу Клавдія въ лѳовской надписи, и потому можемъ оцѣнить по достоинству Аросол. 3 (рѣчь Клоѳѣ), 6, 8—карикатуру, начертанную—такъ и видно—разъ-преннымъ сенаторомъ-націоналистомъ. Въ какой мѣрѣ справедливо обвиненія Клавдія въ рѣзніѣ своихъ родственниковъ, сказать пелетко: положительныхъ свѣдѣній о дворцовыхъ интригахъ этого времени у насъ еще не особенно много; но народность ставить ему на счетъ Силія и Мессалину, тогда какъ, по весьма правдивому, хотя и сжра-шенному трагизмомъ, разсказу Тацита (Ann. XI, 26 сл.) выходитъ, что Клавдія былъ почти готовъ простить виновную супругу, по что Нар-циссъ (Малюты Скуратовъ при Клавдіи) поспѣшилъ ея умерщвленіемъ. Народность, очевидно, намѣренно извращаетъ факты, выгораживая при этомъ замѣтно Агриппину, которая вообще въ сатиру остается въ сторонѣ.

Что несмотря на блестящее остроуміе, сатира эта все же довольно гнусное произведеніе—это общепризнано; въ виду ея гнусности и при-ходится придумать надъ ея принадлежностью *Сенека*. И дѣйстви-тельно, хотя на его совѣсти лежатъ и довольно малодушныя произ-веденія, въ родѣ напримѣръ, письма къ сенату съ оправданіемъ убій-ства Агриппины (изъ Тацита, Ann. XIV, 11, однако видно, что Се-неку только *подозрѣвали* въ составленіи этого письма, по ср. Quintil. Inst. VIII, 5, 18), въ родѣ „Посланія къ Полибію“—по этого мало для приписанія ему нашей сатиры. Она, какъ видно, писана *почти сразу послѣ кончины* Клавдія, т. е. въ 54—55 году, иначе пародія по-теряла бы всю свою свѣжесть и эффектъ ¹⁾; впечатлѣніе ея первыхъ главъ именно таково, что въ нихъ описывается событіе очень недавнее. Каково же было положеніе Сенеки въ это время? Лично съ Клавдіемъ онъ ладилъ: образованный государь цѣнилъ въ Сенеку, конечно, не столько философа, сколько искуснаго ретора; но столкновение его съ Мессалиной ²⁾ въ 41 году привело его въ изгнаніе, откуда его вер-нула только Агриппина въ 49 г.—для воспитанія Нерона: „Agrrippina—veniam exilii pro Annaco Seneca—impetrat.... Seneca fidus in Agrip-pinam memoria beneficii et infensus Claudio dolore iniuriae credebatur“, говоритъ Тацитъ, Ann. XII, 8; ср. ibid. XIII, 42: Suillius—Senecam increpans infensum amicis Claudii, sub quo iustissimum exilium pertu-lisset. Изъ Тацита видно только, что Сенеку *считали* враждебнымъ

¹⁾ Ср. Schanz, I. с. 571.

²⁾ Dio, LX, 8.

Клавдію (или его *amicis*), но отъ этого подозрѣнія до наскивили еще далеко. Если на кого было гнѣваться Сенека — такъ это на Мессалину, но она въ сатиры выставлена жертвой Клавдія. А кромѣ того, съ 49 до 54 г. прошло 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ и вражда можетъ улечься; въ злопамятности же Сенеку мы упрекать не имѣемъ оснований. Далѣе: сатира вышла изъ кружка партіи, какъ видно, особенно недовольной сенатской реформой Клавдія, что совершенно не вяжется съ убѣжденіями Сенеки, который говоритъ *non sum nisi angulo natus: patria mea totus hic mundus est* (Ep. 28); чѣмъ же ему мѣшали галлы? Сатира звучитъ тономъ обиженного сенатора націоналиста, какимъ Сенека врядъ ли былъ. Проническая выходка о „Stoicus deus“ гл. 8 — тоже мало подходитъ къ стонку-Сенека, какъ не подходитъ къ его вообще корректной манерѣ изложенія многія обценности сатиры. Наконецъ, если *проза* нашей Мениппеи не особенно похожа на прозу Сенеки, то уже совсѣмъ не похожи ея превосходные *стихи* на стихотворныя лукубраціи почтеннаго философа, какія мы знаемъ изъ несомнѣнно ему принадлежащихъ трагедій и эпитаграммъ. Его собственные стихи — деревянныя метрическія строчки, писанныя декламаторомъ-моралистомъ, резонеромъ, безъ всякаго поэтическаго таланта; стихи нашей Мениппеи (гексаметры, септары и шпастеты) — легки, воздушны и въ высокой степени талантливы: это талантъ совершенно петроніевскаго жанра: ср. Arosol. c. 4 и Satir. 119 сл.; Arosol. c. 7 и Satir. 89.

Если кому скорѣе другихъ могла принадлежать наша сатира, то именно Петронію — мениппеисту *par excellence*. Въ 54 — 55 г. ему было вѣроятно около 30 лѣтъ отъ роду ¹⁾, и, безъ сомнѣнія, онъ уже тогда приступялъ къ работѣ надъ своимъ объемистымъ романомъ. Правда, по Тациту (I. c.) выходитъ, что Петроній познакомился съ Нерономъ *какъ будто* уже въ послѣдніе годы жизни (*dein*, т. е. какъ будто *послѣ* консульства), но его блестящая карьера даетъ возможность отнести это знакомство къ болѣе раннему періоду. Но Петроній *не одинъ* повиненъ въ нашей Мениппеѣ. У насъ есть свидѣтельство, которое мы намѣренно приберегли къ концу, свидѣтельство серьезное, и еще въ достаточной мѣрѣ не использованное. Плиній Младшій въ „Панегирикѣ“, т. е. въ текстѣ весьма серьезнаго характера, говоритъ (гл. 11), что Траянъ хорошо сдѣлалъ, что своего

¹⁾ Онъ умеръ въ 66 г. (Tac. Ann. XVI, 18) — *послѣ* проконсульства и консульства, слѣдовательно, лѣтъ 40—45 отъ роду.

усыновителя Нерву удостоить апофеоза по чисто-смысловымъ побужденіямъ: quem (=Nervam) tu lacrimis primum, ita ut filium decuit, mox templis honestasti, non imitatus illos, qui hoc idem, sed alia mente fecerunt: dicavit caelo Tiberius Augustum, sed ut maiestatis crimen induceret, Claudium Nero, sed ut irrideret⁴. Изъ Тацита мы знаемъ, что дѣйствительно одною изъ первыхъ мѣръ Нерона былъ апофеозъ Клавдія (Ann. XII fin.; XIII, 2. 3), что Неронъ въ день погребенія произвелъ по обычаю laudationem fimbriam, сочиненную яко-бы Сенекой, гдѣ только одно мѣсто выдѣлено *смысломъ*—когда ораторъ заговаривалъ о „*providentia et sapientia*“ Клавдія. Но, конечно, не эту рѣчь имѣеть въ виду Плиній, говоря объ *идеальности* Нерона надъ усопшимъ Клавдіемъ, и не временную отмѣну воздаянія ему божескихъ почестей при Неронѣ (Suet. Claud. 45): *irridere* для этого немного специально. Было иѣчто другое, тоже связанное съ именемъ Нерона, сочиненное имъ самимъ или въ компаніи съ кѣмъ-нибудь опытнымъ въ подобныхъ произведеніяхъ, и, какъ пасквиль, пущенное въ ходъ анонимно. У Нерона была недюжинная поэтическая жила (Tac. Ann. XIII, 3. XIV, 16; Suet. Nero 52: *sargmina libenter ac sine labore composuit*); что онъ самъ, его мать, вся его клика принадлежали къ анти-клавдіевской партіи—это извѣстно; несколько не удивительно, что изъ этой партіи, не безъ участія молодого государя-поэта (*puerilibus annis sargminibus rangendis inesse sibi elementa doctrinae ostendebat*) и вышла наша сатира. Если публика, какъ говоритъ Тацитъ, вѣрила, что рѣчь при погребенія Клавдія сочинилъ Сенека, то очень легко могли приписать ему и сатиру (*infensus Claudio!*), выпущенную анонимно. Серьезную *ручью*, можетъ быть, Неронъ и не самъ сочинилъ, по сатиру онъ въ сотрудничествѣ съ профессиональнымъ мениппеистомъ могъ сочинить.— и весьма успѣшно, особенно съ помощью (прямой или косвенной) такого мастера, какъ Петроній. Нѣтъ вовсе необходимости допускать, чтобы Петроній въ это время былъ уже непременно въ числѣ придворныхъ, хотя иѣкоторое знакомство его съ кружкомъ Нерона, какъ выше замѣчено, допустимо и для этого времени.

III. Холодильникъ.

КЪ ТОЛКОВАНИЮ ОДНОГО „GRAFFITO“ СЪ ОСТРОВА ЛЕВКИ.

Въ XX т. *Записокъ Им. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, стр. 169 сл., Э. Р. фонъ-Штернь въ статьѣ „Graffiti на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ“ предлагаетъ новое чтеніе двухъ до него неправильно читавшихся надписей на одномъ чернолаковомъ сосудѣ, который былъ найденъ при раскопкахъ на островѣ Фидониси (древней Левкѣ), производившихся въ сороковыхъ годахъ XIX в. Надписи эти были, въ свое время, изданы г. Мурзакевичемъ¹⁾; но, какъ видно изъ приложеннаго къ статьѣ Э. Р. фонъ-Штерна факсимиле, чтеніе г. Мурзакевича совершенно неправильно.

На внутренней сторонѣ поддона сосуда имѣется надпись, сълланная графитомъ по желтой глинѣ:

ΓΛΑΥΚΟΜΕΑΝΕΘΗΚΕΝΑΧΙΛΛΗΝΑΕΥΚΗΜΕΛΕΟΝΤΙΠΑΙΕΣΘΙΩΙΩΝΟ.

Э. Р. фонъ-Штернь читаетъ: Γλαυκός με ἀνέθηκεν Ἀχιλλῆϊ Λεύκῃ μαδῆοντι πατρί; Πουσίδῃ[ε] [ω] (или Πουσίδῃ[ω]) и переводитъ надпись такъ: „Главкъ меня поставилъ въ честь Ахиллеса, владыки Левки, о мальчикъ, въ священную округу Посидона“. При этомъ Э. Р. фонъ-Штернь указываетъ на то, что разстановка словъ и, въ сущности, непонятное обращеніе къ какому-то мальчику кажутся въ значительной мѣрѣ странными, но что „едва-ли иначе возможно разобрать и объяснить ясно начертанный текстъ, не прибѣгая къ радикальнымъ измѣненіямъ его“.

Нельзя ли, однако, усматривать въ последнемъ словѣ надписи не „храмъ или священную округу Посидона“ — о существованіи которыхъ на Левкѣ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ древно-

¹⁾ *Зап. Од. Общ.* II, 414 и 415.

сти, ни литературныхъ, ни эпитафическихъ — а собственное имя Ποσειδῶνος, поставленное въ родительномъ падежѣ? Имя Ποσειδῶνος встрѣчается сравнительно нѣрѣдко и въ южно-русскихъ надписяхъ ¹⁾, наряду съ другою формою того же имени Ποσειδῶος ²⁾. Тѣ же южно-русскія надписи даютъ намъ и цѣлый рядъ примѣровъ родительнаго ед. на ο ³⁾; ср. и другую надпись, на вѣнцѣй сторонѣ поддона того же сосуда, которая читается: Γλαῦκος εἰσπλ(ε)ῖν αἰδέου, гдѣ αἰδέου соотвѣтствуетъ формѣ αἰδέου ⁴⁾.

Пять предшествующихъ имени Ποσειδῶο буквъ возможно, кажется, соединять вмѣстѣ; въ получающемся тогда словѣ ΠΑΙΕΕ легко допустить ошибку писавшаго надпись и вмѣсто ΠΑΙΕΕ читать ΠΑΙΩ. Если отнести это послѣднее слово къ Ποσειδῶο, то получится παῖς Ποσειδῶο, „сынъ Посидія“ ⁵⁾.

Вся надпись будетъ читаться тогда такъ: Γλαῦκος μὲ ἀνάθηκεν Ἀχιλλεῖ Λευκῆ ⁶⁾ μετέδοντι παῖς Ποσειδῶο, т. е. „меня посвятивъ Ахиллу, владыкѣ Левки, Глаукъ, сынъ Посидія“.

Предлагаемое чтеніе надписи, устраняя непонятное обращеніе Главка въ концѣ надписи къ неизвѣстному мальчику и не слышномъ, какъ кажется, насилуя текстъ, оставляетъ тѣмъ самымъ вопросъ о существованіи на Левкѣ святилища Посидона открытымъ.

В. Т.

¹⁾ Ср., напримѣръ, посвященія ольвійскихъ страстиговъ Аполлону Простату В. *Latyschev*, *Inscr. P. Eux.* I 69: Ἀλέξανδρος Ποσειδῶο. 70: Ἀσκληπιάδης Ποσειδῶο. 101: Ἀναξίμηνος Ποσειδῶο.

²⁾ Ср., напримѣръ, *Latyschev*, *Inscr. P. Eux.* I 121.

³⁾ Ср. *Latyschev*, *Inscr. P. Eux.* IV 26.

⁴⁾ Смыслъ надписи: „Глаукъ, берегись вѣзда, остерегайся вѣхати, будь остороженъ при вѣдѣ, бойся вѣзжати“ находить себѣ объясненіе, какъ на это указалъ Э. Р. фонъ-Шторнь, въ тѣхъ религиозныхъ обрядахъ, которые были связаны съ культомъ Ахназа на островѣ Левкѣ.

⁵⁾ Ср. въ дилосской надписи *Dittenberger*, *Syll.* ² 588, ст. 46—47: Ἡρακλῆος παῖς ἀνάθηκεν παῖς Ἀριάντου.

⁶⁾ Э. Р. фонъ-Шторнь видѣть въ ΔΕΥΚΗ форму дательнаго падежа, хотя скорѣе ожидалось бы здѣсь, какъ это замѣчаетъ и онъ самъ, форма родительнаго Λευκῆς.

1279. Д. М. Петрушевскій. Новое изслѣдованіе о происхожденіи феодальнаго строя. — 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 307—376.
1280. Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англии. — 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 325—401; ч. 308, ноябрь, стр. 1—81; декабрь, 214—300. 1897. Ч. 309, январь, стр. 95—169; ч. 310, мартъ, стр. 1—65.
1281. В. Писковорскій. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1896 и 1897 году. — 1898. Ч. 320, декабрь, отд. IV, стр. 19—47.
1282. Н. Н. Платонова. Изъ исторіи средневѣковыхъ университетовъ. (1. P. Heinrich Denifle. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. Berlin 1885. 2. Georg Kaufmann. Die Geschichte der deutschen Universitäten. Erster Band. Vorgeschichte. Stuttgart 1888. Zweiter Band. Entstehung und Entwicklung der deutschen Universitäten bis zum Ausgang des Mittelalters. Stuttgart 1896. 3. Hastings Keshdall. The universities of Europe in the middle ages, 2 volumes. Oxford 1895. 4. H. Суворовъ. Средневѣковые университеты. Москва 1898). — 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. II, стр. 430—465.
1283. П. А. Ровинскій. Черногорія въ исторіи и литературѣ Италіи и изъ взаимное политическое положеніе. — 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 207—242.
1284. А. Н. Савинъ. Англійскій юристъ въ роли историка. (Отзывъ о книгѣ *Maitland's Domesday Book and beyond*. 1898). — 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 210—232; декабрь, отд. II, стр. 419—443.
1285. А. Т. Письмо изъ Рима. (Ноябрь 1897 года). — 1898. Ч. 315, январь, отд. IV, стр. 76—90.
1286. Э. Т. Письмо изъ Рима. — 1898. Ч. 285, февраль, отд. IV, стр. 77—89.
1287. Л. Таллоци. Исторія сѣверо-восточной Европы и новѣйшая мадьярская историографія. — 1898. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 186—201.
1288. Г. В. Форстенъ. Сношенія Дании съ Россією въ царствованіи Христіана IV. — 1892. Ч. 290, апрѣль, отд. II, стр. 281—335.
1289. Г. В. Форстенъ. Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648 — 1700). — 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 210—277; ч. 316, апрѣль, стр. 321—354; ч. 317, май, отд. II, стр. 48—103; июнь, стр. 311—350. 1899. Ч. 323, июнь, стр. 277—339; ч. 325, сентябрь, стр. 47—92.
1290. Г. В. Форстенъ. Къ высшей политикѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго. — 1900. Ч. 329, июнь, отд. II, стр. 304—330; ч. 330, июль, стр. 22—58; ч. 330, августъ, стр. 304—336; ч. 331, сентябрь, стр. 1—21.
1291. Э. Я. Фортинскій. Борьба Парижскаго университета съ папствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка. — 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. II, стр. 61—89.
1292. Е. Н. Щепкинъ. Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ. — 1894. Ч. 298, сентябрь, отд. II, стр. 38—61.
1293. Е. Щепкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. — 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 243—301. 1899. Ч. 326, декабрь, стр. 253—270. 1900. Ч. 327, январь, стр. 88—114; ч. 328, апрѣль, стр. 247—279; ч. 330, июль, стр. 79—104; ч. 331, сентябрь, стр. 22—57; ч. 332, ноябрь, стр. 1—63.

Б. Рецензиі.

1294. *Karlъ фонъ-Бондодурфъ*. Ніемъ и Ніемпманцъ. Гельсппгфорсъ 1891. — Ред. Г. В. Форстена.—1892. Ч. 281, май, отд. II, стр. 172—181.
1295. *Armand Brette*. „Le serment du jeu de Paume“. Idem. „Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789“.—См. ред. въ ст. А. М. Ону „Изданія текстовъ по новой исторіи“.
1296. *Weil*, Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion (Paris 1892). — См. статью Р. Ю. Вишпера: „Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религиозныхъ войнъ“.
1297. *Villainage in England. Essays in English mediæval History by Paul Vinogradoff*. Oxford 1892. — Ред.—См. статью Д. Петрушевскаго: „Новое изслѣдованіе о происхожденіи феодальнаго строя“.
1298. *Dr. Zikmund Wenter*, Život církevní v Čechách. Kulturně-historický obraz z XV и XVI století. V Praze. Svazek I. 1895. Svazek II. 1896. Nakladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. — Ред. 1897. Ч. 310, апрѣль, отд. II, стр. 515 — 517. (Книжныя новости).
1299. *Gierke, Joh.* Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, B. VII, Bresslau 1890). См. статью Р. Ю. Вишпера: „Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религиозныхъ войнъ“.
1300. *J. Gruyère*. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ т. III. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей И. В. Лучицкаго. М. 1896. — Ред. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 415—416. (Книжныя новости).
1301. La justice administrative en France par *Rodolphe Dareste*. Deuxième édition, revue et complétée, avec la collaboration de Pierre Dareste. Paris 1896.—См. ст. Э. Э. Зягедя „Критическія замѣтки“.
1302. *P. Heinrich Denifle*. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. Berlin 1895.—См. ст. Н. Н. Шлагоновой „Изъ исторіи средневѣковыхъ университетовъ“.
1303. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіею XVIII вѣка. *Ис. Нестова*. Москва 1895.—Ред. В. В. О. 1895. Ч. 298, мартъ, отд. II, стр. 191—196.
1304. *К. А. Иванова*. Средневѣковый городъ и его обитатели. Съ 16 рисунками. С.-Пб. 1895. — Ред. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 481. (Книжныя новости).
1305. *К. А. Иванова*. Средневѣковый монастырь и его обитатели. С.-Пб. 1895. Изданіе „Учебнаго магазина“. —Ред. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 481—482. (Книжныя новости).
1306. *Г. П. Каменскій*. Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства торя 1887/88 — 1892/93 гг. С.-Пб. 1895.—Ред. 1895. Ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 173—174. (Книжныя новости).
1307. Исторія французской революціи. *И. Карто*. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. С.-Пб. 1893.—Ред. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 264—266. (Книжныя новости).
1308. *Georg Kaufmann*. Die Geschichte

- der deutschen Universitäten. Erster Band. Vorgeschichte. Stuttgart 1888. Zweiter Band. Entstehung und Entwicklung der deutschen universitäten bis zum Ausgang des Mittelalters. Stuttgart 1896.—См. ст. Н. Н. Платоновой „Къ исторіи средне-вѣковыхъ университетовъ“.
1809. *Hastings Kashdall*. The universities of Europe in the middle ages, 2 volumes. Oxford 1895.—См. ст. Н. Н. Платоновой „Къ исторіи средне-вѣковыхъ университетовъ“.
1810. *Максимъ Ковалевскій*. Происхождение современной демократіи. Томъ I. Москва 1895.—Рец. А. К. 1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 238—241.
1811. *Максимъ Ковалевскій*. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Томъ I. Москва 1898.—Рец. В. А. Панченко. — 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. II, стр. 462—498.
1812. Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina 1593 (Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im XVI Jahrhundert). Von *B. Cordt*. Dorpat 1892.—Рец. А. И. Враудо. 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 479—482.
1813. Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766 — 1822. Par *Leon Crouzet—Créret*. Paris 1897.—Рец. П. М. Майкова.—1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 474—479.
1814. *Е. Лависсе и Рамбо*. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ (1095—1270).—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 480—481. (Книжные новости).
1815. *Maitland*, Domesday Book and beyond. 1893.—См. ст. А. Н. Овсянко „Англійскій юрнстъ въ роли историка“.
1816. *Картольдъ Нибуръ*, его жизнь и дѣятельность. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Ф. Вейнберга. Приложение: Письмо Нибура къ филологу. Москва.—Рец. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 232—233. (Книжные новости).
1817. Westpreussens und Danzigs Kampf gegen die polnischen Unionsbestrebungen in den letzten Jahren des Königs Sigismund August (1568 bis 1572). Von *D-r Paul Simpson*. Danzig 1897.—Рец. В. В. Качановскаго.—1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 244—247.
1818. *И. Соколовъ*. Церковная реформа Императора Юсифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ 1892.—Рец. А. М. Ону. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. II, стр. 397—410.
1819. *Николай Сперанскій*. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Возникновеніе народной школы. Строй западно-европейскаго образованія въ средніе вѣка. Съ приложеніемъ автобіографіи Ф. Платтера. Москва 1896.—Рец. Н. Н. Платоновой.—1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 319—324.
1820. *И. Суворовъ*. Средне-вѣковыя университеты. Москва 1898.—См. ст. Н. Н. Платоновой „Изъ исторіи средне-вѣковыхъ университетовъ“.
1821. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Профессора *Александра Трачевскаго*. Томъ I. 1800 — 1802 г. (Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 70). С.-Пб. 1890.—Рец. въ статьѣ В. К. Надлера: Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія.
1822. *Tyramann*. Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären

- Staatslehren des XVI J. (Staats- und völkerrechtliche Abhandlungen herausg. v. G. Jellinek und G. Meyer. H. I, Leipzig 1895).—См. ст. Р. Ю. Шиппера: „Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религиозныхъ войнъ“.
1323. *Джустини Уинзора*. Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрированное историко-критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ф. Н. Булгакова. С.-Пб. 1893.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 408—409. (Ближнія новости).
1324. *C. C. Uhlenbeck*. Verslag Aangeande een onderzoek in de archiven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. Op last der regering ingesteld. 'S. Gravenhage. 1891. (На стр. 243—272: *H. Condt*, Beiträge zu einer russisch-niederländischen Bibliographie). См. ст. А. И. Браудо „Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній“.
1325. *La diplomatie française et la ligue des neutres de 1780 (1776—1783)*, par *Paul Fauchille*, docteur en droit (ouvrage congnée par l'Institut de France. Paris 1893. — Рец. Д. П. Никольскаго. — 1894. Ч. 294, июль, отд. II, стр. 148—167; ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 406—427.
1326. *A. Ф. фонъ-Шахъ*. Исторія норманновъ въ Сидитіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. С.-Пб. 1896.—Рец. Н. В. Я.—1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 180—182.

5. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ.

А. Статьи.

1327. Д. Ф. Вадяевъ. Обмаченіе императора въ керченскомъ янтѣ. По поводу изслѣдованія Юс. Стржиговскаго: Византійскій намятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 году.—1893. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 321—373.
1328. В. Г. Васильевскій. О севастократорисскѣ Ирнѣ (записка по поводу статьи А. П. Киртимишкова).—1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 179—185.
1329. В. Г. Васильевскій. Византійскій Временникъ за пять лѣтъ (1894—1898).—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 132—154; ч. 323, июнь, стр. 471—494.
1330. А. Васильевъ. Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе Михаила III (842—867).—1899. Ч. 324, июль, отд. II, стр. 1—55.
1331. Г. О. Дестунисъ. Опытъ біографіи Георгія Франціа.—1893. Ч. 287, июнь, отд. II, стр. 427—497.
1332. Г. О. Дестунисъ. Записки по исправленію текстовъ въ обихъ лѣтописяхъ Франціа.—1894. Ч. 291, январь, отд. V, стр. 1—11.
1333. О письмахъ монаха Іакова. Письмо къ редактору А. Киричичкова.—1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 261—262.
1334. Ф. И. Успенскій. Академикъ Василій Григорьевичъ Васильевскій. Обзоръ главѣйшихъ трудовъ его по изученію Византіи.—1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 291—342.

В. Рецензии.

1335. Сочиненія *Константина Кири-нороднаго*: „О Тематахъ“. (De Thematibus) и „О пародихъ“ (De administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавриила Ласкина. М. 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 202—203. (Книжныя новости).
1336. Die Byzantinischen Zellen-Schmelze der Sammlung Dr. Alex. von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk. Archäologisch-kunstgeschichtliche Studie von Dr. Franz Hock. Als Manuscript gedruckt. Aachen 1896. — Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 165—166. (Книжныя новости).
1337. Византина. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византийскимъ древностямъ. Книга II. Съ таблицами и планами. Д. Ф. Вьялева. С.-Петербургъ 1893. — Рец. Ф. И. Успенскаго. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. II, стр. 364—379.
1338. Византийскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею В. Г. Васильевскаго и В. Э. Ревеля. Т. I. Выпуски 1—4. С.-Пб. 1894. — Рец. 1895. Ч. 300, августъ, отд. III, стр. 22—23.
1339. Византийскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею академика В. Г. Васильевскаго и приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. Э. Ревеля. Томъ II, выпускъ 1 и 2. С.-Пб. 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 392—393. (Книжныя новости).
1340. Византина Хроника. Византийскій временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею академика В. Г. Васильевскаго и приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. Э. Ревеля. Томъ II, выпускъ III. С.-Пб. 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 393. (Книжныя новости).
1341. Византийскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею В. Э. Ревеля. Томъ VI, вып. 3—4. С.-Пб. 1899. Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 192—193. (Книжныя новости).
1342. Д. М. Губовскій. Народъ и власть въ Византийскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897. — Рец. В. П. Бевобравова. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 407—452.
1343. Византийскій Журналъ, издаваемый профессоромъ Крумбахеромъ (Byzantinische Zeitschrift herausgegeben von K. Krumbacher, 1-er Band Leipzig 1892). — Рец. Ф. И. Успенскаго и А. И. Кырпичникова. 1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 231—272.
1344. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von Ph. Meyer. Leipzig 1894. — Рец. И. И. Соколова. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 467—479.
1345. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствование въ церковно-историческомъ отношеніи. Изслѣдованіе Н. Попова. Москва 1892. — Рец. Ф. Успенскаго. 1893. Ч. 288, августъ, отд. II, стр. 534—542.
1346. W. Regel. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli 1891. — Рец. С. В. Рускаго. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 420—431.

1847. *W. Regel. Χρῆσιμολογία καὶ γράμματα τῆς μῆνης τοῦ Παυλοῦ.* Πετροῦπολις 1898.—Рец. П. В. Везообразова. 1900. Ч. 330, июль, отд. II, стр. 179—185.
1848. Востокъ христіанскій. Путеше-

ствіе въ Метеорскіе и Осоловскіи монастыри въ Фессаліи архимандрита *Πορφύριου Ὑπενεσκίου* въ 1859 году. С.-Пб. 1896.—Рец. И. И. Соколова. 1898. Ч. 316, мартъ, отд. II, стр. 177—216.

б. ИСТОРИЯ СЛАВЯНЪ.

А. Статьи.

1849. И. А. Водуанъ-де-Буртенъ. Калубскій „языкъ“, калубскій народъ и „калубскій вопросъ“.—1897. Ч. 310, апрѣль, отд. II, стр. 306—357; ч. 311, май, стр. 83—127.
1850. Ф. Ф. Вержбовскій. Отношеніе Польши къ Тридентскому вопросу и его постановленіямъ 1524—1577 г.—1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 1—67.
1851. М. В. Довнаръ-Запольскій. Къ исторіи экономическаго быта Галиціи въ XVI вѣкѣ. (По поводу книги: Жерела до исторіи України—Руси видав комисія Археографічна Наукового Товариства іменія Шевченка. Томъ I. Дюстраціи королівцнцѣ въ земляхъ Галицкіи і Церемнскій 1565—1566 г. У Львові 1895).—1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 146—156.
1852. П. А. Кулаковскій. Павелъ Іосифъ Шафарикъ.—1895. Ч. 299, июнь, отд. II, стр. 404—447.
1853. А. Л. Петровъ. Письмо Анастасія Библиотекаря. (Новый источникъ по Кирилло-Меводіевскому вопросу).—1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 186—193.
1854. П. А. Ровняскій. Черногорія въ исторіи и литературѣ Италіи и ихъ взаимное политическое положеніе.—1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 207—242.
1855. С. Р—скій. Идеалистическое направленіе въ славянской наукѣ.

Отзывъ о трудахъ: *И. М. Собьстіанскій*. „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“. Харьковъ 1892. *Д. И. Багачъ*. „Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ“. (Критическая обзорная книга профес. Собьстіанскаго). Киевъ 1892. *А. И. Дерезицкій*. Сообщение о диспутѣ г. Собьстіанскаго въ Харьковскомъ университетѣ.—1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 182—200.

1856. Р—цы. Вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ въ литературѣ и дѣятельности.—1899. Ч. 322, мартъ, отд. IV, стр. 1—47.

1857. Р—цы. Черногорская исторія передъ судомъ архимандрита *Илариона Руварица*. (По поводу его сочиненія „Montenegrina.—Прилошки исторіи Црпс-Горе“. 1898).—1900. Ч. 328, апрѣль, отд. II, стр. 342—383.

1858. В. С. Вступительная лекція И. И. Срезневскаго въ Харьковскомъ Университетѣ 16 октября 1842 г.—1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 110—133.

1859. И. Н. Смирновъ. Новые изданія о Босніи и Герцеговинѣ. 1) *Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina*. Bd. I—V. 1893—1897. Wien. 2) *Гласник Земальскогъ Музеја у Босни и Херцеговини*. 1896—1898. Т. VIII—X. Са-

- раво.—1890. Ч. 325, сентябрь, отд. II, стр. 123—162.
1360. П. А. Омырку. Житіє Іоанна Кукузели, какъ источникъ для болгарской исторіи.—1892. Ч. 282, июль, отд. II, стр. 130—141.
1361. Н. Д. Чечулякъ. Политика Россіи въ Польнѣ предъ первымъ раздѣломъ.—1896. Ч. 306, августъ, отд. II, стр. 314—360; ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 1—44.
1362. И. А. Шлапкинъ. Къ біографіи Франциска Скоринны.—1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 382—385.
1363. Н. В. Яотребовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельцицаго.—1895. Ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 224—280.
- В. Рецензиі.*
1364. Richard Arndt. Die Beziehungen König Sigmunds zu Polen bis zum Ofener Schidsspruche 1412. Halle 1897.—Рец. В. В. Качановскаго. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 237—244.
1365. Simon Askenazy. Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen 1894.—Рец. Н. Д. Чечуляка. 1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 111—117.
1366. Д. И. Баталій. Къ исторіи учений о бытѣ древнихъ славянъ. (Иригическая одѣлка книги проф. Собѣстіанскаго). Кіевъ 1892.—См. статью С. Р—скаго. Идеалистическое направление въ славянской наукѣ.
1367. Гласникъ Земальскаго Музея у Босни и Герцеговини. 1896—1898. Т. VIII—X. Сараево.—Рец. См. ст. И. Н. Смирнова: „Новыя изданія о Босни и Герцеговинѣ“.
1378. А. И. Деревинскій. Сообщение о диспутѣ г. Собѣстіанскаго въ Харьковскомъ университетѣ (Историческое Обзоріе, т. V, стр. 179—191).—См. статью С. Р—скаго „Идеалистическое направление въ славянской наукѣ“.
1369. По поводу статьи С. Р—скаго „Идеалистическое направление въ славянской наукѣ“. Письмо къ редактору А. Н. Деревинскаго.—1893. Ч. 286, апрѣль, отд. II, стр. 562.
1370. Жерма до исторіи України-Руси видає Комисія Археографична Наукового Товариства імені Шевченка. Томъ I. Люстрації королівщинъ въ земляхъ Галицкій і Перемишльській 1565—1566. У Львові 1895.—Рец. см. въ статьѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго: „Къ исторіи экономического быта Галичинъ въ XVI в.“.
1371. Начало конца Польни. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Составилъ Ильяенко подъ редакціею, съ предисловіемъ и объяснительною запискою проф. П. А. Геймана. С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 505—506. (Книжнина новости).
1372. Vjestnik Kr. Hrvatsko-Slavonsko Dalmatiskog Zemalskog Arkiva. Uredjuje Dr. Ivan Hujnicic Kninski, Kr. Zemaljski arkivar. Godina 1, svezak 1. Zagreb 1899.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 216. (Книжнина новости).
1373. P. Coquelle. Histoire du Montenegro et de la Bosnie. Paris. Leroux 1895.—Рец. В. В. Качановскаго. 1897. Ч. 309, февраль, отд. II, стр. 360—368.
1374. Julius Lippert. Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. B. V. Prag, Wien, Leipzig 1896.—

- Ред. **Н. В. Ястребова**. 1897. Ч. 310, апрель, отд. II, стр. 491—513.
1375. Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina. Bd. I—V. Wien 1893—1897. Отзывъ съ въ статьѣ **И. Н. Смирнова**: „Новыя изданія о Боснии и Герцеговинѣ“.
1376. *W. H. Morfill. The story of Poland.* New York—London 1893. — Ред. **Ө. Ө. Зигеля**. 1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 195—216.
1377. Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne par *Erigne Mottez*. Paris. Calman Levy. 1897. — Ред. **П. М. Майкова**. 1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 160—165.
1378. Dr. *Jubor Niederle*. O původu slovanů Studie k Slovanckým Starozitnostem. V Praze 1896. — Ред. **Н. В. Ястребова**. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 254—257.
1379. Pámatník na oslavu padesátiletého rávnovníckého jubilea Jeho Veličenstva ctsáře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1898. Vydala Česká akademie ctsáře Františka Josefa pro vědy, slovesnosti umění. V Praze 1898. — Ред. **Н. В. Ястребова**. 1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 533—537.
1380. *Adolf Pawinski*. Sejmiki Ziemskie. Warszawa 1895. — Ред. **А. Е. Пръонякова**. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 328—353.
1381. Пятидесятилѣтíе научной разработки славянскихъ источниковъ для биографíи Кирилла и Мефодíи (1843—1893). *Андрей Петрова*. М. 1894. — Ред. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 428—429. (Книжныя новости).
1382. С. Р—ский. Замячавя на „Отвѣтъ“ г. *Собьстіанскаго*.—1893. Ч. 287, июнь, отд. II, стр. 563—566.
1383. *Наріонъ Руварца*. Montenegro — Припомни историја Црне Горе“ 1898. — Ред. см. въ статьѣ Р—ца, „Черногорская исторія перелѣ судохъ архиевдурта Наріона Руварца“.
1384. *Zápisky P. I. Šafařika o pracích bibliothéckých a pomůckách bibliothéckého úřednictva. Příspěvky ko studiu bibliothéckých soustav a zařízení.* Podává Dr. Čeněk Zíbrt. V Praze 1898. — Ред. **В. А. Францева**. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 263—272.
1385. Westpreussens und Danzigs Kampf gegen die polnischen Unionsbestrebungen in den letzten Jahren des Königs Sigismund August (1568 bis 1572). Von *der Paul Simson*. Danzig 1897. — Ред. **В. В. Качановскаго**. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 244—247.
1386. *K. Sireček*. Poselství republiky dubrovnické kejsářovně Kateřině II v. I. 1774—1776. V Praze 1893. — Ред. **А. Л. Липовскаго**. 1894. Ч. 291, февраль, отд. II, стр. 442—444.
1387. *G. Skanderbeg*. Historische Studie von Julius Pisko, K. und K. Vicekonsul und Leiter des K. und K. öster-ungar. Generalkonsulats in Jami-na. Wien 1896. — Ред. **В. В. Качановскаго**. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 243—252.
1388. *И. М. Собьстіанскій*. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ 1892. — Ред. въ статьѣ С. Р—скаго. Идеалистическое направленіе въ славянской наукѣ.
1389. *И. М. Собьстіанскій*. Отвѣтъ г. Р—скому (По поводу его статьи: „Идеалистическое направленіе въ

- славянской наукѣ").—1893. Ч. 287, июль, отд. II, стр. 556—563.
1890. Geschichte der Germanisirung des Herzogthums Pommern oder Slavier bis zum Ablauf des XIII Jahrhunderts. Von W. v. Sommerfeld. (Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller. Band XIII Heft 5). 1897 Leipzig. Dunker und Humblot.—Рец. В. К. 1896. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 316—319.
1891. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Исслѣдованіе П. Овру. Томъ I, вып. 1-й. Время и жизнь патріарха Евоніи Терновскаго. С.-Пб. 1898. — Рец. В. И. Ламанозаго. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 103—136; декабрь, стр. 312—362.
1892. Dr. F. I. von Tkacac. Jugenderinnerungen aus Kroatien (1749—1823, 1824—1843). (Д-ръ Е. И. фонъ-Ткалицъ. Юношескія воспоминанія изъ Хорватіи). Leipzig 1894.—Рец. Э. Т. 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 259—275.
1893. А. П. Искскій. Наденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вѣка). Кіевъ 1895.—Рец. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 414—415. (Книжничья новості).

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

I. ИСТОЧНИКОВЪДВѢНІЕ.

а) Историческіе источники.

А. Статьи.

1894. В. Н. Александренко. Перелиска барона Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу „московскихъ писемъ“.—1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 428—438.
1895. Рогуальда Водуанъ де Буртенъ. Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 года въ Москвѣ.—1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 62—69.
1896. А. И. Браудо. Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній по поводу труда С. С. Uhlenbeck, Verslag Aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. Op last der regering ingesteld. 'S. Gravenhage, 1891. (На стр. 243—272: Н. Cordt. Beiträge zu einer russisch-niederländischen Bibliographie).—1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 282—297.
1897. М. Н. Крашенинниковъ. Незданное письмо Иоанна Грознаго къ императору Максимилиану II.—1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 200—223.
1898. Г. В. Кузнецовъ. Малоизвѣстныя записки о камскихъ походахъ 1550 и 1552 года.—1898. Ч. 318, отд. II, стр. 135—145.
1899. Д. П. Никольскій. Происхожденіе системы вооруженнаго нейтралитета 1780) года.—1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 447—478.
1900. А. Е. Прѣсняковъ. Новые данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. По поводу: „Лѣтописецъ Русскіи (Московскія лѣтописи)“ приготовилъ къ изданію

- А. Н. Лебедевъ*, по рукописи; ему принадлежащей. Москва 1896.—1896. Ч. 299, июль, отд. II, стр. 466—475.
1401. С. Л. Пташицкий. Персипска лптовскаго канцлера Льва Ивановича Сагъги. *Probanka* I. Archivum domus Sapichanac. Tomus I, continet codicem epistolarem 1575 1606. I. wów 1892.—1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 194—223.
1402. И. А. Тихомировъ. Обзорніе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. 1425—1538 годъ.—1896. Ч. 300, августъ, отд. II, стр. 416—451.
1403. Г. Н. Шмелевъ. Къ вопросу о степени достовѣрности перенисныхъ книгъ.—1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 1—16.
- В. Рецензїи.*
1404. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Томъ XIX. Акты, относящїеся къ исторїи бывшей Холмской епархіи. Вильна 1892.—Рец. А. С. Вудиловича.—1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 246—253.
1405. Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1898.—Рец. 1898. Ч. 318, августъ, отд. II, стр. 528—529. (Книжныя новости).
1406. Письма и бумаги Суворова. Изъ „Суворовскаго сборника“ Импер. Публич. бібліотеки. Издавъ А. Алексеевъ. Вып. I. С.-Пб. 1901.—Рец. 1900. Ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 504—506. (Книжныя новости).
1407. Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, С. В. Сафоновымъ и другими лицами. М. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 206. (Книжныя новости).
1408. Архивъ князя О. А. Куракина. Книга пятая. Саратовъ 1894.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 479—480. (Книжныя новости).
1409. Архивъ князя О. А. Куракина. Книги V, VI, VII, VIII. Саратовъ 1894—1899.—Рец. Н. Д. Чечулина. 1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 501—517.
1410. Архивъ юго-западной Россїи, издаваемый комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 450—452. (Книжныя новости).
1411. Бумаги Потемкина - Таврическаго. Выпускъ I и II. 1774—1789 г. С.-Пб. 1894.—Рец. 1892. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 231—232. (Книжныя новости).
1412. Историческіе акты Ярославскаго Спасскаго монастыря. Изданы Н. А. Вахрамеевичемъ. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 436—437. (Книжныя новости).
1413. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіею. Изданіе подъ редакціею Н. Н. Веселовскаго. Т. III. Царствованіе Михаила Феодоровича С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 492—493. (Книжныя новости).
1414. Русскія лѣтописи I—III. 1) Лѣтописецъ патриарха Никифора, 2) Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго. 3) Хроника русская (лѣтописецъ ввратскїй).—И. Даниловича. По

- рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. Съ предисловіемъ Сергія Бѣлокурова. М. 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 520 — 522. (Книжныя новости).
1416. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ седьмой. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. С.-Пб. 1896. — Рец. 1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 292—293. (Книжныя новости).
1416. М. Дьяконовъ. Акты, относящіяся къ исторіи таглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. 1. Юрьевъ 1896. Крестьянскія порядки. Вып. II. Юрьевъ 1897. — Рец. Н. Н. Дебольскаго. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 237—245.
1417. Назавъ Екатерины Второй, даннй комисіи о сочиненіи проекта Новаго уложенія. С.-Пб. 1893. — Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. II, стр. 410—472. (Книжныя новости).
1418. Журналы комитета министровъ. Царствованіе Императора Александра I. 1802—1826 г. Т. II. 1810—1812 годъ. С.-Пб. 1891. — Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 441 — 442. (Книжныя новости).
1419. Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. (Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im XVI Jahrhundert). Von B. Coritt, Dorpat 1892.—Рец. А. И. Браудо. 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 479—482.
1420. „Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись)“ приготовилъ къ изданію А. Н. Лебедевъ по рукописи, ему принадлежащей. Москва 1895.—См. статью А. Э. Прѣвнякова: „Новыя данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ“.
1421. Акты литовской метрики. Томъ первый. Выпускъ первый. 1413 — 1498 гг. Собраны Ф. Ш. Леонтовичемъ. Варшава 1896.—Рец. М. В. Довнаръ-Запольскаго. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. II, стр. 341—351.
1422. 1) Боларскій синосъ 1611 года. 2) Отрывокъ изъ расходныхъ книгъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря (около 1553 года). 3) Документы о печатаніи книгъ и грамотъ въ 1694 г. Изданы Н. П. Лихачевымъ (отдѣльные оттиски изъ VI тома сборника Археологическаго института). С.-Пб. 1895. — Рец. 1895. Ч. 300, августъ, отд. II, стр. 520 — 523. (Книжныя новости).
1423. А. И. Маркевичъ. Грнторіи Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 218—219. (Книжныя новости).
1424. Мемуары, относящіяся къ исторіи южной Руси. Выпускъ II (Первая половина XVII вѣка). Переводъ г-жи Мельницъ, подъ редакціей проф. Антоновича. Кіевъ 1896. — Рец. 1897, ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 421—422. (Книжныя новости).
1425. „Россія“ В. Р. Морфилая — Рец. Ф. Ф. Зигеля. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 397—404.
1426. Письма и бумаги Петра Великаго. Томъ второй (1702—1703). С.-Пб. 1889. Томъ третій (1704—1705). С.-Пб. 1893. — Рец. Е. Ф. Шмурло. 1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 177—200.
1427. А. Прохоровскій. Силвестра Медвѣдова созерчаніе краткихъ лѣтъ 7190, 7191, 7192, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1894. — Рец. 1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 244—245. (Книжныя новости).
1428. Prohaska A. Archivum domus

- Sapichanale. Tomus 1 continet selectis epistolarem 1576—1606. Lwow. 1892.—См. ст. С. А. Пташницкаго: „Перениска литовскаго канцлера Льва Пяновича Сапига“.
1429. *А. Е. Прыменяковъ*. Царствении вѣнга, ея составъ и происхождение. С.-Пб. 1893. — Рец. **К. Н. Вестушева-Рюмина**. 1893. Ч. 287, июль, отд. II, стр. 547—548.
1430. *W. Hegel*. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli 1891.—Рец. **С. В. Р — скаго**. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 420—431.
1431. Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. С.-Пб. 1893. Рец. 1903. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 191—192. (Книжныя новости).
1432. Собраніе русскихъ намятниковъ, извлеченныхъ изъ семейнаго архива графовъ Деллагарди. Издаѣль *Георгій Сибельеръ*. Юрьевъ 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 266—267. (Книжныя новости).
1433. Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 5. Москва 1893. Рец. 1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 250—251. (Книжныя новости).
1434. То же. Выпускъ 6-ой. М.—Рец. 1893. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 172—174. (Книжныя новости).
1435. То же. Выпускъ 7-ой. М. 1900.—Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. II, стр. 407—408. (Книжныя новости).
1436. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 93. Матеріалы Еваторинской законодательной комиссіи, т. VIII. Петербургъ 1894.—Рец. **Н. Д. Чечулина**. 1895. Ч. 207, февраль, отд. II, стр. 430—443.
1437. Сборникъ матеріаловъ по русскои исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введеніе, и примѣчанія И. М. Болдакова. Приложение: вѣнскии дѣль королевскаго архива въ Консентагенѣ, сообщенъ **Е. Н. Щенкинъ**. С.-Пб. 1896.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 482—484. (Книжныя новости).
1438. *С. М. Середонинъ*. „Сочиненіе Джильса Флетчера: Of the Russo Common Wealth, какъ историческій источникъ“. С.-Пб. 1891. — Рец. **К. Ан. Темирова**. 1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 504—506.
1439. *Свѣтъ Томаса Смита* Путешествіе и пребываніе въ Россіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Болдакова. С.-Пб. 1893. — Рец. **А. В. 1894**. Ч. 295, сентябрь, отд. II, стр. 206—210.
1440. *И. Н. Срезневскій*. Обзоръ древнихъ русскихъ списковъ Коричей книги. Съ приложеніемъ фототипическаго снимка изъ Ефремовскои Коричей. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 343—344. (Книжныя новости).
1441. Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ редакторовъ русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга первая. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. II, стр. 259—260. (Книжныя новости).
1442. Correspondance de Sa Majesté l'Impératrice Marie Fédorowna avec Mademoiselle Nélidoff, sa demoiselle d'honneur (1797 — 1801), suivie des lettres de Mademoiselle Nélidoff au prince A. B. Kourakine. Publiée par la princesse *Lise Troubetskoï*. Paris, Leroux 1896.—Рец. **П. М. Майкова**. 1896. Ч. 306, июль, отд. II, стр. 169—180.
1443. *С. С. Uhlenbeck*. Verslag Aankomende een onderzoek in archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. Op last der regering ingesteld. S. Gravenhage

1891. (На стр. 243—272: *B. Cordt*, Beiträge zu einer russisch-niederländischen Bibliographie). — См. ст. **А. И. Браудо**. „Новые материалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній“.
1444. **И. Д. Чечулин**. Изъ персінскихъ канцлера графа П. П. Рузвигина. С.-Пб.—Рец. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 290—291. (Книжныя новости).
1445. Материалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранныя и при-
- веденныя въ порядокъ **П. В. Шей-нама**. Томъ II. С.-Пб. 1893. Рец. **Е. Ф. Карскаго**. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 434—450.
1446. Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и издаваемыя **П. П. Шуктима**. Ч. I и II. М. 1897. Рец. 1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 236—238. (Книжныя новости).
1447. То же. Часть четвертая. М. 1899. —Рец. 1899. Ч. 326, декабрь, отд. II, стр. 364—365. (Книжныя новости).

б) Источники юридическіе.

А. Статьи.

1448. **И. Везицкѣ**. По поводу рецензій о Наказѣ императрицы Екатери-
- ны II. 1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 233—240.

Б. Рецензій.

1449. Акты, издаваемые Виленской комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXII. Акты Слонимскаго земскаго суда. В. 1895.—Рец. 1896. Ч. 306, июль, отд. II, стр. 232—233; сентябрь, отд. II, стр. 164—165. (Книжныя новости).
1450. Архивъ государственнаго совѣта, т. IV, ч. III. С.-Пб. 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 345. (Книжныя новости).
1451. Наказъ **Е. И. В. Екатерины Вторяя**, Самодержицы Всероссийския, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. С.-Пб. 1893.— Рец. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. II, стр. 410—412. (Книжныя новости).
1452. **П. П. Лихачевъ**. Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ. Выпускъ I: Духовныя и сговорныя грамоты. Выпускъ II: Грамоты нравовыя. С.-Пб. 1895.— Рец. **С. В. Рождественскаго**. 1895. Ч. 300, августъ, отд. II, стр. 475—485.
1453. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ **Ф. Мартенсъ**. Томъ IX (X). Трактаты съ Англіею. 1710—1801 г. С.-Пб. 1892.—Рец. **Д. П. Никольскаго**.—1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 176—188; декабрь, стр. 376—392.
1454. То же. Томъ XI. Трактаты съ Англіею. 1811—1831 г. С.-Пб. 1895.— Рец. **Д. П. Никольскаго**. — 1895. Ч. 305, май, отд. II, стр. 117—153.
1455. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 93. Материалы Екатеринбургской законодательной комиссіи, т. VIII.

- С.-Пб. 1804.—Рец. Н. Д. Чечулина. 1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 430—443.
1456. *Стрѣль Шумакова*. Губныя и земскія гражоты Московскаго государства. М. 1895. (Оттискъ изъ Читеній Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1895 годъ).—Рец. Н. Н. Дебольскаго. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 463—467.
1457. *С. Шумакова*. Тверскіе акты. Выпускъ 1. Аеты 1506—1647 гг. Тверь 1896.—Рец. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. II, стр. 500—501. (Книжныя новости).
1458. *Стрѣль Шумакова*. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). М. 1899. — Рец. Н. Н. Дебольскаго. 1899. Ч. 324, июль, отд. II, стр. 263—267.

II. СОЧИНЕНІЯ И СТАТЬИ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ЭПОХАМЪ И ВОПРОСАМЪ.

А. Статьи.

1459. В. Н. Александренко. Дѣло объ оскорбленіи русскаго посла въ Лондонѣ А. А. Матвѣева.—1893. Ч. 289, сентябрь, отд. II, стр. 158—172.
1460. Н. Н. Ардашевъ. Изъ исторіи XVII вѣка. Очищеніе русской земли. Походъ Черкасъ.—1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр. 225—262.
1461. В. А. Вильбасовъ. Немпрояскій конгрессъ. (А. Коцубинскій. „Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ, 1735—1739“. Одесса 1899).—1900. Ч. 329, июнь, отд. II, стр. 331—347.
1462. В. В. Вѣлостовицкій. Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію.—1892. Ч. 281, июнь, отд. II, стр. 257—281; ч. 282, июль, отд. II, стр. 1—23.
1463. В. М. Владиславлевъ. Происхожденіе десятины, или земельной мѣры.—1895. Ч. 297, февраль, отд. II, стр. 293—300.
1464. М. А. Дьяконовъ. Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ половини XVI вѣка.—1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 189—193.
1465. В. Ж. Истрингъ. Греческая записка о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка.—1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 42—48.
1466. Л. Н. Майковъ. Къ вопросу объ „Исторіи Русовъ“. По поводу брошюры В. Горленка: Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. Кіевъ 1893.—1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 213—231.
1467. В. К. Надлеръ. Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія. По поводу книги: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Подъ редакціею профессора Александра Трачевскаго. Т. I 1800—1802. (Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 70). С.-Пб. 1890.—1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 459—491.
1468. С. О. Платоновъ. Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ.—1898. Ч. 316, мартъ, отд. II, стр. 81—104.
1469. С. О. Платоновъ. Первые политическіе шаги Бориса Годунова.

- (1684 — 1694).—1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр. 293—310.
1470. С. Ф. Платоновъ. Борьба за Московскій престолъ въ 1598 году.—1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 263—287.
1471. С. Ф. Платоновъ. Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года.—1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 128—132.
1472. М. И. Помяловскій. По вопросу о московско-новгородскихъ отношеніяхъ XV и XVI вѣковъ.—1898. Ч. 316, январь, отд. II, стр. 40—60.
1473. А. А. Опницкѣвъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ.—1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 301—340.
1474. Г. В. Форстенъ. Сношенія Даниа съ Россіею въ царствованіе Христіана IV.—1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 281—335.
1475. Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648).—1892. Ч. 282, августъ, отд. II, стр. 298 — 384; ч. 283, сентябрь, стр. 90 — 143; октябрь, стр. 252—317; ч. 284, ноябрь, стр. 45 — 96. 1893. Ч. 285, январь, стр. 60 — 114; февраль, стр. 378—443; ч. 286, мартъ, стр. 136 — 181; апрѣль, стр. 369—449; ч. 288, июль, стр. 1 — 83; ч. 289, сентябрь, стр. 1—125.
1476. Г. В. Форстенъ. Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648—1700).—1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 210—277; ч. 316, апрѣль, стр. 321—354; ч. 317, май, отд. II, стр. 48 — 108; июнь, стр. 311—350. 1899. Ч. 323, июнь, стр. 277—339; ч. 325, сентябрь, стр. 47—92.
1477. А. Жахановъ. Изъ исторіи сношеній Грузіи съ Россіею въ XVIII вѣкѣ.—1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 102—112.
1478. Н. Д. Чечулинъ. Замѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II.—1896. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 183 — 238.
1479. Н. Д. Чечулинъ. Политика Россіи въ Польнѣ предъ первыми раздѣломъ.—1896. Ч. 306, августъ, отд. II, стр. 314 — 369; ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 1—44.
1480. Е. Шенкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны.—1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 243 — 301. 1899. Ч. 326, декабрь, стр. 253 — 270. 1900. Ч. 327, январь, стр. 83—114; ч. 328, апрѣль, стр. 247—279; ч. 330, июль, стр. 79—104; ч. 331, сентябрь, стр. 22—57; ч. 332, ноябрь, стр. 1—63.
1481. Е. Ф. Шмурло. Паденіе царицы Софьи.—1896. Ч. 303, январь, отд. II, стр. 38—95.
1482. Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго.—1900. Ч. 329, май, отд. II, стр. 54—95; ч. 330, августъ, стр. 193—284; ч. 331, октябрь, стр. 335—366.
1483. В. О. Эйнгорнъ. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношенія къ малороссійскому вопросу.—1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 92—176.
1484. В. О. Эйнгорнъ. Дипломатическія сношенія московскаго правительства съ правобережной Малороссіею въ 1673 году.—1898. Ч. 317, май, отд. II, стр. 118—151.

В. Рецензія.

1485. В. П. Александренко. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. 2 тома. Варшава 1897.—Рец. Ив. А. Тихомирова.

1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 512—517.
1486. *И. И. Бактынг-Каменискій. Обзоръ: вѣстныхъ сношеній Россіи. Часть I: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Давія и Испанія.*—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 450. (Книжныя новости).
1487. *То же.* Часть третья. (Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія). Москва 1897.—Рец. 1897. Ч. 311, май, отд. II, стр. 257—259. (Книжныя новости).
1488. *Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутномъ времени.* С.-Пб. 1898.—Рец. С. Ф. Платонова. 1898. Ч. 317, май, отд. II, стр. 170—176.
1489. *Beiträge zur Alterthumskunde Russland (von den ältesten Zeiten bis auf das Jahr 400 n. Chr.) hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonnet.* 2 Band. St.-Petersb. 1897.—Рец. В. В. Латышева. 1898. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 288—292.
1490. *М. А. Венгвинишова. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698.* Москва 1897.—Рец. И. А. Тихомирова. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 139—142.
1491. *Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка В. Гурленка.* Кіевъ 1893.—См. ст. Л. Н. Майкова „Къ вопросу объ Исторіи Русовъ“.
1492. *С. Житаревъ. Русская политическая восточномъ вопросѣ,—са исторія, критическая оцінка и будущія задачи.* Москва 1896. Въ двухъ томахъ.—Рец. В. А. Ульяницкаго. 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 356—392.
1493. *Им. П. Житицкій. Къ вопросу объ Упнн и южно-русскихъ проповѣдникахъ.* (Д-ръ Ів. Франко, Иванъ Вишневскій и его творч. Львовъ 1895).—Рец. И. П. Житицкаго. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 151—157.
1494. *О черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодалу и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время.* Изслѣдованіе Р. Ва. Зотова. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 409—410. (Книжныя новости).
1495. *Опытъ русской исторіографіи.* В. С. Иконникова. Томъ I. Кіевъ 1891.—Рец. Е. Н. Востужева-Рюмина. 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. II, стр. 179—201.
1496. *Д. П. Млавинскій. Исторія Россіи. Томъ IV, выпускъ 2-й. Эпоха Михаила Теодоровича Романова.* М. 1899.—Рец. 1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 203—204. (Книжныя новости).
1497. *Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой.* Составилъ А. К. Палько подъ редакціею, съ предисловіемъ и объяснительнымъ запискомъ проф. П. А. Геймана. С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 505—506. (Книжныя новости).
1498. *И. Кинтеревъ. Споменія іерусалимскихъ патриарховъ съ русскими правительствомъ съ половины XVI вѣка до конца XVIII столѣтія. Православный палестинскій сборникъ.* Вып. 43-й.—Рец. А. П.—ова. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 127—138.
1499. *Н. И. Карѣевъ. Пригнѣчанія къ „Отвѣту“ г. Успенскаго.*—1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 257—260.
1500. *Кейслера. Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи.* Сочиненіе, удостоенное Императорскою Академіею Наукъ пре-

- лин гр. Уварова. С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 390, августъ, отд. II, стр. 410—411. (Книжные новости).
1501. *А. Кочубинскій*. Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война лѣтъ, 1735—1739. Одесса 1899.—См. ст. В. А. Вильбасова „Некировский конгрессъ“.
1502. Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Томъ 1-ый. Историческій очеркъ *Николай Кутепова*. Изданіе иллюстрировано проф. В. М. Васнецовымъ и академикомъ Н. С. Самокишемъ. С.-Пб. 1896. Рец. 1896. Ч. 306, декабрь, отд. II, стр. 374—376. (Книжные новости).
1503. *Catherine II et la Revolution française*. Par *Charles de Larivière* avec préface de *Alfred Rambaud*. Paris 1895.—Рец. П. М. Майкова. 1895. Ч. 304, августъ, отд. II, стр. 486—497.
1504. *Амѳ. С. Лебедевъ*. Отвѣтъ г. *Цытасву* на его „Отвѣтъ критикѣ“. —1893. Ч. 299, октябрь, отд. II, стр. 549—570.
1505. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. *Л. Н. Майкова*. С.-Пб. 1891.—Рец. Е. Н. Вестужева-Рюмина. 1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 491—493.
1506. Записки *Петра Еоанновича Менкова*. Въ трехъ томахъ: т. I. Дунай и вѣйки (восточный вопросъ 1853—1855), т. II. Дневникъ и т. III. Сборникъ статей. С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 317, май, отд. II, стр. 218—220. (Книжные новости).
1507. Походъ Суворова въ 1799 г. По запискамъ *Гризева* составилъ *Н. А. Орловъ*. Съ портретомъ, рисунками и планами. С.-Пб. 1898. Рец. 1898. Ч. 319, октябрь, отд. II, стр. 493—494. (Книжные новости).
1508. *И. Павловъ-Сильванскій*. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ *Петра Великаго*. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданными ихъ тексты. С.-Пб. 1897.—Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 263—265. (Книжные новости).
1509. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). *С. Ф. Платонова*. С.-Пб. 1899.—Рец. В. С. Иконникова. 1900. Ч. 327, февраль, отд. II, стр. 307—399; ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 165—189.
1510. *П. Е. Романовскій*. Императрица *Екатерина II*. Историческій очеркъ. Тифлисъ 1896.—Рец. 1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 265—266. (Книжные новости).
1511. Народное возрѣніе на дѣятельность *Юліана Грознаго*. *Юсифъ Усниковъ*. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 282, августъ, отд. II, стр. 401—403.
1512. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху *Наполеона I*. Подъ редакціею проф. *Александра Трачевскаго*. Томъ I. 1800—1802 г. (Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 70). С.-Пб. 1890.—Рец. въ статьѣ *В. К. Надлера*: Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія.
1513. Святый благовѣрный князь *Александръ Ярославичъ Невскій*. Подробное жизнеописаніе съ рисунками, планами и картами. *М. Хитрово*. 1893.—Рец. 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 493—494. (Книжные новости).
1514. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе *Д. Цытасва*. Москва 1890.—Рец. *А. С. Лебедева*. 1892. Ч. 294, мартъ, отд. II, стр. 175—228.

1516. Д. В. Цвѣтаевъ. Отвѣтъ критику. По поводу статьи г. Амфиана Лебедева объ историческомъ изслѣдованіи „Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“. — 1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 213—261.
1516. Вѣщныя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. С.-Пб. 1896.—Ред. С. О. Платонова. 1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 170—175.
1517. Н. Д. Чечулинъ. Отвѣтъ на „за-
мѣтку“ проф. Курьева.—1897. Ч. 309, февраль, отд. II, стр. 371—385.
1518. Г. А. Усовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главлаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учреждений. С.-Пб. 1898.—Ред. 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 279—280. (Книжныя новости).

III. ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНІЙ.

А. Статьи.

1519. Н. Н. Ардашевъ. Вопросъ о помѣстномъ столѣ въ связи съ помѣстной дѣятельностью Разряда.— 1895. Ч. 300, августъ, отд. II, стр. 334—360.
1520. О. Боголюбскій. Къ вопросу о столѣ разряднаго приказа.— 1894. Ч. 293, июнь, отд. II, стр. 401—413.
1521. А. И. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.—1900. Ч. 331, октябрь, отд. III, стр. 25—61; ч. 332, ноябрь, стр. 17—61; декабрь, отд. III, стр. 74—121.
1522. М. В. Довнар-Запольскій. Завидно-русская сельская община въ XVI вѣкѣ.—1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 73—128.
1523. Н. М. Коржуновъ. Время перваго учрежденія губерній. (Хронологическая замѣтка). 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 292—294.
1524. В. И. Курдюмовскій. Губныя учрежденія Московскаго государства.—1896. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 280—318; ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 309—342.
1525. А. С. Лапко-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка.—1898. Ч. 320, декабрь, отд. II, стр. 306—366. 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 371—436.
1526. П. Н. Милуковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформою Петра Великаго. (Окончаніе).— 1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 65—124; февраль, стр. 261—347.
1527. Н. Н. Оглоблинъ. Къ исторіи челобитнаго приказа. (1642—1644).— 1892. Ч. 281, июнь, отд. II, стр. 282—298.
1528. Н. Н. Оглоблинъ. Происхожденіе провинціальныхъ подъячихъ XVIII вѣка.—1894. Ч. 296, сентябрь, отд. II, стр. 118—150; октябрь, стр. 219—241.
1529. Н. Н. Оглоблинъ. Обзоръ документовъ Чарондской земской избы. (Къ исторіи крестьянскихъ

- община въ XVII вѣкѣ).— 1898. Ч. 316, апрѣль, отд. II, стр. 269—320.
1530. **Н. П. Павловъ-Одльванскій.** Имунитеты въ удѣльной Руси.— 1900. Ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 318—365.
1531. **С. Ѡ. Платоновъ.** Какъ возникли чети? (Къ вопросу о происхожденіи Московскихъ прицѣловъ-четвертей).— 1892. Ч. 281, май, отд. II, стр. 158—171.
1532. **С. Ѡ. Платоновъ.** Къ исторіи оирничныи XVII вѣка.— 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 260—276.
1533. **С. В. Рождественскій.** Изъ исторіи секуляризации монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ.— 1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 70—83.
1534. **А. Н. Филипповъ.** Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти правительствующаго сената. (Неизданный текстъ доклада и предисловіе).— 1897. Ч. 309, февраль, отд. II, стр. 274—291.
1535. **Н. Д. Чечухинъ.** Проектъ Императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II.— 1894. Ч. 292, мартъ, отд. II, стр. 68—87.
1536. **Е. Ф. Шмурко.** Записка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ.— 1896. Ч. 305, июнь, отд. II, стр. 327—338.
1537. **Н. І. Шпаковский.** Стрѣльцы.— 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 137—151.
1538. **А. А. Андреевскій.** Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и залорощевъ.— Рец. 1896. Ч. 306, июль, отд. II, стр. 230. (Книжныя новости).
1539. **Максимиліановская лечебница 1850—1900.** Составилъ **Н. Я. Вельминовъ** по матеріаламъ, собраннымъ **В. В. Хорватомъ.**— Рец. 1900. Ч. 330, июль, отд. II, стр. 187—188. (Книжныя новости).
1540. **Н. Е. Волкова.** Дюрь русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ. Въ 4-хъ частяхъ. С.-Пб.— Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. II, стр. 221—222. (Книжныя новости).
1541. **Алексей Завьяловъ.** Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II. С.-Пб. 1900.— Рец. 1900. Ч. 329, май, отд. II, стр. 202—204. (Книжныя новости).
1542. **В. В. Зѣринскій.** Монастыри во штатахъ 1764, 1786 и 1795 годовъ. (Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о ирво-славныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи. Вып. II). С.-Пб. 1892. Рец. 1892. Ч. 281, июнь, отд. II, стр. 362—363. (Книжныя новости).
1543. **Двухсотлѣтіе Кубанскаго казачьяго войска 1696—1896.** Историческій очеркъ. Составилъ **П. П. Короленко.** Екатеринодаръ 1896.— Рец. 1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 201—202. (Книжныя новости).
1544. **Н. Личачевъ.** Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. С.-Пб. 1894.— Рец. **А. И. Соболевскаго.** 1894. Ч. 296, декабрь, отд. II, стр. 430—434.
1545. **Мѣстническія дѣла 1563—1605 гг.** Собраны и изданы **Н. П. Личачевымъ.** С.-Пб. 1894.— Рец. 1895. Ч. 293, мартъ, отд. II, стр. 237—238. (Книжныя новости).
1548. **И. П. Мишулинъ.** Русскій государственный бюджетъ (1769—1899). (Испыт. историко-критическаго обзо-

- ра. Томъ I. Харьковъ 1899.—Рец. С. А. Рязникова. 1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 178—185.
1547. *И. И. Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины ХУІ вѣка. Москва 1894.—Рец. В. М. Владиславлева. 1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 221—239.
1548. *И. Миллюковъ*. Спорные вопросы по фінансовой исторіи Московскаго государства. (Рец. на сочиненіе А. С. Лаппо - Данилевскаго: Организациі прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ). С.-Пб. 1892.—Рец. М. А. Дьяконова. 1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 202—231.
1549. Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томъ I. Составилъ *В. Потто*. С.-Пб. 1892.—Рец. 1893. Ч. 285, февраль, отд. II, стр. 494—495. (Книжныя новости).
1550. То же. С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 574. (Книжныя новости).
1551. *Гр. Е. Путятинъ*. Исторія російскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Переводъ съ англійской пенданной рукописи. С.-Пб. 1897.—Рец. 1898. Ч. 315, январь, отд. II, стр. 169. (Книжныя новости).
1552. *И. И. Соловьевъ*. Историческіе очерки устройства и довольствія русскихъ регулярныхъ войскъ въ первой половинѣ ХУІІІ столѣтія (1700—1761). Выпускъ I. Организациія войскъ. Расходъ на армию. Денежное довольствіе. Вещевое довольствіе. Формы обмундированія и снаряженія. (Съ портретомъ императора Петра Великаго и 64 рис. обмундированія и снаряженія). С.-Пб. 1900.—Рец. 1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 421—422. (Книжныя новости).
1553. *Филипповъ*. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Часть I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ 1895.—Рец. Н. М. Боржунова. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 130—143.
1554. *Л. Фримана*. Исторія вѣрности въ Россіи. Очеркъ. Ч. I. До начала ХІХ столѣтія. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 306, августъ, отд. II, стр. 410—411. (Книжныя новости).
1555. *Виталий Эйсмора*. Вѣнчаніе русскихъ государей на царство. Москва 1896.—Рец. 1896. Ч. 303, ноябрь, отд. II, стр. 151. (Книжныя новости).

IV. ИСТОРИЯ СОСЛОВІЙ.

А. Статьи.

1556. С. А. Адріановъ. Къ вопросу о вѣрстанскомъ прикрѣпленіи. (Русскія историческая бібліотека, томъ ХІІ и ХІV. Акты Холмогорской и Устюжской епархіи). С.-Пб. 1890 и 1894).—1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 239—251.
1557. М. М. Богодоловскій. Смоленское шляхетство въ ХУІІІ вѣкѣ.—1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 25—61.
1558. Н. Н. Дебольскій. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ.—1895. Ч. 302, ноябрь, отд. II, стр. 77—114.

1559. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія.—1893. Ч. 287, июнь, отд. II, стр. 336—379.
1560. М. А. Дьяконовъ. Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ.—1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 242—275.
1561. М. А. Дьяконовъ. Задворные люди.—1897. Ч. 314, декабрь, отд. II, стр. 391—442.
1562. М. А. Дьяконовъ. Городовые приказчики. Очеркъ изъ исторіи мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.—1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 55—87.
1563. М. А. Дьяконовъ. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ.—1895. Ч. 299, май, отд. II, стр. 1—61.
1564. Н. Е. Имеретинскій. Дворянство Волынской губерніи.—1893. Ч. 288, августъ, отд. II, стр. 343—368. 1894. Ч. 292, апрѣль, стр. 326—372.
1565. О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ.—1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 341—382; ч. 304, мартъ, стр. 1—42; апрѣль, стр. 201—241; ч. 306, июль, отд. II, стр. 96—125; ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 173—203; ч. 308, декабрь, стр. 153—192.
1897. Ч. 310, апрѣль, стр. 408—462; ч. 311, май, стр. 1—43.
1566. О. И. Леонтовичъ. Сельскіе чиншевики въ литовско-русскомъ государствѣ.—1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 285—307.
1567. М. Е. Любавскій. Начальная исторія малорусскаго казачества. По поводу труда Н. Каманина: Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1894. (Отгискъ изъ VIII кн. Чтеній въ Обществѣ Нестора Лятописца).—1895. Ч. 300, июль, отд. II, стр. 217—244.
1568. Н. П. Павловъ-Сильванскій. Люди кабальные и докладные. (Новгородская кабальная книга 7106 [1597] года. С.-Пб. 1894. Новгородскія кабальные книги 7108 [1599—1600] года. С.-Пб. 1894).—1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 210—239.
1569. С. О. Платоновъ. Царь Василій Шуйскій и бояре въ 1606 году.—1898. Ч. 320, декабрь, отд. II, стр. 211—224.
1570. В. Н. Огорожевъ. Къ вопросу о „четвергичкахъ“.—1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 195—217.
1571. Г. Н. Шмелевъ. „Артельная пашня“. (Загѣтка по поводу одного печальнаго недоразумѣнія).—1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 229—231.

В. Рецензіи.

1572. Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова*. Книга шестая. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, декабрь, отд. II, стр. 410—411. (Книжныя новости).
1573. Родъ князей Голицыныхъ. Составилъ *Н. Н. Голицынъ*. Томъ I. Матеріалы родословные. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 206—207. (Книжныя новости).
1574. М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб. 1898.—Рец. Н. А. Рожкова. 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 232—248.
1575. Н. Каманинъ. Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1894. (Отгискъ изъ VIII книги Чтеній въ Обществѣ Нестора Лятописца). См. ст. М. Е. Любавскаго „Начальная исторія малорусскаго казачества“.
1576. Новгородская кабальная книга

- 7106 (1597) года. С.-Пб. 1894.—См. ст. Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Люди кабальные и докладные“.
1577. Новгородскія кабальные книги 7108 (1599) — 1600) года. С.-Пб. 1894. См. ст. Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Люди кабальные и докладные“.
1578. С. В. Уждественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.—Рец. С. М. Середонина. 1897. Ч. 311, май, отд. II, стр. 228—248.
1579. Русская историческая библиотека, томы XII и XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархіи. С.-Пб. 1890 и 1891. См. ст. С. А. Адрианова „Изъ вопроса о крестьянскомъ прекрѣпленіи“.
1580. В. Н. Сторожковъ. Тверское дворянство XVII вѣка. Выпускъ I. 1891; выпускъ II. 1893; Выпускъ III. 1894. Тверь.—Рец. 1895. Ч. 236, мартъ, отд. II, стр. 235—237. (Книжныя новости).
1581. То же. Выпускъ IV. Тверь 1895.—Рец. 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 484—485. (Книжныя новости).
1582. Д. И. Эвартамскій. Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ I. С.-Пб. 1892.—Рец. 1892. Ч. 281, июнь, отд. II, стр. 363 — 364. (Книжныя новости).
1583. То же. Томъ I. С.-Пб. 1892. Томъ II. С.-Пб. 1895.—Рец. 1895. Ч. 300, августъ, отд. III, стр. 20 — 21.

V. ИСТОРИЯ РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. Статьи.

1584. В. Н. Александренко. Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II. — 1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 1—14.
1585. Е. С. Веселовскій. Нѣсколько замѣтокъ на книгу А. М. Скабичевскаго: „Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863)“. С.-Пб. 1892.—1893. Ч. 287, июнь, отд. II, стр. 548—551.
1586. И. И. Мещерскій. Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи (1883—1892).—1893. Ч. 285, январь, отд. III, стр. 1—22; февраль, стр. 23—54.
1587. Новые матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка. (Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, напечатанныхъ изъ архива министерства па-
- роднаго просвѣщенія. Томъ I. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа 1783—1803. С.-Пб. 1893. Т. II. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1802—1804. С.-Пб. 1897).—1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 170—203.
1588. Е. В. Пѣтуховъ. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. — 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. II, стр. 72—129.
1589. Е. В. Пѣтуховъ. Обзоръ печатныхъ матеріаловъ для исторіи Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета. — 1900. Ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 386 — 418.
1590. Ив. А. Тихомировъ. Страничка изъ исторіи высшаго духовнаго просвѣщенія въ Россіи. (По поводу сочиненія Знаменскаго: „Ис-

- торія Кавказской духовной академіи за морвий періодъ ея существованія“).—1894. Ч. 292, мартъ, отд. II, стр. 167—171.
- 1591.** **Вл. И. Фармаковский.** Съезды учителей начальныхъ училищъ прежде и теперь.—1900. Ч. 332, декабрь, отд. IV, стр. 72—93.
- В. Рецензіи.*
- 1592.** Проф. *Д. Н. Писаный.* Опытъ исторіи Харьковскаго университета. (По неизданнымъ матеріаламъ) т. I (1802—1815). Харьковъ 1893—1893.—Рец. С. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 154—158.
- 1593.** Проф. *Д. Н. Писаный.* Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Харьковъ 1899.—Рец. 1900. Ч. 328, мартъ, отд. II, стр. 189—190. (Книжные новости).
- 1594.** Протопопъ Авакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. *А. К. Горюдица.*—Рец. *П. С. Смирнова.* 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 249—276.
- 1595.** Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ *Н. Булича.* Часть II. Казань 1891.—Рец. *Н. Д. Чечулина.* 1893. Ч. 285, январь, отд. II, стр. 246—252.
- 1596.** *С. Вязокурова.* О бібліотекахъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва 1899.—Рец. *П. В. Веселова.* 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 259—268.
- 1597.** Исторія Камской духовной академіи за первый (дореставраціонный) періодъ ея существованія (1842—1870). *П. Знаменскаго.* Казань 1892.—Рец. см. въ статьѣ *Ив. А. Тихомирова:* „Страничка изъ исторіи высшаго духовнаго образованія въ Россіи“.
- 1598.** Историческая записка Императорскаго лицей въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899.—Рец. 1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 550—551. (Книжные новости).
- 1599.** Историческая записка по случаю 25-лѣтія Кипиневскаго реальнаго училища (1873—1898). Одесса 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, октябрь, отд. II, стр. 390. (Книжные новости).
- 1600.** Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Киевъ 1894. *Ивана Колмооскаго.*—Рец. *В. В. Ошповскаго.* 1895. Ч. 300, июль, отд. II, стр. 244—252.
- 1601.** Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Время императрицы Маріи Феодоровны. *Е. Лихачевой.* С.-Пб. 1893.—Рец. 1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 263—264. (Книжные новости).
- 1602.** *Ст. Немолодишевъ.* Взглядъ на воспитаніе и обученіе въ Россіи. Краткій историческій очеркъ. Съ 6-ю портретами въ текстѣ. Харьковъ 1893.—Рец. 1893. Ч. 313, июль, отд. III, стр. 16—19.
- 1603.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, выписанныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ I. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа 1783—1803. С.-Пб. 1893. Т. II. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1802—1804. С.-Пб. 1897. См. ст. „Новые мате-

риалы для исторій русскаго просвѣщенія въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка“.

1604. А. М. Скабичевскій „Очерки исторіи русскої цензуры (1700—1863)“. С.-Пб. 1892. — См. статью К. О. Веселовскаго: „Нѣсколько замѣтокъ на книгу А. М. Скабичевскаго“.

1605. К. Харматовичъ. Западнорусскія православныя школы XVI и на-

чала XVII вѣка. Казань 1898.—Рец. 1899. Ч. 321, февраль, отд. II, стр. 522—523. (Книжныя новости).

1606. И. М. Чернявскій. Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Екатеринбургскомъ намѣстничествѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ I (1784—1795). Екатеринбургъ 1895.—Рец. 1896. Ч. 308, ноябрь, отд. II, стр. 144. (Книжныя новости).

VI. ИСТОРИЯ ПРАВА.

А. Статьи.

1607. В. И. Курдиновскій. Что такое нынѣ сводъ законовъ гражданскихъ? (По поводу книги Г. Ф. Шершеневича: Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Казань 1898).—1900. Ч. 327, январь, отд. II, стр. 167—177.

1608. И. И. Лаппо. Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка.—1897. Ч. 311, июнь, отд. II, стр. 263—301.

1609. И. И. Лаппо. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—1899. Ч. 324, августъ, отд. II, стр. 341—403.

1610. А. С. Лаппо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе императрицы Екатерины II.—1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 1—59; ч. 310, мартъ, стр. 132—168; ч. 311, май, стр. 60—82; ч. 314, декабрь, стр. 365—390.

1611. Э. И. Леонтовичъ. Очерки по исторіи литовско-русскаго права.—1893. Ч. 286, мартъ, отд. II, стр. 69—135; ч. 288, июль, стр. 104—185; ч. 290, декабрь, стр. 259—326. 1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 46—107;

февраль, стр. 319—368; ч. 292, мартъ, стр. 1—67.

1612. Э. И. Леонтовичъ. Сословный типъ территориально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины (продолженіе „Очерковъ исторіи литовско-русскаго права“).—1896. Ч. 299, июнь, отд. II, стр. 366—403; ч. 300, июль, стр. 1—20.

1613. М. Б. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-русскомъ государствѣ. (По поводу соч. Леонтовича: „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образование государственной территоріи“). С.-Пб. 1894).—1894. Ч. 294, августъ, отд. II, стр. 348—394.

1614. О. Пергаментъ. Къ вопросу объ личностныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русскому праву.—1894. Ч. 296, ноябрь, отд. II, стр. 1—21.

1615. С. Д. Пташицкій. Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго статута.—1893. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 489—515.

1616. Н. А. Рожковъ. Поводы къ началу процесса по Русской Правдѣ.—

1895. Ч. 298, апрѣль, отд. II, стр. 310—318.
1617. Н. А. Рожковъ. Очерки юридическаго быта ио Русской Правдѣ.—1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 11—60; декабрь, стр. 263—329.
1618. В. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. I. Своеземцы и крестьянскія общины.—1900. Ч. 331, сентябрь, отд. II, стр. 58—89. II. Деревня, дворъ, село.—1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 225—273.
1619. В. И. Сергѣевичъ. Русскія Правда и ея списки.—1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 1—41.
1620. И. Я. Спрогиль. По поводу статьи „Народный судъ въ Западной Руси“.—1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 181—199.
1621. Г. Н. Шмелевъ. Объ источникахъ Соборнаго уложенія 1649.—1900. Ч. 331, октябрь, отд. II, стр. 375—387.
- Г. Рецензіи.*
1622. И. Е. Германъ. Исторія межеваго законодательства отъ Уложенія до генеральнаго межеванія (1649—1765). М. 1893.—Рец. Н. Н. Дебольскаго. 1893. Ч. 288, июль, отд. II, стр. 277—282.
1623. Н. П. Залоскинъ. „Очерки исторіи смертной казни въ Россіи“. Казавъ 1892.—Рец. Н. Н. Дебольскаго. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 431—432.
1624. О. Леонтовичъ. „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе государственной территоріи. С.-Пб. 1894“.—Рец. см. статью М. Любавскаго: „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ“.
1625. Г. Малиновскій. „Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту“. Кіевъ 1894.—Рец. 1895. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 285—286. (Книжныя новости).
1626. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ IX (X). Трактаты съ Англією 1710—1801. С.-Пб. 1892.—Рец. Д. П. Никольскаго. 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 176—189; декабрь, стр. 376—392.
1627. То же. Томъ XI. Трактаты съ Англією. 1811—1831 г. С.-Пб. 1895.—Рец. Д. П. Никольскаго.—1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 117—153.
1628. Д. И. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, градскіе и поддоморскіе въ XVIII столѣтіи (въ „Сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго общества“. Томъ VIII. Харьковъ 1896).—Рец. М. В. Довнаръ-Запольскаго. 1896. Ч. 307, октябрь, отд. II, стр. 402—409.
1629. Александръ Певзуровъ. Опека надъ несовершеннолѣтними. Историческій очеркъ института и положеніе его въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ. Ревель 1892. Рец. А. М. Гуляева. 1893. Ч. 296, апрѣль, отд. II, стр. 550—556.
1630. Сергій Николовъ. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. С.-Пб. 1895.—Рец. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 351—352. (Книжныя новости).
1631. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ I. Террито-

- рія и населеніе. С.-Пб. 1890. Томъ II. Выпускъ I. Вѣче и князѣ. С.-Пб. 1893. — Ред. **Н. Н. Дебольскаго**. 1894. Ч. 294, августъ, отд. II, стр. 405—447; ч. 295, сентябрь, отд. II, стр. 151—190.
1832. **К. Ф. Хартулари**. Право суда и пошлованія, какъ прерогативы россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). Т. I. Общія и особенная части. Т. II. Приложенія къ особенной части. С.-Пб. 1899.—Ред. 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. II, стр. 501—503; ч. 324, июль, отд. II, стр. 267—270. (Книжныя новости).
1833. **Г. Ф. Шершисевичъ**. Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Казань 1898.—Ред. см. въ ст. **В. И. Курдюнскаго**; „Что такое нашъ сводъ законовъ гражданскихъ“?

VII. ОБЛАСТНАЯ ИСТОРИЯ.

А. Статьи.

1634. **О. А. Адриановъ**. Къ вопросу о покореніи Сибири. По поводу Пержской старины. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. **Александра Дмитриева**. Выпускъ IV: Строгоновы и Ермакъ. Пермь 1892.—1893. Ч. 286, апрѣль, отд. II, стр. 522—550.
1635. **В. М. Владиславлевъ**. Объя. (Очеркъ изъ податной исторіи Новгорода). — 1892. Ч. 282, августъ, отд. II, стр. 223—241.
1636. **А. А. Дмитриевъ**. Роль Строгоновыхъ въ покореніи Сибири. (Новый пересмотръ Сибирскаго вопроса).—1894. Ч. 291, январь, отд. II, стр. 1—45; февраль, стр. 243—286.
1637. **Н. Е. Имеретинскій**. Дворянство Волынской губерніи. — 1893. Ч. 288, августъ, отд. II, стр. 343—368. 1894. Ч. 292, апрѣль, стр. 326—372.
1638. **А. А. Кочубинскій**. Территоріи донсторической Литвы.—1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 90—94.
1639. **М. Е. Любавскій**. Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси. (Отзывъ о книгѣ **А. Дружича**: „Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461—1530) и православная Литовская Русь въ его время“).—1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 174—215.
1640. **М. Е. Любавскій**. Еще о книгѣ г. Дружича „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій“ (По поводу брошюры **А. Дружича** „Нѣсколько словъ по поводу одной рецензій. Смоленскъ. 1899). — 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 158—172.

Б. Рецензій.

1641. **Д. И. Натанъ**. Украинскія старина. Т. I. Кіевъ 1896.—Ред. 1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 205. (Книжныя новости).
1642. Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Съ приложеніемъ статьи объ юхотскихъ совоьныхъ помѣщичахъ. **Александра Гарсукова**. С.-Пб. 1894.—Ред. 1896. Ч. 297, январь, отд. II, стр. 284—285. (Книжныя новости).
1643. Вессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ

- исторических изданий *И. Н. Гамлицкой*. С.-Пб.—Рец. 1892. Ч. 283, сентябрь, отд. II, стр. 203. (Книжные новости).
1644. *В. Н. Виттеский*. И. И. Нелюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Выпускъ IV. Казань. 1895. Рец. 1895. Ч. 288, апрѣль, отд. II, стр. 480—481. (Книжные новости).
1645. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Монографія *И. В. Глубоцкаго*. Кіевъ 1896.—Рец. *И. А. Тихомирова*. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 363—374.
1646. *И. Е. Димилевичъ*. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1896.—Рец. *И. А. Тихомирова*. 1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 172—176.
1647. Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. *Александри Дмитриевичи*. Вып. IV: Строгонови и Ермавъ. Пермь 1892.—См. статью *С. А. Адрианова* „къ вопросу о покореніи Сибири“.
1648. То же. Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель в Сибири. Пермь 1894.—Рец. *С. А. Адрианова*. 1894. Ч. 294, июль, отд. II, стр. 190—203.
1649. *И. А. Ивановъ*. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV в. Одесса 1895.—Рец. *М. В. Довнаръ-Запольскаго*. 1896. Ч. 304, апрѣль, отд. II, стр. 322—337.
1650. Календарь и памятная книжка Владимирской губерніи.—Рец. 1896. Ч. 306, май, отд. II, стр. 216—217. (Книжные новости).
1651. Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1894 г. Вятка 1893.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 454. (Книжные новости).
1652. То же на 1895 и 1896 гг. Вятка 1894 и 1895.—Рец. 1896. Ч. 304, мартъ, отд. II, стр. 197. (Книжные новости).
1653. То же на 1899 г. Вятка 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 272. (Книжные новости).
1654. *А. Кириловъ*. 1797—1897. Матеріалы для исторіи Владимирской губернской типографіи, къ столѣтнему юбилею Владиміръ на Клязьмѣ 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 275—276. (Книжные новости).
1655. Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою ученою архивною комиссіею. Выпускъ II. Кострома.—Рец. 1892. Ч. 280, апрѣль, отд. II, стр. 443—444. (Книжные новости).
1656. *Б. К. Крафта*. Изъ киризской старины. Оренбургъ 1900.—Рец. 1900. Ч. 331, сентябрь, отд. II, стр. 222. (Книжные новости).
1657. Сибирскій этноиссѣдъ. Съ предисловіемъ *Е. К. Кузнецова*. Тобольскъ 1892.—Рец. 1892. Ч. 281, июль, отд. II, стр. 363. (Книжные новости).
1658. *А. Лазаревскій*. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Выпускъ II. Кіевъ 1895.—Рец. 1896. Ч. 305, май, отд. II, стр. 217—218. (Книжные новости).
1659. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. *А. Лазаревскіа*. Вып. II. Кіевъ 1896.—Рец. *А. И. Соболева*. 1897. Ч. 309, январь, отд. II, стр. 175—176.
1660. То же. Вып. V. Кіевъ 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. II, стр. 180—181. (Книжные новости).
1661. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). *И. И. Литтэ*. М. 1894.—Рец. *С. А. Адрианова*. 1894. Ч. 290, июль, отд. II, стр. 227—229.
1662. Енисейская губернія, ея прош-

- лое и настоящее. Очеркъ *Н. В. Таткина*. С.-Пб. 1892. — Рец. 1893. Ч. 268, июль, отд. II, стр. 297—298. (Книжные новости).
1663. Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтїя. Монографія *Василія Ляскоронскаго*. Кіевъ 1897. — Рец. *И. А. Тихомирова*. 1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр. 459—466.
1664. Клуужскіе куницы Дехтеревы. *А. П. Маржвича*. Одесса. — Рец. 1892. Ч. 283, октябрь, отд. II, стр. 321. (Книжные новости).
1665. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. *А. И. Никитинскій*. Москва 1893. — Рец. *А. С. Дашко-Данилевскаго*. 1895. Ч. 302, декабрь, отд. II, стр. 343—397.
1666. Банкъ строительнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Историко статистическій очеркъ, составленный по архивнымъ матеріаламъ подъ редакціей совѣта учрежденій Медвѣдниковой *А. А. Павловымъ*. Два тома. Москва 1892. — Рец. 1892. Ч. 282, июль, отд. II, стр. 218—221. (Книжные новости).
1667. *А. И. Папугина*. Историческій очеркъ города Елизаветграда. Елизаветградъ 1897. — Рец. 1898. Ч. 315, февраль, отд. II, стр. 344—345. (Книжные новости).
1668. *С. И. Писаревъ*. Смоленскъ и его исторія. Смоленскъ 1894. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 390—392. (Книжные новости).
1669. *С. И. Писаревъ*. Памятная книжка города Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ 1898. — Рец. 1900. Ч. 332, ноябрь, отд. II, стр. 266—267. (Книжные новости).
1670. *В. М. Пшоцанскій*. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV — XVIII вѣда и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. уліатской церкв. I 1428—1630. Вильна 1899. — Рец. 1900. Ч. 327, февраль, отд. II, стр. 412—413. (Книжные новости).
1671. *И. Побойникъ*. Торонецкая старина. Историческіе очерки города Торонца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1897, кн. 1-ая). — Рец. *Е. П. Кашировскаго*. 1897. Ч. 313, сентябрь, отд. II, стр. 143—154.
1672. *Latoris Litewski. Rozbiór krójeznu napisal Antoni Prochaska*. Lwów 1890. — Рец. *Ив. А. Тихомирова*. 1893. Ч. 287, май, отд. II, стр. 253—266.
1673. *И. И. Рычкова*. Исторія Оренбургская (1730 — 1750). Подъ редакціей и съ примѣчаніями *Н. М. Гутьяра*. Оренбургъ 1896. — Рец. *Н. Н. Ардашева*. 1896. Ч. 308, декабрь, отд. II, стр. 364—369.
1674. Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань 1892. Съ 35 таблицами и 11 снимками. — Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 195—196. (Книжные новости).
1675. То же. Выпускъ I. Астрахань 1896. — Рец. *В. Р.—ва*. 1896. Ч. 303, декабрь, отд. II, стр. 370—373.
1676. То же. — Рец. 1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 201. (Книжные новости).
1677. Сборникъ трудовъ членовъ Псковскаго археологическаго Общества за 1896 годъ. Псковъ 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, июнь, отд. II, стр. 474. (Книжные новости).
1678. Краткая исторія города Углича. Составилъ *Л. Ф. Соловьевъ*. С.-Пб. 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, октябрь, отд. II, стр. 392. (Книжные новости).
1679. Вологодская старина. Историко-

- археологическій сборникъ. Составилъ *И. К. Степановскій*. 1890.—Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 257. (Книжныя новости).
1680. *В. Н. Сторожева*. Тверское дворянство XVII вѣка. Выпускъ 1-й 1891, выпускъ 2-й 1893, выпускъ 3-й 1894, выпускъ 4-й 1895. Тверь.—Рец. 1895. Ч. 293, мартъ, отд. II, стр. 235—237; 1896. Ч. 303, февраль, отд. II, стр. 484—485. (Книжныя новости).
1681. Рязанская ученая архивная коммисіа. Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціею члена коммисіа *В. Н. Сторожева*. Рязань 1898.—Рец. *Н. Д. Чечулина*. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 243—248.
1682. *А. В. Стороженко*. Очерки Переяславской старины. Исхѣдованія, документы и замѣтки. Киевъ 1900.—Рец. 1900. Ч. 330, августъ, отд. II, стр. 411—412. (Книжныя новости).
1683. Въ память девятисотлѣтняго юбилея Волынской епархіи. 992—1892. Городъ Владимиръ Волынской губерніи въ связи съ исторіею Волынской іерархіи. Историческій очеркъ *Е. И. Теодоровича*. Почаевъ 1893.—Рец. 1893. Ч. 290, ноябрь, отд. II, стр. 192—193. (Книжныя новости).
1684. Труды Бессарабской губернской ученой архивной коммисіа. Т. I. Кишиневъ 1900.—Рец. 1900. Ч. 330, июль, отд. II, стр. 189—190. (Книжныя новости).
1685. Труды Владимирской ученой архивной коммисіа. Книга первая. Владимиръ 1899.—Рец. 1900. Ч. 329, июль, отд. II, стр. 406—408. (Книжныя новости).
1686. Труды Нижегородской архивной коммисіа. Томъ III. 1898. Нижний Новгородъ.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 274—275. (Книжныя новости).
1687. Труды Пермской ученой архивной коммисіа. Съ приложеніемъ XVI таблицъ рисунковъ древностей Пермскаго музея. Выпускъ III. Пермь 1897.—Рец. 1897. Ч. 314, ноябрь, отд. II, стр. 258—259. (Книжныя новости).
1688. Труды Рязанской ученой архивной коммисіа. Т. XIII, выд. 1-й. Рязань 1899.—Рец. 1899. Ч. 325, сентябрь, отд. II, стр. 182. (Книжныя новости).
1689. Труды Саратовской ученой коммисіа. Выпускъ XXI. Саратовъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, май, отд. II, стр. 273—274. (Книжныя новости).
1690. Труды Таврической ученой архивной коммисіа. —Извѣстія №№ 21—24. Симферополь 1894—1896.—Рец. 1896. Ч. 306, ноябрь, отд. II, стр. 145—147. (Книжныя новости).
1691. Труды Черниговской архивной коммисіа, 1897—1898 гг. Выпускъ первый. Черниговъ 1898.—Рец. 1898. Ч. 320, ноябрь, отд. II, стр. 205. (Книжныя новости).
1692. *И. Тыжновъ*. Запѣты о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Ч. I. Лѣтописи города Тобольска. С.-Иб. 1896.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 260—261. (Книжныя новости).
1693. *И. Филевскій*. Исторія города Таганрога. М. 1898.—Рец. 1899. Ч. 323, июнь, отд. II, стр. 512. (Книжныя новости).
1694. Премениныя Эстляндской губерніи. Книга I. 1893. Подъ редакціею *А. Хирозима*. Ревель.—Рец. 1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 453—454. (Книжныя новости).
1695. *Е. В. Чешинскій*. Краткая исторія Прибалтійскаго края. Рига 1894.—Рец. 1894. Ч. 295, октябрь, отд. II, стр. 428. (Книжныя новости).

1696. *А. Пруиновичъ*. Ревнитель православия князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461—1530) и православная Литовская Русь въ его время. Смоленскъ 1897.—Рец. см. въ статьѣ *М. Е. Любавскаго*: „Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси“.
1697. *А. Пруиновичъ*. Несколько словъ по поводу одной рецензіи. Смоленскъ 1899.—См. статью *М. Е. Любавскаго*: Еще о книгѣ г. *Пруиновича* „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій“.
1698. Изъ Украинской старины. Рисунокъ академикомъ *С. И. Васильковскаго* и *Н. С. Самокиша*. Пояснительный текстъ проф. *Д. И. Зварничаго*. С.-Пб.—Рец. 1900. Ч. 329, июль, отд. II, стр. 408—410. (Книжные новости).

VIII. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.

а) ХРОНОЛОГІЯ.

А. Статьи.

1699. *А. А. Шахматовъ*. Исходная точка лѣтосчисленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“.—1897. Ч. 310, мартъ, отд. II, стр. 217—222.
1700. *А. А. Шахматовъ*. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтонисныхъ сводовъ.—1897. Ч. 310, апрѣль, отд. II, стр. 463—482.

Б. Рецензіи.

1701. Родословная таблица домовъ Рюрика и племъ царствующаго Романовыхъ въ связи между собою и съ показаніемъ княжескихъ фамилій, ведущихъ свой родъ отъ Рюрика. *Г. Менцерниковъ*. Казань 1898.—Рец. 1900. Ч. 332, декабрь, отд. II, стр. 508—509. (Книжные новости).

б) АРХЕОЛОГІЯ.

А. Статьи.

1702. *А. И. Никитскій*. Къ вопросу о мѣрахъ въ древней Руси.—1894. Ч. 292, апрѣль, отд. II, стр. 373—420.†

Б. Рецензіи.

1703. *В. В. Антоновичъ*. Археологическая карта Кіевской губерніи. Москва 1895.—Рец. 1896. Ч. 307, сентябрь, отд. II, стр. 167—168. (Книжные новости).
1704. *А. Л. Бертъ-Деллардъ*. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Съ 7 таблицами и 2 планами. С.-Пб. 1893.—Рец. *Н. П. Кондакова*. 1893. Ч. 290, декабрь, отд. II, стр. 388—396.
1705. *Н. И. Василевъ*. Археологическій указатель г. Пскова и его окрестностей (съ рисунками и пла-

- нами). С.-Пб. 1898.—Рец. 1898. Ч. 319, сентябрь, отд. II, стр. 259—260. (Книжные новости).
1706. Русские влады. Исследование древностей велико-княжеского периода. *Н. Кондакови*. Томъ первый. Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политглазами. С.-Пб. 1896.—Рец. *Д. В. Айналова*. — 1897. Ч. 312, июль, отд. II, стр. 159—172.
1707. *Юліанъ Кулаковскій*. Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Привѣтствіе XI Археологическому съѣзду. Кіевъ 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, отд. II, стр. 400—401. (Книжные новости).
1708. *П. Лошкаревъ*. Церковно-археологическіе очерки, исследования и рефераты. Кіевъ 1898.—Рец. 1899. Ч. 322, мартъ, отд. II, стр. 216—217. (Книжные новости).
1709. *Ө. В. Покровскій*. Археологическая карта Гродненской губерніи. Вильва 1895.—Рец. 1896. Ч. 309, сентябрь, отд. II, стр. 167—168. (Книжные новости).
1710. *П. Сивантовъ*. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одежду, оружія, ратныхъ доспѣховъ, конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. С.-Пб. 1896.—Рец. 1897. Ч. 311, июнь, отд. II, стр. 490—491. (Книжные новости).
1811. *Д. М. Самоковцовъ*. Централизация архивной (западной Европы) въ связи съ архивною реформою въ Россіи. М. 1899. — Рец. 1900. Ч. 328, апрѣль, стр. 398—399. (Книжные новости).
1712. Собраніе *В. И.* и *В. И. Хамско*. Древности Приднѣпровья. Каменный и бронзовый вѣка. Выпускъ I. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Выпускъ II. Кіевъ 1899.—Рец. 1899. Ч. 326, ноябрь, отд. II, стр. 177. (Книжные новости).
1718. Опись старинныхъ вещей, собраніе *П. И. Щукина*, составленная *Н. И. Щукиной* и *Е. В. Федоровой*. Ч. I. Москва 1895.—Рец. 1895. Ч. 300, июль, отд. II, стр. 260—262. (Книжные новости).

в) Нумизматика.

В. Рецензіи.

1714. Императорскій историческій музей имени Императора Александра III. Описаніе намятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 г. Москва 1896.—Рец. 1897. Ч. 312, августъ, отд. II, стр. 436. (Книжные новости).

г) ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ и ПУТЕШЕСТВИЯ.

А. Статьи.

1715. *Э. А. Вольтеръ*. Гдѣ искать землю Гальцанскую Ипатьевской глѣтиски? (Историко-географическая замѣтка).—1900. Ч. 329, май, отд. II, стр. 195—201.
1716. *Е. Ө. Каровій*. Новые труды по белорусской этнографіи (за 1895 годъ).—1896. Ч. 305, май, юнд. II, стр. 153—163.
1717. *Д. Ө. Кобеко*. Гдѣ находится

- уноминаемый въ лѣтописяхъ городъ Бездежь? — 1892. Ч. 284, ноябрь, отд. II, стр. 148—155.
1718. **Ө. Г. Мищенко.** Этнографія Россіи у Геродота. 1896. Ч. 305, май, отд. V, стр. 69—89.
1719. **Ө. Г. Мищенко.** Извѣстія Геродота о вѣд-скинскихъ земляхъ Россіи. — 1896. Ч. 308, декабрь, отд. V, стр. 103—124.
1720. **А. Л. Петровъ.** Записки по Угорской Русіи. — 1892. Ч. 279, февраль, отд. II, стр. 439—458.
1721. **А. А. Шахматовъ.** Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. — 1899. Ч. 322, апрѣль, отд. II, стр. 324—384.
- Б. Рецензіи.*
1722. Древнерусская картографія. Выпускъ I. — Планы города Москвы XVII вѣка. М. 1898. — Рец. 1899. Ч. 321, январь, отд. II, стр. 280—281. (Книжныя новости).
1723. Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ **А. З.** — чз. С.-Пб. 1897. — Рец. **Е. Ө. Карскаго.** 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 387—393.
1724. Милушинскіе и ачинскіе народцы. (Матеріалы для изслѣдованія). Статьи **А. А. Кузнецовой** и **Н. Е. Кулакова.** Красноярскъ 1898. — Рец. 1898. Ч. 318, июль, отд. II, стр. 238—239. (Книжныя новости).
1725. **Ф. Лобьсевичъ.** Киргизская степь Оренбургскаго Вѣдомства. (Очеркъ). Москва 1891. — Рец. 1892. Ч. 279, январь, отд. II, стр. 258—259. (Книжныя новости).
1726. По Студеному морю. Повѣдка на сѣверъ. Составилъ „Русскій Странникъ“ — „**Евгеній Львовъ.**“ Москва 1895. — Рец. 1895. Ч. 301, сентябрь, отд. III, стр. 6—7.
1727. **В. Н. Мамонтовъ.** Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманскъ: Съ приложеніемъ карты и таблицъ. Архангельскъ 1897. — Рец. 1898. Ч. 317, июль, отд. II, стр. 466—468. (Книжныя новости).
1728. **Н. Я. Никифоровскій.** Простонародныя прирѣты и повѣрья, сус-
- вѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. — Рец. 1897. Ч. 302, июль, отд. II, стр. 202—203. (Книжныя новости).
1729. Простонародныя прирѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собралъ въ Витебской Бѣлоруссіи **Н. Я. Никифоровскій.** Витебскъ 1897. — Рец. **Е. Ө. Карскаго.** 1897. Ч. 313, октябрь, отд. II, стр. 387—393.
1730. Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Составилъ **А. Сануновъ.** Витебскъ 1898. — Рец. 1898. Ч. 289, октябрь, отд. II, стр. 573—574. (Книжныя новости).
1731. **К. К. Служевскій.** По Сѣверо-Западу Россіи. Т. I. По Сѣверу Россіи. Т. II. По Западу Россіи. С.-Пб. 1898. — Рец. **И. В. 1898.** Ч. 316, мартъ, отд. II, стр. 216—227.
1732. **Сэра Томаса Смитъ.** Путешествіе и пребываніе въ Россіи. — Рец. 1894. Ч. 293, май, отд. II, стр. 251—252. (Книжныя новости).
1733. Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Т. I. Почтовое пошлѣе. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по официальнымъ даннымъ **Н. Н. Тьмачевъ.** Кіевъ 1897. — Рец. 1897. Ч. 311, июнь, отд. II, стр. 490—491. (Книжныя новости).

Содержаніе

ТРИСТА-СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(ноябрь и декабрь 1902 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

	Стр.
Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	51

Высочайшія повелѣнія.

1. (7-го іюня 1902 года). О передачѣ состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ обществъ ионеченія о народномъ образованіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія	3
2. (20-го іюля 1902 года). Объ утвержденіи особаго нагруднаго знака въ ознаменованіе усѣшнаго окончанія гмдуснаго измѣренія на Шницбергенѣ	—
3. (22-го іюня 1902 года). Объ учрежденіи при Воронежскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Возѣ почивающаго Императора Александра II.	51
4. (19-го августа 1902 года). О принятіи Императорскаго общества любителей древней письменности подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство.	52
5. (23-го августа 1902 года). О преобразованіи Пемировской женской прогимназіи въ гимназію.	—

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(10-го сентября 1902 года, № 79)	4
(20-го сентября 1902 года, № 82)	7
(20-го сентября 1902 года, № 83)	9
(27-го сентября 1902 года, № 84)	—
(30-го сентября 1902 года, № 85)	10
(7-го октября 1902 года, № 86)	52
(23-го октября 1902 года, № 86)	53
(29-го октября 1902 года, № 89)	—
(6-го ноября 1902 года, № 91)	54

Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

11

Комиссія по преобразованію вышнихъ учебныхъ заведеній.

12

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

1. (14-го сентября 1902 года, за № 25219). Циркулярное предложеніе министерства поочередно учебнымъ округамъ о производствѣ ремонтныхъ и строительно-ремонтныхъ работъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе лѣтнаго канікулярнаго времени. 22
2. (20-го сентября 1902 года, за № 25985). Циркулярное предложеніе министерства начальствамъ учебныхъ округовъ по вопросу объ устройствѣ дачъ для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. 23

Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

1. (9-го іюля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени поэта А. С. Пушкина при Керенскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ. 24
2. (10-го іюля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени протоіеря Николая Евфиміевича Соловьева при Мариинской женской гимназии въ Гельсингфорсѣ. 25
3. (11-го іюля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Александра Андреевича и Александры Борисовны Петровыхъ при Владимирскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ. 26
4. (26-го іюля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго

- Сергія Алексѣевича Вязова при Арзамасскомъ городскомъ четырех-классномъ училищѣ по положенію 81-го мая 1872 года . 27
5. (27-го іюля 1902 года). Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени кандидата правъ Николая Александровича Кропачева при Пермской женской прогимназіи . 28
6. (12-го августа 1902 года). Положеніе о стипендіи подь наименованіемъ: „Стипендіи воспитанницъ Саратовской женской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія выпуска 1902 года“ при означенной гимназіи 29
7. (15-го августа 1902 года). Положеніе о стипендіи имени потом-ственного почетнаго гражданина Петра Федоровича Александра при Переславской женской прогимназіи 30
8. (3-го декабря 1901 года). Положеніе о стипендіи имени Астраханскаго биржевого общества при Астраханскомъ реальномъ училищѣ, въ память увѣковѣченія 19-го февраля 1901 года,—сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости . 34
9. (28-го января 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ Максими-ліана Христіановича Гольфериха при Харьковскомъ реальномъ учи-лищѣ. 55
10. (28-го января 1902 года). Положеніе о стипендіи имени дѣй-ствительнаго статскаго совѣтника Геннадія Ільковича Потолова при Оренбургской мужской гимназіи . 55
11. (3-го апрѣля 1902 года). Положеніе о стипендіи при Ярослав-ской мужской гимназіи имени статскаго совѣтника Александра Копстан-тиновича Артамонова . 57
12. (22-го апрѣля 1902 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Юсіфа Викентьевича Рутковского при Псков-ской гимназіи . 58
13. (30-го апрѣля 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Александры Александровны Чуиной при Московской 5-ой мужской гимназіи 59
14. (19-го іюля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени почетныхъ гражданъ Іоанна и Іудиты Токаревыхъ при Красноярской мужской гимназіи —
15. (30-го іюля 1902 года). Правила пользованія процентами съ ка-питала въ 1030 р. 39 коп., завѣщаннаго Новгородсѣверской гимназіи умершимъ статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Петровичемъ Соломоко 60
16. (6-го августа 1902 года). Положеніе о стипендіи имени быв-шаго Архангельскаго губернскаго врачебнаго инспектора Івана Андре-евича Пликатуса при Архангельской мужской гимназіи 61
17. (16-го августа 1902 года). Положеніе о стипендіи имени поэта Михаила Васильевича Ломоносова при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ 62
18. (5-го сентября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени бы-лаго почетнаго члена Кіевского учебнаго округа, дѣйствительнаго тайнаго

совѣтника Владиміра Владиміровича Вельянинова-Зернова, при Тара- цаискомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ	88
19. (8-го сентября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени братьевъ Вудаговыхъ при Баканской Марининской женской гимназіи .	64
20. (19-го сентября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени умер- шаго Жыздринскаго уѣзднаго предводителя дворянства Николая Петро- вича Булгакова при Жыздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ.	65
21. (20-го сентября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени умер- шаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича Леонова при пансіонѣ Владимірской женской гимназіи .	66
Проектъ нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ по начальному образованію.	68
Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	70
Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	. 31 и 71
Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	. 39 и 80
Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и професіональ- ному образованію.	47
Открытіе и преобразование училищъ	48 и 90

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

М. Г. Попруженко. Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа	1
А. З. Месрианицъ. Армянскіе источники о смутномъ времени	35
И. А. Автамоловъ. Символика растений	. 46 и 243
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ.	. 102 и 362
П. Г. Васенко. Кто былъ авторомъ „Книги Степенной царскаго родословія“?	269
В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. У.	307

Критика и библиографія.

А. Л. Погодинъ. Записки о методѣ этнографіи	131
А. О. Эрманъ. <i>В. И. Модестовъ</i> . Введеніе въ римскую исторію. Часть первая. С.-Пб. 1902	159
Э. Р. фонъ-Штерль. <i>М. Мандесъ</i> . Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Одесса 1901.	198
С. А. Алексѣевъ. <i>Т. Липсъ</i> . Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго <i>Н. О. Лоссака</i> . С.-Пб. 1902	218
О. О. Соколовъ. <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Volumen IV. 1886. Edidit B. Latischew.</i> Petropoli 1901.	225
И. А. Шляпкинъ. Записка на отвѣтъ г. Перетца	231
І. М. Кулишеръ. <i>Г. О. Симоненко</i> . Политическая экономія въ ея повѣвшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900.	402
С. П. Шестаковъ. <i>C. Robert. Studien zur Hias mit Beiträgen von Fr. Vehtol.</i> Berlin 1901.	414
А. И. Соболевскій. <i>Д. Я. Самохвасовъ</i> . Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. Современное русское архивное устройство. Книга вторая. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1902.	438
С. О. Платоновъ. <i>И. Р. Гурляндъ</i> . Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902	443
Н. Ч. С. <i>Р. Алексѣевъ</i> . Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вѣковъ. С.-Пб. и Москва. 1902.	450
— Книжныя новости	235 и 454

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИ.

Наша учебная литература.

<i>М. Фостеръ</i> и <i>Л. Шоръ</i> . Физиологія для начинающихъ	1
<i>М. Мензбиръ</i> . Начальный курсъ зоологіи	4
<i>Т. Громовъ</i> . Первоначальныя понятія о теплотѣ съ пригѣрами изъ области техники	5
<i>И. И. Максимовичъ</i> . Дѣйпръ и его бассейны	11
<i>В. И. Голыковъ</i> . Методика естествовѣдѣнія	13
<i>Р. Д. Пономаревъ</i> . Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ	14
<i>С. Щербатовъ</i> . Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній	17
<i>Ч. А. Юнъ</i> . Уроки астрономіи	20
<i>К. Вайъ</i> . Исторія искусства	23

К. А. Ивановъ. Новая исторія	28
А. Н. Сальниковъ. Руководство къ отечественной исторіи .	29

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наша учебная заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1901 году	1
Э. Л. Радловъ. А. И. Смирновъ (некрологъ)	38
А. С. Фаминцынъ. Андрей Николаевичъ Бекетовъ (некрологъ) .	51
Н. М. Горбовъ. С. А. Рачинскій (некрологъ) .	67
П. Д. Погодинъ. Забѣтки о постановкѣ преподаванія въ высшей школѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. III—IV	108
А. Ѳ. Селлвановъ. К. П. Яновскій (некрологъ)	137
Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа	146
— 30 лѣтъ ученой дѣятельности барона В. Р. Розена	1

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

М. П. Крашенинниковъ. <i>Varia</i>	493 и 541
И. И. Холодникъ. Къ вопросу объ авторѣ <i>Arosolocypnosis'a</i>	586
И. Т. Къ толкованію одного „ <i>Graffito</i> “ съ острова Левки	591

Въ приложеніи.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1892 по 1900 годъ (л. 4--8)	49
---	----

Объявленія.	1—10
-------------	------

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1903 годъ

(14-й годъ издания)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Содержаніе октябрьской и ноябрьской книжки, имѣющей выйти 1-го декабря, слѣдующее: 1) Правительствоныя распоряженія; 2) Институтскія новости. *М. М. Ворополовой*; 3) Предстоящія реформы средней школы во Франціи. *И. Г. Мизгуевъ*; 4) Народныя бібліотеки и читальни въ Парижѣ. *А. Хакиной*; 5) Среднее и начальное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. *Н. В. Калининича*; 6) Периодъ новаго развитія въ антропологическомъ, педагогическомъ и социологическомъ отношеніи. *А. С. Виренуса*; 7) Вниманіе и интересъ при обученіи. (Окончаніе). *А. П. Анастасіева*; 8) О художественныхъ развлеченіяхъ дѣтей. *А. Н. Кремлева*; 9) Коллегіальныя почетельства при народныхъ училищахъ. *В. П. Вахтеровъ*; 10) Крестьянское населеніе и сельская школа. *Андрей Русановичъ*; 11) Сельская школа въ Новгородской губерніи къ началу двадцатаго вѣка. *А. М. Тютрюмовъ*; 12) Дѣятельность земствъ по народному образованію въ 1902 году. (Первая выставка по народному образованію). *И. П. Ефлюковскаго*; 13) Обученіе грамматикѣ русскаго языка. (Продолженіе). *М. А. Трошинкова*; 14) По поводу новой программы ариметики въ начальной школѣ. *Д. Г. Волковскаго*; 15) Съездъ дѣателей по сельскохозяйственному образованію въ январѣ 1902 года; 16) Критика и бібліографія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и бібліографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ бібліотекъ *Л. В. Абрамова*, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*, хроника профессиональнаго образованія *В. В. Бурюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, по менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой—7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—десять руб. въ годъ.

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министр. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Литовская ул., 1).

Редакторъ-издатель **М. Г. Буревичъ.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. П. КАРВАСНИКОВА:

Петербургъ: Литерный, 46; **Москва:** Моховая, домъ Баженова;
Варшава: Новый Свѣтъ, 69; **Вильна:** Большая ул., д. Гордона.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНИЯ

Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА:

Гуржесвъ, С. **Учебникъ математики.** (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Съ 202 полтинниками въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Основы общей механики. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. **Краткій курсъ естествовѣдѣнія.** Съ 231 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе одиннадцатое заново просмотрѣнное и дополненное *В. А. Гердомъ.* С.-Пб. 1901 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Его же. **Краткій курсъ всеобщей географіи.** Свѣдѣнія изъ математической и физической географіи съ краткимъ обзоромъ земного шара. Съ 19 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1889 г. Цѣна 25 к.

Его же. **Учебникъ географіи** (среднихъ учебныхъ заведеній). Часть I. Общій обзоръ земного шара. Съ 50 рисунками въ текстѣ. Изданіе 6-е, исправленное. С.-Пб. 1900 г. Цѣна 50 к.

Его же. Часть II и III. **Азія, Австралія, Полинезія, Африка и Америка.** Съ 12 рисунками въ текстѣ, изданіе 2-е. С.-Пб. 1899 г. Цѣна 1 р.

Его же. Часть IV. **Европа.** Съ 10 картами въ текстѣ. С.-Пб. 1889 г. Цѣна 75 к.

Бекетовъ, А. **Весѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ.** Изданіе 6-е, съ 18 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1895 г. Цѣна 50 к.

Гердъ, А. Я. **Міръ Возій.** Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. Пятое удешевленное изданіе, съ 42 рисунками. С.-Пб. 1901 г. Цѣна 25 к.

Роско (перев.). **Химія.** Съ 36-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго *М. А. Антоновича.* Изданіе 5-е, свѣренное съ послѣднимъ англійскимъ изданіемъ 1898 года. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 30 коп.

Гуржесвъ, С. **Прикладная механика.** Курсъ среднихъ техническихъ училищъ. Изданіе 3-е переработанное и дополненное. Съ 356 полтинниками въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. С.-Пб. 1900 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Открыта подписка на 1903 годъ.

XIV г.

НА ЖУРНАЛѢ

XIV г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, общественно-дѣянію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложеніе: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Авра (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, приватъ-доц. Я. А. Богининъ, Ю. А. Бунина, И. А. Бунинъ, И. П. Вьлюконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, Г. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Г. Ю. Винлеръ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, приватъ-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщиврачъ Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ершиловъ, д-ръ Д. Н. Жбанковъ, д-ръ Н. В. Завъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Кабуловъ, В. В. Каллашъ, проф. А. И. Кириичниковъ, проф. М. М. Ковалевскій, И. М. Красноперовъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. И. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Миревичъ, проф. О. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, проф. Д. Н. Овсянко-Бужиковскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. В. Сакунинъ, Д. Сатурнинъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, А. А. Стаховичъ, приватъ-доц. Е. Д. Сивинскій, Л. Д. Сиванскій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, д-ръ Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборгъ, прив.-доц. А. Н. Филипповъ, проф. А. О. Фортунатовъ, прив.-доц. А. С. Хадхановъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолуцскій, вв. Д. И. Шаховской, В. И. Шенрокъ, А. А. Штеверъ, Ф. А. Эрихъ, проф. Ф. Ф. Эрншманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Лядулъ, лед. И. И. Ляжулъ и многіе др.

Журналъ доуцетъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ, среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для безплатныхъ народныхъ читателей.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналы не выходятъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшится на 1 р.

Подписка принимается: въ которъ редакціи (Москва, Арбатъ, Стара-Домошнинъ пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

1—2

„ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

43-й годъ
изд.

въ 1903 году

43-й годъ
изд.

ЖУРНАЛЪ

посвященъ изслѣдованіямъ и разработкѣ равныхъ вопросовъ по русскому языку, литературѣ и вообще по сравнительному языковеденію и славянскимъ нарѣчіямъ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ приобретенію въ фундаментальныя библиотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ завед., 2) Главнымъ Управ. Военно-учебн. завед. для библиотекъ Кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библиотекъ учебныхъ завед. сего Вѣдом., 4) Ученымъ Комит. при Св. Синодѣ для библиотекъ Духовныхъ Семинарій и Училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библиотекъ Коммерческихъ Училищъ. На первой Всероссийской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1896 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ почетный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ «Филол. Зап.», вступая въ 43-й годъ своего существованія и 5-й годъ изданія подъ новой редакціей, попрежнему будетъ вѣрять своимъ задачамъ, будетъ преслѣдовать цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, — быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботливымъ объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала «Филол. Зап.» открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія роднаго языка. Обмѣнъ мнѣній между преподавателями въ специальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ — великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Журналъ «Филол. Зап.» выходитъ безсрочными выпусками шесть разъ въ годъ, не менѣе 8—9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16—18 листовъ.

Въ будущемъ 1903 году издательницами «Филологическихъ Записокъ» будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы выпуски журнала выходили своевременно, безъ опаздыванія.

ЦѢНА годовому изданію 3 р. безъ пересылки, 3 р. съ перес., за границу 5 р. съ пер. Для гг. преподавателей уступка — 1 р.

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ журнала «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

*При этой книгѣ прилагаются объявленія товарищества
„Проводникъ“ и объ изданіяхъ Я. Г. Гуревича.*

Въ Сенатской Типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМІЯСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ
МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Цѣна 25 коп.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него, составленный на основаніи ст. 10 Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ.

Цѣна 50 коп., съ перенлетѣ 65 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

(27 мая 1902 года)

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

Цѣна 50 коп.

ПРАВИЛА

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Цѣна 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженіе
 Министра Финансовъ о приѣмѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможен-
 ныхъ учреждений, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна 50 коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отиѣнѣ ссылки на жительство и огра-
 ниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ обществен-
 нымъ. — II. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Со-
 вѣта объ отиѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о
 замѣнѣ ссылки на поселеніе и жительство другими наказаніями.

Цѣна 15 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ
 объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній отне-
 сительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ
 компаній, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна 30 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна 30 коп.

**ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ ПОРТО-
 ВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПРИ-
 МОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.**

Цѣна 75 коп.

Высочайше утвержденныя правила и Инструкція Министра
 Финансовъ о фруктово-и виноградоводочномъ и коньячномъ
 производствѣ.

Цѣна 75 коп.

ПРАВИЛА ДЛЯ ФОНДОВАГО ОТДѢЛА

ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.

Цѣна 15 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

Цѣна 50 коп.

ЗАКОНЪ

ОБЪ УТВЕРЖДЕНІИ ВРЕМЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ ПО ОБЕСПЕЧЕНІЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Цѣна 50 коп.

Цѣны брошюръ обозначены съ пересылкою.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна 1 руб. сер.

СБОРНИКЪ

ЦИРКУЛЯРНЫХЪ УКАЗОВЪ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ,

Общаго оныхъ Собранія и Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Имп. Сената съ 1868—1890 г.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДЕЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I и II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВЯТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

СОСТАВИЛЪ ОВЕРЬ-СЕКРЕТАРЬ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВЯТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА *Н. П. Быстровъ.*

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями просить обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Нового Времени“ (Невскій проспектъ, № 40) и Воляга (Истинный Дворъ, № 19) и Контору Редакціи газеты „Право“ (Дмитровскій пер., № 6).

Въ Сенатской Типографіи принимаются частныя заказы на всякаго рода печатныя и переплетныя работы.

Сенатская Типографія не высылаетъ изданій съ положеннымъ платежомъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о взносѣ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобретать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ.

Л. А. Ивановъ. Новая исторія .	28
А. П. Сальниковъ. Руководство къ отечественной исторіи .	29

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. М. Горбовъ. О. А. Рачинскій	87
П. Д. Погодинъ. Записка о постановкѣ преподаванія въ высшей школѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. III—IV	108
А. Ф. Селівановъ. К. П. Яковскій (некрологъ)	137
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	140
— 30 лѣтъ ученой дѣятельности барона В. Р. Розена.	157

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. <i>Varia</i> (продолженіе)	541
И. И. Холодникъ. Къ вопросу объ авторѣ <i>Arceolocustosis'a</i>	588
И. Т. Къ толкованію одного „Graffito“ съ острова Лезки .	591.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1892 по 1900 годъ (лх. 7 и 8) .	87
---	----

О В Ъ Я В Л Е Н І Я . 7

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Въмшля 1-го декабря).

— 222 —

